ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

Армагеддон был вчера

ЛЕГАТЫ ПЕЧАТЕЙ

ЭКСМО

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЛЕГАТЫ ПЕЧАТЕЙ

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

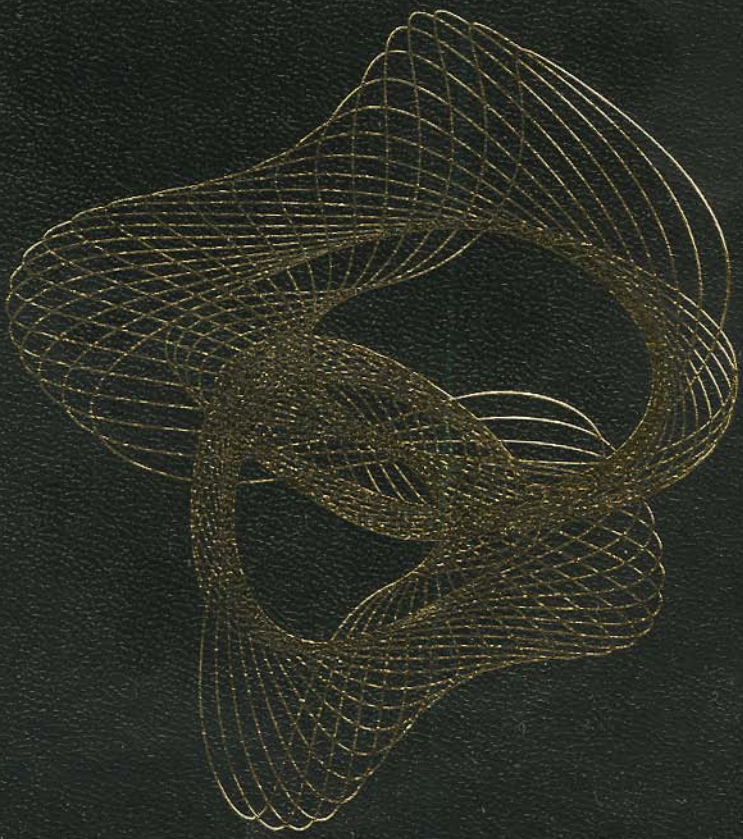
ТИРМЕН

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ЛЕГАТЫ ПЕЧАТЕЙ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ЛЕГАТЫ ПЕЧАТЕЙ

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

ТИРМЕН

Эксмо, Москва
2007

УДК 82-312 9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-53

Оформление серии *Е Савченко*

Серия основана в 2003 году

Олди Г. Л., Валентинов А.

О-53 Легаты печатей Фантастические романы / Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов — М Эксмо, 2007 — 960 с — (Шедевры отечественной фантастики)

ISBN 978-5-699-20754-1

Белые буквы барашками бегут по голубизне экрана, врываются в городскую квартиру архары спецназовцы ловят убиц Первач-псы они же «Егорьева стая› они же «психоз святого Георгия» дымятся на газовых конфорках-«алтарках› приношения утопцам и исчезникам и звучит в эфире срывающийся вопль «Всем! Всем кто нас слышит! Мы — Город, мы гибнем! »

До конца XX века оставалось меньше шести лет, когда они встретились в парковом тире Мальчишка-школьник бежал от преследовании шпаны старик-тирщик ожидал прихода «хомячков» местного авторитета Кто они, эти двое, — торговцы расстрельными услугами стрелки без промаха и упрека? Опоры великого царства, знающие что не все на этом свете исчислено взвешено и разделено?! Они — тирмены Рыцари Великои Дамы Но об этом не стоит говорить вслух, иначе люстра в кафе может рухнуть прямо на ваш столик

Удивительное соавторство Г Л Олди и А Валентинова — и два удивительных романа — «Нам здесь жить» и «Тирмен», две истории одного города, где играют в пятнашки быль и небыль

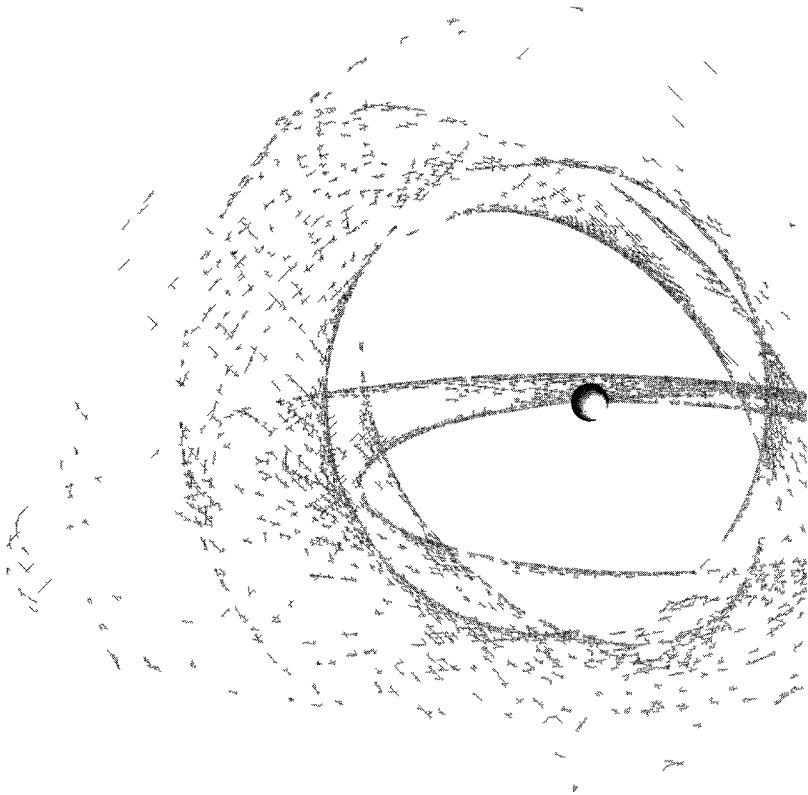
УДК 82-312 9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-20754-1

© Олди Г. Л., Валентинов А , 2007
© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2007

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

РОМАН

Миру — мир!
(из лозунгов)

ПРОЛОГ

Выстрелы только что отгремели. Негромкие, больше похожие на хлопки, они никого не напугали — в пустом, зияющем выбитыми окнами городе почти не осталось людей.

Живых.

Живые уходили на юг — пешком, цепляясь за поручни автобусов, держась за борта буксующих в ранней мартовской распутице грузовиков Люди еще не знали, не успели понять, что сила, убивавшая Город вакуумными бомбами, сжигавшая его термитными снарядами, сгинула сама, превратясь в черную спекшуюся гарь и оплавленный металлолом.

Город — дома, кварталы, улицы — уцелел. Земля выстояла. Не выдержало небо, но живых, способных увидеть это, отучили смотреть вверх с праздным любопытством, а мертвым небо было уже ни к чему.

Здесь, на огромном, заваленном обезображенными обломками пустыре, погибли еще не все. Бензин, вылившийся из разорванного в клочья вертолетного бака, догорал, оставляя после себя липкую жирную грязь. В этой грязи тонули ошметки изувеченных человеческих тел и бесполезного, изуродованного оружия. Холод весеннего воздуха вместо привычного запаха огурцов, каким славится март, был отравлен вонью бензина и приторным духом сгоревшей плоти.

Те, кто еще не погиб, стояли лицом к лицу. Худая усталая женщина в модном пальто, невысокий широкоплечий мужчина лет тридцати пяти и несуразный парень в старой куртке и тапочках на босу ногу.

Женщина упала первой. Она была ранена в грудь, но на дорогой темной ткани кровь проступила не сразу. Только когда

первые капли упали на чудом уцелевший островок ноздреватого снега, стало ясно: пуля, посланная широкоплечим, не прошла мимо.

Хотя, видит Бог, широкоплечий очень хотел этого.

Несуразный парень в тапочках до сих пор стоял, хотя по грязной майке, поверх которой была поспешно накинута старая куртка, вовсю расплывалось кровавое пятно. Дрожащая рука сжимала стопку испачканных принтерной краской листков. Их было много — целая кипа. Раненый упорно не хотел падать, и в его пустых, похожих на провалы окон, глазах не отражалось ничего.

Ни боли, ни страха.

Тот, кто стрелял, явно ожидал другого. Пистолет с навинченным на ствол глушителем дрогнул, опустился вниз.

— Стрела! Р-ради Бога! Стрела!..

На моложавом, красивом лице широкоплечего странно смотрелись глаза: серые, блеклые, словно потерявшие цвет. Глаза старика. Только что в них полновластно царил охотничий азарт, теперь же во взгляде мужчины сквозил ужас.

— Ирина! Господи, Ирина!..

Широкоплечий склонился над женщиной, коснулся окровавленной ткани, застонал. Затем, резко выпрямившись, шагнул к тому, кто упорно не желал падать.

В сером волчьем взгляде вспыхнула ненависть.

— Т-ты, гад, это из-за тебя!.. Сволочь, п-подонок!

И тут заговорила женщина. Бледное, искаженное болью лицо дрогнуло, шевельнулись бесцветные губы:

— Не надо, Игорь! Пожалуйста! Не надо!

Шепот прозвучал еле слышно. Трудно сказать, услыхал ли его широкоплечий. Рука с пистолетом чуть заметно дернулась, палец лег на спуск...

И вновь выстрел был похож на хлопок, на одинокий хлопок, сорвавшийся с галерки. Они упали одновременно — широкоплечий с волчьими глазами и парень в тапочках на босу ногу. Бумажный листок, бабочкой отделившись от пачки, на секунду завис в воздухе и мягко лег в грязь рядом.

Женщина застонала и опустила руку с «браунингом».

Никто не звал на помощь — звать было некого.

И каждый умирал в одиночку.

Смерть не спешила. Женщина была еще жива и даже пыталась поднять голову, но на большее сил не хватило. Нелепый парень оказался удачливее — он сумел приподняться, стать на

колени, но не удержался и вновь упал на островок грязного снега. Упал, выгнулся раздавленным червем — и пополз, время от времени надрывно охая. Пальцы намертво вцепились в бумагу, словно эти листки, испачканные принтерной краской, были самым важным, что оставалось в его жизни.

Парень полз.

Но, странное дело! — не обратно к дому, а вперед, вперед, к догоравшим обломкам деревянного сарая. Снежный островок кончился, и под локтями у раненого чавкала липкая, пахнущая бензином жижа.

Он полз долго, замирая, опуская лицо прямо в горячий пепел. Наконец руки ткнулись в блеклое пламя. Парень застонал, попытался отодвинуться, но не смог. Медленно-медленно разжались окровавленные пальцы. Стопка бессмысленной бумаги легла в грязь.

Дрожащая рука с трудом подняла первый листок. Пламя жадно облизало бумагу, на миг став ярким, почти кумачовым. Затем в огонь вместе с рукой, упавшей под тяжестью, легло все остальное. Бумага занялась с краев, потемнела, обуглилась...

Парень умирал. Испачканное грязью и кровью лицо на какое-то мгновенье ожило, скривилось в жалком подобии улыбки, чтобы секундой позже ткнуться в землю.

На пустыре воцарилась тишина.

Надолго.

Почти навечно.

Но вот послышался еле различимый стон.

Женщина в модном пальто зашевелилась, ее рука протянулась вперед, к лежащему поодаль листку бумаги. Последнему, оброненному парнем; к глупой бабочке, не дождавшейся лета. Пальцы не слушались, хватали пустоту. Наконец рука дотянулась, сжала, скомкала бумагу — и замерла.

Та, что не хотела умирать, в последний раз взглянула вверх, на странное, непривычное небо, широко рассеченное золотой полосой. Белые губы беззвучно шевельнулись, словно в мире еще была сила, способная помочь умирающей в этот бесконечный миг ее ухода.

Шевельнулись — и застыли.

Остыли.

Пальцы разжались.

Листок, выпущенный на свободу, дернулся и, гонимый толчками легкого холодного ветра, заскользил по грязи. Его несло вперед, туда, где догорали обломки сарая, где порхал пе-

пел его собратьев, — прямо в пламя, упрямо ждавшее свою законную добычу. Однако внезапный порыв у самой черты огненного погребения отбросил листок в сторону, прижал к земле, как будто неведомая сила не пускала, не желала предать остаток жертвы огню.

Листок лежал, чуть подрагивая на ветру; ждал, пока где-то там, над разорванной голубизной неба, решалась его судьба.

Он ждал, и огонь ждал, и небо застыло в ожидании.

Уходящее солнце мимоходом осветило мятую, забрызганную грязью и кровью бумагу. Осветило — и отшатнулось, уйдя за кровли полуразрушенных пустых домов.

Листок вновь дрогнул, настойчиво пытаясь оторваться от земли, но не смог, словно тяжесть букв навечно придавила его к обезображенной тверди.

Еще раз.

Еще.

Мелкий черный шрифт, ровная строка заголовка — и поверх корявая надпись от руки. Пляшущие буквы, почти неразличимые в сиреневых предзакатных сумерках марта:

НАМ... ЗДЕСЬ... ЖИТЬ...

На шаткой границе огня и грязи.

Книга первая

АРМАГЕДДОН БЫЛ ВЧЕРА

LXXXVI. Чтоб больной, которому нет надежды выздороветь, который мучится сам и в тягость другим, скорее скончался.

1. Рекомендовано молиться Преподобному Афанасию Афонскому (1000. 18 июля). Такую молитву Афанасий приносил каждый раз, когда предвидел, что больной не выздоровеет, а умрет. Тогда преподобный служил всенощное бдение, и к утру больного уже не было в живых. (Молит. 152-а).

Сборник молитвословий, издательство «Либрис», Москва, 1995 год, по благословению настоятеля Иоанно-Златоустовской церкви; тираж не указан.

Часть первая

ПРОЖЖЕННЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ, или Откройте пещеры невнятным сезамом

Среда, одиннадцатое февраля

Мы с Овидием обижаем Ерпалыча * Перцовый пластырь для души * Кенты и жорики * Тайны портянок деда Житня * Вперед, спасатели! * Люди в белых халатах * Был схвачен я ужасом бледным

1

Городское неугомонное утро вступало за окном в свои права, свет в очередной раз победил тьму и был этим весьма доволен, а я лежал под одеялом, не раскрывая глаз, и повторял один

малоизвестный подвиг Геракла — это когда еще совсем юному герою якобы пришлось выбирать между Добродетелью и Пороком, явившимися ему на перепутьях Киферона.

Порок, обольстительно усмехаясь, убеждал меня, что на дворе зима (и это правда), а под одеялом вечное лето (это тоже правда), и я вполне могу встать через час, а то и через два (чистая правда!), и так далее, и тому подобное, одна правда, только правда и ничего, кроме правды.

Добродетель же возводила руки к потолку, заменявшему небо, и безмолвно бичевала Порок, причем так скучно и неубедительно, что я — ну не Геракл я, каюсь! — повернулся к ней отнюдь не самой добродетельной частью тела и опять заснул.

Снилась мне какая-то дрянь.

Будто иду я по нашему переулку, иду себе и иду, собираюсь свернуть на Павловку — а навстречу мне шлепает старик Ерпалыч, псих наш местный. Через подъезд от меня живет, на третьем этаже, как и я. Дядька он безобидный, денег никогда не клянчит, а если и разживется где гривной-другой, так тут же конфет на них накупит и в почтовые ящики накидает.

Пацанам.

Короче, сближаемся мы с Ерпалычем, а я дивлюсь: форма на нем служивого-жорика, полушубок из казенной овчины, шапка-ушанка с Победоносцем на кокарде, пояс наборный с латунными бляхами, табельный палаш по уставу слева от пряжки, кобура с пистолетом прям-таки в бок вросла...

— Ерпалыч, ты чего? — спрашиваю.

— Ничего, — отвечает. — А вы, Олег Авраамович, чего? В редакцию за авансом собрались?

Какой я ему Олег Авраамович?! Алик я ему...

— Слышь, Ерпалыч, — говорю, а сам чую, что не то говорю, — дай из пистолета стрельнуть!

— Не дам, — отвечает Ерпалыч. — Во сне из пистолетов стрелять не положено.

— Ладно, — соглашаюсь я. — А наяву положено?

Что-то он мне ответил, только не запомнил я, потому как проснулся.

И встал сразу.

Уж больно мне сон про Ерпалыча в форме не понравился.

Умываться холодной водой не хотелось, а газовая колонка упрямилась, наотрез отказываясь воспылать — ее не устраивал напор воды в трубах. Проклятия и физическое воздействие результата не возымели, так что пришлось, стеная, тащиться на кухню, ставить в красном углу одноразовую иконку св. Никиты

Новгородского, а после еще и возлагать на жертвенную конфорку-«алтарку» кусок сдобной ватрушки с творогом и изюмом (просвиры у меня вчера закончились). Для пущей убедительности я вдобавок, когда возжег огонь, капнул постным маслом каплю на плиту, каплю на пол и две капли в кухонную раковину-мойку.

Ватрушка горела плохо, с дымом и чадом. Я полез на подоконник и, уже распахивая форточку, услышал за спиной бульканье, сдавленное оханье в стояке и счастливое гуденье заработавшей колонки.

Лик Никиты потемнел, полиграфический глянец брызнул во все стороны сетью морщин-трещинок, как бывает всегда при удавшемся молении; и еще подумалось мимоходом — надо бы забежать в соборный ларек, запастись образками на будущее.

— Ура! — завопил я, спрыгивая на пол. — Аллилуйя!

И побежал умываться.

Водя бритвой по щекам, я придумал четыре строчки:

Откройте пещеры
невнятным сезамом;
о вы, лицемеры,
взгляните в глаза нам!

Все. Больше не придумалось. Вернувшись в комнату, я записал этот бред на обрывке газеты и сунул в рабочий блокнот.

На всякий случай.

Рядом с блокнотом валялся эскиз обложки к третьему переизданию моей книги. Его мне вчера всучили для домашнего просмотра в местном издательстве «Эйпус-Грамм». Заковыристое имечко досталось бедолагам-издателям от предыдущих владельцев, никто не мог выяснить, что сей «Эйпус...» означает хоть на каком-нибудь языке — а вот поди ж ты, прижилось!

Можем, когда хотим.

Откинув злобно шуршащую кальку, я лишний раз полюбовался, как на фоне закатного солнца бородатый имбецил страдает зоофилией. Вкупе с крупным рогатым скотом ярославской породы. Им обоим на головы сыпались угловатые буквы из пористого кирпича, отскакивая и образуя заголовок.

«Бык в Лабиринте».

Мое же старое, самое первое название, которое я в очередной раз титанически пытался пробить в печать — «Люди, боги и я», — редакцию не устраивало категорически.

Читатель, видите ли, не купит, а купит, так обидится...

Я еле сдержался, чтоб не сунуть проклятый лист в пламя жертвенной конфорки — вот уж не знаю, кого подобное приношение устроило бы?! — и сел за стол, раздумывая над вариантами завтрака: яичница простая или яичница модифицированная, с майонезом?

Так и не придя к окончательному выводу, я вспомнил, что в районной поликлинике у врача-окулиста вчера должен был состояться розыгрыш лотерейного молебна Гурию и Варсонофию, Казанским чудотворцам. Надо бы заглянуть, справиться о результатах. До чертиков надоело очки носить, от контактных линз у меня воспаление, а на персональный молебен я денег сроду не наскребу. Конечно, рассчитывать влететь в «трех праведников из тысячи» не слишком умно, но что делать? Так, яичница доедена, несмотря на отсутствие окончательных выводов, билет с двойным профилем Гурия-Варсонофия в кармане, теперь оденемся потеплее и шарф запахнем по-маминому...

Вот.

Короткий взгляд на стенной календарь сообщил мне: сегодня рекомендуется из энвольтования, изготовления пентаклей и иных действий того же рода следующее — стричь ногти, чтоб не слоились, лечить нестоячку и доить свинью для здоровья.

Благополучный день, короче.

Через десять минут я уже шел по Пушкинской, изо всех сил стараясь не поскользнуться. Время было светлое, центр города, согласно уверениям стариков вроде Ерпалыча, и задолго до Большой Игрушечной войны считался местом тихим и безопасным, так что газовый баллончик я брать не стал и ничего такого брать не стал, кроме бумажника, ключей и постоянного билета на все виды транспорта.

Странное дело: на момент катастрофы я имел честь уже заканчивать первый курс института — стало быть, прекрасно должен был помнить и предыдущие времена (согласно традициям, старые и добрые). А вот не сохранилось; так, обрывки, эпизоды... ветошь. Шухер помню, разруху помню, восстановление помню — нас, студиозусов, аборигенов Бурсацкого спуска, тогда гоняли на стройработы и крестные хода чаще, чем на лекции. Зато счастливая пора детства благополучно выветрилась из памяти. Бывает: один по пьяни все стрельбу из любимой рогатки вспоминает, другой об институтских пьянках балабонит, третий про службу, четвертый про баб, пятый все на будущее загадывает...

Выборочная амнезия, однако. Говорят, у моих сверстников-

земляков у всех так... последствия катастрофы, влияние потрясения на неокрепшую психику.

Эх, ать-два, не тужи, завей память веревочкой!

Выворачиваем на улицу, идем, шевелим ногами...

Только далеко я не ушел. Потому что встретил — кого б вы думали? — кого б вы ни думали, а встретил я нашего реликтового друга Ерпалыча. Возле кинотеатра, рядом с афишей фильма «Икар и Дедал», на которой были изображены двое мужчин резко выраженного гомосексуального типа с крыльями. Один из них пикировал на другого с вожделением во взоре, а жертва летела вниз головой, с тоской косясь на злополучного Ерпалыча.

Зря, в общем-то, косился — уж чего-чего, а сочувствия он не дождался. Наоборот, Ерпалыч прямо-таки брызгал слюной на ворот своего знаменитого кожуха из тибетской далай-ламы, и каждый волос встопорщенной бороденки старика излучал негодование.

— Рукоблуды! — бушевал Ерпалыч. — Художнички хреновы! Мазилы-изобразилы! Руки-ноги за такую афишу! Кисть по самые гланды! Холстом по морде!..

Народ вокруг вяло толпился и подначивал Ерпалыча на новые словесные подвиги. Пора было вмешиваться — пусть старого ругателя в нашем районе каждая собака знает, и ни один служивый сроду не потянет Ерпалыча в кутузку, и по шее ему никто не даст, а кто даст, того живо пьянчужки местные вразумят... Не в этом дело. Просто после таких выступлений Ерпалыч на скамеечке часа два отходит, воздух ртом хватает, сердобольные бабульки его чаем из термоса отпаивают, с валерьянкой пополам. А однажды, когда Ерпалыча в нашем дворе приступ трепал и вокруг никого, кроме нас, растерявшихся студентов-третьекурсников, так помню я: Тот из стены вышел. Мы врассыпную, а Тот подошел вперевалочку и лапу корявую Ерпалычу на лоб положил. Враз старика отпустило, а Тот-исчезник постоял минутку и опять в стену спрятался.

Мы тогда еще тряслись, что он Ерпалыча с собой заберет; кукиши ему издалека крутили, как полагается, хотели штаны спустить да голые задницы показать для умиротворения... не успели.

Так обошлось...

Раздвинул я толпу, послал кого надо куда надо и беру Ерпалыча за плечи. Худой он оказался, чисто скелет в кожухе! — а пошел сразу, словно ждал, что его кто-то увести отсюда должен.

— Пошли, Ерпалыч, — говорю, а сам с ним уже за угол сво-

рачиваю, — чего зря разоряешься?! Мужик ты у нас грозный, это все знают, а что Икар на афише рожей не вышел, так это нам без разницы, ты только поскальзываться не вздумай, у меня у самого ботинки скользкие, не удержу я тебя, Ерпалыч...

— Алик, — бормочет старик мне в ухо, — вы же умный парень, Алик, вы же книжки пишете... это же символ, Алик, нельзя же так!.. Опасно это, Алик, а у нас вдесятеро опаснее...

— Нельзя, — соглашаюсь. — Никак нельзя и даже опасно, ни к чему символ поганить, крылья ему косо пририсовывать... да ты ноги-то переставляй! У меня крыльев нету...

Он тут как вцепится в меня, как тряхнет! Ну, думаю, здоров старик — а он чуть ли не хрипит:

— Нету! Нету крыльев! Нету и никогда не было! Не было крыльев! Не было!..

Я руки его костлявые от себя отрываю, соседям киваю — все в порядке, мол, сам справлюсь!

В первый раз, что ли?!

— Как это, — отвечаю, — крыльев не было?! Ты, — отвечаю, — Ерпалыч, говори, да не заговаривайся! Любой дурак знает: Дедал крылья изобрел, себе и сыну Икару присобачил, потом улетели вместе... Ты чего, Ерпалыч?

Говорю, а сам себя полным кретином чувствую: на улице, в снегу по уши с Ерпалычем о крыльях Дедаловых спорю! Кому сказать — не поверят!

— Дурак-то знает! — кричит Ерпалыч. — Дурак знает, потому что он — дурак! Не было крыльев, Алик! Это не Дедал крылья придумал — это ты ему их придумал! Ты да Овидий! Вот вам!

Завелся я.

Не выдержал.

— Какой Овидий?! При чем тут Овидий?! Тоже мне, нашел виноватых — меня с Овидием! Делать нам с Овидием больше нечего — крылья твоему Дедалу придумывать!

— Не было крыльев! — У Ерпалыча аж опять слюна на воротник клочковатый потекла. — Не было! Парус был, Алик! Парус! Парус он изобрел, косой парус для маленьких суденышек! И на двух парусных лодках ушел вместе с сыном с Крита! А гребной флот Миноса не догнал их! Вот, выкусите!.. Дураки вы с Овидием! Дураки! Афиши вам рисовать!

Вот тут я ему и поверил.

Считайте меня кем угодно, плюйте мне в лицо — поверил. Стоят два психа на улице, снег метет, век на дворе даже стыдно сказать какой — а я Ерпалыча за пуговицу беру и нежно так:

— Пошли, старик, ко мне в гости. Чайку выпьем...

— Нет, — шепчет Ерпалыч, а сам зимний-зимний такой, белеет просто на глазах, — пойдемте, Алик, лучше ко мне. И еще... у вас деньги есть, Алик?

— Есть, — говорю. — Деньги есть. Сейчас я на угол в магазин сбегаю... ты домой иди, а я мигом...

2

За водкой я ходил неожиданно долго. Дело, в общем, не в водке — две бутылки перцовки я взял сразу, на углу, как и собирался. Сначала хотел выпендриться, «Менделейки» купить: дорогущей, с голограммой самого Преподобного Димитрия на этикетке, при нимбе, бороде и улыбке архипастырской. «Менделейка» у нас в основном идет на экспорт, за бугор; но спасибо родному ликероводочному! — и о своих земляках печется, не забывает. Впрочем, почти сразу я устыдился тщеславия суетного, решил не выпячивать грудь и взял перцовой «Олдевки», посчитав из каких-то соображений, что Ерпалыч должен любить именно крутые напитки, пусть даже и с утра. Собственно, это даже не перцовка, а жгучий бальзам о семнадцати компонентах («Семнадцать мгновений весны» — шутили любители), но и собственно перца там — то ли пять, то ли шесть видов, включая экзотический *«Chilli-Black»*.

Задержка же у меня вышла близ фонтана, не работающего с осени и по самый парапет заваленного слипшимся снегом. Остановился я, стою, в каждой руке по бутылке, и думаю: куда зимой водяница из фонтана девается? Очень уж меня вопрос такой волновал, когда я еще в институте учился и с лекций бегал пиво во дворах пить, под *«молитву об отроке неудобоучащемся»*. Потом забылось как-то, а сейчас вот опять приспичило.

Дружок мой, Ритка (его родители от большого ума Ричардом назвали, Ричардом Родионовичем, чтоб жизнь малиной не казалась, а мы все — Ритка да Ритка), который сейчас в жориках, старший сержант патруля — тот, помню, любил к работягам из горводтреста цепляться, когда они фонтан ремонтировать приходили. Он цеплялся, а они его посылали. Я давно заметил — Тех-ники, особенно дипломированные, если по долгу службы с Теми напрямую работают, а не просто так, по схеме «моление — воздаяние», очень не любят об этом деле лясы точить. «Они, мол, Те, а мы — Эти». И все. Вали, парень, отсюда, а то по шее схлопочешь.

Отца я вдруг своего вспомнил. Ни с того ни с сего. Как сиде-

ли мы с ним на кухне перед самым его отъездом в Штаты, коньяк «Ахтамар» лимоном заедали, а я его спрашивал: «Пап, а до Большой Игрушечной — были Те или нет?» Отец морщился, глядел в рюмку, цедру лимонную без сахара жевал... «А шут их знает», — отвечал. «Ну ты же должен помнить!» — «Должен. Должен, Алик... А вот не помню. Кажется, были, только мы еще не понимали, что они — Те. Нам, людям, все лишь бы свалить на кого... Вот и валили — на барабашек, на полтергейсты, на пришельцев, на маньяков, в конце концов! Ты знаешь, Алик, незадолго до Большой Игрушечной — ты тогда совсем пацаном был — паром «Эстония» затонул. Странно как-то затонул: еще все по телевизору удивлялись, что огромное плавсредство, тыщи человек народа, спассистемы мирового уровня — и даже пискнуть не успели! Никто, по-моему, не спасся... Потом чуть ли не полпарома в двадцати километрах от места гибели нашли, будто рванул кто-то «Эстонию» со зла! Тоже после свалили на погоду и невыясненные обстоятельства... Давай лучше еще по одной тяпнем, а?.. Ты только к маме на могилку захаживай, не забывай...»

И, под фортепьянный наигрыш, глядя мимо клавиш блестящими глазами:

Запах акации, шум ребятни,
Мягкий и тихий за окнами свет,
Звуки курантов (хотя без пяти!),
Мучает скрипку мальчишка-сосед,

В кухне жара; недочитанный том,
Краски и кисть в беспорядке лежат.
Все это, все это, все это — дом,
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...

Может, зря я тогда с тобой не поехал, папа? Пашку ты таки увез, Павла свет Авраамовича, потому что Авраамович и потому что в тринадцать лет право голоса куцее... Глядишь, и мне за океаном прилепиться удалось бы? Мыл бы сейчас посуду в детройтских кафешках или куковал на вашем островке близ южнокаролинского побережья, пил бы виски да акул считал, и знать не знал козла-редактора, и не снились бы мне по ночам пасквили в «Независимой Газете» — дескать, автор небезызвестного «Быка в Лабиринте» вознамерился выехать одновременно на «умняке» и дешевой забойности, а поскольку в одну телегу впрячь не можно, особенно учитывая, что истинный талант по гроб жизни обязан быть голодным и остервенелым...

Он для кого-то небросок и прост,
Черточки-годы на краске ворот —
Это мальчишкой я мерил свой рост,
Вырос, и вот — от ворот поворот.

Дождь еле слышно шуршит за окном,
Капли на листьях, как слезы, дрожат.
Все это, все это, все это — дом,
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...[1]

Ладно, хватит рефлексировать, пора «Олдевку» пить!

И я пошел пить ее, родимую. Шагов через двадцать ноги у меня поехали в разные стороны, я чудом извернулся, спасая бутылки, — и краем глаза увидел у фонтана босую девушку в легком платьице, глядящую мне вслед с каким-то неприятным сочувствием. Снег падал на золотистые волосы, на хрупкие, почти детские плечи, превращая Ту в стройного снеговика, я невольно передернулся, глядя на это незамерзающее чудо, а потом водяница шагнула в фонтан и исчезла, а я вздрогнул и побежал к Ерпалычу.

Никуда она, оказывается, не девается, даже если фонтан зимой и не работает! Вот ведь как...

3

...Нет, все-таки он — псих. А то я вдруг начал в этом сомневаться.

Поначалу все было просто: Ерпалыч сидел в дряхлом плетеном кресле, скособочившись и тяжело дыша, а я суетился вокруг журнального столика с исцарапанной инкрустацией, раскладывая на этом антиквариате нарезанное ломтиками сало и бутерброды с рыбой-шпротой. Или с рыбом-шпротом; кому как больше нравится. Закуску я принес с собой из дому — спохватился-таки по дороге — и правильно сделал, потому что Ерпалыч явно питался воздухом. Рюмки у него были свои, но все разные, так что я подбирал их по размеру, а эстетику пришлось отодвинуть в сторону. После я разлил перцовый бальзам, плеснул немного на порог — квартирнику...

[1] Здесь и далее «Дом, из которого я не хотел уезжать» — стихи С Ладыженского

И тут Ерпалыч вдруг бодро вскочил, кинулся к стоявшему в углу на футляре от швейной машинки магнитофону (катушечный «Садко», динозавр вымерший!) и запустил, мягко выражаясь, музыку.

Трудно понять, как Ерпалычу удалось дожить до старости, слушая сей выкидыш муз. В магнитофонных динамиках звенело, топало, через неправильные промежутки времени раздавался лязг и молодецкие выкрики; я машинально проглотил перцовку, даже не заметив вкуса, и уставился на счастливого Ерпалыча, цедящего свою порцию мелкими глоточками (что само по себе было ненормально).

— Что это, Ерпалыч? — прохрипел я.

Не думаю, что он меня услышал — скорее, по губам догадался.

— «Куреты» это, Алик. — Ерпалыч придвинулся ко мне почти вплотную и радостно захлопал старческими белесыми ресницами. — Группа такая. Да вы не волнуйтесь, к ним быстро привыкаешь...

Сомневаюсь, чтобы мне хотелось привыкать к этим оглушительным «Куретам».

— А-а... зачем?

— Надо, — строго сказал Ерпалыч и пальцем мосластым погрозил. — Надо, Алик! Вы мне лучше вот что скажите...

Я даже не успел сообразить, что он меня до сих пор на «вы» величает, как Ерпалыч уже налил по второй и удрал из комнаты. Вернулся он с потрепанной книжкой в руках, в которой я с удивлением узнал своего собственного «Быка в Лабиринте».

Еще первого издания, покет-бук в мягкой обложке.

Пять тысяч тиража.

— Скажите, Алик, — вопрошает Ерпалыч тоном матерого инквизитора, замыслившего расколоть еретика на «сознанку», — вы сами додумались вести рассказ от имени Минотавра? От первого лица?

— Не знаю, — искренне отвечаю я. — Может, сам... а может, читал где-то или видел — вот оно и отложилось. Борхесы там всякие, Олдя, Бушков с Валентиновым... хрена теперь вспомнишь!

— Вы честный человек, Алик. — Ерпалыч сказал что-то еще, но я из-за «Куретов» не расслышал. — Давайте выпьем за ваш талант.

Я хотел было возразить — но он уже выпил. И салом заел. Так что пришлось присоединяться. А после третьей гляжу: или «Куреты» вроде тише стали, или я и впрямь к ним привыкать начал, только сидим мы хорошо, рыбу-шпроту кушаем, и я Ерпалычу рассказываю, как «Быка» писал, как по ночам в зеркало глядел, боялся, что рога Минотавровы прорастают, а потом рога проросли-таки, бросила меня Натали к свиньям хреновым, и я Миньку-бедолагу за неделю убил, то есть не я, конечно, а Тезей, только Тезей у меня такой сукой вышел, что самому противно, а читатели и не заметили, что Тезей — сука и Ариадну он сам бросил, нечего на Диониса валить, и пора по четвертой или по пятой, не помню уже...

«Куреты» брякают, я трезвый вдруг оказался, только тяжелый, а Ерпалыч меня спрашивает:

— Скажите, Алик, вы случайно Тех не боитесь?

— Нет, — отвечаю, — что я, сумасшедший? Чего мне их бояться? Жертвую я исправно, молюсь по графику, службы все в квартире работают, оберег-манок на месте, раз в месяц заговорщика вызываю — подновлять... С кентаврами я вообще на коротком колесе, маньяков давно Первач-псы повывели, спасибо им!.. Нет, Ерпалыч, не боюсь.

— Кому «им» спасибо-то, Алик? Псам или маньякам?

Я смеюсь, «Куреты» орут, а Ерпалыч бороду в кулаке крутит, ногу за ногу забросил, брючина, обтрепанная, чуть ли не до колена задралась, голень старческая, сухая, в пятнах каких-то синих...

— Ладно, — смеется старый хрыч, — оставим Тех в покое. И мольбы по графику — за компанию. Лучше скажите мне, Алик, что вы сейчас пишете?

— Скажу, — отвечаю. — Сейчас скажу. Только яичницу поджарю.

Яиц десяток я тоже с собой принес. Забрал их из сумки — одно треснуло, зараза, но не потекло вроде — и пошел на кухню. Сковородка у Ерпалыча почему-то в холодильнике стояла. Пустая, чистая и под самой морозилкой. Вынул я ее, на плиту поставил, огонь зажег, яйца бью — и только на пятом яйце соображаю, что плита-то у Ерпалыча четырехконфорочная, старого образца, без «алтарки»! Интересно мне стало: что старик сделает, когда у него, к примеру, труба потечет? Шпагатом с наговоренным узелком перевязывает? Или к соседям идет? А может, на обычной горелке жертву приносит? Одной ведь молитвой, как известно, дом не ставится... да и шпагатик течь в лучшем случае неделю удержит. То-то у него кухня такая обшарпанная, краны все текут, и форточка выбитая целлофаном затянута.

Вернулся я в комнату, стали есть яичницу, и начал я Ерпалычу на житье-бытье жаловаться. Хорошо он слушать умел — я и сам не заметил, как от старого «Быка...» с Тезеем-зоофилом к новому, свеженькому перескочил, к заветным, м-мать их, «Легатам Печатей»! Терпеть ненавижу о недописанных вещах под водку трепаться, особенно когда текст второй месяц виснет, да только язык мой — враг мой! Зря я, конечно, через слово ругался по-черному, но уж больно разобрало! Некому мне выговариваться, сижу над «Легатами» в тоске душевной, дерьмо в себе коплю яко во месте отхожем, травлю душу злостью, будто кислотой... раньше хоть перед Натали распинался — все, глядишь, полегче становилось.

— Любопытно, любопытно, — бормочет Ерпалыч, — даже очень... Говорите, Легаты Печатей?.. Ангелы-Хранители?

— Скорее уж вредители, — отвечаю; и по памяти, полуприкрыв глаза: — «И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря...»

— «...Не делайте вреда, — мигом подхватил Ерпалыч, счастливо жмурясь сытым котярой, — ни земле, ни морю, ни деревам, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего!» Ишь ты — ангелы-вредители... Вы, Алик, это тоже сами придумали или как?

— Или как, — говорю. — Книжки умные читал.

— А позвольте поинтересоваться — какие?

— Разные, — говорю. — «Шахнаме» в пересказе Розенфельда. «Откровение...» в адаптированном варианте «Новой Жизни». Мифы Древней Греции — еще старые, куновские... потом эту, как ее?.. Младшую Эдду, вот.

— А вы, Алик, — перебивает Ерпалыч, — небось любите фильмы порнографические смотреть? Как там кто-то кого-то углом ставит? Так сказать, любовь в доступной форме?!

Обиделся я. Яичницей даже подавился.

— Старый ты придурок, Ерпадлыч, — говорю. — Был бы ты молодой придурок — дал бы я тебе по роже. Я еще сам кого хочешь углом поставлю! А фильмы твои поганые...

Он вдруг обрадовался — с чего только, неясно.

— Да не мои, Алик, не мои, а ваши! Ведь говорите, что сами можете, без голубого экрана, а «Шахнаме» в пересказе читаете. Тем более в пересказе идиота со справкой, господина Розенфельда! Вы погодите, Алик, я сейчас... я вам для начала подыщу...

И опять удрал из комнаты.

Подошел я к магнитофону, посмотрел, как «Куреты» внутри «Садко» скачут, подумал, что пора и домой валить, — а тут Ерпалыч возвращается. С деревянной шкатулкой в руках. Крышку откинул и книгу достает. В мягком переплете, зеленовато-болотном; и издание незнакомое. Потрепанная книжица, клееная; вернее, была клееная, а сейчас все развалиться норовит.

— Что это? — спрашиваю, а он уже книжку мне протягивает.

Читаю на обложке: «Мифологическая библиотека». Чуть выше имя написано: Аполлодор. Автор небось.

Мифологический библиотекарь.

Откладываю книгу, беру шкатулку.

Стою, моргаю, шкатулку в руках верчу. Хорошая шкатулка, вместительная. И резьба на крышке обалденная: хоровод голых мужиков в шлемах с гребнями. А за ними вроде как море плещется. Редкая вещь. Антикварная. Как столик. Как сам Ерпалыч.

— Пойду я, Ерпалыч, — говорю.

— Да, да, Алик, — засуетился Ерпалыч, — конечно, идите!.. И книжку с собой возьмите. Да, вот еще...

Полез он в тумбочку, по плечи в нее зарылся и бухтит оттуда:

— У вас, Алик, магнитофон есть?

— Есть, — отвечаю. — Кассетник.

— Отлично! — кричит Ерпалыч и вылезает с какой-то кассетой в руках. — Вот вам, Алик, нужная музыка! Вы, когда Аполлодора читать станете, обязательно ее включите. А в особенности ежели мне после прочтения позвонить надумаете. Включайте звук погромче — и звоните. Договорились?

— А... что за музыка?

Он даже удивился.

— Как — что? «Куреты», Алик, это и дураку ясно...

Дураку, может, и ясно...

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Древесный палочник с хитренькой мордочкой черепахи Тортилы, заныкавшей Золотой Ключик и от сявки Буратино, и от пахана Карабаса. Неожиданно грустные глазки часто-часто моргают, гоняют морщинки от уголков, и тоненькие «гусиные лапки» ручейками вливаются в океан впадин, складок, бугров и ямочек, теней и света, из которых время слепило это подвижное лицо, коему место скорее в музее, под стеклом, на пыльном листе бумаги с неразборчивой подписью типа: «Рембрандт. Возвраще-

ние блудного сукина сына. Эскиз соседа на заднем плане» — неже-
ли в обшарпанной квартире за рюмкой перцовки.
И еще: руки.
Пальцы скрипача на пенсии.
Вот он какой, Ерпалыч...

Уже в дверях стою и чувствую: чего-то мне не хватает. Постоял, подумал — и дошло до меня: магнитофон старик выключил. Точняком как я на пороге встал и за замок взялся.

Ни секундой раньше.

4

Вернувшись домой, я быстро разделся, плюхнулся на незастеленную кровать (ура моему разгильдяйству!) и почти сразу заснул.

Снилось мне, будто я листаю полученный от Ерпалыча раритет, ничего в нем понять не могу — то ли пьяный я, то ли во сне ничего понимать и не положено, — короче, листаю, злюсь ужасно, а из книги все листики в клеточку сыплются. Надоело мне их с пола подбирать, сунул я листики эти клетчатые не помню куда, книгу на стол бросил и сплю себе дальше.

Плохо сплю.

Коряво.

Или даже не сплю, потому что звенит где-то. В ушах? А теперь громыхает. Гроза, должно быть. Зимняя. В подъезде. На моей лестничной клетке. Сперва гремела, а теперь опять звенит. В звонок звенит. В мой дверной звонок. А вот опять гром бьет. В дверь. Сапогом, похоже. На литой подошве. Сильно бьет. Видать, разошлась гроза не на шутку.

Муть у меня какая-то в голове, мысли козлами скачут, и темно вокруг. Не то чтобы совсем мрак, но темнеет. Потому что вечер. Наверное.

— Сейчас! — кричу. — Открываю!

А сам часы нашариваю. Нашарил. Без шести шесть. Все-таки вечера, надо полагать. Рано у нас зимой темнеет. А светлеет — поздно. Вот ведь какие чудеса природы...

— Открываю!

В дверь снова зазвонили и застучали. А я сижу на кровати, тупо смотрю на часы и стрелок ни черта не вижу. Только что видел, и вот — не вижу.

— Кто там? — кричу.

— Да я там! — отзывается гроза. — Ты что, заснул, что ли?! Открывай, придурок!

Кто такой этот «я», шумевший за дверью, понять было сложно, но я — который сидел на кровати — решил дверь все же открыть.

Открыл. С трудом, но открыл.

На пороге стоял Ритка. В смысле Ричард Родионыч, старший сержант патруля. Жорик-служивый и мой школьный товарищ. Злой в данный момент до чрезвычайности.

— Да ты и вправду спишь! — изумляется Ритка-жорик.

— Сплю, — виновато развожу руками я.

И вдруг просыпаюсь!

И Ерпалыча вспомнил, и две бутылки перцовки, и «Куретов» громогласных, и книжицу зеленую, и самое главное — что обещал познакомить сегодня Ритку с моим приятелем из Дальней Срани, кентавром Фолом, для чего мы все трое должны были встретиться около пяти в «Житне».

— Ты извини, Ритка, — мямлю я, невпопад моргая слипающимися веками. — Мы тут утром с Ерпалычем... под Икара и Дедала...

5

— ...Ну ты даешь! — вопил Ритка, бегая по всей квартире и грохоча сапожищами. Он недавно сменился с дежурства, так что до сих пор был в полушубке (правда, без погон) и казенных сапогах — только табельное оружие сдал и ушанку с кокардой сменил на легкомысленный вязаный «петушок». — Нет, ну ты даешь! Алька-голик! С утра! С Ерпалычем! С горла! «Олдевку»! Не зря тебя Фима Крайц «прожженным интеллигентом» назвал! Золотые слова!..

Великий умник и магистр всяческих наук Ефимушка Гаврилович Крайцман — а в просторечии Фима Крайц по кличке Архимуд Серакузский — еще в школе обозвал меня «прожженным интеллигентом». И на мой резонный вопль: «А ты?!» — не менее резонно ответил: «И я!»

— И он таки прав! — заискивающе ухмыляюсь я.

— Прав?! — орет Ритка поставленным командирским голосом. — А то, что твой Фол у подъезда битый час мерзнет, — это кто прав?! Ерпалыч?! Или Фима?!

Оказывается, мой друг-кентавр с Риткой уже успели познакомиться и слиться душами в ожидании «этого разгильдяя

Алика, вывесившего фонарь обоим (конец цитаты)». Я давно заметил: когда вместе с кем-то от души ругаешь одного и того же человека, сходишься с коллегой-ругателем необычайно быстро.

Так что мой пьяный сон не пропал втуне: извечные антагонисты — кент и жорик — нашли общий язык, а я выспался и стал вполне готов к употреблению.

В качестве амортизатора — ибо жорики-служивые и городские кентавры друг друга, мягко выражаясь, не любят. Что вполне объяснимо. Служивые — они стражи порядка, а там, где собираются кенты в количестве, большем, чем двое (пожалуй, и одного-то много!), порядка быть не может по определению. Так уж эти двухколесные оболтусы устроены. То гонки затеют, да такие, что светофоры вслед мигают от обалдения, а дорожники из ГАИ валидол спиртом запивают; то старушек по вечерам пугают; то между собой передерутся, а драка у кентов — дело долгое и совершенно невыносимое, даже если со стороны смотреть.

Плюс слухи: как кентавры винный магазин разнесли (а с их здоровьем что-нибудь разнести — дело плевое) или случайную прохожую всем табуном до смерти изнасиловали. Не станешь же через прессу объяснять народу, что для насилия над гражданкой до смертельного исхода вовсе не требуется целый табун — одного Фола за глаза хватит. И гражданки — они всякие встречаются, иной и табуна мало. Видал я, как тот же Фол от таких гражданок во все колеса улепетывает.

Чего тоже в прессе не разъяснишь.

Только и кентов понять можно. Я, например, понимаю. Катишь себе по городу, ну, быстро катишь, ясное дело, и не то чтобы всегда по проезжей части катишь — случается и по тротуару. Кенту ведь знаки дорожные без разницы, не то что обычному водиле: ежели стоит «поворот запрещен», значит, и захочешь повернуть, так руль сам из рук вывернется. Или там ограничение скорости: написано «60 км», и больше из машины, хоть лопни, не выжмешь! А кент даст восемьдесят — лови ветра в поле! Ну, у жориков, как и у «Скорой» с «пожаркой», казенные обереги имеются, для нарушения в связи со служебной спецификой — так тут не специфика, тут кент-сволочь, антиобщественный элемент...

На авторынке, правда, такими оберегами уже вовсю «из-под полы» торгуют, для частных лиц. Только если поймают — штрафом не отделаешься: у покупателя права забирают, а у торговца — лицензию. Трудно служивым, сплошная маета: поди разберись, оберег-нелегал это или просто чертик на цепочке болтается? Рамка-детектор стопроцентной гарантии не дает; вот и вымещают злобу на кентаврах. Едва разгонится двухколесный, а тут сзади сирена воет, мигалки сверкают, и жор всякий в мегафон базарит: «Немедленно остановитесь! Вы создаете опасную ситуацию! Остановитесь и поднимите руки!..» Ну какой болван после этого остановится?! Только болван и остановится! Ты, понятное дело, ходу — а они следом, создавая свою любимую «опасную ситуацию», а когда ты от них окончательно отрываешься, хватаются за стволы...

Стволы-то в городе (если не считать мелкашек в тире) только у служивых, да еще иногда у работников прокуратуры. Потому как ствол-нелегал от Тех не укроешь — из-под земли достанут. И под землю упрячут. А уж если под облавный молебен угодишь, с водосвятием, когда месячные чистки... Отец говорил: до Большой Игрушечной стволов левых было — хоть в бочках соли! А сейчас поперек проспекта Свободы десяток стрелялок разложи — никто и не позарится. Разве что самоубийца какой. Или ребенок без родителей. Или дебил из психушки.

И тот через час в канализации сгинет. Исчезники — они свое дело знают... про утопцев я и не говорю.

Нюх у них на пушки...

Ладно, не в стволах дело, а в том, что Ритка давно меня просил свести его с кентаврами. Видит ведь, что вокруг творится — уже и дамочки нервные при виде кентов к подъездам жмутся, а мужики с искрой в глазах, кто покрепче да позадиристей, из-за пазухи кистень тянут. А жорики тоже люди — Ритка говорил, будто их патруль за последнюю неделю дважды стрельбу открывал. Хорошо хоть, не попали ни в кого... Обошлось.

Это я и Фолу сказал: дескать, друг мой, сержант Ритка, хочет, чтоб и дальше обходилось, — для того и встречи ищет...

— Ну ты идешь или нет?! — возмутился Ритка, и я обнаружил, что полностью одет и стою в коридоре, вертя в руках ключи.

— Иду, — ответил я, нахлобучивая шапку.

И пошел.

6

Фол потихоньку катил слева от меня, скрипя снегом и с трудом приноравливаясь к нашему шагу, Ритка бухал сапогами справа; и оба они бубнили мне в уши всякие гадости — для стереоэффекта, надо полагать.

Причем в слове «писатель» оба делали ударение на первом слоге.

Я слушал все это с некоторым мазохистским удовольствием и сам не заметил, как мы добрались до известного в городе пивбара «Портянки Деда Житня», в народе именуемого просто «Житнем». Это было одно из немногих заведений вне Дальней Срани, куда без проблем пускали кентавров.

Даже специальный наклонный пандус имелся, рядом с обычными ступеньками.

Смотрю: вывеска мигает, Василий Новый, который в «питейных домах для торговли», над входом улыбается душевно, музыка изнутри гремит, мужской гогот и девичий визг вперемешку — словом, веселье в самом разгаре. И мотоцикл Риткин тройной цепью у дверей прикован. Это правильно — машина хоть и служебная, а все равно увести могут. Особенно вечером.

Фол затормозил, привстав на дыбы, повертелся на заднем колесе, искоса разглядывая Риткин «Судзуки», хмыкнул что-то в бороду (по-моему, одобрительное) и зашуршал по пандусу, обмахиваясь хвостом.

А мы последовали за ним и, ступенька за ступенькой, оказались внутри.

Все столики, понятное дело, были забиты до упора. Но хозяин «Житня» Илья Рудяк (по слухам, не то парикмахер, не то патологоанатом в отставке) мигом выставил нам запасной стол в дальнем — наиболее тихом и обособленном — углу заведения. Это был далеко не первый случай на моей памяти, когда Рудяк буквально читал мысли. Иногда я даже начинал подозревать, что он из Тех. Только дудки — из Этих был мосластый Илюша в неизменной меховой жилетке независимо от погоды, из Этих, просто хороший он хозяин, уважающий постоянных клиентов.

Несколько человек помахали нам руками и недружелюбно покосились на Фола. Пьющий у стойки пиво гнедой кентавр с похабной татуировкой на плече махнул Фолу хвостом и недружелюбно покосился на нас, а мы гордо задрали носы и с достоинством проследовали к своему столику, возле которого на полу уже был расстелен коврик для Фола и поставлены два стула.

Для нас с Риткой.

Подручный Рудяка — вездесущий и обаятельный брюнет Гоша — принял у нас верхнюю одежду, мигом отправил ее в гардероб и вновь оказался рядом, ослепительно улыбаясь.

— Добрый вечер, господа! Сколько изволите?

Гоша не спрашивал — «чего». Он спрашивал — «сколько».

И правильно делал.

— Для начала дюжину, Гоша. И воблочки — посуше.

Гоша развел руками, исчез и сразу возник на прежнем месте, грохнув на стол дюжину пенящихся кружек. Следом он с ловкостью фокусника подбросил в воздух блюдо с рыбой — так что оно чуть не разбилось о столешницу, в последний момент придержанное пальцами вездесущего Гоши, прозванного в свое время Спрутом Великим.

Впрочем, сей фокус я имел честь видеть неоднократно. И поэтому наблюдал не за Гошиным жонглерством, а за тем, как Фол устраивается на коврике. Как укладываются кентавры, я тоже видел не в первый раз — и все-таки...

Фол аккуратно втянул в себя оба ороговевших колеса, одновременно разворачивая их в горизонтальной плоскости, и мягко опустился на эти два диска, своеобразным постаментом поддерживающие мускулистый торс кентавра. Как при этом должны были перекрутиться мышцы, приводящие колеса в движение, что должно было случиться со связками и костными «осями» — понятия не имею, господа! И не думаю, что найдется медицинское светило, которое сдвинет белую шапочку набекрень и похвастается подробным знанием анатомии кентавров. До сих пор умники яйцеголовые в затылках стетоскопами чешут: откуда взялись кенты, да еще сразу после Большой Игрушечной?! Город знают, как всю жизнь здесь прожили, говорят без акцента, старожилов по имени-отчеству и вообще... Собирались исследовать, за сдачу анализов чуть ли не денежные премии сулили — потом обломилось. Пришлось теоретическими версиями пробавляться: визуальный сдвиг восприятия, мутация рокеров, а также лиц цыганской национальности, адаптация «группы риска» в связи с катастрофой, метаболизм крышей поехал...

Это в старых мультфильмах да на картинках кенты на лошадиных ногах бегают. А на самом деле — полюбуйтесь! Лежит себе этакое чудо поперек колес, хвостом рубчатые их края трет и грудь полуголую обеими руками чешет — аж волосы встают дыбом!

А что ржет иногда — так и мы не без того...

Ритка тоже, забыв обо всем, следил за эволюциями Фола. Потом они с кентавром встретились взглядами — и бравый сержант смущенно отвел глаза, зардевшись, аки майская роза. Фол чуть заметно усмехнулся и придвинул к себе ближайшую кружку.

Мы со служивым не замедлили последовать его примеру.

— Ну что, — говорю, — как я понимаю, вы уже успели познакомиться. И даже неплохо провести время, перемывая мои косточки.

Фол в ответ опять хмыкает, а Ритка молчит.

— Итак, друзья мои, я наконец с вами, кости мои отмыты добела, и мы можем открыть наше маленькое пивное совещание.

При слове «совещание» наш сержант заметно морщится, темнея лицом.

— Кончай, Алька! — Ритка вдруг становится до неприличия серьезным, превращаясь в Ричарда Родионовича, и хлопает увесистой ладонью по столу.

Кружки дребезжат и слегка подпрыгивают, едва не расплескав свое содержимое.

— Я тебя знаю — ты еще целый час трепаться можешь. А мне не до трепа сейчас. Потому что я буду разглашать служебную информацию, а за это меня с работы попрут в два счета. Только работа работой, а...

Я как-то сразу заткнулся. Редко доводилось видеть Ритку в таком состоянии, и если доводилось — дело всякий раз пахло жареным. Горелым дело пахло. Особенно когда Ритка свою службу работой называет.

— Совещание у нас было, — буркнул Ритка, глядя мимо Фола. — Только не пивное, а для младшего комсостава. И то, по-моему, не для всех, а для тех, у кого характеристики — комар носу не подточит. Начуправ выступал, а я и не помню, чтобы господин Хирный перед унтерами речи держал. Ничего особо конкретного: усиление бдительности, обстановка в городе, у церкви Георгия Победоносца амбар обчистили, да не простой, а с казенными валенками... замок взломали, и запорное слово взломали. Короче, со следующей недели нам при выходах на патрулирование будут выдавать автоматы. С полным боекомплектом. Все подразделения — в повышенную боевую готовность. Вне работы разрешено носить личное оружие. Двоих прапоров, не сдавших зачет по «скобарю», и одного за «гноение табельного палаша посредством ржи» — подвергнуть взысканию. А в самом конце было сказано, что намечаются провокации и мы должны быть готовы дать достойный отпор.

— С чьей же стороны намечаются провокации? — очень спокойно поинтересовался Фол, накручивая на палец кончик хвоста.

— Угадай с трех раз.

— С нашей, — так же невозмутимо кивнул Фол.

— Угадал. Более того, под занавес встал какой-то рыжеусый полкан в общевойсковой форме, но с Михайлой-архаром на петлицах и сказал, что при малейшей провокации со стороны кентавров и иных преступных элементов (как вам формулировочка?!), в случае угрозы жизни и здоровью мирных граждан нам разрешено действовать согласно параграфу «Низвержение». Слыхали, что это за параграф?!

— Нет, — ответили мы с Фолом одновременно.

— Это разрешение открывать огонь на поражение без предупредительных выстрелов.

Скуластое лицо Фола отвердело.

— А... Первач-псы? — еле слышно выдохнул кентавр. — Они что, простят?! Простят, да?!

Тут уж задумался и я. Ведь почему разборок по городу полно, особенно в темное время, о Дальней Срани я вообще не говорю, — а убитых, почитай, нет? Одни раненые... Потому что — Первач-псы. Разборки, раненые, кражи, грабежи, аферы всякие — это дела людей, то есть Этих. А за убийствами Те следят. Тут тюрьмой не отделаешься. Сто раз в кино видел, как варнака Первачи преследуют, а один раз живьем сподобился. Вечером, на улице. Потом месяц кричал во сне — все лицо его снилось.

Ритка рассказывал — для того и учат служивых палить по конечностям, чтоб не убить кого ненароком. Ну а если шлепнул при исполнении — до заката солнца беги в ту же церковь Георгия Победоносца, где рядом амбар с валенками, хватай попа за бороду!.. Пусть разбирается, запрашивает сводку и, если не было превышения, исповедь принимает. Первачи не разбирают, жорик ты или хрен с бугра... А если они за тобой хоть час погоняются — исповедуйся после, не исповедуйся, все одно ты теперь не человек, а студень трясущийся.

В лучшем случае.

В худшем же — пацаны малые и те знают: нашли под забором или в подвале труп с синюшным цветом лица и разрывом аорты — значит, звони «02», сообщай, что убийцу нашел, после кары заслуженной.

Приедут, подберут...

Местные «акулы пера» (редкие привозные газеты-журналы именовали Первач-псов не иначе чем «психоз Святого Георгия», уделяя им внимание наравне с последствиями ультранаркотиков, не более) — так вот, местная пресса регулярно запус-

кала «жареных уток». Дескать, криминальные умы нашего розлива наконец открыли-таки способ мочить ближнего своего, обходя неусыпное внимание Первачей. Нюх им, мол, сбивали: то ли заговором *«Табак-зелье, удвой везенье...»*, то ли кощунственным молением, где надо на деревянный крест вниз головой подвешиваться... Утка грузно взлетала и шлепалась в клоаку перманентных сплетен. «Братва» по-прежнему ходила без стволов (кому охота рисковать, здесь не пофартит — зоной не отделаешься!), а мирное население, гуляя темными переулками, если и тряслось за собственную шкуру, так этот интерес-трясучка был опять же чисто шкурный, не жизненный.

В дайджесте «Версия» опубликовали на днях годовой процент убийств по Москве, Нью-Йорку и Токио — ужас! Конец света! Никогда туда не поеду... да я ли один?!

— Знамение, полковник сказал, было, — с отвращением процедил сквозь зубы Ритка. — То ли стены управы сизыми пятнами пошли, то ли образ Галактиона Вологодского кровью возрыдал — короче, намекнули нам, что дело богоугодное, а Те закроют глаза на лишнее рвение.

— Вот как, — эхом отозвался Фол. — Ясно. Наши, конечно, хвост к небу задерут — и на автоматы. Прав был ваш начуправ — будут провокации. И стрельба будет. Я среди своих не последний, но... Не со мной тебе встречаться надо было, Ричард Родионыч, сержант-чистоплюй! Со старшинами нашими — вот с кем!

— Нет, — жестко отрезал Ритка. — Сам им расскажешь. Я в пивбаре сижу, пиво пью с другом детства, знать ничего не знаю, не ведаю — а если кент с нами оттягивается, так он Алика приятель, а не мой! Соображаешь, Фол?

Тут мне дико захотелось курить. Вообще-то я курю редко, хотя сигареты в кармане обычно таскаю. А сейчас... неладное что-то затевалось в городе, о чем говорил Ритка, что носилось в воздухе уже давно, постепенно сгущаясь, приобретая конкретные формы; я почувствовал, как волнение и страх закипают внутри меня, и попытался сбить эту волну при помощи привычного «транквилизатора» — сигареты.

Я сунул руку во внутренний карман. Вместе со спичками и початой пачкой «Атамана» там обнаружилось больше десятка клетчатых тетрадных листков, мелко исписанных незнакомым почерком. Труды Ерпалыча, что ли? Мемуары? Я поспешно чиркнул спичкой, прикурил и прочел наугад:

...Вы не поверите, Алик, но все началось с телевизора.

Во всяком случае, для меня.

С банального телевизора «Березка», не помню уж сколько сантиметров по диагонали, который упрямо не желал работать больше получаса. Вспыхивал, трещал, экран становился белым — и все. Приходилось его выключать и включать заново. Еще на полчаса. Кто только из моих технически образованных знакомых не лазил в телевизионные потроха! Слышались непонятные слова типа «блок развертки» и «строчность», менялись детали, на которые уходила львиная доля моей мизерной зарплаты, стирались до основания отвертки... Все тщетно. Он не хотел работать.

Вы понимаете меня, Алик? О, это чувство беспомощности перед капризами техники!.. Ну да, вы ведь и сами — несчастный гуманитарий.

В конце концов я махнул на проклятый телевизор рукой, поставил его на кухне поверх холодильника и лишь изредка, в приступе душевного расстройства, напевал при виде вечно голубого экрана:

— Некому березку доломати...

Года три спустя мы сидели на кухне с одним моим приятелем — имя его вам ничего не скажет, тем паче что во время Большой Игрушечной он погиб под развалинами собственного дома. Сидели, пили водочку, заедали маринованными баклажанами. Говорили о возвышенном, поскольку дам поблизости не наблюдалось и можно было дать волю языку. Слово за слово, спросил он у меня про телевизор. Я объяснил. Ну а он от водочки раскраснелся, смеется — хочешь, спрашивает, починю? Только не пугайся и не считай меня душевнобольным.

Не успел я кивнуть, как он уже телевизор ладошкой поглаживает. Пыль стер, забормотал что-то, потом баклажан взял и давай экран натирать. Ну и постного масла за решеточку динамика капнул.

*Ничего удивительного, скажете? Это для вас, Алик, ничего удивительного, потому что немалую часть сознательной жизни вы прожили уже **после** Большой Игрушечной! А тогда за такие манипуляции смирительную рубашку надевали. Мало ли, сегодня он телевизор взасос целует, а завтра с топором на ближнего кинется! Ну да неважно... Короче, включаем мы чертов агрегат и*

сидим себе дальше. Работает. Час работает, два, три... изображение такое — любое японское чудо техники от зависти сдохнет!

Вот так я впервые и познакомился с сектантами Волшебного слова. Впрочем, к тому времени их почти никто не звал сектантами, особенно в кулуарах не так давно организованного НИИПриМ — Института Прикладной Мифологии.

Через неделю приглашают меня...

* * *

Словно издалека до меня донесся голос Ритки:

— Так что лучше на время вообще уматывайте в пригородную зону. Рассосетесь по области, глядишь, через пару месяцев уляжется... Только все сразу не ломитесь, чтоб не создавать ажиотажа — сперва женщины и дети, потом старики, потом остальные. И пусть эти остальные хотя бы в ближайшую неделю из Дальней Срани не высовываются, чтоб нашим не к чему придраться было. Понял?

— Понял, — это уже Фол. — Попробуем. А с фермерами мы издавна на коротком колесе — перезимуем... впрочем, какая зима! — март месяц на носу...

Дальше я их не слушал.

Что ж это творится, господа хорошие?! Крыша у меня совсем поехала, что ли? Выходит, Ерпалыч книжицу свою дурацкую мне подсовывал, только чтобы я это письмишко прочитал? Да еще с наказом: ежели опосля ему звонить вздумаю, так непременно под «Куреты» вопиющие, дабы враги не подслушали часом, как я губами шевелить буду?! Ну знаете...

— Алик, извините, но вас просят к телефону!

Я поднял голову.

— Что? А, Гоша... да, иду, иду!

Телефон стоял в подсобке, позади стойки. Уже беря трубку, я предчувствовал, что ничего хорошего от сегодняшнего вечера я не дождусь. Но голос, который я услышал...

— Алик, ради Бога... извините за назойливость, но не могли бы вы сейчас зайти ко мне?

И после долгой щемящей паузы:

— Я вас очень прошу...

Гудки толкались в мембрану, шипя и отпихиваясь плечами, а я все стоял столбом и глядел мимо услужливо улыбающегося Гоши.

Я знал, что выполню эту просьбу.

— Послушайте, мужики...

Не слушают.

— Мужики... Вы тут обождите, а я на полчасика домой слетаю. Хорошо? Ну надо мне!..

— Если надо, то по коридору налево, в белую дверь с большой буквой «М», — отозвался бесчувственный Ритка, прекрасно зная все мои заскоки и давно к ним привыкнув. — Тебя подбросить?

— Да ну, тут пять минут ходьбы... Лучше закажи мне у Рудяка филе в грибной подливке — жрать хочется до зарезу! — да скажи, что для Алика. Луку пусть много не кладет. Ну, я пошел?

— Я его доставлю, — вмешался Фол, мигом выворачивая колеса и вставая во весь свой немалый рост. — У тебя, Ричард Родионыч, мотоцикл на привязи, пока ты цепь отомкнешь... А я всегда «на ходу»!

— Да у меня с пол-оборота... — завелся было Ритка, но мы с Фолом уже пробирались к гардеробу за моей курткой. В итоге наш бравый жорик-ренегат махнул рукой и принялся за пиво, явно намереваясь с пользой дожидаться моего возвращения.

Выбравшись на улицу, я запахнул куртку и с наслаждением вдохнул сухой морозный воздух.

— Садись. — Фол хлопнул себя по... ну, короче, по спине, покрытой джинсовой попоной, из-под которой валил пар.

Кентавр раньше подвозил меня несколько раз, так что я, нимало не смущаясь, вмиг устроился поверх попоны и ухватился за горячие мускулистые плечи. Торс Фола был затянут лишь в футболку с надписью «Халки» (что сие означало — убей, не знаю). Верхней одежды кенты не носят, да и не нужна она им. Неизвестно, жарко ли им летом, но зимой они ничуть не мерзнут — это факт. Такие уж они удались горячие. И вовсе не потому, что в венах у них солярка и шерсть у них внутри, под кожей, не растет — чушь это, сказки дураков и для дураков.

Фол рванул с места и помчался по улице, забывая притормаживать на поворотах. Ездят кентавры почти беззвучно, если песен не горланят, и скорость у них при этом — куда любому служивому на мотоцикле! Короче, кататься на них верхом — одно удовольствие, только мало кто об этом знает.

Видел я, как они детей человеческих из Дальней Срани на

себе катают; да детишки те не чета обычным центральным чистоплюйчикам... А взрослые даже там не напрашиваются. В детстве пробовали, потом выросли — все, отрезало. Боятся. Или стесняются.

А мне — плевать. Друзья мы с Фолом. Я его семь лет назад у подъезда своего подобрал и не знаю, как в одиночку к себе на третий этаж затащил. Раненый он был. Жорики в него стреляли: Фол с дружками по молодости витрину расколошматил, а рядом с витриной банк какой-то был, сигнал оттуда пошел, что кенты банк грабят, вот служивые не разобрали сгоряча и пальнули вдогонку. Память о Большой Игрушечной тогда совсем свежей была, не запеклась-заросла, любой шухер — светопреставление... А жорики — тоже люди. Две недели я Фола выхаживал, вместе с Натали (она по тем временам еще со мной жила и о ребенке мечтала), чудом спасли — Натали у меня с медобразованием, а в храм-лечебницу или там к батюшке мы обращаться боялись.

Свечку Марону-Сирийцу ставил за болящего, если жар долго не спадал, а на большее духу не хватило. Вот с тех пор я все думаю — может, это Ритка в Фола стрелял?

Может, и Ритка.

Чего уж теперь...

Доехали мы за пару минут. Фол плавно притормозил у моего подъезда, и я соскочил на снег.

— Тебя подождать? — спросил Фол.

— Нет, не надо. Не заставляй Ритку долго пить в одиночестве. А я скоро вернусь. Не уходите без меня, хорошо?

Фол кивнул и чуть ли не со свистом умчался, подняв за собой целую метель.

А я, набрав полные ботинки снега и прыгая через ступеньки, вихрем ворвался в подъезд (только не в свой) и отдышался лишь у обитой ветхим дерматином двери, за которой и обитал странный человек — псих Ерпалыч.

«Алик, ради Бога... извините за назойливость, но не могли бы вы сейчас зайти ко мне? Я вас очень прошу...»

Еще спустя пять минут я очень хорошо понял Ритку. Потому что на сотый призыв хриплого звонка никто в сотый раз не откликнулся.

Я сел на ступеньку, обмахиваясь краем шарфа, — и до меня донесся какой-то приглушенный звук.

Не то стук, не то стон.

Я прислушался — да нет, все тихо... а вот опять повторилось. И еще раз, но уже совсем еле слышно. Я вскочил, приложил ухо к двери, постоял так с минуту, но больше ничего не услышал.

Попробовал дверь — крепкая, однако...

Ломать, конечно, не строить, только хорош я буду — явился на ночь глядя, хозяина дома не застал, так дверь ему сломал... да и не потяну я один эту штуковину.

За моей спиной раздалось щелканье замка и металлический лязг цепочки. Я обернулся и увидел приоткрытую дверь соседней квартиры. Из образовавшейся щели торчал острый старушечий носик. Очень знакомый носик. Только я больше привык видеть его не торчащим из щели, а склоненным над быстро мелькающими спицами. Вечный атрибут нашего летнего двора, три старушки с вязаньем на скамеечке, три Мойры с клубками из нитей жизни... и одна из Мойр была сейчас передо мной.

— Здрасьте, тетя Лотта! — сказал я.

— Алик? — Носик сморщился, принюхиваясь. — Ты один?

— Один я, один, тетя Лотта. — Я говорил добродушно и нарочито весело, держа руки на виду и пытаясь излучать добропорядочность.

Словно зверька успокаивал.

Дверь на миг захлопнулась и почти сразу же открылась полностью, пропуская на площадку тетю Лотту — сухонькую бабульку в ситцевом халатике и войлочных шлепанцах. Руки ее были мокрыми (готовила, должно быть, или стирала), она держала их на весу, и впрямь напоминая поднявшегося на задние лапки зверька.

— Алик, — еще раз сказала тетя Лотта, и мелкие черты ее морщинистого личика сложились в удивленно-радостную гримасу. — Ты чего тут шумишь, Алик? Забыл что-то у Ерпалыча, да? Я знаю, ты утречком сидел у него, небось водку хлестали, я все знаю, Алик, даром что старая...

— Забыл, тетя Лотта, — я решил не вдаваться в подробности. — Ты не знаешь, где Ерпалыч?

— Да где ж ему быть, как не дома? Я цельный день, почитай, никуда не выходила, только мусор выбрасывала — слыхала бы, когда б он дверью хлопал... Дома он, Алик, дома! Ты позвоника еще разок, он откроет...

Я машинально нажал на кнопку звонка. В Ерпалычевой

квартире злобно захрипело, забулькало — и минутой позже что-то упало на пол.

Что-то тяжелое и мягкое.

Во всяком случае, звук был именно такой.

И тогда я принял решение.

— Ты, тетя Лотта, постереги тут, а я мигом. — И я сорвался вниз по лестнице, перепрыгивая по полпролета, споткнувшись о наружный порожек и кубарем выкатившись во двор, со всей возможной скоростью несясь по слабо освещенной улице и жалея только об одном — что я не кентавр.

* * *

На обратном пути я уже не жалел об этом, потому что мчался верхом на Фоле, второй раз за сегодняшний вечер по одному и тому же маршруту, а следом за нами раненным в задницу Калидонским вепрем ревел Риткин «Судзуки», надрываясь под суровым сержантом-жориком и плюя на все ограничения скорости — хорошая машина, служебная, заговоренная... Мокрый снег сек наши лица, редкие фонари испуганно шарахались в стороны, всплескивая суматошными тенями — а позади недоуменно гудела толпа в дверях «Житня», и Илюша Рудяк в меховой безрукавке объяснял новичкам, что это Алик-писака, значит, нечего зря нервничать и студить заведение, пошли внутрь, и все пошли, кроме гнедого кентавра с похабной татуировкой на плече, который все стоял, окутанный метелью, и смотрел нам вслед со странным выражением лица...

8

Дверь вынес Фол.

С одного удара.

Только что он скакал впереди всех по лестнице, развернув колеса поперек туловища и совершая такие немыслимые телодвижения, что бедная тетя Лотта при виде этого ужаса вжалась в стену, забыв дышать — и вот Фол уже разворачивается на крошечном пятачке лестничной площадки, чудом не зацепив старушку, и с места берет крейсерскую скорость, набычившись и вытянув хвост струной.

В дверь он вписывается правым плечом. Раздается дикий треск — и я едва успеваю подхватить тетю Лотту, а набегающий сзади Ритка зачем-то сует ей под нос свое синее удостоверение, чем сразу приводит бабку в чувство, похлеще нашатыря.

— Алик! — благим матом ревет Фол из недр квартиры. — Давай сюда! Со стариком плохо!..

И я «даю сюда» — поскольку тетя Лотта теперь в состоянии стоять сама. Я врываюсь в памятную комнату, больно ударяясь коленом о журнальный столик, блюдечко с одиноким ломтиком сала сваливается на пол и разбивается вдребезги, я шиплю от боли и вижу опрокинутое плетеное кресло, возле которого лежит недвижный Ерпалыч.

Мне хорошо видно его лицо. Поэтому сперва мне кажется, будто старик хитро подмигивает нам. Лишь потом я понимаю, что злая судорога стянула левую половину лица Ерпалыча — и лицо окаменело в этой нелепой асимметрии клоунской маски.

Ритка отталкивает меня и падает на колени рядом со стариком, прикладывая пальцы к тощей жилистой шее.

— Жив, — говорит Ритка. — Похоже на инсульт, но — жив.

Фол у окна перестает напряженно всматриваться в темноту и беззвучно подъезжает к телефонному аппарату, стоящему на тумбочке в углу.

— Звони в «Скорую», — запоздало бросает ему Ритка.

Фол поднимает трубку, перетянутую синей изолентой, чертит знак соединения, долго вслушивается... и кладет трубку обратно на рычаг.

— Не работает, — зло рычит он и грозит кулачищем в окно, словно там, в снежном мраке, стоит и ухмыляется кто-то, виновный во всем.

— Я сейчас, я мигом, — слышим мы из коридора, — я от себя позвоню.

Выглянув наружу, я вижу прихожую тети Лотты (дверь ее квартиры распахнута чуть ли не настежь, и безработная цепочка возмущенно раскачивается); я вижу, как старушка семенит к телефону, снимает трубку, набирает номер... еще раз... чертит знак с приговоркой...

И возвращается, виновато помаргивая.

— Шумит там, — оправдывается тетя Лотта. — Шумит и урчит, ровно зверюка, а гудков нету... Может, я к соседям сбегаю? Сбегать, Алинька? Или заговором пугнуть?! Детвора со двора до сих пор пристает: как без монетки с автомата звонить?..

Я молчу. У меня нет никаких причин подозревать Тех в причастности к инсульту Ерпалыча, но я молчу. Почему-то мне кажется, что в телефонных аппаратах соседей завелся тот же зверь, что и в аппаратах Ерпалыча с тетей Лоттой.

Заговаривай, не заговаривай...

Фол наклоняется и берет Ерпалыча на руки. Старик лежит на бугристых руках кентавра, как ребенок, как костлявый подмигивающий ребенок в заношенном халате, и пояс халата распустился, волочась по полу. Ритка по-прежнему стоит на коленях и лишь поднял взгляд на Фола.

В глазах Ритки горит молчаливое недоумение.

— Поехали, — коротко бросает Фол. — В «неотложку».

И собирается выкатиться в коридор, но я заступаю ему дорогу.

— Ты что, добить старика решил? — интересуюсь я. — Он же полуголый! Кент ты безмозглый!..

Фол с непониманием глядит на меня. Хвост его изогнут вопросительным знаком, но спустя мгновение до Фола явно доходит смысл моих слов, вопросительный знак становится просто хвостом, и кентавр бережно опускает Ерпалыча на продавленный диван.

Жалобно скрипят пружины.

— Одевайте! — командует Фол.

Одевать, надо полагать, должен я.

Я оглядываюсь по сторонам, но меня выручает тетя Лотта.

Она уже выходит из соседней комнаты, неся белье, пахнущее цветочным мылом, и костюм старомодного покроя на пластмассовых плечиках.

— А кожух-то в коридорчике, на вешалке, — спокойно говорит она и принимается хлопотать над бесчувственным Ерпалычем, умело переворачивая его, как если бы обряжение тел паралличных стариков было первейшей и ежедневной обязанностью тети Лотты. — В коридоре кожушок, Алик. Тащи его сюда. И шарфик с шапкой не забудь. У-у, старый, зря я тебе стирала, раз ты помирать собрался, обидел ты меня, Ерпалыч... ты уж поживи еще маленько, а вернешься — я тебе обед сготовлю, из трех блюд, а потом пойдем мою Чапу выгуливать, я ж знаю, ты любишь ее выгуливать, и она тебя любит, псих ты старый...

Руки тети Лотты снуют легко и сноровисто, а губы уже бормочут привычное: *«Едяго естное переносное, с раба крещеного, с крови на кровь — сухотку, ломотку, корючку, болючку... пусть слово тако скотко жрет-подавится, больной поправится...»* Я приношу кожух и вытертый шарф с облезлой шапкой, помогаю приподнять Ерпалыча — он кажется мне легким и пустым, словно внутри у него ничего нет, — и тетя Лотта застегивает последнюю пуговицу, удовлетворенно причмокивая.

— Эй, хвостатый, — через плечо бросает она Фолу, — берика... Да не растряси-то, его нельзя трясти сейчас! Ишь, какой ты вымахал здоровущий, на тебе воду возить...

И случается невозможное: Фол подкатывает к дивану и, прежде чем взять Ерпалыча на руки, неловко целует тетю Лотту в щеку, а она треплет могучего кентавра по лохматому затылку, как дворового мальчишку, выросшего у нее на глазах.

— Довезешь? — спрашивает Ритка у Фола.

— Довезу.

И я понимаю — да, довезет.

До «неотложки», а если понадобится — то и дальше.

Куда надо будет, туда и довезет.

9

Храм неотложной хирургии находился на другом конце города, в трех автобусных остановках от Горелых Полей. С северо-запада он примыкал к лесомассиву, достаточно благоустроенному, чтобы летом там было полно влюбленных и выпивох — ценителей природы, кучковавшихся в укромных беседках; на восток от «неотложки» располагался колоссальный яр, за которым уже начиналась Дальняя Срань.

Я взбежал по ступенькам, слыша за спиной тяжелое дыхание Фола и лязг цепи, которой Ритка наскоро приковывал свой мотоцикл к врытой в землю скамейке; распахнулись стеклянные двери, укоризненно глянул сверху Спиридон-чудотворец, епископ Тримифунтский, осуждая суету в святом месте, — и я оказался в просторном холле.

В пяти метрах от меня за столом восседала молоденькая дежурная: пухленькое, в меру симпатичное существо в накрахмаленном халатике и таком же чепчике с красным крестом вместо кокарды.

Брошюру листала: «Влияние ворожбы на эфферентную иннервацию»... небось зимнюю сессию завалила!

— Дежурная сестра милосердия... — привычно затараторила она и осеклась, когда следом за мной въехал курящийся паром Фол с Ерпалычем на руках.

Появление же хмурого Ритки в засыпанном снегом казенном полушубке без погон, казенных сапогах и цивильном вязаном «петушке» ввергло сестру милосердия в ступор.

Она даже моргать перестала.

Ритка замер у двери, словно по служивой привычке собира-

ясь на всякий случай блокировать выход. Фол уложил Ерпалыча на кушетку у стены и принялся разминать уставшие руки, нервно подергивая хвостом; и я понял, что пора разряжать ситуацию.

— Вы понимаете, девушка, — вежливо улыбаясь, я безуспешно пытался заслонить собой кентавра, — мы до «Скорой» не дозвонились, вот и пришлось своим, так сказать, ходом...

Нет.

Она по-прежнему не моргала.

— Больного принимай, — буркнул от дверей Ритка-сержант. — Чего вылупилась-то?..

Вмешательство Ричарда Родионовича лишь ухудшило положение.

— Я на улице подожду, — догадливый Фол покатил к стеклянным дверям, но они раскрылись сами. И, отодвинув Ритку, в холл вошел высокий черноусый мужчина лет сорока пяти, одетый в дорогую дубленку, из-под которой снизу торчали полы белого халата.

— Идочка! — зарокотал он, привычно крестясь в сторону красного угла на другом конце фойе. — Ну почему в челюстно-лицевом вместо Пимена Печерского-Многоболезненного опять Агапиту Печерскому кадят?! Я же вас просил перезвонить! До каких пор...

Начальственный рык мигом вернул сестру Идочку на нашу грешную землю.

— Генрих Валентинович! — лепечет она, поглядывая то на черноусого, то на Ритку с Фолом (я и Ерпалыч как бы не в счет). — Генрих Валентинович, тут... ой, тут такое!..

Но великолепный Генрих Валентинович уже видит все, что должен был увидеть.

К его чести, первым делом он направился к кушетке с Ерпалычем. Проверил пульс, заглянул под веки, расстегнул кожух и приложил ухо к груди старика — после чего повернулся ко мне.

Фола и Ритку он демонстративно игнорировал.

— Ваш родственник? — строго интересуется черноусый.

— Нет, — почему-то смущаюсь я. — Так... сосед.

— Ясно. Документы на него есть?

— Какие документы?! — не выдерживает Ритка. — Вы что, не видите: человек умирает!

Генрих Валентинович не видит.

Ослеп.

— Я — старший сержант патрульно-постовой службы! Вот

мое удостоверение, и в случае чего я подам на вас рапорт в областные органы! Вы слышите меня?!

Генрих Валентинович не слышит.

Оглох.

— Я — заместитель главврача, — говорит он мне. — У больного, по всей вероятности, инсульт. Без документов я не могу узнать, какие обряды больной совершал в последние шесть месяцев, но... Идочка, я пройду к себе, а вы оповестите реанимацию. Хорошо? Пусть готовят отдельную палату, капельницу и алтарь в западном крыле.

Идочка бросается к телефону, а Генрих Валентинович покидает нас. Впрочем, не сразу — проходя мимо красного угла, он вдруг останавливается, словно собака, услышавшая хозяйский окрик, с минуту глядит в стену и наконец уходит, но шаг Генриха Валентиновича уже не столь уверен, как раньше.

Мы ждем.

Дежурной бригады, или кто там должен был явиться за стариком, все нет и нет. Я спиной чувствую, как начинает закипать Ритка, сестра Идочка сидит как на иголках — и с облегчением выдыхает воздух, когда возвращается Генрих Валентинович.

Лицо его строго и спокойно, дубленку он снял и теперь сияет кафельной белизной; он чист и холоден, как зима за окнами, — только ноздри породистого носа с горбинкой раздуваются чуть больше обычного, портя общую картину.

— Мы не можем госпитализировать больного, — тихо говорит Генрих Валентинович, и голос его чрезмерно спокоен для того, чтобы быть таким на самом деле. — Его надо в неврологию с реанимационным блоком, а там нет свободных мест. И опять же — документы... я не имею права, основываясь только на вашем заявлении... необходимо сообщить, уведомить, а пока...

Ритка устраивает безобразную сцену. Он кричит, угрожает, топает сапогами и размахивает своими синими «корочками», порывается звонить непонятно куда, но это не важно, потому что в телефонной трубке урчит знакомый нам зверь, — а я смотрю на бесстрастного Генриха Валентиновича, который предлагает везти больного в окружную храм-лечебницу, но все машины сейчас в разъезде по вызовам, и посему... я смотрю на бледную Идочку, на вспотевшего Ритку, на Фола — и кентавр понимает меня без слов.

Он неторопливо подкатывает к кушетке, проехав так близко от Генриха Валентиновича, что замглавврача умолкает и не-

вольно отшатывается, застегивает на Ерпалыче кожух и вновь берет старика на руки.

После чего выезжает через стеклянные двери.

Промокшая насквозь джинсовая попона лежит на спине кентавра с достоинством государственного флага, приспущенного в знак скорби; и прямая человеческая спина Фола красноречивей любых воплей и скандалов.

Я иду за ним. У входа я оборачиваюсь и вижу замолчавшего Ритку. Ритка стоит и смотрит на Генриха Валентиновича, смотрит долго и страшно, и я начинаю опасаться, что белый халат зама сейчас начнет дымиться под этим взглядом.

— Я т-тебя, с-сука...

Ритка вдруг начинает заикаться, не договаривает и, резко повернувшись, почти бежит за нами.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Наверное, годам к пятидесяти он малость обрюзгнет, обзаведется лишним жирком, складки на талии обвиснут за ремень, и бритый затылок в жару придется часто промокать платком, сопя и отдуваясь. Но все это случится потом, если случится. А сейчас он по-хорошему широк в кости, массивен без тяжеловесности, при желании легок на ногу; и ранние залысины на висках, да еще глубокая морщина между бровями — они тщатся, пыжатся, из кожи вон лезут и все никак не могут придать солидности его курносому лицу.

И еще: привычка закладывать большие пальцы рук за ремень, покачиваясь с пятки на носок.

Вот он какой, старший сержант Ритка...

Последнее, что я вижу: сестра милосердия Идочка что-то взахлеб говорит черноусому, а тот глядит мимо нее, и глаза Генриха Валентиновича полны болью и страхом.

«Откройте пещеры невнятным сезамом, — бормочет кто-то у меня в голове, — *о вы, лицемеры, взгляните в глаза нам!.. взгляните, взгляните, в испуге моргните, во тьму протяните дрожащие нити...»*

Голос затихает, я вздрагиваю и выхожу за Фолом в снег и ночь.

На автобусном кругу, метрах в пятистах от проклятой «неотложки» и сволочного Генриха Валентиновича, мы остановились.

Снег перестал идти. Небо блестело холодными искрами, вокруг было тихо и пустынно. Следы наши на этой девственной белизне выглядели уродливо и нелепо: две колеи от колес Фола и Риткиного «Судзуки», две цепочки обычных следов, моих и Риткиных, поскольку бравый жорик шел пешком, ведя мотоцикл за рога, и дорожка крестиков, оставленных любопытной вороной, скакавшей за нами от самой храм-лечебницы.

Фол наклонил голову, прислушался, дышит ли старик, и обеспокоенно нахмурился.

— Я поеду через яр, — тоном, не терпящим возражений, заявил кентавр, — а ты, Алик, обойди по мостику... Знаешь, по какому?

Я знал — по какому. В первый раз, что ли?

— Встретимся на той стороне у бомбоубежища, — продолжил Фол, — и оттуда ко мне. Договорились? Посидишь со стариком, а я по Срани помотаюсь. Что у нас, своих лекарей не найдется?

— А я? — недоуменно спрашивает Ритка. Одинокий фонарь раскачивается над ним, и тень сержанта елозит по снегу, словно пытаясь освободиться и убежать. — Я с вами!

— Не надо тебе с нами, Ричард Родионыч. — Фол в упор глядит на Ритку, и в голосе кентавра звучит уверенность пополам с симпатией к собеседнику. — Никак не надо. Наши не тронут, раз ты со мной, — так ваши не простят. Кто тогда этого Генриха достанет? Я? Или Алик? Вот оно как, сержант...

— Ночью, через яр... — бормочет Ритка, с сомнением кусая губы. — Ты, Фол, не опасаешься, а?

— Не опасаюсь, — улыбается Фол.

— Ну а когда там... Снегурки да Деды-Отморозки пьяные гуляют? Захороводят ведь?!

— Так ведь и я там не всегда трезвый гуляю, — уже откровенно смеется Фол, но я его не слушаю, потому что никак не могу избавиться от ощущения, что за нами наблюдают.

Желтый свет фар мечется по улице, и из-за проволочного заграждения вокруг «неотложки» показывается приземистый «микро» специализированной «Скорой помощи». Открывают-

ся ворота — хотя я не вижу возле них ни одного человека, — и машина, ворча и разбрасывая снег, приближается к нам.

Останавливается.

Хлопает дверца.

«До чего же мне осточертели белые халаты!» — думаю я, глядя на высунувшегося из машины парня.

— Чего надо? — неприветливо интересуется Ритка.

— Я сейчас открою заднюю дверцу, — вместо ответа сообщает парень, — так вы его туда и заносите... На койку положите, она в стену встроена.

Потом, наконец, до парня доходит.

— Я — заведующий кардиологическим отделением, — торопливо добавляет он. — Мне Идочка сейчас звонила... В общем, наплюйте вы на Генриха. Известный перестраховщик. Морду бы ему набить — да нельзя.

— Жалко, — понимающе кивает Ритка.

— Кого жалко? Генриха? Вот уж кого ни капельки...

— Жалко, что нельзя. А то я уж было решил, что можно.

Парень смеется. Смех у него хороший, искренний, и я сам не замечаю, как начинаю улыбаться в ответ. Фол тем временем объезжает машину и, судя по звукам, принимается загружать Ерпалыча внутрь. Слышен приглушенный лязг (инструментов, что ли?) и женский немолодой голос:

— Юлик! Готовь шприц! И помоги мне снять с него этот жуткий кожух...

Фол выкатывается из-за машины. Руки его пусты, и в первый момент это мне кажется ненормальным. Потом я замечаю, что руки кентавра слегка дрожат. Фол тоже замечает это, хмурится — и руки перестают дрожать.

— Завтра с утра можете зайти в кардиологию, — говорит парень, — в седьмой корпус. Узнаете на входе, какая палата и разрешены ли посещения. Спокойной ночи!

Он кивает плечистому шоферу, сидящему рядом с ним и за все это время не произнесшему ни слова. Машина трогается с места, начиная разворачиваться.

— Хороший парень, — подводит итог Ритка. — Не то что этот гад Генрих! Вот кого надо в главврачи...

Ворона, затаившаяся при появлении машины, вновь осмелела, подскакала поближе, клацнула клювом и полетела прочь, хрипло хохоча над нами и всем сегодняшним сумасшедшим днем.

На обратном пути меня прихватило. Я ехал позади Ритки на его мотоцикле — Фол хорохорился, но было ясно, что он здорово устал, — я то и дело тыкался лицом в овчинную спину служивого, как слепой кутенок тычется в безразличную мамашу; мне было нехорошо, все время казалось, что кто-то невидимый вцепился сзади в мою тень и дергает ее изо всех сил, пытаясь оторвать или на худой конец просто скинуть меня с мотоцикла... Я понимал, что это бред, но меня по-прежнему дергало, и я все крепче вцеплялся в Ритку.

А он ехал медленно и осторожно — видимо, что-то чувствовал.

Они проводили меня до самого дома. И правильно сделали: дважды нас останавливал патруль, и оба раза это оказывались Риткины приятели-знакомые, так что мы ехали дальше без хлопот; а подозрительные личности, попадавшиеся нам по дороге, отступали в переулки, понимая, что им придется за нами гнаться, либо с нами драться, либо и то и другое последовательно, а опыт подсказывал подозрительным личностям, что лучше не рисковать, нарываясь на трех взрослых мужиков, один из которых не мужик даже, а кентавр, и второй тоже не мужик, а, похоже, жорик, ну и третий тоже вроде бы не очень-то мужик, ишь, телепается... да пошли они все к чертям собачьим!

У моего подъезда мы остановились. Я слез с мотоцикла и тут же ухватился за Риткино плечо, потому что меня повело в сторону.

Фол озабоченно посмотрел на меня, подергал себя за бороду и, словно решившись, полез под попону и извлек оттуда пластмассовую фляжку с завинчивающимся колпачком.

Горлышко сего сосуда было красиво оплетено цветной проволокой, а ниже плетенки на цепочке болталось человеческое ухо. Маленькое, с ноготь. Шутники хреновы...

— Хлебни-ка. — Фол протянул мне фляжку.

— Не хочу, — чувство равновесия мало-помалу возвращалось ко мне, и только глотка кентовского самогона мне сейчас не хватало!

— А я не спрашиваю, хочешь ты или не хочешь! Я говорю — хлебни. Только немного, иначе стошнит. Домой придешь и спать ляжешь... а спиртного до завтра не пей. Короче, пока совсем не проспишься. Понял?

Если у вас есть выбор: спорить с кентавром или биться головой об стенку — смело начинайте искать ближайшую стенку. Я отвинтил колпачок и осторожно припал губами к фляжке.

Питье было безалкогольным, кисловатым и слегка отдавало перечной мятой. После первого глотка я почувствовал, как по моим мозгам прошлись наждаком, сдирая накопившуюся за день плесень, и по телу пробежала освежающая волна. Второго глотка я сделать не успел — Фол отобрал у меня фляжку и спрятал под попону.

— Обопьешься, — грубовато буркнул он. — А теперь — спать.

— Тебя проводить? — машинально поинтересовался Ритка у кентавра.

— Ага, — весело отозвался Фол, стряхивая хвостом снег с ближайшего куста. — Чтоб наши подумали, будто я под арестом. Или что я — извращенец. Спокойной ночи, Ричард Родионыч!

И без лишних слов умчался прочь.

— Я тебе завтра позвоню? — Ритка взгромоздился на мотоцикл и вопросительно посмотрел на меня.

— Позвони, — согласился я, прислушиваясь к новым ощущениям в себе. — Только не очень рано.

Ритка пнул ногой стартер, а я повернулся к моему другу спиной и побрел к подъезду.

Уже стоя у двери в квартиру и нашаривая в кармане ключи, я услышал робкое повизгивание и обернулся, ожидая чего угодно.

На лестнице, ступенек на шесть выше моей площадки, сидел пес. Большая такая собачина, не меньше овчарки, серая с подпалинами и ужасно несчастная. Шерсть на звере была мокрая и слипшаяся, язык не умещался в пасти и выпадал наружу, как штандарт сдающейся крепости; и сидел этот серый побродяжка неуклюже, боком, сильно перекосившись налево.

— Здорово, — удивленно сказал я.

Пес закряхтел и полез по ступенькам вверх, жалобно поскуливая, — надо полагать, от греха подальше.

— Тебя как зовут-то? — спросил я вслед.

Пес взвизгнул что-то вроде: «Ну чего тебе от меня надо?!» — и лег на следующей площадке, отвернув голову.

Впрочем, уши его настороженно торчали. Мало ли, может, я побегу следом и буду пинаться ногами...

— Колбасы хочешь? — поинтересовался я.

Учуяв жалость в моем голосе, пес соизволил повернуться и заскулил, протяжно-тоскливо ропща на судьбу.

— А ты не кусаешься, приятель?

«Ни в коем случае!» — метровыми буквами было написано на его морде.

Я открыл дверь и приглашающе махнул рукой.

— Заходи, серый, гостем будешь!

Пес не тронулся с места.

— Ну, как знаешь. — Я зашел в квартиру, оставив дверь открытой.

И как в воду глядел: не прошло и минуты, как на лестнице раздалось сбивчивое цоканье когтей о ступеньки, и в дверь просунулась собачья морда.

Я к этому времени уже успел сходить на кухню и вооружиться изрядным куском колбасы. Видимо, это оказалось решающим аргументом — не сводя глаз с вожделенной еды, пес прохромал в прихожую (заднюю левую лапу он сильно подволакивал) и приступил к ритуалу знакомства: обнюхиванию моих рук, дружелюбному ворчанию, вилянию хвостом, подсовыванию своего мокрого затылка под мою левую ладонь для поглаживания, деликатному пережевыванию колбасы и так далее.

Доев колбасу, пес подошел к дверям и остановился в ожидании.

— Уйти хочешь?

Пес лег у дверей, положил голову на передние лапы и прикрыл глаза. Я запер дверь — никакой реакции. Как всю жизнь тут провалялся.

— Сторож... ну, спи пока, а завтра решим, как с тобой быть. Ричарду тебя отдам — будешь служебно-розыскной собакой!

«Ага, разогнался!» — сонно проворчал мой сторож, а я вернулся на кухню и снова полез в холодильник.

Есть не хотелось, но на верхней полке обнаружился стакан с водой, и это было как нельзя кстати. Я захлопнул дверцу, жадно припав к стакану, и лишь когда половина стакана оказалась выпита, я понял, что это не вода. Водка это была — но настолько ледяная, что спиртовой запах практически не ощущался, да и вкус...

Не помню, дошел ли я до кровати.

12

...Я был медной наковальней, падающей с неба.

Я падал десять дней и ночей, розовоперстая Эос с завидной регулярностью выходила из мрака и в него же возвращалась, ветер пронзительно свистел в ушах (наличие ушей у меня-на-

ковальни почему-то казалось совершенно естественным), и нахальная ворона с профилем Фимы Крайца все кружила рядом, вереща дурным голосом о том, что сейчас я пробью землю насквозь и попаду в геенну огненную, а после буду лететь дальше еще десять дней и десять ночей, и вот тогда-то начнется самое интересное...

Но до самого интересного я не долетел.

Вместо этого я неожиданно оказался в очень темном и сыром месте, где пахло грибами, и шагах в двадцати от меня коренастый дядька с блекло-рыжими волосами и бородой присел на корточки, сосредоточенно ковыряя землю коротким мечом.

Лица дядьки я не видел.

«Вступи ты в Аидову мглистую область», — прозвучало у меня в голове, и я вздрогнул, когда воздух вокруг наполнился чеканной поступью воинов, ровными рядами шагающих туда, откуда не возвращаются.

...вступи ты в Аидову мглистую область,
Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно
Вместе с Коцитом, великою ветвию Стикса; утес там
Виден, и обе под ним многошумно сливаются реки...

И впрямь поверх сидящего на корточках землекопа проступила громада мрачного утеса, тенью дремлющего великана нависнув над дерзким; и брызги ударили о замшелый каменный бок, шумом подземных рек вторгаясь в тишину этого места, где пахло грибами, а еще — забвением.

А дядька все копал и копал.

«Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь...» — прошептал кто-то совсем рядом и вдруг зашелся сухим, лающим смехом, прозвучавшим подобно святотатственной клятве.

Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь: под
утесом,
Выкопав яму глубокую, в локоть один шириной
и длиною,
Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их:
Первое — смесью медвяной, второе — вином
благовонным,
Третье — водою, и, все пересыпав мукою ячменной,
Дай обещанье безжизненно веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей
много
Бросить...

Меня бросило в жар. Ни с того ни с сего мне показалось, что дядька, сидящий на корточках у ямы, больше похожей на разверстую могилу для карлика, — это я, хотя мы были совершенно не похожи друг на друга. Это я сидел сейчас, собираясь с духом и загоняя страх куда-то в живот, где он и скапливался холодной лужей, это я готовился совершить неслыханное приношение в невиданном месте, не боясь грома небесного и кары за грехи; а если б Те узнали, чего я хочу, то они содрогнулись бы и кинулись сюда, пытаясь...

Пытаясь — что?!

После (когда обещание дашь достославным умершим)
Черную овцу и черного с нею барана — к Эребу
Их обратив головою, а сам обратясь к Океану, —
В жертву теням принеси; и к тебе тут немедля великой
Придут толпою отшедшие души умерших; тогда ты
Спутникам дай повеленье, содравши с овцы и барана,
Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед вами,
Кожу, их бросить немедля в огонь, и призвать
громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону;
Сам же ты, острый свой меч обнаживши и с ним перед
ямой
Сев, запрещай приближаться безжизненным теням
усопших
К крови...

Теряя сознание, проваливаясь в дурман безумия, растворяясь в окружающей сырости, я слышал гул волн, разбивающихся об утес, и в этом гуле звучали странно знакомые слова: *«Был схвачен я ужасом бледным... ужасом... ужасом... бледным... был схвачен... я... я... я...»*

Суббота,
четырнадцатое февраля

Не щипайте галлюцинацию за бок * Эра Гигантовна * Сортирный исчезник мешает Акту Творения * Архаров заказывали? * Фима-Фимка-Фимочка * Дурные манеры Деда Банзая * О Выворотке и не только

1

Городское неугомонное утро вступало за окном...

Нет, это уже было.

Я лежал под одеялом, не открывая глаз...

И это уже было.

А чего тогда не было?

Память насмешливо фыркнула и свернулась колючим клубком.

Сесть на кровати удалось лишь после изрядного усилия. Должно быть, поэтому я не сразу заметил, что одет. Я никогда не спал одетым. Тем более в шерстяных рейтузах, блузе с капюшоном и теплых носках.

Носки вообще были не мои. Не могло у меня быть таких отвратительных рябых носков грубой вязки, да ещё с черными заплатами на пятках. Владелец подобной мерзости небось склонен к суициду.

И пьет натощак.

Нащупав тапочки, я встал и, придерживаясь за стены, направился в коридор, собираясь дотащиться до ванной и плеснуть водой себе в лицо.

Желательно очень холодной водой.

Увы, в коридоре меня ждал очередной сюрприз — из ванной комнаты доносился плеск и бодрое мурлыканье. Голова немилосердно кружилась, но я все-таки ускорил шаг, распахнул дверь санузла и понял, что до сих пор вел неправильный образ жизни, дурно сказавшийся на психике.

Спиной ко мне, оттопырив пухленькую попку, еле прикрытую смешной оранжевой комбинашкой, умывалась галлюцинация.

— Гав! — зачем-то прохрипел я.

— Пшел на кухню! — не оборачиваясь, отозвалась галлюцинация.

Я подумал и ущипнул себя за бок.

Не помогло.

Тогда я подумал и ущипнул за бок галлюцинацию.

Результат превзошел все мои ожидания: раздался оглушительный визг, в ванной на миг стало тесно, я оказался награжден оплеухой, взашей вытолкан в коридор и мог только ошалело слушать, как с той стороны злобно лязгает крючок.

Пнув дверь ногой, я поплелся обратно в комнату. В углу обнаружился чужой матерчатый чемодан, до половины набитый всяким барахлом. Из шкафа торчал цветастый подол, придавленный дверцей, на тумбочке валялись электрощипцы для завивки волос; рядом со щипцами сиротливо притулился «Помазанник Божий», крем для снятия макияжа с добавлением освященного миро. На стене, бок о бок с моим календарем,

добавился еще один календарь — глянцевый, канареечный, согласно которому мне сегодня рекомендовалось класть присухи на любовь, а также орать в поле, дабы на нивах не было плевел. Я скромно опустил взор и увидел наконец самое невероятное: полы были вымыты и натерты мастикой до совершенно неприличного блеска.

Женился я во сне, что ли?!

Глядя на себя в зеркало (вид у меня был еще тот!), я понял, что ничуть не удивлюсь, если сейчас в комнату влетит сопливый оболтус и кинется ко мне на шею с воплем: «Доброе утро, папочка!»

— Доброе утро! — послышалось сзади. — Как вы себя чувствуете, больной?

— Твою д-дивизию... — непроизвольно вырвалось у меня.

— Что?

— Ничего... — Я обернулся, всмотрелся. — Добрейшее утро, Идочка!

— Вы меня помните, больной?

— Еще бы! Дежурная сестренка милосердия в этой... этом... хре... хра... «неотложке»! Влияние ворожбы на референтную консервацию! Слушайте, хорошая моя, а где ваш роскошный Генрих Валентинович?! На кухне? Завтрак мне готовит?!

Идочка засмущалась и шмыгнула вздернутым носиком, одергивая полы халатика.

— Чай пить будете? — еле слышно спросила она, забыв добавить «больной». — А я вам все-все расскажу... вы только переоденьтесь, ладно?..

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Все округлости чуть круглее, чем требует нынешняя мода на женщин-мальчиков; малый рост вынуждает ее смотреть почти на любого собеседника снизу вверх, доверчиво хлопая ресницами и едва ли не заглядывая в рот — многим это нравится, и видно, что да, многим... Волосы цвета осенней листвы собраны на затылке в узел, румянец играет на щеках, а нижняя губка капризно оттопырена, намекая на способность обидеться без повода и простить без извинений. Хочется погладить, почесать за ушком, мимоходом рассказав о чем-нибудь веселом, наверняка зная: она откликнется смехом, утирая слезы и сама стесняясь этого.

И еще: из таких получаются превосходные бабушки.

Вот она какая, сестренка милосердия Идочка...

Рассказ Идочки потряс меня до глубины души. Я даже не сразу обратил внимание, что пью жиденький чаек с белыми сухариками, в то время как сестра милосердия лопает пельмени, обильно поливая их острым кетчупом. До кетчупа ли, когда выясняешь, что без малого три дня провалялся в горячке?! Ну Фол, ну лекарь двухколесный... впрочем, он ведь честно предупреждал меня, дуролома, чтоб не пил спиртного.

— Я из-за вас с Генрихом вдрызг разругалась, — излагала тем временем девушка, не переставая жевать. — Во-первых, выговорилась от души, а он этого не любит. Во-вторых, самовольно в кардиологию позвонила; в-третьих... Короче, с утра он меня уволил. Я в общежитие — комендантша, стерва крашеная, говорит: выписывайся в двухдневный срок и шевели ножками! Потом самосвал этот, на проспекте... иду по улице, плачу, тушь потекла, не вижу ничего — а тут рев, визг, люди какие-то кричат, и водитель кроет меня на чем свет стоит! Подбегает патруль, спрашивает, я плачу, водитель орет... смотрю — в патруле знакомый ваш!

— Ритка! — догадываюсь я, незаметно воруя у разволновавшейся Идочки один пельмень.

— Ага, он самый, Ричард Родионович... положите пельмень, вам нельзя! Ой, и мне нельзя, я и так толстая, вся в маму... Короче, друг ваш уволок меня оттуда, а когда узнал, что уволенная я и жить мне негде, то привел к вам.

Здравствуй, Ритка, Дед Мороз! Век не забуду, благодетель!..

— Приходим, а вы не отпираете. Ричард Родионович сильно ругаться стали, еще хуже того оглашенного водителя, а потом проволочкой в замке поковырялись, открыли — смотрим, вы на полу валяетесь. И стонете. Тут Ричард Родионович мигом великомученику Артемию свечку, за телефон, в поликлинику позвонили, рявкнули на них, желудочники за полчаса приехали, очистку вам провели — и постельный режим прописали. Хотели госпитализировать: дескать, заболевание странное — так Ричард Родионович воспротивились. Сказал, что девушка — я то есть — здесь останется и приглядит, ежели что!

Я даже не очень заметил, что Идочка говорит о Ритке то в единственном, то во множественном числе. Выходит, вот это пухленькое наивное существо три дня подряд меняло на мне потную одежду и выносило булькающее судно! А я ее за бок, придурок...

— Да вы не смущайтесь! — безошибочно поняла меня добрая самаритянка. — Я ж медработник, для меня больной — не мужчина. До определенного момента.

— Спасибочки на добром слове, — буркнул я, чувствуя, что напоминаю цветом спелую помидорину.

Спас меня звонок в дверь.

Идочка помчалась открывать, а я сидел за столом, макал сухарики в кетчуп и меланхолично отправлял в рот.

До определенного момента... это до какого? Пока не помрет?

— Олег Авраамович, это вас! — закричала Идочка из прихожей и после некоторой паузы добавила: — Из прокуратуры!

Сухарь застрял у меня в горле.

2

Еще спустя минуту я выяснил, что сегодня мне везет на женщин.

Потому что гость, предполагаемый суровый представитель суровых органов, оказался представительницей. И ничуть не суровой, а очень даже милой дамочкой средних лет, одетой под стильным пальто в серый классический костюм — узкая юбка и жакет, плюс туфли на шпильках.

Хотя на улице зима. Значит, пришла она в сапогах, а туфли эти стильные принесла с собой.

В сумочке.

Вместо пистолета, надо полагать.

— Вы Залесский Олег Авраамович? — На щеках у следовательши заиграли обаятельнейшие ямочки, и вопрос показался чуть ли не началом объяснения в любви.

— Да, — вместо меня неприязненно ответила Идочка, выглядывая из-за плеча следовательши.

Я только руками развел.

— Я старший следователь горпрокуратуры Гизело Эра Игнатьевна. Вы разрешите присесть?

По лицу Идочки было видно: она бы ни в жизнь не разрешила.

Я указал на кресло (стоит у меня на кухне этакая развалюха в стиле ампир, еще от родителей осталась), и Эра Игнатьевна грациозно опустилась в него, закинув ногу за ногу.

Ноги у нее были — дай Бог всякому.

Прокурорские.

— Мне бы хотелось познакомиться с вами, уважаемый Олег Авраамович, поближе. Ну и задать несколько вопросов, если

вы не возражаете против неофициальной обстановки. — Эра Игнатьевна смотрела на меня с нескрываемым интересом, который при других обстоятельствах мог бы прийтись по душе. — Впрочем, если вы настаиваете, я могу предъявить свои верительные грамоты. И даже удалиться. До поры до времени.

Я не хотел.

— Тогда скажите: вы близко знакомы с гражданином Молитвиным Иеронимом Павловичем?

— Нет, — честно ответил я. — Вообще не знаком. Не сподобился чести.

— Ай-яй-яй, Олег Авраамович, — наманикюренный пальчик лукаво погрозил мне, — нехорошо врать тете! По имеющимся у меня сведениям, вы не просто знакомы с гражданином Молитвиным, но и доставили его третьего дня в храм неотложной хирургии. Было?

До меня понемногу начало доходить.

— Было, тетя Эра. Доставлял. Соседа своего, Ерпалыча. Вы его, надо полагать, в виду имеете?

Хлебнув чая, я подумал, что и в страшном сне не представлял старого психа Ерпалыча гражданином Молитвиным Иеронимом Павловичем.

— Между прочим, Олег Авраамович болен, — вмешалась Идочка, вызывающе фыркнув. — Ему вредно волноваться.

— А я и не собираюсь его волновать, — ответила Эра Игнатьевна таким тоном, что я живо переименовал ее в Эру Гигантовну. — Просто именно мне поручено курировать дело об исчезновении Молитвина Иеронима Павловича, так что опрос свидетелей — моя святая обязанность. И, зная, что Олег Авраамович болен, я пришла к нему, вместо того чтобы вызвать к себе. Девушка, почему я вам так не нравлюсь? Вы ревнуете?

Пунцовая Идочка умчалась в комнату, а я мысленно поаплодировал следователыше.

После чего принялся подробно излагать, как Фол вынес дверь Ерпалычевой квартиры, как мы нашли бесчувственного старика на полу, как везли в «неотложку» своим ходом, как ругались с Железным Генрихом и как потом милейший паренькардиолог забрал у нас Ерпалыча и увез...

В запале словесного поноса я чуть было не помянул утреннюю перцовку, «Куретов» и мифологического библиотекаря Аполлодора, но вовремя прикусил язык.

Еще сочтет, что мы с Ерпалычем — одного поля ягоды...

— Вот и мне хотелось бы узнать, куда ваш милейший парень

его увез. — Эра Гигантовна, спросив разрешения, налила себе чайку и неторопливо сделала первый глоток. — Понимаете, Олег Авраамович, все дело в том, что в нашей «неотложке» кардиоотделением заведует женщина. Ваша ревнивая пассия может подтвердить мои слова: ведь именно она той ночью называнивала кардиологичке и поругалась с нею, не дождавшись ответных действий.

Я бросил короткий вопрошающий взгляд на вернувшуюся было Идочку. Щеки моей ревнивой пассии из бутонов весеннего шиповника разом превратились в поздние осенние георгины; сестренка милосердия закусила губу, судорожно кивнула и вновь изволила удалиться.

На сей раз — чеканным шагом королевы, шествующей на эшафот.

Во всяком случае, самой Идочке явно так казалось.

— Короче, — продолжила следовательша, — завотделением клятвенно заверяет: да, дежурила, нет, никуда не выходила и никакого старика с инсультом не принимала. Записи в регистрационном журнале подтверждают ее показания. Опять же у меня есть письменное заявление заместителя главврача: о неких подозрительных личностях, мигом умчавшихся с бесчувственным стариком под мышкой, едва он принял меры к выяснению обстоятельств. Лозунг «Люди, будьте бдительны!» во плоти. Выходит, что машину за вами никто не посылал. Вы случайно не могли бы мне описать этого белохалатного «бога из машины»?

Я задумался. Парень как парень, симпатичный, доброжелательный, особенно после общения с гадом Генрихом. Выходит, он вовсе и не врач?! Тогда кто?

Ерпалыч, кому мы тебя отдали?!

Век себе не прощу...

В прихожей послышался негромкий скрежет, словно кто-то царапался к нам со стороны лестничной площадки, потом щелкнул замок — и мгновенно раздалось Идочкино сюсюканье:

— Вот он, наш маленький, вот он, наш серенький! Ну заходи, заходи, не студи квартиру...

Наш маленький и серенький не заставил себя долго упрашивать — и мигом оказался в кухне. Было видно, что подобранный мною пес времени даром не тратил. Отъелся, надо сказать, преизрядно. Лоснился и сиял. А также держал хвост трубой, морковкой и пистолетом.

Ткнувшись по дороге мордой мне в колено и приветственно гавкнув, наглый экс-бродяга улегся в углу, заняв добрую треть

кухни. После чего уставился на ноги Эры Гигантовны таким взглядом, что на щеках следовательши выступил легкий румянец.

— Овчарка? — спросила она.

«Овчарка-овчарка», — умильно облизнулся пес.

— Кобель, — дипломатично ответил я.

Объявившаяся следом за собакой Идочка энергично закивала.

— Не то слово, Олег Авраамович! Всем хорош: и гуляет сам, и дома не гадит, и жрет что ни дашь, хоть мясо, хоть морковку... Зато как я мыться соберусь, так проскользнет, подлец, в ванную и не уходит! Я уж его и тряпкой, и словами — ни в какую...

Похоже, сексуально-собачьи проблемы Идочки нисколько не взволновали Эру Гигантовну. Она задала мне еще пяток совершенно пустых вопросов — и собралась откланяться.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Сухие, породистые черты доберманши из элитного питомника. Возраст еще не тяготит, лишь добавляя опыта и умения оседлать ситуацию столь же легко, как выбранного на ночь мужчину в постели. Косметики мало, лишь рот чуть тронут перламутром помады, и тушь на длинных ресницах практически незаметна. Ей пошли бы очки, дымчатые стекла в тонкой оправе из золота-обманки, но очков нет, и карие глаза смотрят коротко, остро, будто опытный кровельщик вбивает гвозди в черепицу.

И еще: машинальная отточенность жестов — мелких, внятных, как у актрисы, привыкшей играть крупным планом.

Вот она какая, Эра Гигантовна, старший следователь прокуратуры...

Вот тут-то и раздался очередной требовательный звонок в злосчастную дверь моей квартиры. Оказывается, визиты на сегодня не закончились; более того, у меня возникло странное предчувствие, что они только начинаются!

Идочка, мой добровольный швейцар и ангел-хранитель, уже сражалась с замком — и в прихожей почти мгновенно воздвигся бравый сержант-жорик Ричард Родионыч. А следом за Риткой из клубов морозного пара высунулся обширнейший нос, под которым обнаружилась широченная ухмылка моего однокашника Ефимушки Гаврилыча Крайцмана, кандидата... нет, с недавних пор доктора биохимии!

Похоже, я никогда не смогу привыкнуть к очевидному для всех и невероятному для меня: Фима-Фимка-Фимочка, Архимуд Серакузский, теперь доктор!

Мой пес немедленно принюхался к свертку в Фимкиных руках и, радостно повизгивая, уставился мне в глаза со всей возможной преданностью.

— Ну уж тебя-то не обойдут! — успокоил я серого проглота, и псина с веселым лаем бросилась встречать гостей, едва не сбив при этом с ног зазевавшуюся Идочку.

— Очухался, очухался, алкаш хренов! — заорал с порога Ритка, обличающе тыча пальцем в мою сторону. — Гляди, Фимка, гляди, что творит! Полный дом баб навел, чаем их поит!

Это я, значит, навел...

— Ты, Алик, не устаешь нас поражать, — поддержал Крайцман мерзавца-служивого. — Насколько известно науке в моем лице, ты единственный, кому удалось допиться до трехдневного беспробудного бодуна!

Жизнь становилась прежней. Все происходило само собой без всякого моего вмешательства. Я только стоял, слушал их беззлобную болтовню, наблюдая, как мои приятели отряхивают снег и разоблачаются — и вот они гурьбой набились в кухню, бесцеремонно разглядывая следовательшу, строящую им глазки, а Ритка жорским чутьем угадывает профессию (а может, и звание) моей гостьи, вытягиваясь по стойке «смирно», но Эра Гигантовна благосклонно машет ему ручкой, а тут вдобавок Фимка отодвигает нашего сержанта в сторону и запоздало лезет ко мне обниматься. Идочка выходит из ступора и скачет вокруг нас с писком: «Отпустите! Немедленно отпустите больного! Вы септический!» — и Фима отпускает меня, Идочка успокаивается, все, кроме Ритки, рассаживаются и дают мне отдышаться, а заодно и задуматься о будущем.

Впрочем, о будущем позаботились без меня — судя по Риткиной фразе: «Мы тут тебе... в смысле, вам с Идочкой пожрать принесли».

— Вот именно, — подтверждает Фима, шурша оберточной бумагой.

В принесенном пакете обнаруживается ветчина, при виде которой мой пес неприлично визжит от радости, сыр, хлеб, апельсины, один лимон, полулитровая банка с подозрительной мутной жидкостью («Бульон»,— успокаивает Крайц) и прочие дары волхвов в ассортименте.

Фимка еще шуршит и достает, а взбесившийся дверной зво-

нок вслух предупреждает меня, что «предчувствия его не обманули»!

Это пришла тетя Лотта, радостно всплеснув озябшими ручками при виде меня в добром здравии — и чуть не уронив из-за этого судок с борщом и котлетами.

Зазывая старушку в комнату и уговаривая ее не стесняться, я обнаруживаю, что пес обрадовался тете Лотте гораздо больше, чем принесенной Фимой ветчине.

Знает он ее, что ли?

В смысле, знает тетю Лотту — в том, что пес знает ветчину, сомнений не было.

В квартире воцаряется полный бедлам: все наперебой осведомляются о моем самочувствии и дают разные полезные советы, от которых Идочка только фыркает и шепчет мне на ухо, чтобы я не вздумал этим советам следовать, если хочу дожить до старости; мне предлагают съесть и то, и другое, и еще вот это — я послушно киваю и жую то и другое, и еще вон то, пытаясь одновременно говорить, а все делают вид, что понимают меня, хотя ни хрена они не понимают, потому что я и сам себя не очень-то понимаю. А понимает меня один только серый пес, которого я потихоньку кормлю обрезками ветчины. Ритка гудит о предстоящем то ли в субботу, то ли в воскресенье (правда, непонятно, на какой неделе!) санкционированном митинге кентавров, который явно грозит нарушить установившуюся в городе относительную тишину; Фима проклинает свою промышленную экологию и поганые биофильтры, которые все время летят, но после целевой заутрени и вмешательства окраинных утопцев фильтры перестало клинить, зато заклинило Фиму, несмотря на его замечательную докторскую степень. Тетя Лотта сперва увлеченно рассказывает о двух батюшках-отступниках, на позапрошлой неделе едва не сорвавших службу в Благовещенском соборе и даже грозивших предать анафеме прихожан вкупе с самим владыкой; потом она без видимого перехода начинает сокрушаться о пропавшем Ерпалыче, пес лижет ей руки, а следовательша из прокуратуры очень внимательно слушает старушку и даже что-то записывает. Короче, я и не заметил, как кто-то притащил из холодильника водку.

«Столпер-плюс», с портретом Столпера-равноапостольного на этикетке, — люблю ее, она лавровым листом отдает, на послевкусии.

Увы, Идочка безошибочно вычислила виновного, набросившись на Фимку — поскольку, по ее словам, я еще не оправился

от болезни и в ближайшие лет пятьдесят не оправлюсь, если у меня такие друзья! — я развожу руками, встаю и, дабы не впасть в искушение, отправляюсь в туалет.

— На прошлой неделе одного дурака-рэкетира брали, — доносится до меня веселый бас Ритки, и я задерживаюсь в коридоре, чтоб послушать. — Долги под заказ из должников вышибал. Способ, дескать, колдовской разведал, чтоб без проблем. Я у него, когда наручники нацепил, спрашиваю: что за способ? А он мне серьезно так: очень просто, служивый! Берут два яйца двумя пальцами, протыкают иглой трижды с двух сторон...

Первым хрюкнул Фима-Фимка-Фимочка.

— ...с двух сторон, значит, потом опускают яйца в кипящую воду с солью и перцем...

Деликатный смешок — это следовательша; и почти сразу меленько захихикала тетя Лотта, старая заговорщица.

— ...потом дверь на замок, ключ в кипяток, и поешь фальцетом: *«Черт приносит того, кто просит! Замок я закрыла, долг в яму зарыла, забрала у пакостника иль убила!..»* Ну, дальше я не помню. И напоследок...

— Чего это вы все хохочете? — слышен мне обиженный возглас Идочки. — Нет, правда, что тут смешного?!

— А главное, напоследок, — заканчивает Ритка, весь сотрясаясь в пароксизмах. — Главное в том, что ключ с яйцами вареными надо снести на могилу с именем должника, а замок от двери — на могилу с именем кредитора! Я у него спрашиваю: и что, впрямь никаких проблем? Кивает, зар-раза... если, говорит, гостинцы на могилы снести не забудешь, то никаких...

Ухмыляясь, покидаю коридор.

Ну, Ритка, ну, шалопай...

Заперев дверь туалета на задвижку и отгородившись ею от слабо доносившегося из комнаты гула голосов, я вздохнул с облегчением. Ну и денек сегодня! Одно могу сказать: Идочка — молодец. И как сестра милосердия, и вообще... Или это наша первая встреча в ванной так на меня подействовала? Вряд ли: что я, голых баб не видел?! Видел. Да и не голая она была, хотя и пес на нее как-то так косится, и я — тоже кобель еще тот...

Тоненькая пачка листков в клеточку вываливается из моего кармана на кафель пола, я вспоминаю, откуда у меня взялись эти листки, — и, поскольку сидение в туалете располагает к чтению, по новой углубляюсь в письмишко Ерпалыча.

Мысль отдать листки Эре Гигантовне возникает несколько позже, и убедительностью эта мысль не обладает.

«АКТ ТВОРЕНИЯ»
(страницы 3—9)

...Вот так я впервые и познакомился с сектантами Волшебного слова. Впрочем, к тому времени их почти никто не звал сектантами, особенно в кулуарах городского филиала НИИПриМ — Института Прикладной Мифологии.

Через неделю приглашают меня на Космическую, 28, в этот самый ПриМ, к трем часам дня. Попросили рукопись почитать — дескать, знают, что я в часы досуга литературкой балуюсь, и намереваются издать. Ничего, что не по профилю, ничего, что у них не издательство, зато лицензия есть. Вы только не удивляйтесь, Алик, но я тогда вроде вас был, графоманил помаленьку. Целый романище нарисовал. Финал один остался. Разве что вы с «Быка в Лабиринте» начали, а меня с самого начала на Геракле зациклило. Павшие там всякие, жертвы, Семья Олимпийская... Одно удивительно, Алик: с такой скудной подготовкой, как у вас, прийти к сходным взглядам на Элладу XIII века до нашей эры можно было лишь... одно скажу — талант! Матерый вы человечище!.. Не обижайтесь, шучу. Короче, почитали в ПриМе мое бумагомаранье, посетовали, что не до конца дописано, поговорили со мной по душам и работу предложили. Завалили по уши всякими Аполлодорами, Павсаниями, Ферекидами, Диодорами Сицилийскими в ассортименте; а от меня требовалось — «сумасшедшие допуски и сумасшедшие выводы»! Комнату мне выделили, то бишь кабинет, компьютер поставили. Меня еще удивляло поначалу — какого рожна я, словоблуд-эллинист, им занадобился? Потом уже понял: синтетиков у них не хватало. Информации валом, а непредвзятых голов, которые способны на любое безумное допущение, на синтез несовместимого, — этого не было.

Забегая вперед, добавлю: книжку мою они таки издали. Гонорар выдали, неплохой гонорар по тем временам, в придачу десять авторских экземпляров, которые я за три дня друзьям раздарил... Спрашивал: почему в нашем городе книга не продается? Сказали, что книготорговцы весь тираж увезли за кудыкины горы, где цены выше. И то дело — не отвечать же мне, дураку, что десятью экземплярами все издание и ограничилось! Не для того Молитвина Иеронима Павловича на работу брали...

Отдел, по ведомству которого я числился и даже зарплату получал, назывался «МИР». В смысле «МИфологическая Реальность». Не самая удачная аббревиатура, но сойдет. Слыхал я, хотели сперва «Мифрел» назвать, но у одного британского профессора уже похожее слово проскальзывало.

Решили, видимо, что нашим осинам дубы Ее Величества — не указ.

Приятель мой, что телевизор умасливал, там же вкалывал. Он мне и поведал (после того, как взяли с меня подписку о неразглашении), каким образом в нашем городе окопалась секта Волшебного слова. Прорвало в середине 90-х городские очистные сооружения. Город почти все лето без воды, эпидемия грозит — тут дюжина отчаянных голов и решила: прадеды, когда с озером случались нелады, шли на поклон к водянику, когда с домом — проблемы, домовому кланялись, если в лесу — беда, лешему мед или там девок носили-водили... Отчего не попробовать? Термин придумали: болевые точки окружающей среды. Вроде иглоукалывания. Для них леший не леший, а персонифицированная активизация саморегулятора лесомассива, воздействовать на которую путем локальных приношений... Не пугайтесь, Алик, я дальше не буду, самому больно было всю эту дребедень слушать. Поначалу не выходило ничего, хоть полдома баклажаном измажь, а там глядь — сперва по мелочам, дальше больше: канализация фурычит, электроприборы на «ять», про ремонт квартир и думать забыли!

Вот так впервые к Тем и достучались; я имею в виду — к городским Тем, поскольку к Тем природным пращуры наши достучались еще во время оно.

Достучались — и в конечном счете угробили практически всех.

Только не считайте, что наши с вами соотечественники самые умные. Секте Волшебного слова, как я понял, еще на тот день лет сорок было, не меньше. И ареал распространения — широчайший. От черных кварталов Чикаго (этим жизненный прагматизм еще не всю веру в Вуду вытравил) до неоновых реклам Токио, где не раз в канализации видали водяного-каппу с темечком, полным воды. Просто помалкивают они: кому охота рай обетованный на психушку менять?!

И удивляться не стоит. Город — он ведь тоже среда, вроде природной... чем мы хуже предков? Тем, что умнее? Так поглупеть — дело недолгое! Оглянись, горожанин: кругом свои скалы и озера, свои солнце и звезды, свои засухи и наводнения! Нарушили баланс — и загнулись! Причем никакого самовосстановления, как в природе, не наблюдается, и даже наоборот! Приходится все время поддерживать нормальный режим существования, быть рабом среды, пахать на нее, родимую... Познакомился я там с одним старичком, из профессоров кислых щей, тема у него была —

«Акт творения». Он мне и рассказал, что в классических мифологиях актов творения мира фактически два: глобальный и локальный, вторичный. Первый, абстрактный, — это когда мышка бежала, хвостиком махнула, Яйцо Брамы и раскололось; или там Небо с Землей инцесты почем зря крутят. Второй Акт, конкретный, — это уже потопы, извержения, род людской на краю гибели и начинает все сызнова. Умный был старичок, дотошный, одного понять не мог: почему у тех замов-завов, кто его работу курировал, выправка армейская? Очень уж его это дело волновало... а еще его волновало, что если момент превращения крупных мегаполисов в окружающую среду, аналогичную природной, можно считать первым Актом творения (мир, в котором можно жить, созданный конкретным Творцом(ами) — остальное сути не меняет), то когда и каким образом произойдет второй Акт нашей драмы?

Я же интерес его считал исключительно умозрительным, под чаек из термоса.

Он мне и позвонил, когда Большая Игрушечная шарахнула. Только и успел в трубку крикнуть:

— Акт творения! Ах, сволочи...

Это потом, Алик, все свалили на террористов. Будто бы игра такая была у подростков: игрушечные бомбы по городу прятать и с электронным детектором искать потом и обезвреживать — а проклятые террористы в дюжину-другую бомбочек краденого урану напихали! Действительно, была такая игра, модная до чрезвычайности, пацанва с ума сходила, да и бомбочки безопасные были — пшикнет фейерверком, и все!

Может, и террористы.

А мне все думается, что прав был старичок: эксперимент над нами поставили, Алик! Второй Акт творения в одном, отдельно взятом за задницу, городе! Уцепить обывателя за шкирку, как неразумного кутенка, сунуть за грань выживания и заставить искренне, истошно, до поросячьего визга поверить в Тех пополам со святцами, ибо больше верить не во что. Своими-то силами городскую инфраструктуру нипочем не восстановить, у правительства в амбарах шаром покати, а на переезд в другой город не у каждого деньжата найдутся! Вы вот, возможно, уже плохо помните, а я как сейчас вижу: весь квартал в руинах, местами радиацией трещит-подмигивает, а в одном-разъединственном доме и свет тебе, и вода горячая, и отопление, и развлекательное шоу по телевизору! Тут уж во что хочешь поверишь! И всех дел — мольбы

вовремя вознеси да жертвуй исправно! Жми на болевые точки среды и заставляй саму себя лечить!

Православная церковь у нас первой поняла, что значит истинная вера высшей пробы, особенно когда мольба подтверждается сиюминутным результатом, и результат можно пощупать, потрогать и в рот сунуть. В самом скором времени на газовых плитах объявились «алтарки», в продаже возникли справочники со сносной внизу, прямо на обложке: «Какому святому в каких случаях следует молиться»... Алик, до смешного доходило, до курьезов! Вы вот не помните, а мне доводилось видеть и такие абзацы: «XXXVII. Кто идет в лес или лесопосадку. Взывать к царю Соломону (до Р. Х.) — и поможет тебе. (Молит. 228)». И взывали: туристы кросс вдоль березнячка чешут и хором:

— Царю Соломоне, премудрый бывый, охрани мя от гнуса болотного, от растяжения связок...

Ладно, не будем прошлое ворошить.

*Мы ведь до сих пор на карантине, Алик, вся область закрыта. Негласно, правда. Эмигрировать из города можно: отец ваш уехáл, и мои некоторые знакомые — ведь о жизни нашей кому рассказать, никто не поверит; зато приехать к нам далеко не всякий сумеет. Сейчас это и не особо важно: те, кто к моменту Большой Игрушечной только взрослеть начинал, вроде вас и младше, в любом нормальном городе жить и не сумеют! Куда вам ехать?! Вы к кентаврам привыкли, к лотерейным молебнам по графику, к заговорам от короткого замыкания! Вас ночью подыми с постели, вы наизусть, как попка, отбарабаните, кому за что свечка положена: Луке-евангелисту (кто идет в огород садить), мученику Вонифатию (исцеление от запоя), святителю Митрофану (в заботе о должности)... Я прав?! Вам моя центральная квартирка с плитой без «алтарки» уже странной кажется, а в другом каком городе все квартирки, все плиты пока что такие! Ведь все живут в реальности обыденной, а мы с вами примерно десятилетие живем в реальности **мифологической**! Другие законы, другие правила игры, другой образ существования и сосуществования! Нам Минотавр какой-нибудь или там трудоустроенный утопец из горводслужб понятней, чем брат родной, живущий за пару сотен километров от нашего города! Ведь в любом нормальном месте любой нормальный человек отчетливо представляет, что вокруг только **Эти**; а у нас и **Эти**, и **Те**! Мы даже не замечаем, что у нас город навыворот! Ну вот мы и пришли к самому главному.*

Кое-что мне мой старичок еще тогда...

...И вдруг мои сумбурные чтения в «кабинете задумчивости», совмещенном с ванной комнатой, были прерваны самым неожиданным образом.

Кафельная плитка на стене справа от меня начала вспучиваться, словно даже плавиться, и из нее высунулась жилистая склизкая ручища с обломанными ногтями. Лапа эта попыталась за что-нибудь ухватиться, я отшатнулся, не успев еще испугаться, — и тут толстые пальцы вцепились в трубу, ручища напряглась, и из стены выбрался тощий голый человек со спутанной гривой бесцветных волос.

Выбрался и в упор воззрился на меня.

Нет, не человек.

Исчезник.

Тот, что в стене сидит.

— Абрамыч, — сказал исчезник, пришепетывая и воровато озираясь. — Здорово, Абрамыч.

— Здорово, — машинально отозвался я, чувствуя себя, мягко выражаясь, не в своей тарелке: сижу, понимаешь, на унитазе со спущенными штанами и с исчезником лясы точу!

И кукиш ему в рыло ткнул: для налаживания контакта.

Зад-то и так у меня голый, чего уж дальше заголять?!

— Ты вот что, Абрамыч, — забормотал исчезник, не обращая ни малейшего внимания на приветственный кукиш, а также на мой непрезентабельный вид, — ты это, значит... Не ищи ты старикашку, ладно? Забудь. Дрянной он старикашка! Совсем дрянной. Хуже некуда.

Он подумал и поправился:

— Есть куда. Станешь его искать, разговоры ненужные разговаривать — тебе, Абрамыч, ой куда хуже будет! Живот не болит? Очень болеть станет. И не только живот.

В дверь что-то заскреблось — и тут же в коридоре раздался оглушительный лай.

Исчезник дернулся, отскочил поближе к стене, присел на корточки, в упор глядя на меня пронзительными немигающими глазищами без зрачков... Неуверенный он какой-то был. Неправильный. Уж больно смахивал на воришку, которого вот-вот поймают на горячем.

Снаружи послышались возбужденные голоса, пес лаял не переставая, и почти сразу громыхнул Риткин бас:

— Алька, с тобой все в порядке?

— Думай, Абрамыч, — исчезник наполовину втиснулся в

стену, облизал черным языком края безгубого рта. — Крепко думай. Чаще в нужники ходи.

И исчез.

Бесследно.

Как и положено исчезнику.

В следующую секунду дверь с грохотом и треском распахнулась, отлетевшая задвижка, чуть не выбив мне глаз, срикошетила от крышки мусорного ведра и булькнула в таз с водой, забытый Идочкой в ванне.

— Ну запор у человека, — буркнул доктор наук Крайцман, обращаясь к толпящимся у него за спиной гостям. — Обожрался с голодухи, а вы сразу: ломай, Фима, двери...

3

ОПЫТ СЮИТЫ ФОРС-МАЖОР ДЛЯ ДВУХ ПРИДУРКОВ С ОРКЕСТРОМ

I. OUVERTURE

— Телефон, — глупо улыбаясь, сказал я.

Если вам смешно, пораскиньте мозгами: сумел бы кто-нибудь на моем месте улыбнуться с умом? Особенно когда в голове до сих пор эхом отдается назойливое пришепетывание: *«Абрамыч... ты это, Абрамыч... живот не болит?»*

Приладившийся было чинить вырванную с мясом задвижку Фима нетерпеливо отмахнулся, Ритка вообще звонки проигнорировал — одна Идочка метнулась в комнату, и спустя миг оттуда послышались ее возгласы:

— Алло! Ну алло же! Говорите, я вас слушаю!

Я подтянул штаны, смущенно распрощался со следовательшей — Эре Гигантовне, как оказалось, было пора, и никакой чай не мог задержать ее даже на секундочку, — запер за ней входную дверь и нос к носу столкнулся с вернувшейся Идочкой.

— Наверное, не туда попали, — она виновато глядела в пол, словно чувствовала себя ответственной за то, что не сумела докричаться до кого-то в трубке.

— Наверное, — утешил ее я.

Кто бы меня утешил?

Телефон зазвонил снова.

Придержав за пухлое плечико сестренку милосердия, со-

бравшуюся продолжить односторонние переговоры, я подошел к аппарату и снял трубку сам.

— Да? — бросил я в шипение и треск.

— Немедленно вали из дому, — хрипло ответили из трубки. — Понял? Еще помнишь, что у Икара никогда не было крыльев? Буду ждать тебя там, где ты это понял. Только быстро!

И шипение восторжествовало.

— Кто это? — Вид у Идочки был крайне озабоченный. Я косо глянул на нее, потом в настенное зеркало, увидел в его омуте бледного как смерть Залесского Олега Авраамовича и понял причину беспокойства моей сиделки.

— Ошиблись номером, — я попытался ободряюще подмигнуть, и это у меня не получилось.

Я узнал голос в трубке.

Это был Фол.

Вот только откуда кентавру известно, что у Икара не было крыльев?! Я и сам-то услышал это от Ерпалыча, когда уводил старика от разозлившей его афиши... Стоп! Выходит, Фол ждет меня там? И уверен, что мне необходимо валить из дому, причем немедленно?! Что же это получается: срывайся и беги незнамо куда, потому что моему двухколесному приятелю взбрела очередная чушь в его лохматую голову?!

Да.

Срывайся и беги, потому что, когда Фол хрипнет, ему надо верить.

II. MENUETTO

На лестничной площадке раздался гулкий топот множества ног — я слышал его отчетливо, стоя у смежной с подъездом стены, — резкий выкрик, похожий на команду, грохот, лязг металла... «Похоже, сегодня день выносимых дверей», — мелькнула судорожная мысль, и почти сразу в голове стало пусто, а в квартире тесно.

Пятнистые комбинезоны с меховыми воротниками, засыпанными тающим снегом, вязаные шапочки-капюшоны с круглыми прорезями для глаз и рта, отчаянный скулеж моего пса, ударенного в брюхо носком кирзового сапога. «По какому праву?..» — это Фима, а Ритка молчит, что само по себе удивительно, и Фима уже молчит, захлебнулся и смолк, а плечистый мужик толкает меня в грудь и ревет быком: «На пол! Все на пол, лицом вниз!» Ложусь на пол, послушно, даже угодливо, рядом падает Идочка, грудью тесно прижавшись к моей щеке, и при

других обстоятельствах это мне могло бы понравиться, но сейчас я не слишком хорошо представляю, что могло бы понравиться мне настолько, чтобы...

Нет, героя из меня не получится.

Этакого рубахи-парня, прошедшего огонь, воду и медные трубы, способного плавать в любых обстоятельствах, как карп в пруду, и при помощи зубочистки расправляться с агрессией... нет, не получится.

Это уж точно.

— Будьте любезны, поднимитесь.

— Я?

— Ну разумеется, вы.

Поднимаюсь.

Вместо маски-шапочки передо мной обычное человеческое лицо: круглое, добродушное, щекастое, совсем не страшное, голубые глаза улыбаются, сопит заложенный с мороза вздернутый нос, оттаивают рыжие усы щеточкой, и единственное, что портит общую приятность, — полковничья форма.

Если не задерживаться на лице и опустить взгляд.

Лицо парит над формой, над звездчатыми погонами, как воздушный шарик над тяжелым танком.

И Михайло-архистратиг на петлицах: крылач с воздетым мечом.

Ритка в «Житне» что-то говорил о полковнике с такими петлицами... спецназ, архистратиги, прозванные в народе сперва архаровцами, а там и просто архарами — для краткости.

— Имеет ли смысл спрашивать: вы Залесский Олег Авраамович? — смеется воздушный шарик, собирая морщинки-трещинки в уголках нарисованных глаз.

Пожимаю плечами.

Наверное, не имеет.

— В таком случае, соблаговолите одеться и проехать с нами.

— Я... я арестован?

— Скажем иначе: вы задержаны. Для выяснения некоторых интересующих нас обстоятельств. Или вы предпочитаете быть арестованным?

Я не предпочитаю.

Архары в комбинезонах грязными снеговиками застыли по углам комнаты, поигрывая длинными дубинками с маленькой поперечной рукоятью. Я иду одеваться, вижу до сих пор лежащих на полу Ритку и Крайца, над ними стоят трое, курят и лениво стряхивают пепел в любимую мамину вазочку, а тетя Лот-

та скорчилась на кухне в кресле и трясется мелкой дрожью — сделали-таки старушке послабление, не ткнули мордой в паркет, пожалели... Рукава какие-то узкие, жестяные, я никак не могу попасть в них, Идочка помогает мне с разрешения доброго полковника, шарф тычется мохеровым ворсом в рот, и это неприятно, но запахнуться по-человечески почему-то не получается, пока полковник не выходит в коридор и не командует поднимать задержанных и вести вниз, в машину.

Идем по лестнице.

III. GIGUE

На улице светло-светло, тысячи разноцветных искр весело гуляют по сугробам, оттесненным работящими дворниками к самому краю тротуара. Прогуливающая толстого карапуза мамаша аккуратно обходит нас и шествует дальше как ни в чем не бывало, а ее пацан все оборачивается, все смотрит на странных дядей, блестит глазенками из вороха пуховых платков — ну интересно ему, ему сейчас все интересно, в отличие от меня!

Пацану влетает по попе, и дяди больше не занимают его воображения.

Забавное дело: ведь сто раз придумывал, как главный герой попадает в переделку — и сразу все понимает, сразу ориентируется в обстановке и начинает действовать: этому пяткой в глаз, тому кулаком по шапочке, потом заячьей скидкой в подворотню и заборами, проходняками, мусорками...

Куда?

Зачем?

Может быть, я не главный герой? Второстепенный кинется заячьей скидкой — а ему даже и не пулю в спину, а сапогом в задницу! Лежи, козел второстепенный, сопи в две дырки и не рыпайся, *пока солидные персонажи делом занимаются*!

Только тут я соображаю, что у ворвавшихся ко мне ребят на поясах висят массивные кобуры; и предположение, что там они держат соленые огурцы под закусь, не кажется мне убедительным. Значит, не подставка; значит, власти. Раз легальные стволы; раз Те не берут пятнистых за душу — значит, у пятнистых все в полном порядке. Это у меня не в порядке. То стариков больных невесть кому отдаем, то на следовательские ножки заглядываемся, письмишки странные на унитазе читаем, с исчезником по сортирам душевно беседуем, а вот еще и задержанным нам быть не нравится, странные мы люди, однако...

Все происходит настолько быстро, что я толком не успеваю ничего сообразить. Бесшумным призраком выныривает из-за

угла Фол, отработанно смыкаются вокруг меня, закрывая обзор, пятнистые комбезы, визжит Идочка где-то сбоку — и над самым ухом бешеной вьюгой взвивается дикий рев Фимы Крайца, когда доктор всяческих наук принимается расшвыривать парней из группы захвата, давая кентавру возможность прорваться ко мне. Потом — несколько очень коротких мгновений, состоявших из сплошной мешанины рук, ног, тел... оскаленный Ритка с чьей-то дубинкой в руке размазывается между двумя опаздывающими архарами — и медленно вырастает из крутящегося снега громада растрепанного Фола в неизменной футболке со странной надписью «Халки»; на самом деле, конечно, не медленно, а очень даже быстро, но время вдруг стало резиновым, как дубинки пришедших за мной безликих людей, и в эти резиновые секунды до истукана по имени Алик все-таки доходит, что мои друзья дерутся *за меня*, а я стою и моргаю, вроде я тут ни при чем. Так что до того, как Фол обхватил меня своими ручищами и силком зашвырнул себе на спину, я все-таки умудряюсь съездить по скуле ближайшего архара, никак не ожидавшего от меня такой прыти, а когда гад почему-то не захотел падать — искренне пытаюсь добавить ногой в пах. Но полюбоваться эффектом этих действий мне не дает Фол, и, наверное, правильно не дает, драчун из меня...

Морозный воздух обжигающе свистит, когда Фол рвет с места, сразу развив предельную, на мой взгляд, скорость. Я судорожно хватаюсь за его покатые плечи и, оглянувшись, успеваю увидеть: пятнистые сбили с ног Ритку и сосредоточенно топчут его сапогами, рядом сгибается в три погибели мой конвоир, у которого «в паху дыханье сперло», а Фима, в разорванном пальто, без шапки и с окровавленным лицом, еще держится, прижавшись спиной к их же машине, и по каменеющей физиономии Крайцмана я понимаю, что если ребята вежливого полковника не свалят Фимку в ближайшие несколько секунд, то потом им останется только убивать его — когда у Фимы в горячке боя «упадет планка»...

IV. SARABANDE

Фима Крайц — это особая история.

Он пришел в наш класс, когда мы разменивали двенадцатый год жизни на тринадцатый. Разменивали бурно, утирая юшку из носов и гордо дымя ворованными у родителей сигаретами. Самое дурное время: гормоны в крови стенка на стенку ходят, круче нас только яйца, мочу возьми на анализ — сплошные пузырьки, как в шампанском!

А тут Фима-Фимка-Фимочка! Толстенький, низенький, носатенький, очкастенький; не человек — удовольствие для оболтусов, пометивших вокруг всю территорию и уже в силу этого преисполненных всяческого орлизма по отношению к чужакам.

Фима стоял, поставив к ноге такой же пузатенький, как и он сам, портфельчик, и блестел себе по сторонам лупатыми глазками-сливами, а судьба уже шла к нему, судьба в лице величайшего из великих, что было не раз доказано в кровавых схватках между вождями мальчишечьих племен.

Величайшего тогда еще никто не звал Ричардом Родионовичем.

— Здорово, ворона! — бросил Ритка и ухватил двумя пальцами Фиму за шнобель.

Я на правах Риткиного одноколясочника и друга детства протиснулся вперед, растолкав сладострастно ахающую толпу, и стал ждать продолжения.

Продолжения не было. Ритка почему-то замолчал, пальцы его ослабли и касались Фиминого носа едва ли не ласково, словно боясь раздавить нечто хрупкое до невозможности, а конопатое лицо величайшего из великих медленно наливалось дурной кровью. Только когда из Риткиного рта донеслось что-то вроде сдавленного мычания, я догадался опустить глаза — и меня чуть не парализовало. Толстенькая лапка новичка находилась у величайшего Ритки в области... ну, мягко скажем, в области промежности, и лапка эта благополучно успела сжаться в неприятный кулачок, твердый даже на первый взгляд.

Продолжая сжиматься дальше.

— Меня зовут Фимочка, — сказал новичок.

Ритка судорожно кивнул.

Так и стал: Фима-Фимка-Фимочка, а уж потом, после первых ответов у доски, — Архимуд Серакузский.

Вечером того же дня, после уроков второй смены, Фимочку пришли забирать его родители. Гаврила Крайцман, длинный, как жердь, тощий и нескладный очкарик, и Фимина мама, весьма похожая на сына — приземистая и плотная, словно литая.

Они очень смешно смотрелись рядом.

Но Ритка не смеялся, а без него мы не решились.

Назавтра, на уроке физкультуры, Фима не смог ни разу подтянуться на турнике. Дергался, корячился — ни в какую. Наш учитель, двухметровый плечистый осетин с наголо бритой головой, за что получил банальнейшую кличку Фантомас, долго смотрел на Крайцмана и укоризненно поджимал губы.

— Не стыдно? — спросил Фантомас.

— Нет, — ответил честный Крайцман и встал в строй.

Мы загалдели.

— Разговорчики! — прикрикнул Фантомас. — Всем по двадцать отжиманий!

Отжавшись пятнадцать раз, я упал и с удовольствием ощутил под собой твердый и холодный пол спортзала. Рядом пыхтел Ритка, набирая лишний десяток сверх нормы.

А потом мы еще долго смотрели на Фимочку, продолжавшего сгибать и разгибать ручки.

Плотное тельце пружинисто металось взбесившимся домкратом, и конца-краю этому безобразию не предвиделось.

— Девяносто пять... — выдохнул Ритка.

— Девяносто шесть, — поправил его Фимочка и продолжил.

Фантомас отыскал журнал и нашел в нем Фимкину фамилию. Ткнул в нее толстым прокуренным ногтем, погладил сизую макушку, нахмурился.

— Марта Крайцман ваша родственница? — спросил Фантомас.

— Родственница. — Фима прекратил отжиматься и неторопливо встал. — Мама. А на турнике... у меня запястье было сломано. Срослось неудачно.

— Это неважно, — кивнул Фантомас, думая о чем-то своем. — Теперь неважно.

И, помолчав, добавил:

— Передавайте Марте-сэнсей большой привет. Скажете, от Анвара... она помнит.

...Когда Ритка через четыре года готовился к поступлению в училище — к экзамену по рукопашному бою (который уже тогда начали официально называть «скобарем»), его готовили двое: преподаватель юридической академии Марта Гохэновна Крайцман, в девичестве Марта Сакумото, и ее сын Фима-Фимка-Фимочка.

Которого давно уже никто не пытался ухватить за его знаменитый нос.

А когда я издевался над очередным Риткиным синячищем, он отшучивался: «Тетя Марта приласкала...»

V. BOURREE

Я очень надеялся, что до смертоубийства не дойдет, но сделать ничего не мог, а через несколько секунд нам с Фолом стало вообще не до того — позади истошно завыла сирена, по переулку заметались цветные сполохи счетверенной «мигалки», и из-за угла вылетела приехавшая за нами машина. Проклятье, от служебной тачки и на кенте не очень-то уйдешь!.. Фол рыв-

ком оглянулся, зло выругался сквозь зубы и прибавил скорость, хотя, казалось, это было уже невозможно. Ветер превратился в завесу из тонких ледяных игл, сквозь которую мы с трудом прорывались, этому мучению не было конца, и я прижался к человеческой спине кентавра, стараясь уберечь свое лицо.

Поворот.

Еще один.

Шапка слетает с головы и вспугнутым нетопырем уносится в метель.

Фол не сбавляет скорости, укладываясь на виражах чуть ли не в сугробы, я захлебываюсь снежной пылью, и внутри у меня все обрывается — никогда мы с Фолом не ездили *так*!

Навстречу прыгает фонарный столб, приглашая к близкому знакомству, но кентавр в последнее мгновение уклоняется, разойдясь с бешеным столбом на какие-то сантиметры.

Пронесло!

Вой сирены позади на мгновение смолкает.

«Оторвались», — мелькает шальная мысль, но тут со стороны Павловки выворачивает новая машина, горбатый «жук» с невероятной турелью огней на крыше. Вой сирены снова ударяет в уши, мечется по переулку в поисках выхода, бьется о стены домов, как вихрь в ущелье, — и вслед за «жуком» в переулок влетают первые преследователи.

Проклятье, что же стало с Риткой и Фимой?! Где они? Катаются, связанные, по полу одной из машин? Или, избитые и брошенные, понемногу приходят в себя у подъезда моего дома? Или...

Я запретил себе думать об этих сволочных «или».

Фол проскальзывает между киосками и выруливает на проспект. В спину нам раздаются ошалелые свистки постовых жориков, тонущие в переливах сирен; Икар с афиши углового кинотеатра сочувственно подмигивает мне — дескать, у меня крыльев не было, но и тебе, дорогой, сейчас перышки-то пощиплют!.. Минутой позже впереди вспыхивает вывеска «Житня»: на улице день, но Рудяк не поленился зажечь свою рекламу — и правильно, народ надо привлекать, хотя народ разный бывает, иные вот от властей драпают...

Мы со свистом проносимся мимо, и у вышедших на свежий воздух посетителей отваливаются челюсти.

— Эй, Пирр, — кричит Фол, чуть притормозив, знакомому гнедому кенту с похабной татуировкой на плече, — у нас жор

на хвосте! Мотай к Папе, перекрывайте объезд! А мы через яр, напрямую, поверху!

И снова несется вперед, прежде чем я врубаюсь в смысл его слов.

Каюсь, до меня не сразу дошло, *что* сказал Фол. А когда дошло, было поздно — мы во всю мочь гнали по Горелым полям и сворачивали к яру за «неотложкой». Я с ужасом вспомнил шаткий узкий мостик, по которому и летом-то ходить, придерживаясь за перила, — сущее наказание, а мчаться верхом на кентавре, скользя по обледенелым доскам...

Эй, бдительный Генрих ибн Константин! — надевай белый халат, оповещай родимую реанимацию, готовь отдельную палату с видом на морг, капельницу и алтарь в западном крыле!

Мы спешим к тебе в объятья, мы торопимся, сломя голову, шею и всяко-разное... мы здесь!

В следующее мгновение под колесами Фола уже отчаянно скрипели не вовремя помянутые доски, по бокам замелькали покосившиеся перила, кое-где связанные веревками, а позади бормашиной сверлил уши дикий визг тормозов.

Кентавр немного сбавил скорость, но это особо ничего не меняло: доски трещали, мостик раскачивался, и конца-краю ему не предвиделось; я молча молился священномученику Ермогену (во время бедствия и нашествия), и царю Давиду (об укрощении гнева начальников), и всем, кого мог вспомнить по сходным поводам, ветер иглой ковырялся в ушах, и было совершенно непонятно, что за странное тарахтение раздается сзади — словно кто-то пытался завести мотоцикл со снятым глушителем. Лишь когда совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, кусок прогнивших перил вдруг разлетелся в щепки, запорошив мне глаза мерзлой древесной трухой, мне наконец стало ясней ясного: в нас стреляют! Из автомата и, может быть, даже не из одного!

Вот тогда мне стало страшно по-настоящему.

В меня ни разу в жизни не стреляли: стреляют лишь в кино, да еще в опасных преступников, предварительно освятив санкцию прокурора, а я...

В какое дерьмо мы все влипли?!

У огромного старого дуба, к которому крепился мостик посередине яра, Фол вильнул, вписываясь в поворот, — и могучий ствол скрыл нас от архаров, сделав дальнейшую стрельбу бессмысленной.

Дальше Фол поехал чуть медленней, и только тут я заметил, как тяжело вздымаются его бока и человеческая грудь.

— Кажись, оторвались, — пробормотал кентавр, переводя дух. — Ну, Алька, ну, орел... Я думал, свалишься! Они, понятное дело, в объезд ломанутся, и шиш им! — ничего у гадов из этого не выйдет. Папа там сейчас такой завал устроит, что, пока они его разгребут, мы три раза город по кругу объехать успеем!

— А куда мы вообще едем? — поинтересовался я, задним числом думая о том, какое же это счастье: наконец чувствовать под собой твердую надежную землю вместо жуткого мостика, грани между центром и Дальней Сранью!

— В одно место, — буркнул Фол и умолк, а я понял, что, пока мы не приедем в это самое «одно место», он больше ничего не скажет. Интересно, не то ли это место, куда обычно посылают своих оппонентов не обремененные вежливостью собеседники?..

Мы со средней скоростью катили по пустырю — после предыдущей сумасшедшей гонки любая скорость казалась средней. Впереди вырастало городское подбрюшье — многоэтажные трущобы Срани, до глобального восстановления которых у городских властей никогда не доходили руки (о чем неизменно сообщалось в желтой прессе). Фол облегченно вздохнул и чуть не подавился своим облегчением, когда откуда-то сбоку снова послышалось приближающееся завывание сирены.

— Жизнь мою через хребет, до чего же жор ушлый пошел! — в сердцах выругался кентавр. — Нет чтоб по дамбе в объезд, как все, — напрямую через Хренову Гать поперли! Кто ж мог знать... больно догадостные попались, твари пятнистые!

Последние слова я скорее угадал, чем расслышал, потому что Фол вновь включил «третью космическую», и мы в один миг пересекли остаток пустыря, ловко лавируя по дороге между кучами копившегося здесь годами мусора.

Юркни мы в проулок чуть раньше — и архарам нас бы вовек не найти в путанице хаотически нагроможденных районов. Но их машины вылетели на пустырь как раз в тот неподходящий момент, когда мы уже готовы были исчезнуть, но не исчезли до конца — и преследователи успели нас заметить.

Машин было по-прежнему две. Конечно, в здешних трущобах им чаще всего придется ехать гуськом, но кто мешает одной из машин свернуть в соседний узенький переулочек и обойти нас, чтобы после перерезать путь? Тут не проспект: станет

«жук» поперек того, что в Дальней Срани гордо именуется «улицей» — и на кривой не объедешь!

Оглянувшись, я увидел, что за нами катит только первая машина.

Так и есть, накаркал!

Позади прогрохотал выстрел, потом еще один; пуля прошла совсем рядом, обдав щеку жарким ветром. В центре они стрелять остерегались, а здесь...

Режем поворот наискось, как нож масло. Мимо проносится жестяная хибара, явно бывший гараж, на пороге которой стоит мрачного вида старикан со странным предметом в руках. Я узнаю аборигена, память услужливо подсовывает мне факты наших с Фолом ночных похождений в здешних злачных местах, и я вспоминаю, что старому хмырю в легендах Срани отводится значительная роль. Это известный мизантроп по кличке Дед Банзай, коего, по недостоверным слухам, побаиваются не только служивые, но даже Первач-псы! Впрочем, слухи слухами, а в руках у антикварного Деда Банзая (я не верю своим глазам!) длиннющее ружьище умопомрачительного калибра! Из такого только по слонам стрелять... или по танкам!

Наверняка творение шаловливых ручек Банзая.

Старик передергивает какую-то полуметровую рукоятку, досылая в ствол снаряд, ракету или чем там эта штука стреляет, и вскидывает свою дуру к плечу. Как раз в эту минуту из проулка радостно вываливает «жук», и я лично убеждаюсь в том, что Дед Банзай терпеть не может служивых, а заодно любую власть. В особенности когда оная власть среди бела дня мотается возле его частной собственности и мешает предаваться послеобеденной сиесте...

От оглушительного грохота у меня закладывает уши. Радиатор «жука» превращается в фейерверк, из него летят обломки и брызги огня, еще почему-то летит серпантин и пригоршни конфетти, а Дед Банзай с лихими ругательствами снова дергает ручку перезарядки.

Теперь понятно, почему его побаиваются все.

Включая Первач-псов.

Архары не составили исключения. И я их прекрасно понимал. Водитель поспешно дает задний ход, машина пытается втянуться обратно в проулок — и тут Дед Банзай производит второй залп из своего орудия, разнося вдребезги лобовое стекло и брызнувшую цветным дождем «жучиную» турель.

Увидеть дальнейшее мне не удается, потому что Фол резко

сворачивает за угол — и за нами, чудом миновав Деда Банзая, у которого заклинило рычаг, выметается первая машина.

— А вот теперь держись! — внятно предупреждает кентавр, резко останавливаясь, и от этого негромкого голоса у меня внутри все опускается в предчувствии чего-то страшного.

В следующее мгновение Фол с места рвет вперед, прямо в серую каменную стену с обвалившейся местами штукатуркой. Стена стремительно надвигается, и я понимаю, что свернуть кентавр уже не успеет. Я хочу закрыть глаза в предчувствии неизбежного, но почему-то не делаю этого. И поэтому успеваю увидеть, как в стене вдруг проступает черный провал, которого еще миг назад не было — мы ухаем в этот провал, как в колодец, а я вспоминаю старую присказку, ходившую еще в школе: «Вот открылся в стенке люк — успокойся, это глюк!»

Мы мчимся по непроглядно-черному коридору, и еще до того, как «глюк» за нами успевает закрыться, я оглядываюсь (это начинает входить у меня в привычку), замечая, как машина архаров изо всех сил пытается затормозить, отвернуть в сторону... но удается это водителю или нет — неизвестно.

«Глюк» захлопывается — и мы влетаем в никуда.

VI. POLONAISE. DOUBLE

— Где это мы, Фол?

— На Выворотке.

— А... а были где?

— С Лица.

С Лица, значит...

— А будем где?

Фол отвечает, отвечает подробно и убедительно, но эта перспектива меня абсолютно не устраивает.

— Только не слазь с меня, придурок! — добавляет кентавр, чуть притормаживая и настороженно осматриваясь. — Ни при каких обстоятельствах! Сиди и не рыпайся!

Сижу.

Не рыпаюсь.

Вокруг — город.

И никакой зимы.

Солнце легонько щекочет стеклянные толщи витрин, искры потешно хихикают, дробясь мириадами бликов в рекламных плафонах, темные пролежни свежего асфальта выпячиваются на тротуаре, кучерявые тополя небрежно роняют снежный пух, он собирается в живые шевелящиеся кучи — брось спичку, и полыхнет воздушным, невесомым пламенем... Людей немного.

Странные они, эти люди Выворотки: идут, медленно переступают, без цели, без смысла, то остановятся, то свернут в переулок, то долго топчутся на месте, оглядываясь, словно забыли что-то и никак не могут вспомнить; потом внезапно ускоряют шаг и скрываются за углом, едва не столкнувшись друг с другом.

Неподалеку от нас потасканный дядька с внешностью типичного бомжа все щупает серую стену жилого дома, тронет кончиками пальцев и стоит, моргая бесцветными заплесневелыми глазками.

Удивляет дядьку стена.

И видно почему-то плохо. Так видно дно ручья сквозь не очень чистую воду; нет, даже не так — вода была чистая, и вдруг невидимые руки взбаламутят ее, подымут облака ила со дна, и снова тишина, покой, только грязь не спеша оседает, открывая искаженные водяной линзой очертания камней, ракушек, суетливых рыб... а вот снова — ил и муть.

Очень плохо видно.

Я пытаюсь протереть очки — куда там, лучше не становится.

— Да не вертись ты! — бурчит Фол, огибая двухэтажный магазинчик с надписью «Бакалея», стилизованной под японский шрифт. — Ох, и влупят мне старшины за такие хохмы... ладно, сошлюсь на дядько Йора...

Видимо, почувствовав мое состояние, он прекращает ворчать, хлопает меня ладонью по бедру, не оборачиваясь, и глухо добавляет:

— Это Последний День, Алька... последний перед Большой Игрушечной. Если глубже брать, там по-разному, а здесь всегда так. Я думал, тебе Ерпалыч рассказывал... ты ж с ним вроде бы душа в душу...

Нет, Фол, дружище ты мой двухколесный. Ничего мне псих Ерпалыч, Молитвин Иероним Павлович, интересующий всех, от исчезников до следователей из прокуратуры, не рассказывал. Разве что про Икара Дедалыча, да еще письмо свое дурацкое подсунул, которое только по сортирам читать! Ты не волнуйся, приятель, я с тебя слезать не стану, ни за какие коврижки, я за тебя руками-ногами держаться буду, зубами поломанными вцеплюсь, не отдерешь, потому что очень уж мне эта Выворотка не нравится, где люди плавают снулыми рыбами, где навсегда Последний День перед Большой Игрушечной, а если глубже — так по-разному, тихо тут, как на кладбище, люди тут смурные, если люди они вообще, мне здесь никак, невозможно

мне здесь, уж лучше к полковнику с Михайлой в петлицах или в психушку...

По-моему, у меня чуть не началась истерика.

Особенно когда какая-то Вывернутая бабуся, толкая перед собой складчато-приземистую коляску с упитанным младенцем, равнодушно прошла сквозь нас — и меня на мгновенье захлестнуло старческое спокойствие: ребенок сыт и спит, дочка дома обед готовит, и холодец застыл, и кардиограмма тьфу-тьфу-тьфу, зря молоденькая врачиха волновалась, а зятек на работе, хоть и дуролом он, зятек-то, а зарплатишку ему выплатили, купим Машке комбинезончик зимний, присмотрела уже, да, купим... и ко всему этому букету примешивался парной аромат молочной дремы, безмятежности, урчания в толстеньком Машкином животике.

Буквально в трех шагах без видимой причины засуетился плешивенький гражданинчик в куцем костюме-тройке и с галстуком неописуемой расцветки. Жабьи глазки плешивца расширились, в них промелькнул жадный голод, точь-в-точь как у нашего маленького и серенького при запахе Фимкиной ветчины; гражданинчик затоптался, поводя носом-картошкой, и решительно двинулся напрямик, с каждым шагом все больше погружаясь в землю — Святогор-богатырь, когда его мать сыра земля носить отказалась. Фол едва не наехал на верхнюю половину гражданинчика, с которой потеками рыхлой грязи полз его замечательный костюмчик, облепляя плешивца слизью, смазкой, будто гигантский фаллос, и когда на пути оказался канализационный люк — гражданинчик мордой врезался в чугунный край, люк подпрыгнул, глухо чавкнув, и тротуар на миг вспучился, словно огромный червь углубился и пропал в темных тоннелях.

Все.

Нет никого.

Только мы едем дальше.

И солнечные зайчики танцуют вокруг.

— Ничего, — успокаивающе бормочет кентавр, петляя переулками, — ничего, Алька, мы уже около Окружной... сейчас выбираться будем, ты только потерпи, немного осталось...

Я купаюсь в его бормотании, в жаркой парной теплыни, боясь расстегнуть зимнюю куртку, и пот бороздит мой лоб липкими струйками.

За минуту до того, как Фол уверенно свернет в подворотню, неряшливо обросшую шевелюрой дикого винограда, за минуту до зимы, поджидающей нас на той стороне пушистым изголодавшимся зверем, за минуту до обыденности я поворачиваюсь, и на углу бесплотных улиц неожиданно отчетливо вижу... Пашку.

Павел свет Авраамович, братец мой непутевый, стоит около сияющей свежей краской будки телефона-автомата — вместо того чтобы процветать на островке близ побережья Южной Каролины в окружении акул капитализма — и оглядывается по сторонам. Оглядывается плохо, хищно, поворачиваясь всем телом, движения Пашки обманчиво-медлительные, как у большой рыбины, и еще у него что-то с руками, только я не могу разглядеть, что именно: предплечья уродливо толстые, лоснящиеся и как-то нелепо срезанные на конце, похожие на культи, обрубки эти все время шевелятся, подрагивают меленько, поблескивают жемчужной россыпью...

И Вывернутые жители, не замечающие друг друга, обходят Пашку сторонкой, спеша перейти через дорогу, забежать в подъезд или на худой конец стеночкой-стеночкой и во дворик... не нравится им Пашка, пахнет от него неправильно, или прописка у него нездешняя, или еще что...

«...Мы знойным бураном к растерзанным ранам, — многоголосо рокочет у меня в мозгу, — *приникнем, как раньше, к притонам и храмам, к шалеющим странам, забытым и странным, и к тупо идущим на бойню баранам... пора нам!..»*

Я моргаю, невозможный Пашка исчезает за будкой, и спустя мгновение по улице проносится свора белоснежных псов с человеческими мордами, в холке достигающих груди взрослого детины.

Первач-псы.

Принюхиваясь и взволнованно обмениваясь рваными репликами, они тоже скрываются за будкой; и больше я ничего не вижу, ничего не слышу.

Только брезжит на самом краю сознания тихий лепет клавиш старенького пианино; да еще знакомый с детства голос пробует на вкус полузабытые слова:

Знаешь, мне скажут, ты не обессудь,
Дело такое — кричи не кричи,
Вскорости дом твой, конечно, снесут,
Раз труханут — и одни кирпичи!

Рушить, не рушить, сегодня, потом, —
Кто за меня это взялся решать?
Все это, все это, все это — дом,
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...

* * *

Все.

Финита ла сюита.

4

— А я думала, что тебе Ерпалыч давным-давно все рассказал, — растерянно бросила Папа уже знакомую мне фразу, заворочавшись совсем по-детски. Словно это была какая-то другая, не та Папа, которая с гнедым Пирром перекрывала объезд преследующим нас архарам, да так, что «жуку» пришлось мотать напрямую через Хренову Гать.

— Увы, Папочка, — с трудом выговорил я. — Ошибочка вышла...

Папа жалостно смотрела на меня, и на лице ее, длинном лике развратной святой, украдкой спустившейся с полотен Эль Греко нюхнуть марафету, было написано: «Врешь ты все, Алька!..»

— Да ты чайку ему лучше плесни, — буркнул Фол, глубоко затягиваясь мятой сигаретиной.

Чаек у них был еще тот — не знаю уж, что они в него пихали, кроме меда, мяты и самогона, но жить после него хотелось, а двигаться не получалось.

Вот я и не двигался, а лежал в ворохе драных одеял и смотрел на Папу. Строгий узкий пиджак в крупную клетку, крахмальная манишка цвета первого снега, кожаная селедка галстука заколота золотой булавкой, феанитовые запонки на манжетах — и снизу кокетливо вывернутые колеса, а сверху короткая набриолиненная стрижка и мужская шляпа с кантом. Однажды мне довелось видеть, как ослепительная Папочка обижала кентавра-грубияна, посмевшего вслух усомниться в правильности Папиной сексуальной ориентации, обижала долго и сильно, вплотную приближаясь к членовредительству; а потом приехал Фол и от души пособил. Кажется, Фол был неравнодушен к Папочке. Кажется, Фолу хотелось проверить — что там, под пиджаком, манишкой и так далее? Бьется ли там сердце и в чем оно, так сказать, бьется? Я не исключаю, что мой бравый приятель уже успел это проверить и теперь ему хотелось еще.

Ладно, замнем для ясности...

— Это потому, Алька, что вы все живете на кладбище, — сквозь подступающий сон доносился голос то ли Фола, то ли Папы, путаясь в дремной вате. — Живете и сами не замечаете...

«Мы знойным бураном... — смеялся сон. — *Мы...»*

Я снова смотрел на вылезающего из стены исчезника, валялся на полу мордой в паркет, вертелся в снежном смерче побоища у машин, несся верхом на Фоле — и понимал, что сплю. Жизнь моя во сне стремительно летела под откос, как мальчишка по укатанной ледяной горе, оседлав скользкую картонку. Смешно! — еще совсем недавно главной проблемой были отношения с козлом-редактором... что там еще?.. Ну, Натали почти забылась, это не в счет, отец почти не пишет, а дозвониться на его необитаемый остров совершенно невозможно... чепуха.

Огрызки от яблок.

Выпейте перцовки с психом Ерпалычем — и жить вам станет весело и необустроенно, начнете вы хлебать чаек-горлодер по подвалам Дальней Срани... кстати, что ж это мы в подвале?.. А-а, на первом этаже вайдосит многодетное семейство лопуха-электрика, на втором молодожены неутомимо кряхтят от любви, и не было бы нам с Фолом и Папочкой покоя ни светлым днем, ни темной ночью. А в подвале хорошо, печечка дымит-кочегарится, лампочка под потолком подмигивает нервным тиком, не нравится лампочке напряженьице, ох, и мне не нравится, что сплю я и вижу, как лампочка моргает...

Жизнь моя, иль ты приснилась мне?..

Если бы! — а то ведь даже в царстве грез отсвечивает, что Ерпалыч мне, лучшему другу с двухколесной точки зрения Папы, отнюдь не все выложил в письмишке-то! Не верю я тебе, Ерпалыч, ни на понюшку табаку не верю: что ж ты, хрен старый, кучу времени со мной на бегу общался, а тут вдруг разоткровенничался? Знать, шибко нужен я тебе стал... всем стал нужен: Ритке, чтоб свел сержанта с Фолом, Ерпалычу для упражнений в эпистолярном жанре насчет «мифологической реальности», следовательше Эре для задушевных бесед, полковнику-архару для... вот этому точно что для.

Всем нужен.

А я ведь себя не переоцениваю — тоже мне, яхонт неграненый, ценность великая! И ежу ясно, что не в Олеге Авраамовиче дело, я к интересу этому всеобщему лишь краем приписан, как мой дражайший братец Пашка к Выворотке ихней...

Пашка!

Колчерукий Пашка и свора Первач-псов по его следу!

Надо...

«Откройте пещеры невнятным сезамом... откройте — коверкает души гроза нам... откройте...»

Сплю.

Часть вторая

ГОСПОЖА СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ, или Все, что угодно, включая боевого слона

Воскресенье, пятнадцатое февраля

От потопа, от порчи водяной * Таракан от детства * Теория Семенова-Зусера * Жэка-Потрошитель * Их дядя самых честных правил

1

И все-таки она лопнула!

Точнее — он.

Стояк.

Мерная капель разбудила меня в начале третьего. Несколько секунд я бессмысленно глядела на зеленоватый циферблат стареньких, еще до катастрофы склепанных, часов (хорошо идут, причем сами — ни часовой-домовой не нужен, ни отвертка, дабы оного злыдня пугать!), пытаясь понять: отчего в феврале пошел дождь? Но затем ни с чем не сравнимый запах сырой штукатурки заставил проснуться окончательно. Все еще не веря, я накинула халат, включила свет в коридоре...

Батюшки-светы!

Вот уж поистине — «батюшки»! Даже в полузабытом столичном общежитии, где потолки были расцвечены на зависть Пикассо и Белютину, такого не увидишь!

С потолка не просто капало — лило. По красному линолеуму бодро расползались лужи, среди которых белели кусочки рухнувшей штукатурки, а сверху продолжался водяной десант, с каждой секундой становясь гуще, основательней...

Через мгновение, вспомнив давний опыт, я догадалась, что виной всему основной стояк, причем рванула именно горячая вода, от которой поистине нет защиты, и нужно немедленно что-то делать, потому как...

И вдруг я поняла, что делать мне ничего не хочется. С минуту я пыталась сообразить, что это со мной и откуда сей приступ мазохизма, и тут до меня начало доходить...

Бодро хлюпая по лужам, я прошла на кухню и воззрилась на

иконостас. Так-так, голубчики! Не уследили, значит? А ведь такого быть не может. Не должно! Но ведь случилось!

Манок-оберег — старая вьетнамская деревянная вазочка, свежезаговоренная две недели назад по всем правилам, с мукой и постным маслом, — смотрелся еще глупее, чем обычно. И это шаманство — побоку!

Под веселый шум капели я отыскала в початой колоде одноразовую иконку Николы Мокрого, сверилась с печатной инструкцией и зажгла конфорку-«алтарку». Ну-с, ставим опыт. Как бишь там напечатано? *«Святой Никола Мокрый, спаси и оборони, от потопления, от потопа, от порчи водяной...»* Просвира обуглилась, образок, как ему и положено, принялся темнеть. Я взглянула на часы...

Через полчаса стало ясно — не работает. Потоп продолжался, штукатурка большими кусками падала на пол, обнажая желтую глину обмазки, а Никола на иконке прятал глаза, явно стыдясь происходящего. Мокрое пятно на потолке расширилось, первые капли упали на иконостас. И внезапно я поняла, что переживаю, может быть, одну из самых счастливых минут за последние годы.

Не работает! Бог с ним, с недавним ремонтом, с испорченной побелкой и неизбежным нашествием штукатуров. Не работает! Иконочки-булочки-конфорочки — то, что все эти годы доводило до бешенства, не даваясь пониманию, сбивало с толку, заставляя чуть ли не сходить с ума. Не работает! Значит, прокол, значит, в этой нелепой, не поддающейся логике системе случился сбой, а это хорошо, это очень хорошо!

Я представила себе физиономию Евсеича — нашего домового Тех-ника. Если не ошибаюсь, пару дней назад он намекал, что за беспорочный труд неплохо бы с него, хорошего да пригожего, судимость снять. Интересно, что он сейчас запоет?

Полюбовавшись еще с минуту зрелищем, которое до меня видел, вероятно, лишь Ной со своими подельщиками, я решительно двинулась к телефону. Опыт поставлен, пора и квартиру спасать. Кажется, Евсеич не только Тех-ник, но и водопроводчик. Пусть побегает, а то я ему напомню, что такое «условно-досрочное»! Я сняла трубку, заранее предвкушая, как «господин Тех-ник высшего разряда» дернется от ночного звонка, поднесла ее к уху...

Телефон молчал.

Молчал глухо, мертво.

Все еще не веря, я положила трубку на место, вновь подняла...

Молчит.

И тут я почувствовала, как хорошее настроение начинает улетучиваться, сменяясь растерянностью. Шутки — шутками, но мой телефон отключить нельзя. У него и проводов нет, так что даже из гнезда не вырвешь. А здорово получается: у старшего следователя прокуратуры лопается стояк, отключается телефонная связь... Что дальше? Погаснет электричество? Пистолет заржавеет? Да что же это творится в конце-то концов?

Я вздохнула, перекрестилась на Троеручницу (настоящую, не из здешней лавки) и принялась одеваться, благо идти недалеко — в соседний подъезд. Если «господин Тех-ник» не приведет все в божеский вид к утру, я ему не только условно-досрочное припомню! Он как-то хвастал (после второй рюмки «Олдевки»), что любой стояк усмирит с помощью веревки о семи узелках. Вот пусть и попробует! Узелочки-веревочки, конфетки-бараночки! Но ведь как интересно получается! Жаль, объяснить некому.

Не в городскую же епархию обращаться!

* * *

На работу я пришла злая как черт (еще бы — второе подряд воскресенье делают рабочим днем... мироеды!). Рыкнула на недотепу-практиканта, сунувшегося ко мне со своими бумажками, и, с грохотом захлопнув дверь кабинета, бухнулась в кресло. Видеть никого не хотелось, работать — тем более, а уж отвечать на телефонные звонки...

Дзинь!

Я покосилась на проклятую трубку, мысленно желая звонившему всех благ и ревматизм в придачу, но дурак-аппарат и не думал униматься.

Дзинь! Дзинь! Дзи-и-инь!

Я вздохнула, помянув царя Давида и всю кротость его, взяла трубку.

— Гизело?

Так и знала! Ревенко, начальник следственного, чтоб его!

— Гизело! Какого черта у тебя там происходит?

Первая мысль была о стояке, что явно свидетельствовало о хроническом недосыпе. Нет, дело, конечно, не в ночном потопе...

— Алло, Гизело!..

— Слышу, — наконец отозвалась я. — Где происходит?

— Где? — заклокотало в трубке. — Еще спрашиваешь?! По делу Молитвина! Какого черта ты натравила архаров?

— На кого?!

Наверное, мой вопрос явился последней каплей, потому что в трубке зашипело, булькнуло...

— Немедленно ко мне! Тут такое... Слышишь? Бери все бумаги и дуй ко мне! Немедленно...

Не люблю я его. Не скажу, что Ревенко такой уж плохой мужик — получше многих, но слишком любит орать. Десять лет в военной прокуратуре дают о себе знать. Иногда, когда особенно надоедало, я начинала орать в ответ. Последний раз мы устроили взаимный ор в сентябре.

Подействовало — но только на полгода...

2

— Читай!

Вид у Ревенко оказался столь неадекватным, что я сразу подобрела. Не то чтобы слишком — все-таки ему бы не грех быть повежливей, но в данном случае, если судить по синякам под глазами и небритому подбородку, дело и вправду пахло жареным. При всех своих недостатках Ревенко, если не случилось что-то чрезвычайное, бреется регулярно. Все-таки бывший вояка.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Что-то в этом мужлане все-таки есть. Однажды, в первый год службы в нашем желтом здании, я чуть с ним не переспала. Просто так — с зеленой тоски. Почудилось, что рядом со мной — все-таки мужик, несмотря на красный пропитой анфас и привычку этажить речь. Но в последний миг поняла — что-то не так. Вся его лихость — просто маска. А с тем, кто за этой маской, иметь дело не хотелось. Как в том анекдоте — раз переспит, а потом год будет упрашивать, дабы жене не рассказала.

А еще (все знают, все!) у него татуировка — на заднице: черти лопатами уголь кидают. То-то он даже в сауне вместо плавок семейные трусы носит!

Вот он какой, мой шеф Ревенко...

Не ожидая приглашения, я села в кресло и взяла протянутую мне бумагу, походя отметив, как дрожат его пальцы. Но что могло случиться? Дело как дело, ничего особенного...

Я прочитала бумагу, подождала, прочитала еще раз, затем, все еще не веря, принялась читать в третий.

Бумаженция называлась «Рапорт» и была подписана полковником Жилиным, командиром городского ОМОНа, сиречь главным архаром. Странно, его я почти не знала. Кажется, встречались на совещании у мэра, раз или два. Полковник издалека походил на шкаф, вблизи... Вблизи тоже походил на шкаф. И еще на таракана. Усищи рыжие, глазищи пучит. Жил, понимаете ли, на свете таракан, таракан от детства. Я еще тогда подумала...

— Давно прислали?

Я отложила рапорт и обреченно вздохнула. Бред! И не просто бред, а целый бедлам. Или даже два бедлама.

— В час ночи, — устало ответил Ревенко и скривился. — Водки налить, Гизело?

Теперь уже скривилась я. Ничего себе денек начинается! А хорошо бы пропустить грамм двести...

Ревенко потянулся к дверце шкафчика, пошевелил пальцами.

— Ладно, потом... Я из-за тебя, Гизело, сопьюсь скоро!

Оставалось пожать плечами. В таком благородном деле всегда найдется предлог. Тем более спиваться он начал еще в армии, за что, по слухам, и переведен к нам.

— В общем, так, — наконец резюмировала я. — На квартиру Залесского я архаров не посылала. Все!

— Все? — Ревенко потер кулаком покрасневшие глаза, вздохнул:

— Значит, не посылала. Сейчас я буду ругаться. Громко. Применяя ненормативную лексику. Какого хе...

— Стоп!

Я сняла с руки часы, положила на стол.

— Две минуты!

Начальник следственного покосился на мой «Ролекс», мгновение подумал.

— Ладно. Две минуты.

— Итак...

Я прикрыла глаза, вдохнула, резко выдохнула:

— Вчера, приблизительно в десять утра, меня вызвали к шефу. Он всучил мне дело Молитвина и велел поторопиться. Честно говоря, до сих пор не понимаю, почему пропавшим алкоголиком должна заниматься прокуратура, а не участковый. По-

скольку у меня еще три незакрытых дела, причем одно — на контроле, я успела совершить лишь следующие следственные действия...

Я еще раз вспомнила вчерашний день. Да, все верно.

— Примерно в двенадцать часов заехала на квартиру гражданина Залесского, который проходит по делу Молитвина свидетелем номер один, и провела беседу. Вечером хотела вызвать кого-нибудь из инспекторов, чтобы тот пробежался по Срани, но затем решила подождать до утра. Больше — ничего.

— Залесский — он... — осторожно перебил Ревенко, сразу став очень внимательным.

— По-моему, такой же алкаш, как Молитвин. И еще бабник... А в целом — пустышка.

Тот еще тип этот Залесский! Сальный взгляд, волосатые пальцы с грязными ногтями — и ко всему в придачу толстозадая медсестричка-истеричка с глазами клинической нимфоманки в качестве ангела-хранителя.

— По нашим делам не проходил?

— Нет. Однажды забрал патруль в пьяном виде. Ограничились внушением.

— Так...

Две минуты прошли, но ругаться моему собеседнику явно расхотелось.

— Значит, ты пошла домой...

— И ничего не пошла домой! — возмутилась я. — Какого черта! Вчера я торчала тут до полуночи, закрыла дело Остапчука, потом возилась с этими попами...

— А на квартиру Залесского налетели архары. Залесского упустили, зато умудрились поцапаться с работником милиции! Да-а... Плюс эти сволочные кентавры...

— Один, — уточнила я. — Один кентавр. Во всяком случае, если верить рапорту господина полковника.

Ревенко кивнул и грузно опустился в кресло.

— А поскольку Залесский проходит по твоей епархии, наверху решили, что все это — наша самодеятельность. Ты что-нибудь вообще понимаешь?

— Ни черта! — охотно сообщила я. — Вначале нам подсовывают откровенную чушь о похищенном алкоголике, затем архары зачем-то устраивают погром, свидетель исчезает...

— Составишь рапорт...

Дрожащая рука вновь потянулась в дверце, замерла.

— Может, все-таки по сто грамм, а? У меня как раз бутылек «Менделейки» завалялся?

...Соблазн был велик, причем во всех отношениях. И водка диво как хороша, и портрет Дмитрия Ивановича на этикетке (в сияющих ризах и с лебедиными крыльями) впечатляет. Когда в первый раз увидела — тут же крест сотворила. Святой Менделеев, всея водки-горилки Белой, Малой и Хлебной покровитель! На нашем ликероводочном целый идол изваяли, каждый день бескровные жертвы творят!..

— Успеете! — Растерянность прошла, и я почувствовала что-то вроде охотничьего азарта. — Рапорт я составлю. Но не раньше, чем поговорю с «главархаром» Жилиным. Пусть объяснит: что он делал у моего подследственного?!

— Ты, Гизело, не увлекайся! — Ревенко погладил небритую щеку, поморщился. — У меня на говно нюх. А это дело — такое говенное, что и нюх не требуется. В общем, пиши рапорт и больше ничего не делай, пока не скажу. Что-то с этим алкашом не гладко.

Это я и без него поняла. Ради сгинувшего алкоголика не поднимают на ноги прокуратуру и ОМОН. Кто это может быть? ФСБ? Но тогда какого рожна было подключать нас? Нет, не выходит! Загадка — такая же, как лопнувший стояк и замолчавший телефон.

А я еще жаловалась на скуку!

3

И при всем при том надо было работать. Рапорт я отложила на вечер, решив малость остыть, дабы не накропать лишнего, после чего в явной нерешительности поглядела на телефон. Сроки поджимали, февраль на исходе, а из четырех дел удалось закрыть только одно, и то — самое плевое. Остаются три. Молитвинское подвисло, да так, что лучше пока не совершать излишних телодвижений, Кривец в очередной раз косит под психа, значит, опять экспертиза, три дня — коту под хвост, это как минимум. Остается «поповское»: Рюмина — Егорова. То самое, из-за которого мне грозит очередное прозвище. На этот раз — «Мадам инквизиторша». Опять-таки, шутки шутками... Напрасно Ревенко хвастает, будто обладает особым чутьем на дерьмо. Эту субстанцию я и сама чую неплохо. Но делать нечего — надо. Рюмина или Егорова? Следовало бы второго, но сегодня моих нервов на него может не хватить. Значит, Рюмин...

* * *

— Как же так случилось, отец Николай?

Вместо ответа — тяжелый вздох.

Я пробежала глазами первые строчки вчерашнего протокола. Рюмин Андрей Захарович, он же отец Николай, штатный священник Благовещенского собора. Злостное хулиганство, препятствование отправлению культа, призывы к гражданскому неповиновению...

— Так все-таки?

— Вы едва ли поймете, гражданка следователь...

Глаза из-под седоватых бровей глядели устало. Отец Николай не верил — ни мне, ни владыке Антонию, что увещевал его вчера вечером, ни нашему мэру, который тоже говорил с ним. Арестовать священника хотели еще месяц назад, но все не решались. Решились совсем недавно — и то без всякой охоты. Ордер Никанор Семенович (наш набольший) подписывал при мне, и физиономия его была такая, будто один лимон он уже сжевал, а еще три ждали своей очереди. Но вскоре ситуация изменилась. Да, изменилась, и весьма...

— Отец Николай! Я вынуждена в очередной раз предупредить вас о том положении, в котором вы...

— Не надо, Эра Игнатьевна!

Широкая мозолистая ладонь поднялась над столом. Я послушно умолкла.

— Не надо. Я вполне отдаю себе отчет о своем положении и готов отвечать перед властями мирскими...

— Не отдаете! — не выдержала я. — Отец Николай! Вас хотят вывести на процесс, понимаете? Вас — и отца Александра! На политический процесс! Кому-то хочется...

И вновь широкая ладонь заставила меня замолчать. Священник покачал седой головой, бледные губы дрогнули в невеселой усмешке:

— Кому-то? К чему такая скромность, Эра Игнатьевна? Сей «кто-то» пребывает в епархиальном управлении, в архиепископских покоях...

— Не только! — вновь не сдержалась я. — Вы что думаете, наши власти решились бы арестовать священнослужителя без санкции патриарха?

Этого он не знал. В темных глазах мелькнула растерянность, но сразу исчезла. Осталась боль — глубокая, такая, что и не высказать сразу.

— Вот как? Прости им Господи, ежели не ведают, что творят. А ежели ведают...

Я вздохнула. Ведают! Уж это я знала наверняка! Два дня назад я специально попросила Девятого уточнить...

— Скорее всего вас лишат сана. Не исключено, что вам грозит заодно и церковный суд.

— За богохульство? — Он вновь улыбался, и от этой улыбки мне стало не по себе.

— Наверно. И еще за неподчинение церковным властям.

Отец Николай пожал широкими плечами, но ничего не ответил.

Я заспешила:

— Послушайте! Я — следователь. Просто следователь! Я обязана разобраться! В конце концов, вы можете не соглашаться с епархией, даже с патриархом, но сейчас речь идет о другом! Вы и отец Александр трижды пытались сорвать службу в Благовещенском соборе и Иоанно-Усекновенской церкви, вы мешали торговле религиозной литературой, распространяли листовки с призывом...

— Простите, дочь моя, вы читали сии... листовки?

Я смутилась. Читать-то читала...

Он, кажется, понял. Улыбка стала другой — доброй, чуть снисходительной.

— Должно ли отнести проповедь Святого Иоанна Дамаскина к разряду подрывной литературы?

— Но ведь вы грозились анафемствовать тех священников и прихожан, которые...

— Да.

Бледные губы сжались, глаза почернели.

— Да. Грозил. Грозил, ибо сие суть последнее, что оставалось у меня, грешного... Эра Игнатьевна! Ежели вы увидите, что совершается преступление, а все вокруг ослепли и лишь помогают злодеям, станете ли молчать? Если жизнь человека в опасности? А ведь речь идет даже не о жизни, а о душе бессмертной! О многих душах, вверенных попечению Церкви. Я давал присягу — служить Богу и людям. Мне ли затворять уста? Мне ли бояться суда?!

Внезапно почудилось: неяркий дневной свет сгинул, сменившись зловещим отблеском факелов. Кабинет исчез, превратясь в мрачный сырой подвал, плечи окутала черная мантия, повеяло жаром горящих углей. Не хватает только дыбы...

— Отец Николай! — жалобно воззвала я, с трудом прогоняя

видение. — Но ведь если вы не согласны с... некоторыми принятыми здесь обрядами, вы обязаны сообщить об этом своему начальству!..

— Обрядами? — Голос священника прозвучал сурово, словно и он почуял запах горячих углей. — Обряды — это конфорка для сжигания булок? Одноразовые иконки? Забвение имени Христова? Камлание, глумливо именуемое молебном? Неужели вы думаете, что мы не взывали к властям церковным? Наша ли вина, что нас не желают слушать?

Мы не понимали друг друга. Точнее, не так. Старший следователь Эра Игнатьевна Гизело не могла понять своего подследственного. Мне (иной, неявной, навсегда скрытой за чернотой тайной мантии...), мне легче — и одновременно труднее. Поговорить начистоту? Нет, рано!

— Все эти соображения, гражданин Рюмин, — начала я, глядя в свежепобеленный потолок, — не объясняют и не извиняют распространение вами подрывной литературы.

— Это вы о Дамаскине? — улыбнулся отец Николай. — Вот уж поистине, дивны дела твои, Господи! Вы хоть представляете, гражданка следователь, о чем идет речь?

На такие выпады следовало отвечать стандартным напоминанием о том, кому здесь надлежит задавать вопросы. Однако изображать совершенную серость никак не хотелось, особенно перед отцом Николаем. Я приняла вызов. Тем более совсем недавно довелось перед сном перелистывать Алексея Толстого...

— Вполне. Иоанн Дамаскин — епископ из Дамаска, жил при арабах. Рисовал иконы, писал богослужебные тексты и дружил с каким-то халифом. Правильно?

— Отчасти, дочь моя. — В темных глазах блеснуло что-то, напоминающее интерес. — Но епископ Дамасский оставил нам не только свои... богослужебные тексты, как вы их изволили назвать. Вы об иконоборцах слыхали?

...Когда Ревенко поручал мне это пакостное дело, то первонаперво посоветовал не вступать с попами в богословские споры. Наша забота прокурорская — снять показания и составить заключение, дабы суд принял с первого же раза. Но у меня (иной, неявной...) был свой резон. Был и есть. Так что разговор идет в нужную сторону.

— Иконоборцы, отец Николай? Вы имеете в виду Лютера? Когда церкви и монастыри громили?

— Не только, дочь моя, — священник покачал седой головой. — Не Лютер сие начал. А вот в веке восьмом, ежели не

ошибаюсь, в Византии император Лев Исаврийский запретил почитание икон. Догадываетесь почему?

— Не совсем, — как можно равнодушнее заметила я. — Тоже... конфорки заводили?

— Отчасти. Времена были тяжелые — войны, чума. Люди изверились, и вот... До образов одноразовых не додумались, однако же, глаголят, мощи святые вместо зелья к болячкам прикладывали. Вот император и решил сие остановить. Но лекарство пуще болезни вышло. Тогда Дамаскин и вмешался, дабы впавшим в соблазн истину разъяснить...

— Погодите! — прервала я. — Но ведь считается, что после здешней катастрофы Господь в милости своей повелел святым не оставлять людей...

— ...И направил Святую Агафью руководить салоном красоты? — вздохнул священник. — А Святого Алимпия — чинить моторы? Дочь моя, Церкви еще и не такое ведомо! Вспомните! Кому предки наши кашу за печь ставили? Кому хлеб в воду клали?

— Но ведь действовало! — не выдержала я. — И тогда действовало! И сейчас!

«Кроме сегодняшней ночи», — хотела добавить я, вспомнив лопнувший стояк. Но смолчала. Не все сразу.

— Об этом, дочь моя, Гете написал. Весьма доходчиво. Читывали?

— Вы про сатану?

Я невольно поморщилась. Почему-то казалось, что этот неглупый человек предложит объяснение посвежее. Кажется, он меня понял.

— Не верите, Эра Игнатьевна? Но если сия сила не от Бога... А она не от Бога, поверьте мне!.. как специалисту.

Я оглянулась. Кабинет пуст, «жучки» я проверяла третьего дня. Рискнуть? Да, пожалуй!

— Есть другая... теория, — осторожно начала я. — Полагаю, вы знаете, что все началось около десяти лет назад, когда здесь случился взрыв. Считается, что взрыв был ядерный...

Вспомнились давние заголовки газет, орущие динамики телевизоров, йод, который нам давали в «учебке». Тогда всем казалось, что начался Армагеддон. Еще бы! Плюс слухи: взрыв — в пять Чернобылей, облако накрыло восемь областей...

— Это был не ядерный взрыв, отец Николай!

Удивленный взгляд, покачивание головой. Не понял? Не поверил?

— Газеты врали. И про боеголовку, и про игрушки дурацкие с настоящим плутонием, и про радиацию. Ничего этого не было! Большая Игрушечная — ложь!

Вообще-то за такое мне должно оторвать язык. Клещами. По возможности калеными. Но надо же наконец разобраться! Этот священник — не псих и не дурак...

— Да, я слыхал... — Отец Николай задумался, вновь покачал головой. — В городе испокон ходят разные байки. Про наборы бомбочек с ядерными зарядами...

— Чушь! — отрезала я. — Эти, как вы говорите, байки специально распространялись заинтересованными лицами! Знаете, что такое «полезная дезинформация»? Нет? И слава Богу! Так вот, есть иная версия: взрыв был неядерный. Здесь, на Павловом поле — был когда-то такой район, — работал исследовательский институт. Очень странный институт...

Все-таки я вовремя успела укусить себя за грешный мой язык. Не хватало еще выдать открытым текстом о НИИПриМе, в иных кругах — Институте № 7, Зоне «Б» и лаборатории «МИР». Тут не язык — голову потеряешь!

— Это был выброс неизвестной энергии. Считают... *Некоторые* считают, что эта энергия оказала воздействие не только на психику уцелевших, но и на специфические... э-э-э... материальные характеристики местности. Поэтому приезжие не видят и половины того, что здесь происходит. Для них кентавры — обыкновенные рокеры-придурки. Нужна адаптация...

Все! Стоп! И так сказано — выше крыши.

— Теория Семенова-Зусера, — тихо проговорил священник, и я вновь вздрогнула. Он знал! Да, теория Семенова-Зусера и Ковалевского. Правда, Девятый обычно называет ее просто Основной. — Мне ведомо об этом, дочь моя. Но сия теория — всего лишь попытка объяснить непонятное через непонятное. Ибо науке таковое излучение неведомо.

Я не стала спорить. То, что мне сообщил Девятый, как выражаются дауны-американцы, *only for eyes*. Нет, не получилось. Священник ничем мне не поможет — разве что объяснит, как изгонять бесов.

Впрочем, если верить агентурным данным, отсутствующий здесь отец Александр уже пытался — без всякого успеха.

4

День складывался нелепо. Даже не складывался — тянулся. Как говорили у нас в детдоме: словно удав по стекловате. В детстве я всегда жалела бедного удава, но на этот раз могла лишь пожелать ему ползти быстрее. Все, что можно, я уже сделала. Псих Кривец на экспертизе, протокол нашей бестолковой беседы с отцом Николаем составлен, кофе выпит. Я даже позвонила в гордуму, надеясь отыскать бравого таракана-полковника из ОМОНа, но того на месте, естественно, не оказалось. По крайней мере, мне так сообщили.

Итак? Итак, скверно. Но это с одной стороны. А с другой...

А с другой стороны, если не слишком увлекаться служебной карьерой старшего следователя Гизело, получается не так и плохо. Этой наглой особе должно бдеть, дабы здешние беспорядки не нарушать. А вот мне... А вот мне (иной...) очень интересны именно здешние беспорядки. Помнится, Девятый так и говорил: *«Не увлекайтесь правилами, ищите исключения»*. Пять лет всюду были сплошные правила. Конфорки горели, Первачпсы исправно доводили убийц до синюшного лица и разрыва аорты, исчезники следили за качеством бетона, а квартирники-домовые — за паровым отоплением, дорожные знаки сами собой ограничивали скорость, притормаживая лихачей (кроме кентов, само собой, им законы не писаны и не читаны). Одним словом, все хорошо, прекрасная маркиза, в нашем дурдоме полный порядок!

Точнее, был. Зато теперь...

Не удержавшись, я достала лист бумаги и начала рисовать черточки. Потоп вкупе с отключением телефона в ведомственном доме. Раз...

На «раз» дело замерло. И не потому, что фактов не хватало. Хватало. А вот какие из них достойны следующей черточки, понять мудрено.

Например, собаки. Еще год назад по Дальней Срани нельзя было пройти из-за легиона разномастных дворняг; теперь же — хоть в Красную книгу их заноси. Конечно, коммунальные службы поспешили записать сие в свой актив, но я-то знаю! А потом стали пропадать уже не уличные — домашние Шарики и Бобики. Нас буквально закидали заявлениями: и по поводу пропавших мосек, и по поводу бездействия милиции. Странно? Вообще-то, странно, но кто знает?

Подумав, я нарисовала вторую черточку и рядом — третью. Если уж поминать собак, то грех не вспомнить о людях. Точнее, о бомжах. Еще год назад...

Вспомнилась недавняя передача. Жирный щекастый жорик из железнодорожной службы бодро рапортовал об успехах по «зачистке» вверенной ему привокзальной площади. И вправду: чисто, пусто, уютно. Я, конечно, не поверила — и, наверное, никто не поверил. Но ведь правда! Только жорик и его орлы тут ни при чем. Сбежали бомжи. Все! А какие не сбежали — сгинули. Когда мне сунули дело Молитвина, мне отчего-то показалось, что он как раз из этих...

Вот и думай, командир! То ли есть общий знаменатель у всей этой чепухи, то ли нет. Ах да! Можно еще черточку воткнуть! Позавчера один коллега вернулся с совещания в мэрии, так там кто-то снова мульку пустил о Жэке-Потрошителе, что в Срани объявился. Ходит и, стало быть, потрошит. Черный, с бычачьими рогами и, говорят, с хвостом. Нет, это к отцу Александру, пусть экзорцизм проводит! Но, что любопытно, в начале моей здешней карьеры о таком в Срани не болтали. А вот теперь начали.

Дорисовать пятую черточку я не успела. Проклятый телефон вновь сказал «дзинь»; я вновь помянула царя Давида...

— Гизело слушает!

— Эра Игнатьевна! Да что у вас с голосом?

Трубка источала мед, но мед был не сладок. Сначала — Ревенко, теперь — Сам. Кто следующий?

Президент?

— Добрый день, Никанор Семенович. Это все злоба дня сего. Довлеет.

— С попами заработались? Сочувствую, сочувствую! А знаете что, сделайте-ка перерывчик. Да-да, всенепременно перерывчик!

Что будет дальше, я уже догадалась. В этой конторе зря мед не льют.

— Да-с, и заходите ко мне. Чаек попьем...

Аппарат дал отбой. Я посидела несколько мгновений, затем без всякой охоты подошла к зеркалу. То, что смотрело на меня оттуда, не прибавило оптимизма. Стыдно сказать, второй год регулярно ставлю свечки Анне Кашинской. Да ни черта она не помогает, эта Кашинская! Все мои тридцать четыре аккурат на физиономии отпечатаны, вдобавок синяки под глазами, да еще эта морщинка. И откуда только взялась, сволочь?

Оставалось поправить мундир, поколдовать с косметичкой и перекреститься на лик Святого Сульпиция, покровителя юристов.

Сульпиций смотрел хмуро.

5

У Никанора Семеновича не один кабинет, а целых два. Большой — для общего разноса, и маленький — для разноса индивидуального. Кто-то недавно уточнил: для групповухи и для интимного секса. Да, пожалуй. Интересно, с какой позы начнет? У меня три дела и все, считай, висят. Так что интим мне обеспечен. Наверное, начнет все-таки с Молитвина. Похоже, шум архары подняли преизрядный.

Попробовала на всякий случай рекомендованный сослуживцами «Заговор от выговора». Простой, как швабра: по дороге к начальству вышеупомянутое название следует повторить восемнадцать раз подряд, и как можно быстрее.

На седьмом разе я сбилась, закашлялась и отчетливо поняла: проблем не миновать.

Секретарша взглянула на меня томными глазами и колыхнула крутым бедром в сторону левой двери. Значит, в «малый»; следовательно, разнос будет индивидуальный, как и предполагалось. Пожаловаться, что ли, с порога на ночной потоп? Может, посочувствует? Ведь не зверь же он, в конце концов!

— Эра Игнатьевна? Прошу, прошу, садитесь сюда, в это кресло, здесь удобнее...

Я переступила порог — и поняла, что мой стратегический план оказался бесполезен. Более того, запахло чем-то знакомым. Дерьмом? Да, пожалуй, но только очень уж дерьмистым.

— Что это вы такая бледная? Переработались? Ай-яй-яй!

— Это пудра! — сообщила я, надеясь осадить его медоточивость, но Никанор Семенович лишь одарил меня очередной улыбкой и величественно опустился в кресло. Кресло под стать начальнику — и начальник под стать креслу. Какой-то поэт прошлого века что-то писал о «телес десятипудовиках»...

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Зря говорят, что толстяки добродушны! Маленькие бесцветные глазки тонут в трясине гладких, словно не ведавших бритвы, щек, уголки толстых губ приподняты в «вечной» усмешке — но не дай, Господи, поверить в эту доброту! И хитер! Как хитер, толстяк! За пять лет схарчил трех замов, сейчас догрызает четвертого. Так и кажется, что под жиром, словно под броней, прячется кто-то другой — худой, жилистый, не любящий улыбаться...

А еще у него потные ладони — противно руку пожимать.

Вот он какой, прокурор города Никанор Семенович...

— Комплимент хотите?

— Еще один? — не утерпела я. — Только не по поводу внешности!

— Внешности? — начальство соизволило хмыкнуть. — Эх, мне бы годков двадцать сбавить...

Ну это он, положим, врет! Недаром секретарш коллекционирует...

— Предупреждаю — комплимент грубый, зато в точку. Был я с утреца в мэрии, и там, знаете, вас вспоминали. Бажанов, который новый шеф Хирного, поинтересовался (уж извините, Эра Игнатьевна!): кто это вас трахает? Хирный пояснил, что это вы всех трахаете...

Смеяться? Еще чего! Обидеться? Нет, не стоит. Хамство, конечно, зато из первых рук.

Значит, поминали...

— И кого я трахнула на сей раз?

— Ну что вы, Эра Игнатьевна! Это я так, к слову...

Значит, к слову. То есть вполне достаточно мне знать, что моей скромной персоной заинтересовался начальник УВД вкупе с новым заместителем мэра. Бажанов?.. Ну конечно, он же курирует все силовые, в том числе ОМОН!

Так-так... тут из подворотни — таракан...

Между тем начальственная улыбка начала медленно сползать. Щеки обвисли, глазки спрятались за складками, послышался тяжелый вздох. Все, мед кончился. Сейчас пойдет иной продукт.

— Выпить хотите?

Ого! В этом кабинете пить мне еще не предлагали. Я взглянула на говномер и поняла, что он зашкаливает.

Ответа Никанор Семенович ждать не стал. Грузно приподнявшись, направился к шкафу, послышался возмущенный скрип потревоженной карельской березы. Вспомнился Ревенко. У того в шкафу водка. А у этого?

— Вы, насколько мне известно, крем-ликер пьете? Или лучше банановый?

Разведка заложила точно, хотя в этой конторе крем-ликер ни с кем пить еще не приходилось. Интересно, кто стукнул?

— А может, господин прокурор города, лучше водки? «Зусмановки» или «Столпер-Плюс»?!

Он замер, затем укоризненно покачал головой:

— Водки?! Нет у меня водки, Эра Игнатьевна! Коньячку налить?

Коньяк был подан в стакане, правда, в хрустальном. На закуску — сиротливый ломтик лимона — я даже не взглянула. Пусть сам «николашку» потребляет.

— Ну, стало быть, вздрогнули, Эра Игнатьевна! И давайте без «господ прокуроров». Разговор у нас будет душевный, можно сказать, интимный...

Кажется, мне предлагали раздеваться.

Коньяк оказался хорош, но больше ничего хорошего не предвиделось.

— Вы с Ревенко говорили?

— Говорила.

Началось! Сейчас спросит о рапорте, который я еще и не собиралась писать...

— Рапорт составили?

Соврать? Ну уж нет!

— Никанор Семенович! Рапорт я не составила, но...

— И не надо.

Думаю, выражение моего лица ему понравилось. Пухлые губы вновь расцвели улыбкой.

— Да-да, любезнейшая Эра Игнатьевна, забудьте! И о деле Молитвина забудьте! Да и нет, собственно, никакого дела. И не было. И не будет.

Улыбаться в ответ я не стала. Значит, молитвинское дело отбирают. Интересно, кто?

— Простите, Никанор Семенович, неужели этим заинтересовалось ФСБ?

Глазки моргнули. Раз, затем еще раз.

— ФСБ? Да о чем вы? Я же вам ясно говорю, нет никакого дела и не было. Жил себе старичок, приболел, отвезли самовозом в «неотложку», вовремя не представили документы... А замглавврача, известный паникер, изволил задергаться, с утра прибежал сообщать — глядь, пошли заявления соседей, бумажка за бумажкой!.. Сейчас все выяснилось.

Слова журчали струйкой, глазки щурились, улыбка бродила между щек, и я наконец поняла: надо молчать. Молчать и соглашаться. Если прокурор города говорит, что дела нет, значит, его нет. Хотя сгинувшего алкаша велели искать прокуратуре, вопиюще нарушая все подряд. Хотя следом при странных обстоятельствах и участии таракана-полковника пропал свидетель Залесский. И дальше...

— Правда, там «хвост» вырос...

— Простите? — очнулась я.

— «Хвост», — начальство мило усмехнулось. — Господа архары на квартире Залесского подрались с каким-то сержантом-жориком. Непорядок, конечно. Так вы этого жорика оформите. Года на три, чтоб неповадно было. Только не тяните.

— Ладно...

Я отвечала, не думая. Что же это творится? Может, и вправду ничего такого не было? Глупостей хватает, а к Залесскому архары могли заехать не только из-за пропавшего старика. Может, в Залесском все дело?

— Не обрадовал?

Я пожала плечами. От молитвинского дела за версту тянуло «мертвяком», так что спасибо, конечно... Память услужливо подсказала: субботние гости-дружки на квартире Залесского, один — носатый, болтливый; второй — крупный мужик с уставной ряшкой, все норовил мне честь отдать, хоть так, хоть эдак... это он, что ли, «хвост»?!

— Ну тогда я вам подарок сделаю. Завтра передадите в третью канцелярию дело Кривца...

— Что?!

Молитвинское дело отобрали, теперь Кривец. Этот мерзавец, ясен пень, не подарок, но что все это значит?

— И остаются у вас ваши священники, но с ними можно не спешить...

«Какого черта?!» — едва не вырвалось у меня, но язык вновь оказался вовремя прикушен.

Сейчас сам скажет.

— Вы Изюмского знаете?

Изюмский? Ах, да! Розовощекий болван из новеньких. Золотой зуб, золотая цепь...

— Он будет работать с вами. У него сейчас дело об убийстве, но он сам не тянет.

«То есть как?» — чуть было вновь не воззвала я — и опять успела сдержаться, хотя удивляться и вправду было чему.

Везде, во всем нашем грешном мире, «мокрые» дела для следователя — самые трудные. Везде — но не здесь. Первач-псы (они же «Егорьева стая», они же «психоз Святого Георгия») ра-

зыскивают убийцу лучше всякого инспектора. Нам остается лишь обождать, пока в морг поступит труп с характерным синюшным цветом лица. И ждать приходится тридцать шесть часов — в худшем случае.

Обычно хватает и двенадцати...

— Он сейчас ведет дело о том парне, с серьгой. В общем, подключайтесь.

Настала очередь моргать мне. Субординация, конечно, душа службы, но когда старшего следователя «подключают» к новичку...

Усмешка исчезла. Маленькие глазки смотрели в упор.

— Это не простое убийство, Эра Игнатьевна. К тому же... Изюмский — мой племянник, это его первое дело.

Все наконец стало ясно. Кроме одного. «Непростым» в нашем городе дело об убийстве может быть только в одном случае — если следователь грамоте не разумеет. В прямом смысле: не знает букв, дабы изваять протокол. Проще работа только у гаишников. С нашими «саморегулирующими» знаками можно спать двадцать пять часов в сутки. Правда, для этого приходится ложиться на целый час раньше.

Похоже, Изюмский именно из тех.

...Вечером, перед тем как заснуть, я несколько раз прислушивалась к глухому гудению труб из-за стены, но стояк, усмиренный Евсеичем, напоминал о себе только запахом сохнувшей штукатурки. Да, дела! Так и тянуло включить компьютер вкупе с модемом, но для экстренного сеанса связи не было повода. Значит, завтра.

Завтра.

Понедельник,
шестнадцатое февраля

Лица традиционной ориентации * Духоборец
Македоний вкупе со своим подельщиком * Моисей
Угрин, *покровитель нелегалов* * Пятый и Девятый *
Слон отменяется

1

— Эй, это ты — Гизело?

В дверях возвышался розовощекий дуб, и была на том дубе златая цепь.

— Здоров, подруга! — Дуб продемонстрировал золотые коронки и рухнул на стул. — Ну че, поехали?

— Да, милый! — отозвалась я как можно медовее. — Поехали, сладкий! Сразу баиньки или потанцуем?

Кажется, понял. Во всяком случае, кора треснула. Дуб привстал, почесал могучий подбородок.

— Так че, подруга?..

— Катись на хрен, козел! — пояснила я. — Не будешь базар фильтровать, рыжевье из пасти вышибу! Усек?

Усек. Усек — и сгинул, унесенный ветром. Вовремя: я только входила во вкус. Не люблю строить этажи, но иногда другого способа просто нет. «Подруга»! Фраеру ушастому и двадцати пяти нет...

Легкий стук.

Растерянная ряха втискивается в щель.

— Госпожа старший следователь! Разрешите?

Теперь можно и разрешить.

— Госпожа старший следователь! Следователь Изюмский в ваше распоряжение явился...

— Являются привидения, — безжалостно отпарировала я. — И шалавы по вызову. А младшие по должности прибывают. Садитесь, господин Изюмский!

Дуб осторожно опустился на краешек стула. И начал медленно, но верно превращаться в обычного парня в модном костюме, с которым в принципе можно и потанцевать на какой-нибудь вечеринке. Понаблюдав за этой поучительной метаморфозой, я сухо кивнула:

— А теперь докладывайте!

Встать он все-таки не догадался. Ну ладно, стерпим.

— Ну так, два дня назад... Четырнадцатого февраля, стало быть, блин...

Все это «стало быть» я уже знала назубок — побеспокоилась с утра заглянуть в следственный отдел. Четырнадцатого февраля во дворе дома номер три, что по улице Рымарской, найден труп неизвестного гражданина лет девятнадцати-двадцати с двумя пулевыми ранениями.

— Баллистическую экспертизу провели?

— Направил, — дуб виновато моргнул. — Только что...

Так и знала! Два дня — коту под хвост. Хорошо хоть кто-то догадался сфотографировать место происшествия!

— Слушайте, господин Изюмский! Могу я узнать, чем вы эти дни занимались?

Вообще-то, зря спрашиваю. В лучшем случае этот болван послал дежурного инспектора в обход моргов — искать труп с синюшным лицом и разрывом аорты.

Оказалось, я права. Дальше можно и не интересоваться.

— Юракадемию заканчивали? Заочный?

Ответ слушать не стала. И без того все понятно.

— Так ведь нам рассказывали! — не выдержал наконец дуб. — Специфика расследования убийств! Первач-псы... То есть, блин, «психоз Святого Георгия...»

Оставалось порадоваться, что господин Изюмский умудрился запомнить слова «специфика» и «психоз».

— Личность убитого? — вздохнула я.

Золотая цепь потускнела, зуб куда-то спрятался.

— Личность еще не... Но он, блин, пидор, это точно! Серьга-то...

— Простите?

— То есть этот... лицо традиционной... В смысле, блин, нетрадиционной сексуальной ори...

Серьгу я тоже заметила, но это еще не факт. Сейчас многие сопляки такое носят.

— Значит, так...

Я не торопясь встала, подождала, пока дуб догадается сделать то же.

— К вечеру узнайте имя жертвы. Делайте, что хотите, но узнайте. Тогда будем работать. А нет — катаю рапорт, что вы завалили расследование к чертовой матери. И еще. За полгода — это третье нераскрытое убийство. Понимаете? А из-за таких пинкертонов хреновых, как вы, до сих пор неясно, что это: то ли просто наша халатность, то ли...

Договаривать не стала, рассчитывая, что у «хренова пинкертона» все-таки хватит догадливости. А ведь дело — серьезнее некуда. Похоже, в отдельных случаях Егорьева стая теряет нюх. Об этом мне тоже сообщили в следственном отделе — сугубо секретно. Вот и еще одна черточка...

2

После этакого разговора не грех было и остыть, но мерзавец-телефон опять звякнул, сообщив невероятную весть: подследственный Егоров просится на допрос!

Сезон чудес продолжался. Подследственный Егоров Алексей Владиленович, он же отец Александр, викарный священник Иоанно-Усекновенской церкви, на допросах молчал. Молчал мертво, даже не здоровался. Именно общаясь с ним, я впервые почувствовала себя инквизитором. И вот, пожалуйста...

Упускать подобный шанс воистину грешно, и я ради такого случая достала из шкафа кофеварку. Лень-матушка водит меня каждый раз в буфет, где кофе препаршивый, но тут я заставила себя вспомнить все тонкости, благо душистый перец и корица оказались на месте; да и старая кофемолка, спасибо Святому Филиппу Суздальскому, работала исправно. Как-то не удержалась, заглянула в святцы. Святой Филипп окончил свои дни во времена Симеона Гордого, и только здешняя епархия вкупе с заводом «Кондиционер» ведают, отчего именно ему выпало следить за работой бытовой техники.

— Добрый день, гражданка следователь!

Отвечать, отвернувшись к кофеварке, было неудобно. Пришлось заниматься акробатикой, дабы и кофе не расплескать, и вежливость проявить.

— Добрый день, отец Александр! Садитесь. Кофе будете?

— Благодарствую.

Так и не сообразив, благодарствую «да» или благодарствую «нет», я водрузила на стол две чашки, поставила сахарницу...

— Не трудитесь, гражданка следователь. Ни к чему.

И совершенно напрасно! Ради такого, как отец Александр, не грех и потрудиться. Мужчина он интересный, причем вовсе не старый, и сорока нет. Только глаза...

Почему-то не хочется встречаться с ним взглядом.

— Гражданка следователь, прежде всего приношу вам свои персональные извинения. Мой отказ отвечать на вопросы никак не был связан с вами лично.

Я кивнула, принимая извинения. Что это с ним? Взгляд прежний, острый, яркие губы знакомо поджаты...

— Хочу сделать заявление.

Он помолчал. Губы, и без того узкие, превратились в тонкую полоску.

— Продумав свое поведение, заявляю о своем полном раскаянии перед властями светскими и властями духовными. Признаю свою неправоту и прошу соответствующие органы определить мне должное наказание. Одновременно буду просить священноначалие простить мне грехи мои.

Я нерешительно достала бланк протокола, сняла колпачок с ручки.

— Так и писать, отец Александр?

— Да.

Я послушно заскользила пером по бумаге, но вдруг почувствовала — что-то не так. Вообще-то все так, завтра же дело можно отправлять в суд. Объективная сторона установлена, один из подследственных пошел на «сознанку». Это гораздо лучше для процесса: один беленький, другой черненький, одному — по полной, другому — условно...

— Нет.

Я отложила в сторону бумагу, вздохнула.

— Отец Александр! Объясните! Почему вы...

— Имеет ли сие значение, дочь моя? — Теперь на его губах была грустная улыбка, совсем как у отца Николая. — Не в том ли работа ваша?..

Моя работа? Легко сказать!..

— Моя работа состоит не только в том, чтобы оформить протокол, отец Александр. Гражданин Рюмин, то есть отец Николай, вчера ясно и четко изложил свою позицию. Насколько я понимаю, это была и ваша позиция. Отец Николай считает, что здешние священнослужители впали в язычество, более того, призывают на помощь, извините, бесов...

— Он ошибается. Я тоже ошибался, дочь моя.

— То есть, — подхватила я, — вы признаете, что совершили преступление, подпадающее под соответствующие статьи Уголовного кодекса?

Священник покачал головой, вновь усмехнулся — по-прежнему невесело.

— Ни я, ни отец Николай этого и не отрицали, дочь моя. Дело в ином. Мы считали, что принятые здесь обряды есть грубейшее нарушение канона, по сути — ересь, подобная ереси духоборцев Македония и Маркиона. Ради же спасения душ, нашему попечению вверенных, согласны мы были преступить законы гражданские...

— А сейчас? — не выдержала я. — Вы убедились, что упомянутые вами Македоний и э-э-э Маркион...

— Дело не в них. То, что творится здесь, без сомнения, ересь, но мы были не правы.

Оставалось задуматься. Духоборец Македоний вкупе со своим подельщиком Маркионом — ересь, нарушение канона...

— То есть вы согласны терпеть ересь? — поразилась я.

— Нет. Но это уже не имеет значения.

Я поняла, что начинаю сама становиться если не еретичкой, то ведьмой, а посему предпочла взяться за протокол. Он вышел

не особо объемистым, зато приходилось продумывать каждое слово. Интересно, неужели здешние бонзы все-таки пойдут на такой процесс? Город наш, можно считать, закрытый, но шум все равно будет.

И немалый.

— И все-таки, — не выдержала я, когда отец Александр, почти не читая, поставил свою подпись. — Объясните! Если не как следователю, то просто как человеку! Я ведь тоже хожу в церковь!

Произнося это, я запоздало сообразила, что не заходила в храм Божий больше полугода. И вовсе не из забывчивости. В том-то и беда, что слушать наших пастырей, толкующих об устройстве жертвенных горелок-«алтарок» и наиболее рациональном использовании одноразовых икон, просто тошно. Наверно, потому меня так поразило внезапное раскаяние отца Александра.

Священник ответил не сразу. Наконец вздохнул:

— Хорошо. Только объясню вам именно как юристу. Сейчас вы придерживаетесь действующих законов: Конституция, Уголовный кодекс, уголовно-процессуальный...

Я кивнула.

— А если, не дай Господь, война? Если на улицах начнутся бои?!

— Тогда будут действовать законы военного времени! — удивилась я, плохо понимая, к чему он клонит.

— Допустим. А если вы окажетесь в пустыне, в джунглях, среди диких зверей? Если вы даже не знаете, в какой вы стране, в каком времени? Вы ведь тогда просто начнете бороться за жизнь, не так ли? Всеми доступными средствами.

Почему-то сразу вспомнился Тарзан. В детстве зачитывалась.

— Не понимаю аналогии, отец Александр. Вы говорите о гибели... или исчезновении мира, где действуют общепринятые законы? Но ведь законы церковные действуют, как я понимаю, даже в этом случае! Я права?

— Правы. Но только в том случае, если уцелел сам мир.

Я машинально глянула в потолок, затем перевела взгляд на стены. И потолок держится, и стены не падают.

— Но ведь то, что случилось здесь, еще не...

— Не здесь. Во всем мире. Это конец света, дочь моя. И прежние законы, светские и церковные, уже не имеют никакого значения.

Хотелось ответить что-нибудь вроде: «ерунда», «чушь» или «в окошко посмотри, батя!». Но внезапно вспомнилось...

...Об этом мне уже как-то рассказывали много, много лет назад. Да, конец мира наступит незаметно. Христос говорил, что Его Царство придет, словно тать в ночи. Будут перемены, но неприметные, особенно вначале. И люди могут вообще не понять, что их мир уже кончился.

Мне рассказывал об этом Саша, а я только смеялась, не понимая, как такой взрослый человек может рассуждать о подобной ерунде. А он говорил о железных конях, о стальной саранче, о том, что Армагеддон был вчера и даже звезда Полынь успела отравить воды. Что дело не в религии, не в суевериях, а в том, что мир не одномерен и его другие сущности начинают постепенно вытеснять нашу. Я смеялась, стараясь запомнить эту чушь, чтобы наутро составить очередное донесение. Бедный Саша увлекся, начал рассказывать о теории Федорова и Циолковского, о том, что люди не погибнут, лишь станут другими...

Тогда я была Леной. Еленой Викторовной Гвоздевой. Тогда я еще могла смеяться. Какое мне было дело до конца света?

Эх, Саша, Саша...

3

К вечеру я имела полное право на медаль «За заслуги», причем никак не ниже третьей степени. «Поповское» дело я не только оформила, но и умудрилась сдать, причем в окончательном виде две статьи из трех, инкриминируемых батюшкам, отпали как-то сами собой. Бог весть, авось поможет; да и мне зачтется. А главное, я сумела узнать фамилию загадочного трупа. Сделать это удалось без особых трудов. Не понадобились даже услуги экспертов. Я просто позвонила в горотдел, поинтересовавшись пропавшими без вести за последние двое суток. После чего осталось лишь получить по факсу фотографию разыскиваемого родителями Трищенко Владимира Владимировича, девятнадцати лет от роду, бармена ночного заведения под названием «Казак Мамай». Подвернувшийся в коридоре инспектор мигом узнал погибшего, хотя на фотографии тот был без серьги. Удача не столько обрадовала, сколько разозлила. Все это мог проделать и сам господин Изюмский. Дуб, к слову, так и не появился, и я мысленно пообещала назавтра продолжить воспитательную работу.

Теперь можно и домой. Собственно, вся моя активность была целенаправленной. Сегодня следовало исчезнуть пораньше и обязательно отдохнуть перед тем, как включать компьютер.

Оставалось проглядеть накопившиеся за последние два дня бумаги.

Они были там, где и положено: на столе, в большой черной папке. Сверху лежали две справки по психу Кривцу — их я со злорадством отложила в сторону. Пусть тот бедолага, которому шеф перебросил это дело, разбирается — но без меня. Еще одна бумага по бравому мордобойцу сержанту Петрову (это который «хвост»). И, наконец, следственный отдел прислал запоздалую «объективку» на гражданина Молитвина. Ее можно было смело не читать, но любопытство взяло верх. Итак, Молитвин Иероним Павлович... Ну и имечко, почти как у меня! Кандидат исторических... Ого, вот вам и алкаш! Впрочем, одно другого не исключает. А вот и послужной список... Университет, защита в столице, доцент педагогического, затем НИИПриМ... Книжный червь? Наверное... Итак, НИИПриМ, лаборатория МИР, после — инвалидность, временно не работал, в настоящее время... Стоп! Дура! Стоп!

Внезапно показалось, что меня уже расстреляли. Или, во всяком случае, приговорили. Лаборатория МИР! Институт Прикладной Мифологии! Господи Иисусе, Моисей Угрин, покровитель нелегалов!

Лаборатория МИР!

Я долго сидела, глядя в равнодушную бумагу и не зная, смеяться или плакать. Пять лет я искала хоть какой-нибудь следок этой самой лаборатории. МИР, Зона «Б», Институт № 7, скрывавшийся под дурацким, сугубо «штатским» названием. Тот самый институт и та самая лаборатория, из-за которых...

Итак, пять лет искала — найти не могла. И другие искали — с тем же успехом. И вот мне, дуре набитой, подсовывают... Нет, преподносят нужного человека на золотом блюдечке, а я...

Успокоиться удалось с трудом — и то не до конца. С блюдечком, конечно, не все так просто. Поднести-то поднесли, но даже лизнуть не дали. В том-то и соль, что пять дней назад Молитвин Иероним Павлович похищен неизвестными, о чем указано в сообщении заместителя главврача «неотложки», заявлении соседей и показаниях молитвинского собутыльника, Залесского Олега... Как бишь его там? Ладно, потом...

Итак, плыл себе Колумб, плыл, открыл Америку, да не заметил. А она возьми — и сквозь землю провались! И не беда это для Гизело Эры Игнатьевны, старшего следователя прокуратуры, а вот для кое-кого другого — почти катастрофа. Например, для внедренного сотрудника Стрелы, который год пытающей-

ся разобраться в здешней куче дерьма. Ладно, еще не вечер. Молитвина не убили, а похитили. Значит, жив. Его искали и после похищения. Значит, скорее всего бежал. А главное, в исчезнувшем деле оставался «хвост». Значит...

Значит, еще не все потеряно.

4

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад...

Странно, я никак не могу разглядеть ее лицо. Только губы — они беззвучно шевелятся, девочка что-то хочет сказать, о чем-то спросить. Я вновь гляжу на мяч — он уже в воде, ленивая теплая волна слегка подбрасывает его вверх, солнце сверкает на мокрой резине. Какого он цвета? Синего, конечно, я хорошо это помню. Синий мяч с белыми полюсами, весьма похожий на глобус. Почему же...

И вдруг я понимаю — мяч изменил цвет. Сгинула синева, исчезли белые полюса, превратясь в два уродливых красных пятна. Краснота ползет, смыкается у экватора. Теперь мяч красный — как венозная кровь. Кровь, залившая рубашку, новую рубашку, только что из прачечной, с наскоро пришитой пуговицей у левого запястья...

Я открыла глаза, резко выдохнула и несколько секунд смотрела в равнодушный белый потолок. Нет, не получается. Я даже не могу увидеть *ее* лицо. Но почему? Я ведь узнаю его из тысячи тысяч, могу описать, нарисовать. Но увидеть — нет. Господь ведает, чем наказать грешную рабу Свою...

Я встала из кресла, стараясь не скользнуть взглядом по висевшему напротив зеркалу. Лицезреть старую бабу с морщинками в уголках бесцветных губ не тянет — особенно в такой вечер. Тяжелый вечер тяжелого дня, когда больше всего на свете хочется успокоиться; тем более вечер не кончен, компьютер уже ждет, по черному экрану неторопливо ползут цветные сполохи. Час назад я отправила доклад. До разговора (если со мной, конечно, захотят говорить) еще десять минут. Надо успокоиться, обязательно успокоиться, иначе сорвусь на крик — визгливый бабий крик, тем более нелепый, когда он распадается на бессвязные слова, ползущие по экрану. Срываться нельзя, особенно сегодня.

На туалетном столике, в самом углу, возле открытой косметички, пристроился самодовольный пузатый томик, наглый в своей потертой роскоши. В давние годы толстая кожа переплета была покрыта тисненой позолотой, а фигурная застежка до сих пор пытается укусить за пальцы. Когда Девятый прислал мне эту книгу — как раз на тридцатилетие, — мне подумалось, что босс попросту решил пошутить. Поскольку я Игнатьевна, мне и полагается нечто подобное. К тому же во время оно мой «крестный» основал весьма эффективную организацию, двоюродную прабабушку той, в рядах которой мне приходится пребывать. И тоже имел дело со святыми, ведьмами, колдунами. Правда, шутка вышла дорогостоящей: первое издание «Духовных упражнений» Святого Игнатия Лойолы стоит не сотню долларов и, как я подозреваю, не тысячу. Пятый — тот был проще, презентовав фаянсовый кофейный сервиз, который я с удовольствием разбила о стену, чашку за чашкой, на протяжении двух месяцев. Очень помогало — особенно в подобных ситуациях. Затем сервиз кончился, и я взялась за Святого Игнатия. Девятый оказался прав: медитация по Лойоле оказалась куда эффективнее, чем по Будде. Странно придумал Первоиезуит: вначале вспоминать лишь о плохом, о муках и страданиях, представлять себе их в наимельчайших деталях — а потом как-то неожиданно начинает проступать хорошее. Жаль только, что кончается все одним и тем же — кровью по белой рубашке с наскоро пришитой пуговицей. Но тут и Святой Игнатий не помогает. Или из меня просто не получилось иезуита?

...Почему *она* не пишет? Последнее письмо пришло полгода назад! Девятый меня уверяет, что с *ней* все в порядке. Но неужели трудно набрать несколько строчек и кинуть в «паутину»?!

Все. Хватит. Забыть! Пока — забыть! Что я хотела? Успокоиться? Успокоилась! Почти...

До разговора оставалось немного времени, и я с трудом удержалась, чтобы не достать дискету с фотографией. Девочка бежит по пляжу; синий, похожий на Землю мяч катится по песку... Нет, нельзя! Особенно сейчас. Опять разревусь или того хуже: расслаблюсь, подобрею — и угожу прямиком в пасть к Пятому. Сегодня его день, и мне остается надеяться, что босс номер два сломает ногу по дороге в свою контору. Или шею. Или все вместе. Интересно бы все-таки узнать: где находится эта контора? По крайней мере, в какой стране. Первые годы я

была уверена, что работаю все-таки на своих, но в последнее время...

«Семерка» (старомодная, с простым 820-цветным монитором) загружалась ужасающе медленно. Давно пора купить что-нибудь посовременнее, но эта минута, пока по черному допотопному экрану ползут цифирьки, очень важна. Есть возможность сосредоточиться, подготовиться к разговору. Особенно если говорить придется с Пятым.

Выход в Интернет удался с первого захода, и я мысленно возблагодарила Святого Наума, покровителя интерактивной связи. Булочка, сожженная поутру, не пропала даром, равно как дурацкая считалочка (*«Интернет, Интернет, без тебя мне счастья нет, паутинка, паутинка, покажи скорей картинку!»*). Про Святого Наума, и про булочку перед сеансом Интернета, и, само собой, считалочку меня просветил все тот же Евсеич, а этот мерзавец, несмотря на форс-мажор со стояком, свое дело знает. Я тоже свое дело знаю и, ежели что, засажу его лет на восемь строгого — для начала. Да, негодяй он редкий, зато Техник — от Господа. Любопытно, от какого? Мне-то он рассказывал про Святого Наума, а сам, кажется, кришнаит. Ну и городишко!

Экран мигнул, выстрелив знакомую заставку, и я привычно пробежала пальцами по клавиатуре:

«Здесь Стрела. Добрый вечер».

Псевдоним ерундовый, но все лучше, чем собственные имя и отчество. Поговорила бы я со своим родителем относительно имен для девочек! Особенно тяжко было в детдоме в первые годы. Умоляла переделать Эру на Ирину, да где там! Привыкнешь, мол, детка, не помрешь! Детка не померла, но так и не привыкла. Увы, с тем, кто умудрился встретиться моей бедной маме треть века назад, уже не поговоришь. Последний раз можно было стать Ириной перед этой пятилеткой, но мерзавец Пятый настоял на Эре. В общем, он прав, подлинные документы надежнее. И все-таки, все-таки...

Секунды шли. Вот сейчас появится неизбежное: *«Здесь Пятый. Докладывайте»*. В старых детективах были добрый и злой следователи. У меня куда хуже — начальник умный и начальник глупый.

Совсем глупый.

Дурак.

Я вздохнула, представив себе его лицо — никогда мной не виденное. Наверно, ему за пятьдесят. Солдафонские складки у

щек, маленькие злые глазки — и фуражка. Все равно какая. **Фуражка** ему необходима — для поддержания единственной **извилины**. А может, он женщина? Старая злая баба — с точно **такими** же складками и тоже в фуражке?

Пальцы сами собой набирали слова личного кода, ровные **строчки** уходили куда-то в черную даль, и можно было на пару **минут** отвлечься, подумав о чем-нибудь хорошем. Только знать **бы**, что еще есть хорошего поблизости. Разве что помада в косметичке, и то, если по мне, она излишне яркая.

Кроме помады, ни о чем вспомнить не удалось, а время уже **подходило** к концу. Я нажала *«enter»*, посылая последнюю точку в неведомую даль, и настал долгожданный миг.

«Здесь Девятый. Добрый вечер, голубушка!»

Я перевела дух. Есть! Есть Бог на свете! Девятый! Как хорошо!

Девятый — я бы, наверное, в него влюбилась, будь мой босс **помоложе**. Конечно, я его никогда не видела, даже на фотографии. Сколько ему лет, я тоже понятия не имею, но он как-то обмолвился о внуках. У него их двое — девочка и мальчик. Наверное, Девятому за семьдесят. Каждый раз я представляю себе его этаким добрым дедушкой — седым, улыбающимся, с уютными домашними морщинками. Смешно: руководитель сверхсекретной службы, названия которой не знают даже сотрудники, — и добрый дедушка. А все-таки хорошо, что он есть, Девятый! И хорошо, что черти куда-то отправили Пятого, хотя бы на этот вечер.

«Добрый вечер, — пальцы вновь забегали по клавиатуре. — *Ожидаю с трепетом».*

«И это правильно, — мигом появилось в ответ. — *Подчиненный обязан быть трепетен, причем вид должен иметь бравый и придурковатый, дабы своим раздумьем начальника не отвлекать. Готовы?»*

«Готовы?» — означало, что сейчас я получу очередную порцию задания. За эти пять лет я так и не смогла понять, кто мне их готовит. Стиль коротких приказов не походил ни на солдафонскую простоту Пятого, ни, конечно, на привычную манеру того, с кем я сейчас говорила. Кто-то третий? Супербосс, какой-нибудь Первый-в-Кубе?

Ага. Вот! Уже есть.

«Сотруднику Стрела. На ваш № 254:

1. Выражаем благодарность за проведенную работу по Молитвину. На Ваш счет уже переведена премия в размере 2N.

2. Поручаем Вам дальнейшую разработку Молитвина, причем

настоятельно просим форсировать операцию. Можете просить любую помощь, она Вам будет оказана.

3. Ввиду изменившихся обстоятельств просим быть готовыми к экстренной эвакуации в любой момент. Сигнал будет послан по каналам «С» и «Проба».

№ 841».

Обычно я запоминаю подобные послания с первого раза. Учили! Это ведь не кодовая таблица, которую в принципе тоже следует запоминать с первого раза. Но сейчас дело продвигалось туго. Не обрадовала даже внеочередная премия. Если начальство «настоятельно просит» — значит, что-то случилось. А уж «изменившиеся обстоятельства»...

«Осознали?» — мигнул экран, и я облегченно вздохнула. Сейчас спросим. Собственно, для этого и нужен «живой» контакт. Правда, Пятый на все вопросы лишь советует внимательнее перечитать приказ...

«Что означает пункт третий?»

«Многое, — сообщили равнодушные буквы. — *Прежде всего, федеральный центр в ближайшее время может ужесточить политику по отношению к Объекту. Случаи хищений газа и энергии, равно как скачивания информации, стали хроническими. «Железнодорожники» вновь оживились. В последнее время зафиксирована деятельность еще трех преступных группировок, опирающихся на Объект. Позиция местных властей вам известна, поэтому федеральный центр склонен перейти к более жестким мерам».*

«Насколько жестким?» — переспросила я, чувствуя: дело и вправду становится серьезным.

«Крайне жестким. К сожалению. Поэтому вам и советуют поторопиться. Можете просить что угодно, включая боевого слона».

«Мне не нужен слон! — воззвала я в отчаянии. — *Мне нужен кто-то, способный разобраться в творящемся здесь кошмаре! Допустим, я найду Молитвина. О чем мне с ним говорить? Я — оперативник, а не теоретик! Скажите, там, наверху, мои донесения читают? Хотя бы иногда?»*

Все-таки я начала «кричать». Да как тут не закричать, когда еще года три назад я поняла: ни одна из существующих теорий — ни официальная, ни Основная — не объясняет происходящее! Я набрала кучу, даже не кучу — вагон фактов и фактиков, надеясь, что кто-нибудь все-таки возьмется это дело осмыслить. Несколько раз я пыталась спорить, Девятый принимался меня успокаивать...

«Слон отменяется. В ближайшее время к Вам будет прислан специалист. О времени прибытия сообщим дополнительно».

«Хороший специалист?» — не удержалась я.

Вместо ответа экран высветил усмехающуюся рожицу — именно так Девятый смеялся. Я облегченно вздохнула. Не прошло и пяти лет...

5

Собственно, началось это не пять, а почти десять лет тому назад, сразу после катастрофы, превратившей большой и шумный областной центр в Объект. Из трех с лишним миллионов жителей треть погибла сразу, еще треть сумели эвакуировать, а остальные были обречены — за железной стеной карантина, среди серой мертвой пыли, в которую обратилась половина города.

Вначале появились слухи. Ушлые репортеры сумели проникнуть за непроходимый кордон, сообщив потрясающую весть: люди живут. Живут, отстраивают город, даже пустили трамвай. Помню небывалую фотографию (кажется, первым на Объект проник какой-то смельчак из «Бумбараша», рупора экстремистов): вокруг черный пустырь, искореженное железо, а в центре — дом, обычный, девятиэтажный. В окнах горит свет, старушки мирно сидят на лавочках. А ведь в городе не работала ни одна электростанция!

Да, город — все, что от него осталось, — выжил. Это казалось невозможным: после Хиросимы, после Чернобыля. Но вскоре слухи подтвердились, а на смену им пришли новые. Тогда-то я и услыхала впервые о чудотворных иконах, о домовых, вкупе с таинственными исчезниками починяющих электропроводку в разрушенных домах. В те дни я уже не первый год разрабатывала «Паникера», мы с ним вместе смотрели новости...

Странная привычка была у Саши: каждый день смотреть новости по «ящику». Тогда я впервые поняла, что такое «человек XX века». Новости каждый день, споры о политике, песни под гитару, Окуджава, Галич — кто их помнит теперь? Эх, Саша, Саша...

Я не верила, посмеивалась над сказками об исчезниках и кентаврах. А «Паникер», то есть Саша, верил. Я поражалась: интеллигент, физик, диссидент, слушавший на митингах само-

го Сахарова... Верил! Верил — и даже пытался объяснить, что дело не в названии и даже не в том, что фиксирует фотопленка...

Через несколько лет все вроде бы стало на свои места. Объект жил, начали ходить поезда, в городе пустили метро. И только немногие знали, что — началось.

Вначале стала пропадать энергия — в огромных количествах и совершенно бесследно. Потом — газ. Затем — сверхъестественные аферы с авизо и банковскими счетами. Дальше — неуловимые «железнодорожники», быстро подмявшие под себя даже легендарных «тамбовцев» и «воркутинцев». Говорят, все началось с поездов: «воркутинцы», промышлявшие грабежом составов, стали пропадать один за другим при невыясненных обстоятельствах, когда пытались «накрыть» поезда, идущие на Объект или местного формирования. Корейчик, «воркутинский» пахан, приехал в город во главе своих самых лучших киллеров — и погиб сам на квартире местной любовницы, утонув в ванне. С тех пор и пошло — «железнодорожники».

Но это были еще цветочки.

Год назад очумевшие от ужаса наследники Билла Гейтса установили, что уже не первый месяц их «ноу-хау» вовсю продаются на «черных» биржах Южной Азии. Вслед за «Майкрософтом» завыли директора «Дженерал электрик», затем слитным хором — еще два десятка компаний.

А потом пошли лопаться банки — один за другим. Спасались лишь те, кто успевал уплатить «дань», откупившись от «продавцов секретов». Собственно, секретов больше не осталось. Не помогали ни хитроумные пароли, менявшиеся ежедневно, ни всесильное ФБР вкупе с Интерполом. След взяли — и взяли быстро, но след, как в свое время верно заметил Марк Твен, не вздернешь на виселицу.

Один из швейцарских банков тряхнул стариной, переведя документацию на бумагу. Дыроколы и скоросшиватели помогли — ровно на неделю.

Журналисты сходили с ума, толстые дядьки из МВД надували щеки, но кто-то самый ушлый — не Девятый ли?! — уже знал, в какую сторону смотреть.

Правда, смотреть — не значит видеть. Главной моей добычей стал слушок о том, будто среди «железнодорожников» завелся ясновидящий, пронзающий взглядом стальные стенки сейфов и считывающий пароли на лету. Слушок я передала своим боссам, после чего можно было смело расписываться в агентурном бессилии.

О пропаже энергии (тогда все это только-только начиналась) мы говорили с Сашей в последний вечер. Не по моей инициативе — начальство само велело расспросить «Паникера». Саша увлекся, начал что-то объяснять по поводу изменения (или искривления, не помню уже) реальности. Диктофон, спрятанный в кармане халата, неслышно крутился, я улыбалась...

...Саша, Саша! Неужели мне мучиться до конца дней? И смогу ли я доказать Там, куда доведется когда-нибудь попасть, что не я виновата в твоей крови? Мне позвонили, я схватила ключи от машины... Поздно!

...Кровь, залившая рубашку, новую рубашку, только что из прачечной, с наскоро пришитой пуговицей у левого запястья. В то утро он торопился и пришил пуговицу сам — не хотел меня будить...

6

Надо было заснуть. Сегодня я слишком быстро раскисла. Наверное, следовало испробовать привычную методику: лечь, закрыть глаза и пройтись по цепочке. Что плохо, отчего и почему все это не так и страшно. Не страшно, что полгода от *нее* нет писем, не страшно, что позавчера была годовщина смерти Саши и что, если я не выполню «настоятельную просьбу» своих невидимых боссов, мне скорее всего никогда больше не увидеть мяч, катящийся по берегу моря...

Впрочем, если первое и второе изменить нельзя, то в части третьего — все в моих руках. Девятый прав: с трудным приказом, как малознакомым мужиком, следует переспать, и все станет ясно. Конечно, Девятый выразился не столь прямо. Но он прав, утро вечера... Если Девятому за семьдесят, если он много лет работает там же, где и я, знает ли он, кто и почему приказал убрать «Паникера»? А может, он не просто знает? Может, он сам...

...Нет, нет, все! Хватит! Утро вечера все-таки мудренее. Скорее заснуть, а там...

Звонок. В дверь — долгий, наглый. Рука тут же возжаждала пистолетную рукоять, и я с трудом заставила себя забыть о спящем в ящике стола «браунинге». Да, нервы — ни к черту!

На часах — ровно полночь...

Хорошо новый день начинается!

Вторник,
семнадцатое февраля

Гей-визит к Казаку Мамаю * Вован Холмс
и доктор Эрка * Кольца и браслеты, юбки и кастеты *
Кентавромахия * Сержант Петров помогает следствию

1

Философский вопрос — одеваться или спрашивать «кто там?» — я решала недолго. Лучше спросить. Вдруг это соседи, у которых тоже лопнул стояк? Ну а если нет, стрелять можно и в ночной рубашке — предварительно сходив в кабинет за «браунингом».

— Кто?

Кажется, ледяного голоса не получилось. Каменного — тоже. Впрочем, у меня и не должно быть такого голоса. Бедную женщину тревожат в полночь-заполночь...

— Я...

Оставалось только моргнуть и прижаться к стене — если этот «я» все-таки начнет стрелять. Как бишь на такое принято отвечать? «Я? Да ты гонишь!»

— Госпожа старший следователь! Это я, следователь Изюмский.

Для того чтобы объяснить ночное появление дуба на моей лестничной площадке, требовалась не моя голова, а по меньшей мере главный пентагоновский компьютер.

— Что случилось, Изюмский?

— Н-ничего...

Я так поразилась, что открыла дверь.

На дубе оказался зимний наряд в виде куртки «чукотка» и бобровой шапки. Рожа, к сожалению, осталась незачехленной.

Следовало вопросить «какого...» и так далее, но я ограничилась взглядом. Говорят, он у меня иногда бывает достаточно выразительным.

— Я... Докладаю, то есть докладываю, госпожа старший следователь! Вычислили жмурика!

— Какого жмурика? — обалдело переспросила я, начиная догадываться.

— Стало быть, Трищенко он. Пидор который. То есть лицо нетрадиционной...

— Вы что, за этим и заявились? — безнадежно поинтересовалась я.

Сил злиться не оставалось.

— Ну! Я ведь не знал, что вы так рано...

Тут я ощутила на теле нечто, почти материальное, и запоздало сообразила: на рубашку следовало все-таки накинуть халат! Не то чтобы дуб пялился, но и глаз, мерзавец, не прятал.

— Нечего меня рассматривать! — заявила я без особой злости. — Я вам, Изюмский, в бабушки гожусь!

Если бы этот дуб посмел улыбнуться... Но он не улыбнулся — хотя и взгляда не отвел. Почему-то вспомнился сальный взгляд гражданина Залесского. А может, я действительно зря комплексую? Ведь пялятся!

— Входите, Изюмский. Снег не забудьте стряхнуть.

Пока, следуя известной песне, дуб через дорогу (то бишь в данном случае через порог) перебираться изволил, я размышляла: не предложить ли этому болвану кофе? Гость все-таки! Идея не прошла. Осудив себя за гнилой либерализм, я сбегала за халатом, мельком глянула в зеркало (кошмар, конечно, но...), а затем решила заняться племянничком всерьез.

— Итак?..

Дуб врос в линолеум передней, даже не догадавшись снять шапку.

— Ну, это, блин... Установлена личность. Трищенко Владимир Владимирович, бармен...

Я вновь начала свирепеть; на сей раз медленно, но верно

— А позвонить нельзя было?

— Так телефон ваш, госпожа старший...

Черт! Я бросилась в кабинет — точно! Молчит, зараза! Ну все, сидеть Евсеичу!

Оставалось решить, что делать с дубом. Похоже, его пуганул дядя, а затем и я добавила перцу под хвост. Забегал...

— Значит, установили?..

— Ну! А кончил его Кондратюк Евгений, тоже... лицо нетрадиционной...

— Что?!

Кора лопнула, и на его физиономии появилось некое подобие улыбки. Дуб был определенно доволен, причем, как ни странно, без тени злорадства. Похоже, он был просто рад, что столь малоприятное дело шло к финалу.

Отказавшись пройти в кабинет, господин Изюмский все-таки снял шапку и объяснился.

Все оказалось просто, даже чересчур. Фамилию убитого ему сообщили в лаборатории. Сошлись отпечатки пальцев: год назад Трищенко проходил у нас по какой-то мелочи. Дуб уже собирался звонить мне, и тут ему позвонили самому.

Если точнее, позвонили не ему, а на коммутатор, попросив того, кто ведет дело об убиенном бармене. Голос оказался женский. Их соединили, и доброжелательница без всяких экивоков сообщила имя убийцы. Итак, некий Евгений Кондратюк, тоже с сережкой и тоже проходил у нас свидетелем. Более того, звонившая поспешила добавить, что этой ночью Кондратюк будет в «Казаке Мамае».

Наконец-то я все поняла. Дуб, к чести его дубовой, приехал не только хвастаться. Оказывается, ему было скучно пожинать лавры одному. Или совестно. Хотелось спросить, почему бы ему не послать в бар двоих инспекторов помоложе, но понять господина Изюмского было легко. Первое дело все-таки!

— Ну, я и подумал: съездим, госпожа старший следователь! «Мамай» этот только ночью открывается. Самое сейчас время...

Я взглянула на часы, покачала головой:

— А без меня нельзя?

— Один не пойду! — отрезал племянничек. — Там это... Ну... Не пойду, в общем! «Мамай» этот, он для этих... лиц...

Смеяться, конечно, не стоило, но удержаться оказалось ну никак не возможно. Дуб растерянно моргал.

— Страшно? — отсмеявшись, поинтересовалась я, надеясь, что он все-таки посмеется в ответ.

Но Изюмский даже не улыбнулся.

— Не страшно, госпожа старший следователь. Да только, блин, стыдоба! Узнает «братва», что к пидорам, извините, ходил... Да еще один. Чего ведь подумают?

Он не шутил. Вообще-то, верно: в последнее время к тем, кто посещает подобные бары, в городе стали относиться чуть ли не хуже, чем к кентаврам.

— Ладно! — решилась я, сообразив, что этой ночью точно не засну. — Присядьте, я сейчас...

Заниматься работой обычного инспектора не хотелось, но, с другой стороны, появился шанс быстро и триумфально закончить это дерьмовое дело. Закончить — и взяться за Молитвина всерьез.

Обещанное «сейчас» несколько затянулось. Дуб терпеливо ждал, пока я примеряла новое вечернее платье, пока пританцовывала у зеркала, пытаясь сотворить нечто пристойное из воронь**его** гнезда на голове. Подобные процедуры требуют полной сосредоточенности, но одна мыслишка меня все-таки не оставляла. Простая до невозможности мыслишка, очевидная, вероятно, для любого — кроме, конечно, господина Изюмского. Все получилось очень просто. Слишком просто. Излишне...

2

«Казак Мамай» внешне выглядел неприметно: обитая бронзой дверь, врезанная прямо в стену старого пятиэтажного дома. Разве что снег у входа оказался убран да по сторонам росли две небольшие елочки. Как говорится, голубые ели. И пили.

Дуб притормозил свою «Ауди» у тротуара, огляделся.

— Ага, стоит!

Он кивнул на черную тень возле ближайшего подъезда.

— Я ребят попросил потоптаться. На всякий...

Кивком одобрив его предусмотрительность, я нерешительно поглядела на вожделенную дверь

— А туда... всех пускают?

В ответ последовало довольное «гы!». Кажется, у дуба тоже оказалось чувство юмора.

— Смех, да и только, госпожа старший следователь! Мужиков бесплатно, а если баба, в смысле, женщина, — то по сорок гривень с носа.

Бумажник я не захватила из принципа и теперь ощутила некое чувство, приятно напоминающее злорадство. Впрочем, такие расходы, как правило, компенсируются. А хорошо будет выглядеть в отчете: *«Посещение спецбара — сорок гривен»*...

— Фотография Кондратюка у вас?

Лицо подозреваемого оказалось не из тех, что запоминаются сразу. Я начала было по привычке составлять словесный портрет, но бросила. Узнаю как-нибудь, не в этом проблема. Проблема в другом. Все, все не так! Убийца преспокойно собирается в бар, вместо того чтобы дрожать у алтаря, ожидая Первачпсов. А если он псов не боится, то почему не боится нас? Даже дурак поймет: нераскрытое убийство заставит все наши службы не только забегать, но и запрыгать. К тому же бар для «голубых», а звонила-то женщина! Ладно, разберемся. Для того и приехали.

— Господин Изюмский! В целях конспирации разрешаю пе-

рейти с человеческого языка на тот, который вам ближе. Но только на время операции. Усек, братан?

Братан усек не сразу. Наконец соизволил кивнуть:

— Так точно. Понял. Да тока, блин, хрена он там человеческий! Кто же так сейчас чешет, подруга? На тебя, блин, посмотришь — вроде телка видная, все при тебе, а как базлать начнешь...

— Фильтруй базар, пацан, — в очередной раз посоветовала я. — Я котелком звенела, когда ты, шкет, еще сопли жевал!

Он вновь хмыкнул, решив, вероятно, что старший следователь Гизело входит в роль. Не поверил. И хорошо, что не поверил...

— Слышь, братан, а как тебя называть?

Имя-отчество его я, конечно, забыла. Если вообще когда-нибудь знала.

— Вованом, — гулко вздохнул дуб. — А ты, подруга, стало быть, Эрка?

— Эра, — как можно спокойнее поправила я. — А впрочем, без разницы...

Открыть дверцу этот болван не догадался, но я обошлась и без него. Итак, «Казак Мамай». Интересно, за что этого беднягу к подобному заведению приплели?

3

Дуб решительно взялся за круглую, блестящей меди, ручку — и замер.

— Мне первой войти? — подлила я масла в огонь.

В ответ прозвучало негромкое: «Блин, пидоры драные!» — и доблестный господин Изюмский от души рванул дверь. Бог весть чего он боялся. А весело было бы, встреть его за дверью трое напомаженных амбалов в кожаном прикиде и потащи раба Божьего прямиком в темный угол, как в одном старом кинофильме. Там подобное заведение, если память не изменяет, называлось «Устрица»...

Все обошлось. Никто нас не хватал, не хлопал по выступающим частям, и даже швейцар оказался самым обыкновенным: без помады и румян на физиономии. Разве что на меня посмотрели как-то странно, но это могло быть и результатом воспалившегося воображения. Через несколько минут мы уже сидели в небольшом уютном зале, почти утонувшем в темноте, вокруг

играла тихая музыка, под которую еле заметно шевелились парочки — вполне разнополые. Я начала понимать, что «Мамай» — не из худших заведений.

По крайней мере, на первый взгляд.

Взгляд второй дал те же результаты. Официантка (официантка!) поставила нам на столик по бокалу шампанского, проворковав: «От заведения!», за шампанским последовали орешки. Я протянула руку к бокалу...

— Ну, пидоры, блин! — Дуб заскрипел зубами и затравленно оглянулся.

— Чего киксуешь, Вован? — поразилась я.

— Киксую? — Дуб перешел на шепот, наклонился: — Ты, Эрка, глаза разуй! Видала?

Его взгляд уперся в нашу официантку, деловито направлявшуюся к стойке. Я присмотрелась, хотела переспросить, вновь всмотрелась — и вопросы отпали. Да-а... Косметика и женский корсет творят чудеса, особенно в полутьме. Но ведь голос! Хотя...

Я оглядела парочки, продолжавшие обжиматься под старомодный «медляк», — и только вздохнула. Две «девушки» из четырех — точно; третья скорее всего тоже не третья, а третий... А впрочем, чего удивляться? Знали ведь, куда шли!

— Отставить! — шепнула я. — Лучше осмотрись, только незаметно. Его здесь нет?

Дуб начал ворочать шеей. Тоже мне, профессионал! Правда, и профессионалу в такой темноте ничего не увидеть.

— Потанцуем? — Я встала, автоматически поправив слегка висевшее на мне платье. И когда это я успела похудеть?

Кажется, придется работать самой. На племянничка надежды мало.

Дуб сопел у меня над ухом, переступая с ноги на ногу с изяществом контуженного медведя. Губы его шевелились; если внимательно прислушаться, можно было разобрать слова. *«Зародыш в яйце, яйцо в гнезде, братан при теле; мужик, блин, при своем деле...»* По-моему, это был заговор для невольных трансвеститов, а не от беды гомосексуализма. Или господина Изюмского так припекло, что он ничего более подходящего вспомнить не смог? Ладно, простим, сделаем вид, что не заметили...

Стараясь не морщиться и уж тем более не прыснуть в рукав, подобно юной курсистке, я как можно незаметнее скользила взглядом по столикам. Половина мест пустовала, а среди тех, кто заглянул сюда этой ночью, никого похожего на виденное мною фото не оказалось. Зато я сумела убедиться, что не три, а

все четыре танцующие пары — одной масти. Вскоре к нам присоединились еще двое, на этот раз уже без всякой конспирации — в джинсах и свитерках. Я представила, что может подумать здешняя публика о нас с Вованом (точнее, обо мне), и мысленно поклялась: в следующий раз, буде охота не удастся, направлю сюда лично господина Ревенко. Хорошего понемножку. Хотя нам еще повезло. Окажись этот Кондратюк, к примеру, кентавром...

Дотанцевав, мы вернулись за столик (отодвинуть стул племянничек опять-таки не догадался) и переглянулись.

— Нету, — хмуро бросил Изюмский и скривился. — Ну, пи...

— Еще раз скажешь, по губам дам, — пообещала я. — Достал!

Настроение начало понемногу портиться. Что я тут делаю? Можно, конечно, использовать время с большим толком — хотя бы переговорить с посетителями (да и с новым барменом) о Трищенко. Убиенного здесь, конечно, знали, но... Но мы вроде как в засаде, хотя для такого дела вполне достаточно было бы прислать сюда сержанта.

Темнота позволяла слегка нарушить строгие правила, и я, чуть привстав, вновь осмотрелась. В зале появились двое новеньких, но никого, похожего на искомого злодея Кондратюка, не оказалось. Подойти к стойке, перекинуться словцом-другим с барменом?

Нет, рано.

Дуб начал что-то вещать на странной смеси человеческого и родного, но я цыкнула, и Вован послушно заткнулся. Ладно, раз делать нечего, остается думать. Про убиенного бармена думать пока рано, а вот о Молитвине — в самый раз.

Странное получалось дело. Нас бывший сотрудник НИИПриМа интересовал сам по себе. Боссам уже не первый год любопытно, что творилось в Институте № 7 под видом «прикладной мифологии». Допустим... Допустим даже, кто-то из здешних узнал об этом пиковом интересе и поспешил ликвидировать старика. Но ведь его не ликвидировали! Трудно, что ли, подсыпать какую-нибудь дрянь в водочную бутылку или пустить в артерию кубик воздуха из шприца! Помер себе алкаш — и аминь. Первач-псов испугались?.. Но искомый варнак Кондратюк тоже, по всему видать, плевать хотел на «психоз Святого Георгия»! Так нет, устраивают дурацкий маскарад с похищением, оставляют свидетелей, затем — налет на квартиру алкаша № 2 гражданина Залесского. Непрофессионалы? Возможно. Но зачем непрофессионалам бывший сотрудник НИИПриМа?

И еще. Дело у меня отобрали. Допустим, из веских соображений. Но зачем оставили «хвост»? Почему этот драчливый сержант из числа дружков кобелька-литератора до сих пор жив-здоров? Почему не лежит где-нибудь в заснеженном овраге на радость одичавшим собакам?! Впрочем, собак-то в городе почти не осталось. Как и бомжей. Тоже загадка, но из другого файла.

Выходило так, что этим, неизвестным, нужен исключительно Молитвин. Это раз. А во-вторых, они уверены в своей безопасности. Более того, безнаказанности...

Откуда-то вынырнул(а) официант(ка), выставив на стол нечто в низких толстостенных бокалах. Очевидно, дуб уже успел сделать заказ. Недолго думая, я протянула руку к ближайшему бокалу, отхлебнула — и в следующий миг почудилось... Куда там — почудилось! Граната Ф-1, растворенная в серной кислоте — вещь куда более милосердная... Неужели? Точно!

Текила!

Я глотнула воздух — не помогло, глотнула еще раз...

— Круто, подруга, да? Я, как хлебну, в натуре отпадаю!

Дуб глядел на меня с золотозубой усмешкой, явно ожидая одобрения. Еле удержавшись от насилия физического, я собралась было объяснить, отчего не следует предлагать даме текилу, да не просто объяснить...

И тут мой гневный взгляд скользнул по стойке.

Разыскиваемый Кондратюк имел место быть! Как ни в чем не бывало, держа в руке знакомый толстый бокал, не иначе тоже с текилой, стоял у стойки и точил с барменом лясы.

Одного бармена ему явно оказалось мало.

4

— Сзади, — произнесла я как можно спокойнее. — У стойки.

Пока племянничек переваривал новость, я с запоздалым раскаянием сообразила, что стойка, строго говоря, мой сектор наблюдения. Так сказать, сфера ответственности. Впрочем, заметила — и заметила. Теперь...

— Ага! — в полумраке тускло блеснул златой зуб. — Ты, подруга, посиди, я его враз...

Все-таки тяжело иметь дело с флорой, пускай древесной.

— Враз чего? — поинтересовалась я. — У тебя что, ордер есть?

Дуб погрузился в раздумья. Иногда такое даже полезно. Вообще-то, под подобное дело ордер можно было бы и получить,

даже под анонимный звонок, но Вован, естественно, об этом не подумал. Лишний же раз доказывать начальству, что я не верблюд, совершенно не хотелось. Тем паче, завтра мне сей джокер — с ордером и его отсутствием — и самой пригодится. Значит, максимум, что мы можем, это побеседовать.

И беседовать, конечно, придется мне.

Тем временем Кондратюк, качнув серьгой, направился за один из пустующих столиков. Я его успела разглядеть. Ничего особенного: хилый, узкоплечий, прыщавый. Правда, глаза странноватые. Или это мне почудилось?

Подойти?

— Вот что, — решила я. — Сходи-ка, Вован, да на танец его пригласи.

Дуб бросил на меня дикий взгляд, облизнулся.

— Давай-давай! — подзадорила я. — Скажи, что ты, блин, в натуре, в него втюрился, что тебе без него нереально...

В душе мне стало немного жаль великого следователя Изюмского. Дуб-то он, конечно, дуб, но, с другой стороны...

— А-а... может быть, ты, подруга?..

— Он от меня убежит, — вздохнула я. — Пригласи его, пообжимайся, присядь за столик, а тут и я подойду. Не киксуй, братан, в следующий раз к кентам пойдем!

Упоминание о кентаврах его, похоже, добило.

— Так это... Ну...

— Следователь Изюмский! Приказ поняли?

— Так точно!

Дуб обреченно вздохнул, приподнялся. Я поспешила отвернуться, дабы не смущать. Внезапно вспомнилось: много лет назад меня тем же способом «выводили» на дамочку-лесбиянку. После колонии, казалось, ко всему довелось притерпеться, а все равно было противно. Потом целый день отмывала помаду с шеи.

Тяжко ступая, дуб переместился к нужному столику, наклонился. Я представила, как шевелятся его толстые губы. Беднята! Вот он выпрямился, его визави дернул плечами, не торопясь встал...

Что случилось дальше, я не успела заметить. Миг — и следователь Изюмский, скрючившись и прижимая руки к животу, тихо оседает на пол, а подозреваемый Кондратюк с завидной резвостью мчится к двери...

...чтобы наткнуться на меня. Бегает он, конечно, хорошо, но и мы не лыком шиты.

— Стоять!

Оружие доставать не стала. Зачем? Этот сопляк...

Уклониться я все-таки успела — чудом. Уклониться, пригнуться, отскочить. Рука с кастетом ушла в сторону, ублюдок дернулся, пытаясь повернуться и ударить снова, наотмашь, но я уже была начеку. Подобные финты проходят только один раз. В висок? Нет, жалко, лучше по запястью.

Через секунду кастет лежал на полу. Я крепче прихватила потную кисть на болевой, одновременно фиксируя локоть, чтобы старым ментовским приемом завернуть за спину и рвануть со всей силы — до поросячьего визга и зеленой слюны. Но сопляк оказался проворнее. Левая рука скользнула за пояс, под свитер...

Все-таки я растерялась. На какое-то мгновенье, но хватило и этого. В уши ударил грохот, неожиданный и дикий после сладкой музыки, жаркая муха мазнула по волосам... Промазал! Эта сволочь лихо дерется, но стреляет скверно. Совсем скверно. И медленно. Или у него затвор заело?

Новый выстрел — почти в упор. Я не успела. Ничего не успела, даже подумать о мяче, синем мяче, катящемся по песку...

Вокруг кричали, перепуганные посетители резво падали на пол сбитыми кеглями, бармен исчез за стойкой, а я по-прежнему стояла, словно вбитая в землю свая. Убили? Вроде нет. Ранили? Тогда почему не больно? Или вначале всегда не больно? Когда в меня попали в тот раз...

— Пидор, падла гребаная! Убью выблядка!

Знакомый голос заставил очнуться. Сопляк куда-то исчез, а господин Изюмский...

— Прекратите бить! — крикнула я, еще плохо соображая, что произошло. — Лучше наденьте наручники!

— А где их, блин, взять? — Вован с сожалением опустил занесенную для очередного пинка ногу. — Ну ты, подруга, словно Христосик какой-то! Чуть не грохнули, а ты...

Все стало на свои места. Подозреваемый Кондратюк оказался там, где ему и должно находиться, — на полу; его пистолет в руках у следователя Изюмского, а я... Я, как ни странно, жива.

— Еле успел! — Дуб потер поясницу, скривился. — Кастетом, блин, врезал, сучий потрох! И в тебя, гад, целил! Хорошо, что успел подскочить!

Местоимения частично отсутствовали, но я поняла без пере-

вода. Второй раз сопляк бы не промахнулся, но дуб подоспел вовремя. Тряхнул кроной, выбил ствол, повалил урода на пол...

— Рация есть?

— А? — Дуб недоуменно оглянулся, взмахнул рукой. — Да нет у меня, блин, рации! Ни хрена не взял. Сотовый — и тот на столе, блин, оставил!

— Ладно, — вздохнула я. — Успокойте... граждан.

Самое время. Кошачьи вопли заглушают музыку, кто-то уже у дверей. Я покачала головой, с силой провела ладонью по лицу, начисто забыв о помаде, и направилась к стойке.

— Граждане! — раздалось за спиной. — Я сотрудник городской прокуратуры Изюмский. Сейчас на ваших глазах... Да тихо, блин, пидоры сраные, харе орать!

Все-таки до конца соблюсти политкорректность Вован не сумел. Между тем бармен настолько расхрабрился, что осмелился выглянуть наружу. Увидев меня, он дернул носом, попытался нырнуть обратно, но опоздал. Я вынула удостоверение, ткнула «корочки» прямо в физиономию (нос снова дернулся).

— Телефон и бутылку коньяка. Французский есть?

* * *

Пока дуб объяснялся с прибывшими наконец жориками, я успела испробовать коньяк, убедившись, что он и вправду французский. Неужели бармен страха ради иудейского опустошил свой НЗ?! Впрочем, по горлу скребло, а в мозги не попадало. Зато нервы начало отпускать — понемногу, понемногу...

Хмурый лейтенант долго разглядывал мое удостоверение, затем я читала протокол, подписывала, даже умудрялась что-то пояснять, но ситуация проходила вскользь, словно не обо мне шла речь. Кажется, я велела не отпускать бедолаг-посетителей, дабы по свежим следам расспросить их о Кондратюке; напомнила о бармене — но в голове звенела пустота. Странно, меня могло уже не быть. Нет, странность не в этом! Стреляли в меня не впервые и порой даже попадали, но почему-то именно сегодня пуля, просвистев мимо, заставила онеметь, забыться. Как все просто! Господи, как все просто! Раз — и нет старшего следователя Гизело. Раз — и нет сотрудника Стрелы. Раз — и некому будет смотреть дискету с пятиминутной записью того, что я много лет назад увидела на морском берегу, когда по песку катился синий мяч. Точно так убили Сашу. А я ведь даже не смогла попасть на его могилу, это где-то на Урале, говорят, туда пускают только своих.

Я — чужая...

— Ну, блин, подруга, дела! Отправили гада! — слегка помятый, но довольный дуб опустился на стул, сверкнул золотым зубом. — Чего, празднуешь?

Прийти в себя оказалось легче, чем думалось. Подруга? Ну, обнаглел!

— Господин Изюмский! Война кончилась, так что можно не конспирировать. Во внеслужебной обстановке можете называть меня по имени-отчеству.

Внезапно я показалась себе неимоверной занудой. Хотя почему показалась?

— Эра... Э-э-э... — дуб напрягся, вспоминая. — Игнатьевна. Мы этих... лиц... сейчас допрашивать будем?

Он не шутил. Первое дело, первая удача. Грешно смеяться.

— Завтра. Точнее, сегодня. Днем. А лучше вечером. Сядьте, Изюмский!

Он почесал затылок, но повиновался.

Я кивнула на коньяк.

— Это для вас. Для нас. Сейчас мы выпьем, и я вам скажу спасибо. Верней, уже сказала. Будь я юной красавицей, то в благодарность шептала бы вам слова любви до утра. Но я старая баба, очень хочу спать, поэтому мы выпьем и вы отвезете меня домой. За рулем усидите?

Дуб вздохнул, наполнил рюмки.

— Усижу. А насчет спасибо... Да чего там, Эра Игнатьевна! Сегодня — я, завтра — вы.

— Аминь, — подытожила я и взяла рюмку.

Она показалась неимоверно тяжелой.

5

На работу я опоздала, причем вполне сознательно. Во-первых, следовало все-таки выспаться. Пугать своим видом подследственных грешно, а от недосыпа не спасает даже Анна Кашинская. А во-вторых, лишние расспросы. Городок наш, как ни крути, средненький. Средненький — и очень спокойный. Однажды Ревенко принес сводки по Нью-Йорку и Москве. Да, вот там моим коллегам приходится туго! Кентавров, правда, не встретишь, зато все остальное! Поэтому ночная разборка в «Мамае» для нас не просто ЧП. Это — ЧП-в-Кубе, Супер-ЧП. Значит, жди появления любопытных рож прямо посреди допроса с неизбежным идиотским: «Ну как?» Лавры и пушечный

салют мне ни к чему, посему я решила отдать им на съедение господина Изюмского.

Пусть отдувается, ему с непривычки в охотку будет.

Но вышло иначе. Когда в половине одиннадцатого я переступила порог, стало ясно: никому в нашей богоспасаемой конторе нет дела до ночной стрельбы по старшему следователю Гизело. Ни шефа, ни Ревенко не оказалось на месте, дуб тоже отсутствовал, и по всему выходило, что наше ЧП — еще не ЧП.

Все выяснилось сразу. Кентавры! Опять кентавры!

И на сей раз — очень серьезно.

Привыкаешь ко всему. Когда я впервые увидела лохматых рокеров на стареньких мотоциклах, то и внимания не обратила. Мало ли их? Правда, меня предупредили: через несколько дней (как гласит столь любезная моим боссам теория Семенова-Зусера!) произойдет адаптация, и я действительно *увижу*.

Увидела. Батюшки-светы!

Впрочем, это только поначалу было «батюшки-светы». Привыкла. Хотя до сих пор никто и ничто не заставит меня прикоснуться к... ЭТОМУ. Расизм? Пускай. Но когда я вижу шевелящиеся колеса, растущие прямо из поясницы!..

А в целом, кенты как кенты. Вроде цыган. Цыгане катастрофу не пережили, зато кенты охотно заняли их нишу. С теми же проблемами.

На этот раз все обернулось скверно. Ночью — в то время, когда дуб столь неудачно приглашал подозреваемого Кондратюка на танец, — патруль подобрал на Дальней Срани двух девочек. Обеим по пятнадцать, еще школьницы. Обе были живы — и живы до сих пор, хотя врачи на расспросы только разводят руками. Обеих изнасиловали — страшно, беспощадно. Несчастных отправили в «неотложку»... и мигом прошел слух, что это сделали кенты.

О кентах болтают всякое — порой и похуже, но сегодня...

Толпа вышла на улицы. Кентавров под рукой не оказалось, поэтому запылал райотдел милиции. Затем новый слух бросил озверевших людей к старому девятиэтажному дому, где якобы в подвале скрывалась пара кентов. Кентавров не нашли, зато начался погром...

Теперь Никанор Семенович там, и Ревенко там, и, как я поняла, мэр тоже.

Н-да, дела...

Странно: все эти годы кенты — несмотря на их омерзительные колеса — казались мне наиболее понятными из всего, что довелось увидеть. Может, потому, что еще в детстве начиталась всяких Стругацких с Муркоками по поводу разнообразных мутантов. По крайней мере, для объяснения их колес не требуется менять картину мира. Не кентавры важны. Важно другое: почему в последние полгода они все чаще попадают в сводки происшествий? Мутация продолжается? Или кому-то это очень выгодно? Может, кенты вдобавок и бродячих собак едят?

Так ли, иначе, но следовало работать. Кондратюка решила не трогать. Как выяснилось, ночью его допрашивал дуб; значит, пускай продолжает. Его добыча. А вот мордобоец Петров...

* * *

— Госпожа старший следователь! Арестованный старший сержант Петров на допрос прибыл!

Я была права: мы с арестованным (старшим!) сержантом Петровым — старые знакомые! Встречались в гостях на квартире Залесского! Блудливый алкаш с сальными глазками, то есть пропавший гражданин Залесский, кем-то ему приходится. Одноклассник? Да, кажется.

Голос сержанта мне не понравился. Вид тоже. Типичный жорик, или, как говорили в давние, памятные мне времена и в иных, не столь отдаленных, местах, — мент. И рожа ментовская, и вид ментовский, несмотря на отсутствие пистолета, палаша и наручников на брюхе. Не люблю ментов! Атавизм, конечно, но... Не люблю! Как вспомню этих сук... Ладно, забыть!

— Садитесь, Петров! Значит, деремся?

Бросив недоверчивый взгляд на стул, он все-таки решился и присел. Стул выдержал, к его (да и моему) удивлению. Экий шкаф! И рожа, рожа! Под стать таракану-полковнику. Впаять бы такому лет пять... Нельзя, нельзя! А жалко!

— Итак, гражданин Петров, прошу пояснить мне свое поведение, выразившееся в злостном сопротивлении...

Он слушал с каменной мордой, но когда я назвала соответствующие статьи УК, камень дрогнул, и я ощутила искреннее злорадство. Это тебе не девочек насиловать, сука легавая!

Не по почкам бить!

Все-таки трудно сдержаться. Сдержаться, забыть, что ты уже давно не Эрка Шалашовка, не «заключенная Гизело»...

— Итак?

Петров молчал — как памятник Ленину на площади Свободы. Слыхала, здешняя молодежь истово спорит: кто такой Ле-

нин? Большинство считает: писатель. То ли «Муму» изваял, то ли «Анну Каренину».

— Повторяю! Гражданин Петров, признаете ли вы...

— Да чего там! Признаю...

Разродился! Хоть бы поупрямился для виду! Ладно, сыграли в злого следователя, сыграем в доброго.

— А вас не удивило, что ОМОН оказался на квартире гражданина Залесского?

Он задумался, напряг единственную извилину.

— Ну!

— Не нукайте! — озлилась я. — Еще не запрягли, гражданин *старший* сержант! Отвечайте на вопрос!

А хорошо, когда можно так говорить с жориком. Просто душа поет!

— Так точно, удивило, госпожа старший следователь. Чего им Алик сделал-то? Мы с Аликом друзья, я его с детства знаю...

Аликом? Ну, конечно, с гражданином Залесским, любителем разглядывать женские прелести.

— Алька в тот день едва с кровати поднялся; перенервничал, бедолага, — сосед его, прямо на наших глазах, чуть коньки не отбросил. Ерпалыч который. То есть гражданин Молитвин. Я примчался, и Фимка примчался... да вы сами видели — бульон принесли, апельсины...

Стоп! Какой такой Фимка?

Жестом остановив разговорившегося подследственного, я придвинула к себе ксерокопию рапорта бравого полковника Жилина. Итак, в квартире находились: сластолюбивый гражданин Залесский, сексапильная медсестричка-истеричка, сержант Петров Р. Р., бабуля — Божий одуванчик, пес-барбос и... все. Никакого Фимки.

Может, так зовут спасателя-кента?

— Кого вы упомянули последним, Петров? Кентавра?

Жорик оторопело моргнул:

— Какого на фиг... Прошу прощения, госпожа старший следователь! Кентавра этого я не знаю, он с Аликом вроде приятельствует. Я упомянул гражданина Крайца... Крайцмана.

Я вновь просмотрела рапорт. Нет там никакого Крайца-Крайцмана! Погодите! А не тот ли это парень с оч-ч-чень характерным носом, который ввалился к Залесскому вкупе с моим сержантом, когда я собралась уходить? Так-так, помню...

— Ладно! — решила я. — Давайте-ка сначала!

«Сначала» оказалось долго, зато плодотворно. Я слушала и

злилась, и чем дальше — тем больше. Хорошенькие дела на свете творятся! Этот омоновский таракан Жилин что, ослеп? Ослеп, оглох — или умом тронулся, фиктивные рапорта составляя? Или... Или все гораздо серьезнее?

Похоже — да. Ибо сержант пребывал в полной уверенности, что его одноклассник Фимка скучает в следственном изоляторе. А вот в следственном изоляторе никакого гражданина Крайцмана знать не знают. И в горотделе тоже. Бумаги изучить я уже успела.

Может, Фимку попросту отпустили?

— Хорошо, разберемся...

Я перечитала протокол, задумалась.

— А скажите, Петров, что было написано в ордере?

— Каком ордере? — изумился он.

6

Злой следователь должен был напугать драчуна Петрова. Добрый — исподволь посочувствовать и начать «отмазывать». «Отмазывать» и заодно незаметненько расспрашивать о всяких интересных вещах. А «отмазывать» лучше всего через проколы в бумагах. В рапорте Жилина ничего не было сказано об ордере, и я сразу подумала: тут и следует копать. Часто такие бумаженции составляются наспех, то подпись забудут, то печать. А сейчас, выходит, еще лучше: ордера вообще не было. По крайней мере, его Залесскому не показывали. Более того, если сержант не запамятовал, полковник даже не соизволил предъявить документы. Интересно, кто сие может подтвердить? Залесского нет, кентавра нет, Фимки нет. Зато есть бабуля и, конечно, медсестричка-истеричка! Вот и хорошо, вот и славно! А интересно получается!

Я искоса поглядела на старшего сержанта. Да, типичный жорик. Одна извилина, зато наверняка цепкий, словно бульдог. И местный, город знает досконально. Что, если...

— Скажите, Петров, вы где предпочитаете ночевать — в изоляторе или дома?

Он хмыкнул, и это вновь чуть не вывело меня из себя.

— Вы, пожалуйста, словами отвечайте, подследственный!

Шкаф дернул плечами:

— Дома, понятно! А почему...

Почему? А по кочану ему! Разговорился, понимаешь!

— Вопросы, между прочим, здесь задаю я! И вопрос у меня к вам, Петров, такой. Согласны ли вы помочь следствию?

— Согласен...

— Еще раз! — велела я. — Громче!

— Согласен, госпожа старший следователь!

Его рожа в этот момент выглядела изумительно. Взгляд — разве что насквозь не прошибал. Ничего, гляди, не боюсь, мент поганый!

— Я могу вас отпустить домой, Петров, — под подписку. Более того, если вы поможете следствию, следствие поможет вам. А нужно вот что. Первое — узнайте, где сейчас ваш Крайцман. Просто узнайте. И второе. Если встретите Залесского или если он вам позвонит, передайте: я хочу его видеть. Скажите, что от этого зависит судьба Молитвина. Ясно? Если ваш Алик трус, пусть мне просто позвонит. Поняли?

Он задумался, пошевелил извилиной.

— Так точно! Понял!

— Хорошо. Завтра в десять — здесь, у меня. Обождите, я вас провожу вниз... или даже лучше — до трамвайной остановки, чтоб без проблем при выходе, а заодно повторите задание. Четко и внятно. Дошло?

Кивок был мне ответом.

Все складывалось удачно. Даже кентавры. Сегодня начальству не до меня, а мне... А мне не до них. Значит, можно улизнуть пораньше, прямо сейчас, и погулять по городу. Сначала в мэрию к Дубовику, он мне по жизни должен, не откажет; затем — к медсестричке. Как бишь ее зовут. Ида?

Да, кажется, Ида.

Среда,
восемнадцатое февраля

Клевый и фигуристый бабец упрямится * Изыскания старшего сержанта Петрова * Методика расследования a la Izyumsky * Святой Власий супротив буйства кентаврийского * Вагон третий, место пятое

1

— Как же это вы так, Эра Игнатьевна? С попами-то вашими? Вы, извините, не адвокат, а совсем наоборот! С чем нам на процесс выходить? С хулиганством?

Нет на земле справедливости! Нет! Я, дура наивная, благодарности ожидала: все-таки чуть не пристрелили! Но шеф, даже не дав отхлебнуть крем-ликера, начал именно с «поповского» дела.

— Мне, уважаемая Эра Игнатьевна, утром мэр звонил. Почему, спрашивает, с попами тянете?

Угу! Звонил, значит. Про кентавров, выходит, благополучно успели забыть. Вчера погром так и не состоялся, несознательные граждане все-таки вняли уговорам. А к вечеру поймали насильников — настоящих. Четыре ублюдка из той же школы. Очухались начальнички, теперь попов им подавай!

— Процесс намечается закрытый?

— Закрытый? — Щелочки-глазки Никанора Семеновича стали угрожающе расширяться. — Да Господь с вами! У нас же эта... демократия! В том-то и дело! Открытый, с участием общественности. Вы за прессой следите?

Крем-ликер оказался и вправду хорош. Хоть каждый день к начальству на ковер ходи!

— И на этом процессе двум священникам разрешенной законом Церкви будут предъявлены по сути политические обвинения! Антигосударственная деятельность, призывы к свержению... Между прочим, первый такой процесс с 1979 года. Тогда судили отца Дмитрия Дудко. Это еще при Советах было. Возобновляем традицию. Кентавры есть, диссидентов не хватает.

— Гм-м...

Про отца Дмитрия Дудко я вспомнила вовремя. Точнее, вовремя перечитала учебник.

— Но, уважаемая Эра Игнатьевна! Патриарх, между нами, не возражает!

— Наш не возражает, — охотно согласилась я. — А Иерусалимский? Вот вы знаете, что Ватикан готовит специальное заявление по нашему процессу?

Прессу читать и вправду полезно. Конечно, в нашем городе ни киевской, ни московской не купишь, да и по «ящику» сплошь местные станции вещают, но никто ведь не мешает заглянуть в Интернет!

Никанор Семенович покраснел, потемнел, но сдаваться не собирался.

— Тем более! Тем более, Эра Игнатьевна! Поэтому дело и поручили вам, чтобы, так сказать, комар носа не подточил. У вас же есть полная «сознанка»! Да я бы на вашем месте...

— «Сознанка» есть, — весьма невежливо перебила я. Вспомнилось бледное, недвижное лицо отца Александра. — Подследственный Егоров сообщит на суде, что произошел конец света.

А подследственный Рюмин затеет дискуссию по поводу духоборца Македония и Иоанна Дамаскина. И вместо политики получим типичный идеологический процесс.

— Гм-м... Гм-м... Конец света, говорите? А может, он того, фик-фок, ваш Егоров?

— Наш! — чарующе улыбнулась я.

И настал черед думать начальству. В общем, я его понимала. Точнее, не его, а нашу мэрию. Не первый случай и не второй. С православными священниками все-таки легче, это вам не раввины!.. Одного упрямого беднягу-ребе так-таки заперли на Сабурову дачу, Талмуд Наполеонам растолковывать. Власть предержащим шутить надоело, вот и решили отыграться — дабы неповадно было. В результате получили очередной Исход и периодические вопли общин из-за бугра. А Патриарх наш... Бог ему судья, девяносто два года, его еще коммунисты на престол сажали.

Потемневший лик начальства принялся светлеть, глазки мигнули, улыбка вновь расцвела.

— Ну и ладно! Подумаем, помозгуем... Вы с болваном моим сегодня виделись?

Бедный дуб! За что его так?

— Со следователем Изюмским я раскланялась в коридоре. Он куда-то спешил...

— А он на вас жалуется, Эра Игнатьевна!

Ну еще бы! Впрочем, улыбка никуда не делась, даже стала шире.

— Говорит, такая видная дама...

— Он так не говорит! — не выдержала я, и мы оба рассмеялись.

— Ну да, ну да, конечно! Говорит, такой клевый, извините, бабец, фигуристый, еще раз извините, сисястый, а на мужиков рычит. И даже кидается.

При сих словах начальство изволило облизнуться. Эдак снисходительно.

Зря это он.

— А с вами, козлами, иначе нельзя, — охотно разъяснила я. — Если на вас не рычать, нагнете прямо в кабинете и по очереди трахать будете. А следователю Изюмскому передайте, будьте добры, что, если будет еще языком трепать, я ему его оторву. Вместе с яйцами. Это больно, поверьте мне...

...Да, говорят, больно. Во всяком случае, тот скотина-лейтенант, что подъехал ко мне в первый день, как меня доставили в колонию, провалялся в госпитале полгода. Он в госпитале, я — в БУРе. И руку, гады, сломали, до сих пор к непогоде ноет. Ничего, за такое не жалко...

Плохо! Не уследила за голосом. За лицом, кажется, тоже.

— Эра Игнатьевна, да что с вами? Я же шутил! Я пошутил, вы пошутили...

Да, сорвалась! Очень плохо. Чаще Лойолу читать надо.

— Какие будут указания, Никанор Семенович?

— Указания, указания... — Начальство вздохнуло. — Мы же с вами, можно сказать, мирно беседуем. Неформально...

— По душам? Как с подследственной?

На этот раз тон был избран нужный, и мы вновь рассмеялись, восстановив мир, дружбу и полное взаимопонимание.

— Без всяких указаний... Загляните к моему болвану, Эра Игнатьевна! Что-то не ладится у него с душегубом этим. Раз помогли, помогите уж и во второй!

Все стало ясно. Для того и приглашали. Для того и про священников речь вели. Чтоб не зазнавалась. Ладно, загляну.

Прежде чем допить крем-ликер, я незаметно взглянула на часы. «Ролекс» показывал две минуты одиннадцатого. Значит, мордобоец Петров уже ждет. А не ждет — найду и такого Гогу с Магогой устрою!

2

Гога не понадобился; Магога, впрочем, тоже. Подследственный оказался на месте — в приемной, в кресле. Вид он имел весьма неаппетитный. Синяки, почти незаметные вчера, успели загустеть и налиться соком, да и взгляд сержанта показался каким-то тухлым. Не выспался, что ли?

Заведя его в кабинет, я кивнула на стул, для солидности переложила несколько бумаженций на столе и призадумалась. Можно начать с кнута, можно с пряника. А, ладно, пусть будет пряник!

— Ордера у ОМОНа действительно не было, гражданин Петров. Так что ваше дело правое, и враг, быть может, будет разбит.

В его глазах что-то блеснуло. Ну, еще бы! На этот раз мне действительно пришлось выполнять адвокатскую работенку.

— Был устный приказ из администрации мэра. И все. Причем от кого он исходил, никто вспомнить не в состоянии. Перманентный склероз. Понимаете?

Об этом мне сообщил безотказный Дубовик. Об этом — и о многом другом, не менее интересном.

— Понимаю, госпожа старший следователь, — подумав, сообщил Петров. — Тогда кой хрен этим архарам было нужно?

— Не ругайтесь, подследственный, — мягко попросила я, предпочитая не отвечать на столь любопытный вопрос. А действительно, кто им был нужен? Молитвин? Или все-таки литератор Залесский?

Или оба?

— Поэтому после нашего разговора вы пройдете в соседний кабинет и напишете фантастический роман. Можете в стиле вашего дружка Алика. Сюжет такой: находясь при исполнении, вы встретили на улице знакомого вам еще по школе гражданина Залесского. Тот сделал вам устное заявление об исчезновении своего соседа, гражданина Молитвина Иеронима Павловича, которого вы оба на днях отвозили в храм неотложной хирургии. Дескать, в регистратуре молчат и глазки строят! Затем вы поднялись в квартиру Залесского, чтобы оформить заявление в письменной форме... Дальше понятно?

— Так точно! — без особого энтузиазма отозвался подследственный. — Чего тут не понять?! Выносят дверь, являются неустановленные личности с оружием, ксив не предъявляют и на мои законные, стало быть, требования реагируют по морде... Госпожа старший следователь, а ежели полкан другое накатает?

Таракан-«полкан» Жилин, ясное дело, накатает другое. Но козыри-то все у нас!

— Пусть себе катает, сержант! У нас свидетель есть. Бах-Целевская Ида Леопольдовна, двадцати одного года. И цените, подследственный! Я на эту девицу вчера полдня потратила.

...Отыскать «Идочку», как называл гражданку Бах-Целевскую алкаш Алик, оказалось непросто. К счастью, в бестолковом рапорте Жилина оказался ее адрес: городское общежитие № 3, более известное как Венерятник. Там ее знали — и еще как знали! — но сама Бах-Целевская в Венерятнике не обнаружилась. Список тех, у кого она может прохлаждаться, занял не одну страницу (та еще девуля оказалась!), но ее соседка по комнате вовремя вспомнила, что медсестричка-истеричка поселилась «у своего нового». Адрес «нового» она не знала, но улицу указала точно. Остальное — просто. Именно на этой улице прописан сгинувший Залесский. Саму Бах-Целевскую я извлекла прямиком из ванной. «Идочка» оказалась готовой на все — жаль, я не мужик! Протокол, во всяком случае, подписала сразу.

С бабулькой пока не повезло. В нетях бабулька. Сказали: под городом, у брата. Но ее показания, полученные мною лично на субботней пьянке-гулянке у Залесского, легко оспорить — она, кажется, Алику-алкашу дальней родичкой приходится. А зовут ее совсем странно — Лотта. Бабушка Лотта. Интересно, какого Лота она бабушка? Судя по возрасту, того самого.

— Это вам конфетка, — подытожила я, дав возможность подследственному оценить сделанное. — В виде аванса. А теперь, Петров, докладывайте.

Странное дело: «конфетка» совсем не обрадовала буяна, и я мысленно обиделась.

Сержант поморщился, вздохнул.

— Да чего там докладывать, госпожа старший следователь! Нема Фимки! Пропал! Мать все морги обегала... И Алика нет. Я наших спрашивал — никто ни хрена не знает. Я уже и фотки ихние ребятам передал, и приметы. Нема! С концами!

Весело! Ну, гражданин Залесский пропал, так сказать, по определению, с шумом, громом и кентаврами. Теперь к нему присоединяется неведомый мне гражданин Крайцман, который умудрился сгинуть, не попав ни в жилинский протокол, ни в данные горотдела, куда архары сдали драчуна Петрова.

В управлении ФСБ его тоже не было — разведка доложила точно.

— Давайте успокоимся, — как можно теплее предложила я. — Вас, кажется, Ричардом Родионовичем величают? Я — Эра Игнатьевна. Договорились?

Сержант покорно кивнул.

— Так вот, Ричард Родионович. Залесского пока оставим в покое. Ваш приятель скорее всего пьет пиво с кентами где-нибудь на Дальней Срани. А вот гражданин Крайцман... Он не задержан. И не убит — труп мы бы давно нашли. Значит?

— Да кому Фимка нужен? — Жорик дернул квадратными плечами. — Он, правда, это... Биохимик он. Доктор наук. Аккурат в прошлом году защитился.

Я только головой покачала. Дивны дела твои, Господи! Хороша шайка-лейка собралась! Бывший сотрудник сверхсекретной лаборатории, алкаш-писатель, жорик, библейская бабуль-

ка, ученый-биохимик и шлюшка из общаги. И ко всему в придачу — кентавр! Черт! Даже розыск официальный не объявишь, эти, из мэрии, сразу почуют.

Хотя почему бы и нет?

— Говорите, гражданина Крайцмана мать ищет? Вот и хорошо! Пусть подаст заявление, причем опишет все, как было. Да пожестче! И по телевизору пусть объявят. Сделаете?

Петров почесал подбородок.

— Можно. Я и ребят попрошу, чтоб смотрели. Эра Игнатьевна! Ну какого... то есть почему они к Алику привязались? Что он им сделал?

Настала моя очередь пожимать плечами.

— Не знаю. Но, честно говоря, находиться сейчас на его месте мне бы не хотелось...

Я лукавила.

На своем месте я тоже чувствовала себя не очень уютно.

3

Агенту (или, как принято сейчас изъясняться, сотруднику) всегда требуется скипидар под хвост. Но не тот скипидар, что тебе мажут, а тот скипидар, что ты мажешь сам. И лучше всего, если скипидар не будет замешан на страхе. Страх уходит, а человек остается и может натворить чудес! Так что фотки с голыми бабами и угрозы семье — скипидар не только дешевый, но и очень опасный.

Сначала этому меня учили, потом поняла сама. Прочувствовала, так сказать, ощутила. Мои боссы — мастера подбирать рецепт скипидара. В свое время мне было достаточно ощущения, что тебя считают человеком. После трех лет ада такое дорогого стоит. Ну а потом... Потом стало еще проще. Я считаюсь очень дорогим агентом. И слава Богу! Главное, что деньги переводятся на счет, известный в этом полушарии лишь мне и Девятому. Правда, и за деньги купишь не все. Это тоже истина, порой очень печальная. Например, не купишь писем. Писем, которых я так жду и которые...

*...**Ее** последнее письмо было странным. До этого — все понятно: колледж на побережье, оценки, бабка-маразматичка, теннис. А тут... Какой-то Пол, с которым **она** вдобавок разговаривает*

по-русски, какие-то акулы... Откуда там русские? Написала — и молчок. Хорошо еще бабка не забывает. Свекровушка!.. Да чего от ее эпистол ждать? «Здоровы, сыты, шлите денег...»

Стоп, хватит!

Со старшим сержантом Петровым все классически просто. Без скипидара. Для друга Фимки да для кореша Алика он не пожалеет ни времени, ни подошв. А то, что работать доблестный жорик будет втемную, и вовсе хорошо. Аминь, аминь, сотрудник Стрела!

Пора было идти к дубу. Или вначале заварить кофе? Впрочем, заваривать лень, но можно сходить в буфет. А еще лучше посидеть тут, ни о чем не думая, посидеть с закрытыми глазами, представляя себе небо — белесое жаркое небо, бездонное, равнодушное. Один из советов Святого Игнатия — и очень дельный. Лучший способ отдохнуть, когда времени мало и...

Дзинь! Дзинь! Дзи-и-инь!

Счастье, что в этот миг в кабинете не оказалось доктора Белла. Застрелила бы — и Первач-псов не побоялась. Наизобретал, козел сраный, сука американская...

— Гизело слушает!

— Госпожа старший следователь! Добрый день. Тут, блин, такая лажа!..

Так и знала! Дуб! Ладно, придется идти...

* * *

Почему-то я ожидала увидеть следователя Изюмского на боевом посту — с плетью в руке. Или с оголенным проводом. И, естественно, не одного, а в компании с подследственным Кондратюком, который голубым кулем болтается на дыбе, вопит, хрипит...

Дуб был один. На столе, кроме початой бутылки коньяка, сиротливо лежала бумажка — тоже одна. Ручка пристроилась сбоку.

На меланхоличное предложение выпить я даже не стала отвечать. Села в кресло (предложить присесть он, само собой, забыл) и выжидательно взглянула на дубовую рожу.

Рожа сморщилась.

— Где подследственный? — поинтересовалась я, уже начиная догадываться.

Рожа сморщилась еще больше.

— В лазарете, блин!..

Лучше всего сосчитать до десяти. Или до ста. По-итальянски. Уно, дуо, тре...

— И что вы ему сломали, господин Изюмский?

— Ребро, — покорно вздохнул дуб. — Или два...

— Идиот.

— Так точно...

Полная покорность возбуждает. И не только в сексе.

— Повторите!

Дуб грузно поднялся, почесал затылок.

— Идиот я, блин, подруга! Да ты бы на этого тормоза посмотрела! Лыбится, падла, и блекочет всякую туфту! Он же, сука, плановой, блин! Гондон поганый, ломка у него, гада! Дозу просит!..

— А теперь по-русски, пожалуйста...

Пока племянничек пытался найти адекватные выражения в великом, могучем и свободном, я припомнила замеченный мною еще той ночью странный — неподвижный и прозрачный — взгляд Кондратюка. И пожалела, что не взялась за дело сама. Хотя и без меня можно было догадаться, что у мерзавца — астенический синдром и в таком состоянии бить его просто бесполезно. А теперь единственный подозреваемый по важнейшему делу выбит из игры — в буквальном медицинском смысле — и, возможно, надолго.

— Что он сказал? — перебила я, не дав товарищу Изюмскому подыскать эквивалент к выражению «гондон поганый».

Дуб молча протянул мне листок — тот самый, единственный.

Ну-с?

«Гражданина Трищенко я не убивал. Пистолет мне вручила Очковая. Она велела прийти в бар «Момай». С моих слов записано верно».

Подписи не было, зато имелась грамматическая ошибка (бедный Мамай!). Я вздохнула.

— Что баллистики говорят? Пистолет тот?

— Тот...

В принципе с этим можно сунуться в суд. Пистолет, личность подследственного, поведение при задержании. Но ведь дело не в наркомане! Точнее, не в его поганой личности. Трищенко убили безнаказанно, в меня тоже стреляли, явно не опасаясь последствий. Кто дал этому уроду право убивать? Наркоманы-убийцы в нашей практике попадались, и не раз, но исключительно мертвые. «Психоз Святого Георгия» достает их вдвое быстрее, чем всех прочих. Кажется, на эту тему была даже статья...

— Когда мы сможем его допросить?

Молчание затянулось, и я почуяла недоброе.

— Господин Изюмский!

— Да блин!.. Я его по башке ненароком двинул! У него это... Сотрясение!..

Да. Идиот. Клинический.

— Ладно. Посетителей допросили?

Протоколы я листала недолго. Дуб оказался дубом и тут. Свидетелей расспрашивали о Кондратюке — но не об убитом Трищенко. О Кондратюке же знали немногое. Появляется редко, мало с кем общается, предлагает себя исключительно за деньги или за «дозу», имеет совершенно непотребную кличку «Глубокая Пасть», не танцует... Не танцует — этого мы не учли... Эх, не о том спрашивали! С Кондратюком пока все ясно, нам бы про убитого Трищенко узнать. Бармен — человек известный, тут бы многое всплыло!..

— Кто такая эта Очковая, не знаете?

Дуб только вздохнул. Озвереть? Нет, не стоит. Займемся педагогикой.

— Значит так, Изюмский! Кондратюка — на обследование. И не в лазарет, а в Центральную клиническую. Срочно! Пусть поглядят, что в нем такого особенного. Дальше... Вызовите всех свидетелей еще раз. Узнайте все о Трищенко. Побывайте у него дома, расспросите родителей... Вас методике расследования учили?

Тяжкий вздох был мне ответом. Ну конечно! Юракадемия, заочное отделение!

— Как только найдете Очковую — везите сюда. Обыск на квартире. Как заявку на ордер писать — знаете?

— Да знаю я, госпожа старший следователь! — возгласил дуб. — Я просто того, ну... этого...

Верно. И того он. И этого тоже.

— Налейте коньяку!

Последняя фраза была явно воспринята как знак примирения. И напрасно. Я отхлебнула коньяк (прекрасный, откуда только взялся?), улыбнулась:

— А будете обо мне сплетничать, кое-что оторву. Что имен-

но, вам Никанор Семенович уточнит. Настоящий мужик баб трахает, а не облизывает языком при посторонних. Ясно?

Удивительно, но дуб покраснел. Да так, что я почти его простила. Все-таки жизнь мне спас, охломон! Ладно, можно еще по глоточку...

Я кивнула на бутылку, товарищ Изюмский послушно привстал...

Дзинь! Дзи-и-инь!

Черт! Я и забыла, что телефоны бывают не только в моем кабинете.

— Вас, Эра Игнатьевна!

Так и знала...

— Гизело? Где тебя леший носит? Немедленно на выезд!

Ревенко! Да пошел бы он!..

— Какого беса! Я работаю!..

Из трубки послышался рык, да такой, что даже я дрогнула.

— Немедленно! В городе погром! На Сумской! Поняла? Шеф уехал, дозвониться не могу! Ноги в руки, мчись, принимай решение! Я к «сагайдачникам», они, болваны, с выходом тянут!.. Выполняй!

К «сагайдачникам»? Ого, дело скверное, если дошло до курсантов Особого военного университета имени Сагайдачного. На моей памяти такого еще ни разу...

— Еду!

4

«Принимать решение» не довелось. И без меня было кому — мэр, оба его зама плюс начальник УВД Хирный с целой толпой жориков в больших погонах. Начальство жалось за могучими спинами архаров и явно не торопилось выходить за стену из пластиковых щитов. А впереди, загораживая улицу, бурлила толпа.

У страха глаза велики. Погрома не было: во всяком случае, витрины магазинов оказались целы, да и бить никто никого не собирался. Пока, по крайней мере. Зато движение перекрыли намертво. Опустевшие туши троллейбусов тянулись бесконечным караваном, одну из машин уже успели перевернуть. Лозунгов не имелось — кроме одного, наскоро намалеванного красной краской на обычной простыне. Я всмотрелась... «Кентов вон из города!» Ага, вот в чем дело! И конечно, иконы — огромные, почти в метр. Кажется, Святой Власий. Странное дело:

в памятках, издающихся здешней епархией, епископ Севастийский определен к надзору за скотом. За крупным рогатым. Но в городе все считают, что именно он защищает от кентавров. Есть даже сборник молитв Власию «супротив буйства кентаврийского»; по-моему, его уже забросили и в Интернет...

— Гизело? Где твой главный?

От неожиданности я вздрогнула. Широкоплечий здоровяк с военной выправкой, которую не могло скрыть вполне штатское пальто. Бажанов, заммэра по силовым.

— Ищут, — сообщила я, прикидывая: не спросить ли в свою очередь о налете на квартиру Залесского?

Нет, не стоит.

— А почему тебя прислали? Мужика не нашли?

— Почему? — удивилась я. — Нашли!

Он хмыкнул, протянул пачку «Кэмела». Я покачала головой. Бросила — еще в колонии, на спор. С тех пор и не курю.

Толпа между тем подкатилась к самым щитам. В воздухе мелькнул снежок, с легким стуком врезавшись в тугой пластик. Затем снежки посыпались градом. Вверх взвились десятки рук:

— До-лой кен-тов! До-лой кен-тов! До-лой!

— Ты что, над планом «Покров» работаешь?

Я покосилась на Бажанова, но переспрашивать на всякий случай не стала. А вдруг еще что-нибудь скажет?

— Стратеги, мать их! «Сагайдачники» давно уже должны быть! А если и вправду петух клюнет?

— Их Ревенко поехал подгонять, — со знанием дела сообщила я.

— Ревенко... Хрен с бугра этот ваш Ревенко!.. Ну ты смотри, чего вытворяют!

Над толпой начал подниматься длинный шест. На его конце имелся небольшой «глаголь», с которого свешивалось нечто, издали похожее на мотоцикл. Присмотревшись, я поняла: это не совсем мотоцикл. Кентавр. Точнее, его уменьшенное изображение с табличкой на груди. Надпись гласила: «Кент сраный». Шест принял вертикальное положение, качнулся, но устоял.

Сзади послышался вопль. Я обернулась: двое архаров отбирали видеокамеру у лохматого юноши. Мелькнула знакомая тараканья рожа. Полковник Жилин! Со свиданьицем! Тараканы заселились — выселяться не хотят...

Рядом с первым шестом начали воздвигать второй — и тоже с виселицей. На этот раз висеть довелось обычному мешку.

Правда, на мешке красовалась шляпа, а белая табличка сообщала, что перед нами не мешок, а наш уважаемый мэр. И не просто мэр, а «Сука-мэр».

— Кто же им платит? Как думаешь, Гизело?

Я с изумлением воззрилась на Бажанова. Тот покачал головой:

— Зря мы вашу контору кормим! Платят им, Гизело! Ты погляди, кто собрался? Босота, наркота долбаная, им что кенты, что марсиане. Не-е, не просто это! Ты представляешь, если «Покров» начнется? Мы «сагайдачников» в окопы отправим, а тут шухер! Говорил я, надо спецбатальон создавать!

Мне показалось, что я ослышалась. Спятила. Одурела. Окопы? Они что, воевать собрались? Да ведь от нас скачи, за три года до границы не доскачешь!

— До-лой кен-тов! До-лой! До-лой! Мэра в отставку!

Ближайший шест (с кентавром) накренился, пошел легким дымком — и вспыхнул. В ноздри ударил запах солярки.

— Убийцу этого гомосека нашли?

Бажанов продолжал меня удивлять. Оказывается, он интересовался не только загадочным «Покровом».

— Ты скажи, чтоб крепко искали, Гизело! Банда у них! Гомосек этот — только репетиция. Они, сволочи, боевиков готовят! Представляешь: начнут бить боевыми, а мы и ответить не сможем!

— А японских шпионов искать не надо? — не утерпела я.

Мой выпад он проигнорировал, а я еле удержалась, чтобы не сорваться с места и не побежать прямиком домой, к компьютеру. Это же надо! Пять лет заниматься какой-то этнографией, и тут за пару дней такое! «Покров», очевидно, проект введения военного положения — или даже военных действий. Бред, зато в этот бред неплохо вписываются мифические «боевики». М-да, мысль недурна. Кто там пропавший Крайцман по специальности? Биохимик? Гражданин Залесский точно бы очередной роман накропал.

Теперь уже горели оба чучела. Солярки не пожалели — пылало славно. Снежки кончились, в ход пошли пустые бутылки. Ряды архаров зашевелились, чуть подались назад...

Резкий гудок заставил оглянуться. На площадь, разбрасывая неубранный снег, лихо выруливали грузовики. Первый затормозил, из кузова горохом посыпались «сагайдачники», держа на изготовку саперные лопатки.

— Отож! — довольно прокомментировал Бажанов. — Ну что, прокуратура, даешь добро на красные сопли?

Он не шутил. «Сагайдачники» — тоже. Вот хрень, мало им палашей с дубинками, еще и лопатки подавай!

— Где мэр? — стараясь оставаться спокойной, осведомилась я. — Проведите меня к мэру! Быстро! Вы слышите?

5

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад... Мяч уже в воде, ленивая теплая волна слегка подбрасывает его вверх, солнце сверкает на мокрой резине. Девочка оглядывается...

Нет, бесполезно! Не могу вспомнить! Ничего — ни лица, ни того, какого цвета был на ней тогда купальник. Даже мяч расплывается, меняет цвет, становится огромным... у меня в детстве был похожий...

Хватит!

Я открыла глаза и слегка шлепнула надутый от важности томик Лойолы. Может, действительно попробовать? Взять отпуск и пройти весь искус, шаг за шагом, от отчаяния к надежде. Всего за четыре недели. Святой Игнатий уверяет, что после этого год нормальной жизни обеспечен. В покое, благочестии и с истовым рвением к работе. Так сказать, *ad majorem Dei gloriam*.

Не выйдет. Четырех недель у меня не будет, не будет даже получаса. Доклад уже послан, экран тускло светится. Хорошо, что сегодня очередь Девятого. По крайней мере, не придется ругаться.

Все! Экран. Пора! Почему они молчат? Ладно, сама...

«Здесь сотрудник Стрела. Ответьте!»

Сейчас Девятый усмехнется, положит на клавиатуру свои длинные пальцы. Мне всегда почему-то казалось, что они у него именно такие. Как у пианиста.

«Здесь Пятый. Слушаю вас, сотрудник Стрела. Только покороче!»

Опаньки!

Сквозь растерянность, злость, обиду я все же успела ощутить некоторое изумление. Что это там у боссов? Раньше такого не было!

«Попала в сложную ситуацию. Жду совета».

Вот так. Покороче. Без эмоций.

Строчки ушли в неведомую даль, в ответ поползли другие.

«На ваш экстренный № 256. Категорически запрещаю всякую самодеятельность! Планом «Покров» не заниматься. Повторяю: не заниматься. Бажанова оставьте в покое. Выполняйте задание. Ваше сегодняшнее поведение считаю недопустимым!»

«Поведение» — это когда я вместе с мэром и Бажановым вышла к толпе? Но ведь иначе лопатки пошли бы в дело! Вместе с палашами.

«Вы привлекли к себе излишнее внимание, чем поставили под удар всю операцию! В дальнейшем — категорически запрещаю подобное!»

Внимание? Пожалуй, да. И Никанор Семенович благодарил, и Ревенко с бутылкой бегал. Где они такие хорошие были, когда толпа на щиты поперла? А в общем, Пятый в своем репертуаре.

«Теперь важное. Нужный вам специалист прибывает завтра киевским поездом в 11.40. Вагон третий, место пятое. Специалиста зовут Волков Игорь Дмитриевич. Высылаю фотографию».

Завтра? Просила, просила чуть ли не год... Видать, и вправду жарко стало. Ну-с, Игорь Дмитриевич, каков ты?

На экране появился белый четырехугольник, по нему поползли пятна, обозначились контуры...

Есть! В голове уже сам собой составлялся словесный портрет (лицо овальное, подбородок средний, с ямочкой...), а я глядела в незнакомое лицо, пытаясь понять, кого мне Бог и начальство прислали. Пять лет работала одна — не шутка. Вроде ничего. Симпатичное лицо. И улыбка приятная. Сколько тебе лет, Игорек? Двадцать пять? — если, конечно, фото не старое.

Полюбоваться напарником мне не дали. Снова строчки — сердитые, даже злые.

«Категорически запрещается вступать со специалистом в любые разговоры, не относящиеся к работе, сообщать подробности своей биографии, свое агентурное имя, номер и суть задания. Как поняли?»

Обидно даже! Он что, меня за малолетку принимает?

«Сотрудник Стрела все поняла правильно».

Ладно, рычи! А интересно, почему нельзя заниматься «Покровом»? Уж не сидит ли рядышком кто-то еще? Сидит, дискетку в компьютер вставляет... Давно подозревала, давно!

Пятый уже успел попрощаться, экран погас, а я все сидела в кресле, слегка постукивая пальцами по мертвой клавиатуре. *«Поняла правильно... поняла правильно...»*

Ладно, будем считать, что поняла.

Четверг,
девятнадцатое февраля

Мадам Очковая и ее Капустняк * Специалист по кризисным культам * Добрые друзья старшего сержанта Петрова * Падай, дура!

1

С работы следовало удрать, причем не позже половины одиннадцатого. Спешить я не люблю, особенно в подобных делах. Бог весть, вдруг какому-то любопытному захочется проехаться вслед за старшим следователем Гизело на Южный вокзал? Горят на мелочах — это даже не азбука, это палочки для счета.

Проще всего зайти к начальству, предварительно понюхав лука, и, глядя на оное начальство честными покрасневшими глазами, доложить о временной нетрудоспособности. Проще, но не правильней. Есть метод получше — так осторчертеть всем, что твое исчезновение будет воспринято как дар Божий. Посему с первыми петухами я заглянула в кабинет к мрачному недопохмеленному Ревенко, затем нашумела у экспертов, забежала в архив. Следующим на очереди был лично Никанор Семенович, но у самой приемной меня перехватили. Оказывается, пока я накручивала круги по коридорам, меня искали. Точнее, искал.

Дуб, понятно, кто же еще?

Если прошлый раз стол следователя Изюмского украшала одинокая бутылка коньяка, то теперь впору было перекреститься. Половину стола занимала голая женщина с призывно раскрытым ртом и заброшенными на плечи ногами. Дуба могло извинить лишь одно: дама при ближайшем рассмотрении оказалась резиновой и надувной. А вокруг дивным натюрмортом располагались цветные фотографии — тоже с дамами, но уже настоящими, яркие обложки журналов и что-то еще, не очень понятное, но явно паскудное. Сам дуб восседал в кресле, скрытый резиновыми прелестями своей новой подруги, и старательно изучал толстую тетрадь в черной клеенчатой обложке.

— Пигмалионизм или фетишизм? — поинтересовалась я вместо «здрасьте».

Господин Изюмский только вздохнул, и весь его вид мне сразу крайне не понравился.

— Ладно, докладывайте!

Докладывать ему не хотелось. Даже поднимался дуб с таким видом, будто его не поливали минимум год.

— Очковая, — наконец выдал он, кивая на стол.

Похоже, он имел в виду резиновую даму. Или просто рассчитывал на мою догадливость. Но я предпочла промолчать.

— Упустили! — вновь вздохнул племянничек и не выдержал: — Блин, сука верченая, из-под носа!..

Итак, из-под носа. Вскоре я выяснила, что Очковая, то есть Калиновская Любовь Васильевна, тридцати пяти лет, полька, временно не работающая, умудрилась исчезнуть из квартиры за пять минут до появления опергруппы. На плите как раз выкипел кофе. В спешке она оставила не только пачку патронов, аналогичных изъятым у гей-гражданина Кондратюка, но и все те сокровища, что ныне красовались передо мной.

— Блядина она! — резюмировал дуб. — Вот, погляди!

Он наобум порылся в пачке цветных фотографий и протянул мне. Первый же взгляд показал, что мой собеседник во многом прав.

— Видала? Старая, сука, а туда же! Бордельеро на хазе устроила! Голубятню! Мальчиков ей подавай, собачек! Блядина!

Судя по фотографиям, не одних собачек. Кентавров тоже. Отсутствием воображения мадам Очковая явно не страдала. По поводу «старой суки» я решила не заострять. Всего на год меня старше... Эх, клещи бы сюда, да за язычок кой-кого!

— Ведь чего она Очковая, Эра Игнатьевна? Она же их трахала! Пидоров этих! То есть которые лица... Во!

Изюмский сморщился и поднял со стола нечто. Н-да! Слыхивать приходилось, а вот видать — еще нет.

— Этот, как его, блин? Фаллоимитатор. Она у них, у пидоров, самая модная телка была! То есть даже не телка...

С трудом уйдя от столь благодатной темы, дуб все-таки вернулся к нашим баранам. В «Мамае» Очковую знали все. И не только в связи с указанными выше обстоятельствами. Уже несколько лет гражданка Калиновская была постоянной подругой завсегдатая оного бара, известного под кличкой Капустняк. К числу прочих знакомых гражданина Капустняка принадлежали также известные нам убиенный бармен Трищенко и вольный стрелок Кондратюк.

— Да вот они, глядите!

Очередная фотография. Без собачек, зато с хорошо узнаваемым гражданином Кондратюком, не менее узнаваемой Очковой и неким третьим — постарше, с короткой черной бородкой. Все трое были весьма и весьма заняты друг другом. Любопытно, кто сие снимал? Уж не Трищенко ли?

Я хотела выдать увлекшемуся дубу нравоучительный пассаж, но внезапно физиономия сластолюбивого бородача показалась мне знакомой. Может, из-за бороды. Ненавижу мужские бороды, все время кажется, что тебя лобызает половая щетка...

— Компьютер работает? Найдите файлы розыска! Быстро!

Можно было отдать снимок на сканирование и совмещение, но я понадеялась на свою память. Почему-то я была уверена: этот тип в розыске, причем не только в городском. Где-то полгода назад... Есть!

Искать не пришлось. В первой же десятке «особо опасных» мелькнула знакомая борода. А вот и текст. Та-а-ак!

Я присвистнула, дуб тихо выматерился, и я раздумала делать ему замечания. Не до того. Нет, ну это же надо, а?

...Панченко Борис Григорьевич, он же Бессараб, он же Капустняк. Вор в законе, предполагаемый главарь «железнодорожной братвы». Убийства, рэкет, наркотики, торговля женщинами и детьми, содержание притонов, аферы с авизо. Полгода назад дело передано в Интерпол. Предполагаемое местонахождение — Португалия...

— Это которые «тамбовцев» и «воркутинцев» перешлепали? — судорожно вспомнил дуб.

— Которые, — согласилась я, не понимая: что же это такое творится на белом свете?! Капустняка, главаря чуть ли не самой крупной банды в Евразии, ищем мы, ищет Интерпол, а он гуляет себе под самым носом...

— Его видели в «Мамае»? Когда?

Изюмский почесал затылок и начал загибать пальцы — один, второй...

— Неделю назад.

Лихо! Как раз перед убийством!

— Чего делать-то будем, Эра Игнатьевна? — жалобно вопросил дуб.

Делать? Интересно, далеко ли до ближайшей колокольни? Бежать, взбираться, хвататься за веревку...

— Не будем спешить, — рассудила я. — Расспросите всех еще раз. Только подробнее — когда заходил, с кем... И загляните на серверы Интерпола. Мало ли?

Дуб послушно кивнул, я же взглянула на часы и поняла — пора. Скоро обеденный перерыв, не хватятся, а потом я позвоню...

— Эра Игнатьевна, это ведь вы дело Молитвина ведете?

— Что? — Я застыла, думая, что ослышалась.

— Ну, алкаша пропавшего, — удивился дуб. — Дядька говорил...

Уно, дуо, тре... Он, де, труа, катр... Айн, цвай...

— Вела. Закрыли дело. А... что?

— Ну, если закрыли!.. — Господин Изюмский пожал широкими плечами. — Просто тут о нем...

Тетрадь — та самая, в черной клеенчатой обложке. Еще не понимая, я раскрыла первую попавшуюся страницу. Рисунок карандашом: женщина и... тоже женщина, хотя на первый взгляд и не скажешь. Внизу подпись — *«Олька Ч., поз. «крыл. ракета»*.

— В конце, Эра Игнатьевна! Тут она всякую пакость описывает, а в конце...

В конце, то есть на последних страницах, оказались адреса. Много, некоторые перечеркнуты крест-накрест, другие без фамилий, с одними инициалами...

«...Молитвин Иерон. Павлов. Гв. Широнинцев, 22, 15. 300 гр.».

Раз, два, три, четыре, пять, шел Молитвин погулять. Капустняк вдруг выбегает, триста гр. ему вручает...

2

Ездят к нам мало. В первые годы побаивались — да и сейчас боятся. Вдобавок негласный пропускной режим, ОВИР, даже, кажется, справки. Постоянные пропуска полагаются лишь родственникам, и то не всем. «Братва» тоже не спешит соваться. Кому охота лезть прямо в пасть к «железнодорожникам»? Стоп, стоп, не надо, хватит!..

Я постаралась забыть, хотя бы на время, о таинственно сгинувшем Молитвине и не менее таинственно объявившемся Капустняке. Не сейчас! Платформа пуста, но на вокзальном табло уже 11.28, значит, скоро...

Странно: сюда почти не ездят, а поезда не отменили. Ревенко как-то пояснял: политика! Символ единства державы. А тот факт, что поезда пустые, — не беда. Пустые — зато целые. «Железнодорожники» всех напрочь отвадили...

Стоп! Опять не туда!

Лучше подумать о специалисте. О симпатичном парне по имени Игорь. Игорь Дмитриевич. Игорь Дмитриевич Волков, который сейчас, судя по всему, разглядывает заснеженные пустыри на месте сгинувшей Новоселовки. Интересно, кого мне

пришлют? Физика? Наверное, физика. Девятый намекнул, что некоторые из них уже ставят Основную теорию под сомнение. Правда, печатать такое не спешат. Кого-то наша любимая теория весьма устраивает. И действительно, что может быть проще? Неизвестное излучение действует на психику, бедолаги-обыватели видят чертиков — и все в порядке, картина мира не меняется. Где же вы, Игорь Дмитриевич? На часах 11.30. Пора!

Ага, есть! Задумавшись, я даже не заметила тупую морду локомотива, неторопливо выползающего со стороны Сортировки. Правильно ли я стою? Все верно, третий вагон должен располагаться именно тут, проверено...

Проводник издевательски долго возится с дверью, затем никак не желает отойти в сторону...

— Эра Игнатьевна?

Игорь Дмитриевич Волков улыбается и протягивает мне широкую ладонь. Я улыбаюсь в ответ.

— Д-добрый день! А вы знаете, я б-был в вагоне совершенно один! Все еще в Полтаве сошли!..

— Добрый день! — наконец спохватываюсь я. — Это ничего, главное, вы не потерялись!

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Фотография, конечно, старая. Моему гостю лет тридцать — или чуть больше. Ямочка на подбородке, яркие губы. Красивые глаза, только цвет какой-то странный. Серый? Нет, светлее. Невысок, но крепок, не иначе тренировался, причем не один год. Кисти узкие, какие-то детские. И запястья — тонкие, как бабки у породистого скакуна.

А еще бы ему очень пошла штормовка.

Вот он какой, присланный вместо боевого слона специалист...

— Что-нибудь не так, Эра Иг-гнатьевна?

О Господи! Засмотрелась, баба старая!

— Все так, Игорь Дмитриевич! Просто я рада...

— Только не Д-дмитриевич! — Он вновь улыбается и смущенно разводит руками. — Когда с «ичем», все к-кажется, что я на заседании Ученого совета, и еще эти ст-туденты...

— Игорь, — охотно вношу эту коррективу. — А я — Эра. Только лучше... Лучше — Ирина.

Договор заключен, и мы не спеша направляемся к стоянке

такси. Только сейчас я замечаю, что за спиной у долгожданного специалиста — старый рюкзак с притороченной сверху гитарой, а в руке — лоптоп, тоже старый, чуть ли не начала века. И вновь просыпается любопытство. Физик? Физик с гитарой? Ничего, скоро узнаю.

3

Перед тем как заваривать кофе, я быстро спалила на горелке даже не одну, а две булочки и установила на видном месте иконку Филиппа Сурожского. Почему-то хотелось, чтобы кофе получился такой, как надо, — или еще лучше. Святой благостно улыбался, вдыхая пряный аромат. Бог знает, может, ему кофе прямо в Сурож возили? Из Абиссинии?

Завтракать гость категорически отказался, приведя меня в тихую радость. За всеми моими злодействами я давно не пополняла холодильник. Зато бар...

— Вам с коньяком? У меня есть настоящий «Камю». И «Арарат» тоже есть — тридцатилетний!

На этот раз его улыбка выглядела слегка растерянной.

— Н-не знаю даже. Может, сначала о работе поговорим? Вы ведь теперь мой, т-так сказать, научный руководитель!..

Научный? Хорошо сказано! Но... Спросить?

— Простите, Игорь, а кто вы по специальности? Я имею в виду...

— П-понимаю, понимаю. — Игорь поспешно закивал. — Кажется, м-могу вас обрадовать, я именно по вашему профилю. Два нуля, ноль восемь, семьдесят два. Л-литературоведение и фольклор.

«Вот те раз!» — подумал Штирлиц. Я чуть не поперхнулась глотком кофе (хорошо получился, не подвел Сурожанин!). Все еще не веря, покачала головой:

— Фольклорист?

— Ну да! — Гость явно удивился. — У меня кандидатская по античной мифологии, а д-докторская — по индо-арийской. Я, правда, доктор не наш, американский, у нас сейчас в совет лучше не соваться.

Ничего, ничего... Посчитаем до десяти. Что-то часто приходится этим заниматься!

— А как вам, позвольте спросить, обрисовали ваше задание? В смысле, э-э-э, работу?

Изумленный взгляд серых глаз. Да, глаза что надо, век бы смотрела, не отворачивалась...

— Но... Мне объяснили, что фонд Сороса открыл н-несколько новых тем, в том числе по кризисным культам, на примере вашего города. Д-действительно, материал уникальный! Я подал заявку, и вот... Мне сказали, что здесь есть два специалиста: вы и г-господин Молитвин...

«А вот те два!» — подумал Мюллер. Если все это — шутка Девятого, то она явно удалась.

— А что *вы понимаете* под кризисными культами, Игорь?

«Что такое?» — спрашивать нельзя. Все-таки я — тоже «специалист».

— Хороший вопрос! — Краешки ярких губ дрогнули. — В т-точку! Я понимаю так: к-кризисные культы возникают в экстремальных условиях, когда об-бычная система ценностей перестает существовать или становится непродуктивной. Вот, например, культ «карго»...

Узнавать о культе «карго» было интересно (надо же, грузовозам поклонялись!); а еще приятнее было просто слушать его голос. Негромкий, теплый... И вдруг я начала понимать: случилось кое-что пострашнее приезда наивного фольклориста в наш Ад. Я встретила свежего человека. Симпатичного человека. Умного. Не «сотрудника», не жорика, не наркомана... Окстись, девка, с ума не сходи!

— К тому же, как я выяснил, у вас этим д-давно занимаются. Начали еще до в-всего этого ужаса. Здесь работал Институт Прикладной Мифологии... наверное, с-слыхали?

Слыхала! Ох, слыхала! НИИПриМ, он же — № 7. Тот самый, где рвануло. Лаборатория МИР, до которой еще никто не смог докопаться. Ни в переносном смысле, ни в прямом. Кратер — метров двести в диаметре. До сих пор трава не растет...

— Ведь господин Молитвин — из лаборатории МИР, если я не ошибаюсь? Это зд-дорово, у нас думали, что там все погибли! Вы знаете, портрет Иеронима Павловича — это б-было первое, что я увидел, когда впервые зашел к нам на кафедру. То есть на мою будущую к-кафедру...

...Представилось: пропитая рожа угрюмо глядит из золоченой рамы. В деснице вобла, в шуйце — початая бутылка пива.

— Хорошо! — легко согласилась я. — Как только господин Молитвин появится, я вас немедленно познакомлю. А может, все-таки по пятьдесят грамм? «Арарата»?

К сердцу мужчины надо добираться через желудок. А через рюмку куда? Ой, дура ты, Эрка, дура!

Коньяк тяжело плескался в граненом хрустале. Игорь вздохнул, вновь развел руками:

— Н-ну разве что за погибель теории Семенова-Зусера. Да расточатся врази!

С большим удовольствием я хлебнула бы за знакомство, но... И это годится.

— Аминь!

Чокаться не стали. Я вдруг представила старую накрашенную бабу, тянущуюся с рюмкой через стол... Бр-р-р!

— Значит, думаете опровергнуть Основную теорию?

Приятно поддерживать светский разговор. Два ученых мужа... То есть не совсем, но где-то рядом.

— Мечтаю! — На сей раз он не улыбался. — Из-за этой к-клятой теории мне, собственно, и докторскую в Минске зарезали. Авось наберу материала...

И тут я поняла. Он ничего не видел. Ни-че-го! Для него Объект — что-то вроде индо-ариев. Кентавра ему продемонстрировать, что ли? Нет, не заметит, нужно пару дней...

— Хотите, фокус покажу? Прямо сейчас?

Я огляделась по сторонам. Стекло разбить? Еще за буйную посчитает! Взгляд скользнул по брошенной на диван сумочке. Ага!

Я достала помаду, и мы прошествовали на кухню. Игорь с интересом поглядел на желтые разводы по потолку — неизбежные последствия недавнего потопа. Ну, про это потом...

— Помада, — начала я не без торжественности. — Она мажется.

Для убедительности я провела черту прямо по кафелю. Игорь задумался, затем кивнул:

— Согласен. Это — п-помада. Она материальна, и она оставляет след.

— А теперь вы. Изобразите что-нибудь.

На миг он заколебался, но затем в серых глазах сверкнул вызов. Приняв из моих рук инструмент, Игорь провел рукой резкую неровную линию. Раз! Волнистая черта. Два! Что-то треугольное... Да это же парус! Неплохо!

...Почему-то сразу вспомнился морской берег. Серый песок, теплые волны, ее рука — в моей руке...

Я вздохнула. Хватит, не сейчас.

— Итак, что вы сделали, Игорь?

Он усмехнулся, взглянул на рисунок.

— В-вероятно, слегка нашкодил.

— Совершенно верно.

Теперь в святцы! Нет, не стоит, случай простой, святые могут спать спокойно.

Я достала булочку и обильно покрошила на подоконник. Затем в восточный угол. А после — у порога. Достаточно? Вполне.

Игорь с интересом следил за моими пассами. Под занавес одобрительно хмыкнул:

— Насколько п-понимаю, домовой?

Я кивнула, быстро прочитала про себя простенькое заклятье. Как это Евсеич учил? *«Сусидко, сусидко, надто в хате брыдко, тоби я рада, прыбраты надо...»* Вызубрила!

Теперь считаем. (Опять считаем!) Раз, два... десять...

— Прошу!

Рисунок уже исчезал — бледнел, таял, оставляя легкий розовый след. Вот и он пропал.

Игорь внезапно стал серьезным, быстро коснулся пальцем стены...

— Вп-печатляет!

— Могу исчезника вызвать, — гордо сообщила я. — Для этого манка нужна. Только исчезники шипят, когда незнакомого человека видят. И с собой утащить могут.

Мы вернулись в комнату, Игорь поглядел на бутылку, протянул руку.

— Нет, не стоит. Хотя опыт, я в-вам скажу, хорош! Семенова бы сюда! Ковалевского уже не убедишь — п-помер. Между прочим, первые т-такие опыты стали проводить именно в НИИПриМе. П-правда, если верить легенде, там начали с телевизора...

— В институте мифологии? — поразилась я. — Игорь, Институт № 7 — оборонный объект! То есть был, конечно. Название — для прикрытия, понимаете?

Я вовремя укусила себя за кончик болтливого языка и заткнулась. Игорь бросил на меня удивленный взгляд (не смотри, сероглазый, не надо!), пожал плечами:

— Об-боронный? Ну конечно, можно вызвать д-джинна, засадить в бутылку из-под пива и швырнуть в суп-постатов... Нет! Это был именно Институт Прикладной Мифологии! МИР — собственно, «М-миф и реальность»; или, по другой версии, «Мифологическая реальность». В том-то и дело! И г-господин Молитвин был один из тех, кто первым, так сказать,

п-пробил брешь. Ему сейчас нельзя позвонить? Жажду з-знакомства!

Я покачала головой. И я жажду. И кое-кто еще. Например, Очковая. Или сам Бессараб-Капустняк.

— Как только вы его в-встретите, Ирина, пожалуйста, познакомьте! А пока... Наверное, мне стоит побродить по г-городу. Мечтаю поглядеть на к-кентавров.

— Сегодня не увидите, — усмехнулась я. — Адаптация. Нужно денька два.

Он кивнул, задумался.

— Т-то, что вы показали мне, Ирина, это одна п-половина яблока. Т-так сказать, физическая сторона. Но я фольклорист, меня интересует и вторая половина — к-как все это воспринимается на уровне культа.

Я вздохнула. Ну конечно, ему научную работу писать. По линии Сороса... Господи, кого они мне прислали?

— А в-вас не удивляет, Ирина, что православная церковь б-быстрее всего, так сказать, приспособилась?

Быстрее? Да, пожалуй. Буддистам-одиночкам — им было наплевать. Мусульмане только сейчас начинают одноразовые молитвы печатать. Очень красиво — листок, на нем вязь арабских буквиц с указанием на трех языках: «Коран, сура 14, аят 8». Берешь, отрываешь, мажешь острым кетчупом... А иудеи (которые уцелели) почти все уехали. Говорят, мучились бедняги — ни воды, ни света, штукатурка падает...

— Православным не впервой, — предположила я. — К Петру привыкали, к большевикам. У некоторых, что постарше, до сих пор погоны под рясой. Да и не все готовы булочки крошить. Вот у нас недавно арестовали двух священников...

Вновь пришлось кусать себя за язык. И больно!

— Читал, — кивнул Игорь. — Отцы Николай и Алек-ксандр, если не ошибаюсь. К-кажется, кто-то из них считает, будто настал, так сказать, Армагед-дон?

Могу ли я знать об этом? Пожалуй, могу. Я ведь тоже читаю газеты!

— Так думает отец Александр. Но ему представляется, что Армагеддон давно прошел и этот свет — уже не наш...

— Интересно. Неглуп б-батюшка!

Остается с этим согласиться, но вдруг я начинаю кое-что соображать. Гражданин Егоров рассказал об этом только мне — позавчера. Он в следственном изоляторе, в одиночке. Откуда?

Наверное, меня выдали глаза. Игорь моргнул, покачал головой.

— П-помилуйте, Ирина! Я прекрасно понимаю, что т-такое научная этика! Честное слово, я не напечатаю и слова из ваших н-научных отчетов без вашего согласия. Мне их просто п-показали, чтоб я, так сказать, вошел в курс...

Я перевела дух. Конечно, ведь его все-таки готовили. Не так, как меня, ясное дело... «Научные отчеты»! Смешно? Пожалуй, не очень.

— Вы говорили об этих двух священниках, Игорь.

— Да. Их позиция, к-конечно, любопытна, но в том-то и дело, Ирина, что они — исключение. П-погоны под рясой — это, конечно, да, но дело не в погонах. П-православие, вообще, очень мистическая религия. А м-мистика предполагает непосредственное воздействие на, т-так сказать, предмет веры... А забавно в-выходит! Помнится, годков этак н-надцать назад одного священника из-под К-киева отлучили за то, что хворых заговорами д-да оберегами лечил и пиво п-пить изволил с мужиками. Я т-тогда так и не понял, за что б-бедолагу все-таки отлучили — за знахарство или за пиво. А т-теперь, так сказать, поворот «все вдруг». Скоро, т-того и гляди, бубны выдадут б-батюшкам!

Слушать бы и слушать. Наверное, студенты его на руках носили. А студентки... К тому же гитара!..

О гитаре я решила спросить чуть погодя. Время есть, на работе не хватятся...

Дзинь! Дзинь! Дзи-и-инь!

На этот раз пришлось закусывать не язык, а губы. Иначе бы обложила в пять этажей ни в чем не повинный телефон. Впрочем, что значит: неповинный? Мог бы и сломаться, как давеча! И не умолкает, тварь!

— В-вам, кажется, звонят, Ирина!

Остается улыбнуться, извиниться и пройти в соседнюю комнату. Кто бы это мог быть? Если дуб — пошлю в пень...

— Гизело слушает!

Хорошо, что еще не сказала «старший следователь Гизело». То-то бы сероглазый удивился!..

— Эра Игнатьевна! Это Петров. Старший сержант Петров. Уже боялся, что не дозвонюсь...

Началось! Точнее, продолжается.

— Слушаю вас, Ричард Родионович!

— У меня новости. Про Фимку. То есть про гражданина Крайцмана. Нам бы встретиться...

Ясно. Гитару послушать не удастся. По крайней мере, сейчас.

— Где вы?

— Я? На Клочковской, но скоро буду возле дома Алика. Мне фотки взять надо, чтобы ребятам раздать. У меня только старые...

Алкаш-писатель проживает совсем рядом. Остается совместить неприятное с бесполезным. Вдобавок рядом проживает беглая бабушка Лотта, которая вполне могла вернуться. Ее дополнительные показания тоже не помешают. А присутствие Петрова только упростит ситуацию — его-то небось тут все знают!

— Хорошо. Через двадцать минут у его подъезда.

4

ПАДАЙ, ДУРА, ПАДАЙ!

(опыт итальянской увертюры)

I. ALLEGRO

Возле нужного подъезда, прямо на покрытом грязным снегом тротуаре, красовался грузный мотоцикл с сине-желтыми полосами и знакомой эмблемой: Егорий истребляет лох-несское диво. Рядом с мотоциклом нетерпеливо топтался лично старший сержант Петров.

— Здравия желаю, госпожа старший следователь!

— И вам того же... — начала было я, но сразу умолкла. Так-так, мотоцикл, палаш на боку, наручники...

— Петров? Вы ведь, если я не ошибаюсь, под следствием?

Жорик сдвинул шапку с «капустой» на левое ухо и принялся чесать затылок. Не иначе, извилину стимулировал.

— Ну-у... Госпожа... Гражданка старший следователь! Так ведь в штатском со мной ни одна собака говорить, е-мое, не станет! Вот, у ребят попросил, на время...

— И пистолет тоже?

Петров вздохнул и принялся расстегивать кобуру. Пустую.

— Так я ведь законы знаю, Эра Игнатьевна! Палаш — он ведь не оружие даже, а так, для порядка!..

Упечь бы трепача в изолятор — для порядка. Недавно одному парню за охотничий нож трешник впаяли...

— Ладно. Выкладывайте!

— Да, мать его в гроб, весь город облазил...

— Отставить!

Все-таки правильно, что женщин неохотно берут на работу, подобную моей. Тут одного дуба с запасом хватит. Обложить? Не стоит, не того калибра, зазнается еще!..

— Сержант! Еще раз на родном языке заговорите, отправлю под арест! Как поняли?

Ментовская ряха краснеет, бледнеет... Притворяется? Или и впрямь заело?!

А хорошо, когда с ними можно так! И даже покруче — можно!

— Виноват, госпожа старший следователь. Докладываю...

— Вот так-то лучше!

Лучше — по форме, но не по содержанию. Весь город сержант облазил, но Алика, равно как и Фимку, то есть граждан Залесского и Крайцмана, не обнаружил. К начальству сунулся — без толку. У них сейчас аврал — Жэку-Потрошителя на Дальней Срани ловят. Уже пятерых сей Жэка съел, шестого ищет. Выходит, на официальный розыск надежды мало, да и на неофициальный тоже. Зато был один разговор...

— Сам я не слыхал, Эра Игнатьевна. Сослуживец мой слышал — Дашков Андрей. Он к архару знакомому выпить зашел, там еще двое были. В общем, один спрашивает: «Куда жидка, мол, очкатого дели?» А другой ему: «Который жидок? Драчун? Ну, ясно куда, к психам!» Это как раз на следующий день было после того...

— На Сабурку ездили?

— Так точно. Нет там его и отродясь не было.

Оставалось поразмыслить. Где еще у нас водятся психи, кроме как на Сабуровой даче, она же психиатрическая храм-лечебница № 15? Водятся они, конечно, везде, но, главным образом, законом не признанные. А вот, так сказать, легальные...

— Районные храм-лечебницы? Центральная неврологическая?

Петров пожал плечами:

— В центральной был, районные сейчас ребята шерстят. Без толку это. Храм-лечебницы тетя Марта, мамка Фимкина, сразу обзвонила... Нема Фимки. И Алика нема!

Вид у бравого жорика был настолько кислый, что я его мысленно пожалела — без всякого на то хотения. Видать, страдает — друзья все-таки! Бедный сержант!

...Я спросила как-то у Петрова: ты зачем надел на шею провод? Ничего Петров не отвечает...

— Ладно, Ричард Родионович. Поднимемся в квартиру к вашему Залесскому.

II. ANDANTE

Голосистый звонок надрывался долго и безнадежно, но за дверью было тихо, будто мы пытались ломиться в склеп. Я поглядела на сержанта, тот в очередной раз пожал плечами.

— Идка должна быть там. Я звонил недавно, она дома была...

Выходит, сексапильная лимитчица решила поселиться тут всерьез и надолго. Так гражданину Залесскому и надо! Скоро пропишется, затем явится куча рогатых родичей из деревни с большим деревянным метром — квартиру делить. Чего это я на нее взъелась? Может, завидую? Тьфу, глупость!

— Ключи у вас есть?

Хлопок по карманам, знакомая «ментовская» ухмылка.

— Ключи нам без надобности! Отмычка у меня — фирмовая. Замок только жалко...

— Сейчас! Сейчас!

У замка сегодня удачный день. А гражданка Бах-Целевская таки дома, поскольку именно ее голос доносится из-за двери:

— Иду! Я в ванной была! Сейчас халат накину!

Успокоившись по поводу замка, я, решив не тратить времени даром, достала записную книжку. Из-за двери донесся странный шум, словно рухнуло что-то тяжелое. Уж не гражданка ли Бах-Целевская на мыле поскользнулась?

— Вы адрес той бабушки знаете? Что с нами тогда в квартире была? Ее Лоттой зовут.

— Тети Лотты?

Уточнять, кому она бабушка, кому — тетя, не пришлось. Вопль — дикий, отчаянный — на миг лишил меня дара речи. Записная книжка дрогнула, выпала из рук.

— А-а-а-а! Мамочка-а-а-а! Ой, убили-и-и! Ой, спасите-е-е!

Петров опомнился первым — ноблес оближ, жорик все-таки. Тускло сверкнула полоска стали, вонзилась в замок.

— Помогите-е-е! Помогите-е-е!

— Дверь открой, дура! — крикнула я, без всякой надежды быть услышанной.

Вопли не стихали. Сержант, негромко матерясь, копался в замке, а я начала приходить в себя. Если вопит — значит, еще не убили. Успеем!

— Есть!

Изнасилованный замок жалко клацнул — и дверь под натиском Петрова покорно распахнулась. Я дернулась вперед, но лапа жорика без всякого почтения к сединам и чинам схватила меня за ворот пальто и отшвырнула в сторону, словно котенка.

— Стоять! Я первый!

В руке его уже был пистолет, и я беззвучно поклялась: выживу, отправлю наглеца в изолятор. Пустую кобуру показывал, ширмач! Ну, я ему!

III. PRESTO

...На полу в прихожей — сиротливая лужица; чуть дальше — мокрые следы. Похоже, гражданка Бах-Целевская шла к двери, шла и...

— Сюда! Сюда! Ой, лышенько!

Ага! Прямо! Стеклянная дверь, за ней — комната с диваном, на котором Алик-алкаш возлегать изволили. Сержант уже там. Сейчас выстрелит... Нет, обошлось!

— Эра Игнатьевна! Скорее!

Если «скорее», значит, стрельбы не будет. Я автоматически расстегиваю пальто, перешагиваю порог.

Батюшки-светы!

На этот раз действительно «батюшки» и вполне «светы». Знакомый до омерзения запах. Его ни с чем не спутаешь — кровь. Да, кровь — на полу, на диване, на расстегнутом японском халате гражданки Идочки. У меня под ногами — тоже кровь. Хорошо еще туфельки на шпильках не успела надеть, как в прошлый раз. Теперь ни к чему. Сержант Петров не оценит, и дурочка Идочка не оценит, и гражданин Залесский Олег Авраамович тоже.

Гражданин Залесский Олег Авраамович бревном лежит на ковре и, судя по обилию крови, в помощи едва ли нуждается. Лица не узнать — даже веки измазаны красным. Где же рана? Впрочем, это пока не важно, в морге разберутся. Артерию перебили? Да, похоже.

Растерянный (таким я его еще не видела) Петров что-то бормочет, склонившись над телом; гражданка Бах-Целевская, устав вопить, сползает в кресло. Все ясно, единственный уцелевший мужик — это я.

— Гражданка Бах-Целевская, проверьте пульс!

— Я? — В круглых коровьих глазах плавает ужас.

— Ты же медсестра, дура гребаная!

Кажется, помогло. Идочка, подергивая нижней губой, вступает в лужу крови, наклоняется. Бесполезно, но надо установить факт. Я гляжу на часы — 13.30. Ровно. Пригодится для протокола.

— Жив! Он жив! Жив!!!

Теперь гражданка Бах-Целевская вопит втрое громче прежнего. Петров бросается вперед, склоняется над тем страшным, что лежит на ковре.

— Алик! Алька! Это я, Ритка! Не помирай! Я сейчас! Сейчас!

Он — сейчас! По-моему, телефон в соседней комнате. Я поворачиваюсь...

Грохот — точно по подъездной лестнице пустили каток. Огромный каток — и совсем близко. Совсем близко, за входной дверью. Черт, дьявол, мы же ее не закрыли!

Я бросаюсь вперед, дверь распахивается, в проем лезет бородатая рожа кента.

— Падай, дура! Падай! — доносится сзади рев Петрова. — Падай! Стреляю!

Дура — это я.

Часть третья

ШАМАН ИЗ ШАЛМАНА, или Разве я сторож брату своему?

Воскресенье, пятнадцатое февраля

Двадцать три Насреддина, не считая чукчи * Литургия Валька-матюгальника * Субъективный идеализм папуасов-киваи * Крупный рогатый скот * У меня зазвонил телефон

1

— Здесь ты будешь жить. — Фол легонько толкнул меня в спину, вынудив переступить низкий порожек. — Пока не прояснится.

И добавил менторским тоном, который шел Фолу меньше, чем Фолова попона — мне:

— Без особой нужды ничего лишнего не трогай. Это Ерпалычева хата. Запрись, а я за хлебом. Позвоню вот так...

Кентавр просвистал замысловатую трель, сделавшую бы честь иному соловью, и с грохотом умчался вниз по лестнице, прежде чем я успел попросить его заново изобразить условный звонок.

А я стал обживаться.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Высокие скулы туго натягивают кожу цвета скорлупы ореха; горбинка делает нос слегка кривым, асимметричным, словно давнему перелому не дали срастись как следует, — и сочные губы любителя житейских утех противоречат понимающей улыбке, в которую они, эти веселые губы, частенько складываются. А вокруг всего этого царит взрыв, буйный фейерверк вьющейся шевелюры и бороды; часть прядей заплетена в тугие косички с крохотными бантиками на концах.

И еще: колеса и хвост, к которым привыкаешь и перестаешь обращать внимание.

Вот он какой, кент Фол из Дальней Срани...

Ерпалычева хата, вопреки смутным ожиданиям, терзавшим мое исстрадавшееся сердце, оказалась вполне приличной квартиркой. Второй этаж, два балкона, три комнаты. Без лишней роскоши, но уж во много раз краше того обиталища, где я имел честь пить перцовку. Для начала посетив санузел (доброе начало полдела откачало!), я умылся и после долгих размышлений вытерся махровым полотенцем, висевшим на гвоздике. Терпеть не могу пользоваться чужими полотенцами. А также зубными щетками и прочим. Надо будет сказать Фолу или Папочке...

Дурак ты, Алька. Как есть дурак. Козел драный. Полотенца ему не нравятся, видишь ли! Хорошо хоть не в подвале тебя схоронили... пока не прояснится.

Мойся и не брызгай.

Дум великих полн, я зашел в ближайшую из комнат и плюхнулся на продавленный диван. Взвыли пружины, одна больно ткнулась острым концом в бок, но передумала — свернулась гадюкой, затаилась до поры. Напротив, раскорячась беременной жабой, стояла книжная тумба. Между прочим, карельская береза «Павлиний глаз»; я-то знаю, мне от родителей в наслед-

ство такой же спальный гарнитур достался: продать некому, реставрировать не по карману, выбросить жалко, а пользоваться тоскливо.

Тем не менее, на тумбе сияла новеньким глянцем самоклейка-«пылесос» со злобной рожицей, перечеркнутой стилизованной щеткой. Была она явно свежей — я свои «пылесосы» больше месяца не обновлял, дома пыли скопилось...

Пока Идочка прибрать не изволила.

От нечего делать я стал изучать корешки книг с верхней полки. «Армянский фольклор», «Мифы и легенды папуасов киваи»... Хорошенькое дельце!.. «Курдские сказки и предания», «Легенды народов Камчатки»... кошмар... пришел чукча к полынье студеной, стал он кликать золотую нерпу!.. «Фольклор дунганцев», «Абадзинские сказания»... Остальное пиршество духа было плоть от плоти и кровь от крови. В мою душу закралось подозрение, что старый приятель, мифологический библиотекарь Аполлодор, был из местных — отлично бы смотрелся во-он там, поверх былин ногайских, тамильских и... и... ну да, старик ведь честно предупреждал меня — библиотекаря Аполлодора дает для начала, для разминки, так сказать!

Название «Двадцать три Насреддина» меня доконало окончательно.

Впрочем, если я собирался обрести душевное равновесие, перебравшись в другую комнату, то это уж дудки, господа хорошие! Там книги окончательно оккупировали жизненное пространство: карабкаясь по стеллажам, нагло развалившись на крышке старенького пианино, затевая мышиную возню по углам, прямо на полу, они громоздились Эверестами и неодобрительно косились на меня: эт-то, мол, кто такой?

Тоже псих? — или гнать его, умника родимого, в три шеи, к тете Эре и ласковым архарам?!

Да свой я, свой!

Книги не верили.

Я сел за стол и пригорюнился. По всей столешнице передо мной были разбросаны тонкие обрезки провода в оплетке самых разных цветов. Синие, красные, желтые... даже рябенькие, махровая сирень в алую крапинку. Намотанные на дощечку, скрученные тугими колечками, просто навалом; еще имелась дюжина плетенок — так дети делают самодельные авторучки, оплетая стерженек «спиралью» или «квадратиком». Сам в детстве сопливом баловался. Машинально я взял пять проводков и стал мастерить из них красоту нетленную. Фол, правда, велел

ничего без нужды не трогать... а ну его, хвостатого! Играться скоро надоело, и я забросил красоту в угол, прямо к двери полуоткрытой стенной ниши, где валялись связки каких-то штырей. Кажется, электроды для сварки — если у электродов бывают на одном конце перья. Голубиные, сизые... или воробьиные. Словно у стрел или игрушечных дротиков.

Тоска заедала меня, и раннее утро за окном было мутным, гнусно-заплесневелым, будто Дед Мороз спрятал эту зиму в сундук на долгие годы, где зиму побила моль, истерзала, выгрызла целые клочья, а теперь зиму выдали нам на остаточное глумление... хотелось чаю, горячего чаю, но еще больше хотелось проснуться в смятых простынях, ощутить стылость уходящего кошмара — и улыбнуться вслед белыми губами, выдохнуть с облегчением, проталкивая слова поршнем сквозь заиндевевшее горло...

Я даже не сразу понял, что в дверь звонят.

Заливисто так, соловьиным посвистом.

Вскочив и уронив стул, я опрометью кинулся к дверям. Так мальчонка, запертый дома ушедшей на базар мамашей, бросается навстречу — эй, мамаша, зар-раза, ты куда меня заперла?! Ты куда ушла, мамаша, на кого ты меня, сиротинушку...

— Кто там? — машинальный вопрос, вопрос-рефлекс, отработанный годами.

— Мы.

— Мы?! — переспрашиваю я, чувствуя себя персонажем из старого глупого анекдота про наркомана. — Какие такие мы?

Ну не мог, не мог этот сиплый бас принадлежать моему замечательному кентавру! Режьте меня на части, заплетайте вокруг стерженьков, перья сизые вставляйте по самые гланды — никак не мог! Но звонок-то правильный?.. или нет? Как там Фол свистел? Тирьям-пам-па-папам... а может, папам-пам?

— Дядько Йор вже дома? — осведомляются снаружи на чудовищном «суржике».

— Не... нет его. Еще нет.

Если требуемый дядько Йор — псих Ерпалыч, он же Молитвин Иероним Павлович, он же беглый сотрудник НИИПриМа, то я сказал правду.

— А якщо пошукаты? — Бас раздраженно скрежещет и добавляет после томительной паузы: — Ты, хлопче, одчиныв бы, а? Мы ж тебя не знаем, не ровен час, дверь вышибем и за вихры...

Чувствовалось, что это не пустая угроза.

— А ты... вы... собственно, с кем имею честь?! — задаю я са-

краментальный вопрос, внутренне сжимаясь в страхе за судьбу своих вихров.

Уж больно многим их за последние дни потрепать хотелось.

— Матюгальники мы, — со всей наивозможной степенностью ответствует бас, доверху заполняя подъезд обертонами. — Валько-матюгальник со Второй Песочной. Нас дядько Йор на сегодня кликали, бомжа-счезня у Руденок гонять. Та ты одчиняешь чи глазки строишь, йолоп хренов?!

— Тут сейчас Фол вернется, — сообщаю я на всякий случай, чувствуя себя пацаном, стращающим ворога лютого призраком старшего брата. — Ты Фола знаешь? Он, между прочим, за хлебом поехал... одно колесо здесь, другое — там. Понял?

— За хлебом — то славно. Утомлюсь, тебя лупцуючи, а ось и хлебушек! Не казав, он черного привезет чи батончиков? Страсть люблю черный, с сальцем, с часнычком...

Я плюю на конспирацию и начинаю «одчинять».

* * *

Валько-матюгальник со Второй Песочной оказался тщедушным мужичонкой в ватнике. Ниже меня на полголовы. Такому не чужие вихры трепать, а законную супружницу умасливать, дабы трешку на пиво выдала. Впрочем, кроличий треух сидел на макушке Валька с достоинством боярской шапки («горлатная» — пришло на ум полузабытое словцо), а клочья ваты, обильно торчавшие из прорех, превращали телогрейку в подобие царской мантии.

Горностай вульгарис.

А если учесть, что Вальково «мы» звучало истинно по-королевски... «Мы, Валько XIV, Матюгальник всея Срани Дальней, Ближней и Средней, милостиво повелеваем — ржаного нам хлебушка, и побольше!..»

Отодвинув меня в сторону, гость прошествовал в коридор и перво-наперво огляделся.

— А не брешешь, хлопче? — неласково буркнул он, шмыгая красным от холода носом.

На кончике носа висела и все не хотела падать здоровенная капля.

— Насчет чего? — Я мало-помалу обретал уверенность.

Да такого заморыша соплей перешибешь, это вам не с архарами рукоприкладствовать! Может быть, я все-таки главный герой? Просто мне об этом сказать забыли?

— Насчет дядька Йора. Ей-Богу, брешешь... Эй, дядько, ты здеся? Вернулся? Хоронишься, да?!

Я взял Валька за круты плечи и попытался развернуть к двери передом, а ко мне, так сказать, задом. Куда там! Он даже не шелохнулся, словно я двигал не его, а битком набитый комод.

— Не, не сбрехал, — сообщил матюгальник со странным удовлетворением, к которому примешивалась изрядная доля душевного расстройства: дикая, удивительная смесь, о которой впору стихи писать. — Нема-таки дядька. А ты, хлопче, стало быть, той самый пьяндыжка, шо дребедень всяку сочиняешь... нам эти, колесатые, про тебя сказывали. Лады, лады... Будем собираться, благословясь! Мулетка готова?

Видимо, по лицу моему было ясно видно, что я думаю относительно боеготовности загадочной «мулетки», ибо Валько соизволил добавить:

— Ну, оберег! Нам счезня без мулетки гонять несподручно... Ох, ты-таки йолоп, хлопче, — даром что колесатые за тебя горой... Плетень, плетень новый где?!

В слове «плетень» Валько делал ударение на первом слоге, и я начал кое-что понимать. Мотнувшись в комнату, я уцепил с пола красоту свою нетленную, в пять проводков с грусть-тоскою пополам; а заодно и связку оперенных электродов прихватил.

— Это? — Злорадство просто текло из всех моих пор, когда я протягивал сокровища вредному матюгальнику. — Как мулетка, сойдет? Электродиков не желаете-с?! Свеженьких, с пылу, с жару?!

Он не отозвался на подначку.

Он вообще застыл соляным столбом, уставясь на сунутый ему под нос «плетень».

— Сам робыв? — наконец прохрипел Валько. Такой хрип я слышал лишь однажды: есть у меня пластинка с джазовым квартетом, так там бас-саксофон на субтоне шалит. — Не, ты не молчи, хлопче, ты колись: сам? Чи дядько Йор пособляв?!

— Сам, сам. — Я сбегал на кухню, нацедил водички в чашку с отбитой ручкой и притащил Вальку: поправляться. — Самей некуда.

Странные дела: на этой кухне у Ерпалыча было аж две жертвенные горелки! Похоже, плиту на спецзаказ делали. И в красном углу, на аккуратненькой полочке, рядом со свечками лежали три колоды одноразовых иконок. Две нераспечатанных и одна пустая на треть. Впрочем, удивляться я уже разучился.

Чашка была выхлебана матюгальником, что называется, «в единый дых».

— Ну, хлопче... ну, мастак!.. А колесатые, стервь их душу, брехали — пьяндыжка, мол, белоручка, долго дрючить придется... А дроты оставь, оставь! Неча бомжа-счезня дротами наскрозь пырять — сильно озлобиться может. Там в хате ремонту тыщ на пять — хрена нам его, гада, по-лишнему злобить?!

— Хрена, — грустно согласился я.

— Дык шо, йдэмо? Подмогнешь, раз мастак... Мулетка — она, ежели кручельник поруч, шибче варит! Тут близенько, через дорогу...

В подъезде загрохотало, и через минуту в дверь ворвался Фол. Авоську с хлебом он держал на манер разбойничьего кистеня, и смеха это почему-то не вызывало.

— Я тебе что говорил?! — заорал он еще с порога. — Нет, я тебе что говорил, урод?! Ты зачем дверь открыл?! Ты кому дверь открыл?!

— Здорово, Хволище, — равнодушно приподнял свой треух Валько, нимало не смутясь кентавровыми воплями. — Ты хлопца не трожь, это он нам одчиняв... А орать — это мы и сами с волосами! Слыхал небось, как мы ор учиняем? То-то, шо слыхал... Хлебушка принес? Дай корочку, не жлобись...

Фол напоследок погрозил мне кулачищем и полез в сетку: ломать корочку для матюгальника.

Полбуханки оторвал, филантроп!

— Ты к Руденкам собрался? — спросил он у Валька.

— Угу, — набитый хлебом рот мало способствовал внятности речи.

— За оберегом явился?

— Угу.

— Ну и?

Вместо ответа Валько ткнул в сторону кентавра моим творением.

Фол уважительно хмыкнул.

Меня они оба теперь игнорировали.

И когда я начал одеваться, демонстрируя твердое намерение сопровождать матюгальника к загадочным Руденкам, где одного ремонту тыщ на пять, — Фол не стал противиться.

Запер дверь и поехал следом.

— Ой, спасайте, люди-нелюди добрые! Ой, лихоманка его, проклятущего, забери! Ой, погубил, по миру пустил, третий раз тиранит, чтоб ему, ироду, тридцать три рожна в самые печенки! Ой, гроши-то какие, деньжищи сумасшедшие!.. Кровью, потом, куска недоедали, на воде-хлебе...

Это Руденкова теща. Толстенная бабища в три обхвата, жиденький перманентик по овечьей моде «завей горе веревочкой», мопсовы брыли трясутся от причитаний, и слезы горючие вовсю бороздят могучий слой пудры. Есть, есть-таки женщины в наших селеньях, что ни говори, а есть, на воде-хлебе, тридцать три рожна их врагам в печенки — за коня на скаку не поручусь, а в горящую избу запросто, особенно ежели там можно будет «ирода проклятущего» за глотку взять.

— Мама, хватит! Хватит, мама! Вот уже Валько пришел, он ладу даст... Да хватит же! Говорил вам: не фиг на батюшке экономить — а вы все свое: дьяка зови, дьяка с Журавлевки, дьяк больше пятерки не просит! Доэкономились! Слышь, Валько, ты б уважил по старой дружбе — четвертной дам, это честно, без обмана, и еще литру на ореховых перегородках! Больше, сам понимаешь... тут чинить, не перечинить... мама, вы б пошли, кофе сготовили или еще куда...

Это собственно Руденко. Хозяин. Тощий очкарик, сутулится и непрерывно норовит чихнуть. Но зажимает нос двумя пальцами, отчего лишь передергивается мокрой собакой. Глаза за толстыми линзами стрекозьи, лупатые, блестят фарами под дождем. Лицо отекло, набрякло красными прожилками, плавает по комнате туда-сюда больной луной... меж волнистыми туманами, лия свет на печальные поляны.

Шаг — и облако известки томно всплывает с пола, отчего и мне впору чихать, да не складывается как-то.

— И-и-и-и... ииии... и-и-и!..

Это Руденчиха. Дочь и жена, а двум соплякам, которых сразу по нашем приходе выгнали на двор гулять, — им она небось мать родная. Миловидная худышка в халате-ситчике и шлепанцах на босу ногу, она сидит в углу, серой мышкой забившись в недра антикварного кресла (родной брат моего кухонного монстра!) и скулит на одной-единственной тоскливой ноте, отчего морозец ползет по коже и хочется сесть рядом на испохабленный паркет, ткнуться лбом в ее острые коленки, затянуть дуэтом:

— И-и-и-и... иии... и-и...

В коридоре туда-сюда ездит Фол, хрустя обвалившейся плиткой. Мне слышно, как временами кентавр дергает дранку перегородки между ванной и туалетом; тогда хруст раздваивается на кафельный и деревянный. Видел я эту перегородку: развалины Трои. Да она ли одна здесь такая... Куда квартирники с исчезником-управдомом только смотрят? Или хозяева не на одном батюшке экономят — каши со шкварками тоже жалеют?!

Впервые такое вижу.

— Лады, — подводит итог строгий Валько-матюгальник, комкая в руках треух. — Значит, самосвятом хату клали... дьякто хоть был пьяный?

— Трезвы-ы-ый! — истово причитает теща. — Не схотел причаститься!..

— Не схотел! — передразнивает ее очкастый Руденко. — Вы б, мама, налили да поднесли, он бы и схотел! Я ж помню, как вы змеей подколодной: чайку, Глеб Осипыч, чайку духмяного не желаете?!

Теща лишь храпит в ответ загнанной лошадью. Понятия не имею, как они, родимые, храпят, но думается, что именно так.

— И-и-и-и...

Это из кресла.

Валько многозначительно смотрит на тещу, смотрит с осуждением, губами жует, и теща живо соображает, в чем дело. Перед нами мигом объявляется поднос, расписанный по черни кровавыми маками, а на нем — початая бутыль и три пузатые стопки. Желтоватое содержимое бутыли щедро плещет куда следует, а из коридора, унюхав начало работы, катит Фол.

Хвост кентавра до середины в побелке.

— На корочках? — Валько не спешит принять на душу.

— На них, на них, красавицах...

— На ореховых?

— Да что ж вы, Валько, нас срамите?! На ореховых на перегородочках мы вам с собой дадим, а здесь лимонные... Неужто мы порядка не знаем?

— Цедру срезали? Свяченым-то ножичком?

— А вы попробуйте! Ежели горчит, то с нас магарыч!

Матюгальник берет стопку, придирчиво внюхивается, миг — и стопка пуста.

Рядом шумно крякает Фол, опростав вторую.

Только тут я замечаю, что все смотрят на меня. Пить с утра не хочется, я мнусь, а они смотрят. Валько внимательно, с пристрастием, Фол чуть насмешливо подмигивает, а семейство многострадальных Руденок — с опасливой надеждой. Будто стоит мне опрокинуть сто грамм, и станет их дом полной чашей с лакированными стенками. На память приходит: вот мы вваливаемся к ним в квартиру, и матюгальник представляет меня: «А цэ дядька Йора крестник, знатный кручельник! Ось, бачьтэ, якой плетень...»

Сейчас мой «плетень» висит у входа на гвоздике.

Рядом с образком «Трех святителей», что вешается *«...на основание дома...»*, и керамической мордой манка-оберега: не мышонок, не лягушка, а неведома зверюшка.

И противная вдобавок до зарезу.

— Я это... я... а, да пропади оно пропадом!

Хлопаю стопку единым махом и запоздало понимаю: это спирт.

Чистый.

На корочках, чтоб им...

Слезы текут по моему лицу, воняя перегаром, а семейство Руденок счастливо ворочается напротив, будто я их рублем подарил. Аж супружница в кресле бросила стенать. Запахнула халатик, утерла замурзанную рожицу — мама моя родная, она улыбается!

Валько с одобрением хлопает меня по плечу.

— Оце, хлопче, сказанул! Сказанул так сказанул! Цэ по-нашему!

— Что? Что «по-вашему»?!

Смеются. Все смеются. Не отвечают. Ну и идите вы все... я беру с подноса дольку крупно нарезанной луковицы. Закусываю. Хруст лука на зубах противно напоминает хруст плитки под Фоловыми колесами.

— Ну шо, горемыки? Одзыньте, дайте место...

Валько начинает кругами мерить комнату, выбирается в коридор; слышно, как он громыхает сапожищами, на кухне течет вода из крана, это тоже слышно, а потом Валько возвращается.

— Мать-рябину отстаивали? — интересуется он.

Вместо ответа ему суют пластиковую фляжку с мутным отваром. Мать-рябины, надо полагать. Матюгальник откручивает крышечку, трижды сплевывает через плечо, набирает полный рот этой гадости и начинает прыскать во все стороны. Я еле успеваю уворачиваться, и мои действия вызывают всеобщее восхищение. Словно истинным ценителям балета демонстрируют гениальные антраша и эти, как их?.. сальто? курбеты?

Ладно, замнем.

Наконец Валько истощает запасы отвара, после чего достает из кармана уголек и принимается ходить из угла в угол. Пишет на стенах. Когда он вновь удаляется в коридор, я приглядываюсь к написанному. М-да... понятно, чего они детей гулять выперли. Рядом со мной гулко дышит Фол, будто готовясь заново везти меня галопом по обледенелым мосткам. К чему бы это?

— Ну шо? Почнем, благословясь, в Бога-душу-мать...

И все мысли разом вылетают у меня из головы, потому что Валько «починает». От души, от сердца, от горького перца. В хате становится тесно от мата: двух-, трех- и многоэтажного, этажи эти громоздятся один на другой, круто просоленной Вавилонской башней от земли до неба, многие перлы мне и вовсе незнакомы, я судорожно пытаюсь запомнить хоть что-то, я преклоняюсь, восторгаюсь, я понимаю, что талант есть талант, одним дадено, другим — нет, но дыхание перехватывает, память отказывает, и мне остается лишь присоединить свой безмолвный восторг к восторгу Руденок и молчаливому одобрению кентавра.

А матюгальник работает.

В поте лица.

Кроет благим матом.

Лицо Валька под завязку налито дурной кровью, жилы на шее грозят лопнуть, но иерейский бас волнами плывет по квартире, баховским органом заполняя пространство от стены к стене, от окна к окну, от кухни к входным дверям, мы купаемся в лихих загибах, следующих один за другим без паузы, без заминки, без малейшего просвета, во время которого можно было бы перевести дух; ругань постепенно теряет исконный смысл, превращаясь в великую литургию, в священную службу пред неведомым алтарем, и глас матюгальника поминает мироздание, на чем там оно стоит, и лежит, и делает то, о чем говорят шепотом и преисполнясь, а мы внимаем, вставляем и вынимаем...

Стена комнаты вспучивается пузырем. Пузырь катится к углу, но у корявой надписи, сделанной угольком, резко тормозит. Кряхтят обои, Валько добавляет децибел, истово поминая основы основ под углом и по прямой, вдоль и поперек, а пузырь мечется в четырех стенах, не в силах прорваться в коридор через угольный шлагбаум.

— Подсекай, — хрипит Фол. — Валько, родной, подсекай — уйдет!..

И Валько подсекает.

Пузырь громко лопается, штукатурка течет из него белесым гноем, и наружу вываливается Тот. «Бомж-счезень», как называл его наш славный матюгальник, — хотя я впервые слышу, чтобы кого-либо из Тех звали бомжами. Росточку Тот небольшого, в плечах узок, но пальцы длинных рук оканчиваются плоскими ногтями, больше похожими на жала стамесок. Визг, пронзительный, гоняющий мурашки по коже, мои зубы противно ноют, будто хлебнул ледяной воды из-под крана, — а Тот несется мимо меня по «полю брани» к входным дверям.

Я все вижу.

Я все... все...

У самых дверей, гонимый в спину Вальковой литургией, исчезник с разбегу налетает на невидимую стену. Он уже не визжит — он кричит, кричит страшно, воет собакой, попавшей под колеса самосвала; и в ужасе отшатывается назад.

Закрываясь когтистой рукой от моего «плетня».

Жала стамесок крошатся, сыплются под босые, склизкие ноги, когда Тот дергается в судорогах... меня тошнит.

— Ага, — рычит Валько, на миг прекращая обвал мата. — Ага, злыдень, попался на мулетку! Думал, раз дядька Йора нема... сижу в стене, молюсь сатане, як Валька услышу, так боль в спине!.. Едрить-раскудрить...

Фол опрометью кидается в коридор и ловит исчезника за сальные патлы. Как раз в тот момент, когда беглец собрался раствориться в ближайшей стенке, у кухонного проема. Исчезник норовит отбиться, полоснуть кентавра щербатыми когтями, но Фол оказывается проворней — кинув добычу на пол, кентавр наезжает на исчезника передним колесом и принимается трепать.

Смотреть на это больно.

Особенно когда из стены рядом со мной, прямо из сдувшегося пузыря, высовывается бородатая рожица: исхудалая, со впалыми щечками, обиженная судьбой, донельзя похожая на Руденку-хозяина — и счастливо голосит фальцетом:

— Дайте! Дайте ему! Что, зараза, думал, раз сильный, так последнее отбирать?! Дави его, колесатый!.. Дави пополам!

Я не выдерживаю. Схватив с забытого всеми подноса бутыль, я плещу в рожу квартирника спиртом на лимонных корочках. Распахивается непомерно большой рот, заглатывая добычу, квартирник счастливо всхрапывает и, вякнув напоследок «Д-дави!», исчезает, затянув за собой пузырь.

— Будешь гадить? — орет из коридора Фол. — Будешь, спрашиваю? Отвечай, сука!

— Н-не... не б-буду... больше...

— Громче!

— Не буду! Яйца отдавишь, козел! Пусти!

— Кто козел? Не слышу: кто козел?!

— Я!!! Я козел! Пусти! Клянусь, починю все!

— Мать-рябиной клянись!

— Клянусь! Мать-рябиной, Хлыст-брусом, Бетон Бетонычем... Да пусти же!..

Фол напоследок хлещет исчезника сорванным с гвоздика «плетнем» — мое творение сейчас длинное-длинное и отблескивает слюдой, — после чего сдает назад.

Берет обеими руками керамическую маску-уродку, торжественно возносит ее над лохматой головой — миг, и маска стремглав летит вниз.

Об пол.

Вдребезги.

— Он больше не будет, — спокойно говорит кентавр Руденкам.

Валько-матюгальник сидит на грязном полу и разглядывает на свет преподнесенный ему четвертной.

— Ото, кажу я вам, мулетка... — бормочет он себе под нос. — Ото всем мулеткам мулетка... Хлыст-брус, не мулетка...

На носу матюгальника до сих пор висит и никак не хочет падать капля.

Капля трудового пота.

3

...Наконец Валько угомонился. Заснул. На том самом продавленном диване, где таились пружины-гадюки, и было предельно ясно — хоть гарпуном матюгальника тыкай, хоть «дротами наскрось пыряй», не проснется. Так и будет храпеть с присвистом.

Часы показывали половину третьего.

День.

Я призраком бродил по «хате дядька Йора», стеная вполголоса и за неимением цепей брякая найденными в нише плоскогубцами. Их там, кстати, штук семь лежало, среди прочего инструментария. Я ждал Фола. Ох, что-то начинаю я привыкать к этому занятию: именно ждать и именно Фола. А еще — у моря погоды. А еще — от Бога дулю. А еще...

Отчасти я был благодарен Вальку за компанию. Еще когда мы только вышли от счастливых Руденок, уже начавших вовсю подсчитывать стоимость нового ремонта, последнего и решительного, кентавр мигом укатил прочь.

— Я в центр, Алька! — бросил он через плечо. — Глядишь, разведаю, что да как... Валько тебя проводит.

Валько и впрямь проводил. В результате чего мне пришлось формально (иначе помер бы без покаяния!) участвовать в распитии дареной «литры», чокаясь с матюгальником полупустой рюмкой. Тосты в основном подымались по двум знаменательным поводам: «Шоб наша доля нас не цуралась!» и за меня. За славного крестника дядька Йора, кручельника обалденных плетней и мулеток, к которому Валько сразу душой прикипел. Бывало, с лестничной площадки грозил за вихры оттаскать, а душа-то матюгальнику уже подсказывала, пела соловьем консерваторским: гляди, Валько, не проворонь, это кореш навеки, до гробовой доски, если не дальше и глубже. Дошло, хлопче?! Ну, раз дошло, тогда поехали... Я кивал, односложно заверял матюгальника в своей ответной приязни, соглашался (почти искренне!) учиться его мастерству, если дядько Йор позволит, обещал наворотить ему мулеток задаром и сверх всякой меры; друг мой задаром не соглашался, кричал, что за ним не залежится, и когда Валько стал звать меня кумом — тут пришла Руденчиха.

С полными кошелками и толстой мамашей в придачу.

После часовой оккупации кухни превосходящими силами противника мы оказались счастливыми обладателями кастрюли борща, жаровни котлет и разно-всякого добра по мелочи. Еда пришлась как нельзя кстати, я жадно хлебал борщ, стараясь набрать побольше тертого сала с чесноком, а Валько... Странное дело: он, допив из горлышка «литру», ограничился горбушкой хлеба с половиной котлетины. И Руденчиха, вопреки инстинктам прирожденной хозяйки, его не уговаривала.

Словно понимала: нельзя.

Когда благодетельницы ушли, Валько вновь завел нескончаемый панегирик в мой адрес. Я пригляделся к матюгальнику и понял, что он трезв, как стеклышко. Просто измотан до предела. До конца, до той смурной границы, когда сон бежит быстрее лани, когда отдых шарахается испуганным псом и прихо-

дится накачивать себя спиртом, что называется, всклень, вровень с краями. Иначе сдохнуть проще, чем отдохнуть.

Но едва я это понял, матюгальник заснул.

На диване.

Сразу.

Вот беда! Едва в квартире стало тихо, не считая Валькова храпа, как на меня навалилась тревога. Я ведь и не догадывался, что треп смешного ругателя — моя соломинка, которая держала Альку на плаву. Не давая с головой окунуться в бурную пучину размышлений. Два вечных вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». При полном отсутствии ответов. Жизнь перевернулась с ног на голову, я ничего не понимал, кроме одного: прежней жизнь уже никогда не станет, хоть наизнанку вывернись, хоть клей, хоть брей, и на донце моих измученных мозгов копошилась гаденькая мыслишка вкупе с цитатой из Ерпалычева послания.

Цитата была такая: *«Ведь в любом нормальном месте любой нормальный человек отчетливо представляет, что вокруг только* ***Эти****; а у нас и* ***Эти****, и* ***Те****! Мы даже не замечаем, что у нас город навыворот!»*

Мыслишка же была такая: «Неужто любой приезжий испытывает у нас то, что испытываю сейчас я?! Но ведь я — местный! Как же надо было вывернуть меня, чтобы... и главное: кому это было надо?!»

Вариант первый: «Кто виноват?» — Ерпалыч. «Что делать?» — разыскать старого хрыча и... набить морду? Сперва подлечить, а потом набить?

Нет.

Не складывается.

Вариант второй: «Кто виноват?» — полковник с Михайлой на петлицах. Или иные темные силы, которые меня злобно гнетут. «Что делать?» — разобраться и... подставить морду, чтобы мне ее набили?!

Складывается ничуть не лучше.

Сатанея от ложных каверз, как сказал поэт, я уцепил с ближайшей полки ближайшую книгу. Есть такой способ гадания: берешь от фонаря, открываешь от фонаря, что прочтешь, так тебе и жить дальше. Нуте-с, глянем... «Сказки и мифы народов Чукотки». Ну, ясное дело... Листанул наугад. Внутри обнаружились закладки, верней, даже не закладки, а загнутые уголки страниц, левые верхние, отчего книга послушно распахивалась на этих путеводных вехах.

Ерпалыч, тебе чего, недосуг было бумажкой заложить?

Читаю.

«Матачгыркынайнын...»

Что?!

Тут вопрос жизни и смерти, а они...

Читаю еще раз, шевеля на всякий случай губами:

— Матач... гыркынайнын... букв. «Сват-Кобелище». Упоминание о разумном собакоподобном звере впервые встречается в сказках о животных, записанных в стойбище близ Митуклина.

Ясно.

В стойбище, значит... Сват-Кобелище. Ставлю книгу на полку, беру следующую. «Сказки и мифы папуасов киваи». Хрен редьки не слаще. Гадание побоку, ищу заложенную страницу. Так, ищущий да обрящет... воистину обрящет.

Читаю.

— Религия и магия: киваи не верят в какое-либо верховное существо или в богов (во всяком случае, у них нет сколько-нибудь связных представлений о таковых), они не приносят публично жертв, не молятся вместе, и у них нет священнослужителей — каждый, как правило, сам совершает обряды, нужные для общения со сверхъестественными существами. К любому такому существу киваи обращается с просьбами, лишь пока подобные обращения приносят плоды; убедившись в противоположном, киваи ищет себе других покровителей.

Молодцы, киваи! Деловые ребята... дай кокос, а то я другому кивать буду! Этому, как его... Сват-Кобелищу чукотскому.

Листаю.

Читаю.

— К носу лодки следует прикрепить кусок детородного члена собаки, к корме — очесок собачьего хвоста, по когтю с передних лап — к месту крепления балансиров на переднем брусе; и по когтю с задних — к кормовому брусу. Это нужно для того, чтобы встретилось больше дюгоней и черепах...

Держа книгу в руках, я подошел к окну. Внизу, во дворе, у металлического гаража напротив, стояла машина. Новенький джип. Дорогой, наверное, как зараза. Рядом с машиной нервно поглядывал на часы хозяин — коренастый парень в дубленке с меховой опушкой. Опушка была, прямо скажем, женская. Рядом с парнем топтался пожилой дядька в утепленном комбинезоне с капюшоном. Курил. На нагрудном кармане у дядьки красовалась эмблема: колесо с буквой *F* посередине. Небось,

Тех-ник из ближайшей автомастерской. Осмотр подрядился делать. Железом греметь, масло плескать... ни черта я в этих машинах не понимаю, чем там гремят, куда плещут. Ритка, помню, все жаловался: в частных мастерских ухарь Тех-ник на хорошей сдельщине заговор, как болт, кладет — мотоцикл на любом бензине, как родной, фурычит. Правда, бабок стоит. А казенные Тех-ники-служивые, что при райотделе обретаются... После их заговоров радуйся, если из выхлопной дым валит! Бывало, что и не дым...

Парень в женской дубленке что-то беззвучно закричал, зло тыча пальцем в циферблат. От подворотни к нему торопился молоденький батюшка, в черной рясе поверх множества свитеров. Оскальзывался, а спешил. Все ясно. Новую машину сперва святить положено: как зарегистрируешься, так и святи, в трехдневный срок. А Тех-ник уж потом — с железом да с заговорами... опоздал батюшка.

Не дадут теперь бате чаевых.

Уйдя в глубину комнаты, я присел на краешек стула и принялся слушать Вальков храп. Изредка матюгальник вздрагивал, сучил ногами, а в издаваемых им звуках проскальзывало былой песней:

— Хре... на хрррр...

А я почему-то отчетливо представил: вот батюшка кропит джип крест-накрест, номерные знаки елеем мажет, дымком из кадильницы в салоне смерчи закручивает — и вдруг берет кусок детородного члена собаки... или лучше не собаки, а Матачгыркынайнына, Сват-Кобелища. Берет и проволокой крепит спереди на капот, прямо к серебряному оленю. Рядом Тех-ник суетится: к багажнику — очесок хвоста, к колпакам — по когтю...

Чтоб черепах с дюгонями больше встречалось.

А не встретятся — мы к другим помощникам обратимся.

Им кадить станем.

Мы за дюгонью вырезку кому хошь в ножки падем, мы за черепаший панцирь...

— Не быть мне пешим, как не стать мне лешим! — надсадно завопили со двора; видать, батюшка свое отработал, пришла пора Тех-ника отрабатывать гонорар. — Как дитя не вернуть в мать, так машину не угнать...

На последнем слове Тех-ник пустил голосом такого «петуха», что меня всего передернуло; и еще противно заныли зубы.

Из книги, которую я по-прежнему держал в руках, вывалились какие-то бумажки; я машинально присел, подобрал. Газетные вырезки пожелтели от времени, текст выцвел, но читается сносно. Видать, Ерпалыч хранил для памяти.

Я поднес первую попавшуюся вырезку ближе к глазам.

АУТОДАФЕ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

«Недавно во дворе Екатеринбургского духовного училища Русской православной церкви были публично сожжены богословские произведения Александра Меня, Александра Шмемана, Иоанна Мейендорфа и Николая Афанасьева.

Распоряжение об уничтожении «модернистских» произведений православных богословов отдал епископ Екатеринбургский и Верхотурский Никон (Миронов). На заседании Духовной Консистории епископ поставил вопрос о недопустимости распространения «еретической» литературы в местных храмах. Услужливые клирики подсказали владыке, что подобная литература имеется прямо у него под носом — в библиотеке местного духовного училища, кузнице духовенства епархии. Епископ Никон немедленно позвонил в училище и приказал произвести на его территории акт публичного сожжения «неправильных» богословских произведений.

Выполняя распоряжение епископа, сотрудники библиотеки духовного училища вынесли во двор, где собрались священнослужители, учащиеся и просто любопытствующие, книги перечисленных авторов, бросили их в железный ящик и торжественно предали огню. Говорят, что при этом звучали какие-то песнопения. На позорное «пещное действо» прибыл благочинный храмов города Екатеринбурга протоиерей Николай Ладюк...»

Под верхним обрезом стояло меленьким шрифтом: *«Московские новости, № 23, июнь, 1998 г.»*.

И не очень давно дело было... горят они, родимые, и рукописи горят, и книги, синим пламенем пылают!.. Ерпалыч, мудрец ты мой, псих родимый — на кой ляд тебе эта вырезка понадобилась?

Чтоб я ее случайно нашел, случайно прочитал?!

Впору поверить.

Вторая заметка была короче.

ЛИЦО ГОРОДА УЖЕ УЛЫБАЕТСЯ

(интервью с Ю. Шкодовским, начальником Управления архитектуры горисполкома)

«— ...Горожане должны, наконец, стать хозяевами, должны участвовать в формировании среды, в которой живут. Вы знаете, что город — это очень крепкая система, живущая по законам природы? Ее невозможно остановить, нельзя убить. Она самовосстанавливается, самоорганизовывается. Но ее надо направлять грамотно. Чтобы не возникли стихийные явления, которые могут повредить этому механизму. Нет, не сломать, но повредить — и потребуется много времени, чтобы он снова отрегулировался, чтобы жители чувствовали себя комфортно. Эта система реагирует на политическое, экономическое, социальное состояние государства. Для меня город — живой организм. Я отождествляю эти два понятия».

Интервью с архитектором было опубликовано в «Теленеделе», местном дайджесте, благополучно выходившем и по сей день; год... год тот же самый, что и «Аутодафе в Екатеринбурге», девяносто восьмой. До Большой Игрушечной оставалось всего ничего...

Третья заметка оказалась из «Кировского рабочего», самая старая — двадцать пятое сентября 1992 года.

ЕГО НАЗЫВАЛИ МЕССИЕЙ

«Вчера в лесном массиве неподалеку от поселка имени XVI Партсъезда было найдено тело пропавшего без вести рабочего одного из местных строительных кооперативов Фрола Афанасьевича Соломатина. Его поиски начались более месяца назад после того, как Соломатин не вернулся домой из служебной командировки. По предварительным данным, смерть Соломатина наступила в результате нескольких огнестрельных ранений.

*Фрол Соломатин был достаточно известен, как у себя в поселке, так и в областном центре. Участник обороны «Белого дома» в августе 1991 года, он, единственный из наших земляков, был награжден орденом Боевого Красного Знамени. В последнее время он также являлся активистом историко-краеведческого общества **«Оллу дхор»**, занимавшегося изучением и возрождением культурных традиций малых народов Предуралья.*

Вместе с тем существует предположение, что погибший был тесно связан с одной из тоталитарных сект, члены которой считали этого молодого парня «Мессией», пришедшим на землю, дабы возвестить наступление «Судного Дня». В связи с этим Фролу Соломатину неоднократно угрожали физической расправой. По слухам, весной этого года на его жизнь уже было совершено покушение, в результате чего «Мессия» был легко ранен. Не исключено, что именно эта версия наиболее заинтересует следствие, которое в настоящее время ведет областная прокуратура.

Родственники и друзья погибшего категорически отрицают какую-либо связь между религиозными убеждениями Соломатина и его убийством. Следует отметить, что похороны погибшего состоятся согласно православному обряду...»

Дальше шли предложения услуг Клуба Содействия Бессмертию, статья о московской шаманке Ирине Нергу, заявление Марии Дюваль, «самой великой ясновидящей мира», о ее желании снабдить всех несчастных чудодейственными талисманами (начиналось оно сакраментальными словами: *«Бесплатное предложение, невероятное, но настоящее»* — что сразу напомнило мне Карлсоново *«привидение из Стокгольма, жуткое, но симпатичное»*); и, наконец, самая последняя заметка касалась почему-то боулинга.

Я пригляделся внимательнее.

БОУЛИНГ — НЕ ЗНАЧИТ ШАРОВОЙ

«...Популярность боулинга настолько велика, что он будет официально представлен на ближайших Олимпийских играх. Наш город стал пока единственным в стране, где начал действовать боулинг-центр. Его открытие почтили своим присутствием губернатор области, мэр города, вновь назначенный замминистра охраны здоровья. А освятил это богоугодное заведение митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим. Если бы вы видели, с каким божественным упоением бросал он потом шары!

«Здорово!» — сказал, поиграв, губернатор и тут же поделился планами...»

* * *

— Алька, ты дома? — рявкнули от дверей, и паркет взвизгнул под колесами. — Ну, кретин, ну, конспиратор... у тебя ж дверь не заперта!..

4

Во многой мудрости — много печали.

Много будешь знать — скоро состаришься.

Горе от ума.

Великие истины.

Скоро я имел возможность убедиться в этом, что называется, на собственной шкуре.

* * *

— ...сказочник ты, Фол! — изрекаю я после долгой паузы, пройдясь туда-сюда по комнате и проведя пальцем по краю пыльного стеллажа. С дивана раздраженно всхрапывает матюгальник, но просыпаться не спешит, а на моем пальце остается серое пятно. — Ганс Христиан двухколесный. Папуас киваи. Послушать тебя, так Ерпалыч, псих старый, чуть ли не Вий местного значения! Шаман из шалмана!

— За шалман ответишь, — бурчит мой друг, развалясь в углу грудой здорового духа в здоровом теле. — И за Ерпалыча. Хорошо хоть Валько тебя не слышит. Он на «дядька Йора» мало что не молится...

— Еще лучше! — Пузырьки волшебного шампанского (а точнее — руденковского спирта на корочках) клокочут в глотке, вырываясь наружу совершенно неприличным фырканьем. Истерика у меня, что ли? — Ерпалыч-великомученик, покровитель ханурикoв! Что ж он себя-то самого уберечь не смог? Да и жилплощадь у красавца, хоть старое логово возьми, хоть местное... Наколдовал бы себе апартаменты, что ли?!

Вот ведь чувствую: несу чушь, откровенную ересь, да и вообще, гнусно это — человек пропал неведомо куда, может, и помер уже! — а я тут зубоскалю, но остановиться никак не получается.

Точно, истерика.

Скоро посуду бить начну.

— Идиот! — взрывается Фол, звонко щелкая хвостом, будто циркач — витым шамбарьером. — Апартаменты ему, придурку! И так уже где не надо интересоваться начали: говорят, в Дальней Срани крутой шаман объявился? Тех-ник без лицензии, без патента?! П-почему не знаем? А тебя, охломона, писаку хренова, он, кстати, на смену себе прочил!

— Меня?!

Вот что-что, а это Фол умеет: так огорошит, что хоть стой, хоть падай! Шаман Ерпалыч прочит себе на смену Алика-писаку! Воскамлаем мы на пару, грянем в славны бубны за горами, и стану я Сраным Шаманом, грозой бомжей-исчезников и утопцев в законе!

Ну не бред ли?

И еще: впрямь ли он бредовей всего окружающего?..

— Нет, меня! — дразнится Фол. — Пень ты, Алька, как есть пень! Ерпалыч с месяц назад так нам с Папой и сказал: долго, мол, к парню приглядывался, а теперь уверен — вытянет! Еще поболе меня вытянет, только он сам об этом покамест не знает.

Ага, ясно. Фол, выходит, знает, Папа знает; Валько-матюгальник небось тоже знает — один я пень, понимаешь, пнем! Город есть такой, слыхал — Пномпень, там все вроде меня...

Почему-то мне очень захотелось наступить Фолу на хвост, но делать этого я, естественно, не стал. По многим причинам, в большинстве уважительным. Просто присел перед ним (перед Фолом, а не перед хвостом, конечно!) на корточки и очень внимательно посмотрел кентавру в глаза.

Фол спокойно сыграл со мной в гляделки.

Выиграл.

Я моргнул первым.

— А сам-то ты хоть веришь в то, что говоришь? — проникновенно вопрошаю я. — Ну скажи, Хволище Поганое: веришь?

— Да не верю я! — Кент вдруг хватает меня своей ручищей за ворот рубахи и дергает к себе. Я падаю на четвереньки, бешеные глаза Фола оказываются совсем рядом, и где-то на задворках сознания мелькает на удивление отстраненная мысль: «Псих. От Ерпалыча заразился».

Кто «псих» — кентавр или я? — сие мне неизвестно.

— Не верю! — рычит Фол мне прямо в лицо, брызгая слюной. — Я ЗНАЮ! Я — знаю, а ты — нет! А раз ты такой упертый... поехали! На бугая своего посмотришь, вот тогда и послушаем, как ты запоешь! Не верит он, видите ли... не верит...

Фол наконец отпускает меня, и я с размаху сажусь на пол.

Мой приятель явно угомонился и даже отчего-то повеселел. Теперь это — привычный мне Фол, явно задумавший учинить надо мной очередную каверзу.

— Какого еще бугая? — осторожно интересуюсь я. — Быка, в смысле?

— В смысле! — ржет Фол. — Во всех смыслах. Быка. В лабиринте.

Ну конечно, книжку-то мою он читал, подарил я ему когда-то. С автографом... Вот и издевается теперь.

— Да что я, быков не видел?.. — Увы, Фол уже на колесах и нависает надо мной монументом «Родина-мать зовет».

Шансов отвертеться нет ни единого.

Буркнув: «Тогда сам меня к этому быку и повезешь на горбу!» — я с неохотой бреду одеваться.

5

Путь к обиталищу загадочного бугая оказался коротким, но запутанным до чрезвычайности. Случись мне потеряться, отстать от Фола, обратной дороги я бы вовек не нашел. Мешанина улочек Дальней Срани, тупики, повороты, какие-то проходные дворы, расчищенные (видать, специально для кентавров) спуски и подъемы; однажды нам даже пришлось лезть через забор, причем Фол управился куда быстрее меня. Все это безобразие мелькало перед глазами черно-белым калейдоскопом дальтоника, так что под конец у меня начала кружиться голова. И почти сразу Фол лихо притормозил у приземистого серого здания с колоннами у входа и аляповатой вывеской «Кино КИТЕЖ театр». Изнутри доносился приглушенный фокстротик, который при нашем приближении оборвался, сменившись воплями и стрельбой — внутри явно шел замшелый боевик.

— В киношку собрались? — интересуюсь я. — Целоваться на заднем ряду?

Фол отмалчивается.

Центральный вход кентавра не заинтересовал. Мы рысцой объехали «Китеж» с тыла и остановились у массивной железной двери — как в старых бомбоубежищах: бабуся чуть ржавая, но, в общем, неплохо сохранилась, со следами былой молодости в виде обильных заклепок, а также с внушительным штурвалом запорного механизма.

Из новообразований имеется висячий замок — грозный страж амбаров вызывал уважение одними своими размерами.

— Правительственный бункер? — наугад предполагаю я, спрыгивая на землю и с удовольствием пойдя вприсядку: ноги затекли и малость продрогли. — Ерпалычево капище?

— Нет, стойло, — хмыкает мой приятель, подкатывая к самой двери и извлекая из-под попоны здоровенный ключ с замысловатой бородкой. — Сейчас знакомить вас буду. Тихо, по-семейному...

Нас — это меня и бугая, надо понимать?

Дверь открывается на удивление мягко, без ожидаемого скрежета; и Фол, сунувшись внутрь, машет мне рукой: пошли, мол.

Кирпичные ступени полого уходят вниз, в подвал; рядом — наклонный пандус, по которому неторопливо катит кентавр. Над головой вполнакала горят пыльные, засиженные мухами лампочки.

Если чего и не хватает, так это горящей надписи: «Оставь надежду всяк сюда входящий!»

Хорошо, что я надежду дома оставил, заранее...

— Свои, Миня! Свои! Вылезай, хватит прятаться! — возвещает Фол, вкатываясь в тайные лабазы «Китежа».

Перед нами открывается целый лабиринт коридоров и складских помещений. Свет горит далеко не везде, и часть территории тонет во мраке. Глубина лабиринта чихает, храпит, заставляя вспомнить Валька-матюгальника; потом до нас доносится громкое фырканье — и я невольно прижимаюсь к горячему боку Фола. Кентавр косится на меня и ехидно ухмыляется: что, струсил?

Хорошо ему смеяться! Вот сейчас этот самый бугай как ломанется из темноты...

Снова фырканье, и ему гулким эхом вторят приближающиеся шаги. Скрипят половицы, им отвечает скрип двери... Странно, но складывается впечатление, что идущее к нам существо передвигается на *двух* ногах! Или на двух костылях, которые грузно впечатываются в пол: скырлы, скырлы, на липовой ноге, на березовой клюке... все по селам спят, по деревням спят... В ближнем проходе мелькает силуэт: кряжистый исполин украшен тевтонским шлемом — почти сразу исполин входит в пыльный свет лампочек, и я невольно отшатываюсь, едва успев подавить крик: к нам идет... Минотавр! Настоящий! Массивный торс, сплошь в космах бурой шерсти, увенчан тяжкорогатой головой; бугрятся узлами мускулов длинные, до колен свисающие руки, тупые когти на корявых пальцах напоминают о гонимом «бомже-счезне»; зато чресла чудовища затянуты в самую что ни на есть обыкновенную «варенку», и из бахромы штанин торчат лохматые бабки с копытами.

Скырлы, скырлы...

Джинсы Минотавру коротковаты.

— А вот и твое чадо, Алик, — весело скалится двухколесная скотина по имени Фол. — Миня, Миня, иди к папочке!

— Ч-чадо? — заикаясь, переспрашиваю я. — М-мое?! Ты че-

го, Хволище, умом тронулся? Какое чадо?! Что я, по-твоему, с буренкой согрешил?!

На мгновение я забываю о надвигающемся на нас исполине. До чудовищ ли теперь?!

— Ты, может, и не грешил, — откровенно хохочет кент, — зато Миня это дело очень даже любит! Он у нас производитель знатный! Кроет телок за милую душу!

Минотавр совсем рядом. Останавливается. С любопытством глядит на меня — и во влажном взгляде, в странно-осмысленном наклоне бычьей башки мне вдруг чудится что-то знакомое! Реальность плывет перед глазами, в голове гремит горный обвал, обнажая полустертые, зыбкие воспоминания — и там, внутри моего многострадального черепа, возникает все тот же рогатый человекобык, глядящий на меня... из зеркала!

...тогда я заканчивал «Быка в Лабиринте». Заканчивал туго, кроваво, готовый распять самого себя без надежды на воскресение, и однажды, проснувшись среди ночи, после особо яркого сна, увидел в полумраке зеркала...

Мало ли, чего человеку почудится спросонья? Изумленно моргая, я протер глаза, и призрак исчез, растворился в тенях комнаты; но я запомнил его, запомнил — и именно таким виделся мне с тех пор Минотавр, когда я усаживался за клавиатуру и строчки вприпрыжку бежали по экрану.

Именно таким: рогатый человекозверь, неуловимо похожий на меня самого!

— Не бойся, Алька. — Фол трогает меня за плечо, и от этого прикосновения я прихожу в себя. — Миня у нас смирный, мухи не обидит. Весь в тебя, между прочим.

Миня придвигается вплотную, источая смрад коровника, и я ощущаю на лице его горячее дыхание.

— М-маааа, — мычат вывернутые губы, и мокрая терка языка касается моей щеки. — М-ма-а-а...

— Вишь, признал! — ликует Фол, доверху преисполняясь счастьем. — Признал! Мамой зовет! Ух ты, мой хороший, мой славный!..

— М-м-мыыы...

И вот я уже, плохо соображая, что делаю, глажу Миню по косматому загривку, а он все норовит облизать меня с ног до головы, а я вспоминаю тот день, полный горечи и пьяного угара день, когда от меня ушла Натали...

* * *

...Всю неделю Натали вела себя странно: время от времени я ловил ее испуганные взгляды исподтишка, а едва я оказывался у нее за спиной, она всякий раз резко оборачивалась. Словно опасалась, что я сейчас наброшусь на нее и задушу, как Отелло Дездемону. Наверное, беда началась гораздо раньше, но я, с головой уйдя в работу над книгой, заметил эти странности лишь после того, как Натали отказалась спать со мной в одной кровати, и вразумительного ответа на вопрос «Что стряслось?» мне добиться не удалось.

*Зато сама Натали пару раз ставила меня в тупик вопросом: «Кто там у тебя в комнате?» Кроме меня и компьютера, в комнате никого не было, и в конце концов я списал все на шалости Тех — хотя в нашем доме такого до сих пор не случалось! Я уж совсем было собрался заказать водосвятный молебен — средство верное, в любом справочнике патриархии реклама с контактными телефонами! — но не успел. Однажды, проснувшись, я увидел, как Натали лихорадочно собирает вещи. На все мои судорожные попытки удержать ее или хотя бы добиться разумных объяснений она не реагировала, и лишь в дверях, в ответ на мой отчаянный крик «Да что с тобой, детка?!!», яростно швырнула мне в лицо: «Со **мной**?! Это я должна спросить тебя — что с **тобой**?! Ты... ты — чудовище, Алик! Не ищи меня!»*

И хлопнула дверью изо всех сил, вызвав осыпь штукатурки с потолка.

Так я и не понял, что с ней произошло. Ни тогда, ни после, когда в десятый раз звонил ее родителям (разыскать Натали оказалось проще простого: куда ей деваться, кроме мамы?) — неизменно встречая сухое отчуждение на другом конце провода, вне зависимости от того, кто снимал трубку.

В конце концов я плюнул и перестал звонить.

А в тот день...

В тот день я напился.

Напился крепко, в одиночку, как последний алкаш, судорожно глотая теплую водку из стакана, припадая к грязным граням колодца забытья, вожделенного и оттого еще более недоступного... Потом меня едва не стошнило, желудок взбунтовался, и, вскрывая банку килек в томате, я крепко порезал палец о жестяные зазубрины, даже не обратив на это внимания.

Когда в голове заплескалась липкая муть, а ноги пошли в самоволку, норовя свернуть куда угодно, лишь бы не туда, куда требо-

валось мне, я добрел до компьютера и долго сидел, тупо глядя на экран с ровными рядами белых строчек на синем фоне. Люблю я белое на синем... белое... на синем... Строчки издевательски заплясали, размылись барашками пены на волнах, и сквозь них проступила рогатая башка с печальными глазами навыкате. Мой Минотавр грустно смотрел на меня, словно тоже прощаясь перед уходом, — и я не выдержал.

— У-у-бью-у-у, скотина! Из-за тебя все!

Кажется, я орал это вслух, брызжа слюной на ни в чем не повинный экран — но тогда мне было все равно. Плевать на контракт, на поджимающие сроки, на полученный и давно потраченный аванс — сейчас я ненавидел свой текст, он был мне противен, противней водки, противней килек... Нет, не так. Не совсем так. Мне было плевать на всех этих древних греков с их проблемами, быками, лабиринтами и сволочью по имени Тезей, но имелся один фрагмент, который я набросал совсем недавно. Там все происходило здесь и сейчас, у нас в городе, где беднягу Минотавра, в сущности — несчастное, забитое создание, — травили жорики и звереющие обыватели во главе с проходимцем-журналистом, взыскующим славы и жареных фактов, и по странному стечению обстоятельств журналиста тоже звали Тезеем...

Именно этот кусок был сейчас передо мной на экране.

Не дам! Я сюда душу вкладывал, в эти строчки, в этого несчастного Миньку, вынужденного скрываться в подвалах и канализационных трубах... не дам!

И твердой рукой я убил текст. Издатель получит своих греков, Тезея и гору подвигов, а это — выкусите!

Хорошо еще, не отформатировал диск под горячую руку...

Потом среди вороха бумаг я откопал единственную распечатку и, шатаясь, потащился на кухню.

Разжигая жертвенную горелку (почему именно жертвенную?.. не знаю...), я глупо хихикал, давясь собственным смехом, пока наконец не обратил внимание на свой порез. Кровь до сих пор сочилась из пальца, пятная зажатые в руке листы бумаги, и я глупо ухмыльнулся: кровавая жертва! Прямо как у чертовых греков. Ну и пусть! Так даже лучше! Ощущение было такое, что я отрываю и жгу, принося в жертву, кусок самого себя.

Наверное, правильное ощущение.

Когда все было кончено, когда в кухне остался лишь резкий запах гари да черные хлопья сгоревших страниц на плите, я распахнул форточку. Налетевший из ниоткуда порыв ветра подхватил пепел, закружил его черной траурной каруселью — и унес прочь.

Горят рукописи, горят, милые, еще как горят...

Я постоял еще немного, а затем вернулся в комнату и залпом допил остатки противной, теплой водки прямо из горлышка.

Дальше — не помню.

А потом я за неделю как-то на удивление легко «добил» роман, сдал довольному главреду, получил деньги — и еще на неделю ударился в загул: заливать вином пустоту, которая образовалась у меня внутри.

Думал, на этом все и кончилось...

6

— М-м-м-маа...

— Да не мама, а папа, — через силу усмехаюсь я.

— Эт точно. — Фол сейчас на удивление серьезен. — Папа. Отец. Ну что, теперь убедился, демиург-недоучка?

— Убедился, — крыть, в отличие от Миньки-производителя, мне нечем и некого. Прав Фол. Прав Ерпалыч (где-то он сейчас?). Все кругом правы, один я стою пред детищем своим дурак дураком, в голове сумбур полный, и что теперь делать — понятия не имею.

— На вот, угости его, — Фол сует руку под попону и протягивает мне горсть белых кубиков.

Сахар.

Миня мигом оживляется и, благодарно урча, одним махом слизывает угощение с моей ладони своим замечательным языком.

— Ну, пошли, что ли? — Фол смущенно касается моего локтя.

— Пошли, кент. Не скучай, Миня, я к тебе теперь заходить буду, — на прощанье я вновь треплю по загривку свое чадо, и мы направляемся к выходу.

Миня провожает нас долгим грустным взглядом — совсем как тогда, когда проступил передо мной сквозь экран монитора, в тот проклятый день...

Обратно я пошел пешком. Фол, по давней привычке, катил рядом, приноравливаясь ко мне, и монотонно бубнил в ухо:

— Он года три назад у нас объявился. На помойках побирался, еду у прохожих клянчил. Народ поначалу от него шарахался — этакое-то чудище! Кто ж тогда знал, что он безобидный

совсем?! Одни собирались охоту на него учинить, чтоб детишек почем зря не пугал, другие хотели за Дедом Банзаем посылать... а тут Ерпалыч в очередной раз к нам заявился. Как увидел его — прям-таки остолбенел, а едва в себя пришел, строго-настрого убивать запретил! Ну, мы с Папочкой Миньку отловили — хрена его ловить, булку с маслом издалека показали, он сам примчался как миленький! Голодный был — не то слово! Определили его в этот самый подвал под «Китежем». Стали харч всякий подсовывать (Ерпалыч велел проверить) — все жрет, что ни дашь! И хлеб, и мясо, и консервы, и сено тоже наворачивает...

Фол на время умолкает, потом вновь заводит волынку.

— Дальше наши, кентавры, веселиться начали: выведут Миню вечером на прогулку (не все ж ему, бедолаге, в подвале томиться!), спрячутся в какой-нибудь подворотне и ждут. Как мимо жорики патрулируют — они Миню вперед. Высунется из-за угла ряшка с рогами, замычит — у жориков, понятное дело, душа в пятки! А наши Миню под локти и ходу, пока служивые с перепугу палить не начали! С полгода веселились, потом надоело. Зато патрулей с трех микрорайонов, словно тараканов, повывели!

Я понимал, что мой приятель пытается развеселить меня, и отчасти ему это даже удалось, но на душе все равно кошки скребли. Если бы меня в подвал посадили и по вечерам мною служивых пугали — каково бы мне было?..

— А по весне кто-то в шутку предложил: давайте, мол, его к фермерам свезем! Глядишь, от такого бугая у фермерских коров приплод пойдет, да и Миня нехай порезвится! И что ты думаешь, Алик? Сказано — сделано. Фермеров долго убалтывать пришлось, но в итоге уболтали. Ты нас знаешь — мы и мертвого уговорим.

— Знаю, — криво усмехаюсь я. — И мертвого уговорите, и живого уморите.

— А на другую весну фермеры уж сами к нам гонцов прислали: давайте, мол, своего бугая! У тех голландок, которых он крыл, телята родились — загляденье! А мы, мол, вам и маслица отвесим, и медку, и всяко-разно... Короче, Миня теперь свой хлеб с сахаром не зря жует! Один раз только с ним конфуз вышел. — Фол даже хрюкнул от удовольствия. — Есть у нас тут в Дальней Срани две шалавы, больно до этого самого дела падкие. Подобрали они, стервы, ключи и шасть к Мине в подвал!

Хорошо хоть Пирр наведался вскоре — не вмешайся он, заездили б Миньку в два счета...

Я тоже не удержался и прыснул.

— Ладно, хохмы хохмами, — оборвал сам себя Фол, — а вот Ерпалыч чадом твоим всерьез заинтересовался. Сутками с ним в подвале просиживал — все говорить его научить хотел, чтоб расспросить о чем-то. Так толком и не научил, правда. Потом книжка твоя вышла, та самая... Вот тогда-то Ерпалыч и начал к тебе присматриваться. И нам намекнул, откуда Миня у нас объявился. Ну что, Алик, прав оказался дядько Йор?

— Прав, — выдохнул я, выбрасывая окурок и кашляя от сухости в горле. — Хочешь, расскажу, как дело было?

— Расскажи, — с готовностью кивнул мой приятель.

И я рассказал. Все. Пока до дому добрались, как раз все я ему и выложил, потому что понял вдруг — не могу больше в себе носить! Кому и расскажешь, если не Фолу? Был бы рядом Ерпалыч...

Эх, Ерпалыч, шаман ты хитроумный, что ж с тобой приключилось-то?

А у самого дома нас поджидал сюрприз. Весело скалясь, виляя хвостом и вообще всячески выражая свою радость по поводу нашего появления.

— Ты что, сбежал? — Я присел перед псом на корточки, и серый беглец, вместо того чтобы броситься лизаться, неожиданно кивнул.

Или это мне померещилось?

— Ладно, пошли, Сват-Кобелище, — медленно поднимаясь, я ощутил, что реальность вот-вот снова начнет трещать по швам. — Сейчас домой зайдем, пожрать сообразим...

Я пытался спрятаться в скорлупу привычных, обыденных слов, но получалось плохо.

На лестнице пес обогнал нас и уверенно остановился перед дверью той самой квартиры, куда меня определили Папа с Фолом.

7

За окнами смыкались ранние зимние сумерки, на кухне шкварчала яичница с ветчиной, которую взялся готовить Фол, а Сват-Кобелище бдительно следил за этим процессом, всем своим видом показывая: за вами глаз да глаз нужен, а то вы мне тут нажарите!

Валько-матюгальник ждать ужина не стал.

Ушел.

Трижды облобызав меня на прощанье.

Маленькое электрическое «солнце» под потолком, тепло, уют, дразнящий запах яичницы — чего еще человеку надо? Там, за стенами — снег, темень, жорики с архарами, тенью бродит в лабиринтах подвалов Миня, пропадает невесть где псих Ерпалыч, гниют в застенках Ритка с Фимочкой, а здесь — здесь тишина, покой, здесь мой друг Фол, и неизвестно как нашедший меня серый бродяга, и... и надо бы позвонить к себе домой! Есть ли там кто-нибудь? Хотя кому там быть? Разве что Идочке, и то навряд ли...

Глупо.

И даже более, чем глупо.

Но просто так сидеть в кресле и ждать яичницу я уже не мог, мне не терпелось сделать хоть что-то, а ничего, кроме этого, в сущности, бессмысленного и опасного звонка, я придумать не мог.

Телефон был старый, с потертым и треснувшим диском, толстый шнур от него гадюкой уползал в коридор, где и прятался в нору.

Трубка молчала. Блокиратор? Я прижал трубку к уху поплотнее, зачем-то зажмурился — и мне показалось, что далеко, на пределе слышимости, раздается потрескивание и неразборчивый шелест двух голосов. Ну конечно, блокиратор! Сейчас они наговорятся, скажут друг другу «Пока!», повесят трубки... Я клацнул рычагом, раз, другой, третий... ну гуди же! И в ответ мембрана послушно загудела.

Я ткнул пальцем в диск.

Как он медленно вращается!

Вот сейчас в моей квартире раздастся звонок, противно задребезжит, требуя к себе внимания, Идочка, вздрогнув от неожиданности, поспешит к телефону... Ну пусть она будет дома! Пусть сидит в кресле, или нет, лучше пусть открывает входную дверь, раскрасневшись с мороза и выдыхая облачко пара... Может, она знает, что с Фимой и Риткой? Должна знать!

Я, словно наяву, представил себе эту картину; нет, не картину — картины я не умею, я умею иначе, по-своему, белое на синем, и пенные барашки послушно складываются в слова, слова выстраиваются кажущимся беспорядком фраз, а там, где притулились запятые, там обязательно требуется пауза с придыханием, пальцы незримо ласкают клавиши, строка бежит за строкой, и вот оно: пухленькая медсестра торопится к верещащему телефону, на ходу инстинктивно оправляя волосы — женщина, брось прихорашиваться, сейчас тебя все равно никто не видит! — а телефон звенит, звенит...

Долго звенит. Я наконец осознаю, что в мое ухо уже, наверное, вторую минуту ползут монотонные длинные гудки, а трубку никто не берет. Потому что Идочку из моей квартиры наверняка выперли, а саму квартиру опечатали! Я тут сижу, абзацы, понимаешь, в голове расписываю, а на самом деле...

Щелчок. И запыхавшийся голос Идочки:

— Алло! Да алло же!

— Привет, Идочка! Вы там что, заснули? — первое, что приходит мне в голову.

— Нет, я мусор выносила. А тут звонок. Я его еще со двора услышала. (Врет. Честное слово, врет! Не могла она со двора ничего услышать!) Ой, кто это? Это вы, Олег Авраамович?!

— Я, я, Идочка.

— Вы... вы... — Сопрано моей сестры милосердия вдруг трескается, пускает жареного петуха, кажется, она вот-вот расплачется прямо в трубку. — Что вы натворили?! Во что вы меня впутали?! Я... я... они меня забрали, допрашивали... А я ведь ничегошеньки не знаю! Я и вас-то совсем не знаю, я же ни при чем, а они... За что вы так со мной?!

— Идочка, ради Бога, не волнуйтесь! Я ничего не натворил! А вы так совсем ни при чем! Ведь они же вас отпустили?

Если б я еще понимал, кто — «они»...

— Отпустили-и-и... — на том конце провода слышатся явственные всхлипывания. — Только что ж я теперь... куда я теперь?! С работы выгнали, жить мне негде — а тут еще и привод влепили! Все из-за вас и из-за дружков ваших, и зачем я только с вами связалась?.. Выкинут на улицу, на мороз...

Хлюпанье носом. Ох, утешитель из меня... втравил девку черт знает во что!

— Да живите пока в моей квартире! Зачем вам на мороз-то?!

— Ну да, а потом вас все равно арестуют, посадят, а меня выгонят...

Хорошо хоть, носом хлюпать перестала — не выношу я этого!

— За что меня арестовывать, Идочка? Я книжки пишу, а не людей граблю!

— Не знаю я, чего вы там пишете... Я другое знаю: меня забрали, друзей ваших забрали — а вы удрали, да?!

— Удрал, — честно признаюсь я. — Испугался я, Идочка. А с друзьями-то моими что? С Рит... С Ричардом Родионовичем, с Фимой?

— Говорю же — забрали их! Меня вот отпустили, а их — не знаю... Олег Авраамович, вы лучше сдавайтесь, хорошо? Вам же лучше будет!

— Посмотрим, посмотрим, — бурчу я в трубку на мотив «Варяга». — А вы, Идочка, успокойтесь, все уже позади, вы тут в любом случае сбоку припека. Я вам через пару дней перезвоню. Лады?

— Лады-то лады... — На том конце провода снова начинают всхлипывать, и я поспешно кладу трубку.

Ну вот, сам вляпался в дерьмо по уши, и друзей втравил, и еще эту... Так, хватит сопли распускать! Арест — дело скверное. Но, с другой стороны, могло быть и хуже: зная Фимочку, когда он заведется... Все, что им могут пришить, — это сопротивление при аресте. В любом случае, приятелям я сейчас ничем помочь не могу, разве что внять Идочке и сдаться. Вот ведь положеньице: сбежал от властей, прячусь в Дальней Срани, где меня в шаманы прочат, детишек рогатых натворил! Похоже, кое-кто решил «дядька Йора» к рукам прибрать, дабы использовать на благо... не важно, кого или чего. Ну а меня — последним свидетелем. Опять же, водку со стариком в тот день пил, глядишь, знаю чего... Вроде складно получается, кроме... кроме исчезника в сортире и полковничьего налета! Был бы я просто нужен: вызови тихо-мирно повесткой, без лишнего шума... Да и следовательша по этому вопросу ко мне приходила — зачем же мебель-то ломать? Или им не один Ерпалыч — им и я, Залесский Олег Авраамович, сильно занадобился?!

Может, они и про Миньку уже знают?

Может, и знают. Изловят меня, в камеру посадят и заставят всяких чудищ на спецзаказ измысливать? И неужели они меня *боятся*?! — дошло вдруг до меня. А ведь боятся! Иначе зачем целая свора пятнистых волкодавов с доставкой на дом?!

Полковник наш рожден был хватом?!

Безумная карусель вертелась в моей голове все быстрее, паника накатывала весенним половодьем, так и подмывая сорваться с места и бежать, бежать, куда глаза глядят...

Эх, и впрямь рвануть бы сейчас из города, а то и вообще из страны, хоть в те же Штаты, к отцу с Пашкой, удрать от бедлама... К отцу. К Пашке. Пашка. Перед глазами сразу встает мутный омут Выворотки, застывший навсегда последним днем

Помпеи перед Большой Игрушечной — и колчерукий Пашка, по следу которого мчится свора Первач-псов! Куда ехать, дебил, у кого отсиживаться?!

Надо немедленно позвонить отцу.

Надо сделать хоть что-нибудь — иначе эти вынужденные прятки сведут меня с ума!

Американский номер я помнил наизусть. Восьмерка, код, второй код, вспомогательный... семь цифр. Трубка долго молчала, чуть потрескивая, и я машинально водил пальцем по пыльному эбониту телефона, рисуя привычный знак соединения и бормоча про себя смешной заговор — тетя Лотта научила, от помех при связи. А сам тем временем перебирал в горсти обрывки слов, складывая их в предложения, в интимное предложение суке-реальности выйти за меня замуж, потому что у нас получатся чудесные дети, и вот, вот оно, складывается помаленьку, белое на синем: мой сигнал в виде крохотного Альки-писаки путешествует по тонким нервам проводов телефонных сетей, щелкают, переключаясь, всякие реле, тихо жужжат компьютеры, направляя мой звонок по единственно верному пути...

Единственно верному, как единственно верны эти слова, которые память то и дело швыряет мне в лицо, словно нищему — стертую копейку:

Где-то стоят красивее дома, —
Что ты! О них можно только мечтать!
Словно в красивых обложках тома...
Жаль, мне совсем неохота читать.

Поезд зашелся прощальным гудком,
В горле комок, как тисками, зажат.
Все это, все это, все это — дом,
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...

Я даже папин аппарат мельком увидел: кнопочный, ярко-алый, в виде автомашины, и меленькая надпись сбоку *«Made in China»*.

И кнопки не внутри, а снаружи, на кузове, из-за чего страшно неудобно набирать номер, не имея при этом возможности приложить трубку к уху.

Вот такие-то дела.

Куцые островки пегих волос за ушами — все остальное съела блестящая, словно лакированная лысина — а на затылке эти островки неожиданно сливаются в хвостик, туго схваченный резинкой. Хвостик он завел перед самым отъездом, тогда же, когда вдруг стал бриться редко, раз-два в неделю, и гладкие ранее щеки покрылись вечной щетиной, сизой порослью безразличия к собственному облику. В толстых пальцах вечно крутится карандаш, или маленькие маникюрные ножнички, или еще какая-нибудь безделица — лишь бы держать, вертеть, играться; но незнакомые люди всегда удивлялись, когда эти пальцы-сардельки принимались легко гулять по фортепианным клавишам, оглаживая слоновую кость еле заметными прикосновениями.

И еще: он никогда не смеется громко, приглашая вас присоединиться — лишь чуть-чуть, намеком, слабой дрожью губ.

Вот он какой, мой отец...

Длинный гудок.

Еще один.

Щелчок.

И чуть картавый голос раздельно произносит импортные слова. Да это же папин автоответчик! Сейчас на русский перейдет. Точно, так и есть:

— С вами говорит автоответчик Авраама Залесского. Оставьте ваше сообщение и номер телефона, по которому вам можно перезвонить, после звукового сигнала.

Бииип.

— Папа, это я, Алик! Папа... у вас с Пашкой все в порядке? Перезвони мне по телефону... (Черт, какой здесь номер? Ага, вот, есть, под прозрачной пластиковой накладкой на самом аппарате.) По телефону 66-11-47 — в ближайшее время я буду по этому номеру. Только обязательно! Жду.

— Ты чего, позвонить решил? — В дверях появляется Фол, а сбоку от него в проем втискивается любопытная собачья морда. — Брось ты это дело. Я еще утром шнур случайно оборвал. Завтра починю. Пошли лучше яичницу жрать...

И замолкает, потому что я протягиваю ему трубку, где постепенно гаснут короткие гудки.

Отбой...

* * *

Я машинально глотаю куски чуть пережаренной яичницы (что, серый, недоглядел?), Фол и Сват-Кобелище тоже старательно жуют — и оба косятся на меня.

Оба.

Странно косятся, со значением.

— Так, говоришь, дозвонился? — в третий раз переспрашивает мой приятель.

— Дозвонился. Даже два раза. Домой и в Штаты.

В том, что шнур действительно оторван, я уже успел убедиться.

— Значит, не зря Ерпалыч на тебя глаз положил, — удовлетворенно кивает кентавр. — Ох, Алька, ох, хитрюга...

Это я, значит, хитрюга.

— Так что мне, век тут с вами куковать?! Телефоны заговаривать, Минек плодить да матюгальника учить, как Тех-бомжей гонять? Нашли себе шамана!

Я отвернулся и обнаружил, что серый пес внимательно глядит на меня, навострив уши, — слушает, зараза!

— Спать хочу, — невпопад отвечает Фол. — До зарезу. Слышь, Алька, ты б тоже ложился...

И я послушно пошел спать, потому что ничего лучше все равно придумать не мог.

Среда,
восемнадцатое февраля

Дневник хреновой курсистки * Лявтылевал, лучший друг эскимосов * Грусть-тоска меня снедает * Воскамлаем, господа хорошие? * Вышел месяц из тумана

1

...Четвертые сутки моего «подполья» заканчивались противной дрожью в коленках, словно в суставы затолкали по заряженной батарейке. Короче, сейчас без четверти двенадцать, а заснуть никак не получается: меня всего колотит от пережитого страха, и башка раскалывается. Нашел, придурок, забот на собственную задницу! Да лучше век от скуки томиться, чем такие радости! До сих пор как вспомню — мороз по коже! Выбрался, называется, чадо проведать... Сидел бы в своей конуре

сиднем, как все эти дни, — так нет же, развеяться ему, видите ли, захотелось!

Развеялся...

Впору дневник начинать писать, курсистка хренова!

ДНЕВНИК ЗАЛЕССКОГО ОЛЕГА АВРААМОВИЧА, ВТОРОСТЕПЕННОГО ГЕРОЯ ЧЕРТ ЗНАЕТ ЧЕГО

(который так никогда и не был написан)

* * *

Сижу за решеткой, в темнице сырой...

...Вторые сутки. Утро. Которое вечера мудреней. Шиш вам! — ни мне, ни вновь объявившемуся Фолу ничего толкового в голову не ударяет. Кроме пораженческой идеи отсиживаться дальше и ждать — незнамо чего. Пока обо мне забудут? Ага, размечтался!

Валько-матюгальник, забежав на минутку, чинит телефон. Закончил. Уходит, на прощанье попросив «зробыть» ему пару «мулеток»; одну — непременно «супротив Лектрючек».

Следом катится Фол — на разведку.

— А тебя не заметут? — с запоздалой тревогой осведомляюсь я.

— Не-а. — Беззаботный взмах хвостом. — Служивые кентов почти не различают. А после той суматохи... И футболку я сменил. Вот.

Фол гордо демонстрирует мне футболку: песочного цвета с зигзагообразной молнией на груди.

— Не боись, Алька, все путем! Что они, всех кентов подряд хватать станут? Ты лучше дверь запри, оболтус!

И ссыпается вниз по лестнице.

Я остаюсь один в пустой квартире. Вытаскиваю с полки первую попавшуюся книгу, раскрываю... Часа через три, когда многосложные индийские имена начинают играть в чехарду у меня перед глазами, бросаю просвещаться и перебираюсь в другую комнату. Вспоминаю про заказ Валька, но «робыть мулетки» неохота — еще чего! Детский сад, и только. Однако «бомж-счезень»... Мать-рябина, Бетон Бетоныч... Эврика! До меня наконец доходит, что есть «мулетка», — это Валько слово «амулет» по-своему исковеркал!

Радуюсь.

Обхожу квартиру по периметру; изучаю все обнаруженные отрывные календари в количестве восьми штук. Похоже, старик «отрывался» на них крайне нерегулярно: первый раскрыт на восемнадцатом января, второй — на первом мая, далее следуют тридцатое сентября, тридцать первое июня... Что замечательно: все календари в один голос рекомендуют провести день на возвышенных местах, копая глину и неся ее в дом для удачи — особенная удача ждет тех счастливчиков, кто имеет дело с электро- и газосваркой.

Продолжаю радоваться на диване.

Предаваясь послеобеденной сиесте.

Пока меня не будит явившийся за «мулетками» матюгальник.

— Ну шо, зробыв? — с порога интересуется Валько, аккуратно притворяя за собой дверь. От него вкусно, по-домашнему пахнет чесноком и самогоном, хотя с виду матюгальник совершенно трезв.

— Увы, — честно признаюсь я.

— Тю, а шо ж так?! — На лице Валька отражается искреннее изумление.

Бесцеремонно отодвинув меня в сторону, он шествует в комнату и с неодобрением оглядывает заваленный барахлом стол. Потом взгляд его упирается в стопку книг на краю стола. Верхняя раскрыта на изображении какого-то папуасского Идолища Поганого — и во взгляде грозы исчезников мелькает искра понимания.

— Так бы и казав, шо не успел. Теперь сами бачим, шо ты не груши околачиваешь, а в книжках вумных шукаешь! Звиняй, хлопче, шо мы над душой стоим, — просто мулетки к послезавтрему потребны! Не, ты не думай, мы ж не задарма — як Лектрючку прижучим, поделимся! Гроши там чи сало, горилка опять же...

— А без «мулетки» нельзя? — Надежда умирает последней, особенно надежда увильнуть от дурацкой работы.

— Та ты шо, с глузду зъихав?! — Валько потрясен. — Кто ж без доброго плетня Лектрючку гоняет? Без плетня он по проводам — вжжжик!.. И нема заразы! Хошь матери, хошь псалмы пой!

Впору расхохотаться Вальку в лицо, но почему-то не получается.

— Ладно, до послезавтра сделаю, — с внутренним скрипом соглашаюсь я, чувствуя себя полным идиотом.

— Так то ж другой разговор! — немедленно меняет тон Валько. — Я послезавтра к обеду и заскочу. Лады?

— Лады, — пожимаю протянутую руку матюгальника и, заперев за ним дверь, возвращаюсь к столу.

Кроме обрезков и мотков проволоки, у Ерпалыча нашлось еще много всякого: лоскутки ткани, деревянные чурбачки разных размеров, гвозди, шурупы, какие-то трубочки, обрезки жести — сокровища Али-Бабы!

И я берусь за дело.

Ну-ка, ну-ка, чем там чукчи с папуасами своих Лектрючек гоняли?

В конце концов удается раскопать изображение эскимосского Лявтылевала, большого спеца по выковыриванию зловредных духов из-под кочек. Еще спустя час я вознагражден портретом полинезийского Этенгена-Ловца; по всему видать, дальнего родича Лявтылевала. И работа закипела. Вырезать из соснового чурбачка болванчика без рук и со сведенными вместе короткими ножками оказалось проще простого. Нарисовав будущему «Ужасу Лектрючек» злобную рожу фломастером, я выковыриваю у него на плечах два отверстия и загоняю туда стальные трубочки-руки, пропустив внутрь каждой по пять цветных проводков. Обматываю туловище по спирали блестящей медной проволокой и, совсем уж развеселившись, засаживаю в то место, где у моего монстра должно быть анальное отверстие, кусочек магнита. Любуюсь итогом — и вставляю вместо глаз два горелых светодиода: один красный, другой — зеленый.

Кр-расота!

Вполне удовлетворенный результатом, я плету из проволоки нечто типа каракатицы в платочке из цветной тряпицы, собираю из трубочек и обрезков резины паучка (которого мысленно окрестил Мойдодыром). А вот четвертая фигурка у меня не заладилась. Выходит корявая загогулина, отдаленно напоминающая малолетнего дебила, — и я решаю, что на сегодня хватит. Валько мне две «мулетки» заказывал, а я уже четыре изваял, если считать с «дебилом». Известное дело: заставь дурака Богу молиться — он и лоб расшибет!

Вечер.

Ночь.

С сознанием честно выполненного долга стряпаю нехитрый ужин, кормлю объедками Сват-Кобелища, вернувшегося из уличных блужданий, и заваливаюсь подремать, хотя еще рано.

Снится коренастый бородач с блекло-рыжей копной волос.

Бородач сосредоточенно роет землю коротким мечом. И снова мне не удается разглядеть его лицо.

«Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь: под утесом, выкопав яму глубокую...»

А вокруг сыро, темно и пахнет грибами.

* * *

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно...

Третьи сутки. День. Новости отсутствуют. Фол отсутствует тоже. Предупредил только, чтоб не выходил никуда, а ежели звонить вздумаю — «Куретов» включать надо.

Вот кассета, а вот магнитофон.

Я даже не удивился. Надо — значит, надо.

Уже под вечер, когда начало темнеть, Фол наконец возвращается.

— Ричарда Родионыча в городе видели, — с порога сообщает он.

— Отпустили?!

— Вроде бы да... А вроде и нет. Из прокуратуры он выходил. Вместе с бабой одной. Я сам не видел, но наши уже разузнали, кто она: старший следователь...

— Гизело Эра Гиган... тьфу ты пропасть! Игнатьевна!

— А ты откуда знаешь?

— Заходила она ко мне перед самым налетом. Ерпалычем интересовалась. Я за всей этой кутерьмой рассказать тебе забыл.

— Та-а-ак, — очень неприятно тянет Фол, мрачнея на глазах. — Значит, еще и прокуратура...

— Ну, прокуратура! — Почему-то мне очень хочется, чтобы мой друг немедленно изменил свое мнение об обаятельной следовательше. — Она, между прочим, ко мне по-хорошему явилась, как к свидетелю, расспросила, чайку попила — и ушла. Кстати, Ритку кто отмазал? Ясное дело, тетя Эра!

— Ну и флаг ей в руки, — с неожиданной легкостью соглашается Фол. — Прокеры со служивыми и прочим жором хуже кошки с собакой. Глядишь, и для тебя что-нибудь выгорит... Надо будет нашим сказать, пусть приглядятся.

Я уже знаю: под словом «наши» мой двухколесный друг под-

разумевает далеко не одних кентов. Тут вам не здесь: никого особо не смущает — ноги у тебя или колеса!

Главное, чтоб «свой» в доску, не то что в центре...

— Хотя, Алька, нашему брату кенту нынче не до приглядок. Того и гляди не служивые — народишко сам на улицы ломанется, «колесатых нелюдей» на фонарях развешивать. Девку-школьницу снасильничали — кенты; собак бродячих повымело — опять кенты сожрали под пиво; гололед — кенты, с-суки, колесами отполировали... Видать, кому-то сильно громоотвод занадобился, нашими задницами свою шею отмазать! Санкцию-то на наш митинг отменили в мэрии — говорят, провокации ожидаются, не дадим жориков в оцепление, к чему лишний раз гусей дразнить?! А зато как кентовский погром, так сразу «зачинщики не обнаружены»! Ладно, что это я раскаркался... у тебя своих забот по горло...

Тут он прав, хотя мне смутно кажется: заботы у нас все-таки общие.

— Про Фимку ничего не слыхать? И про Ерпалыча? — запоздало спохватываюсь я.

— Глухо. Фима твой, похоже, сидит, только непонятно где, а Ерпалыча наши ищут, ты не думай...

— Окстись, Хволище! Мы, писаки, этому делу не обучены, — развожу руками, потупив очи. — Макулатуру кропать завсегда пожалста, а вот думать...

Фол наконец улыбается, и мы отправляемся вкушать хлеб насущный.

— Меня-то ищут? — интересуюсь я, хлебая разогретые гостинцы благодарных Руденок.

— Да утопец их разберет! — пожимает плечами Фол. — Если и ищут, то втихаря. Рожа твоя алкогольная на стендах не висит, особого шухера в городе нет, а так — кто их, гадов, знает? Может, землю носом роют, а может, плюнули. Хотя это — вряд ли...

Я давлюсь борщом.

Я согласен с Фолом.

Вскоре кентавр снова уматывает, и я остаюсь, скукою томим: книжки читаю, телевизор смотрю, муть всякую. Даже думать пытаюсь.

Бесполезно.

Хорошо хоть паника больше не возвращается. Ее место медленно, но верно заполняет вселенская апатия, а в просторечии — глобальный облом.

Пытаюсь продолжить неоконченных «Легатов Печатей», со скрипом рожаю двойню абзацев-близнецов — но компьютера у Ерпалыча нет, а от дребезжащей и лязгающей печатной машинки я, как выяснилось, настолько отвык, что ничего путного из моей затеи не выходит.

Облом одолевает.

Вечер.

Ночь.

Нахожу в тумбочке, за стопкой древних журналов (два, кстати, порнуха! — у-у, кобель старый...), записную книжку Ерпалыча. Листаю преисполнен стыда, ибо читать чужие записи нехорошо, а не читать — любопытство и скука вконец заедят.

«17.01. Вышняя Марьяна Вячеславовна. Муж докучает излишними постельными утехами; в случае отказа грозится бросить, уйти к молодой. Шпагат канцелярский на восемь узлов и по три тыквенных семечки в обувь. Когда угомонится — развязывать по узлу в неделю. При рецидиве повторить.

24.01. Москович Эсфирь. Угнали машину; жорики разводят руками, молебен результатов не дал. Рекомендовано в солнечный полдень поставить на ребро водительские права и в образовавшуюся тень вбить заостренную спичку. Если в трехдневный срок машина не отыщется или не будет возвращена, процедуру повторить, но спичку зажечь.

3.02. Третий крестник жаловался: дом 16-й по Маршала Уборевича злыдни заедают. Велено приобрести в булочной № 13 четыре буханки «Бородинского» и бутылку пальной водки-«ряженки». Потом...»

Дальше не читаю.

Иду спать.

Снится коренастый бородач с блекло-рыжей копной волос. Только теперь рядом с ним из мрака, пахнущего грибами, проступает окровавленная туша. Коза? Овца? Собака?

Мне так и не удается разобрать.

«После (когда обещание дашь достославным умершим) черную овцу и черного с нею барана — к Эребу их обратив головою, а сам обратясь к Океану...»

А человек все копает и копает.

* * *

Отворите мне темницу,
Дайте быстрого коня ..

Четвертые сутки. Будит меня переливчатый «звонковый» свист Фола. Ого! Уже первый час! Ну, я и разоспался... Вместе с кентавром является дородный детина в потертом кожане и с увесистой раскоряченной сумкой через плечо.

— Дроты есть? — деловито осведомляется детина.

Но нас уже на мякине не проведешь!

— Сколько надо? — не менее деловито интересуюсь я, игнорируя подмигивания Фола.

— Ну, пучок...

— Пучок? Целый пучок?!

— Ну, хоть десяточек...

Я молча иду в комнату и приношу оперенные электроды.

Восемь штук.

Посетитель заметно веселеет, извлекает из сумки еще теплую кастрюлю с варенной в мундирах картошкой (это я выяснил уже после, когда на кухне заглянул внутрь кастрюли) и основательный кус копченого сала — и собирается уходить.

По всему видно: сало он сперва давать не собирался.

— В отвар Мать-рябины не забудь окунуть, — бросаю я ему в спину, вспомнив работу Валька-матюгальника.

— Да уж не забуду! — Детинушка расплывается в ухмылке. — Не впервой! Спасибочки...

И уходит.

Хлопает дверь.

— Ну, Алька! — С минуту я наслаждаюсь восторгом кентавра, но Фол почти сразу становится серьезным.

— Старшины насчет приятеля твоего, Крайцмана, разузнать пробовали — ни хрена не вышло! Держат его где-то, а где — не ясно. Матери его звонили: тут один на очистных работает, знает Фиму... Он и позвонил. Якобы по работе очень нужен. Так и мать в неведении: откуда-то выяснила, что сын якобы задержан за сопротивление при аресте, — и все. Она сама не своя, бегает по конторам, а толку — как с козла молока...

Фол крупно отрезает себе сала и кидает ломоть в рот целиком. Какой же кентавр сала не ест?!

— А Ричарда Родионыча опять видели. В прокуратуру захо-

дил. Небось к той самой следовательше. Вроде как при ней он теперь состоит. В записных «шестерках».

— И то хорошо. Может, мне тоже... к следовательше? Как мыслишь, Фол?

— Не лезь поперед исчезника в стену, — осаживает меня кент. — Приглядеться к этой следовательше надо. С Ричардом Родионычем связаться. Тогда и решим. А пока — сиди. Если в другом месте сидеть не хочешь.

Вернулся Сват-Кобелище (Фол открыл ему дверь) и громогласно потребовал свою долю харча. Небось на запах примчался!

— На уж, жри! — Я бросаю ему кусок, который пес немедленно проглатывает.

Бьет, что называется, влет, будто сокол добычу... у-у, проглот!

Вскоре приходит Валько. Деловито оглядывает «Лявтылевала» и «каракатицу», солидно кивает — мол, теперь-то мы им жару зададим! — и торопится восвояси: видать, клиенты заждались.

Следом уезжает Фол.

Под сводами моего пристанища вновь медленно, но неотвратимо воцаряется скука.

Хоть что-то мало-мальски интересное случается лишь к вечеру, когда я смотрю на гору грязной посуды в мойке.

Пес лает с неодобрением.

— Вот сам бы и вылизал. Языком, — вяло пытаюсь я увильнуть, но пес пресекает это дело в зародыше, просто-напросто покинув кухню.

Сунувшись к мойке, я обнаруживаю отсутствие воды в кране. Ничего особенного в этом нет, и, что делать в таком случае, я знаю прекрасно. Ведь вы, наверное, тоже не особо задумываетесь, как завязать на ботинке шнурок?

Булка и постное масло под рукой.

А вот и горелка.

В трубах булькает, урчит, из крана вытекает несколько капель ржавой жижицы — и все. Сволочь-квартирник явно отлынивает от работы. Жертву-то мою он сожрал, не поперхнулся — а заниматься прямыми обязанностями ему лень! Или это мой облом ему каким-то образом передался?

— Ах ты, тварюка, — бормочу я во злобе. — Матюгальника на тебя нет!

В трубах урчит сильнее — и тут на меня снисходит озарение!

Конечно, мои познания в великом и могучем искусстве сквернословия и в подметки не годятся изыскам Валька. Но,

как говорится, чем богаты, тем и рады. Я от души обложил квартирника всеми известными мне ругательствами (повторившись всего дважды!) — и напоследок со злорадной ухмылкой, нарисовав пальцем в воздухе косую пентаграмму, швырнул сквозь нее в мойку случайно завалявшегося в кармане «Мойдодыра». Живо представив при этом, как квартирник испуганно ищет местного утопца, как суетится в трубах Тот, спешно пробивая пробку из ржавчины, как долгожданная вода устремляется...

Результат превзошел все ожидания. В трубах панически взвыло, и вода из крана ударила бешеным напором, а я стоял и смотрел на плоды своего камлания, не в силах сдвинуться с места.

Ведь получилось же! Получилось!

Кажется, я действительно понемногу становлюсь шаманом...

* * *

Ты, начальничек, ключик-чайничек,
Отпусти до дому...

Четвертые сутки (продолжение, м-мать его, следует!). Бесконечные, резиновые... тянутся, не рвутся. Продолжает сниться чертов мужик с мечом (уже днем мерещится, с-сволочь!), и постепенно вокруг него прорисовываются всякие детали: три темные чаши с росписью, крутобокая амфора, кривой иззубренный нож, вязанка хвороста...

Уже затемно меня вновь навещает матюгальник, и я радуюсь ему, как родному брату!

— Звиняй, хлопче, шо мы так долго... Делов навалилось — во! — Валько выразительно щелкает себя по горлу, а потом проводит по нему же пальцем. — Гроши мы принесли, як обицялы! Ось...

Он протягивает мне две мятые десятки и пятерку.

— И горилку — само собой! — Матюгальник лезет в сумку, из которой остро пахнет самогоном, но не простым, а пряным, настоянным явно на чем-то экзотическом.

— Эх, силы бы з тобою да дернули по маленькой — та ось Пирр попросыв бугаю харч задать. Бежать надо, — сокрушенно вздыхает Валько.

— Бугаю? Это Мине, что ли?!

— Ото ж!

Миня!

Родственная душа!

— Слушай, Валько, пошли вместе, а? Я тут скоро совсем сдурею, волком выть начну!

Матюгальник сочувственно косится на меня.

— Тебе б, хлопче, хорониться... Эти, колесатые, говорили...

Он встречается со мной взглядом и машет рукой.

— А-а, хай им всем грець! Пишлы! Зовсим хлопца замордувалы!

И я кидаюсь лихорадочно собираться, прихватив в последний момент один из «дротов». Дальняя Срань — те еще районы, без заточки стремно.

— Кобеля дома оставь, — командует матюгальник уже в дверях, — Миня собак не жалует. Досталось ему от них...

Сват-Кобелище скулит изнутри.

* * *

Матюгальника Миня явно знал — выбежал сразу, гулко топоча копытами. И едва не сшиб нас с ног, норовя облизать, мыча едва ли не членораздельно и вообще всячески выражая свою симпатию.

Истосковался.

Пока я треплю чадушко по загривку и чешу за волосатым ухом, Валько извлекает из холщового мешка харч для «бугая»: пару буханок ржаного хлеба, кочан капусты, дюжину вялых морковок, консервы, завернутую в бумажку соль...

— Ты консерву в миску ему положь, вона она, за ящиком, — инструктирует меня матюгальник. — А хлеб разломи да посоли круче! Минька за солонец мать ридну удавит, любит это дело...

— А ты? — *Я оборачиваюсь к навострившемуся было уходить Вальку.*

— И я люблю.

— Я не про соль. Куда это ты собрался?

— А мне тово... до кума сбегать надо, — мнется Валько. — Я тебе ключ оставлю, на всяк случай, а через час возвернусь — тут поруч. Як, домовылысь?

— Домовылысь! — Я ничего не имею против побыть с Миней тет-а-тет, без посторонних. — Только ножик у тебя есть? Консервы открывать?

— А як же! Ось! — Ко мне перекочевывает старый перочинный нож с добрым десятком лезвий, и матюгальник резво спешит к выходу.

Миня к тому времени уже вовсю хрумтел капустой, а я за-

нялся «харчем». Вскрыл банки, вывалил их содержимое в здоровенную алюминиевую миску, потом разломил обе буханки «Бородинского», густо посыпал солью... Ведро с чистой водой стояло рядом, и, быстро покончив с принесенными гостинцами, Миня ткнулся в него мордой, шумно хлюпая и отфыркиваясь. Действительно, бугай бугаем, особенно когда на четвереньки становится! Разве что в джинсах.

И взгляд такой, что долго не выдерживаешь.

Отворачиваешься.

Наконец Миня напился и вновь сунулся ко мне. Он смотрел на меня сверху вниз (роста в бугае было добрых два метра), а казалось, что — снизу вверх. Как сын, с надеждой глядящий на строгого отца.

«Папа, можно мне пойти погулять?»

Косматая ручища неуверенно скребет ногтями по моей груди.

Рога склоняются, тычут в сторону лестницы.

— Мммы-ы-ы...

— Гулять?

В ответ Миня радостно кивает — и я сдаюсь. Сразу и практически без сопротивления. На улице уже темно, Валько вернется не скоро, а я по себе знаю: каково оно, круглые сутки в четырех стенах! Ключ у меня есть, опять же заточка наготове, побродим туда-сюда — и вернемся.

Я хлопаю Миню по плечу, и мы весело направляемся к ступеням.

Интересно, поводок ему нужен?..

Переступив порог, Миня останавливается, с любопытством оглядываясь по сторонам (видать, нечасто его прогулками баловали!), шумно втягивает ноздрями морозный воздух — и выпускает целое облако пара.

— Ну, куда пойдем?

Чадо соображает с полуслова и резво топает в обход кинотеатра, время от времени оглядываясь на меня: не отстал ли? Ну точь-в-точь ребенок — и погулять хочется, и потеряться боязно!

Я догоняю бугая, и мы идем рядом, оставляя за собой на девственном снегу две четкие цепочки следов: здоровенных копыт и ботинок на рифленой подошве.

Сбоку от кинотеатра начинаются старые гаражи, сплошь покрытые матерными надписями вперемешку со знаками-оберегами. Фонарей тут нет, но луна-подруга, разорвав в клочья мрачную завесу облаков, услужливо подсвечивает с небес, словно указывая дорогу. Куда? А, не важно! Побродим по окрестностям с полчасика — и назад.

Обойдя гаражи, мы выбираемся в переулок, странно — тротуар практически расчищен от снега. Так, слегка припорошило сверху, и все. С обеих сторон громоздятся безликие коробки бетонок-пятиэтажек, кое-где в окнах горит свет, но людей не видно. Ну и отлично! Шалить, уподобляясь кентам, мы не собирались (во всяком случае, я). Одно неясно — что ж они все по домам сидят? Еще и восьми вечера нет, детское время...

Словно в ответ на эту мысль, в ближайшей подворотне мелькает тень. Застывает на миг, размазывается вдоль стены — и исчезает. Все-таки напугали кого-то!

Отворачиваюсь.

Иду дальше.

— Раз, два, три, четыре, пять... — уныло бубнит за нашими спинами из подворотни чей-то голос. Детский, не детский — не разберешь. — Я иду искать! Иду искать!..

Нет, не телевизором единым жив человек. Вон, в прятки играют. Детвора, наверное.

— Иду искать! — Голос прежний, тоскливый, но звучит он уже с другой стороны переулка, от мусорного бака.

Когда это он перебежать ухитрился? Или здесь эхо такое?

Я поглядываю на Миню, но тот не обращает на шутки акустики никакого внимания. Таращится на освещенные окна, иногда начинает что-то бормотать, заискивающе трогая меня за плечо, тычет пальцем то в одно окно, то в другое.

— Ты чего-то хочешь, Миня?

— М-ма-а-а...

Эх, создатель я хренов!

— ...иду искать! — на этот раз выкрик раздается совсем близко, и я начинаю озираться. Черт, да ведь это не ребенок! Не бывает у детей таких голосов. Этот голос только *похож* на детский, как звучат травести в театре или в мультиках. Сю-сю, уси-пуси, а на самом деле — морщинистая бабешка с сигаретой в зубах.

Под одежду забирается неприятный холодок. Бомжа-исчезника я уже имел честь видеть. О «Лектрючках» имел честь слышать. С квартирником, опять же, поцапался...

Мало ли какая пакость еще объявится?!

Грустно, девушки... Конечно, со мной Миня — живая гора мускулов, да еще и с рогами-копытами в придачу. Только Миня ведь у меня мирный, и вообще стыдно ребенком заслоняться. Какая от него помощь в случае чего?

В случае — чего?

— Я иду искать! Иду! — доносится от неработающего фонтанчика, потом из-за старой липы; потом опять рядышком, почти вплотную.

Кажется, пора заканчивать прогулку.

— Я иду искать! Кто не спрятался — я не виноват... Не виноват! — Теперь голос-обманка звучит с асфальтового пятачка в конце переулка. Дальше высится глухая стена. Тупик.

И пятачок абсолютно пуст.

— Не виноват! Кто не спрятался — я не виноват!

В голосе поет торжество. Я невольно пячусь задом, и вдруг со спины меня протягивает сквознячком.

Сзади!

Оборачиваться нельзя, нельзя ни в коем случае — я не знаю почему, но... суставы скрипят несмазанными шарнирами, позвоночник грозит треснуть...

Я повернулся.

С неба сыплется реденький снежок, и пороша контурами очерчивает облако, грозовое облако, чернильное пятно, оно висит над тротуаром в каких-нибудь трех шагах — и смотрит на меня.

Без глаз.

— Кто не спрятался — я не виноват, — наждаком царапает по ушам. — Нашел. Стукали-пали...

— Сгинь... Изыди! — шепчу в ответ дрожащими губами, или только думаю, что шепчу?

Скрутить кукиш? Голый зад показать? Как же, задобришь такое дулями-задницами!..

Облако шевелится и начинает мерцать.

— М-м-м-м... — это Миня. Он просто стоит рядом и таращится на облако. Не знаю, страшно ли ему, не знаю, ведомо ли ему вообще чувство страха, зато про себя я это знаю наверняка.

Отступаю, ухватив Миню за предплечье, и вспоминаю: позади тупик!

В мерцании проклятого облака проступают очертания фигуры... детской фигуры. Если только можно представить себе ребенка-дебила выше Мини на локоть! Покатый лоб нависает над глазками-искорками, рот течет вязкой слюной, безгубый,

беззубый рот, где внутри черного провала что-то смутно ворочается, желая выйти наружу; руки безвольно свисают плетьми...

— Стукали-пали, стукали-пали!

Чудовищное дитя довольно хихикает, приплясывая на месте.

— Вышел месяц из тумана... — доносится из ворочающегося мрака; и одновременно приходит в движение правая рука дебила, лениво, в такт словам, тыча пальцем то в меня, то в себя.

Миня не в счет.

— Вынул ножик из кармана... — осклабившись, дебил сует левую руку внутрь себя, а когда извлекает ее обратно, то из кулака тускло блестит лезвие. — Буду резать... резать. Буду. Ты не спрятался. Я не виноват. Буду резать...

И *оно* шагает ко мне!

Кажется, до этого я стоял кроликом перед удавом, не в силах стряхнуть оцепенение, но тут жгучая волна ужаса, кислого, звериного, копившегося в самом низу живота ужаса, хлынула наружу. Кричу. Кричу так, будто лезвие, которое гигант-дебил держит в руке, уже вошло в мой живот, вспарывая кожу, мышцы, выворачивая наружу кишки...

Бегу прочь.

Стена, граница адского переулка, с размаху налетает на меня, прыжком сократив расстояние от камня до человека; вскипает боль в ободранных до крови ладонях, которые я успел выставить вперед. Все, прибежал. Крик вновь раздирает мне глотку — и от этого крика, от боли в саднящих ладонях я прихожу в себя.

Сидя на асфальте.

Позади грохочет утробный рев, ему вторит удивленный детский всхлип. «Подымите мне веки! — требую я у кого-то постороннего. — Подымите... подымите!»

И не верю своим глазам.

Мой Миня, тишайший и застенчивый Миня, насмерть схватился с ожившим кошмаром! Бугай вцепился в дебила своими тупыми когтями и теперь, не давая уроду вырваться, с ревом бодает его в грудь; потом пелену снега рассекает лезвие, Минька сдавленно мычит, отшатываясь, выдергивая из противника рога, покрытые чем-то мокрым, блестящим и, как мерещится мне в лунном свете, дымящимся...

— Стукали-пали! Я не виноват!

— Мм-ма-а-а...

Встаю. С «дротом» в руке. Жалкое оружие, но другого у меня

нет, и ничего у меня нет, даже страха — уполз внутрь, съежился, затаился... исчез.

— С-с-сука! Не трожь! — Бегу, понимая, что бегу умирать, и даже успеваю удивиться собственному безразличию.

— Я не виноват! На золотом крыльце сидели... кто такой? Кто ты будешь такой?!

Электрод на удивление легко входит в бок дебила. В следующее мгновение мир перед глазами взрывается цветными звездами, я лечу в снег и ворочаюсь, пытаясь прийти в себя, пробиться сквозь искрящуюся тьму, застлавшую взор. Совсем рядом взревывает Миня, и заунывно булькает монотонный голос:

— Кто не спрятался, я не виноват. Буду резать, буду бить. Буду резать... буду...

Тьма наконец расступается. Что-то твердое давит в бок, я сую руку за пазуху, шарю... в кармане нащупывается забытая мной «мулетка». Корявая фигурка, ребенок-дебил. Зачем?! Рядом валяется мой «дрот», я машинально сжимаю его второй рукой, с омерзением ощущая прикосновение к ладони липкой жижи.

Встаю, качаясь.

Кошмар-убийца и Миня клубком катаются по испятнанному кровью снегу, и Миня храпит с диким присвистом, будто воздух вырывается у него не только изо рта, а похожее на огромного ребенка создание раз за разом повторяет без выражения:

— Буду резать... Буду резать...

И равнодушно всхлипывает в перерывах.

— Едрить твою через коромысло! Алька! Швыдко! Да шо ж ты телишься, йолоп!..

Валько-матюгальник, неведомо откуда возникнув рядом, бесцеремонно выхватывает у меня электрод и «мулетку», после чего, обернувшись к живому клубку, вскидывает обе руки над головой.

— Зализо на крови, врагу жилы отвори! — скороговоркой выкрикивает он, срываясь на фальцет, и с размаху вонзает «дрот» в фигурку.

Истошный визг. Так визжит собака, когда ее позвоночник хрустит под колесом. Мне хочется заткнуть уши, но я не делаю этого.

Я стою и смотрю.

Смотрю, как корчится перед нами на снегу, исходя визгом, тот кошмар, что миг назад терзал могучего Минотавра, а сам Миня, силясь подняться, на четвереньках ползет к нам.

Валько еще трижды пыряет фигурку электродом, а потом с неожиданной прытью бросается вперед, подхватывает Миню и оттаскивает к нам.

— Нож! — рявкает матюгальник мне в лицо.

— Что? — тупо переспрашиваю я, не в силах отвести взгляда от корчащегося, как мне кажется, в агонии существа.

— Нож давай! Швыдко! Бо вин щас оклемается!

До меня наконец доходит. Нащупываю в кармане выданный мне матюгальником нож и протягиваю его хозяину.

Секунда, и Валько выщелкивает главное лезвие. Он что, хочет с ножом... на *это*?! Следующая секунда — и Валько, приседая, бежит вокруг нас с Миней, очерчивая внизу уродливую окружность.

Ножом.

По снегу.

На миг запнувшись лишь о край притрушенного зимней пудрой люка канализации, ребристый узор на чугунной крышке которого складывается в рабочие руны горводслужб.

Встав рядом, матюгальник крест-накрест режет воздух у нас над головами и, явно малость успокоясь, бормочет что-то вроде:

— В доме заховались, в зализо заковались...

Дальше я не разобрал.

— За круг ни ногой! — сообщает мне Валько уже обычным тоном и склоняется над тяжело дышащим Миней, словно разом потеряв всякий интерес к дебилу-ребенку.

А тем временем оживший кошмар уже не корчится, не визжит — он медленно, с трудом встает на ноги.

— Нету... — бормочет дебил, озираясь. — Бяки... я иду искать... искать иду... Больна-больна... больна...

Никого.

Никого нет.

Только истоптанный, взрытый снег в бурых пятнах.

— Гарно вин Миню... — бормочет матюгальник, подымаясь. — Шо, Минька, щемит?.. Не плачь, казак, атаманом будешь...

Валько оборачивается ко мне.

— Ф-фух, пронесло! Добра мулетка. Шо ж ты сам-то? Ну ладно, бывает, тут всякий злякаеться! А ты, бачу, не промах! И мулеткой запасся, и пырануть його встыг, усэ як слид — Вальку вже кончать залышылось! Жаль, шо Мисяця-з-Туману так просто не вбьешь...

— Кого? — Ноги наконец отказываются меня держать, и я сажусь прямо в снег.

— Мисяця-з-Туману, — охотно повторяет Валько.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Темная, дубленая кожа предплечий густо перевита жилами, словно он минутой раньше гири таскал. Желваки играют на скулах, узкие губы обидчиво поджаты, превращая рот в застарелый шрам, а зубы крупные, желтые, в полном боекомплекте, несмотря на годы, — на таких зубах, должно быть, вкусно хрустят под закусь малосольные огурчики с собственного огорода. Говорит он чаще тихо, вполголоса, но все равно кажется, что шумит, — так двигаются по-настоящему сильные люди, боясь дать своей силе волю. Иерихонская труба его глотки до поры засурдинена, похрипывает, присвистывает... отдыхает.

И еще: он часто дергает себя за мочку левого уха, особенно когда начинает что-нибудь доказывать, — и ухо это красное, словно у мальчишки-шалопая, пойманного бабкой на месте преступления.

Вот он какой, Валько-матюгальник, гроза «бомжей-счезней»...

Что было дальше, я помнил плохо. Как мы вдвоем чуть ли не на себе волокли обеспамятевшего Миню обратно к подвалу; как Валько убежал за знахарем, а я остался в подвале и, положив рогатую голову себе на колени, тихо рассказывал Минотавру какие-то тут же придуманные истории о тяжело раненных, которые тем не менее выжили и выздоровели — а значит, и с ним, Миней, тоже все будет хорошо: ведь я здесь, с ним, и Валько уже за доктором побежал, и вот сейчас они придут, и доктор Миню сразу вылечит... А потом Валько таки притащил своего знахаря, и мы бросились кипятить воду, а дальше знахарь нас прогнал в угол и начал колдовать сам. Через час он поднялся, в последний раз удовлетворенно окинул взглядом забывшегося сном Миню и произнес сакраментальное:

— Будет жить.

Подумал немного и добавил:

— Но с недельку проваляется. Завтра еще зайду.

И ушел.

Минут через двадцать в подвал ворвался ураган по имени Фол, выволок нас с Вальком на улицу и устроил обоим такой разнос, что даже матюгальник стоял, втянув голову в плечи, и молча слушал. Наоравшись всласть, Фол слегка успокоился, сказал, что за Миней присмотрят, еще раз обругал Валька — и под конвоем доставил меня домой: во избежание! Потому как на этого придурка Алика неприятности из рога изобилия валятся, а раз так, то лучше оному придурку сидеть дома и носа никуда не высовывать, иначе он, Фол, собственноручно на этот нос наедет передним колесом. А потом задним. Ну все, я поехал. Отсыпайся.

* * *

И вот я снова один в темной квартире, и меня всего трусит от пережитого — а еще дико болит голова.

Как с похмелья...

Конец дневника.

Конец дня.

Четверг,
девятнадцатое февраля

Сквозь волнистые туманы пробивается луна * Вернулся,
с-собака?! * Мне хорошо, я сирота * Слушай теперь
и о том, что скажу, не забудь * Сторож брату своему

1

— Имеет ли смысл спрашивать: вы Залесский Олег Авраамович? — смеется воздушный шарик, собирая морщинки-трещинки в уголках нарисованных глаз.

Дрожь по телу.

И стыдная, теплая струйка в левой штанине.

Ниже, ниже, ни...

— Имеет ли смысл спрашивать: если ножики все-таки вынимают из кармана, значит, это кому-нибудь нужно? И учтите, пан Залесский: если вы не спрятались, я не виноват! Не виноватый я!

Шарик надувается сильнее, еще сильнее, страшно выпячиваются одутловатые щеки, рыжие усы щеточкой вспучиваются сумасшедшим веником... Взрыв. Летят во все стороны полковничьи звезды, складываясь уставным Зодиаком, черный провал раскрывается пастью Месяца-из-Тумана, беззубой смертью, где что-то тяжко ворочается, прорываясь из мглы...

Крик.

* * *

Меня подкинуло на кровати.

Ознобные мурашки шустро бегали по всему телу, щекочась лапками, и кошмар неохотно размыкал влажные объятия. Ф-фу... так и рехнуться недолго.

«Недолго, парень», — подтвердил кошмар, забиваясь в угол и подмигивая оттуда.

Я, кряхтя, встал и прошелся по комнате. Коленками похрустел, мотнул забубенной головушкой. Больно, однако, мотать-то: ноет и ноет, точно гнилой зуб. Мебель громоздилась стенами ущелья, грозя обрушиться лавиной, все предметы казались незнакомцами, от которых можно ждать чего угодно, хотелось тыкать пальцем наугад и вопрошать:

— Ты кто такой? А ты?!

«А ты сам кто такой?» — безмолвно интересовались незнакомцы.

Понятия не имею...

Поставить, что ли, свечку священномученику Киприану, бывшему до крещения славным чародеем, молясь о *«прогнании лукавых духов от людей и животных»*?.. А ведь на память помню, как оно в справочнике: *«От художества волшебного обратився, богомудре, показался еси миру врач, мудрейший, исцеления даруя чествующим тя...»* Ну тогда уже заодно и от головной боли ставить... Иоанну Предтече? Нет, этому надо с пением тропаря и евангельским чтением усекновению главы его!.. Лучше Пантелеймону-целителю, там проще будет.

Вместо этого я, шлепая босыми ногами, выбрался в коридор. Без цели, без смысла. У входных дверей тихонечко скулил Сват-Кобелище. Царапал филенку, хвостом вилял, бродяга. На волю просился. Хорошо хоть, его выгуливать не надо — сам уйдет, сам придет, сам яичницу поджарит... сам съест. Иди гуляй, иди, хорошая собака!.. Выпустив пса, я двинулся на кухню — водички попить.

Попил.

Утерся.

И встал у окна.

Снаружи было не то чтоб темно, а так — мутно. Смутно, как в перспективе моего будущего, которое еще недавно было относительно светлым. Изредка в сизой круговерти небес мелькал щербатый пятак луны, и тогда сполохи гурьбой бродили по снегу. Вон серая тень заметалась меж гаражами, на миг остановилась у штабеля кирпичей и сгинула, как не бывало. Сват-Кобелище гуляет. Территорию метит. Сходить, пособить?.. Или ладно, мы и здесь отметимся.

Резиновая помпа, затыкавшая отверстие сливного бачка, опять слетела с кронштейна, и пришлось, ругаясь, в сотый раз прикручивать ее проволокой. Не сантехника ж звать из-за такой ерунды. И уж тем более — не утопца хлебушком приманивать...

Сами с усами.

Во дворе послышался шум машины. Странный шум, сдавленный, хрипотцой отдает, будто машина и не хотела вовсе шуметь, а просто кралась себе, привстав на цыпочки. Дурацкое сравнение. Дурацкая машина. Дурацкий я.

Я вернулся в кухню и снова встал у окна.

Действительно, по открытому пространству двора кругами ездила машина. Свяченый джип парня в дубленке? Нет, очертания другие. Вот фары погасли, умолк двигатель — и луч галогенного фонарика полоснул наискось по гаражам. Охота на Сват-Кобелища? Луч упал на снег, по-пластунски двинулся вдоль мокрой полосы грязи — здесь, видимо, проходила подземная теплоцентраль, потому что снег всегда таял мгновенно — затем свет благополучно умер, и во мгле шелохнулась удивительная машина. Пересекла грязевую полосу... опять остановилась. Развернулась. Я отшатнулся: мне почудилось, что в зрачки вонзились две огненные иглы. Почти сразу люди в машине увели фонарик ниже — балкон, стена, вдоль стены... вход в подвалы...

Машина заурчала, точь-в-точь как Миня, когда ему дашь рафинадику, и навозным жуком уползла в подворотню.

Рокот удаляется.

Тишина.

Пожав плечами, я все-таки добрался до распечатанной колоды иконок и выудил наружу священномученика Киприана вкупе с Пантелеймоном-целителем. На всякий случай. Хуже не будет. Ишь, Ерпалыч, друг ситный — а образки-то дорогие, на меловке, и полиграфия знатная, полноцветка! Такие лишь в соборных киосках продаются. Щеголь ты, старичина... где тут у тебя, верней, уже у меня, спички? Ага, вот... Запалив свечки, я сунул их в специальные подставки перед зажимами для образков и собрался было «баю-бай». Луна плеснула в просвет горсть серебра, двор за окном вспыхнул умирающим фейерверком; и вновь серый силуэт замаячил близ теплоцентрали. Собака? Я при-

гляделся. Человек. Вроде бы человек. Силуэт наклонился, длинные руки зашарили в грязи — аккуратно, осторожно, словно опытный археолог откопал наконец заветный черепок и теперь намеревался выколупать его из плена веков, не повредив и краешка.

Если б кто знал, как мне все это надоело!

Что именно, Алик?

Все.

Иду спать.

2

...это «ж-ж-ж» неспроста! — сказал Винни-Пух.

Я потянулся, хрустя всем своим бедным скелетом. И снова услышал: жужжание. Тихое, вкрадчивое. Это «ж-ж-ж»...

Проклятье!

Дверь!

Дома у меня замок английский, хлопнешь дверью — он и закроется. А здесь еще и ручку вертеть надо — вот и забываю вечно запереть. Так и спал нараспашку. Заходите, люди-нелюди добрые...

Прокравшись к стенной нише, я сунулся внутрь, стараясь не скрипнуть лишний раз, и вскоре стал счастливым обладателем молотка. Цельнометаллического, с гвоздодером вместо обушка и длиной в локоть. Хорошая штука. Успокаивает нервы. Подумав, я прихватил еще и парочку «дротов», сунув их сзади за резинку пижамных штанов.

Теперь можно и в коридор.

Еще с полминуты я тупо стоял в коридоре, уставясь на входную дверь.

Запертую.

На два оборота.

Ж-ж-ж... это из ванной комнаты.

Я подкрался поближе. Ладони мигом вспотели, молоток скользким угрем заворочался в руках, норовя вывернуться... Свет. Свет из ванной. Там кто-то есть! Живой и жужжит. Ну, сейчас он у меня дожужжится!..

Вперед!

Всю свою злость, все раздражение беспокойной ночи, всю память о встрече с Месяцем-из-Тумана я вложил в этот пинок. Дверь распахнулась с болезненным хрустом, гулко ударившись о кафель стенки, я взмахнул молотком, поскользнулся на мокром линолеуме...

Очень болела спина. И еще — ниже спины, куда едва не воткнулся один из спасительных «дротов». Молоток, предварительно треснув меня по коленке, лежал рядом.

Касаясь гвоздодером стоптанного шлепанца на босой ноге, покрытой у щиколотки синими пятнами.

Шлепанец ловко притоптывал.

— Хрен ты старый, — собственный голос показался мне чужим. — Хрен ты... старый...

— Здравствуйте, Алик, — жизнерадостно сказал Ерпалыч, выключая электробритву. — Рад вас видеть.

Жужжание стихло.

3

Сидя напротив и по-бабьи подперев щеку ладонью, я с умилением следил, как Ерпалыч пьет чай. Вприкуску. С печеньем. Вот он макает печеньице в ароматный кипяток, внимательно разглядывает насквозь промокшее лакомство — и отправляет в рот.

Загляденье.

Я и не подозревал, что так соскучился за этим психом. Жив, курилка! Жив...

Перцовки, что ли, сходить ему купить?

— Вы даже не представляете, Алик, до чего я истосковался по нормальной человеческой пище! И вообще... по нормальному образу жизни. Ладно, об этом после. М-м, вкусно! Почему я раньше никогда не замечал, что печенье с чаем — это прелесть?! Пища богов! Вы понимаете, Алик... кстати, вы успели прочитать мое послание?

Я киваю.

— Это славно... это очень даже славно. И что скажете? Впрочем, нет, мы гурманы, мы неторопливые знатоки, мы начнем с другого: скажите, пожалуйста, Алик, что вы делаете в моей квартире?

Радость уменьшается вполовину. Я начинаю чувствовать себя Идочкой, униженной и оскорбленной Идочкой. «Только что ж я теперь... куда я теперь?! С работы выгнали, жить мне негде — а тут еще и привод влепили! Все из-за вас и из-за дружков ваших, и зачем я только с вами связалась?.. Выкинут на улицу, на мороз...» Выдать этому гурману, что ли, от души?

Или матюгальника вызвать?!

— Живу я здесь, Ерпалыч. Вашими, так сказать, молитвами.

— Живете? И давно?

— Недавно. Как ты, благодетель мой, пропал пропадом, да как архары меня мордой в пол ткнули — с тех пор и живу. Хозяев дожидаюсь. Мне вещички сразу собирать или можно обождать, пока барин чаек свой допьет?

— Какие вещички, Алик? Живите, живите, хоть навсегда вселяйтесь — я только рад буду! Просто... как бы это вам объяснить, Алик?.. Просто я не все помню. Вернее, помню, но не совсем обычно... А что это вы все в окошко коситесь? Ждете кого?

Я достаю сигарету.

Чиркаю спичкой.

— Сват-Кобелища выглядываю, — отвечаю. — С ночи ушел, гад, и по сей час нету...

— Сват-Кобелище? Это ваш друг?

— Брат родной. Собака это моя... приблудная. Еще с той, с моей квартиры. Потом сюда вот за мной прибежала. Пора б вернуться с прогулки. Говорят, в городе в последнее время собаки исчезают...

Ерпалыч смущенно отставляет чашку с чаем в сторону.

— Понимаете, Алик... тут такое дело... короче, пес ваш вряд ли вернется.

— Эт-то еще почему?! Жрать захочет, вернется, как миленький!

— Ну, тут вы правы... просто я уже вернулся.

Дальше я слушаю, не перебивая.

АКТ ТВОРЕНИЯ, ИЛИ ЕРПАЛЫЧ ИЗЛАГАЕТ ВСЛУХ

— Понимаете, Алик, раз вы здесь, и явно не первый день, — значит, кое-что вы уже поняли. Не все, конечно, и не так, как мне хотелось вначале... впрочем, шоковый метод не самый худший. Многие азиаты это прекрасно знали, да и одни ли азиаты? Вы ведь, Алик, — не обижайтесь, ради всего святого! — вы ведь мальчик из благополучной семьи. Был раньше такой ярлык у педагогов... Возможно, оно и к лучшему, что сперва мордой по дерьму. Если абстрагироваться от того прискорбного факта, что морда своя, не казенная, а дерьмо шибко вонючее.

Хотя я отвлекся.

Завидую я вам, Алик. Вы — существо редкое, вы способны представлять невообразимое и воображать невозможное. А в наших с вами условиях, когда небыль становится былью просто так, без грома и молнии, в обеденный перерыв... Я еще когда в НИИПриМе штаны просиживал, одну любопытную теорийку у моего старичка-эрудита — вы его, Алик, знаете как Деда Банзая — выпытал. Он полагал, что в любой мифологической реальности есть практически любые вакансии, кроме одной. Кроме писателя-фантаста, способного снять печать с окружающей реальности, воображением выйти за рамки представимого; а вы, Алик, только представьте себе рамки представимого для аборигена такой реальности — уж простите за тавтологию! Или лучше поясню на примере: Орфей, Боян-Златые-Струны или менестрель при дворе короля Артура сочиняет о несуществующем! Не о богах-героях, не про эльфов-гномов! — это ведь для Орфеев с менестрелями бытовка, чуть ли не повседневность! Скажем, сагу о мире, где между панельными многоэтажками ездят по рельсам трамваи — и даже слово такое забавное сам придумывает: «трамваи»... не «виманы» индийские, не печку-самоходку по щучьему велению, а (вслушайтесь!) — тра-а-амваи-и-и!

Смеетесь?

Вот и я поначалу над старичком смеялся.

А он мне в ответ серьезно объяснял, что вместо этой вакансии в реальности мифологической существует иная. Назовем ее условно вакансией мага, или Легата Печати, если вам больше нравится. Ибо маг высокой квалификации способен ярко вообразить себе невозможное (скажем, дождь из глиняных черепков с ясного неба!), затем вербализовать или иным способом оформить код своей фантазии (заклинание, обряд, пассы...) и волевым усилием сорвать печать стереотипа, смешать реальность внутреннюю с внешней, отстранив плод фантазии от себя к нам. Иными словами, вообразить и немедленно воплотить. Получите и распишитесь: на голову валятся черепки... или дождь огненный вкупе со стальной саранчой.

Впрочем, что-то я стал умничать.

Вы, когда у меня перцовку пили, ничего не заметили? Присматривался я к вам. Поближе. Записки для вас у меня давно готовы были, я все выжидал, не решался... а тут, оказывается, уже не просто «Бык...», тут «Легаты»! Вот и решил: пора. Для того и Аполлодора подсунул, чтоб письмишко в него вложить. Спросите: почему устно не изложил? Хороший вопрос. А те-

перь сами и ответьте на него: поверил бы Залесский Олег Авраамович болтовне старого психа Ерпалыча?

Ответили?

А письмишко вас зацепило бы, заставило бы ретивое взыграть — что написано пером... да и вы к тексту с большим уважением относитесь, нежели к пустому сотрясению воздуха. Глядишь, забежали бы через денек-другой, проведали соседа, слово за слово... Жаль, не выпало нам с вами денька-другого. Едва вы ушли, как ко мне гость нагрянул. Вы его не знаете, он тут в Дальней Срани живет, в Роганском микрорайоне. Электрик, Саввой кличут. Знал же, подлец, что я на квартиру являться строго-настрого запретил, — а все равно примчался.

И с порога на колени.

— Прости, — кричит, — прости, дядько Йор, дурака!

— Что с тобой, Савва? — спрашиваю. — Садись, давай по порядку...

Он мне по порядку и выложил.

Заказ у Саввы на днях подвернулся. Выгодный. Дружок сосватал одному богатенькому Буратине проводку тянуть. В частном доме, близ Жихаря. А под конец работы Буратино ругаться стал: как включишь фен параллельно с пылесосом, так пробки-автоматы и летят. Нагрузка малая, а им плевать — летят, и все.

Жаль: дружок-благодетель уже с Саввой бутылочку распили.

— Не боись, хозяин, — смеется Савва. — Нальешь посошок, я тебе и без молебна с водосвятием Лектрючку живо за хвост поймаю! На год вперед.

И поймал.

По-нашему, по-дальнесрански.

Посошок им, ясное дело, выставили. Даже цельный посох. А через неделю вызвал Буратино Савву, новый заказ дал. В гараже освещение делать. После сел, не чинясь, тяпнул с электриком по стаканчику на обмыв... Савва и вырубился. Очнулся: Буратино весь в кровище, вокруг жорики галдят, и судэксперт «розочку» стеклянную в руках вертит.

Забрали Савву.

Сутки в камере мурыжили, ан нет! — отпустили с подпиской о невыезде. Дескать, Буратино живой оказался, хотя сильно порезанный, а за Саввой криминалу отродясь не водилось, кроме бытового алкоголизма; короче, гуляй, дружок, до суда! Савва — в храм-лечебницу, к Буратине, в ноги пал, молит не губить живую душу, а Буратино и сам не против. Оба виноваты, стукнул хмель в голову... ты только, Савва-электрик, сведи меня с тем человечком, что учил тебя «Лектрючек» гонять и штучки хитрые дал. Ну, которые ты мне на пробки цеплял. А я и заявление заберу, и вообще... Договорились?

Договорились.

Выслушал я Савву, сказал, что подумаю, и домой отпустил. Я ведь не Савва, я понимаю: нашли меня. Ищущий да обрящет... А если пока не нашли, то вот-вот найдут. Мне еще когда в декабре одна наглая мадамка через третьи руки хитрый заказ подкинула, так я себя после долго клял, что согласился. Деньги сильно нужны были, вот и рискнул. А заплатили не по работе, круто заплатили, с душой, с душком. Позже узнал: еще четверым моим «крестникам» похожий заказ был. Проверяли, видать: кто непривычным макаром работает да какие концы за кем тянутся? Себя обругал в три этажа: зря я вас, Алик, в такой неподходящий момент вербовать вздумал! Вот, думаю, я-то уйду, лягу на дно, а они к парню прицепятся: водку с хреном старым пил? подарки от него получал? колись!

Решил я вас предупредить. Предупрежден — значит, вооружен. Да и какой с вас спрос? Глядишь, пронесет... а водку с психами пить законами не запрещено.

Где вас искать — понятия не имею. Позвонил вам домой: пусто. Звякнул тогда сюда, в Дальнюю... отыскал Папочку. Она-то мне и сообщила, что у вас сегодня с Фолом встреча в «Житне». Да, забыл добавить: я, когда по серьезному делу звоню, всегда «Куретов» ставлю, от прослушивания. И едва я собрался вам в бар звонить, как телефон отключился.

Видать, прослушивали со смыслом и ничего не услыхали, кроме топота с гиканьем. Вот и решили, от греха подальше... за Саввой-то наверняка слежка была.

Поймите, Алик, детектив из меня плохой, а объект преследования и того хуже. Трус я. Вот тогда-то и решил из шкуры выпрыгнуть. Я ведь предметник, вам не чета, иначе не умею... Как бы это проще объяснить? Понимаете, я большую часть жизни прожил до Большой Игрушечной, я и верить-то себя силой заставляю — а вы не верите, вы знаете! Я — аквалангист, а вы — рыба в воде! Зато я понимаю, что в мифологической реальности любое лыко в строку... или почти любое. Особенно ежели с умом подойти. Оберег от буйства квартирника? Пожалуйста! Деды наши брали старый валенок, валенка нет, возьмем рваный шлепанец; филиппинцы кокосовым молоком мазали, берем сметану с толченым орехом; якуты пихтовую хвою добавляли, мы с сосны рвем пригоршню — клеим, мажем, ста-

вим... Жаль только, для меня этот оберег — пустое место, я в него и под пыткой поверить не сумею. А какой-нибудь Савва или Валько-матюгальник (ах, вы знакомы?.. славно, славно...) верят запросто. Еще бы: дядько Йор самолично «робыв», да в придачу разъяснял, как пользоваться!

Для меня это поделка, для них — амулет.

Вы — маг, я — деревенский колдун.

Что ж вы не хихикаете-то, Алик?.. Ах, вам не смешно!

Мне, в общем, тоже.

Ладно, вернемся к телефону. Делать игрушку, чтоб заставить связь работать? Сделать я могу, только сам ей шиш воспользуюсь, по уже известным вам причинам. Идти к вам в «Житень»? Сказано, трус я. Поджилки трясутся. И за квартирой небось следят, после визита Саввы. Остается единственный метод: ваш. На голом воображении и убеждении, что **так бывает**. Пусть не здесь, пусть где-то, пусть не сейчас, а вчера или завтра — но в принципе **бывает**.

Дозвонился я в «Житень», Алик. Чего уж там... Когда жареный петух клюнет, когда страх розгой подгоняет — дозвонился. Одного не учел: старый я. Сердчишко подкачало. Еле успел вас к себе позвать — и вырубился.

Говорят, там труба дымная и свет в конце... не знаю, не видел.

Темно там, Алик, темно, сыро и грибами пахнет.

Очнулся уже в «Скорой». Они меня всяким-разным накачали, я и очнулся. В окошке указатель подсвеченный: «Лозовеньки». А из водительской кабины разговор слышен... я лежу пластом, а впору бежать.

Страшно.

Очень я им нужен оказался, Алик... вы только, пожалуйста, не спрашивайте — кому «им»?

Я и сам-то мало что понимаю.

Там у носилок моих бюкс стоял, с инструментарием. Полуоткрытый. Я ножницы хирургические и прихватил тихонько. Нет, драться я с ними не собирался, какой из меня драчун! Шевелиться могу, и то слава Богу! Они когда остановились, дверь заднюю открыли — облака разошлись, луна полная, светит вовсю, кругом снег... Я ножницы в порожек пластиковый ткнул и через них кувыркнулся с носилок, как мог.

Наудачу.

А дальше опять плохо помню.

Блохи одолевали — это помню.

И все.

— ...Вот, Алик, — хотел в волкодавы податься, а вышел... как вы меня назвали? Сват-Кобелище?!

Ерпалыч вздохнул со всхлипом, и печенье расползлось в его пальцах липкой кашицей.

Я подошел к окну.

Глянул во двор.

Через какую же хрень он там ночью *наоборот* кувыркался? Как вспомнил, сообразил? Как от инсульта вылечился?

А я ему ветчины жалел, жлобяра...

Опять вспомнилась Идочка: «Зато как я мыться соберусь, так проскользнет, подлец, в ванную и не уходит! Я уж его и тряпкой, и словами — ни в какую...» Ишь, кобель старый — а говорит, будто помнит плохо! Развел теории...

Задев коленом плиту, я обжегся. Оказывается, все это время, пока я внимал откровениям дядька Йора, у нас работала духовка — на малом ходу. Откинув заслонку, я зачем-то глянул внутрь. На противне лежал сухой и кривой кирпич с рубчатой поверхностью. По центру «елочки» был вбит здоровенный гвоздь, наверное, сотка.

— Совсем забыл! Спасибо, Алик, напомнили...

Духовка мигом оказалась выключена, кирпич аккуратненько извлечен наружу при помощи мокрой тряпочки и такой-то матери; после чего Ерпалыч расположил сей артефакт на подоконнике. Располагал он его долго, со старанием, пока не удовлетворился исходным вариантом — ни дать ни взять, японец в Сад камней новую редкость приволок.

— Мой перл, Алик! Почти личная разработка. Вы знаете, если вынутый след от машины вскорости да в сохранности вырезать и положить в печку носком от себя к тому месту, откуда гости приехали, — то поверьте моему опыту, их следующий визит становится более чем сомнителен! А если еще и гвоздь поперек забить... или и того лучше — снести в сухом виде на автосвалку и закопать!

Ерпалыч метнулся в комнату и вернулся с книгой в руках.

— Вот, Алик, слушайте! «Одно только помни: пока ты такое дело делаешь, все время изо всех сил, всем нутром своим хоти, чтобы сбылось. В этом вся загвоздка...» А мне машинка эта ночная сразу не понравилась. Ездит и ездит, вдобавок подсвечивает. Я ведь еще до ее явления *обратился*, за гаражами стоял, пока не умотала... ведь говорил вам, Алик, — предметник я, мне так проще...

И вот как раз на этих словах Ерпалыча зазвонил телефон. Громко, требовательно, именно так, как представлялось мне несколько дней назад, когда я набирал свой собственный номер.

Уже спеша из кухни в комнату, к отчаянно дребезжащему аппарату, я соображаю, что это — междугородка. Наверное, не меня, а старого Сват-Кобелища; но я все равно беру трубку.

— Алло!

— Здравствуйте. Залесски Олег... Абрахамович? Если нет, пригласите к телефону, пожалуйста.

Девушка. Молодая. Голос мне совершенно незнаком. И говорит незнакомка по-русски с заметным акцентом, подчеркнуто правильно выговаривая слова.

Ответить я не успеваю, потому что комната неожиданно взрывается лязгом, барабанным грохотом и молодецкими выкриками. Ну конечно, «Куреты»! Конспиратор хренов! Говорить придется, перекрикивая этот грохот... ладно.

— Вы меня слышать? Залесски Олег...

— Я — Залесский Олег Авраамович. Слушаю! — Поспешно рисую на телефоне знак соединения: авось услышат.

— С вами говорят из Соединенные Штаты Америка, Стрим-Айленд.

— Да, да, я слушаю...

Штаты? Но почему не отец, не Пашка, а какая-то девица из второго или третьего поколения эмигрантов?

Сердце сбивается на пьяную кадриль.

— Я должна с прискорбием сообщить вам: ваш отец Абрахам Залесски и ваш брат Пол Залесски трагически погибнуть. Недавно.

Комната идет ходуном, я хватаюсь рукой за стол, чтобы не упасть.

Не может быть, это какая-то ошибка!

— Что? Повторите...

— Ваши родственники трагически погибнуть. Приносим свои искренние соболезнования, — голос девушки звучит безжизненно, механически, словно она через силу читает по бумажке заранее заготовленный текст.

И вдруг ее прорывает, сбрасывая почти весь акцент, как сбрасывают одежду перед первой ночью любви.

— Олег Абрахамович! Я не знаю, что еще сказать! Но верьте: я понимаю ваше потрясение! Когда Пол... когда он погиб, я са-

ма была... как это по-русски... в шоке! А потом и ваш отец... Поверьте, мне очень трудно об этом говорить!..

Верю. Верю наповал и наотмашь. Уже не слыша весело громыхающих «Куретов», ногой пододвигаю стул и падаю на него.

Иначе упаду на пол.

Папа, ты в детстве подсовывал мне Шолом-Алейхема, «Мальчика Мотла»... помнишь? «Мне хорошо, я — сирота...»

Нам хорошо... и издалека, из такого далека, что заокеанские Штаты кажутся близкими соседями, слышится невозможным приветом, запоздалым согласием, которое уже не имеет никакого смысла и значения:

...медленным вальсом кружит голова,
Звуки мелодии грустно тихи,
Хочется просто молчать, но слова
Сами собою ложатся в стихи.

Мне и тебе рановато на слом,
Пусть и хотим иногда полежать...
Ты меня вспомнил, мой старенький дом?
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...

— Как вас зовут, девушка? — Кажется, мой голос звучит сейчас так же безжизненно, как минуту назад — ее. Но это не имеет никакого значения. Сейчас уже ничто не имеет значения. Просто надо говорить, говорить и слушать, окружая себя коконом словесной шелухи, чтобы не дать молчанию проникнуть внутрь, в душу — и поселиться там. Мне плохо. Мне очень плохо, но я переживу это. Надо говорить, говорить и слушать, и снова говорить — почему-то сейчас это кажется мне единственным выходом.

— Эми. Эмма. Простите, что сразу... не представилась.

— Ничего, Эми. Плевать. Вы можете рассказать мне, как... как это произошло?

— Хорошо, Олег Абрахамович, я попробую...

Голос Эми-Эммы на миг прерывается, и я вдруг понимаю: за этой скованностью, за порывистой, запинающейся речью стоит большее, чем просто печальная необходимость сообщить одному человеку о смерти других людей.

— Первым погиб ваш брат. Он вышел на лодке в море... лодка стала тонуть... и Пола съела акула. Капралу береговой охраны показалось, что Пол перед этим был весь... *bleeded*... весь в крови. Потом он упал в воду. Так рассказал капрал. Он спешил

на помощь... но не успел. — Сейчас девушка расплачется, и мне придется ее утешать.

Мне — ее.

Впору поблагодарить судьбу за эту поддержку на краю рассудка.

— Эми, успокойтесь, пожалуйста! Успокойтесь, прошу вас!

— Это очень странная история, Олег Абрахамович, — всхлипывает трубка. — Долго рассказывать. Человек, который был под подозрением... который, возможно, стрелял в Пола, — он мертв. Его убил ваш отец.

— Папа?! Убил человека?!

— Да. А потом убили его самого. Он был *mad*... как это? Сумасше... нет... не в себе, вот! Социально опасен.

Говоря о моем отце, Эми наконец перестает всхлипывать, и я понимаю, что это значит.

Неожиданно в трубку врывается басовитый рык:

— *Ask him, does he going to come to U.S.A.?*

— Это капрал Джейкобс, — спешно поясняет Эми. — Он взял вторую трубку. Капрал спрашивает, не собираетесь ли вы приехать в Соединенные Штаты? Тут на похороны субсидия оформлена, тысяча долларов, и дом остался — а вы... как это... единственный наследник. Вы собираетесь приехать?

— Нет, Эми. Во всяком случае, в ближайшее время. Не получается у меня. Дом закройте, пусть себе стоит — может, когда-нибудь приеду. А деньги... Пашку, как я понял, хоронить не пришлось... — К горлу подступает тугой комок, и я с усилием загоняю его внутрь, обратно в ноющую грудь. — А отца уже похоронили?

— Да.

— Ну, пусть тогда на эти деньги плиту приличную на могилу поставят. Оградку там... И рядом еще одну плиту — для Павла.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Есть такие лица, есть такие люди, что всегда кажется: он здесь и в то же время далеко, по другую сторону зеркального стекла. Сыплет ноябрьский дождь, а он занавесит глаза бровями, и там, под лохматыми занавесями, отражается пронзительная голубизна чужих небес; на улице духота и мертвый штиль — а его выгоревшую за лето шевелюру треплет нездешний ветер. Зато загар к нему липнет безо всяких кремов — любо-дорого поглядеть!

Иной, бывало, весь облезет, пузырями-волдырями — а он темным золотом сияет, и припухлые, еще детские губы слегка тронуты взрослой улыбкой.

В школе его вечно за эту улыбку били.

И еще: привычка грызть ногти.

Вот он какой, мой брат Пашка...

— Да, Олег Абрахамович, я передам. Только... не надо плиты для Пола, хорошо?

В голосе Эми звучит странная, щемящая мольба.

— Почему, Эми?

— Я... я не могу объяснить...

— Что?! — невозможная, отчаянная надежда, которая, оказывается, все это время пряталась и за словами Эми, и на дне моей собственной души, разом вырывается наружу. — Ведь ты же сама сказала: акула!..

Ну, спорь, спорь со мной, девочка, убеди меня, что еще есть надежда, — я поверю, я с радостью поверю, я дам себя убедить... только не молчи!

— Да, акула. Но... я ведь говорила: это очень странная история! Мне кажется, я встречалась с Полом... уже *после*... мне...

Щелчок.

Последние слова девушки эхом отдаются в моей голове, в то время как трубка исходит короткими гудками.

Обрыв связи.

Или Эми, не выдержав, нажала на рычаг.

Или это сделал капрал.

Или...

— Что с вами, Алик? Вам плохо?

— Мне очень плохо, Ерпалыч, — отвечаю я и медленно сползаю со стула на пол.

5

— ...Нет, Ерпалыч, не надо валидола. Отпустило уже... Водка? Нет, водки тоже не надо. Нет их больше, Ерпалыч, понимаешь? Ни папы, ни Пашки. Погибли, в своих Штатах.

Ерпалыч молчит, не пытаясь меня утешать, — и я благодарен старику за это. От любых слов сейчас будет только хуже. Я должен сам. Сам...

...Павел свет Авраамович, братец мой непутевый, стоит около сияющей свежей краской будки телефона-автомата — вместо того чтобы процветать на островке близ побережья Южной Каролины в окружении акул капитализма — и оглядывается по сторонам. Оглядывается плохо, хищно, поворачиваясь всем телом, движения Пашки обманчиво-медлительные, как у большой рыбины, и еще у него что-то с руками, только я не могу разглядеть, что именно: предплечья уродливо толстые, лоснящиеся и как-то нелепо срезанные на конце, похожие на культи, обрубки эти все время шевелятся, подрагивают меленько, поблескивают жемчужной россыпью...

— Слушай, Ерпалыч, ты на Выворотке бывал?

— Бывал, Алик.

— Они... там... они — мертвые?

— Да, Алик, — сейчас старик очень серьезен.

— Все? Ведь мы с Фолом туда живьем вломились! Да и ты...

— Да, Алик, живой человек может попасть на Выворотку. Но только верхом на кентавре и ненадолго. На день. Или на ночь. Иначе... иначе он рискует остаться *там* навсегда.

— Слушай, Ерпалыч... Ты, наверное, сейчас скажешь, что я свихнулся — может, я и вправду свихнулся! — но неделю назад я там видел Пашку. Своего брата.

— Это возможно, Алик. Я и сам не вполне понимаю, что такое Выворотка, но у меня есть предположение. Скорее всего Выворотка едина. И если ваш брат, Алик... если он погиб там, за океаном, — он вполне мог оказаться здесь. Если в последние мгновения он думал о доме или о вас — его могло... как бы это сказать... притянуть сюда.

— Мертвого?! Или живого?!

— Мне не хочется лишать вас надежды, Алик, но — скорее всего мертвого.

— Я понял, — перебиваю я его. — Но я сам хочу выяснить, что там произошло! Я должен поговорить с Пашкой, с живым или мертвым!

— Я понимаю, о чем вы сейчас думаете, Алик. Сесть верхом на Фола, прорваться на Выворотку, найти своего брата и выяснить у него... Так?

— Так.

— Мне снова придется разочаровать вас, — тяжело вздыхает Ерпалыч. — Те, кто застрял там, на Выворотке, беспамятны! У них осталось лишь последнее желание, последнее стремление, последняя мысль, с которой они умерли, — да и этого они толком не осознают. Вам не удастся поговорить с братом.

Теперь молчу я. Долго.

Пока не принимаю реальность такой, какая она есть, как принимал собственные книги, живя в них проще и ярче, чем вне.

У каждого своя Выворотка.

Нам здесь жить.

— Удастся, дядько Йор. Удастся.

— Как, Алик? — В голосе старика звучит тревога.

А я сплю наяву. Рыжеволосый бородач, сидя на корточках, роет яму; темнота, сырость, запах плесени и грибов, кувшин, чаши...

— *Слушай теперь и о том, что скажу, не забудь...* — смеюсь я. — Да уж: не забудь... не забуду.

— Откуда вы это знаете, Алик? — очень тихо спрашивает Ерпалыч.

— Знаю. Книжки умные читал.

— И вы *верите*, что у вас получится? Алик, вы представляете себе, что вы задумали? За это людей в свое время жгли на кострах — и я отчасти понимаю тогдашних инквизиторов. Это опасно, Алик. Вы даже не представляете себе, насколько это опасно! С некромантией не шутят.

— До шуток ли мне, Иероним Павлович? — Я смотрю ему прямо в глаза, и старик не выдерживает.

Отводит взгляд.

6

Это был совсем другой проход — мы с Фолом неделю назад вламывались на Выворотку не здесь. И на этот раз нас пятеро. Три кентавра — Фол, Папа и гнедой Пирр; два всадника-человека: мы с Ерпалычем... въехав в какую-то подворотню, мы выезжаем из нее же, только с *другой* стороны.

Вот она, Выворотка.

Теплый туман огромного аквариума. Медленно дрейфуют по дну снулые рыбы. Ватная тишина закладывает уши, кентавры останавливаются, так что не слышно даже шороха их роговых колес по асфальту. Я моментально весь покрываюсь потом, и виновна тут отнюдь не духота Выворотки. Вернее, не она одна.

Я живой, а не потеют лишь мертвые, что было неоднократно замечено более проницательными, чем я, людьми.

Живыми.

— Куда теперь? — отстав, вопрошает из-за плеча Пирр.

Зычный голос гнедого звучит слабо, едва ли не беспомощно — но спасибо хоть за какой-то звук, нарушивший вечное безмолвие.

Оборачиваюсь.

Окидываю взглядом гнедого кентавра. Пирру приходится тяжелее всех. К его спине приторочены: связанная, испуганно повизгивающая дворняга, овца (как символ покорности судьбе), а также две сумки с бутылями и пакетами...

...Ерпалыч честно пытался отговорить меня от этой затеи, пока не понял — бесполезно. Я не боялся. Я действительно не боялся. Просто знал: я *должен* поговорить со своим братом. Пожалуй, остановить меня смогла бы разве что необходимость человеческого жертвоприношения. Но этого, к счастью, не требовалось — а ко всему остальному я был готов.

Нам здесь жить.

Фол заявился как раз в тот момент, когда Ерпалыч наконец сдался. Выслушал обоих, кусая губы и хмурясь... Он ведь и отца моего знал, и Пашку — еще ребенком, даже на себе пару раз катал.

— Сделаем, — коротко бросил он под занавес. — Ты один поедешь, Алька? А то мне со старшинами заранее переговорить надо, без их согласия такую затею не провернуть... себе дороже станет.

— Нет уж, мы поедем вместе, — со всей решимостью заявил Ерпалыч. — И еще у нас будет груз. Фолушка, расстарайтесь, прошу вас...

— Значит, три кента понадобятся, — на удивление спокойно заключил Фол. — Хорошо. Я скоро вернусь, а вы тут пока список составьте, чего с собой прихватить.

Меня наконец отпустило. Чуть-чуть. Я начал действовать и теперь старался не оставлять в голове посторонних мыслей. Мы с Молитвиным Иеронимом Павловичем готовили обряд. Обряд возвращения памяти душе моего брата. Отвлекаться на скорбь и истерику было теперь некогда. Я спешил, сам не зная почему, и мое возбуждение постепенно передалось старику.

Список был составлен за полчаса. Потом Ерпалыч долго

рылся в своих книжных залежах, делал пометки в блокноте — и наконец предложил заменить черного барана на черную собаку.

Я согласился.

Я теперь был покладистый...

Фол вернулся через полтора часа.

— Порядок. Папа и Пирр едут с нами. Ну что, где список?

При виде списка глаза моего приятеля полезли на лоб.

— Да, задал ты нам задачку! — почесал он в затылке. — Ну ладно, ждите!

И вновь умчался, забрав с собой список, а также полученные мною от матюгальника двадцать пять гривен.

Три глубокие пиалы, ячменная мука (блинная, второй сорт, как значилось на упаковке), крепкая медовуха, бутылка вина «Бычья кровь», саперная лопатка и всякая другая мелочь — это нашлось быстро. Черную овцу Фол купил-выменял-выпросил в долг у знакомых фермеров, успев смотаться за город — благо Дальняя Срань располагалась на самой окраине и ездить пришлось не так уж далеко.

А вот с собакой вышла загвоздка.

— Блин, ни одного пса в городе не осталось! — развел руками Фол, вкатываясь в квартиру со своими трофеями.

Ерпалыч при этих словах заметно помрачнел.

А я подумал было вернуться к бараньему варианту.

— Но Пирр последыша изловил все-таки! — победно завершил Фол, не обратив внимания на старика. — С проплешинами, но, думаю, сойдет.

— Сойдет! — поспешили заверить его мы.

— Тогда поехали!

И махнул рукой.

— ...Куда теперь? Где искать-то будем? — повторяет свой вопрос гнедой Пирр.

— Едем в центр, — слова вырываются у меня непроизвольно.

Я уверен, что Пашку надо искать именно там.

Можно, конечно, разделиться, и это понимают все, но никто не решается высказать эту мысль вслух. Славное место Выворотка, здесь только порознь и искать.

Мимо плавно скользят полуразмытые очертания домов. Да, смутно припоминаю, что так выглядела Дальняя Срань перед Большой Игрушечной. И тогда она была еще не Сранью, а просто Салтовкой. А потом вспухли уродливые грибы взрывов, ко-

гда сработали начиненные недетской дрянью детские бомбочки, и облако химической отравы из разрушенных резервуаров накрыло район, убивая тысячи, десятки тысяч...

Простите меня, жертвы.

Сейчас меня интересует только мой брат.

Людей (можно ли их назвать людьми?!) немного. Вот пара влюбленных застыла, обнявшись, под замершим в недвижном киселе-воздухе тополем. Прямо из стены неожиданно выскакивает девочка лет шести, в шортиках и чистенькой голубой рубашечке с короткими рукавами. Впереди девочки беззвучно прыгает большой разноцветный мяч, и малышка силится догнать его. Я не успеваю испугаться — в следующее мгновение мы проезжаем *сквозь* девчушку! Огромное разноцветное пятно на миг возникает у меня перед глазами. «Мячик, стой! Мячик, стой!» — догнать, догнать, надо его догнать, новый мячик. Если с ним что-нибудь случится, мама обязательно будет ругаться! Надо догнать...

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад...

Странно, я никак не могу разглядеть ее лицо. Только губы — они беззвучно шевелятся, девочка что-то хочет сказать, о чем-то спросить. Я вновь гляжу на мяч — он уже в воде, ленивая теплая волна слегка подбрасывает его вверх, солнце сверкает на мокрой резине. Какого он цвета? Синего, конечно, я хорошо это помню. Синий мяч с белыми полюсами, весьма похожий на глобус. Почему же...

И вдруг я понимаю — мяч изменил цвет. Сгинула синева, исчезли белые полюса, превратясь в два уродливых красных пятна. Краснота ползет, смыкается у экватора. Теперь мяч красный — как венозная кровь. Кровь, заливщая рубашку, новую рубашку, только что из прачечной, с наскоро пришитой пуговицей у левого запястья...

Мысль-видение проходит насквозь и остается за спиной. Я невольно оборачиваюсь. Девочка делает шаг и исчезает. Растворяется в воздухе, вместе со своим замечательным мячом. Чтобы сразу возникнуть вновь, на том месте, где появилась перед

этим, — и опять она бежит через улицу, стремясь догнать свой мяч.

Навсегда.

Дома вокруг постепенно становятся знакомыми. Мы въезжаем в центр. Он не сильно изменился со времени Большой Игрушечной...

Фол притормаживает.

Жалобно скулит собака в тороках.

— Теперь куда?

— Теперь...

Время катится назад разноцветным мячом. Невозможный Пашка исчезает за будкой, и спустя мгновение по улице проносится свора белоснежных псов с человеческими мордами, в холке достигающих груди взрослого детины. Первач-псы. Принюхиваясь и взволнованно обмениваясь рваными репликами, они тоже скрываются за будкой; и больше я ничего не вижу. След... Они никогда не бросают след!

Фол резко сдает назад; я хватаюсь за его плечи, чтобы не упасть. Из переулка напротив нас с заунывным стоном-воем вырывается дикая Егорьева стая. Одинаковые лица Первач-псов глядят вперед, только вперед — потому что они знают, чуют, они уже взяли след!

Или никогда не теряли его.

Им нужны не мы, но меня окатывает леденящей волной запредельного ужаса, и я инстинктивно сжимаюсь в комок, прячась за человеческой спиной Фола.

Псы уносятся прочь — и тогда я с трудом нахожу в себе силы разлепить, разорвать моментально спекшиеся, вплавившиеся друг в друга губы.

— За ними, — сипло выдавливаю я.

И ощущаю, что Фола, как и меня, бьет мелкая дрожь.

Кентавр трогается с места.

Мы едем домой.

Домой...

Вослед автоматной очередью бьют короткие, чужие, страшные строки, наполняя сердце талым снегом:

Пастырь Егорий
Спит под землею.
Горькое горе,
Время ночное.

Встал он из ямы,
Бурый, косматый,
Двинул плечами
Старые латы.

Прянул на зверя...
Дикая стая,
Пастырю веря,
Мчит, завывая...

Улицы, дома, Выворотка... быстрее!
Быстрее!

Горькое горе
В поле томится.
Ищет Егорий,
Чем поживиться...

7

У моего подъезда шел бой — беззвучный и бескровный.

По другой стороне улицы немо процокала каблучками молоденькая девица, едва удерживая поводок с огромным доберманом; компания подростков на роликах мотнулась совсем рядом, лишь на мгновение притормозив; медленно спешила куда-то старушка в клетчатом салопе, помахивая авоськой, и шествовал за старушкой старичок без авоськи, в пиджаке с орденскими планками — у них у всех был последний день, последний навсегда, у каждого свой и один на всех, миг безразличия и слепоты бытия, растянутый смертью в бесконечность, у них был день, июнь и тополиный пух...

Только у моего подъезда был снег и бой.

Снежный ком катается по земле, словно пытаясь выгладить асфальт до зеркального блеска; переворачивается скамейка, бархатные затычки щекотно шевелятся в моих ушах — фантомные звуки, вой-обманка, крики-ложь, враки-рычание... ком распадается, и свора Первач-псов выворачивается полукругом, прижимая Пашку, моего Пашку, спиной к двери подъезда. Страшные Пашкины руки выставлены вперед, беспалые культи взблескивают в свете солнца рыбьей чешуей, косо срезанные на конце ножом мясника-хирурга. Он никогда не умел драться, я помню это, помню с отчетливостью кошмара — я тоже не умел, но я пробовал, пробовал всегда, отчаянно, собственным упрямством заставляя считаться с собой, а он даже и не пробовал...

Папа ходил в школу разбираться с Пашкиными обидчиками, тщетно взывая к их пониманию; первый раз папа, и второй раз папа, а в третий и четвертый — я с Риткой, после чего больше ходить не пришлось.

Ближний из псов взвивается в воздух, что-то крича человеческим ртом. Первач рушится Пашке на грудь, ища горло, но брат мой выскальзывает игрушкой из мокрой резины, обтекает косматую смерть и наотмашь хлещет пса левой культей. Чешуйчатый блеск на миг приникает к шерсти и плоти Первача, широко распахивая ее мокрым ноздреватым провалом; так деревянный меч ребенка распахивает нутро февральского сугроба. Крови нет, есть лишь сырая глубина, она истекает синим паром, и пес истошно воет тишиной, гулкой беззвучностью, кубарем откатываясь в сторону.

Они бросаются все вместе. Вся свора. Снова ком, снова круговерть снега и безумия, где уродливые руки без устали кромсают, рвут на части уродливые тела, уже совсем не похожие на собачьи, а лица людей, только людей и ничего, кроме людей — лица эти распялены звериным рычанием, распяты на нем яростной Голгофой... кажется, я схожу с ума.

— Пашка!

Горячая рука Фола силой удерживает меня на месте.

...он не пускает меня, проклятый кент, не пускает туда, где бьется насмерть мое нежданное сиротство, с каждой минутой все больше грозя превратиться в неизбежность!.. Взгляд твердеет, обретая реальную плотность, взгляд властно упирается в грудь, украшенную зигзагом молнии по футболке, и молния под этим взглядом искрит, наливаясь жгучей силой, заставляя, подчиняя...

Фол вскрикивает и отшатывается, разжимая пальцы.

Свободен.

Бегу.

Бегу к подъезду, к Пашке и псам. Ноги ватные, я зависаю в воздухе, еле-еле проталкивая себя сквозь день, июнь и тополи-

ный пух; так бывает во сне, так бывает в смерти, я уверен в этом, теперь уверен, и все равно бегу.

Хлопает дверь подъезда.

Первач-псы в остервенении бьются о нее телами, заставляя содрогаться дом и тишину, после чего бураном срываются с места.

Исчезают за углом.

Лужицы слизи медленно тают на асфальте.

Я подхожу к двери и тяну ее на себя. Без усилия. Так надо: без усилия, бездумно и бессмысленно, так и только так.

...скрип петель, изнутри несет сыростью и кошачьей мочой, а под лестницей до сих пор валяется поломанный велосипед, трехколесный, никому не нужный уродец, рядом с глянцевой оберткой мороженого...

Я в подъезде.

Иду мимо велосипеда по лестнице. К себе.

За спиной стараются не шуметь кентавры и Ерпалыч; зря стараются — не шуметь в тишине Последнего Дня... Последних Дней, вплавленных друг в друга намертво, намертво...

Иду.

Ключи нашариваются в кармане сами. Так и должно быть.

Мы внутри.

В квартире.

В моей квартире, в нашей квартире, по которой безмолвным призраком бродит Пашка. Вот он прошел мимо нас на кухню, зачем-то открыл холодильник; потом, мгновенно забыв о холодильнике, бросился в ванную, открыл краны... плещет вода. На обратном пути Пашка мимолетно останавливается прямо передо мной, тычется в лицо пустым взглядом — и проходит насквозь. Меня охватывает дикая тоска, горько-соленые брызги тают на губах (кровь? слезы? морская вода?..), уши закладывает, приходится сглатывать, что совсем не помогает, а вон Ерпалыч плывет по коридору снулой барракудой, вслед ему течет Папочка, подымая колесами горы ила...

Все.

Прошло.

Насквозь и дальше.

Пашка в комнате. Ходит кругами, и его чудовищные руки плывут перед грудью, блестящие обрубки, хищные культи, способные рвать и распахивать; а лицо брата моего безмятежно, словно летний простор океана, которого мне никогда не доводилось видеть... «Разве я сторож брату моему?» — интересуется кто-то глубоко внутри меня и немного погодя отвечает: «Да, сторож».

Комната двоится, троится, накладывается сама на себя: были рябенькие обои, а теперь ромбы, оранжевые и коричневые, компьютер на столе возникает, чтобы сразу пропасть, сменившись кассетным магнитофоном (папа подарил, на день рождения...), — я навожу комнату на резкость, что дается с трудом, опускаюсь на колени и начинаю пальцами отдирать паркет.

Больно.

Фол сзади подает большую стамеску.

Когда пространство в один квадратный локоть расчищено, вонь сырой земли шибает мне в нос. Копаю. Сперва стамеской, а после выгребаю грунт ладонями. Земля забивается под ногти, от нее тянет гнилью, вокруг темно, сыро и пахнет грибами. Я откидываю назад гриву рыжих волос, чтоб не падали на глаза, и продолжаю копать стамеской... нет, мечом, коротким и широким мечом из бронзы, время от времени подравнивая края ямы.

Все.

...под утесом,
Выкопав яму глубокую в локоть один шириной и длиною,
Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их:
Первое — смесью медвяной, второе — вином
благовонным,
Третье — водою, и все пересыпав мукою ячменной...

Кажется, я что-то приказываю. Рядом возникает овечья морда, черные завитки руна смешно топорщатся на крутом лбу, и меч с удовольствием перехватывает дряблое горло. Блеянье сменяется хрипом. Течет кровь, льется в яму пряным ручьем, а чаши с возлияниями, треугольником стоя вокруг, откликаются радостным бульканьем. Вторая морда, собачья, второе горло... вторая кровь. Брызжет в лицо, я слизываю с губ горьковатую влагу (кровь? слезы? морская вода?..), уши закладывает, приходится сглатывать, чувствуя в горле соленый наждак.

Лохматые туши лежат правильно: головами к платяному шкафу, где стоит, жадно принюхиваясь, мой Пашка — сам я в это время смотрю поверх ямы в окно, откуда мне отчетливо слышен плеск океанских волн.

...к Эребу
Их обратя головою, а сам обратясь к Океану —
В жертву теням принеси...

Подымаюсь.

Подхожу к окну.

Смотрю на зеленый простор, разрезаемый косыми плавниками: один побольше, и еще дюжина маленьких.

Все правильно.

Из-за спины пахнет кровью.

Кажется, я снова приказываю. Кентавры и тощий Харон-перевозчик бросаются выполнять приказ. Шкуры плохо обдираются с жертвенных туш, мои спутники с головы до ног изгваздываются в бурой дряни, но ослушаться и не думают. Вскоре языки пламени жадно пожирают штабель паркетин вместе со Златым... вместе с Черным руном.

Все правильно.

Стою с мечом, готовый карать и отгонять. Это для Пашки. Это для моего брата. Вот он идет, вот он припал к яме, встав на четвереньки, припал не ртом, а страшными своими руками... рты распахиваются на концах обрубков, зубастые пасти хлещут кровь, лакают, захлебываясь теплой истомой...

Пашка ворчит и через плечо косится на меня.

Пустой взгляд согревается, ощупывает, ищет.

— Больно, — шепчет Пашка, в этот момент донельзя походя на Месяца-из-Тумана.

— Больно, — соглашаюсь я, и ответно плещет за окном невозможный океан.

— Алька? — спрашивает Пашка.

Я киваю.

Разве я сторож брату моему?

Сторож.

Пятница,
двадцатое февраля

Теория Олд-Шмуэля * Сперва было темно * Вложить душу * Легат пробует Печать

1

— Вы будете смеяться, но я действительно приезжий... и действительно м-магистр м-мифологии. Эту степень я получил в Пражском университете...

— Мы не будем смеяться.

В полуоткрытую дверь видна часть сцены: гостиная, где на диване сидит худощавый человек лет тридцати пяти. Высокий лоб с залысинами, близорукие глаза — ну почему, почему у близоруких, когда они без очков, такой беспомощный взгляд? и почему они так часто стесняются своих очков?! — губы яркие, излишне тонкие, но это его не портит. Да, еще подбородок с ямочкой посередине. В руках человек вертит деревянные четки, и холеные пальцы нервно щелкают бусинами.
По авансцене, шлепая тапочками, бродит Ерпалыч.

Ерпалыч *(повторяет задумчиво).* Нет, мы не будем смеяться...

Магистр. А зря. Если не смеяться, то впору счесть кого-то из нас п-психически неполноценным. Вот, например, господин в углу, которого моя местная гидесса и хранительница — очаровательная женщина, судя по первому знакомству! — так вот, она звала этого господина к-кентавром. И рассказывала мне о трудностях общения с вышеупомянутыми кентаврами. А я смотрю и вижу перед собой мужчину атлетического телосложения, зачем-то втащившего в комнату свой м-мотоцикл. Единственное, что здесь достойно удивления, так это отсутствие у господина с м-мотоциклом верхней одежды, несмотря на зимний сезон. Теперь скажите мне на милость, кому я должен верить: очаровательной гидессе, теории адаптации Семенова-Зусера или с-своему малость подпорченному зрению?

В просвете мелькает хвост; и еще — медленно вползает рубчатый край колеса. Это Фол. Устраивается поудобнее. Магистр на диване достает очки из бокового кармана пиджака, водружает их на нос; но взгляд его по-прежнему беспомощен.
Возможно, именно поэтому магистр столь болтлив, столь нарочито самоуверен.
Издалека доносится шарканье веника и немелодичное мурлыканье.

Фол *(сиплым, насквозь фальшивым пришепетыванием).* Не верь, начальник. Никому не верь. Поверишь — пропадешь ни за хрен собачий. Усек?

Магистр *(равнодушно).* Усек, кореш. Зуб даю, мы все п-правы: и я, и гидесса-хранительница, и мой дорогой Иероним Павлович, который вежливо с-сдерживается, чтоб не улыбнуться. Простите, Фол... кстати, Фол или Фрол? А по батюшке?

Фол. По матушке. И это не ко мне, это к Вальку — есть тут у нас один матушкин спец...

Магистр. Хорошо, хорошо, пусть будет п-просто Фол. Тем паче что я вам не столько не нравлюсь, сколько вы ваньку валяете... Скажите, Фол: а вы сами каким с-себя видите? Если, конечно, не секрет?

Фол встает и оказывается в поле зрения. Отличная диагональная мизансцена: слева направо и вглубь — прекращает свое «брожение умов» Ерпалыч, обеспокоенно и с симпатией глядя на магистра, сам магистр вяло поигрывает четками, а у спинки дивана возвышается громада кентавра.

Аплодисменты.

В луче света пляшут пылинки.

Фол *(кусая губы)*. А это, начальник, не твое дело. Я ж не спрашиваю, какой длины у тебя член? И показать не прошу.

Ерпалыч *(с укоризной)*. Фолушка... как можно...

Магистр. Можно, Иероним Павлович, можно. Не б-беспокойтесь, я не обидчив. И нашему грозному другу... то бишь вашему другу, а моему новому з-знакомому, я сейчас нравлюсь гораздо больше, нежели в начале нашего знакомства. Я прав, Фол?

Фол укладывается обратно на пол, благодушно скалясь в бороду.

Фол. Прав, начальник. Как есть прав. Пить на брудершафт будем, целоваться будем, песни охальные горланить... Ерпалыч, ты теперь понимаешь, какого к нам интересного очкарика прислали? Пункт первый: необидчив. Пункт второй: способен не только смотреть, но и видеть. Пункт третий: умеет делать выводы... Один только вопрос: зачем?

Магистр *(благодушно)*. Разве ж это вопрос, господин с м-мотоциклом? Это так, ерунда на постном масле. С помощью которого, заметим, вы умудряетесь чинить дряхлую канализацию — что достойно удивления много больше наличия м-мотоцикла в квартире... или господина в футболке и на колесах. Но позвольте оставить словесные изыски и перейти к делу. Иероним Павлович, вы ведь д-до вашей Большой Игрушечной работали в местном филиале НИИПриМа?

Ерпалыч возобновляет хождение.

Ерпалыч. Работал. Баклуши бил, с перерывом на обед.

Магистр. А вас не интересует источник м-моей осведомленности?

Ерпалыч. Интересует. Особенно замечание о «местном филиале». Это надо понимать так, что есть иные филиалы, а также центр?

Магистр *(поправляя)*. Центры. Центры, уважаемый Иероним Павлович. И руководство, которое я имею честь сейчас

п-представлять. Проект «МИР» существует очень, очень много лет... Вас что, не информировали о г-гипотезе Олд-Шмуэля?

Фол. Ерпалыч, тебя о Болт-Шмулевской гип-по-потезе не информировали? Надо же, какое досадное упущение!

Ерпалыч ходит и молчит, время от времени пожимая костлявыми плечами.

Фол. Не информировали его, начальник. Вишь, правильно я тебя начальником обозвал, само на язык легло... Забыли дружки твои поделиться. Ты уж колись, не тяни резину!

Магистр. Вы плохой актер, Фол. Будь я режиссером, я бы долго и п-плодотворно с вами работал... или сменил вас на дублера. Но поскольку я не режиссер, а дублера мы не имеем, п-продолжим в исходном варианте. Гипотеза Олд-Шмуэля возникла в пятидесятых годах прошлого века и поначалу, как водится, была изрядно осмеяна. К счастью, не всеми. Так возникла идея разработки под названием «Мера Мира», п-позднее переродившаяся в проект «МИР».

Ерпалыч. Мифологическая реальность?

Магистр. Что? Ах да, вы же били баклуши именно в этом отделе... Нет, мой дорогой Иероним Павлович, мифологическая реальность — лишь частность. Проект «МИР» имеет в виду именно мир, конкретный, наш мир, где нам п-предстоить жить. Согласно гипотезе Олд-Шмуэля, на момент творения (неважно, стараниями Яхве, Брахмы или Большого Взрыва!) мы имели м-максимальное расширение бытия. Иными словами, мироздание насчитывало на момент дня рождения бесчисленное множество измерений, и соответственно бытие насчитывало бесчисленное множество способов реализации. После чего началась собственно реализация — и активное с-сокращение измерений, способов, возможностей... расширение завершилось, началось сжатие.

Голос из угла. Сжатие? Как это?

Это Ритка. Невидимый Ритка, представленный исключительно голосом. Он тоже здесь, призванный оттенять действие одним своим присутствием, и вовремя поданная реплика разбивается о молчание, о паузу, гениальную паузу, выдержанную с точностью до долей секунды — прежде чем прозвучит ответ.

Аплодисменты, переходящие в овацию.

В луче света пляшут пылинки.

М а г и с т р *(не поймешь, искренне или с издевкой)*. Милый мой Ричард Родионович... я совсем забыл про вас. Поясню на п-примере. Вы решили купить чайник. На момент решения у вас есть огромное количество возможностей: купить д-дорогой или д-дешевый, красный в горошек или гладко-белый, обычный или электрический, сегодня или через неделю... Но вот желаемый п-предмет куплен. Стоит на плите; пыхтит. У вас есть чайник: дешевый, в горошек, приобретенный вчера в фирменном магазине «Клондайк» на углу Артема и Собачьего п-переулка. Чайник есть, но возможностей, выбора, степеней свободы — их больше нет. Все это сжалось в конкретный чайник. Ныне, присно и во веки веков, аминь! Каково?

Р и т к а. А-а-а... понятно.

М а г и с т р *(на этот раз вполне искренне)*. Я з-завидую вам, Ричард Родионович. Вам понятно. А мне вот до сих пор... впрочем, не будем отвлекаться. Итак, мироздание стало реализовываться и, следовательно, сжиматься в области своих возможностей. Мы, люди, ускорили сей п-процесс во много раз. Получив в конечном итоге четырехмерный мир, (а если принять во внимание разногласия касательно времени, то — трехмерный). Максимально стабильный, п-предельно устойчивый, объясненный вдоль и поперек... и одновременно — максимально простой. Простейший. Амеба бытия. Сжатие закончилось, пришла пора нового расширения — в этом и з-заключался вывод смешной гипотезы Олд-Шмуэля.

Е р п а л ы ч. Однако... И вы нашли подтверждение этой, в высшей степени любопытной, гипотезы?

М а г и с т р. Нашли. К счастью, п-проект «МИР» неплохо финансировался одними лицами... и нас не трогали лица другие, считая за яйцеголовых придурков. Мы собирали статистические данные, факты, только факты и ничего, к-кроме фактов, — разве что области сбора фактов были весьма специфичны. Какой объем занимают эзотерические издания в валовой продукции столичных издательств? Фантастика, *«science fiction»* или *«fantasy»*. В издательствах п-периферии? Годовой прирост членов общества Сознания Кришны? Белого Братства? Свидетелей Иеговы? Летающие тарелки — кто видел, где и когда? сам летал на Сириус? общался с Высшим Разумом? Количество з-заказов на освящение квартиры, дома, м-машины? Масштаб и специфика проведения ролевых игр, областных, региональных, международных?! Фильмы Голливуда: процент м-мистики? «инопланетяне среди нас», сказки для взрослых,

спрос на определенные кассеты в п-прокате?! Эстрасенсы и барабашки, президенты в церквах и мечетях, репортажи «Рандеву с домовым» в желтой прессе — информация к-копилась и анализировалась.

Ф о л. Вывод?

М а г и с т р. Вывод: гипотеза Олд-Шмуэля стала именоваться *теорией* Олд-Шмуэля. Бытие начало расширяться, увеличивая количество измерений и д-добавляя новые степени к свободе реализации. «Мера Мира»...

Е р п а л ы ч *(оседлав стул)*. Не бытие. Сперва сознание. Слыхали небось: «Бытие определяет сознание»? Понимай, как хочешь, свобода толкования полная. Я полагаю, уважаемый магистр, в нашем случае сознание было первично. Человек незаметно для себя в душе принял нестабильность мироздания, допустил саму эту возможность — и расшатал возведенные им же опоры, столкнул первый камешек лавины. Вот вы, человек приезжий, даже с вашей теоретической подготовкой, вместо кентавра видите лишь господина с мотоциклом. Пройдет неделя, месяц, год, и вы сперва допустите возможность существования господина на колесах вместо ног; потом вы внутренне согласитесь с самим собой — а еще через полгода (если не гораздо раньше!) к вашему подъезду подкатит кентавр. И вы не удивитесь его визиту! Ибо сознание ваше будет готово принять такое бытие.

С кухни доносится лязг разбиваемой тарелки.
Мурлыканье сменяется причитаниями.

М а г и с т р. Я не стану спорить с вами, д-дорогой Иероним Павлович. Мы оба правы, каждый по-своему. Особенно если учесть, что вы все прекрасно понимали с самого начала. Главное в д-другом: мироздание меняется, причем не к лучшему и не к худшему — и нам надо привыкать жить здесь и сейчас, думая о завтра. Ваш город волей случая стал п-прекрасным полигоном для испытаний, п-проверок и исследований...

Ф о л *(с ехидцей)*. Волей случая, начальник?

М а г и с т р *(твердо)*. Именно так. И мое руководство не хотело бы упустить эту возможность. Иначе завтра мы окажемся не подготовлены к новому б-бытию в масштабах, гораздо превышающих размеры отдельно взятого города. У вас процесс расширения идет в десятки, сотни раз быстрее, чем в д-других местах; вы — это завтрашний день.

Е р п а л ы ч. Не только расширения. Расслоения, большей

свободы, но и большей неустойчивости. Этот город — модель того, что наш общий друг Алик (кстати, не слишком ли долго он пребывает в объятиях Морфея?) назвал «Люди, боги и я». Прекрасная формулировка, особенно это «...и я». Отсутствие самоосознания: а я-то кто такой, черт побери?! Мы, уважемый магистр, имеем расслоение: центральные районы, где реальность на время стабилизировалась по схеме «моление — воздаяние» или, если угодно, «я — тебе, ты — мне». Далее, имеется Дальняя Срань, где расширение пошло рывками, и лодка опять начала раскачиваться...

Магистр. Конкретнее?

Ерпалыч. Да сколько угодно! Общение с высшим ярусом (одноразовые иконки, заказные молебны и освящения чердаков с гаражами), а также контакт с ярусом средним (болевые точки среды, они же квартирники, утопцы, исчезники и прочие) — схема стала меняться! При сохранении «я — тебе, ты — мне» добавился новый вариант: «Ты — мне, чтобы я тебе не...». Возник рэкет, сознательный рэкет Тех, которые в силу законов своей среды, законов расширяющегося мироздания, остались не у дел. Мы их зовем бомжами. В древности, когда мир был молод, их звали чудовищами и таскали на прокорм гидрам-драконам-алмасты молоденьких девушек. Мы пока обходимся без девушек, но это до поры до времени! Возникли чудовища — в бытовом, повседневном плане! — ответно возникли герои, способные оказать противодействие.

Фол *(ржет)*. Валько! Герой-матюгальник!

Ерпалыч *(строго)*. Нечего веселиться, Фолушка! Да, герой! — если принять это слово как условное наименование противовеса чудовищам. Полагаю, и в древности герой у многих не вызывал особого пиетета: туп, грязен, социально опасен, сексуально активен — но, увы, необходим!

Магистр. Вы рассматривали альтернативу чудовищам не в плане героев, а в плане... э-э... п-противоположности?

Ерпалыч. Рассматривал. Альтернатива — боги. Формирование псевдоязыческого пантеона из бывших людей. Тот же рэкет, только более цивилизованный... Политеизм как прообраз организованной преступности, мафии и для Тех, и для Этих. Полагаю, что и этот процесс у нас идет вовсю... но фактов не имею.

Магистр. *Пока* не имеете?

Ерпалыч. *Пока* не имею.

Магистр. Я не ошибся в вас, дорогой Иероним Павлович. К сожалению, Большая Игрушечная лишила нас возможности п-продолжать исследования здесь, в городе... Мы думали, что это временно, и ошиблись. Сейчас работать здесь может лишь местный, п-приспособленный к расширенной реальности. Я п-предлагаю вам работу, господин Молитвин: мы собираемся в-восстанавливать региональный филиал НИИПриМ, и вакансия заведующего филиалом свободна. Подбор сотрудников во многом тоже будет зависеть от вас. Что скажете?

Ерпалыч встает и бродит по комнате.

Ерпалыч. Мне надо подумать.

Магистр *(тоже вставая)*. Отлично. Д-думайте. И свяжитесь со мной, когда надумаете. Вот телефон моего номера в гостинице. Только учтите: ваш случай уникален, и вы тоже будете кусать локти, если упустите в-возможность...

2

Наверное, кто-то там, наверху, кто смотрит весь наш сумасшедший спектакль и ухмыляется в бороду, мимоходом пожалел меня. Потому что наступил антракт, потому что голоса стихли, прожектор солнца за окном пригасил свечение, а пылинки из кордебалета устали плясать, опустившись на пол.

Я пришел в себя.

Странно, если можно прийти в себя, значит, можно быть не в себе, можно быть или не быть, забыть, выйти за пределы собственного бытия, чтобы вернуться...

Теперь точно знаю: можно.

* * *

— Больно, — сказал Пашка.

— Алька? — спросил Пашка.

Я шагнул к нему, чтобы обнять, но он поспешно отстранился. И вздрогнул, когда его страшные руки дернулись ответно ко мне. Окровавленные акульи морды смотрели на меня тупыми буркалами, начинаясь сразу от человеческих локтей, мерцая серебром чешуи; руки-рыбы были мокрые, скользкие, теперь я отчетливо видел это, косо срезанные культи зевали треугольниками зубастых пастей — и Пашке было стыдно за них.

— Привет, Пашка, — сказал я.

— Рад тебя видеть, — сказал я.

И все-таки обнял брата моего.

Ничего его руки мне не сделали. Просто сошлись за моей спиной, холодным кольцом сдавив ее, а лицо Пашки сморщилось, подмигивая маской грустного клоуна, — и ткнулось в мое плечо.

Мгновением позже я обеспамятел, теряя сознание, как теряют монетку, опущенную в дырявый карман, стремительно вылетая с Выворотки на Лицо; но мгновения нам хватило.

Я ведь не знал, что разговоры с ушедшими — красивая ложь.

Память не возвращается к мертвым, хоть океан крови выпей; она возвращается к нам, живым. Нет, не так. Она возвращается и к тем, и к другим; к мертвым — на миг, к живым — навсегда. Правильно советуют отгонять от жертвенной ямы любую тень, кроме желанной, ожидаемой... гнать, грозить оружием, подспудно зная, что им важно не оружие, а угроза — просто нам трудно грозить, оставаясь безоружными. Кричать, не давать хлебнуть ни матери, ни другу, если ждешь не друга и не мать. Иначе сойдешь с ума, впустив в себя многих, иначе ты *пойдешь к ним, а не они к тебе.*

Жалость сейчас способна убить.

Милосердие — яд.

Мы стояли, обнявшись, и вокруг молчал Последний День, общий, один на всех, и тем не менее у каждого — свой.

Сперва было темно. Потом явился страх немоты. Это оказалось очень страшно: потерять язык, мучительно катать во рту чужие граненые слова, пока они не перестают резать нёбо, все время ощущая собственную неполноценность, которая в тринадцать лет трижды мучительней; рядом папа (*здравствуй, папа!.. это я, Алька!.. не слышит...*), он все понимает, но ему еще тяжелей, он вообще объясняется на пальцах с продавцами, с полисменами, с чиновником по выплате пособий... Все время кажется: они смеются за спиной. Это неправда, это болезненное самолюбие подростка — напротив, они благожелательны, они терпеливо ждут, пока ты достроишь корявую фразу, они улыбаются, когда понимают тебя... впрочем, они все время улыбаются, от уха до уха, у них прекрасные дантисты, которые отлично зарабатывают; и этому тоже надо учиться — зарабатывать и быть *«happy»*.

Улыбка дается труднее языка.

Всплывают похороны *(почему похороны?.. чьи?.. не знаю...)* — ворота, выставка венков по двадцать пять долларов, есть дороже, с красными шишечками, есть еще дороже, с шишечками и бантиками из сусального золота. Машины едут гуськом по асфальтовым дорожкам, огибают пруд, где плавают жирные утки; вот и собственно кладбище. Футбольное поле, зеленый газон — и ряды аккуратных плит разбегаются во все стороны. Яма... скорее колодец с ровными стенками, а над ямой — лебедка. С ее помощью на цепях опускают гроб. Очень удобно. Вокруг могилы расстелены ковровые покрытия, чтобы не стоять в грязи, это тоже удобно, а для детей и престарелых родственников расставлены кресла. Хочется сесть в кресло, хочется стать на покрытие... пока не соображаешь: ковры лежат поверх чужих плит. Из-под краешка покрытия, рядом с ножкой кресла, выползает надпись: *«...рогому дедушке от внуков. До встречи на небесах!»* Надпись сделана по-русски, красивыми буквами с завитушками.

Отказ сесть в кресло вызывает общее удивление, и все собравшиеся время от времени косятся на странного мальчишку, который стоит в грязи, поодаль от идеальной могилы с удобной лебедкой.

Океан и переезд в Южную Каролину ассоциируются с удивительным понятием «Восьмая Программа». Стрим-Айленд, льготное жилье, вскоре — колледж на побережье и пенсия по инвалидности для отца, стоившая всего две тысячи (спасибо врачу-эмигранту за нужные бумаги). Соленые брызги в лицо. Самая лучшая в мире девушка. Самые мерзкие в мире враги. Тоска. Папа много пьет и часто говорит о том, что надо бы съездить в гости домой. Он так и говорит: «в гости домой» — а потом идет покупать виски, потому что водка здесь непривычно дорогая.

Может, давай постучим в домино?
Или раздавим одну на двоих?
Раньше поменьше горчило вино,
Раньше побольше здесь было своих.

Ладно, не будем грустить о былом,
И на бутылку хватает деньжат...
Что ты! Не надо... ты все-таки дом,
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...

Папа.
Океан.
Я.

И слова, вспыхнувшие передо мной на белой стене облаков, от зеленой глади океана до неба, где сидит Тот, кто смотрит весь наш сумасшедший спектакль и ухмыляется в бороду.

«Вложить душу».

Как меч в ножны, как память в память, чужую в свою, заставив их переплестись «плетнем», способным заклясть небывалое.

Да, ей здесь не место, чужой памяти, и даже не памяти, а чему-то, для чего у меня нет названия; да, так можно сойти с ума — но иначе у меня не получалось.

Никак.

3

ВЛОЖИТЬ ДУШУ
(опыт фуги)

PRAELUDIUM

Рассвет пах обреченностью.

Еще не открывая глаз, Мбете Лакемба, которого в последние годы упрямо именовали Стариной Лайком, чувствовал тухлый привкус судьбы. Дни Предназначения всегда начинаются рассветом, в этом они неотличимы от любых других дней, бессмысленной вереницей бегущих мимо людей, а люди смешно растопыривают руки для ловли ветра и машут вслепую — всегда упуская самое важное. Сквозняк змеей скользнул в дом, неся в зубах кровоточащий обрывок бриза, и соленый запах моря коснулся ноздрей Мбете Лакембы. Другого запаха, не считая тухлятинки судьбы, жрец не знал — единственную в своей жизни дальнюю дорогу, связавшую остров с островом, окруженный рифами Вату-вара с этим испорченным цивилизацией обломком у побережья Южной Каролины, упрямый Лакемба проделал морем. Хотя западные Мбати-Воины с большими звездами на погонах предлагали беречь время и лететь самолетом. Наверное, вместо звезд им следовало бы разместить на погонах циферблаты часов, ибо они всю жизнь боялись потратить время впустую. Неудачники — так они звали тех, чье время просыпалось сквозь пальцы. Удачей же считались латунные звезды, достойная пенсия и жареная индейка; западные Мбати рождались стариками, навытяжку лежа в пеленках, похожих на мундиры, и называли это удачей.

Мбете Лакемба оторвал затылок от деревянного изголовья и, кряхтя, стал подниматься. Большинство береговых фиджийцев

к концу жизни было склонно к полноте, и жрец не являлся исключением. Когда-то рослый, плечистый, сейчас Лакемба сутулился под тяжестью лет и удвоившегося веса, а рыхлый бурдюк живота вынуждал двигаться вперевалочку, подобно глупой домашней птице. Впрочем, лицо его оставалось прежним, вытесанным из пористого камня скал Вату-вара... Было странно видеть такое лицо у жирного старика, и местные рыбаки тайком скрещивали пальцы, когда им доводилось наткнуться на острогу немигающих черных глаз Старины Лайка. Рыбаки смотрели телевизор и любили своих жен под вопли компакт-проигрывателя, у рыбаков была медицинская страховка и дом, воняющий пластмассой, но в море волны раскачивали лодку, а ночное небо равнодушно взирало сверху на утлые скорлупки, и медицинская страховка казалась чем-то несущественным, вроде муравья на рукаве, а слова Старины Лайка о муссоне пополуночи — гласом пророка перед коленопреклоненными последователями.

Потом рыбаки возвращались домой, и Уитни Хьюстон помогала им любить своих жен, громко жалуясь на одиночество из темницы компакт-проигрывателя.

Стараясь не разбудить матушку, бесформенной кучкой тряпья прикорнувшую в углу у земляной печи, Мбете Лакемба вышел во двор. Посторонний наблюдатель отметил бы бесшумность его шага, удивительную для возраста и телосложения жреца, но в доме Старины Лайка не водилось посторонних. Зябко передернувшись, старик снял с веревки одежду и принялся натягивать брезентовые штаны с не переставшими удивлять его карманами на заднице. Эти карманы удивляли жреца много лет подряд, потому что задница нужна здравомыслящему человеку, чтобы на ней сидеть, а не хранить всякую ерунду, сидеть на которой неудобно и даже болезненно, будь ты правильный человек с Вату-вара или рыбак, верящий одновременно в приметы и медицинскую страховку.

Пожалуй, гораздо больше стоил удивления тот факт, что штаны Лакембы совершенно не промокли от утренней росы, — но это пустяки, если знаешь слова Куру-ндуандуа, зато карманы на заднице...

Почесав волосатое брюхо, Мбете Лакемба прислонился к изгороди и шумно втянул ноздрями воздух. Нет. Рассвет по-прежнему пах обреченностью. Даже сильнее, чем при пробуждении. Так уже было однажды, когда жрецу пришлось схватиться с двухвостым Змеем Туа-ле-ита, духом Тропы Мертвых,

беззаконно утащившим душу правильного человека. Белый священник еще хотел тогда увезти Лакембу в госпиталь, он твердил о милосердии, а потом принялся проклинать дураков с кожей цвета шоколада *«Corona»*, потому что не понимал, как может здоровый детина больше недели лежать неподвижно с холодными руками и ногами, лишь изредка хватая сам себя за горло; а в Туа-ле-иту белый священник не верил, что удивительно для жреца, даже если ты носишь странный воротничок и называешь Отца-Нденгеи то Христом, то Иеговой.

К счастью, матушка Мбете Лакембы не позволила увезти сына в госпиталь Св. Магдалины, иначе двухвостый Туа-ле-ита не только заглотал бы украденную душу вместе со жрецом, задохнувшимся под кислородной маской, но и славно повеселился бы среди западных Мбати. Хотя вопли белого священника, распугавшие духов-покровителей, не прошли даром: вскоре островок Вату-вара позарез понадобился звездным погонам для их громких игр. Рассвет был правильным — после забав западных Мбати-Воинов остается выжженный камень, гнилые телята со вздувшимися животами и крысы размером с добрую свинью, радующие своим писком духа Тропы Мертвых.

Но мнения жреца никто не спрашивал, потому что западный Мбати с самой большой звездой и без того втайне порицал расточительность правительства: верх глупости — оплачивать переселение «шоколадок» за казенный счет, особенно после выплаты им двухсотпроцентной компенсации. Так что жители Вату-вара разъехались по Океании, неискренне благодаря доброе чужое правительство, а пароход со смешным названием *«Paradise»* повез упрямого Мбете Лакембу с его матушкой прочь от родных скал.

Туда, где горбатые волны Атлантики омывают побережье Южной Каролины, не забывая плеснуть горсть соленых слез и на крохотную насыпь Стрим-Айленда.

Мбете Лакемба знал, что делает, поднимаясь на борт *«Paradise»*.

...Капрал береговой охраны, здоровенный негр с наголо бритой головой, махал со своего катера Старине Лайку — даже мающемуся похмельем капралу было видно, что сегодня старика обременяет не только полусотня фунтов жира, способная заменить спасательный жилет, но и изрядная порция дурного настроения.

PROPOSTA-1

Бар пустовал: считал мух за стойкой однорукий бородач-хозяин, спал, уронив голову на столешницу, Плешак Абрахам — да еще сидел в углу, за самым чистым столиком, незнакомый коротышка в брезентовой рыбацкой робе.

Явно с чужого плеча.

— Как всегда, Лайк? — осведомился однорукий, выждав, пока Лакемба привыкнет к сумраку после солнца, вовсю полыхавшего снаружи.

Полдень диктовал острову свои условия.

Старик кивнул, и Кукер лягнул располагавшуюся рядом дверь. За дверью послышался грохот посуды, сменив доносившееся перед тем гитарное треньканье — мексиканец-подручный сломя голову кинулся жарить бекон и заливать шкварчащие ломтики пятью яйцами; вкусы Старины Лайка не менялись достаточное количество лет, чтобы к ним могли привыкнуть, как к регулярной смене дня и ночи.

Коротышка в робе прекратил изучать содержимое чашки, которую грустно держал перед собой близко к глазам, и воззрился на Мбете Лакембу. Если поначалу он явно предполагал, что темная маслянистая жидкость в чашке рано или поздно превратится в кофе, — то сейчас одному Богу было известно, в кого он намеревался превратить разжиревшего старика.

— Доброе утро! — Коротышка грустно пожевал обметанными простудой губами. — Меня зовут Флаксман, Александер Флаксман. Доктор ихтиологии. Присаживайтесь, пожалуйста, ко мне, а то я скоро подохну от скуки и не дождусь катера.

— Лакемба, — бросил старик, садясь напротив.

Обреченность рассвета мало-помалу просачивалась вовнутрь, и ноздри жреца трепетали, ловя вонь судьбы.

Блеклые глазки доктора Флаксмана зажглись подозрительными огоньками.

— Лакемба? — переспросил он и даже отхлебнул из чашки, чего раньше отнюдь не собирался делать. — Мбати Лакемба? Явуса но Соро-а-вуравура?

— Мбете Лакемба, — равнодушно поправил старик. — Мбете, матангали-мбете. Явуса На-ро-ясо. Туна-мбанга ндау лавааки. Оро-и?

Однорукий Кукер за стойкой нахмурился и поковырялся пальцем в ухе.

— В моем заведении говорят нормальным языком, — бурк-

нул он. — А кто хочет плеваться всякой дрянью, пусть выметается на улицу.

Было видно, что коротышка изрядно успел осточертеть Вильяму Кукеру; просто раньше не находилось повода взъесться на доктора ихтиологии.

Кофе ему не нравится, умнику...

— Он спросил: не являюсь ли я Лакембой из касты воинов? — Старик даже не повернулся к обозленному Кукеру. — И не принадлежу ли к общине «Взимающих дань со всего света»? А я ответил, что с момента зачатья вхожу в касту жрецов, матангали-мбете.

— Именно так, — хихикнул коротышка. — И еще вы добавили, что у «испражняющегося камнями» отвратительное произношение. Думали, я не знаю диалекта Вату-вара?!

Жрец промолчал.

Разочаровывать гордого своими познаниями коротышку было недостойно правильного человека — кроме того, за «ндау лаваки» на родине Мбете Лакембы вызывали на поединок в рукавицах, густо утыканных акульими зубами.

Оро-и?

— Пять лет, — разлагольствовал меж тем довольный собой Флаксман, — пять лет моей жизни я отдал вашим скалам, вашим бухтам и отмелям, и в первую очередь вашим тайнам, уважаемый Мбете Лакемба! Если бы мне кто-нибудь сказал тогда, что годы спустя меня смоет за борт и я окажусь на забытом Богом и правительством Штатов островке, где встречу потомственного жреца из общины На-ро-ясо, «Повелевающих акулами», — клянусь, я рассмеялся бы и плюнул ясновидцу в глаза!..

«А он разбил бы тебе породистую морду», — подумал Лакемба, принимаясь за яичницу, которую только что поставил на стол сияющий мексиканец.

Коротышка вдруг осекся, словно первый проглоченный Лакембой кусок забил доктору ихтиологии горло.

— Лакемба? — хрипло переспросил он. — Погодите, погодите... Туру-ноа Лакемба случайно не ваша родственница?

— Это моя матушка, — из уважения к матери старик на миг перестал жевать и сложил ладони передо лбом.

— Матушка?! Так ведь именно ее я просил... нет, умолял позволить мне увидеть обряд инициации вашей явусы! Тот самый, о котором вспоминал в своих мемуарах падре Лапланте!.. Боже, ну почему вы, фиджийцы, такие упрямые? И чем я, доктор Флаксман, хуже францисканца Лапланте?!

«Тем, что белый Лапланте тоже Мбете, как и я, разве что называет Великого Нденгеи по-иному», — жрец продолжил завтрак, тщетно пытаясь отрешиться от болтовни доктора Флаксмана.

— Дался вам этот обряд, — хмыкнул из-за стойки Кукер, царапая ногтем деревянную панель. — Маетесь дурью...

На дереве оставались еле заметные белесые шрамики.

— Вы не понимаете! Падре Лапланте писал, что члены явусы На-ро-ясо в день совершеннолетия ныряют в бухту и пускают себе кровь, привлекая акул! А потом — знаете, каким образом они останавливают атакующего хищника?!

— Из гарпунного ружья, — однорукий Кукер не отличался богатой фантазией.

— Дудки! Они останавливают акулу... поцелуем! И та не только прекращает всякие попытки сожрать безумца, но и начинает защищать его, если в бухте окажется другая акула!

— Эй, Пако! — заорал Кукер во всю глотку. — Эй, сукин сын, ботинок нечищеный, ты меня слышишь?

— Слышу, хозяин! — донесся из-за двери голос мексиканца.

— Мы тебя сегодня акуле кинем! Понял, бездельник?

— Зачем?

Видимо, после восьми лет работы на Вильяма Кукера Пако равнодушно отнесся к подобной перспективе.

— Навроде живца! Она на тебя, дурака, кинется, а док ее в задницу целовать будет! Прямо под хвост! Понял?!

Пако не ответил — наверное, понял.

Флаксман обиделся и на некоторое время заткнулся, что вполне устраивало Лакембу. Однако теперь завелся Кукер.

— Не знаю, какие штуки вытворяет родня Старины Лайка — пусть хоть трахаются с акулами! — но когда зараза-мако оттяпала мне руку по локоть (Билл демонстративно помахал культей, словно это должно было пристыдить коротышку), мне было не до поцелуев! И вот что я вам скажу, мистер, вы, может, и большая шишка у себя, откуда вы там вынырнули, наверное, и в акулах вы разбираетесь, как ихний президент, — не стану спорить. Но не надо меня учить, как с ними себя вести! Лучший поцелуй для хвостатой мрази — заряд картечи или хороший гарпун, а всего лучше подружка — динамитная шашка!

Словно в унисон последнему выкрику, завизжали петли, дверь бара распахнулась настежь, и в проем полыхнуло солнце. Черный силуэт на пороге грузно заворочался, окрашиваясь

кровью, подгулявший бриз с моря обнял гостя за широкие плечи и швырнул в лица собравшимся пригоршню йодистой вони.

И еще — обреченности.

Люди молчали, хлопали ресницами, а судьба бродила по берегу и посмеивалась. Мбете Лакемба отчетливо слышал ее смех и вкрадчивые шаги, похожие на плеск волн.

Но это длилось недолго.

— Точно, Билли! — громыхнуло с порога не хуже динамита, и дверь с треском захлопнулась, отрезав людей от кровавого солнца, своевольного бриза и запаха, который только притворялся запахом моря. — Запалил фитилек — и кверху брюхом!

Через мгновение к стойке протопал Ламберт Мак-Эванс, известный всему Стрим-Айленду как Малявка Лэмб. Он грохнул кулачищем по деревянному покрытию, во всеуслышанье пустил ветры и огляделся с надеждой: а вдруг кому-то это не понравится?

Увы, повода отвести рыбацкую душу не представилось.

— Совсем житья не стало от треклятых тварей! Четвертый день выходим в море — и что? Болт анкерный с левой резьбой! Мало того, еще и половину сетей — в клочья! Я ж говорил: надо было сразу пристрелить ту грязнопузую бестию, не будь я Ламберт Мак-Эванс! Глядишь, и Хью до сих пор небо коптил бы, и весь Стрим-Айленд не ерзал по гальке голым... эх, да что там! Джину, Билл! Чистого.

Любую тираду Малявка Лэмб заканчивал одинаково — требуя джину.

Чистого.

— Извините, так это вы и есть мистер Мак-Эванс? — вдруг подал голос ихтиолог.

— Нет, Майкл Джексон! — заржал Кукер, снимая с полки граненую бутыль «Джим Бима». — Сейчас споет.

Сам рыбак вообще проигнорировал обращенный к нему вопрос.

— Так я, собственно, именно с вами и собирался встретиться! — сообщил доктор Флаксман, лучась радостью. — Про какую это «грязнопузую бестию» вы только что говорили? Уж не про ту ли акулу, насчет которой с вашего острова поступила телеграмма в Американский институт биологических наук, нью-орлеанское отделение?

— Ну? — хмурый Ламберт соизволил повернуться к ихтиологу. — А ежели и так? Только мы, парень, телеграмму в Чарлстон посылали, а не в ваш сраный Нью-Орлеан!

— Этим бездельникам из Ассоциации? — презрительно скривился Флаксман. — У них едва хватило ума переправить ваше сообщение в наш институт. И вот я здесь!

Осчастливив собравшихся последним заявлением, доктор поднялся, гордо одернул рыбацкую робу — что смотрелось по меньшей мере комично — и начал представляться. Представлялся Флаксман долго и со вкусом; даже толстокожий Лэмб, которому, казалось, было наплевать на все, в том числе и на недавнюю гибель собственного брата Хьюго, перестал сосать джин и воззрился на ихтиолога с недоумением.

— ...а также член КИА — Комиссии по исследованию акул! — гордо закончил Александер Флаксман.

— И приплыл сюда верхом на ездовой мако! — фыркнул Малявка Лэмб.

— Почти, — с неожиданной сухостью отрезал ихтиолог. — В любом случае, я хотел бы получить ответы на свои вопросы. Где акула, о которой шла речь в телеграмме? Почему никто не хочет со мной об этом говорить? Сплошные недомолвки, намеки... Сначала присылаете телеграмму, а потом все как воды в рот набрали!

Член КИА и прочее явно начинал кипятиться.

— Я вам отвечу, док.

Дверь снова хлопнула — на этот раз за спиной капрала Джейкобса, того самого здоровенного негра, что махал рукой стоявшему на берегу Лакембе.

— Потому что кое-кто действительно набрал в рот воды, причем навсегда. Три трупа за последнюю неделю — это вам как? Любой болтать закается!

— Но вы-то, как представитель власти, можете мне рассказать, что здесь произошло? Я плыл в такую даль, чуть не утонул...

— Я-то могу, — довольный, что его приняли за представителя власти, негр уселся за соседний столик, и Пако мигом воздвиг перед ним гору истекавших кетчупом сандвичей и запотевшую кружку с пивом. — Я-то, дорогой мой док, могу, только пускай уж Ламберт начнет. Если, конечно, захочет. А я продолжу. Что скажешь, Малявка?

— Думаешь, не захочу? — хищно ощерился Ламберт, сверкнув стальными зубами из зарослей жесткой седеющей щетины. — Верно думаешь, капрал! Не захочу. Эй, Билл, еще джину! Не захочу — но расскажу! Потому что этот *очень* ученый мистер

плавает в том же самом дерьме, что и мы все! Только он этого еще не знает. Самое время растолковать!

В бар вошли еще люди: двое таких же мрачных, как Ламберт, рыбаков, молодой парень с изуродованной левой половиной лица (по щеке словно теркой прошлись) и тихая девушка в сером платье с оборками.

— Вся эта срань началась около месяца назад, когда мы с моим покойным братцем Хью ловили треску. Ловили, понятное дело, малой сетью...

RISPOSTA-1

— Давай, Лэмб, вытаскивай! — Стоя на мостике, Хьюго наблюдал, как наливается блеском рыбьей чешуи сеть, подтягиваемая лебедкой с левого борта. Лов сегодня был отменный, тем паче что сооружение, скромно именуемое братьями «малой сетью», на самом деле чуть ли не вдвое превышало по размеру разрешенную снасть. Вдобавок Мак-Эвансы забросили еще пару-тройку крючков — открывшийся в Мертл-Бич китайский ресторанчик неплохо платил за акульи плавники.

В этот момент «Красавчик Фредди» содрогнулся.

Противно завизжали лебедочные тали, поперхнулся равномерно тарахтевший мотор, по корпусу прошла мелкая дрожь. Словно кто-то, всплыв из темной глубины, вцепился в сеть с добычей братьев Мак-Эванс, не желая отдавать людям принадлежавшее морю. Но «Красавчик Фредди», унаследовав изрядную долю упрямства своих хозяев, переждал первый миг потрясения и выгнул горбом металлическую спину, разворачиваясь носом к волне.

Лебедка поспешно застучала вновь, тали самую малость ослабли — и, когда сеть мешком провисла над пеной, братья Мак-Эвансы в сердцах высказали все, что думали по поводу зиявшей в сети рваной дыры.

Почти одновременно последовал рывок с правого борта. Леса натянулась и звенела от напряжения, вода кипела бурунами — а потом поводок разом ослаб, и живая торпеда взметнулась над водой, с шумом обрушившись обратно и обдав подбежавших к борту рыбаков целым фонтаном соленых брызг.

— Большая белая! — пробормотал Хьюго. — Футов двенадцать, не меньше!

— Небось эта скотина нам сеть и порвала, — сплюнул сквозь зубы Ламберт. — Пристрелю гадину!

Он совсем уж было собрался нырнуть в рубку за ружьем, но более спокойный и рассудительный Хьюго придержал брата.

— Ты ее хоть рассмотрел толком, урод?!

— Да что я, акул не видел?! — возмутился Ламберт.

— Не ерепенься, братец! У нее все брюхо... в узорах, что ли? Вроде татуировки! Может, такой акулы вообще никто не видал!

— И не придется! — Малявка Лэмб хотел стрелять и знал, что будет стрелять.

— Дубина ты! А вдруг ею яйцеголовые заинтересуются?! Продадим за кучу хрустящих!

Подобные аргументы всегда оказывали на Ламберта правильное действие — а тут еще и белая бестия, как специально, снова выпрыгнула из воды, и рыбак в самом деле увидел вязь ярко-синих узоров на светлом акульем брюхе.

— Убедил, Хью, — остывая, буркнул он. — Берем зверюгу на буксир и... Слушай, а где мы ее держать будем? Сдохнет, падаль, кто ее тогда купит?!

— А в «Акульей Пасти»! — хохотнул Хьюго, которому понравился собственный каламбур. — Перегородим «челюсти» проволочной сеткой — и пусть себе плавает!

«Акульей Пастью» назывался глубокий залив на восточной оконечности Стрим-Айленда, с узкой горловиной, где скалы-«челюсти» отстояли друг от друга на каких-нибудь тридцать футов.

KONTRAPUNKT

Вечером, когда лиловые сумерки мягким покрывалом окутали остров, старый Мбете Лакемба объявился на ветхом пирсе, с которого Лэмб Мак-Эванс, чертыхаясь, швырял остатки сегодняшнего улова в «Акулью Пасть». Впрочем, рыба исчезала в ***АКУЛЬЕЙ ПАСТИ*** *как в прямом, так и в переносном смысле слова.*

— О, Старина Лайк! — обрадовался Малявка. — Слушай, ты ж у нас вроде как акулий родич?! Глянь-ка... сейчас, сейчас, подманю ее поближе...

Однако, как ни старался Малявка, пленная акула к пирсу подплывать отказывалась. И лишь когда Мбете Лакемба хлопнул ладонью по воде, акула, словно вышколенный пес, мгновенно возникла возле пирса и не спеша закружила рядом, время от времени предоставляя татуированное брюхо для всеобщего обозрения.

— Ну что, видел? — поинтересовался Ламберт, приписав акулье послушание своему обаянию. — Что это?

— Это Н'даку-ванга, — лицо фиджийца, как обычно, не выражало ничего, но голос на последнем слове дрогнул. — Курчавые охотники с юго-восточного архипелага еще называют его Камобоа-лии, или Моса.

— А он... этот твой хренов Н'даку — он редко встречается?

— Н'даку-ванга один. — Лакемба повернулся и грузно побрел прочь.

— Ну, если ты не врешь, старина, — бросил ему в спину Малявка Лэмб, — то эта зараза должна стоить уйму денег! Коли дело выгорит — с меня выпивка!

*Лакемба кивнул. Зря, что ли, пароход со смешным названием «**Paradise**» вез жреца через соленые пространства? И уж тем более ни к чему было объяснять Ламберту Мак-Эвансу, что Н'даку-ванга еще называют Н'даку-зина, то есть «Светоносный».*

На падре Лапланте это имя в свое время произвело немалое впечатление.

PROPOSTA-2

— ...ну а потом к нам заявился этот придурок Пол!

Ламберт заворочался, нашарил на стойке свой бокал с остатками джина и опрокинул его содержимое в глотку. Не дожидаясь заказа, Кукер сразу же выставил рассказчику банку тоника, зная, что оба Мак-Эванса (и Лэмб, и покойный Хьюго) предпочитают употреблять джин с тоником по отдельности.

Впрочем, Хьюго — предпочитал.

— Так вот, на чем это я... ах, да! Заявляется, значит, с утреца этот придурок Пол и просится кормить зверюгу!

— Ты б попридержал язык, Малявка, — неуверенно заметил Кукер, дернув культей. — Сам знаешь: о мертвых или хорошо, или... Опять же, вон и папаша его здесь!

Кукер умолк и лишь покосился на спящего Плешака Абрахама.

— А мне плевать! Пусть хоть сам Отец Небесный! Говорю — придурок! Придурком жил, придурком и подох! Ну кто, кроме полного кретина, добровольно вызовется кормить акулу?!

— Помнится мне, Ламберт, раньше ты говорил, будто вы с братом его наняли, — как бы невзначай ввернул капрал Джейкобс, расправляясь с очередным сандвичем.

— Верно, наняли, — сбавил тон Малявка Лэмб. — Только парень сам напросился! Эти эмигранты рыбьи потроха руками ворошить согласны за цент в час! И попомните мое слово: все дерьмо из-за мальчишки приключилось!

— Пол кормил акулу вовсе не из-за ваших денег, — голос девушки в сером платье звучал ровно, но в больших черных глазах предательски блестели слезы. — Сколько вы платили ему, мистер Мак-Эванс? Пятерку в день? Десятку?!

— Этот придурок и серебряного четвертака не заработал! — проворчал Ламберт, не глядя на девушку.

— Не смейте называть его придурком! — выкрикнула девушка и отвернулась, всхлипнув. — Вам никому не было до него дела! Деньги, деньги, только деньги! А кто не мчится сломя голову за каждой монетой — тот придурок и неудачник! Так, мистер Мак-Эванс? Так, Барри Хелс? — обернулась она к парню с изуродованной щекой.

— А я-то тут при чем, Эми? — огрызнулся Барри.

— При том! Раз не такой, как все, — можно издеваться над ним с дружками! Да, Барри? Раз придурок — можно платить ему гроши за черную работу! Да, мистер Мак-Эванс? А то, что этот «полный кретин» — тоже человек, что у него тоже есть душа, что ему тоже нужен кто-то, способный понять его, — на это всему Стрим-Айленду в лучшем случае наплевать! Мать еще на родине умерла, отец — горький пьяница; вон, сын погиб, а он нажрался и дрыхнет в углу! Никто из вас его не понимал!.. И я, наверное, тоже, — помолчав, добавила Эми.

Малявка Лэмб пожал широченными плечами и стал шумно хлебать тоник.

— У Пола не было ни одного близкого существа, — очень тихо проговорила девушка. — Никого, кому бы он мог... мог излить душу! Я пыталась пробиться к нему через панцирь, которым он себя окружил, защищаясь от таких, как вы, но я... я не успела! И он не нашел ничего лучшего, чем вложить свою душу в эту проклятую акулу!

RISPOSTA-2

Золотистые блестки играли на поверхности бухты, сытое море, щурясь от солнца, лениво облизывало гладкую гальку берега; чуть поскрипывали, мерно качаясь, тали бездействующей лебедки.

*Ветхий пирс еле слышно застонал под легкими шагами девушки. У самого края ранняя гостья остановилась и стала озираться по сторонам. Взгляд ее то и дело возвращался к горке сброшенной одежды в шаге от черты прибоя. Линялые джинсы, футболка с надписью «**Megadeth**» и скалящимся черепом, а также старые кроссовки Пола честно валялись на берегу, но самого Пола нигде не было видно.*

— Пол! — позвала Эми.

Никто, кроме чаек, не отозвался.

— Пол! — В охрипшем голосе девушки прозвучала тревога.

Какая-то тень мелькнула под искрящейся поверхностью бухты, и воду вспорол большой треугольный плавник. Сердце Эми замерло, девушка вгляделась — и чуть не вскрикнула от ужаса, зажав рот ладонью. За плавник цеплялась гибкая юношеская рука! На миг Эми почудилось, что, кроме этой руки, там больше ничего

нет, это все, что осталось от Пола, — но в следующее мгновение рядом с плавником возникла светловолосая голова, знакомым рывком откинув со лба мокрые пряди, — и девушка увидела лицо своего приятеля.

В глазах Пола не было ни страха, ни боли, ни даже обычной, повседневной настороженности подростка, обиженного на весь мир. Неземное, невозможное блаженство плескалось в этом взгляде, смешиваясь со струйками, обильно стекавшими с волос. Пол тихо засмеялся, не видя Эми, прополоскал рот и снова исчез под водой.

Их не было долго — минуту? две? больше? — но вот акулий плавник снова разрезал поверхность бухты, уже значительно дальше от пирса, и снова рядом с ним была голова Пола! Эми стояла, затаив дыхание, словно это она сама раз за разом уходила под воду вместе с юношей и его жуткой подругой, — а потом вода всколыхнулась совсем близко, и девушка увидела, как Пол неохотно отпускает огромную рыбу. Акула развернулась, лениво выгнув мощное тело, и ее круглый немигающий глаз уставился на Эми. Что-то было в этом пронизывающем насквозь взгляде, что-то древнее, завораживающее... рыбы не могут, не должны смотреть ***так****!*

«Не имеют права смотреть так», — мелькнула в мозгу совсем уж странная мысль.

С удивительной грацией, и, как показалось Эми — даже с нежностью! — акула потерлась о Пола, почти сразу исчезнув в темной глубине, словно ее и не было.

Сумасшедший сын Плешака Абрахама уцепился за пирс, ловко выбрался из воды, встряхнул головой, приходя в себя — во все стороны полетели сверкающие брызги, — и, похоже, только тут увидел Эми.

Лицо юноши неуловимо изменилось. На мгновение по нему скользнула тень, настолько похожая на мрак взгляда хищной твари, что девушка машинально попятилась.

«Ты с ума сошел, Пол!» — хотела крикнуть она, но не смогла.

«Как тебе удалось?!» — хотела спросить она, эти слова тоже застряли у Эми в горле. Девушка понимала: Пол не ответит. Он ждал от нее чего-то другого... совсем другого.

И девушка произнесла именно то, что он ждал:

— Я никому не скажу, Пол.

Пол молча кивнул и пошел одеваться.

PROPOSTA-3

— ...ну, с некоторой натяжкой я могу допустить, что парень плавал *неподалеку* от белой акулы и та не тронула его, — доктор Флаксман задумчиво чесал подбородок. — Но плавать с ней

чуть ли не в обнимку?! И ты, милочка, утверждаешь, будто акула потерлась о твоего приятеля боком и при этом не содрала с него кожу, а то и мясо до кости... Я склонен принимать на веру слова молоденьких девушек, особенно когда они мне симпатичны, но всему есть предел!

Эми смущенно заморгала, Малявка Лэмб довольно хмыкнул, а остальные на всякий случай промолчали.

Но доктор Флаксман не собирался останавливаться на достигнутом.

— Вы, мисс, видели когда-нибудь вблизи акулью кожу? Так называемые плакоидные чешуйки, которыми покрыта кожа акулы, способны освежевать человека еще до того, как акула пустит в ход зубы! Собственно, плакоиды и есть зубы, со всеми основными признаками, только не развитые окончательно! Кстати, молодой человек, подойдите сюда! — окликнул ихтиолог Барри.

Парень дернулся, как от внезапного толчка, но послушно встал и подошел к доктору.

— Повернитесь-ка... да, лицом к свету. Именно так и выглядят последствия прямого контакта человека с акульей кожей! Классический образец! — Флаксман вертел Барри перед собой, словно экспонат, демонстрируя сетку шрамов на левой половине лица парня всем собравшимся в баре.

— Небось пробовал с акулой поцеловаться, — проворчал себе под нос Кукер, ловко прикуривая одной рукой самодельную сигарету.

Шутка бармена показалась смешной лишь Ламберту Мак-Эвансу, в силу своеобразного чувства юмора у рыбака.

— Вы ошиблись, мистер, — выдавил вдруг Барри. — Это не акула. Это меня Пол ударил.

— А ну-ка, рассказывай! — немедленно отреагировал капрал, расправившийся к тому времени с сандвичами. — И знаете, что мне сдается? Что вы все почему-то не спешили сообщать подробности нашему общему знакомому — сержанту Барковичу... Давай, парень, я жду.

— Да тут и рассказывать-то нечего. — Барри смущенно уставился в пол. — Шли мы как-то с Чарли Хэмметом мимо Серых скал, смотрим: Пол идет. Со стороны «Акульей Пасти». Это уже было после того, как сбежала акула Маляв... простите, мистера Мак-Эванса! Она-то сбежала, а Пол все возле бухты околачивался, вроде как ждал чего-то...

— Короче! — Капрал Джейкобс отер лиловые губы ладонью

и выразительно сжал эту самую ладонь, палец за пальцем, в весьма внушительный кулак.

— Хорошо, мистер Джейкобс! Чарли Хэммет мне и говорит: «Помнишь, Барри, ты его предупреждал, чтоб за Эми не таскался?» Я киваю. «Так вот, я их вчера видел. На берегу. Закатом любовались...» Ну, меня тут злость взяла! Прихватил я Пола за грудки — он как раз до нас дошел, — сказал пару ласковых и спиной о валун приложил. Для понятливости.

— Сволочь ты, Барри, — приглушенно бросила девушка. — Тупая здоровая скотина. Хуже акулы.

— Может, и так, Эми, — изуродованная щека Барри задергалась, *заплясала страшным хороводом полузаживших рубцов.* — А может, и не так. И скажу я тебе вот что: Пол твой замечательный одну руку высвободил и тыльной стороной ладони меня по морде, по морде... наотмашь. Хорошо еще, что я сознание сразу потерял. Доктор в Чарлстоне потом говорил: от болевого шока.

Барри машинально коснулся шрамов кончиками пальцев, по-прежнему глядя в пол.

— Очнулся я от стонов Чарли. Он на меня навалился и бормочет, как полоумный: «Барри, ты живой? Ты живой, Барри?» Живой, отвечаю, а язык не поворачивается. И к левой щеке словно головню приложили. Не помню, как домой добрались. Родителям соврали, что в Серых скалах в расщелину сорвались. Они поверили — зря, что ли, у меня вся рожа перепахана, а у Чарли правое запястье сломано? Чарли мне уже потом рассказал: это его Пол за руку взял. Просто взял, пальцы сжал... вот как вы, мистер Джейкобс! Только у вас лапища, не приведи Бог, а Пол всегда хиляком был...

Тишина.

Люди молчали, переглядывались; время шло, а люди молчали...

— Может быть, мы все же вернемся к акуле? — наконец просительно сказал доктор Флаксман, нарушив затянувшуюся дымную паузу, во время которой успели закурить чуть ли не все, исключая самого доктора, старого Лакембу и Эми. Дым сгущался, тек клубами, искажая лица, превращая их в лупоглазые рыбьи морды, проступающие сквозь сизые потоки за стеклом гигантского аквариума.

— Барри говорил, что акула в итоге «сбежала». Как это случилось? В конце концов здесь не федеральная тюрьма, а *Carcharodon Linnaeus* — не террорист, готовящий подкоп!

Увы, мудреное название белой акулы в баре Кукера успеха не имело.

— Когда ваши «мозговые косточки» из Чарлстона даже не почухались в ответ на нашу с Хью депешу... — Изрядно набравшийся Ламберт с трудом ворочал языком, и, произнеся эту фразу, он с минуту отдыхал. — Так вот, мы неделю подождали — и отбили им вторую телеграмму. А надо было поехать лично и отбить почки! — потому что они соизволили отозваться! Дескать, хрена вам, рыбари мокрозадые, а не денег, подавитесь своей раздерьмовой акулой — или пусть лучше она вами подавится!

— Идиоты!.. — пробормотал доктор Флаксман, комкая край скатерти. — Бездельники! Если бы я узнал хоть на неделю раньше...

Однако рыбак не расслышал слов ихтиолога.

— Все вы, яйцеголовые, одинаковы! — рычал Малявка. — Ломаного цента от вас не дождешься! А потом в газетах про нас, простых людей, кричите: невежи, мол, тупицы! Из-за них пропала эта, как ее... уми... муми... уникальная научная находка! Не скупились бы на хрустящие — ничего б и не пропадало! Все бы вам тащили, море вверх дном перевернули бы!..

— Вот это точно, — вполголоса буркнул ихтиолог.

— А так — что нам оставалось? Поперлись мы с Хью в бар...

RISPOSTA-3

— ...Я бы этим умникам... — Хьюго осекся, не находя слов от возмущения, и залил горечь внушительным глотком чистого, как и его ярость, «Гордон-джина». — Пошли, Лэмб, пристрелим чертову тварь! Плавники китайцам продадим — все лучше, чем ничего!

— Верно! — поддакнул изрядно подвыпивший Нед Хокинс, приятель братьев Мак-Эвансов.

Впрочем, Нед был скорее собутыльником и идеальным партнером для пьяной потасовки — нечувствительность Хокинса к боли была притчей во языцех всего острова.

— Охота тебе, Хью, тащиться невесть куда на ночь глядя! — лениво отозвался Малявка Лэмб. — Лучше с утра.

— Нет уж, Ягненочек! — рыкнул, оборачиваясь, Хьюго. — Раз денежки наши накрылись, так хоть душу отведем! Одни убытки от этих, в белых рубашках, дьявол их сожри вместе с ихними акулами!

Хлопнула дверь. Околачивавшийся в баре сын Плешака Абрахама, который все пытался увести домой пьяненького папашу, выскочил наружу, но исчезновение придурка Пола никого не заинтересовало.

За гневной троицей увязался еще один рыбак — за компанию. Пока они ходили за ружьями, стемнело окончательно, так что пришлось еще раз возвращаться, чтобы прихватить фонари.

И запечатанную (до поры) бутыль с «молочком бешеной коровки».

Наконец вся компания, должным образом экипированная, воздвиглась на берегу бухты. Шакалом выл подгулявший норд-ост, скрипели под ногами гнилые мостки, лучи фонарей лихорадочно метались между пенными бурунами, швырявшими в лица рыбаков пригоршни соленых брызг.

— Ну, где эта зараза?! — проорал Ламберт, с трудом перекрикивая вой ветра и грохот волн. — Говорил же: до утра подождем!

В ответ Хьюго только выругался, и луч его мощного галогенного фонаря метнулся к горловине бухты. Между «челюстями», стискивавшими вход в «Акулью Пасть», была натянута прочная проволочная сетка. Но свет галогена сразу вызвал сомнения в реальной прочности заграждения: коряво топорщилась проволока у кромки воды, да и сама сетка была то ли покорежена, то ли порвана — отсюда не разберешь...

Сразу три плотных пучка света уперлись в рукотворную преграду, заставив клокочущую тьму неохотно отодвинуться.

— Срань Господня! — только и смог выговорить Малявка Лэмб, чем выразил общее мнение по поводу увиденного.

Над водой, стремительно несущейся через сетку, виднелся край уходившей вниз рваной дыры, в которую свободно могла бы пройти и более крупная акула, чем проклятый Н'даку-ванга.

KONTRAPUNKT

— Прогрызла! — ахнул увязавшийся за братьями рыбак. — Во зубищи у твари!

— Или башкой протаранила, — предположил Нед Хокинс.

— Или кусачками поработала, — еле слышно пробормотал рассудительный Хьюго, но тогда на его слова никто не обратил внимания.

PROPOSTA-4

— ...Как же, как же! Когда вы вернулись сюда, мокрые и злые, как морские черти, Хьюго еще орал, что это работа мальчишки Абрахама! — гася сигарету, припомнил однорукий Кукер. — Только вряд ли: ночью, в шторм, нырять с кусачками в горловине «Акульей Пасти», чтобы сделать проход для бешеной зверюги, которая, того гляди, тебя же в благодарность и сожрет?! Нет, парни, это уж слишком!

— Так она его потом и сожрала, Билли! В благодарность! — Ламберт коротко хохотнул, но все вокруг нахмурились, и Мак-Эванс резко оборвал смех.

— После Хью и Неда, — добавил он мрачно.

— Может, и так, — низкий голос капрала Джейкобса прозвучал чрезвычайно весомо. — Но запомни, Ламберт: перед тем, как мальчишку сожрала акула, кто-то, похоже, всадил в него заряд картечи.

— Да кому он был нужен? — буркнул Малявка Лэмб и присосался к новой порции джина.

Набившиеся в бар стримайлендцы загалдели, спеша высказать свое мнение по этому поводу. Доктор Флаксман близоруко щурился, растерянно вертя головой по сторонам, а Мбете Лакемба, про которого все забыли, сидел и возил кусочком хлеба по фольгированной сковородке. Нет, он не станет рассказывать этим людям о том, что произошло в ночь побега Н'даку-ванга.

RISPOSTA-4

Барабан-лали глухо пел под ладонями. Длинный ствол метрового диаметра, по всей длине которого прорезана канавка, а под ней тщательно выдолблено углубление-резонатор. Концы барабана были скруглены внутрь, и руки жреца неустанно трудились — правая, левая, правая, левая, пауза...

Лали-ни-тарата, похоронный ритм, плыл над Стрим-Айлендом.

Правая, левая, правая, левая, пауза... пока мальчишеское лицо не ощерилось из мглы острозубой усмешкой.

— Эйе, эйе, тяжела моя ноша, — тихо затянул старый жрец на языке своих предков, — лодка табу идет на воду! Эйе, эйе...

— Эйе, эйе, — прозвучало в ответ, — собачий корень! Светоносный шлет юношу к мудрому Мбете!

— Зачем? — Ладони подымались и опускались; лали-ни-тарата, начало смерти, преддверье Тропы Туа-ле-ита.

— Для Вакатояза, Дарования Имени.

— Светоносный вкусил твоей плоти? Ответь, ты, желающий стать правильным человеком и большим, чем просто правильный человек!

Рука юноши поднялась в жесте, который здешние жители считали оскорбительным, только на месте презрительно выставленного пальца переливался блестящим кровавым сгустком короткий обрубок.

— Вкусил, мудрый Мбете, и я ответил Ему поцелуем.

— Что вначале: рана или иглы?

— Сам знаешь, мудрый Мбете...

— Какую татуировку ты хочешь?

Мальчишка не ответил. Только ослепительно улыбнулся матушке Мбете Лакембы, престарелой Туру-ноа Лакембе, матери явусы «Повелевающих акулами», которая уже стояла на пороге дома, держа в трясущихся руках котомку, привезенную с Вату-вара.

К утру ритуал был завершен. Пол натянул подсохшую футболку, скрыв от досужих глаз татуировку на левом боку, посмотрел на стремительно заживающий обрубок пальца — и, поклонившись, молча вышел.

KONTRAPUNKT

Нет, Мбете Лакемба не станет рассказывать этим людям о ночи Вакатояза, ночи Дарования Имени. Как и о том, что Плешак Абрахам, отец Пола, уже давно не спит и прищуренный левый глаз пьяницы-эмигранта внимательно следит за происходящим в баре.

Как и о том, что шаги Предназначения слышны совсем близко, оно уже на подходе и душный воздух, предвестник завтрашней грозы, пахнет скорой кровью, — об этом жрец тоже не будет говорить.

Владыки океана мудры. Потому что умеют молчать.

PROPOSTA-5

— ...Житья от этих тварей теперь не стало! В море хоть не выходи: рыба попряталась, а сети акулы в клочья рвут, как специально, вроде приказывает им кто!

— Да *он* же и приказывает!

— Тише ты, дурень! От греха подальше...

— А я говорю — *он*!..

— Динамитом, динамитом их, сволочей!

— Можешь засунуть свой динамит себе в задницу вместе со своими советами! Вон, Нед Хокинс уже попробовал!

— Куда правительство смотрит? Власти штата?

— Туда же, куда тебе посоветовали засунуть динамит!

— ДА ЗАТКНИТЕСЬ ВЫ ВСЕ!!! — Трубный рык капрала Джейкобса заставил содрогнуться стены бара, и рыбаки ошарашенно умолкли.

— Вы что-то хотели спросить, доктор? — вежливо осведомился капрал, сверкая белоснежными зубами. — Я вас внимательно слушаю.

— Как я понял, на Стрим-Айленде имели место человеческие жертвы... Мне очень жаль, господа, но не мог бы кто-нибудь внятно объяснить: люди погибли из-за акул?

— Нет, из-за Микки Мауса! — рявкнул Малявка Лэмб. — И что это вы, мистер, все выспрашиваете да вынюхиваете, будто какой-то говенный коп? Лучше посоветовали бы что-нибудь путное!

— Но для этого я хотя бы должен знать, в чем проблема! Не находите? — хитро сощурился Александер Флаксман.

— Ты и так уже слышал достаточно, — пробурчал, сдаваясь, Ламберт Мак-Эванс. — Ладно, док, уговорил. На следующий день, как сбежала эта грязнопузая мразь, мы с Хью вышли в море... Только море как сраной метлой вымело: ни трески, ни сельди — одни акульи плавники кишмя кишат! Ну, я и говорю Хью, вроде как в шутку: «Слышь, братан, это наша белая бестия подружек навела!» А Хью хмурится и чего-то под нос бормочет, словно псих. Поболтались мы туда-сюда — нет лова, хоть наизнанку вывернись!

Хор одобрительных возгласов поддержал последнее заявление Ламберта.

— Ну, плывем обратно, смотрим: болтается в миле от острова ялик. Мотор заглушен, на корме этот самый Пол сидит, глаза закрыты и вроде как улыбается, гаденыш, а вокруг акула круги наворачивает — только плавник воду режет. Я и опомниться не успел, а Хью уже ружьишко выдернул — и навскидку как шарахнет по твари!

— Это была та самая акула? — не удержался доктор Флаксман.

— А кто его знает, док! Хрена отличишь-то, когда один плавник из воды торчит!.. Короче, пальнул Хью, а парень в лодке аж дернулся — будто в него попали! Глазищи распахнул, на нас уставился не по-людски... и снова зажмурился. Мы глядь — акулы уже и след простыл. То ли грохнул ее Хью с первого же выстрела, а скорее — просто удрала.

Ламберт крякнул от огорчения и расплескал джин себе на колени.

— На следующий день мы в море, смотрим: опять у острова ялик болтается, а в нем Пол-паршивец сидит. И опять акула вокруг него, навроде жеребца в загоне! Ладно, на этот раз Хью стрелять не стал, только обругал мальчишку рыбацким загибом, когда мимо проплывали. А с ловом та же история... одна морока! И акулы приманку не брали. Пару штук мы таки подстрелили — так их свои же в клочья порвали, какие там плавники! Вернулись ни с чем, глядь — а парень тут как тут, ялик к причалу швартует. Ну, Хью не сдержался и влепил ему затрещину. Ты, мол, говорит, паршивец, скотину эту выпустил! А теперь еще и пасешь ее! Из-за тебя весь остров без рыбы, половина сетей порвана, одни убытки...

Черноглазая Эми что-то хотела сказать, но Флаксман выразительно посмотрел в сторону девушки, и она сдержалась.

Только губу закусила.

— А парень выслушал молча, — продолжил Малявка, — скосился на Хью, щеку потрогал и говорит: «Я бы не советовал вам, мистер Мак-Эванс, завтра выходить в море. И тем более — охотиться на акул». Хью аж побелел, ка-а-к врежет сукину сыну — потом плюнул, повернулся и домой пошел. А на следующий-то день беда с братаном и приключилась...

RISPOSTA-5

Порывистый ветер гнал свинцовые волны прочь от острова, серая пелена наглухо затянула небо; дождь медлил, но набухшие тучи были готовы разразиться им в любую минуту.

Позади из горловины бухты выходил баркас Неда Хокинса — ветер, все время меняющий направление, то доносил до ушей тарахтение сбоившего двигателя, то отшвыривал звук прочь. Кажется, сегодня только Мак-Эвансы и бесшабашный Хокинс решились выйти в море.

Погода погодой — выходили и в худшую. Но смутное облако гнетущего предчувствия висело над Стрим-Айлендом, заставив большинство рыбаков остаться дома. Вдобавок ночью над островом волнами плыл скорбный ритм барабана Старины Лайка, громче обычного, и в снах стримайлендцев колыхалась сине-зеленая равнина, сплошь поросшая треугольными зубами.

Сны, понятное дело, снами, а все душа не на месте...

Ламберт стоял у штурвала, а Хьюго тем временем деловито забрасывал крючки. Он даже не успел вывалить в воду ведро с приманкой — один из поводков дернулся, натянулся, леса принялась рыскать из стороны в сторону, и Хьюго довольно потер руки, запуская лебедку.

— Есть одна! — крикнул он брату. — С почином, Ягненочек!

Это была довольно крупная мако. «Футов десять будет», — прикинул на глаз Ламберт. Акула отчаянно вырывалась, но долго сопротивляться малочувствительной лебедке она не могла, и вскоре конвульсивно содрогающееся тело грохнулось на загудевшую палубу.

Хьюго не стал тратить патроны: несколько ударов колотушкой по голове сделали свое дело. Тварь еще пару раз дернулась и затихла. Малявка Лэмб заглушил двигатель, после чего спустился на палубу помочь брату.

Большой разделочный нож с хрустом вошел в светлое брюхо рыбы — обычно норовистая мако не подавала признаков жизни.

Хьюго ловко извлек акулью печень, бросил сочащийся кровью орган в стоявшее рядом ведро и снова наклонился над тушей, намереваясь отрезать столь ценившиеся у китайцев плавники.

Жрут, азиаты, дрянь всякую...

*И тут случилось неожиданное. «Мертвая» акула плавно изогнулась, страшные челюсти действительно **мертвой** хваткой сомкнулись на голени Хьюго Мак-Эванса — и не успел Ламберт опомниться и прийти на помощь к брату, как проклятая тварь пружиной взвилась в воздух и вывалилась за борт, увлекая за собой отчаянно кричащего Хьюго.*

Выпотрошенная мако и ее жертва почти сразу исчезли в темной глубине, а потрясенный Ламберт стоял, вцепившись окостеневшими руками в планшир, не в силах сдвинуться с места, и лишь тупо смотрел, как среди кипени бурунов проступает клубящееся бурое пятно...

KONTRAPUNKT

«Я бы не советовал вам, мистер Мак-Эванс, завтра выходить в море. И тем более — охотиться на акул», — эхом отдавались в голове Малявки Лэмба слова проклятого мальчишки.

PROPOSTA-6

Доктор Флаксман задумчиво пожевал губами.

— Бывает, — кивнул коротышка. — В анналах КИА зарегистрирован случай, когда выпотрошенная песчаная акула прямо на палубе откусила руку свежевавшему ее рыбаку. И еще один, когда, вырезав у акулы внутренности и печень, наживив их на крючок и спихнув рыбу за борт, рыболов из Пиндимара (это в Австралии) поймал на своеобразную наживку... ту же самую акулу!

— Вам виднее, док. Только на этом дело не кончилось, — Ламберт с трудом поднял отяжелевшую от выпитого джина голову и обвел слушателей мутным рыбьим взглядом. — Потому что Нед со своего баркаса видел все, что стряслось с Хью, и просто озверел. Он вытащил на палубу ящик динамита, стал поджигать фитили и кидать шашки в воду, одну за другой. Третья или четвертая взорвалась слишком близко от его баркаса, и Неда вышвырнуло за борт. Больше я его не видел. И никто не видел.

— А третьим был сам Пол, — прервал тягостную тишину, повисшую в баре, капрал Джейкобс. — Только если с Хьюго и Недом все более-менее ясно, то с парнем дело изрядно повани вает. Ладно, я вам обещал, док. Теперь моя очередь. В тот день мне выпало вечернее дежурство...

RISPOSTA-6

Ялик, медленно дрейфовавший прочь от острова, капрал заметил еще издали. Крикнув рулевому, чтоб сменил курс, Джейкобс с недобрым предчувствием взялся за бинокль.

Поначалу капралу показалось, что ялик пуст, но вскоре, наведя резкость, он разглядел, что на корме кто-то лежит. «Небось, парень просто уснул, а наш мотор его разбудил». Джейкобс собрался уж было вздохнуть с облегчением, но всмотрелся повнимательнее и скрипнул зубами. Ялик на глазах заполнялся водой, проседая все глубже, и вода имела однозначно красный оттенок.

Такая вода бывает лишь при единственных обстоятельствах, предвещающих толпу скорбных родственников и гнусавое бормотанье священника.

— Быстрее, Патрик! — крикнул негр рулевому внезапно охрипшим голосом.

Но они опоздали.

С шелестом вынырнул из воды, разрезав надвое отшатнувшуюся волну, треугольный акулий плавник — и, словно в ответ, пришло в движение окровавленное тело в тонущей лодке, игрушке пенных гребней.

Юношеская рука, на которой не хватало среднего пальца, с усилием уцепилась за борт, мучительно напряглась — и капрал увидел поднимающегося Пола. Лицо парня было напряжено и сосредоточено, будто в ожидании чего-то неизбежного, но необходимого и не такого уж страшного. Подобные лица можно встретить в приемной дантиста — пациент встал и вот-вот скроется за дверью кабинета... На приближающийся катер Пол не обратил никакого внимания; взгляд его был прикован к зловещему плавнику, разрезавшему воду уже совсем рядом. Мокрая рубашка Пола была вся в крови, и на мгновение Джейкобсу показалось: он отчетливо различает паленые отверстия от вошедшего в грудь парня заряда картечи.

Наверное, этого не могло быть. Такой выстрел должен был уложить юношу на месте — а тот явно был до сих пор жив, хотя и тяжело ранен.

В следующее мгновение длинное акулье тело приблизилось вплотную к лодке. Пол улыбнулся, будто увидел старого друга, протянул вперед беспалую руку — так хозяин собирается приласкать верного пса — и мешком перевалился через борт.

У капрала Джейкобса создалось впечатление, что юноша сделал это вполне сознательно.

KONTRAPUNKT

Море возле тонущего ялика вскипело, расплываясь багряным маревом, капрал бессильно закричал, и в следующий момент ялик с негромким хлюпаньем ушел под воду. Какое-то время буруны еще рычали и кидались друг на друга, тщетно борясь за каждую красную струю, но вскоре водоворот угомонился, и только кровавое пятно расплывалось все шире и шире, будто норовя заполнить собой все море, до самого горизонта...

STRETTA

— Это вы убили его, мистер Мак-Эванс! — Голос Эми зазвенел натянутой струной, и в углу тревожно отозвалась забытая мексиканцем гитара.

— Не мели ерунды, девка, — без обычной наглости огрызнулся Малявка Лэмб. — Твоего Пола сожрала его любимая тварюка! Вот, капрал свидетель...

— Да, мистер Мак-Эванс. Только капрал Джейкобс упомянул еще кое-что! Что перед тем, как Пола съела акула, кто-то стрелял в него, тяжело ранил и, по-видимому, продырявил его лодку, чтобы замести следы, — слова Эми резали, как бритвы; и доктор Флаксман невольно поежился.

— Тебе бы прокурором быть, Эми, — неуклюже попытался свести все к шутке однорукий Кукер.

— Ну, Эми, под присягой я бы не взялся обвинять любого из присутствующих здесь людей, — протянул Джейкобс. — Ты же слышала: я сказал, что мне так *показалось*. В любом случае, улик теперь нет, так что концы в воду, и...

— И убийца останется безнаказанным? — Девушка на мгновение обернулась к капралу, и огромный негр потупился.

— Что ж, поздравляю вас, мистер Мак-Эванс! — Сквозь горький сарказм в голосе Эми проступали едва сдерживаемые слезы. — Вы все правильно рассчитали! Накачивайтесь джином в свое удовольствие — для правосудия вы неуязвимы, а совести у вас отродясь не было! Но помните, — мягкое лицо девушки вдруг страшно изменилось, закостенело, губы перестали дрожать и выгнулись в жуткой усмешке, напоминавшей акулий оскал, — рано или поздно Н'даку-ванга найдет вас! И *он* не станет дожидаться вердикта присяжных! Помните это, мистер Мак-Эванс, когда выведете в море «Красавчика Фредди», помните и ждите встречи на дне с покойным Хью!

— Ах ты, сука!..

Никто не успел помешать Малявке Лэмбу. С неожиданным

проворством грузный рыбак оказался рядом с Эми и сгреб девушку в охапку.

— Да я и тебя, стерву языкатую, скормлю этой зубастой падали, вслед за твоим дружком! — прошипел Ламберт ей в лицо, разя перегаром. — Только еще раз посмей... еще хоть раз...

Говоря, Ламберт раз за разом встряхивал девушку так, что у нее клацали зубы, а голова моталась из стороны в сторону — но тут тяжелая лапа капрала Джейкобса ухватила Малявку за шиворот.

— Поговори-ка лучше со мной, ублюдок, коли собрался распускать руки! — прорычал капрал обернувшемуся к нему Ламберту, и могучий удар отшвырнул рыбака в другой конец бара.

Этот трюк с правой в свое время принес Джейкобсу известность в определенных кругах и прозвище «Ядерный Джи-Ай».

Ламберт пролетел спиной вперед футов десять, опрокидывая стулья, и тяжело грохнулся на стол, за которым сидел, уронив голову на руки, Плешак Абрахам.

И тут, казалось бы, спавший все это время Абрахам начал двигаться. Причем двигаться на удивление быстро и целеустремленно, чего никак нельзя было ожидать от безобидного пьянчужки.

Правая рука Абрахама как бы сама собой опустилась на горлышко стоявшей рядом бутылки из-под дешевого виски; в следующее мгновение бутылка, описав короткую дугу, со звоном разлетелась вдребезги, ударившись о торчавший из стены кусок швеллера с крючками для верхней одежды — и отец погибшего Пола завис над медленно приходившим в себя Мак-Эвансом. В правой руке его сверкало бутылочное горлышко с острыми стеклянными клыками по краям.

— Это ты убил моего Пашку, гнида, — просто сказал Плешак Абрахам и одним движением перерезал Ламберту горло.

Впрочем, никто, кроме Эми, не понял сказанного — потому что Плешак Абрахам, Абраша Залесский из далекого, неизвестного стримайлендцам города, произнес это по-русски.

Зато все видели, как страшным вторым ртом раскрылось горло Малявки Лэмба, как толчком выплеснулась наружу вязкая струя и как забулькал, задергался на столе рыбак, свалился на пол и через несколько секунд затих.

Кровавая лужа медленно растекалась по бару.

— Жаль. Слишком легкая смерть для подонка, — еле слышно прошептала Эми, оправляя измятое платье.

— Абрахам... ты меня слышишь, Абрахам?

Плешак Абрахам поднял взгляд от затихшего Ламберта и посмотрел на капрала. Бутылочное горлышко, отливающее багрянцем, он все еще сжимал в руке.

— Слышишь. Я вижу, что слышишь. А теперь — положи свою стекляшку... положи, Абрахам, все нормально, никто тебя не тронет, положи горлышко и иди сюда... — Джейкобс говорил с пьяницей, как с ребенком, и в какой-то момент всем показалось, что гипноз успокаивающего тона и обволакивающие, туманящие сознание слова оказывают нужное действие: Абрахам даже сделал жест, словно и впрямь собирался положить горлышко на стол и послушно подойти к капралу.

Но довести это до конца Абрахам то ли забыл, то ли не захотел. Так и двинулся к негру, сжимая в пальцах окровавленную стекляшку.

— Положи, Абрахам! Я кому сказал? — чуть повысил голос капрал.

Перекрывая сказанное, раздался грохот. Из груди пьянчужки брызнуло красным, тонко закричал Барри Хелс, зажимая разодранное плечо — за спиной Абрахама стоял однорукий Кукер с дымящимся обрезом двустволки в единственной руке. Одна из картечин, прошив Плешака навылет, угодила в Барри.

— Привет, Пашка, — отчетливо произнес Абрахам, глядя куда-то в угол. И на этот раз все прекрасно поняли незнакомые русские слова. — Вот и я, сынок. Встречай.

И рухнул на пол лицом вниз.

— Идиот! — Ладони Джейкобса помимо воли начали сжиматься в кулаки. — Я бы его живым взял! Скотина однорукая!

Капрал шагнул было к Кукеру — и застыл, завороженно глядя на уставившийся ему в грудь обрез, один из стволов которого все еще был заряжен.

— Билли, ты... ты чего, Билли? Убери сейчас же! — растерянно выдавил капрал, и черное лицо негра стало пепельным.

И тут раздался смех. Издевательский, горький, но отнюдь не истерический; смеялась Эми.

— И эти люди называли Пола придурком, а его акулу — «проклятой мразью»?! Посмотрите на себя! Пол нашел общий язык с тупорылой зубастой тварью; а вы — люди, двуногие акулы, изначально говорящие вроде бы на одном языке, готовы убивать друг друга по любому поводу! Так чем же вы лучше?!

«Лучше?.. лучше...» — отголоски неуверенно прошлись по онемевшему бару, опасливо миновали лужу крови и присели в уголке.

— Просто вы никогда не пытались по-настоящему *вложить душу*, — добавила девушка еле слышно и отвернулась.

Хлопнула дверь, и люди начали плавно оборачиваться, как в замедленной съемке.

— Док, тут радиограмма пришла. — В заведение Кукера размашистым шагом вошел полицейский сержант Кристофер Баркович. — Кстати, какого рожна вы палите средь бела дня? По бутылкам, что ли?

Тут Баркович увидел трупы — сначала Абрахама, потом Ламберта — и осекся, мгновенно побледнев.

— Господи Иисусе... — пробормотал сержант.

CODA

Закат умирал болезненно, истекая в море кровавым гноем, и море плавилось, как металл в домне; но все это было там, далеко, у самого горизонта. Здесь же, близ пологого юго-западного берега Стрим-Айленда, струйками мелкого песка спускавшегося к кромке лениво шуршащего прибоя, море казалось ласковым и теплым, не пряча в пучине зловещих знамений. Разве что вода в сумерках уже начинала светиться — подобное явление обычно наблюдается в гораздо более южных широтах — да еще в полумиле от берега резал поверхность моря, искря и оставляя за собой фосфоресцирующий след, треугольный акулий плавник.

Доктор Флаксман с усилием оторвал взгляд от тонущего в собственной крови солнца и от призрака глубин, неустанно бороздившего море. «Н'даку-зина, Светоносный, — мелькнуло в голове. — Так фиджийцы иногда называют своего Н'даку-ванга, бога в облике татуированной акулы...» Мысли путались, из их толщи то и дело всплывали окровавленные трупы в баре, искаженные лица стримайлендцев — живых и мертвых...

Доктор перевел взгляд на пенную кромку прибоя. С холма, где стояли они с Мбете Лакембой, на фоне светящегося моря четко вырисовывалась фигура девушки. Белые языки тянулись к ее ногам и, не достав какого-то фута, бессильно тонули в песке. «Ждет, — Флаксман облизал пересохшие губы и ощутил, как он чудовищно, невозможно устал за последние сутки. — Чего? Или — кого?»

Вторая темная фигура, скрюченная в три погибели, медленно ковыляла вдоль полосы остро пахнущих водорослей, выброшенных на берег. Женщина. Старая. Очень старая женщина. Время от времени она с усилием нагибалась, подбирала какую-то дрянь, долго рассматривала, нюхала или даже пробовала на

вкус. Иногда находка отправлялась в холщовую сумку, висевшую на плече старухи, но чаще возвращалась обратно, в кучу гнющих водорослей. Раковины? Кораллы? Крабы? Кто ее знает...

Матушка Мбете Лакембы подошла к Эми, и пару минут обе молча смотрели вдаль, на полыхающее море и треугольный плавник. Потом старуха что-то сказала девушке, та ответила, Туру-ноа Лакемба удовлетворенно кивнула и с трудом заковыляла вверх по склону холма.

— Уважаемый Мбете, — Флаксман закашлялся, — вам не кажется, что сейчас наступила моя очередь рассказывать? Думаю, эта повесть — не для бара. Особенно после того, как я подверг сомнению слова Эми... Короче, покойный Ламберт Мак-Эванс был отчасти прав. Когда ляпнул, что я приплыл сюда верхом на ездовой мако. Он ошибся только в одном: это была не мако. Я боюсь утверждать, но мне кажется... это был Н'даку-ванга!

В первый раз за сегодняшний день в глазах старого жреца появилось нечто, что можно было бы назвать интересом.

— Н'даку-ванга не возит на себе людей, — глядя мимо Флаксмана, бесцветно проговорил Лакемба. — Для этого у него есть рабы.

— А Пол? Кроме того, я и не утверждал, что Н'даку-ванга возил Александера Флаксмана на себе. Когда меня, находящегося к стыду моему в изрядном подпитии, смыло за борт и я начал погружаться под воду — я успел распрощаться с жизнью. Но тут что-то с силой вытолкнуло меня на поверхность.

Доктор передернулся — настолько живым оказалось это воспоминание.

— Я, конечно, не принадлежу к общине На-ро-ясо, но в акулах все же немного разбираюсь... Не узнать большую белую акулу я просто не мог! Смерть медлила, кружила вокруг меня, время от времени подныривая снизу и опять выталкивая на поверхность — плаваю я отлично, но после коньяка, да еще в одежде... Пару раз акула переворачивалась кверху брюхом, словно собираясь атаковать, и меня еще тогда поразили ярко-синие узоры на этом брюхе. Даже ночью они были прекрасно видны, будто нарисованные люминесцентной краской. Странно, — доктор Флаксман произнес последнюю фразу очень тихо, обращаясь к самому себе, — я в любую секунду мог пойти ко дну, вокруг меня наворачивала круги самая опасная в мире акула — а я успел заметить, какого цвета у нее брюхо, и даже нашел в себе силы удивиться...

Мбете Лакемба молчал и смотрел в море.

Возраст и судьба давили на плечи жреца, и ему стоило большого труда не сутулиться.

— Потом акула несколько раз зацепила меня шершавым боком, толкая в какую-то определенную сторону; и когда она в очередной раз проплывала мимо — не знаю, что на меня нашло! — я уцепился за ее спинной плавник. И тут «белая смерть» рванула с такой скоростью, что у меня просто дух захватило! Я захлебывался волнами, накрывавшими меня с головой, но все же мог дышать: акула все время держалась на поверхности, словно понимала, что мне необходим воздух. В конце концов я потерял сознание... дальше не помню. Утром меня нашел на берегу сержант Баркович.

— А исследовательское судно, на котором я плыл сюда, пропало без вести, — после паузы добавил доктор. — Вот, сержант передал мне радиограмму.

Флаксман похлопал себя по карманам одолженной ему рыбацкой робы и вдруг скривился, как от боли,

— Что там у вас? — почти выкрикнул жрец.

— Ерунда, не беспокойтесь. Царапины.

— Покажите! — Голос Мбете Лакембы был настолько властным, что доктор и не подумал возражать. Послушно расстегнув робу, он представил на обозрение Лакембы странное переплетение подживавших царапин и кровоподтеков на левом боку, непостижимым образом складывавшееся в витиеватый узор.

— Я верю вам, — просто сказал Мбете Лакемба, отворачиваясь. — На вас благодать Светоносного. Можете считать себя полноправным членом явусы На-ро-ясо.

— И... что теперь? — растерялся Флаксман. — Нет, я, конечно, очень признателен Н'даку-ванга за оказанное доверие («Что я говорю?!» — вспыхнуло в сознании), он спас мне жизнь, но... в конце концов, погибли люди, рыбаки, и еще этот юноша, Пол...

— На вашем месте, доктор, я бы беспокоился не о мертвых, а о тех, кто остался в живых. — Лакемба понимал, что не стоит откровенничать с болтливым коротышкой, и в то же время не решался отказать в беседе посланцу Н'даку-ванга. Месть Светоносного здесь, на Стрим-Айленде, свершилась. И тот, кто стал орудием судьбы, сейчас имеет право задавать вопросы.

И получать ответы.

— Почему? — удивленно поднял брови ихтиолог.

— Светоносный проснулся, и священная пещера под Ватувара опустела. Отныне дом Н'даку-ванга — велик. И бог нашел

предназначенного ему человека: свою душу среди двуногих обитателей суши.

— Пол?! — ужаснулся Флаксман, снизу вверх глядя на скорбную и величественную фигуру жреца. — Падре Лапланте в своих записках упоминал... Пол прошел обряд до конца?!

— Не будь в Н'даку-ванга человеческой души, он не стал бы спасать тебя. Пусть даже ты был нужен ему лишь как Посланец — все равно...

Мбете Лакемба вежливо улыбнулся. Светоносный выбрал себе очень странного Посланца. Может быть, бог решил испытать терпение своего жреца? Что ж, он будет терпелив.

— Ты жил среди нас, — продолжил Лакемба, наблюдая за тем, как его матушка медленно взбирается на холм. — Ты должен был слышать. Легенда об акульем царе Камо-боа-лии, как еще иногда называют Н'даку-ванга, и девушке по имени Калеи.

— Конечно, конечно! — радостно закивал доктор. — О том, как Камо-боа-лии влюбился в прекрасную Калеи, приняв человеческий облик, женился на ней и она родила ему сына Нанауе. Уходя обратно в море, Камо-боа-лии предупредил Калеи, чтобы она никогда не кормила ребенка мясом, но со временем кто-то нарушил запрет, и Нанауе открылась тайна превращения. Многие люди после этого погибли от зубов оборотня, и в конце концов Нанауе изловили и убили. Очень печальная история. Но при чем тут...

— При том, что рядом с Нанауе не оказалось правильного Мбете, который бы научил его правильно пользоваться своим даром, — прервал доктора жрец. — Иначе все бы сложилось по-другому. Так, как было предопределено изначально. В море появился бы Хозяин.

— Хозяин?! Вы хотите сказать...

Рядом послышалось тяжелое старческое дыхание, и Туруноа Лакемба остановилась в двух шагах от сына, с трудом переводя дух.

— Она беременна, — отдышавшись, произнесла старуха на диалекте Вату-вара.

Но доктор ее понял.

— Эми? — Ихтиолог невольно взглянул в сторону все еще стоявшей на берегу девушки. — От кого?

Туру-ноа посмотрела на белого посланца Н'даку-зина, как посмотрела бы на вдруг сказавшее глупость дерево, и ничего не ответила.

— Мне скоро предстоит ступить на Тропу Мертвых, сын мой.

Я уже слышу зловонное дыхание двухвостого Туа-ле-ита. Так что присматривать за ее ребенком придется тебе. Справишься?

Мбете Лакемба почтительно склонил голову.

— Я сделаю все, чтобы он вырос таким, как надо.

Ноздри старого жреца трепетали, ловя запах умирающего дня, в котором больше не было обреченности — лишь покой и ожидание.

POSTLUDIUM

Теплые волны ласкали ее обнаженное тело, и ласковые руки опоздавшего на свидание Пола вторили им. Сегодня Пол, обычно замкнутый и застенчивый, вдруг оказался необыкновенно настойчивым, и Эми, почувствовав его скрытую силу, не стала противиться.

Это произошло в море, и мир плыл вокруг них, взрываясь фейерверками сладостной боли и блаженства. Это казалось сказкой, волшебным сном — а неподалеку, в каких-нибудь двухстах футах от них, упоенно сплетались в экстазе две огромные акулы, занятые тем же, что и люди; Эми не видела их, но море качало девушку, вторя вечному ритму, и завтра не должно было наступить никогда...

Это было совсем недавно — и в то же время целую вечность назад, в другой жизни.

Наутро она узнала, что Пол погиб.

Вчера.

Эми понимала, что ошибается, что это невозможно, а может, ей все просто приснилось — но девушка ничего не могла с собой поделать: мысли упрямо возвращались назад, словно собаки на пепелище родного дома, и выли над осиротевшим местом.

Она пыталась высчитать время — и всякий раз со страхом останавливала себя.

Потому что по всему выходило: *это* произошло, когда Пол был уже несколько часов как мертв.

...Она стояла на берегу, море таинственно отливало зеленым, и резал воду в полумиле от берега треугольный плавник, оставляя за собой фосфоресцирующий след.

Невозможная, безумная надежда пойманной рыбой билась в мозгу Эми.

Она стояла и ждала, глядя, как солнце вкладывает свою раскаленную душу в мерцающее чрево моря.

И почти никто еще не понимал, что это — только начало.

...на этот раз я вернулся гораздо быстрее.

Почти сразу.

Сознание поставило защитный барьер, преобразовав часть ощущений, способных превратить мозги в кипящий клейстер, структурировав их в привычную форму — форму текста, живущего по своим законам. Так мне было проще пережить все это наваждение, так мне было легче на время отсечь несущественное или существенное слишком, закрыться, защититься, переварить, усвоить нужное и отторгнуть продукты духовной дефекации.

Морщитесь, господа эстеты, тонкие натуры, любители высоких жанров?! Правильно делаете. Я и сам бы на вашем месте с удовольствием морщил высокий лоб... Одна беда — вы на своем месте, а я, увы, на своем, и никакие выверты этого не изменят.

Встав с кровати, я прошлепал к столу и равнодушно уставился на свежую распечатку. Которой я никогда не делал. Если залезть в компьютер, там наверняка обнаружится новенький файл в формате *«text only»*. Которого я тоже не набирал. И тем не менее...

Вот именно.

Привет от Минотавра, твердо знающего, что рукописи горят.

Пашка, надеюсь, я не очень исковеркал этим твою новую судьбу? — хотя исковеркать ее больше, чем это сделала жизнь... каждый вкладывает душу как умеет и куда умеет: один — в пасть татуированной акулы Н'даку-ванга, другой — в эфемерное бытие слов и фраз, явившихся ниоткуда, в пасть новорожденного текста, идола, неустанно требующего жертв, зубастого вдвое против всех хищников на свете; о, вкладчик души наивней младенца, нам и в голову не придет рассчитывать на проценты со вклада — но они нарастают сами, медленно и неумолимо, пока в один мало прекрасный день ты не начинаешь исподволь понимать: тебе выпал случайный фарт расплатиться по счетам, своим и чужим, и впору разодрать глотку воплем: «Ну почему именно я?!»

Ведь сказано было гласом небесным:

— Скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего!

Нет же, влез со своим уставом в чужой монастырь...

Хватит.

На сейчас — хватит.

Я спас самого себя; трубач — туш!

В соседней комнате было тихо. «Как на кладбище...» — мелькает вредная мысль, и я загоняю ее в самый дальний угол, откуда она подмигивает мне. Совсем рядом, на полу, привалясь плечом к боковому валику дивана, расположился Ерпалыч. Рука старика оказывается теплой, пульс бьется ровно, и цыплячья грудь дядька Йора вздымается вполне пристойно. Валидолу ему дать, что ли? Ладно, обождем: Эк я их... аж самому страшно.

В углу улыбается Фол. С закрытыми глазами, нервно подергивая хвостом. Из уголка рта кентавра тянется вязкая ниточка слюны, теряясь в бороде.

Магистру повезло больше всех: он лежит на диване, глядя в потолок. Я вожу перед его лицом ладонью — никакого результата. У ножки дивана валяются магистровы очки, правое стекло треснуло, и сеть морщинок разбегается по линзе. Очков жалко.

Дорогие небось... по оправе видно.

Остановившись возле Ритки (друг детства зародышем скорчился прямо на полу), я наклоняюсь и поднимаю выпавший из кармана бравого жорика диктофон. Маленький такой, аккуратненький. Видать, тетя Эра надоумила. Перемотка работает вполне исправно, я жду, пока пленка отмотается чуть-чуть назад, и нажимаю кнопку контрольного воспроизведения.

А ну как там «Куреты»?!

Вместо «Куретов» из крохотного динамика плещет океан. Волны бьются о каменистый берег, с шумом уползая обратно, захлебываются воплями чайки, потом вдруг из ниоткуда наслаивается гул голосов, звон посуды...

— *Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!* — Девичий крик хлещет кнутом, в результате чего я едва не роняю диктофон. Кричат по-русски, и я сразу узнаю голос девушки, сообщившей мне о гибели отца с Пашкой.

Звон гитарной струны.

Течет, плавится...

— *Не мели ерунды, девка,* — рявкают в ответ, огрызаясь. — *Твоего Пола сожрала его любимая тварюка! Вот, капрал свидетель...*

Говорят опять по-русски, чего не может быть по определению, но я понимаю: запись не лжет, запись не морочит мне голову — просто мои заскоки, будь они прокляты, не прошли даром даже для магнитной пленки.

Полюбуйтесь!

— *Да, мистер Мак-Эванс. Только капрал Джейкобс упомянул еще кое-что! Что перед тем, как Пола съела акула, кто-то стрелял в него, тяжело ранил и, по-видимому, продырявил его лодку, чтобы замести следы!* — Я стою и слушаю, один в квартире среди бесчувственных людей, а девушка все кричит.

И наплывом плещется океан-свидетель.

— *Тебе бы прокурором быть, Эми,* — сипло бросают издалека.

Крики чаек.

Скрежещет колесико зажигалки — близко, совсем близко...

— *Ну, Эми, под присягой я бы не взялся обвинять любого из присутствующих здесь людей. Ты же слышала: я сказал, что мне так показалось. В любом случае, улик теперь нет, так что концы в воду, и...*

Этот бас я уже слышал по телефону.

— *Ask him, does he going to come to U.S.A.?* — Вот что тогда спрашивал бас. Сейчас же он рокочуще произносит слова совсем другого языка, словно говорил на нем с детства, с младых ногтей, и я еле сдерживаюсь, чтоб не запустить диктофоном в окно.

Голоса стихают, захлебываются в воплях чаек, в мерном рокоте волн...

— Алька? Ты в порядке?

Сперва мне кажется, что это снова запись.

— Ты в порядке, спрашиваю?!

— Да, Ритка. Я в порядке. А ты?

— И я... вроде.

Друг детства, кряхтя, встает и подходит ко мне.

Я молча протягиваю ему диктофон.

Океан.

Океан поет в руках Ритки.

— *И убийца останется безнаказанным?* — вдруг спрашивает океан девичьим голосом, чтобы ответить самому себе ветром над сине-зеленой равниной.

Ритка ошалело смотрит на меня, выключает аппарат и сует его в карман.

Океан молчит в кармане.

— Это следовательша велела, — оправдываясь, говорит Ритка. — Понимаешь, Алька... я так решил: возьму, а потом тебе запись прокручу. Если скажешь: нельзя — я сотру, а следовательше совру, будто батарейки сели. Или еще что...

— Не надо, Ритка, — я улыбаюсь и с удовольствием слежу, как оттаивает ледяное лицо моего служивого. — Отдай, как есть, тете Эре. Пусть насладится сполна. Говоришь, она хотела

знать, что тут у нас происходит? Пусть знает, в подробностях. И еще...

Еще б понимать, зачем я все это делаю?.. Не понимаю.

Делаю.

Бегу к рабочему столу, хватаю свежую, еще тепленькую распечатку и возвращаюсь к другу детства.

— Держи, Ритка. Это тоже отдашь.

— А-а... а что это? Что это, Алька?!

— Не знаю, — честно отвечаю я. — Но ты все-таки отдай, хорошо? Отдашь?

— Хорошо. Отдам.

На диване ворочается магистр — и сразу, забыв поздороваться, начинает сетовать по поводу разбитых очков.

Минута: и Ерпалыч принимается успокаивать гостя.

Я иду на кухню за водой, переступая по дороге через Идочку (уже явно свыкшуюся с частыми обмороками); я даю воде стечь, набираю доверху огромную, «сиротскую» кружку и тащусь обратно.

Мне очень интересно узнать — что же видели они все в тумане забытья?

Но спрашивать неудобно.

Внутри ворочается Пашка: вчерашний и завтрашний. Чувство одиночества, перерастающее в чувство Предназначения, ряды треугольных зубов милосердно рвут плоть, уже не нужную, как не нужна змее ее прежняя кожа, давая завершиться слиянию... бьют барабаны на берегу во славу Хозяина, во славу Н'даку-ванга, который обрел наконец открывшуюся ему человеческую душу, и ошарашенный радист местной радиостанции наскоро просматривает последние радиограммы: градом сыплются сообщения с промысловых сейнеров о порванных сетях и полном исчезновении рыбы, а на побережье один за другим закрываются пляжи в связи с невиданной волной нападений акул... на пластмассовых панелях стрим-айлендских домов углем рисуются обереги, свисают с форштевней сделанные Мбете Лакембой амулеты, а еще изредка выходит к немногим адептам из вод морских Пол Рыборукий, обучая и наставляя, после чего возвращается обратно в соленую колыбель, и снова, снова, вновь и опять — ряды треугольных зубов милосердно рвут плоть, уже не нужную, как не нужна змее ее прежняя кожа, давая завершиться очередному слиянию...

Пашка!.. Пашка...

Я чувствую его метания, чувствую противоестественную пуповину, связавшую нас кровью; я — вчерашний и завтрашний. Чувство одиночества, перерастающее в чувство Предназначения, треугольные зубы обстоятельств милосердно рвут сознание, уже не нужное, как не нужна змее ее прежняя кожа, давая завершиться очередному слиянию... кентавры колесят асфальтовыми просторами, чадят просвиры на тысячах «алтарок», фермеры дерутся за право подставить буренку под Минотавра в джинсах, молчит душным аквариумом вездесущая Выворотка, в уверенности великой молятся пенсионеры-огородники об урожае огурцов равноапостольному царю Константину, а еще загуляла по Дальней Срани байка про крестника дядька Йора, кручельника знатного, из которого вышел толк пополам с бестолочью, и снова, вновь и опять — чувство одиночества, чувство Предназначения...

Абрамыч!.. ты это, Абрамыч... живот не болит?

Мы оба вздрагиваем внутри реальности, миллионолетнего монстра, высохшей мумии, плотного кокона, исполина, сжавшегося по собственной воле до размеров воробьиного яйца; мы, птенцы-безумцы, пробуем скорлупу на прочность, и нам кажется, что она поддается, первый намек на трещину змеится наискосок и вверх, вверх, туда, где сидит и ухмыляется в бороду... верней, сидел и ухмылялся.

Все, молчу.

Молчу.

* * *

Нам.

Здесь.

Жить...

Конец первой книги

Книга вторая

КРОВЬ ПЬЮТ РУКАМИ

XV. Об избавлении от мышей, клопов, тараканов, от гусениц, вредящих садам и огородам.

1. Мученику Трифону (250; 14 февраля). Известны многочисленные случаи чудесных избавлений от гусениц, саранчи и различных других вредных насекомых помощию св. Трифона по молитве к нему. Заказать молебен этому святому с водосвятием. (Молит. 118).

Сборник молитвословий, издательство «Либрис», Москва, 1995 год, по благословению настоятеля Иоанно-Златоустовской церкви; тираж не указан.

Часть четвертая

ПОДСТИЛКА ПРОКУРОРСКАЯ, или Пташечки с колоколенки

Четверг, девятнадцатое февраля

Меж кентом и ментом * Маг по имени Истр * Конституцию еще не отменили? * «Воздух» понят правильно * Наверное, это и есть Ад

1

Итак, стоит себе дура между кентом и ментом. Мент шпалер свой ментовский поднимает, а кент... Бр-р-р! Ну и рожа! То есть уже не одна, а целых две... мама моя родная! — вторая-то

кентесса! Клетчатый пиджак притален, белоснежная манишка, галстук-селедка аккуратно заколот... тоже — лицо нетрадиционной?

— Падай, Гизело!

Ну уж нет! Стану я на грязный пол падать!

— Отставить!

Поднимаю руку, поворачиваюсь к разошедшемуся не на шутку жорику.

— Сержант! Пистолетик-то... Спрячьте, не ваш же! Сядете! Сама посажу, не побрезгую!

Понял. Увял. Спрятал. Вот и порядок! Теперь кенты.

— В чем дело, граждане?

От «граждан» люто несет перегаром и машинным маслом. Первый — громадное гнедое одоробло само себя шире, на плече похабщина наколота — надвигается в упор, щерит желтые зубы.

— Уйди, тетка! Нам Алик нужен!

Тетка? Спасибо, что не бабка!

— Тамбовский волк тебе тетка. И дядька. Стой, где стоишь!

Легко сказать! Мокрое, в клочьях грязного снега, колесо подкатывает к самым коленям. Не двигаюсь. Жду. Давить собрался, урод? Давай, рискни запчастями!

— Усе в порядке, граждане!

Сержант Петров, кажется, успел очухаться и готов занять боевую позицию рядом со мной — с палашом наголо. Я только вздохнула: налетит наряд, отмазывай потом обалдуя! Фиг там, не буду!

— Усе в порядке, граждане! — суровым тоном повторяет жорик. — А документики-то предъявите!

Интересно, какие документы у кентов? Наверно, водительские права. И еще техпаспорт.

— Катись в пень, служивый! — Кентесса демонстративно сплевывает на пол и катит к нам с явным намерением припечатать к полу сержантовы сапоги. — Если вы, бриллиантовые, с Аликом беду сотворили!..

— Язык-то попридержите, гражданочка! — Квадратное плечо Петрова ненавязчиво оттирает меня в сторону. Слабые попытки сопротивления с моей стороны игнорируются — молча, но решительно. Теперь супротив двух кентов — один мент.

— Вот чего, сержант! — Первый, который одоробло, нагибается, дышит бензином. — Ты нам Алика отдай, а сам катись — и зубы вставлять не придется. Просек?

— Попустись, миленок! — сопрано красотки на колесах звенит откровенной издевкой. — Не ровен час, мы тебя сами попустим! Вдвоем и по очереди.

Петров громоздится, как спартанское войско при Фермопилах, намертво перекрывая коридор. Я наконец прихожу в себя. Ругаются — значит, смертоубийства не будет. Телефон! Я ведь хотела позвонить! Наряд и, конечно, «Скорую»! Нет, «Скорую», а потом уже наряд!..

Я отступаю к двери, за которой прячется искомый телефон (сотовый надо было брать, дуреха!), и тут начинается. Мое непродуманное отступление явно принято за всеобщее бегство. Кентесса начинает наезжать (в прямом смысле, не в переносном) на сержанта, лапища гнедого — грязная, в чем-то, похожем на тавот, — толкает Петрова в грудь...

Бах!

Интересно, можно ли с одного удара уложить на землю шкаф? Наверное, нет, а вот кентавра можно, причем с тем же приблизительно звуком. Уложить одной левой — в правой у сержанта палаш, которым он почти одновременно пытается достать кентессу — к счастью, плашмя. Но фехтовальщик из него никакой — ловкий ответный удар выбивает оружие из рук, тонкие, но жилистые лапки тянутся к горлу...

Все! Пора бить! Не люблю жориков, но они все-таки люди.

Я примериваюсь к хрипящей и матерящейся массе, едва не получаю колесом по ноге, успеваю разглядеть мохнатое горло гнедого, замахиваюсь...

— Хватит!

Голос негромкий, слабый. Казалось, его и не услыхать-то по этакой запарке, но — услышала. И не просто услышала — замерла на месте, каким-то чудом моментально осознав: и вправду — хватит. И что самое любопытное, догадалась об этом не одна я. Словно к непослушным детишкам пришел строгий дядька. Поиграились, малые, — и будя!

Куча распадается, встрепанный Петров отскакивает в сторону, кенты отъезжают чуть назад.

— День добрый, господа и граждане!

Тот, кто столь удачно нас убедил, стоит в дверях. Старенький такой, и кожушок на нем старенький, на седой голове шапка-бирка, сверху дырка, ветром повевает...

За спиной дедушки, прямо на лестничной площадке, возвышается еще один кентавр — угрюмый бородач в футболке песочного цвета.

Почетный эскорт?

— Олег Авраамович жив?

И тут я спохватываюсь. В голове зреет смутная — и совершенно невероятная — догадка. На фотографиях он совсем другой, помоложе и не в кожухе, но...

— Гражданин Залесский жив, но ему срочно требуется медицинская помощь. Гражданин... Молитвин?

Тот, кого ищут пожарные, ищет милиция, неторопливо кивает, поворачивается к кентам:

— Все в порядке, Папочка. Драться не надо. Это свои.

В иной момент я бы и не прочь побыть «своей» для нетрадиционной Папочки, но не сейчас.

— Я работник прокуратуры, гражданин Молитвин. В данный момент в квартире находится лицо с явными признаками...

— Я знаю, кто вы, Эра Игнатьевна, — прежним негромким голосом перебивает старик. — Алик вас хорошо описал. Никаких признаков, тем более явных, нет, но Олегу Авраамовичу действительно нужна помощь. За тем и пришел.

«Опохмелиться принесли, что ли?» — хочу спросить я, но не спрашиваю. Просто не успеваю — бравый сержант Петров как раз выходит из ступора.

— Ерпалыч, ты это... — произносит он сурово, неторопливым движением пряча в ножны палаш. — Ты в комнату пройди. А вы, граждане, стойте, где стоите. И ни шагу!

Последнее явно относится к кентам. Они недобро ворчат, скалят желтые зубы — но подчиняются. Пока, во всяком случае.

Ладно! Пора к телефону!

Я снимаю трубку, палец ложится на кнопку.

— Не надо, Эра Игнатьевна!

Вздрагиваю. Вздрогнешь тут, когда тихой сапой из-за спины подбираются. Когда это он успел?

Хочется ругнуться как следует, в пять загибов, но нельзя. Не тот случай.

— Гражданин Молитвин! Прошу не указывать мне, что делать! Между прочим, ваш дружок-собутыльник валяется в соседней комнате с перерезанной артерией...

— Нет...

Старик медленно снимает шапчонку, проводит худой ладонью по жидким седым волосам.

— Олег Авраамович не ранен. Эта кровь — не его. У него обморок. Не звоните! «Скорая» не поможет, а вашим коллегам тут делать нечего. Эта кровь — не человеческая. Произошел...

Ну, можно сказать, несчастный случай. Точнее, неудачный научный опыт.

Из соседней комнаты доносится радостный визг гражданки Бах-Целевской:

— Алик! Алик! Сладенький мой! Это я, твоя курипочка!

Судя по тону «курипочки», дела не так и плохи. Все-таки медсестра, должна что-то понимать! Ладно, не буду спешить. К тому же упоминание о науке наводит меня на новую мысль — на сей раз совершенно правильную.

— Хорошо. В милицию пока звонить не буду. Насчет «Скорой» — поглядим через полчаса.

Он кивает, явно успокоенный, и выходит из комнаты.

Мой палец тут же ложится на кнопку.

Набираю номер.

Свой.

2

Игорь поднимает трубку почти сразу, после первого гудка, и я догадываюсь, что он сидит в большом старом кресле рядом с моим столом.

— К-квартира Гизело! Алло!

— И вам алло, Игорь! — невольно улыбаюсь я. — Звоню из Лапландии. От Деда Мороза.

— Зд-дравствуйте, Снегурочка! — мигом откликается он. — К-как там в Лапландии? Нильса с г-гусями не встречали часом?

— Гусь есть! — Я уже не улыбаюсь. — Ваш гусь! Тот самый!

Несколько секунд трубка молчит, и я получаю возможность беспрепятственно переварить «снегурочку». Никак уши краснеют, снегурочка-дурочка? Хороша старая баба с красными ушами!

— П-понял, — теперь голос звучит совсем иначе: строго и твердо. — Н-назовите ад-дрес, еду!

Да, голос звучит твердо, но заикается мой «специалист» больше обычного. Неужели на старом алкаше свет клином сошелся? Игорю сюда нельзя, здесь же куча... даже не народу, а просто — куча. Свалка. Мне за такое голову оторвут. Вернее, сама оторву, если с ним что-то...

— Адрес назову, Игорь. Но ехать вам сюда нельзя. Сейчас нельзя. Поверьте!

На этот раз с голосом экспериментирую я. Поймет?

— Хорошо, — в трубке слышен вздох. — Д-долго терпел, потерплю еще. Договоритесь, пожалуйста, о встрече. На завтра. Ладно?

На завтра? Как бы Неуловимый Джо Молитвин не вздумал вновь шутки шутить! Ну, нет! Не позволю.

— Договорюсь. Вас как-то представить?

— К-конечно! Будем д-дипломатами! — Игорь смеется, и я невольно улыбаюсь в ответ. — Скажите, что с ним хочет встретиться м-магистр.

— К-как? — оказывается, я тоже умею заикаться.

— Магистр — это маг по имени Истр. В честь речки назвали — Днестр которая. Не иначе он там с водяными п-путался. И с русалками... Я ведь действительно м-магистр, причем именно по мифологии. В Праге дали, я там в университете защищался. У Ярослава Б-буриана. Который по унгвартариям книжку написал, помните?

Ага! И ложусь с ней, и встаю.

— Хорошо. Передам. Мне, Игорь, тут еще побыть придется, так что вы не скучайте. Телевизор сами найдете, компакт-диски в левом нижнем ящике стола.

— Спасибо! — Кажется, он вновь улыбается. — Я тут зрение порчу — Лойолу в-вашего почитываю. Насчет т-трех степеней подчинения. Разб-бирался, испанец!

— Еще бы, — охотно соглашаюсь я.

Так оно и есть. Разбирался. Но даже если и нет, я не стала бы спорить с Игорем Дмитриевичем. Бог с ней, с истиной, пусть не рождается!

* * *

Этому тоже учил Первоиезуит. Мир дороже. Мир — и покорность. На том все и стоять должно.

Впрочем, меня бы он к себе не взял. И даже не из-за того, что я Эра, а не Эрик. Три степени покорности: повинуйся телом, повинуйся разумом, повинуйся сердцем. Хорошо придумано, но не для меня. Не умею. Хотя учили крепко.

Повинуйся телом: это когда бьют, приставляют к горлу осколок стекла, валят на дощатые нары, срывают клифт, вонью дышат в лицо. И ты повинуешься — телом, избитым, опозоренным, но еще желающим жить.

Повинуйся разумом: это когда годами работаешь под чужой личиной, выверяешь каждый шаг, жрешь горстями успокоитель-

*ное — или пьешь по-черному по субботам, закрывшись на все задвижки. Повинуешься, потому что разум говорит: иначе нельзя, поводок крепок, намордник жмет, к тому же деньги — для **нее**, и для меня самой, той, что когда-нибудь сможет уйти из этой паутины.*

Сердцем... Не знаю, не получалось. А может, и не пробовала. Не для кого было. Саша... Нет, и с Сашей тоже. Даже в постели, даже в тот миг, когда самая фригидная баба забывает обо всем, приходилось помнить: завтра надо писать очередной отчет об объекте «Паникер». Я думала, что сердце когда-нибудь не выдержит — разорвется. Выдержало. Не выдержало Сашино — пуля пробила аорту...

...Нельзя, нельзя! Присесть, закрыть глаза. Валидол! Черт, дьявол, забыла! Вот о чем думать надо — о валидоле, а не о серых глазах и ямочке на подбородке...

* * *

Перед тем как зайти в комнату, откуда слышался плеск и всхлипывания сестрички-истерички, я заглянула в зеркало. На меня взглянула холодная надменная особа средних лет в дорогом пальто и сбившейся на сторону шапке. Шапку я поправила, но снимать не стала. Сойдет, нежарко; батареи, похоже, совсем холодные. Наверно, гражданка Бах-Целевская домовому булки пожалела.

Как они все должны меня ненавидеть!

Ладно.

Кентавров в коридоре не оказалось. Не обнаружились они и в комнате — не иначе на автозаправку решили завернуть. И очень хорошо, без них воздух свежее. Зато все остальные были на месте; вдобавок откуда-то появился таз, полный воды, вкупе с полотенцем. Хмурый Петров вместе с заплаканной Идочкой сдирали с гражданина Залесского окровавленные брюки. Похоже, намечалось мытье. Мытье или обмывание?

Я вновь вступила в кровавую лужу, невольно поморщилась (запах, запах!), коснулась холодного запястья. Да, гражданин Залесский жив. Пульс нормальный, четкий. Я приподняла веко — на меня глянул мутный недвижный глаз. Да, обморок, старикан не ошибся.

Сам гражданин Молитвин застыл у окна, глядя на окрестные крыши. Я подошла, стала рядом.

— Хотите меня арестовать?

На бледных губах — бледная улыбка. Вблизи его лицо выглядело усталым, больным. Неудивительно, неделю назад чуть ли не с инсультом валялся. Как еще встал, старикашечка?! Итак, хочу ли я арестовать гражданина Молитвина?

— Нет. Арестовывать вас нет оснований.

Оснований нет. Для ареста. А вот для всего прочего...

— Вместе с тем, гражданин Молитвин, вы очень нужны следствию. Если бы не наша встреча, завтра же объявила бы розыск. Как свидетеля.

И это — почти правда. Быть может, и объявила бы. Один адресок в тетради у Очковой дорогого стоит!

Бледные губы шевельнулись, но на этот раз гражданин Молитвин предпочел промолчать. За нашими спинами послышалась какая-то возня, тихий стон — и нервный вскрик Идочки: «Смотрит! Смотрит!» Я вздохнула. Врача бы сюда! Знахари-пекари, хироманты-гадалки!

— Кстати, Иероним Павлович, вы ведь Алику соседом будете? Тут прописаны, в этом доме?

Он кивает — все так же молча.

— А кто тогда проживает на Гвардейцев-Широницев? Двадцать второй дом, если не ошибаюсь?

Губы сжались, но ответ прозвучал спокойно, и в этом спокойствии звенел лед:

— Квартиру по указанному вами адресу я снимал для моих личных целей. А вообще-то предпочитаю общаться в присутствии адвоката. Конституцию еще не отменили?

Ну-ну! А может, и те «300 гр.» — тоже для адвоката? Тертый, видать, гражданин! Ничего, не он первый.

Сзади уже слышался плеск. Гражданина Залесского купать изволили.

— Я бы настоятельно советовала вам, Иероним Павлович, оказать следствию помощь. Иначе обижусь, вызову архаров — и отправлю всю вашу компанию вплоть до выяснения. Сорок восемь часов, согласно Конституции. А потом продлю. С санкции прокурора — до месяца.

Кажется, дошло. Послышался тяжелый вздох:

— Вам сколько было в 91-м? Лет двенадцать-тринадцать? Значит, скорее всего не помните. А я вот помню — радовался. Радовался, что такие, как вы, больше не сможете... Ладно, чего вы хотите?

Хочу-то многое. Но для начала...

— Завтра вы встретитесь с одним человеком и ответите на его вопросы. Кстати, он не из наших. Ученый — как и вы. Магистр мифологии. Лучший ученик Буриана Пражского.

И тут он вздрогнул — резко, всем телом. Глаза превратились в щелочки:

— Магистр, говорите?.. Хорошо, завтра в полдень. Я буду здесь, возле Алика. Так что не бойтесь, не убегу.

В голосе его звучало нечто, напоминающее презрение. И вдруг — проклятая память! — мне вспомнился Саша. Когда он начинал говорить о «наших» — госбезопасности, прокуратуре и прочей «ментуре», его голос так же...

Не смей! Не смей! Не сейчас!

3

А через час стало ясно, что не слыхать мне рокота струн гитарных, не спеть «чибиряк-чибиряшечка» и кадриль не сплясать. Отменялась гитара. По крайней мере на сегодня. У Мага по имени Истр оказалось много дел, и я в их число не входила. Не сотруднику Стреле обижаться на гостя. Мое дело простое: встретить, помощь оказать. Встретила, оказала. Что еще понадобится — сделаю. И все. Даже то, что я его привезла с вокзала к себе на квартиру — уже нарушение. Кофием думала напоить, дура! Коньячком прельстить!

Договорились на завтра. Игорь решил остановиться в гостинице, с утра отправиться в университет, затем — на встречу с Неуловимым Джо, а вечером — заглянуть ко мне. С гитарой. Опять нарушение, но не объяснять же ученику неведомого мне Ярослава Буриана, что такое хорошо и что такое плохо с точки зрения конспирации. В конце концов, мы, так сказать, коллеги. По научной части.

После его ухода квартира показалась мне особенно пустой. Странно, день так хорошо начинался! Точнее, начинался так себе — с гражданки Очковой и фаллоимитатора, но после, на вокзале, почему-то показалось... А вообще-то креститься надо, если кажется! На что я, интересно, рассчитывала, дура?

Оставался компьютер, и оставался доклад, который следовало подготовить к вечернему разговору. Если сегодня опять придется общаться с Пятым, точно не выдержу — завою среди ночи.

На страх соседям.

* * *

«Здесь Девятый. Добрый вечер! Как дела, голубушка?»

Я облегченно перевела дух. Нет. Слабо сказано — дух перевела! Да я чуть от радости не завопила!

«Здесь Стрела. Я стараюсь, но очень устала. Очень! И писем нет. Помогите, а?»

Вдруг представилось, что этакое читает Пятый... Нет, и представлять не хочу!

«Голубушка, а может, вас отозвать? Завтра же. Вы свое сделали. Теперь специалист справится и без вас. Недельку в психушке посидите, а потом — в отпуск!»

Смеющаяся рожица на экране. Я улыбнулась. Старый добрый дедушка сидит в глубоком «вольтеровском» кресле, в руке серебряный подстаканник с черным чаем. Сейчас сказку расскажет. Сказку про отпуск на теплом пляже, где по серому песку катится синий мяч, а в море, которое на самом деле не море, а самый взаправдашний океан, плавают акулы...

Нет, акул не надо! С чего это я вдруг подумала об акулах?

«Девятый! Спасибо, но ведь я здесь нужна, правда? Нужна?»

Минута, другая. Добрый дедушка думает, длинные тонкие пальцы застыли на подлокотнике «вольтеровского» кресла. И сам он в эту минуту похож на Фернейца.

«Нужны, голубушка! Вы уж постарайтесь, немного осталось. А насчет писем могу лишь посочувствовать. Мой старший тоже не пишет — звонит раз в полгода, и все. Кстати, это вам!»

Надпись исчезает, и на черном экране медленно проступает белый четырехугольник. Вот он покрывается рябью, пробиваются цвета — синий, желтый...

Снимали относительно недавно. Внизу маленькие цифирьки: «06.10.16:40». *Она* не одна — рядом с наглым видом возвышается загорелый парень, по-хозяйски положивший руку на *ее* плечо. На миг сердце резануло горячей ревностью. Да как он!..

Я улыбнулась, покачала головой. Да вот так, Стрела! Очень просто!

...Синий мяч катится по серому песку, девочка бежит за ним, на миг оборачивается, смеется. Маленькая девочка — ростом с зимний сапожок...

Девочке уже семнадцатый пошел. А мне, старой бабе — тридцать пятый. Вот так! А сей загорелый демон — скорее всего тот самый Пол, который шпрехен зи русиш. Ох, приеду, ох, наведу шмон!

Фотография исчезла быстро, но я оказалась проворнее. Палец лег на *«save as...»*. Есть! Как только кончится разговор, включу принтер.

«Девятый, спасибо! Вернусь — лично поцелую. Пока же лобызаю виртуально».

«Смущен. Краснею. Держитесь, голубушка. Если что, немедленно шлите сигнал «Этна». Лично полечу вас вытаскивать».

Старый добрый дедушка надевает пятнистый комбинезон, деловито подтягивает ремень десантного «АКС-99»... Но рожица не смеется — сейчас Девятый не шутит.

Ну что тут сказать?

«Спасибо. Еще раз. И еще раз — на будущее. Стрела».

Все!

Теперь можно выключить компьютер. Нет, сначала включить принтер, выкатать снимок, всплакнуть...

«Воздух. Воздух. Воздух».

Я замерла. Экран посинел, словно кому-то там, в неведомой дали, и вправду не хватило кислорода. Секунду-другую я смотрела не понимая; затем, наконец сообразив, бросила пальцы на раздолбанную клавиатуру.

«Воздух». Мать твою, экстренная связь! Ну, ничего себе!

«Здесь Стрела. Слушаю!»

«Воздух» — вне очереди, вне любых графиков. За пять лет — ни разу!

«Здесь Пятый. Будьте готовы для приема важного».

Опаньки номер два...

Хорошее настроение куда-то исчезло, сменившись знакомой злобой. Ну хрена ему нужно? Война? Да хоть и война, мог бы так не пугать. Что за мода пошла у начальства — раздельные сеансы связи проводить?

«Пятый — внедренному сотруднику Стреле. Срочно. Секретно. Разглашение запрещено. В настоящий момент вы подвергаетесь явной и непосредственной опасности. Ввиду невозможности проведения эвакуации по варианту «Этна», настоятельно прошу и требую. Первое...»

Холодный пот — это мелочь. Вот когда кончики пальцев холодеют — это плохо. Пятый — дурак, но с «явной и непосредственной» даже дурак шутить не станет.

«...категорически запрещаю любые личные контакты со специалистом, не относящиеся непосредственно к работе. Повторно и настоятельно запрещаю любую откровенность личного порядка. Второе. Встреча специалиста с Молитвиным должна быть

проконтролирована согласно стандартной процедуре. Результаты контроля — экстренно по каналу «Проба». Как поняли «Воздух», Стрела?»

Что ответить? «От идиота слышу»? Азия-с, не поймут-с. А жаль!

«Сотрудник Стрела поняла «Воздух» правильно».

Ну, козел гребаный! Напугал до мокрых трусов, а всего делов-то... Стандартную процедуру ему!

Козел!

4

...Саша сидит прямо на траве в своей старой линялой куртке (кажется, их и называли «штормовками»), в руках — сигарета, по белесому небу беззвучно носятся огромные черные шмели.

— Ты мне почти не снишься, Саша. Почему сейчас? Почему я тебя все время вспоминаю?

Я знаю, что вижу сон, и даже понимаю почему. Перенервничала, передумала, ко всему еще — кретин Пятый. Любой психоаналитик из новичков в два приема разъяснит. Но все-таки, почему?

Он молчит, смотрит в сторону. Можно и не спрашивать, ведь это сон, я разговариваю сама с собой. Но удержаться очень трудно.

— Что-то случится, да? Что-то плохое?

Саша медленно кивает, и вдруг я понимаю — правда.

Случится.

Или уже случилось.

Небо надвигается, каменеет, черные шмели множатся, пляшут перед глазами.

— Со мной? Или... Нет, с **нею** ничего не может случиться, правда? Ну скажи! Кивни!

Он молчит. Спрашивать бесполезно. Саша давно мертв, и я все должна понять сама. Понять. Сделать. Умереть. Как получится...

И тут я вижу, что нелепая «штормовка» исчезает. На Саше белая рубашка — та самая, с неаккуратно пришитой пуговицей. По груди расползается красное пятно...

Я кричу — громко, изо всех сил. Кричу — но не могу проснуться.

Наверное, это и есть Ад.

Пятница,
двадцатое февраля

Локальный чемпионат по матоборью *
Батюшки, внучка и Жучка *
Воскресение Капустняка-великомученика *
Железная Марта * Тебе бы прокурором быть, Эми!

1

— Алло, Гизело слушает!

Трубка в руке, но я еще сплю. До привычного воя будильника не меньше получаса. Хотела бы я знать, какого черта!..

— Слушаешь? Так разуй ухи, подстилка прокурорская! «Братва» тебе передать велела: харе копать под Капустняка. Усекла? А не усекла, так мы тебя, суку, месяц в жопу трахать будем, а потом в бетон зальем и насрем сверху. И родичей твоих замочим по списку! Усекла, падла?

Усекла. Уже дрожу.

— Чего молчишь? Обоссалась?

Угу. Ой, и страшно же мне! То есть в первый миг, конечно, пугануласъ, но на уровне неожиданного хлопка над ухом — не больше. А голосок-то женский! Повесить трубку? Ну нет, сама нарвалась!

— А теперь ты сними гнид с ушей, бикса коцаная! За «подстилку» жопой своей сраной ответишь, а «братве» передай, перед тем как они тебя на клык ставить будут, что петухи они грязные...

Для такого ответа можно и не просыпаться. Нажми кнопку — само польется. Когда-то в колонии мы чемпионат устроили — по матоборью. Кто кого дольше; до первого повтора. Моя респондентша и на третий разряд не потянула бы.

Слушала она долго, минуты две, и лишь после повесила трубку. Можно было идти под одеяло — досыпать. Досыпать и потом, за кофе, делать два простеньких вывода.

Во-первых, мы с дуб-дубычем на верном пути.

А во-вторых, никакая «братва» ничего мне не передавала, и я зря распиналась перед этой стервой. «Братва», а тем паче «железнодорожники», предупреждают иначе. Значит, либо перепуганная дилетантка — либо что-то совсем другое, о чем и думать не хотелось.

Уходя из дома, я машинально заглянула в почтовый ящик. Вкупе с местной газетой «Время» и листком рекламы моющих средств там обнаружилась странная бумаженция.

Я пригляделась.

«На море-окияне, на острове Буяне, стоит стол, Божий престол, на столе лежит тело белое, закаменелое, за столом сидят судья и прокурор. Господи, Мать Пресвятая Богородица, окамени им губы, и зубы, и язык — как мертвый лежит, не говорит, так и они б не приписывали, не придирались, не взъедались! Как лист опадает, так бы ихние дела от меня отпадали. Аминь. Аминь. Аминь».

Край листа был явно смазан клеем и засыпан поверх серым маком.

Словно бублик.

Я неслышно выругалась, в клочья разорвала подосланный наговор и, выйдя на улицу, пустила обрывки по ветру на все четыре стороны.

* * *

Обложат поутру — будут обкладывать весь день. Почти примета. Причем из тех, что сбываются. Так и вышло.

Не успела я освоиться за своим рабочим столом и прикинуть: сразу к дубу идти или Петрова-буяна обождать? — как дверь с жалобным треском (видать, ногой поддали!) отворилась.

— Твою дивизию, Гизело! Хрена ты себе позволяешь? Думаешь, незаменимая, да? Так мы таких незаменимых на четыре кости...

— Добрый день, господин Ревенко. Вы правы, погодка сегодня — хоть куда! Солнышко...

Погода и впрямь неплоха — впервые за целую неделю. Мороз и солнце, день чудесный... Жаль, не начальнику следственного сие оценить!

— Мы, Гизело, с тобой долго панькались! А теперь все — баста! Саботажа терпеть не будем!

Непохмелен. Небрит. Невежлив. Невоспитан. Не в себе. Не...

На мой стол мягко планирует толстый шуршащий журнал на ненашем языке. Большой красный кулак припечатывает его прямо к серому сукну.

— Допрыгалась?

Рявкнуть? Раз рявкну, два гавкну, этак совсем в собаку превращусь.

— Виктор Викторович, а можно еще раз? Или переводчика позовем?

Багровая физиономия застывает в немом удивлении. Наконец сообразив, кто таков загадочный Виктор Викторович (на-

верное, в жизни его по имени-отчеству не называли!), Ревенко бухается на стул, машет широкой ладонью.

— Переводчика тебе? Шуточки-бауточки? Да шефа чуть кондратий не хватил! Журналюги, мать их, с утра мэрию осаждают...

Толстый палец тычет в журнал. Ладно! Беру, читаю. С трудом читаю — по-немецки все-таки. Впрочем, фотографию отца Александра узнаю сразу. Так-так, «Шпигель», свеженький. Когда доставить успели? А вот и заголовок. Второе слово — *«Gewissen»* — «совесть», первое — *«Gefangene»* — «пленник», нет, скорее «узник». Между ними *«der»*... Стало быть, «Узник совести». Что и следовало ожидать. Я ведь предупреждала!

В номере было все: и письмо самого отца Александра, и послание Валентина, архиепископа Берлинского (он же член синода Зарубежной Православной), и, конечно, статья. Фотография отца Николая тоже имелась, но маленькая — в самом конце, рядом с видом нашей тюрьмы, что на макушке Холодной Горы. Тут есть чем гордиться. «Белый Лебедь» (а хорошо прозвали!) уцелел даже во время Большой Игрушечной. Только покрасить пришлось.

— С тюрьмой — прокол, — сообщила я, откладывая журнал. — Граждане Егоров и Рюмин содержатся в нашем изоляторе, так что можем требовать опровержения. В остальном, боюсь...

— Ты Ваньку-то не валяй, Гизело! — Теперь в его голосе не рык, а хрип. — Здесь, мать его, прямо сказано, что письмо попа этого ты переслала! Что, не так?

А ведь обидно! Могла бы и переслать. Но меня не просили...

— Вот! Гляди! Черным по-русскому — «следователь прокуратуры Гизело», «это письмо», «передала». И как передала, тоже сказано — «через прессу и адвокатов».

— Ну, положим, не совсем по-русскому, — уточнила я и вновь взяла журнал. Ага, здесь. *«Chungsrichter...»* Ишь ты!.. «Следователь прокуратуры Гизело...»

Дело идет со скрипом, и я подумываю, не включить ли компьютер — там у меня неплохая программа-переводчик. Впрочем, главное понятно и без подсказки. Кто-то из пушкинских персонажей хорошо выразился о знании грамоты перед намыленной петлей.

— Сами переводили?

Смутился. Впервые за весь разговор.

— Да оно мне... Я, Гизело, в школе английский учил. Лидка перевела. Ну, ты знаешь...

Знаю. Вся прокуратора знает. Лидия Ивановна Жукова, **кличка Жучка**. Я бы с такой кличкой и часу не прожила — застрелилась. А наша Жучка ко всему еще и полиглотка. Полиглотка. Гм-м... Ладно, по поводу сего не мне судить, а вот что касаемо статьи...

— Здесь сказано следующее: «Письмо отца Александра получено не по официальным каналам, поскольку следователь прокуратуры Гизело препятствует общению арестованного не только с прессой, но и с его адвокатами». Препятствовать! *Hindern!*

И снова обидно. Ведь не препятствовала же! Гражданин Егоров сам от адвоката отказался!

Ревенко тычет пальцем в абзац, сопит над самым ухом.

— А не врешь?

Я гляжу на часы. Десять. Бравый сержант Петров ждет в приемной.

— Вот что, Ревенко! Сейчас вы пойдете и возьмете словарь. Потом вернетесь — и извинитесь. Все!

Послушался. Сам, конечно, переводить не будет, опять Жучку посадит. Ничего, ей полезно — поли-глотке!

Все это было бы смешно... Но это совсем не смешно. Опальные батюшки по-прежнему в камере, статья едва ли поможет, скорее еще больше раздраконит наших Торквемад, а мне сейчас предстоит душевный разговор о стандартной процедуре. Вновь, в который раз, гляжу на табло говномера. Зашкаливает!

2

Что такое «стандартная процедура», довелось узнать лет эдак с тринадцати. Точнее, о многих стандартных процедурах, поскольку в каждом деле есть своя. Арест — кидают лицом на пол, наступают сапожищами на ладони. Обыск — ставят лицом к стене, лезут пальцами в задний проход. А потом... А потом, согласно очередной «стандартной процедуре», я обеспечивала «освещение» объекта «Паникер». Вначале приходилось писать все разговоры, потом поверили — разрешили выбирать самой. С тех пор в постели я могла расслабиться — если, конечно, в спальне не стоял «жучок». Контроль «внедренного сотрудника» — тоже стандартная процедура.

Теперь буду «освещать» Игоря. Игоря Дмитриевича Волкова. Так мне и надо...

Бог весть, может, и вправду существует телепатия. Во всяком случае, этим утром старший сержант Петров посматривал

на меня с особенным неодобрением. Пугануть? Ни к чему, что могла, давно сказала.

Лучше по-другому.

— Как поживает гражданин Залесский?

Тяжелый вздох. Видать, поживает не очень.

— Да так себе, Эра Игнатьевна. Без сознания. Еле-еле воду пить может.

Зря не послушалась и «Скорую» не вызвала! Этот Молитвин, похоже, только по кентаврам спец. Вроде коновала.

— О гражданине Крайцмане ничего нового?

Нахмурился. Дернулись губы.

— Нет...

Нет — и спрашивать нечего. Впрочем, одна мыслишка упрямо не оставляет. Глупая, конечно...

— Извините, Ричард Родионович, за такой вопрос. Вы... Или гражданка Крайцман... Не пытались узнать о вашем друге как-то... по-другому?

— У гадалки?

Хотя бы у гадалки. Город наш непростой.

Говорить ему явно не хотелось. Губы вновь скривились:

— Да как вам сказать, Эра Игнатьевна? Пробовали, в общем. Ерпалыч... В смысле, гражданин Молитвин, его, Фимку, вроде бы услышал. То есть не его, а как сердце бьется. Говорит, жив и не болен... Да ни черта я этим сенсам не верю!

И я не верю. Правда, гражданин Молитвин непрост. Ох, непрост старикан, кентов одним словом смиряет!

— Я про психов узнал.

Это про каких? Но сразу вспомнилось: о тех, к которым и загремел доктор-биохимик.

— Я Андрюху Дашкова... Того, про которого я вам говорил... Ну, накрутил я его, чтоб с архарами потолковал. Не прямо, конечно, это я понимаю. Он, Андрюха, мастер всякие жутики пересказывать; иногда так завернет, что ночью, извиняюсь, в сортир сунуться страшно. Стал он архарам этим про маньяков вкручивать, ну и... В общем, это место иначе называется. Голицыно. Или Голицыны.

— Психи Голицыны, — вздохнула я, доставая карту. Бесполезно: я и так помнила, что ничего подобного у нас в области нет. Ни Голицына, ни Голицыных. И Психов Голицыных — тоже нет.

— А может, это фамилия директора дурдома?

Он лишь пожал плечами. Это узнать просто, но разгадка не здесь.

Все, исчерпались. Пора.

— Сегодня в полдень гражданин Молитвин на квартире вашего друга Алика встречается с одним человеком. Вы должны быть там и обеспечить безопасность. Ясно?

— Буду.

Я вздохнула, достала из сумочки диктофон. Маленький такой, черненький.

— Положите в карман и запишите разговор. Ровно в девятнадцать по нулям доставите ко мне на квартиру. Это тоже ясно?

Кажется, он хотел вскочить, но сдержался. В глазах горела ярость.

— Стукачком делаете... гражданка следователь?

Лучше бы по лицу ударил! Нет, парень, не ты здесь стукачок, не ты!

— Гражданин Молитвин проходит свидетелем по важному уголовному делу, — скучным голосом начала я. — Если конкретнее, то по делу об убийстве. Нераскрытом убийстве, сержант! Вы понимаете, что это такое?

Ярость исчезла — он слушал. Что такое нераскрытое убийство в нашем городе, даже жорику понять можно.

— В придачу мы ищем гражданина Крайцмана. Кто знает, что в разговоре выплывет?

Я давила — куда можно и куда нельзя. Господи, ведь не простится!

— Официальную санкцию на запись выдадите?

В голосе слышалась издевка. Это был уже перебор. Явный. Мент поганый! Дон Кихота из себя корчит!

— На вас три статьи висит, старший сержант. Хотите еще отказ от помощи следствию? Статью назвать?

Не понадобилось. Петров медленно встал, скрипнул зубами, рука потянулась к диктофону.

Я отвернулась.

3

За столом возвышался розовощекий дуб, и была златая цепь...

Впрочем, я это уже видела. А если не это, то нечто, весьма...

— Привет, подруга!

Я открыла рот, дабы навести порядок в дендрарии (хоть бы встал, негодник, дама все-таки зашла!), открыла — и закрыла.

На дубе оказались очки.

Обычные, дешевенькие, с толстыми вогнутыми стеклами, они странно смотрелись на румяной физиономии, создавая иллюзию невероятного явления. Если бы я не знала, кто передо мной, то могла бы решить, что вижу следователя Изюмского, напряженно размышляющего над грудой бумаг. Размышляющего! Думающего! *Homo sapiens!*

Бред! Конечно, бред, все это — из-за очков!

— Ты посиди, Эра Игнатьевна, тут, блин, концы с концами...

И «блин» на месте, и тыкает, мерзавец, но... Чудо Маниту, не иначе!

Дуб поднес какую-то бумаженцию к самым глазам, почесал лоб, вздохнул:

— Блин!

Бумага легла на стол, очки присоседились рядом, дуб стал дубом, но странное чувство не исчезло.

— Никогда не видела, как мой дядька по стенкам бегает?

Я моргнула. Потом еще раз. Он что, шутить научился? Бегающего по стенкам Никанора Семеновича я пока не видела, но в чем дело, догадалась сразу.

— Из-за статьи в «Шпигеле»?

— Ага. — Дуб вновь устало потер лоб, хмыкнул.

— Хрена им всем попы эти сдались? Тут такой компот!.. Ну че, рассказать?

Признаться, я шла в сие место, дабы узреть на столе бутылку коньяка и напроситься на рюмку. В такое славное утро — не грех. Даже немножечко, чайную ложечку...

— Рассказывайте, Володя.

Теперь моргнул уже он, но опомнился удивительно быстро.

— С чего начать? С херни или с фигни?

Кажется, я рано обрадовалась. Дуб есть дуб. Но если выбирать...

— С херни, конечно!

Он порылся лапищей в куче бумаг, достал нужную.

— Во! Значит, так. Настропалил я Жучку, то есть Лидку Жукову, чтобы она по Интернету полазила. Она и так там вечно лазит, мужиков голых ищет!

Ай, Жучка! Знать, она сильна!

— Это с центрального, как его, блин? А, сервера! Интерполовского.

Распечатка. Оригинал, естественно, на английском. А вот и

перевод. Наверное, поли-глотка и переводила. Да она прямо нарасхват идет! Так-так, двенадцатого октября в городе Порту, Португалия, в гостинице «Король Альфонс»...

Внезапно я почувствовала, что дурею. То есть я уже дура. Законченная. А как иначе, если двенадцатого октября в этой самой гостинице...

Труп разыскиваемого Интерполом международного преступника Бориса Панченко, он же Андрей Столярян, он же Эдуард Геворков (начитанный, падла!), известного также под кличками Бессараб и Капустняк, был найден в туалетной комнате. Смерть наступила от передозировки наркотика «фленч». Следов насилия не найдено, в номере обнаружена большая сумма в долларах США, пистолет «байярд», проспекты лиссабонского клуба геев «Маре» и... И многое, многое другое. Отпечатки пальцев, группа крови, особые приметы...

— Вот еще.

А вот и еще. Фотографии: знакомая черная борода, крестик на волосатой груди. Он!

Итак, Капустняк давно мертв, а я — дура. Мы дураки. Классический ложный след...

— Ну че? Херня выходит?

Куда тут спорить? Она, родимая, и есть.

— А где фигня, Володя?

Можно и не спрашивать. Фигня — это то, как лихо нас провели в «Казаке Мамае». А если бы не Жучка? Бегали бы еще год, искали мертвеца.

Дуб пошелестел бумагами, поднес к глазам распечатку.

— А теперь, блин, фигня. Это из Москвы, свежая. По оперативным данным, пятнадцатого января там состоялась сходка «авторитетов». Делили западносибирскую часть нефтепроводов, их раньше «тюменцы» держали. Так вот, от «железнодорожников» был Капустняк. Присутствовал, сука! Теперь Лейпциг, конец января. Там, блин, Капустняка тоже видели...

— Двойник? — ляпнула я первое, что в голову пришло.

Широкие плечи дуба неторопливо поднялись. Поднялись, опустились.

— Да пес его знает! В Москве он же среди своих был, они его

как облупленного... А в Лейпциге он у Шиффи Клаудии гостевал, у модели этой. Трахал ее, в общем. Он ее давно трахает.

Да, мужика в постели трудно перепутать! Или этой Шиффи все едино, были бы доллары в придачу к черной бороде?

— Ну а с февраля он, блин, у нас ошиваться стал. Вот, по дням. Тряхнул я свидетелей, запряг трех гавриков, чтоб всех опросили...

Всех — это завсегдатаев «Казака Мамая». В феврале Капустняк был там трижды. Ел, пил. Общался. С некоторыми — очень тесно, но уже не в баре. В том числе со своими старыми дружками, общим счетом с тремя. Плюс бармен Трищенко, плюс вольный стрелок Кондратюк. А вот с Очковой его не видели. В феврале она была в «Мамае» только раз — в самом начале.

— Это еще не вся фигня, Володя!

Вспомнилась милая утренняя беседа по телефону. Рассказать? Вроде бы к месту выходит.

Дуб слушал внимательно, хмурился, крепкие пальцы комкали ни в чем не повинную бумагу.

— Ясно, подруга! Вот, блин, тварь! Думаешь, Очковая звонила?

— Думаю, — кивнула я. — Случайного человека они привлекать бы не стали. Зачем лишний раз имя Капустняка называть? А женщин там и нет, одни лица нетрадиционной... Пидоры, в общем.

Мы оба засмеялись, хотя смеяться было не над чем.

— И еще одно, Эра Игнатьевна, — на этот раз в его руках была не бумага, а целая папка. — Дело «Турист-траст». Видели его там. Дважды. Заходил в офис в начале февраля.

Бумаги я смотреть не стала. Уже просматривала — в кабинете Никанора Семеновича. «Турист-траст» — лихая фирмочка, вербовавшая молоденьких дурочек на «интересную и высокооплачиваемую работу в Греции и Италии». Курсы манекенщиц и секретарш, рост не ниже, бюст не меньше... Пока спохватились, два десятка дурочек с ростом и бюстом укатили в неизвестном направлении. Дело завели только десять дней назад, когда мамаша одной из них наконец-то сообразила.

Раз, два, три, четыре, пять, Капустняк шел погулять... Нет, это Молитвин шел гулять, а Капустняк встретил его, триста гр. вручил.

Час от часу не легче.

4

На моем рабочем столе я обнаружила знакомый номер «Шпигеля». К нему прилагалась записка, исполненная на обрывке (скорее, огрызке) бумаги, почему-то нотной. Почерк ужасный, но разобрать оказалось все-таки можно. От Ревенко? Да от кого же еще!

«Ты, Гизело, меня извини! Жуковой, стерве, оборву все, что висит!»

Вот так! Лично извиняться не пожелал. Остается утешиться видением экзекуции над Жучкой. Подвесит ее Ревенко к люстре, возьмет клещи, а еще лучше — овечьи ножницы...

Полюбовавшись размашистой подписью, я спрятала записку, а заодно — и журнал. Пригодится — там в конце, кажется, о новых моделях Версаче-младшего...

— Дзинь! Дзи-и-инь!

Снова-здорово! Кого черт на этот раз!..

— Гизело слушает!

— Эра Игнатьевна, к вам гражданка Крайцман звонит. Говорит, срочно.

Гражданка Крайцман... Собственно говоря, это дело я официально не веду, да и порадовать ее нечем.

— Соедините.

Бип! Би-и-ип! Старый у нас коммутатор, странно, что по сей день работает. Говорят, Тех-ники каждый день по три буханки переводят перед иконой Святого Александра Нижнетагильского...

— Алло! Я говорю с Эрой Игнатьевной Гизело?

Голос в трубке — железный. Каждое слово — как подкова. Бац! Бац!

— С нею. Добрый день.

— Я Марта Крайцман. Вы слышите? Крайцман!

Крайц! Крайц! Бац! Бац!

— Я звоню по поводу моего сына — Ефима Гавриловича. Как мне сказал Ричард Родионович, вы имеете отношение к его поискам...

Голос гремит, лязгает. Так и кажется, что сейчас прозвучит: *«Приказ Верховного Главнокомандующего... Всемилостивейше повелеть соизволил... Каждого десятого — расстрелять. Каждого третьего — повесить. Остальных — на минное поле...»*

— У меня есть новые сведения о нем. Мой сын жив и здоров. Вы слышите?

— Слышу.

Видимо, она тоже сходила к гадалке. Или Неуловимый Джо Ерпалыч обрадовал.

— Ефим Гаврилович только что мне звонил...

Моя челюсть начинает отвисать, но очень ненадолго. А почему бы и нет? Ищем, ищем мы Фимку, а гражданин Крайцман к подружке махнул.

Куда-нибудь в Бухарест.

— Он звонил по сотовому телефону. Прошу обратить внимание на то, что такого телефона у него нет. Говорил издалека, но в пределах области.

Подковы вбивались в асфальт. Вот это нервы! Чудеса. У нее хватило сил сообразить, что после разговора трубку вешать не надо, а надо положить ее рядом с аппаратом и — бегом к соседям...

— Ефим Гаврилович сообщил мне, что он жив, здоров и нашел себе новую работу. Голос его звучал в целом нормально.

«В целом нормально». Хорошо формулирует!

— Простите, Марта...

— Марта Гохэновна.

Я сглотнула. Гохэновна. Тоже вариант!

— Марта Гохэновна, он ничего не говорил о своей новой работе?

— К сожалению, я не успела записать разговор. Кажется, он употребил слово «интересная». Даже «чертовски интересная». Однако, прошу учесть, Ефим Гаврилович — человек увлекающийся. Но я все же полагаю, что он говорил искренне. Его не принуждали. Обещаю следующий разговор записать и передать вам.

И тут — стандартная процедура. Побольше бы таких сознательных!

— Я могу рассчитывать, что со стороны прокуратуры будет предпринято все необходимое для поисков Ефима Гавриловича?

«Товарищ Жюков! Ви уже взяли город Берлин? А не то ми вас накажем!»

— Можете, Марта Гохэновна. Можете.

Рассчитывать она, конечно, может. Все мы можем на что-то рассчитывать. Я, например, на сигнал «Этна». Только вот Пятый намекнул. Очень плохо намекнул: «ввиду невозможности проведения...» Неужели врут? Неужели бросят?

В трубке давно гудел отбой. Я прицелилась, дабы водворить

ее на место, но внезапно взгляд скользнул по циферблату. На «Ролексе» без четверти двенадцать, Молитвин, наверное, уже на месте, трубка в руке — судьба! Заодно и спросим...

Писклявый голосишко произнес: «Алло?» Даже на «Алло» — «Але?»

Ага, «курипочка»!

— Гражданка Бах-Целевская, пригласите к телефону гражданина Молитвина!

В ответ — испуганное «Ой!», молчание и, наконец:

— Он занят! Просил не беспокоить!

— Тогда я вас побеспокою! — озлилась я. — Гражданка Бах-Целевская, когда у вас срок прописки истекает? Через месяц, кажется?

— Ой!

Опять молчание, на этот раз долгое. Что-то стукнуло, словно трубку уронили, а затем вновь подняли:

— Зачем ребенка пугаете, Эра Игнатьевна?

— Добрый день, Иероним Павлович! — подхватила я. — Это я еще не пугаю. Я вообще никого пугать не собираюсь. Просто хочу напомнить, что у вас сегодня в полдень...

— Склерозом не страдаю.

Его голос звучал холодно, со знакомым презрением, но на этот раз меня его тон только позабавил. Пусть себе. А хорошо получилось: Игорь как раз приехал, а ему — подарочек. Злись, злись, сейчас ягодки пойдут, вслед за цветочками!

— Заодно объясните, пожалуйста, что за дела у вас были с гражданкой Калиновской Любовью Васильевной, а также с гражданином Панченко Борисом Григорьевичем?

— Никаких!

Прозвучало решительно — и весьма, но пять лет в прокуратуре не проходят даром. Испугался! А вот тебе еще!

— Триста гривен, конечно, не деньги, но если учесть, что ваши знакомые проходят по «мокрому» делу!..

Теперь — пауза. Осмыслил?

— Хорошо, слушайте...

Осмыслил!

— В последнее время я занимался частной практикой — по тому адресу, о котором вы меня спрашивали. Нечто вроде Техника-любителя. Или кустаря, не знаю, как лучше выразиться. Мелкий ремонт, ссоры в семье, насморк у младенцев. Панченко я не знаю, а Калиновская месяца три назад заказала мне одну мелочь. Вполне законную мелочь. Я сделал. Тогда она стала

намекать, что мною интересуются, как она сказала, серьезные люди. Конкретно она называла какого-то Капустняка. Я отказался, тогда она... Или уже не она, не знаю. В общем, прислали странного человека — уговаривать. Но я снова отказался. Вот и все.

Все?

— Ваши дальнейшие неприятности — из-за этого?

— Отчасти... Извините, гражданка Гизело, мне надо к Алику... к гражданину Залесскому.

«Гражданка Гизело» прозвучало просто бесподобно.

— До встречи, Иероним Павлович!

Отвечать было некому — в трубке гудел отбой.

5

Нынче милому прийти,
Он, поди, уже в пути.
Холодильник я набила...
Ой, чемусь произойти!

Частушки мне никогда не нравились. И я вовсе не удивилась, когда Саша рассказал, что выдумали их не русские, а татары. Выдумали — и презентовали вместе с игом. Мне-то, конечно, что русские, что татары — едино, но частушки не люблю. Балалайка, косоворотка, онучи... Или опорки, не помню уже. Однажды мы с Сашей были в столице, зашли в «Националь», а там — балалайки. Как сказано в одной книге — свежесрубленные, размером с избу. Саша смеялся, вспоминал каких-то «ярославских ребят». Интересно, когда это было? При Мамае?

Но так или иначе, а холодильник я набила. Жаль, готовить не было времени, но магазины у нас неплохи, а микроволновка у меня отличная — завода «Коммунар», с обязательной голограммой Святого Пелузия (не с наклейкой-самоделкой, которую каждый месяц менять надо, а с настоящей фабричной). Удобно: даже булочку крошить не надо, сама греет, сама и жертву бескровную творит.

За счет перепада температур.

Конечно, есть микроволновки и получше, со «знаком качества» (пентакль, в нем Неспящее Око, гарантия — сто лет), но на подобное даже моей зарплаты не хватит.

В баре тоже все в порядке. Эх, дуреха, не удосужилась спросить, что, собственно, Игорь пьет. Я его все коньяком пичкала, а вдруг он водку любит? Водка-то есть — всякая: даже «Вулык», «Солодка медова настоянка» сорока градусов — умеют ведь, алхимики! А если вино? Сухое? Десертное? Вин разных — море, всех не напасешься.

Да, подготовилась. Как бишь это под балалайку будет?

Полюбила я шпиена
В ходе тайной акции.
Будем мы лобзать друг друга —
Вплоть до ликвидации!

Бр-р-р! Пошутила, называется! Слава Богу, Игорь не из нашей конторы! И я ничуть не нарушаю строгий приказ Пятого, поелику не пригласить в гости своего, так сказать, коллегу — подозрительное хамство. Ну, пиццу съедим, ну, чайку попьем. Вот если бы я, дура старая, достала бы сейчас булочку, разожгла конфорку да прочитала пару-тройку строчек из брошюрки, что прикупила по пути домой! Купила, хотя самой стыдно. Просто так прихватила — киоскерша понравилась: старенькая такая, улыбчивая, я у нее всегда газеты покупаю. Купила и это. Пусть в сумочке лежит, читать не буду. То есть вслух не буду, а так, глазами...

Типографская краска на обложке смазана — точь-в-точь на физиономии полногрудой молодки, оседлавшей заголовок. Заголовок гласит «Любощи», для непонятливых же имеется пояснение: «Любовные заклинания и заговоры. Рекомендовано областным комитетом по делам молодежи». Ну-с, что там обо мне?

«Перед первым свиданием», *«При полюблении чужого мужа/жены»*, *«От преждевременной потери девства»*. Богатый репертуар! А насчет кентов есть? Конечно, есть: *«От любострастия китовраса (кентавра)»*. Я уже хотела спрятать забавную брошюренцию, но тут мой взгляд скользнул по чему-то более близкому.

«При полюблении молодого. Добыть нитку, пуговицу или вынуть следок (см. «Предисловие»), после чего ровно в полночь раздеться догола, зажечь «алтарку»...» Это не надо... А вот и слова: *«Месяц на небе, уж в земле...»*

Ни в чем не повинная книжица полетела на пол. Дура! Ой, дура! Прав Девятый, пора в дурдом! Бедный Игорь, еще за китоврасиху меня примет!

Я подошла к зеркалу, взглянула... Что есть, то есть, могло быть и хуже. Было бы время, забежала бы в соседний салон

красоты (тот, что «Под Святым Феофилактом») или хотя бы крем прикупила, который с освященным елеем. Говорят, неплох! Ладно, свечку Анне Кашинской поставила, остается нанести боевую раскраску; и, конечно, платье. Их у меня два, оба хороши, но...

Звонок в дверь. Уже? Но ведь Игорь должен прийти в восемь! Сейчас только семь! Девятнадцать ноль-ноль!

Да, пора в психушку.

Девятнадцать ноль-ноль, старший сержант Петров точен.

6

Хмурый взгляд, рука под козырек.

— Разрешите!

Голос мне его не понравился. И вид не понравился. И не потому, что хмурый. Сержант словно что-то знал и заранее предвкушал эффект.

— Заходите, Ричард Родионович!

В глазах блеснуло нечто, похожее на злорадство. Или мне уже чудиться начало?

— Извините, госпожа старший следователь, спешу! Вот!

«Вот» — это знакомый черный диктофон и стопка каких-то листков.

— Честь имею!

Рука вновь взлетела под козырек. Тяжелые сапожищи застучали по лестнице.

Ладно! Дело сделано. Завтра утром пошлю по каналу «Проба», это совсем близко, на соседней улице. Разве что стоит прокрутить запись. Вдруг сержант решил концерт группы «Мумификация» записать?

Я в некоторой нерешительности начала учинять досмотр платьям, развешанным на спинках стульев, вздохнула, присела к столу. Слушать все подряд я не собиралась. К чему? Приказа подглядывать в замочную скважину не было, пусть сами разбираются.

Легкое шипение. Щелчок. Негромкий, но четкий голос Игоря. Голос гражданина Молитвина; он, как всегда, чем-то недоволен. Можно жать на «stop».

Записалось — и ладно. Интересно, что там на этих листках? Неужели добросовестный жорик набил разговор на компьютере, распечатал? Чушь, не успел бы.

Я вновь поглядела на платья, затем на часы; и уже просто так, для очистки совести, перемотала пленку — где-то на треть. Так сказать, последняя проверка.

«Play» — и тишина. Нежели они говорили так мало? Ну, слава Богу, проклюнулось!

Проклюнулось?

Что проклюнулось? Может, у них тоже стояк лопнул?

Стояк?

Из крохотного динамика плескало море. Волны бились о каменистый берег, с шумом уползая обратно, захлебывались воплями чайки, потом вдруг из ниоткуда наслоился гул голосов, звон посуды...

«Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!»

Звон гитарной струны. Течет, плавится...

«Не мели ерунды, девка! Твоего Пола сожрала его любимая тварюка! Вот, капрал свидетель...»

«Да, мистер Мак-Эванс. Только капрал Джейкобс упомянул еще кое-что! Что, перед тем как Пола съела акула, кто-то стрелял в него, тяжело ранил и, по-видимому, продырявил его лодку, чтобы замести следы!»

«Тебе бы прокурором быть, Эми...»

Крик чаек — долгий, отчаянный... стон над волнами.

И еще почему-то: льдинками катаются под невидимыми пальцами клавиши фортепиано, льдинками катаются слова, произнесенные чуть сиплым, незнакомым голосом:

В жизни-реке разошлись берега;
Телка — полушка, да рубль перевоз!
Но занесет хоть к чертям на рога —
Память жива, и плевать на склероз!

Вальс не окончен, и дело не в нем —
Будут и там наших внуков рожать,
И для кого-то появится дом,
Дом,
Из которого не захотят уезжать...

Я не помнила, как нажала *«stop»*, как вскочила, бросилась в коридор. Очнулась у двери — ткнулась лбом, не почувствовав боли.

Бежать?

Куда бежать?

«Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!»

Ее голос.

Ее!

Год назад мы говорили по телефону, я записала разговор, потом прокручивала — целый месяц, пока не стерла. Слишком было тяжело. *Ее* голос — не спутаю.

«Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!»

Это пытка — вновь включить проклятый диктофон, но я решилась.

«Play!»

«Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!»

Да, это *она*. Все-таки достали! Нашли!..

Сквозь черное отчаяние начали пробиваться мысли: странно трезвые, словно за меня думал кто-то другой. *Ее* нашли. Нашли — и даже постарались намекнуть, чтобы я не сомневалась Запись идет на русском языке. Почему? *«Тебе бы прокурором быть, Эми...»* Куда уж яснее! Вдобавок дурацкая песня... внуков рожать? Намек?! С *ее* парнем, этим русскоговорящим Полом, случилось что-то плохое. Убит — чуть ли не у *нее* на глазах. И теперь пленку переслали мне...

Что должен предпринять внедренный сотрудник Стрела? Слать сигнал «Этна»? И кому это поможет?

Ей?!

Я встала и, плохо понимая, что делаю, переоделась. Платье взяла то, что висело слева. Какого оно цвета, сообразить не было сил. Теперь губы... глаза... прическа...

Эти ублюдки все-таки дали промашку — одну-единственную, но серьезную. Шантажировать внедренного сотрудника с моей подготовкой опасно. Особенно когда доступен сам. Когда не прячешься за черной телефонной мембраной, за корявыми строчками анонимки. Господа Молитвин и Залесский страшно пожалеют. И их мент поганый тоже пожалеет. Не с той связались, подонки!

Телефон! Если этот мерзавец дома... Или хоть кто-нибудь из их своры!

Гудки.

Спрятались, сволочи!

Взгляд скользнул по распечатке. Я поднесла к глазам первый лист, затем взяла наугад, из середины — и отложила в сторону. То же самое, но подробнее. Так сказать, беллетристика. Наверно, они там не рассчитывали, что я передам жорику диктофон,

и думали просто подкинуть мне распечатку в почтовый ящик. Или как-то по-другому — не важно.

Я гляжу на часы — и понимаю: времени уже нет.

Восемь.

Сейчас должен появиться Игорь.

Улыбка!

Черт, разве это улыбка, дура! Вспомни, чему учили! Лойолу вспомни, у него на такой случай дельный совет есть. Закрой глаза! Ты видишь дорогу, пустую дорогу, вдоль нее деревья, листья только начали желтеть...

Улыбка!

Уже лучше.

7

— Д-добрый вечер! К-кажется, не опоздал?

Игорь улыбается. В руках — три чайные розы, за спиной — гитара. На миг сердце сжимается болью — гитара! Сесть на диван, в руке — рюмка с ликером...

— Добрый вечер, Игорь! Какие они красивые!

Розы — в ванную, в таз с водой... Есть. Теперь улыбка!

Улыбка!!!

Вводная: пришел гость. Задание: сыграть роль вежливой хозяйки. Ужин, гитара, легкий разговор. Как поняли, сотрудник Стрела?

Сотрудник Стрела все поняла правильно.

Суббота,
двадцать первое февраля

Допрос с пристрастием спиритус-Залесского *
...только боженька у них живой *
От стрикулиста ко Второму Грехопадению *
На горе, на горочке * По дубу прямой наводкой — пли!

1

На часах начало второго. Игорь уже в пальто, моя роль подходит к концу.

Сыграла.

Господи, неужели я еще жива?

Получается, жива. Роль отыграна, гость прощается, сейчас останусь одна...

Нет!

Внезапно понимаю — не смогу. Кинусь на стену, рвану предохранитель «браунинга», сойду с ума — или брошусь в черноту ночи искать этих мерзавцев...

Улыбаюсь.

В десятитысячный раз за проклятый вечер.

— Игорь! У меня несколько дурацкое предложение. Сегодня весь день торчала на работе, голова — как у Страшилы Премудрого, иголки лезут. К тому же коньяк... Давно не пила, признаться. Давайте прогуляемся — полчасика, не больше! Погода прямо новогодняя!

Он не удивляется. То есть, конечно, удивляется, но виду не подает.

— С удовольствием! Я т-тоже, знаете, сегодня слегка переработался. Очки разб-бил...

В очках я его еще не видела. Наверное, минус, но небольшой. Бедняжка сероглазый!

— Очки? Вы, Игорь, что, с кентавром встретились?

— Уг-гадали! И б-был сей китоврас зело страховиден и зраком м-мерзок...

Пальто, шапка, сапоги. Диктофон — в карман пальто. И еще: выкатку фотографии, ту, что сделала утром.

Пистолет? Нет, не надо.

Понадобится — руками на части разорву.

Мы идем по улице — тихой, совершенно пустой, покрытой свежим чистым снегом. Давно заметила: в этом городе улицы пустеют с темнотой, особенно зимой. Каким-то образом Игорь берет меня под руку, и мне становится легче. Он что-то рассказывает, я отвечаю — не слыша себя. Это нетрудно, этому учат. Кажется, я смеюсь. Какая все-таки у него красивая улыбка!

Теперь налево. Похожая улица, только чуть поуже. Направо, пересекаем проспект. Поздний «Мерседес» освещает нас фарами. Направо... Здесь!

Возле знакомого подъезда — пусто. На белом, искрящемся в свете фонарей снегу — одинокая цепочка следов. Мужских. Зато чуть дальше, прямо посреди улицы...

Кентавры! Двое, один — гнедой, со знакомой бородищей. И я впервые жалею, что не взяла оружие.

Теперь — стоп. Хлопок по лбу... Нет, это лишнее, достаточно удивленного взгляда на подъезд. Мотивация внезапной остановки — этому тоже учили. Итак: удивление, внезапное озарение (надо же, совсем забыла, нужно передать... или забрать, не важно)...

Игорь слушает весь этот бред, улыбается, кивает:

— К-конечно, Ирина! Если не в-возражаете, я тут п-подожду, к-кентаврами полюбуюсь...

Свинство оставлять приезжего человека на ночной улице наедине с кентами, но брать Игоря с собой невозможно. А если встретят выстрелами в упор?

— Я быстро. Десять минут — не больше!

Ныряю в темноту подъезда... Все! Дурацкую улыбку — прочь! Первого — кто откроет. Если, конечно, это не будет гражданка Бах-Целевская. Сучонку — по шее. А еще лучше — за шею, за «яблочко», и пусть зовет своего сладенького Алика!

Знакомая дверь — уже с новым замком и новыми петлями. Зато звонок старый. Теперь встать слева, если что — не попадут.

Шаги!

Я ждала вопроса, дурацкого «Кто там?», но открыли сразу. Точнее, открыл. Гражданин Залесский — в тапочках, в спортивных штанах, старых, вздутых на коленях, в грязной майке.

— Вы?!

Можно не отвечать — вопрос риторический. *«Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?»* Я улыбаюсь, отступаю на шаг. Способ старый — для дурачков. Писатель-алкаш переступает порог...

Левая тапочка летит в сторону. Гражданин Залесский покорно сгибается в поклоне, шипя от боли. А как не согнуться, когда его кисть — за спиной, вывернута пальцами к затылку, стоит мне двинуть рукой...

— Ни звука! Дернешься — больно будет! Понял? Если понял — кивни!

Он медлит, и я слегка додавливаю. Теперь гражданин Залесский не шипит — стонет. Я же предупреждала!

— Ну что, сладкий мой, понял? Или руку сломать?

Кивок. Вот и хорошо!

— Теперь — вниз! Медленно!

Он подчиняется без звука — то ли перепуган до смерти, то ли о кентах у подъезда вспомнил. Но и я помню о них. Не помогут тебе кенты, писатель!

Руку не отпускаю, хотя бежать ему некуда. Пусть почувствует, ощутит каждую ступеньку. Выход! Уже? Да, уже.

— Стой! Налево, в подвал!

Подвал я приметила еще в первый свой визит. Дверь сорвана в незапамятные времена, ступеньки сбиты. Наверно, здешние пацаны подружек затаскивают — тискаться. Вот и мы этим делом займемся!

Ступеньки кончились. Вокруг темно, и я отпускаю его руку.

Отбрасываю гражданина Залесского к стене.

— Стоять! Дернешься — стреляю. У меня глушитель — не услышат!

Кажется, поверил. Дыхание стало чаще — страшно! А мне каково, ублюдок?

— Ну, добрый вечер, Олег Авраамович!

— Добрый... добрый вечер...

— Отвечать будете тихо и короткими фразами. Ясно?

— Ясно! Но Эра Игнатьевна, почему?!

Очнулся! Рано очнулся, самое интересное впереди!

Я прислушиваюсь — наверху тихо. Из квартиры никто не вышел, кенты колесят на улице. Вот и славно! Спросить о пленке? Нет, ведь есть еще и распечатка, значит, не вслепую работал!

— Вопрос первый. Какое вы имеете отношение к Эмме Александровне Шендер?

Молчит. Затем изумленное:

— К кому?

Ударить? Так, чтобы завыл, скорчился, упал прямо на грязный цемент?

— К Эмме Шендер. Там, где она живет, ее обычно называют Эми. Иногда — Эмма.

Молчит. Может, и вправду не знает? Дал ему гражданин Молитвин (или еще какой-нибудь мерзавец) пленку, дал распечатку. Или не давал, сразу Петрову сунул?

Достаю диктофон. Палец скользит, никак не может найти переключатель.

«Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!»

«Не мели ерунды, девка! Твоего Пола сожрала его любимая тварюка! Вот, капрал свидетель...»

Выключаю. Молчит.

— Слушаю вас, Олег Авраамович!

— Это не ваше дело! Слышите! Не ваше!

Ого! Откуда только голос прорезался!

— Не шумите, Олег Авраамович! Итак, что вы знаете...

— Это... Это вас не касается!

Бью. В полную силу, до боли в запястье. Пыльный мешок с отрубями грузно опускается к моим ногам.

— Можете... Можете забить меня до смерти... Не скажу... Это — не ваше дело!

До смерти! С удовольствием! И плевать на Первач-псов вкупе со Святым Георгием!

— Это мое дело, Олег Авраамович! Эмма Шендер — моя дочь. Сейчас она живет в США, побережье Южной Каролины, Стрим-Айленд...

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад...

Я сама нашла это место — самое тихое и далекое, какое только могла предложить Восьмая Программа. Уговорить свекровушку было непросто, ох как непросто! Да и не свекровь она вовсе — Сашина тетка, старая, злая, как ведьма, меня на дух не переносит. Помогла жадность — в глухомани пособия гуще, а дальняя родня в Чикаго обещала присмотреть за девочкой, если старуху кондратий хватит. Но жива ведьма, здорова даже — видать, климат на этом Стрим-Айленде способствует!

— Вы... Вы говорите правду?

В его голосе — удивление, и это решает все. Такое не сыграть. Не знал. Работал втемную.

Точнее, его работали.

— Зачем мне врать, Алик? Эмма живет там уже восемь лет, сейчас ей шестнадцать, у нее есть парень по имени Пол, он тоже из эмигрантов...

— Был.

Его голос дрогнул. Был?

«Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!»

«Не мели ерунды, девка! Твоего Пола сожрала его любимая тварюка!..»

— Извините, Эра Игнатьевна, но я вам не верю.

Я оглядываюсь — темно. Ни спичек, ни зажигалки. Черт, дьявол!..

— Поднимемся наверх. Только не вздумайте бежать!

На улицу выходить ни к чему, в подъезде горят лампочки. Темновато, но сойдет.

— Вот фотография! Смотрите!

Я достаю снимок — свежий, только что из принтера — и лишь тогда понимаю, какую делаю глупость. Он никогда не видел Эмму! Я сама — сама, дура! — показываю ему, как она выглядит...

— О Господи! Пашка!

Теперь настает время удивляться мне. Какой еще Пашка? Пол?

— Хорошо. Я вам верю.

Его голос становится тихим и каким-то странным, словно этот мальчишка постарел сразу на много лет.

— Эми звонила мне несколько дней назад, чтобы сообщить о гибели моего отца и... и брата. Паши. Павла Авраамовича Залесского. Они живут... жили на Стрим-Айленде последние годы — переселились из Милуоки по Восьмой Программе.

Не врет? Нет, не врет! Ну и родственничек у бедняги Пола! Но даже если так...

— Пленка. И распечатка. Откуда? Кто вам их передал?

Он качает головой, на губах — грустная усмешка.

— Никто. Все это... получено в пределах моей квартиры. Можете считать это научным опытом. Или спиритическим сеансом — как вам больше по душе.

Научным опытом? Неужели эти штукари способны?! Но ведь сюда не зря прислали Игоря! Игорь! Его можно спросить! Или нельзя?

Во всяком случае, не сейчас.

— Вы, Эра Игнатьевна, прочитайте распечатку. Там понятнее, чем на пленке.

Теперь он говорит еле слышно, и я начинаю догадываться, что парню тоже нелегко. Тоже?! Отец погиб, брат погиб... В голове эхом сумасшествия отдается: *«...будут и там наших внуков рожать — и для кого-то появится дом... дом, из которого...»*

— Олег Авраамович! Я вас ударила. Извините!

Он качает головой — на сей раз утвердительно.

— Да, конечно. Вы, наверное, решили, что наша банда собралась шантажировать работника прокуратуры? Это я, дурак, виноват: хотел вас, так сказать, озадачить. Знаете, что? Лучше вы меня извините. А сейчас... Можно, я пойду домой? Холодно!

Еще бы! Февраль, мороз, а он в спортивных штанах и майке. И в одном тапочке.

Правом.

Никогда бы не смогла нарисовать его лицо. Не личность — словесный портрет, забывающий бриться: нос прямой, чуть с горбинкой, брови тонкие, щеки слегка впалые — и вечно в щетине (фи!). Особая примета — без всяких особых примет. Тридцатилетний недоросль, любящий пялиться на женские ноги. И чего в нем нашла гражданка Бах-Целевская, не пойму?

А еще у него странный голос — какой-то водянистый, бессильный.

Или это я все от злости?

Таков ли он на самом деле, господин литератор?..

— Конечно, Олег Авраамович! Только... Если некоторые люди узнают о моей дочери... Об Эми... Плохо будет не одной мне, плохо будет ей. Ей шестнадцать лет, отца убили, когда девочке и шести не было...

— Не надо! — Алик морщится, гладит рукой бок. — За кого вы меня принимаете? За сентиментального агента 007?.. Ну и бьете же вы, Эра Гигантовна! Вас бы с Фимкой познакомить...

Пожалуй, надо улыбнуться, но я не могу.

Нет сил.

* * *

Мне казалось, прошла целая вечность, но взгляд на циферблат убедил в ином. Одиннадцать минут, на минуту больше, чем обещала. Игорь! Кенты! Как он там?!

Кентавры никуда не делись. Теперь их не двое — пятеро, и вся пятерка сгрудилась у подъезда. Маг по имени Истр стоит прямо перед ними — ровно, широко расправив плечи. Ни он, ни кенты не двигаются, но мне почему-то чудится, будто сероглазый фольклорист не просто стоит на заснеженном асфальте. На миг вспыхивает: между ними стена — радужная, полупрозрачная, мерцает синеватыми огоньками.

Я помотала головой. Померещилось! Просто стоят.

Наверное, Игорю интересно с непривычки.

— От-тдали д-дискету?

Он улыбается, а я никак не могу сообразить, что за дискета, пока не догадываюсь: никакой дискеты нет, зато есть «мотивация внезапной остановки».

Завралась, дура!

— Отдала. Сажали пить чай, но я героически отбивалась. Очень скучали?

Улыбка. Какая у него улыбка!

— Без вас — очень! А вообще-то интересно, любовался к-китоврасами...

Он вновь берет меня под руку; на миг я вся обмякаю, прижимаюсь к его крепкому плечу. Но сразу прихожу в себя. Нельзя — ничего нельзя. Нельзя заплакать, завыть, нельзя даже показать ему фотографию. У меня гость. Мы с ним гуляем, потом попрощаемся, я пожелаю сероглазому Магу спокойной ночи.

Выдержу?

Не сдохну?

Кто знает?

2

«Срочное. Вне очереди!

Прошу сообщить, какие объекты на территории города и области связаны с фамилией «Голицын» или сходными с нею.

Стрела. Экстренный № 258».

Я нажала *«enter»* и полюбовалась делом рук своих. Хорошо, если сегодня дежурит Пятый! «Экстренный» в полседьмого утра — удачная закуска к кофе. Забегает, извилиной своей фуражечной зашевелит, Голицыных взыскуя. Это ему за «Воздух»!

Итак, запрос уже в «паутине», чайник закипел, значит, можно брести на кухню и мыть посуду. Вчера на это сил не хватило. Удалось лишь снять — бросить на пол — пальто и добраться до комнаты, после чего я (как была, в платье) рухнула на кровать.

Мертвая.

Ожила я полчаса назад, с удивлением обнаружив, что каким-то чудом умудрилась отдохнуть. Во всяком случае, в голове обнаруживались разумные мысли, а не только шум прибоя и крики чаек. Тогда и села за компьютер, решив совместить приятное с полезным — и начальство потревожить, и дело Капустняка вперед двинуть. Хотя с уверенностью утверждать, что доктора наук Крайцмана похитили «железнодорожники», еще рано.

Пока рано.

Кофе обжигал, и я с сожалением — в очередной раз — подумала, что Господь ведает, как наказать грешную рабу Свою. Хоть в крупном, хоть по мелочам. Вчерашний вечер, например. Изображать любезную хозяйку было настоящей пыткой. Интересно, заметил ли Игорь? Кажется, я слишком много смеялась. И слишком часто — как дурочка-лимитчица, первый раз попавшая в ресторан. Обидно, я ничего не помню из того, что он пел. Даже странно, разговор помню (учили запоминать, учили!), а вот песни — нет. Обидно! Не до песен было. Приходилось думать над каждым словом, каждым жестом, иначе бы не выдержала — сорвалась, завыла, а то и вовсе кинулась бы к нему, глупая старая баба, наговорила бы с три короба...

Ладно! Этот вечерок я еще припомню господину Залесскому! Пошаманить решил, духов из бездны повызывать! Проклятый городишко, скорей бы отсюда!..

На распечатку даже смотреть не стала. Потом! Эмма жива, здорова, остальное — потом. Лучше всего выволочь сюда самого господина бумагомарателя, сунуть ему под нос листочки — и пусть все объяснит. Сам! И про «научный опыт», и про все хорошее.

Оставалась пленка — проклятая пленка, которую без промедлений нужно переправить в неведомую даль. Еще ночью, перед тем как рухнуть на кровать, я решила стереть все, начиная с крика чаек. Моим шефам требуется разговор, а не голоса духов. Но сейчас, покрутив в руках диктофон, так и не решилась. Стереть — значит соврать, а за подобные вещи полагается визит «чистильщика». Никакие псы Егория не защитят: шлепнет «чистильщик» рабу Божью Стрелу — и мигом на вертолет, подальше.

Рутина, стандартная процедура.

Ладно, отправлю, как есть. Пусть Пятый сам разбирается!

Голова слегка гудела, и я не стала пить вторую чашку кофе. Уцелевшую булочку спалила пред ликом Анны Кашинской, которая в это утро выглядела особенно кисло. Точь-в-точь мое отображение в зеркале.

3

«...Вы, гражданин начальник, меня на пушку не берите! Видели меня там, не видели, а все одно — «мокруху» не пришьете! Я на мокрое в жизнь не пойду. Западло это! Мы тут, в городе, даже стволы не носим, разве не знаете, начальник? А почему не носим? А потому как работа наша горячая, не сдержишься — и вот уже Первач-суки за загривком...»

Магнитофон крутился, дуб дымил сигаретой (первый раз его

с сигаретой увидела!), а на столе остывал чай. Не вечно же коньяк с ликером на работе хлестать!

Пленку добыл лично господин Изюмский, за что я сразу воздала ему хвалу. Мысленно, понятно, чтоб не зазнавался. А приплыла пленочка прямиком из городской уголовки, где не первый месяц благополучно «висят» два «мокрых» дела. Очень похожие на наши: продырявленный пулями труп — и никаких «Первач-сук». Месяц назад кто-то из стукачков вывел оперативников на одного из «железнодорожников». Того видели в ночь убийства совсем рядом с местом происшествия. Крутые парни из угро как следует тряхнули субчика — и вот результат. Запел.

«...Так что не гоните чернуху, начальник! Не там роете! Вы среди «ганфайтеров» пошустрите! Слыхали? Хлопцы Капустняка... Бывшие, понятно, Капустняк-то — аминь, вечная память! Вот его хлопцы как раз со стволами ходили. Почему? А потому, что им боженька разрешил, ясно?..»

Я нажала на *«stop»*, чтобы записать самое важное в протокол. Итак, «хлопцы Капустняка». Видимо, личная охрана или спецгруппа, вроде внутренней полиции. У «братвы» такое встречается.

— Вот, блин, словечко выдумали! — недовольно скривился дуб. — «Ганфайтеры», мать их!

— Язык оторву! — вздохнула я. — Не им — вам, господин Изюмский. За «мать», чтоб неповадно было.

— Да ну, блин!.. — смутился племянничек, но я была неумолима.

— И без «блин»! А «ганфайтер» — это по-английски. Точнее, по-американски, так на Диком Западе стрелков называли. Вестерны смотрели?

По виду дуба стало ясно, что слово «вестерн» тоже нуждается в переводе.

— Ладно, слушаем...

«...Только боженька у них живой. Понятливый бог. Он им и разрешает. Как чего? «Мокруху», бля, разрешает, со стволами ходить разрешает. А вот как, это уж вы сами, гражданин начальник, выясняйте. Может, жертвы особые, а может, просто боженька в законе. Да не знаю, какие жертвы! Не знаю! Кровь, говорят, нужна. Кровью этой их бог Первач-псам глаза вроде как замазывает. А не знаю кто; говорят, и все. И чья кровь, не знаю! Все, гражданин начальник, чего ведал, все как на духу! А мочить — западло, так что не я это, и кошка не моя!.. И вообще, по сторонам хранители мои, избавители от всяких властей и их мудростей, от всяких чинов и их подчинов, от всех мундиров и их командиров...»

— Дальше неинтересно, Эра Игнатьевна, — не став слушать заговор на «ментовские козни», известный всякому блатному, дуб выключил магнитофон. Отхлебнул чай, вновь скривился. — И как вы такое пьете, блин!..

— Зажигалку! — потребовала я и, получив требуемое, щелкнула кремнем. — А теперь — язык. Вытягивайте, вытягивайте!

Господин Изюмский покосился на лиловый огонек и на всякий случай отодвинулся подальше. Я встала, взяла охломона за ухо:

— Еще раз услышу — точно язык спалю. Или отрежу — по вашему выбору. Если не воспринимаете меня как женщину, воспринимайте как старшего по должности.

Ухо дрогнуло, и я еле удержалась от продолжения экзекуции.

— Уже и сказать нельзя! — пробурчал Изюмский. — Женщину... А вы меня, б... То есть вы меня разве как мужчину воспринимаете?

От такой наглости я настолько оторопела, что даже не стала отвечать. Мужчина Изюмский!

Я пододвинула к себе магнитофон, но дуб покачал головой:

— Говорю ведь, нет там больше ни... ничего! Там дальше про собак каких-то. Не Святого Георгия, обычных...

Собак! *«Кровь, говорят, нужна. Кровью этой их бог Первач-псам глаза вроде как замазывает... И чья кровь, не знаю!»*

Не знает?!

«...Ну, подтверждаю. Так точно, двенадцать собак. И двор мой, и клетки мои, и собаки. Да только вы мне, гражданин начальник, ничего не пришьете! Собаки бродячие, так что отловил я их даже с пользой. А то бегают, народ зазря кусают! А на кой они мне, это, извините, мой личный интерес! Одну продам, другую подарю...»

То-то в городе собаку не встретишь! Один дюжину поймал, другой — две. Собаки... А люди? Бомжи с вокзала?

— Володя, где сейчас этот тип?

— Этот? — Дуб потер ухо, обиженно вздохнул. — Как по делу, так сразу «Володя»! Помер он. В камере на помочах повесился. Я так, Эра Игнатьевна, смекаю: ребята из угро его прижали, вот он и решил на Капустняка свалить. Капустняка ведь мертвым считали! А не вышло!

Не вышло. Услышали — и помогли приспособить помочи. То ли сам Панченко, то ли кто-то из его «ганфайтеров».

— Я, Эра Игнатьевна, эту, ну, версию придумал.

Я чуть было не переспросила по поводу глагола, но сдержалась. А вдруг и вправду придумал? Великое чудо Маниту — мыслящее древо.

Quercus sapiens.

— Панченко, который Капустняк, он все эти годы не светился особо. Мы-то знали, но доказать ни черта не могли. А месяцев восемь назад... вот...

Дуб порылся в папке и вынул ксерокопию статьи. Бог мой, на английском!

— Его это... ФБР засекло. Один пи... то есть тип согласился дать показания. Короче, в Штаты ему путь заказали, и в Израиль тоже, и во Францию. А потом и у нас на него материал появился. Говорят, «тамбовцы» подкинули...

— ...И Панченко решил инсценировать собственную гибель, — кивнула я. — Логично, если бы не два «но». Его смерть подтвердил Интерпол, а с этой конторой даже «железнодорожникам» не сладить. И второе: почему он здесь, а не где-нибудь в Белизе?

Дуб задумался — крепко, до скрипа извилины.

— А дела у него тут! Деньги, гад, припрятал или чего еще. А Трищенко, бармен который, болтать стал или пуганулся, к нам решил прийти. Вот Капустняк Очковую и натравил!

Версия вполне годилась. В нее вписывались даже сгинувшие собаки и таинственный «боженька». Кто знает, чего могли эти штукари выдумать?

— Гражданин Крайцман — биохимик, — проговорила я вслух. — Биохимик, собачки, кровь, новая работа...

Дуб удивленно моргнул. Пришлось пояснять с самого начала; естественно, без упоминаний остальных участников молитвинской эпопеи. Господин Изюмский долго чесал затылок, затем вновь скрипнул извилиной:

— Вот, блин!.. То есть надо же! Крайцман! Так ведь я ейной... в смысле, евойной мамаше зачет сдавал! Она на этой, как его, кафедре! Начальник!

— Какой зачет? — поразилась я, почему-то сразу подумав о военной подготовке. «Побатальонно! В колонну по три!.. Противогазы надеть!»

— По «скобарю» зачет! — Дуб вздохнул. — В академии. Ну, крута! Заочников только что не убивает! С пятого раза сдал, потом две недели хромать пришлось.

Вспомнился лязгающий, словно танковые гусеницы, голос в телефонной трубке, и я невольно пожалела племянничка. Само собой представилось: стальная рука берет «Вована» за шкирку, кидает на татами (или на что там сейчас кидают?), стальная нога бьет в промежность...

— Значит, теперь закрепляете навыки на подследственных?

Дуб вновь вздохнул и зачем-то оглянулся — не иначе грозный призрак мадам Крайцман встал за спиной.

— И сынка ейного... евойного видел. С виду пуздрыч носатый, я его в шутку позвал побуцкаться — а у него черный пояс оказался... если б еще понять, на чем он меня прихватил!..

Ай да семейка! Видать, архарам тараканьего полковника пришлось туго!

— Так, выходит, Эра Игнатьевна, у них где-то кубло есть? Не в городе? Эх, знать бы, где искать, враз бы накрыли!

Я-то знала. Объект «Психи Голицыны». Эй, психи, ау!

4

А еще есть такая беда — совещание называется. И наш Никанор Семенович — великий дока по части убивания времени, толчения воды в ступе и всего, этому социально близкого. Вот и сегодня... Суббота же, блин, как выразился бы господин Изюмский. И действительно — «блин»! Два часа отсидели, глазами прохлопали — и что узнали? Что двух кентов мертвых нашли? Так это я с самого утра слыхала. Упились самогонкой с дихлофосом — и коньки отбросили, а нам отдуваться, потому как меж кентавров по просторам Дальней Срани слушок прошел, будто товарищей их жорики забили до смерти, а экспертиза «липу» подмахнула. Похоже, Никанору Семеновичу крупно за этих кентов в мэрии влетело, вот он за нас и взялся. И что теперь делать? Беседы проводить о культурном потреблении дихлофоса?

Впрочем, кенты были, так сказать, на первое. А вот на второе нам подали такое, что я мигом забыла и о дихлофосе, и о привычных наших дрязгах. Никанор Семенович вызвал дядьку в зеленом ватнике — дежурного Тех-ника, — тот поколдовал около дверей и возле окна, щедро посыпая паркет мукой, после чего включил мигающий разноцветными лампочками ящичек.

Система была знакомая: последняя новинка против подслушивания. Никанор Семенович подождал, пока за Тех-ником закроется дверь, а затем вздохнул и достал из красной папки несколько листков бумаги с привычным грифом «Совершенно секретно. Экземпляр №...»

Документ прислали прямиком из Генеральной прокуратуры. Такие мы уже получали, и речь там, как правило, шла о старых знакомцах-«железнодорожниках», совершивших очередной подвиг. Но на этот раз речь зашла не о пропавшей нефти, не о сгинувшей неведомым образом электроэнергии и даже не об украденном «ноу-хау».

Вначале я ушам своим не поверила, настолько все услышанное походило на дурной боевик. Три дня назад некто, говоривший с узнаваемым славянским акцентом, позвонил прямиком в Пентагон, предложив за сходную цену приобрести несколько файлов, извлеченных непосредственно из главного компьютера командования ракетных войск стратегического назначения.

Не американских РВСН — наших.

Такого еще не было. «Железнодорожники» и прочая «братва», как черт ладана, избегали политики. Но сразу вспомнился рассказ излишне откровенного парня, поспешившего поверить в смерть Панченко-Капустняка. Если боженька «в законе», то почему бы не «расколоть» компьютер РВСН?

Но неведомый штукарь, к скорби его великой, просчитался. В Пентагоне не обрадовались — там пришли в ужас. Если уж начали пробивать *такую* защиту!..

Через час об этом знали у нас в столице. Министр обороны бегом побежал к Президенту. Пресса еще не успела пронюхать, но в любой момент история может всплыть, и тогда!..

Что будет тогда, Никанор Семенович не стал уточнять. Хватило и того, что пухлые щечки сменили цвет, превратившись из розовых в салатные.

Стало ясно — будет лажа. Этого городу не простят. Даже если компьютер «хакнули» не «железнодорожники», а какие-то другие умельцы. Слишком велика наша слава. Велика — и вполне однозначна.

В кабинет я вернулась злая, мечтая лишь об одном — убежать, да побыстрее. Но не тут-то было. Прямо в моем кресле обнаружился некий чернявый субъект в куцей курточке и совершенно наглого вида. Мерзкий такой субъект. Стрикулист.

— Эра Игнатьевна? — на прыщавом лице блуждала улыбочка, левый глаз странно дергался — словно вот-вот собирался подмигнуть. — Заждался я вас, заждался...

Первая мысль, вслух не высказанная, была проста: «Пшел вон!» Вторая, тоже про себя: в мой кабинет просто так не пускают. Значит?

— Удостоверение предъявите! — как можно спокойнее предложила я, уже догадываясь, что увижу.

Этого делать стрикулисту явно не хотелось. Он помялся, подвигал ножкой:

— Ну зачем так сразу — удостоверение! Я же, можно сказать, неофициально. Просто так зашел.

Я ждала — молча, не говоря ни слова. Стрикулист вздохнул, полез куда-то во внутренний карман.

Бордовая книжечка, щит с перуном. Так и знала! Фамилию прочитать не дали — развернули только на миг.

— Я, знаете, на минутку. Сказать. Точнее, посоветовать. Закрывайте вы это дело, Эра Игнатьевна! И убийца у вас есть, и оружие. Чего еще вам нужно?

«Это дело». Даже переспрашивать не надо — и так ясно.

— А мы вас не забудем! Организация у нас уважаемая, солидная, наша помощь всегда пригодится.

Если б не его наглая улыбочка, я скорее всего вступила бы в переговоры. Всегда полезно узнать что-то новое. Но уж больно нагл, стрикулист! Привык «корочками» козырять, сволочь! Как их Саша ненавидел!

— Закрывать дело не считаю возможным. Все?

Усмешка стала шире, желтые зубы — клыки! — оскалились.

— Не считаете, значит?

Отвечать я не стала. Уверена, со слухом у него все в порядке.

— Видите ли, Эра Игнатьевна, я привык добиваться своего. А методы бывают различные!

Улыбка растянулась до ушей, затем исчезла:

— Мы ведь о вас все знаем! Бытовое пьянство, сувенирчики от подследственных... Я ведь вас, Эра Игнатьевна, можно сказать, пожалел. Сунул бы сейчас вам в стол конверт с долларами — и все. Времена нынче сложные, сами знаете. В колониях таких, как вы, не любят! Хорошо, если одних вертухаев обслуживать придется!..

Говорят, самый страшный гнев — гнев бессилия. Саша, когда говорил о таких, бледнел, терял голос...

— Убирайтесь!

Прыщавая рожа скривилась. Стрикулист вздохнул:

— Скоро сами все поймете, Эра Игнатьевна, да только поздно будет. Я ведь с вами неофициально, по душам, так сказать...

— Неофициально? Просто взяли и зашли?

Мысль мне понравилась. Старший следователь прокуратуры входит в свой кабинет и обнаруживает...

От первого удара он присел. Второй бросил его на пол.

— Сука! Пожалеешь!

Я достала из его кармана удостоверение со щитом и перуном, открыла форточку — и бордовые «корочки» сизым голубем упорхнули прямиком с четвертого этажа.

— А это тебе за «суку»! Ползи, пока кенты не подобрали!

Выйти из кабинета стрикулисту оказалось затруднительно, но я помогла.

В три пинка.

5

Руки дрожали — даже дома, даже после рюмки коньяка. Ненавижу! Эти — хуже всех, хуже жориков, хуже прокуратуры, будь она трижды!.. Наглые, уверенные в себе, в своей скотской безнаказанности. Сашу забирали трижды, целый год держали в «психушке». Страны рушатся, Армагеддон в разгаре — а этим хоть бы хны! Случись Потоп, к Ною, когда он пристанет к горам Араратским, тут же подойдет такой, с «корочками», и начнет душевный разговор.

Хорошо, что я работаю не на них. По крайней мере, это знаю точно. А в целом — плохо. Плохо, сотрудник Стрела! Сорвалась, причем не в первый раз. Но сегодня — случай особый. С этими срываться нельзя — вцепятся, не отцепить! Прав Девятый, пора лечиться!

Да, плохо. Считай, испортила себе субботний вечер. Неделю назад тоже работала допоздна, пришлось заниматься алкашом Молитвиным, свидетелей опрашивать; и вот снова субботний вечер, настроение — самое паскудное...

Я включила компьютер, но почты не было. С Голицыными явно вышла неувязка. Я представила себе, как Пятый рычит на перепуганных клерков, как лично берет энциклопедию на букву «Г», и почувствовала себя немного легче. Совсем немного.

Впрочем, рецепт хорошего настроения я знала: горячая ванна, две рюмки коньяка — и пластом на кровать. Закрыть глаза, руки вдоль тела. Полчаса — и все пройдет. То есть проходит.

Иногда.

Я расстегнула мундир, вспомнила об обязательной свечке Николе Мокрому (дабы вода была теплее), с тоской поглядела на уже привычные разводы на потолке...

Звонок — громкий, протяжный.

В дверь.

6

Первая мысль, естественно, самая скверная. Стрикулист и его начальники оказались чересчур обидчивыми, доллары уже лежат в почтовом ящике, Никанор Семенович подмахнул ордер...

Стоп!

Я застегнула мундир. Прошла в комнату, открыла ящик стола, где притаился «браунинг». Взять? Нет, сначала спросим.

К двери пришлось подходить так же, как днем раньше к жилищу алкаша Залесского, — по стеночке. Вдруг эти идиоты решили разыграть «сопротивление при аресте»? Кто знает, может, у них свой «боженька» имеется — который Первач-псов отводит?

— Кто?

Если «телеграмма» или «газовый надзор» — тогда по схеме. Тоже стандартная процедура, но на свой лад. Пятерых положу — не меньше.

— Это я, Ирина! В-волков. Если вы заняты...

О Господи!

Почему-то в первый миг я испугалась. Даже больше, чем если бы стали ломиться в дверь. Но затем испуг сгинул, и я поняла: никаких лекарств от плохого настроения уже не требуется. Игорь! Как хорошо!

— Я не занята! Сейчас!

В руке Маг по имени Истр держал букет лиловых хризантем, в другой — большой пакет, за спиной — гитара в знакомом зеленом чехле.

— В-вам!

Не выдержала — ткнулась лицом в цветы. Боже мой, как хорошо!

— Спасибо, Игорь! Но так нельзя, вы меня совсем избаловали... Проходите, проходите!

И только тогда, когда он переступил порог, я сообразила. То есть я ничего не сообразила, просто поймала его взгляд.

Форма!

Ты же в форме, дура! В синей прокурорской форме, с погонами, с Фемидой в петлицах. Еще бы «браунинг» взяла! В зубы.

Прокол. Провал. Все!

— Вас форма удивляет?

Удивляет? «Сэр, а не странно ли вам, что этот джентльмен зачем-то встал на табурет и намыливает петлю? Ничуть, сэр, я тоже чистоплотен!»

— П-почему удивляет? — Игорь вновь улыбается, и у меня отпускает сердце. — Где вы работаете, я, т-так сказать, в курсе... а форма вам, между прочим, очень идет. Как сказал бы один отрицательный исторический п-персонаж, «чегтовски»! Или даже «архичегтовски»!

Заступница-Троеручица, ну конечно! Не полные же идиоты те, кто его готовил! Пятый, конечно, идиот, но есть еще Девятый...

— Я вам, Ирина, с-слегка завидую. Быть п-прокурором в этакой фольклорно-мифологической реальности! За г-год, уверен, можно набрать материала на д-докторскую, минимум.

Остается согласиться, улыбнуться и направиться за вазой. Хризантемы, Господи! Никогда в жизни мне не дарили хризантем!

Между тем Игорь нерешительно топчется в передней, явно не зная, куда девать пакет. Наконец осторожно ставит его в угол.

— Пицца, — сообщает он, уловив мой удивленный взгляд. — Вчера вы угощали м-меня анчоусной, а я купил с осетриной. Н-надеюсь, не помялась. Хризантемы — это, так сказать, обряд, а вот п-пицца — основа делового ужина, поскольку я потревожил вас исключительно по делу.

Спорить не стала. По делу так по делу. С осетриной так с осетриной.

Впрочем, о деле за ужином Игорь не сказал ни слова, и я мысленно поблагодарила его за подобную чуткость. Мой кивок в сторону коньячной бутылки был проигнорирован, и я (опять мысленно!) устыдилась. Того и гляди, решит, что я пытаюсь его споить!

Наконец на столе появился кофе (спасибо Сурожанину, и на этот раз не оплошал!), Маг откинулся на спинку кресла, осторожно отхлебнул черный дымящийся напиток.

— От-тменно! — констатировал он, и я возгордилась. — Кофе у вас, Ирина, б-божественный, и это не просто похвала, а тонкий намек на то, о чем я хотел с в-вами поговорить.

— О Боге? — удивилась я.

Почему-то вспомнилось: *«...боженька у них живой. Понятливый бог...»*

— Скорее, о богах.

В его руках появились четки — темные круглые бусины на прочном шнуре. Пальцы привычно заработали: бусинка, еще бусинка, еще...

— Знаете, п-побродил по городу и немного очумел. Ну, к-колоды с иконками, инструкции, так сказать, к к-камланию, «наклейки качества» — эт-то я и раньше видел, у нас их уже целая коллекция. Но вот к-канализационные, извиняюсь, люки...

— Как? — поразилась я.

— Обычные, чугунные. Т-то есть это у вокзала они обычные, и на окраинах. А в центре что н-ни люк, то со значком. И н-непростым значком! Прямо, к-карты Таро! То есть, конечно, это не Т-таро, знаки другие, но хотел бы я взглянуть на п-план города и прикинуть к-комбинации!

У Мага оказался острый глаз. Столько лет ходила по этим люкам! А хорошо бы с планом города поработать, жаль, времени мало!

— А церкви сосчитали? — улыбнулась я. — Говорят, их у нас больше, чем в Риме.

Игорь кивнул — серьезно, без улыбки.

— М-много... Знаете, в XII веке халиф М-мансур как-то обмолвился, что обилие мечетей — это свидетельство б-близости Судного Дня. Так вот, об этом самом Судном Д-дне. Вчера вы д-дали мне журнал. П-признаться, не спал полночи, штудировал. В немецком не силен, пришлось звать д-демона, то есть искать словарь в Интернете...

В этот миг я ощутила себя господином Изюмским — мои извилины дружно издали жалобный скрип. Журнал? Словарь? Но тут, видать, сам пророк Наум снизошел и наставил — на ум. «Шпигель»! Я подарила ему «Шпигель» с письмом гражданина Егорова!

— В-вы сами читали, Ирина?

— Что? — очнулась я. — Увы, не успела. У меня тоже с немецким слабовато.

— Т-там, как мне кажется, не очень удачный перевод, н-некоторые мысли, так сказать, смазаны, но главное понять можно. Знаете, б-батюшка оказался гораздо умнее, чем думалось. Вы действительно не читали?

Внезапно я уловила его взгляд — и замерла.

Серые глаза смотрели без тени улыбки, холодно, сурово.

— Нет! — Я даже подалась вперед, словно чем-то провинилась перед сероглазым Магом. — Но если надо...

Он улыбнулся, ямочка на подбородке стала глубже, и я облегченно вздохнула. Почудилось!

— К-конечно! Я т-только сниму ксерокс, еще не успел. Да, батюшка умен, и весьма. Его эсхатология, можно сказать, железная.

— Про Армагеддон? — осмелилась поинтересоваться я.

— У батюшки свой в-взгляд на Армагеддон. И очень любопытный. П-причем он пришел к нему исключительно на, так сказать, церковном м-материале, что вообще уникально. Ну, в-вы потом почитаете.

— Расскажите, Игорь! — взмолилась я. — Все-таки вы — специалист!

Ап! Язычок прикушен. Еще не хватало добавить: «А я — просто внедренный сотрудник».

Бусинки на четках забегали быстрее. Улыбка исчезла, тонкие губы на миг сжались.

— Если в самом к-кратком виде, то получается так. Мир Б-божий был сотворен единым и имел б-больше реальностей, чем н-наш. Но грехопадение разбило его на части: н-небо, то есть обитель светлых духов, землю — так сказать, н-нашу юдоль; естественно, ад и еще многое — п-помельче. Например, сфера «м-малых народцев», если пользоваться термином моего любимого Саймака. П-причем дробление шло постепенно, достигнув к-кульминации где-то два-три века назад. Пока улавливаете?

Я кивнула — и не только из вежливости. Об этом мне уже рассказывали. Очень давно, когда у меня еще не хватало мозгов, чтобы понять такое. Саша, Саша, почему тебе досталась такая дура! Мне бы слушать, слова не пропуская!

— Итак, иные реальности отпали, и человека, так сказать, Ад-дама, заперли в земной юдоли. Но, как известно, Господь обещал вернуться. И не п-просто, а во славе Своей. П-понимаете намек?

Понимаю ли я? Наверное, понимаю. Все-таки я не только баба в мундире, но и его «коллега».

— Отец Александр хочет сказать, что Второе Пришествие — это воссоединение всех реальностей?

— Именно! — Игорь быстро кивнул. — Причем, к-как и обещано, все сие будет происходить незаметно, яко тать в нощи. И небезболезненно. Отсюда — Армагеддон, бледные к-кони, стрекозы с реактивными двигателями. Однако же все сие д-должно благополучно завершиться к славе Господней; если мы, Ад-дамы, в очередной раз не нашкодим.

Четки исчезли, в руках Мага появился знакомый журнал. Зашелестели страницы.

— В-вот! Это, пожалуй, самое интересное. Второе Грехопадение как угроза П-прекрасному Новому Миру.

— Грехопадение? — поразилась я. — Это когда Адам, Ева...

— ...И д-древо. Совершенно верно. Отец Александр исходит из того, что Грехопадение состояло в отказе смиренно п-принимать дары Божьи и переходе к их, так сказать, интенсивной эксплуатации. И вот сейчас м-мир творится заново, и вновь Адам на перепутье. Тут батюшка уже явно п-прощается с каноническим православием. Он считает, что все здешние к-камлания: иконки, булочки, отрывные молитвы — это, так сказать, к вящей славе Б-божьей. В Новом Мире — н-новые обряды. А вот нечто иное — это опасно.

Игорь замолчал, словно давая мне время осмыслить. «Иное»? Уж не кровь ли это во славу самозваного «боженьки»? Не право на убийство для «ганфайтеров»?

— В этом случае Новый Мир, не успев сформироваться, н-начнет распадаться, Апокалиптический взрыв, революция вместо эволюции. И будто он уже наблюдал некоторые, как считает, опасные п-проявления.

Не только он. Я тоже кое-что успела заметить. И даже черточки нарисовать. Что-то неладно в Прекрасном Новом!..

— Вот т-такая теория! Н-не очень оригинально, зато вполне в христианском д-духе. Впрочем, о таком толковали не одни п-последователи Плотника.

Я задумалась. Да, не ново. Все это я слышала, и довольно давно. Только Саша говорил не про железных коней и не про звезду Полынь...

— И еще г-господин Егоров зацепил краешком одну очень интересную идейку. К-краешком — только намекнул... Он считает, что загадочное «излучение», к-которое десять лет ищет Семенов-Зусер и найти не может, действительно существует. Т-точнее, это не совсем излучение. Речь, п-по мнению отца Александра, идет, как он выразился, о «черной н-ноосфере». П-попросту говоря — некросфере.

Попросту! Я только вздохнула. Игорь улыбнулся:

— Честно г-говоря, на первый взгляд — д-дикость. Энергия мертвых, погибших при к-катастрофе (а также мертвых из в-времен более отдаленных, в-в связи с дырами некросферы из-за Большой Иг-грушечной), подпитывает город...

Улыбка исчезла, серые близорукие глаза сверкнули.

— А в-вообще, смело! Все эти б-булочки и бублички идут не святым и уг-годникам, а прямиком в некросферу, притягивая, так сказать, н-некробиотику...

Я вздрогнула, наконец-то сообразив, что стоит за незнакомыми словами. Энергия мертвых! Погибших, но неуспокоенных. Какой ужас! Неужели и это — правда?

Игорь помолчал, задумался...

— К-как вы думаете, Ирина, если Патриарх потребует, ваш б-батюшка замолчит?

Замолчит? Вспомнились глаза отца Александра — глаза идущего на эшафот.

— И не подумает! «На том стою и стоять буду, и да поможет мне в этом Господь Бог!»

— Ам-минь! Но господину Лютеру повезло — друзья его чуть ли не с к-костра стащили. А отцу Александру предстоит наша д-доморощенная инквизиция.

На миг я вновь ощутила на плечах тяжесть черной мантии. «Мадам инквизиторша» поспешила оформить «дело». По всем правилам.

— Думаю, им ничего особо не грозит, — неуверенно начала я. — Собственно, там осталась одна статья, не слишком серьезная. В худшем случае — года три условно. Кроме того, я вообще сомневаюсь, что процесс состоится. Слишком большой шум поднялся. Вчера адвокаты подали прошение об изменении меры пресечения...

Все это правда. Наша мэрия, кажется, сообразила, что заигралась, плодя диссидентов. Но кто их знает? Дураков много.

Игорь вновь внимательно взглянул на меня, словно не веря, но сразу улыбнулся:

— В-все! Чувствую, Ирина, я вас окончательно утомил. П-просто хотелось, так сказать, поделиться. Ухожу!

— Погодите! — растерялась я. — А... А гитара?

7

На этот раз я слушала — песню за песней. И это было хорошо. Очень хорошо.

Саша петь не умел, он так и не смог научиться как следует играть на гитаре. Зато наш старенький «Шарп» крутился каждый вечер. Странное дело: почти все, что пел Игорь, я уже когда-то слышала. Визбор, Ким, Городницкий, Окуджава. Даже

Высоцкий, ставший сейчас пугалом для бедолаг-школьников. Странно, Маг, считай, моих лет, а Саша был старше — на целую жизнь. Может, сероглазому тоже встретился кто-то? Чудом уцелевший «человек XX века», для которого имена старых бардов — не пустой звук?

Каким-то образом оказалось, что мы сидим бок о бок. Бутылка «Камю» осталась скучать в баре — сегодня ни к чему было вздергивать нервы. Игорь пел. Я слушала. Его плечо было рядом.

Наконец я осмелела достаточно, чтобы попросить Мага спеть одну старую песню. Настолько древнюю, что ее уже никто из моих «гитарных» знакомых не мог вспомнить. Сашину любимую. После его смерти я лишь однажды рискнула поставить кассету — и тут же испугалась, выключила. Потом кассета исчезла — навсегда, а я забыла название, забыла автора.

Маг действительно оказался Магом. Песню он помнил, помнил и барда. Не Высоцкий, не Галич — некий Сергеев Впрочем, пусть Сергеев, пусть Иванов, лишь бы песня оставалась прежней. Про поле, про пулемет на колокольне и про взвод, прижатый прицельным огнем к горячей земле.

Негромко заговорила струна, вслед за ней другая, медленно, осторожно, словно солдат под пулеметным огнем.

На горе, на горочке, стоит колоколенка,
А с нее по полюшку лупит пулемет,
И лежит на полюшке, сапогами к солнышку...

Тот, чей голос был на пленке (уж не сам ли Сергеев?), пел совсем по-другому, но у Игоря выходило не хуже. Я закрыла глаза. Взвод лежит, прижимаясь к земле, в горячем воздухе свистят пули... Мне двадцать, Саша сидит рядом, наша дочка давно уснула. Ей только что исполнилось три...

Мы землицу лапаем скуренными пальцами.
Пули, как воробушки, плещутся в пыли.
Митрия Горохова да сержанта Мохова
Эти вот воробушки взяли да нашли.

И Сашу нашли. Через три года. И я даже не успела спросить, почему ему нравилась песня про давно забытую войну. Кажется, его дед воевал. Или прадед — кто теперь вспомнит?

Дальше... Дальше я тоже помнила. Парня просят принять смерть за остальных, сбить немца с колокольни, он бежит — но пули прижимают его к земле, немец бьет очередями, и тогда

встает командир: как на парад, во весь рост. Как Саша, когда к нему прямо возле горисполкома подошли трое и достали «стволы» с глушаками...

Сразу с колоколенки, весело чирикая,
В грудь слетели пташечки, бросили назад ..

Саша лежал на спине, и по белой рубашке расплывалось темно-красное пятно. Рубаха новая, прямо из стирки, я даже не успела пришить одну пуговицу, он сделал это сам, не хотел будить — я заснула под утро, Эмма как раз болела корью...

...И вдруг я чувствую, что песня давно кончилась, Игорь совсем близко, а я плачу — реву! — уткнувшись ему в плечо. Реву, а меня гладят по голове, как ребенка, и что-то тихо, еле слышно, шепчут. Всегда так хочется, чтобы тебя погладили по голове, когда плохо...

— Ирина? Что с вами?

Я очнулась. Бред, все бред! Никто меня по голове не гладит, никто ничего не шепчет, Игорь не сидит рядом, а стоит. Я осторожно коснулась лица — ни слезинки. Я просто застыла — закаменела. Только камню не бывает больно.

— Ничего, Игорь! Я сейчас...

Медленно, стараясь не пошатнуться, бреду в ванную и кручу кран. Холодная вода приводит в чувство — и я сразу вспоминаю о косметике. Прощай, боевой раскрас вместе с заботливо нарисованным лицом! Косметичка, конечно, осталась в комнате. Бедный Игорь, сейчас ему предстоит узреть чудище. Как выразился один остроумец, чудище Горилло.

Чудище Горилло возвращается в комнату, опускается в кресло. Игорь неслышно оказывается рядом. Я пытаюсь улыбнуться — вместо улыбки получается нечто жалкое, отвратительное. Не смотри, сероглазый, не надо, страшная я!

— М-может, лекарство принести? Или... Вы д-давеча свой «К-камю» рекламировали. По п-пятьдесят грамм? Вид у вас, Ирина, признаться... усталый.

Можно и по пятьдесят. Или по стакану. Или прямо из горлышка.

Коньяк льется в стопки, разливается по полированному дереву. Плохо! Очень плохо, Стрела! Лучше б я играла, как прошлым вечером. По крайней мере не пришлось бы пугать гостя.

— Игорь... Я... Мне очень неудобно...

— А что случилось?

Да, Маг по имени Истр — настоящий джентльмен. Но вечер

испорчен. Уже второй наш вечер. Коньяк почему-то отдает тараканами, ни к селу ни к городу вспоминается главный таракан-архар Жилин, чтоб он пропал, сегодняшняя дурацкая история с подонком из ФСБ...

— Шаги, — внезапно произносит Игорь. — В-вы кого-то ждете?

Ответить не успеваю. Шаги — тяжелые, неспешные — уже возле самой двери.

Звонок.

Хорошо денек начинался!

И кончается не хуже.

8

Нет сил даже сходить за пистолетом. Да и хороша я буду: глаза мертвые, красные, как у кролика, форменная куртка расстегнута — и вдобавок «браунинг» в руке.

Застегнуться!

Взгляд в зеркало (Господи, помилуй!).

К двери!

Скажут «телеграмма», «газовая служба» или «почтальон Печкин» — вот тогда и за оружие браться можно.

А как же Игорь?

И тут я окончательно понимаю — влипла! Да так влипла!..

— Кто?!

Долгое, тяжелое молчание.

— Я...

Я?!

Заступница-Троеручица, этого еще не хватало!

Дуб!

На какой-то миг я чувствую нечто, похожее на облегчение. По крайней мере не придется стрелять.

— Изюмский! Какого черта!

Вновь молчание — на этот раз испуганное. Кажется, не уследила за голосом — рявкнула.

— Эра Игнатьевна! Тут, блин... Поговорить бы...

Я даже не реагирую на очередной «блин». Поговорить ему! Повадился, *кверкус*!

— Н-неприятности?

Голос Игоря прозвучал очень близко, и я невольно вздрогнула. Маг — действительно Маг. Обычно я слышу, когда подходят сзади. Правда, господин Молитвин тоже...

— Мелкие, — вздыхаю я. — По ботанической части... Это с работы.

— П-понял.

Когда я оглянулась, Игоря уже рядом не было. Что ни говори — Маг!

* * *

— Добрый вечер!

Господин Изюмский смущенно топчется на пороге, и я начинаю закипать — быстро, как кофеварка-минутка завода «Коммунар».

— Добрый? Послушайте, Изюмский, а позвонить можно было? По телефону? Обязательно являться среди ночи? И вообще, имеет человек право на личную жизнь?

— Так ведь...

— Что — так ведь?!

Кофеварка закипела. Ну, я сейчас этому обормоту!

— Эра Игнатьевна! — Его голос внезапно переходит в шепот, и я невольно замолкаю. Шептать в моем присутствии дубу еще не доводилось. — Не мог я позвонить! Меня этого... Того... Поговорить надо!

И вдруг я понимаю — надо. Дуб, конечно, дуб, но зря не явится.

— Ладно, заходите!

Дуб возится у порога, стряхивая с ботинок снег, и я окончательно понимаю: вечер испорчен. Интересно, что подумает Игорь?

Я оглядываюсь — Маг уже в пальто, явно собирается уходить. Все! Попели песенки!

— Прошу знакомиться!

Дуб смущенно тычет широкую лапищу, Игорь внешне невозмутим, а я вдруг представляю, как все сие выглядит со стороны. Вот так и рождаются репутации! Ладно, пусть себе.

Игорь уходит, и я не знаю, как его остановить. Наверное, принял меня Бог весть за что...

— П-пойду! Счастливо, Эра Иг-гнатьевна! Будут новости — обязательно позвоню.

Я мысленно отметила «Эру Игнатьевну». Маг все понял — но это не доставило радости.

Хлоп! Дверь закрылась — нет сероглазого! Есть я, недопитые рюмки на столе — и господин Изюмский в красе и силе.

— Эра Игнатьевна, я... Я помешал?

— А вы как думаете?

Злиться нет сил. Ругаться — тоже. Мы проходим в комнату, я ставлю на стол чистые рюмки. Дуб косится на початую бутылку «Камю».

— Так у вас гости были? Во блин!

Заметил! От такого ничего не укроется!

— А что, похоже? Ладно, что там у вас?

Тяжелый вздох, ручища тянется к рюмке, отдергивается.

— Не, не буду! Тут такое дело, Эра Игнатьевна. Хирный со мной говорил — который УВД. Чтоб я дело закрывал.

— Дело Трищенко?

— Его.

Все становится ясно. Ко мне подослали стрикулиста. Против бедняги-дуба выставили тяжелую артиллерию. Но зачем?!

— С Никанором Семеновичем говорили?

— Нет еще. Тут ведь чего выходит? Кондратюк-то признался! Тряхнул я его сегодня вечером, он и раскололся.

— И что вы сломали ему на этот раз? — поинтересовалась я.

— Да, блин!..

— Зажигалку! И язык — вытягивайте, вытягивайте!

Дуб сглотнул, словно упомянутый язык застрял у него в горле.

— Ладно! — смилостивилась я. — Но имейте в виду, в последний раз!

— Признался, значит. — Изюмский обреченно вздохнул. — И ведь не бил я его, Эра Игнатьевна! Сам признался! Пи... То есть убил Трищенко из ревности, бли... То есть просто из ревности, а «ствол» нашел. На помойке.

Так-так! Значит, теперь мадам Очковая из расклада выпадает. Правда, патроны... Но патроны одно, «ствол» — совсем другое. И Капустняк выпадает. И его «ганфайтеры» — тоже.

— Ну, я Ревенко доложил, а через час меня — к Хирному. Мол, закрывай дело, убийца есть, «ствол» есть.

Да, интересно выходит! Всем это дело поперек горла стало. Но почему? Неужели все-таки Капустняк?

— И что решили?

Дуб молчит, вздыхает и внезапно машет широкой ладонью:

— Да ни черта я не решил, Эра Игнатьевна! Нельзя дело закрывать! Кондратюк, урод, на суде откажется — и все! Он же плановый, его психом с ходу признают! А главное, почему он, гад, живой до сих пор? И вообще, какого хе... то есть зачем Хирный в наши дела лезет? Сам бы и расследовал!

Я киваю. И это верно. А смелый все-таки парень наш дуб!

Итак, дело хотят закрыть: девица с неприятным голосом, госбезопасность и УВД. Хорошая компания получается!

— Дядьке-то я скажу, — резюмирует дуб, — да только не захочет он с Хирным ссориться! Скажет: смотри, мол, сам! А чего тут смотреть?

Он не прав. Смотреть есть куда. Кто-то за всеми этими спинами прячется. Уж не самозваный ли «боженька»? Если так, хороша у него паства!

— Ладно, — решаю я. — Все-таки выпьем! По чуть-чуть. Ну почему, Володя, от вас сплошные неприятности?

Воскресенье,
двадцать второе февраля

Нашествие ратей Голицыных * Кто будет водить? *
Шизофреники вяжут веники * Когда нет сил плакать

1

Воскресенье началось с почты. Два файла — один побольше, другой совсем маленький.

«Пятый — Стреле. На ваш экстренный № 258.

Ниже приводится список объектов города и области, связанных с фамилией «Голицын» и сходными с нею.

1. Покровский монастырь (действующий). Князь Василий Семенович Голицын был одним из донаторов (вкладчиков).

2. Троицкая Церковь (действующая). Князья Михаил и Константин Голицыны внесли 20 тыс. рублей золотом на ее строительство. По непроверенным данным, князь Константин являлся ктитором...»

Пятый постарался — от души. Сорок три пункта, включая сахарный завод в Белом Колодезе, которым в 1936 — 1938 годах управлял некто Сергей Ферапонтович Голицын — явно не князь. Я заварила кофе и включила принтер. Три страницы «голицыаны» — по крайней мере, есть от чего плясать.

«3. Пушкинская, 7. Дом, купленный в 1876 год князем Николаем Голицыным. Не сохранился, снесен в 1929 г.

4. Николаевский собор (бывшая Николаевская площадь, ныне

Конституции). Не сохранился, снесен в конце 1920-х годов. Иконостас был изготовлен на средства семьи купцов первой гильдии Голицынских...»

Я поняла, что тону. Вместо одинокого поручика Голицына вкупе с верным его другом-корнетом на меня навалилась целая орава Голицыных, Голицынских и даже Голиков-Голицыных. Интересно, а Голиценко есть? Такового не обнаружилось, но легче от этого не стало. Неуловимые психи, к которым угодил доктор-биохимик, спрятались, забившись за могучие спины однофамильцев на букву «Г».

Второй файл — тот, что поменьше. Снова от Пятого! Где же Девятый?

«Пятый — Стреле.

Подтверждаю, что Эмма Александровна Шендер здорова. В настоящее время, после академического отпуска, вновь приступила к занятиям в колледже. Ваш перевод получен позавчера».

Холодные казенные слова не успокоили. Академический отпуск — ясно, о чем речь. Пол... Павел Авраамович Залесский. Странно, они с Аликом-алкашом совсем не похожи — если, конечно, судить по снимку. Бедный парень!

А перевод — это, само собой, «премия в размере 2N». Интересно, хватит ли моих денег для Гарварда? Увы, не все решается деньгами...

Уже несколько раз я поглядывала на проклятую распечатку, даже брала в руки — но каждый раз откладывала. Не сейчас! *Она* жива, здорова — это главное. Да и можно ли доверять спириту-алкоголику? Отец Николай точно бы предостерег — не верить бесам.

Ладно, что там дальше?

«5. Могила писателя Мыколы Голицына на бывшем Первом городском кладбище. Не сохранилась, снесена в 1938 году...»

* * *

Телефон позвонил без десяти двенадцать, а в четверть первого у подъезда уже ждала машина — громадный белый «Форд» с номерами городской администрации. Там не чтили ни день

субботний, ни соответственно воскресный. Кому-то очень понадобилась старший следователь Гизело.

Кому — довелось узнать очень скоро. Лычаков Валерий Федорович, вице-мэр. Связи с общественностью, средства массовой информации и, конечно, речи. Наш городской златоуст. Почти Цицерон.

Дважды на него приходилось составлять «объективку». Первый раз — по долгу службы, в связи с заявлением одной мамаши по поводу слишком близкого знакомства господина Лычакова с ее дочерью-десятиклассницей. Второй — тоже по долгу службы. Девятого интересовала перспектива вербовки. Я отсоветовала — слишком продажен. Его взятками в свое время занималась прокуратура, но так и не довела дело до ума.

Почти Цицерон принял меня в своем огромном кабинете, и весь его вид — непринужденный, вальяжный — излучал радость. Когда-то, говорят, он был худ и красив, но сейчас обрюзг, лицо умудрилось одновременно располнеть и покрыться морщинами, из-под модного серого жилета выпирало изрядное брюшко. Не понимаю десятиклассницу!

Похоже, меня хотели обаять. Мягкий голос, сердечная улыбка, кофе на столе. Ладно, стерпим! Стерпим — и подождем, пока златоуст заговорит о деле.

О деле Трищенко, само собой.

Но разговор начался странно. Сначала погода, потом — перебои с электроэнергией (это у нас-то!), затем снова о погоде. Я начала понемногу звереть, когда внезапно улыбка сгинула, господин Лычаков пододвинул ко мне толстую папку коричневой кожи:

— Это для вас. Ознакомьтесь!

Я хотела переспросить, но первые же строчки...

«Секретно. Только для служебного пользования.

Указ № 1400

Об укреплении конституционного порядка в стране и некоторых мерах по дальнейшему усилению борьбы с организованной преступностью.

В последнее время в некоторых регионах сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны. Наблюдается как прямое, так и косвенное

противодействие исполнению Конституции и законов государства. Руководители местной администрации регулярно и систематически игнорируют решения исполнительной, законодательной и судебной власти, результатом чего является резкий рост преступности, особенно организованной, а также неоднократные столкновения на этнической почве, угрожающие здоровью и даже жизни десятков тысяч людей. Особенно нетерпимы эти проявления в таких городах, как...»

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. *«В таких городах, как...»* Наш назван вторым. Но что за чушь! Ни один указ не должен пройти мимо прокуратуры! За то мы и хлеб едим!

— Указ еще не подписан, — правильно понял меня Лычаков. — Читайте, читайте!

Что будет дальше, я уже догадывалась. Девятый не зря предупреждал о «жестких мерах». Вот они, жесткие! Впрочем, после забавной истории со взломанным компьютером РВСН подобного следовало ожидать.

«...Основываясь на статьях 1, 2, 5, 125-5 Конституции,
ПОСТАНОВЛЯЮ:

*1. Временно прервать осуществление полномочий местной администрации и выборных органов в перечисленных выше городах и местностях и ввести там **ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ**, начиная с 0 часов 1 марта сего года.*

*2. Для осуществления введения **ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ** обязать:*

а) Министерство обороны...»

Я вновь прикрыла веки. Как пишутся такие указы, я знала. И что после них бывает — тоже. В последний раз — два года назад, после теракта в Изыльментьевске. До этого — в Нагорной республике. Еще раньше — в Чечне и Дагестане.

— Есть еще два указа, — негромко добавил Лычаков. — Они не будут опубликованы даже после подписания. В одном из них — решение о депортации, то есть, конечно, «о временном переселении в безопасные для жизни районы» населения города и области. Только нашего города! Понимаете?

— Прокурор знает? — спросила я, уже догадываясь об ответе.

Лычаков кивнул, явно довольный эффектом.

— Конечно, знает! Ему ведь и предстоит, так сказать, организовывать наше «переселение». Теперь вы понимаете, Эра Игнатьевна?

Интересно, что я должна понять? Почему спешат мои боссы? Почему предостерегает Пятый? Но заместитель мэра явно имеет в виду другое.

— Ситуация висит на волоске, Эра Игнатьевна! В столице далеко не все хотят крови. А ведь без крови такое не совершить! Тем более есть у нас горячие головы...

Начальство нахмурилось, покачало головой и перешло на доверительный шепот:

— План «Покров» — может, слыхали? *Кое-кто* желает оказать вооруженное сопротивление! Армии! Представляете, что начнется?

Вот оно! *«Кое-кто»* готовит план, а *«кое-кто»* другой этого весьма опасается.

— Наши враги ждут предлога — любого, даже самого крохотного! Кентавры, например...

Да, например, кенты. Так сказать, этническое меньшинство. То-то в последнее время с ними одни заботы! Не иначе в спину подталкивают! Но... Что же это будет?

— Надеюсь, Эра Игнатьевна, вы не сторонник подобных... *методов*?

Слово *«методов»* было прекрасно проинтонировано.

— Сейчас от всех силовых структур и в первую очередь от вас, Прокуратуры — Государева Ока, зависит все!

Голос звенел сталью.

Я невольно подалась вперед. Зависит? Интересно, при чем тут «прокра»?

— И от вас лично, Эра Игнатьевна! От вас лично! Мы очень на вас надеемся!

Сталь сменилась бархатом. В глазах, покрытых паутинкой красных жилочек (пьет, Цицерон наш, ох, пьет!), светилось доверие.

— Им нельзя дать предлога! Никакого! Поэтому дело Трищенко надо закрыть! Завтра же!

Бац! Трам-пам-пам, приплыли! А я-то думала: к чему все это?

— Мы несколько раз официально сообщали, что «железнодорожники» практически обезврежены — благодаря нашим славным карательным органам и, конечно, прокуратуре. После смерти Капустняка, то есть, простите, Панченко, они уже не

опасны. И тут вы! Да вы понимаете, что один слух о Капустняке может заставить *кое-кого* решиться!

...Раз-два-три-четыре-пять, Капустняк шел погулять. Тут танкетка выбегает, прямо в лоб ему стреляет...

— Простите, Валерий Федорович, но разве арест Капустняка (если он, конечно, жив!) не будет свидетельством нашей силы?

Спорить не следовало — особенно в таком кабинете, но такая уж я безнадежная дура. Ответом был снисходительный взгляд — и тяжелый вздох. Вздох истинного государственного мужа, вынужденного объяснять недоучке азы высокой политики.

— Эра Игнатьевна! Глубокоуважаемая! *Там* есть разные люди. Наш Президент, признаться, простоват. Что вы хотите от бывшего десантника! Но вот около него!.. Есть, так сказать, партия Мира. А есть и «ястребы». Они способны на все! Более того, скажу вам по секрету...

Лычаков вновь оглянулся, в начальственном шепоте прорезался азарт — мне сообщали *тайну*.

— Через два дня саммит в Бирмингеме. Большая Десятка, **G-10**. Обратили внимание, Эра Игнатьевна? *Они* едут с министрами обороны! *Наш* собирается договориться о полном невмешательстве в операцию. Быть может, даже попросит помощи. Наша армия, вы же знаете...

Что именно я должна знать о наших славных Вооруженных силах, сказано не было. *Sapiensi*, как говорится, *sat.*

— Поэтому! — В его голосе была уже не бронза, не сталь, в нем гремел титан. — Ваш! Долг! Как! Гражданина! И! Патриота!..

Итак, мой долг как гражданина и патриота состоит в том, чтобы «железнодорожная» «братва» гуляла себе на свободе, доктор-биохимик пребывал в неведомом узилище, а мадам Очковая продолжала лихо орудовать фаллоимитатором. Аминь!

Лычаков оказался достаточно умен, дабы не выжимать из меня согласия. Кажется, он сам себе понравился. Себя по крайней мере он убедил.

...Анекдот из консерватории (Ревенко как-то рассказал, у него жена — концертмейстер). Тенор — тенору: «Дурак ты!» А тот ему: «А голос?»

Вот и еще одна считалочка: Калиновская-Очковая, Капустняк-воскресший, Хирный-главжорик, стрикулист-ФСБ-ист, Лычаков-Цицерон.

Кто будет водить?

2

Остаток дня телефон молчал. Даже на автоответчике ничего не накопилось, хотя самые нужные люди натыкаются именно на: «Сейчас меня нет дома».

Игорь не позвонил, а я, дура, почему-то надеялась.

Потому что — дура!

Оставалась одно — спать. Или развлекаться.

Например, Голицыными.

Пятый явно оценил мою шутку — ответил в том же духе. Его клеркам пришлось изрядно повозиться, зато теперь настало время попотеть мне. Уже на номере 13-м (*«Памятник писателю Жевержееву, поставлен в 1906 г. на средства Петра Голицына в бывшем Университетском саду, не сохранился»*) я поняла, что пора менять методу.

В успех не очень верилось. И даже не из-за неисчислимого сонма Голицыных и Голицынских. Не верилось из-за «психов». Случайная фраза архара, переданная мне через третьи руки, мало что значила. «Психи» — совсем необязательно сумасшедшие. Психи всякие нужны, психи всякие важны!

Но — допустим.

Дано: энное количество психов, помещенных в (или на) объект, как-то связанный с фамилией Голицын. Следовательно, этот объект должен иметь достаточный объем для размещения вышеуказанных психов. Значит... Значит, он существует, а не разрушен в 1929 году. Далее — это не памятник и не иконостас, а скорее всего дом — или усадьба. Правда, дом может быть как раз самым обычным, а памятник — торчать где-нибудь поблизости.

Но — предположим.

«Голицынских» домов в городе уцелело два (если не считать монастыря). Первый (Сумская, 12) принадлежал когда-то купцам первой гильдии Голицынским, которые не поскупились на иконостас. В настоящее время дом жилой, на первом этаже — парикмахерская и пиццерия (не там ли Игорь пиццу брал?).

Второй — одноэтажный, на Чернышева. Тоже жилой.

Отпадают.

Остаются имения, их тоже два. Точнее, было два — в Довжике и в Малыжине. Но, как известно, холопы сожгли родовое поместье, Голицыных бедных в могилу свели. В Довжике на месте усадьбы размещалась МТС (до 1960 года), теперь помещение используется под склад кооперативом «Иглус».

Малыжино... Собственно, Голицыны владели им недолго, уже в начале прошлого века его перекупил Павлов (тот, что Павлово поле — бывшее, где рвануло). В имении бывали Шаляпин, Репин, Лев Толстой... Ого! В настоящее время там размещается областной интернат № 4.

Итак, ремиз! Полный и окончательный. Можно, конечно, предположить, что кооператив «Иглус» регулярно платит налоги, за что кооперативщиков и прозвали «психами»...

Обидно мне, досадно мне. Ну ладно!

Не из смутной надежды, а просто из привычки не доверять и проверять я залезла в Интернет и быстро обнаружила, что ошиблась. Кооператив «Иглус» налогов не платит, потому как принадлежит Ельцин-фонду, а тот, в свою очередь, освобожден от таковых. А занимается «Иглус» производством «средств малой и средней механизации». Что сие значит, не пояснялось.

Оставалось заглянуть на страничку областного отдела образования. Интернат № 4, спортивный, специализация — футбол, юношеская школа при команде «Металлист». Молодцы, ребята! Адрес: Померки, улица Леваневского...

Что?!

Все верно. Померки, улица Леваневского, 4, интернетовский адрес... На страничке оказались две фотографии — ворота с вывеской и розовощекие хлопцы с мячом. Хлопцев встречать не доводилось, а вот ворота видела, причем именно в Померках, совсем рядом с Белгородским шоссе.

И кто, извините меня, врет?

Первая мысль оказалась не из самых удачных: включить компьютер, достучаться до Пятого и начать ругаться — долго и сварливо. Подумав, я оставила от нее только вариант с компьютером. Интернет-интернат... А что такое, собственно, интернат?

Первым словарем, который удалось «вскрыть», оказался Большой Российский 1998 года. Итак, буква «и». Интерметаллиды, интермеццо... Ага!

«Интернат (от лат. internus — внутренний). В соврем. России: 1) Школа-интернат или общежитие... (Это понятно.) 2) Дом для инвалидов войны и труда, престарелых, лиц, страдающих физическими или психическими отклонениями...»

Физическими или психическими...

Психическими!..

Танком ворвалась на городской веб-сайт. Образование... Работа с молодежью... Последние новости... Знаю я эти последние новости! Система здравоохранения... Вот!

№ 4... Нет, не годится! Это храм неотложной хирургии, тот самый, в который не захотели брать Молитвина. Еще № 4 — и опять не то, тоже храм-лечебница, но стоматологическая. Ага! Областной интернат № 4, адрес — село Малыжино... Есть!

Палец нащупал *«On-off»* принтера. Легкое жужжание. Ну-ка, ну-ка!

Основан в 1949 году, специализация — лица с неизлечимыми психическими... Вот они, «психи»!

Фотография имелась, но черно-белая и очень неудачная. Забор — чугунный, литой, за ним — что-то вроде тына. Четырехэтажный дом — явно послеголицынских времен. Рядом виднелся еще один, пониже и куда более почтенного возраста. Что еще? Вот! Директор — Калиновский Михаил Михайлович.

Калиновский!

Очковую зовут... Любовь Васильевна ее зовут, не совпадает. Хотя почему? Может быть, двоюродный брат — или дядя. Давно господин Калиновский на хозяйстве? Полтора года, до этого работал... А нигде не работал, не указано!

Я выключила компьютер, спрятала свежую распечатку и принялась мечтать о рюмке бананового ликера — в качестве маленькой премии. Но затем решила не спешить. Может, это все ерунда и фантастика *a la* мсье Залесский, а в Малыжине живут-поживают обычные бедолаги, психи тихие, неизлечимые. Шизофреники вяжут веники, параноики рисуют нолики...

3

Поздно вечером, когда тишина в пустой квартире начала оглушать, я не выдержала — достала запись. Короткую запись, всего на четыре минуты. Экран — выстрел — белый четырехугольник...

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад... Мяч уже в воде, ленивая теплая волна слегка подбрасывает его вверх, солнце сверкает на мокрой резине. Девочка оглядывается...

Иногда нет сил плакать. Просто нет сил...

Понедельник,
двадцать третье февраля

Конец света в отдельно взятой прокуратуре *
Не время для драконов *
Тяжелый вы человек, Эра Игнатьевна! *
Повторяю: **ПРАВИЛО НОЛЬ**...

1

Паника началась ровно в три тридцать ночи, когда лопнули сразу два котла отопительной системы.

Нет, не у меня.

В городской прокуратуре — нашем желтом четырехэтажном здании, построенном в незапамятные времена великим архитектором Бекетовым. Здании, защищенном не только ВОХРами с палашами на боках, но и целым отрядом Тех-ников высшей (куда там сидельцу Евсеичу!) квалификации. И все-таки котлы рванули, канализационные утопцы молча сожрали жертвы вхолостую, горячая вода затопила подвал, Никанора Семеновича подняли с постели...

В пять ноль-ноль из труб исчезла вода. Сперва на это как-то не обратили внимания, решив, что парни из Гортепла (Тех-ники уже признали свое поражение) сами отключили подачу. Когда спохватились, трубы были сухими. Директор Водоканалтреста, поднятый с кровати лично Никанором Семеновичем, только развел руками.

Я в это время мирно спала, вкушая утренний сон и не подозревая о том, что увижу, едва переступлю осточертевший порог нашей четырехэтажки. Я переступила его без десяти девять, чтобы узнать все новости сразу — плюс еще одну, самую свежую.

За пять минут до моего прихода исчезло электричество.

Начисто.

2

Кабинет успел напрочь выстыть, и я даже не стала снимать пальто. В коридоре топали сапожищи, кто-то (не иначе один из одуревших Тех-ников!) громко оправдывался прямо за моей дверью, и я всерьез начала подумывать об эвакуации. Все равно — ни компьютер включить, ни кофе сварить. Я подошла к столу, дабы взглянуть на накопившиеся за последние два дня документы, — и поняла, что ночной потоп еще не самое интересное.

Прямо поверх бумаг лежала газета — субботняя «Независимая», заботливо развернутая на нужной странице. Чей-то красный карандаш подчеркнул название. Та-а-ак!

Статья называлась весьма изысканно: «Правнук Аввакума и внучка Вышинского». Фотографию отца Николая я узнала сразу. Вслед за этим вопрос, кто есмь вышеуказанная «внучка», отпал сам собой.

Читать такое всегда неприятно. Даже когда речь идет о совершенно незнакомых людях — твердом в вере священнике и озверелой следовательше, полосующей плетью-треххвосткой бесстрашного мученика за истинное православие. А если ты их знаешь лично!.. Да-а!..

Когда первый шок прошел, я обратила внимание на строчки, отчеркнутые все тем же красным карандашом. Перечитав, я вновь испытала шок, но уже несколько иного рода. Бойкий журналист сообщал, что в канцелярии Патриарха выразили глубокую озабоченность готовящимся судилищем. Сам Его Святейшество готовит специальное обращение...

Лихо!

Особенно лихо на фоне виденного вчера Указа. Вот вам и «нарушение законности» во всей красе. Да еще какое!

Об отце Александре в статье не было сказано ни слова. Нет гражданина Егорова — и не было.

Вот так!

Никанора Семеновича на месте не оказалось, в котельной — тоже. Очумелая секретарша могла лишь предположить, что шеф лично направился на ближайшую подстанцию проверять какую-то «фазу». Или «хазу» — точно пышнозадая девица не помнила. Оставался Ревенко, хотя беседа с ним заранее вызывала зубную боль. Я подняла трубку, набрала знакомый номер.

Странно, телефоны еще работали.

— Алло? Господин Ревенко? Говорит старший следователь Гизело.

В ответ — скрежет, то ли зубовный, то ли жестяной.

Я опасливо покосилась на мембрану.

Скрежет усилился, превратился в треск. Наконец хаос стих, сменившись голосом — тоже скрипящим, хриплым.

— А-а, это ты! Не обращай внимания, это у меня батарею снимают. Лопнула, дрянь!

Еще и батарея! Я только вздохнула.

— Ты чего, по поводу статьи звонишь? Да ну ее на фиг, Гизело, подставили нас, ясен пень! Я уже Никанору три раза говорил, чтоб он мэра не слушал. И кретинов тех в столице. Ладно, не обращай внимания, мы опровержение пошлем. Официальное! Все, больше не могу! Батарея тут, мать ее!..

Снова скрежет, грохот — и тишина, прерываемая мерным бибиканьем трубки.

Что называется, объяснил!

Я подошла к окну (на проезжей части возле вскрытого люка резво суетилась бригада водопроводчиков, скандируя заговоры; дирижировал камланием Тех-ник в форменном зеленом ватнике). И сообразила, что очень хочу курить — впервые за двадцать лет. Сигаретку бы — а еще лучше папиросу, настоящую, каких сейчас уже не выпускают. Пару затяжек «Беломора» — какое счастье!..

Впрочем, и «Беломор» не поможет.

Внедренному сотруднику Стреле в этих стенах делать больше нечего. Когда о внедренном сотруднике дважды (дважды!) за одну неделю пишут в прессе — это конец. Это ясно и ребенку, а не только мне и моим боссам. Пора уходить. Сегодня? Завтра? По сигналу «Этна» — или просто сесть на первый попавшийся поезд? Впрочем, в любом случае надо дождаться приказа. Сеанс связи вечером, хорошо, если бы откликнулся Девятый...

Я отошла от окна, вновь взяла газету, перелистала. На первой странице — репортаж из Бирмингема, где скоро соберется Десятка, **G-10**, как выразился Цицерон-Лычаков. А хорошо нас подставили! Сначала мэр (только ли мэр?) давит, требует привлечь зарвавшихся попов, ссылается на санкцию Патриарха. Потом... — потом все они в белом фраке!

А мы?!

* * *

Дуба на месте не оказалось, что расстроило меня окончательно. Добил же меня мертвый буфет, где по случаю наших бедствий можно было приобрести лишь салат из сушеных тараканов. Оставалось одно: срочная эвакуация в ближайшую кофейню. Недалеко — прямо через дорогу. Кофейня так себе, и кофе там прескверный (не иначе Сурожанину булочек жалеют), но это все-таки лучше, чем тараканы.

Выйдя на улицу, я полюбовалась героическим трудом водо-

проводчиков, подождала, пока проедут машины, и ступила на проезжую часть. Обледенелый асфальт, истертый грязными шинами, скользил, я невольно замедлила шаг...

Первый «Мерседес» вынырнул из-за угла бесшумно, словно на воздушной подушке. Откуда появился второй, я даже не успела заметить.

— Эра Игнатьевна! Добрый день!

Одна машина впереди, другая за спиной, я — между. Из распахнутых дверей дружно вываливаются широкоплечие парни в кожаных пальто. Румяные ряхи улыбаются, сверкая «рыжевьем», ручищи в карманах, ребристые подошвы попирают асфальт.

«Братва»!

Я оглянулась на окна своего кабинета, ставшие внезапно такими родными и близкими. А хорошо работают! Прямо напротив городской прокуратуры!

Тот, кто пожелал мне доброго дня, подходит ближе. Кожаное пальто, модная шляпа, большая родинка на подбородке. Зубы не золотые — обычные. И улыбка, как ни странно, приятная.

— Позвольте отрекомендоваться!

Шляпа взлетает вверх. Улыбка становится шире, а в моих руках — визитная карточка. Рифленый полукартон, золотые буквы...

«Лукьяненко Сергей Сергеевич. Коммерсант».

Внизу — телефоны, факс и интернетовский адрес, но не это интересно. Паровозик! Маленький золотой паровозик в левом верхнем углу. Да, обнаглели! Даже прятаться перестали, паровозики рисуют!

Внезапно лицо с родинкой кажется мне знакомым. Файлы розыска? Нет, не то! Улыбка! Я еще тогда подумала, что парень хорош, но глуповат...

— Позвольте! Вы — Лукьяненко? Чемпион мира по греко-римской борьбе?

Шляпа взлетает вновь. Изящный полупоклон.

— Бог мой, Эра Игнатьевна! Неужели вы — болельщица?

— Отчасти, Сергей Сергеевич, отчасти.

Никакая я не болельщица, просто память хорошая. Чемпион мира Лукьяненко, соучредитель «Перум-фонда», две ревизии нашего экономического отдела, обе — впустую. Помню! Правда, с тех пор господин Лукьяненко изрядно пополнел, раздался. Тяжело быть коммерсантом!

Некоторые мужики своего живота стыдятся, зато этот носит «мозоль», как орден Золотого Руна. Заслужил! Движения уверенные, сильные, но не резкие. Спортсмен! Зато глаза, как ни странно, самые обычные. И сам он какой-то одномерный, без всякой тайны, весь наружу. Но не хотела бы я повернуться к нему спиной!

А еще у него лысина, поэтому волосы вперед зачесывает. Прическа «лидер»!

Вот он какой, вольный пастух «Мерседесов»...

— Эра Игнатьевна! Вы, вероятно, в кафе собрались? Позвольте пригласить вас на, так сказать, деловой ленч.

Я оглянулась на ухмыляющуюся «братву». Лукьяненко понял, кивнул:

— А, это! Не обращайте внимания!

Легкое движение подбородка — и дверцы «Мерседесов» захлопнулись, рыкнули моторы. Миг — и мы одни; если, конечно, не считать водопроводчиков, не обративших на эту суету ни малейшего внимания.

— Вы как относитесь к японской кухне? Тут рядышком «Осака». Бывали?

В «Осаке» я была лишь однажды. Дорого — и весьма!

Однако идея неплоха. Ленч — да еще в такой компании!

Мы перешли на тротуар, Лукьяненко пристроился сбоку, а я отгадывала нехитрую шараду. Весь этот парад на «Мерседесах» затеян не из суетного желания покрасоваться. Меня — и всех остальных, глядевших из окон, — словно успокаивали: все открыто, никто никого не похищает, мы — люди серьезные... Серьезней некуда! Странно, среди «железнодорожников» я никогда не встречала фамилию Лукьяненко.

Плохо работаем!

Дюжий повар-японец взмахнул ножом, кроша луковицу. Колечки сложились в пирамидку-конус, внутри полыхнул огонь — и кольца лука вспорхнули, на миг застыв в воздухе, после чего сами собой легли на огромное блюдо. Вслед за луком пришел черед рыбы — нож угрожающе взметнулся и мигом разделал пучеглазую уродку, умудрившись не сдвинуть ее с места. Настала очередь медузы...

Жаровня размещалась прямо посреди зала. Вокруг поваразатейника на низких скамьях собрались посетители, следя за каждым взмахом страшного оружия. Неужели медузу — тоже ножом?

— Это, уважаемая Эра Игнатьевна, цирк! — снисходительно прокомментировал господин Лукьяненко, проводя меня к дальнему столику. — Нам приготовят не здесь — и по-настоящему. Вы что предпочитаете?

Легкое шевеление пальцами — и возле нас материализовался косоглазый официант. Низкий поклон...

— Погодите! Два слова!

Лукьяненко кивнул, мигом аннигилировав косоглазого.

— Первое, — я задумалась, — за себя плачу сама. И второе — чем бы ни кончился разговор, дела Трищенко я не закрою.

Белозубая улыбка, легкий кивок:

— Принято! Ну-с, что закажем? Или — на мое усмотрение?

— На ваше, Сергей Сергеевич.

Официант вновь был тут как тут. Лукьяненко еще раз пошевелил пальцами, что, вероятно, означало заказ.

— Итак? — начала я, сделав глоток чего-то пряного из высокого бокала.

— Итак...

Улыбка исчезла, господин Лукьяненко почесал подбородок — там, где родинка.

— Вы — человек серьезный, я... тоже стараюсь быть серьезным. Не будем вилять. Четыре месяца назад я выбран руководителем известной вам организации. Надеюсь, вы догадываетесь, что в нашей среде такими вещами не шутят. Так что, как говорят мои итальянские коллеги, отныне я *cappo di tutti cappi* со всеми правами и обязанностями.

...Четыре месяца назад — после того как труп Капустняка нашли в Порто...

— В таком случае, где ваш перстень, дон Сергей?

Его смех мне тоже понравился. Лукьяненко не притворялся — ему действительно было смешно.

— Уели, Эра Игнатьевна! Перстня не ношу, цепи — тоже. Вообще героические времена в нашем деле прошли. В Штатах такое тоже было — Диллинджер, Голландец, Капоне. А потом настало царство бухгалтеров и аудита. У нас сейчас как раз смена времен. Новая эра!

Явившийся из ниоткуда официант выставил на стол что-то

горячее, дымящееся. Я нерешительно взялась за палочки — и отложила их в сторону.

Мигом возле моей тарелки появилась вилка.

— Я тоже не мастак. — Лукьяненко кивнул на палочки и внимательно поглядел на блюдо. — Если не ошибаюсь, «Борьба тигра с драконом». Если будут говорить, что это смесь кошачьего и змеиного мяса, — не верьте. Змея там и вправду присутствует, а вот кошки нет. Зато есть шесть видов рыбы.

Я сглотнула, но отступать было поздно. Даст Бог, выживу...

— Итак, времена меняются, Эра Игнатьевна. И смерть господина Панченко стала как бы рубежом. Он ушел вовремя. Не подумайте, я не собираюсь умалять его заслуг. Но он — человек прежних времен. Вы знаете, он даже родился в лагере! Все детство — за проволокой, затем семь судимостей начиная с четырнадцати лет. Представляете?

— Представляю...

На миг стало холодно. Мне тоже тогда было четырнадцать. Одно хорошо — не в «зоне» родилась...

— Вы? — В его голосе прозвучало изумление. — Не может быть!

Проговорилась! Впрочем, какая разница!

— Сочувствую! — «Дон Сергей» покачал головой. — По-моему, это чудовищно — детей за проволоку. А у меня только один привод был — в девятом классе перепились шампанским с приятелями. Шум был изрядный, родителей вызывали!

Да, другая эпоха! В его речи не было ни одного блатного слова. Наверное, он и не поймет, заговори я на «фене».

— Продолжим. Именно такие, как господин Панченко, создали наш город. Точнее, воссоздали. Когда люди начали умирать — просто умирать от голода и холода, кто-то нашел нескольких ученых. До катастрофы они работали в каком-то закрытом институте. И вот тогда зажглась первая «алтарка». Газа еще не было, жгли уголь, иногда даже мебель.

О чем-то подобном я догадывалась. Уж не господин ли Молитвин подсказал?

— Потом понадобилась энергия — много энергии. Тут уже булочки помочь не могли. Догадываетесь?

Догадываюсь ли я? Пожалуй, да.

«...Только вы мне, гражданин начальник, ничего не пришьете, собаки бродячие, так что отловил я их даже с пользой. А то бегают, народ зазря кусают! А на кой они мне, это, извините, мой личный интерес! Одну продам, другую подарю...»

— На собак перешли?

— На собак. — Он кивнул, задумался. — А странно выходит, Эра Игнатьевна! Все знают — и все молчат. Конечно, бедную Жучку резать, — он поморщился, — нехорошо, некрасиво. Но действенно. Причем действенно не только в пределах города. Вы думаете, как мы поезда охраняем или сквозь пароли заглядываем? Или вот сегодня... Ведь у вас, в прокуратуре, и защита первоклассная, и Тех-ники отличные.

— К-как?!

Я даже привстала, начисто забыв о тигре с драконом. Котлы, вода, электричество...

— Надо же было вас, Эра Игнатьевна, на улицу выманить!

«Дон Сергей» улыбался, словно все это было веселой шуткой. Но я поняла. Дело не только в желании побеседовать тет-а-тет со старшим следователем Гизело. «Братва» показала, чего она стоит. Демонстрация силы — и очень впечатляющая.

— Не волнуйтесь, уверен, скоро все наладится.

Оставалось согласиться — и слушать дальше. Итак, с собаками наконец полная ясность. Но только с собаками. И то не со всеми — есть еще Первач-псы.

— К сожалению, в последние месяцы господин Панченко начал вести себя — как бы это точнее выразиться? — не очень адекватно. Одно дело держать в руках, извините за подобное выражение, «братву», держать строго, в ежовых рукавицах. Это, конечно, правильно. Но совсем другое — вообразить себя богом...

— Богом?!

Удивление длилось недолго. Где-то я об этом уже слыхала!

«...Только боженька у них живой. Понятливый бог. Он им и разрешает. Как чего? Мокруху, бля, разрешает, со стволами ходить разрешает...»

— И каких именно жертв требовал великий боженька Капустняк?

Лукьяненко не спешил отвечать. Яркие губы сжались — «дон Сергей» раздумывал. Я его понимала. То, что он сейчас делает, — измена. По всем их воровским «законам» измена.

— Сергей Сергеевич, если вы полагаете, что мы не знаем о «ганфайтерах», то вы ошибаетесь!

Он вздрогнул — впервые за весь разговор.

— Значит, боженьке Капустняку требовались иные жертвы? Потому и бомжи с вокзалов исчезли?

Лукьяненко вздохнул, сильные пальцы дробью ударили по белой скатерти.

— Вы с ним не были знакомы, Эра Игнатьевна! Он был страшным человеком! Он говорил, что в нашем городе богом может стать каждый — у кого хватит смелости и силы. Когда он собрал вокруг себя этих отморозков и разрешил убивать — мы не верили. Ведь мы здесь даже оружие с собой не носим! Город — наша крепость, какая тут стрельба?! «Воркутинцы» — и то поняли, третьей дорогой объезжают. Но у него... У Панченко получилось. Как — не знаю. Дело не в бомжах. Он собрал каких-то парней, то ли ученых, то ли шаманов...

Договаривать «дон Сергей» не стал, но этого и не требовалось. Итак, шаманы и ученые.

Шаман Ерпалыч Молитвин и ученый Фимка Крайц.

— Когда Панченко умер, мы, честно говоря, вздохнули с облегчением.

— Умер? — переспросила я. — Вы уверены?

Широкие плечи поднялись, снова опустились.

— Я сам был в Порто. И сам хоронил его. Господина Панченко сожгли в крематории, у меня есть справка... Но не это важно. Он умер, Эра Игнатьевна! И когда он снова появился...

«Дон Сергей» замолчал. Я не торопила. Взгляд скользнул по тарелке — пусто. Странно, когда только успела? Странно — и обидно: ни тигра не распробовала, ни дракона.

— Не знаю, кто *он* и откуда взялся, Эра Игнатьевна, но это не Панченко. Точнее, не прежний Панченко. Прежний не стал бы... Впрочем, это уже наши дела. Для вас важно другое. *Этот*, новый, не останавливается ни перед чем.

Кажется, воскресший Капустняк доставил новому «железнодорожному» боссу немало хлопот. И «дон Сергей» явно не прочь избавиться от него нашими руками.

— Итак, Трищенко убил *он*? — поторопила я.

— Трищенко? — В глазах было удивление. — А, бармена! Его — не знаю. Там есть еще Калиновская. Говорят, они с Трищенко поссорились, а эта девица, извините, фик-фок, к тому же злая, как собака. Вы бы на нее посмотрели пару лет назад — тля, шавка! Зато теперь!.. Дело не в Трищенко. Вот, смотрите!

На столе появилась папка — бумажная, с белыми тесемками. Среди окружающей роскоши она смотрелась совершенно поплебейски.

— Снято неделю назад.

Я поднесла снимок к глазам.

— Господи!..

Трупы — совершенно голые, в луже темной, уже застывшей крови. Девушка и парень. Обоим не больше восемнадцати.

— Вот еще!

«Еще» смотреть не стала. И так понятно.

— «Турист-траст» помните? Если не ошибаюсь, кто-то из ваших им занимается?

— Работа в Греции, — кивнула я, отдавая фотографию. — Вот, значит, где эта Греция!

— Панченко (то есть *этот*, новый!) организовал, как он говорит, «Дом отдыха». Туда привозят почти всех наших бонз из города, из области. Там не только девочки и наркотики, Эра Игнатьевна! Мне рассказывали: тот, кто побывал там однажды, уже не сможет оторваться. Там что-то страшное! Говорят, можно попасть в какой-то другой мир, превратиться в монстра, отомстить даже тем, кто давно умер. Они теперь все повязаны! И УВД, и мэрия...

И не только. Как бишь в моей считалочке?

Калиновская-Очковая, Капустняк-воскресший, Хирный-главжорик, стрикулист-ФСБ-ист, Лычаков-Цицерон.

Кто будет водить?

Теперь ясно — кто.

— Говорят... Не знаю, правда ли, Эра Игнатьевна, но говорят, будто *он* может все. Будто *он* и вправду бог!

Я посмотрела ему в глаза — они оставались серьезны. «Дон Сергей» не шутил. Лицо побледнело, даже родинка стала почти незаметной.

— И что вы ждете от прокуратуры? — вздохнула я. — Мы ведь не экзорцисты!

На стол легли фотографии, затем — несколько машинописных страниц.

— Это показания одной девушки. Ее уже нет в живых, но подпись заверена. Там адреса, по которым вы сможете найти Калиновскую и *его*.

— А «Дом отдыха»? А шаманы?

Вновь пожатие плеч. Кажется, и то и другое «дон Сергей» оставлял для личного пользования. Спросить о Малыжине? Нет, не стоит!

— Это вам поможет взять *его*. Будем считать, что я выполнил свой гражданский долг.

Теперь он снова улыбался, но глаза оставались серьезны.

Стало ясно — бывший чемпион напуган. Настолько, что готов спрятаться за нашими спинами.

— Постарайтесь справиться побыстрее, Эра Игнатьевна. Это в ваших же интересах. И мой вам совет — уходите в отпуск. Желательно месяца на два-три. Скоро здесь может быть очень жарко.

Жарко? Видимо, «дон Сергей» тоже читал проект Указа. Итак, все ясно! «Братва» залетела в непонятку, спешит замочить пахана — и сделать ноги, пока шухер не пройдет. А еще говорили: «новая эра»!

— Учту, — кивнула я. — Господин Лукьяненко, позовите, будьте добры, официанта. Хочу расплатиться.

— Ну что вы, Эра Игнатьевна! Вы же гость... — начал было он, но наткнулся на мой взгляд и поперхнулся.

Кажется, тигр с драконом застряли у него в горле.

Сегодня было не время для драконов.

3

«...Потом нам сказали, что мы должны будем заниматься половыми сношениями с гражданами, которых нам укажут. Галина Челковская отказалась, и гражданка Калиновская стала бить ее плетью. Назавтра Галина Челковская умерла. Лиду Тимошенко тоже убили, ей перерезали горло и заставили нас всех выпить по глотку крови. Мы не хотели, тогда гражданка Калиновская стала нас бить. Меня тоже били и подвергали иным методам физического воздействия, пока я не согласилась. Гостей приводил чернобородый гражданин, которого называли Панченко Борис Григорьевич. Сначала я занималась половыми сношениями с гражданином Хирным, начальником УВД. Он меня бил и заставлял заниматься половыми сношениями в извращенной форме. При этом гражданин Хирный находился в состоянии наркотического опьянения. Затем меня принудили к половым сношениям с гражданином Ейбоженко, заместителем начальника областного управления ФСБ...»

Читать показания гражданки Левченко Екатерины Алексеевны, восемнадцати лет, разыскиваемой по делу «Турист-траста», было тяжело. Это был не ее голос. Кто-то другой продиктовал все — и нелепые, жутко звучащие канцеляризмы, и фамилии «гостей». Но Катя Левченко действительно жила на белом свете! Жила, росла, мечтала уехать в Грецию, где так легко зарабатываются деньги.

Ее труп был на одной из фотографий. Горло перерезано, рваная рана тянулась поперек живота...

Я отложила страшный документ. «Дон Сергей» постарался — такого не простят. Даже если Капустняк — мертвец, вернувшийся из могилы. Точнее, из крематория.

Из ада — в ад.

За окном сгустился вечер. Пора что-то решать, рапорт лежит на столе, фотографий и показаний девушки хватит с головой. Теперь понятно, почему они все так забегали! Сволочи! И чемпион этот с родинкой — хорош гусь! Капустняка выдал, а Малыжино себе оставил. Феод, так сказать! Не выйдет, Сергей Сергеевич, не выйдет!

Я уже совсем было собралась к Ревенко, когда телефон негромко звякнул. Почему-то подумалось о Никаноре Семеновиче и о статье в «Независимой», но это оказался дуб. Собственной персоной. Живой, здоровый — и странно веселый. Странно потому, что мне самой было совсем не до веселья.

* * *

Следователь Изюмский ввалился в кабинет прямо в своей новенькой «чукотке», оставляя за собой мокрый след — сбить снег с ботинок он не догадался. Таким я дуба еще не видела. Глаза блестели, золотые зубы сверкали — червонец, не человек!

— Ну, блин, подруга, отпад, елы!

Я только моргнула. Пора браться за зажигалку.

— Блин, инспектора наши — козлы! В натуре, козлы, подруга! Я же их, блин, козлов, по-человечески спрашивал — смотрели вы, козлы, хазу Очковой или не смотрели? А они зенки пялят — смотрели, мол, ништяк, все в рапорте, блин! А я сегодня утром прикинул к носу — а вдруг эти козлы не все поглядели? Ну, ноги в руки — и айда! Два часа Муму трахал, но нашел!

— Володя! — взмолилась я. — Переходите на русский!

Дуб осекся, рука потянулась к затылку:

— Эх, Эра Игнатьевна, тяжелый вы человек! Ну, это... В ходе повторного обыска на квартире этой бля... то есть гражданки Калиновской, мною был найден билет на междугородный автобус, проданный пятнадцатого января сего года от станции Золочев, блин... Не могу, Эра Игнатьевна! Разрешите по-нормальному!

Зря он золотые зубы вставил! Кабы не «рыжевье» во рту да не дурацкая цепь, вполне пристойный парень бы получился. Из тех деревенских, что всем «вы» говорят и здороваются с незнакомыми людьми на улицах. Русый, чубчик симпатичный, а в глазах, когда наносная лихость сходит, проступает что-то наивное, добродушное. Но — не глупое. Такой моргнет, моргнет, а потом как выдаст! Долго же старались, чтобы парня испортить!

А еще у него уши смешные — без мочек.

Вот он какой, Володя Изюмский...

Я подумала — и разрешила. Поскольку этот день прошел для следователя Изюмского не зря.

Еще бы! Дуб не поленился съездить в Золочев. На автостанции удалось узнать, что билет был продан до села Малыжино. Вот так! Быстро и просто, без всяких Голицыных!

— Видели там эту суку, то есть Калиновскую, Эра Игнатьевна! И Капустняка видели! Два дня назад видели! И «мерсы» туда регулярно шастают — городские, с номерами служебными. Там дурдом... помните, вы о «психах» говорили? А директором там — Калиновский! Дядька ее родной! Ну, блин, козлы инспектора! Неделю назад гадов бы накрыли, пидоров гребаных!

Потребовать зажигалку? Я взглянула на дуба — дуб был хорош.

— Володя! — улыбнулась я. — А вы молодец, Володя! Давайте я вас поцелую!

Дуб смутился и покраснел — впервые за наше знакомство.

4

Экран неярко светился. Доклад уже там, у моих безликих шефов, и теперь остается одно — ждать. Чей сегодня день? По обычному расписанию — Девятого, но после всей этой чехарды угадать мудрено. Неужели опять придется ругаться с остолопом Пятым?

Взгляд скользнул по томику Лойолы, мирно дремлющему на кресле. Что там вычитал сероглазый Маг? Три степени повиновения? Да, три степени — телом, разумом и сердцем. Сердцем... Такую работу не полюбишь сердцем! Неужели шпионское ремесло можно любить? Игорю легче, для него весь наш кошмар — просто наука. Факты, которые надлежит осмыслить,

проанализировать... Кризисные культы: культ «карго», культ Капустняка...

Игорь опять не позвонил. А я ждала — весь вечер.

Экран по-прежнему безмолвствовал. Чего они тянут? Читать разучились?

Ага, есть!

Сначала буква, затем строчка. Я затаила дыхание...

«Девятый — Стреле.

Добрый вечер, голубушка!..»

Я облегченно вздохнула. Добрый дедушка сидит у компьютера, длинные тонкие пальцы скользят по клавиатуре. Дедушка улыбается...

«...Давно с вами не общался — начальство запрягло. Не обижайтесь, ладно? Вы и без нас прекрасно справляетесь. Могу обрадовать — до отпуска осталось чуть-чуть. Вы должны помочь специалисту завершить работу, а это займет не больше недели. Заранее приглашаю вас на ужин в «Берлин». Не откажетесь?»

Неделя! Всего неделя! Это после пяти-то лет!

«Стрела — Девятому.

Спасибо. Не откажусь. Что мне делать с Капустняком?»

Ответ пришел не сразу. Добрый дедушка задумался, морщинки на лбу стали глубже...

«Девятый — Стреле.

Постарайтесь успешно закончить дело. Это важно. Кстати, уговорил начальство выделить вашей дочери грант для обучения в Гарварде. Только не благодарите, обижусь! Билет до Нью-Йорка вам уже заказан — на 10 апреля».

10 апреля! Полтора месяца! Это пустяки, это ерунда. Пять лет! Господи, пять лет!..

Кажется, я так и не успела поблагодарить.

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад... Мяч уже в воде, ленивая теплая волна слегка подбрасывает его вверх, солнце сверкает на мокрой резине. Девочка оглядывается...

Экран пуст, можно выключать компьютер. Если и мог кто-то меня успокоить, то это Девятый. Какой он все-таки молодец!

Я протягиваю руку к «мыши», но внезапно экран оживает.

Черт, дьявол!

Не может быть!

«Пятый — Стреле.

Внедренный сотрудник Стрела! Немедленно перейдите на «синий» код!»

Все-таки успел — испортил настроение. Но какого беса? То «Воздух», то код. «Синий» — самый сложный, бедняга компьютер целую минуту расшифровывает!

Делать нечего. Где тут «синий»?

«Стрела — Пятому.

Слушаю вас!»

Пока компьютер переваривает недлинное послание, я начинаю потихоньку звереть. Задание я получила, все понятно, так какого хрена Пятый вмешивается? У них там что, раскол? Если так, перехожу к Девятому!

«Пятый — Стреле.

Личное...»

Что?!!

«...Неофициально предлагаю немедленно воспользоваться пунктом № 8 Правил и покинуть город. Предупреждаю — сигнал «Этна» отменен и нарушено ***ПРАВИЛО НОЛЬ****. Повторяю:* ***ПРАВИЛО НОЛЬ****. Со специалистом видеться запрещаю. Уходите из квартиры немедленно. Свяжетесь со мной из Минска по известному вам адресу. Предупреждаю еще раз — мое послание носит личный характер».*

* * *

Экран давно погас, в комнате темно, нет сил даже пройти на кухню, чтобы сварить кофе. Или достать из бара бутылку коньяка. Знаю — не поможет.

Пятый перемудрил — никакого правила ноль (тем более **ПРАВИЛА НОЛЬ**) я не знаю. В том, что приходилось заучивать, его нет. Правила начинаются с первого: *«Внедренный сотрудник обязан...»*

Это я помню.

Пункт восьмой — его я тоже помню наизусть, как и все остальные. *«В случае явной и непосредственной опасности внедренный сотрудник имеет право...»*

Да, я имею право.

Бросить все, не выполнить приказ, подвести Девятого?.. Неужели он бы не предупредил, случись беда? Нет, чушь! У Пятого маразм! Или хуже — специально решил напугать, сорвать задание. Потом пиши объяснительные полгода — и то не поверят! Опасность? Какая? Я даже не смогу сослаться на приказ — послание-то личное!

Вдобавок — Игорь. Маг останется здесь один — совсем один, среди людей и нелюдей.

Нет!

Сотрудник Стрела все поняла правильно!

Сотрудник Стрела остается.

Сердце...

Почему так болит сердце?

Вторник,
двадцать четвертое февраля

Когда я служил в операх ямщиком * Началось, блин! *
В грудь слетели пташечки... *
Да не прийдет царствие *его* * *Стрела? Я не ошибаюсь?*

1

За Золочевом, прямо за сгоревшим еще в дни катастрофы храмом Троицы, дорога стала совершенно ни к черту. На обледенелых подъемах буксовали даже «Уралы», а наш джип, украшение дорог Айовщины и Пенсильванщины, то и дело постыдно тыкался носом в кювет. Впрочем, вся дорога походила на один большой кювет. Наверное, в последний раз ее ремонтировали в 1654 году, когда в эти места пришли переселенцы из далекой Галиции. Галиция... Не оттуда ли Голицыны, давным-давно облюбовавшие здешние глухие края? Впрочем, нет, Саша как-то объяснял мне, что под Москвой тоже есть Галич. «Гал» — в старину это слово означало «соль»...

Размышлять о Галиции, Галиче и соли мне никто не мешал. В джипе нас было трое — шофер-«сагайдачник» в камуфляже, старший следователь Гизело в пальто и сапогах на высоком каблуке и сам господин Бажанов. Сегодня я впервые увидела его в форме — тоже камуфляжной, но без погон. Заместитель мэра был суров и не разомкнул уст от самого города.

«Уралы» ползли сзади. Восемь машин, две пустые, в остальных — сплошные «сагайдачники». Рота полного состава, два тяжелых пулемета и еще что-то, мне, штатской, непонятное.

Дуб — следователь Изюмский — тоже в одной из кабин. С автоматом, в бронежилете и (о Господи!) в каске. Каска ему велика — все время сползает аккурат к подбородку.

Все, что можно, сделано. На квартиры, «засвеченные» «доном Сергеем», посланы группы захвата, еще одна направлена к «Казаку Мамаю». Когда около двух недель назад мне всучили дело о сгинувшем алкоголике, могла ли я предполагать, чем все кончится? Курсанты с боевым оружием, рев «Уралов», автомат «АКС-99» на пустом сиденье рядом с шофером...

Впрочем, еще ничего не кончилось. В Малыжине мы будем как раз после заката. Почему-то стратеги-«сагайдачники» решили, что в темноте наши шансы выше.

Вспомнилась изумленная ряха господина Ревенко. Бывший вояка в последний момент, кажется, попросту струсил, начал крутить, толковать о необходимости проверки-перепроверки, нес чушь об экспертизе фотографий. Дуб и тут оказался молодцом — пошел к дяде. Бог весть, с легким ли сердцем Никанор Семенович выписывал ордер, но результат налицо. На «сагайдачников» я, честно говоря, не рассчитывала. Это уже Бажанов. Прочитав мой рапорт, он мигом позвонил в военный университет. Все верно, в этом деле нельзя верить ни жорикам — подчиненным Хирного, ни тем более архарам с их полканом-тараканом. А курсантов нам дали непростых, как мне шепнули на ушко, будущих «специалистов по особо сложным операциям». Когда-то таких называли ОСНАЗ. У этих рука не дрогнет.

Дорога пошла резко вниз. Впереди, из-за лысой верхушки заснеженного холма, показался пруд — огромный, весь в промоинах, с вмерзшими в лед черными лодками.

— Там, за прудом, — Бажанов свернул карту, которую разглядывал, подсвечивая себе фонариком, — два корпуса, поблизости — разрушенная церковь. Бывала здесь, Гизело?

Я молча покачала головой.

— А я вот бывал. Рыбу ловил. Лещи тут, я тебе доложу! Кто ж его знал, что здесь такое?

Отвечать я не стала, хотя вопрос оказался не из сложных. Кое-кто знал. Знал — и ездил сюда не только за лещами.

...Из этой компании Хирный уже подался в бега — за десять минут до приезда на его квартиру опергруппы. Ейбоженко, замглавчекиста, уехал в столицу еще вчера. Исчезли и трое офицеров-жориков из тех, кто упоминался в показаниях несчастной Кати Левченко. Таракана-Жилина тоже не могли найти, но он отсутствовал легально — был на никому не ведомом «спецзадании»...

— А почему опять ты? Снова мужика найти не могли?

Я удивленно поглядела на господина Бажанова и вновь не стала отвечать.

Пруд остался справа, дорога поползла на подъем. Мотор джипа ревмя ревел, пытаясь оправдать репутацию «чудо-машины». Я мельком отметила, что слышно нас, наверное, за десять верст. Ничего не поделаешь, вертолет нам не дали.

Не положено.

— Вот!

Бажанов указал куда-то вправо. Вначале я заметила верхушки покрытых снегом деревьев, затем — крыши. Все, как на фотографии. Дом, вокруг него — высокий забор, рядом еще одно здание, чуть поменьше, какие-то сараи, флигельки...

Под колесами зашуршал асфальт. Джип радостно дернулся, рванул вперед, свернул направо. Внезапно забор оказался прямо перед нами — чугунный, кованый. За ним тянулся другой — из красного кирпича; просто напрашивалась «колючка» в три ряда по гребню, но — увы, чего не было, того не было. С того времени, как был сделан снимок, здесь многое изменилось.

И забор — не самое интересное.

Водитель резко затормозил, меня бросило вперед, подбородок задел за переднее сиденье. Крепкая рука в камуфляже, взяв меня за плечо, уверенно восстановила равновесие.

— Сидишь?

— Сижу, — вздохнула я. — Уже приехали?

— Мы-то приехали! — Бажанов сверкнул крепкими зубами. — А ты, Гизело, как сидела, так сидеть и будешь. Отсюда — ни шагу. Ясно?

Сзади слышался рев моторов — «Уралы» тормозили. Прозвучало громкое: «Первый взвод — из машины!..»

— То есть как ни шагу? — опомнилась я. — У меня ордер, это — мое дело!

— Сержант!

Водитель, молчавший всю дорогу, по-прежнему молча повернул курносую веснушчатую физиономию.

— Эту гражданку из машины не выпускать! Разрешаю применять силу!

Курносый нахмурился и важно кивнул.

— Все! Пошел!

Я затравленно оглянулась. «Сагайдачники» строились, сзади звучало: «Третий взвод!.. Пулеметный взвод!..»

Рука коснулась дверцы...

— Не можно, дамочка!

Лапа сержанта стальным шлагбаумом преградила путь.

— Какая я тебе дамочка, сопляк! — огрызнулась я, с трудом

вспоминая количество звезд на своих петлицах. — Я по вашему счету... подполковник!

— А все одно не можно! — Парень вздохнул. — Потому как приказ. Бить не буду, а наручники надену!

Сзади послышался резкий голос Бажанова. Кажется, он собирал командиров. Я вновь оглянулась...

— Эра Игнатьевна!

Дверца распахнулась. Дуб! Ухмыляющийся, с автоматом на брюхе — но без каски, в одном подшлемнике.

— Где каска, господин Изюмский? — сурово поинтересовалась я.

Дуб хмыкнул и, отбросив лапу бдительного сержанта, пристроился рядом.

— Сейчас, блин, шерстить начнем! Снаружи вроде тихо, охраны нема. Я все уже узнал! Тут два дома: который новый, там психи, а тот, что Голицыны, — для администрации. Как мыслите, где искать надо?

— А что тут еще есть? — осведомилась я.

— Ну... — Дуб оглянулся. — Ближе к пруду — церковь, которая бывшая. Дальше — дом поповский, тоже бывший. И село — три дома, старухи живут. Так пойдемте, поглядим!

Я выразительно покосилась на сержанта. Изюмский почесал пальцем лоб, хмыкнул.

— А ты, парень, чего, из блатных? Какая статья?

— Я тебе дам, статья! — Сержант резко повернулся.

Веснушки пылали гневом.

— А татуировка? На левой руке?

— Да какая на хрен... Смотри!

Лапа протянулась вперед. Клац! Наручники, которыми грозили мне, защелкнулись на запястье бдительного «сагайдачника». Другую половину дуб пристегнул к дверце.

— Вот так, Эра Игнатьевна! Видели бы вы меня, блин, когда я в операх служил!

2

Возле машин было пусто. Десяток парней в камуфляже разместился вдоль забора. Еще трое перекрывали ворота.

— Пошли уже! — констатировал Изюмский. — Шерстить пошли! Не успели мы с тобой, блин! Ладно, подождем. Вон она, церковь, сзади!

От церкви уцелели только стены — краснокирпичные, мас-

сивные. Вокруг лежал нетронутый снег. Внезапно подумалось, что здесь очень красиво. Лес, старый помещичий дом, пруд. Быть может, при Голицыне в нем лебеди плавали. Да... За стены родные, за сень милых кленов, за старый родной и порушенный дом...

Резкий гудок заставил обернуться — из-за ограды выруливал автобус. Древний «ЗИЛ», таких в городе и не встретишь.

— Ах ты! — Дуб вполголоса чертыхнулся и бросился вперед. За ним поспешили трое «сагайдачников». Снова гудок — в нем слышалось явное недоумение. Автобус затормозил, водитель выглянул наружу, склонился к подбежавшему Изюмскому. Внезапно послышался вопль — испуганный вопль десятков голосов. Кричал автобус — дружно, протяжно. Дуб отскочил, что-то сказал курсантам. Один из них, козырнув, стал рядом с дверью водителя. Изюмский повернул обратно.

— Психи! — сообщил он не без некоторого удовлетворения. — Настоящие! Их в Дергачи возили — развлекаться, блин! Слыхала, как завыли, когда «стволы» увидели?!

Крик стал тише и понемногу заглох. Я невольно пожалела несчастных. Ничего себе развлечение получилось! Ехали домой, мечтали об ужине...

— Ах вот ты где, Гизело!

Видать, стареть стала. Опять не услышала — а ведь должна была! Особенно когда такой медведь заходит сзади.

— Шутите, значит? Водителя стреножили?

Брови заместителя мэра были сурово сдвинуты. Я храбро парировала гневный взгляд, усмехнулась:

— Кадры подбирать надо лучше!

Веснушчатый сержант топтался поодаль, делая вид, что не смотрит в мою сторону.

— Кадры! — Бажанов явно хотел сплюнуть, но сдержался. — В общем, так, Гизело! В первом корпусе — больные. Тревожить не стали — пробежались только. Во втором — пусто. Директор уехал, завхоз уехал. Там какие-то лаборатории, посмотреть надо. А в целом, ни хрена! Я ребят послал к складу, это бывший винный погреб... Слушай, а может, тебя надули, а?

Ответить я не успела — по ушам словно палкой ударили. Раз, еще раз...

— Ложись! Ложись! К забору!

Теперь стреляли очередями. Кто-то явно не жалел патронов.

И, словно в ответ, вновь послышался знакомый вой. Но на этот раз он доносился не только из автобуса. Кричали в доме,

спрятанном за высоким кирпичным забором. На миг стало жутко. Так, наверное, воют в аду.

Падать не стала — пожалела пальто. Чугунная решетка забора тоже не показалась надежным прикрытием. Пока я раздумывала, сильная рука рванула за плечо, потащила назад, за ближайший грузовик.

— Началось, блин! — Дуб радостно ухмылялся, поглаживая «калаш». — Ну, это дело! Ща мы им!

Я даже не смогла огрызнуться — внезапно навалилась усталость, свинцовая, одуряющая. Так и знала! «Мы» дадим «им», «они» дадут «нам». Вот и пули, как воробушки, плещутся в пыли...

Не в пыли — в грязном, уже начавшем подтаивать, февральском снегу.

* * *

Погреб издали походил на дот: низкая, уходящая в землю арка серого камня, стальные двери — и следы «трассеров», медленно тающие в холодном вечернем воздухе.

«Сагайдачники» залегли прямо в снегу, не отвечая на огонь. Я, как штатская крыса, болталась сзади, за массивной каменной тумбой, неизвестно зачем поставленной посреди старого сада еще в незапамятные времена. Дуб отирался рядом, нетерпеливо поглядывая вперед. К «сагайдачникам» его не пустила я. Изюмский пытался возражать, но я раззявила пасть — и после третьего загиба его пыл угас.

Стрельба — то ленивая, то яростная — продолжалась уже с полчаса. Стреляли «они». Темнота, сгустившись над старым селом, мешала «им» — пули уходили в «молоко». Похоже, Бажанов ждал, пока у «тех» кончатся патроны. Приказ не стрелять я одобрила. Первач-псы не дремлют: стоит какому-нибудь меткому курсанту попасть — и отмаливай потом беднягу!

«Те» не боялись. Видать, бог им попался правильный.

— Эра Игнатьевна! Можно мне... Только взглянуть!

Сраженный моими загибами дуб стал непривычно вежливым, но потачки я ему не давала и даже не стала отвечать. Тоже мне, Аника-воин! Еще и без каски!

Каску, как выяснилось, этот охломон потерял, когда вылезал из машины. Искать поленился — а потом стало не до каски.

Внезапно стрельба стихла. Мы переглянулись. Кончились патроны? Или «бог» одумался?

— Гляди! — Ручища дуба указала куда-то в темноту. Я всмот-

релась. Вначале я увидела белое пятно. Пятно колыхалось, двигалось. Потом стал заметен черный силуэт.

— Бажанов! — уверенно заявил дуб. — С белым флагом! Как в кино, блин!

Возражать я не стала. Как в кино.

— Внимание! — загремел усиленный динамиком голос. — Предлагаю сдать оружие и выходить по одному! Повторяю...

— Бажанов! Какого хрена! Это охраняемый объект!

Второй голос отвечал тоже по «матюгальнику», но я узнала говорившего без труда. Жил на свете таракан, таракан от детства... Вот, значит, на какую «спецоперацию» направился полковник Жилин!

— Жилин? Ты? — В голосе заместителя мэра слышалось удивление. — Ты что, спятил? Немедленно кончай дурить!

Темнота замолчала, но затем послышалось уверенное:

— У меня приказ! Мэр подписал. Не веришь, позвони, спроси!

Мат Бажанова был разнесен динамиком на всю округу.

— А у меня ордер! От прокуратуры! Показать? Со мной два следователя! Ты что, под суд захотел?

Снова молчание: долгое, тягучее.

— Хорошо! Пусть твоя «прокра» сюда подойдет! С ордером! Ну, начальнички наши намудрили, мать их!

Мы с дубом вновь переглянулись. Я расстегнула пальто и полезла в нагрудный карман кителя. Не хватало еще ордер потерять! Все в порядке, на месте!

— Гизело! — Бажанов был уже рядом. — Гони сюда ордер! Кажется, спеклись!

— Он хочет видеть представителя прокуратуры, — возразила я. — Вы прекрасно знаете закон.

Под пули лезть не хотелось, но показывать ордера — это моя работа.

— Не пущу! — Бажанов не удержался, сплюнул. — Лучше подожду, пока за твоим Ревенко съездят. Ишь, умники, бабу в бой посылают!

— А на хрена Ревенко? — Дуб расправил плечи, подмигнул мне. — Господин Бажанов! Следователь Изюмский в вашем распоряжении, блин!

Заместитель мэра задумался, окинул дуб-дубыча оценивающим взглядом:

— Хорошо! Гизело, отдайте ему ордер!

— Я же тебе говорил, подруга! — Дуб вновь подмигнул и не без сожаления передал Бажанову автомат. — Ща покажем!..

Черный силуэт удалялся медленно, словно нехотя. Я затаила дыхание. Не идиоты же там, в конце концов! И Жилин-таракан — не самоубийца. Хитер, двух маток сосет — но не камикадзе. Первач-псы — Первач-псами, а в церкви, что при военном университете имени Сагайдачного, уже наверняка молебен служат. Есть такая молитва — *«за ради кровь на поле брани проливших»*...

Черный силуэт на миг остановился. Кажется, дуб оглянулся.

Я вышла из-за нелепой тумбы, помахала рукой...

Выстрел.

Черный силуэт замер, постоял...

Рухнул.

«Сразу с колоколенки, весело чирикая...»

— Изюмский! Изюмский!

Я бросилась вперед, поскользнулась, упала лицом в мокрый снег, вскочила — но чужие руки схватили за плечи, толкнули вниз.

— Изюмский! Володя!

Я уже не кричала — шептала. Может, он только ранен? Может...

«...В грудь слетели пташечки — бросили назад...»

3

Володю занесли в вестибюль старого — «голицынского» — дома. Прибежал врач с круглыми от ужаса глазами, зачем-то достал шприц, бросил, стал щупать пульс.

Пульс?

«Пташечки» не промахнулись. То есть всего одна «пташечка». И не в грудь слетела, чтобы расплющиться о бронежилет. Пуля вошла в переносицу — прямо между глаз.

Володя — мертвый, нелепый в своем оранжевом бронежилете, который забыли с него снять, — лежал на полу. Я была рядом — двое «сагайдачников» стояли у дверей, выполняя приказ озверевшего Бажанова: не выпускать «эту дуру» наружу. И некому уже надеть на них всех наручники...

Больше в вестибюле никого не было. Врач убежал, подошла непонятно откуда взявшаяся старушка в белом халате, вздохнула, накрыла тело простыней с большим синим штампом.

А снаружи доносился неумолчный вой — словно безумцы пели жуткий нечеловеческий реквием. И это было страшнее всего — даже мертвых открытых глаз, которые сердобольная старушка в белом так и не смогла закрыть. Убитый не смежит веки, пока не наказан убийца. Старое поверье...

Кроме воя, никаких других звуков слышно не было. Минуты тянулись, но не было сил взглянуть на часы. Наверное, прошел час. Или больше? Что они там делают? Может, послали за подкреплением?

Бажанов появился внезапно. Я только успела спрятать грязный от расплывшейся туши платок.

— Гизело? Ты как?

— Надо отвечать? — вздохнула я.

Он подошел к телу, покачал головой.

— Каску надевать надо было! И чего я теперь Никанору скажу?

Он помолчал, дернул плечом, резко повернулся.

— Значит, так, Гизело! Я звонил мэру, он приказ отдал. Рвем тут все к едрене фене! Я как чувствовал — распорядился вакуумный фугас захватить. Знаешь, что это?

Я кивнула. Такие штуки больше года изготовляли на заводе имени Малышева. В свое время я сообщала об этом Девятому. Тот вначале даже не поверил.

— Пойду скажу, чтобы больных в подвал перевели. А ты тоже не стой — спрячься!

— Погодите! — встрепенулась я. — В погребе могут быть заложники! Мы ведь...

— Отставить! — Бажанов вздохнул, скривился. — Хрен там, заложники! Ты разве не поняла — там зверье! Психи! Хуже этих! Все, пошел!

Я что-то крикнула вслед, но он даже не стал оборачиваться. Конечно, он прав — бабам на войне делать нечего.

На горе, на горочке, стоит колоколенка,
А с нее по полюшку лупит пулемет,
И лежит на полюшке, сапогами к солнышку...

4

В ушах звенело, под ногами скрипело битое стекло — взрыв вырвал окна, разнеся осколки по всей округе. Белый свет фар освещал груду камней, в которой возились парни в камуфляже.

Ни серой арки, ни стальной двери — только камни и горькая пыль...

Из-под камней выносили первые трупы — в знакомой архаровской форме. Белесый свет упал на рыжие усы — больше ничего на лице не уцелело. Добегался, таракан! Были и другие — в кожаных пальто и крепких ботинках. «Братва»-«ганфайтеры»?!

— Есть! Есть! Откопали!

Парни в камуфляже засуетились, один подбежал к Бажанову, угрюмо взиравшему на всю эту суету.

— Господин заместитель мэра! Проход откопали! Там, кажется, кто-то есть! Живой!

Парень ошибся — живых не было.

Взрыв обрушил своды у входа, но дальняя часть подвала уцелела полностью. Камень выдержал — но не люди. Трупы лежали вповалку: мужчины, женщины, дети. Не всех погубил взрыв. Фонарь высветил искаженное ужасом женское лицо. На теле — ни клочка одежды; поперек горла — глубокий надрез. Рядом — голый ребенок, лет пяти, не старше, с зияющей раной в груди...

Я отвернулась.

Вокруг было темно, лишь редкие лучи фонарей скользили по массивным каменным сводам. Подвал оказался огромен, он тянулся вглубь на сотни метров. Голоса тех, кто ушел вперед, доносились глухо. Странно, здесь не было эха.

Идущий рядом со мной парень оступился, вполголоса чертыхнулся, дернул фонарем.

Труп.

Мужчина в белом халате, в белой докторской шапочке. Интеллигентная бородка, раскрытый в беззвучном крике рот. На лбу, прямо посередине — черная дырка. Стреляли в упор — кожа успела обгореть...

— Сюда! Сюда!

Крик бросил вперед. Я наткнулась на чью-то спину, меня подхватили, поставили на ноги.

— Скорее! Скорее!

Я вновь на кого-то наткнулась, еле устояла на ногах.

Здесь!

Лучи фонарей скрестились в большой нише, уходившей в стену. Сначала я увидела камень — плоский, похожий на высокое надгробие. На камне — белая тень. За камнем...

— Назад! Иначе она умрет!

Громкий резкий голос ударил по ушам. Луч света дернулся — и я увидела *его*.

Капустняк стоял за камнем, почти незаметный в черном длиннополом плаще, ниспадавшем с широких плеч. Борода сливалась с тяжелой тканью, в руке нож — огромный, как у мясника.

— Она умрет! И не вздумайте стрелять — я пошлю пулю обратно!

Только тут я смогла разглядеть, что лежало на камне. Не что — кто. Девушка, совсем еще девчонка. Руки скручены, веревки обхватили щиколотки, во рту — грязная тряпка.

Наконец я очнулась. Значит, правда. *Он* — здесь!

— Не стрелять! — Я протолкалась вперед, остановившись у самого порога. Чернобородый поднял голову, наши взгляды встретились...

Словно кипяток в глазницы.

Не упала. Сумела устоять.

— Назад! — Голос загустел, заполнил низкие своды ниши, отозвался сзади. — Вы решили, что поймали *меня*? Сейчас *я* уйду, а вам останется только кровь.

Лезвие блеснуло в луче фонаря, легко коснулось обнаженной руки той, что лежала на камне. Это действительно было надгробие — со сбитыми ангелочками по краям. Тело девушки лежало прямо на потускневших золотых буквах.

Кровь — тонкая струйка; затем — тонкий ручеек.

— Гражданин Панченко! — Голос не слушался. Я закусила губу, помедлила. — Гражданин Панченко! Оставьте девушку! Я, старший следователь прокуратуры Гизело...

Его взгляд вновь ударил по глазам. Я зажмурилась, сцепила зубы.

— Я вам приказываю!..

Смех — негромкий, торжествующий.

— Панченко был человеком и умер, а *мне* никто не может приказывать. Сегодня погибли десятки людишек — вы сами принесли *мне* эту жертву. Мы еще встретимся, старший следователь Гизело! Встретимся — но уже не здесь. *Мое* царство скоро будет всюду!

Растопыренная пятерня дотронулась до окровавленного камня, затем скользнула по лицу. Внезапно показалось: кровавый ручей задымился. Запахло горелой плотью. *Он* отступил на шаг, страшный нож медленно опустился вниз.

— Стреляйте! — крикнула я. — В руку! В плечо!

Автоматы молчали, и я не сразу сообразила, что закрываю собой мерзавца. Я оглянулась, быстро шагнула в сторону.

— Стреляйте!

Выстрелы слились в один.

Чернобородый стоял недвижно. По черному плащу медленно стекала кровь. Девушка на камне шевельнулась, застонала.

Я вздохнула, перекрестилась. Троеручица, не попусти!

— Дайте автомат!

Стальной приклад почему-то показался горячим. Предохранитель снят. Вперед!

Я перешагнула порог — и замерла. Черный плащ медленно оседал на землю — словно снеговик, попавший в горячую печь. Темная фигура дрогнула, качнулась.

— Не стреляйте, суки! Не стреляйте!

Это был не *его* голос. Не его — и не той, что лежала, распятая на древнем надгробии.

— Я ранена, слышите вы! Я вас всех посажу, ублюдков!

Я бросилась вперед, сдернула темную ткань.

На каменном полу скрючилось голое тело. Короткие волосы запеклись в крови, руки прижаты к животу. Женщина...

— Суки! Вы меня ранили! Ранили!

Ее я узнала сразу — на фотографиях гражданка Калиновская тоже не злоупотребляла одеждой.

— Он меня заставил! Заставил! А вас всех судить будут, гадов!

— Какого черта?!

Я обернулась: голос Бажанова. Заместитель мэра недоуменно осмотрелся, пожал плечами.

— Так все — из-за этой сучонки? Это была она?

Она? Мадам Очковая, научившаяся страшному перевоплощению? Или все же *он*, пробивший кровавую тропу из ада?

Не дождавшись ответа, Бажанов махнул рукой «сагайдачникам», покачал головой:

— Ну и фигня, хоть попа зови! А ты молодец, Гизело, раскрутила гадов!

— Нет, не я.

Я отвернулась — смотреть на кровь не было больше сил.

— Это дело раскрыл Володя Изюмский. Володя...

5

От прокуратуры я решила пройтись пешком. Тучи ушли, холодный свет луны заливал уснувший город. Тонкий хрупкий лед хрустел под ногами.

В голове было пусто. Не хотелось ни о чем думать.

Домой!

Снять пальто, упасть на кровать...

Нет, сначала под душ!

Мыться, сдирать кожу пемзой, пока не сотрется вся кровь.

Кровь и грязь.

Бог являлся в крови и грязи — и так же ушел. Ушел — чтобы вернуться.

Бог Крови — и мы служители его.

Я пыталась мысленно составить доклад Девятому, но слова разбегались, не давались в руки. Завтра! Встану пораньше, и снова — под душ... Смогу ли я отмыться от этого?

А пока — домой. Не забыть прослушать автоответчик — вдруг Маг все же позвонил? Хорошо, что Игорь ничего этого не видел. Смогу ли я улыбаться, если он забежит в гости? Иногда так не хочется улыбаться!

Лед хрустит под подошвами.

Домой!

* * *

Черную машину у подъезда я заметила издалека и почему-то сразу поняла — к кому. Я обернулась — сзади неспешно шли двое, глядя вверх, на равнодушную луну. Опять не услышала! Впрочем, это уже не важно.

— Гражданка Гизело?

Знакомая рожа стрикулиста радостно щерится. В руке — бумажка. Мятая.

— Извольте прочитать! Вы же у нас, так сказать, законник!

Ордер по всем правилам. Сам Никанор Семенович расписаться изволил! Интересно, когда? Вчера? Да, еще вчера. Значит, не спешили. Ждали, чем все кончится.

Я вздохнула, закрыла глаза. Ну почему сегодня? Сегодня, когда не осталось сил ни на что!

— Могу я узнать... причину?

Стрикулист довольно морщится, цокает языком.

— Конечно, можете, гражданка... Стрела? Я не ошибаюсь?

Надо мною беззвучно скалится мертвый лунный лик.

Вот и все, Эрка.

Часть пятая

БОГ БЕЗ МАШИНЫ, или Ах, у психов жизнь — так бы жил любой!

Пятница, двадцатое февраля

И акула-каракула левым глазом *
Мене, текел, фарес и прочая чертовщина * Что ж вы, дети, не пляшете, хороводы не водите? *
Лель делает нам завидное предложение

1

— История имеет свойство повторяться, — глубокомысленно изрек Ерпалыч, посасывая спелую валидолину. — Нас снова вербуют. Причем в ту самую контору, где я уже в свое время имел честь процветать.

В голосе старика звучит странная смесь удовлетворения и обреченности. Как у человека, заявляющего среди рушащихся вокруг домов: «Ведь я же говорил, что будет землетрясение!» Или ядерная война. Или Армагеддон пополам с Рагнаради. Хрен редьки не слаще.

Да уж, история имеет такое пакостное свойство. Опять я валялся в беспамятстве, опять очнулся в собственной квартире в обществе милейшей Идочки, разве что старый Сват-Кобелище сейчас сменил ипостась да вместо интеллигентной Эры Гигантовны ко мне — вернее, к нам — заявился не менее интеллигентный магистр; опять видения колесили по просторам наших необъятных мозгов... и опять очень хочется жрать!

Я с опаской покосился на дверь, ожидая: вот сейчас вновь раздастся грохот сапог по лестнице, и в квартиру вломится зна-

комый полковник со всей своей любимой группой захвата. Однако в подъезде тихо. Пока, во всяком случае.

Я кошусь себе на дверь, а друзья мои косятся на меня (даже Ерпалыч умолк), и глаза их блестят единообразием вопроса:

«Алька, что скажешь?»

Мне очень не по душе необходимость говорить, принимать какие-то решения — но, похоже, не отвертеться.

— Я понимаю, что вопрос стоит так: соглашаться нам на предложение магистра или нет? Только давайте решать его будем чуть погодя, на сытый желудок. Голодный я, «братва»! Прямо как... как акула!

Вот так всегда: сначала брякну, потом думаю.

Только-только пришедшая в себя Идочка мгновенно бледнеет с явным намерением вновь грохнуться в обморок. Сестра милосердия дарит меня таким блеском очей, что я невольно вспоминаю, как смотрела на меня Натали незадолго перед своим уходом. Очень похоже смотрела. Как на чудовище.

Наверное, Идочке кажется: вот-вот за окнами раздастся плеск волн, вода хлынет в квартиру, а у меня начнут прорастать хвост и плавники, после чего я мигом примусь закусывать всеми присутствующими по очереди — начиная, конечно же, с нее, с аппетитной Идочки!

Стоп! Назад! Соответствующая картина уже начинает проступать в сознании, оформляясь словами-образами, и если я еще чуть-чуть дам волю своему пакостному воображению... Не знаю я, что тогда будет, — и знать не хочу! Может быть, ничего, а может... нам акула-каракула нипочем, нипочем, мы акулу-каракулу кирпичом, кирпичом, а также кулаком, каблуком, балыком, матюком... Эх, Пашка, Пол-Пашка, братец ты мой неприкаянный, как же тебя приложило мордой об жизнь! И все-таки ты жив, жив отчасти, не по-людски, а по-своему, по-новому, приспособившись к расширению нашей хреновой реальности; ты можешь на время становиться почти прежним. Правда, цена этого способна вывернуть человека наизнанку, страшная цена, последняя цена, а ты ее платишь, выходишь, возвращаешься... Сам выбрал, Пашка. Сам. Теперь я знаю: есть в этом ужасающем существовании нечто необъяснимо притягательное, засасывающее... Кажется, я тебя понимаю. Кажется...

Хватит!

С огромным трудом мне удается стряхнуть с себя наваждение.

— Не бойтесь, Идочка! Ну спросите, спросите, пожалуйста: «Что с вами, больной?» — и я вам честно отвечу: «Со мной все в порядке!» Да не смотрите вы на меня так, не съем я вас! Я сестрами милосердия не питаюсь. И вообще, женщины меня интересуют отнюдь не с гастрономической точки зрения...

Поспешно захлопываю рот (язык мой — враг мой!), но снова поздно.

Идочка, мгновенно зардевшись майской розой, отворачивается и принимается тщательно оправлять халатик. Ну и ладно, теперь хоть в обморок грохаться не будет.

Подмигиваю ей и почти с легким сердцем отправляюсь на кухню: потрошить холодильник.

Время обеда еще не настало, но мой голод об этом знать ничего не желал, поэтому готовить я собирался основательно. Тут одной яичницей не обойдешься, это факт, данный нам в ощущении! Ага, пока я валялся, Фол с Ерпалычем, оказывается, успели натащить в дом немало жрачки. Или это Идочка постаралась? Не важно! Мясо есть, сыр, лук, майонез, банка шампиньонов «Людвиг» — эх, забабахаю-ка я сейчас «мясо по-гамбургски»!

Пальчики оближем!

Фол сразу понял, что я затеял, и сломя голову кинулся помогать — кенты вкусно пожрать всегда мастера, это мне хорошо известно! И от работы не отлынивают... ну давай, режь лук колечками, да потоньше, оглобля хвостатая!

Ерпалыч остался в моем кабинете. Видимо, решил обдумать создавшееся положение. Пусть его думает; пообедаем, тогда и расскажет, к каким выводам пришел.

Голодное брюхо к учению глухо, что неверно по форме, зато исключительно верно по содержанию.

Идочка все порывалась нам помочь, но мы с Фолом в один голос заявили, что мясо любит мужскую руку, да и места на кухне почти нет (что было чистой правдой, учитывая габариты кентавра!). В итоге сестра милосердия, не знавшая, чем заняться, занялась уборкой квартиры — хотя, на наш взгляд, убирать там было нечего. Но это — на наш взгляд. Мужской и неотесанный. О чем и было сообщено во всеуслышание. В результате некоторое время каждый был занят своим делом, из духовки разносился по округе одуряющий аромат запекаемого мяса, и все было хорошо, кроме странного ощущения слежки.

За нами.

Ну и черт с ним, с ощущением! За последнее время оно возникало у меня с завидной регулярностью, и я начал к нему понемногу привыкать. Даже если за нами и впрямь кто-то следит — флаг ему в руки, якорь в глотку и три кактуса в ноздрю,

как говаривал один боцман из анекдота! Смотрите, завидуйте! — мы сейчас такую вкуснятину есть будем!

И едва я успел возрадоваться, ткнув вилкой в почти готовую корочку, румяную и поджаристую...

Сперва из гостиной раздается истошный визг Идочки.

Почти сразу визг обрывается, сменившись мягким стуком упавшего тела. «Ну вот, опять обморок», — успеваю отметить я про себя, опередив замешкавшегося у плиты Фола и первым врываясь в комнату.

Идочка живописно раскинулась на полу, а напротив, в стене, резво скрывался от правосудия старый знакомый исчезник; правда, раньше он больше по сортирам шастал.

Неужели опять?!

— Стой, зараза! — Выкрик получился крайне глупым. — Стой, кому говорю!

Исчезник обернулся через плечо, неодобрительно посмотрел на меня лупатыми глазищами и погрозил корявым, склизким пальцем:

— Эх, Абрамыч... Не послушался меня? Зря, Абрамыч, зря...

Неожиданно Тот застыл, ноздри его распахнулись воронками на пол-лица, жадно втягивая воздух (никак мясо учуял, подлец!), — и с завидным проворством он полез из стены обратно в мою квартиру, одновременно уменьшаясь в размерах.

— Здесь, здесь где-то, чую... Абрамыч, чую ведь!.. — бормотал он себе под нос.

Кубарем выпав наружу, он быстро, как на коньках, скользит в сторону кухни, оставляя за собой на паркете слизистый след; чудом огибает спешащую на помощь конницу в лице Фола и исчезает из виду.

— Эт-то еще что?! — вытаращился мой приятель на незваного гостя.

— Исчезник! — Я тоже стою дурак-дураком и гляжу вослед Тому, машинально крутя по два кукиша на каждой руке: так спокойнее. — Блин, куда это он? Фол, глянь, как бы не натворил чего!

Однако исчезник, успев за это время принять размеры какого-нибудь Мальчика с пальчик, вновь возникает на пороге и теперь, обиженно бормоча: «Спрятали!.. спрятали... не туда, не туда!..» — во весь дух носится вокруг беспамятной Идочки.

Тот возбужденно приплясывает, всем телом припадая к полу, обнюхивая и чуть ли не облизывая его.

— Здесь, здесь! — доносится до нас. — Нашел!..

На миг он исчезает, просачиваясь прямо сквозь паркет, но сразу возникает снова, на полметра левее.

— Дайте! Дайте мне! Вам что, жалко? Дайте! — На нас устремлен взгляд слезящихся, умоляюще-заискивающих глазок Того, и наконец до меня доходит!

Исчезник стоит как раз на том самом месте, где я целую вечность тому назад разбирал паркет со стороны Выворотки, рыл яму, куда лилась кровь зарезанных мною...

Кровь!

Жертвенная кровь, возвращающая память!

На сморщенном личике малыша надежда мешается со страданием мучимого похмельем алкоголика, знающего, что где-то здесь, у этих людей, есть целая бутылка водки — может, нальют? Ну что им стоит? Ну хоть сто грамм!

— Ну пожалуйста, дайте мне! Абрамыч, отслужу! Верой-правдой! Не могу больше... хоть капельку...

Наркоман.

Которому срочно нужна очередная доза.

А я, дурак, ему кукиши крутил... Бетон Бетоныча ему, а не кукиши!

— Нет. Убирайся. — Он мне противен, этот унижающийся Тот, «бомж-счезень», приученный кем-то (кем?!) к страшному багряному соку, ради которого Тот теперь готов на все.

— Уходи, — повторяю я, и исчезник затравленно пятится к стене.

Он молчит, он понимает, что здесь ему ничего не дадут, но глаза на осунувшемся лице по-прежнему умоляют, просят...

Наконец по обоям проходит рябь, когда они смыкаются за Тем, — и вдруг из стены (именно *из*, а не *из-за*!) доносятся глухие удары, приглушенный крик, шум борьбы.

— Ага, попался, проходимец! Будешь теперь знать, как... — вопль глохнет, удаляется...

Тишина.

— Он хотел крови, — оборачиваюсь я к Фолу, и кентавр понимающе кивает. — Кто-то приучил его...

— Гляди, Алька!

Я резко оборачиваюсь, едва не подпрыгнув.

Что там еще?! Месяц-из-Тумана сквозь потолок лезет?!

Нет, на этот раз со стеной и с потолком все в порядке, а вот на обоях... на обоях быстро проступают ровные ряды аккуратных черных букв, складываясь в слова.

Мене, текел, фарес... Валтазаров пир с мясом по-гамбургски.

— *Уважаемые Иероним Павлович и Олег Авраамович! Мы искренне сожалеем о возникших между нами досадных недоразумениях и о тех неприятностях, которые вам довелось пережить.* — Обернувшись, я обнаруживаю в дверях Ерпалыча, который, собственно, и читает сейчас вслух настенное послание. — *Думаем, что нам необходимо встретиться и обсудить создавшуюся ситуацию. Надеемся, что наше предложение вас заинтересует. Безопасность встречи гарантируем. Готовы встретиться в указанном вами месте и в удобное для вас время. Времени для раздумий у обеих сторон было достаточно. Остальные условия также на ваше усмотрение. Поверьте, мы заинтересованы в сотрудничестве, а отнюдь не в конфликтах. Ответ оставьте здесь в течение ближайших суток.*

Чуть ниже на обоях имелся довольно вместительный пустой прямоугольник, обведенный черной траурной рамочкой. Место для некролога...

Урод! Нельзя так шутить!

Особенно прочтя постскриптум:

«P. S. Привет вам от вашего друга Ефима Гавриловича Крайцмана».

— У них Фима. Надо идти на встречу.

Впрочем, это понимают все.

— Вы правы, Алик. Только хорошо бы сначала привести в чувство девушку.

Я присаживаюсь возле Идочки на корточки, бросая Фолу:

— Духовку выключи. А то мясо сгорит.

Я на удивление спокоен. Фима жив, и это главное. Будем договариваться.

Это такой город.

Это такой мир.

Нам здесь жить.

2

Не люблю звонки в дверь.

С недавних пор — не люблю. Но открывать все равно пришлось.

Архаров на лестничной клетке не обнаружилось, исчезники отсутствовали, заказчики на «дроты» и «мулетки» сегодня тоже поленились ко мне зайти по новому адресу — зато имелась почтальонша в единственном числе.

Старенькая Валентина Петровна, которой хвала и честь! — всего за премиальную гривну, не учтенную налоговыми волками, она заходила по сто раз, лишь бы застать адресата на дому и лично вручить ему письмишко или там бандеролечку.

— Здрасьте, — тихо сказала Валентина Петровна.

Глаза она почему-то прятала.

— Здрасьте, — откликнулся я, машинально роясь по карманам.

Денег не было.

Понятливый Фол на всякий случай не показывался, прикрыв дверь в комнату, где после визита Того пребывала без чувств сестренка милосердия; а Ерпалыч уже спешил к нам с вожделенной бумажкой наперевес.

Странно: взгляд почтальонши при виде денег остался тусклым.

— Это вам, Олеженька... извините, ради Бога, это не у нас столько мурыжили...

Длинный конверт доверчиво ткнулся мне в ладони; и почтальоншу как ветром сдуло.

Даже лестница не откликнулась на ее шаги.

Ничего не понимая, я распечатал письмо. Наскоро вытащил четыре листочка, глянул на середину ближайшего.

«Год, упрямый как бык».

Бред какой-то! При чем тут бык?!

«...что нужно есть на Новый Год? Я думаю: то, что есть. Но обязательно под сто пятьдесят! — и обязательно чтобы 40 градусов! Потому как если перемножить граммы на градусы, да еще по Фаренгейту, то обязательно заиграет кровь. А когда кровь играет, вы начинаете стучать копытом, потом вам начинает казаться, что рядом не старая корова, а молодая телка, и в новогоднюю ночь она не собирается крутить хвостом...»

— Что с вами, Алик? Вам плохо?

Это Ерпалыч.

— Мне хорошо, — отвечаю я и моргаю, моргаю раз за разом, потому что стеклистая пелена мешает смотреть, а смотреть надо обязательно. — Не волнуйся, старик, это привет из-за грани. Не волнуйся, все в порядке...

Следующий листок.

Середина.

«...недавно перечитал твои последние книги. Не удержался. Не люблю громких слов, но вижу, сынок, что ты становишься мудрее. Это не только жизненный опыт, это опыт души. Может быть, я становлюсь старым, но меня все больше тянет к вечному, к конечности и бесконечности жизни-смерти, к размышлениям о разных сторонах добра и зла... Я старше тебя почти вдвое, а ты рассуждаешь об этом уже сейчас. Бог тебе в помощь. Конечно, полнее и ярче ты живешь в вымышленных мирах, быт только как бы обусловливает эту жизнь. Хочу только предостеречь от некоторых оценок. К беде, множество людей не «не хочет», а не может в силу возраста или способностей реализоваться в новом и очень нестабильном мире. Я не говорю о кухонных балаболках или демагогах. Стариков жалко. И тех, кто на подходе. Как им перестроиться? Эти же беды (хочешь, верь, хочешь, нет!) подстерегают и у нас, за океаном. Конечно, легче жить воспоминаниями... Вчера я долго объяснял одному новоявленному умнику, что ад и рай в нас, а не где-то. И когда человек лишается телесной оболочки, когда ему уже не нужно заботиться о поддержании своего физического существования — он остается один на один с тем, что раньше невесомо находилось в нем. И ад или рай, живший в нем, увеличивается в невероятное количество раз. Теперь не на что отвлечься. Вечный рай, вечный ад — и нам здесь жить.

Надо остановиться, иначе я не вернусь к обычным, повседневным вопросам. Пашка передает тебе привет; у него здесь завелась девочка — хорошая девчонка, говорит по-русски. Думаю, тоже из наших, хотя не выяснял пока. Здоровье мое...»

И в конце последнего листка, беглым почерком — слова, которых мне никогда не доводилось слышать от него:

Ты укрывал от метелей и вьюг,
Ночью в глазах твоих было светло,
С каменным сердцем мной преданный друг,
С каменным сердцем, в котором тепло.

В чем мне виниться и каяться в чем?!
Раненым псом под забором визжать?..
Ты не ответил? Ты умница, дом,
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...

Глаза слезятся, я моргаю, и легкие капли муравьями бегут по щекам: врут, что слезы соленые, врут! — у них вкус ледяной воды из родника, от них ломит зубы, и губы пляшут измученными танцорами!..

Лжи доверяешь, свет путаешь с тьмой,
Дань забываешь отдать красоте;
Мысли? Они, между нами, дерьмо,
Просто дерьмо, без особых затей.

В жизнь, будто в стенку, колотишься лбом,
Стенка на стенку, и к стенке прижат...
Все это, все это, все это — дом,
Дом,
Из которого, в общем-то, не убежать...

Письмо от отца, отправленное еще в октябре, опоздало почти на пять месяцев.

* * *

— Все в порядке, Ерпалыч, — повторил я, глядя куда-то далеко, где громоздились стеклистые башни из самых простых на свете слов. — Все в полном порядке. Лучше не бывает.

3

...Вокруг нас меркнет, замерзая прямо на глазах, короткий зимний день. Мы с Ерпалычем стоим, переминаемся с ноги на ногу в стиле «два прихлопа, три притопа» — скоро весна, но по вечерам мороз словно спохватывается, стараясь наверстать упущенное, свистит поземкой, норовит забраться под куртку, ледяными иголочками осторожно трогает лицо.

Тихо. Просто неправдоподобно тихо; даже не верится, что совсем рядом — большой город и глазницы домов лучатся теплым светом, гудят на улицах машины, спешит домой с работы служивый люд, детвора с гиканьем швыряет друг в друга снежками, мигают, переливаются неоновые рекламы, из баров и кафешек звучит музыка, на рогах домовых телеантенн бьются на ветру многочисленные разноцветные тряпочки-уговорки — очень помогает для повторной трансляции любимого сериала...

Здесь, в яру, — тишина. Белое безмолвие. Укутавшись в снежные маскхалаты, притаились по склонам заросли каких-то невнятных кустов, молчаливо застыли поблизости деревья — тополя, полдюжины ив и одна елка (как ее только на Новый год до сих пор не спилили?); поодаль сиротливо стынет под пушистой шапкой маленький деревянный сортир... В сортире прячется Валько-матюгальник, сипло покашливая в рукав (глотку разминает, что ли?!), а за покосившимся строением

притаился в засаде гнедой Пирр — потому что внутрь он никак не помещается.

Ну и ладно, кенты — они морозоустойчивые.

Еще двое таких же морозоустойчивых засели в огромной, метра два в диаметре, сливной трубе, через которую мы сюда и выбрались. Фол и Папочка. Они там, внутри, — только отсюда их не видно. Да и самой трубы не видно за кустарником, служащим арматурой целому сугробу-бархану.

Отчего-то мне думается, что бархан этот не сам собой тут образовался.

Трое людей и два кентавра дежурят наверху: их задача — вовремя подать сигнал, когда объявится ожидаемый визитер. Если же он, визитер, окажется не один, то и сигнал будет совсем другим.

Кажется, мы все предусмотрели...

Встречаться решили прямо сегодня. Если бы не Фима-Фимка-Фимочка, мы бы еще, наверное, долго колебались — но короткий постскриптум решил все. Видно, досточтимый магистр счел, что нам вполне хватило времени для размышлений, нечего ждать звонка от этих мямлей и пора форсировать обстановку, подключая кнут и пряник. Или местным «последышам» дал чертей — вот они и засуетились. Оперативно работают, однако... Эй, будущие зав. и зам. местного филиала НИИПриМ! — получите и распишитесь!

Ответ я внес в оставленный для этой цели прямоугольник, орудуя лиловым фломастером, откопанным в ящике стола (это был единственный не засохший). Встречу назначили в яру, под памятным мостиком, по которому я верхом на Фоле удирал от архистратигов.

Половина восьмого вечера.

Сегодня.

Стыдно признаться, но и нам самим хотелось если не действий, то хоть какой-то определенности.

— Прикрытие организуем, — авторитетно заявил Фол. — Должны успеть.

И, дожевывая изрядный кус мясца (таки не подгорело, в самый раз!), направился к телефону. Ерпалыч обеспечил тылы, сунув в кассетник своих любимых «Куретов», я заткнул уши — и Фол вышел на связь.

Прикрытие нам действительно было необходимо. Даже клиническому идиоту не составило бы труда догадаться, какого сорта люди имеют на посылках исчезника-наркомана, приученного к жертвенной крови; а если вдобавок они могут устроить налет архаров на квартиру... Интересно, знает ли магистр о шалостях «последышей»? Может, да. А может, и нет. Какая разница?! В любом случае, у них Фима — значит, встречи не избежать.

Да и надоело бегать жареным зайцем.

Хватит.

На военный совет (или консилиум?) ушло около часа. Мы прикидывали возможные варианты развития событий, выясняли, кто и что нам может понадобиться; Фол благополучно висел на проводе. Приведенная в чувство Идочка смотрела на нас совершенно ошалело, переводя взгляд с меня на Фола, с Фола на Ерпалыча и так далее по кругу, хлопая ресницами и машинально жуя уже вторую — или третью?! — порцию. Еда ее, кажется, успокаивала. Как транквилизатор. Понятно теперь, почему она такая пухлая. С этими ежедневными стрессами...

Наконец план составлен, все, кто надо, оповещены, — и, чтобы расслабиться, мы принимаем по сто грамм из привезенной Фолом бутылки. Ну, не по сто — по сто пятьдесят. В самый раз. В Идочку Фол тоже влил одну стопку, и это наконец вывело ее из моргательного ступора.

Вовремя — нам пора выдвигаться, если мы хотим оказаться на месте раньше другой стороны. А мы хотим.

Да и «транквилизатор» закончился.

— Идочка, мы не делаем ничего противозаконного, — еще раз внушаю я в дверях растерянной и раскрасневшейся от водки сестре милосердия. — Нам нужно встретиться с этими людьми. У них — Фима. С нашей стороны нет и не было никакого криминала. Нас уже никто не ловит и ловить больше не будет. Понимаете?

Идочка кивает.

Ни черта она не понимает! Ей страшно. Но с этим я ничего не могу поделать.

Осталось только на всякий случай, подобно заправским коммандос, сверить часы — во время совета я свою «Зарю» спрятал в холодильник, чтоб «часовой дедка» наелся от пуза и не вздумал артачиться в самый неподходящий момент.

Он и не артачится — ишь, тикает сердчишком, бодрячок!

Все, дескать, парни: пора.

Я не возражаю.

И вот мы на месте. Папочка с Фолом доставили нас сюда тайным путем бывалых ассенизаторов — через ту самую трубу. По склону-то в яр если и спустишься, то крайне медленно и со всей осторожностью: обледенелые кручи — не лучшее место для прогулок на ночь глядя.

В общем, арестовывать нас тут, в случае чего, весьма проблематично. Все подъезды к яру хорошо просматриваются группой поддержки: вздумай наши оппоненты пригнать сюда взвод архистратигов — заметят еще на подходе. Тогда условный свист, мы ныряем в трубу, где нас ждут Фол с Папой, и поминай как звали!

А с остальных взятки гладки — дышим воздухом на сон грядущий!

Воображение услужливо рисует картину из готовых на все слов:

Визжат тормозами у края обрыва военные грузовики, по мосту бегут архары, на ходу срывая с плеч автоматы, вниз змеями падают веревки, по которым споро скользят люди в пятнистых комбезах и черных шерстяных шапочках-масках с прорезями для глаз. Мы с Ерпалычем вовсю бежим к трубе, позади пули с противным визгом взметают рыхлый, ноздреватый снег, по дну яра мечутся лучи прожекторов, силясь нащупать нас. Из трубы вырывается Фол, обгоняя Папу, и колокольным набатом, перекрывая стрельбу-крики-шум моторов, овраг заполняет монументальный бас шестиствольного Валька, призывающего на головы супостатов всех Тех, оказавшихся в зоне действия его всематерной литургии...

Стоп! Идиот! Фантазия начинает машинально оперировать словами, те оформляются во фразы, абзацы, тащат за собой образы, способные передаться, воплотиться... во что?! Назад, придурок! Вспомни Выворотку, Первач-псов; вспомни неработающий телефон и океан в динамиках!..

Однако мгновенно «выключить» картинку мне не удается, и я инстинктивно делаю единственное, чем можно разрушить готовую стать правдой (мне со страхом так кажется) иллюзию: превратить все в хохму, в анекдот!

Я злорадно улыбаюсь. Получи, подсознание мое пакостное, накося выкуси! Будет тебе и дедушка Фрейд, и радости полные штаны!

И вот уже по склонам с визгом катят на старых картонках от упаковочных ящиков, как любят это делать мальчишки, розовощекие архары. Они дружно швыряют в нас снежки, и мы отвечаем им взаимностью, прячась за стенами снежной крепости, а от мата Валька прямо из воздуха материализуется лавина свежего навоза, обрушиваясь на...

...Я открыл глаза. По противоположному склону, дальше, за мостом, с визгом съезжала целая орава пацанов. Естественно, сидя на упаковочных картонках!

Вот и пойми теперь, что было вначале: яйцо или курица!

4

Занятый борьбой с собственным воображением, я не сразу замечаю, что рядом закручивается на удивление плотный снежный смерчик. Ерпалыч дергает меня за рукав, я поспешно оборачиваюсь — и вижу *их*.

Ну вот, только этого нам не хватало!

Снегурочки!

Да еще целых три сразу! Обычно к концу февраля они куда-то пропадают, до следующего Нового года, а вот поди ж ты! Валька, что ли, крикнуть? Я тяжко вздыхаю. Связываться со Снегурочками, особенно дожидаясь запаздывающего парламентера, неохота.

Но, похоже, придется.

Снегурочки, как и положено, искрятся ледяными блестками, которыми сплошь усыпаны их длинные синие сарафаны и высокие кокошники; они улыбаются нам, приветливо машут руками и подступают все ближе. Кажется, девицы-красавицы совсем не перебирают ногами, а просто плывут, скользят над укрывшим землю снегом. Их лица — миловидные девичьи лица — неестественно белые, словно восковые или обильно припудренные, лишь огромные глазищи-кристаллы сияют зимним блеском.

Не гляди — обморозишься!

Обморозиться и вправду можно, но это надо большой фарт иметь. Вообще-то особой опасности Снегурочки не представляют. Разве что горазды по улицам закружить, ежели с ними хоровод водить откажешься. Лучше уж отплясать свое — быстрее отделаешься! Бывает, еще песни петь заставят: сам не заме-

тишь, как уже горланишь «В лесу родилась елочка» или там «Пусть бегут неуклюже...». А станешь тихо петь, без души — загадки начнут загадывать; а то звать самих себя требуют: *«Снегу-у-урочка-а-а!»* И пока трижды не позовешь, метелью вокруг полощут, глаза запорашивают, дорогу путают... В конце концов покружат, попоют, позагадывают, да и отпустят с миром. Главное, от поцелуев их уберечься — иначе точно ангину схватишь, с гарантией, если не воспаление легких... Недаром матери детям всякий раз наказывают: хороводы води, загадки отгадывай, а как только целоваться полезет, кричи во всю глотку: *«Волк! Серый волк идет!»* — и делай ноги.

Она гнаться не будет.

Одно скверно: не было у меня сейчас никакого настроения Новый год справлять.

— Ой, кто это к нам на праздник пришел! — умильно всплескивают широкими рукавами, откуда сыплются снежинки, все три Снегурочки разом. — Да это ж мальчик Олеженька и мальчик Иеронимушка! Ой, а сколько детишек вокруг собралось! (Ну конечно, от этих зараз ни в сортире, ни в трубе не спрячешься: все насквозь видят.) Настала пора хороводы водить, песенки петь! А вот и елочка наша! — Снегурочки дружно оборачиваются к уцелевшей одинокой ели.

Мы с «мальчиком Иеронимушкой», который давно в Деды Морозы годится, украдкой переглядываемся — и одинаково кривимся: вот ведь взялись на нашу голову!

Как бы парламентера не отпугнули...

Начинаю тихонько бормотать, как давным-давно учила тетя Лотта: *«Иду ногами, трясу не рогами, мету не хвостом, бью не хлыстом...»*

Красавицы хитро смотрят на меня, прыскают в ладошки.

«...не полем, не долом, не штанами, не подолом, несу не росу — святую слезу...»

Шиш вам! — в смысле, не вам, а мне.

Не помогает.

Сверху долетает негромкий свист — небось наблюдатели Снегурочек заметили и решили нас предупредить. Вовремя, нечего сказать! Чем они там смотрят?

— Раз, два, три, елочка, гори! — радостно провозглашают тем временем Снегурочки, простирая руки к злополучному дереву.

И елочка вспыхивает. Мерцающим голубым огнем без дыма, отчего в яру сразу становится светлее. От горящей елки, вопреки ожиданиям, веет холодом — и одновременно я вижу, как

чернеет, скукоживаясь в ледяном пламени, короткая темно-зеленая хвоя. Кажется, именно это зовется «ведьминым огнем»...

— Что ж вы, дети, не пляшете, хороводы не водите? — Снегурочки вновь оказываются рядом с нами, и я поражаюсь однообразию их репертуара. — Аль не весело вам, аль не радостно?

Нам радостно.

Ближайшая красавица с отмороженной, навсегда застывшей на губах улыбкой делает шаг ко мне; явное намерение увлечь меня в танец просто написано на восковой маске.

И ответно в моем мозгу возникает картина. Слова цепляются за слова, они в начале, в середине, в конце, бегут вольным табуном по степи, белыми гребнями по сини волн... Другой мир распахивается передо мной, лубочно-яркий, карнавальный, плеснув в лицо запахом трав и душистой хвои. На этот раз я не собираюсь сдерживаться, превращать все в пустую шутку; я делаю невидимый другим шаг — и вот я уже *там*.

Эта сказка была написана не мной, она пришла к нам из седой старины задолго до моего рождения — но сейчас это *моя* сказка, и устыдитесь, неверующие!

— Эй, девки, хорош хоровод-то водить, давайте-ка лучше через костер прыгать!

Чернобровый парень — красный кафтан, широченные шаровары зеленого атласа заправлены в сафьян щегольских сапожек — залихватски подкрутил буйный чуб, сбил на затылок шапку.

— Отчего б и не потешиться? — весело откликнулась одна из девок, разрывая круг. — Ты, Лель, костер только пожарче пали, а то через него и кочет перескочит!

Смех, визг, смолистый факел ныряет в груду сухого хвороста. Мгновение, и пламя с треском взвивается до небес, словно и впрямь стремясь лизнуть пронзительно-голубое полотнище, раскинувшееся над головами.

— Ой, держите меня!

Визг, смех, летящими на огонь бабочками взмывают над костром цветные сарафаны, и самые молодые из парней не упускают случая с замиранием сердца заглянуть туда, под них...

— А ты что стоишь, невесела? Аль боишься? Кто ж тебя такую замуж-то возьмет?

Глаза девушки неестественно блестят.

Слезы?

Лед?

Она молча разбегается, прыжок — и тоненькая фигурка, плеснув подолом, на миг зависает в воздухе; жадные, жаркие языки пламени тянутся к ней...

Весьма чувствительный толчок под ребра выбрасывает меня обратно. Картинка мгновенно тускнеет, становится плоской, ненастоящей, как плохая фотография — и пламя быстро пожирает ее, превращая в легкий рассыпчатый пепел.

Снегурочки, сбившись вместе, ошарашенно пятятся от нас, и впервые в их холодных глазах мелькает что-то человеческое.

Страх.

И еще: отблески того веселого огня, который минутой раньше едва не принял их в свои объятия. Сейчас Снегурочки выглядят совершенно несчастными, напоминая обычных перепуганных девчонок. Ну и пусть идут себе, если все поняли.

Вот только почему старый Сват-Кобелище не на них смотрит, а мне через плечо?

Оборачиваюсь.

И вижу: по склону не спеша спускается человек.

Не спеша.

По склону.

По обледенелому склону высотой добрых тридцать метров.

Идет себе, как по асфальту, — ровно, легко, не глядя под ноги, не пытаясь ухватиться за что-нибудь руками; остановись! поскользнешься! упадешь!.. куда там!

Идет.

Человек, в бежевой куртке и белых брюках, уже в самом низу склона. Вот он наконец ступает на ровное место — и прежней расслабленной походкой направляется к нам. Из-за светлого одеяния да еще благодаря удивительному спуску наши наблюдатели, видимо, его и проморгали. Или не проморгали? Ведь свистели! Я еще тогда подумал: это они насчет Снегурочек спохватились! Впрочем, не важно.

Встреча вот-вот состоится.

И тут Снегурочки неожиданно вновь оживают.

— Ой, кто это к нам на праздник пришел! — Вся троица оборачивается к новоприбывшему, начиная скользить ему навстречу. — Да это же мальчик Коленька! А любишь ли ты, Коленька, в загадки играть?

— Люблю, — широко улыбается человек, подходя ближе и останавливаясь перед Снегурочками.

В свете догорающей елки его лицо кажется мне смутно знакомым.

— И загадки люблю, и вас люблю, Снегуроньки мои дорогие! Дайте-ка я вас расцелую от всей души!

Он что, придурок?! — или приезжий, как магистр?!

Давно горло не полоскал?!

Однако крикнуть, предостеречь я не успеваю: человек делает шаг вперед, и ближайшая Снегурочка оказывается в его объятиях. Поцелуй длится долго, очень долго, у меня у самого перехватывает дыхание — когда я замечаю, что Снегурочка уже не обнимает человека в бежевой куртке, а наоборот, судорожно пытается вырваться из его цепких объятий.

Две ее подруги, бросив пленницу на произвол судьбы, испуганно пятятся прочь, как пару минут назад — от нас с Ерпалычем.

То ли мне это кажется, то ли действительно вокруг парламентера возникает призрачный светящийся ореол, Снегурочка в его объятиях виснет без чувств, ее очертания плывут, тают... Она действительно тает! В следующее мгновение на землю из рук человека оседает с тоскливым, безнадежным всхлипом февральский сугроб — чтобы растечься лужицей талой воды.

Ореол медленно гаснет. Человек оборачивается к двум оставшимся Снегурочкам — но на их месте кружится, метет снежный вихрь, в котором исчезают обе стройные фигуры. Нас обдает холодным дыханием, пригоршня снежинок ударяет в лицо... тишина.

Никого.

Только догорает елка, и синеватые блики пламени играют на лице парламентера, делая его похожим на лицо мертвеца.

Впрочем, мы с Ерпалычем выглядим, наверное, не лучше.

5

— Убедительная демонстрация. — Ерпалыч смотрит на гостя с явным уважением. — Впечатляет.

Человек легкомысленно машет рукой — а, пустяки, мол! — и я наконец вспоминаю, где мы с ним встречались.

«Я — заведующий кардиологическим отделением. Мне Идочка сейчас звонила...»

Вне всякого сомнения, это был он: тот самый симпатичный парень-«кардиолог», чьим заботам мы с Фолом и Риткой без всяких задних мыслей препоручили парализованного Ерпалыча.

— «Скорая» твоя где, доктор? Наверху ждет? Две койки заготовил? — неприязненно интересуюсь я у «кардиолога».

Ерпалыч в недоумении косится на меня. Он-то этого не помнит!

— Это, дядько Йор, твой лучший друг, — поясняю я старику. — Доктор Айболит. Ты еще из его «Скорой» взапуски бегал. Помнишь? — или склероз одолел?!

— Совершенно верно! — Улыбка у парня прежняя: искренняя, открытая, обезоруживает наповал. — Мы ведь действительно везли вас лечить, Иероним Павлович! И даже успели кое-что сделать, прямо в машине — пока вы не пришли в себя и не исчезли столь... необычным образом! Если бы не наши старания, вы бы, между прочим, могли и вовсе не очнуться. Сам я действительно не врач, но медработники у нас в машине были, можете потом у них поинтересоваться.

Ерпалыч молчит. Вместо него вновь встреваю я. Парень говорит очень убедительно, ему хочется верить, но я разучился верить с лету — и поэтому пытаюсь найти брешь в его аргументах.

— Ну хорошо, вы добрые самаритяне и вообще альтруисты! Зачем тогда нужен был весь этот маскарад? Белые халаты, завкардиологией, похищение?.. Зачем врать-то было?

— А скажи я вам правду, вы бы мне поверили? — хитро щурится парень, и «гусиные лапки» шустро разбегаются из уголков его глаз к вискам. — Про заинтересованность в господине Молитвине, как в ценном работнике, про то, что наши врачи гораздо быстрее поставят Иеронима Павловича на ноги — и медикаментами, и заговорами, о каких в обычной храм-лечебнице отродясь не слыхали... Поверили бы?

Я молчу. Крыть нечем. Конечно, не поверили бы. Ни я, ни тем более Фол с Риткой.

— Или вы предпочли бы и дальше препираться с бюрократами из неотложки? Слушать мои объяснения-заверения, спорить, сомневаться — а потом обнаружить, что Иероним Павлович, прошу прощения (вежливый кивок в сторону моего спутника), уже окоченел? Такое знакомство вам понравилось бы больше?

Да, он умеет быть убедительным, этот молодой напористый парень. Кажется, Снегурочки назвали его Колей?

— Ты бы хоть представился, мальчик Коленька, — недовольно бурчу я, почти сдавшись под напором его железной логики. — Славное дело: ты нас знаешь, чешешь как по писаному, а вот мы тебя...

На «ты» я называю его из принципа. Довольно дурацкого принципа, наверное.

Парень звонко хлопает себя ладонью по лбу.

— Простите, господа! Совсем забыл... — Он смотрит на подмерзающие останки Снегурочки и тихо улыбается сам себе. — Полагаю, «мальчик Коленька» не устроит обе высокие договаривающиеся стороны. Знаете что? — зовите меня Лелем. Пока.

— Пока что, Лель? — подает наконец голос Ерпалыч.

— Пока мы не познакомимся с вами и Олегом Авраамовичем поближе, — оборачивается к старику Коля-Лель.

— А вы считаете, таковое знакомство необходимо высоким договаривающимся сторонам? — ядовито интересуется Сват-Кобелище, и я мысленно ему аплодирую.

— Считаю. — Лель мгновенно становится серьезным. — И еще раз приношу извинения за все возникшие недоразумения. Поверьте, мы сами об этом сожалеем! И сотрудничество наше будет строиться на условиях, с лихвой компенсирующих... э-э-э... былые затраты.

— Я знаю, ваш магистр на это уже намекал, — кивает Ерпалыч.

На долю секунды лицо Леля меняется.

— Магистр? — переспрашивает он. — Ах да, магистр... конечно!

— Не далее как сегодня, — усмехается старик. — Должен отметить, вы работаете весьма оперативно.

— Стараемся, — расцветает Лель, но на сей раз его улыбка похожа на искусственный цветок.

— Итак, что вы конкретно хотите нам предложить? — Ерпалыч наконец решил взять быка за рога, и я полностью с ним согласен.

— Работу в нашем центре. По вашему профилю. Изменение реальности, методы воздействия, приспособления, рычаги давления и управления. — Лель явно увлекся. — Только вместо любительских спектаклей — профессиональный театр. Отличное оборудование, библиотека, доступ к любым материалам. И оклады, между прочим, соответствующие вашей квалификации.

— Ну-ну, не преувеличивайте, молодой человек! Сами только что в Берендеево царство игрались! К чему вам пара доморощенных кустарей — с такими-то возможностями?!

— Не прибедняйтесь, Иероним Павлович! — перебивает старика Лель. — Доморощенные кустари! — Он даже фыркает. — Один после инсульта ухитряется *обернуться* и уйти у нас из-под

самого носа, другой удирает от группы захвата верхом на китоврасе...

— На ком?

— На китоврасе... ну, это старославянское название кентавров! Дело в том, что наша терминология несколько отличается от общепринятой...

И тут меня наконец понесло! Заболтать нас решил, Колян? Не выйдет! Гладко стелешь, друг ситный!

— Китоврас?! — кричу я Лелю прямо в лицо, и он невольно отшатывается. — Это мой друг Фол — китоврас?! Это Папочка — китоврас?! Да сам ты китоврас, и все вы там китоврасы! Лечить они Ерпалыча собирались! Работник он ценный! А кто телефон ему отключил, чтоб «Скорую» вызвать не могли, а?! Кто полковника с громилами в мою квартиру прислал?! Стреляли в нас, понял?! Савву-электрика кто подставил, чтоб на дядька Йора выйти?! Кто Фимку в заложниках держит?! Отвечай, гад!

Я наконец выдыхаюсь и стою, тяжело дыша.

Кажется, произведенный эффект равен нулю.

— Можно отвечать? — вежливо интересуется Лель.

— Можно.

— Вот и чудненько. Отвечаю по порядку. Никаких телефонов мы не отключали. Зачем? Нам Иероним Павлович нужен живым и здоровым. Иначе к чему нынешняя встреча?

— Допустим...

Врет умело: ровно наполовину. Что старика от перенапряжения инсульт хватит, они и впрямь предугадать не могли. Так что насчет «живым и здоровым» — похоже, правда. А телефон вы отключили, господа хорошие! Как выяснили, что прослушивание накрылось, что «Куреты» — и в Африке «Куреты», так и оборвали связь.

Ладно, давай дальше.

— Далее, — невозмутимо продолжает Лель, — архистратигами командуют соответствующие органы. Захоти мы организовать подобный налет, цель явно не оправдала бы затраченных средств. Опять же, судя по вашим словам, Олег Авраамович, в вас стреляли Нашим сотрудникам такое и в голову не пришло бы, причем не только из-за псов Святого Егория, в просторечии — Первач-псов! Повторяю, мы заинтересованы в сотрудничестве, а не в конфликте!

— А кто же тогда?..

— Это мы сейчас выясняем, — сухо сообщает Лель. — Что касается электрика Саввы, то это действительно наша работа,

признаю. Но сами посудите: как еще прикажете искать неуловимого шамана из, простите за вежливость, Дальней Срани? Вы же, Иероним Павлович, конспиратор от Бога, — в голосе Леля звучит уважение, — мы к вам и на пушечный выстрел подобраться не могли! Насчет Саввы не беспокойтесь· его клиент позавчера забрал заявление, дело закрыто, а сам Савва получил пару-тройку очень выгодных заказов, сейчас квартиру в центре покупать собирается. И всем доволен.

Лель переводит дух.

Врет?

Нет?

Понятия не имею...

— И, наконец, самое серьезное обвинение: что мы якобы держим в заложниках доктора биохимических наук Ефима Гавриловича Крайцмана, вашего друга и бывшего одноклассника. Так?

— Так, — хмуро киваю я, уже предчувствуя, что Лель вывернется и здесь. Ну и черт с ним, пусть выворачивается — лишь бы с Фимой обошлось!

— Дело в том, что Ефим Гаврилович обвиняется в очень серьезном преступлении. Помимо сопротивления при аресте, на нем висит нанесение тяжких телесных... очень тяжких. Короче, сами понимаете. Нам удалось добиться его освобождения под залог, и сейчас он временно работает в нашем центре, а мы тем временем пытаемся замять дело и снять с Ефима Гавриловича предъявленные ему обвинения...

— Работает? — не очень-то вежливо перебиваю я Леля. — У вас?!

— А почему вас это удивляет, Олег Авраамович? Нам нужны не только специалисты по мифологии и нетрадиционному мышлению, мастера заговоров и оберегов. У нас работают физики, электронщики, программисты, врачи, биохимики... А Ефим Гаврилович — специалист высочайшего класса, нам такие нужны не меньше, чем вы с Иеронимом Павловичем. Как только нам удастся снять с него обвинения, мы немедленно подпишем с господином Крайцманом контракт. А до полного решения вопроса ему лучше некоторое время пожить в нашем центре; как говорится, от начальства и от греха подальше. Между прочим, у вас ведь тоже были некоторые проблемы с властями, Олег Авраамович? Вернее, с отдельными силовыми структурами... Что скажете?

— Нет у меня никаких проблем! — зло цежу я сквозь зубы.

— Теперь можете считать, что нет. Но — были. Вы думаете, они разрешились сами собой, по взмаху волшебной палочки? Мы не всемогущи, но у нас есть определенные связи... Не сомневайтесь, те, кто опрометчиво поторопился с налетом на вашу квартиру, успели об этом трижды пожалеть. И в любом случае они вас будут обходить десятой дорогой.

Молчу, угрюмо глядя в землю.

— Я понимаю, сразу поверить мне вы не можете. Давайте сделаем так: я организую вам экскурсию в наш исследовательский центр. И ваших приятелей-кит... кентавров можете с собой взять — думаю, им тоже будет небезынтересно. Мы ведь не спецслужба, не разведка, не тайная секта. — Лель усмехается. — Никаких особых секретов у нас нет. Особенно для людей вашего типа. Договорились?

Я беспомощно оглядываюсь на Ерпалыча.

Старик, подумав, кивает.

— Договорились.

— Вот и отлично! Я позвоню вам до конца недели — как только уточню у начальства время для визита. И на этом прошу разрешения откланяться.

Мы вяло прощаемся, и Лель беспечной походкой отправляется обратно — фланировать вверх по обледенелому склону.

А у меня перед глазами стоит Та, отчаянно пытающаяся вырваться из смертельных объятий Леля.

Почему-то очень жаль Снегурочку.

Вторник,
двадцать четвертое февраля

Мы едем, едем, едем в далекие края * Гостеприимство по-малыжински * Цунами в Южной Каролине * Электрик машинного доения * В опасении постороннего насилия своей девственности * Фима-Фимка-Фимочка

1

...За окном просигналили — тема «Сердце красавицы склонно к измене» в исполнении на Иерихонской трубе. Специально для эксгумации мертвых поротно. Я сорвался с места и подбежал к окну. У подъезда обнаружился новенький темно-синий «Вольво» с затемненными стеклами, а рядом с машиной стоял Лель — в знакомой светло-бежевой куртке и белых брюках.

Рукой мне махал: спускайтесь, мол!

Модельная прическа ненавязчиво отлакирована, разделена ровной стрелой пробора, но чуб самовольно упал на высокий лоб, щекоча ироничную дугу брови. Розовый блеск кожи напоминает о рекламе мыла, а когда он смеется, кончик прямого носа чуть-чуть закругляется вниз, к родинке над верхней губой, отчего любому без видимых причин сразу хочется рассмеяться в ответ. Стрелки на брюках идеально прямые, стоят заглаженными лезвиями, и когда он идет своей легкой, летящей походкой, то кажется — воздух слегка присвистывает, расступаясь.

И еще: при разговоре он всегда смотрит в лицо собеседнику, но не в глаза, а рядом, и поймать его взгляд невозможно.

Вот он какой, Лель, обаятельный истребитель Снегурочек...

— Это не конец света, — сообщил я в ответ на немой вопрос Ерпалыча и посмотрел на часы: три двадцать пять. — Это за нами. Пошли вниз, иначе они всю улицу переполошат. А вы, Идочка, на всякий случай запишите номер и марку машины: синий «Вольво» № 672-45 ХК. Если мы до завтра... нет, до послезавтра не объявимся — звоните прямо Ритке. Телефон я вам оставил, на тумбочке.

Идочка судорожно кивнула, Ерпалыч бодро покинул кресло, в котором обосновался минут сорок назад, и мы отправились одеваться.

Мой старый календарь при этом уведомил меня, что сегодня славный денек *«кудряв волос стричь, дабы мозг был ясен и весел»*; Идочкин календарь возражал, рекомендуя *«вбивать гвозди во зло и порчу»*, а также вызвать дух умершего для трех ответов.

По-моему, все складывалось наилучшим образом.

Фол и Папа, оказывается, тоже были здесь, на улице, — и как это я их из окна не заметил? Прятались, что ли?

— Привет. А Пирр где?

— Занят гнедой. Дела у него сегодня, — бросает в пространство Фол, независимо щелкнув хвостом.

Можно не размышлять, что за «дела» у Пирра. Небось едва мы тронемся, за нами скрытно последует изрядная мотокавалерийская группа прикрытия во главе с гнедым китоврасом.

Тьфу ты, пропасть, слово-то какое дурацкое, а ведь привязалось!

— Добрый день, господа! — Лель уже спешит навстречу, широко улыбаясь. — Господа... и дама! Прекрасная дама, мечта любого рыцаря!!

Он галантно склоняется к руке Папочки, тронув губами матовую кожу запястья, чуть повыше кожаной перчатки — и надо же! — Папочка неожиданно расцвела, зарделась и, кажется, даже малость смутилась. Когда еще дождешься: двуногий кавалер ей ручку целует! Впрочем, у кентов всякие телячьи нежности, насколько я знаю, вообще не приняты.

— Ах я, растяпа! — внезапно хлопает себя по лбу Лель знакомым жестом. — Надо было микроавтобус пригнать!

— Это еще зачем?

Фол недоуменно моргает, втайне ища подвоха.

— Как — зачем? Для вас. Вы ведь в *это* не влезете! — Лель кивает на «Вольво».

— А мы своим ходом, — многообещающая улыбка Папочки цветет махровой сиренью. — Если яхонтовый пожелает, еще и его подвезти сможем! Эх, дальняя дорога, король червовый!..

— А не отстанете?

— Если дорогу покажешь — гляди, чтоб самому не отстать!

Батальная картина маслом: «Фол принимает вызов».

Мечта Эрмитажа.

— Трассу на Богодухов знаете? Там у заброшенной деревни грунтовка на Малыжино — в курсе?

— Так... в общих чертах.

— Тогда гонки отменяются, — разводит руками Лель. — Еще заблудитесь... Ну что, поехали?

Салон машины внутри обит дорогой скрипящей кожей, а видно сквозь затемненные стекла прекрасно, как через обычные. Выходит, это они только снаружи — затемненные...

Мы с Ерпалычем усаживаемся на заднем сиденье, Лель устраивается впереди, рядом с водителем. Водила у них тот еще орел: плечи мощно распирают кожаную куртку, затылок в три складки, короткая стрижка (но не «братковская», а скорее боксерская, «ежиком») и совершенно пустой взгляд. Даже не просто пустой — тусклый, засасывающий, хуже омута. Будто саму твою душу на опохмел выпить норовит; причем безо всяких усилий со стороны его, взгляда, обладателя. Обладателю наплевать, обладатель вас всех в гробу видал, в белых тапках: и тебя, и душу твою... При нашем появлении он лишь коротко косится поверх мехового воротника — и далее вновь сидит, не

шевелясь, скифской бабой у музея краеведения. Хочется выяснить: дышит ли?

И где они такого типа откопали?

— Если хотите курить, — оборачивается к нам Лель с переднего сиденья, — то пепельница сбоку, в дверце. Сигарету?

— Спасибо, у меня есть. — Я достаю пачку «Атамана» и вопросительно гляжу на Ерпалыча.

Досадливая отмашка: курите, мол, Алик, я вам не указ, потерплю!

— Погодите-погодите... — бормочет старик, ухарским жестом сбив облезлую шапку на затылок. — Малыжино... Богодуховская трасса... Это бывшее имение Голицыных?

— Совершенно верно, Иероним Павлович.

Лель протягивает мне зажигалку.

Интересно, есть ли на свете хоть что-нибудь, чего старый Сват-Кобелище не знает? Я, например, вообще плохо помню, кто такие эти Голицыны. Вроде князья какие-то были, еще за царя Панька...

Прикуриваю. Одновременно, сытым котом на теплом подоконнике, начинает урчать двигатель. Я невольно слежу за движениями шофера — они на удивление точны и экономны. Профессионал. Сразу видно. Зря я на него бочку катил; а глаза... мало ли, у кого какие глаза!

Может, это контактные линзы отсвечивают?

Машина мягко трогается с места.

— Вот в этом самом Малыжине, куда мы с вами, Алик, сейчас благополучно едем, — птичья лапка Ерпалыча слегка треплет меня по плечу, — в девятнадцатом веке князьями Голицыными был основан дом призрения для душевнобольных и неполноценных граждан.

Дым встает мне поперек горла, и некоторое время я отчаянно кашляю.

— Дом презрения? Для психов? Собирали их туда скопом, садились вокруг в кресла средь шумного бала — и презирали?

— Это Олег Авраамович так шутит, — сообщает Ерпалыч с интересом слушающему Лелю. — Можете посмеяться, автору будет приятно. На самом деле ему прекрасно известно, что означает дом пр*и*зрения. Нечто вроде частной благотворительной клиники. Позднее, уже при Советской власти, к ней пристроили интернат для умственно отсталых детей. Если не ошибаюсь, он действовал как минимум до Большой Игрушечной...

— И сейчас действует. Вкупе с клиникой, — вежливо уточняет Лель.

— А, так вы нас к юродивым решили определить?! — Ерпалыч мгновенно превращается в язву двенадцатиперстной кишки. — Правильно, нам с Аликом самое там и место!

— Ну, в интернате не только юродивые, как вы их изволили величать! Там у нас разные люди есть...

— Фимка, например, — бурчу я себе под нос, но у Леля начинается мания величия: он если не Гойя, то Бетховен.

Глухой, в смысле.

Свернув на Рымарскую, машина сперва резко тормозит, а там и вовсе останавливается. Пробка. Толпа людей — человек сорок, не меньше, все в римских тогах, лавровых венках и сандалиях на босу ногу! — запрудила улицу, мешая проезду. Машут искусственными снопами колосьев, у многих на плечах глиняные кувшины с водой; женщины поголовно — с зажженными свечами, укрывают огоньки от ветра. Скандируют хором: *«Мать Светило, зять Ярило, дочь Звездило! Не злата-сребра прошу, не денег медных-бумажных, а прошу билетов продажных! Все дороги на мои пороги, во седьмом часу всех врагов зассу, люд хороший хлопнет в ладоши!»* Трое мужчин постарше прилюдно мочатся на тротуар; остальные зябко восхищаются — холодно ведь, не приведи Бог, замерзнет! Жорики стоят поодаль, ухмыляются, но разгонять не спешат. И без того ясно: театр «Березиль» премьеру на удачу заговаривает. А которые облегчаются — директор театра, главреж и зав. постановочной частью.

Без этого дела никак, будь ты хоть Станиславский, хоть Шекспир самолично.

Наш «Вольво» сдает задом, сквозным двором выезжает в Классический переулок, и машина вновь набирает скорость.

— Уж не ваш ли центр эти богоугодные заведения и содержит? — упрямо возвращается Ерпалыч к старой теме. Сейчас старик не язвит, я это чувствую.

— Наш.

Лель абсолютно спокоен.

— Позвольте в таком случае полюбопытствовать, господин Лель: зачем вашему центру сия благотворительность? Опыты на душевнобольных кроликах ставите?

— Ну зачем же так, Иероним Павлович?! — Кажется, Лель обиделся или искусно притворился обиженным. — Хотя... отчасти вы правы! В числе прочих исследований мы лечим несчастных душевнобольных. Применяя новые, экспериментальные

методики. И результаты, смею вас заверить, изрядные! Приедете — сможете сами убедиться.

— Непременно, непременно убедимся! — заверяет нашего гида Ерпалыч. — А скажите-ка, если сохранился интернат и даже клиника — может, там у вас и еще кое-что уцелело?

— Что именно, Иероним Павлович?

— Помнится, в свое время Голицыны заложили в имении обширнейшие винные погреба с весьма и весьма ценным содержимым. Вдруг уцелел бочонок-другой? Не все в восемнадцатом разграбили?

Ерпалыч хитро щурится, пряча ухмылку в клочковатый ворот кожуха, и на сей раз я не могу понять: шутит старик или пытается выяснить что-то свое, мне совершенно неясное?

Лель долго медлит с ответом.

— Погреба-то сохранились, Иероним Павлович, мы их как подсобные помещения используем; а вот вино — увы! Вынужден вас разочаровать. Впрочем, если у вас есть карта, на которой обозначен не известный никому тайник, — я с удовольствием составлю вам компанию в качестве еще одного кладо... вернее, виноискателя!

В салоне повисает пауза, и я от нечего делать начинаю глазеть в окно. Неровная дорога изрядно обледенела, но «Вольво» идет ровно, без рывков, скорость практически не чувствуется, надо отдать должное шоферу. Да и машина небось соответствующим образом заговорена. Гляжу на спидометр. Ну, ясное дело, идем под сто двадцать при знаках-ограничителях!.. Где оберег-нелегал брал, водила?! Ладно, свои люди... Поворот. Еще один. Подъезжаем к Окружной — я даже не заметил, когда мы пересекли Полтавский шлях. Справа мелькает синий указатель с белой надписью: «На Богодухов». Чуть позади катят Фол с Папой: кентавры явно решили особо не напрягаться и не играть в догонялки. Скорее всего Пирр со товарищи также следуют за нами — но в пределах видимости не показываются.

Это правильно. Глупо лишний раз светиться. А машину нашу кенты не потеряют — в последнем я уверен.

— А кроме призрения душевнобольных, — нарушает наконец затянувшуюся паузу Ерпалыч, — чем вы там в Малыжине занимаетесь?

— Вас больше интересует теория или практика? — с готовностью подхватывает Лель.

— М-м-м... пожалуй, теория. Кое-что из практики мы надеемся увидеть сегодня собственными глазами.

— Ну да, понимаю, — кивает наш гид. — Вы ведь всегда особое внимание уделяли теоретическим разработкам. И именно благодаря этому лаборатория «МИР», которой вы в свое время руководили, успела продвинуться столь далеко!..

Мне кажется, что я ослышался, хотя я не Гойя и уж наверняка не Бетховен. Может, это «Куреты» сказываются?!

— Руководили?! Ерпалыч, что он буровит?!

— Простите, Алик, что не сказал вам сразу, — оборачивается ко мне старый Сват-Кобелище. — Раньше не до того было... а в записках я поостерегся откровенничать. Разумеется, начинал я рядовым, почти случайным сотрудником, как и было описано, но со временем... Да, перед Большой Игрушечной меня сделали начлабом. Впрочем, теперь это не имеет никакого значения Тем более что истинное руководство института было совсем иным — к сожалению, я слишком поздно это понял... Да вы и так все знаете: слышали небось рассказ нашего друга-магистра?!

Вот ведь конспиратор хренов! Мог бы и сразу сказать, между прочим, — что я, после этого верить бы ему перестал? Или обиделся? Не до того ему, понимаешь, было! Вот теперь как раз я и обиделся... Почти.

— Алик, не обижайтесь! Неужели для вас так существенно, кем я был в институте — рядовым сотрудником или начальником лаборатории? Терпеть не могу этого военно-лагерного слова — «начальник», но моя должность, увы, называлась именно так!

— Да ладно, Ерпалыч, чего там, — примирительно машу я рукой. — Одно интересно: может, ты мне еще чего сказать не успел? За делами-хлопотами? Ну, к примеру, какая именно зараза Большую Игрушечную замутила, чтобы теории свои проверить?!

Ерпалыч в упор смотрит на меня, часто-часто моргая, и тут до меня доходит, *что* я ляпнул! Ведь он же это на свой счет принял!..

— Прости, Ерпалыч! Не слушай ты меня, трепача! Я ж писатель, Ерпалыч, у меня в голове одни интриги да сюжеты — сдуру могу такое ляпнуть...

Ерпалыч кивает и отворачивается.

Все, теперь не я на него, а он на меня обиделся.

— Зря вы это, Олег Авраамович, — встревает Лель, будто я и без него не знаю, что «зря»... — Большую Игрушечную действительно замутили, как вы изволили выразиться, со стороны.

Только местный филиал НИИПриМа, где работал Иероним Павлович, здесь ни при чем. Это была директива Центра. Главного. И исполнители были — оттуда. Кое-что нам удалось установить, хотя и далеко не все. А Иероним Павлович совершенно...

— При чем я, Алик. При чем, Лель. Очень даже при чем. Ведь это в моей лаборатории разрабатывалась тема «Акт Творения». Чисто теоретически, с моей тогдашней точки зрения. А они воспользовались... с-сволочи. Нет, я на вас, Алик, не в обиде. Просто... иногда как вспомнишь — тошно становится. Давайте просто посидим, помолчим. Со мной все в порядке, не беспокойтесь.

Не то чтобы совсем в порядке — но рука Ерпалыча, подносящая ко рту таблетку валидола, почти не дрожит.

Мы послушно молчим.

Похоже, ехать нам осталось немного. Интересно, как он выглядит — этот центр в Малыжине, который магистр собрался возрождать, а Лель в нем, недовозрожденном, вовсю работает?

Надеюсь, он нас не разочарует. Дело не в тамошнем Фимкином заточении; и не в том, что нам улыбчивый Коля-Лель наврал, а что нет. Просто ежу ясно: магистры — магистрами, Лели — Лелями, а Малыжино — не просто исследовательский центр с уклоном в псих-альтруизм...

* * *

...Магистру мы звонить не стали. Зачем? Все как на ладони: приезжий шеф переговорил с нами, воткнул местным работничкам фитиль под хвост, они и засуетились — мы уже трудимся, уже везем, привлекаем, убалтываем...

Оставалось ждать звонка от Леля, каковой звонок и состоялся на следующий день, ближе к вечеру. «Мальчик Коленька» пообещал заехать за нами через три дня, около половины четвертого пополудни. «Раньше, извините, никак не получается — график, эксперименты...»

Мы пожали плечами и стали ждать. Жизнь без событий, бьющих ключом? — два дня райского блаженства! Ерпалыч вернулся в свою старую квартиру, где и засел отшельником. Фол укатил обратно в Дальнюю Срань, организовывать визит: «Говоришь, и нас пригласили? Отлично! Кто ходит в гости по утрам...» — и вжжик по улице. Идочка перестала от меня шарахаться, ожидая, что я вот-вот на нее наброшусь и съем. Думаю, кинься я на нее с иными целями — она бы не возражала. Для Идочки я явно перешел

из разряда «больных» в разряд «мужчин». Мужчин загадочных и опасных. Видимо, это ее возбуждало.

В другое время я бы... но сейчас, сидя как на иголках в преддверии экскурсии, мне было не до шашней с сестрой милосердия.

Пытался продолжить роман. Шло туго. Мысли разбегались муравьями, текст трещал по швам. Позвонил главреду — и на удивление легко добился отсрочки на месяц...

Впрочем, нет. Одним событием меня Бог не обделил. Среди ночи в гости заявилась Эра Гигантовна и весьма бесцеремонно извлекла меня на улицу (вернее, в подвал) — для интимного разговора, каковой разговор и не замедлил состояться.

Вспоминать об этом не хотелось. Неожиданно и больно. В прямом и переносном смысле слова. Кто мог знать, что интересую следовательшу уже не я, и даже не Ерпалыч, а мой брат Пашка! И не столько сам Пашка...

Все, хватит!

...Тем более что мы почти приехали.

2

Действительно, наш «Вольво» замедлил ход и плавно свернул с трассы. Боковой аппендикс-грунтовка для начала встряхнул нас, мы прибавили скорости, вспугнув оголтелое воронье над скелетом лесополосы, — и перед нами распахнулся новый пейзаж.

Земля без радости.

По левую руку виднелось старое кладбище с покосившимися крестами и редкими каменными надгробиями, закутанными в зимние саваны. Местами в снегу чернели свежие проплешины: похоже, кое-кого здесь хоронили совсем недавно.

По правую руку молчало заброшенное село — останки хат, щербатые челюсти заборов, холодные, давно забывшие о тепле и дыме, печные трубы, ржавые рога телевизионных антенн... У меня создалось жутковатое впечатление, что все селяне в одночасье переселились прямиком через дорогу.

Из гостей на погост.

Дальше, за селом, проглядывало ровное матово-блестящее пространство, и я не сразу догадался, что это — замерзший пруд. Вон и темные промоины; в лед вмерзло несколько рыбачьих лодок. Чуть наискось от грунтовки, на холме, возвышалось кирпичное строение без крыши.

— Это была церковь. XIX век, — сообщил воспрявший духом Ерпалыч.

За развалинами церкви виднелся одинокий домик; там, наверное, в свое время проживал местный батюшка. Однако разглядывать церковь и предполагаемый дом священника я не стал, потому что перед нами уже вырастали корпуса былой усадьбы, окруженные внушительным забором.

Забор был сделан на совесть: красного кирпича, метра четыре высотой! Для полноты впечатлений не хватало только колючей проволоки по гребню. Зато перед кирпичной кладкой гостеприимно возвышалась еще одна ограда: кованая, чугунная, вся в витиеватых завитках и со стреловидными остриями поверху. Правильно, красота красотой, а попробуешь перелезть — вся задница в дырках будет! Если ты, конечно, не ниндзя какой-нибудь, который «по небу летает и бегает плашмя по стенке».

Небось еще князья Голицыны ставили, чтоб психи от их княжеского призрения не разбежались.

Дорога шла теперь вдоль самой ограды, и кирпичная стена нависла над нами, напрочь закрывая виды на местные достопримечательности. Зато мы для зрителей из усадьбы наверняка были как на ладошке: пару раз я заметил установленные на стене новенькие телекамеры с круговым обзором.

Ворота оказались под стать ограждению: такие только танком вышибать. Или из пушки. Зато открылось сие фортификационное сооружение само, водителю даже сигналить не пришлось.

Нас явно ждали.

Я оглянулся — где там Фол с Папой? — но все было в порядке: оба кентавра чинно въезжали в ворота вслед за нами.

Справа и слева проплывают заснеженные деревья местного парка, а в лоб на нас надвигается трехэтажное здание со стрельчатыми окнами. Ко входу ведут широкие ступени. Чуть не доезжая до них, водитель вновь сворачивает — и глушит мотор. Стоянка. Интересно, раньше Голицыны и их гости здесь свои экипажи оставляли? А сейчас рядом расположились «Рено» цвета «мокрый асфальт», наглый «мерс» из последних, красная «Мазда», и только в углу сиротливо жмется старый «жигуленок».

Приехали.

Просьба освободить вагон.

— Это наш главный корпус... следуйте за мной.

Сбоку к ступенькам на скорую руку пристроен дощатый

пандус, застеленный ковровой дорожкой. Я не верю своим глазам. И о кентаврах позаботились! Пускай кенты и по ступенькам скакать горазды (сам видел, и не единожды), но вот ведь — проявили внимание!

Прежде чем подняться по ступенькам к гостеприимно распахнутой Лелем двери, оглядываюсь по сторонам. Левее, в глубине парка, виднеется еще одно здание, чуть побольше, четырехэтажное. Справа от главного корпуса приютилась стайка флигелей, гаражи, крытые шифером сараи. Ладно, посмотрим теперь, что у них внутри.

Как говаривал в свое время ослик Иа, оказалось, что «внутри не хуже, чем снаружи». И даже, можно сказать, лучше. Теперь я уверен: обещая нам в перспективе славные оклады, Лель не врал.

С порога, что ли, согласиться?

Сразу у входа — гардероб. При полном отсутствии бдительного гардеробщика.

— Не сопрут? — шутливо интересуюсь я, разоблачаясь.

— У нас не воруют, — сухо уведомляет Лель.

Я ему верю.

Особенно когда взгляд цепляется за висящий на положенном месте, справа от входной двери, оберег-манок. Позолоченные ножны от старинной (небось еще голицынской!) сабли. Неужели местный управдом здесь еще с позапрошлого века живет?! Ничего себе шуточки...

От дальнего конца фойе вверх поднимается широкая мраморная лестница, и правая ее половина опять же превращена в пандус для въезда кентавров. Нет, они все-таки молодцы! Небось в мэрии, к примеру, до такого бы в жизни не додумались! Просто в голову не пришло бы.

— Предлагаю пока подняться наверх, в комнату для совещаний. Там я вам кратко обрисую рабочую ситуацию, а вы сами решите, с чего начать.

Возражений не поступает, и мы поднимаемся на второй этаж. В глубь коридора уходят два ряда одинаковых строгих дверей с табличками: «Зам. нач. по науке»; «Бухгалтерия»; «Отдел планирования экспериментов»; «Зав. экспериментальной частью»; а вот и «Комната совещаний».

Заходим.

Н-да, не комната, а средних размеров зал. Монументальный дубовый стол в форме буквы «Т», мягкие кресла с подголовниками, в углу — два журнальных столика, пушистые коврики на

полу (явно для кентавров; и это предусмотрели!); на стене — плоский японский телевизор.

Мы еще только начинаем рассаживаться, когда в кармане у Леля пищит голодный птенец и наш гид поспешно извлекает на свет Божий миниатюрную трубку сотового.

— ...Да, приехали... нет, но собирались... да, понял, сейчас буду.

Немой вопрос в наших глазах.

В ответ Лель виновато разводит руками:

— Извините, начальство срочно вызывает.

— Магистр? — интересуюсь я. — Он тут?

— Нет, магистр... не здесь. У него других дел хватает. Я ненадолго, минут через десять вернусь. Вы пока располагайтесь...

Мы располагаемся. От нечего делать я подхожу к телевизору, обнаруживаю на журнальном столике дистанционку и наугад жму кнопку первого попавшегося канала.

— ...блокировали все подступы к столице КНР, — ударяет из динамиков голос диктора. В голосе звучат тщательно выверенные трагические нотки. — Возбудитель эпидемии пока не выявлен. Пекин объявлен карантинной зоной. Готовится эвакуация еще не подвергшейся заражению части населения. Специализированные медицинские бригады совместно с армейскими подразделениями осуществляют контроль...

На экране мелькают узкоглазые лица, наполовину скрытые марлевыми повязками. Куда-то гуськом бегут люди в военной форме с кургузыми автоматами на груди, кого-то на носилках загружают в санитарную машину с красным крестом...

Вот это да! Это же столичный канал, международные новости! Ни у меня, ни у моих знакомых этот канал не ловится, его транслируют только по спутниковому телевидению. А здесь, выходит, ловится! Небось и своя «тарелка» на крыше имеется. А на нее, между прочим, разрешение требуется, и получить его ой как непросто! Фима в свое время пробовал. Не дали. Славно они тут устроились!..

— Правительство Бразилии приняло решение о вводе войск в Манаус, где в течение последних месяцев наблюдались массовые волнения и беспорядки. В городе введено чрезвычайное военное положение и комендантский час. Создана специальная правительственная комиссия по чрезвычайному положению, в которую вошли представители министерств обороны, внутренних дел, здравоохранения, начальник комитета нацио-

нальной безопасности и другие лица. Возглавил комиссию лично Президент Бразилии Хуан-Карлос де Сомарильо.

Танковая колонна пылит на марше. Пронзительно-голубое небо над головой, внизу — буйная тропическая зелень, которую разрезает уходящая к горизонту асфальтовая стрела шоссе; и там, на том конце этой стрелы, медленно поднимается к равнодушному небу зловеще-черное облако дыма...

— Во дают!.. — изумляется за моей спиной Фол.

Конечно, все прилипли глазами к экрану. У нас такого не показывают. Если и упомянут — то лишь в какой-нибудь газете, парой строчек мелкого шрифта на последней странице. Вроде бы все к этому давно привыкли — а вот поди ж ты! Дорвались, теперь и за уши не оттащишь!

Вот так мир накроется медным тазиком, и мы об этом через неделю узнаем из газет — мелким шрифтом на последней странице.

Почешем в затылке и спать пойдем.

— Трагедией закончились плановые маневры 6-го флота ВМС США у побережья Южной Каролины, — знакомое название гулко отзывается в голове. Южная Каролина... Да ведь там Пашка! Который уже не совсем Пашка или совсем не Пашка, но все равно — он мой брат!

С этого момента мне плевать на тон диктора, на эпидемию в Пекине, на волнения в бразильском Манаусе: экран разом надвигается на меня, заполнив все вокруг, заслоняя комнату для совещаний, и голос диктора набатом звучит в ушах:

— ...Гигантская волна-цунами, достигшая шестидесяти метров в высоту, внезапно возникла у Атлантического побережья США. В результате катастрофы пошли ко дну одиннадцать военных транспортов, шесть кораблей сопровождения и авианосец «Либерти». Имеются серьезные разрушения на побережье. Число жертв уточняется, но уже сейчас количество погибших оценивается десятками тысяч. В США объявлен трехдневный национальный траур.

Диктор выдерживает скорбную паузу.

— По непонятным причинам уцелел ряд рыбацких судов и лодок, находившихся в море на момент катастрофы. Эпицентром землетрясения, вызвавшего цунами, по предварительным данным, является Стрим-Айленд — небольшой остров у побережья Южной Каролины. Однако сам остров совершенно не пострадал. Ученые пока не могут объяснить этот феномен.

А сейчас предлагаем вашему вниманию любительский видеоматериал, в котором запечатлен фрагмент катастрофы.

Стена воды до самого неба. Кажется, она застыла на месте, но это лишь обманчивая иллюзия. Стена не движется — она растет, словно подтягивая к себе берег и человека с камерой. Как ему удалось уцелеть?

Камера скользит вниз, и становится видно, как волна одну за другой поглощает утлые скорлупки мечущихся в панике судов; мне кажется, я отчетливо слышу, как рвет уши треск разламывающихся на части кораблей, предсмертные крики ужаса обреченных...

А потом на миг камера взлетает вверх — и на самом гребне волны я вижу...

Да, это он!

Н'даку-ванга!

Огромная акула смотрится отсюда лишь маленьким червячком на вздыбленной спине гиганта, но сегодня мне дано *видеть*! И я *вижу*: чуждый океанский бог завис над полем своей битвы, своего, личного Армагеддона, где лишь он волен карать и миловать, дарить или отнимать жизнь, — а из лоснящейся спины, прямо из чешуи, страшным наростом торчит голый человеческий торс со скрещенными на груди руками. Человек и акула, апокалиптический кентавр, восставший из морских глубин. В глазах человека мне чудится боль и в то же время — понимание. Боль — ему приходится творить кошмар; и понимание — по-другому нельзя!

Лучше так, чем...

— А, вы тут новости смотрите? Что это там? Цунами? Впечатляет!

Но я уже не слышу вернувшегося Леля, не слышу диктора, вещающего о возможном применении сейсмического оружия...

Пашка! Что случилось там, в твоей Южной Каролине, что ты был вынужден пойти на такое?! Еще тогда, на Выворотке, я понял: человеческие души равной мерою не мерьте! — а нечеловеческие... Верю: иначе было нельзя. Верю: тот, частью кого ты сейчас являешься, ведал, что творит... Пашка, Пол Рыборукий, несчастный мальчишка! — что случилось на просторах твоего океана, против чего тебе пришлось восстать во всей мощи акульего бога?!

Неужели нельзя было как-то иначе?!

Не свою ли судьбу вижу я сейчас на плоском экране?!

— ...Добрый день, господа! Рад приветствовать вас в наших стенах...

Незнакомый густой бас выдергивает меня на поверхность, и я нахожу в себе силы обернуться.

Дородный чернобородый мужчина в отличном костюме-тройке и при галстуке, заколотом тонкой змейкой с бриллиантовыми глазками, протягивает мне руку. Машинально жму крепкую ладонь, бородач представляется, но его имя-фамилия влетают мне в одно ухо, чтобы вылететь из другого — ощущение почти физическое. Сейчас мне не до центра, не до Леля с бородачом, не до... Фима! Нет, все-таки мне есть дело до происходящего здесь. А потом — Пашка. Я должен снова увидеться с ним, не знаю как — но должен! После окончания нашей «экскурсии». Потому что здесь — Фима.

Кажется, мне удалось договориться с самим собой и избежать раздвоения личности.

— ...ты б, Лель, гостей сначала обедом покормил, что ли? Какие прогулки на голодный желудок...

А ведь прав бородач! Пообедать-то мы и не успели.

Общее согласие, в результате чего бородач откланялся, а Лель повел нас вниз — питаться.

— Лель, а кто это был? — трогаю я по дороге за рукав нашего гида.

— Как — кто? — Лель явно удивлен моим невежеством. — Это наш шеф!

«А магистр?» — хотел спросить я.

Но передумал.

3

Мы миновали фойе и спустились еще ниже. Подвал? Подземный этаж? Скорее, второе. И есть серьезное подозрение, что подземный этаж тут не один. Такой же коридор, как наверху. Только потолки пониже и пол не паркетный, а застелен линолеумом. Двери по обе стороны белые, металлические — но тоже с табличками. Дверь с надписью «Щитовая» оказалась приоткрыта, и я немедленно сунул внутрь свой любопытный нос, едва не столкнувшись лбами с Ерпалычем, которого почему-то тоже заинтересовала щитовая.

На первый взгляд ничего особенного. Все стены — в распределительных щитах с многочисленными черными рычажками. В углу — большой железный шкаф, скалится циферблатами

приборов и мигает похмельными красными глазками индикаторов. Шкаф весь расписан рунами и заговорными знаками, часть из которых я узнаю. У шкафа, в совершенно неожиданном здесь офисном кресле, спиной к нам сидит Тех-ник в синем рабочем халате. Он поглощен работой, и, приглядевшись, я обнаруживаю, что он методично таскает туда-сюда вышитый платок, продетый сквозь хромированную ручку. Платок потрескивает и искрит. Рядом, на деревянной подставке, горит толстая витая свеча перед плохо различимым отсюда образком.

Свеча явно не для освещения: в щитовой под потолком сияют две мощные лампы.

— Вот так они, значит, энергостанции и доят, — констатирует Ерпалыч, после чего мы наконец трогаемся дальше. — А знаете, Алик, как это на городской подстанции делается? Платочком не обойтись, там удой на гигаватты считается... Приходится закрутки делать. Красотища! — вот такенные кабели узлами скручены, Лектрючки табунами шастают, а вокруг хоровод голых Тех-ников женского полу не старше двадцати пяти! И хором, пока семь потов не сойдет: *«Мое слово крепче, чем железо, на закрутку нет переговору, я кручу, подруженьки вяжут...»* Мы ведь от энергоснабжения отрезаны — электричество, газ; уже третий... нет, четвертый год. Приходится доить. А снаружи утечки, недостачи, козлы отпущения шкурой платят! Удивляются: область отключена, а при этом даже против прежнего лимита вдвое-втрое потребляет...

Вот так век живи... как в старом анекдоте: «А дустом пробовали?» Может, и пробовали, а нет, так попробуют. Живем, однако!.. Ладно, проехали.

По пути мы успеваем заглянуть еще в две открытые двери и обнаружить медицинскую лабораторию, а следом — компьютерный центр: ряды включенных мониторов и огоньки модемов.

Здесь небось Интернет доят. Вприкуску. Инфу всякую качают, программы, новости, секреты... Грех не подержаться за сосцы, если и сами горазды, и Те на них пашут — и за страх, и за совесть, и за кровушку жертвенную...

— *Ухоронка моя заклята, не ворогом ложена, не ворогом взята, аминь, аминь, лиходей меня минь...* — доносится из-за ближайшего монитора гнусавый тенорок. Заговор мне знаком, такой читается на сохранность почтового ящика; только без последних слов.

Сворачиваем за угол, и тенорка больше не слышно.

За поворотом — столовая.

Она больше напоминает кафе: стильная дубовая обшивка стен, мягкие стулья, круглые столики (опять же, у одного из столиков лежат два новеньких коврика для кентавров), в углу — стойка, как в баре. Тихий перебор струн в невидимых динамиках; и пахнет на удивление вкусно.

— Борщ с пампушками будете? — Официант материализуется перед нами из воздуха: усики стрелочками, черные волосы гладко зачесаны назад, глаза внимательные; белая накрахмаленная рубашка, узкий черный галстук и черные же отутюженные брюки. Н-да, такой красавец в любом ресторане ко двору бы пришелся!

— Ясен пень, будем! — отвечает за всех Фол, а я не отвожу взгляда от официанта: интересно, как он на кента отреагирует?

Никак.

Клиент есть клиент.

Пусть и кент.

— Пять порций борща...

Мы дружно закивали.

— На второе есть котлеты по-киевски, плов, тушеный кролик с гарниром, ромштекс...

— Котлеты. По-киевски, — оборвал Фол этот перечень, который грозил затянуться надолго.

К Фолу присоединились все, кроме Ерпалыча, который заказал плов, причем наверняка только из чувства противоречия.

Перед нами немедленно возникли пять глубоких тарелок с руническим орнаментом по краю, а следом официант торжественно водрузил на стол дымящуюся кастрюлю с борщом. Нес он ее так, будто это были по меньшей мере омары в белом соусе ла-робера (ел я их один раз в кабаке на халяву; ничего особенного, кстати).

Я смотрю на старого хрена Ерпалыча, а старый хрен Ерпалыч пристально смотрит на нашего официанта; вернее, на его руку, которой тот придерживает кастрюлю, аккуратно наполняя тарелки благоухающим борщом.

Интересно, что старик высмотрел? Когти львиные?!

Когтей на руке официанта не обнаруживается, да и вообще, рука как рука... и тут до меня доходит! От кастрюли несет жаром, я сам вспотел, просто сидя рядом, — а наш официант совершенно спокойно держит кастрюлю *голой рукой*, причем не за ручку, а прямо за раскаленный бок!

Когда официант удаляется прочь, я воровато протягиваю палец к кастрюле — ближе, еще ближе, еще...

И, естественно, обжигаюсь, едва не заорав от боли.

Лель беззвучно смеется, созерцая последствия моего эксперимента.

— Поверьте, Олег Авраамович, полгода — и для вас такая шутка будет проще пареной репы. А если еще взять водицы после обмыва покойника да заговорить врагу на холодную постель, себе — на восстановление власти... Впрочем, это не застольный разговор. Потом, если пожелаете. Приятного всем аппетита.

Обед прошел в молчании.

Под занавес мы выпили по бутылке «Монастырского темного» и начали, отдуваясь, выбираться из-за стола.

— Ну что ж, командуйте, куда сначала двинемся, — интересуется Лель.

— Как — куда? — Изумлению Ерпалыча нет предела. — Разумеется, к психам! Мы ведь с вами договаривались...

4

Узкая ладонь Леля легла на глянцевое тело замка. Миг — и внутри сухо щелкнуло, хотя я не видел ни пластиковой карточки-ключа, ни запорного знака, а для распознавания отпечатков пальцев этот замок был слишком простоват.

На морде написано.

Кстати, открывающего слова Лель тоже не произносил — я бы услышал.

Миновав внутреннюю решетку, мы гуськом прошли в ту часть сада-парка, которая примыкала к «дуркину дому». Я шел сразу за Лелем, мурлыча под нос старую песенку, весьма любимую отцом (проклятие!.. надо учиться говорить — «покойным отцом», да язык сразу костенеет...):

Ах, у психов жизнь —
Так бы жил любой:
Хочешь, спать ложись,
Хочешь, песни пой...

Аккуратные скамеечки стояли вдоль аккуратных аллеек. Сразу представлялось: умственно неполноценные чинно сидят здесь летом и осенью, в первом случае нюхая цветочки, а во втором — грызя яблоки. Сорванные здесь же, с местных «симиренок» и «розовых наливов», стерильно вымытые в маленьких фонтанчиках у обочин... Красота! Хоть самому пускай слюни и

просись на постой. Впрочем, уже вроде как напросился... Было не очень холодно, и я шел в одном свитере, не удосужась забежать в гардероб за курткой. Ерпалыча силком заставили напялить его кожух, из уважения к возрасту обоих; а кентам было на погоду чихать с присвистом. Вон, катят себе позади... остановились, пошептались — и рванули наискосок, через засыпанную снегом клумбу.

Я посмотрел на Леля: наш Вергилий отнесся к шалостям Фола с Папочкой с веселым пониманием.

У бетонной стелы с изображением городского герба (рог изобилия, копия Минькиного украшения, только более полезный в обиходе) прогуливались две старушки. Обе в одинаковых плащах-стеганках на искусственном меху, с капюшонами. Костистое личико первой все время подергивалось мелким тиком, подмигивало, словно у мучимой любопытством мумии; вторая, толстенная матрона, шествовала чинно — этаким ожившим памятником боевому слону.

— Здрасьте, — хором поздоровались старушки, едва мы приблизились.

— Здравствуйте, — вежливо поклонился Лель (я кивнул, а Ерпалыч — тот и вовсе промолчал, грубиян старый!) и бросил мне через плечо: — Знаете, Олег Авраамович... вон та, что побольше, — она уже лишних года два живет! Представляете?!

Хоть бы голос понизил, красавец!

— Это в каком смысле «лишнее живет»? — Беспричинное раздражение копилось во мне, ища выхода. — Пришить хотели, да все недосуг?!

Ослепительная улыбка была мне ответом.

— Чушь порете, извините! Нашу Матрену Егоровну врачи еще позапрошлой осенью похоронили. Живьем закопали. Сказали: дескать, с месяц протянет — и все. Костоправы... Матрена Егоровна, как здоровьице?

— Вашими молитвами, — вместо толстой Матрены серьезно отозвалась мумия, дернув щекой. — Вашими молитвами, Лелюшка...

Ага, выходит, у него это постоянная кличка... или не кличка?

Боевой слон Матрена только остановилась и низко, в пояс, поклонилась всем нам; потом повернулась к кентаврам и поклонилась им наособицу, кряхтя от усердия, — и вот уже старушки идут себе дальше.

— Простите, Лель, — подал голос Ерпалыч. — Это у вас все население или как?

— Что вы, Иероним Павлович! Просто детей и... ну, считайте, тоже детей — их автобусом повезли в Дергачи, в зал игровых автоматов, мы его трижды в месяц арендуем. Кое-кто, правда, остался вместе с престарелыми; они там, в доме. Зайдем?

— Непременно. — Ерпалыч воспрял духом и даже зачем-то потрепал меня по плечу. — Непременно зайдем!

И мы пошли к дому, сопровождаемые бдительной Папочкой.

Фол поначалу отстал — тыкался по саду туда-сюда, вздымал снег бураном, словно пес, ищущий выхода; наконец он смирился и догнал нас у самого порога.

— Нету, — тихо уронил Фол, когда Лель первым вошел внутрь.

— Совсем? — поинтересовался Ерпалыч.

— Совсем. Даже не так: вроде есть, но заперто. И ключ в воду.

— Чего нету? — тоном оскорбленной невинности поинтересовался я.

Развели секреты!

— Того свету, — старик хмыкнул в бороду. — Слыхали песенку, Алик: «Лучше нету того свету»? Вот его и нету...

Ерпалыч скосился на меня и уточнил, предупредив обиду:

— Дырок на Выворотку, Алик. Нету их здесь; ни одной. Заперты. Я Фолушку просил глянуть... на всякий случай.

* * *

В просторной прихожей никого не было. Если не считать рослой девушки с косой до пояса: спиной к нам, она возилась в красном углу, возжигая лампадку. Спички ломались в ее руках, треща бессмысленными искрами; девушка вздыхала и начинала по новой. Я без особого смысла приблизился, встал у девушки за спиной. Пушистый затылок даже не дрогнул — видимо, занятие поглощало здешнюю аборигенку целиком. Нуте-с, кому мы мольбы возносим?.. я взял с журнального столика справочник, заложенный в нескольких местах обрывками газеты, вчитался.

«XX. О целительстве лишенных ума. 1. Блаженному Андрею, Христа ради юродивому (936; 15 октября). Андрей принял на себя подвиг юродства по особому повелению Божию и сподобился дара прозрения. (Молит. 197, 228, 240)».

Так, это понятно... и счастье, что мне никогда не доводилось

взывать к Блаженному Андрею... дальше... *«в зубной боли... Священномученику Антипе; будучи брошен мучителями в раскаленного медного быка, молил о благодати дара лечить людей в неутешной боли зубовной...»* — так, а я все больше святителю Ионе, митрополиту Московскому... будем теперь знать; дальше... ишь ты!

«I. Об избавлении от храпа. 1. Мученику Трифону (помню, помню — я ему об изгнании тараканов, регулярно...) *За свою святую чистую жизнь Трифон помимо прочего получил благодать избавления от храпа. (Молит. 118)»*.

Гляди, и номер молитвы тот же, что и от тараканов... может, я именно поэтому не храплю ночью? Натали еще радовалась!..

Девушка обернулась ко мне:

— Здласьте, дядя!

Я судорожно кивнул (грубый Ерпалыч привет передавал!) и постарался не отвести взгляд от ее лица. Не получилось — миг, и я тупо рассматривал красный угол, пялясь на зажженную наконец лампадку.

— Настя, поди в мяч поиграй! — пришел мне на помощь Лель, и Настя, радостно топоча, умчалась коридорами.

Только коса плетью мотнулась.

— С вами все в порядке, Алик?

Это Ерпалыч.

Заботится.

Ох, что-то я в последнее время совсем расклеился...

— Все, все со мной в порядке! Иду!

Но идти не получилось. Протянув руку, я, вопреки всем канонам, забрал от лампадки крайнюю иконку и воззрился на нее в недоумении. «Мученик Трифон» — гласила подпись в старославянском стиле. Нет, здесь какая-то ошибка! — я ведь точно помню, Трифон, он лысенький, круглолицый...

С образка на меня холодно щурился сорокалетний мужик с черной, коротко стриженной бородой.

Который час назад заглядывал к нам в комнату для совещаний.

И что самое удивительное: иконка с «лже-Трифоном» не потемнела после воззвания, как случилось бы с любым одноразовым ликом, — нет, она оставалась по-прежнему яркой и глянцевой, будто только что из типографии.

Если не ошибаюсь, наши архипастыри соборные по сей день мучаются: как образки, что в свободной продаже, многоразовыми сделать? И ничего не выходит: едва сбудется, лик гарью берется. А тут, в Малыжине, да еще с ложным образом... или дело именно в том, что образ ложный, подсадная утка?!

Сквозь чернобородый лик (которому, в общем-то, самое место на иконе, с нимбом и благостью во взоре) проступает иное: колючий прищур, взгляд исподлобья, яркий рот кривится снисходительно, с легким презрением ко всей дешевой шушере, какая может объявиться вокруг, а холеная, цепкая рука с золотым «болтом» на безымянном пальце небрежно швыряет на зеленое сукно стола горсть квадратных фишек из пластика.

И еще: всегда, при любых обстоятельствах прямая спина — с такой осанкой хоть на трон, хоть на эшафот.

Вот он какой, шеф Малыжинского дома призрения...

Воровато оглянувшись — мои друзья вместе с Лелем уже поднялись на второй этаж, лишь Папочка каталась на заднем колесе вдоль прихожей, дожидаясь меня, — я уцепил с полочки всю колоду образков. Она показалась мне непривычно толстой. Так, равноапостольной царице Елене (о покровительстве льноводам), святому пророку Давиду (об укрощении гнева начальников), «Пророк Наум-наведет-на-ум» (для спорости в науке)... блаженному Исидору Ростовскому (об урожае огурцов) — а вот и снова чернобородый.

На этот раз не под видом мученика Трифона, а в облике Ипатия Печерского, что от женского кровотечения.

— Папочка! — крикнул я. — Давай наверх, скажи нашим, я догоню!

Папочка кивнула, оправила кожаный галстук и по-прежнему на одном колесе лихо дала наверх.

А я наскоро перелистал колоду дальше.

Чернобородый обнаруживался еще трижды; восемь или девять иконок также навели меня на размышления... мама моя родная!

Подпись явственно гласила: *«Мученик Александр; в опасении постороннего насилия своей девственности или супружескому целомудрию»*. А над буквицами улыбался мне бич Снегурочек, их обаяние Лель.

Я сунул колоду в карман и побежал по ступеням.

5

Спутники мои обнаружились в маленьком актовом зале; второй этаж, третья по коридору дверь налево.

Боком протиснувшись в щель следом за Папочкой, я поспе-

шил опуститься на стул у стены. В противоположном конце зала, на средних размеров эстрадке, расположились пять или шесть обитателей Малыжинского дома призрения; замыкая кольцо, у дряхлого пианино сидела пожилая дамочка в белом халате.

Блондинка крашеная.

Врач?

Музработник?

— Вчера? — строго спросила дамочка, полностью игнорируя наше явление. — Или позавчера тоже?

— Тоже-е-е. . — протянул сидевший напротив нее старичок, щипая себя за седенькую эспаньолку.

Старичок был мал ростом, розов от природы, упитан и до чертиков напоминал доктора Айболита, впавшего в маразм из-за козней пациентов.

— Позавчера тоже-е-е... снилось...

— Что именно, Ашот Казбекович?

— Оно... голое... и тыту... тату... наколка на ляжке...

— Ну что? — обратилась дамочка к собравшимся. — Засчитаем Ашоту Казбековичу балл за честность?

Консилиум психов рьяно закивал головами, а дамочка полезла в баульчик (он стоял перед ней прямо на полу) и достала оттуда маленькую бараночку

Дети такие «сушками» зовут.

Бараночка с костяным стуком легла на крышку пианино, рядом с кучкой себе подобных.

— И еще это... — воспрял духом розовый Ашот Казбекович, косясь на вожделенный баул. — У Матрены кисель сворован... она заначила, а я сворован... и в унитаз вылил. Больше не буду... не люблю кисель, склизкий он, мцхэ джанавардзо...

Бурные аплодисменты, переходящие в овации, — и еще одна балл-бараночка ложится в пользу честного старичка.

— А теперь, друзья мои, — дамочка встала и захлопала в ладоши, призывая к вниманию, — теперь мы с вами пойдем к «алтаркам» и дружно сожжем эти приношения во здравие нашего дорогого Ашота Казбековича, а также во избавление его от искусов и дарование ему долгих лет жизни! Ну-ка, дружно: *глаголите ти рече...*

— *Мысли твои тече!* — вразнобой подхватили психи, надрываясь от усердия. — *Тече река крови-мозга, мозг жив-здрав, не тих и не лих, и не приче, а тиче!*

— *Сотри всю немочь с головы, с темени...*

— *С затылку, с висков, с разных телесов...*

— *Аминь!* Отлично, друзья мои! За мной!

Счастливый Айболит удрал первым, за ним потянулся к выходу консилиум во главе с дамочкой, вытирая головы невесть откуда извлеченными простынями (казенными, с синим клеймом).

Проходя мимо нас, все на мгновение останавливались и здоровались.

— Помогает? — деловито спросил Ерпалыч, когда мы остались одни. — Или так... психотерапия?

— Помогает, — отозвался Лель, — и клянусь! — В глазах его заплясали подозрительные искорки. — Еще как помогает. И во здравие, и во избавление... Идемте, сами увидите.

В комнате-подсобке, примыкающей к эстрадке, обнаружился пухлый альбом, под завязку набитый фотографиями. Открыв его примерно посередине, Лель пододвинул альбом нам с Ерпалычем.

— Любуйтесь!

В левом верхнем углу было приклеено черно-белое изображение. Я всмотрелся и ахнул. Добрый доктор Айболит здесь больше походил на Кощея Бессмертного, сразу после того как ему воткнули волшебную иголку в волшебное яйцо (помню, Ритка говорил: для возврата долгов весьма способствует). Далее: цветной, но еще весьма чахлый Ашот Казбекович, он же на стадии улучшения, он вчерашний, сегодняшний...

Эффект был поразительный.

Круче молодильных яблочек.

— Кстати, Олег Авраамович, — видимо, Лель решил меня окончательно добить, — та Настя, что внизу... вы еще смотреть на нее не отважились. Уверяю, год-два, и дело нормализуется. Красавицей ей не быть, а так... имейте в виду, осенью нашей Настеньке и спичек в руки никто бы не дал, а сейчас — пожалуйста!

Ерпалыч полистал альбом и куснул нижнюю губу.

— Воздействие на Этих методами воздействия на Тех? — осведомился он. — И до каких пределов?

— До *самых* отдаленных, — ответил Лель. — Кому как не вам, уважаемый Иероним Павлович, понимать! — до самых отдаленных.

— Угу, — буркнул старик и замолчал, дум великих полн.

А мне вспомнилась гибель Снегурочки.

* * *

За окно гурьбой набежали ранние зимние сумерки: подглядывать. Я потянулся, хрустнув позвонками, вышел из подсобки обратно в зал, оставив дверь открытой; и еще подумал, что вся эта экскурсия, Насти-страсти, совместные камлания престарелых — дымовая завеса. У Лелей-магистров другой интерес, козырный, им умник-Ерпалыч позарез нужен, они за него удавятся, в лепешку расшибутся или скорее всех вокруг удавят и расшибут. Вон, сперва провокацию налаживали, потом украсть пытались, теперь умаслить... гляди-ка! А старик-то наш раскраснелся, рожа сияет, интерес аршинными буквищами написан — короче, покочевряжится и сдаст трудовую в отдел кадров. Тиснут ему персональную иконку: псих Ерпалыч под личиной епископа Маруфа Месопотамского, от бессонницы и ночных искушений, кто умом скорбен, тем шибко пользительно... Интересно, а по городу сколько таких левых образков гуляет? Свечи им ставят, лампадки, мольбы по графику... Ерпалыч, ты ведь понимаешь, что это значит?.. ты лучше меня все понимаешь, хрен ты старый, много лучше! Не все ты мне рассказал, друг Молитвин, урезал мемуары-исповеди, да я и сам понимаю: кем-кем, а «шестеркой» случайной в своем замечательном НИИПриМе ты отродясь не был. Не морочь мне голову, начлаб «МИРа»...

— Скучаешь?

Это Фол. Катался-катался, да и подкатил ко мне. И ты тоже, Фолушка, многого недоговариваешь, есть и у тебя свои виды...

А у меня они есть?

Что у меня вообще есть, кроме чудовищной возможности переписать кусок жизни на выбор, исправить, испортить, покопаться пальцами в распахнутом чреве, упиться насмерть собственным солипсизмом?! — лишь для того, чтобы понять ослепительно и холодно: все будет как будет, ибо *супер пенис нон сальтос*, что в дословном переводе означает...

— Алька, ты чего такой смурной?

— Помнишь, — невпопад спросил я, видя, что Ерпалыч с Лелем вновь увлеклись поучительной беседой, а Папа не в счет, — помнишь, ты мне звонил? Перед самым налетом на квартиру? Беги, мол, подальше; встретимся, мол, где ты про Икаровы крылья узнал?

Фол остановился.

Внимательно посмотрел на меня.

— Помню, Алька. Ну и что?

— Да ничего... Просто интересно: откуда ты про налет заранее узнал? И про крылья? Я вроде бы никому не кололся, Ерпалыч — он вообще в нетях числился...

Кентавр вдруг заулыбался, гоняя желваки на высоких скулах; уголки его слегка раскосых глаз брызнули сетью «гусиных лапок»; и я невольно почувствовал — улыбаюсь.

В ответ:

— Дурак ты, Алька! Как есть дурак... чем и ценен. Докладываю, начальник! — про крылья мне Папочка изложила, пока ты в горячке валялся! Доволен?!

— А она откуда узнала? — не сдавался я, и впрямь чувствуя себя полным параноиком со всеми моими подозрениями. Или это так местные пенаты действуют?

Или вообще своих допрашивать легче, чем посторонних?!

— А она от Ерпалыча, — вместо Фола ответила Папочка из угла, где наша кентавресса внимательно рассматривала стенд на стене: обитатели Малыжина дружно обустраивают территорию. — Мне старик перед своим инсультом первой звонил. Сказал, утром с Аликом встретились у кинотеатра, об Икаре с Дедалом спорили, потом перцовку пили... где теперь искать, не знаю! А я ему про вашу встречу с Фолом в «Житне»...

Вот оно как просто, оказывается! И Ерпалыч что-то такое говорил; а я развел турусы... нет, погодите!

— С налетом сложнее, — предвосхитил Фол мой вопрос. — Я как раз тогда через Выворотку к тебе мотал, гляжу: из твоего дома, прямо из стены твоей квартиры, «бомж-счезень» вываливается. Мозглявый такой, глазки тараканами бегают... и сквозным путем на Павловку. А в лапах у гада тетрадный листик в клетку. Слямзил небось у тебя. Рванул я вдогон, он в стену, я в дырку, на Лицо выскочил — опоздал. Из подотдела архары горохом, в машину грузятся, а полкан ихний бумажку ворованную в карман прячет. Тут я тебе звонить и кинулся. Ну что, продолжим допрос или пойдем Ерпалыча из трясины вытаскивать?

Я представил себе усатого полковника, явно осведомленного выше собственных звезд, когда тот прочитал отрывок из Ерпалычевых эпистол. Особенно если полкану достался отрывок, где ни разу не упоминалось «вы, Алик...», а текст шел от первого лица! Так недолго о Залесском Олеге Авраамовиче черт знает что вообразить! — живет сто лет, выглядит на тридцать, обо всем в курсе, все помнит-знает-предвидит, записки вредные пишет, литератор хренов... еще издаст где-нибудь!

Ату его!

Ату? А ведь врал ты нам, братец Лель, в яру! Врал не наполовину — много больше! С чего бы это «бомж-счезень», кровью жертвенной прикормленный, к полковнику-архару ломанулся? Одна вы шайка-лейка... шайка-Лелька.

Только знать об этом проколе «мальчику Коленьке» покуда незачем.

Подойдя к кентавру вплотную, я кулаком легонько стукнул его в грудь. Фол ответно щелкнул меня в нос: дескать, извинения принимаются, а Папочка, неслышно подъехав сзади, взъерошила мне волосы на затылке.

И мы пошли было вытаскивать Ерпалыча из трясины, но он вытащился сам.

— Нам предлагают банкет с девочками, — старик воздвигся на эстрадке нафталинным конферансье и игриво подбоченился. — А также непотребную оргию в нашу честь. Лель, я вас правильно понял?

— Абсолютно. — Лель говорил, не выходя из подсобки. — Куда вам ехать на ночь глядя? А мы посидим, как люди, коньячку тяпнем, душу отведем, я вас в гостевых люксах спать уложу... с утра и поедем. Договорились?

— А магистр? Он к банкету приедет?!

— Обещался подъехать... Алик, вы как? Остаетесь?

Последняя реплика Леля — касательно магистра — показалась мне несколько натужной. Темнишь, приятель! Ох, темнишь! Может, магистр-то вовсе не из вашего кубла?!

— Посмотрим. — Я сел за пианино, поднял крышку и взял ужасающий аккорд. — Коньячок — это славно, но сперва хотелось бы с Фимой увидеться. Вы еще помните ваши обещания насчет господина Крайцмана?

— Разумеется, Олег Авраамович! Прошу...

Пока мы спускались вниз и шли какими-то внутренними переходами, Ерпалыч отстал и поманил меня пальцем.

Ну, и я тоже отстал.

— Не расслабляйтесь, Алик, — горячий шепот обжег мне ухо. — Прошу вас, не расслабляйтесь... попусту не дергайтесь, но и... здесь аура плохая. Всех подозревать хочется, а своих — вдвойне...

— Эй, где вы там? — крикнул Лель из-за поворота. — Смотрите, еще заблудитесь!

— Не заблудимся! — заорал я в ответ. — Люди, будьте бдительны!

И подмигнул Ерпалычу.

Это оказалась самая натуральная лаборатория. Мечта современного алхимика: баночки-скляночки, приборы-колбочки, микроскопы простые и электронные и куча всякой ерунды, названия которой я не знал.

Зато я прекрасно знал название того существа, что сидело за столом и чуть ли не носом ковырялось в пробирке с зеленой слизью.

— Эй, Архимуд Сиракузский! — Я еле удержался, чтобы не сгрести Фимку в объятия. — Химичишь?

— Попрошу не отвлекать, — недовольно буркнул Фима-Фимка-Фимочка, даже не подняв головы. — Я провожу важный опыт.

Рядом с великим ученым брехал ноктюрны Шопена гнусный китайский магнитофончик — вот сколько знаю Крайца, столько он предпочитал работать под музыку, трепаться под музыку, в сортир ходить под музыку...

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Очки увлеченно сверкают над монументальным носом, пухлые губы бормочут невнятицу — подпевают в такт музыке? декламируют формулу какой-нибудь дезоксирибонуклеиновой кислоты? просто движутся? Черные кучеряшки волос всклокочены дыбом, даже не мечтая о благодати расчески, щеки сизые, несмотря на бритье утром и вечером, а толстая шея взмокла, блестит капельками пота — он всегда потеет, когда ворочает мозгами, зато ворочая чем-нибудь более тяжелым...

И еще: обманчивая косолапость движений сразу вызывает в памяти медведя в цирке или зоопарке, потому что медведь тоже с первого взгляда кажется добродушнейшим из животных.

Вот он какой, Фима-Фимка-Фимочка, Архимуд Сиракузский...

— Ефим Гаврилыч! Снизойдите-с!..

Свет настенного бра отразился в ранней лысине Крайцмана, что, по-видимому, благотворно сказалось на его мозговой деятельности. Я и опомниться не успел, как пробирка была отставлена в сторону, стул опустел, а сам я оказался сграбастан и мог лишь вскрикивать время от времени.

— Алька! Здорово! Николай Эдуардович, это вы их привели?! С меня бутылка! Алик, Ритка с вами?!

— Да погоди ты! — Мне еле-еле удалось выбраться из этого могучего проявления чувств, и не без потерь. — Какой Ритка?! Тебя мама по всему городу ищет, все морги обегала...

— Уже не ищет! Я ей звонил, дня четыре назад... по сотовому. Алька, а ты на работу пришел устраиваться? Мне Николай Эдуардович на днях...

И я вновь — о ужас! — попал в оборот.

Лель выдвинулся вперед.

— Ефим Гаврилович, если вы не угомонитесь, то Олегу Авраамовичу вместо трудоустройства светит инвалидность! А вы, Олег Авраамович, сами можете убедиться: похож ли ваш друг на заключенного, истерзанного пытками?! Наденька, сделайте-ка нам кофе!

Из-за дальнего стола, ранее не замеченная мной, выбралась Наденька — женщина средних лет, о которых принято отзываться коротко. «без особых примет».

Серая мышка.

Пока готовился кофе — для чего здесь имелся специальный аппарат, мы с трудом размещались в тесной лаборатории Кентаврам даже пришлось остаться в коридоре, где у открытой двери, на стуле, мрачно сидел доставивший нас сюда шофер, сейчас еще больше похожий на недоделанного зомби.

Откуда он взялся, я заметить не успел.

— Что ж ты раньше не позвонил?! — выговаривал я Фимке. — Мы волнуемся...

— Да-да, Ефим Гаврилович, — ехидно поддакивал Лель, расположившись на краешке стола, в опасной близости от вожделенной Фимкиной пробирки. — Расскажите, будьте добры! И как мы вас под залог выбивали, и как право на звонок... все, все рассказывайте! Мы ведь свои люди...

Фима-Фимка-Фимочка взял кофе из рук тишайшей Наденьки, с подозрением принюхался и стал излагать.

* * *

...После драки с архистратигами Крайцман очнулся в камере. Тошнило, и сильно кружилась голова, намекая на возможное сотрясение мозга — видимо, не раз и не два обласкали дубинкой; кровоподтеки на теле отзывались болью на каждое движение, но в целом ему повезло.

Обошлось без членовредительства.

...Впрочем, как скоро выяснил Фимка, фарт вышел левым.

Явившись часа через два, рыжеусый полковник без обиняков сообщил задержанному: проблем выше крыши, и не только по причине злостного сопротивления властям. Двое архистратигов на данный момент лежат в госпитале (один с черепно-мозговой травмой, второй с кровоизлиянием внутренних органов), и состояние их здоровья вызывает серьезные опасения

Сообщив это, полковник удалился.

К вечеру, при повторном визите, выяснилось: тот архистратиг, что с кровоизлиянием, скончался.

Разрыв печени.

...И вот тут-то Фима-Фимка-Фимочка понял: влип.

Нет, он ни минуты не жалел о том, что ввязался в драку. Само сложилось, без раздумий и прикидок; а если складывается само, надо принимать как должное, вне соплей и рефлексии — так учила мама, когда превращалась из мамы в учителя, сурового и беспощадного. Но убить человека... наверное, ему еще повезло, что он сразу оказался в камере, а не на улице, к примеру.

В места заключения Первач-псам не было ходу.

Это знали все. Если убийца, вольный или невольный, был арестован сразу на месте преступления или успевал сдаться с повинной — освященные и заговоренные стены места заключения спасали его от неотвратимой встречи с Первач-псами. Спасали до суда. А после вынесения приговора убийца каялся, исповедовался, и его уводили отбывать — живым.

Смертная казнь формально отсутствовала. Вместо нее приговоренного к «вышке» просто отпускали — вольному воля! — чтобы в течение суток подобрать на улице хладный труп с характерным синюшным цветом лица.

Смерть регистрировалась компетентными лицами, и дело сдавалось в архив.

...А наутро в камеру, в компании незнакомого толстяка-майора, явился Лель. Отрекомендовавшись представителем адвоката — несколько чудная должность, но Фимке на тот момент было не до странностей. Лель уведомил арестованного, что у группы захвата отсутствовал ордер, документы предъявлены не были и, следовательно, действия господина Крайцмана могут (и должны!) быть классифицированы как необходимая самооборона. Что и требуется доказать на суде. В случае оправдания и регистрации приговора в гарнизонной церкви господин Крайцман сможет вернуться к прежнему образу жизни, не боясь Первач-псов. Организация, в которой Лель имеет честь работать, заинтересована в специалисте уровня господина Крайцмана и

сейчас добивается, чтобы его выпустили до суда под залог. Залог уже внесен, опытный адвокат приступил к работе, но в связи с «психозом Святого Георгия» господин Крайцман обязан пребывать лишь в КПЗ или в специально защищенном месте, каковым является Малыжинский центр.

Итак, уважаемый Ефим Гаврилович, выбирайте: ожидать вам суда в камере или в гораздо лучших условиях, чтобы после оправдания решить вопрос подписания перспективного контракта?

Фимка выбрал последнее.

Работа действительно оказалась увлекательной: Фимка не врал матери, когда говорил об этом по телефону. Право на единственный звонок ему опять же выбил старый добрый Лель, заодно рассказав о рвении выбранного адвоката, и что дела идут «тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!».

...Вот, собственно, и все.

* * *

Рассказ Архимуда Серакузского прервал требовательный писк — голодный птенец опять червяка клянчил.

Из кармана Лелевых брюк.

Мне сразу вспомнился замшелый анекдот: «Жена шепчет «новому русскому» в постели: «Милый, переведи свой сотовый в виброрежим!..» Услышав его впервые, я даже не улыбнулся; зато сейчас громко фыркнул, не сдержавшись, и виновато обвел взглядом друзей.

Нервы, наверное...

Не слезая со стола, наш гид и по совместительству спаситель заблудших Крайцманов достал сотовый телефон, нажал на кнопку и поднес к уху.

— Да, слушаю, — он зажал трубку плечом и развел руками в наш адрес: достали, дескать... — Да... да... Что?!

На миг лицо Леля потеряло все свое обаяние. Оплыло сугробом под мартовским солнышком, явив миру ржавые зубья арматуры, забытой еще прошлогодней осенью. Я никогда не видел живых тигров, кроме как в зоопарке и по телевизору, но у дворовых кошек такое случалось часто: благодушнейшая ряха, плетется нога за ногу, едва на ходу не засыпает, и вдруг — дурак-голубь ближе, чем надо!

Или болонка-пустолайка кинулась... и зашлась брехом в ужасе, перед сплошными когтями в три ряда.

Натали всегда кошек боялась, когда в темный подъезд заходила.

— Прошу прощения, — прежняя личина возвращалась к «мальчику Коленьке» медленно, нехотя, комкая щеки неприятными желваками. — Вызывают... я сейчас. Наденька, развлекай наших гостей... только сначала выйди-ка на минутку!

У дверей, пропустив вперед Наденьку, Лель задержался.

Бросил с хрустом, будто не слова — доски зубами грыз:

— Полагаю, господа, это ваш... это наш магистр в коробчонке едет! Коньячка хочет...

И мне показалась, что слово «...падла!» так и осталось неразгрызенным. Рывком, озарением вспыхивает уверенность: да, сероглазый магистр не просто не из этого кубла! Он из кубла большого, дальнего, где четко решено прибрать здешнюю самодеятельность к ногтю, а на их костях...

Дверь закрылась. Было слышно, как шаги громыхают по коридору расходящимися гаммами: налево один человек, тяжелый, косолапый, направо — двое... минута, другая, третья, и контрапунктом для правой руки — возвращается острое стаккато каблучков.

— Ну-с, Наденька, — бодро изрек Ерпалыч, даря вернувшейся лаборантке свою самую очаровательную ухмылку, — каким образом вы собираетесь нас развлекать? Осетинские танцы на столе меж пробирок и колб? Алхимические изыски по добыванию философского камня? Ведра кофе?!

Старик осекся.

Наденька, мышка наша серая, приложила палец к губам и выразительно мотнула головой в сторону дальнего угла.

Ерпалыч в ответ поднес костлявую ладонь ко рту и помахал ей на манер болтливого языка; после чего вопросительно поднял брови и соорудил из уже использованной ладони рупор близ мохнатого уха.

Наденька кивнула.

Я созерцал сию пантомиму не без интереса, искренне надеясь выудить хоть какое-то подобие смысла. В итоге сподобился: старик зашарил глазами по лаборатории, радостно икнул, подскочил к хлипкому магнитофончику-китайцу и извлек из-за пазухи кассету.

Щелчок.

Пауза.

Светопреставление.

Надо было видеть выражение лица Фимы-Фимки-Фимочки — он ведь, меломанище, никогда раньше не слышал «Куретов»!

Зато кенты-кентессы слышали и понимали, что это может означать, потому что в лаборатории, и без того тесной, стало существенно тесней от наличия Фола с Папочкой.

Ладно, в тесноте, да не в обиде.

— Вы что-то хотели нам сказать, Наденька? — надсадно заорал старый хрен, перекрикивая собственную «звуковую завесу». — Говорите, не бойтесь, мы лаборанток не кушаем! Не кушаем, не слушаем, не подслушиваем! Ну-с?

— Она не лаборантка, — сказал Фима. — Она завлаб. Меня после суда на ее место прочат, а Надежду Викторовну — в замы.

Кажется, он хотел поговорить про этику и про ее отсутствие у местных заправил, но передумал.

Наденька достала коробок спичек, вынула одну, поковыряла в ухе.

Заговорила:

— Николай Эдуардович мне сейчас велел без лишнего шума вывести вас из центра. Нижними коммуникациями — под церковью, к дому священника. Там нас будет ждать машина с шофером, и я должна буду проследить, чтобы вас благополучно привезли в город. Но мы не поедем в город. Мы пересидим в доме священника некоторое время и, если повезет, выйдем наружу.

Она помолчала и добавила шепотом, который был отлично слышен всем:

— Сдаваться.

7

— ...вы ничего не понимаете. Вы шутите, улыбаетесь, вас водят, как слона в посудной лавке — осторожненько, заблаговременно убирая все ценное; вас водят на крючке, готовясь подсечь, а вы ничего, ну совершенно ничего не понимаете! И когда поймете, будет поздно, поздно, позд... нет, воды не надо, это не истерика.

Просто я очень боюсь.

Ефиму Гавриловичу, можно считать, повезло: он человека убил случайно, его даже не пришлось порукой вязать. И так не сбежит: угроза Первач-псов лучше любых запоров... А мы тут все хуже, чем в цепях! Меня, когда заманивали, златые горы сулили, публикацию работ обещали, а потом, на вторую неделю — день рождения Николая Эдуардовича, все пьяненькие, один урод меня в манипуляционную затащил, с-скотина... короче, я спьяну его скальпелем. Там на столе скальпель лежал, будто нарочно. Оказалось: нарочно. Все нарочно — и день рождения, и скальпель, и смертник-насильник чуть ли не сам на лезвие артерией лег. Куда я теперь? К кому я теперь? Вне Малыжина защиты на день хватит, в лучшем случае на два... а на смертную исповедь их люди в очередь поставят, да только не дождусь я своей очереди! Здесь сотрудники верные: одни с самого начала в курсе, другие теперь все равно никуда не денутся! Вам небось на ночь остаться предлагали? Коньячок, гостевые люксы, дым коромыслом...

Вижу, предлагали. После этого коньячка вам наши пенаты — дом родной. И захотите уйти, не сможете. Отличная гарантия: любого ренегата в самом скором времени скармливать «психозу Святого Георгия». Тишь да гладь, и руки пачкать не надо — пусть даже они и без того по локоть...

Тут ведь все на крови построено! Порука — на крови, защита — на крови...

А двери-то всегда открыты настежь.

Скатертью дорога!

Николай Эдуардович мне сейчас сказал: «Все, Наденька, шутки в сторону! Эвакуация ценных сотрудников — машины с курсантами уже в пути, скоро здесь стрельба начнется. Видно, здорово мы кому не надо поперек глотки... ну да лиха беда начало, а конец всегда лих! Вытаскивай гостей по схеме «Иф», а я с тобой на недельке свяжусь. Поняла?»

Я все поняла. Врал он, в глаза глядел и врал. Такие, как он, завтра уже в какой-нибудь Бразилии-Португалии вермут кушают; а такие, как я, под забором с синим лицом и разрывом аорты. Ефим Гаврилович, вас это тоже касается, в полный рост... если, конечно, он и вам не соврал. В смысле, никакой вояка от ваших кулаков не помирал. Мало ли...

Так что хотите, оставайтесь здесь; не хотите — пошли. Мне терять нечего, я и одна уйду. Пересижу в укрытии, потом сдамся властям. Лучше живой в камере, чем дохлой на улице. А вы можете и машиной в город, вас шофер доставит. Видно, очень вы нашим шефам нужны, вас чище фарфоровой вазы берегут...

Выключите, пожалуйста, эти вопли.

Я все сказала.

Ой, мамочка, дура я, дура...

8

В коридоре Наденька остановилась перед ничем не примечательным участком стены и просто провела рукой по шершавой, грубо окрашенной поверхности. Тихое гудение, и перед нами открылся темный проход. Нет, уже не темный! Внутри послушно вспыхнули лампы, освещая дорогу.

Готический роман «Проклятие монаха»! Потайные ходы, подземелья .. плюс электрификация.

— Любопытно... — бормочет сзади Ерпалыч. — Это Голицыны были столь предусмотрительны или теперешние хозяева постарались?

Однако любопытство бывшего начлаба «МИРа» остается неудовлетворенным Наденька коротко бросает: «Идите за мной», — и мы углубляемся в туннель.

Следующую дверь (копия той старушки, за могучей спиной которой в Дальней Срани обитает мой Миня, только помоложе) Надежда открыла Лелевым способом: приложила руку к замку, пауза, щелчок — и толстенная бронеплита мягко ушла в стену.

Минутой позже она встала на место за спиной ехавшего последним Фола.

— Это не Голицыны! — счастливо сообщает Ерпалыч. — Кладка явно современная.

В этот момент он очень смахивает на Фиму, способного перед дверью в кабинет дантиста с увлечением рассказывать о всяких биохимических прелестях. Нет, зуб даю, у ученой косточки мозги устроены как-то не по-людски.

С вывертом.

Впрочем, я им всем большой привет передавал. Только вывертв другую сторону.

Впереди в потолке темнеет люк, из чрева которого свисает ржавая лестница: железная дорога в никуда.

Поручни шпалами уходят вверх, во мрак.

— Если нам сюда, то кентавры тут не пролезут, — сообщаю я Наденьке.

Немедленно поступают Папочкины опровержения.

Фол молчит; задрал косматую голову и прикидывает.

— Нам дальше. Это выход в заброшенную церковь. Кстати, надо бы кого-нибудь послать наверх — осмотреться.

— Я полезу! — тут же оживляется Фимка.

— Ты гляди там, чтоб самому не засветиться! — напутствует

Фол скрывающегося в люке доктора наук, а Папа тем временем ненавязчиво оттесняет от лестницы Молитвина Иеронима Павловича, явно вознамерившегося последовать за Фимкой. Вот уж воистину: седина в бороду — бес в ребро!

Партизан-любитель, понимаешь...

Когда я уже начинаю подумывать: не вознестись ли мне вслед за Фимочкой, дабы, невзирая на наличие черного пояса, загнать его пинками обратно? — над головой наконец слышится металлический скрежет, и через пару секунд доктор биохимии сваливается буквально нам на головы.

— Тишь, да гладь, да Божья благодать. Никого не видать

— И давно пора поддать!

Это Ерпалыч.

— Рифмоплеты! — не удерживаюсь я.

— Может, напрасно шухер подняли? — выдвигает предположение Фол.

— Нет, эти зря паниковать не станут. Пошли.

И мы двигаемся дальше живой аллегорией: заблудшие души вслед за Надеждой. Или слепцы за слепым поводырем. Миновали еще одну дверь (прямо как в подводной лодке, если судить по фильмам!) и, поднявшись по каменным ступенькам, оказались перед последней преградой — на этот раз обычной, деревянной.

Надежды крашеная дверь. . нет, лучше не так. Надежда, легкою рукою сыграй мне что-нибудь такое...

— Центр видеоконтроля, — сообщает Наденька на мой неслышный призыв. — Подвал под домом священника. Отсюда есть выход наверх, там вас ждет машина.

Дверь оказывается незапертой.

Рядами подсвеченных изнутри аквариумов горят на стене многочисленные мониторы. Панели, шкалы, рычажки, тумблеры, индикаторы — покруче, чем на телестудии, где мне однажды довелось побывать.

— Наконец-то! Машина вас давно ждет, — вскакивает из угла субтильный оператор в белом халате.

— Ну что, вы едете?

— Пожалуй, я останусь с вами, Надежда Викторовна, — говоря это, Фима смотрит почему-то на меня. — Возможно, это все действительно подставка и я никого не убивал, но... Проверять местных господ на правдивость, рискуя собственной шку-

рой, мне не очень хочется. Вдруг окажется правдой? Уж лучше сдамся, пусть меня сажают в КПЗ. Если выяснится, что мне соврали, — тогда все равно отпустят. А если нет... Как вы сами верно заметили, «лучше живой в камере, чем дохлой на улице»! Опять же, «живая собака лучше мертвого льва». Присоединяюсь к вам и царю Соломону.

Наденька молча кивает, а оператор изумленно таращится то на нее, то на Фиму.

— Алик, зато ты лучше мотай отсюда. Забирай всех — и в машину.

Подойдя к Фиме-Фимке-Фимочке, я беру его за пуговицу.

Некоторое время молчу.

— Это ты славно придумал, Архимуд Серакузский. Это ты так славно придумал, что просто... просто слов нет. Никуда я отсюда не поеду. Пока не смогу убедиться, что с тобой все в порядке. Ты, когда за меня дрался, не спрашивал: что да как! И мы не для того сюда приперлись, чтобы при первом звонке ноги делать. Вместе здесь посидим и посмотрим, каким макаром дело обернется. А потом я лично прослежу, чтоб ты попал по назначению. У меня в прокуратуре блат... любимая женщина. Мы с ней родственники по Пашкиной линии. Понял? Или формулами изложить?!

— Вы, это... вас машина наверху ждет! — подает наконец голос опомнившийся оператор.

— Подождет. — Папочка отстраняет нас с Ерпалычем и подъезжает к оператору, который невольно пятится от кентавриссы и упирается спиной в угол. — Надежда Викторовна, ты умеешь со всем этим барахлом обращаться? Или глиста сушеного припашем?

— Умею. Я здесь дежурила несколько раз.

— В-вам... вам надо срочно уходить! Центр вот-вот п-подвергнется н-нападению, — лепечет из угла оператор, спешно пытаясь принять цвет собственного халата и прикинуться белой тряпкой.

Это ему почти удается — выдают только широко раскрытые глаза.

Глаза моргают вдвое чаще, чем положено.

— Сиди тихо, — вполне дружелюбно советует Фол тряпке с глазами. — Или сам сейчас... подвергнешься нападению!

— Так, это у нас периметр, — Наденька уверенно щелкает переключателями, одновременно чертя между тумблерами косые пентаграммы, — это интернат; ага! — главный корпус, второй этаж... первый... минус первый... вот! Наружное наблюдение. Вход в погреба. Там у них основное капище. Я там была... однажды...

Серую мышку всю передергивает, и никто не решается поинтересоваться: что она там видела... однажды?

Взамен я выясняю, что вижу сам; вижу на пяти экранах сразу.

У входа в погреба — приземистой каменной арки — суетятся люди, кого-то взашей гонят внутрь, тянут какие-то ящики... Несколько человек вооружены автоматами. Кажется, без крови не обойдется. Плохо. Очень плохо...

Наконец последний человек исчезает в черноте входа.

Бросаю взгляд на другие экраны. На большинстве из них изображение застыло: пустые комнаты, коридоры, двор, подъезды к центру... но местами наблюдается лихорадочная активность: пожилой карлик жжет бумаги, вихрем срывается со стоянки «жигуленок», резвостью не уступая более породистым скакунам; из компьютерного центра торопливо выносят коробки, ящики... дюжину системных блоков.

Спешат замести следы и вывезти самое важное. Но где же обещанные курсанты? Покамест вокруг все тихо, никаких групп захвата, спецназовцев, жориков с мегафонами...

— Если они из города едут, им еще с полчаса добираться, — что-то прикинув про себя, сообщает Фол.

— Ладно, подождем, — соглашаюсь я.

А что, у нас есть выбор?!

Есть.

Машина с шофером-зомби, который доставит нас... кстати, а *куда* ему приказано нас доставить? По домам? Или... Нет, уж лучше мы здесь посидим!

В тесноте и без обеда.

— Надежда Викторовна, — прерывает затянувшуюся паузу Ерпалыч, и бедная завлаб вздрагивает. — А чем вы конкретно тут занимались? Ну, приношения, в том числе кровавые, целевая подмена образков (да-да, Алик, я тоже заметил), совместно направленные моления — это понятно. Ничто не ново под луной. Но ведь вы, насколько я понимаю, биохимик, коллега Ефима Гавриловича! Научные исследования и шайка убийц с круговой порукой — согласитесь, как-то не вяжется?..

— Я возглавляла проект «Чуры».

Надежда коротко смотрит прямо в глаза Ерпалычу — чтобы почти сразу отвести взгляд.

— Чуры? Пращуры?

— Чур меня? — вношу я и свою лепту.

— Да. Мы пытались понять, кто такие на самом деле Те и насколько они связаны... с людьми, которые погибли во время Большой Игрушечной. В последнее время наши шефы... те, кто нас сюда собрал... они начали где-то добывать образцы тканей Тех! Ефим Гаврилович в курсе, именно он должен был заняться анализами...

— Это нечто уникальное! — мигом встрепенулся Фима. — Биокристаллические структуры, совершенно новые, я бы даже сказал — невозможные! — соединения! Кремнийорганическая ДНК с плавающим углом поворота! Это не мутации, это совсем иной принцип! Я бы никогда не поверил, что существо с такими тканями способно быть живым, двигаться, по-своему мыслить — хотя и не совсем в привычном понимании... Впрочем, Надежда Викторовна изложила мне две гипотезы, и одна из них... Надежда Викторовна, может быть, вы сами расскажете?

Спохватился.

Научная этика заела.

Вот он, Архимуд, весь в этом: с минуты на минуту начнется штурм здешней берлоги, над Фимкиной душой Первач-псы висят (не факт, но весьма вероятно) — а он про биокристаллические структуры в тканях Тех распинается!

— Согласно одной из этих гипотез, — голос мышки-завлабши звучит глухо и отстраненно, словно бы слова произносит не она, а некое устройство, спрятанное у нее внутри, — в результате базовой катастрофы в черте города и частично области возникла мощная некротическая аура. Составленная из последних чаяний и стремлений людей, погибших неожиданно и к смерти не готовых. Также на нее наслоились более поздние смерти с выбросом примерно той же направленности. У нас эта волна получила название «Я еще вернусь». Будучи ориентированной на сугубо материальные цели и объекты, она вступила во взаимодействие со средой обитания, то есть с городской инфраструктурой, выталкивая наружу ее персонифицированные проявления — Тех. А наши моления и жертвы рычагом воздействия заставили Тех функционировать: город начал в значительной мере восстанавливать сам себя...

Ерпалыч слушал внимательно и время от времени согласно кивал.

Я поймал себя на том, что киваю ему в такт.

— По второй же гипотезе, Те — это и есть обретшие новую, полуматериальную плоть души погибших без покаяния, беспамятные последыши, которых мы своими обрядами вынуждаем...

— Мы живем на кладбище... — очень тихо произнесла Папочка, и на сей раз вздрогнул я. Когда-то я уже слышал от нее эту фразу. Боже, неужели это правда?!! Мы, живые, заставляем работать на себя наших погибших предков?!!

Выворотка, Выворотка...

— Мы живем на кладбище, — снова повторила Папа. — Только вы это лишь предполагаете — а мы видим. Чуть ли не каждый день, когда проходим через Выворотку. Умершие неуспокоенными никуда не уходят, по всем слоям, насквозь — а вы слепые, вы ничего не видите!.. Вы и нас видите с колесами, слепцы...

— Ладно, Папа, кончай базарить, — грубовато перебил ее Фол. — Зачем этим козлам ученые, все тут и без тебя поняли. А вот на хрена мы, кенты, им понадобились? Не зря же они нас сюда пригласили!

— Ваша м-м-м... коллега только что ответила на ваш вопрос. Вы можете свободно выходить на Выворотку. В отличие от людей. Для местных шефов, владельцев Малыжинского центра, это просто золотое дно! И не только в плане материала для исследований — но и в самом что ни на есть практическом смысле! Воздействие на Тех с *той* стороны, перевозка нужных людей или грузов, доставка срочной информации, сокрытие улик... да мало ли что! Кроме того, вы и сами им небезынтересны. Извините, но вы, китоврасы (при этом слове Фол морщится), — еще большая загадка, чем Те! А на контакт вы идти не захотели. Вот они и начали по своим каналам распускать слухи, настраивать людей против вас — чтобы в последний момент явиться этакими благодетелями...

— Что, сучка, лясы точишь?! Приказано когти рвать, а ты, падаль...

В дверях стоял давешний шофер. И в его водянистых глазах уже не было засасывающей пустоты — глаза были злыми, безжалостными... Глаза убийцы.

Это я понял сразу.

Увы! — мое «сразу» оказалось изрядным промежутком времени. Шофер успел оказаться рядом с Наденькой; короткий взмах, голова женщины неестественно откидывается в сторону, и серая мышка медленно оседает на пол.

— Женщин бить нехорошо...

— Чего?! Ты, фраер очкастый!..

Дальше все происходит очень быстро. Фол с Папой только начинают брать разгон, но Фима, маленький носатый Фима, уже стоит перед громилой-шофером, отсвечивая очками.

Удара я не увидел. Шофер изумленно хрюкает и начинает валиться набок; пока он падает, Фима вкрадчиво трогает ладонью его лицо (это я вижу, вижу ясно и отчетливо!), вдребезги разбивая шоферу нос.

Летят красные брызги.

— Круто, — уважительно кивает Фол. — Надо бы связать урода.

Кентавр подъезжает ближе, бесцеремонно ворочает потерявшего сознание громилу, выдергивает из его штанов кожаный пояс-плетенку и со знанием дела начинает вязать руки поверженному врагу. Папа тем временем хлопочет над мышкой, пытаясь привести ее в чувство.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Косметики почти незаметно. Пепельно-каштановые волосы на затылке собраны в какую-то загогулину и заколоты длинной костяной шпилькой; вдоль висков струятся выбившиеся локоны. Кожа бледная, под глазами слабо намечены отечные мешки, отливают синевой; губы простуженные, слегка обметаны лихорадкой и блестят от бесцветной — явно лечебной — помады. На левой щеке, чуть ниже скулы — белесый шрамик; должно быть, в детстве гвоздем пропорола. Сразу бросаются в глаза кисти рук — удивительно маленькие, изящные, с точеными пальцами; обручальное кольцо с феанитовой вставкой взблескивает инеем.

И еще: во взгляде — спокойная уверенность, что мир стоит не на героических китах-исполинах, а на серебряных мышках.

Вот она какая, Наденька, завлаб из Малыжинского центра...

И тут в тишине раздается совершенно спокойный голос Ерпалыча:

— А вот и гости пожаловали.

9

Ракурс обзора непривычный: камеры смотрят чуть сверху, и из-за этого пятнисто-камуфляжные фигуры кажутся большеголовыми коротышками с полуобрубленными ногами. У забора застыли грузовики, возле них переминаются спецназовцы с автоматами, курят. Остальные, надо полагать, уже на территории. Ага, вот они: гуськом пробегают по одному из этажей главного корпуса, заглядывают во все двери; те, что заперты, просто вышибают ударом сапога или выстрелами в замок.

Но повсюду пусто. Кроме коротышек в камуфляже — никого. Похоже, руководство успело сделать ноги.

Все это очень смахивает на съемки дешевого боевика: десятка два камер записывают разное, а мы сидим за операторским пультом, смотрим, сопоставляем, чтобы потом вырезать лишнее, состыковать друг с другом наиболее интересные куски...

— А звук тут есть? — интересуется вдруг Ерпалыч.

— Вон там, крайняя правая панель, — услужливо сообщает из угла оператор.

К нему даже не оборачиваются, но Фима мигом оказывается возле указанной панели и начинает азартно переключать тумблеры.

— Никого! Сбежали, сволочи! — рушится на нас из скрытых динамиков.

Треск распахиваемой двери.

— И здесь никого!

Вой.

Истошный вой волной безумия врывается в уши, мечется по закоулкам мозга, не находя выхода, а снаружи наплывают все новые и новые пласты тоски и страха...

Уберите! Уберите *это*! Не надо!..

И вой послушно смолкает. Смолкает — снаружи. Но внутри меня еще долго звучат, неохотно затихая, отголоски безысходности.

— Что это было? — впервые я вижу Фола по-настоящему ошарашенным.

— Это дети... наши пациенты из интерната, — сухо сообщает очнувшаяся Наденька. — Автобус, наверное, вернулся из Дергачей. Ефим Гаврилович, не включайте, пожалуйста, больше этот канал!

Ну конечно, это для нас, для боевика: доблестные спецназовцы штурмуют логово преступников! А для несчастных психов... для них рушится весь их привычный и уютный мирок, где их кормят, лечат, выводят на прогулки, устраивают коллективные молебны, заботятся о здоровье!

Не хочешь, а завоешь...

Динамики кашляют, и на нас внезапно обрушивается грохот выстрелов.

— Добрались до погребов. Началось...

Голос Наденьки дрожит. Кто знает, в какой момент рухнет кровавая «защита», затмившая глаза Первач-псам?! Я очень надеюсь, что не раньше, чем все здесь закончится. Они с Фимой должны успеть, успеть сдаться. Но пока выходить нельзя — началась стрельба, и пулю может схлопотать любой. Кто в азарте будет разбираться, виноват ты или нет? Для спецназа сейчас любой человек без камуфляжа находится на стороне противника. Противника, который открыл огонь на поражение. И ответ будет соответствующим.

На дворе быстро темнеет, и Надежда начинает возиться с настройками, осветляя и добавляя яркости изображению.

Похожий на дот вход в подземелье плюется огнем в несколько «стволов», спецназовцы в своем дурацком камуфляже (что, маскхалатов зимних не нашлось?!) залегли прямо в снег (сверху их отлично видно) — но на огонь не отвечают. Двое лежат, неестественно скособочившись, и снег вокруг них постепенно окрашивается багрянцем.

Вот и первые жертвы. Не ровен час, Первач-псы нагрянут! Хотя нет — у местных «защита»! Вот ведь сволочи...

Впрочем, у атакующих наверняка приказ, официально зарегистрированный и освященный, а значит, карт-бланш на сутки!.. Потом исповедуют.

Наконец стрельба смолкает. В комнате повисает тишина — только слышно тяжелое дыхание Фимы да сопение Фола (кент завис у меня над самым ухом, всматриваясь в экран).

Какой-то человек вдруг встает в полный рост и медленно идет ко входу в погреба. Над головой его бьется по ветру белое полотнище, во второй руке — мегафон.

Парламентер.

— Может, они все-таки сдадутся? — до боли закусив губу, шепчет Надежда.

— Внимание! — гремит усиленный мегафоном голос. — Предлагаю сдать оружие и выходить по одному! Повторяю...

— Бажанов! Какого хрена! Это охраняемый объект! — отвечают парламентеру тоже через мегафон. Тем не менее второй голос я, кажется, уже где-то слышал, но никак не могу вспомнить, кому он принадлежит.

Бажанов... фамилия знакомая... заместитель нашего мэра?!

— Жилин? Ты? Ты что, спятил? Немедленно кончай дурить!

Кто такой Жилин, я не знаю, зато это явно хорошо известно

заместителю мэра. Может, все-таки договорятся? Хорошо бы... Почему-то мне кажется, что если крови больше не будет, то «защита» над Малыжином продержится подольше, и тогда Фима с Наденькой однозначно успеют...

— У меня приказ! Мэр подписал. Не веришь, позвони, спроси!

— Мэр?! Едрить твою... А у меня ордер! От прокуратуры! Показать? Со мной два следователя! Ты что, под суд захотел?

Долгая, томительная пауза.

— Хорошо! Пусть твоя «прокра» сюда подойдет! С ордером! Ну, начальнички наши, намудрили, мать их!

Парламентер бегом возвращается. Через три-четыре минуты из-за каменной тумбы выбирается человек в оранжевом бронежилете и, подняв над головой какую-то бумажку, идет ко входу в погреба. Человек идет медленно, не делая резких движений, оружия у него нет. Сейчас его оружие — та бумажка, которую он держит над головой. Видимо, ордер.

Человек останавливается...

Одинокий сухой треск.

Мгновение человек еще стоит, а потом мягко валится в снег.

Убит? Ранен?

В любом случае, переговоры закончились. Эти сволочи убили парламентера!

Теперь — все.

Из-за тумбы к упавшему кидается женщина в дорогом пальто, но ее сбивают с ног, тащат обратно... лицо женщины на миг оказывается в поле зрения камеры...

Эра Гигантовна!

Прокурорша с чугунными кулаками!

Впрочем, сейчас это не имеет никакого значения.

— Вот теперь они это кубло к чертям разнесут! — зло цедит сквозь зубы Фол.

К убитому (я уже понимаю, что парламентер не ранен, а именно убит) ползком подбираются двое в камуфляже, оттаскивают тело назад.

Тишина. Затишье перед бурей. Минуты ползут сытыми тараканами, я всматриваюсь в экраны до рези в глазах... Что, если «защита» уже перестала действовать?! А мы тут сидим, теряем время...

Тишину рвет в клочья грохот автоматных очередей. Фигуры в камуфляже, пригибаясь, бегут ко входу, стреляя на ходу, кто-

то падает под ответным огнем, но это ни на миг не останавливает атакующих. Еще несколько секунд — и они у двери.

Три человека бегом подтаскивают ко входу громоздкий ящик, открывают, один из них склоняется над ящиком, что-то делает...

Бегут обратно. Все.

Я наконец понимаю, что сейчас произойдет, но зажмуриться не успеваю. Динамики взрываются оглушительным грохотом, огненная вспышка на весь экран — и изображение гаснет.

Вот так. Всех, одним ударом. Вряд ли там кто-то уцелел.

Кажется, это конец.

И только тут мне вдруг становится страшно. До темноты в глазах, до дрожи в коленках. Значит, там, в Южной Каролине, тоже происходило нечто подобное...

— Есть! Есть! Откопали!

— Господин заместитель мэра! Проход откопали! Там, кажется, кто-то есть! Живой!

Изображения нет, только отдаленные голоса долетают до нас из динамиков.

— Нам пора, — лицо у Надежды каменное, и я стараюсь не смотреть ей в глаза.

Вместо этого я смотрю на тусклые глаза мониторов.

И мертвые аквариумы откликаются мне.

* * *

Матовые поверхности, гладь тканых полотен, золотое шитье полетом трассирующих пуль летит по ним, сливаясь в одну мерцающую кисею, в огненные буквы, строчки, предложения... что они предлагают мне?!. что они предлагают всем нам?.. но время суетных мыслей прошло, потому что текст уже набран, взвешен и измерен, прежнее царство разрушено, Валтазары раздавленными червями копошатся в блевотине собственных пиршеств, а время царства нового топчется на пороге, вытирая грязные подошвы, оставляя на рубцах половичка ошметки запекшейся крови и бурой грязи...

Откройте пещеры невнятным сезамом; о вы, лицемеры, взгляните в глаза нам! — взгляните, взгляните, в испуге моргните, во тьму протяните дрожащие нити!.. мы знойным бураном к растерзанным ранам приникнем, как раньше к притонам и храмам, к шалеющим странам, забытым и странным, и к тупо идущим на бойню баранам... откройте пещеры невнятным сезамом — откройте!.. коверкает души гроза нам...

Пекин объявлен карантинной зоной; готовится эвакуация еще не подвергшейся заражению части населения... Правительство Бразилии приняло решение о вводе войск в Манаус, где в течение последних месяцев... Трагедией закончились плановые маневры 6-го флота ВМС США у побережья Южной Каролины... экраны, экраны, экраны камер наблюдения, паллантиров, волшебных кристаллов, золотых блюдечек, по которым уже катится наливное яблочко неизбежности — эх, яблочко, куда катишься?!

Хочу зажмуриться.

Не получается.

Хочу оглохнуть.

Без толку.

В фасеточных глазах стрекозы — алтари. Десятки, сотни, тысячи алтарей, бесконечная шеренга, и на каждом своя жертва: мальчик, старуха, горсть хлебных крошек, тигровый бультерьер в шипастом ошейнике, плоды земные, снова старуха, девушка, совсем молоденькая, в открытых настежь глазах плещется запредельный ужас... над алтарями — идолы.

Женщина с головой крысы, клыкастая жаба с наивным взглядом дебилки Насти, шестипалая рука с вырванными ногтями, кто-то, запеленутый в кожистые крылья, шут в капюшоне с бубенчиками, красноглазый карлик; они молчат и ждут.

Напротив нас.

Я стою в общем строю: вон по левую руку нахохлился Пашка, у которого вместо рук скалятся косые срезы страшных пастей, дальше улыбается старенький азиат, седой как лунь, за ним девчушка-подросток, чье лицо страшно обожжено у подбородка и на скуле; и еще, снова, опять — солдат в порванной форме натовца-международника, похожая на тетю Лотту бабка в ситцевом халатике...

Да.

Я тоже стою вместе с ними; напротив идолов.

Передо мной — пустой алтарь.

Пока пустой, но на нем уже проступает рыхлая масса, которая рассекается рублеными ранами проспектов и улиц, выпячивается крышами домов с телеантеннами, площади блестят свежими струпьями... город.

Жертва?

Нет.

Нам здесь жить.

«ИМ здесь жить», *— подсказывает кто-то из шеренги напротив.*

Молчу.

Зубы крошатся, наполняя рот мятным холодком.

Я — крайний.

Я вижу все происходящее словами, да, я вижу словами, я слышу словами, словами строю и разрушаю, но, если спросить меня, что я имею в виду, — я не отвечу, потому что у меня не хватит слов.

Не спрашивайте, пожалуйста, не спрашивайте, не лезьте, помолчите...

В пустом проходе между нами бежит маленькая, ростом с зимний сапожок, девочка.

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад...

Странно, я никак не могу разглядеть ее лицо. Только губы — они беззвучно шевелятся, девочка что-то хочет сказать, о чем-то спросить. Я вновь гляжу на мяч — он уже в воде, ленивая теплая волна слегка подбрасывает его вверх, солнце сверкает на мокрой резине. Какого он цвета? Синего, конечно, я хорошо это помню. Синий мяч с белыми полюсами, весьма похожий на глобус. Почему же...

И вдруг я понимаю — мяч изменил цвет. Сгинула синева, исчезли белые полюса, превратясь в два уродливых красных пятна. Краснота ползет, смыкается у экватора. Теперь мяч красный — как венозная кровь. Кровь, залившая рубашку, новую рубашку, только что из прачечной, с наскоро пришитой пуговицей у левого запястья...

Кровавый глобус прыгает между двумя рядами алтарей.

И когда девочка добегает до Пашки, глаза брата моего текут океанской соленой водой.

«Здравствуй, Легат... ты здесь?» *— тихо раздается напротив.*

— Здравствуй, — отвечает чужой голос. — Я здесь.

Мятный холодок превращает язык в колоду, в гнилую колоду, но и без того ясно: отвечаю я.

Знать бы, кто спрашивал?!

«Я тут. Поторопись — я скоро уйду... меня скоро уйдут».

Смех.

Напротив — чернобородый, из зала совещаний; с Настиного образка. Он стоит перед камнем, почти незаметный в темном длиннополом плаще, мантией ниспадающем с широких плеч. Борода сливается с тяжелой тканью; в руке нож — огромный, как у мясника.

«Увидел, Легат? Да, увидел... и я тебя вижу. Жаль, поздно... Ну почему ты?!»

— Почему — я?!

«Да!!! Почему именно ты, а не я?! Я сильный, ты слабый, я этого хочу, а ты — нет; я приспособлен властвовать, дарить и карать, ты же рыхлый мямля, годный лишь пролеживать бока на диване! Ты боишься боли?! Ты способен жертвовать друзьями?! Ты ведь не хочешь этого?! Ну ответь, хоть раз в жизни ответь коротко и прямо — не хочешь?!»

— Не хочу.

Не знаю, чего именно я не хочу, но отвечаю.

Коротко и прямо.

Первый раз в жизни — на такой вопрос.

«Подожди! Подожди, я сейчас... я еще побуду... н-не... н-немножко...»

Лезвие блестит в луче невидимого для меня фонаря, легко касается обнаженной руки... Вглядываюсь. Перед чернобородым стоит надгробие — со сбитыми ангелочками по краям. Тело худенькой девушки лежит прямо на потускневших золотых буквах.

Кровь — тонкая струйка, затем — тонкий ручеек.

«Я еще... побуду... немного. Ты слышишь меня?..»

— Слышу.

Мой голос дробится, трескается, разлетается вдребезги мириадами осколков, гулко мечется в лабиринте зданий на алтаре, шорохом шин катит улицами, отражается в стеклах витрин... кто сейчас ответил: «Слышу»?

Я?

Город?!

Никто?..

«Просто я хотел быть НАД, а ты вышел ИЗ... Легат, проклятый Легат, ты живешь здесь и еще где-то, ты живешь сейчас и еще когда-то, а я живу... я жил только здесь и сейчас, сию минуту; я хотел этой минуты, а ты играл ею в «расшибалочку», бездумно превращая одну в тысячи, как глупый ребенок играет драгоценными камнями, не понимая их реальной ценности. Я подминал жизнь, будто слон — муравейники, а ты смешиваешь слона и муравейники в дурацкий винегрет, получая новое, небывалое, веря

собственному вымыслу и делая его плотным, ощутимым... И все равно — ну почему ты?! Слышишь?! Почему?..»

— Потому, — коротко вздыхают площади, улицы, Окружная трасса, стены и крыши, канализационные трубы и провода электросетей; я молчу, а они все равно отвечают.

За меня.

Мной.

И сразу, из пустоты, ударом плети:

— Стреляйте!

Треск разрываемых полотнищ.

«Прощай, Легат; прощай, бог... смешной бог без машины. Прощай...»

Надгробие с мертвой девушкой вспучивается ядерным взрывом, и, прежде чем опрокинуться в беспамятство, я вижу: гребень волны, под которым на алтаре распростерто изрезанное бухтами побережье, а с гребня мне машет Пашкина рука, раскрывая в привете зубастую пасть.

Машу в ответ.

10

...в доме священника царит запустение. Негромко поскрипывает полуоторванный ставень, скалятся перекрестьями дранки прорехи обвалившейся местами штукатурки. Вместо двери — голый проем, и через него мы выбираемся наружу.

Иду на ватных ногах.

Остальные делают вид, что ничего не произошло. Один Ерпалыч все время озабоченно косится на меня, и во взгляде старого хрена проблескивает золотое шитье, отсвет трассирующих пуль в просторе запределья.

Выбираемся... выбрались.

Дышите глубже.

Здесь на удивление светло, словно белой ночью в Питере... нет, не так, да и не был я никогда в Городе-на-Неве. Действительность напоминает выведенный на полную яркость монитор, когда игрушка-стрелялка сделана слишком темной и в подземельях иначе ничего не разобрать! Все кажется неестественно отчетливым, несмотря на темноту, — и одновременно плоским, картонным, будто наспех собранные театральные декорации.

Алтарными огнями чадят развороченные руины голицынских погребов, из этих завалов один за другим выбираются люди в камуфляже, кого-то выносят... Пахнет смертью. Пахнет прощальным оскалом треугольных зубов, кровью и тоскливой обреченностью.

Мир вывихнул сустав; и в этот год был прислан я, чтоб вправить вывих тот... кажется, так. Или почти так. Вывих вокруг — и внутри меня; мир перестал быть прежним, когда Большая Игрушечная разом вышвырнула на Выворотку тысячи и тысячи душ, отчаянно цеплявшихся до последнего за свои повседневные мелочи; мир перестал быть прежним, когда взрыв фугаса здесь, в Малыжине, пополнил Выворотку десятками душ новых, с их страстью жить или хотя бы выжить. Они исчезли отсюда, они остались здесь — и мир опять изменился, как меняется ежесекундно, от взрыва к взрыву.

«Вчера» больше никогда не будет похоже на «сегодня»; да и раньше было не очень-то похоже.

Жаль, кроме меня, никто этого не замечает.

Даже Ерпалыч.

Даже кентавры.

— ...Нам надо спешить, Ефим Гаврилович. — Наденька пытается держать себя в руках, но видно: она уже на пределе.

Фима молча берет ее за руку; они делают первый шаг навстречу людям в камуфляже. Шаг дается с трудом, словно воздух загустевает жидким асфальтом, — но они все-таки отыгрывают у пространства этот шаг.

Второй шаг дается значительно легче; третий, четвертый, пятый...

Фима на мгновение оборачивается:

— Если оправдают — приду к тебе, и вместе напьемся, — попытка улыбнуться проваливается с треском, но Фима-Фимка-Фимочка повторяет попытку. — А если посадят, будешь передачи носить! Бульон, апельсины... не то выйду!..

Он показывает мне кулак и ухмыляется на этот раз почти весело.

Сил на ответную улыбку у меня нет. Мы просто стоим — и смотрим им вслед. Молча. Недоброе предчувствие ворочается внутри меня пробуждающейся от спячки коброй, извивается, скользкими кольцами поднимается вверх, к самому горлу, наглухо забивая его раздувшимся клобуком, — и мой крик, рвущийся наружу, бессильный, отчаянный крик опаздывает, безнадежно опаздывает, хотя нет теперь никакой разницы: крикни я мгновением раньше или позже.

Нет.

Разницы.

Не-е-ет...

Прямо из кирпичных стен полуразрушенной церкви одна за другой выскальзывают наружу белесые тени, вытягиваются, распластываются в воздухе Дикой Охотой — и на какой-то миг мне кажется, что сквозь призрачную собачью оболочку, сквозь оскаленные человеческие лица проступает иной облик: мерцает, шевелится масса бледных червей-щупалец, силится прорвать личину, извергнуться наружу, вцепиться в жертву, присосаться мириадами жадных ртов...

— Фимка!!! Беги!!!

Фима оборачивается, и лицо его мгновенно застывает, скованное маской смертного холода. Бежать поздно — он это знает. И я знаю, но все равно бегу, заставляя вату ног комкаться последним усилием, бегу туда, к моему другу, к замершей рядом с ним женщине и вылившейся из церкви своре Первач-псов.

Свора успевает первой; вот псы рядом с намеченными жертвами, вот вожак вырывается вперед, прыгает... безразлично минуя статую Крайцмана, громадный четвероногий палач неумолимо движется к парализованной ужасом Наденьке...

И за спиной вожака взрывается Фима-Фимка-Фимочка.

По-другому это назвать нельзя.

Я никогда не слышал, чтобы кому-то удалось сбить атакующего Первач-пса. Рассказывали, будто отдельные жертвы пытались сопротивляться, но их удары проходили сквозь преследователей, *не принося «психозу Святого Георгия» никакого* вреда, — зато человеческие зубы псов мертвой хваткой смыкались на горле, не оставляя видимых после повреждений, но... Пашка — не в счет. Он дрался с Первачами на Выворотке, да и не был Пашка в тот момент человеком.

Я молюсь о невозможном; и Фима делает невозможное.

Истекая воем и натужной пеной, Первач-пес кувырком отлетает в сторону, так и не дотянувшись до женского горла.

Я уже не бегу — на плечах у меня повисли Фол с Папой, а проклятые ноги, протащив кентов еще два-три шага, отказались повиноваться.

Стою и смотрю.

Я — лишний.

Господи, за что?! За что — Фиму?! Ведь ему не отбиться одному от всей своры! Они же... в клочья, в куски парного мяса!.. Господи, спасибо, что этого не видит Фимкина мать! Ей нельзя такое видеть! Никому нельзя... Но отвернуться нет сил, а перед глазами встает искаженное невыносимой болью лицо тети Марты — когда она узнает... Болью? Нет! Не болью — яростью, обжигающим гневом матери, способной, защищая своего сына, совершить невозможное голыми руками... чужая ярость волной опаляет меня, из горла вырывается хрип...

Отчаянный визг тормозов. И перекошенное, безумное лицо Марты Гохэновны — то самое лицо, которое я секундой раньше так ясно видел перед собой. Лицо дергается в сторону, я плохо понимаю, что происходит *здесь*, что — *там*; я вообще ничего не понимаю, я смешной бог без машины, я могу только стоять и смотреть на чужое-знакомое лицо, а рядом выпрыгивает из-за руля бешеный Ритка с пистолетом в одной руке и палашом в другой.

В этот самый миг свора сбивает Фиму с ног, погребая под собой.

Вопль, от которого сердце превращается в тающий снежок, безжалостными ладонями бьет по ушам; груда тел шевелится, вспухает ростками червивых щупалец, мерцающих холодным светом, пистолет в руке Ритки дергается раз за разом, плюясь синим огнем, но грохота выстрелов почему-то нет — лишь небывало вздрагивают в ответ собачьи тела и человеческие головы, когда в них ударяют смешные пули; застывший миг плывет, плавится — и в него, в сумасшедший огрызок сумасшедшего времени, в груду тел врезается воющий зверь, который еще мгновение назад был пожилой женщиной.

Обойма у Ритки кончается, он отбрасывает пистолет прочь, взмахивает палашом — и рубит, рубит Егорьеву стаю, когда белоснежные псы, судорожно теряя привычный облик, с визгом летят в разные стороны, под прямое лезвие, заточенное согласно уставу. Холод вырывается наружу из проломленных грудных клеток, из разодранных ртов, дико вывернутых лап — тетя Марта рвется к своему сыну, ей все равно, кто перед ней, кто стоит на пути... груда тел наконец распадается, метет последним февральским бураном, тонет в кирпичной кладке церковных руин... и зверь-убийца с разбегу падает на колени, склоня-

ясь над лежащим Фимкой, на глазах снова превращаясь в человека.

Мать на коленях — и распростертое тело сына на грязном дымящемся снегу. Рядом лежит неподвижная Наденька, с широко раскрытыми, устремленными в темное равнодушное небо глазами.

Свора все-таки достала обоих.

* * *

К ним спешат какие-то люди с носилками, надсадно воет сиреной непонятно откуда возникшая «Скорая»; Наденьку осторожно укладывают на носилки, накрывают белой простыней... из машины выпрыгивает врач, мягко отстраняет несопротивляющуюся тетю Марту, склоняется над Фимой, щупает пульс, одновременно вытирая себе лоб белым колпаком...

Бесполезно.

Но почему тогда врач поспешно вскакивает, почему кричит, гневно матеря кого-то, опоздавшего с капельницей и шприцем?.. К чему это? Разве они не понимают?! Или...

Голова идет кругом, перед глазами стремительно темнеет, и последнее, что я чувствую, — сильные руки успевают подхватить смешного бога без машины.

Темнота.

Она течет, плавится, обволакивая душу липким коконом, грозя задушить червя, тщетно вознамерившегося стать бабочкой; из тьмы медленно проступает...

Лицо?

Безглазое кровавое пятно; лишь щеточка рыжих усов топорщится ржавым срезом водостока.

— Имеет ли смысл спрашивать? — смеется пятно, булькая страшными пузырями, в каждом из которых — мертвый вздох. — Имеет ли смысл спрашивать: вы Залесский Олег Авраамович?

Голос, искаженный мегафоном, странно знаком.

Имеет ли смысл?.. Нет, наверное, не имеет.

Потому что Легат уже взял книгу из рук Ангела, стоящего на море и на земле, взял и съел ее; и была она в устах моих сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем.

Смеюсь в ответ и ухожу до срока.

Часть шестая

ПРОКУРОР ФОНАРЯ, или Самый долгий день

Среда — суббота,
с двадцать пятого
по двадцать восьмое февраля

ВЕГИЛИЯ (ОПЫТ ФУГИ)

PRAELUDIUM

...Почему белые обезьяны? Никогда не думала, что когда сходишь с ума...

— Еще укол?

— Не надо, капитан. Она нас слышит.

PROPOSTA-1

...Я, Ипполит Марселино, прозываемый также Марсельцем, гражданин славного города Падуи и верный сын Святой Католической Церкви, с юности избрал трудную, но столь необходимую людям стезю юриспруденции. И в том укрепили меня тяжкие испытания, выпавшие на долю Франции, родины моих предков, а также благородной Италии, где довелось родиться мне, и всего нашего Божьего мира. Наибольшим же бедствием справедливо почитаю я чудовищные ереси, порожденные сыном Дьявола из проклятого Богом Виттенберга, имя коего не желаю поминать здесь. А посему выбрал я служением своим искоренение злодейских ересей, и в том споспешествовал мне друг мой и наставник дон Инниго Лопес де Рикальде, прозываемый также Лойолой...

RISPOSTA-1

— Вы напрасно молчите, Эра Игнатьевна! Вы юрист, и поэтому не буду пояснять, что значит «активное следствие». Не надо? Вижу, помните! Так вот, умереть мы вам не дадим и сойти с ума не дадим. Молчите? Напрасно, напрасно! Мы ведь знаем, кто вы, догадываемся, какое задание вам поручили... Ну, хорошо, оставим ваш компьютер в покое. Допустим, вы действительно не знаете, кто уничтожил винчестер, и о бумагах

также не знаете. Это не важно. Давайте вместе посмотрим эти фотографии! Откройте глаза! Откройте!

— Может быть, все-таки укол?

KONTRAPUNKT

...Наверное, меня отправят в Джудекку, Саша! Помнишь, ты мне рассказывал про Девятый круг, где предателей вмораживают в лед? Потом все хотела прочитать... не успела. А когда тебя не стало, мне было страшно открывать эту книгу...

Но ведь я не виновата!

Мне тогда было шестнадцать. Два года строгого режима, а впереди — еще пять. Два года, из них год в БУРе. Я знала: не доживу. Когда избивают, насилуют — почти каждый день, Саша! Почти каждый день! Ты тоже был *там*, но ты мужчина! Ты был взрослым, за тебя заступались все, даже Сахаров, даже Конгресс США! А кому была нужна я? Матери — и то не нужна. За эти годы — ни одного письма!

И вдруг — свобода!

Свобода, госпиталь, чистые простыни, обращение на «вы». Я не сразу даже собственное отчество вспомнила! Тогда, наверное, я бы согласилась на все — убить Президента? Сколько угодно! Но мне рассказали о тебе...

PROPOSTA-2

...Однако же, будучи верным сыном не только Церкви, но и нашего просвещенного века, никак не мог одобрить я дикие нравы, царившие среди юристов Италии. Ибо поистине надо быть выходцем из прошлого, из времени, что ныне по почину истинного короля гуманистов Поджио Броччолини именуется Средними веками, дабы одобрить гнусные пытки, и до сего дня применяемые моими коллегами при допросах подследственных. Поистине и страшно, и смешно слышать их утверждения о муках телесных, ведущих к просветлению грешника. Сие суть истинное варварство, и я рад, что друг и наставник мой дон Инниго был первым, кто согласился со мной...

RISPOSTA-2

— Она видит. Продолжайте, капитан!

— Смотрите, Эра Игнатьевна! Смотрите! Это снято позавчера. Узнаете? Ну конечно, это же ваши подследственные! Согласен, варварство! Варварство — и грязная работа. Отпечатки пальцев, орудия убийства... Могу добавить (пока по секрету): и свидетели тоже есть. Не отворачивайтесь, Эра Игнатьевна, не

отворачивайтесь! Вам все это придется видеть еще не раз. Гражданин Рюмин — шесть пулевых ранений, ожоги кистей обеих рук, на груди рана в форме креста. Гражданин Егоров — перелом основания черепа, лицо облито кислотой... Смотрите, смотрите!

— Дайте ей воды... Нет, не с глюкозой, простой.

— Итак, Эра Игнатьевна, два дня назад ваши подследственные... Точнее, бывшие подследственные, граждане Рюмин и Егоров, были похищены из следственного изолятора, вывезены в район Лесопарка и зверски убиты. А теперь смотрите сюда! Не надо притворяться! Когда человек теряет сознание, у него не дергаются веки...

— А бить все-таки не стоило, капитан!

— Ничего, не сдохнет! Крепкая, сука!

KONTRAPUNKT

Что я тогда знала о тебе, Саша? Что я знала? Мне сказали, будто ты состоишь в какой-то тоталитарной секте, чуть ли не в Белом Братстве, что эта секта очень опасна, у вас там, на Урале, людей приносят в жертву в каком-то капище.

...Теперь-то я знаю, кто приносит людей в жертву! Теперь — знаю...

Мне велели... Ну, ты сам понимаешь, что *они* велели. *Они* рассчитали все точно, у тебя за год до этого умерла жена, детей не было. В общем, это оказалось просто. Такие вещи называют «операция внедрения». Вот меня и «внедрили». К тебе. Ты ведь был меня старше на тридцать пять лет, Саша! Кто бы подумать мог...

PROPOSTA-3

...В то же время следует признать, что необходимость пыток в значительной мере вынужденная, поелику именно признание еретика суть ***царица доказательств****, без которой обвинение не может состояться. А посему долгие годы смирялся я с необходимостью жестокого и негуманного обращения с подследственными, что оставляло в великой тягости мою душу, особливо когда доводилось вздергивать на дыбу или велью юных дев, а тем паче — детей...*

RISPOSTA-3

— Спасибо, доктор, вы нам больше не нужны. Продолжим.

— Так вот, Эра Игнатьевна, взгляните. Это — распоряжение о переводе Рюмина и Егорова из СИЗО в Холодногорскую тюрьму. Узнаете подпись? Ай, нехорошо выходит! За этих свя-

щенников заступается полмира, Патриарх с посланием выступил, Папа в энциклике упомянул! И тут такое зверство! Помните учебник? Конечно, помните! Дело Ежи Попелюшко, если не ошибаюсь, 1984 год. Очень похоже — даже в мелочах.

— Пододвиньте ближе лампу. Ближе! Вот видите, сразу ожила!

— Так вот, о подписи. Узнали? Ваша, ваша, Эра Игнатьевна! Любая экспертиза признает. Более того, мы охотно согласимся на привлечение экспертов-графологов со стороны. Хотите из Международного суда в Гааге? Процесс намечается шумный. Куда серьезнее того, что задумывали вы. Подумаешь, двух священников в хулиганстве обвинили! А вот убийство!.. Признаюсь: наши, так сказать, внештатные сотрудники уже подготовили несколько статей. Как раз к Указу № 1400 поспеют. Про Указ знаете? Ну вот, хороший пример беспредела нашей прокуратуры. Следователь, не имея возможности устроить показательный процесс, организует убийство подследственных! Поверят, Эра Игнатьевна, поверят! Общественность уже подготовлена, и «Шпигель» про вас писал, и «Независимая», и «Замкова гора». А с подписью... Ладно, какие между нами секреты! Когда вы прокурору бумаги на Панченко принесли — ордер требовать, — вы ведь спешили, правда? За ордер расписывались? И не посмотрели? Ну, вот! А вы что, думали, мы и вправду вам доллары в стол совать будем? Нет, нет, этих несчастных не мы убивали, что вы! Мы тут вообще ни при чем. А вот вы!..

KONTRAPUNKT

Я и потом тебя долго не понимала, Саша! Помнишь, ты рассказывал о своем народе, о том, что вы — потомки ангелов, что раньше вы были светом? До сих пор помню: *«эхно лхаме» — «были как свет»*. Что я могла подумать? Я ведь тогда и Библии не читала! И когда ты говорил о конце мира — что я могла понять? Я тебя боялась, очень боялась. Ты мне про святилище ваше, про Теплый Камень рассказывал, а я, дура, все думала, что ты меня в жертву принести хочешь. Потом, конечно, смешно стало. Но я ведь еще совсем девчонка была, а *эти* в спину подталкивали — осторожней, мол, «Паникер» только с виду такой, добрый и вежливый. Как сейчас с Игорем. Наверное, ты сердишься на меня, Саша? Ты ведь говорил, что вы, потомки ангелов, не умираете; значит, ты и сейчас наблюдаешь за мной?

Нет, нет, нет... Если бы ты стал ангелом, Саша, ты бы не бросил Эмму, нашу девочку. И меня не бросил бы! Помнишь, картина в музее висела — святой Петр в темнице, а ему Ангел

дверь отворяет? Если бы ты мог... Ты рассказывал мне о вашем вожде, о Ранхае Последнем, который отомстил за брата, взяв Черный Меч. Вот бы сейчас *этих* — Черным Мечом! Ты ведь тоже ненавидел *их*, Саша!

PROPOSTA-4

...Тяжки и мучительны были раздумья мои, пока не подарил мне друг мой, дон Инниго, свою великую книгу, ныне прославленную во всех краях. Не скрою, немало пролил я слез над этими страницами, ибо нет ничего сладостней, чем мед «Духовных упражнений» отца Игнасио Лойолы. И в некий миг посетило меня откровение. Ежели сии «Упражнения» столь полезны людям праведным, идущим по пути Господа, то трижды полезны они будут для злокозненных, в грехах прозябающих еретиков. И ежели путь «Упражнений» приводит души праведные к высям горним, то не приведет ли путь сей к раскаянию не только еретиков, но и самих ересиархов, сколь бы ни черна была их душа?..

RISPOSTA-4

— А вот фотографии, Эра Игнатьевна. Узнаете? Ну, себя вы, конечно, узнали, и того, кто рядом с вами, узнали, не правда ли?.. Может, все-таки лампу отодвинуть?

— Не стоит, капитан! На четвертые сутки некоторые могут спать даже с открытыми глазами. Пусть горит!

— А вас свет не беспокоит, Эра Игнатьевна? Ну, продолжим. Что вы сказали? Вы громче говорите, громче! Стало быть, узнали. Вы и господин Лукьяненко аккурат на фоне прокуратуры. Впечатляет, правда? А вот еще. И еще. Надеюсь, объяснять долго не придется? Сотрудничество с «железнодорожниками», так сказать, мафией, по заказу которой вы и устранили дружков Панченко. А мафия выполнила ваш «заказ» по поводу священников. Неплохо? Вы же юрист, должны оценить. А когда фигурантами будут четверо, не считая вас, и все четверо дадут признательные показания... Отличный процесс получится! Вы, конечно, все будете отрицать... Да-да, гласно, с адвокатом, мы же в двадцать первом веке все-таки! Но... Кто вам поверит? Ну что, поняли? Я спрашиваю, поняли? Что вы там шепчете? Громче! Громче!

— И все-таки бить не надо, капитан.

KONTRAPUNKT

А потом, когда уже Эмма родилась, я места себе не находила. И не только потому, Саша, что мы с тобой... В общем, ты понимаешь... Я увидела: никакой ты не сектант, и друзья твои — не

сектанты. Просто ты этнограф, изучаешь предания — и про ангелов, и про вашего Мессию. Помнишь, ты мне его фотографию показывал, а я все понять не могла. Странно как-то: Мессия — и на фотографии! Мессия — мастер со стройки, четыре года техникума, на плечах — штормовка, кроссовки на ногах. А потом подумала: почему бы и нет, мало ли преданий? Игорь — тот вообще культ «карго» изучал, там папуасы из соломы модели торговых кораблей строили. А то, что Мессия ваш на стройке работал, так Иисус тоже плотником был!

Я ведь тебе сколько раз признаться хотела! Не могла! Ты ведь стукачей этих ненавидел, правда, Саша? А когда твоя жена — стукач!

А *они*... *они* ведь умные, Саша! *Они* что-то поняли, стали мне объяснять, что человек ты, конечно, хороший и ученый большой, да вот увлекся мистикой; что у тебя психика неустойчивая после лагерей, тебя беречь надо. И будто ничего плохого *они* не задумывают, просто *им* интересно, что ты пишешь, что читаешь. *Они* ведь даже тебе помогали! Помнишь, ты не мог найти книгу Соломатина. Родиона Соломатина, который ваш народ изучал и в конце тридцатых погиб? *Они* достали — а я тебе на день рождения подарила. Ты, помню, радовался, а я не знала, куда глаза девать...

PROPOSTA-5

...Следует, однако, отметить, что люди праведные искренне пытались очистить душу, идя путем, указанным отцом Игнасио. Грешники же в злокозненности своей отнюдь к тому не стремились. Посему задумался я, как заставить грешника очистить душу ***насильно****, отнюдь не прибегая к мерзкому варварству. Исходил я все из той же великой мысли, которую столь ярко изложил отец Игнасио в своем труде: дабы представить* ***рай****, следует сперва увидеть* ***ад****. Причем сей ад надлежит именно увидеть, для чего потребно немалое напряжение души, на что еретики и грешники, конечно же, сподобиться не могут...*

RISPOSTA-5

— Может, все-таки дадим ей полчаса поспать? Сдохнет ведь! Слышите — бредит.

— Не сейчас. Вы же видите ее лицо. Еще чуть-чуть... Она не бредит, она — умная, ученая, знает, что делает! Продолжайте, продолжайте!

— Итак, вот вам перспектива, Эра Игнатьевна. Процесс,

приговор... Смертная казнь у нас официально отменена, но и пожизненное, знаете ли, немногим лучше. Мы ведь даже не можем нормальную тюрьму построить — все денег не хватает! Месяц назад Совет Европы вновь письмо прислал! Ну а что бывает в тюрьмах с бывшими работниками прокуратуры, думаю, намекать не надо. Тем более вам уже намекали.

Это одна перспектива. А вот другая. Посмотрите! Смотрите, смотрите! Смотри, падла, кому говорю! Да что вы там все время бормочете? Вот черт!

— Ничего. Позовите врача.

KONTRAPUNKT

Они уже тогда что-то готовили, Саша! Я, конечно, не понимала, удивлялась — но не спрашивать же было! Эмме полгода — а мне предлагают в академию поступать. У меня ведь и аттестата не было, а академия-то юридическая, там еще и стаж нужен! Помнишь, ты несколько раз спрашивал меня: зачем? Я тебе все про адвоката, профессия, мол, нужная, людей защищать. А поступать-то велели не на адвокатуру! Потом намекать стали: не хочу ли, мол, отдохнуть вместе с дочкой, уехать на годик — якобы к родичам. Я, дура, и вправду поверила — заботятся.

А потом — все. Ну, да ты и сам знаешь.

Что мне было делать, Саша? Я и подумать не могла! В крайнем случае, боялась, что тебя снова арестуют. Я и сейчас не знаю, кто это сделал. Ведь тех мерзавцев судили, они признались, и доказательства — комар носа не подточит, это я уже тебе как следователь говорю.

Но ведь убили!

И отца Александра убили! И отца Николая...

За что?

Только чтобы эти гады могли процесс организовать?

Или?..

Или *они* что-то поняли?

Как ты когда-то?

PROPOSTA-6

...И дивно сказать, решение оказалось столь простым, что поначалу и самому мне верилось слабо. Поистине, детская игра! Посреди комнаты ставим высокую скамью, дабы подследственному доставить некое неудобство, по бокам же размещаем двух служителей, коих меняем каждые два часа. Вся забота же оных в том состоит, дабы грешника каждый миг тревожить, заснуть

не давая. И смешной кажется мера сия, однако же к концу вторых суток даже наиболее смелые и крепкие телом еретики начинают видеть ***ад****...*

RISPOSTA-6

— Вот так, Эра Игнатьевна! Я ведь говорил — умереть вам не дадим. И симулировать не надо. Мы с вами, между прочим, одну академию заканчивали, так что этим премудростям обучены. Итак, перспектива номер два. Вот Указ о награждении вас медалью «За мужество» второй степени. Смешно звучит: замужество второй степени! В процессе вам, конечно, придется участвовать, но уже как обвинителю. Отправите убийц на пожизненное — и, думаю, в прокуратуре повышение вам обеспечено. А что взамен — сами догадываетесь. С винчестером у вас лихо получилось, признаю. Но ведь главное вы и так помните! Так что, ежели согласны, мы сейчас дадим вам поспать, а потом вы начнете вспоминать — с самого начала. Что вы говорите?

— Не обращайте внимания, капитан! Продолжайте, она вас слушает.

— Понимаю, знаете вы не все. Как организуется подобная служба, мы догадываемся. Но на то и мозаика, чтоб ее из кусочков собирать. Тем более вашим шефам будет сейчас не до Стрелы. В камере у вас телевизора нет? Ах да! Упущение, конечно, упущение! Ну, про Указ вы уже слыхали, а вот про то, что на Тайване творится? И в Пекине? И в Бразилии? Всем вашим экспериментам — конец! И не я это придумал. По секрету вам, как своей. Про Бирмингем слыхали? **G-10**? Единогласно решили: все районы, подобные этому, взять под контроль, население выселить, провести, так сказать, дезактивацию. Предлог, конечно, везде свой. Янки какую-то эпидемию придумали — «болезнь легионеров», что ли? И ничего, съел Конгресс... Что? Да громче говорите, громче!

KONTRAPUNKT

Жаль, Саша, я сейчас думать совсем не могу. Белые обезьяны перед глазами. Почему белые? Как в той сказке — не думай о белой обезьяне...

Не думай!

Но что-то я даже сейчас соображаю! Ты тогда, за два дня до смерти, отнес в редакцию рукопись. Мы как раз принтер починили, я сама выкатывала, а он страницы жевал... Я помню, о чем там! Все то, что я потом уже здесь услыхала. Перемена ми-

ра, изменение нашей реальности, ее усложнение. Ты писал о своем народе, о его легендах. Отец Александр...

Господи!

Отец Александр писал о том же, только ссылался на Библию!

И этот чудик — Молитвин, когда с Игорем говорил. Я всего минуту слушала, но...

Игорь!

Господи, Игорь!

PROPOSTA-7

...Так открыл я, Ипполит Марселино, называемый также Марсельцем, Великое Бдение, иначе же Вегилию, и отныне совесть моя пребывает в покое. Ибо Вегилия верным путем ведет грешника — из Ада через Чистилище в Рай. Надо ли пояснять, что под Чистилищем подразумеваю я признание и раскаяние, которые помогают еретику достичь Рая, когда власть светская милостиво карает его без пролития крови. И горд я тем, что друг и наставник мой отец Игнасио Лойола лично наблюдал упомянутую Вегилию и благословил меня, недостойного, на тяжкий труд, столь нужный не только моей Падуе, но и, рискну предположить, всему Миру Божию...

RISPOSTA-7

— О чем это она? Кто такой Мурсилино? Агентурная кличка?

— А! Кажется, понял! Вы, капитан, что заканчивали? Ясно... Ее хорошо учили. Один из способов блокировки сознания. Сейчас она думает об одном очень любопытном господине, точнее, синьоре... Ипполита Марсельского вспоминаете, Эра Игнатьевна? Вы о нем у Лойолы прочитали? Кстати, кто вам книжку-то подарил? Знаете, не удержался, справки навел. Пять лет назад она проходила на «Сотби». Щедрые у вас поклонники!

— Может быть, все-таки укол?

— Нельзя, капитан. Она нам нужна на процессе... Эра Игнатьевна! Вы напрасно молчите! Мы по крайней мере работаем на правительство, а ваши шефы — просто авантюристы. Нет, не просто — опасные авантюристы! Такие, как они, десять лет назад устроили здесь Большую Игрушечную. Им, видите ли, было интересно! Они же на людях опыты ставят, как на лягушках! А вы! Сейчас каждый час на счету, того и гляди танки загудят, а вы со своим Капустняком обезглавливаете город. Вам это тоже приказали? Слушайте, ваш Бажанов — обычный кондотьер вроде Дудаева...

— Она нас не слышит.

— Слышит. Но, боюсь, вы правы, придется колоть.
— Двойную дозу?
— Да. Обидно! Красивая женщина...

KONTRAPUNKT

Самое страшное, Саша, я даже не могу заговорить. И не во мне дело. Перебежчиков не щадят, но дело не во мне. Еще тогда, пять лет назад, мне намекнули, что Эмма... Нет, нельзя даже думать о ней, нельзя...

Почему обезьяны белые? Нигде, ни в одной книге, не встречала, нигде...

А ведь я так и знала — бросят. И Пятый предупреждал! Правило Ноль — он намекал на что-то. Бросили! Все, что в компьютере было, уничтожили, а меня... Теперь Игорь один, а ведь он — не оперативник, не агент, просто ученый. И никто ему не поможет...

Ты ведь меня простишь, Саша, что я об Игоре подумала? Ведь это я его сюда затянула! Эксперт понадобился, специалист. Лучше бы и вправду боевого слона попросила.

Знает ли Девятый?

А если знает...

STRETTA

— Сейчас вам будет легче, Эра Игнатьевна! Только ничего не держите в себе! Это — хуже всего, ваши знания начнут вас душить, поэтому говорите, говорите! А потом мы дадим вам поспать. Поспать, слышите! Ну! Говорите!

Где-то я уже видела таких обезьян! Когда мы с Сашей .. Нет, никаких имен, просто я была в зоопарке... Эмму... *Ее* отправили к бабушке, а сами пошли... Да, видела! Кажется, такие живут на востоке, бегают по снегу... Что за чушь! Разве обезьяны могут?.. Это пули! Пули, как воробушки, плещутся... Нет, не в снегу — в пыли. Пули плещутся в пыли, в снегу они сразу исчезают, проваливаются, даже следа не остается. Наверное, Сергеев, этот бард, сам воевал, иначе не написал бы так. Воевал... Все из-за войны! Сашу тоже посадили в первый раз из-за войны. Он подписал протест вместе с Сахаровым и Черновилом. Какая тогда была война? В Чечне? Нет, Чечня — это позже, Саша тогда был уже на Урале...

Сейчас эти гады тоже хотят начать войну. Господи, с кем? Ракетами — по кентаврам? Они сошли с ума, сошли с ума, эти сволочи сошли с ума!..

Не хочу! Буду думать об обезьянах.

Почему они бегают по кругу? Как бесы в Джудекке! Саша показывал рисунок: кажется, Домье... Нет, не Домье, тот крестьян рисовал. Доре! Гюстав Доре, тот, что иллюстрировал Дон Кихота. Книжка у меня была, мама подарила, а я так и не успела прочитать, только картинки помню.

Хоровод! Хоро-вод. Путь Солнца. Странно, у древних хоровод — символ смерти.

Может, потому они, эти белые, здесь?

Хорошо, что они здесь. Я буду думать... Буду говорить о белых обезьянах, это самое важное, я не могу об этом молчать. Нельзя не думать о белой обезьяне! О белой обезьяне... Хоровод, бесы в Джудекке... Наверное, я все-таки виновата, Саша! Виновата! Только бы не тронули *ее*! Ведь *она*...

Почему они белые? Я не могу не думать о белой...

CODA

— Вот и все... Жаль бабу!
— Жаль? Себя пожалейте, капитан! Лучше сделайте ей еще один укол.
— Но зачем?
— Затем! Развели тут сопли!

POSTLUDIUM

...Меня не надо жалеть! Я только хочу понять, почему я вижу белых...

Воскресенье,
двадцать девятое февраля
Понедельник,
первое марта

Шаман надевает френч * Революция в одном,
отдельно взятом * «Коропоки» заселились *
«Придет серенький волчок» *
Что поведал Маг

1

Сначала была боль.

Нет, боль потом, сначала — шепот. Негромкий, шелестящий — под самым ухом. Где-то дальше были голоса, но их не разобрать. А вот шепот .. Нет, и его не разобрать.

Спина болела, ныла, боль перекатывалась волнами. Кажется, я лежу на чем-то твердом...

Жива?

Шепот чуть удалился, но стал не тише — громче. Странный такой шепот, заунывный.

Жива?

Руки тоже болят, и ноги... Жаль, глаз не открыть!

Те, что говорят, подошли ближе. Или я просто стала лучше слышать?

— «Скорая» ждет. Вот сволочи, довели женщину!

— П-погодите, господин Бажанов! Господин М-молитвин все-таки попытается еще раз...

Я поняла, что жива, что это — не бред.

Игорь!

Почему здесь Игорь?

— Как хотите, господин Волков, но я, знаете ли, в шаманов ваших не очень верю. Все! Пошел, потом позвоните.

Похоже, Бажанов чем-то недоволен. Он всегда чем-то недоволен — и всегда спешит. Но почему здесь Игорь? И где это — «здесь»?

— Ну что т-там, Иероним Павлович?

— Трудно сказать, магистр. Вы же видите!

Я настолько удивилась, что открыла глаза.

Потолок был бел, комнату заливал яркий свет, хотя окон я не заметила. Зато господина Молитвина не заметить было трудно. На господине шамане был надет черный френч, поверх которого красовалось дорогое серое пальто.

— Эра Игнатьевна! Ирина!

Шаман в черном френче сгинул, надо мной склонился Игорь.

— В-вы... Вы слышите меня?

— Слышу...

Еще через минуту я поняла, что действительно слышу. Слышу — и даже могу отвечать. Могу даже привстать.

— Може, носилки? — в комнате (то есть, конечно, не в комнате — в камере) появился кто-то в знакомом камуфляже. По-моему, я раньше видела этого курносого парня, причем совсем недавно...

— Не надо. Я... Я сама.

Рука скользнула по деревянной доске (оказывается, я лежала на обычных нарах), ноги не хотели слушаться.

Игорь подскочил, поддержал.

— К-как сказал бы господин Бажанов — в-все! Пойдемте, Ирина, скучно здесь!

У порога я оглянулась. Камера — но не та, куда меня поместили вначале. Окошко все же есть, у самого потолка, двойное стекло, решетки.

— Вы правы, Игорь. Скучновато!

Коридор был пуст. Игорь поддерживал меня под левую руку, сержант-«сагайдачник» (вот где встретились!) — под правую. Ноги передвигались сами, и я начала понимать, что прихожу в себя. Не убили, жива. Жива, но по-прежнему тут, во внутренней тюрьме ФСБ. Однако коридоры пусты...

— Игорь! Здесь что, революция?

Маг по имени Истр смеется. Только сейчас я замечаю: его глаза действительно чуть-чуть близорукие. Странно, ни разу не видела его в очках. И линз не носит...

— Это к г-господину Молитвину. Он у нас, так сказать, в-ветеран. А, в общем, революции п-пока нет, зато весну могу обещать.

Весна встретила меня во дворе — в огромном пустом дворе, окруженном высокими серыми стенами. Громадные ворота исчезли, не осталось даже железной будки, что торчала рядом. Вместо охранника у ворот колесила пара кентавров; за плечом у одного из них висела огнестрельная штуковина, слегка напоминающая дробовик.

Все это я заметила уже потом. Солнце! Огромное, даже не мартовское — майское! — горело в самом зените. Под ногами хлюпала грязь, еще несколько дней назад бывшая снегом. Терпкий воздух казался настолько густым, что застревал в горле.

Я глубоко вздохнула. Весна! Весна — и я все-таки жива.

На плечи мне накинули пальто. Я обернулась, чтобы поблагодарить, — и наткнулась на веселый взгляд знакомого сержанта. Я улыбнулась, парень взял под козырек.

Игорь, державший меня под локоть, быстро оглянулся:

— Сейчас. Г-господин Бажанов обещал оставить машину.

— Можна! — Сержант вновь козырнул и, лихо шлепая по грязи, двинулся к воротам.

И тут я увидела обезьяну. Белая тварь беззвучно промчалась по лужам, метнулась к стене, пропала в сером бетоне.

Рука Игоря успела схватить за плечо. Откуда-то со стороны послышалось гудение мотора. Я закрыла глаза.

2

— Все-таки я рекомендовал бы в храм-лечебницу, магистр. Я ведь не врач. Что мог, то сделал.

— Ей лучше д-домой, Иероним Павлович. Хватит с нее, так сказать, к-казенного дома.

Голос Игоря звучал слева; Молитвинский — справа. Мотор гудел, было тепло и уютно.

— Ирина! Вы слышите м-меня?

Я вздохнула. Да, как говорит господин Бажанов, все! Хватит! Обезьяны так обезьяны!

— Я слышу вас, Игорь. Извините, глаза пока открывать не буду. Больно.

— Под лампой держали, Эра Игнатьевна?

В голосе Молитвина не было сочувствия. Так мог спросить патологоанатом.

— Под лампой, Иероним Павлович.

— Здорово они вас! Я вовремя подоспел: вам ваши, откровенно говоря, коллеги такую мерзость вкололи...

«Лучше сделайте ей еще один укол».

Я вздрогнула.

— Спасибо.

— Иероним П-павлович был, можно сказать, председателем комитета по в-вашему освобождению.

— Не преуменьшайте своих заслуг, досточтимый магистр!

Странно: кажется, Молитвин сердит не только на меня. Но чем ему не угодил Игорь? «Досточтимый магистр» — звучит прямо как «гражданин следователь»!

Спрашивать не стала. Еще успею, да и сил нет. Самой бы из машины выйти!

Возле моего подъезда тоже все изменилось. Сгинули сугробы, жалкие остатки сосулек источали последние капли с мокрого карниза. Весна! И как быстро!

— Вам помочь?

Молитвин смотрел по-прежнему хмуро, но это почему-то уже не расстраивало. Я огляделась по сторонам (никаких обезьян!), улыбнулась:

— Нет, спасибо. Я попрошу досточтимого магистра.

Шаман поправил пальто, кивнул:

— Хорошо. Игорь Дмитриевич, я буду в мэрии.

Наверное, следовало удивиться (Молитвин! в мэрии!), но удивляться я не стала. Похоже, действительно революция. Маленькая такая революция с переодеванием люмпена в черный френч и вселением его в мэрию. Пусть!

— Иероним Павлович! Я хочу вас поблагодарить...

Он покачал головой, губы дернулись:

— Не надо. Мы все равно с вами — по разные стороны... гражданка следователь. Просто в следующий раз, когда сами кого-нибудь под лампу сажать станете...

Я не обиделась. А если и обиделась, то самую малость.

— Я хочу у вас спросить. Как... Как у врача.

Ответом был удивленный взгляд. Игорь кивнул и поспешил отойти в сторону. Я замялась, не зная, как начать.

— Мне... Мне не давали спать. Потом делали какие-то уколы. Я бредила, видела... Видела белых обезьян. Таких странных обезьян, они бегали по снегу...

Он слушал внимательно, не перебивая, и я осмелела.

— А потом... Сейчас. Я снова увидела...

Шаман усмехнулся — невесело, даже зло.

— За психику свою опасаетесь, Эра Игнатьевна? Знаете, в той конторе можно увидеть гораздо худшие вещи. Но это не бред. Такие обезьяны водятся на острове Хоккайдо. И не вы одна их видите. В общем, это даже не обезьяны. На Хоккайдо их называют «коропоки»... Извините, мне пора!

Хлопнула дверца черной машины. Шаман отбыл в мэрию. Белые обезьяны (они же «коропоки») водятся на Хоккайдо. Революция. Весна.

3

— М-может, я вам что-нибудь почитаю?

Я чуть не рассмеялась. Кажется, Маг принимает меня за младенца. Младенца, которого после камеры внутренней тюрьмы ФСБ надо напоить рюмкой коньяка, уложить в кровать... рассказать сказку.

— Вы не об-бращайте внимания, что я заикаюсь. К-когда я стихи читаю, это проходит. Жаль, гитару не захватил.

Я прикрыла глаза. А хорошо бы послушать, как сероглазый читает стихи! Ведь все равно сегодня я ни на что не гожусь, даже телевизор смотреть нет сил.

— Нет, Игорь! Я сейчас полежу, глаз открывать не буду, а вы мне все расскажете. По порядку. И желательно подробно.

Сказала — и растерялась. Вот дура! В этаком тоне только с нижестоящими сотрудниками разговаривать!

Послышался смех — легкий, искренний. Как Игорь хорошо смеется!

— Так т-точно! Надеюсь, рассказ мой б-будет неимоверно скучен, и вы заснете не позже чем через п-пять минут. А может, вам, Ирина, к-колыбельную спеть? Ну т-там, придет серенький волчок... Это я, понятно, не про себя!

От удивления я даже открыла глаза. Вот уж на кого Игорь похож меньше всего! Хотя... Сероглазый Волк — в этом что-то есть.

— Ит-так... О вашем аресте мы узнали только н-на следующий день, около полудня...

Его рассказ менее всего походил на колыбельную. И если я и вправду хотела спать, то сон мигом пропал. Глаза оставались закрыты, но память привычно расставляла факты по местам. Меня арестовали пять дней назад. И за эти пять дней...

Указ № 1400 был передан по радио в шесть утра, после государственного гимна. Он не слишком отличался от виденного мною проекта, но там присутствовал новый абзац — о зверском убийстве священников Рюмина и Егорова.

Их убивали как раз в те минуты, когда Володя Изюмский в последний раз обернулся. А уже через час тела были найдены, убийцы арестованы...

Те, кто придумал это, ошиблись в одном — преступников не вывезли из города. Более того, их оставили в городской тюрьме. Кто-то в столице, подписывая распоряжение, забыл о Первач-псах. Или не принял их всерьез.

«Психоз Святого Георгия», как правило, не трогает тех, кто под арестом. Потому и завидуют нам коллеги в Нью-Йорке и Москве — «мокрушники» сами спешат в камеры. Но на этот раз вышло иначе. А может, и не иначе: за все эти годы убийцы впервые посмели поднять руку на *Его* служителей.

Трое погибли прямо в камерах, через двадцать часов. Последний, уцелевший, был согласен на все — даже выступить по телевидению. Вмешаться его «опекуны» не успели — тюрьма была в ведении прокуратуры, а мои коллеги вовсе не спешили «топить» старшего следователя Гизело.

Это был первый прокол — но не главный. Признание мерзавца-киллера меня бы не спасло. Убийца назвал «заказчиком» одного из «ганфайтеров» Капустняка, но при должном умении все это можно было еще повернуть против следователя-злодея. Однако в восемь вечера в Интернете появились два секретных указа — о военной блокаде и об «организованном переселении». Указы, существовавшие в двух экземплярах и не покидавшие еще президентской канцелярии, умудрились скопировать через полчаса после подписания (как позже выяснилось, каким-то образом проникли в опечатанный сейф, оставив сургучных стражей на месте). Поначалу никто не поверил, но затем, еще через час, по всем ТВ-каналам передали неизвестно откуда взявшийся ролик, демонстрировавший сам момент подписания указов. Ошеломленная президентская пресслужба смогла лишь жалобно заявить, что съемка в этот момент никем не велась.

...Почему-то вспомнился старый-старый фильм, виденный еще в детстве. «Ты меня естеством, а я тебя!..»

Наутро указы перепечатали все газеты мира, а к полудню город вышел на улицы.

— В-вы бы видели! — Игорь рассмеялся, покачал головой. — Эти, к-как вы их называете, «архары», пытались д-драться, но тут подоспели курсанты. Вдобавок г-господа кентавры постарались. Короче, к вечеру мэр изволил б-бежать, наутро скрылись все остальные, и г-господин Бажанов занял, так сказать, кабинет. Т-теперь он наш царь, бог и в некотором смысле в-воинский начальник.

...ФСБ держалось еще сутки. Но когда толпа подошла к огромному серому зданию, двери оказались открыты — все, кто мог, бежал. Меня нашли только через три часа — в секретной камере, прямо на бетонном полу.

— Вначале сказали, что в-вы... — Игорь вздохнул, покачал головой. — Нет! И п-повторять не буду! К счастью, господин Молитвин оказался рядом. Он т-теперь большой человек, входит во Временный К-комитет...

Хотелось спросить, что за Временный Комитет, куда пускают только во френчах, но закрытые глаза уже слипались. Внезапно я почувствовала легкое прикосновение — ладонь Игоря слегка погладила меня по щеке.

Я так и не успела понять, явь это — или уже сон.

Вторник,
второе марта

Уволенная шпионка * Что пишут на борту «Титаника» * «Рюсише саботажник» * ГКЧП, хоть слово это дико * Хитрости оптимальной обороны * «Гроблины» за работой * Почему Третий?

1

Игорь спал на диване, плед сполз на пол, левая рука свесилась вниз. Я подняла плед и, прежде чем укрыть Мага, долго смотрела на его спокойное и какое-то особенно молодое во сне лицо.

На часах — 3.25. Странно, я выспалась и даже отдохнула. По крайней мере настолько, чтобы начать соображать.

Радоваться рано. Честный обыватель, вырвавшийся из внутренней тюрьмы ФСБ, имеет право несколько расслабиться. Укатить на Кипр, например. На худой конец — уйти в запой. Но поскольку я не честный обыватель...

Телефон не работал, радио — тоже, а газ из кухонной конфорки сочился по блокадной норме. Я перетасовала колоду иконок, отобрала нужные — и отложила в сторону. Успеется, внедренный сотрудник Стрела! Нечего отвлекаться! Радио, конечно, важно, но кое-что куда как важнее!

Компьютер — старая верная «семерка» — внешне выглядел совершенно целым. Даже крепления оказались на месте, а желтая тряпочка для вытирания пыли лежала там же, где я ее и оставила, — на мониторе. Но что-то было не так.

Об этом «что-то» я, конечно, знала. Ведь это первое, о чем меня спросили *там*. Винчестер! Ну и рожи были у этих мерзавцев! Винчестер, все дискеты, все записи, фотографии. Кто? Шефы прислали «чистильщика»? Скорее всего. Меня вытащить просто не успели, я ведь была в Малыжине. Подвиги, дура, совершала!

Я присела к столу, открыла левый ящик. И здесь что-то не так. Странно, после «чистильщика» тут должно было заметно убавиться! Откуда эта папка? Синяя, полупрозрачная, чуть надорванная снизу...

Первая же бумага заставила меня похолодеть. *Ее* письмо. Старое, я все не хотела с ним расставаться. Письмо, цветное фото, еще одно...

Мои бумаги — все. Все, кроме тех, что относились к работе. Я быстро просмотрела ящики стола — пусто. Неведомый «чистильщик» поработал на совесть. Но почему он оставил папку? И главное — как ее проморгали *эти*?

Кроме бумаг, в папке оказались дискеты. Тоже знакомые — *ее* письма, *ее* фотографии. Вот и микрокомпакт с памятной записью...

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад...

Я очнулась, с силой провела ладонью по лицу. Чушь! «Чистильщик» не мог оставить такое! А если бы оставил, сволочи со щитом и веруном в петлицах говорили бы со мной совсем подругому! Значит?

Я поглядела на компьютер. Крепления на месте. Выходит, его разобрали, потом аккуратно собрали...

Палец лег на *«Power»*.

Лампочка вспыхнула.

Еще несколько секунд я размышляла о неведомом суперсвятом, способном разбудить мою «семерку» даже без винчестера, но затем экран выстрелил заставку — и все стало ясно.

Винчестер на месте, все программы на месте.

Все?!

Пальцы пробежали по клавиатуре, легли на «мышь». Есть! Есть! Есть!

Нет!..

Нет — программы выхода на связь, резервной программы, кодовой таблицы, записи последних донесений. Ничего! Пусто!

Я поглядела на экран — и вдруг поняла.

Отставка!

Кто-то отправил внедренного сотрудника Стрелу в отставку — полную и окончательную. Бывшему агенту оставили личное имущество, а вот, так сказать, производственное оборудование заставили сдать.

То есть нет. Его сдали без меня.

Итак?

Кто-то успел до моего ареста попасть в квартиру, «почистить» здесь все, забрать винчестер, все дискеты и бумаги. Затем — не спеша с ними разобрался и вернул лишнее. Интересно, когда?

Я быстро перелистала папку. Распечатки, переданной мне

алкашом Залесским, там не оказалось. Значит, ее личным имуществом не сочли. Жаль, я даже прочитать не успела!

Внезапно я ощутила некую странность. Нет, «ощутила» — не то слово. Странность обрушилась, словно бревно на голову.

Отставка?! В конторе, где я работаю?

О таком можно рассказывать лишь глупой сопливой девчонке, какой я была, когда меня подобрали мои добрые-добрые боссы. Дура-девчонка могла поверить в такое — десяток лет работы, счет в банке, домик на Багамах. Но внедренный сотрудник Стрела — давно не девчонка, верящая в сказки. Отставка в нашем деле выглядит иначе: кубик воздуха в вену, кристаллик цианида в бокал с шампанским — или просто пуля. Пуля вульгарис. В крайнем случае, если сотрудник становится инвалидом, его переводят в центральный аппарат — бумажки перекладывать. Но подобное бывает редко, да и зачем? Инвалиды в нашем деле — только помеха.

На миг стало страшно — до холода в позвоночнике; но затем страх сгинул, сменившись полной растерянностью. Даже не растерянностью — ступором.

Чудес не бывает.

Таких, как я, не выпускают живыми. И убивать меня уже поздно, за эти часы предатель мог бы наворотить такое!

Значит?

Значит, еще одна белая обезьяна. «Коропоки», как выразился шаман Молитвин.

Я выключила компьютер и осторожно прошла в гостиную. Игорь спал. Плед опять лежал на полу. Я подняла его, вновь укрыла Мага. Игорь улыбнулся во сне...

2

Какого цвета была машина, подвозившая меня в прошлый раз, я не помнила. И город рассмотреть не получилось — не до того было. Разве что солнце запомнила, солнце и лужи, плескавшие из-под колес.

На этот раз машина была белой, с номерами городской администрации. Вместо знакомого сержанта-«сагайдачника» за рулем оказался некто штатский. Разглядывать его я не собиралась. Город! Вот что по-настоящему интересно! За эти дни он действительно изменился, и дело оказалось не только в неожиданно ранней весне...

Машину прислали в девять утра с короткой запиской Бажанова. Я даже не успела напоить Игоря кофе. Господин Бажанов, исполняющий обязанности мэра и Председатель Временного Комитета Обороны, торопил.

Вначале я заметила репродукторы — черные, похожие на огромные тюльпаны. Такие я видела только в кино, и то в самом детстве, когда по «ящику» крутили фильмы про войну. Про давнюю забытую войну, когда с колоколенок лупили пулеметы и «Фриц» означало не просто сокращение от «Фридрих». Так и казалось, что репродукторы вот-вот оживут и по улицам разнесется: «Граждане! Воздушная тревога! Граждане!..»

Репродукторы молчали. Присмотревшись, я сообразила, что говорить им еще рано — нигде не было проводов. Ни проводов, ни антенн. Просто странные черные цветы, прикрепленные болтами где к кирпичной стене, где прямо к рекламному щиту фирмы «Пепси». Я удивилась — и тут же увидела кентавров.

Как я поняла из вчерашнего рассказа Игоря, с кентами заключено нечто вроде перемирия. Бажанов встретился с их вожаками и даже подписал какой-то протокол. Это было понятно, особенно после Указа, но те двое, что катили нам навстречу... Я глазам своим не поверила: красные повязки, большие нагрудные знаки, знакомая надпись «Патруль».

Патруль?! Кенты патрулируют улицы?! Может, и вправду конец света?

Площадь Свободы, обычно пустая и скучная, тоже стала другой. Напротив входа в городскую администрацию (во времена далекие, для нас почти былинные — обком) суетились рабочие, устанавливая нелепые бетонные плиты. Рядом свесил свой оранжевый нос новенький японский кран. Среди серых курток мелькнул знакомый зеленый ватник. Тех-ник! И не один! Да какого черта, новую очередь метро они рыть собрались, что ли?

По самому верху здания, скрывая окна пятого этажа, тянулось широкое кумачовое полотнище. Белые буквы складывались в слова:

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ!

Я покачала головой. Верно. Нам здесь жить. Лозунг на городских воротах Содома. Или на борту «Титаника».

Автомобиль подрулил ближе, шофер открыл дверцу — и я

поняла. То, что сооружалось здесь, когда-то называлось баррикадой. Саша строил такие — и в августе 91-го, и в октябре 93-го. От августа у него остались фотографии, от октября — шрам на плече...

Возле дверей я оглянулась, посмотрела на глубокое, яркое небо — и вздрогнула. Синий океан пересекали белые тонкие полосы — одна, другая, третья. Самолеты — высоко, где-то на границе стратосферы. Кажется, это называется «инверсионный след». Гражданские не летают тройками, значит...

Началось!

У входа потребовали пропуск. Такового у меня не оказалось, и курсант-«сагайдачник» долго звонил по телефону. Простому, не радио, с треснутым диском. Проводов у телефона не было. Я уже не удивлялась.

3

Бажанов был в форме, но не в камуфляже без погон, а в новеньком мундире. Генеральские звезды тускло отсвечивали среди золотых зигзагов. На груди — тоже звезда, но поменьше, на трехцветной колодке. В петлицах — ажурные крылышки. Вот уж никогда не думала, что этакий громила влезет в самолет!

— Садись, Гизело!

Голос звучал устало, веки набрякли. Не иначе, ночь не спал. Однако выбрит, наодеколонен. Генерал!

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

О некоторых говорят: лицо — хоть сейчас на медаль. Этот до медали слегка недотягивает, но хорош! Слуга царю, отец солдатам! А сейчас, при полной форме — так вообще орел! И голос хорош — хрипловатый, уверенный, каждое слово чеканит. Лапищи здоровенные — крысу с одного раза ладонью прихлопнет. А вот волосы, кажется, все-таки подкрашенные. Чуть-чуть — на висках.

А еще ему интересно, кто меня трахает.

Вот он какой, генерал Бажанов...

— Значит, так, Гизело! Тебя куда — в храм-лечебницу или работать будешь?

Оставалось пожать плечами. Выходит, меня не уволили? Ну, если не уволили...

— Вот и хорошо. Назначаешься прокурором города. Вопросы?

Остолбенеть я не сумела исключительно по той причине, что столбы в креслах не сидят. Однако Бажанов явно истолковал мое молчание по-своему.

— Если все ясно, можешь идти. Заседание Комитета Обороны через пятнадцать минут. Все!

Все?!

Обезьяны, революция, репродукторы, баррикады, кенты в патруле. Все ясно?

— Вы, господин Бажанов, давно Конституцию не перечитывали?

Кажется, он растерялся. Ненадолго, всего на миг. Но вот растерянность исчезла, густые брови сошлись к переносице:

— Намекаешь, значит, Гизело?

— Не намекаю, — вздохнула я. — Согласно Конституции, прокурора города назначает...

Договорить не успела — широкая ладонь с грохотом опустилась на стол.

— Что, и ты саботажник? Крысы вы все, вот что я тебе скажу! И Ревенко твой, и Никанор! Сбежали, сволочи, город бросили! Под суд бы вас!

Снова вспомнилось старое кино. «Ти есть рюсише саботажник! Ми, немецкий зольдатен, будем тебя немножечко вешайт!»

— Я не саботажник, господин Бажанов! И даже не саботажница. Местная администрация может назначить исполняющего обязанности прокурора вплоть до утверждения. А ваш, извините, Комитет Обороны вообще незаконен...

— Угу...

Я ждала, что он взорвется — как авиабомба. Пятисоткилограммовая авиабомба в генеральском мундире с «геройской» звездой. Но взрыв не прозвучал. Бажанов хмыкнул, покачал головой:

— И говорили же мне: на черта нам сейчас прокурор? Эх ты, законник! Ну, будем считать, что я тебя назначил исполняющей обязанности, а Комитет Обороны — это общественная организация. Все равно решения подписываю я — как мэр. То есть временно исполняющий. Довольна?

— Пока, — кивнула я. — Пока не изучу документы. Значит, в городской прокуратуре никого нет?

— И в районных тоже. — Бажанов вновь усмехнулся, на этот раз — зло. — И жорики разбежались, на весь город — девять

офицеров. Ты, Гизело, в прокуратуру пока не ходи, там даже связи нет. Тебе тут кабинет выделят. Ну что, все?

Мгновение я раздумывала.

Сказать? Или обойдется? Нет, надо!

— Господин Бажанов! Вы назначаете на эту должность человека, которому предъявлены серьезные обвинения...

— Ты про попов? — Генерал скривился. — Так раскрутили мы это дело! Попов твоих Капустняк убрать велел. То есть не Капустняк... Ну, ты сама понимаешь. Убрать — и тебя скомпрометировать.

Капустняк? А как же фальшивый ордер? Ладно, потом.

— Меня обвинили не только в этом, — осторожно проговорила я. — Мне предъявлено обвинение... в шпионаже.

— Чего?!

Бажанов недоуменно покрутил головой, вздохнул:

— Слушай, Гизело, ты мне голову не морочь! Как работать — так все вы шпионы! Все, катись, сейчас заседать будем. А кстати, ты не на Штаты работала? Может, они дивизию сюда пришлют, а? На весь город — триста сопляков-курсантов, воюй тут!..

Дивизию? Жаль, нет связи с Девятым. Он ведь обещал боевого слона!

* * *

Меня разместили между френчем и мундиром. Френч был на господине Молитвине, мундир же — на молодом полковнике. Его я не знала. Судя по петлицам — «сагайдачник», по колодкам орденов — тот еще волк. Хотя по лицу и не скажешь: приятное, с ямочками на щеках. Почти как у Игоря.

Остальных, собравшихся в зале заседаний под масляным ликом Президента, я не знала. Президент на портрете выглядел слегка растерянным. Еще бы! Освящать своей особой сборище мятежников! Хотя это как еще посмотреть!

Итак, никого из собравшихся (кроме шамана во френче) я не знала. То есть из людей не знала. Громила-кентавр, пристроившийся в дальнем конце покрытого синим сукном стола, показался мне знакомым. Уж не он ли торчал у господина Молитвина за спиной, пока шаман смирял тихим словом двух других кентов, рвавшихся в квартиру Залесского? Во всяком случае, борода была очень похожа.

Молодой полковник взглянул на меня с некоторым удивлением и попытался завести речь о погоде. Я только бровью повела. Метеоролог нашелся! Вдобавок передо мной лежали бумаги, много бумаг. Указ № 1400, еще два Указа — секретные; решение о создании Комитета Обороны, решения о назначениях, в том числе о моем собственном, план введения особого положения в городе и области.

Все это следовало изучить, да не просто, а с красным карандашом. Я лихо перечеркнула два абзаца в первом же из документов (законы читать надо!) — и остановилась.

Что я делаю?

С точки зрения властей предержащих, я — мятежница.

С точки зрения моих боссов... То есть моих бывших боссов...

Бывших?

Красный карандаш замер, бессильно опустился. У меня нет санкции на такое. Даже если (еще одно чудо Маниту!) мне разрешили «выйти в тираж», мое место не здесь, а где-нибудь на Антильских островах. Действующий сотрудник должен держаться серой мышкой, незаметно, а уж отставной — и подавно! Не мышкой — землеройкой.

Но что же делать?

Вспомнились отвислые щеки Никанора Семеновича, пропитая рожа Ревенко. Прав Бажанов — крысы! Крысы и сволочи! В Указе ничего нет о массовом бегстве работников прокуратуры. Изюмского бы сюда! Володя бы им показал!

Я вздохнула. Нет, бедняга-дуб такое не потянул бы. Тут требуется не «голубых» мордой на паркет укладывать. Законы, параграфы, Конституция, толкования Конституции.

Как сказал бы Володя: блин!

Вот уж поистине — блин!

Так что же я тут делаю?

Я покосилась на черный френч. Господин Молитвин был суров и сосредоточен.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Странно, как одежда меняет человека! В рванье да в шапке-бирке он и в самом деле походил на шамана из чума. Теперь же — хоть на экран, белогвардейцев недобитых играть. Что-нибудь вроде: «К чегту, кгасная сволочь! Когниловцы не сдаются!» Только цвет лица странноватый — серый какой-то, неживой.

А еще — губы. Бесцветные, словно воском покрытые.

Вот он какой, Молитвин Иероним Павлович...

Ладно, если даже алкаши вышли Отечество спасать!

Как бы я написала в очередном докладе? «Ввиду форс-мажорных обстоятельств...»

Итак, ввиду форс-мажорных обстоятельств внедренный сотрудник Стрела была вынуждена стать прокурором у мятежников. Почти как Камилл Демулен — Прокурор Фонаря. Вперед, сыны Отчизны милой, мгновенье славы настает!

— Заседание Временного Комитета Обороны объявляю открытым...

Замечталась!

Бажанов уже на месте, золотые звезды сверкают. Интересно, с кого начнем? С полковника? Мятеж все-таки!

— Госпожа прокурор, вам слово!

Опаньки вам! И чего я им сейчас скажу? «Граждане! Отечество в опасности! Первое — гильотину на площадь!..»

4

— В связи с этим, — резюмировала я, — Указ № 1400, равно как и два последующих, незаконны как нарушающие сразу семь статей Конституции. Даже если Законодательное собрание их утвердит, они не вступят в законную силу. Предлагаю направить соответствующее заявление в Конституционный суд. Проект будет готов к вечеру.

— Хорошо, — нетерпеливо кивнул Бажанов. — Направляйте! А теперь...

— Погодите! — возмутилась я. — Что значит «теперь»? Теперь, господин временно исполняющий обязанности мэра, будет самое интересное. Из документов, принятых за последние дни, которые я успела просмотреть, четыре полностью незаконны, два — в большей части, не говоря уже о том...

Все-таки меня выслушали, хотя призрак гильотины явственно проступал над моей головой. Выслушали, согласились, попросили подкорректировать. Корректировщика нашли! Да тут половину выкинуть, оставшуюся — сжечь!..

Я плюнула (мысленно, конечно) и взялась за карандаш.

Речь молодого полковника я слушала вполуха. Мосты, дамбы, путепроводы, подъездные пути, железнодорожное полотно... Запомнилась лишь его фамилия — Старинов — и фраза о «тотальном минировании». От таких слов обычно волосы встают

дыбом, но я восприняла их с непонятным равнодушием. А что я хотела? *Их* танки, как сообщил тот же Старинов, стоят под Белгородом, всего в семидесяти километрах. Танки, колонны с мотопехотой, самоходная артиллерия.

Прозвучало знакомое слово — «Покров». «Покров»! Вот, значит, что они задумали!

Мелькнула и пропала мысль о невероятности происходящего. Невероятного тут мало, точнее, вовсе нет. *Это* уже происходит. Почему-то вспомнилось, как мы в колонии смотрели «ящик». Тогда как раз танки шли на Грозный, и мы с подругами бились об заклад на пайку — сколько дней продержатся чечены. Никто не выиграл, самые большие оптимистки загадывали неделю. Потом я повесила над нарами портрет Дудаева — и в очередной раз угодила в карцер. Но ведь Грозный все равно взяли!

— Это не имеет смысла!

Я вздрогнула от неожиданности. Или господин Молитвин чужие мысли научился читать?

Шаман из шалмана медленно встал, поправил френч, рука скользнула к отвороту. Наполеон! Еще бы треуголку!

— Товарищи! Или, если вам угодно, господа...

По его лицу скользнула странная усмешка, такая же, как в нашем с ним разговоре о 91-м годе.

— Я согласился войти в этот ГКЧП исключительно для того, чтобы вы, господа военные, не наделали больше глупостей, чем может вынести наш город. Что такое ГКЧП, пояснить?

Те, кто был помоложе, переглянулись, но переспрашивать не стали. Молитвин покачал головой:

— Бред, который вы называете планом «Покров», не имеет смысла. Боюсь, лекция в данном месте и в данное время будет излишней, посему попытаюсь объяснить попроще. Наш город — особый. Это отдельная новая реальность, имеющая нетрадиционные свойства. Одно из них я бы назвал упругостью...

Теперь уже переглянулись все — кроме невозмутимого Бажанова.

Шаман подождал несколько секунд, словно и вправду читал лекцию перед нерадивыми студентами:

— Поясню на примере, господа. Три дня назад ваши, э-э-э, коллеги из Соединенных Штатов после известной неудачи «маневров» их флота попытались ввести национальную гвардию в район, подобный этому. Под предлогом эпидемии. Результат вам известен. Первое — среди национальных гвардейцев началась настоящая эпидемия, причем огромных масшта-

бов. Похоже, там намечается еще одна эпидемия — психическая. Кто-то пустил слух, что на кладбищах встают покойники. Многие уже это видели, население бежит на север...

Я вздрогнула. Те, что заставили меня увидеть Ад, упоминали о чем-то подобном. *«Янки какую-то эпидемию придумали — «болезнь легионеров», что ли? И ничего, съел Конгресс...»* Выходит, правда, Большая Десятка благословила «особые меры»! Даже в Америке! Но гладко было на бумаге...

— Второе. У побережья снова начался сильный ураган. Подразделение «морских котиков», пытавшееся высадиться с подводной лодки, было атаковано акулами. Теперь Китай. О том, что происходит в Пекине, вы уже знаете, но сегодня утром сообщили о Тибете. Китайские войска, намеревавшиеся подойти к району Пачанга, очень похожему на наш, полностью отрезаны лавинами. Пошли слухи о нападениях якшей, или йети, или черт знает кого. Дивизия «Великий Поход» погибла почти полностью, якобы будучи атакована всадниками Гэсэр-хана. Вертолетный полк просто исчез — по слухам, машины провалились сквозь землю или растворились в воздухе. Председатель военной комиссии ЦК сошел с ума...

Присутствующие зашумели. Бажанов нахмурился, пальцы ударили дробью по столу:

— Господин Молитвин! Эти факты нам прекрасно известны. К чему вы ведете? Что наш город будет обороняться сам? Сам по себе?!

— Да. Город будет обороняться *сам*. Мы можем только одно — не мешать. Все ваши мины вкупе с диверсантами ничего не дадут... Более того, меры подобного толка крайне опасны.

— Одно другому не помешает, — невозмутимо усмехнулся молодой полковник. — А вы не могли бы разъяснить, так сказать, методы этой, г-м-м, самообороны? Ее глубину, интенсивность? Ведь у нас ни моря, ни гор!

Молитвин невозмутимо пожал плечами:

— Извольте, господин Старинов. Оборона будет *оптимальной*. Она будет вестись до той черты, пока город будет сохранять, извините за философский термин, самость. К сожалению, вы правы: у нас — ни моря, ни гор. Аналогичная ситуация сложилась в Индии, в штате Уттар-Прадеш. Там правительственные войска сумели войти в блокированную зону и начать депортацию населения. Но перед этим они потеряли все танки и приблизительно половину личного состава. Упругость имеет свои пределы, господа. Как и любая оборона. А наш ГКЧП, простите, Комитет, с моей точки зрения, должен в первую очередь озаботиться поддержанием порядка и эвакуацией населения из наиболее угрожаемых районов. Это прежде всего север и центр. Надеюсь, вам все понятно, господа?

Шаман замолчал, но остался стоять, а я вновь почему-то подумала о его френче. Где только взял? Такого уже не носят лет двадцать!

— Простите, господин Молитвин! — полковник Старинов встал, недоуменно повел головой, словно призывая остальных в свидетели. — Мне лично не все понятно. Я знаю, что такое оптимальная оборона — в обычном смысле. Но то, что вы утверждаете... это, извините... Чем может обороняться город? Как? Мы должны это знать! Иначе выходит вроде того, что нам надо оборонять Диснейленд, а вы предлагаете ждать, пока оккупанты не заблудятся среди аттракционов!

Шаман кивнул:

— Хорошее сравнение, господин Старинов! Заблудятся, поломают ноги, испугаются... Но у нас не Диснейленд. Наша реальность не создавалась людьми (вернее, и людьми тоже, но только на первых порах), у нее свои законы. Город будет сопротивляться до одному *ему* ведомой черты. Может, до полного уничтожения. А может, до реальной угрозы жизни населения.

— И тогда ваша, так сказать, «реальность» капитулирует? — поинтересовался Бажанов, не поднимая глаз от какой-то бумаженции на столе.

— *Наша* реальность, господин исполняющий обязанности мэра. Наша! Да, тогда город капитулирует. А детали... Почти уверен, что у части нападающих начнется «психоз Святого Георгия», особенно у тех, кто будет угрожать жизни населения. А вот у многих из наших сограждан, кто будет действовать в пределах необходимой обороны, этот всем нам известный психоз исчезнет абсолютно.

— Значит, Первач-псы им покажут? — бросил кто-то. — Вот это дело!

Послышался довольный гул. Молитвин поднял руку:

— Я только предположил. Город тоже готовится к обороне. Рискуя забраться в научные дебри, предположу, что в эти дни наша реальность углубляется очень интенсивно, быстрее, чем за все прошедшие годы. Более того, происходит интеграция. Непонятно? Тогда поясню. Многие из вас видели белых обезьян...

И вновь мне стало не по себе. Белые обезьяны, страшный хоровод. Хоро-вод. Круг Смерти.

— Мне уже приходилось пояснять кое-кому из присутствующих, что это не совсем обезьяны. На Хоккайдо, у айнов, их называют «коропоки». Между прочим, на севере Хоккайдо существует... существовал район, подобный нашему. Пять дней назад он был без боя занят частями Сил Самообороны, население вывезено, сейчас там идут взрывные работы. Как видите, тот район не стал обороняться — зато «коропоки» появились у нас. Это — демоны, потомки первых обитателей земли.

— Интернациональная помощь? — ввернул кто-то. По залу пробежал смешок, но Молитвин остался бесстрастен.

— Может быть. Во всяком случае, никому не советую трогать этих... беленьких.

— Благодарю вас, господин Молитвин. — Бажанов встал, неторопливо повел широкими плечами. — Ваши, так сказать, пожелания мы по возможности учтем...

— Э-э, погоди, начальник! Пущай Ерпалыч до конца пояснит!

Я только моргнула. Надо же, мотоцикл заговорил! Знакомый мотоцикл! То-то этот бородач Молитвина «Ерпалычем» величает!

Кентавр грузно приподнялся, кулачищи ткнулись в синее сукно:

— Ты, Ерпалыч, не смотри, что они тут все молчат. Ни хрена здесь никто не понял! И я не понял! Выходит, чего, наш город — разумный, что ли? А если разумный, так поговорить бы с ним!

По залу прошел легкий гул. Я покосилась на шамана. А ведь действительно, устами китовраса истина глаголет!

— В какой-то мере это верно. — Молитвин задумался, бледные губы сжались. — Сейчас... Сейчас это разум младенца, поэтому вести переговоры будет несколько затруднительно. Однако вскоре такая возможность может представиться. Я ответил на ваш вопрос, Фол?

Ага, точно! Мотоцикл марки «Фол», помню!

Кентавр почесал буйные кудри, хотел что-то сказать, но не решился.

— Продолжим! — Бажанов переложил бумаги на столе, окинул взглядом собравшихся. — Переходим к вопросу о продовольственном обеспечении...

5

Кабинет мне выделили на втором этаже, окнами на площадь. Баррикада у входа росла, матерела на глазах. С грузовиков сгружали мешки с песком. Я взглянула на небо — белые полосы, виденные мною утром, исчезли, но поверх них весело

тянулись новые. *Эти* тоже не теряли времени даром. Походя подумалось, что полеты над городом запрещены, есть даже специальное постановление — правительственное. Я попыталась вспомнить его номер, но махнула рукой. Какое уж тут постановление! *A la guerre*, как известно...

В кабинете оказался стул, стол, электрический чайник, дисковый телефон (без проводов) и компьютер — пожилая «семерка», такая же, как у меня дома. Небогатый инвентарь у Прокурора Фонаря! Ладно, вначале телефон. Проводов нет, гудок странный, визгливый — но работает.

Из одиннадцати районных прокуратур откликнулись три. В двух — по трое сотрудников, в третьей — только сторож. Наше четырехэтажное здание молчало. Значит, сбежали все. Наверное, в эти минуты Никанор Семенович докладную строчит — ужасы здешние описывает. И Джека-Потрошителя помянет, что персонально работников прокуратуры ел да на рога поднимал, и белых обезьян, которые лично Никанора к царю преисподней Яме тащили — не дотащили.

Я положила трубку, задумалась и уже без всякой надежды позвонила в горотдел. Как там сказал Бажанов? Девять офицеров на весь город?

Как ни странно, жорики откликнулись сразу:

— Дежурный по городу старший сержант Петров слушает!

Не может быть! Ай да буян!

— Ричард Родионович? Это Гизело, из прокуратуры.

Молчание, затем изумленное:

— Эра Игнатьевна? Слушаю вас, госпожа старший следователь!

— Увы, нет, — вздохнула я. — Назначена прокурором города — исполняющей обязанности. Как там обстановка?

Опомнился Петров на удивление быстро, и через пару секунд из трубки полилось привычное: организация дежурств, сводка происшествий, назначения. То есть, конечно, привычного оказалось мало. Из офицеров-жориков в городе осталось хорошо бы девятеро — трое; все вакансии временно заполнены сержантским составом, организовано патрулирование силами граждан кентаврийской национальности, подготовка к эвакуации в разгаре, многие жители уходят сами, особенно из северной части города, в связи с чем все резервы направлены на охрану дорог и организацию движения.

Зато радовали сводки. За исключением двух корявых попыток разграбить пустые квартиры, больше происшествий не бы-

ло. То ли местная шпана затаилась, то ли попросту из города рванула. Вместе с прокуратурой.

— Ясно, — подытожила я. — А как там ваш друг? Крайцман который?

Сводку по Малыжину я еще не видела. Да и успели ли ее вообще составить?

Трубка молчала, затем послышался тяжелый вздох:

— В госпитале Фимка. Кома у него, вывести не могут. Был у него утром. Тетя Марта... То есть гражданка Крайцман седая вся, не узнать.

Расспрашивать не стала. К сожалению, бедняга Изюмский и жертвы там, в подземелье, оказались не единственными, кому не повезло в тот страшный день.

С телефоном было покончено, и я занялась бумагами. Разобраться в этой (черт ногу сломит!) правовой самодеятельности господина Бажанова оказалось мудрено. С запросом в Конституционный суд дело тоже не ладилось — требовались точные ссылки на кучу законов. Я включила компьютер. Модем в нем имелся, старенький, на 57.600, но — сойдет. Кабель нашелся в ящике стола. Подсоединить его к телефону без проводов и начертать знак соединения было делом одной минуты. Если сработает...

Сработало! Я нырнула в бездонный омут Интернета — и мигом забыла о сервере Конституционного суда, куда первоначально целилась.

Мир гудел. Нет, не гудел. Это слово слишком слабо передавало то, что доносилось со всех концов. Вопрос об импичменте Президента США, попытка военного переворота в Индии, смертники-камикадзе атакуют императорский дворец в Токио, всеобщее восстание на Тибете во главе с далай-ламой Тензином Гьяцо XIV, престарелым лауреатом Нобелевской премии Мира; еще одна попытка импичмента — но уже нашего Президента. Нижняя палата категорически отказалась утвердить Указ № 1400...

Что ж, как аукнулось... Но, увы, это оказалось не все.

...Пандемия «болезни легионеров» в пяти штатах США, чудовищной силы ураган у берегов Китая, остров Окинава под ударами цунами, саранча в Бразилии, Амазония исчезла под волнами, землетрясение на юге Франции, в Марселе — тысячи жертв и тоже опасность эпидемии...

Я отвела глаза от страшных сводок. Стихия? Увы, нет. Даже я способна понять такое. Мы, люди, переступили границу. Второе Грехопадение, как сказал бы несчастный отец Александр. Неужели он оказался прав?

Или это — только начало?

«И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?»

6

По экрану медленно переливались цветные сполохи, а за окном уже чернел ранний мартовский вечер. Затылок ныл, не помогли даже таблетки пенталгина — две подряд. Все, что можно сделать, — сделано. Прокурор Фонаря потрудилась на славу. Запрос лежит в Конституционном суде (как выяснилось, третий за последние четверо суток), бажановские бумаги приведены в относительно божеский вид, изловлены два мальчишки-практиканта и назначены моими заместителями (посмеяться бы, да не смешно!).

Пора домой.

Домой?

В пустую квартиру? к сиротливой колоде одноразовых иконок на кухне? к микрокомпакту с записью, над которой я давно устала плакать? И к Дамоклову мечу. Нет, не мечу — гильотине, чей треугольный стальной нож тихо холодит шею отставного (отставного ли?) сотрудника Стрелы.

Ну уж нет!

Лучше ужасный конец — чем ужас без конца.

Прав Гете, прав!

Компьютер!

«Паутина».

«Паутинка, паутинка! Покажи скорей картинку!»

Поехали!

Оба мои сервера (и основной, и резервный) не откликались. Иного я и не ожидала, сервера — обычные «лягушки»-роутеры; настоящие адреса ни мне, ни другим сотрудникам ни к чему.

Я уволена, «лягушки» сменили кожу. Остается третий сервер, последний. Вообще-то мне о нем знать не положено, к тому же это не «лягушка» — настоящий. Ну-ка, ну-ка! Какой там **URL**?..

Пробуем!

Через полчаса я выключила компьютер и устало закрыла глаза. Бесполезно. Меня там не ждали. *Login, password*... Логин-то мой сервер «съел», но откуда мне знать пароль? Дверь заперта, надежная стальная дверь, стучись хоть лбом — внутри и не услышат.

Наверное, так чувствует себя нищий зимней ночью возле входа в ресторан. Или Робинзон, провожающий взглядом корабль, не пожелавший пристать к острову.

Все?

Под окном раздался нестройный крик. Я выглянула наружу. Ну конечно, камлают! Баррикада готова, батюшка уже освятил, теперь Тех-ник ячменной мукой посыпает, а остальные руками машут, дабы стояло прочнее. А вот и журналисты! Откуда только взялись, репортеришки?

А что, если?..

Мысль вначале показалось дикой, потом — опасной и под занавес — на диво простой.

Я сняла трубку.

* * *

Тот, кого мне прислали, не вызывал доверия. Во всяком случае, сей краснорожий дядька в зеленом ватнике менее всего ассоциировался с чудо-хакером. Выслушав мой сбивчивый рассказ и мельком взглянув на номер, он долго мычал, скреб небритый подбородок и (наконец!) заявил, что без «гроблинов» в этом деле — никак.

Спорить я не стала. «Гроблины» — так «гроблины». Почему-то подумалось об упырях. Вот щелкнет сейчас господин Техник пальцами, и соткется из тумана их сиятельство граф Влад Цепеш Дракула с паролем в белоснежных клыках...

Обошлось без Дракулы. Дядька сходил в буфет, принес две банки кока-колы и принялся шаманить. Я отвернулась, дабы не смущать. Поглядел бы на меня Игорь! То-то б посмеялся! Посмеялся — а следом и статью бы написал. Что-нибудь вроде «Кока-кола как элемент компьютерной магии».

Куда там культу «карго»!

За моей спиной зашипело. «Гроблины»? Я обернулась, но

таковых не обнаружилось. Шипел Тех-ник — истово, словно очковая кобра в брачный период. Я только вздохнула.

Наконец шипение прекратилось, после чего дядька самым равнодушным тоном предложил мне «включаты машинку», на прощание посоветовав: «Якщо надто завырують — рэсэтом клятых!» Внезапно я почувствовала себя в положении ученика Бэкона. Тот тоже «гроблина» вызвал. И не он один. Как говорится, *homo fuge*!

Ладно! Прости, Троеручица!

Нужный сервер по-прежнему молчал. Я ткнулась, заработала еще один синяк на лбу. Без толку!

Ну, Тех-ник, погоди!

Я представила, как тыкаю дядьку носом в непробиваемый «пассворд» с последующим допросом по поводу качества кока-колы, заранее озлилась...

...И ахнула.

На экране возник чертик.

Как Дракула из тумана.

Маленький, черненький, ушастенький.

Батюшки-светы!

Пока я судорожно вспоминала все, что знала о белой горячке и злокозненных компьютерных вирусах, чертик деловито осмотрелся, сунул два пальца в рот.

Из динамиков послышался переливчивый свист.

Я перекрестилась.

Чертика скрутило судорогой, последовал укоризненный взгляд. Затем — снова свист, следом за чем ушастый покрутил пальцем у виска (явно по моему адресу), отвернулся.

— *Hey, diddle, diddle!*..

Я обреченно вздохнула. Поет! Ни слуха, ни голоса... Лючано, блин, Паваротти!

Чертиков стало три.

Я моргнула.

Десять!

— *Hey, diddle, diddle!*

Когда ушастые заполнили экран, я малость пришла в себя. Стало быть, «гроблины». Чертями я их, конечно, зря назвала — ни копыт, ни рогов, ни хвоста, зато уши! И гребень вдоль спины!

— Работать будете?

Вся компания на миг замерла — и сразу из динамиков послышалось то, что наши переводчики американских фильмов обычно передают расхожим выражением «черт побери!».

— Ясно...

Вспомнился дядька. Палец лег на *«reset»*.

— *Hey!!!*

Ушастая компания замерла.

— *No! No! Ple-e-ease!*

Броуновское движение прекратилось. Ушастые собрались в кружок, пошептались. Один махнул лохматой лапкой:

— *Ahoy!*

— *Ahoy!* — дружно отозвались остальные. И мигом на экране возник забор.

Кирпичный.

Кирпич был крупный, ярко-красный, явно заморского происхождения. Сбоку пристроилась калитка — из блестящей стали, с огромным висячим замком.

— *Ahoy! Ahoy!*

Я решила ничему не удивляться. В конце концов, почему бы среди прочих хакерских программ не написать и такую? С «гроблинами»? Правда, в тех же американских фильмах этих ушастых зовут слегка по-другому...

Ушастые работали. Вся компания, держа в руках маленькие щеточки, лазила вдоль забора и во весь дух драила кирпичи.

— *Ye!*

Один из чертиков радостно подпрыгнул, лапа указала вниз. В заборе медленно проступил круглый лаз.

— *Ye! Ye!*

Лазов оказалось два.

Я не успела опомниться, а вся компания уже суетилась возле образовавшихся отверстий. Каждый ушастик держал в лапах нечто, напоминающее посылку или пакет. Пакеты были перевязаны цветными ленточками. Один из «гроблинов» прижал пакет к животу и скользнул в лаз.

— *Hey, diddle, diddle!*

Ушастые один за другим исчезали за забором и быстро возвращались обратно — уже без пакетов. Работа шла быстро. Пакет — лаз — назад, пакет — лаз — назад...

— *Ye-e-e!*

На экране произошли изменения. После очередной порции пакетов забор еле заметно дрогнул — и сквозь отверстия начало вываливаться что-то, напоминающее скрученные свитки. Ушастые с визгом расхватали добычу...

— *Root! Root!*

Вся компания выстроилась кружком, самый ушастый и гребенчатый встал посередине. Палец с длинным когтем уткнулся в грудь кому-то из «гроблинов» напротив:

— *One-two! Freddie waits for you!*

Считалочка кончилась быстро. Одного из ушастых вытолкали вперед.

— *Root! Root! Root!*

Бедняга «гроблин» ссутулился, опустил голову. На его спине начала медленно проступать надпись **«ROOT»**. Десятки лапок дружно подтащили его к лазу. Мощный пинок — и ушастый уже за забором.

Шли минуты. Я ждала, мои веселые помощнички — тоже. Кто-то вполголоса напевал *«Hey, diddle, diddle!..»*

Но вот забор еле заметно сотрясся. Появился лазутчик — чуть живой, на полусогнутых. В зубах он держал посылку, напоминающую...

...Напоминающую маленькую неоновую рекламу — светящееся слово...

PASSWORD

Все еще не веря, я хотела протереть глаза, но ушастики, проорав нечто труднопонимаемое, весело строились — в три шеренги, по росту. Послышался знакомый залихватский свист.

— *Glory, glory, hallelujah!*

— *Glory, glory, hallelujah!*

Вся шайка-лейка, высоко вздымая босые лапы и чеканя шаг, церемониальным маршем уходила за срез экрана. Слово *«Password»* росло, наливалось огнем...

И тут все сгинуло. Передо мной был знакомый экран, запертый сервер...

То есть уже не запертый...

Не может быть!

Ура!

Ура и аллилуйя!

Набирая личный код, я вдруг сообразила, что так и не поблагодарила моих чертенят. Оставалось надеяться, что в буфете еще есть кока-кола.

7

«Всем! Я Стрела! Прошу отозваться и выйти на связь».

Там, в неведомой дали, молчали. Я кожей чувствовала это молчание — настороженное, изумленное. Наконец медленно, словно нехотя, по экрану поползли слова.

«Назовите факт из своей биографии, не упоминавшийся в ваших докладах».

Я не удивилась. Странно, что *они* вообще откликнулись.

«Стрела — всем. После смерти «Паникера» мне предлагали работу в центральном аппарате — в секторе «Омега». Со мной говорил пожилой человек со шрамом на левой щеке».

Тогда я отказалась. Не хотелось никого из *них* видеть. А потом жалела. Кажется, загадочная «Омега» — обыкновенный архив.

И вновь молчание. *Там* думали. Хорошо, если бы среди *них* оказался Девятый...

«Третий — Стреле...»

Кто?! Какой еще к черту!..

«...Где вы сейчас? Нуждаетесь ли в немедленной помощи?»

Удивляться я решила потом. Надеюсь, под помощью загадочный Третий не имеет в виду визит «чистильщика» с «набором Стишинского» («парабеллум», в котором вместо пуль — капсулы с цианидом)?

«Стрела — Третьему.

В немедленной помощи не нуждаюсь. Нахожусь в здании городской администрации (бывший обком). Назначена прокурором города. Осталась без связи».

Ответ на этот раз не заставил себя ждать:

«Третий — Стреле.

Сеанс связи завтра, в 9.30 утра через этот сервер. Храни вас Господь, Стрела!»

И вновь я не успела сказать «спасибо».

8

Напрасно я собиралась домой. Меня не пустили. И никого не пустили — Бажанов распорядился не выпускать «комитетчиков» из здания. Я получила ключ с номером «2-12» от загадочного «КЛО», оказавшегося всего-навсего «комнатой личного отдыха», расположенной отчего-то в подвале — окошко под потолком, диван, умывальник в углу, старенький телевизор на тумбочке с жестяным номером на боку, антикварная электропечь с открытой спиралью.

А в полночь прилетели самолеты.

Среда,
третье марта

Капитаны или боги? * Репродукторы ожили * «Братва» уходит на фронт * Я — Двенадцатый * Силами одного парашютно-десантного * У меня есть за что умирать * Подснежник

1

Стекла мелко дрожали. За окном стоял рев, затем послышался грохот...

Я поставила на электропечку джезву с кофе. Малиновая спираль неярко светилась в темноте. Руки слегка подрагивали — в такт стеклам. Дважды меня звали в бомбоубежище, но я решила остаться. Я и так в подвале, а это еще не война. Гавриками за окном просто хулиганили — снижались, носились на бреющем почти над самыми крышами, переходили звуковой барьер. Противно до невозможности — но не смертельно. А если и вправду решат ударить, то бомбоубежище не спасет. Бывала я в нем — старое, полувековой давности, построено с расчетом на пятисоткилограммовки.

Площадь за окном тонула в темноте. Последний прожектор потушили час назад. Береженого, как известно...

Стук в дверь я услыхала не сразу. На часах — половина второго. Опять в бомбоубежище? Не пойду!

— Д-добрый вечер, Ирина! То есть, к-конечно, доброй ночи!

Я вскочила, замерла. Маг? Здесь?!

— Извините, все м-магазины закрыты, достал только тюльпаны...

Игорь улыбался, и даже темнота не могла скрыть ямочку на его подбородке.

Я опомнилась, взяла букет, пальцы коснулись его руки...

— Игорь! Вы с ума сошли! Вам надо немедленно...

Сзади послышалось шипение, и я с запоздалым сожалением вспомнила о кофе. Игорь провел рукой по лицу, устало вздохнул:

— Если вы н-намекаете на эвакуацию, то н-не желаю — и конец! П-попросился сюда, мне не отказали. В-вакансий, похоже, много.

Кофе было поздно спасать, цветы — некуда ставить. Я заметалась по комнате...

Громыхнуло — совсем близко. Жалобно звякнуло стекло. Какой-то ублюдок перешел звуковой барьер прямо над нашей

крышей. Меня шатнуло, тюльпаны рассыпались по полу — и сразу его рука поддержала меня под локоть.

— Сегодня б-бомбить не будут. Министр обороны заявил, что это, так сказать, п-показательные полеты. Давайте п-просто посидим!

Его плечо было совсем близко. Я осторожно протянула ладонь, коснулась его пальцев. Игорь вновь улыбнулся:

— Н-ничего, ничего! Скоро улетят, у н-них, мерзавцев, керосина мало.

Отвечать я не стала. Какое мне дело до всей этой сволочи? Сероглазый Маг рядом, его ладонь касается моей. И даже свет включать не надо. Светомаскировка!

Это продолжалось долго, целую вечность. Нет, не продолжалось! Время остановилось, застыло, словно вода в старом болоте. Грохот, рев, звон стекла — и моя рука в его руке. Я могла лишь молиться, чтобы керосин в баках не кончался, чтобы подлец-министр прислал сюда новые эскадрильи...

Тишина упала внезапно — как двухтонная авиабомба. Игорь осторожно отнял руку, встал. Я разочарованно вздохнула и принялась поднимать тюльпаны с пола.

Взгляд скользнул по циферблату. Без пяти два. Неужели прошло всего полчаса? Какая короткая вечность!

Да, вечность кончилась. Я вновь взялась за кофе, Игорь принялся пересказывать последние новости. Я почти ничего не понимала — просто слушала его голос. Лишь однажды меня дернуло: Маг упомянул знакомые имена. Вчера в столице, на кладбище Донского монастыря, хоронили отцов Николая Рюмина и Александра Егорова...

А я даже не помолилась за них — новопреставленных! Неужели еще и этот камень на душу? Если бы не я, кто знает, может, и не было бы этих страшных похорон?

Настала очередь рассказывать мне. Да только о чем? Будни нашего «ГКЧП» (как выразился бы шаман Ерпалыч) — материя скучная. Разве что о самом господине Молитвине? Игорь — фольклорист, ему интересно будет.

Я не ошиблась. Маг слушал внимательно, не пропуская ни слова. Даже на кофе, столь кроваво сваренный (без всякой вышней помощи!), внимания не обратил. Потом задумался. Затем попросил кое-что повторить.

— Умно! — наконец проговорил он. — Ох, неглуп г-господин шаман!

— Кофе! — рискнула напомнить я. — Игорь, я очень старалась!

— К-конечно! Конечно!

Маг сделал большой глоток, но даже не почувствовал вкуса.

— Неплохое д-дополнение к теории Олд-Шмуэля. Не рассказывал? Расскажу обязательно — п-попозже. Только сказавши «алеф», господин Молитвин решил не упоминать «бейта». А ведь это очевидно!

Игорь встал, чуть не перевернул чашку, пальцы щелкнули:

— К-конечно! Если допустить, что город... То есть не город, а н-новая реальность в какой-то мере ощущает себя... То... Вы понимаете, Ирина?

В эту минуту он был особенно красив. Человек *думал*. Умный, сильный человек — с маленькой ямочкой на подбородке.

— Это очевидно! Ст-тарина Гегель понял это еще два века назад! Абсолютный Д-дух ищет воплощения! Ему нужен человек! Разум! Так сказать, к-капитан корабля! Поиск, к-конечно, будет долгим, методом проб и ошибок, затем — адаптация, она т-тоже будет нелегкой. Но!.. Вы понимаете, Ирина?

— Кажется, да.

«...Сейчас это разум младенца, поэтому вести переговоры будет несколько затруднительно. Однако вскоре такая возможность может представиться...»

Вот что имел в виду шаман!

— Этот человек, Ирина, сможет не т-только частично контролировать ситуацию, но и в какой-то мере направлять ее! Значит, тогда... За последние дни в м-мире было атаковано один-надцать районов, подобных нашему. Отбились п-пять. Отбились п-потому... Потому что т-там уже были, так сказать, «капитаны»!

Отбились? Цунами, эпидемии, лавины...

— Это не капитаны, Игорь! Это — боги!

Вспомнилось: темное подземелье, недвижное тело на старом надгробии с изуродованными ангелочками.

*«...Мы еще встретимся, старший следователь Гизело! Встретимся — но уже не здесь. **Мое** царство скоро будет всюду!..»*

Выходит, Капустняк — или *тот*, что назвался Капустняком, — тоже решил эту нехитрую задачку? Только бандит не стал ждать, пока Город его отыщет. Он вызвался *сам*.

Я ВОЗЬМУ САМ — как в одном старом романе.

— Б-боги? — Игорь задумался. — Скорее, хранители П-печати. Так сказать, Легаты. К-как у Иоанна Богослова, помните? И снял т-такой-то по счету Ангел печать...

Я помнила. Ангел снимает Печать... Армагеддон уже прошел, последние уцелевшие бегут, спасаясь от Железного Посоха...

«И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?»

— Так что же это, Игорь? Конец? Всем нам?

Я посмотрела в черное окошко под потолком и внезапно почувствовала себя под сводами склепа.

— Н-нет!

Его рука дотронулась до моего плеча. Склеп исчез.

— Это новый мир. И н-нам здесь придется жить. А с вами, Ирина, н-ничего не случится. Честное с-лово! Я не позволю!..

Теплая ладонь коснулась моих волос.

Я сдержалась — не разревелась, не кинулась ему на шею. И не скромность помешала, не конспирация, будь она трижды!..

Просто я вспомнила.

Мне уже обещали это. Давно, так давно, что я успела забыть. Саша рассказывал мне древнее предание своего народа. Странного народа, считающего себя потомками ангелов.

...Конец света наступит, когда придет на землю Вечноживущий Владыка и соединятся вместе Четыре Реликвии, потерянные в далекие века. И тогда потомки ангелов снова станут Светом. *«Эхно лхаме»* — будут как Свет. Все — живые и мертвые.

Трудно сказать, верил ли Саша. Может, и верил. Ведь показывал же он мне фотографию Мессии — Владыки Вечноживущего! А мне стало смешно — и немного обидно.

И тогда он сказал — спокойно, без тени шутки. Он не оставит меня. Меня и нашу дочь. Он вернется. За мной. За нами. Ангелом, светом — вернется. Вернется — и поможет.

Теперь ты, наверное, ангел, Саша!

Только тебе больше не вернуться.

Сразу с колоколенки, весело чирикая,
В грудь слетели пташечки...

2

Первый взрыв прогремел ровно в шесть. То есть уже потом я узнала, что это взрыв. Вначале подумалось о непрошеной мартовской грозе, затем — о ночных самолетах. И лишь дежурный по телефону поспешил успокоить: «наши».

Бойцы молодого полковника занялись делом.

«Покров» начался.

Взрывы гремели все утро — то отдаленные, то близкие, совсем рядом. А затем по площади повалили беженцы — в автобусах, автомобилях, просто пешком. Огромная толпа молча шла прямо по мостовой. Ни крика, ни ругани, даже дети не плакали. Кентавров — ни с повязками патрульных, ни обычных — я не заметила; зато обезьяны оказались тут как тут. Белые твари неслышно скользили почти под самыми ногами уходящих. Никто не обращал на них внимания, словно «коропоки» были столь же привычны, как и пропавшие начисто бродячие псы.

Люди и обезьяны молчали, зато ожили репродукторы, наплевав на отсутствие антенн и проводов. Каждые десять минут из черных раструбов доносилось однообразное: «Постановление Временного Комитета Обороны... Основные маршруты организованного выхода населения из города... Октябрьский район — Змиевское шоссе по направлению к населенному пункту Змиев... Дзержинский район — Изюмское шоссе...»

В городском управлении ничего толком рассказать не могли. Новый дежурный, на этот раз лейтенант, посетовал на нехватку сотрудников и плохую проходимость грунтовых дорог возле Балаклеи. В ранней мартовской грязи вязли не только легковушки, но и всепроходимые кенты.

Итак, эвакуация. Эвакуация, решение о которой мною не визировалось и даже не читалось. Хороши порядки!

Я вновь засела за телефон, но текста постановления достать не удалось. Карту города искали — не нашли. Дежурный на проходной на мои вопросы лишь разводил руками. Оставалось разозлиться и потребовать машину, чтобы увидеть все происходящее своими глазами. Первое удалось, второе — нет. Машин тоже не оказалось, в придачу приказ не покидать здание оставался в силе.

Будь я и в самом деле Прокурором Фонаря, то гильотина за-

работала бы немедленно, причем с частотой газонокосилки. Но мне, бодливой, Бог рогов не дал, а посему довелось смириться и идти разбираться лично с Бажановым. В его кабинет меня попытались не пустить, но тут сильно пригодился опыт общения с господином Ревенко. Мой рык сорвал секретаря с места и впечатал в стену. Хотелось поддать ногой дверь, но створки отворились — сами.

Обдумывать это очередное чудо не оставалось времени.

Бажанов был в кабинете не один. У громадного стола, за которым восседал трехзвездный генерал, пристроился мотоцикл системы «Фол» (не узнала, если бы не встрепанная борода) и некто стриженный «ежиком», мне покуда неизвестный.

На мое появление никто не обратил внимания. Сообразив, что чины отменены, я, не дожидаясь приглашения, подсела к столу. Бажанов чуть покосился в мою сторону, но смолчал. Исполняющий обязанности был занят — внимал мотоциклу.

— Оно не успеть, начальник! — басил господин Фол, тыча пальцем в расстеленную на столе карту (нашлась-таки карта!). — Ну никак не успеть! Дороги — дрянь, улицы сам знаешь какие, кое-где и лед не сошел. Ежели через Выворотку только... Детей на себя погрузим и баб, которые женщины, тоже на себя. Через Выворотку быстро будет! С нашими старшинами я договорился, они согласные, препятствовать не станут... А мужики своим ходом по Лицу пойдут!

— Покажите! — Бажанов склонился над картой.

Пока генерал с мотоциклом обсуждали проблемы эвакуации через загадочную Выворотку, я, кое-что мотая на ус, присматривалась к «ежику». Кого-то он мне очень напоминал. Короткая стрижка, оранжевый пиджак, цепь на брюхе...

Господин Фол, утряся вопрос о Выворотке, укатил, забыв попрощаться. Генерал повернулся ко мне:

— А тебе чего, Гизело? Скучно?

— Решение об эвакуации, — как можно спокойнее проговорила я. — Если не ошибаюсь, я его не визировала?

Бажанов удивленно моргнул, затем внезапно рассмеялся:

— Ну, законница! План эвакуации города, да будет тебе известно, был утвержден еще в 1955 году и пересмотрен в 92-м. Показать? Я лишь вскрыл Красный пакет. А уж тут мне твоя санкция — до печки. Постановление есть такое, от 5 мая

2002 года: «в случае стихийных бедствий, массовых эпидемий и прочих обстоятельств, требующих...» Помнишь?

— И все равно, — вздохнула я. — Моя подпись нужна. Сами назначили!

В этот миг я показалась себе невероятной занудой, причем далеко не впервые.

— Подписывай!

Я черкнула пером по бумаге. Бажанов невозмутимо кивнул:

— Вот так! Значит, вывозим население из северных районов и центра. Юг — Баварию, Основу, Новые Дома и Восточный — пока не трогаем. Там — по возможности. Все?

— А этот? — Ничуть не смиренная, я кивнула в сторону «ежика». — «Братков» коллекционируем?

«Браток» заерзал в кресле, и я поняла, что не ошиблась.

— Этот? — Бажанов хмыкнул. — А ты сама послушай! Говорите!

«Ежик» неуверенно оглянулся, вздохнул:

— Ну, это... Бугор маляву передать велел. На словах. Тока ты, начальник, не сбивай, а то сам собьюсь... Ну, в общем, пацаны автобусы конкретно подгонят — в Безлюдовку и на Рогань. Тыщи две сопляков реально вывезем. Кого — в Крым, понятно, кого в Болгарию. И три состава мы еще вчера притаранили — на Леваду и на Балашовку. Бугор сказал: детей брать и баб, которые с сосунками. Харч у нас есть, ксивы справим. Пусть кто-то из ваших с нами поедет, чтоб с «корочками» был. Да хоть госпожа Гизело, пацаны ее знают, и Бугор знает!

Бажанов покосился в мою сторону.

— «Корочки» я вам обеспечу, — кивнула я. — Пошлю с вами парня и десяток жориков с рациями. А то заблудитесь, знаю я вас!

— Обижаешь, начальник! — привычно вздохнул «ежик».

— Могу, — пообещала я, и «браток» тут же увял. Видать, и вправду обо мне слыхивал.

— Заодно предупредим областные и городские власти по пути следования. А Бугру, то есть господину Лукьяненко, передайте, что мог бы и сам остаться. Спортсмен все-таки!

«Ежик» потупился, неуверенно пошевелил пальцами:

— Так, блин, мы ему тоже говорили! Наш ведь город! Чего мы, неродные, что ли? Жить ведь нам здесь! Ну, ничего, полсотни братанов осталось, мы этим, извиняюсь, сучарам...

— Гранатометы выдать? — хмыкнул Бажанов, тоже сообразивший, что к чему.

Оранжевый пиджак смутился окончательно и поспешил ретироваться.

— Видала? — начал было генерал, но тут дверь вновь отворилась.

— Разрешите?

На пороге стоял «сагайдачник» в знакомом камуфляже, а рядом с ним — весело улыбающийся розовощекий гражданин.

В наручниках.

— Та-а-ак! — Бажанов медленно встал. — Познакомься, Гизело! Малыжинский Калиостро. Малыжино не забыла еще, а?

Малыжино? Я невольно вскочила, шагнула вперед. Нет, этого розовощекого видеть не приходилось.

— Он у них, Гизело, главный штукарь был. Сам сдался — умный, подлец!

— Николай Эдуардович! Можно просто Лель, — чарующе улыбнулся штукарь, сделав попытку поклониться, но был схвачен бдительным «сагайдачником» за ворот.

— Ладно, Гизело, иди! Пора уже. А я пока с этой Лелью поручкаюсь.

Я быстро взглянула на часы. 9.15. И вправду пора.

На прощание штукарь Лель вновь одарил меня улыбкой. Настолько очаровательной, что я пожалела о пропавшем неведомо где «браунинге».

3

«Третий — Стреле. № 1.

1. Приносим извинения за известные вам обстоятельства, возникшие не по нашей вине.

2. Просим остаться в городе до окончания событий. Ваши наблюдения представляют огромную ценность. После завершения обороны (вне зависимости от ее результатов) уходите по каналу «Проба» или самостоятельно.

3. По возможности постарайтесь защитить и вывезти из города Молитвина Иеронима Павловича.

4. Рад сообщить, что после возвращения из отпуска вам будет предоставлена новая работа. Отныне ваш псевдоним — «Двенадцатый». Поздравляю!»

Такие послания следует обдумывать не торопясь. Но неведомый мне босс ждет. О чем спросить? О «новой работе»? Еще рано, вот стану «Двенадцатым», тогда уж... А забавно выходит! Ба-а-альшим начальничком буду! «Бугром»!

«Стрела — Третьему.

Спасибо за поздравления. Поясните пункт 1. Совершенно сбита с толку».

Третий ответил не сразу. И в этом молчании мне почудилось смущение. Кажется, и мой новый босс не все понимал до конца.

«Третий — Стреле.

Были введены в заблуждение сообщением о гибели внедренного сотрудника Стрелы...

Что-о-о?!

...К счастью, вашей дочери сообщить не успели. Еще раз приносим извинения. Обратите внимание на высылаемый документ».

В маленькой комнате внезапно стало очень жарко. И душно. А может, холодно, не разобрать. Но все равно — душно.

На экране медленно проступал белый четырехугольник. Фотография?

...Мертвая женщина — страшная, с искаженным последней мукой лицом — лежит на цементном полу...

Я закрыла глаза.

Господи!

А если бы Эмме показали такое?

Когда я наконец смогла взглянуть на экран, жуткое видение исчезло, сменившись привычными строчками:

«Сами понимаете. Как правило, после такого живут долго. Желаю успеха! До встречи, Двенадцатый!»

Ответить я не успела. Да и что тут ответишь?

Долго будете жить, Двенадцатый!

Но...

Но ведь чудес не бывает?

Девятый! Где же ты, Девятый?

...Добрый дедушка сидит в «вольтеровском» кресле, длинные красивые пальцы застыли на подлокотниках. Добрый дедушка почему-то сердится на свою неразумную внучку...

4

Сегодня полковник Старинов не улыбался. Молодое лицо сразу стало старше, на скулах обозначились резкие складки. Этой ночью ему явно не довелось спать.

— В настоящее время, господа, начальный этап плана «Покров» полностью выполнен. На подступах к городу взорвано и разрушено двадцать три объекта...

— Включите спутник! — негромко бросил Бажанов оператору, пристроившемуся у пульта.

В это утро наш «ГКЧП» собрался не в зале на втором этаже, а под землей, в старом, еще обкомовском, бункере. На стене алел вымпел «Победителю конкурса по противопожарной безопасности», на противоположной — супил густые брови некто неведомый, с пятью маленькими звездочками на черном пиджаке. Несмотря на вымпел и пятизвездочный портрет, «начинка» бункера оказалась вполне современной. Даже связь со спутником. Интересно, откуда у нас спутник?

Экраны мигнули, и тут же по залу пробежал негромкий смешок. Улыбнулась и я — знакомый ушастик корчил рожу, демонстрируя нам длинный фиолетовый язык. Оператор покачал головой, рука потянулась к какой-то кнопке. «Гроблин» поспешно отскочил в глубь экрана, вытянулся по стойке «смирно», черная лапка взметнулась к невесть откуда взявшейся на ушастой голове офицерской фуражке. Щелкнули босые пятки — и в тот же миг экраны ожили.

Смех стих — об ушастом проказнике мгновенно забыли. Зато улыбнулся Старинов, любуясь делом рук своих.

...Взорванный мост. Возле него — колонна танков, солдаты курят, сидя на броне и поглядывая в яркое весеннее небо...

...Тоже мост, и тоже взорванный, но на этот раз вокруг него суетятся десятки маленьких фигурок. Огромный кран держит в «клюве» кусок решетчатой фермы...

...Участок железной дороги. То есть бывший участок — ни рельсов, ни шпал, ни насыпи. Грустная морда тепловоза безнадежно смотрит на это безобразие. Рядом — солдаты. Тоже курят, кто-то лежит на расстеленной прямо на сырой земле шинели...

...Шоссе. Здесь уже справились. Колонна танков неторопливо ползет вперед, в кювете — перевернутый грузовик...

...Городок. Или поселок — не разберешь. Посреди маленькой площади — громадная яма, из которой торчит пушечный ствол...

Старинов молчал, давая нам возможность осмыслить виденное. В маленьком зале стояла тишина. Сидевший прямо на полу под портретом бровастого Фол довольно ухмылялся.

Господин Молитвин, напротив, вовсе не смотрел на экраны. Мне даже показалось, что наш шаман дремлет.

Наконец полковник заговорил снова:

— Хочу напомнить, господа, что начальная стадия плана «Покров» предусматривает лишь пассивную оборону. О взрывах заранее предупреждается местное население и противник... То есть, извините, федеральные войска. Все минные поля обозначены указателями. На стрельбу против... то есть федеральных войск приказано не отвечать.

— Садитесь, полковник! — Бажанов встал, махнул широкой ладонью. Экраны погасли. Генерал прошелся по залу, резко повернулся.

— Вот так! Могу добавить, что эвакуация, несмотря на некоторый сбой в сроках, идет успешно. Алексеевка, поселок Жуковского и Дальняя Срань, в смысле Салтовка, эвакуированы согласно графику.

Он помолчал, бросил взгляд на мертвые экраны.

— К сожалению, не все так хорошо. Сегодня авиация федералов трижды снижалась над колоннами, переходя звуковой барьер. Есть жертвы. С нашей стороны — пятеро. С их — один самолет.

Это я уже знала. Лихой летчик, только что перешедший звуковой барьер прямо над Салтовским шоссе, не справился с управлением и «воткнул» свой «МиГ-44» в весеннюю грязь. Не осталось даже ямы — земля сомкнулась.

— Есть и более тревожные новости. В Волчанске, Ахтырке и Богодухове, занятых федералами, идет депортация населения. Есть факты грабежей и насилия. В Ахтырке с утра действуют команды саперов, город взрывают — квартал за кварталом.

По залу пробежал шепот — испуганный и одновременно гневный.

— Я получил информацию, — генерал помолчал. — К сожалению, господа, очень достоверную информацию, что аналогичная участь постигнет и наш областной центр.

На этот раз никто даже не осмелился шептать.

Значит, как на Хоккайдо, откуда пришли к нам «коропоки».

— Мы решили согласиться с предложением господина Молитвина. Активная оборона города начнется только в случае подобных... эксцессов.

Кажется, он ждал, что шаман откликнется, но тот по-прежнему глядел куда-то в сторону. Или дремал — кто его разберет?

— Госпожа прокурор, у вас есть что сказать?

От неожиданности я вздрогнула. Что тут скажешь? У Прокурора Фонаря нет даже гильотины...

— Порядок в городе в целом поддерживается, — неуверенно начала я. — Правда, полной информации у меня нет...

Да откуда и быть ей, полной, если даже жорики не знают, что делается в опустевших районах! Туда посланы патрули кентов, но, увы, без раций. Не хватило раций.

— ...Конституционный суд поставил наш запрос на рассмотрение. К сожалению, это состоится не раньше апреля. Попытка импичмента в Нижней палате блокирована.

Как и аналогичная попытка в американском Конгрессе. Как и заседание Совета Безопасности ООН. Сразу четыре «вето» — когда такое было?

Пресса, конечно, вопит — и у нас, и во всем мире. Даже сюда набежала — сегодня утром два интервью пришлось давать. Да что толку?..

— Значит? — нетерпеливо бросил Бажанов.

— Значит! — кивнула я. — Нам не помогут. Никто не поможет! Там, в столице, сошли с ума! Министр обороны заявил, что справится с нами силами одного парашютно-десантного батальона...

Внезапно послышался смех — такой неожиданный, неуместный. Я резко обернулась: господин Молитвин веселиться изволили.

— Извините, Эра Игнатьевна! — Шаман развел руками. — Не сдержался. Просто я однажды такое слыхал. Про батальон. Или полк, не помню уже.

— Рад, что мы не теряем присутствия духа, — невозмутимо констатировал Бажанов. — У вас все, госпожа прокурор?

— Не все, — я задумалась. — Некоторые... деяния не имеют срока давности. Мы обязаны задокументировать все факты, чтобы потом этих мерзавцев отправить в Нюрнберг.

Мне никто не ответил. Я понимала — почему. *Lex*, он, конечно, *lex*, даже если *dura*. Да только какой Нюрнберг в нашем богоспасаемом Отечестве? Кто ответил за расстрел «Белого дома»? За Чечню? За Нагорную республику? Сами померли, при нотариусе и враче, а какие не померли — розы стригут в отставке.

— Вопросы есть? — негромко проговорил генерал.

Кажется, и он подумал о всепрощающем Отечестве, дым которого и сладок, и приятен.

— У меня вопрос!

Господин Молитвин резко встал. Куда только сонливость подевалась!

— Где сейчас находится больше всего обезьян?

В зале грохнуло. Даже Бажанов не выдержал — хмыкнул. Фол-мотоцикл вообще опрокинулся на пол, дрыгая колесами, а мне почему-то вновь вспомнилось Малыжино. Веники всякие, нолики...

— Господин Старинов! Доложите! — отсмеявшись, попросил генерал.

Полковник сделал строгое лицо:

— По данным разведки, лица обезьяньей национальности, известные под кодовым названием «коропоки»...

— Это не смешно! — резко перебил Молитвин.

Полковник пожал плечами:

— Извините. «Коропоки» замечены в центре. Два, гм-м, прайда напали на винные магазины. Имеются жертвы... среди бутылок.

И вновь — смех.

— Но основная масса переместилась южнее — на Баварию, Новые Дома и Восточный.

— Благодарю вас, — шаман кивнул, задумался. — В таком случае, предлагаю ускорить эвакуацию южных районов города. Поверьте, это не шутка! «Коропоки» — проводники между слоями. Если они почуяли...

Внезапно до меня дошло — это действительно не шутка. И, кажется, не до меня одной.

— Хорошо, я вас понял. — Бажанов взглянул на огромную карту города, развешенную на стене. — Но сейчас дороги забиты людьми, нет транспорта. Где-то к вечеру сможем начать.

— Господин Молитвин, вы хотите сказать, что эти обезьяны... чуют смерть? — тихо бросил кто-то.

Шаман не ответил, и от его молчания всем стало неуютно.

5

Обедали тут же — в маленькой столовой, украшенной поблекшим лозунгом «Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь!» Ни лозунг, ни обед (на диво невкусный, видать, без святых готовили) меня не интересовали. Мне нужно было нечто иное. Точнее, некто...

Господин Молитвин изволили откушать первое... второе...

Кофе выпить... Я спокойно ждала. Перед заседанием шамана отловить не удалось. Значит, отловим сейчас.

Столовая опустела. Господин Молитвин одиноко восседал за дальним столиком, смакуя кофе (вторая чашка, а еще инсультник!). Я огляделась.

Пора!

— Приятного аппетита, Иероним Павлович!

Его рука дрогнула. Кофе плеснул на старую застиранную скатерть.

Я постаралась улыбнуться — искренне, радостно, как учит великий Лойола.

— Я, видите ли, поинтересоваться хочу...

Улыбка явно осталась неоцененной. Выцветшие глаза недобро блеснули:

— По поводу обезьян, госпожа прокурор?

«Госпожа прокурор» прозвучало ничуть не хуже, чем «гражданка следователь».

— Да Бог с ними, с «коропоки», — я вновь улыбнулась. — Френч где купили?

Тоже способ — вначале спросить о какой-нибудь галиматье. Хотя и в самом деле — интересно!

Бледные губы господина шамана дернулись.

— Купил лет двадцать назад, на Барабашовском рынке — был такой во время оно. Кстати, сейчас многие наши с вами земляки уверены: и рынок, и близлежащая станция метро названы так из-за обилия «барабашек», как когда-то называли в народе Тех. Дескать, расплодились в этом районе сверх меры еще до Большой Игрушечной. А едва начинаешь им толковать про академика Барабашова — смеются. Какое, мол, отношение имеет чужой академик к нашим родным «барабашкам»?! Ладно, вернемся к френчу... Когда меня пригласил господин Бажанов, понадобилось что-то приличное. А у меня в шкафу — френч и клубный пиджак. Зеленый, с позолоченными пуговицами. Френч все-таки пристойней будет. Я ответил?

Надо бы вновь улыбнуться, но я поняла — не могу.

— Иероним Павлович! Что было со мной, когда вы вошли в камеру?

Равнодушное пожатие плеч.

— Вы же знаете...

Знаю?

— ...еще один укол.

— Но зачем?

— Затем! Развели тут сопли!

— Иероним Павлович! Я видела фотографию...

— Тот, кто вам ее показал, — редкий дурак! — Старик резко повернулся, глаза блеснули. — А вообще-то говоря, я не давал клятвы Гиппократа. И если бы не Алик... Не Олег Авраамович... Я бы спокойно оставил вас на милость здешних эскулапов.

Откровенно. Только о чем он? Господин алкаш Залесский попросил помочь? Или сам помог неведомым мне образом? С какой радости? Неужели из-за Эммы? Выходит, так!

— Скажите, Иероним Павлович, меня могли принять за... мертвую?

Вновь вспомнилась фотография. Бр-р-р! Зря это Третий...

Бесцветные губы скривились:

— При известной доле воображения, госпожа прокурор. А почему бы вам не спросить вашего... магистра?

— Спрошу, — кивнула я. — Только ведь он в шаманах не состоит. Это все, что вы можете сказать?

— Абсолютно все, — он отвернулся. — Если вас неудержимо тянет сказать спасибо, то не претендую. Вы уже благодарили. Можете свечку поставить, на первом этаже есть часовня.

— И какому богу? — не удержалась я.

Внезапно представилось: полутьма храма, неяркий отсвет лампад — и лик Великого Шамана Ерпалыча. Но ведь Игорь не зря говорил о «капитанах»! Господин Молитвин, Легат Печати... А почему бы и нет?

Кажется, он что-то понял. Взгляд стал мягче — и добрее.

— Не стоит об этом, Эра Игнатьевна! Будем считать, что Бог един, и да расточатся врази Его! Помните, вы спрашивали меня об одном... самозванце. Тогда я его не знал, а вот недавно довелось познакомиться.

Вначале не поняла — и вдруг до меня дошло. Самозванец! Чернобородый самозванец с мясницким ножом в руке!

...Кровь на белом могильном камне, кровь на полу, на руках, на черном балахоне.

*«Мы еще встретимся, старший следователь Гизело! Встретимся — но уже не здесь. **Мое** царство скоро будет всюду!..»*

— Он — редкий негодяй, Эра Игнатьевна, но все же не Бог. Пока — не Бог.

— Пока — что? — не выдержала я.

— Пока... — его голос стал тихим, еле слышным. — Пока есть... Другой. Вы же Библию читали?

Упоминание о Творце не убедило. По-моему, в последний миг шаман передумал и не сказал того, что хотел. И я подумала, что вовсе не хочу знать ее — эту правду. Ну ее!

— Гизело! Эй, Гизело здесь?

Я невольно дернулась.

Обернулась.

В дверях стоял паренек в пятнистом камуфляже.

— Вы Гизело?

Встала.

Кивнула.

— К телефону вас! Международный, из Штатов. Какой-то Стрим-Айленд...

Стрим-Айленд!

Сердце дрогнуло, замерло...

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад...

Господи! **ТЫ** есть!

6

— Мама! *Mummy!* Мамочка! Это я — Эми! Эмма! Ты... Слышать? Слышишь?

— Да...

Горло сдавило — не ответить.

— *Hallo!* Это я, Эми! Мама, ты слышать?

— Да! — спохватываюсь я. — Эмма, я слышу тебя, слышу, девочка!

Кажется, я плачу. Каждое слово — как стометровка...

— *Mummy!* Я знаю, тебе звонить нельзя совсем! Но я видеть тебя по *TV!* Мама — ты *hero*, ты молодец! Вы там все — *heroes*! Мы посылали телеграмму протест ваш и наш *President!* И соседний *town* тоже посылать! Мы тут — *heroes*, как и вы, мы не пустить *national guard!* Наши все говорить вам — держитесь!

О чем это она? *«National guard»?* При чем здесь...

И вдруг я понимаю.

Маневры Шестого флота, цунами, «болезнь легионеров»...

Господи!

— Я теперь *chief of medicine*, мама! Наш *doctor*... врач бежать, меня назначить. Мы решили не сдаваться!

Вот так! Маленькая девочка бежит за мячом... Эми Шендер, *chief of medicine* восставшего Стрим-Айленда. Видел бы ты, Саша!

— Я очень гордить... горжусь тобой, *mummy*! Теперь я знаю, кто ты! *Grandmother* тебя не любит, она говорить, что ты преступник, что все годы ты или воровать, или сидеть *prison*... тюрьма. Я не верить, я никогда не верила, *mummy*! Я говорила Полу... Паше...

Ее голос дрожит, срывается. И английских слов куда больше, чем в *том* раз. Наверное, от волнения. Надо что-то сказать! Немедленно сказать!

— Эми, девочка! Я все знаю! Я познакомилась с его братом, с Олегом Залесским. Я все знаю! Держись!

Сказала, называется! «Держись!» Дала директиву, дура!

— Ничего, мама, — ее голос звучит тихо, но твердо. — Я держать. Только ты приезжай, мама! Пожалуйста, приезжай! Мне надо сказать тебе. Сказать важное... Приезжай, пожалуйста!

— Десятое апреля! — кричу я, забыв обо всем. — Вылетаю десятого апреля! Двенадцатого буду у вас!

— *Mummy!*

В трубке — плач. И тут я понимаю, что до десятого апреля еще надо дожить, что вокруг нас — кольцо блокады, и вокруг нее — тоже, а пташечки чирикают, плещутся в ранней мартовской грязи.

Ничего!

Плевать!

— Эми! Я приеду! Обязательно приеду! Приеду!

Я кричу в трубку, в черную теплую мембрану, хотя в ней давно гудит отбой, и моя девочка опять где-то там, в неведомой Южной Каролине, только у них сейчас тепло, нет даже грязи, чтобы остановить танки...

«Я очень гордить... горжусь тобой, *mummy*!»

Кажется, у меня есть за что умирать.

Только умирать сейчас нельзя.

Никак!

Господи, я ведь ей так ничего и не сказала!

7

Я глубоко вдохнула холодный ночной воздух. Как хорошо! После подвальной духоты, после надоедливого гудения старых кондиционеров — ночь. Настоящая весенняя ночь, чистое звездное небо над головой. Пройтись бы по улицам, раздавливая каблуками свежий лед на лужах!

— Не можно, дамочка! — Сержант-«сагайдачник», старый знакомый, неодобрительно покачал головой. — И вечно вас на подвиги тянет! Чи не слышите?

Я, конечно, слышу. Стрельба. Одиночный, очередь, снова одиночный.

Площадь Свободы, огромная, пустая, тонула в темноте. Совсем рядом притаилась баррикада, почти незаметная в ранних сумерках. Вдали — черная громада Госпрома. Без видимой причины вспомнился чей-то рассказ: семь башен старого небоскреба — семь нот «Интернационала». Чудили предки! В войну — ту, давнюю, когда пулеметы били с колоколенок, — бетонную громадину взорвали, сожгли дотла, а потом нагнали японцев из Маньчжурии, и азиаты семь лет возились — восстанавливали. Я еще подумала: не от тех ли бедолаг-японцев грозная мадам Крайцман? Гохэновна все-таки!

— Вы бы, дамочка, унутрь шли! — Бдительный сержант прислушался, негромко чертыхнулся. — Вот злыдни!

Стрелять начали с темнотой — по всему городу. И никто не мог толком объяснить, что происходит на пустых брошенных улицах. Стреляли патрули — по мифическим «диверсантам», палили вверх (для пущей храбрости) оставшиеся в городе энтузиасты-добровольцы. Кое-кто, несмотря на строгий приказ, отпугивал выстрелами наглых «коропоки». Впрочем, иначе и быть не могло. Толстой прав — в пустом деревянном городе быть пожару. В каменном — пальбе.

Я вновь уставилась в непроглядную тьму. «Сагайдачник» нетерпеливо дышал над ухом. Пора уходить. Хотелось спросить об Игоре — Маг еще с утра ушел в город, но я знала: бессмысленно. Караул меняется каждые два часа, этот курносый ничего не знает.

Где же Игорь? Что ему делать там, в темноте? Господи, только бы не...

В «КЛО 2-12» было все по-прежнему, только на стене красовался маленький динамик — старенький, ободранный и, естественно, без проводов. Служба оповещения — на самый крайний. Пока нашему «ГКЧП» делать нечего: с темнотой колонны, двигавшиеся на город, остановились.

Интермеццо.

В стеклянной банке умирали тюльпаны.

Где же Игорь?

Тюльпаны молчали, и я поняла — ждать нелепо. Я ведь даже не пригласила его! Вчера он заглянул просто из вежливости. И вообще, Магу лучше уехать, уйти на юг, пока не поздно, пока стрельба не сменилась разрывами ракет...

На циферблате «Ролекса» — 23.15.

Ночь.

У нас — ночь, а там, за морем, на серых пляжах Южной Каролины, уже утро или даже полдень. Что сейчас делает Эми? Если журналисты не врут, эпидемия не трогает тех, кто внутри кольца. Надеюсь, у девочки не будет работы. И пошли им Господь какого-нибудь генерала или хотя бы сержанта, который знает, что делать, когда начинают бомбить!..

Нет, нет, об этом лучше не думать!

Ночь.

Тюльпаны молчат.

Стрельба — совсем близко, где-то на соседних улицах.

Троеручица! Ты же все видишь! Сделай так!..

Шаги...

Легкие, быстрые, их не спутаешь...

Дверь!

— Чт-то? Что случилось, Ирина?

Кажется, я его напугала. Он только собирался постучать. Хорошо еще, дверью не задела!

— Ничего, Игорь. Просто услыхала ваши шаги...

На его лице — легкая растерянность. Правая рука прячется за спину, в левой — знакомый рюкзак.

— Извините! В-все, что смог достать!

Подснежник.

Маленький, беззащитный, с чуть примятым зеленым листком.

И уже никто не скажет, чьи губы первые...

...В комнате тихо, даже стрельба стихла. Я слышу его дыхание. Слышу, как бьется его сердце. И нет сил нарушить эту тишину.

Но сказка кончилась. Внезапно я вспоминаю, что забыла закрыть дверь на задвижку...

— Что-то не т-так, Ирина?

— Все так...

Хорошо, что в темноте он не видит моего лица. Предложить ему кофе? Мысль кажется почему-то неимоверно пошлой.

— З-завтра будет самый долгий д-день.

Я вздрагиваю. Думать о «завтра» не тянет. Больно думать.

— Почему самый долгий? Ведь сейчас еще март!

Негромкий смех. Его рука ложится мне на плечо.

— Цитата, Ирина! Из М-маркса. Только не из марксистского Маркса. Это сказал генерал Йозеф Маркс перед высадкой союзников в Н-нормандии. *Они* высадятся — и настанет самый д-долгий день.

Я прижимаюсь к нему, пытаясь спрятаться, затаиться — от подступающего к горлу страха, от того неизбежного, что будет завтра. Самый долгий день...

— Т-только уже не завтра — сегодня.

— Нет! Нет!

Его рука гладит мою щеку. Я закрываю глаза.

— Не сегодня, Игорь! Пожалуйста, не сегодня! Завтра! Это будет только завтра!

Его губы...

Четверг,
четвертое марта

Началось! * Спиртовозы и Валько-матюгальник *
Ушастый идол * Последний Широнинец *
«Будем полем мы бродить» * Ворон каркает *
Пол-у-Бог * Дорога в тысячу ли

1

Нас мало — нет и половины из тех, кто вчера собирался в старом бункере под портретом бровастого с пятью звездами.

Жалко, я даже не запомнила их лиц. Арестуют, устроят «очняк», а я буду только моргать.

Бажанова нет, нет молодого полковника.

Господин Молитвин на месте — в своем нелепом черном френче.

Забился в угол, нахохлился.

Ворон!

Черный Ворон, что ж ты вьешься?..

Зато Игорь — рядом. Как он сюда попал — ума не приложу. И не пытаюсь.

Его рука чуть касается моего локтя, и мне легко. Легко, хотя самый долгий день успел начаться.

Оператор на месте, у светящегося лампочками пульта. Экраны — большой и несколько маленьких, с чайное блюдце, — ожили, но смотреть на них не хочется. Я и так знаю, что там. *Они* в пригородах. Три колонны — по Клочковской, по Белгородскому шоссе и по Салтовскому. Три колонны танков, а над ними — серебристые остроклювые призраки. «МиГи-44». Бомбили уже дважды. Первый раз бомбы просто не взорвались. Второй — взрывами разнесло целый микрорайон на Дальней Срани. Пустой. По крайней мере, так доложили. И вертолеты — на Малой Даниловке и в Циркунах высажен десант. Что там — никто не знает.

Игорь смотрит на экраны — не отрываясь, молча. Я не мешаю, хотя до боли хочется сказать ему...

* * *

— Заседание Временного Комитета Обороны...

Бажанов появляется, как и в прошлый раз, совершенно неожиданно. Голос негромкий, чуть сиплый, под глазами — черные пятна.

— Прежде чем начнем работать... Час назад погиб полковник Старинов. Прошу почтить...

Мы встаем — вразнобой, стараясь не смотреть друг на друга. Вот и нет полковника! А я так и не поговорила с ним о погоде.

— Лейтенант, доложите обстановку!

Лейтенант, незнакомый, почему-то в штатском, напряженным звенящим голосом пересказывает все, нам уже известное. А вот и новое!

— Диверсионная группа противника высадилась на Северной Салтовке. Запись сделана пятнадцать минут назад...

Уже не «федералы» — «противник».

...На одном из экранов — пустая улица. Посреди неподвижно застыли три изуродованных пулями тела. Кентавры. На рукаве у одного — знакомая повязка патрульного. Рядом — тоже тела, но другие. Камуфляжная форма, черные маски на лицах. Все мертвые...

— У патрульных не было оружия, — сдавленно поясняет

лейтенант. — Имеет смысл предположить, что «психоз Святого Георгия»...

Дальше можно не слушать. Кажется, шаман Молитвин не ошибся.

— Это там же, в двух кварталах. Сейчас...

...Улица, другая, чуть шире. Разбитая витрина, огромные буквы *«Panasonic»*. Типы в камуфляже и черных масках деловито вытаскивают картонные ящики. Откуда-то появляется пустой грузовик, черные маски опускают борт, начинают забрасывать в кузов добычу...

— Сволочи! — вполголоса роняет Игорь. — М-мародеры!

Никто не откликается — все уже поняли. Если начали грабить, значит, *там* разрешили все. Закон умер. Город подлежит уничтожению. Почему-то вспомнился несчастный отец Александр. Тогда его слова о боях на улицах показались мне бредом.

...Внезапно картина меняется. К грузовику белыми тенями скользят «коропоки», много, целая дюжина. Одни бросаются под колеса, другие начинают бегать вокруг. Хоровод. Знакомо...

Грабители в камуфляже вначале не обращают внимания. Затем один из них поворачивается, вскидывает короткий десантный автомат. Из динамика сухо гремит очередь, в ответ — отчаянный визг. Самая наглая из обезьян подпрыгивает, падает на мокрый от тающего снега асфальт...

Краем глаза я замечаю, как господин Молитвин медленно встает. Черный Ворон чует...

И недаром! Белые тени вновь кружатся в неистовом хороводе. Это уже не обезьяны, не смешные нелепые твари, а белый вихрь, беспощадный, всесокрушающий. Крик, отчаянный, долгий. Черные маски мечутся внутри страшного кольца, стреляют — но выхода нет. Вот упал один, за ним — второй. А белый вихрь становится все гуще, экран темнеет...

— Выключите. Все ясно. Могу добавить, что час назад кто-то подкинул в компьютеры федералов вирус — очень удачно подкинул, признаться. Это, конечно, их сдержит, но ненадолго. Приказ уже отдан, а танки могут обойтись и без компьютера. И господа дуболомы уже в пути.

Голос Бажанова звучит спокойно, с еле заметным презрением. Мы переглядываемся, кто-то улыбается, но улыбка тут же гаснет. Рано, рано, все еще только...

Рука Игоря слегка сжимает мой локоть.

Еле-еле.

Но мне уже легче.

Ловлю удивленный взгляд Бажанова, но не отвожу глаз. Отводит он — чуть смущенно. Отводит, прокашливается.

— Северо-Западный сектор, пожалуйста...

На верхнем экране — знакомая улица. Клочковская, самое начало, за большим путепроводом. Широкая дорога, слева и справа — кирпичные заборы.

Танки — гуськом, один за другим.

— Двадцать машин, — негромко поясняет лейтенант. — Мотопехота и артиллерия отстали.

Танки ползут — неторопливо, грозно. Асфальт почти высох, вокруг — ни души, траки равнодушно скребут по мостовой. Люки открыты, танкисты сидят на броне, поглядывают по сторонам.

Внезапно первая машина замедляет ход. Улица перегорожена — три огромных бензовоза, один впритык к другому.

— Чей сектор ответственности? — Теперь в голосе генерала слышится удивление. — Что за самодеятельность?

— Капитана Петраченкова...

Лейтенант тоже удивлен. Впрочем, придумано неплохо. Совсем неплохо!

Между тем танкисты на экране ведут себя странно. Вначале — осторожно осматривают цепи, связывающие бензовозы, а затем почему-то лезут наверх, на цистерны. Один, самый проворный, открывает люк, машет рукой...

Негромкий смех — смеется Игорь.

Поворачиваюсь — и любуюсь ямочкой на подбородке.

— П-понял! В каком-то старом фильме б-было! Это не бензин!

Не бензин? Похоже, да. Танкисты гроздьями повисают на цистернах, откуда-то появляется ведро, затем — другое...

— Господа! — растерянно произносит лейтенант. — Да ведь это же... Спирт!

Вот не думала, что в самый долгий день доведется хохотать! Даже Бажанов не выдерживает, машет рукой.

— Чья идея? Признавайтесь, под суд не отдам!

Никто не признается. Тем временем на экране тоже царит веселье. Стальные чудища стоят, танкисты в черных комбинезонах выстраиваются в гигантские очереди, какой-то офицер мечется вдоль «бензовозов», отчаянно размахивая руками.

— А закуска где? — вновь роняет кто-то.

Ответить не успеваем. Там, на экране, все меняется.

...Очереди бьют со всех сторон — с боков, сзади, из-за замерших грузовиков. Над одним из «бензовозов» медленно подни-

мается желтый горячий «гриб». Поднимается, растекается огнем. Вспыхивают черные комбинезоны...

Танки тоже горят. Первый уже готов, длинная пушка тычется в пылающий асфальт, со второго взрывом сорвало башню...

Смех застревает в горле.

— РПГ-14, — среди мертвой тишины голос лейтенанта звучит как гром. — Кумулятивными. А неплохо!

На шоссе — ад. Головные и замыкающие машины горят, остальные пытаются выбраться — и тоже вспыхивают. Кто-то выскакивает из люка, отчаянно размахивая белой тряпкой.

А вот и победители! Незнакомые парни в очень знакомых кожаных куртках. Куртках, вязаных шапочках, тяжелых ботинках на двойной подошве. Камера приближается, и я еле удерживаюсь, чтобы не присвистнуть. «Ежик»!

«Братва»!

«Ежик» смотрит куда-то в небо, словно догадываясь о всевидящем оке спутника, и поднимает вверх растопыренные пальцы.

Вот, значит, как! Им тоже здесь жить...

Пленных не берут. Уцелевших парней в черных комбинезонах теснят к горящим машинам, короткие стволы бьют в упор...

— Скажите им! Господин Бажанов, скажите им!

Черный Ворон Молитвин вскакивает, машет худыми руками. Только сейчас я замечаю, что френч ему маловат.

Генерал молча качает головой, затем поворачивается к лейтенанту:

— Северный сектор...

Изображение меняется. Опять дорога, но поуже, вокруг — лес. Танки медленно ползут на подъем, впереди катит мотоцикл, из коляски высовывается рыло пулемета.

— Белгородское шоссе. Пятьдесят две машины. Сейчас подойдут к перекрестку, где поворот на поселок Жуковского...

Комментарий лейтенанта излишен. Я узнаю эти места. Померки, где-то совсем рядом — Интернат № 4, в котором учат будущих футболистов.

— Что у нас здесь? — негромко роняет Бажанов.

— Ничего, — вздыхает лейтенант. — После гибели господина Старинова группа отошла к кругу седьмого трамвая.

Те, на экране, словно чуют это. Люки открыты, конопатый облом сидит, свесив ноги с башни. Первая машина преодолевает подъем. Вот и знакомый перекресток. Пустой троллейбус прилепился к обочине.

Танк на миг останавливается. Мотоцикл делает круг, возвращается, офицер в коляске машет танкистам, тыча рукой вперед.

— А это что за знаки? — Бажанов неторопливо подходит к экрану.

Знаки? И тут я замечаю: прямо посреди мостовой стоит железная тренога-раскоряка с жестяным кругом, на котором грубо намалеван знак-«кирпич», сиречь «Въезд воспрещен». Такой же, только прикрепленный к столбу, «кирпич» красуется у поворота на поселок Жуковского.

Никак ГАИ наше родимое проснулось?

Лейтенант хочет что-то ответить, но не успевает.

Мотоцикл тормозит.

Резко, посреди пустой дороги, прямо перед «кирпичом».

Солдаты и офицер выскакивают...

Изображение растет, занимает весь экран. С мотоциклом творится странное. Точнее, с передним колесом. Там что, яма?

Рядом хмыкает Игорь. Похоже, это он тоже видел в каком-то старом фильме.

Колеса уже нет. Оно внизу, в глубине асфальта. И весь мотоцикл уходит в трясину, торчит лишь рогатый руль...

— Танк! Покажите танк! — кричит кто-то.

Оператор мешкает, и мы успеваем заметить только башню. Стальное чудовище прочно сидит под асфальтом, очумелые танкисты скатываются по броне...

— Святый Боже! — Мой сосед, пожилой интеллигент при галстуке, поспешно крестится. Самое время!

Колонна пятится, танки сталкиваются, съезжают в кювет. Поздно! Асфальт превращается в болото, в бездонную топь. У кого-то не выдерживают нервы: танковая пушка лупит в «белый свет» — раз, другой, пока асфальтовая трясина не смыкается над люком.

Ну и ну! А с другой стороны, нечего правила дорожные нарушать! Сказано же — въезд воспрещен!

Как говорится: мы же вас предупреждали!

По-хорошему.

Жаль, все въезды знаками не перекроешь: заговорной силы не хватит.

— Господин Молитвин! Вчера... Вы имели в виду именно это?

Впервые в голосе генерала слышится неуверенность. Черный Ворон, напротив, пыжится, топорщит перья:

— Именно это, господин Бажанов! Если бы вы прислуша-

лись ко мне, то можно было бы обойтись без варварства с этими... РПГ-14! Вы бы еще пушку на прямую наводку выкатили!

— Ну, если понадобится!.. — бодро заявляет лейтенант, но закончить не успевает. Взгляд шамана примораживает его на месте.

Лейтенант сражен, Бажанов, кажется, тоже, а мне приходит в голову странная мысль. Черный Ворон не прав. Город отбивается, как может. «Братва»-«железнодорожники» — такие же его дети, как домовые или исчезники. Когда нет пистолета, рука хватает кирпич...

Минуты тянутся — тяжелые, гулкие. В нашем маленьком зале — тишина. Рука Мага сжимает мой локоть.

— На Салтовском шоссе, — после паузы произносит лейтенант. — У рынка. Танки и мотопехота...

— Северо-Восточный сектор...

Бажанов не выдерживает и достает огромный тяжелый портсигар. Щелкает зажигалка. Остальные — кроме Мага и Черного Ворона — следуют его примеру. Сизый дым тянется к потолку, вентилятор рычит, но вскоре признает свое поражение. Дышать трудно, и я впервые понимаю, что мы очень глубоко под землей. Это даже не могила, не склеп. Маленькая, обшитая бетоном преисподняя, давняя память о Великом Страхе, когда наши предки готовились отсидеться в подземных норах от взбесившегося Термояда. Тогда обошлось. Кто же знал, что случится после?

* * *

На экране — пустое грязное шоссе. Возле обочины — перевернутый автобус; рядом — двое кентов с повязками патрульных. Смелые ребята! Око спутника скользит дальше, на север, шоссе утыкается в маленькую площадь...

...Танки. Но на этот раз они не движутся, стоят, охватывая полукругом пустое пространство, заваленное почерневшим тающим снегом. За строем танков — солдаты, крепкие парни в черных подшлемниках и куцых бушлатах. Чуть дальше, за танками — дюжина угрюмых грузовиков. Объектив спускается ниже...

Вначале мне чудится, что парни в бушлатах сошли с ума. Толпа (не менее двух десятков!) пританцовывает, размахивает руками, мелькают приклады автоматов — не десантных, новых, а давно списанного старья — «АК-74». Подшлемники сгрудились, склонились над чем-то невидимым...

...И тут же подались назад. Что-то встает с земли — с грязного мокрого асфальта. Человек! Человек?!

— Святый Боже! — повторяет мой сосед. Странно, я, кажется, раньше видела этого интеллигентного с галстуком. Но где?

...Из динамиков доносится вопль. Вопль — и дружный мат десятков глоток. Они тоже поражены.

Тот, кто встал с асфальта, слишком высок. Слишком широкоплеч. Слишком...

— Миня! — растерянно произносит шаман Молитвин. — Миня, ну что же ты!

Солдаты вновь кидаются вперед, и я лишь успеваю заметить шлем — странный рогатый шлем на голове у высокого, кого только что топтали и били прикладами. Он с ревом бросается на врагов, одним движением сбивая наземь полдюжины черных подшлемников. Остальные вновь отбегают, вскидывают автоматы...

— Не надо! — Молитвин вскакивает с места, кидается к экрану. — Он же ребенок! Он же ничего!..

Из динамиков доносится знакомый сухой треск. Черная широкоплечая фигура идолом застывает на месте, а затем медленно валится навзничь.

На миг мне становится жалко неведомого Миню. Угораздило парня сунуться прямо к *этим*! Вот и к тебе слетели пташечки с колоколенки!

...*Те*, на экране, явно довольны. Возле застывшего на грязном асфальте огромного тела собирается толпа, кто-то достает фотоаппарат...

Веселятся недолго. Фотограф машет рукой, и бравые вояки спешат к ближайшему магазину. Камера скользит по вывеске — **«FBR»**. Кажется, я там когда-то была и подивилась странному названию.

— Здесь у нас ничего нет, — тихо, словно для самого себя, произносит генерал. — Где ближайший заслон?

— Храм-лечебница № 15, «психушка», — еще тише отвечает лейтенант. — Взвод старшего лейтенанта Пескаренко.

...А на площади уже вовсю идет грабеж. Через разбитую витрину выбрасывают ящики, кто-то откупоривает бутылку, добычу грузят прямо на танки, один из грузовиков — громадный «Урал» — подъезжает ближе...

Но вот ситуация меняется. Из-за угла прямо к занятой делом толпе неспешной походкой направляется худощавый коротышка в старом ватнике и подшитых темной кожей валенках.

Лица не разглядеть, но, судя по всему, неизвестный не празднует труса.

— Валентин, — вздыхает Ворон-Молитвин. — Валька!

Вне сомнения, у шамана полно знакомых в Дальней Срани. И знакомых непростых!

Коротышка в ватнике смело проходит в самую гущу толпы. Вначале его не замечают, но вот один из вояк, только что опорожнивший пузатую бутылку, недоуменно поворачивается, тычет кулачищем в грудь незваного гостя.

Дальнейшее происходит в мгновение ока. Из динамиков доносится хрип, переходящий в свист. Коротышка на экране поднимает сжатый кулачок, подносит прямо к носу громилы...

Оператор возится у взбесившегося динамика, тот продолжает хрипеть, время от времени посвистывая, а коротышка в ватнике уже вовсю машет руками. Толпа расступается, образуя широкий полукруг. Кто-то, зажимая уши, пятится назад...

— Та це ж Валько-матюгальник! — не выдерживает ефрейтор-«сагайдачник», до этого скучавший возле литой стальной двери. — Той, шо злыднив гоняе! Ну, всэ! Тэпэр всий их машинерии — гаплык!

«Злыдням» в бушлатах и подшлемниках тоже приходится туго. Но вот кто-то с сержантскими лычками дергает стволом автомата...

...И ничего. Динамик по-прежнему хрипит, коротышка машет руками, мародеры в бушлатах начинают медленно расходиться. Вот еще один поднимает автомат, целя в спину, — и вскоре опускает. Осечка? Или действительно — «гаплык»?

Валентин-Валько подходит к неподвижному черному телу, опускается на корточки, гладит убитого по выпуклому крутому лбу. И вдруг я понимаю, что на неведомом Мине не шлем и не карнавальная маска...

Если б еще знать, почему мне на ум самовольно приходит алкаш Залесский?

В углу молчит нахохлившийся Ворон. Вопрос замерзает на языке.

— М-минотавр! — чуть слышно шепчет Игорь. — Жэка-Потрошитель! Вот б-бедолага!

Потрошитель? Я грустно улыбаюсь. Будь бедный Миня и вправду Потрошителем!..

Динамик, пару раз присвистнув напоследок, умолкает. Слышатся далекие голоса, негромкая ругань. Коротышка исчез, словно сквозь асфальт провалился. А может, и вправду?

— Улица Гвардейцев-Широнинцев! — быстро произносит лейтенант, наскоро переговорив с оператором. — Стрельба!

Он смотрит на Бажанова. Тот кивает. Оператор переключает экран...

В глаза плещет черное тяжелое пламя. Танк — огромный, приземистый, с номером «203» на приплюснутой башне — слепо тычется прямо в дверь девятиэтажки. Бетон не выдерживает, и горящая громада наполовину уходит в глубь дома. Рядом пылает еще одна машина, танкисты выскакивают из люка...

— Ого! — констатирует мой интеллигентный сосед.

Я не спорю. Действительно, «ого!».

Теперь на экране — вся улица. Возле пустого, зияющего выбитыми окнами дома горят танки. Три уже мертвы, четвертый пытается отползти, теряя разбитую гусеницу. Остальные пятятся назад, недоуменно ворочая башнями. А рядом, возле тротуара, с невозмутимым видом за всем этим адом наблюдают «коропоки». Целая дюжина. Одна из обезьян держит в лапах жестяную банку с «колой»...

— Кто там? Какая группа? — быстро спрашивает Бажанов, но лейтенант лишь недоуменно пожимает плечами.

...Вспыхивает еще один танк. «Коропоки» подпрыгивают, переглядываются...

— Ага, вот он!

В голосе лейтенанта — удовлетворение и одновременно крайнее изумление. «Он» — на балконе второго этажа. Старичок, лицо утонуло в морщинах, на голове — странный остроконечный головной убор, похожий на богатырский шлем. В руках у старичка — что-то длинное, широкоствольное.

— По-моему, «ПТР» образца 1940 года, — в голосе Бажанова слышится профессиональное любопытство. — Господин Молитвин, ваши кадры?

Шаман всматривается, кивает.

— Мои. Бозенко Афанасий Иванович. Наш завлаб в НИИПриМе.

— Так то ж дид Банзай! — вновь подает голос ефрейтор. — Сусида мий! От дид!

Между тем загадочное оружие изрыгает пламя. Раз, потом еще раз.

— Ого! — Это уже лейтенант. — Товарищ генерал, а разве «ПТР» не перезаряжали? Там же один заряд!

Черный Ворон во френче хрипло смеется.

— А он просто забывает! Перезаряжать забывает. Он и свет в

туалете не всегда выключает. Старый уже! Он ведь — последний из Широнинцев, господа! Это *его* улица.

— Позвольте! — Мой интеллигентный сосед привстает, изумленно разводит руками. — Но взвод лейтенанта Широнина погиб весной 1943 года! Осталось только четверо!

Знатоку никто не отвечает. Не до того.

Длинноствольное оружие продолжает лупить. Танки уходят. «Коропоки» встают и начинают расходиться, словно зрители после киносеанса.

— А я такую шапку знаю! — радостно сообщает лейтенант. — Ее «буденновкой» называли, я в кино видел!

— Итак! — Бажанов машет рукой, экраны гаснут. — На всех трех направлениях движение «федералов» остановлено. Поэтому предлагаю...

Внезапно звонит телефон. Генерал берет трубку, слушает. Черные брови медленно лезут наверх.

— Включите площадь!

Теперь мы можем полюбоваться на самих себя. Знакомое здание, бетонная баррикада, лозунг «Нам здесь жить!».

Танки!

И здесь танки!

Три стальных чудовища неторопливо ползут через площадь. Люки открыты, в одном из них торчит знакомая голова, стриженная под «ежик».

Бажанов смеется, хмыкает — и велит разместить «этих фармазонов» на флангах. Я смотрю на часы — 10.25.

Победа?

2

Игорь молчит. Серые глаза закрыты, тонкие губы сжаты, знакомая ямочка исчезла.

Я сижу рядом — молчу. Не мешаю.

Эту маленькую комнатку неподалеку от зала я отыскала случайно. Стол, старинный телефон с витым шнуром, два стула. Под потолком неярко горит лампочка. На грубо покрашенной стене — выцветшая от времени репродукция: вырезка из какого-то древнего журнала.

На войне — перерыв. И у нас тоже — перерыв.

Надолго ли?

— Извини! — Игорь открывает глаза, улыбается. — Задумался! П-пытаюсь отыскать закономерность. Так сказать, элементы к-космоса в осмосе.

Никак не привыкну, что мы с ним — на «ты».

— Для научной работы? — улыбаюсь я. — Господин Сорос с ума сойдет!

— Д-да ну его! — Маг смешно морщит нос. — Слушай, Ирина, ты чего собираешься д-делать? После т-того, как разобьем супостатов?

Сердце замерло. О будущем мы с ним ни разу не говорили. И о прошлом тоже. У таких, как я, часто не бывает ни того ни, другого.

— В отпуск поеду, — осторожно начинаю я. — Надо... кое-кого навестить. А ты?

— Отпуск! — Игорь мечтательно улыбается. — Забытое слово! А м-может, махнем вместе?

И вновь дрогнуло сердце. Вместе? Или это просто — дань вежливости? Светский треп?

— Я знаю од-дно местечко на Гавайских островах. М-мечта фольклориста! Островок, б-бунгало, д-дичь, даже телефона нет. Мечтаю скатиться к п-питекантропу!

— А если я буду не одна?

Язычок прикушен. Пятый, дурак Пятый, почему-то предупреждал: не откровенничать со специалистом! Но ведь это — глупость! Самая большая глупость из всех!

— Я хочу поехать... с дочерью.

— И с няней?

Он вновь улыбается — и мне становится легче. Я качаю головой. С няней! Эмме Шендер, *chief of medicine* Стрим-Айленда, няня уже не нужна.

— П-принято! Жаль, сына не смогу в-вытащить! Игнорирует б-батюшку! Все ему г-горы, горы...

— Ты женат?

Спросила — и замерла. Да какое тебе дело, дура?

Маг молчит, губы еле заметно дергаются.

— Б-был. Жена погибла семь лет назад.

Господи! Спросила, называется!

— Прости!

Его рука гладит мои пальцы. И вдруг мне начинает казаться, что все страшное — уже позади. А впереди — неведомый остров, где нет телефона, нет Интернета и не надо каждый вечер готовить доклад всевидящим боссам...

— Гизело!

Резкий чужой голос Бажанова застает врасплох. Вздрагиваю. Встаю. Поворачиваюсь.

Председатель Временного Комитета стоит в дверях. Лицо — странное.

— Выйдем!

В полутемном коридоре пусто. Генерал оглядывается, закрывает дверь.

— Вот что, Гизело! Бери своего парня, садись в машину и мотай в Балаклею. Мы там разворачиваем запасной пункт управления. Возглавишь. Все!

Опять «все»! Ну уж нет!

— Вам что, господин Бажанов, прокурор больше не нужен?

Моя ирония отскакивает от него, словно дробь от бронежилета.

— Не нужен, Гизело. *Они* начали ракетный обстрел. Боеголовки с вакуумными зарядами. Поняла?

Чувствую, как холодеют пальцы. В Малыжине я уже видела, что такое вакуумный заряд. Разумеется, эту дрянь изготавливают не только на нашем заводе.

— Пока взрывается только каждый третий. Оборона по господину Молитвину! Но он говорит, что это ненадолго. Все, мотай, Гизело! Выживешь — книжку напишешь!

...И будет называться эта книга «Записки Прокурора Фонаря». Жаль, что не напишу. А если напишу, то издадут в трех экземплярах: для Третьего, Пятого и Девятого. Девятому — с автографом...

— Господин Бажанов! Если город падет, никакой пункт управления нам не понадобится. Это во-первых. А во-вторых, я остаюсь и требую...

— Дура ты, Гизело! Думаешь, памятник нам поставят?

Я не обижаюсь. Действительно, дура. Правда, на памятник не рассчитываю. Вот он, памятник, — над нашими головами! Город, нелепый дурацкий город, в котором нам всем жить. И умереть — тоже. И для этого не нужен приказ неведомого мне Третьего...

* * *

— Тебе надо уехать, Игорь! Немедленно! Я дам тебе адрес, ты сможешь меня потом найти! Если...

— Т-так точно! Только не сейчас и не м-мне одному. Нам — тебе, твоей дочке — и мне... Я ведь обещал, что ничего с тобой не случится!

— Игорь!

— В-все! Кажется, наш с-синедрион уже собирается.

— Погоди! Я... Я люблю тебя! Ничего не говори, не отвечай! Просто я люблю тебя! Слышишь, люблю!

3

На экраны можно не смотреть. Там пыль — и черные грибы разрывов. На моем «Ролексе» — 14.30. Уже два часа, как начался обстрел. И все чаще ракеты взрываются. «Оборона по господину Молитвину» начинает сдавать.

Сам Шаман Черный Ворон по-прежнему здесь. И все остальные — тоже. Есть даже подкрепление. У самого пульта на низеньком табурете пристроился знакомый мне субчик с ласковой улыбкой, навечно приклеенной к физиономии. Только теперь на Николае Эдуардовиче нет наручников. Возле его ног замер странный предмет, отдаленно похожий на большую коробку для кинопленки.

Время от времени господин Лель поглядывает в сторону Молитвина. Шаман не реагирует, лишь бледные губы еле заметно подергиваются.

Видать, знакомы!

...Игорь рядом — и я спокойна. Со мной ничего не случится...

— Основные очаги поражения — поселок Жуковского, район Сосновой Горки и Старый Центр, — бесстрастно докладывает лейтенант. — Эвакуация там завершена, поэтому людские потери незначительны. Мы оттянули патрули на юг...

— Зачем же они стреляют? — нервно восклицает мой интеллигентный сосед. Теперь я его узнала. Мацкевич, директор телеканала «Тонис». Надо же, не побоялся остаться!

Вопрос повисает в воздухе, но я сама знаю ответ. Бьют не по людям (*пока* — не по людям). Уничтожают город. Город, не желающий сдаваться. Новый Мир, костью в горле застрявший у Старого.

— Разрушен монастырь, — голос лейтенанта непроизвольно вздрагивает. — Покровский собор XVII века — тоже. Успенский собор сильно поврежден. И Благовещенский...

Сердце города, уцелевшее во всех войнах, не тронутое Большой Игрушечной. Какие сволочи!..

— Включите радиоперехват. — Бажанов вздыхает, с силой проводит рукой по лицу. — Все волны, какие поймаете!

Оператор возится у пульта, чертит знаки, щелкает переключателями. И вот динамики взрываются хрипом. Хрипом, треском — и забористым матом:

— ...«Иртыш»! «Иртыш»! Какого хера? Я же тебе сказал, «вертушки» не посылать! Ракетами бей, ракетами! Повторяю: «вертушки» не посылать, уже пять накрылось! Там, блин, у них защита, ребята с ума сходят. Как понял?..

— Всем! Всем! Это «Буденновск»! При встрече с боевиком высокого роста, называющим себя «Месяц-из-Тумана», немедленно открывать огонь на поражение. Повторяю...

— ...Твою мать, «Ярославль»! Чего у тебя на Гвардейцев-Широнинцев? Что значит, не можешь пройти? Точку подавил? Ну так газуй! Да плевал я на этих макак! Мочи их всех! Повторяю: всех мочи, кого увидишь! Приказа не знаешь? Всех здешних выблядков! А самоходки на что? Развернул — и лупи, блин! Да какие люди, мочи — и все!..

— ...«Алмаз», «Алмаз»! Корректировщиков, пидоров, под трибунал отдам! Ни одна ракета не взорвалась! Яйца оторву уродам! Что значит, «проверял»? Я за свои ракеты отвечаю, а за твои погоны — нет! Да знаю, что компьютер сдох, у меня он тоже, сука, накрылся. Марал я твой спутник, сам проверь!..

— ...Которые на мотоциклах — близко не подпускать! Гасить из пулеметов! Повторяю — с боевиками на мотоциклах в ближний бой не вступать...

Не хочу слушать. Не хочу! *Они* убивают город. И ничего поделать нельзя! Ничего! Может быть, потом, лет через сорок, мы вытащим этих мерзавцев в Нюрнберг...

— Игорь! Расскажи мне про остров! Он большой?

— М-маленький! — Его губы слегка касаются моего уха. — Пляж — и п-пальмы. А посреди — гора. Т-там когда-то было капище. Б-бог Ронго, страшный такой, ушастый...

Я закрываю глаза. Ничего не хочу видеть — ни черных клубов дыма на экранах, ни бледного лица Шамана. Остров, маленький остров посреди океана...

...Мы с Игорем идем по белому горячему песку. Босиком. Легкая теплая волна догоняет, тыкается, уползает назад. Эми рядом, она улыбается, что-то рассказывает на своем смешном американо-русском суржике.

Тихо — только шум прибоя.

И больше нет войны.

Маг понравится ей! Он ведь не может не нравиться!

Неужели это будет? Неужели?..

Ты ведь не обидишься, Саша?

* * *

— Колонна танков подходит к площади! Десять машин!

Голос лейтенанта слегка дрожит.

Все! Нет острова, нет теплого прибоя.

Зато танки уже здесь.

Значит, что — конец?

Бажанов медленно расстегивает кобуру, рука привычно вынимает обойму, вставляет назад.

— Господа! Предлагаю перейти на запасной командный пункт. Я — на баррикаду. Оружие — в соседней комнате...

— Погодите! Не надо!

Николай Эдуардович Лель вскакивает, подбегает к генералу, что-то шепчет. Бажанов хмурится, дергает щекой.

— Хрен с тобой, пробуй! Все равно!

Улыбка господина Леля становится неотразимой. Он вежливо прокашливается, поворачивается к нам:

— Господа! И дамы!

Галантный поклон в мою сторону.

— Прошу помочь мне в маленьком, э-э-э, научном эксперименте. Это займет пять минут, не больше!

Мы переглядываемся, кто-то неуверенно пожимает плечами. Я смотрю на Игоря — Маг серьезен. И господин Молитвин — тоже. И тут я понимаю, что малыжинский Калиостро не шутит. Научный эксперимент? Уж не боженьку ли Капустняка кликать станет?

Между тем Николай Эдуардович берет два пустых стула и ставит их у стены. Табуретка перемещается на противоположную сторону. Круглая железная коробка устанавливается посередине.

— Господин лейтенант! Не могли бы вы включить экран? Да-да, площадь Свободы. Насколько я понял, танки должны появиться из-за Госпрома?

Ему никто не отвечает, но экран включается мгновенно. Знакомая площадь, чем-то похожая на огромную перевернутую колбу. Серая громада Госпрома. Баррикада, трофейные танки по бокам, еще один — у въезда на улицу Иванова.

Их пока еще нет.

— Господа! — Лель обводит нас наивными, чистыми глазами. — Прошу стать вокруг меня и взяться за руки. Да-да, понимаю, немножечко не ко времени, но обряд есть обряд...

Он смотрит на Молитвина. Черный Ворон не отвечает, отворачивается.

Все остальные поглядывают на Бажанова. Генерал вновь дергает щекой:

— Попробуем, господа! Хуже не будет.

Итак, пробуем! Я не возражаю, поскольку рядом со мною — Игорь. И моя рука — в его руке.

Странный хоровод выстраивается вокруг улыбчивого господина Леля, стульев и железной коробки. Николай Эдуардович удовлетворенно кивает и начинает снимать ботинки.

Затем носки.

Мой сосед слева — все тот же господин Мацкевич — брезгливо морщит длинный нос.

Между тем Лель принимается тихо шептать: сперва над стульями, затем — над табуретом. Потом настает очередь коробки. Из нее извлекается банка — стеклянная, с синей крышкой.

Я гляжу на экран — и вздрагиваю. Первый танк уже выезжает из-под бетонного пролета.

Николай Эдуардович тем временем занят банкой. Он по-прежнему шепчет, затем достает иголку, макает в извлеченный из коробки флакон одеколона...

...Капля крови медленно набухает, падает...

Рядом — нетерпеливое хмыканье Игоря. Кажется, он что-то понимает.

И я — понимаю.

Это уже было. Темная ниша, каменная плита со сбитыми ангелочками...

...Растопыренная пятерня касается окровавленного камня, скользит по лицу... Дымится кровавый ручей, пахнет горелой плотью. ***Он*** *отступает на шаг, страшный нож медленно опускается вниз...*

— Интересно, инт-тересно! П-подобное — подобным... — шепчет Игорь, а я только вздыхаю. Да, интересно! Как хорошо, что Маг не был там, в страшном подвале!

...Танки уже на площади — все десять. Разворачиваются, пушки смотрят на наши окна...

— Сейчас! Сейчас! — Господин Лель прижимает палец, выдавливая кровь. Капля за каплей падают в стеклянную банку.

...Из динамиков доносится грохот. Танки открыли огонь.

— Третий этаж. Прямое попадание, — доносится голос лейтенанта.

Мы ничего не слышим — слишком глубоко под землей наш бункер. Но все равно — страшно! Рука Игоря сжимает мою...

— Сейчас, сейчас!..

Банка опрокидывается наземь, и я еле удерживаюсь, чтобы не завопить. Тараканы! Боже, какая мерзость!

— Неплохо! — Игорь качает головой, улыбается, и я немного успокаиваюсь. Неплохо! Тараканы ползают по полу, пушки лупят в упор!..

— Попадание по баррикаде...

Николай Эдуардович переступает босыми ногами, улыбается. Внезапно его лицо начинает меняться. Глаза округляются, кривится рот, отвисает нижняя губа. Веки растерянно моргают...

Где-то я уже видела такое! Да не где-то! Там, в Малыжине! Шизофреники вяжут веники...

Уже солнце над дубком,
Нам до дому холодком,
Не идем, наказ нам дан,
Приказал нам добрый пан.

Даже голос звучит иначе, словно заговорил ребенок. Несчастный больной ребенок, с трудом выговаривающий слова нелепой считалочки. Веки моргают, отвислая губа дрожит:

Будем полем мы бродить,
До зари жучков давить.
Старый Дид нам образ дал,
А Микола в путь послал.

Босая нога медленно, неуверенно поднимается, зависает...

Хлоп!

Обезумевший таракан кидается в сторону...

Хлоп! Хлоп!

И тут мне впервые становится по-настоящему страшно.

Мы в осаде.

Танки лупят в упор.

Псих давит тараканов.

А мы — смотрим, взявшись за руки.

Хлоп!

— Какая пакость! (Это господин Мацкевич.)

Пальцы Игоря чуть сдавливают мою руку. Я поворачиваюсь — Маг смотрит куда-то в сторону, нижняя губа закушена, глаза...

Я еще не видела у него таких глаз!

И вдруг я понимаю — экран!

Пока мы здесь смотрим на тараканов!..

Хлоп! Хлоп!

Поворачиваю голову...

...Знакомый черный дым — над нашим зданием. Верхние этажи горят, в центре баррикады — зияющая воронка. Один из танков, приведенных «братвой», бессильно застыл со свернутой набок башней.

(Бах! Бах! — это за спиной.)

И снова дым — возле Госпрома, там, где выстроились танки «федералов». Наверное, дымовая завеса, иначе почему...

(Бах! Бах! Бах!)

— Ближе! Увеличьте изображение! Скорее!

Бажанов? Что он там заметил?

Бах!

С тараканами покончено. Малолетний недоумок счастливо улыбается, бормоча что-то вроде «Диди-лило! Диди-лило!» Мы — недоумки взрослые, до сих пор держимся за руки...

— Проверьте! Быстро! Позвоните наверх, должен же там быть кто-то живой!

Резкий голос генерала заставляет очнуться. Я отпускаю потную руку господина Мацкевича. Тот слегка морщится (кажется, сдавила) и тут же виновато моргает. Интеллигент!

Малолетний дебил тоже моргает — и в мгновение ока оборачивается улыбающимся господином Лелем.

— Благодарю вас, господа... и дамы, за, э-э-э, неоценимую помощь...

— Взгляни! — шепчет Игорь. — Эк-кран!

...Дымовая завеса у Госпрома еще гуще. Но вот сквозь дым я вижу нечто странное. Танк? Но почему он лежит на боку? Почему башня?..

— П-подобное — подобным! — повторяет Игорь.

Повторяет — и я начинаю понимать.

На полу — десять дохлых тараканов среди пятен крови ..

На площади...

Голос лейтенанта — радостный и одновременно растерянный:

— Господа! Они... Они отводят войска! Отовсюду! Они отводят войска!

В ответ другой голос — злой, недовольный. Господин Молитвин встает, черные перья — дыбом:

— Прошу не радоваться, господа! Господин Бажанов, вы уже закончили эвакуацию южных районов? И, будьте добры, следите за поведением обезьян!

Кар! Кар! Кар-р-р!

Мы еще не успеваем прийти в себя. Над площадью стелется черный дым, над нашим зданием — белый (пожарные расчеты начеку); ефрейтор-«сагайдачник» орудует веником, сгребая дохлых тараканов.

Входит Бажанов. Генерала не узнать. На лице — ни кровинки, губы сжаты, голос... И голос не узнать.

— *Они... они* подняли авиацию и вертолеты. По предварительным данным, направление удара — юг города и основные пункты эвакуации...

Сердце упало.

Все!

Теперь действительно — все!

Они решили убивать *людей*.

В этот миг я готова задушить проклятого Ворона.

Накаркал!

4

Глаза закрыты. Смотреть на экраны нет сил. Если б не Игорь, не его плечо рядом — давно вскочила, кинулась бы неизвестно куда, в полутьму коридоров...

Бежать некуда. Нас тоже бомбят. Госпром горит, и огромный небоскреб университета — тоже, и военная академия. Но это — ерунда, пустяки. Страшное — не здесь, страшное там, на юге.

...Перевернутые автобусы, дымящиеся воронки, сорванные взрывом палатки. И люди, люди, люди...

Вакуумные бомбы падают на Изюм, Чугуев, Балаклею. Вертолеты сжигают термитными ракетами кварталы Баварии и Восточного. «Черные акулы» зависли над дорогами, полными беженцев.

Город еще жив. Не все бомбы взрываются; даже область частично держится. Вертолеты сбиваются с курса, входят в штопор, врезаются в мокрую землю, в обреченные дома. Самолеты

идут на огромной высоте, правда, и это помогает не всегда — «МиГи» и «Су» падают, поворачивают назад...

Но их много. Слишком много.

Мы капитулируем.

Уже целый час по всем частотам крутится запись: прекращаем сопротивление, просим прекратить огонь. Просим, просим, просим...

Нас не слышат.

Не хотят слышать.

* * *

— Игорь! Что же будет, Игорь?

Маг молчит. Моя рука — в его руке. И мне не так страшно. Может, это и не очень плохо — вместе с ним, вместе с этими храбрыми людьми.

Если бы не Эми...

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад... Мяч уже в воде, ленивая теплая волна слегка подбрасывает его вверх, солнце сверкает на мокрой резине. Девочка оглядывается...

— Я... Разрешите?

Интеллигентный господин Мацкевич встает, чуть шаркая, подходит к пульту, что-то говорит оператору. Тот не спорит, переключает тумблер, кивает на черный микрофон.

Господин Мацкевич негромко прокашливается, опирается руками на пульт; я вижу — правая рука телевизионщика движется, чертя странный знак.

— Всем! Всем! Всем! Всем, кто нас слышит! Мы — Город, мы гибнем! Правительственные войска уничтожают целые кварталы, убиты тысячи людей. То, что происходит здесь, — акт геноцида, невиданный со времен холокоста. Мы просим помощи! Мы обращаемся к Организации Объединенных Наций, к Совету Безопасности, к правительствам и парламентам, ко всем людям. Все, кто может помочь! Помогите! Помогите! Мы — Город, мы гибнем!..

Голос звучит неожиданно сильно, грозно. И приходит последняя, окончательная ясность. Да, мы Город. Мы хотели здесь жить. И вот мы гибнем, и сделать уже ничего нельзя...

— Всем! Всем! Всем! Всем, кто нас слышит! Мы — Город, мы гибнем! Правительственные войска...

Это уже запись. Господин Мацкевич садится на место, закрывает лицо руками. Бажанов делает знак оператору, тот щелкает тумблером — и динамик глохнет.

Глас вопиющего в пустыне.

Вопиющего — под вакуумными бомбами.

Эмма! Как она там? Неужели в Штатах тоже решатся на такое?

Плечо Игоря рядом, и это не дает сойти с ума.

— Господа! Рискнул бы предложить... Не уверен, что получится, но в наших условиях...

Слова улыбчивого господина Леля повисают в воздухе. Каких еще тараканов вздумал давить этот штукарь? Но Николай Эдуардович не сдается:

— Боюсь, господа, нас не услышат. А если услышат, то не те, кто сможет реально помочь. Предлагаю сделать наше обращение более, так сказать, адресным...

В его руках появляется ланцет — и знакомый флакон с одеколоном.

— Требуется ваша помощь, господа! Небольшая помощь. Я бы предложил свои услуги, но у меня, к сожалению, малокровие...

Внезапно я чувствую омерзение. Малокровный, гад! Капустняк, похоже, тоже страдал малокровием! Жаль, «браунинга» нет! Разобраться бы напоследок с этим болящим!

— То якщо трэба...

Ефрейтор вздыхает, расстегивает пуговицу на манжете гимнастерки.

Кажется, тараканы произвели на него впечатление.

— Не вздумайте! Нет!

Черный Ворон встает, расправляет закованную во френч грудь:

— Господин... Лель! Вы пользуетесь моментом... Трагическим моментом для своих безответственных, преступных...

— Иероним Павлович! — Улыбка сползает с лица, в глазах Леля — холодный огонь. — Вы прекрасно знаете, что иного выхода нет. К сожалению, тот, кто мог бы нам помочь в этом городе, попросту струсил. У вас никчемный протеже, господин

Молитвин! Поэтому мы должны просить тех, у кого не дрогнет рука!

О чем они? Я смотрю на Игоря. Маг слушает, серые глаза смотрят на Ворона.

И вдруг я понимаю.

Тот, кто мог бы нам помочь...

Легат Печати!

— Вы прекрасно знаете, Иероним Павлович, что районы, подобные нашему, могут уцелеть лишь в одном случае. Ваша, с позволения сказать, оборона не рассчитана на прямой бомбовый и ракетный удар. Мы должны просить *настоящей* помощи.

— Нет!

Худая старческая рука дергает ворот френча. Пуговица не поддается, Молитвин вновь рвет ни в чем не повинное сукно:

— Господа! Нельзя! Та реальность, в которой мы находимся... Она не выдержит! Равновесие уже нарушено! Любой толчок может превратить мир в хаос!

Ему никто не отвечает. На экранах беззвучно вспыхивают черные грибы разрывов...

— Господин Лель! — Голос Бажанова звучит устало, но твердо. — Вы уверены, что это нам поможет?

Штукарь-Калиостро улыбается — победно, радостно:

— Поможет! Непременно поможет! И каждая секунда промедления...

— Нет! Нет! Не слушайте его!

Молитвин бросается вперед, его шатает, рука впивается в спинку стула:

— Это будет конец! Конец всему! Неужели вы не понимаете...

Худая, в синих прожилках рука отпускает стул. Нелепая черная фигура медленно сползает на пол.

— Ск-корее! — Игорь вскакивает, кидается к неподвижному телу. — Ему п-плохо! Разве в-вы не видите, ему...

Койки не нашлось. Не нашлось матраца. Иеронима Павловича уложили прямо в коридоре на холодный бетонный пол. В неярком белесом свете ламп его лицо казалось высеченным из мрамора.

Словно надгробие.

Кто-то побежал за врачом, я расстегнула ворот старенькой застиранной рубашки.

Поздно...

Тоненькая ниточка пульса еще билась, веки вздрагивали, но я понимала — поздно!

Игорь — тихий, непохожий на себя — поддерживал голову старика, время от времени проводя над его лбом раскрытой ладонью.

Но и Маг был уже не в силах помочь.

Внедренный сотрудник Стрела не выполнила приказ. Господин Молитвин Иероним Павлович, Черный Ворон, шаман из шалмана, покидал Прекрасный Новый Мир.

— К-какая жалость! Г-господи, какая жалость...

Игорь опустил ладонь, пальцы резко разжались, словно стряхивая невидимые капли.

Каменное лицо дрогнуло.

Открылись пустые — мертвые — глаза.

Дернулись белые губы:

— Али... Алика... Не дайте... убить... Иначе... другой... Дьявол...

— Господин Молитвин!

Я наклонилась над ним.

Выпрямилась.

Взялась за запястье...

— Где больной? Где?

Кто-то в белом халате подбежал, застыл на месте.

Игорь взял меня за руку.

Странно, я никогда не любила этого вздорного, желчного старика. Почему же...

— П-прими, Г-господи, душу новопреставленного раба Т-твоего...

Голос Игоря заставил прийти в себя. Вот и все, Иероним Павлович! Вот и к вам слетели проклятые пташечки с колоколенки!

И вам уже не страшен Дьявол, которого вы помянули.

Наверно, тяжело уходить с *таким* именем на устах!

5

И снова кровь.

На этот раз не на мраморном надгробии. Темно-красная лужа растекается по пульту, прямо по мигающим лампочкам.

Ефрейтору делают перевязку, накладывают жгут — неумело, грубо. Наверное, парню больно, но он почему-то улыбается.

Экраны мертвы — кроме одного. И возле него собрались все — Бажанов, интеллигентный господин Мацкевич, лейтенант в штатском, остальные.

Штукарь Лель тоже там — в первом ряду.

А на экране — лицо.

Страшное, нечеловеческое.

— *No, No!* Наткадо нат Кейнари! Ши-коу!

Лель что-то негромко говорит, подается к самому экрану.

Мы с Игорем подходим ближе. Он вновь берет меня за руку.

— *No! No!*

И вдруг я понимаю, что лицо на экране — человеческое, и когда-то оно было красивым.

Девушка!

Совсем юная, раскосые глаза, тонкие высокие брови, смуглая кожа...

...И страшный ожог, превратившийся в сплошное бурое пятно.

Господин Лель тянется вперед, жестикулирует, пытаясь объяснить, убедить.

Щелк!

Экран вспыхивает белым огнем, гаснет.

Слышится чей-то громкий вздох.

— Ничего! Ничего! — Николай Эдуардович нервно потирает руки. — Она не одна, нас слышат и другие...

И словно в ответ, экран вновь загорается.

...Море. Ярко-зеленое море, белые барашки на волнах.

Чайки.

Острый плавник, словно серая молния...

Лицо.

Знакомое лицо с незнакомыми пустыми глазами. Я узнаю этот взгляд — так смотрел на меня умирающий Ворон.

— *I'm Paul Zalessky. Do you listening me?*

— Пол? Паша?

Еще ничего не понимая, я бросаюсь вперед.

*...Маленькие цифирьки: «06.10.16:40». **Она** не одна — рядом с наглым видом возвышается загорелый парень, по-хозяйски положивший руку на **ее** плечо...*

«Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!»

«Не мели ерунды, девка! Твоего Пола сожрала его любимая тварюка!..»

«Эми звонила мне несколько дней назад, чтобы сообщить о гибели моего отца и... и брата. Паши. Павла Авраамовича Залесского».

«Я говорила Полу... Паше...»

Меня пропускают. Господин Лель пытается загородить экран — и отлетает в сторону. Стеклянная вогнутая поверхность рядом, я ловлю *его* странный застывший взгляд.

— Паша! Павел Авраамович! Я — Гизело...

— Здравствуйте, Эра Игнатьевна.

В его голосе нет ничего — ни удивления, ни радости. Мертвые глаза неподвижны.

И вдруг я понимаю — это не Пол.

Пол мертв.

Это — *Пол-у-Бог.*

— Господин Залесский! — Лель дышит над ухом, тянется к экрану. — Нам нужна ваша помощь! Нам нужна...

Губы — ровные, красивые — еле заметно шевелятся.

— Отойдите! Я буду говорить с госпожой Гизело.

Господина Леля отталкивают — уже без моей помощи. Рядом со мной — Бажанов. Молчит, не вмешивается.

— Эра Игнатьевна, изложите, пожалуйста, что у вас происходит. Прошу сообщить самые достоверные сведения.

Легкий, еле заметный акцент делает его речь еще более странной. Так может разговаривать цунами — страшная волна, притаившаяся до поры до времени в темных океанских глубинах.

— Город бомбят, — осторожно начинаю я. — Очень много жертв. Мы просили прекратить огонь, но нас не слушают. Не хотят слушать...

Пол-у-Бог на экране молчит. Долго, невыносимо долго.

— Почему вы не обратились к подобному мне? По моим сведениям, вы имеете такую возможность.

Мы с Бажановым переглядываемся.

— Господин Молитвин умер. Больше нам не к кому обращаться.

— Мистер Молитвин? — В голосе *Пол-у-Бога* впервые слышится удивление. — Ваша информация не есть полная. Но я понял. Какая вам нужна помощь?

Я вновь смотрю на Бажанова. Теперь — ему слово. Генерал на миг задумывается.

— Господин Залесски! Я глава Временного Комитета Обороны Бажанов. Необходимо нанести удар в воздушном пространстве над всем городом, начиная с самых малых высот. Необходимо также подавить аэродромы противника в районе Белгорода, Полтавы и Ростова. Затем — ракетные установки. Их координаты...

Я не слушаю. Взгляд не может оторваться от мертвых глаз *Пол-у-Бога*. Кто он? Спаситель? Или тот, кто довершит Второе Грехопадение? Но ведь выхода нет!

— Я понял...

Ровный холодный голос заставляет генерала умолкнуть. Бог думает. Решает. Скрижали еще чисты.

— Эра Игнатьевна! Что скажете вы? Допустимо ли мое вмешательство? Есть ли обстоятельства, вызывающие сомнение?

— Не знаю, Паша! Не знаю...

Я шепчу — тихо, одними губами, но *он* слышит. Ровные брови чуть заметно сдвигаются к переносице.

— Я должен немного подумать. Слишком большой риск. Но что бы ни случилось — спасибо вам за Эми! Она вас очень любит!

Его голос в этот миг становится другим — почти человеческим, почти живым. Я вздрагиваю, тянусь к холодному стеклянному экрану:

— Пол! Паша! Сделай так, чтобы с ней ничего не случилось! Сделай так...

Поздно.

Экран гаснет.

Пол-у-Бог ушел.

* * *

Минуты тянутся, в спертом воздухе висит сизый сигаретный дым. Экраны мертвы, молчат динамики.

Игорь держит меня за руку, и это единственное, что еще заставляет жить.

Чей-то голос — негромкий, чуть дрожащий:

— Спаси меня, Боже, ибо воды дошли до души моей...

...Спаси меня Боже, ибо воды дошли до души моей. Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать, вошел я во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня. Я изнемог от вопля, засохла гортань моя, истомились глаза мои от ожидания Бога моего. Ненавидящих меня без вины больше, нежели волос на голове моей, враги мои, преследующие меня несправедливо, усилились; чего я не отнимал, то должен отдать. Боже! Ты знаешь безумие мое, и грехи мои не сокрыты от Тебя!

Я стискиваю зубы, стараясь не думать ни о чем, даже о *ней*. Боже! Ты знаешь безумие мое, и грехи мои не сокрыты от Тебя...

Свет гаснет. Легкая дрожь сотрясает земную твердь. Из самых недр доносится еле слышный шепот. Мгновение — и шепот сменяется ревом. Твердь не выдерживает — бетон уходит из-под ног...

Пол-у-Бог решился.

Я падаю, руки Игоря подхватывают меня, я тыкаюсь лицом в его плечо и повторяю имя — единственное имя, которое может спасти, защитить, не дать раствориться в этом безумии, этом хаосе Смерти.

Саша! Сашенька!

6

Странно, мне казалось, что уже ночь...

Мне казалось, что я мертва.

И все мы — мертвы...

Под ногами хрустит битое стекло. Впереди — развороченная баррикада. За ней — черные коробки мертвых танков. Еще дальше — горящий Госпром.

Закатное солнце отражается в уцелевших окнах. Или это огни пожара?

— В-вот и все! Я же говорил, с т-тобой ничего не случится!

Рука Игоря обнимает меня за плечи.

Я глубоко вдыхаю холодный весенний воздух.

Улыбаюсь — отвечать нет сил.

Живы!

Живы мы, живы тысячи тех, кто был приговорен к смерти. Бажанов уже уехал на юг — железный парень, наш генерал!

Жив Город.

И в нем нам жить дальше.

Небо снова чистое — ни облачка.

— Здорово! — Игорь оглядывается, на его лице — знакомая улыбка. — А я д-думал, признаться, что н-наверху — лунный пейзаж!

Я не выдерживаю — и тоже улыбаюсь. К счастью, Город уцелел. К счастью — для нас. Те, кто явились убивать, — мертвы. Смерть ушла на север, превращая в серую пыль людей и металл. Но об этом не хочется думать.

Потом!

Все потом!

— Заявление об отпуске н-написала?

— Заявление?

Я оглядываюсь кругом — и внезапно понимаю. Война кончилась, Прокурор Фонаря может подавать в отставку.

— Ничего, п-пошлем факсом! — Игорь смеется, я смеюсь в ответ. Как просто! Можно уходить прямо сейчас, по хрустящему битому стеклу. Дорога в тысячу ли начинается с первого шага. Первого шага к серому пляжу, по которому маленькая девочка гонит синий мяч. К маленькому острову, где живет страшный идол бога Ронго.

Игорь смотрит на часы, вскидывает рюкзак на плечи.

— П-пора! Вертолет уже на месте.

Наверное, надо удивиться. Маг — конечно, Маг, но вертолет!

— Жаль, умер г-господин Молитвин! В вертолете как раз три м-места.

Да, жаль! Этот приказ сотрудник Стрела не выполнила.

— Ну что, пошли, голубушка?

Я киваю — и застываю на месте.

Голубушка?!

Игорь вновь смеется, качает головой:

— Я ведь обещал, что сам вытащу тебя! Не заб-была? Видишь, даже «Этна» не понадобилась! Про ужин в «Берлине» п-помнишь?

Я становлюсь камнем — мертвым камнем среди мертвых камней.

«...Держитесь, голубушка. Если что, немедленно шлите сигнал «Этна». Лично полечу вас вытаскивать».

...Старый добрый дедушка надевает пятнистый комбинезон, деловито подтягивает ремень десантного «АКС-99»...

* * *

— Девятый! Господи, Девятый!

Вместо эпилога

DEUS

ОПЫТ ВЫСОКОЙ МЕССЫ, или Он всегда любил счастливые финалы

Я вышел на поиски Бога.
В предгорье уже рассвело...

Александр Галич

Я видел сегодня Бога.
Бог ехал в пяти машинах...

Борис Слуцкий

I. KYRIE

«Прощай, Легат; прощай, бог... смешной бог без машины. Прощай...»

Надгробие с мертвой девушкой вспучивается ядерным взрывом, и, прежде чем опрокинуться в беспамятство, я вижу: гребень волны, под которым на алтаре распростерто изрезанное бухтами побережье, а с гребня мне машет Пашкина рука, раскрывая в привете зубастую пасть.

Машу в ответ.

...трижды садился переделывать этот кусок — вотще. Дубль-пусто. В окно, лишившееся стекол еще утром, при артналете на Павловку, ползет промозглая сырость; два свитера, надетых под куртку, спасают мало, пальцы коченеют, но я знаю — дело не в холоде и не в пальцах.

Просто не всегда Печать в моей власти.

Смешно: подписано в печать, сдано в печать, допускается к печати, не допускается... смешно.

Губы трескаются: больно.

Смешно и больно.

— Иероним Павлович! Что было со мной, когда вы вошли в камеру?

Равнодушное пожатие плеч:

— Вы же знаете...

— Иероним Павлович! Я видела фотографию...

— Тот, кто вам ее показал, — редкий дурак! — Старик резко повернулся, глаза блеснули. — А вообще-то говоря, я не давал клятвы Гиппократа. И если бы не Алик... Не Олег Авраамович... Я бы спокойно оставил вас на милость здешних эскулапов.

Откровенно. Только о чем он? Господин алкаш Залесский попросил помочь? С какой радости? Неужели из-за Эммы? Выходит, так!

— Скажите, Иероним Павлович, меня могли принять за... мертвую?

...перечитываю, прихлебывая остывший чай. Раздражает. Соринка в глазу. Все время хочется вычеркнуть это *«...если бы не Алик... Не Олег Авраамович...»*. Прости, старик, — реальность слишком пружинит, когда я умоляю белые барашки на синих волнах подчиниться, создать брешь между смыслом и вымыслом... прости, Ерпалыч, ее я смог оставить, вытащить, вплести до поры в ткань, зато Фиму-Фимку-Фимочку я удерживаю из последних сил, на пределе, не позволяя ринуться в дымный колодец, где свет в конце тоннеля грозит обернуться фарами встречного поезда; а вот Миньку и тебя... не удержать мне тебя, Ерпалыч.

Помнишь: *«Ты только поскальзываться не вздумай, у меня у самого ботинки скользкие, не удержу я тебя, Ерпалыч...»*?

Вот такие дела.

Мне остается лишь раз за разом возвращаться в ту расхристанную комнату, где мы с тобой пили перцовку с утра.

Еще по одной?

Я нелеп, и в этом моя сила.

Бежать некуда. Госпром горит, и огромный небоскреб университета — тоже, и военная академия. Но это — ерунда, пустяки. Страшное — не здесь, страшное там, на юге.

...Перевернутые автобусы, дымящиеся воронки, сорванные взрывом палатки. И люди, люди, люди...

Мы капитулируем.

...я капитулирую. У меня жар. Чайник все никак не хочет закипать, я пританцовываю на месте, потому что иначе упаду, а падать нельзя, нельзя падать... закипел.

Ну почему, почему мне не отпущено блаженства просто взять в руки автомат и выйти на улицу?! — туда, где Фол, Ритка, все, кто еще пытается удержать Город! Я не просил этой чаши; я не хочу, не хочу пить ее, захлебываясь горечью обреченности, проливая капли на одежду...

Но меня забыли спросить, чего я хочу, а чего — нет.

Место каторжника — на каторге.

Место Легата — у Печати.

Обжигаясь, беру чайник — вместо автомата, которого у меня все равно нет.

Кипяток, заварка, мед, зверобой; водки нет, есть коньяк, на донышке — симферопольский винзавод, пять звездочек, на этикетке гей с крыльями и название «Икар». Отца Дедала рядом нет — удрал, скотина, не захотел на этикетку, не захотел признаться, что у Икара никогда не было крыльев...

Черт с ним: в конце-то концов, Лабиринт для Миньки тоже он, Дедал хренов, построил... хоть за это спасибо.

Лью коньяк.

Возвращаюсь с чашкой в руке и прекращаю капитуляцию.

У меня тоже никогда не было крыльев.

...Море. Ярко-зеленое море, белые барашки на волнах.

Чайки.

Острый плавник, словно серая молния...

Лицо.

Знакомое лицо с незнакомыми пустыми глазами. Я узнаю этот взгляд — так смотрел на меня умирающий Ворон.

— I'm Paul Zalessky. Do you listening me?

— Пол? Паша?

Чай обжигает горло, расплавленным оловом проваливаясь внутрь. Пашка, почему ты не машешь мне рукой?! Страшной рукой, способной рвать и обнимать, пить кровь и прощаться до поры...

Молчу.

Пока молчу.

Пальцы вяло скользят по клавиатуре, поддерживая баланс: точка, точка, запятая... вышла рожица смешная... смешная рожица со стеклянными лужами в глазницах.

Сейчас, сейчас прозвучит вопрос, ответ, снова вопрос и снова ответ, и только тогда я смогу продолжить.

Чай выдавливает капли пота через сито лба.

Наивный образ.

— Я понял...

Ровный холодный голос заставляет генерала умолкнуть. Бог думает. Решает. Скрижали еще чисты.

— Эра Игнатьевна! Что скажете вы? Допустимо ли мое вмешательство? Есть ли обстоятельства, вызывающие сомнение?

— Не знаю, Паша! Не знаю...

Ровные брови чуть заметно сдвигаются к переносице.

— Я должен немного подумать. Слишком большой риск. Но что бы ни случилось — спасибо вам за Эми! Она вас очень любит!

Его голос в этот миг становится другим — почти человеческим, почти живым...

Привет, Пашка.

«Who are you?!»

Не морочь мне голову. Я это, я, кто же еще...

«Алька?..»

Узнал. В голосе плещет океан, кричат чайки, и волны с шипением облизывают каменистый берег. Отвечаю беззвучным смехом и белыми барашками на синих гребнях. Перистыми облаками в небе, искрами в голубизне родных глаз. Слова излишни, в начале было слово, и в конце будет слово, но у нас сегодня уже не начало и еще не конец, мы обойдемся без посредников.

И кровь братьев наших меньших нам тоже больше не понадобится — мы и так теперь с тобой одной крови, ты и я, одной крови и одного слова.

То, что спешит сейчас к завершению, — не слова, а лава, истекающая из кратера.

«Почему они обратились ко мне, Алька?»

Так надо, Паша. У них иначе не получалось. Я хотел, пробовал, но у меня тоже не получалось. Ты не бойся, ты давай потихоньку, давай, как умеешь, и девочка эта, с ожогом...

«Нанчейн. Ее зовут Нанчейн, она из Бирмы».

Медленно трогаю чужое, непривычное имя кончиками пальцев — так слепой изучает незнакомое лицо на ощупь, так гладят выпавшего из гнезда птенца, смешного, встрепанного, — пока имя не становится легким, своим, единственно верным. Нанчейн. Хорошо, пусть будет бирманка Нанчейн. Сирота, пятнадцати лет от роду, еще год назад — посудомойщица в придорожном баре, сейчас — Яшмовая наткадо, жрица-танцовщица Желтого Змея Кейнари.

«Откуда ты знаешь?! Я думал...»

Пашка, Пашка... думал он, пока в суп не попал. Начинай, *Пол-у-Бог*, начинай, а я сниму Печать, сниму на время, я встречу, поддержу и преобразую, потому что никто из Легатов не в состоянии действовать на территории своего собрата без разрешения и поддержки последнего. Ибо всплеск новой реальности должен пройти через страх и страсти избранного-без-его-согласия, через боль и любовь, через нутро человеческое, полное мерзости и отсвета небес; пройти и измениться, перемолоть муку в муку, а быль — в небыль. Только не спрашивай, Пашка, откуда я и это знаю! — я тебе не отвечу, ибо ответ крест-накрест забит досками... ты просто начинай.

Я сейчас.

Я только глотну чаю и — сейчас.

Давай.

Верь мне, Пашка, верь, я знаю, как оно будет, я вижу, и барашки играют на синих гребнях... Каждый ищет своих читателей по-своему, как Бог на душу положит, на душу, на сердце... Печать на сердце моем.

Я знаю, как оно будет, я вижу, Пашка, и еще я знаю, что мне придется делать потом.

У каждого свой дом, из которого нам действительно не убежать.

II. GLORIA

...а люди не сразу поняли, что происходит, когда небо над Городом передернулось больной собакой и дало трещину. Мало кто смотрел в те страшные минуты на небо из подвалов и убежищ, а железные птицы в голубых просторах больше верили показаниям электронных табло, нежели глазам червей, что копошились в их остроклювых головах.

Да и удивительно ли?! — большое, как известно, видится на расстоянии, а железные птицы роились в самом ядре случившегося, в эпицентре (эпи-центр, сердцевина эпилога — смешно...), в тех первых небесах, которые в День Гнева треснули яичной скорлупой.

Вместо черноты космоса, вместо звездной бижутерии на темном бархате бездны, в разломе ослепительно блеснула дюжина драгоценных слоев вечности, и был первый слой — яспис, второй же — сапфир, третий — халцедон, четвертый — смарагд; сардоникс и сердолик шли дальше, хризолит и берилл, топаз и хризопраз, гиацинт был одиннадцатым, а завершал полную дюжину аметист. Казалось, не люди — обитатели дна моря услышали над

собой неистовый глас пророка, и стало море сушею, и расступились воды, объявшие несчастных до души их; и вознеслись воды стеною по правую и по левую сторону.

Спасибо, небо...

На запад ринулся край воздушного океана, на восток ринулся другой край его, заворачиваясь двумя могучими крыльями, двумя бешеными волнами, подолом юбки, завернутой на голову дешевой шлюхе, разом сгребая с тверди и свода утлые порождения войны, комкая их в горсти; соленая влага пятнала ржой блестящие плоскости, скручивала лопасти детскими поделками — и вот: дойдя до горизонта, медленно двинулись волны навстречу друг другу, готовясь к страшному соитию.

А по фронту невиданного воздушного цунами, бок о бок с двутелым человеком-акулой, истово вились золотые пылинки: плясали в луче, превращая стихию в стихию, не давая творимому выйти из повиновения — сыновья Желтого Змея Кейнари подчинялись танцу обезображенной бирманки-наткадо, бывшей посудомойщицы занюханного бара, для которой сейчас не было пределов и расстояний.

Мгновением позже бесплотные ладони исполина сошлись в хлопке, расплескались фонтаном вселенского безумия, и град смертоносного металла ударил по рукотворным гнездам, откуда еще неслись на Город безумные осы с вакуумными жалами.

И треснувшее небо смеялось драгоценным оскалом.

...я перевел дыхание и откинулся на спинку стула, подчиняясь ритму озноба.

Что будет дальше, я знал заранее.

Экран расплывался перед глазами мерцающим маревом, вынуждая моргать, застилая взгляд слезами. Искусство требует жертв, наука требует жертв, истины, пророки, правды и кривды — все они упрямо требуют жертв, учиняя драку из-за каждого лакомого кусочка; и проклятая реальность, расширяясь, обрастая слоями, тоже требует жертв — одни жертвы ничего не требуют, потому что понимают: безнадежно. Жертвы платят назначенную цену, кто — молча, кто — сопротивляясь до последнего, и я уплачу свое сполна, на миг единый развязав себе руки...

Мне никогда не верили, когда я говорил, что люблю счастливые финалы.

Никогда.

И сейчас не верят.

Вытираю лицо тыльной стороной ладони и придвигаю клавиатуру.

Времени оставалось в обрез.

III. CREDO

...И чем дальше мы шли по пустой, замершей в предзакатной тишине улице...

— Ост-тальное ты понимаешь. — Игорь вздохнул, устало потер лицо рукой. — Связывался я с тобой п-по лоптопу, благо Интернет есть всюду, даже на здешнем постоялом д-дворе.

— Поэтому сеансы связи и были раздельные, — кивнула я.

— Д-да. Я действительно филолог, занимался фольклором и н-немного мифологией, учился в Праге у Буриана. М-магистр.

Он улыбнулся, но это была *не его* улыбка. Маг стал другим — с того самого мгновения, когда мы перешагнули через разбитый бетон баррикады. Словно то, что было между нами в эти невероятные дни...

...И чем дальше мы шли по пустой...

— А как же твои внуки, Девятый? — как ни в чем не бывало, поинтересовалась я, надеясь пробить страшную стену, что росла между нами с той минуты, когда мы сделали первый шаг.

К далекому острову?

В никуда?

Не его улыбка, *не его* голос...

— В-внуки... — Маг задумался. — У меня двое внуков, Ирина. Я н-немного старше, чем выгляжу. Одно из п-приятных следствий наших, как выразился бы господин М-молитвин, экспериментов. Боссы д-делают на этом безумные деньги — представляешь, сколько за т-такое заплатит какой-нибудь старикашка-миллиардер в Нью-Йорке или К-куало-Лумпуре? Кое-что перепадает и нам, г-грешным. И тебе, думаю, перепадет! Ты ведь теперь — Двенадцатый!

...И чем дальше мы шли...

— Расскажи еще о твоем острове, Игорь!

— Н-ничего особенного. Я арендовал его т-три года назад, случайно — подвернулась п-премия...

И вдруг я поняла. Странно было бы не понять! Игорь был не здесь, не со мной. Мы оба прошли одинаковую подготовку. Очень хорошую подготовку! Вот так же я «гуляла» с ним под руку в ту дикую ночь, когда хотелось одного — вытрясти душу из ублюдков, посмевших угрожать моей девочке. Гуляла, улыбалась, шутила...

Я была не с ним.

И теперь бумеранг вернулся.

Девятый, мой добрый всепонимающий босс, сероглазый парень, чей возраст — видимость, чьи губы...

Он был не со мной, и стена, страшная стена отчуждения, все крепла, одевалась железобетоном. Еще немного — и не будет ничего, даже если впереди маячит остров с ушастым идолом.

Игорь уходил, оставалась лишь знакомая маска, знакомый голос, смех...

Уходил навсегда.

Совсем.

— Игорь! Погоди!

Он остановился. Серые глаза улыбались — и не видели меня.

— Игорь! Очнись! Это я!

На миг в его глазах промелькнуло что-то живое, настоящее.

Боль.

Невыносимая боль, которую не выразить словами, не выкричать.

— Игорь! Послушай! То, что было, — было. Ты мне ничего не должен, понимаешь? Ничего! Если хочешь — останемся просто друзьями. Или коллегами. Вчера был жуткий день, и позавчера — тоже. Мы можем забыть...

Боль плеснула из глаз, и он наконец не выдержал. Тонкие губы дрогнули, на лбу скомканной неровной нитью обозначилась такая неожиданная морщинка.

— Стрела! Мы не м-можем остаться друзьями, Стрела! Я н-не имею права т-тебе лгать! Не имею! Это хуже, чем смерть!

— Ты... женат? — брякнула я первую же пришедшую на ум глупость.

Слишком поздно я сообразила: глупость — самое дорогое, что есть на свете. Слишком многим приходится за нее платить.

Его лицо стало серым. Глаза закрылись. Голова откинулась, и вдруг мне показалось: передо мной — умирающий Ворон. Уходящий навсегда старик, знающий, что не сможет помешать Дьяволу.

Nevermore.

— Я... Я н-не женат, Ирина! О таком в-врать — подло. Дело в д-другом...

Голос не слушался. Я попыталась взять его за руку, но он вырвался, дернул плечом:

— В-все равно! Ты узнаешь, и лучше — от м-меня. Лучше — сразу. Слушай! Только не п-перебивай, пожалуйста!

«Пожалуйста!» Он не просил — умолял. Так молят о пуле, когда впереди — многочасовая агония.

— Вчера... И д-днем раньше... Г-говорить тебе не имело смысла, мы и т-так были у грани — и ты, и я. П-перед смертью — зачем?.. Я м-мог бы врать тебе и дальше. Спрятать д-документы... Но это было бы еще отвратительней. Всю жизнь? Н-нет!..

Внезапно его лицо стало другим — внешне спокойным, равнодушным. Глаза потухли, голос зазвучал тихо, монотонно.

Словно ему было уже все равно.

— Т-три недели назад я получил приказ. С самого в-верха, я даже не знаю, от кого. П-приказ касался тебя. П-первое. Я должен был решить, способна ли т-ты работать дальше. Ты в этом г-городе около пяти лет, это — предельный срок. Второе. У руководства в-возникли подозрения, что ты — двойной агент...

Я кивнула — и удивилась. Те, «с самого верха», абсолютно правы. Азбука оперативной работы! Почему тогда он нервничает?!

— Если я решу, что т-ты не можешь дальше работать или что ты — двойник, я буду обязан т-тебя ликвидировать. Лично!

Я вновь кивнула, все еще не понимая. Правда, кое-что стало проступать — медленно-медленно, словно айсберг в арктическом тумане.

Пятый! Он предупреждал! *«Никаких личных контактов со специалистом!..»* Даже посылал *«Воздух»*! *«Явная и непосредственная опасность!»* *«Явная и непосредственная!»* А я его костерила, беднягу!

— Очень скоро я п-понял, что ты — на пределе. Что у тебя нервы — н-ни к черту. И что работать т-ты скорее всего больше не сможешь...

Игорь замолчал, будто на слова у него не оставалось больше сил. Как и у меня — на удивление. Я жива, меня повысили в должности. И еще как повысили!

— Я им соврал, Стрела! Сообщил, что т-ты — в превосходной форме, и п-посоветовал перевести тебя в центр.

— Но меня и перевели! Я говорила с Третьим! — совсем рас-

терялась я, чувствуя, что кто-то из нас сошел с ума. — Игорь! Девятый! Да что с тобой?

Он помотал головой. Внезапно в глазах его вспыхнул черный огонь. Губы сжались.

— Посмотри! В-верх!

Ничего не понимая, я поглядела в темнеющее вечернее небо. Ни облачка, чисто, только посреди — неровный инверсионный след. Не иначе, «мигарь» напоследок оставил.

— Н-началось...

— Что началось?

Я вновь посмотрела на небо — и замерла. То, что в первый миг показалось мне следом от самолета...

След от самолета не бывает темно-желтым.

И у него нет рваных краев.

Трещина!

Страшная трещина, пересекающая небосвод. Словно небо, наше привычное голубое небо, разорвалось ветхой тканью, и в просвет глянуло небо иное, кованное из тяжелого золота.

Иное — Последнее небо.

Небо, которое видят *Те*.

— ...Нельзя! Та реальность, в которой мы находимся... Она не выдержит! Равновесие уже нарушено! Любой толчок может превратить мир в хаос!..

Черный Ворон, Черный Ворон! Ты опять накаркал!

Странно: я не почувствовала страха. Только холод — и пустоту. Чуждую пульсирующую пустоту.

Пустоту — и боль.

Боль Второго Грехопадения.

...И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно...

Мы простерли руку. И нам не жить вечно...

— Значит, началось. — Игорь вздохнул, закрыл глаза. — К-кажется, господин Молитвин был п-прав... Времени мало, слушай!

Он весь подобрался, серый взгляд блеснул.

— Т-ты должна узнать, пока мы еще здесь... Б-боссы согласились со мной, но потребовали проверить т-тебя — по-настоящему п-проверить. Честно г-говоря, и у меня были подозрения. П-помнишь, мы с тобой пошли ночью гулять, а ты п-придумала какую-то чушь с д-дискетой?

Я только вздохнула. Да, за глупость приходится дорого платить!

— П-потом Залесский передал тебе распечатку. Я решил, что тебя шантажируют, п-причем успешно.

А я даже не успела прочитать эти проклятые листки!

— Залесский и Молитвин б-были косвенно связаны с этим уголовником К-капустняком, а у того имелись к-контакты с федералами. Я решил...

— Игорь! — не выдержала я. — Я все могу объяснить! Мне приказали проконтролировать вашу встречу!..

Он вновь помотал головой:

— Н-не надо! Я все знаю. Теперь знаю. А в тот день... От меня требовали результата. Точного результата, понимаешь? И тогда...

Игорь резко выдохнул, глянул прямо в лицо.

И снова — боль.

— Я т-тогда... Я решился... Решился нарушить Правило Ноль...

Я вздрогнула — еще не понимая почему.

Пятый! В тот вечер, перед страшной бойней!..

«...Неофициально предлагаю немедленно воспользоваться пунктом № 8 Правил и покинуть город. Предупреждаю — сигнал «Этна» отменен и нарушено ***ПРАВИЛО НОЛЬ****. Повторяю:* ***ПРАВИЛО НОЛЬ****...»*

Правило Ноль...

Пятый! О чем ты предупреждал меня, Пятый?

— Тебя п-предупредили. — Игорь словно читал мои мысли. — Предупредили — но ты осталась. Что я м-мог подумать?

— Что я не знаю этого проклятого правила! — в отчаянии воскликнула я. — Нет никакого Правила Ноль!

— Есть...

Слова падали медленно, тяжело; не слова — тонные авиабомбы на беззащитный город.

— П-правило Ноль... Никогда, н-ни при каких обстоятельст-

вах не в-выдавай агента! Н-никогда! Это — самое святое п-правило любой разведки...

Небо беззвучно дрогнуло, пошло трещинами и битым стеклом обрушилось вниз.

На меня.

— Могу я узнать... причину?

— Конечно, можете, гражданка... Стрела? Я не ошибаюсь?

— ...Вы правы, придется колоть.

— Двойную дозу?

— Да. Обидно! Красивая женщина...

— Нет! Нет! Нет... Не говори дальше! Не говори!

Забыв обо всем, я ткнулась лицом в его плечо, пытаясь спрятаться, исчезнуть, не думать. Этого не было! Маг не мог выдать меня! Не мог! Он — не мог!.. Меня ведь убивали! Убивали!

Он отстранил меня — осторожно, но решительно. Словно зачумленную. Или словно у него самого — чума.

— Когда т-тебя нашли в камере... У тебя и пульса-то не было, Ирина! Я вдруг п-подумал, что мне придется жить дальше. И это, п-пожалуй, было страшнее всего.

Я поглядела на умирающее небо. Трещина расползалась, темное золото бугрилось неровной, словно кованной грубым молотом, твердью. Вспомнилась старая сказка, читанная еще в детстве. На Золотом Небе живут боги. Им нет дела до нас. Пока мы, живущие под Голубым небом, не переступим порог.

И еще песня была. Саша ее даже петь пытался. Мелодия старая, чуть ли не XVII века, а слова написал Сашин приятель, он потом в Париж уехал, письма присылал — с яркими марками. На одной, помню, картина была — Ван Гог, «Едоки картофеля»...

Над небом голубым
Есть город золотой...

Угадал, парень! Он ведь художник, у художников все не так, они *видят*. Эту песню потом многие исполняли, но ошибались — по привычке. Золотой город *над* небом, а не *под* ним! Жаль только, в дивный сад нам не попасть! Или ты все-таки попал туда, Саша? Туда, где гуляет Огнегривый Лев?..

Игорь что-то говорил, но я уже не слушала. Все и так ясно. Девятый выполнил приказ. Интересно, понимал ли Маг, что баба, которую он отдавал палачам с лампой, влюбилась в него, словно кошка? Старая глупая кошка?! Наверное, понимал. Он ведь умница, сероглазый Магистр! Сероглазый Волк...

Теперь понятно, кто был загадочным «чистильщиком»! Когда мне светили лампой в глаза, Игорь тоже включал лампу — и читал все подряд. Читал, откладывал нужное... Работа такая.

— Ирина! Стрела!

Я очнулась. Надо слушать, кивать, отвечать...

— Пятый. Что с ним?

Маг долго молчал, затем дернул щекой.

— Она не имела права предупреждать тебя. Не имела!

Она?!

— Ее звали Марианна Тишинская. Она была очень хорошим работником...

Звали... Была... Марианна — какое красивое имя! Мари-Анна...

Прости меня, Пятый! Ради Господа! Еще и этот камень на душу!

— Священники. Это тоже — ты?

Маг отвел глаза.

— П-пришлось. Егоров слишком много понял. У м-меня был человечек в ФСБ, а у него — к-контакт среди «ганфайтеров». С ордером они, г-гады, сами сообразили, чтобы т-тебя прижать...

Я не стала переспрашивать. Самой надо было сообразить, дуре! Еще тогда, когда я подарила Игорю проклятый немецкий журнал! Отец Александр догадался обо всем — и не стал молчать.

— Я н-не прошу прощения, Стрела! Такое не прощают. Я м-мог бы врать тебе и дальше...

Я взяла его за руку. Рука была холодной, мертвой. Спросить, лгал ли он, когда его губы...

Зачем?

Может, и не лгал. Иначе бы не стал рассказывать *такое*. Перескажи я Третьему наш разговор — и все. Конец! И Девятому, и скорее всего мне.

— Пойдем, Игорь... Пойдем.

* * *

Под ногами — битое стекло, над головами — разорванное пополам небо. Сколько еще осталось? Может, час, может — век. Наверное, Адаму тоже думалось, что Изгнание — это гибель, последний миг. А ведь все только начиналось!

— Почему ты сообщил, что я погибла?

По его лицу скользнула усмешка — вымученная, невеселая.

— Чтобы т-тебя оставили в п-покое. Чтобы твоя д-дочь получила страховку. Чтобы т-ты, выжившая вопреки здравому смыслу, могла уехать — и все забыть.

— Спасибо...

Его рука — в моей руке. Не знаю почему.

— За что, Стрела? Ведь н-не получилось!

Да, не получилось. Я не стала прятаться. Вместо этого захотелось поиграть в Прокурора Фонаря. Хорошо еще, вовремя нашла Третьего, а то бы и вправду «чистильщика» прислали!

Вот так, Эрка! А ты думала — шабаш!

А если бы мне самой приказали такое? Выдать «специалиста», осуществить «комплексную проверку»? Ведь могли приказать?

На миг стало страшно. Нет, я бы ни за что!..

Ни за что?

— Ирина! Стрела! Что с тобой? П-пожалуйста!

— Ничего, Игорь! Ничего...

Они знают, как обеспечить верность.

Знают!

Верность — и покорность.

Три степени покорности — телом, разумом, сердцем. Как учил Святой Игнатий.

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад...

Они знали об Эмме. И не пощадили бы — ни меня, ни ее.

У Игоря — сын...

Маг выдал меня. А я выдавала Сашу — каждый день, каждый час. И рукопись, рукопись, которую я передала неведомым боссам, прежде чем нести в редакцию! А на следующий день...

Нет, не думать!

Нельзя!

Не думать — и не судить.

Я не судья Игорю.

Пусть нас всех рассудит *Другой*!

Если захочет судить.

Битое стекло под ногами. Страшное небо над головой...

— Меня спас Молитвин? Ведь я умирала, правда?

Его рука дернулась, пальцы сжались.

— Он н-не хотел, сволочь! Я п-позвонил его дружку — Залесскому, наорал на него...

Да, верно. Черный Ворон что-то похожее говорил...

«А вообще-то говоря, я не давал клятвы Гиппократа. И если бы не Алик... Не Олег Авраамович...»

Вот никогда бы не подумала! Два алкаша вытаскивают с того света полудохлую шпионку! Ворон — из-за Алика, Алик... Надо полагать, вспомнил о брате.

О боге.

О *Пол-у-Боге*.

Какие страшные глаза у этого бога! Хорошо, что Эми...

— Н-не хочешь сказать ему спасибо?

Я вздрогнула от неожиданности. Ему? Залесскому? Вообще-то надо бы...

И тут я поняла. Мы шли по битому стеклу, под страшным умирающим небом. Шли — прямо к знакомому дому, куда я однажды заглянула в поисках сгинувшего старичка-пьяницы. Господи, как давно это было!

Рюкзак Игоря уже на земле.

— Д-держи!

«Браунинг»! Старый знакомый! Да-а-авненько не виделись!

— Это... Приказ?

Его лицо стало серьезным, даже глаза вновь потемнели, налились горячей чернотой.

— Д-да. Надеюсь, последний. Подстрахуешь, если что.

— Если — что?!

Вспомнилась небритая физиономия господина «литератора». «Браунинг»? Не жирно ли? Пинок ему под зад — в самый раз!

Игорь понял. Покачал головой.

— Т-ты не разбираешься в ситуации, Ирина! Этот Залесский...

Договорить он не успел.

Автоматная очередь. Короткая, захлебывающаяся... тишина.

Еще очередь.

Ба-бах!

Словно железной палкой — по ушам.

Где-то совсем рядом, близко.

Я зажмурилась. Лишь на миг, чтобы очнуться, прийти в себя. Выходит, и вправду — не все знаю!

— Это... там?

Маг не ответил, да ответа мне и не требовалось.

Там!

Рюкзак уже за плечами. Игорь усмехнулся — незнакомо, зло. Ровные белые зубы оскалились. Таким я его еще не видела. Волк! Сероглазый Волк, почуявший добычу.

Внезапно я успокоилась. Все — на своих местах. У нас приказ. В руке у меня — оружие. Рядом идет бой. Это — реально, все остальное — потом.

Потом?

Я оглянулась, помедлила.

— Игорь!

Волчьи глаза на миг потеплели. Я заспешила, заранее понимая, что сейчас — не время, не место.

— Игорь! Когда все кончится... Если мы выживем...

Он понял. Знакомая улыбка тронула губы. И снова — ямочка на подбородке.

— К-куда захочешь, Ирина! Если ты сможешь...

Смогу? Смогу — что? Простить? Забыть?

— Ты мне ничего не говорил, Девятый! Ничего! Ты понял? Я ничего не хочу знать! Сейчас я хочу одного — добраться до вертолета. Вместе с тобой. Ясно?

Игорь молчал. Долго, бесконечно долго. Наконец кивнул — серьезно, без улыбки. Я посмотрела на небо: трещина стала шире, неровная золотая твердь тускло горела в закатных лучах.

Сколько еще осталось? Век? Год? Минута? Поймет ли он?

— Ты п-права, Стрела. Ничего н-не было. Есть м-мы — ты и я.

— И вертолет, — улыбнулась я, почувствовав, как отпускает сердце.

— Д-да. И вертолет.

IV. SANCTUS

Сдвоенный рокот нарастал, оползнем рушился на головы с треснувшей навсегда скорлупы неба, и мнилось: незримая саранча опускается на многострадальную Землю из драгоценного разлома, которого просто не могло быть, но который — был.

Чаша терпения переполнилась, пролилась пеной грехов через край — и вот приближается, парит в поднебесье неумолимый гул оперенных в сталь крыльев Ангелов Смерти с карающими мечами в руках...

А может, все было гораздо проще и скучней.

* * *

В самом углу пустыря, некогда представлявшего из себя двор компьютерного колледжа «Профессионал», у выщербленного кирпичного забора, стояли двое.

Мужчина и женщина.

Адам и Ева, прикрывшие срам после Второго Грехопадения.

Они были похожи друг на друга: оба среднего роста (мужчина, как ни странно, пониже, женщина — повыше), в вязаных шапочках с помпонами; на Адаме — серая, давно вышедшая из моды болоньевая куртка, потертые джинсы, старые, но еще крепкие желтые ботинки на толстой подошве; на Еве — ратиновое пальто неопределенного цвета, из-под которого выглядывают брюки из черного вельвета в крупный рубчик, заправленные в полусапожки на белесой «манке».

В одном *«second hand'e»* отоварились?

Лица... лица обоих совершенно не запоминались. Займешь за такими очередь в сберкассу, за телефон уплатить, отойдешь на минутку сигарет в киоске купить — а потом, вернувшись, и не вспомнишь, за кем занимал! Никакие лица. Будто смазанная фотография без ретуши. Словно брат и сестра из одного инкубатора.

Двое смотрели вверх.

Ждали.

Рокот все нарастал, скоро превратившись в явственно различимый гул винтов — и вот из-за домов, зиявших слепыми глазницами выбитых окон, вынырнули две тупорылые машины. Зависли над пустырем, шагах в пятидесяти от подпиравших кирпичную стену Адама с Евой, и стали неторопливо опускаться, подняв вокруг себя вихрь из отсыревших обрывков

бумаги, рваных упаковочных кульков, окурков и прочей дребедени.

Вертолеты едва успели коснуться земли, как дверь одного из них мигом отъехала в сторону. В чавкнувшую под ногами грязь спрыгнули трое в штатском, один за другим — и, пригибаясь, побежали к неприметной парочке у забора.

Одеты пришлые были по-разному, пестро, словно старались как можно меньше походить друг на друга (в отличие от Адама и Евы). Но тщетно: чувствовалась общая повадка в плавных, вкрадчивых движениях, внешне ленивых, но на поверку стремительных миг, другой — а троица уже в углу пустыря, рядом с парочкой обитателей здешнего рая.

Успели, накануне изгнания.

Мужчина в серой куртке-болонье коротко бросает пару слов (за гулом винтов, сбрасывающих обороты, их почти не слышно), трое согласно кивают — и вся пятерка споро перебирается через забор по заблаговременно подставленному бревну.

Помочь женщине никому не приходит в голову.

Впрочем, Еве помощь не требуется.

Идти пришлось недолго· миновав двор, усыпанный хрустящим под ногами битым стеклом, они вошли в тень старой «хрущобы»-пятиэтажки и свернули в крайний угловой подъезд.

Узкая грязная лестница.

Пахнет кошачьей мочой.

Из разбитых лестничных окон и из приоткрытой второй двери, выходящей на улицу, тянет сквозняком.

Ныряя в темноту, щербатые ступеньки ведут в подвал, но пятерым подвал не интересен. Едва оказавшись в подъезде, они дружно начинают расстегивать одежду, с отработанностью профессионалов доставая аккуратные, чуть больше пистолета, автоматы.

На стволы навинчены глушители, превращая оружие в смешное подобие вибраторов из секс-шопа «Интим».

— Третий этаж, направо, — властно командует Адам в серой куртке и вдруг останавливается как вкопанный.

Дальше пути нет.

Прямо на ступеньках, посередине между двумя пролетами, расположился человек в овчинном полушубке с погонами. На боку — табельный палаш в ножнах, на коленях — коротко-

ствольный «АКС-99» со складным прикладом. Жорик сидит, чуть скособочившись — левая рука служивого туго забинтована и висит на перевязи; он сидит, курит, щурится от едкого табачного дыма, лезущего в глаза, — и со спокойным интересом разглядывает вооруженных людей.

А еще рядом с жориком (судя по лычкам на погонах — старшим сержантом) на ступеньках лежит полуразобранный пистолет. Древний «макаров», ржавый патриарх, из ствола которого зачем-то торчит кусок бельевой веревки с хитрым (морским? альпинистским?) узлом на конце.

— Та-а-ак, — нарочито растягивая слова, произносит сержант и с видимым сожалением давит окурок сапогом. — Оружие, значит, носим, господа и дамы? Ну-ка, позвольте ваши документики... А заодно — лицензии на ношение. Давайте, давайте, граждане, не стесняйтесь... здесь все свои!

Адам в серой куртке косится на автомат, на цевье которого теперь покоится здоровая рука сержанта.

— А разве вам не положено предъявлять первому? — криво усмехается он.

Так, пожалуй, усмехался он, глядя вниз и чуть в сторону, на вопрос Господа «Не ел ли ты от древа моего?!». Ел, Господи, и я ел, и супружница компот закрывала, и кореша малость почавкали!.. и кабанчику досталось.

— Это пожалуйста, — согласно кивает болтливый жорик, улыбаясь в ответ одними губами. — Это сколько угодно. Имеете полное право...

И, не торопясь, лезет за пазуху здоровой рукой.

В следующее мгновение сразу два «ствола» тыкаются буквально в лицо сержанту, два пальца уверенно жмут на спусковые крючки...

Щелк.

Щелк.

— Вот, пожалуйста. Патрульно-постовая служба Города, старший сержант Петров, Ричард Родионович, можно просто Ритка... раз все свои! Глядите!

Ритка сует раскрытое удостоверение прямо в наставленные на него «стволы», словно сочтя их некими приборами для чтения служебных «корочек».

Двое перед ним лихорадочно дергают затворы.

Щелк.

Щелк.

— Заело? — сочувственно интересуется Ритка.

Удостоверение уже исчезло в кармане, и здоровенная ладонь сержанта уверенно сжимает пистолетную рукоятку «АКСа», чей кургузый ствол, направленный теперь на пришельцев, лежит поверх забинтованной руки.

— Таки заело, — с удовлетворением констатирует жорик. — Вон, видали?

Короткий кивок в сторону полуразобранного «макарова» с торчащей из дула веревкой.

Адам и Ева молчат, остальные нервно переглядываются.

— Так что можете даже не пытаться, граждане хорошие. Не стреляет и стрелять не будет. В отличие от моего, казенного. Этот — стреляет. Можем проверить. Хотите?

Ритка говорит и говорит, добродушно ухмыляясь... Надо тянуть время. Тянуть любой ценой. Потому что там, на третьем этаже, Алька должен успеть закончить, обязательно успеть закончить...

Осталось совсем чуть-чуть.

Ритке все равно, откуда он об этом знает.

— Это почему же, сержант? У тебя стреляет, а у нас — нет?!

Пятерке незваных гостей тоже нужно время, чтобы спешно перестроить свой план. Это хорошо, их недолгая растерянность дарит Ритке такие нужные мгновения.

Осталось чуть-чуть...

— А потому, граждане, что я — представитель законной власти. Местной. А вы... хрен вас знает, кто вы такие! И лицензий на оружие у вас, похоже, нет. Значит, придется пройти в отделение. Там и будем разбираться. Ну что, пошли?

Рослый крепыш в длинном светло-бежевом плаще отстраняет местного Адама. Автомат крепыша исчез, человек безоружен, и это плохо.

Очень плохо.

Этот успел опомниться раньше всех.

— А что же ты, сержант, один здесь сидишь? Куда напарников дел?

— Так некому больше здесь сидеть, — тяжело вздыхает Ритка. — Один я и остался. Кто-то ведь должен людей охранять... от вашего брата. Ты документики предъявлять будешь... или глазки продолжим строить?

— Почему бы и не предъявить? — пожимает плечами крепыш.

И одним неуловимым броском оказывается ближе к служивому на три ступеньки.

Удар носком ботинка приходится прямо в забинтованную руку, но в последний миг Ритка успевает нажать на спуск. Грохот очереди. Автомат отлетает назад, за спину сержанта. Крепыша в плаще швыряет вниз, на левом лацкане расплывается багровое пятно. Увернувшись от падающего тела, вверх ломится Адам в серой куртке, выставив перед собой лезвие широкого десантного ножа.

Взвизг металла.

Влажно хрустит плоть, нож звенит о ступеньки — и Адам начинает медленно валиться на спину. Глаза его стекленеют, из разрубленного наискось горла хлещет алый фонтан.

Ритка медленно отступает, держа чуть на отлете окровавленный палаш. Шипя от дергающей боли в раненой руке, он пытается ногой нащупать упавший автомат.

Не дотянуться.

Нет.

Когда тяжелый нож по рукоятку вошел ему под ключицу, Ритка еще успел выругаться, коротко, зло, прежде чем оплыть на грязные ступеньки, судорожно цепляясь за перила, — и мимо него по лестнице с грохотом свалился огромный, бешено ревущий силуэт. Мелькнули рубчатые края колес, бородатое лицо оскалилось страшной ухмылкой — и вот: кентавр в футболке с «молнией» на груди живым тараном опрокидывает уже спешащих вверх людей, рухнув на них всей своей массой...

Чтобы увязнуть в груде тел, мертвых и живых.

Взлет ножей и кулаков, тупые звуки ударов, хрип, сдавленные проклятия... Глаза застилала кровавая пелена, тело быстро немело, теряя чувствительность, и Ритка даже не знал, что ползет, все еще ползет, напрягая последние силы, оставляя за собой кровавый след...

Ползет к лежащему в углу лестничной площадки автомату.

Осталось совсем чуть-чуть... совсем... чуть...

* * *

...Когда неподалеку прозвучала автоматная очередь, один из выбравшихся наружу пилотов вздрогнул и уронил недокуренную сигарету.

— Это не наши! У них глушаки, — с тревогой обернулся он к своему напарнику.

— Ну и что? — Напарник флегматично сплюнул. — Наше дело маленькое: доставить сюда, потом — обратно. Не дергайся. По раскладу еще двадцать минут. Если не вернутся, разряжаем боекомплект вон в те окна и улетаем.

— А... «тюки»? Мы ведь троих должны забрать?!

— И у них двадцать минут. Не успеют — их проблемы.

Еще одна очередь, совсем короткая.

— Гляди! А этот хмырь откуда взялся?!

К пилотам неторопливо шел загорелый парень лет семнадцати, в черной футболке со скалящимся черепом и надписью *«Megadeth»*, в линялых джинсах и... босиком! Это четвертого-то марта! Пускай сейчас оттепель... Вдобавок мгновение назад на пустыре никого не было — оба пилота могли в этом поклясться!

Не с неба же он свалился?!

Парень был калекой: ниже локтя руки его начинали лоснится серой блестящей чешуей, заканчиваясь косо срезанными культяпками.

Культяпки неприятно шевелились, словно жили своей, отдельной от парня жизнью.

— Эй, шел бы ты отсюда! — Даже пилоту-флегматику стало не по себе.

Его напарник судорожно лапал кобуру, матерясь вполголоса: пружинный зажим вдруг вздумал упрямиться.

Парень подошел, остановился в двух шагах и принялся равнодушно рассматривать пилотов, как экспонаты в музее восковых фигур мадам Тюссо.

В глазах гостя мертво плескались холодные океанские волны.

— Тебе сказали — убирайся! — Голос пилота помимо воли дал трещину.

Его напарник все никак не мог справиться с кобурой.

— Я опоздал. Почти, — без всякого выражения сообщил парень с легким акцентом. — Жаль. Осталось закончить.

Выстрелить не успел ни один... а вокруг уже смыкался душный аквариум Выворотки, где снулыми рыбами в июньской духоте и тополином пуху, в мартовской оттепели и ноябрьской слякоти, в нелепом времени вечно високосного года плавали

бывшие люди, сгустки оборванных стремлений, беззвучные обитатели той стороны, и дела им не было до двух исходящих криком тел... новеньких.

V. AGNUS DEI

Вертолет действительно оказался на месте — тупорылый, темный, отдаленно похожий на стрекозу-мутанта. Дверца открыта, рядом, на земле, — брошенный пистолет.

От второй стрекозы остались только черные клочья посреди маленького пылающего озера. Горящий бензин плеснул на невысокий кирпичный забор, выжег остатки снега. Веселые язычки уже лизали доски разрушенного сарая.

Вот, значит, что это было за «ба-бах!».

Я оглянулась. Пустырь, чуть дальше — зияющие мертвыми глазницами окон старые пятиэтажки. Кирпичный забор, в нем, в закутке между кочегаркой и гаражом, — проход, проломленный обитателями еще в незапамятные времена. За проломом — знакомый двор. А вот и подъезд — тоже знакомый. Только прежде я заходила в него с улицы.

— Г-гляди! — Игорь кивнул на что-то, лежавшее в луже бензина.

Я посмотрела — и почувствовала, как тошнота подступает к горлу. Странно, я еще могла испытывать какие-то чувства.

...Рука. Человеческая рука, отрезанная... отпиленная... Нет, отгрызенная! Следы клыков... Клыков?! Не бывает таких клыков! Акулы в бензине не плавают!

— Господи...

Я прикрыла глаза. Почему сразу подумалось об акулах?!

«Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!»

«Не мели ерунды, девка! Твоего Пола сожрала его любимая тварюка!..»

*Холодные, неживые глаза **Пол-у-Бога**.*

Взгляд-цунами...

— Там д-дальше — еще. Не смотри, н-не надо.

Рукоять «браунинга» стала потной. Вот тебе и «литератор»!

— Я п-первый. Ты — за мной. Ч-черт, неужели в-все накрылись?

Я взглянула с недоумением, и Маг поспешил пояснить:

— Мы выслали г-группу. С однозначным приказом: ликви-

дировать т-только в случае полной невозможности вывоза. Я д-думал, пятерых хватит... трех «чистильщиков» и д-двух местных... внедренных, как и ты.

Как и я.

Выходит, не хватило.

* * *

Возле подъезда, на грязном асфальте двора — женщина. Ратиновое пальто, вязаная шапочка. Тело изломано, в последней судороге мучительно тянется вперед, к луже, отсвечивающей праздником заката. Не надо быть литератором, чтобы отчетливо представить: вот женщина в пальто на одних руках ползет по замызганному кафелю подъезда, волоча за собой отнявшиеся ноги, мертвую, бессмысленную, ненужную тяжесть... здесь обошлось без акул — перелом позвоночника.

Эта — накрылась.

Как, наверное, накрылась бы и я, отдай мне Девятый приказ об участии Стрелы в ликвидации смешного алкаша Алика.

Впрочем, Стрела накрылась раньше.

Дверь подъезда — старая, давно не крашенная. Мокрый грязный снег хрипло взвизгивает под ногами.

Игорь молча подносит палец к губам. Его пистолет наготове, ждет верной собакой, способной рявкнуть в любую секунду по приказу хозяина. Прижимаюсь к шершавой влажной стене, прислушиваюсь.

В подъезде тихо. Могильный склеп, не подъезд.

Значит, и там — накрылись.

Дверь скрипит: мерзко, еле слышно. Маг сглатывает, левой рукой зачем-то проводит по волосам; ныряет в черную сырость.

Секунда.

Две.

— З-заходи!

Под ногами кровь — как в тот день, когда шаман Ерпалыч тихим словом смирял кентов. Знакомый, отвратительный запах...

Испуганно щелкает выключатель. Равнодушие желтого света, исходящего от лампочки под потолком...

— Оп-поздали!

Игорь кивает на открытую дверь парадного хода — мимо подвала, на улицу, где он когда-то любовался «китоврасами». Но я смотрю не туда. Там пусто, тихо, а вот здесь...

Здесь тоже тихо; но не пусто.

Я не ошиблась — все как в тот раз. Или почти — все.

Старший сержант Петров плашмя лежит на ступеньках, сжимая в руке свой нелепый палаш. Второй рукой Петров, невозможно, по-змеиному выгнувшись, дотягивается до автомата. На палаше засыхает бурая ржавчина, на лице упрямого Ричарда Родионовича — тоже кровь, кровью намок казенный полушубок, один погон почти сорван, висит на нитке.

Плохо соображая, что я делаю, перебираюсь через завал из тел.

Касаюсь запястья.

Все.

Позади, на площадке первого пролета...

Сразу и не разобрать, что там. Узнаю только буйную бороду. Мотоцикл по имени Фол опрокинут на кафельную плитку, полузавален двумя телами, чьи-то пальцы мертвой хваткой вцепились ему в горло.

Вцепились — не разжались.

Еще один в серой куртке и вязаной шапочке (такой же, как у женщины во дворе) лежит навзничь рядом, возле руки — десантный нож с «кишкодером»-обушком.

Еще кто-то... светлый плащ, на левом лацкане — бурое пятно, словно орден Кровавой Звезды.

— Ушел, г-гад! — Сероглазый Волк кивает на противоположный выход. — Ч-черт, пожадничал, надо было взвод к-кинуть...

— Но почему Залесский? — не выдерживаю я. — Игорь! Ведь он просто алкаш!

Маг по имени Истр злобно усмехается, качает головой.

— Просто алкаш, Стрела?! Просто алкаш?! В том-то и беда, что все Легаты поначалу — просто! Жаль, не успели!

Легаты? Но кто бы мог подумать, что этот мямля в тапочках!..

Мямля в тапочках сумел узнать об Эми, не выходя из своей квартиры; и диктофон кричал чайками над океаном, и стримайлендцы говорили по-русски.

Мямля в тапочках просил за меня Ворона, или что он там делал за меня, этот мямля, — и Ворон сотворил чудо.

Брат этого мямли...

— Почему вы не обратились к подобному мне? По моим сведениям, вы имеете такую возможность.

— Господин Молитвин умер. Больше нам не к кому обращаться.

— Мистер Молитвин? Ваша информация не есть полная...

Вот о ком говорил *Пол-у-Бог*!

Игорь прячет пистолет, морщит нос, беззвучно смеется.

— З-завалили задание, Стрела! Ладно, ну его к свиньям собачьим! Сейчас поднимемся, взглянем н-на всякий случай...

Но подниматься нам не пришлось.

Стук двери — негромкий, резкий.

Шаги.

Кто-то спускается вниз.

Пистолет вновь в руках Игоря. Мы отходим в узкий аппендикс выхода во двор.

Неужели *он*?

Тот, кто идет к нам, слегка шаркает ногами. Словно старик. Словно каждый шаг стоит ему года жизни.

— Игорь! Не надо оружия!

Маг смотрит на мертвецов, загромоздивших пролет и лестницу, скалится, кивает.

— Д-да, Стрела. Не поможет...

Шаги все ближе...

Он!

Алик-алкаш, Легат Печати, спускается по лестнице. На плечах — старая куртка с латкой на левом локте, на ногах — знакомые тапочки. В руках — разлохмаченная пачка листков. Идет медленно, с трудом, наваливаясь боком на перила.

Возле трупа сержанта Петрова он останавливается — на какой-то миг. Затем прижимается к стене, протискивается.

Мы ждем.

С ноги Легата спадает тапочка, он долго ищет его, надевает.

— Мне... надо пройти.

Голос звучит глухо, странно. Глаза смотрят под ноги.

— Зачем вы убили м-моих людей, Олег Авраамович? — Игорь уже пришел в себя, на лице — привычная улыбка. — Они просто хотели с вами п-побеседовать.

Легат поднимает взгляд: так поднимают убитого ребенка.

На нас смотрят незнакомые мертвые глаза. Такие же, как у его брата.

Нет, другие!

В глазах у *Пол-у-Бога* — цунами.

В этих глазах — только пустота.

Ничего не осталось.

— Я... не убивал их. Мне надо пройти...

Игорь кивает, берется рукой за дверь.

— Ладно! Поговорим во дворе.

Над нами — пустые окна с выбитыми стеклами. Под ногами — черный тающий снег. А над всем этим — расколотое небо.

Легат выходит из подъезда, неторопливо оглядывается, словно видит двор первый раз в жизни. Левая рука сжимает листки бумаги.

— Мне... надо...

— Олег Авраамович! — Маг усмехается уверенно, твердо. — В-все, что вам нужно, — это п-пройти к вертолету. Пилот я н-неважнецкий, но обещаю д-доставить в целости.

И вновь на нас смотрит пустота.

— Мне... не надо туда. Но я... могу вас проводить...

Идем молча, не торопясь. Два раза с ноги Легата падает тапочек. Один и тот же — левый.

Бензин догорает, плещет последними язычками; зато вовсю горят дрова — обломки взорванного сарая. Маг оглядывается, удовлетворенно кивает.

— От-тлично! Олег Авраамович! Позвольте объяснить вам суть д-дела. Организация, к-которую я представляю, поручила мне доставить вас в некий н-научно-исследовательский центр...

— Меня?

В его голосе слышится что-то живое. Насмешка?

— В-вас, Олег Авраамович. Извините, что не озаботились этим раньше, но т-только сегодня удалось п-понять, что вы — это вы. Спасибо г-господину Молитвину, вечная ему память!

Молитвину? Да, конечно! Как же сразу не догадалась?

«Али... Алика... Не дайте... убить...»

Предсмертное карканье Черного Ворона!

— Олег Авраамович! События развиваются слишком б-быстро. Не исключено, что п-потребуется серьезное скоординированное вмешательство — с участием т-таких, как вы. Это — только начало!

Маг кивает на небо, на золотую полосу, медленно расползающуюся по вечерней синеве.

— М-мы слишком долго выжидали. Теперь, когда Н-новый Мир сумел устоять, н-настала пора взять ситуацию под разумный к-контроль. Под *наш* контроль...

— Нет...

«Нет» звучит тихо, еле слышно, но разом обрывает все. Игорь хмурится, качает головой:

— Ж-жаль! В таком случае у меня есть д-другой приказ. Мы не можем позволить людям... существам, подобным в-вам, проявлять, так сказать, самодеятельность. («Л-людям... не существам — л-людям...» — тускло поправляет его Легат, тоже начиная заикаться, но Сероглазый Волк не слышит или делает вид, что не слышит.) Вы — почти в-всесильны, вы можете убить меня на месте или изменить реальность в вашу пользу. Но если н-нет, я убью вас! Вы слышали?!

Я невольно вздрагиваю. Неужели до сих пор мало смертей? И Молитвин, шаман из шалмана! Он ведь просил — перед смертью просил!

«Али... Алика... Не дайте... убить...»

За кого просил Ворон — за дружка-собутыльника? Или за Легата? Смертного бога-неврастеника, которого ни при каких обстоятельствах *нельзя* убивать?

— Я... не хочу вашей смерти, — голос Легата звучит по-прежнему тускло, невыразительно. — Можете убить меня. Но мертвый я стану опасен. У мертвых нет жалости. У мертвых нет памяти. Им нечего терять; они уже не люди. А я человек... если вы этого так и не поняли.

Игорь смеется — весело, взахлеб, словно услыхав удачную шутку.

— Сами по себе вы абсолютно безопасны, г-господин Залесский! У вас — атрофия воли. Не боюсь я в-вас живого, не побоюсь и м-мертвого. Вы — слабак и т-трус! У вас д-даже не хватило смелости взять автомат и выйти из квартиры, к-когда ваши друзья умирали за вас!

На недвижном лице Легата проступает удивление, словно он впервые подумал о таком.

И обида.

Обида несправедливого упрека.

— Я... не мог. Я писал книгу... вы не понимаете! У меня нет автомата!..

Левая рука по-прежнему сжимает бумажные листки. Наверное, Игорь прав. Город умирал под бомбами, в подъезде дрались насмерть «чистильщики» и сержант Петров с мотоциклом по имени Фол, а достойный Легат отсиживался под диваном.

Даже не откликнулся на зов, когда кровь полилась на пульт.

— Я б-боюсь не вас, а тех штукарей, что могут взять вас в оборот! Все, решайте! Д-дохлый вы меня вполне устроите! Вы не один, н-незаменимых нет, д-даже среди богов!

Я все еще не верю. Игорь просто угрожает. Зачем убивать этого нелепого человечишку? Все, что он может, — распечатку подкинуть, диктофон свести с ума... нести чушь, оставив в подъезде мертвых друзей. Бог — спец по мелким гадостям. Локи городского масштаба. Пусть его!

— Вы правы, магистр. — Легат надолго задумывается; Игорь, как ни странно, не торопит его, ждет, и наконец Легат кивает. — Незаменимых нет. Вместо меня может прийти другой; и идущий следом за мной способен оказаться сильнее меня. Вы совершенно правы.

Другой?

Слово кажется знакомым.

Другой!

«Али... Алика... Не дайте... убить... Иначе... другой... Дьявол...»

«Мы еще встретимся, старший следователь Гизело! Встретимся — но уже не здесь. Мое царство скоро будет всюду!»

Вот что имел в виду Ворон! Если Легат слаб, его сменит Другой. Бородатый самозванец, у которого нет атрофии воли. Который силен и опытен, у которого есть автомат и нет дивана, под чьим днищем можно отсидеться; Другой, которому не страшна кровь.

Легат молчит.

Маг уже не улыбается, рука — за отворотом куртки.

— Погодите! — Я бросаюсь вперед, боясь опоздать, не успеть. — Игорь! Я сама с ним поговорю! Сама!

Маг поджимает яркие губы; отходит чуть в сторону. Рука по-прежнему — за отворотом.

— Олег Авраамович! Я...

Слов нет. О чем сказать? О разорванном небе над головой? О том, что пули плещутся в пыли, слетая с колоколенок?!

— Я хочу вам сказать спасибо, Алик. Я знаю — это вы спасли меня! Если бы не вы... Иероним Павлович сказал мне...

В пустых глазах рождается удивление.

— Нет... это не я. Не совсем я. Я просто писал книгу. Так сложилось...

— Хорошо, — киваю я. — Так сложилось. Все равно — спасибо. От меня — и от Эми. Мне сейчас нельзя умирать, Алик!

— Эми... — глухо произносит он, словно вспоминая. — Я должен был вам что-то сказать, Эра Игнатьевна... что-то важное... О моей книге. Я хотел написать о том, что с вашей дочерью все будет хорошо, и ребенок... я только не помню, чем все закончилось... я не помню!..

Кажется, один из нас сошел с ума. При чем тут его дурацкая писанина? И какой ребенок? Чей?

— Хотел написать... вспомнил! Пашка не сумеет защитить его. И я тоже не смогу, особенно если... мертвый. Его будут искать. Очень искать. Он — ребенок Пашки, они будут искать его...

Ребенок Пашки.

Ребенок *Пол-у-Бога*...

«Только ты приезжай, мама! Пожалуйста, приезжай! Мне надо сказать тебе. Сказать важное... Приезжай, пожалуйста!»

Приеду, дочка! Скоро, очень скоро! И пусть только кто-то попробует обидеть тебя! Вот только пусть попробует...

— Вам лучше поехать с нами, Алик! Здесь решаю не я и не вы. И даже не Игорь... не магистр.

Он молчит, в глазах тает пустота, плывет серыми, бесплотными волнами океана, где в бездне зарождается невозможная жизнь.

— Нет... Моя книга... моя. Я должен... должен сам...

Время тянется, Легат молчит, рука сжимает листки распечатки.

Чьи-то шаги совсем рядом. Удивленный вскрик:

— Ой, мамочки! Да чего ж это?

Объясняться с гражданкой Бах-Целевской нет времени. Потом поймет — если постарается.

Белая от ужаса физиономия показывается в проломе забора, исчезает.

— Ой, убивают! Ой, люди добрые!

Неужто сообразила?!

— Бесполезно, Ст-трела! — В голосе Мага слышится нетерпение. — Ну его к б-бесу, дурака! Нам п-пора!

И я понимаю: бесполезно. Игорь вслух назвал меня агентурной кличкой, значит, Алик для него — уже труп. Нелепый труп в тапочках, с распечаткой в потной руке. Сейчас мы сядем в вертолет... Мы сядем в вертолет, мы улетим на маленький остров, где живет ушастый идол...

Поворачиваюсь.

Черный ствол смотрит мне прямо в грудь.

— От-тойди, Ирина!

«...Иначе... другой... Дьявол...»

*«...**Мое** царство...»*

— Оставь его, Девятый! — Я бросаюсь вперед, но холодный зрачок пистолета заставляет отшатнуться. — Его нельзя убивать! Нельзя! Помнишь, Молитвин говорил? Вместо него придет Другой! Его нельзя...

Над черным зрачком — серые глаза. Волк готов к прыжку.

— Отойди, Ирина! П-пожалуйста!

— Нет!

Черный зрачок резко движется вправо. Кидаюсь вслед, понимая: не успеть...

Хлопок.

Еще один.

Тихие, еле слышные.

Почему земля...

— Стрела! Р-ради Бога! Стрела!

Надо мной склоняется Игорь, в серых глазах — ужас.

— Ирина! Господи, Ирина!..

А я так и не поняла — просто не успела... Вот они, пташечки! Взяли — да нашли...

Как просто...

— Ирина! Ирина! Т-ты, гад, это из-за тебя!.. Сволочь, п-подонок!

Легат не двигается. Рука держит взлохмаченную кипу листков. На лице — прежнее равнодушие, хотя по животу расползается красное пятно. Игорь все-таки не промахнулся! Сейчас будет контрольный — в голову. Как глупо умирать из-за такого!

Рука лезет в карман. Предохранитель...

— Г-гад! Сволочь!

— Не надо, Девятый! — шепчу я одними губами. — Пожалуйста! Игорь, не надо!

Маг вскидывает пистолет.

Хлопок.

Едва ли громче предыдущих.

Я опускаю «браунинг».

Все...

Глаза смотрят в небо. Золотая трещина прямо над головой. Рядом — какая-то возня, стоны. Далекий вопль — уж не гражданка ли Бах-Целевская голосит?

Надо приподняться, надо...

Рука Игоря сжимает пистолет. Маг лежит ничком, и ничем ему уже не поможешь.

Алик-алкаш, Легат в стоптанных тапочках...

Его нет, только кровавое пятно на снегу. Рядом — листок бумаги, большие черные буквы тараканами кишат в заголовке.

Всматриваюсь. Знакомое слово!

«Легаты...»

Что?!

«Легаты Печатей». Автобиография? Вряд ли. Название перечеркнуто, поверх тянется неровная строчка, отдаленно похожая на трещину в небе, — от руки. Строчка тоже знакомая:

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

Алкаш-писатель ошибся. Жить здесь придется другим. Не мне. Не Игорю-Девятому. И не господину Залесскому. Кстати, а где он сам?!

Приподнимаюсь на локте.

Кровь на снегу! След!

Повернуться...

Господи, как больно!

Повернуться!

Вот он!

Догорающий костерок — все, что осталось от разнесенного взрывом сарая. Алик лежит на снегу, окровавленная рука с кипой листков тянется к огню. Веселые язычки начинают плясать по краям, бумага чернеет. Сдавленный стон. Алик чуть поднимает голову, с трудом сует в огонь всю пачку, вместе с рукой — по локоть. Медленно, словно нехотя, бумага начинает становиться пеплом.

Каждый умирает в одиночку.

И каждый — по-своему.

Бумага догорает, Легат тычется лицом в грязь, припорошенную темным пеплом. Кажется, все. Господин сочинитель решил унести роман с собой. Унес — лишь заглавие на память потомкам оставил.

Странно, почему-то этот оставленный листок не дает мне покоя — даже сейчас. Легат знал, что умирает. Знал — и сжигал свою последнюю книгу. А этот листок...

Никогда не подозревала, что придется умирать, думая о такой ерунде! Не об Эмме, не об Игоре. И даже не о Саше.

Листок лежит совсем рядом, на испоганенной земле. Рядом — протяни руку...

Поздно.

Чернота наползает, холод сжимает пальцы, и словно чья-то рука...

...Над небом голубым есть город... золотой с прозрачными... воротами и яркою... зве...

* * *

Черные ели вздымали острые кроны к золоту неба. Передо мной холодно горел беззвучный костер. Бог сидел на старом поваленном дереве и молча водил карандашом по бумаге. На боге была знакомая штормовка; молодое, чуть скуластое лицо казалось суровым и неприветливым. Карандаш летал над бумагой, бог качал головой, хмурился.

Я узнала его сразу: бог был знакомый — точно такой же, как на старой Сашиной фотографии. Даже штормовка, даже поношенные кроссовки.

Узнала — и почему-то совершенно не удивилась.

Карандаш в последний раз взлетел над бумагой, бог вздохнул, отложил рисунок в сторону. И сразу лицо его изменилось. Улыбка — добрая, слегка растерянная.

— Привет, сестренка! Ты это, ну... нормально?

— Да, Владыка, — тихо ответила я.

— Вот елы!

Странно: никогда не могла предположить, что боги смущаются.

— Ты, Ленка, меня так не называй, ладно? Ну, беда с вами со всеми — кто ни явится... Договорились?

— Договорились, Владыка.

Здесь я снова стала Леной. Леной Гвоздевой — Леной Шендер.

Владыка Вечноживущий, Мессия из рода потомков ангелов не ошибся.

— Меня это... Ну... В общем, Саня твой попросил. Чтоб я тебя вроде как встретил.

Я оглянулась. Костер горел на небольшой поляне, намертво вросшей в дремучую чащу, а вокруг чернел лес и тускло светило золотое небо без солнца.

Саша!

Я верила, я всегда верила, что так и будет. Вот, значит, что там, ***над небом голубым!***

— Ты не удивляйся, — бог кинул быстрый взгляд на кованую твердь. — Обвыкнешь! Я и сам, покуда привык...

Бог снова вздохнул; и я вспомнила. Саша рассказывал: Мессия погиб много лет назад, в далеком девяносто втором. Подстерегли *возле дома — и застрелили в упор.*

Как Сашу.

Как меня саму.

Как... как нелепого Легата Печати в тапочках и с разлохмаченной кипой листков в руках.

— Ну чего, похоже? — Словно прочитав мои мысли, бог поднял рисунок, протянул мне; улыбнулся спокойно и сильно. — Вроде все точно!

Рука бога была тверда. Я сразу узнала то, о чем хотелось забыть — до боли, до жаркого озноба.

...Грязный снег, обломки вертолета, тело Игоря с пистолетом в руке, догорающие бревна, Алик в латаной куртке, лежит, уткнувшись лицом в грязь.

И листок — маленький, слегка примятый. Карандаш чуть обозначил рукописные буквы: «Нам... здесь...»

— Похоже, — я отдала рисунок обратно богу. — Только меня нет.

— Ну, ясное дело! — бог вновь улыбнулся. — Ты, Ленка, теперь здесь, наверху. Сама прикинь! — чего тебе там делать?!

— Но... Разве я не умерла?

— Вот елы!

И опять бог смутился. Удивительно: ни у заокеанского Пола-Пашки, ни у вздорного борзописца Алика, ни у черного Ворона-Молитвина я не видела таких глаз — живых, ярких. Странный бог! И, наверное, хорошо, что странный.

Мельком подумалось: а может, раньше я просто не умела смотреть? — подумалось и сразу исчезло, как не бывало.

— Понимаешь, сестренка, я и сам в этом не шибко разбираюсь. Вот Саня тебе все как есть разъяснит! Я так себе мыслю: мир вроде бы меняться начал. А мы, стало быть... Не, не объясню!

Я улыбнулась богу — растерянному богу, который чесал в затылке и не знал, как пояснить то, что много лет назад рассказывал мне Саша.

Я и без него все знала.

Они были как свет — **«эхно лхамэ»**. И они вновь стали светом — под золотым неровным небом.

И Саша не забыл меня.

— Вот сейчас дорисую — и пойдем. Саня говорил, будто дочке вашей помощь нужна...

Я вздрогнула.

Эми!

Я ведь обещала приехать!

Обещала!

— Ты это... Не волнуйся, Ленок! — Широкая ладонь ласково дотронулась до моего плеча. — Все путем будет! И дочку повидаешь, и, даст Бог, внучку. А ежели какая лажа, мы там всех гадов, в карету, по стенке размажем!

Голос бога на миг дрогнул, треснул мимолетной ноткой сомнения, но я пропустила это мимо ушей. Внучку? Господи, помилуй, внучку! Кто бы подумать мог! Внезапно я почувствовала уверенность — жгучую, почти болезненную, такую неожиданную после всего, что случилось со мной в эти страшные дни. Владыка Вечноживущий, застреленный в девяносто втором Мессия, прав — все путем. Я увижу Эмму. Я не дам девочку в обиду!

Интересно, какого Бога только что помянул Мессия?

— Владыка, а почему они хотят... Зачем им нужна моя... внучка?

Бог отложил карандаш, нахмурился.

— Ну... Понимаешь, твоя внучка там, внизу, вроде как за главную будет. Самая-самая. Вроде как мир в ней, ну... вопло-

тится, что ли? Не, ты лучше Саню спроси! Да не бойся, мы этих штукарей враз! У меня с ними счеты — и не пересчитать, елы!

— Враз? — усмехнулась я, понимая, что никогда не научусь улыбаться так, как он, светло и ясно. — Черным Мечом?

— Мечом? — Бог скривился, словно дольку лимона сжевал. — Да ну его, заразу, тяжелый больно! Оно и без меча сподручно...

Трещина сомнения заново прошлась по сказанному богом — будто прежняя, памятная трещина в голубом небе, приоткрывшая для взгляда золотую твердь Последних Небес.

И на этот раз я не смогла отмахнуться от проклятой трещины.

Бог взялся за карандаш, а я затихла в смутном раздрае души. Все путем, Ленок! Все путем! Только почему рисунок?..

— Владыка! Можно, я... Можно посмотреть?

Бог кивнул, чуть подвинулся. Я присела рядом. Карандаш летал, быстро касаясь бумаги.

...Грязный снег, обломки вертолета, тело Игоря с пистолетом в руке, догорающие бревна, Алик в латаной куртке, лежит, уткнувшись лицом в грязь. Листок — маленький, слегка примятый...

Рисунок изменился. Прямо поверх знакомой картины медленно проступало лицо — тоже знакомое. Губы кривились, маленькие темные глаза недобро щурились. Чернобородый из Малыжина смеялся — торжествующе, победно.

«Мы еще встретимся, старший следователь Гизело! Встретимся — но уже не здесь. МОЕ царство...»

Господи! **Его** царство!

— Владыка! — Я закрыла глаза, пытаясь собраться с силами. — Владыка, пожалуйста, сотри это! Сотри! Этого не должно быть!

В ответ — тяжелый вздох.

— Ага, сотри... не могу, елы! Получается так, хоть тресни! Стер бы, да мешает!

— Что мешает?

Я вновь взглянула на рисунок. Грязный снег, обломки вертолета...

— Вот! — карандаш остро ткнулся в маленький белый четырехугольник. — Если бы не это, я б его сразу, елы!

Мешает?

...Листок — маленький, слегка примятый. Карандаш чуть обозначил буквы: «Нам... здесь...»

Алик не успел. Наверное, просто не заметил, когда однаединственная бумажка выпала из рук...

— И ничего уже не изменить? Ничего, Владыка?!

Бог не ответил.

Значит, все.

Шаман-Молитвин мертв, и Легат-Алик мертв; и **Пол-у-Бог**... как сказал смешной Залесский? «Пашка не сумеет защитить его. И я тоже не смогу, особенно если... мертвый. Его будут искать. Очень искать. Он — ребенок Пашки, они будут искать его...»

«МОЕ царство скоро будет всюду!»

Всюду? Значит, и в Городе, и в Южной Каролине? И даже здесь, под Небом Золотым?!

Пол, Алик, далекая девушка с обожженным лицом, остальные — просто люди. Хорошие слабые люди, случайно ставшие вровень с богами. Их вытолкнули вперед — и они даже не всегда могут понять, объяснить... но забиваться обратно во второй ряд они тоже не стали.

Малыжинскому демиургу не нужны объяснения.

Он взял сам.

Он знает, что кровь пьют руками.

И теперь, когда Мир вновь согрешил... Значит, все зря? Упал под пулями Володя, закрыл усталые глаза Ворон, истек кровью Алик, мертвы его друзья, убит Игорь; ушла, сбежала я...

Я тоже — зря?

— Владыка!

Бог удивленно поднимает голову.

Я протягиваю руку, беру без спроса.

— Ленок! Ты это... Зачем?

Рисунок у меня. Встаю, подхожу к холодному тихому огню.

— Спасибо, Владыка! Спасибо за все! Саше... Передай...

Договорить не успеваю — бумага вспыхивает сразу, со всех концов. Чернобородое лицо корчится, щурит глаза...

* * *

...Грязный окровавленный снег, догорающие доски, мертвая рука Игоря, сжимающая бесполезный пистолет...

Боль.

Никогда не думала, что может быть так больно.

До листка, проклятого листка — всего полшага. Чуть сдвинуть локоть, протянуть руку...

Если бы у меня была зажигалка! Почему у меня нет зажигалки! Почему?..

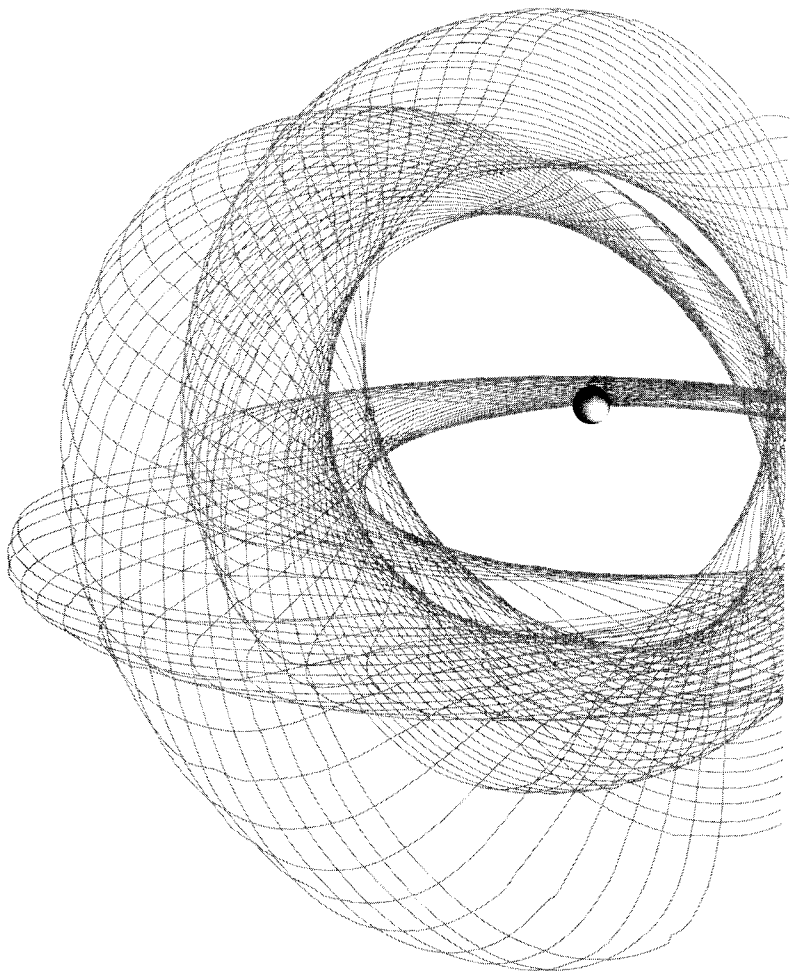
Нам.

Здесь.

Жить...

ТИРМЕН

РОМАН

И вот что начертано: мене, мене, текел, упарсин.
Вот и значение слов: мене — исчислил Бог
царство твое и положил конец ему. Текел —
ты взвешен на весах и найден очень легким;
перес — разделено царство твое...

Книга пророка Даниила

В тире, с яркой подсветкой,
С облаками, как дым,
Мы с винтовочкой меткой
Два часа простоим.

Вот я выстрелю в гуся,
Что из тучки возник,
Посмотри, моя дуся,
Он головкой поник.

Вот я лань обнаружу,
Вот я в башню пальну,
Все расстрою, разрушу
И отправлю ко дну.

Что там, шляпа с полями?
Или пень? — Не видать.
Тирщик в белой панаме
Все настроит опять.

Его птички бессмертны,
Пароходы прочны
И бессменны концерты,
Вроде вечной весны.

Ты любуешься парком?
Я же здесь постою
В размалеванном, ярком,
Самодельном раю.

Александр Кушнер

ПРОЛОГ

Иногда легче спуститься в ров с голодными львами, чем зайти во двор больницы.

Он, как обычно, без помех чуял сектор: давящий, тесный, метров пятьдесят в обе стороны — от левого крыла здания, где располагалось отделение нейрореанимации, до правого, административного. Кроме этого, стрельбище захватывало еще двор с разноцветными скамейками, урнами и неопрятными, буйно цветущими кустами. На крайней скамейке он и устроился.

Тополиный пух сбивался у ступенек в лохматые сугробы.

Впрочем, чувство сектора сегодня не имело значения. Он точно знал: кто и где. Последний фактор — когда — он выбрал сам. После первой неудачной попытки это было несложно. «Сделаешь — гуляй, — сказал Петр Леонидович, трудно двигая непослушным ртом. — Месяц отпуска получишь. А может, и все полтора».

Во многом знании — многие печали. Очень верно подмечено. Знать место, знать время, знать имя...

Пиво, газету или книжку он брать не стал. Обойдемся без прикрытий. Все равно никто не обратит внимания. Врачи, больные, шоферы «Скорой», посетители с апельсинами и домашним бульоном... Никому нет дела до хорошо одетого молодого человека, который сидит на скамейке, зажмурив левый глаз. Тут у многих если не глаз зажмурен, так щека обвисла. А если и обратят... Какая разница? Месяц отпуска, значит. Приводить в порядок нервы, снимать стресс коньяком; окунуться в заботы о жене, которой до срока осталось меньше месяца. Потом у них родится ребенок, сын или дочь, начнутся бессонные ночи, жгучие угли покроются горячим пеплом, пепел станет остыв-

шей золой, дунет ветер, все пройдет, забудется, канет в небытие...

Между «сейчас» и «потом» — ров с голодными львами.

Правда, тезка?

Тезка, который пророк, не ответил.

Он представил, как расфокусированный оптический прицел вслепую шарит по местности. Стрелок возится с капризной оптикой, изображение мало-помалу обретает резкость — и вот наконец крест накрывает нужную точку.

Цель.

«...И широта, и долгота сойдутся в точке одной», — вспомнились слова из песни Бориса Смоляка. На его концерте, в крошечном зале академии дизайна, они с женой (тогда еще, кстати, не женой) впервые побывали четыре года назад. Купили диск — «самопал», без фабричной полиграфии, с черно-белым вкладышем, отпечатанным на принтере. Концерт «торкнул» всерьез, диск они заслушали едва ли не до дыр — пришлось копию делать. Но эта песня, «Амундсен», — особенная. Было в ней что-то ледяное, что всегда пробирало до костей.

«И тут он понял, что это Смерть, и понял, что он в раю...»

Больничный двор закончился, и начался лес.

Тот самый.

I.

Стылый ветер швырнул в лицо горсть сухого, колючего снега. Данька невольно зажмурился. Осторожно приоткрыл один глаз: правый. Он стоял по колено в снегу, и вокруг бесновалась метель. Не пух окрестных тополей, а февральская лютая волчица-завирюха.

Он впервые попал в метель здесь, в лесу «плюс первого». Ощущение, мягко говоря, не из приятных — особенно если на тебе джинсы, модельные туфли, рубашка и легкая, продуваемая насквозь ветровка. Не по погоде оделся, Даниил-Архангел! С другой стороны, кто ж мог знать? И вообще, легкая стрельба бывает только в Голливуде.

Давай, тирмен, работай!

Щурясь от снежных оплеух, Данька начал осматриваться. По идее, лес должен был отчасти сдерживать пургу, не давать ей разгуляться в полную силу. Как бы не так! Деревья раскачивались под напором ветра, отчаянно полоща ветвями в судорожных попытках обрести равновесие. Пурга завывала, крутя меж стволов искристые вихри. В диком вое тонула знакомая, еще далекая мелодия. Расслышать флейту не получалось, одни барабанчики тревожно намекали: тук-тук, ты-ли-тут?..

Зато деревья вокруг щеголяли зелеными листьями, словно в разгар лета. Мясистые, глянцевые, неестественно яркие листья крепко держались на ветках, вцепившись не черенками — когтями и зубами. Ветру никак не удавалось сорвать хотя бы один, закружить, унести прочь, в белую мглу.

Блин, да тут все минус десять! Не успеешь отстреляться — замерзнешь насмерть. Ветер обжигал, снег сек немилосердно. Хорошо бы цели оказались с наветренной стороны, чтобы метель лупила в спину...

Справа что-то сверкнуло сквозь пургу. Ну-ка, разберемся... Ветер теперь налетал сбоку, в левое ухо немедленно набился снег. Данька поднял куцый воротник курточки, задрал, как мог, левое плечо, чтоб хоть чуточку защитить многострадальное ухо. Можно, конечно, прикрыть ухо ладонью — но тогда кисть быстро закоченеет.

Если придется взять пистолет в обе руки...

Наконец он разглядел первую мишень. Над корягой, накрытой снеговой шапкой, сам собой подпрыгивал блестящий кругляш монеты. Серебряный пятачок с короной и двуглавым орлом. Торчащий из коряги сук, на который падала монета, прежде чем снова взлететь вверх, смахивал на высохшую трехпалую руку.

«Да-а-ай тебе, внуче-ек...»

Как давно это было? Тринадцать лет назад? Четырнадцать? А помнится до сих пор...

Правая рука уверенно сжала рубчатую рукоятку «Беретты». Модель 9000S, девять миллиметров. Карманы куртки оттягивали запасные обоймы. Он знал еще с прошлого раза: стрелять придется из личного оружия. Это хорошо. Не торопясь, Данька поднял пистолет, снял с предохранителя. Встал поудобнее. Нет, не годится. Лучше с колена.

Он опустился в снег, забыв про холод, не обращая внимания на залепленное ухо. Выровнял дыхание, тщательно прицелился, ловя нужный момент. На взлете? Нет, при падении, чуть ниже верхней точки. Вот так. Он плавно надавил на спуск.

Выстрел.

Мимо.

Расслабься, тирмен. Брось нервничать. Патронов у нас с запасом, Великая Дама позаботилась. Черт, метель эта! Словно нарочно старается запорошить глаза, накинуть на сектор стрельбы буйную, кипящую сеть — сбить, запутать, помешать... Врешь, не собьешь! Целимся, мягко выбираем слабину, задерживаем дыхание...

Самого попадания он не увидел. И звука от пули, впечатавшейся в заветный пятачок, не услышал. Монета просто исчезла, не долетев до трехпалой лапы, распахнутой в ожидании. Над корягой, свисая с ветки дерева, качался лапчатый лист — вечнозеленый, очертаниями напоминающий спящую собаку.

Есть.

Первая — есть.

Мишень первая

ДАНЬКА-ВСТАНЬКА

Я увидел Вас в летнем тире,
Где звенит «Монтекрист»[1], как шмель,
В этом мертво кричащем мире
Вы — почти недоступная цель.

А. Вертинский

ГОД ЗЕЛЕНОЙ СОБАКИ

1.

Нет, ну ты понял, да?

— Я Жирному ничего не должен, — твердо сказал Данька. Он искренне надеялся, что получилось твердо. В горле першило: должно быть, от мороженого. Все время хотелось почесать кончик носа. И щеку. И под глазом. И вообще, настроение было — черней мазута.

Кощей ухмыльнулся с гаденькой радостью:

— Это ты Жирному скажешь. В деберц сел? — сел. Жирный тебя откатал? — ясен пень. Теперь плати.

— Мы не на деньги играли, — возразил Данька. — Мы просто так.

Он думал о том, что с Кощеем спорить легко. Кощей — гнида трусливая. Бегает и сплетни носит. Вот с Жирным спорить куда труднее. Совсем не выходит с ним спорить, с Жирным, и с кодлой его...

Кончик носа свербил, подлец, до невозможности.

Это от трусости, понял Данька. Я — трус. Вот оно как...

---

[1] «Монтекристо» — винтовка Флобера. Старейшее (1842 г.) малокалиберное (от 4 мм до 9 мм), очень легкое (до 1,5 кг), почти беззвучное спортивно-стрелковое оружие на унитарных патронах. Стреляло без пороха: патрон Флобера имел только инициирующий состав, энергии которого хватало для метания пуль на дистанции, пригодные для тренировочной стрельбы в закрытых помещениях, т. е. до 50 м.

— Просто так — четвертак! — лучась восторгом, выкрикнул Кощей. Сутулый, чернявый, готовый лопнуть от важности, он напоминал грача, хлопочущего над особо вкусным червяком. — А так просто — девяносто! Готовь бабки, Архангел! Данила-мастер!

— Шел бы ты, Кощей... иди, воздухом подыши...

Данька был противен сам себе. Во-первых, он не любил своего имени. Разве это имя для нормального человека: Даниил? Нет бы Сашка, Пашка... Во-вторых, к своей фамилии — Архангельский — он тоже относился без приязни, схлопотав из-за нее глупую кличку Архангел. В-третьих... «В-третьих» сейчас было самым главным. Ну что стоило вчера не задерживаться во дворе, а сразу пройти домой?

— Не по-пацански выходит. — Кощей огорчился. Топнул ногой от возбуждения, угодив по лужице и обрызгав холодной водой штаны себе и Даньке. — Пацан сказал, пацан ответил. Мне-то что, мне по барабану, а Жирный не поймет. И братва не поймет.

Братва ему, крысюку... От пацанских наворотов Кощея, безуспешно косившего под реальную шпану, накатывала тошнота. Такая подступает к горлу, когда стоишь на вышке, бассейн внизу кажется лужей, вроде той, по которой топал гад Кощей, и точно знаешь: прыгнешь — промахнешься, не прыгнешь — засмеют. Лучше найти деньги до понедельника. У мамы нет, у нее никогда нет, а у отца бывают. Редко, правда. Вечером зайти к отцу, спросить как бы невзначай: если есть, он не откажет.

Рассказывать отцу про долг Жирному не хотелось. Загорится спасать, начнет строить планы, кричать, что он им всем покажет, что он боксом занимался, оставит ночевать, а утром все забудет и убежит по вечным своим делам. И деньги дать не вспомнит. И про бокс. Надо что-то заранее придумать: рюкзак хочу, мол, купить, или готовальню...

С постамента, установленного в начале парка, на двух мальчишек глядел пролетарский писатель Максим Горький, недавно выкрашенный в ядовито-серебристый цвет. Сентябрь выдался теплый, ночной дождь легко взъерошил листву каштанов и кленов да еще оставил мелкие лужи, как память о небе. Голуби ворковали на плечах и голове Горького, а он все смотрел, и во взгляде его Даньке чудилось сочувствие. Ну да, сейчас только от памятника сочувствия и дождешься. И то если памятник в юности был волжским босяком, как рассказывала Мандрила на уроке литературы. Остальные живьем сожрут.

Удачное воскресенье, ничего не скажешь.

— Костик, ты идешь?

Лилька Бутенко, первая красавица класса, махала Кощею рукой от лотка с газировкой. Рядом топтались близняшки Сестры Бэрри: вечные Лилькины спутницы, страшненькие, а потому безопасные. И что они в Кощее находят? Мелочь, вредина, сплетник, а от девчонок проходу нет. Просто липнут на него, стрикулиста.

Слово «стрикулист» Данька впервые услышал от дяди Левы, пьяницы и записного хохмача, когда Лева обмывал с отцом почин какого-то очередного золотого дела, после которого оба станут мильонщиками. Значения не понял, спросить постеснялся, но сегодня догадался сразу и навсегда: стрикулист — это Кощей и такие, как Кощей. Очень уж они подходили друг к другу: таинственное слово «стрикулист» и Костик Луцак, ученик 9-го «Б» средней школы № 17.

— Ко-о-остик... мне надоело!..

— Иду-иду! — Кощей извернулся и показал Лильке, как он спешит к ней. Ужасно спешит. По-пацански. — Лилон, мы уже отбазарили!

— Мы в кино опоздаем, Костик!

— Ну, ты понял! — подвел Кощей итог разговору.

Он шмыгнул хрящеватым носом и удрал вести белокурую Лильку в кино.

Данька двинулся по центральной аллее следом за ними. Билета у него не было, в кино он не собирался, даже не знал, какой фильм идет в «Парке». Просто вышел погулять. Раз-два-три-четыре-пять, вышел Данька погулять, тут вдруг Жирный выбегает, за долги штаны снимает... Стишок получался не ахти. Опять же непонятно, с кого именно Жирный снимает штаны: с себя или с должника.

Мысль о долге ныла больным зубом. Все время хотелось трогать ее языком, прикусывать, длить нытье, словно это наказание могло оплатить часть самого долга.

Сверху упал влажный каштанчик, прямо под ноги. Хорошо хоть, по голове не треснул.

— Дай бабушке копеечку...

Горбатая старушонка назойливо тянула руку. Данька не любил, когда нищие, которых в последнее время развелось больше, чем «челноков», подходят близко: стрельнуть если не милостыню, то сигаретку. Нищий должен стоять на углу или возле магазина. Стоять и ждать. Тогда проще не обращать внимания.

Не из жадности, а из резона: на всех не напасешься, как говорит мама.

Обойти попрошайку? Неудобно.

Дать копеечку?

Так копеечек давным-давно нет, а есть тысячи и миллионы, цена которым невелика. Мама плащик купила за семнадцать миллионов. Когда папа с дядей Левой хотят стать мильонщиками, они имеют в виду совсем другие миллионы.

— Дай копеечку...

Чувствуя себя полным идиотом, Данька полез в карман куртки. Он знал, что денег там нет. Последние были потрачены на мороженое: фруктовое, кисленькое. Фруктовое Данька любил больше всяких пломбиров и «Каштанов». Подкладка в кармане надорвалась, надо сказать маме, пусть зашьет... В дыре, углубившись почти до самого шва, пальцы нащупали монету. Наверное, завалилась когда-то.

Увидев гривенник — еще советский, с гербом — старушонка очень обрадовалась.

— Да-а-ай бабушке...

И зачем ей гривенник? Что за него купишь?

Ухватив монету артритной клешней, нищенка с неожиданной ловкостью подбросила добычу в воздух и поймала на лету. Солнце пулей ударило в кругляш, серебряный, будто свежевыкрашенный зрачок пролетарского писателя Горького. От острого блеска на глаза навернулись слезы. Даньке даже показалось, что бросала старуха одну монету, а ловила совсем другую: не с гербом и колосьями на «орле», а с какими-то незнакомыми буквами или цифрами. Он проморгался и сразу забыл о старухе, бормочущей о счастье, которое ждет доброго мальчика буквально за поворотом.

Вместо счастья за поворотом Даньку ожидал Жирный с кодлой.

Раз-два-три-четыре-пять... Четверо лоботрясов и вожак, скотина толстенная и злопамятная. Сердце упало в пятки, словно пуля солнца подбила его вместо гривенника, и там, в пятках, вокруг сердца сомкнулись пальцы старухи: жадные и цепкие.

Нос зачесался со страшной силой.

— Пожалел бабушку... дай тебе здоровья и удачи, внучек...

Кто должен был дать внучеку удачи, осталось тайной. Но не подвел, дал, и щедрой рукой. Сообразив наконец, что Жирный отнюдь не стережет строптивого должника, а тусуется в парке без определенной цели, коротая воскресенье, — может, тоже в

кино собрался! — Данька метнулся в сторону, под прикрытие матерого каштана.

Бежать обратно?

Заметят. И догонят.

От каштана он переместился ко входу в парковый тир. К счастью, между ним и Жирным маячил Адмирал Канарис — городской сумасшедший, дылда в мундире с дюжиной разномастных орденов. Псих важно топтался у павильона «Соки-воды», рассказывая фонарному столбу о танковом прорыве Гудериана под Ромнами и позорном отступлении в Конотоп. Отсюда деваться уже было некуда, и Данька вошел в тир.

Дескать, посмотреть, как стреляют.

У стойки палил почем зря очкастый дяденька, поддатый и развеселый. Рядом с локтем дяденьки тускло сверкала горка пулек. С шутками-прибаутками очкастый ломал «воздушку» пополам, вкладывал пульку, долго целился, спускал курок и хохотал над очередным промахом. Вот уж у кого настроение было: зашибись. И с деньгами все в порядке.

И с долгами.

Данька пристроился рядом, делая вид, что увлечен стрельбой.

— О! Вольный стрелок! — заметил его дяденька, густо дохнув перегаром. — Замочим карусельку? На пару, а?

Данька пожал плечами: и замочил бы, да финансы поют романсы, как говорит дядя Лева. Вы стреляйте, я так полюбуюсь.

Пока Жирный не слиняет.

Слева от стойки, в крошечной каморке, скучал тирщик: жилистый дед в парусиновом костюме и кепке-«аэродроме» на стриженной седым «ежиком» голове. В руке дед держал кулек с семечками. Шелуху тирщик сплевывал в картонную коробку, притулившуюся у дверного косяка, и делал это, скажем прямо, с исключительной меткостью.

Снайпер.

Дяденька успел сделать еще с десяток выстрелов, когда снаружи раздался капризный женский голос:

— Сева! Ну Сева же! Сколько тебя ждать?

— Я сейчас, Нюрок! — откликнулся Сева, хищно целясь в вожделенную карусельку. — Вот шлепну вертухая, и двинем...

— Кого ты шлепнешь?! Сеанс через десять минут! Севка, я обижусь!

— Нюрок!

— Я сто лет Нюрок! Севка, я ухожу...

Дяденька отложил винтовку и подмигнул Даньке, сдвинув очки на кончик носа.

— Никогда не женись, стрелок. Понял?

Было в его интонациях что-то от Кощея. Сейчас возьмет и добавит, что жениться «не по-пацански». Вместо этого дяденька ухватил Даньку за ухо, несильно дернул и через плечо сообщил тирщику:

— Там еще три пульки. Пусть достреляет...

Тирщик меланхолично кивнул, с хрустом лузгая семечки. Данька подумал, что если бы на кепке деда стояли самолетики, как на настоящем аэродроме, они бы все покатились на пол и расшиблись вдребезги. Получилась бы катастрофа. Примерно такая же, как если бы Данька вышел из тира в лапы к Жирному.

Спасибо очкастому, выручил. Купил добрый мальчик удачи на гривенник.

Зарядив винтовку, он прицелился в каруселька, которую безуспешно пытался замочить очкастый благодетель. Следовало тянуть время. Если до начала сеанса десять минут, если Жирный собрался в кино... Слишком много «если». Но выбирать не приходилось.

Сбоку от карусели торчал белый кружок, куда следовало влепить пулю, и тогда три слона с конем завертятся в награду меткому герою. Небось и музыка сыграет. «Тра-ля-ля, тра-ля-ля, прокатись на нашей карусели...»

Как в мультике.

Данька целился и целился, чувствуя на себе безразличный взгляд тирщика, а потом заинтересованный взгляд тирщика, а потом внимательный взгляд тирщика, и наконец такой взгляд тирщика, каким, наверное, смотрят с крыши поверх длинного-длинного ствола, раздумывая: уложить вон того пешехода на асфальт или пусть еще погуляет...

Глаза начали слезиться. Как от блеска летящего гривенника. Да нет, здесь действительно что-то блестит. Ага, вот.

Под каруселью располагалась маленькая круглая мишень, похожая на монетку.

Монетка, и все: ни «кузнецов», ни «мельницы», ни «паровозика».

Прищурясь, Данька с трудом разглядел на монетке-мишени четыре грубо отчеканенные буквы. Или цифры. Или просто узор, составленный из крендельков и завитушек.

Он опустил дуло винтовки, совмещая чудной «гривенник», мушку и прорезь прицела. Стрелять он не собирался. Он собирался тянуть резину. Трех пулек хватит минут на семь-восемь. А там видно будет. Если Жирный не уйдет, попробуем слинять за тир и незаметно удрать к аттракционам. Народу много, можно затеряться и уехать на трамвае домой.

Отец в детстве перед «чертовым колесом» разок-другой водил его в этот тир. Хвастался, что в школе занимался стрельбой, учил: целиться надо в центр, или «под яблочко»... обещал научить стрелять лучше Бельмондо, но вскоре забыл, закрутился, побежал в мильонщики...

Снаружи, на аллее, громко хлопнул проколотый воздушный шарик.

И Данька выстрелил.

Мишенька с буквами подскочила вверх на полметра. Перестав блестеть и превратившись в черную дырку, которая все засасывает и ничего не возвращает — про такую рассказывала физичка Анна Ванна, — она беззвучно чмокнула. Этот странный чмок отдался у Даньки в животе легким спазмом. Словно его только что попробовали на вкус и сочли удовлетворительным.

Внизу, под «Бабой-ягой» с метелкой и ступой, из стены высунулась трехпалая лапка, похожая на куриную или на руку давешней нищенки. Монетка упала в центр лапки, суставчатые пальцы быстро сомкнулись и утащили добычу в стену.

— Да-а-ай тебе, внуче-ек...

Нет, почудилось. Вместо дурацкого пожелания заиграла музыка: тягучая, нервная. Арабская, должно быть. Или китайская. Во всяком случае, Данька никогда раньше не слышал похожей музыки.

Казалось, ноты приближаются к тебе гуськом из немыслимого далека, булькая птичьими горлышками, и надо дождаться, пока они соберутся вокруг, чтобы стало очень хорошо, тихо и спокойно. Но еле слышные барабанчики намекали, что ждать не обязательно. Тук-тук, ты-ли-тут? А вдруг, братец, когда ноты соберутся здесь и выяснят, что ты удрал, это получится еще лучше?

— Молоток, — сказал тирщик, вылезая из своей каморки. — Тебя как зовут?

— Даня, — ответил Данька и поправился: — Э-э... Даниил.

Тирщик встал рядом, у стойки.

— Хорошее имя. Даниил. Даниэль. Суд божий. А меня зовут Петр Леонидович. Можно — дядя Петя.

— А меня можно Данькой...

Данька ничего не понял. Ни почему имя хорошее, ни при

чем тут божий суд. Но тирщик дарил ему законную возможность выиграть лишние минуты, скоротав их за пустячным разговором. Славный человек. Добрый. И кепка у него замечательная. Тирщик напомнил Даньке Илью Григорьевича, маминого отца — дед Илья, когда стоял рядом, тоже рождал у внука ощущение надежности и защищенности. Жалко, что мама с дедом в ссоре и тот редко заходит.

И орденские колодки на пиджаке тирщика похожи на дедовские.

— Кого подстрелим теперь, Даниил?

Тирщик ловко зарядил винтовку, подвинул ближе деревянную, выкрашенную растрескавшейся охрой сошку, на которую можно было примостить ствол. Но передумал и сошку убрал.

— Н-не знаю. — Данька взял винтовку. — Карусель?

— Ну, давай карусель. Взвод, цельсь!

Прицелившись, Данька увидел, что каруселька изменилась. Из-за слонов с конем, ранее невидимый, бочком высунулся розовый свин: толстый, наглый, с брюзгливым пятаком. Свин был до чертиков похож на Жирного. А слоны с конем — на кодлу Жирного.

— Каруселька, — уверенно повторил Данька, разглядывая свина-Жирного сквозь прорезь прицела.

Тянуть время больше не хотелось.

Хотелось стрелять.

— Цельсь «под яблочко». — Тирщик дышал табаком и семечками, и это было даже приятно. — Чуть ниже центра. Локоть поставь вот так. Хорошо. Сделай глубокий вдох. Выдох. Задержи дыхание. Пли!

«Ну, Жирный...» — мысленно пожелал Данька и спустил курок.

— Тра-ля-ля, тра-ля-ля! — запели из динамика детские голоса. — Прокатись на нашей карусели!

Карусель с кодлой Жирного завертелась, ускоряя вращение. Внутри круглой подставки вспыхнули разноцветные огоньки, мигая невпопад. Быстрее, еще быстрее, и вдруг карусель накренилась, роняя на пол тира плохо закрепленных — или крепления прямо сейчас расшатались? — слонов, коня и свинью.

— Ерунда, — бросил тирщик в ответ на испуганный взгляд Даньки. — Старая мишень. Давно пора на помойку. Я потом соберу. Ну, кого третьего?

Данька задумался. Бахнуть в «паровозик»? Наверное, когда попадаешь, два вагончика колышутся, притворяясь, будто

едут, а из трубы идет дым. В Карлсона, чтоб заработал пропеллер? В жирафу, чтоб упала длинной шеей вниз? Жирафа напомнила ему химичку Веранду, зануду и придиру. Завтра контрольная по химии: валентность, кислород-водород. Картина Репина «Опять двойка».

— Жирафу!

— Зд-доров будь, дядя П-петя! — сказали из дверей тира, сильно заикаясь.

Данька обернулся. На пороге стоял худой, низкорослый парень лет двадцати с хвостиком. Одет парень был в камуфляжные штаны с разводами, полосатую майку-тельник и тканевую куртку поверх майки. В руке он держал свернутую трубочкой газету.

— В-вот, «Время». Как т-ты заказывал. Сег-годняшний номер.

— Мой сменщик, Артур, — тирщик указал Даньке на парня. — Знакомься, Артур: это Даниил. Мы сейчас жирафу валить станем.

— Саф-фари, блин, — без улыбки отозвался парень, подошел к стойке, отдал газету тирщику и обменялся с Данькой рукопожатием. Ладонь у Артура оказалась вялой и безвольной, как снулая рыба. Зато лицо, смуглое и плохо выбритое, состояло из сплошных углов: скулы, подбородок, короткий нос.

Когда парень шел, становилось видно, что он прихрамывает.

Завалить жирафу оказалось проще простого. Краем уха прислушиваясь к советам тирщика, Данька все исполнил в точности — и испытал острое чувство удовлетворения, когда желтопятнистая Веранда закачалась вниз головой. Жаль, что такой фокус нельзя проделать при всем классе: хохоту было бы...

— Заходи пострелять, — сказал на прощание тирщик дядя Петя, качнув «аэродромом». — Постоянным клиентам — со скидкой.

А хромой Артур ничего не сказал, скрывшись в каморке.

Поданный нищенке гривенник продолжал оплачивать удачу, потому что снаружи Жирного не оказалось. Ушли в кино, с облегчением понял Данька. Не желая искушать судьбу, он свернул на боковую аллейку, собираясь пройти мимо кафе «Чебурашка» и выбраться из парка на остановку троллейбуса. На прощание надо будет помахать рукой пролетарскому писателю Горькому. За сочувствие.

Солнце спряталось за лохматую тучку, похожую на бездомную дворнягу. Под ногами шуршали опавшие листья. Если из парка выбраться в лесопарк, пройдя вдоль детской железной

дороги и свернув за Сокольниками налево, там этих листьев горы. Можно шаркать, словно ты — дряхлый старикан, и листья будут взлетать в воздух, распространяя прелый запах осени. Скоро начнутся дожди, в лесопарке станет не пройти из-за грязи, а сейчас хорошо. Вернуться? Все равно дома делать нечего...

— Здрасьте, — сказал Жирный, выходя из кафе «Чебурашка» с бутылкой пива в руке. — Давно не виделись. Архангел, ты мне капусту несешь, или где?

Следом, противно смеясь, валила кодла.

Жирный был старше на два года и тяжелее на целую тонну. Даже когда он просто стоял напротив, прихлебывая пиво, дышать становилось трудно. Словно ты уже лежишь на асфальте, в луже, а на тебе верхом сидит большая-большая неприятность и приговаривает: «Капусту или где? Где или капусту?» На центральной аллее хотя бы оставался шанс, что кто-то из гуляющих вмешается, поможет, разнимет в случае чего и проблема отложится до завтра. Но здесь, возле пустого днем кафе...

— Я гуляю, — глупо сказал Данька.

— Ну-ну. — Жирный растянул рот в ухмылке, показав скверные зубы. — Гуляй. Должок верни и гуляй на всех четырех. Дыши воздухом.

— Я тебе ничего не должен.

Это была глупость едва ли не бóльшая, чем сам Жирный со всей его кодлой. Общий вес глупости, считая каждое слово, даже малую частицу «не», мог завалить носорога. Из коленок вынули суставы и натолкали сахарной колючей ваты. Окажись здесь Кощей, то-то порадовался бы.

— Фофан, держи пиво. — Не сводя глаз со строптивого должника, Жирный протянул бутылку конопатому обормоту Фофану, Данькиному однокласснику, несмотря на возраст допущенному в кодлу за особые заслуги. — Отопьешь, убью.

И взял Даньку за грудки.

— Я таких, как ты, — доверительно сообщил Жирный, тряся щеками. — Знаешь, что я таких, как ты?

Улетая спиной назад, Данька успел подумать, что пусть спиной, пусть назад, лишь бы подальше от глазок-буравчиков Жирного — не свинских, волчьих. Еще лучше было бы долететь вот так до троллейбусов и впрыгнуть в уходящую «двойку» или разбиться насмерть, избавившись от любых забот. Долго думать о приятном не получилось: он врезался в кого-то и оказался на земле.

— З-зохри м-моро, — непонятно охнули под Данькой.

Спихнув мальчишку в кусты, неудачливый прохожий встал на четвереньки и обернулся заикой Артуром, сменщиком дяди Пети. Мотая головой, Артур кашлял и отдувался. Вставать на ноги, судя по всему, он не собирался. К штанам и куртке обильно прилипли листья, левый рукав треснул по шву на плече.

«Сейчас он защитит меня. — Воображение истерически рисовало одну дивную, спасительную, невозможную картину за другой, пытаясь отгородиться от реальности, жуткой, как вздох серого волка над поросячьим домиком из соломы. — Он бывший «афганец», десантник или каратист, или Жирный испугается, что Артур сломал руку, и убежит, или здесь пройдет наряд милиции...»

Кодла ржала и тыкала в Артура пальцами.

— Офигенно извиняюсь. — Жирный с насмешкой кивнул хромому сменщику. — Мы тут по-дружески бабки решаем. Желаю идти мимо.

На щеке Жирного алел свежий прыщ. Данька до одури жалел, что винтовка осталась в тире. Уж в этот прыщ он всадил бы пулю точнее, чем в мишень-монетку.

— Зох-хри м-моро, — повторил Артур, садясь назад, прямо в лужу.

За его спиной кончался асфальт и начиналась трава. Сменщик, не глядя, протянул руку, нашарил в траве ржавую гайку и засветил Жирному в лоб.

— Т-вою м-мать! — Жирный, заикаясь, в свою очередь сел на ступеньки входа в кафе, словно решил во всем подражать Артуру. Он взялся за лоб: осторожно, как берутся за любимую мамину чашку из китайского фарфора, подозревая, что чашка треснула, а мама на подходе. — Тв-в-вою-ю... С-сука! Ах ты с-сука! Ты-ы...

Прямо со ступенек он быком кинулся на обидчика: смести, втоптать, сесть сверху и многократно наплевать в подлую харю. Это он умел. На школьном дворе, во время перемен или после футбола, Данька не раз убеждался, до чего же хорошо Жирный умел это делать. И, стоя в толпе восхищенно ахающих сверстников, никогда не желал из зрителя превратиться в участника экзекуции.

«Конюшенко, — вспомнилось не пойми к чему. — Фамилия Жирного: Конюшенко».

Имя не вспоминалось.

— П-педер, — сказал Артур. — П-педер сухт-те...

И кинулся навстречу массивной туше — маленький, согнутый в три погибели, грязный, будто ошалевший пес под грузовик.

Когда столкновение казалось неизбежным, сменщик извернулся, уступая дорогу, и воткнул худое плечо Жирному в брюхо. Брюхо содрогнулось. Жирный, по инерции продолжая движение, сдулся пузырем, в который ткнули кривой иглой. Или нет, такие пузыри Данька видел, когда отец с дядей Левой ели вяленую воблу: к пузырю подносилась спичка, тот лопался и чернел, обугливаясь, а по комнате разносился запах паленого.

Вонь горящих листьев — дворники жгли осенние горы листвы за аттракционами — лишь усилила сходство.

Ноги у Жирного заплелись, Артур вцепился противнику в левую брючину и сильно дернул. У сменщика сейчас все стало наоборот: лицо, вырезанное из углов, расплавилось, потекло, сделалось лужицей горячего парафина, бессмысленной и придурковатой, а вялые руки-рыбы вдруг хищно щелкнули клыками голодной щуки, вырвав клок из тонких джинсов «Milton's».

Жирный грохнулся ничком и тоненько заскулил.

— А он тебя пидором назвал... — бормотнул конопатый Фофан. До него всегда доходило с большим опозданием. — Слышь, братан, он тебя...

Дернувшись, Фофан плеснул в Артура, по-прежнему скрюченного не по-людски, пивом. От страха или от дурного героизма — Данька не понял. Мутная желтая струя обрызгала сменщику голову и плечи, черные волосы слиплись блестящими сосульками. Не обращая на это внимания, Артур сунул конопатому кулаком в пах и отобрал бутылку. Помедлив долю секунды, словно размышляя над выбором, он взмахнул полупустым «Жигулевским», разбрызгивая остатки пива.

Часть попала на Даньку.

Мама ругаться будет, подумал он, зная, что мать ненавидит, когда от сына пахнет выпивкой. Мысль о маме, которая учует пиво и станет ругаться, вышла домашней, спасительной, выводящей за пределы творящегося безумия. Я сижу в видеосалоне. В крохотном душном зальчике: двор по улице Петровского, второй этаж над жэком. Показывают «Грязного Гарри» или «Нико». Сеанс скоро закончится, и я пойду домой, а парочки останутся смотреть «Горячие попки»...

— Ы-ы...

Фофану улыбнулась судьба: его, мычащего от боли, повело в сторону. И донышко бутылки разлетелось вдребезги о каменный парапет, огораживавший ступеньки входа в кафе, а не об голову Данькиного одноклассника.

Зеленая роза расцвела в руке Артура.

Кодла, вертясь на шатком кругу карусельки, попятилась. «Ерунда, — прошептал Данька, забиваясь поглубже в кусты, плохо соображая, что говорит и зачем повторяет слова дедатирщика: — Старая мишень. Давно пора на помойку...» Странно, но Артур как будто услышал. Парафин начал быстро-быстро застывать, оформляясь знакомыми углами, рыба сонно зевнула, роняя смертельно опасный цветок. Озабоченная гримаса появилась на лице хромого сменщика.

— Вертушки, — спросил он у Даньки, ни капельки не заикаясь. — Где вертушки?

— Н-не знаю, — губы шевелились с трудом. — Честно, я не знаю...

Артур кивнул с удовлетворением и пошел в сторону тира.

Ждать, пока Жирный с кодлой опомнятся, Данька не стал.

2.

Семечки пахли пылью — безвкусные, сухие, словно пролежали целую вечность под палящим июньским солнцем. Хотелось пить, но он помнил: фляга пуста с вечера. Надо было наполнить утром, но они спешили, а вода во встреченном колодце сразу не понравилась — мутная, горькая, в пятнах бензина. Боец Сидорчук еще пошутил: «Такой водой только танк заправлять...» Кто мог погубить колодец? Немцы? Но зачем? Разве что по глупости — заехали на хутор, бросились к воде, уронили грязную тряпку в спешке.

Воды нет, фляга пуста, сухая пыль во рту, не продохнуть, а впереди — немецкие мотоциклисты...

Петр Леонидович покачал головой, аккуратно спрятал кулечек с ни в чем не повинными семечками в карман пиджака. Колодец не виноват, и пыль не виновата. И семечки самые обычные: купил утром у знакомой тетки на троллейбусной остановке, возле главного входа в парк. Тогда и понял, доставая из кармана пачку дурацких фантиков-купонов: что-то не так. Семечки, запах пыли, давняя память о погубленном колодце. Верная примета, можно сказать, диагноз. Не хуже, чем в ветеранской поликлинике.

Старик поглядел на чайник, исходивший паром. Хотел встать,

но вдруг представил себя со стороны: худая мумия с седым «ежиком» на голове. Нелепые усы, еще более нелепый костюм — с музейной витрины, не иначе. Сейчас мумия начнет приподниматься со стула, кряхтя, напрягаясь, может, даже охая...

Петр Леонидович на миг закрыл глаза. В то далекое утро, когда горло казалось забитым пылью, а фляга была пуста, он тоже видел себя со стороны — растерянного, нескладного, в мятой, плохо пригнанной форме, похожего на актера Плятта из кинофильма «Подкидыш». Чучело в гимнастерке. Движущаяся мишень в чужом тире. Ничего, пройдет! И тогда прошло, и сейчас. Он чувствовал, знал заранее: утром, на остановке, покупая семечки. Пустяки. Всего лишь минуту посидеть, не открывая глаз, ни о чем не думая.

Откашлявшись, Петр Леонидович встал со стула и шагнул к чайнику. Диагноз тем и хорош, что он — диагноз. Интересно, успеет ли мумия заварить чай, прежде чем...

— С-сухте... Педер сухте!

Старик покачал головой, еле сдерживая смех. Вот все и встало на свои места. Воскресный день, возле стойки тира — одинокий посетитель-фрейшюц достреливает стотысячную купюру, мишень «Карусель» в очередной раз надо чинить, а сменщик Артур, который Не-Король...

— Всех бы п-поубивал, гадов! Д-дядя Петя, я их...

Сменщик Артур, бывший разведчик и сержант запаса, во что-то вляпался.

Как обычно.

— Чай будешь? — Старик не выдержал, улыбнулся. — Ты сначала, сержант, всех поубивай, а потом уже докладывай. Где убил, сколько, с мучительством или без. А то сплошные декларации о намерениях!

Сменщик скрипнул зубами и без паузы расплылся в ответной улыбке:

— Убь-бью — хоронить негде будет. Разве что в лесопарке, к-как фрицев. Чаю в-выпью, только умоюсь сначала. Т-тельник испачкали, сволочи! Уроды! Ув-вижу, сдержаться не м-могу! М-морды отъели, «мамоны» отрастили... Под Герат б-бы их, п-подонков, чтоб землю жрали!

Артур ругался по-русски, без любимого «педер сухте» — «сын сожженного отца» на фарси. Значит, пар благополучно выпущен. А то, что контуженый сержант-«афганец» вернулся без наручников и не в сопровождении усиленного наряда, еще

лучше. Беда прошла мимо, задев лишь краешком. Испачканный пивом тельник — вполне приемлемый вариант. Пиво — ерунда...

Наливая кипяток в железный заварничек, Петр Леонидович внезапно подумал, что все могло кончиться иначе, если бы не сегодняшний паренек, развалиший злополучную «карусельку». Паренек с библейским именем Даниил. Мысль вначале показалась странной, но старик давно убедился, что странное — не всегда невероятное.

— А ведь из-за чего все? — весело заметил Артур, благоухая пивом на весь тир. — Из-за кого, т-точнее. Из-за того хлопца, Данилы. Его урла м-местная прижала...

Старик ничуть не удивился. Семечки на остановке, пыль во рту, сменщик нарвался на подвиг. Не-Королю Артуру самой судьбой было предписано нарываться. Но на этот раз парнишка по имени Даниил, сам того не ведая, шагнул вместо сменщика в львиный ров. И все кончилось трагикомической дрочкой с местной «урлой».

Пуля — та, что отнюдь не дура, — просвистела мимо, у самого виска.

— Веришь в судьбу, сержант? — поинтересовался старик, расставляя на столе стаканы в тяжелых подстаканниках.

— А к-как же! — благодушно откликнулся «афганец». — И в приметы в-верю, и в сны т-тоже. Сегодня, блин, такое с-снилось, всп-поминать не хочется.

Петр Леонидович молча кивнул. Именно, что не хочется.

— Я чего с-слыхал. — Артур достал с полки сахар, поморщился. — Эти с-суки... Не те, с которыми я зав-вязался, а те, что в мэрии. Парк наш вроде к-ак продают. С пот-рохами. А п-потроха — это мы. Закрывают н-нас. Т-тир сломают, б-бордель негритянский строить ст-танут.

Старик не спеша разлил заварку.

— Правда? А почему — негритянский?

Последний болтик послушно стал на свое, конструкцией и инструкцией предписанное место. Петр Леонидович с удовлетворением вздохнул, легко толкнул «карусельку» ладонью. Порядок в танковых войсках! Всего-то и дел на... Взгляд скользнул по циферблату. Восемь минут, если без спешки. Старик долго вытирал руки тряпкой, без особой нужды перебрал инструменты в ящике, неуверенно поглядел на веник, скучающий в

углу. Можно и подмести, в конце концов. Он никуда не спешит: дома пусто, никто не ждет.

...Дома никто не ждет, во рту — знакомый вкус пыли. Фляга пуста, вода в колодце пахнет бензином.

Старик выключил свет в зале. В раздумьях уставился на жестяной колпак настольной лампы. Можно потушить и ее, встать слева от двери, чтобы не задела пуля... Петр Леонидович невольно хмыкнул, представив, как это будет выглядеть со стороны. Терминатор, точнее, Тирменатор в засаде с тульской «воздушкой» вместо базуки. Он вновь поглядел на часы. 20.32, официально тир закрывается в восемь, и если сегодня не пришли...

В дверь постучали, когда он взялся за веник.

— Эй, дед, кто тут главный? Ты, что ли?

Бра «Привет из Сочи» делало все возможное и невозможное, но шестьдесят свечей — не зенитный прожектор. Впрочем, то, что гостей двое, старик понял сразу. Первый, амбал сам себя шире, торчал на пороге, а за его плечом расплывчатой тенью маячил второй, поменьше и пошустрее. Интересно, кто из них главный? Амбал?

— Оглох, дед?

— Добрый вечер. Главный — я. Кондратьев Петр Леонидович.

Он чуть не добавил: «С кем имею честь?» — но вовремя сдержался. Не поймут, строители негритянских борделей. Слова незнакомые.

— Ага!

Амбал двинул плечом, переваливаясь через порог. Петр Леонидович успел вовремя отступить в сторону, к месту предполагаемой засады. Если придется стрелять...

Старик беззвучно хмыкнул, представив нехитрый этюд. Даже если второй, оставшийся за дверью, держит оружие наготове и успеет что-то сообразить, туша ретивого амбала примет пулю на себя. Только не сообразит, не догадается. Секунда, максимум — две. Выстрелы в парке услышат? На то и тир, чтобы стреляли.

— Это чего, дед? Тир?

Вопрос амбала звучал столь естественно, что Петр Леонидович окончательно успокоился. Ерунда, стрелять не придется. Эти, пришедшие из вечернего мрака, ничего не знают и знать не могут. Просто их послали. Их послали, они пошли.

Хорошо, что он отправил Не-Короля Артура домой — мыться и отдыхать. Словно чувствовал. Так ведь и впрямь чувствовал!

— Тир, — послушно отозвался он, прикидывая, из какой заповедной чащобы родом не слишком вежливый гость. — А что, не похоже?

— Скажешь! Тир — это где стреляют, понял? По-настоящему, боевыми. А тут для детишек, лабудень мелкая. Ладно, дед, мы все понимаем, ты все понимаешь. Выметайся!

Петр Леонидович задумался — ненадолго, всего на мгновение. Бордель будем строить, значит?

— Ключи от сейфа — в ящике стола. Я только вещи заберу.

— Какие еще вещи?

Амбал стоял рядом: сопящий, хмурый. Кажется, он с нетерпением ждал повода, пусть даже такого.

— Забудь, дед! Все тут теперь наше, просек? Катись!

Старик еле сдержался, чтоб не поморщиться. Амбал явно предпочитал чесночную кухню.

— Личные вещи, — спокойно пояснил он. — Кепку. И портфель.

За кепкой можно было зайти завтра — отдадут, куда денутся! — да и в портфеле ничего ценного не хранилось. Но именно в этот миг старик понял, что не уступит. Дело, конечно, не в дураке, заросшем густыми мускулами, дело в нем самом, Петре Леонидовиче Кондратьеве. Слишком долго приходилось уступать, молчать, соглашаться. Не только горячему Не-Королю Артуру не по нутру всякая сволочь. Еще перед войной, в Коврове, каждую ночь ожидая ареста, молодой бухгалтер Петька Кондратьев твердо решил: просто так не возьмут. Не возьмут — и все.

Сейчас не арест — кепка-аэродром на столе. Ничего, кепка вполне подойдет.

Не худший повод.

Амбал дернул пухлыми губами, заранее скривился, пытаясь сложить подходящую фразу...

— Эй, что за твою мать?

Оказывается, второй гость успел войти.

— Про кепку уговора не было, в натуре. Бери, мужик, базара нет. Твое — забирай, казенное — оставь.

По тому, как замерли губы амбала, старик понял, кто тут главный. Хотя и не разглядел шустрого — темно. Второй гость не торопился под тусклый свет лампы. Говорить больше было

не о чем, и Петр Леонидович устыдился прежних мыслей. Нашел из-за чего войну объявлять! И кому?

— Ключи от сейфа в ящике стола, — повторил он. — Сегодняшнюю выручку я сдал.

— В курсе, — с охотой откликнулся главный. — И вот чего, мужик. Мы — не беспредельщики, не думай. Есть решение, мы его, в натуре, выполняем. Если непонятки, пусть твоя «крыша» с предъявой приходит или стрелку забивает, по понятиям.

Старик кивнул. Надел кепку, привычно глянул в зеркальце, висевшее на стене с незапамятных времен. Все? Война отменяется, всем спасибо.

— Тю, фотки!

В голосе амбала звучало искреннее изумление. Петр Леонидович невольно обернулся. Детина, привыкший, что в тире стреляют исключительно боевыми, щурился, пытаясь рассмотреть фотографии, висевшие над столом. Сам старик напрочь забыл о них. Ничего, забрать успеем. Если, конечно, придется забирать.

— Танк! Гля, танк! — не унимался амбал, для убедительности тыча в желтоватую фотобумагу пальцем. — Такой у нас в райцентре стоит. А это кто? Ты, что ли, дед?

Отвечать Петр Леонидович не стал. Лето 1944-го, южнее Львова. Тогда их корпус ненадолго вывели из боя. Танк, возле которого он сфотографировался, был единственным в полку, уцелевшим после недельных боев. Экипажи, не сгоревшие и не попавшие в госпиталь, срочно обживали американские машины.

— «Ветеринар», значит? — подвел итог амбал. — На «Авроре» Берлин брал? Фронтовик-драповик?

Старик медленно и очень тщательно поправил кепку. Без особой нужды. Кепка была надета как надо — набекрень, к левому уху. Так раньше он носил фуражку.

«Почему бы и нет? — явилась спокойная, ленивая мысль. — Второго застрелить, пожалуй, не успею... И ладно! Леонид Семенович одобрил бы». Мысль быстро исчезла, пальцы по-прежнему трогали козырек, но тело приготовилось, напряглось, ожидая команды. В то далекое утро, когда семечки пахли пылью, немецкие мотоциклисты тоже смеялись...

— Извинись, падла! Быстро!

От неожиданности старик замер. Амбал и вовсе окаменел, открыв губастый рот. Вероятно, решил — почудилось.

— Я сказал!

Второй гость набычился — маленький, поджарый, жилистый, похожий на готового к прыжку пса-боксера.

— Повторить?

— Не на... — Амбал сглотнул, провел пятерней по стриженым «ежиком», как и у Петра Леонидовича, волосам. — Прости, дед! Это... не подумавши. У нас в райцентре...

«И аз воздам», — старик вздохнул. Оставив в покое кепку, взял в руки портфель. Главное правило тирмена: не суетись и не вмешивайся ни во что. Даже если тебя будут ставить к кирпичной стенке. Вмешаются другие, кому положено. Интересно, кто из них троих сейчас стоял на краю, у самой кромки? Он — или «ежик» с «боксером»? Со стороны бы взглянуть!

Он шагнул в темноту парка.

Сзади донесся голос «боксера»:

— Извини, мужик!

Возле тира было пусто. Странно пусто для воскресного вечера. Петр Леонидович огляделся, но, вопреки ожиданиям, автомобиля поблизости не оказалось. Поздние гости топали пешком — значит, невелики птицы. С такими не имеет смысла разговаривать, даже смотреть в их сторону — излишняя трата сил. Но ведь получилось — двое первых попавшихся «гопников» сгоняют с места тирмена, а вся королевская конница и вся королевская рать...

Вдали, в начале главной аллеи, раздалось гудение мотора. Не иначе к «ежику» и «боксеру» подмога катит? Старик улыбнулся, двинул плечами под парусиновым пиджаком. И без резерва главного командования обошлось. С богатырских плеч (под парусиной которые) сняли голову, причем не большой горой, а соломинкой. Никаких тебе «и аз воздам».

В лицо ударил свет фар. Успели оба: Петр Леонидович — шагнуть в сторону, неведомый шофер — затормозить. С визгом тормозов, со скрипом, с противным запахом горелой резины.

— Господин Кондратьев? Петр Леонидович?

Старик вытер ладонью слезящиеся глаза и еле удержался, чтобы не хмыкнуть. Горе вам, маловеры! Вот и «аз воздам» прикатил — на «шестисотом» «мерсе».

— Господин Кондратьев?

Мельком подумалось, что «господин» в устах неизвестного звучит не слишком уверенно. Кажется, «гражданин» для него привычнее. Или даже «гражданин начальник».

— С кем имею честь?

На этот раз не сдержался. «С кем имею честь?» — сухо и ровно спросил отец, когда дверь рухнула под ударами прикладов...

— Зинченко, Борис Григорьевич.

Оставалось вновь, в который раз за вечер, оценить обстановку. Темно, пусто, безлюдно. У входа в кинотеатр сиротливо застыла, обнявшись, поздняя парочка. Возле тира — ни души. Те двое внутри, не иначе в сейфе роются, клад ищут. И, наконец, Зинченко Борис Григорьевич выглядывает из раскрытой дверцы «Мерседеса». Бородат, широкоплеч, лицо...

Не рассмотреть, темно.

— Что вам угодно, сударь?

Все-таки переборщил. Бородатый с недоумением поднял голову, решив, вероятно, как и давешний амбал, что слух начинает шалить. Простые советские тирщики, краса и гордость развлекательного сектора, таких слов и в таком тоне обычно не употребляют. А с тирменами Борис Григорьевич не встречался. Ничего, пусть привыкает!

— Угодно? Да, в сущности... Может, поговорим в машине?

Петр Леонидович чуть было не согласился. Разницы никакой, что в машине, что на холодной пустой аллее. Внезапно вспомнились слова лейтенанта Карамышева: «Первое дело в разговоре что? Место! Чтобы ты вроде как дома, а он — наоборот. Значит, счет уже в твою пользу. Понял, старшой?».

— Поговорим здесь, господин Зинченко. — Старик без особой нужды поглядел в темное, затянутое тучами небо. — Здесь...

Теперь обождем, пока гость выберется из машины. Тоже небесполезно: посуетится перед разговором, неудобство ощутит. Дверь «Мерседеса» пошире, чем у «Запорожца», но для крупногабаритного Бориса Григорьевича узковата будет. И росту он трехсаженного, значит, смотреть следует прямо, не поднимая глаз — верный способ казаться выше. Все тот же Карамышев советовал. Умен был парень, даром что из НКВД.

— Вы их... убили? Моих?

— Нет.

Петр Леонидович запоздало вспомнил, что слыхал о своем собеседнике. Правда, те, что о Зинченко рассказывали, не именовали вора в законе «господином».

— Нет, — повторил старик. — Не убил. Они там, в тире, развлекаются. Господин Зинченко, зачем понадобилось присылать ко мне... Если позволите употребить современное арго, «хомячков»?

— Кто же их присылал, козлов драных?! — Бородатый в сердцах махнул рукой. — Если позволите употребить... несовременное арго, проявили гнилую инициативу. Моя помощница... Ну, в общем...

Бородатый господин Зинченко оправдывался, что давалось ему с немалым трудом — как и «несовременное арго». Ничего, вновь подумалось Петру Леонидовичу, привыкнет. И не такие привыкали.

— Предлагаю считать случившееся недоразумением.

Дипломатическая формула была сложена бородатым из словкубиков с натужной виртуозностью. «Козлы драные» звучали не в пример естественнее. Но Петр Леонидович не стал настаивать и усугублять тоже не стал. Грех излишне напрягать собеседника. Он и так «попал в непонятку» — если на современном арго.

— Насколько я понял, господин Зинченко, парк отныне в вашей собственности?

В ответ донеслось нечто среднее между «м-м-м» и «угу». Кажется, чернобородый начал сомневаться в своих правах на парк. Если с обычным тиром такие проблемы, что начнется, скажем, на каруселях? Петр Леонидович улыбнулся и внезапно подобрел. Ничего страшного не случилось. Отставного разведчика Артура облили пивом, парк культуры и отдыха куплен бородатым уголовником... И что? В конце концов, господин Зинченко не самый худший из возможных вариантов. Этот сброд хорошо приручается.

Попробовать?

И вновь, не к месту и без повода, вспомнился мальчишка с библейским именем Даниил. Не иначе с его легкой руки день, начавшийся так скверно, завершается почти идиллически. Неплохо бы вновь увидеть стрелка-желторотика. Что-то в нем определенно есть. Определенно — и определено.

Знать бы, кем именно определено...

— Зайдемте в тир, Борис Григорьевич? — дружелюбно предложил старик. — Поскольку вы теперь, так сказать, собственник территории, вам скидка полагается.

С минуту бородатый переваривал «Бориса Григорьевича», затем шумно вздохнул.

— А-а? Да, конечно. Заодно выгоним... «хомячков». А скидка и на «минус первом» полагается? Да, Петр Леонидович?

— Полагается, полагается...

Значит, про «минус первый» бородатому успели объяснить. Только это или еще что-нибудь в придачу? Ладно, спешить некуда, узнаем.

— Кстати, насчет «хомячков», Борис Григорьевич. Тот, что шустрее — он в современном арго силен — по-моему, личность вполне... Терпеть, знаете ли, можно.

— Вот и все!

Петр Леонидович в последний раз полюбовался ровным строем мишеней, кинул укоризненный взгляд на строптивую «каруселька» и щелкнул выключателем.

— На ходу, работает, не заедает.

Про «каруселька» говорить не стал. Мишень заслуженная, с немалым стажем. Посетителям нравится. Чудит, конечно, но... С кем не бывает?

— А я тир только в шестнадцать увидел, — грустно сообщил бородатый. — Там, где я родился и вырос... Там стреляли не по мишеням. В Новосибирске в ремеслуху определили, в первое же воскресенье я пошел в парк...

Господин Зинченко замолчал. Старик не настаивал. Он и в самом деле подобрел. Процедура изгнания «хомячков» его даже позабавила.

— Как я понимаю, дохода все это не дает? Я имею в виду первый этаж?

— Никакого, — охотно согласился Петр Леонидович. — Говоря хоть по-старорежимному, хоть по-новомодному, я — банкрот. Почти как «МММ», не к ночи будь помянута. Да и раньше тир особой прибылью не славился.

— Поэтому финансировался по закрытой статье, — кивнул господин Зинченко, думая о чем-то своем. — Это я уже выяснил.

Старик на миг прикрыл глаза. Выяснил... Ни черта ты не выяснил, на то и закрытая она, статья. Но если помянешь «местные командировки», тогда и вправду — аут. Тебе — сразу, мне... Мне тоже, в бега не уйду, надоело.

Петр Леонидович чихнул и удивился. Пыль...

Откуда здесь столько пыли?

— Завтра к вам подойдет одна... «хомячка», — продолжил бородатый. — Та самая борзая помощница. Утрясете с ней разные мелочи. Она, недоделанная, фильмов штатовских насмотрелась. Захотела тут казино построить. Хоть бы спросила!

— Сквер возле площади Дзержинского тоже трогать не рекомендую, — не без сочувствия заметил старик, стараясь говорить ровно и твердо. — Тот, что рядом с военной академией. Вы ей намекните, Борис Григорьевич.

— Сквер? — Господин Зинченко с недоумением моргнул. — А, там, где стратегический бункер? С этим проще, бункер мне давно в аренду предлагают. Так что, спустимся на «минус первый»?

Старик незаметно потянулся, гоня усталость.

— Охотно! С чего начать желаете? Ваш предшественник все больше FAL, чудо бельгийское предпочитал.

— Нет, не стоит. — Бородатый впервые улыбнулся. — Мне бы руку слегка размять. «Тэтэшник», а лучше югославский «Z-10», если найдется. Ну и... посмотрю заодно. Петр Леонидович, что за ствол у вас? «Браунинг»?

Старик машинально провел рукой по пиджаку, где под парусиной пряталась самодельная кобура. Острый у гостя глаз, ничего не скажешь.

— «Люгер». По службе положено. Пойдемте, там сперва нужно кое-что отодвинуть. На «минус первый» по лестнице спускаются.

— А на «минус второй»?

Петр Леонидович успел повернуться, и тихий голос бородатого толкнул его прямо в спину.

Вот даже как?

— И на «минус второй». Всему свое время. Мы с вами никуда не торопимся, правда?

Голос звучал спокойно, уверенно, несмотря на пыль, забившую рот. Хотелось пить, но он помнил, что фляга пуста еще с вечера. Надо было наполнить утром, но они спешили...

3.

Настроение в понедельник утром было странное. В голове — пустыня Гоби, хоть шаром покати, а в животе, наоборот, ворочается некий неопознанный объект. То ли предчувствие, то ли съеденный минуту назад бутерброд с сыром. Сыр отчетливо попахивал жженой резиной. Это Данька сообразил, когда до-

жевывал бутерброд. Или жженой резиной отдавало предчувствие? Кто его разберет...

«Что-то будет, что-то будет», — назойливо стучало в висках.

— Ты к контрольной подготовился? — крикнула из кухни мама.

— Ага! — соврал Данька. Соврал не вполне: химию он в субботу вечером честно пытался учить. Но от воскресного безумия все реакции с формулами вылетели из головы и наотрез отказались возвращаться обратно, в родную голубятню. — Все, ма, я пошел!

— Куртку застегни! На улице прохладно!

— Хорошо!

«Что-то будет... «Шайба» по контрольной будет, вот что! В лучшем случае трояк. А еще Жирный после вчерашней раздачи оклемается, долг требовать станет. Может и по морде дать. Артур в парке, а я здесь: лупи, не хочу...»

Однако в противовес нерадостным мыслям Данькой овладевало бодрое, чуть суматошное возбуждение. Выворачивая из-за угла гастронома к школе, он придержал шаг. Витязь на распутье: направо пойдешь — по роже получишь, налево пойдешь — «шайбу» схлопочешь, а прямо пойдешь — незнамо куда попадешь...

— Ну ты попал, Архангел! Попал конкретно!

Рядом образовался вездесущий Кощей, размахивая спортивной сумкой. Обожает, зараза, дурные новости разносить. Специально их собирает, всюду свой носище сует, клюв грачиный — чтоб потом ведро дряни человеку на голову вывалить. Санька Белогрив его зимой классно обломал: что, говорит, Кощеюшка, дерьма наклевался — теперь плюешься? Интересно, он Лильке тоже вместо комплиментов рассказывает, какая она тупая и манерная?

— Ну и как же я попал? — Безразличие в голосе далось с трудом.

— Не как, а на что! На бабки и звездюлину от Жирного.

Очень хотелось ответить: «Это мы еще посмотрим. Пока что Жирный сам звездюлей схлопотал!» Но Данька не решился. «Шестерка» Кощей мигом Жирному донесет. Только хуже будет.

— Станешь от стрелки косить, на счетчик поставят! Вовек не расплатишься...

Белки глаз у Кощея были нечистые, в кровяных прожилках. Небось ночами не спит, над златом чахнет. Дядя Лева рассказывал, какое бывает «злато» и кто такие золотари. Совсем не ювелиры.

— Ну а ты-то чего радуешься? Думаешь, Жирный с тобой поделится?

— Да я ничего, — заюлил Кощей. — Я просто так...

Данька не поверил своему счастью. Но слово — не воробей, не вырубишь топором.

— Просто так — четвертак! Все, должен. Отдашь Жирному за меня.

— Да ты че, ты че! Гонишь, да? Стрелки переводишь?

Видя, что добыча ускользнула, Кощей отстал: заприметил другую жертву и поспешил к ней с очередной порцией гадостей.

Около входа в четырехэтажное кирпичное здание школы, поставив ногу на первую ступеньку, Данька глянул в небо. В горних высях царил раздрай не меньший, чем у него в душе. Там, наверху, еще решали на общей планерке: каким быть сегодняшнему дню. Клочья грязно-сиреневых облаков, разметанные ветром по утренней голубизне, медлили, размышляя: собраться в грозовую тучу или убраться восвояси подобру-поздорову. Из-за домов выглянул краешек солнца, стрельнул острыми лучами, отразившись в оконных стеклах и на миг ослепив Даньку.

— Чего тормозишь? — толкнули его в спину. — Топай!

Первым уроком была алгебра.

Сей предмет в лице его пророка — математика Антона Вадимовича по кличке «Водолаз» — властно взял Даньку за шкирку. В фигуральном смысле слова, разумеется. На сорок пять минут пришлось забыть о предчувствиях, тирах, долгах, физиономиях битых и еще целых, а главное — о предстоящей контрольной по химии. Водолаз предмет знал отменно и умел заставить себя слушать. Он стремительно покрывал доску рядами уравнений со степенями, дробями и квадратными корнями, от которых рябило в глазах, потом начинал расхаживать по классу и вещать, сверкая огромными круглыми очками и время от времени по-птичьи склоняя голову к плечу.

Голова учителя казалась огромной из-за плотной шапки курчавых волос. Вместе с очками — ни дать ни взять водолазный шлем. За что математик и получил свое прозвище. Уравнения с доски Водолаз стирал неожиданно, без предупреждения, поэтому зевать не следовало. Да и пояснения стоило мотать на

ус: у Антона Вадимовича все выходило куда понятнее, чем в учебнике.

— ...Таким образом, разложение многочлена на множители...

— Гы!

— Для юмористов повторяю: разложение многочлена на множители...

— Гы!

Разумеется, это был конопатый Фофан. Отморозок и разгильдяй, он мог нахально встать посреди урока, басом объявить: «Организм требует никотина!» — и прошествовать в туалет на перекур.

Но с Водолазом такие номера не проходили.

— Встаньте, Феофанов.

Фофан лениво поднялся, с наглой ухмылкой глядя на математика.

— Если вы лучше меня знаете, как разложить многочлен на множители, — идите к доске и продемонстрируйте всем, как это делается.

Сдавленный смешок белокурой Лильки: красавица никогда не упускала случая подлизаться к Водолазу. Иного способа выучить алгебру она не знала.

— Что же вы мнетесь, Феофанов? Не знаете? Или вы думаете, что многочлен — это то, чего у вас попросту нет, чтобы его разложить на всеобщее обозрение?

Класс грохнул. Красный как рак Фофан пытался огрызнуться, но его слова тонули в общем хохоте.

— Все. Посмеялись — и хватит. Прискорбно, что подобную реакцию у вас, дамы и господа, вызывают только шутки ниже пояса. Садитесь, Феофанов, и записывайте. А будете и дальше гыгыкать — пойдете вон из класса. Итак...

Данька покосился на соседку по парте — отличницу Лерку Мохович. Та сидела прямо, с гордо выпрямленной спиной, и смотрела на доску с уравнениями. Уголки ее губ едва заметно подрагивали: Лерка изо всех сил старалась не смеяться. Классная девчонка. И списать даст, если надо, и не закладывает, если кто стекло разбил или доску парафином намазал. И фигура у нее... Данька почувствовал, что краснеет, и склонился над тетрадью, спеша переписать все с доски, пока Водолаз не стер.

Девчонок он стеснялся. Когда приятели рассказывали, кто с кем зажимается, а Фофан хвастался, что целый год трахает одну, Данька стыдливо отмалчивался. Эх, подкатиться бы к Лерке поближе! — для начала домой проводить, потом в кино или

на дискотеку, а там... Однако на финальном «а там...» эротические фантазии давали сбой. Да и с «подкатиться» дело шло туго: уже почти решившись, Данька в последний момент робел и никаких практических шагов к сближению с Леркой не предпринимал.

Звонок.

«Следующая — химия. Контрольная».

Очень захотелось в сортир. Неужели он так боится какой-то несчастной двойки?! Ерунда! Подумаешь! Может, обойдется: спишем или химичка заболеет... Но упрямый живот на доводы рассудка не поддавался, а ноги сами несли тело в нужном направлении.

Ноги часто заносят тело куда не следует.

Они ждали его на выходе, в курилке-предбаннике. Жирный и еще двое. Именно ждали: Данька был в этом уверен. Когда он заходил внутрь, в курилке дымил один Фофан. Выследили, подкараулили... Слову «сортир», заменяющему всем известный туалет, Даньку научил отец. Вместе с шуткой: «Превратим мы наш сортир в бастион борьбы за мир!» Шутка сейчас показалась совершенно несмешной, а сортир превратился в такой тир, где по неудачникам стреляют мерзко пахнущим сором. Без промаха и пощады.

— Привет, Архангел.

Жирный протянул потную лапу. Он никогда раньше не здоровался с Данькой за руку. Что происходит?! Сейчас ошибешься — выйдет «не по понятиям», и окажешься должен вдвойне.

— Привет.

Рукопожатие вышло крепким. Хотя сердце проглоченной лягушкой колотилось не в груди, а ниже, в желудке, Данька надеялся, что это незаметно со стороны. Он отступил к окну, забранному поперечной решеткой: ржавой, гнутой. В спину больно уперлось ребро высокого подоконника.

Из окна тянуло сквозняком.

— А круто вчера тот мужик нас отметелил! — со странным удовольствием, чуть растягивая слова, сообщил Жирный.

На скуле у него красовался роскошный фингал: иссиня-черный, с лиловым отливом по краям. Кожа на щеке была содрана и намазана йодом. Вдобавок на лбу переливалась всеми цветами радуги изрядная шишка: словно у Жирного начал прокле-вываться рог.

— Курить будешь?

Он достал из кармана открытую пачку «Monte-Carlo».

Вообще Данька не курил. Так, баловался изредка, за компанию. Но в данной ситуации отказываться не следовало. Он взял сигарету. Прикурил от спички Фофана. Осторожно затянулся — не дай бог закашляться, вызвав град насмешек. Сигарета оказалась на удивление крепкой, хотя и ароматной. Кашель удалось сдержать с трудом.

— Спасибо.

— С сигарным табаком, — похвастался Жирный. — Любимые сигареты колумбийской мафии!

Какие сигареты курит колумбийская мафия, Данька понятия не имел, да и Жирному это вряд ли было доподлинно известно. Но он счел неуместным подвергать слова Жирного сомнению.

— Классные сигареты. Ароматные такие...

— О! Рубишь фишку. — Жирный расплылся в улыбке. При нынешней «боевой раскраске» он выглядел комично. — А тот мужик «афганцем» оказался. Десантура. Шиндант, Анардара, Джелалабад. Я у пацанов поспрошал, они в курсе. «Афганцы» на промедоле сидят. И дурь смолят. Если б у него планка упала, мог вообще всех нас замочить: и меня, и тебя. Голыми руками. Считай, легко отделались.

— Ну... — дипломатично заметил Данька, соображая, что во вчерашней драке он удивительным образом сумел оказаться на стороне Жирного.

Мужик, оказывается, *нас* отметелил. Мужик, выходит, с упавшей планкой мог вообще *всех нас* замочить. А *мы* легко отделались.

— Никогда не знаешь, на кого нарвешься.

— Это точно. Слышь, Архангел, насчет долга...

В туалет вошел Кощей. Сделал вид, что пристраивается к писсуару, но под тяжелым взглядом Жирного передумал и пулей выскочил наружу, забыв застегнуть ширинку.

— На «просто так» ты купился, как последний лох, в натуре. Ничего, в другой раз знать будешь. Только за уроки платить надо, верно?

Данька промолчал. Нервно затянулся, стараясь не отводить глаз.

— Четвертак я тебе прощаю — помни мою щедрость. Мог бы и снять. А за науку с тебя бутылка пива. Добазарились?

— Ага, — выдохнул Данька, еще не веря, что все складывается столь удачно. И рожу не начистят, и вместо «капустного четвертака» отдавать придется дешевое пиво.

— Сегодня после школы купишь. «Кирюшу-1» бери. Он вставляет круче.

Прикинув, что карманных денег на пиво вполне хватит, Данька кивнул.

— После школы — сделаю.

— Молоток, — сам того не зная, повторил Жирный похвалу деда-тирщика. — Значит, в три на «сходняке», где в деберц катали. Туда принесешь.

— Заметано. — Данька еще раз пожал руку Жирного, скрепляя уговор.

На контрольную по химии он летел как на крыльях, распространяя вокруг ядреный дух «любимых сигарет колумбийской мафии».

Химичка Веранда — так остроумный Санька Белогрив сократил «Веру Андреевну» — времени зря не теряла. На доске уже были расписаны задания обоих вариантов контрольной.

Варианты — это плохо: у Лерки списать не удастся. Придется выкручиваться самому. Сунуть в парту учебник, а потом незаметно... Ага, разогнался! У Веранды глаз — алмаз. В прошлом году она Сливу, гроссмейстера по списыванию, сделала как маленького. Зря ты, братец, поленился «шпоры» сделать. Впрочем, у Веранды и «шпоры» редко проходят. Данька вздохнул и обреченно переписал с доски на листик первый вопрос.

Кислые, основные и средние соли. Чем отличаются.

Примеры. Названия.

Формулы.

В голове что-то смутно брезжило, подобно рассветной мгле, подсвеченной из-за горизонта. Но солнце всходить решительно отказывалось. Химичка бдила, прохаживалась между рядами: об учебнике нечего и думать.

Данька робко накорябал пару формул. Одну, подумав, зачеркнул. Написал по-другому. Получилось ничуть не более убедительно. Вспомнил мудреное название: гидрокарбонат натрия. Немедленно записал, пока из головы не вылетело. Название вроде бы соответствовало первой формуле, в которой он был относительно уверен. Это, кажется, кислая соль. Вот, атом водорода присутствует.

Может, «шайба» пролетит мимо?

Окрыленный успехом, он вывел на листке еще пару формул с ОН-группами, логично решив, что раз с водородом соли кис-

лые, значит, с ОН-группой — основные. Все, хватит. Пора переходить ко второму вопросу.

Словосочетание «электрохимический ряд напряжений» повергло его в тихий ужас. В этой теме он не то что «плавал» — сразу шел на дно как утюг.

Скрипнула дверь.

— Вера Андреевна, можно вас на минутку?

Завуч. Полундра, то бишь Полина Андреевна. Колобок в цветной глазури: багровый бутон жирно намазанных губ, румяна, тени, ресницы топорщатся дикобразьими иглами. В ушах сверкают золотые обручи «хула-хупы». На жирных телесах — зеленый костюм из кримплена. У завучихи есть второй, точно такой же, только лиловый. Ни в чем другом ее в школе ни разу не видели. Из-за спины Полундры выглядывала Наташка Палий из 11-го «Б», про которую Кощей любил рассказывать всякие похабные истории.

Высокая химичка, подойдя к двери, склонилась к низенькой завучихе, и Полундра жарко зашептала Веранде на ухо. Данька поймал себя на том, что смотрит на обеих, сощурив левый глаз: будто в прорезь целика. Вспомнилась мишень в тире: долговязая жирафа.

«Бах!» — шепнул он.

Вера Андреевна внезапно побледнела: о таком Данька раньше только в книжках читал. Из тщательно уложенной прически выбился светлый локон, свесился, щекоча химичке щеку. Но Веранда, аккуратистка до мозга костей, не заметила этого вопиющего безобразия.

Взорвись сейчас шкаф с реактивами — пожалуй, она бы и этого не заметила.

— ...вы идите, идите, Наташа тут за вас посидит, — долетел от двери голос завуча.

Химичка взяла себя в руки. Обернулась к классу: прямая, бледная, строгая. Отрешенная. А губы у нее дрожат, подумал Данька. Едва заметно, но дрожат.

«Мы сейчас жирафу валить станем», — сказал издалека дедтирщик, натягивая кепку поглубже. И сменщик Артур, «афганец», круто отметеливший *нас*, с равнодушием ответил: «Сафари, блин...»

— Мне надо срочно уйти. Вместо меня в классе будет присутствовать... Наталья. Я вас прошу, Наталья, следите, чтоб не списывали. А вас прошу вести себя по-человечески. До свиданья.

Химичка с завучем исчезли за дверью. Наташка уселась на учительское место и напустила на себя важный вид. Кто-то хмыкнул. Все! Чудо свершилось! Рука нащупала в портфеле спасательный круг — вернее, спасательный прямоугольник. Учебник.

— Ганча, ты уже эту хрень написал? — через полминуты громко поинтересовался Фофан.

— Последний вопрос заканчиваю.

— Закончишь — дашь скатать.

— Феофанов! — хлопнула журналом по столу Наташка, подражая географичке Жучке.

— Я! — Фофан вскочил и замер по стойке «смирно» с выпученными глазами.

— Прекрати паясничать. Сядь и пиши ответы. И не вздумай списывать — я все вижу!

— Слушаюсь и повинуюсь, вашвысокогрудие! Ганча, заканчивай быстрее. А то не успею.

— Феофанов!..

А грудь у Наташки действительно... вон, из-под платья выпирает...

Не отвлекаться!

Учебник лежал на коленях, и Данька лихорадочно листал страницы, отыскивая нужный параграф. Наташка, конечно, не Веранда, но наглеть, выкладывая учебник на парту и списывая в открытую, не стоит. Ага, вот они, типы солей. Электрохимический ряд напряжений, реакции... Поехали! Наташка пускай с Фофаном лается: пока она занята конопатым балбесом, ни до чего другого ей дела нет.

Снова скрипнула дверь. Данька дернулся, но это оказалась не Веранда и не Полундра. В класс заглянул Павло Дубинчак из 11-го «А». По идее, к нему давно и прочно должна была прилипнуть кличка «Дуб» или «Дубина», но не прилипла по веской причине. Павло Дубинчак занимался вольной борьбой на «Динамо». Третье место на первенстве области, «серебро» на турнире имени Ованеса Саакяна. Говорили, к Новому году на каэмэса сдать должен. Девчонки на него вешались пачками. И Наташка — не исключение.

Павло заговорщицки подмигнул классу, а затем поманил Наташку: выйди, мол. Наташка поколебалась — и сдалась.

— Сидите тихо и не списывайте! — строго заявила она, вставая и одергивая юбку.

— Гы! Училку из себя строит!

— Ну ты у меня... Я еще вернусь!

— Боюсь-боюсь! Терминатор! Айл би бэк!

Павло зевнул и показал Фофану кулак. Скучный и увесистый, как чугунная «баба» для забивания свай. Конопатый мигом заткнулся, демонстрируя жестами и покаянной гримасой: «Молчу-молчу, был неправ!» А Наташка, виляя задом, вышла в коридор.

— На чердак пошли, зажиматься! — зашептал на весь класс Кощей.

— Эх, Наташа, три рубля — и наша! — фальшиво пропел Фофан. Выждав, правда, с минуту, чтоб уж точно не услышал Наташкин хахаль. Похоже, вчерашняя драка в парке сделала Фофана осторожней обычного.

В классе зашумели, передавая друг другу листки со сделанной контрольной. Но Данька в общей суете не участвовал. Выложив учебник на парту, он сосредоточенно списывал под понимающе-снисходительным взглядом Лерки Мохович.

Очень хотелось, передрав последнюю реакцию, пририсовать внизу жирафу вверх ногами.

4.

Не-Король Артур маялся — то ли хандрил, то ли просто мечтал о бутылке темного пива. Гора шелухи от семечек посреди стола свидетельствовала об этом со всей возможной наглядностью. Облегченный вздох, услышанный Петром Леонидовичем, лишь подкрепил справедливость данного несложного умозаключения.

Прежде чем повернуть налево, в обжитую за долгие годы каморку, старик бросил привычный взгляд на ряды мишеней. Мельница крутится, карусель не саботирует, свободные места заняты фрейшюцами. Что должно гореть — горит, двигаться — движется. После местной командировки, которая среди своих именуется «целевым выездом», приятно убедиться, что жизнь идет дальше. Что она, несмотря на отдельные недоработки, прекрасна...

— Дядя Петя-я-я!

Голос Артура вернул старика к действительности. Да, слегка задержался, есть грех. Всего на пять минут, но точность — вежливость не одних королей. Тирменов — тоже.

— Свободен! — объявил он, появляясь в дверях. — Беги, сержант.

— Есть!

Артур вскочил, готовясь набрать космическую скорость, причем не первую — сразу третью. Но внезапно замер, после чего решительно ткнул себя пальцем в лоб.

— Ск-клероз, блин. Плавно п-переходящий в маразм. П-предложение имеется. Давай я этих г-герлов выкину — и свои фотки п-принесу. Афганские.

Оба поглядели на стену, где над столом красовалась фотогалерея, созданная совместными усилиями. Упомянутые «герлы» появились год назад не без помощи переменчивого Артура.

— Вроде к-как преемственность п-поколений, — пояснил намерения бывший сержант. — Чтобы знали, шкуры т-тыловые.

— А сверху объявление: «Вас обслуживает ЧП «Ветеринар», — хмыкнул старик. — Есть контрпредложение: обвешать все девками. В современном духе. А самим перейти на нелегалку. Бороды отпустим...

— Фиг им в-всем! — Артур шутки не понял и не принял. — Знаешь, дядя Петя, п-про нас, «афганцев», разное молотят. Психи, блин, ненормальные, кровь по ночам душит, в Афгане младенцев штыками кололи... Г-гады! Хот-тят, чтобы прятались мы, п-по углам т-темным сидели. Не, на н-нелегалку не перейду! И фотки п-принесу, пусть смотрят!..

Он шагнул вперед, как на амбразуру. Рука потянулась к первой из глянцевых красавиц.

— Не спеши! — Петр Леонидович вздохнул, понимая, что не убедит и отговорить не сможет. — Чем Настасья Кински виновата? Фотографии неси, если хочешь, разместим, места хватит.

— Ладно, — неохотно согласился Артур. — Рядом с т-твоими повесим. А Кински — в сторону, п-подальше... Слушай, п-про танк ты рассказывал, помню. А эт-та?

Он дернул небритым подбородком, пытаясь указать направление.

— Эта — редкая. Август 41-го, возле Смоленска. Мы из окружения вышли, и к нам Константин Симонов приехал. А при нем — корреспондент. Фамилия смешная: Трошкин. Он и снимал.

— Сам С-симонов? Который фильм «Живые и мертвые»? — восхитился бывший сержант. — Ух т-ты!

Петр Леонидович улыбнулся.

— Это сейчас он — Симонов. А тогда... Прикатил молодой да шустрый, а полк только-только очередную атаку отбил. Не до интервью было. Ну, он понял, стал стихи читать, мы и отмякли. Хорошие у него стихи. Жаль, их сейчас забыли!

— Значит, ты, дядя П-петя, с сорок первого воевал? Да т-ты герой!

— Значит, — старик поморщился. — Герой... Интендантский лейтенант, прости господи! Портянка налево, портянка направо...

— Только не надо про портянки, Кондратьев! — Лейтенант Карамышев зло дернул щекой. — Знаю я, какими портянками ты занимался. И в корпусе, и раньше, в Коврове. Ох, не достал я тебя до всей этой заварухи, больно верткий ты!

— Не шуми. — Петр осторожно выглянул из-за дерева, прислушался. В лесу было тихо, но он уже знал, чего стоит лесная тишина. — Не достал, говоришь? Можешь сейчас попробовать, первым не выстрелю.

Он отвернулся, чтобы не смотреть на лежавшую в траве «СВТ». После того, что случилось полчаса назад, больше всего хотелось заснуть — прямо здесь, на краю маленькой поляны. А еще хотелось пить, но он помнил: фляга пуста с вечера. Надо было наполнить утром, но они спешили, да и вода во встреченном колодце не понравилась. Мутная, горькая, в пятнах бензина.

Кто мог погубить колодец? Немцы?

На мотоциклистов наткнулись по глупости: на узкой лесной просеке, лоб в лоб. На разведку вышли с рассветом, устали, расслабились. Тихий лес, пустая дорога, ни души вокруг. Петр успел крикнуть, пытаясь предупредить, но очереди ударили в упор, сметая бойцов. Они с Карамышевым уцелели — двое из десяти.

— Дурак ты, Кондратьев! — с чувством выговорил лейтенант. — Делать нам больше нечего, как друг по дружке стрелять. Там, в селе, полторы сотни бойцов, и ни одного командира, кроме нас с тобой. Мы их должны к своим через фронт вывести. И выведем. Ты выведешь!

— Почему — я?

Петр прикрыл глаза, чувствуя, что вот-вот заснет. Нельзя, ни в коем случае нельзя... Его неудержимо тянуло туда, в темную пропасть, где можно ни о чем не думать, не вспоминать.

«Ты знаешь, кто я? Я — твой друг».

— Эй! — Резкий окрик энкавэдэшника заставил вздрогнуть. — Не спи, трибунал проспишь! Спросил, значит, ответ выслушай. Выведешь нас потому, что, во-первых, ты старший по званию, товарищ техник-интендант 1-го ранга. А во-вторых... Везучий ты, Кондратьев. Вот и поделись везением. Авось зачтется!

— Не зачтется.

Петр мотнул головой, заставил себя встать, вдохнуть горячий летний воздух, выбивая заполнившую горло пыль. Нагнулся, поднял «Токаревку», прикинул, сколько осталось патронов.

— Не зачтется, лейтенант. Ладно, пошли!

Над головой сомкнулись зеленые кроны. Легкий ветер обвевал разгоряченные лица, но треклятая пыль не желала исчезать. Она была, казалось, всюду — на траве, в воздухе, на потрескавшихся губах...

11-й механизированный корпус генерала Мостовенко, куда Петр попал в феврале, перестал существовать незаметно, сам собой. Сначала, после того как их подняли по тревоге, они ехали по разбитым проселкам — не на запад, откуда ждали врага, а на юг. Затем повернули обратно, затем... Начались бомбежки. Кондратьев увидел первые брошенные танки — не подбитые, не поврежденные, просто брошенные, с топливом и с полным, нерасстрелянным боезапасом. Три дня назад незнакомый полковник отдал приказ уничтожить уцелевшую технику и уходить на восток мелкими группами. Сутки шли в составе батальона, но оказалось, что батальона тоже нет, нет командира, нет заместителя по политчасти... Командир исчез с концами, а вот куда делся батальонный комиссар, Петр заметить успел — и удивился, где товарищ Могиляй умудрился раздобыть приличный штатский костюм.

Не иначе на горбу волок или ординарца приспособил.

Все эти дни Кондратьев оставался спокоен — странным, «стеклянным» спокойствием. Словно происходящее никак его не касалось и коснуться не могло. Именно сейчас он даже не понял — нутром прочувствовал, что волноваться незачем. Мене, мене, текел, упарсин. Чему должно случиться, непременно случится. Лично с ним, с увязавшимся следом лейтенантом-особистом, взявшим подозрительного техника-интенданта «на карандаш»...

— Ты сказал, не зачтется, Кондратьев. Почему?

Оказывается, лейтенант не пропустил случайно вырвавшиеся слова мимо ушей. Петр покосился в его сторону. Промолчать? А, собственно, зачем?

— Для тех, кто в Москве, мы — мертвые. Или предатели, что еще хуже. Это, как ты говоришь, во-первых. А во-вторых... Ты, лейтенант, в рай попасть надеешься?

Ждал, что возразит Карамышев, спорить станет. Не возразил, иное сказал.

— Я думал, ты, Кондратьев, сразу к немцам перебежишь. Не потому что шпион — не шпион ты. А вот не наш, и все тут. Мы ведь проверили... И про семью твою, и почему фамилию чужую носишь, и отчество чужое. И как на Ковровский завод попал, чьими молитвами.

Петр глядел на лейтенанта не без интереса. С фамилией просто — в автобиографии целый абзац писать приходилось, объяснять про героического опера Кондратьева. А с отчеством...

Молодец чекист!

— И где стрелять научился. Я, между прочим, девяносто из ста выбиваю, но чтобы так... Ты же вроде не из кадровых? И на гражданке в «ворошиловских стрелках» не числился.

Кондратьев пожал плечами. Он и сам удивился. Не меткости, другому. В первые секунды боя — расстрела? — он не решался поднять головы. Но вскоре рука, словно обладая собственной волей, передернула затвор винтовки.

Приподнялся, вскинул «СВТ»...

Ему хватило двух магазинов — почти в упор.

— Почему не арестовали?

— Честно сказать?

Остановились одновременно. Встали лицом к лицу. Петр подумал и аккуратно опустил оружие на траву. Стрелять не придется.

— Если честно, я не дал. Отложил папку с материалом на другой конец стола, а сверху чужой папкой накрыл. Цени, товарищ техник-интендант! Только я не по доброте душевной, не думай.

— Я и не думаю. Предупредили, значит?

Карамышев вновь дернул щекой. Но ответил легко, с улыбкой:

— Должны были? Правильно, выходит, я тебя понял, Кондратьев! Нет, не предупреждали, своим умом дошел. Ведь чего получается? Если верить филькиной грамоте, что у тебя в документах вместо автобиографии лежит, ты не просто в сорочке родился. Не бывает таких везучих, Кондратьев! Никакие Абвер с Сигуранцей тебя не прикроют: не смогут. А поскольку в рай я точно не попаду... Не попаду, верно?

— Не попадешь, — кивнул Петр, стараясь говорить без нажима.

Если бы к нему приставили обычного дурака-костолома... Но рядом оказался человек с нюхом: Карамышев.

— Не попадешь, — повторил он. — Даже если я за тебя заступлюсь. И я не попаду. Ясно?

— Ясно...

Лейтенант почесал в затылке, вздохнул:

— Я вначале думал: на банду вражин недобитых вышел. Дворянское кубло, заговор, мать его ити! Ладно, выживем — потолкуем. И насчет предателей Родины разберемся! Считай, Кондратьев, поговорили мы с тобой. И забыли до поры. Возвращаемся, строим личный состав — и вперед, пока к своим не выйдем. Ты — старшой. Понял?

Петр взял с травы самозарядку, закинул ремень на плечо, сглотнул.

Чертова пыль!

— Ага, понял. А в плен не хочешь, лейтенант? Говорят, таких, как ты, сразу в гестапо берут — консультантами. Станешь привычным делом заниматься.

Глаза Карамышева потемнели, сжались губы.

— Проверяешь? Нет, не хочу. Не из сознательности, не думай. Кончилась моя сознательность давным-давно. Пятый пункт подгулял, аккурат по линии матушки. Эсфирь Соломоновна она у меня. Не помилуют арийцы. Ответил?

Они зашагали дальше, в глубь тихого, странно молчаливого леса.

Через много лет, читая мемуары уцелевших в том далеком июне, Петр Леонидович узнал, насколько им повезло. Прежде всего, они сумели выйти к своим, проплутав глухими лесными тропами до самого августа. Тех, кто вышел первыми, не разбираясь, определили кого в дезертиры-паникеры, кого — в шпионы. После ареста командующего фронтом Павлова гребли подряд: частым гребнем, кто попал под горячую руку.

Они не попали. Сборный отряд из остатков механизированного корпуса вместе с примкнувшими к нему одиночками из соседних частей — разбитых, рассеянных по белорусским лесам, — прорвался через линию фронта после сдачи Смоленска. Разбираться стало некогда, каждый штык был на счету. Им оставили оружие, вернули в строй и даже обещали наградить.

Повезло и в ином. Две немецкие танковые группы, рвавшиеся по шоссе на восток, попросту не обращали внимания на то,

что происходит за кромкой леса. Окруженцы могли идти спокойно, первое время — днем, при свете солнца. Через три недели по следам «боевой группы Интенданта» (как назвали их отряд в немецких документах) бросили кавалерийскую бригаду СС. Но ситуация изменилась. Страх прошел, исчезла растерянность. Те, кто хотел сражаться, кто не спрятался в ближайшем селе и не сдался в плен, начали свою войну.

За уничтожение «боевой группы Интенданта» командир эсэсовской бригады Герман Фегелейн был представлен к ордену — и в должное время награжден. За вывод из окружения остатков мехкорпуса техник-интендант 1-го ранга Петр Кондратьев тоже был представлен к ордену, но награды не дождался. О чем, впрочем, не жалел и не вспоминал. О собственном везении, увы, вспоминать приходилось. Хотя бы потому, что находились желающие напомнить.

Напомнили через неполный месяц. Судьба, исчислявшая, взвешивавшая и делившая, на миг отвела руку свою.

А лейтенант Карамышев не отвел. Наоборот, что есть силы ударил кулаком по стене.

— Сволочи! Я же писал, мне обещали!

Военинженер 3-го ранга Петр Кондратьев лишь усмехнулся. Грешно смеяться в такой ситуации, но отчаяние наглого, уверенного в себе энкавэдэшника позабавило.

— Они что, не понимают? — Карамышев скривился, без всякой надежды поглядел в маленькое окошко, прорезанное в бревенчатой стене, и присел прямо на пол. Ни стула, ни нар, воспетых в арестантских песнях, им не полагалось.

Петлицы не сорвали, документы оставили. Просто забрали табельные пистолеты и заперли.

— Мы с оружием вышли, Кондратьев! С оружием, с партбилетами, в полном порядке. С боем вышли! А главное, успел я позвонить кому надо. И написать!..

Петр пожал плечами. Да, не слишком логично. Проверили, признали героями, поблагодарили, отправили на передовую. Он успел получить очередное звание, новые петлицы нашить.

— Все из-за тебя, Кондратьев! — Палец лейтенанта выпятился стволом, указывая прямо в грудь. — Так и чуял: докопаются!

— До чего? — невозмутимо поинтересовался Петр. — Я агент? Японо-чешский? Ты хоть подскажи, в чем мне признаваться. В немецкие шпионы не хочу — не по сезону.

Энкавэдист хотел ответить бранью, от души, но сдержался. Сделал глубокий вдох, потянулся, зевнул:

— Один хрен, хоть в парагвайские. Если нас твои не выручат — амба, с концами. Или я не знаю, как дела шьются? Насмотрелся, наслушался. Все шпионы, на всех материал собрать можно. А если нельзя, тоже не беда. Сам, вражина, признается. У нас натуральные умники есть, они всемирный заговор выдумали. Представляешь, Кондратьев? Всемирный! Это, значит, центр всепланетный, резидентуры на каждом континенте, включая Антарктиду...

— Ты про Коминтерн?

Карамышев сплюнул под ноги.

— Не надо контрреволюцию приплетать! Фигня этот Коминтерн, миллиарды рублей извели, а пользы — на копейку. О другом речь. Я в заговор всемирный, может, и поверил бы. Почему нет? Тут две трудности: время и связь. А если времени — вагон, если заговор не за пятилетку устраивать, а за десять? И связь пустить по легальным каналам? Так любая грамотная разведка поступает...

— Коминтерн не нравится? Есть еще жидомасоны. Слыхал?

— Слыхал? — хмыкнул лейтенант. — Вязал я твоих масонов! Пошли по 58-й через 11-ю как миленькие. Болтуны из «бывших», перечницы старые. Между прочим, никаких «жидо», сплошные черносотенцы. Ты меня, Кондратьев, не сбивай. Вот, скажем, мировая война. Сколько лет ее готовить нужно? Причем никто ее, мировую, толком не хотел, даже Гитлер-сволочь, даже наши умники. Оторвать чего у соседей — да, руки погреть — да, но чтобы мировая? Значит, не они распоряжались, а ими кто-то командовал! Представь, Кондратьев, иду я по лесу, вижу избушку. Чего я подумать должен? Что бревна сами собой из стволов древесных образовались, в одно место прикатились, а потом доброй волей построились?

— Это ты к чему? — не выдержал Петр, видя, что разговор начат неспроста.

— К чему? — Энкавэдист моргнул. — К тебе, Кондратьев. Прикрывают тебя, по-серьезному. Считай, с самого твоего детства. Сколько за два месяца наших сгинуло? Целые армии костьми легли! А мы вышли почти без потерь, даже когда по минному полю топать пришлось. С тобой вышли, не ошибся я, Кондратьев. Так давай и дальше, старайся. Я пролетарскую пулю не за хрен собачий лопать не желаю. И тебе, честно говоря, не советую. Своим сообщил — или они без подсказки знают?

Петр покачал головой, не спеша с ответом. Искренне говорил лейтенант или играл хорошо знакомую роль «подсадного», стало ясно: с ним, с новоиспеченным военинженером 3-го ранга, решили разобраться всерьез. «Они» не столь глупы. Нет, иначе: «они» умны, очень умны, особенно если дело коснется чего-то по-настоящему важного.

— Молчишь? — Карамышев встал, повертел шеей, разминая мускулы, шагнул ближе. — Смекаешь, от себя говорю или на особый отдел стараюсь? Какая тебе, к шуту, разница? Ты меня отсюда вытащи. Мне при любом раскладе скидки не будет, даже если тебя под исключительную меру подведу. И без меня у них материала — под завязку. Тебя о чем расспрашивали? О детстве и о родителях? Правильно?

Петр молча согласился: правильно. Следователи взялись за дело основательно.

— А ты что думал? Ни отчества, ни фамилии, одно имя. Ясно, из «бывших». Но зачем фамилию скрываешь? Ты — Романов? Или, может, Корнилов?

— Я болел «испанкой», — равнодушным тоном отозвался военинженер. — Осложнение, еле выжил. Мне в 19-м четыре года было.

— Но про четыре года помнишь! И про «испанку», и про имя свое. А место рождения почему-то забыл. Ты ведь не питерский, да? Отчего в Питере оказался? Кто тебя с опером Кондратьевым свел? Сам Сергей Иванович Кондратьев, не кто-нибудь... Он Леньку Пантелеева достал!

— Он и свел, — улыбнулся Петр, — Ленька Пантелеев. Старший уполномоченный ВЧК Леонид Семенович Пантелкин, твой коллега.

— Брось! — Лейтенант сглотнул. — Сам Пантелеев... Ну ты даешь! Ох, Кондратьев, плакал мой орден! Да что там орден! Я бы на твоем деле майором стал. А теперь перед тобой, недобитком, унижаться приходится... На завод в Коврове тебя не Ленька Пантелеев, случаем, устроил?

— Там нужен был бухгалтер. Я как раз институт закончил.

— Закончил он! В Харькове закончил, а посылают в Ковров. Не на мясокомбинат, не в пекарню — на завод Мадсена, лучший в стране. А там на выходе наши самозарядные винтовки, да?

Петр поглядел собеседнику в переносицу, будто целился.

— И ручные пулеметы тоже. Только с пулеметами ничего не получается. Стрелял из «Дегтярева»? Дрянь пулемет, правда? Были проекты получше, Сергея Гавриловича Симонова, к примеру. Но ведь мы с тобой, кажется, сошлись на том, что я — не шпион?

— Угу. Шпион из тебя, Кондратьев...

Энкавэдист с омерзением провел рукой по бревенчатой стене. Подошел к двери, легко ударил в нее носком давно не чищенного ялового сапога.

— Шпион из тебя, Кондратьев, как, извини, из дерьма пуля. В темноте увидишь — не спутаешь, какого цвета у тебя кость.

— Бороду отрастить?

Проведя рукой по щетине на подбородке, Петр рассмеялся, представив себя бородачом.

— Бороду? — Лейтенант тоже хихикнул, но внезапно стал серьезным, задумался. — Нет, бороду не стоит. Волосы постриги: уродливее, лучше под «ежик». И... Точно! Усы отрасти, как у Буденного. Пугалом станешь — не описать. А главное, люди будут на усы смотреть, а не на лицо. Понял?

Петр вновь коснулся подбородка, провел ладонью по верхней губе. Усы, как у Буденного? Может, еще и шапку казачью — с красным верхом, каракулевой опушкой? Ужас! Нет, не ужас — макабр!

— А главное, речь. Ты, Кондратьев, чтоб умственность свою не показывать, каждый раз представляй, что разговариваешь с психическим больным. Который слов не понимает. Медленно говори, выражения попроще подбирай. Привычку заведи народную: самокрутки верти или семечки лузгай. Только не забудь на пол сплевывать! И походку тебе надо подобрать подходящую, а то вышагиваешь, ровно гвардеец-семеновец. Ногу сломать, что ли? Пока заживет, привыкнешь шкандыбать... Понял? Я в спецшколе по маскировке первым был, цени!

— Ценю.

Встав у забитого крест-накрест окошка, Петр сощурился, уставясь вверх, в голубые проблески далекого неба.

— Не волшебник я, лейтенант. И масоны мне не помогают. Даже Коминтерн, и тот не слишком. Если тебя вся твоя адская контора выручить не может... Почему ты решил, что мой Ад твоего сильнее?

— Поэт, прости господи! — Карамышев скривил рот. — Пушкин-Маяковский! Ты, Кондратьев, мне про Ад-Рай песни не пой. Наслушался, когда попов в Магадан отправлял. Я верующий, между прочим. Только вот что интересно, а? Батюшек в карцере морил, показания выбивал и все ждал: не выдержит Он — вступится. Молнией убьет, белогвардейца с бомбой

пришлет по мою душу грешную. А хрен тебе — утерся Вседержитель, и весь разговор. Так в кого верить, а? Подскажи, Кондратьев! Нет, лучше не говори, крепче спать буду. Ты своим передай, чтобы нас выручили. И конец разговору!

Они стояли друг напротив друга, как тогда, после боя с немецкими мотоциклистами.

— Я не шучу, Кондратьев. И знай — если не выручишь, завтра такую сказку расскажу, что тебя до ближайшего кювета тащить не захотят. Усек? Урки, социально близкие, говорят: «Жадные долго не живут!» Не жадничай, поделись!

— Я не жадный.

Глядя в безумные, подернутые страхом и ненавистью глаза энкавэдиста, Петр понимал: выхода нет и не будет. Он не убил парня в июне, не выстрелил в спину, не послал в безнадежную разведку и теперь сполна заплатит за милосердие. Карамышев умен, многое понял, еще о большем догадался.

Страх смерти заставит его предать.

Петр лихорадочно искал подходящие слова, чтобы успеть погасить разгорающееся безумие во взгляде лейтенанта. Но бревенчатый дом вдруг исчез, сгинула огромная поляна, где располагался штаб дивизии. Вокруг вновь раскинулся жаркий июньский лес. Их теперь было не двое — больше.

...Тот, кто целился, видел все иначе. Вместо зеленых листьев на ветках росли фотографии: десятки, сотни, тысячи. Лица, бесконечные ряды лиц, не сосчитать, не разглядеть. Стрелка, берущего прицел, это не смущало. Он знал, куда стрелять. Палец вверх — снайпер примеривался к ели заметному ветерку. Рука привычным движением взялась за цевье...

Оружию Петр невольно удивился. «АВС-31», самозарядная винтовка Симонова, победившая на закрытом конкурсе 1931 года. В серию ее не запустили, но малую партию, около сотни, сработали. Вот, значит, для кого!

Ствол еле заметно дернулся, и одна из фотографий исчезла — без следа, словно растаяла. В тот же миг лицо Карамышева, стоявшего рядом, побледнело, пошло серыми пятнами. Выстрел, выстрел, выстрел... Снайпер знал свое дело — пули летели одна за другой, без перерыва, и так же, одна за другой, исчезали с ветвей фотографии. Карамышев молчал, серые пятна на лице темнели, затягивались трупной зеленью, на лбу проступали нечеткие, но вполне различимые буквы מ מ ת פ .

Выстрел, выстрел, выстрел. Без промедления, без промаха, без пощады. Петр пытался вспомнить, сколько патронов в симоновской конкурсной самозарядке...

— Фу ты!

Видение исчезло без следа — ни леса, ни снайпера, ни листьев-фотографий. Карамышев отошел на шаг, глаза его светились страхом и злобой. Неподалеку послышался грохот разрыва. Немецкая батарея пристреливалась по штабу с самого утра, пока без особого успеха.

— Гаубица, — машинально констатировал лейтенант.

— Дивизионная, 150-миллиметровая, — согласился Петр.

Смежил веки, вспоминая тающие в воздухе фотографии, и внезапно вскинул голову:

— Верующий, значит? Молись, лейтенант. Молись! Может, успеешь.

— Как?!

Карамышев тоже что-то понял. Быстро оглянулся, хотел переспросить, но сжал губы, поднес сложенные троеперстием пальцы ко лбу.

— Господи, помилуй раба Твоего...

Свиста снаряда они не услышали. Не успели.

«Ты знаешь, кто я? Я — твой друг...»

— Капитан, капитан, черт тебя!.. Живой?

Сильные руки дернули за плечо, встряхнули. Петр застонал, с трудом приходя в чувство.

— Жи... Живой...

— Тогда вставай, нечего! — Говоривший спешил, сердился, с раздражением выплевывал слова. — Боец, воды, быстро! А ты, капитан, если не помер, поднимайся, строй людей, и в бой, в бой, бой! Черт, всех командиров поубивало, хрен теперь навоюешь. Быстро, капитан, быстро!..

Надо открывать глаза. Он сумеет это сделать, несмотря на боль и тошноту. Значит, жив, значит, не под замком и не под арестом, его сумели вытащить из месива сгоревших бревен...

Карамышев?

Можно не спрашивать. Тирмен редко промахивается. Не сочинить чекисту сказку о японо-чешском шпионе. Мене, мене, текел, упарсин.

מ מ ת פ

И вновь Петра Леонидовича Кондратьева посчитали везунчиком, родившимся в сорочке, поймавшим за хвост жар-птицу. Не только потому, что гаубичный снаряд, попав в дом и ра-

зорвав в клочья энкавэдиста, не убил военинженера, не покалечил, даже не контузил толком. Такое могло случиться и случалось, хотя бы по закону больших чисел, порой творившему чудеса похлеще магов с факирами. Но второй снаряд, упав следом, угодил в землянку, где заседал особый отдел дивизии; еще один снаряд — осколочный — убил и комдива, и комиссара. Уцелевший заместитель комдива (именно он приказал достать из-под кучи деревянных обломков случайно примеченного им контуженого военинженера) не стал разбираться.

Не до того было — немецкие танки прорвались к командному пункту.

После трех дней боев остатки дивизии собрались в сорока километрах восточнее. Петр командовал батальоном, и никто не косился на его совсем не боевые петлицы. Немецкий панцер-клин уходил дальше, отрезая сражающиеся части. Дезертиров и паникеров среди солдат не числилось, но скоро кончились снаряды.

Поредевшая колонна дивизии сумела прорваться через линию фронта в конце сентября. И снова уцелевшим не поверили, отобрали оружие, но Судьба словно закусила удила. Новый немецкий прорыв — непосредственно в сторону Москвы — заставил забыть о подозрениях и бросить окруженцев навстречу танкам.

Петр уцелел и на этот раз, чтобы через месяц оказаться севернее Волоколамского шоссе — и опять выжить. Впрочем, у Судьбы порой тоже кончаются силы. Седьмого ноября, после сталинской речи на Красной площади, случайный осколок попал военинженеру 2-го ранга Кондратьеву в грудь, ниже сердца. Посторонний наблюдатель, если таковой мог быть на войне, посчитал бы и это редкой удачей: 4-я танковая бригада, к которой прикомандировали Петра Кондратьева, погибла почти полностью через несколько часов, во время лобового контрудара.

В свердловском госпитале Петра подняли на ноги. Все остальное не имело значения. Он нисколько не расстроился, узнав, что документы затерялись, что в госпитальном реестре он числится рядовым. А вот орден, к которому военинженер был представлен под Смоленском (бумаги на первый исчезли без следа), нашел его. Правда, через полгода, когда Кондратьев ехал на фронт в составе только что сформированного 18-го танкового корпуса.

Корпус вступил в бой под Воронежем.

Через неделю младший сержант Кондратьев, успевший стать «дядей Петей» и прославиться «буденновскими» усами, был зачислен в дивизионную разведку.

— Портянка налево, портянка направо, — повторил Петр Леонидович. — Лейтенантом начал, им и закончил. Даже до Берлина не дошел.

Офицерские погоны гвардии старшина Кондратьев получил в декабре 44-го, после боев на Сандомирском плацдарме. День Победы его разведгруппа встретила в глубоком американском тылу. О том, что война закончилась, они узнали только через три дня.

— А «иконостас» с-свой, значит, на п-портянках заработал?

Бывший «афганец» кивнул на орденские колодки, украшавшие парусиновый пиджак бывшего интенданта.

— Это в самом конце, — равнодушно отозвался тот. — Тогда ордена горстями кидали. Особенно тем, кто к штабу поближе. Наш хлеборез «отвагу» умудрился получить.

Артур моргнул, глядя на алые ленточки двух «знамен» и трех «звездочек», но решил не углубляться. Его дело — военное. Сказано «за портянки», значит, так тому и быть. Старик же улыбнулся спасенной им Настасье Кински и с удовольствием раскусил аппетитную семечку. Она была правильная. Далекая июньская пыль исчезла без следа.

...Лейтенант НКВД Карамышев приходил к своему однополчанину во сне. Не слишком часто: раз в год, в июне. Петр Леонидович не пугался и не обижался — привык. Они разговаривали до утра, пока скрежет будильника не поднимал старика на работу.

В тир парка культуры и отдыха имени пролетарского писателя Максима Горького.

5.

День, обещавший поначалу одни неприятности, складывался на редкость удачно. После химии физрук Григораша несказанно порадовал сильную половину класса, выпустив во двор: играть в футбол. А сам взялся судить. Девчонки остались в зале заниматься гимнастикой или чем еще — чем именно, дорвавшихся до мяча мальчишек не интересовало. Данька мотался как угорелый. Кураж весенним соком бурлил в груди, перепу-

тав времена года. В итоге он забил гол, хотя футболистом был посредственным. Санька Белогрив навесил отличный угловой, у ворот случилась катавасия, вратарь дернулся, и кто-то из защитников поспешил выбить мяч прочь — как раз под ноги Даньке.

По пустым воротам с семи метров и слепой не промажет.

— Го-о-о-ол!

— Один — ноль!

— Архангел — снайпер!

Приятно, чего уж там. Такое ему кричали впервые.

К концу вышла дружеская ничья: два—два. А Фофан напоследок высадил мячом стекло на третьем этаже. Осколки красиво брызнули, сверкнув на солнце разноцветной радугой. Скорее всего, Фофан сделал это нарочно. Но перед Григорашей божился, что случайно.

— Порыв ветра, Григорий Рашидович!

— Какой еще порыв ветра?!

— Шквальный. Вы ж видели, я по воротам бил! А ветер ка-а-ак подхватит — и в окно...

Больше до конца занятий ничего примечательного не случилось. Разве что Данька получил «отлично» по литературе. Наверное, сегодня надо было решиться и проводить домой Лерку Мохович, но он обещал Жирному поставить пиво. А если пацан сказал — пацан ответил.

Когда прозвенел последний звонок, Данька слегка отстал от поваливших на выход одноклассников: сначала собирал рассыпавшиеся тетради, потом шнурок на кроссовке развязался. По лестнице он спускался в гордом одиночестве. Школу словно вымело: здание казалось пустыней, как Данькина голова сегодня утром.

Только без всяких предчувствий в животе и запаха жженой резины.

На втором этаже из приоткрытой двери учительской доносились голоса. Сам не зная зачем, он остановился. Возле учительской лучше не торчать: уличат в подслушивании — устроят головомойку. Да и вообще...

— ...сбежала! — донесся до него возбужденный голос химички. — Представляете?!

— Из детского сада?!

— Да! Даже не сбежала — просто ушла. Воспитательница зазевалась, а она вышла за ворота — и только ее и видели!

— Доверяй им детей, разиням...

— Слава богу, нашлась, живая-здоровая. В нашем дворе. Я уж не знала, что и думать. Времена, сами знаете, какие! Места себе не нахожу, бегаю, ищу, зову. В милицию звонить хотела, и тут меня будто надоумили. Заглянула во двор: сидит в песочнице! Куличики лепит. Я к ней: «Ларочка, где ты была?!»

— А она?

— А она: «Мне в садике не нравится. Там оладушки без варенья. И спать днем заставляют. А Сережка «крысой-Ларисой» дразнится...»

Дальше Данька слушать не стал и припустил вниз по лестнице. На душе пел кот Леопольд: «Неприятность эту мы переживем!» Здорово, что у Веранды все обошлось. А он думал... Впрочем, не важно, что он думал. Все хорошо, все просто замечательно!

Бутылку «Кирюши» Жирный принял благосклонно, при свидетелях подтвердив, что они в расчете. Сплетник Кощей торчал неподалеку, готовый удавиться от расстройства чувств. Долги отданы, теперь — домой.

Мама была на работе. До вечера квартира находилась в полном Данькином распоряжении. Фофан небось «телок» сюда водил бы — если не врет, конечно. Жирный устроил бы ежедневное «каталово». Да мало ли, для чего еще пустая хата пригодится?! А он, Данька, наверное, и вправду лох. Счастья своего не понимает. Не устраивает из дома картежный притон, пиво с друзьями не дует...

А «телки» у него нет.

Он извлек из холодильника обед: гороховый суп и пара котлет с макаронами. Котлеты у мамы получаются замечательные. Отец всегда нахваливал, приговаривая: «Путь к сердцу мужчины лежит через желудок!» Врал небось. Развелись они с мамой, третий год уже. Правда, расходились по-хорошему. У других, говорят, до драк доходит. А мама с отцом не ругались, посуду не били, из-за барахла до хрипоты не спорили.

Но Данька все равно плакал.

Отец тогда с дядей Левой фирму открыли, гордо именуя друг друга «бизнесменами» и «компаньонами». Фирма называлась «Серафим». В название компаньоны вкладывали «некий сакральный смысл», как загадочно выражался отец. Дядя Лева, будучи в благодушном подпитии, однажды объяснил: есть, мол, в небесной иерархии такие ангелы с львиными мордами — серафимы. Понимаешь, брат, когда у одного компаньона фа-

милия Архангельский, а второго зовут Лев — ежу ясно, как назвать фирму. И звучит красиво.

Занимался «Серафим» чем попало: от торговли тушенкой и кровельным железом до изготовления визиток и издания супербестселлера «Двадцать тысяч километров по рекам Харьковщины». Отец пропадал на фирме сутками, клятвенно заверяя: «Ей-богу, Тань, в последний раз! Сделка очень важная. Вот засыплем в закрома — и вздохнем свободно...» Вслед за одной «сделкой века» возникала другая, за ней — третья, четвертая, а в закрома ничего особенного не сыпалось. Отец с дядей Левой ругательски ругали козлов-партнеров, которые их снова подставили...

На момент развода дела у «Серафима» шли, как ни странно, неплохо. Отец оставил матери с Данькой их старую двухкомнатную квартиру, а себе купил другую, точно такую же, на той же улице, только на противоположной стороне, через два дома. Ремонт сделал, мебель завез. Хотел еще взять крутой телик «Sony» с видухой и стереосистемой, но не успел. «Серафим» «кинули» по-крупному, денег едва-едва хватило отдать долги. Хорошо еще, квартиру продавать не пришлось. А дядя Лева таки продал новенький «Volvo» и снова ездил на пошарпанной «Audi», словно извлеченной со съемок «Безумного Макса-2» — с проржавевшим до дыр глушителем и стучащим движком.

Впрочем, компаньоны не унывали. Через пару месяцев у них имелась куча новых «прожектов», которые они с энтузиазмом, достойным лучшего применения, кинулись воплощать в жизнь.

Отец с мамой до сих пор в хороших отношениях. Даже лучше, чем перед разводом. Мама к нему заглядывает, прибирается. Иначе папа такой свинюшник разводит — хоть стой, хоть вешайся. Новый год вместе встречают, втроем, как раньше. Может, они опять поженятся? Хорошо бы...

Данька выхлебал чашку компота, вымыл посуду и минуту-другую пребывал в раздумьях. Пойти гулять? Книжку почитать? Отложенный до лучших времен Муркок манил закладкой, торчащей из «Повелителей мечей». Или уроки сделать? Он тяжело вздохнул. Герой Корум обождет, сперва — уроки. Чтоб не дергаться, как сегодня перед химией.

Что у нас на завтра?

Геометрия, история и украинский.

Покончив с первым признаком равенства треугольников и разобравшись с «двокрапкою у безсполучниковому реченні», историю он оставил на вечер. Позвонил Санька Белогрив — звал в парк, играть в настольный теннис.

— Сетку свою не забудь прихватить! На кортах прокат опять подорожал. Мы на пионэрские столы пойдем, там на шару.

Слово «пионэрские» Санька произносил с вальяжным пренебрежением, через букву «э». У Даньки так никогда не получалось, как ни старался. В красных галстуках обоим довелось походить, но мало, и в памяти не осталось почти ничего, кроме праздничных линеек.

— Не забуду. Через час на пионерских. А ты шарики китайские возьми. У меня один остался.

Соседка, баба Надя, на улице вцепилась в него — не отодрать. Бабе Наде требовалась помощь: затащить на четвертый этаж тяжелые сумки. Сумки действительно оказались неподъемные — кирпичи она домой таскает, что ли? И как сама до подъезда доперла?! Оказавшись дома, старуха решила угостить хорошего мальчика коржиком — сама пекла, нет-нет, не смей отказываться, уже несу!.. В итоге, когда Данька слопал три черствых коржика и освободился, на корты он безнадежно опаздывал.

— Привет, Данила! Спешишь?

Дядя Лева. Папин компаньон. Трезвый, на машине.

Кажется, удача по-прежнему на Данькиной стороне!

— Здрасьте, дядя Лева. Ага, спешу. Я с ребятами в парке договорился...

— Так в чем проблема? Садись, подвезу.

Дядя Лева излучал радушие и полное довольство жизнью, независимо от любых капризов судьбы. Джинсовая куртка нараспашку; зеленая футболка пятьдесят последнего размера с надписью «Kamikaze» плотно обтянула внушительное «пивное» пузо.

В машине царил знакомый аромат. Любимые сигареты колумбийской мафии.

— Тебя к парку Горького?

— Да, к центральному входу.

— Ну, тогда держись.

«Audi» рванула с места так, что, пожалуй, и Безумный Макс позавидовал бы. Данька совсем забыл стиль езды дяди Левы. По-видимому, папин компаньон задался целью доказать, что надпись «Kamikaze» не зря красуется на его футболке.

— Куда прешь, дурошлеп! — комментировал он действия коллег по трассе, сбив на затылок бейсболку козырьком на-

зад. — Я ж с главной сворачиваю, а ты, деревенщина?! Да проезжай, не тормози! Хорошо, когда в машине есть тормоза, но плохо, когда один из них — водитель! Верно, Данила?

Данька судорожно кивал, с ужасом ожидая катастрофы.

— Пять минут — и мы на месте! Что, Данила, понравилось? Какой же русский не любит быстрой езды!

— П-понравилось, дядя Лева. Спасибо, я побежал. Меня ребята ждут.

— Ни пуха!

— К черту!

Дядя Лева и вправду домчал до парка за пять минут. Но в следующий раз лучше мы поедем на трамвае.

6.

— Впечатляет!

Господин Зинченко обвел взглядом сумрачный провал, стараясь не очень забегать глазами вниз, где тяжелым сгустком стояла чернота.

— А что здесь располагалось раньше?

В прошлый раз на «минус первый» заглянули второпях, пробегом. Теперь бородатый решил обжиться основательнее. Но любоваться было нечем: железная дверь, неотличимая от входа в старые бомбоубежища, узкая лестница, стены в белой потрескавшейся плитке. Еле заметные трубы воздуховода у потолка. Лампы дневного света в защитной сетке.

— Раньше? — Петр Леонидович поймал зрачками темень: привычную, родную. — В порядок тут все привели в 60-е, тогда и зал оборудовали. До войны, в начале стройки, это именовалось «Крейсер-3». Резервный командный пункт войск Западного направления. До ума не довели, не успели.

— Третий «Крейсер», значит? — Закончив спуск, бородатый положил ладонь на холодный металл следующей двери, врезанной в стену. — А первые два?

Старик хотел честно пожать плечами, но его опередили.

— Первый — возле Самары, второй — южнее Вильнюса. Но его так и не начали строить.

Из темноты бледным призраком выступила госпожа Калинецкая, Любовь Васильевна. Поморщилась, брезгливо пристукнула туфелькой о бетонный пол.

— Да что тут смотреть? Боба, Петр Леонидович, пойдемте наконец постреляем!

Старик изучал гостью со слабым недоумением. Обещанная бородатым «хомячка», забежав днем, с папкой заранее готовых бумаг по владению тиром, оказалась совсем не «хомячкой». Одета модно, дорого, со вкусом, держится не по-холуйски. Господин Зинченко для дамочки был просто Боба, а ее желание вернуться ближе к вечеру, заглянуть на «минус первый», бородатый воспринял как нечто само собой очевидное.

Юридические вопросы она утрясла за пять минут, не забыв добавить, что идея построить на месте тира казино (по версии Артура, бордель негритянский) вовсе не ее, а дурака-менеджера.

«Обычное недоразумение. Приносим свои извинения...»

Поначалу Петр Леонидович отнесся к гостье не слишком серьезно. Всегда находится женщина, для которой грозный «крестный отец» — всего лишь Боба. И виду дамочка не модельного: маленькая, худая, большеголовая, с оттопыренными ушами. Однако, присмотревшись, старик задумался. Полгорода готовы исполнять желания бородатого, он же не прочь слушаться «хомячку». Любовь, конечно, зла, но будем откровенны: нежные чувства в данном случае — не главное.

А еще тирщик понял, что полвека назад здорово бы испугался. Не всесильный Зинченко стал бы тому причиной, а именно эта головастая-ушастая. Дальним эхом донеслись знакомые, успевшие надоесть слова:

«Ты знаешь, кто я? Я — твой друг...»

— Ну-с, открываем! — бодро произнес он, берясь за огромный «вентиль», торчавший посреди двери. — Кто тут хотел пострелять?

Они вошли в оружейную.

— Коллекция у вас, Петр Леонидович... как бы это приличнее сказать? Охренительная, сдохнуть можно! — с чувством подвел итог господин Зинченко полчаса спустя.

Старик улыбнулся не без гордости. То-то!

— Клиенты не скупятся, — наставительно заметил он. — Хороший ствол за рупь-целковый не купишь! И помещение... У нас автономное питание, вода своя есть. Ремонт, то да се. Порядок, сами понимаете, армейский.

— Без проблем!

Бородатый с уважением глядел на пистолет в своей руке: за-

казанный вчера «Z-10». Оружие держал правильно — стволом вверх, не прикасаясь к спусковому крючку.

— Могу предложить часть суммы бартером. Попадаются любопытные вещички, «чистые», не в розыске...

— Да где вы там?! Боба, ты сказал, что я хочу гранатомет?

Ушастая госпожа Калинецкая нетерпеливо топнула ногой. Старик усмехнулся, подошел к рубильнику, взялся за тугой пластмассовый тумблер.

Свет рухнул внезапно: белый, невыносимо яркий.

«Минус первый» встречал гостей.

— А гранатоме-е-ет? — в скором времени раскапризничалась госпожа Калинецкая. — Боба, я хочу из гранатомета!

От пистолета, впрочем, не отказалась. Вцепилась, не оторвать.

— Это тир, Кали! — с неожиданной мягкостью ответил бородатый. — Разнесешь здесь все!

Старик вздрогнул. Кали... Хорошее прозвище! Интересно, как у господина Зинченко со знанием мифологии?

— Разнесет? Едва ли, — возразил он вслух. — Стены бетонные, согласно стандарту. В принципе, если клиент желает...

Петр Леонидович часто пытался увидеть происходящее чужими глазами. Как правило, удавалось, и не без пользы. Сейчас он представил, что ощущают эти двое. Наверху — обшарпанный тир для детишек со старыми тульскими «воздушками», а здесь, в бетонной глубине...

— За дурочку меня держите? — перебила ушастая. — Знаю, что тир. Но это военный тир, насколько я понимаю? Настоящий? «ПУС-7» у вас есть? Приспособление для обучения гранатометчиков? Такое... вы, надеюсь, в курсе?

— По весу и форме соответствует боевой гранате. — Старик улыбнулся наглости «хомячки». — Стрельба ведется на расстояние до четырехсот метров, калибр вкладного ствола 7,62 миллиметра. Все есть, госпожа Калинецкая. Мы, тирщики, народ запасливый.

Чуть не сказал: «тирмены». Спохватился вовремя, за долю секунды.

— Гранатомет не к спеху, — рассудил бородатый. — Кали, ты лучше стандарт отстреляй. В прошлый раз мазала, как лох последний.

Предложение пришлось ушастой не по вкусу. Она дернула плечиком, демонстративно отвернулась к стене. Старик оценил жест гостьи. Характер!

Зинченко покачал головой:

— Ладно, сам начну. Давайте-ка, Петр Леонидович, «мозамбик» попробуем.

Стоя у пульта, старик с удивлением повернулся:

— «Мозамбик»? Вы «молот» имеете в виду?

— Да, «троечка». Два — в корпус, третий в голову, со сменой позиции.

— Экзотикой увлекаетесь? — Петр Леонидович нажал нужный рычажок, «подзывая» ростовую мишень. — Честно говоря, не вижу пользы. Кроме гимнастики, разве что. Внимание!

Бородатый послушно шагнул к линии огня, положил пистолет, ожидая команды.

— Практичнее некуда, — возразил он, надевая наушники. — Иногда такого «лося» валить приходится, что без третьей пули — никак. Пока череп не прострелишь...

— Огонь!

С господином Зинченко проблем не было. Трижды и не без удовольствия отстреляв «молот», упорно именуемый им «мозамбиком», бородатый без шума отошел в сторонку, уступая место головастой-ушастой. А вот с ней, как и ожидалось, начались затруднения. Временно отказавшись от мечты о гранатомете, дама затребовала антиквариат. Желательно «Томпсон» ранних выпусков или хотя бы «Шмайсер-Бергман». Уловив взгляд бородатого, старик развел руками, посетовав на недостаток средств, нужных для пополнения арсенала, и предложил гостье экспериментальный «Никонов», что было немедленно и решительно отвергнуто.

«Томпсон» у Петра Леонидовича имелся. Но он решил излишне не баловать мадам Кали.

Слепому видно: ушастая кривляется и валяет дурака.

В конце концов бородатый заявил, что не видать госпоже Калинецкой ни «Томпсона», ни вульгарного «Калаша», пока она не отстреляет что-нибудь простенькое и не реабилитируется за прошлый конфуз. Петр Леонидович, включаясь в странную игру, предложил скоростную стрельбу по «силуэту». Ничего сложного, оружие — табельный милицейский «Макаров», полный магазин, мишень — в положении «боком», поворачивается на три секунды, попасть желательно в «десятку». Пять раз подряд. А чтобы жизнь малиной не казалась, оружие следует держать в наполовину поднятой руке — под углом 45 градусов к мишени.

Он ждал гневной отповеди. Нет, мадам Кали лишь буркнула

что-то о «ментах поганых», а затем решительным движением сбросила с ноги туфельку. Миг, и вторая туфелька полетела вслед за первой. Ушастая брезгливо сдвинула выщипанные бровки, скривила ротик и шагнула на пыльный бетон пола, направляясь к линии огня.

Первый поворот мишени она пропустила. Не двинулась с места, с презрением щурясь и держа «Макаров» стволом вверх. Потом начала стрелять: быстро, почти не целясь. Бац, бац, бац...

Четыре «десятки».

Петр Леонидович отошел от зрительной трубы, вздохнул и направился в оружейную, откуда вернулся с искомым machine gun. Правда, не с «Томпсоном» — с британским «Стэном». Полностью капитулировать было рано. Госпожа Калинецкая улыбнулась уголками губ и подмигнула старику: так, чтобы не заметил бородатый Зинченко.

Оставалось поинтересоваться, кто все-таки из присутствующих «хомячок». Старик благоразумно смолчал. Вспомнилось, что амбала с «боксером» направила в тир именно она, Кали.

Выручил Петра Леонидовича звонок. Тихое дребезжание вначале различил он один: гости слишком увлеклись «Стэном».

— Что?!

Бородатый наконец-то услышал. Автомат в его руках опасно дрогнул. Старик едва не отшатнулся.

— Посетитель наверху, — как можно спокойнее пояснил он. — Когда мы спускались, я включил сигнализацию. Детишки пришли пострелять, не иначе.

Зинченко и мадам Кали переглянулись.

Петр Леонидович поспешил добавить:

— А вы оставайтесь. С техникой разберетесь или подсказать?

Авторитет не без сомнения уставился на пульт, ушастая снисходительно усмехнулась. Старик понял: разберется. В лучшем виде.

На миг сгинул яркий свет ламп, пропали бетонные стены. Снова возник июньский лес, залитый ярким солнцем, губы ощутили давно сгинувшую пыль. Техник-интендант 1-го ранга вспомнил, что фляга пуста...

Поднимаясь по лестнице, ведущей из бетонного чрева наверх, в вечернюю прохладу, Петр Леонидович думал, что суетиться не стоит. «И аз воздам». А он-то прикидывал, как не пустить излишне любопытную парочку на «минус второй», куда они рвались с первой же минуты.

Стараться не пришлось. Поздний посетитель решил вопрос со всей ясностью и определенностью, по крайней мере, на этот вечер. Старик мог быть доволен. Он и был доволен: Петр Леонидович не сомневался, что знает, кого увидит наверху. Растерянный паренек с библейским именем. Просто случайность? Или не просто — и не случайность?

Исчислено, взвешено...

Нет, пока еще не взвешено.

7.

Проходя мимо знакомого тира, Данька невольно замедлил шаги. Зайти, что ли? Вспомнилась приятная тяжесть «воздушки», запах масла, приклад, плотно вжатый в плечо. Хлопок выстрела, «карусель», с которой летит на пол свин Жирный, а за ним — кодла. Может, у дяди Пети и пистолет найдется? Пневматический, понятно, но все же...

Нет, ребята ждут. Надо идти.

От стационарной эстрады, где троица рабочих монтировала рекламный задник, а на тросах висели турели прожекторов с цветными фильтрами, он свернул направо, к кортам.

Под ногами шуршали опавшие листья. Скоро парк станет голым, неприветливым. Деревья с укоризной протянут голые ветки к низкому небу: дай монетку! да-ай бабушкам копеечку! Закроются аттракционы, исчезнут летние столики. Лишь тусклые фонари да их отражения в лужах будут оживлять по вечерам парк, продуваемый всеми ветрами. И так до снега, когда по аллеям помчатся финские сани, на площади в центре поставят елку, и массовики-затейники, переодетые дедами-морозами, начнут устраивать смешные конкурсы.

Главное: пережить скучную слякоть!

Он припустил бегом, чтобы успеть вовремя.

— Данька! Давай сюда: мы уже столик забили...

Сначала они играли вчетвером: и «на вылет», и два на два. Санька регулярно выигрывал. С остальными, Сливой и Пыжом (в обоих случаях не клички, а фамилии!) у Даньки выходило по-разному. Пару раз отлично получился «обратный топспин» — как он сам окрестил изобретенный им удар: корявый, но действенный. Ракетку держишь «лопатой», бьешь по касательной сверху вниз, и шарик, если не очень закрученный, идет низко, почти катясь по столу.

Подобные мячи даже Белогрив не брал.

А потом явился приятель Белогрива, никому, кроме Саньки, не знакомый, с узким монгольским разрезом глаз — как позже выяснилось, еще и с первым разрядом — и «вычесал» всех, включая обиженного насмерть Белогрива. Данька смотрел, как они заканчивают партию, и с каждым стуком шарика об стол понимал, что теннис ему надоел. Дело не в проигрыше: разряднику проиграть не стыдно. Обидно, что их компанию разделал пришлый, чужой. Поэтому, когда разрядник ушел отлить, пообещав вернуться, Данька быстренько показал Белогриву, как делается его коронный удар: чтоб зазнайку, когда вернется, окоротить. Санька удару обучился на удивление быстро. Даньке стало досадно, что его маленький «секрет» освоили за пару минут, и он засобирался.

— Ты куда? Еще светло, оставайся.

— Нет, мне пора. Сетку потом заберешь, хорошо?

И он решительно направился в сторону тира.

Тир был открыт, но производил впечатление брошенного. Свет внутри пригасили, ряд мишеней терялся во мгле. Лишь у входа и над стойкой горели длинные лампы, да еще в каморке тирщика на стене висело включенное бра в виде морского конька. По всей видимости, вечером понедельника тир не пользовался популярностью среди гуляющих в парке.

Данька сперва подумал, что тирщик — ротозей. Так у тебя и винтовки сопрут, как нефиг делать. Но заметил, что «воздушки» прикованы к стойке металлическими цепочками. А если неведомый воришка перелезет через стойку и стырит мишени? С другой стороны, кому они нужны? Или мишени на сигнализации?

— Здрасьте...

Ему никто не ответил.

— Здрасьте, дядя Петя!

Сунувшись в каморку, он выяснил, что тирщика нет и там. Стены каморки были выкрашены синькой. Над видавшим виды столом кнопками крепились фотографии: танки, солдаты на стрелковом рубеже, полуголые красотки (сменщик Артур расстарался? ну не дед же...) и еще — китайский календарь с толстопузым божком. Судя по лоснящейся физиономии, сразу напомнившей Даньке дядю Леву, божок пребывал в восторге от текущего года. Ну еще бы! — пятеро лысых мальчиков несли перед божком гору ананасов, бананов и фиников.

— У-у-ух-х...

Звук донесся откуда-то снизу, как если бы там, далеко, захлопнулась дверь. Данька ясно представил эту дверь: бронированная, с сейфовым замком, с колесом, похожим на штурвал корабля. Другая дверь треснула бы напополам, а не сумела бы захлопнуться с таким уханьем.

«Уйти? А вдруг дядя Петя вышел за сигаретами и вот-вот вернется?..»

Пиво, отданное Жирному за науку, оказалось дешевым. Оставшихся денег хватало на несколько выстрелов. Вернувшись к стойке, Данька взял винтовку, повертел в руках. «ИЖ-38С» — разобрал он выбитое на металле фабричное клеймо. Тихо звеня цепочкой, прицелился. В полутьме мишени выглядели иначе, чем обычно. На «карусели» катались совсем другие слоны, конь и свинья: не Жирный с кодлой, а незнакомые. Сама карусель очертаниями походила на дорогущий джип. Жирафа сегодня напомнила не химичку, а Кощея. Даже странно, почему раньше в ней виделась Веранда. Ну да, точно, Кощей: шею вытянул, губы трубочкой...

Нестерпимо захотелось пальнуть в гада.

Вместо этого он повел стволом слева направо, будто читал написанную фразу.

Мишеньки-монетки со странными буквицами не обнаружилось, зато Баба-яга стала копией Марь Васильны, начальницы жэка. Белый шиньон гулькой, лицо густо намазано косметикой, в руке — метелка, отобранная у пьяного дворника Кирюши. Мама с Марь Васильной вечно ругается: ни сантехника не добьешься, ни электрика, за справкой сто раз ходить надо. Когда батарею зимой прорвало, пришлось в трест звонить, устраивать скандал: жэковская королева не соизволила даже почесаться. Следом за Бабой-ягой висел Карлсон: точь-в-точь сосед Линько, профессор по женским болячкам. К нему на лестничной клетке девицы с ухажерами в очередь строятся. Противная личность, ябедничает маме: «Ваш сын опять орал в подъезде, а мне требуется тишина и покой! Дружки вашего сына курят на лестничной площадке, а у меня астма...».

И собака у него злая.

А вон та девчонка с бантом (наверное, когда попадаешь пулькой, бант скачет вверх-вниз, будто девчонка прыгает через скакалку) — Дарья Тютюнец, староста класса. Как только соберешься наконец проводить Лерку домой, она рядом вертится, словно медом ей намазано. «Лерочка, я к тебе за учебником зайду! Лерочка, мы договаривались вместе физику делать!» На

собрании против Даньки выступала, говорила, что он рохля и безответственный. Влепить бы ей пулю, чтоб язык не распускала...

В тире вспыхнул яркий свет, и Данька чуть не кинулся бежать от испуга.

— Желаете пострелять, молодой человек?

В дверном проеме каморки стоял тирщик. Безразлично улыбаясь в пышные, прокуренные кавалерийские усы. Данька от деда Ильи знал, почему такие усы называют «кавалерийские». Потому что их носил командарм Буденный. У деда Ильи раньше были такие же. Правда, дед Илья кепкам-«аэродромам» предпочитал осенью фетровую шляпу, а зимой — меховой «пирожок».

— Даниил?

Улыбка тирщика стала чуточку теплее. Или это Даньке показалось? Гадать, откуда тирщик взялся в пустой каморке, он не стал. Должно быть, с улицы тихонько вошел, пока мы тут целились.

— Здрасьте, дядь Петя...

— И ты здравствуй, коли не шутишь. Кого сегодня валить станем?

— Жирафу, — твердо ответил Данька. — Жирафу и эту... с бантом.

— Шалунью? Добро. А жирафа, я вижу, тебе полюбилась. — Тирщик принял у мальчишки деньги, отсчитал взамен пять пулек. — Только, знаешь, это капризная жирафа...

Капризы жирафы Данька оценил через пару минут, когда все пульки, одна за другой, ушли «в молоко». Огорченный, раздосадованный, он повернулся к тирщику, словно тот мог чем-то помочь.

— Стрельба науку любит, — развел руками старик. Он оглядел пустой тир, вздохнул и взял свободную винтовку. — Время есть, Даниил?

— Времени навалом, — честно ответил Данька.

— Уроки на завтра сделал?

— Ага! Мне история осталась... Самодержавие в начале XX века. Я вечером выучу, там мало!

— Ясное дело, мало. Не успел век толком начаться, как царя скинули... Тогда, раз времени у нас — вагон, начнем с «ровной мушки».

— А... а что это?

— Это взаимосвязь мушки и целика по отношению к твоему глазу. Вот, смотри: здесь у нас мушка...

— Да я знаю! — обиделся Данька.

Тирщик пропустил его обиду мимо ушей.

— ...а здесь — прицельная планка. «Ровная мушка» должна стоять в центре прорези по направлению огня. А по высоте — на одной линии с гривкой прицельной планки. Если, конечно, прицел открытый.

— А мишень? Цель?!

— А цель мы, брат Даниил, сейчас оставим в покое. Не все сразу.

На стойке, прямо у Данькиного локтя, какой-то хулиган вырезал ножом четыре значка. Те самые, которые были отчеканены на мишени-монетке:

מ מ ת ם

II.

Далекие барабанчики сделали шаг навстречу. Явственно проступила сквозь вой пурги тягучая, нервная тема флейты. Что еще? Волынка? Да, кажется, волынка. Странно: мелодия всякий раз одна и та же, барабаны и флейта есть всегда, а остальные инструменты словно по очереди заступают в караул. Виолончель, труба, вот теперь откуда-то взялась волынка: гнусавая, заунывная. Лерка рассказывала, что чувашская волынка «шапар» использовалась на церемонии изгнания бесов. А шустрый «хомячок» Тимур в бесов не верил и считал, что «волына» — это пистолет.

Например, «Беретта-9000S».

Кроется ли в смене инструментов какая-то закономерность, Данька не знал.

Он прикинул на слух расстояние между ним и таинственными музыкантами. Сто метров? Двести? Нет, точно определить не получается. Дело не в метели: когда здесь благоухала липовым цветом июньская теплынь, в медвяном воздухе — ни ветерка, и лишь редкие птичьи трели нарушали тишину леса, замершего в ожидании...

Тогда у него тоже не получалось.

Ближе, дальше — и не более того.

Ладно, ищем-смотрим-щуримся... Хотя щуриться уже ни к чему: метель пошла на убыль. Снег с ветром не секут, а лишь оглаживают щеку, потерявшую чувствительность. Давай, тирмен, ищи цель, а то отморозишь себе все на свете. Машинально выковыривая мизинцем из уха подтаявший снег, Данька повернул голову — и увидел. Серебряный пятачок с орлом и короной, брат-близнец сбитого пулей, валялся на склоне сугроба — впереди и чуть левее, у подножия матерого дуба.

На сей раз монета никуда не скакала, а лежала спокойно, без возражений подчиняясь земному притяжению.

«...это не вы обронили?»

И далеким, незнакомым эхом:

«Молодой человек! Соблаговолите оказать милость!..»

Где же вы, элегантная мисс Марпл? Подбодрите мальчишку, превратившегося во взрослого циничного тирмена: «У вас все будет хорошо!» Сейчас эти слова куда нужнее, чем в зимнем парке, ставшем воспоминанием. Или лучше не надо, мисс Марпл. Вас здесь нет, и очень правильно, что нет, а мальчик давно вырос и понял, что все хорошо не бывает.

Он справится.

Мишень дальше, чем первая, но она неподвижна. И ветер стих. Данька надеялся, что со вторым пятаком никаких проблем не возникнет. Один выстрел. Максимум — два. «Спокойствие, только спокойствие! — утверждал Карлсон, болтаясь на стене тира и ожидая пули. — Пустяки, дело житейское...» Мудрый Карлсон был в курсе, что, пока «шаги Командора» звучат на лестнице, можно не бояться самых метких стрелков.

Данька поставил «Беретту» на предохранитель, подышал на пальцы. *Снова взял оружие в правую руку,* вернув на боевой взвод; плавно повел стволом снизу вверх. Пуля взметнула колючее облачко над мишенью. На «минус первом» он бы точно не промазал. Но тут, извините, не минус, а плюс. Высшая математика. Случается, шмеля за тридцать шагов бьешь без промаха. А через три недели мишени будто заколдованные, на каждую полмагазина тратишь. Ничего, сейчас оправдаемся...

Опять мимо.

Разозлившись, он выстрелил навскидку, почти не целясь.

Пуля вогнала монету глубоко внутрь сугроба. На ее месте остался узкий темный ход, похожий на нору. Оттуда брызнули жирные ярко-красные искры, словно пуля по дороге встретила легированную сталь. Искры, шипя, испуганными крысами метнулись прочь, угасая в снегу.

Пусть бегут. *Это их дело.*

Вторая — есть.

Мишень вторая

ГОНКИ НА КРОВАТЯХ

Вместо школы я вела тебя в тир.
Врала родителям про одноклассников
и отметки.
Ты был расплывчат, как воздух.
И, пытаясь в тебе найти
Определенность, из возможных свойств
Я обнаруживала только меткость[1].

А. Витухновская

ГОД КРАСНОЙ КРЫСЫ

1.

Даниил!

— Что, Валерия?

Это у них уже с полгода игра такая: называть друг друга полными именами. Поддразнивать. Как выяснилось, Лерка свое полное имя тоже терпеть не может. Причем каждый твердо убежден: у другого имя нормальное. Красивое, звучное. Другому не в пример больше повезло, в отличие от...

— Ты меня проводишь или нет?

До сих пор Даниил Архангельский ни в чем не мог отказать Валерии Мохович. Да и не хотел он ей ни в чем отказывать! Домой провожать и портфель нести под прошлый Новый год сам напросился — набрался-таки смелости. А Лерка оказалась совсем не против. И вежливо, но твердо отшила не ухажера, красного как рак, а Дашку Тютюнец — хитромудрая староста пыталась увязаться следом. «Знал бы ты, как она мне надоела!» — тихо пожаловалась Лерка, когда они свернули за угол. От этого неожиданного доверия Данька растаял: мгновенно и бесповоротно.

На целый год минимум.

Но сейчас у него имелись другие планы. Он неделю не был в тире: Петр Леонидович заранее предупредил, что с тридцатого декабря по третье января тир не работает. Сегодня — пятое. Пришла пора кое-кого отстрелить. И вообще... Данька нехотя признался сам себе: его тянет в тир. В конце концов, что тут особенного? Любимое дело, хобби. Опять же стрельба, по словам дяди Пети, «науку любит». Неделю не потренировался — начинаешь терять форму. Лерка, конечно, обидится...

Сверху без предупреждения обрушился «точечный» снегопад, запорошив глаза. Прямо над головой на ветке деловито устраивалась серо-черная ворона, чем-то смахивавшая на Дарью Тютюнец. «Кар-р-р!» — с раздражением сообщила ворона, кося на парочку смоляной бусиной. Данька в ответ прищурился — словно целясь из ружья, и птица, отчаянно хлопая крыльями, снялась с ветки и улетела.

Их обоих накрыло искрящимся снежным облаком. Даньке пришло в голову, что Лерка в дубленке с пушистой оторочкой из меха и белой вязаной шапочке с кистями и помпонами — вылитая Снегурочка.

— Извини, сегодня не могу. Ты ж знаешь, я всегда... — выдавил он. — Тут дела образовались...

Лерка в упор смотрела на кавалера-предателя, и тот не выдержал, отвел взгляд. Не станешь ведь объяснять, что ему позарез надо в тир. Не позже, не после обеда, а именно сейчас. Потом в тир набьется народ, а в присутствии чужих отстрелить нужную мишень куда сложнее. Особенно если мишень «капризная» или, хуже того, «с характером».

Иную приходилось выхаживать неделю-другую, если не месяц. Явишься, к примеру, разобраться с врединой Егорычем, ревнителем порядка, который всех во дворе достал, от мала до велика, а дядя Петя тебе с порога: «Хорош с баловством, хватит. Стреляем по-взрослому. Стойку будем отрабатывать».

Ну, отрабатываешь. Стоишь, целишься, а дядя Петя поправляет: «Корпус доверни, тебе ж неудобно. Плечо, куда плечо задрал?! Оно у тебя через пять минут отвалится. Ножку вот так...»

[1] На кучность боя оружия и, следовательно, на меткость стрельбы влияет множество факторов. Прежде всего это определяется качеством и точностью изготовления ствола винтовки, чистотой обработки канала и плотностью посадки ствола в ствольную коробку. Также общеизвестно влияние на меткость шатания мушки, целика, прицельной планки и кронштейна оптического прицела. Наиболее значительно на меткость могут повлиять увеличения зазоров механизма, которые приводят к угловым колебаниям ствола.

Доворачиваешь, опускаешь, ножку делаешь.

«Откинь голову от приклада в сторону и назад! Теперь верни подбородок к прикладу, надави сверху и опусти голову в нужное положение... Шею, шею расслабь! Чуешь, на щеке образовалась складка?»

«Чую, дядя Петя... А зачем?»

«Она не позволяет голове опускаться при расслабленных мышцах...»

Откорячишься битый час — дает десять выстрелов. По «бумажке», на которой Егорыча нипочем не увидишь, хоть сам застрелись! Другой раз придешь: вроде все нормально, стреляй — не хочу; вот только заветного Егорыча ни на одной мишени нет. Вообще никого нет: железки раскрашенные, пульками битые. Еще бывает, мишень издевки строит: заприметишь ее, прицелишься, палец на спуске, слабину выбирает; глядь — а это и не она вовсе! Поднимешь глаза — Егорыч, зараза, с «разбойников» на самый верх, на «елку новогоднюю», перескочил. Ухмыляется оттуда: «Не достанешь, не достанешь!»

Доставал в итоге, конечно. Иного, бывало, с первого раза. А случалось...

Непростая это штука — отстрелить кого нужно.

— Ну, если у тебя настолько важные дела...

Обиделась. И, кажется, растерялась. Раньше всегда выходило так, как хотела она, легко и естественно. Данька не сопротивлялся, когда его вели в органный зал, слушать фуги и хоралы Баха (звук «живого» органа пробрал его до печенок), в филармонию, где он чуть не заснул, в оперу... А когда ему удалось вытащить Лерку на концерт «Арии» — она просто поломалась для виду, позволив себя уговорить.

— Лер, ну честно, надо.

— Ладно, иди.

Прозвучало так, словно это не Данька уходит по делам, а она, Лерка, великодушно его отпускает.

— Пока. Я вечером позвоню.

Он развернулся и потопал по девственно белой аллее, оставляя за собой ровную цепочку следов: хоть слепки делай. Рыхлый снег весело скрипел под ногами, подмигивал цветными блестками, стараясь растормошить удрученного человека, заставить улыбнуться. На душе скребли кошки. Вроде ерунда, пустяки... Мужик он или нет?! Могут у него быть свои мужские дела? Не волочиться же хвостом за Леркой с утра до вечера?

А вечером он ей обязательно позвонит. Может, даже не вечером, а днем...

Настоящий мужик, спеша по серьезным мужским делам, не выдержал: оглянулся. Лерка уходила прочь. Одна. Ветви каштанов, согнувшись под тяжестью снега, образовывали над удалявшейся фигуркой коридор — ажурный, арочный, ведущий в туманно-белесую даль. Там что-то сверкало, переливалось, будто волшебный портал в иную, сказочную реальность.

«Солнце в окне дома отражается», — запоздало догадался Данька. Снежный туннель со светом в конце потерял загадочное очарование. Он побрел дальше, не оглядываясь.

Эх, Валерия, мечта Конана-варвара из одноименного фильма!

Когда он впервые сказал насчет Валерии — мечты Конана, Лерка фыркнула. Но потом взглянула на Даньку с интересом. И выдала насчет Даниила-пророка: мол, имя библейское, древнее. Гордись, дурачок. Зато у меня... «Да нет, у тебя прекрасное имя, — принялся разубеждать Данька, — вон, Конану нравилось, и мне тоже...»

— Молодой человек! Да-да, я именно к вам обращаюсь. Извините, что отвлекаю...

На скамейке, аккуратно очищенной от снега, сидела незнакомая Даньке пожилая дама. Пальто из каракуля в стиле «ретро», круглая шапочка с вуалью, седые волосы тщательно уложены в прическу. Нет, не седые, а серебряные. Привычные слова: «старость», «седина» к даме не подходили. Для этих слов она выглядела слишком... элегантно? Да, пожалуй. Ей бы еще длинный янтарный мундштук с тонкой сигаретой...

— ...от ваших мыслей. Но я бы рекомендовала вам не расстраиваться. У вас все будет хорошо.

— У меня?

— Я имею в виду: у вас с вашей девушкой.

— Откуда вы знаете?

Из-под вуали блеснули очки в тонкой золотой оправе. Даньке показалось, что за очками он различил смеющиеся молодые глаза дамы.

— Но это же очевидно! Семнадцать шагов назад вы оглянулись и долго смотрели вслед... Я вижу, там по аллее кто-то удаляется. К сожалению, зрение у меня не то, что раньше, но готова ручаться: это она. Самая лучшая на свете она. Когда юноша и девушка расходятся в разные стороны и юноша выглядит подавленным — выводы сделать проще простого.

Ну, прямо мисс Марпл из рассказа Агаты Кристи! Данька

недавно прочел этот рассказ в сборнике «Зарубежный детектив». И даже внешне похожа.

— Вы не сделали ничего, за что вам бы стоило себя винить. И она это поймет, вот увидите. Позвоните ей вечером.

— Спасибо... я и так собирался... Спасибо!

Данька повеселел. Искренняя уверенность незнакомки, что все будет хорошо, завораживала. Захотелось сделать что-нибудь хорошее для дамы, но он не знал, что.

— Спасибо, — еще раз повторил он, широко улыбаясь.

— Кстати, это не вы обронили?

Дама вынула руку из пушистой муфты, продемонстрировав узкие, «музыкальные» пальцы с парой колец — на среднем и безымянном, — и одним точным движением выхватила из снега под ногами какую-то безделушку. Раскрыла ладонь, показывая добычу.

Крошечный матово-блестящий кругляш.

Даже толком не разглядев, Данька уже знал, что это. Старый, еще советский гривенник. Привет из позапрошлого сентября. «Пожалел бабушку... дай тебе здоровья и удачи, внучек...»

Дама ни капельки не напоминала старуху-нищенку. Ничего общего.

Но гривенник — тот самый.

— Н-нет, не я. Я ничего не ронял. До свиданья...

Он двинулся в сторону тира, постепенно ускоряя шаги, и, сворачивая с центральной аллеи, угодил прямиком в объятия Адмирала Канариса.

— С прибытием, рядовой!

Сумасшедший развернул Даньку лицом к себе и от души хлопнул по плечам.

— Орел! Молодца! На огневой рубеж направляетесь?

— Так точно, герр адмирал!

Данька с трудом сдержал улыбку.

— Представляю вас к ордену!

Нависнув над «рядовым» пожарной каланчой, Адмирал Канарис принялся отвинчивать с потертого ватника одну из украшавших его наград. Данька малость оторопел. Такой чести, насколько он знал, не удостаивался никто. Безобидный, добродушный псих свои ордена и медали, добытые невесть где и как, берег пуще жизни.

— Не надо, ваше превосходительство! Я не заслужил... недостоин...

— Значит, еще заслужишь!

— А награды авансом не вручаются! — нашелся Данька.

Канарис задумался. Данька попятился от него, а потом бегом припустил к тиру.

— Фланговый маневр! Отступление на заранее подготовленные позиции! Фронтальная контратака! — неслось вслед.

В тире, несмотря на раннее время, стреляла веселая компания: четверка парней, по виду — студентов. «И чего их сюда занесло? — с неудовольствием подумал Данька. — В вузах сейчас вроде сессия. Это у нас — каникулы». Однако студенты обосновались в тире надолго. Пулек у них хватало, вмешательства тирщика не требовалось, так что дядя Петя временно укрылся в служебной каморке. Можно, конечно, рискнуть отстрелить нужную мишень, не обращая на студентов внимания. Но красавчик, похожий на молодого Алена Делона, в «лоскутной» дубленке, тертых джинсах и «казаках» с металлическими бляшками, узурпировал любимую Данькину винтовку.

Старую «ИЖуху» с открытым прицелом, за номером 3.

Данька расстегнул куртку — топили в тире хорошо, пожалуй, даже слишком — и прислонился к стене. Дверь подсобки открылась, оттуда выглянул хромой сменщик Артур. Заметив мальчишку, кивнул — привет, мол! — и опять скрылся в каморке, плотно затворив дверь. Пьют они там, что ли, на пару с дядей Петей? Прямо с утра?!

— ...ж-ж-ждет, — расслышал Данька необычно возбужденный голос «афганца».

В ответ дядя Петя что-то глухо буркнул: не разобрать.

— А н-не рано? П-пацан, едва год ходит.

Данька навострил уши.

— Бу-бу-бу, — ответил дядя Петя. — Бу-бу. Бу!

Теряясь в догадках, что за «бу» и по какому поводу, Данька следил за компанией стрелков, надеясь, что ранние пташки наконец улетят. Студенты стреляли совершенно по-разному. Год назад он бы не задумался об этом, не обратил внимания. А сейчас...

Крайний справа брюнет-очкарик почти лег на стойку, широко расставив локти. Целился он с излишней тщательностью. Данька по опыту знал: если долго целишься, мишень «плывет». Лучше расслабить руки, проморгаться, а потом собраться, быстро взять прицел заново — и выстрелить. Говорят: «Долгий прицел — усталая рука». На самом же деле в первую очередь устают не руки, а глаза. Это для винтовки. При стрельбе из пистолета пословица оказывается более верной.

Пневматический пистолет у дяди Пети имелся, для своих. Данька из него настрелялся вволю: в тире он давно был своим.

Следующий, верзила с огненно-рыжей шевелюрой, расхристанный, вспотевший от азарта, палил навскидку, скалясь, будто расправлялся со злейшим врагом. Как ни странно, верзила чаще попадал, чем мазал. И промахи, и попадания он громко комментировал: «Есть! Гаплык медведю — пчелам радость!.. Блин, мимо. Щас я его...»

Плоская физиономия третьего стрелка являлась живым воплощением буквы «Ы». Отмороженная улыбочка, жабьи глаза навыкате, гримаса сосредоточенного удивления... Нет, словами и наполовину не передашь. Складывалось впечатление, что выстрел всегда происходил неожиданно для «Ы». Он молча изумлялся хоть промаху, хоть попаданию, которых было примерно поровну, хоть самому факту стрельбы.

Ален Делон стрелял красиво, уверенно, как на картинке — словно позировал. И так же уверенно мазал раз за разом. Что, впрочем, абсолютно не смущало красавчика.

Дверь каморки снова распахнулась. В проеме стоял тирщик и манил Даньку рукой.

— Здравствуйте, Петр Леонидович!

Называть тирщика при посторонних «дядей Петей» он стеснялся.

— Здрав будь, Даниил. Заходи, тут работенка для тебя есть.

Троим в каморке места недоставало, но Данька ловко втиснулся внутрь.

— Вот, — указал дядя Петя на изрезанный, надпиленный, едва ли не надкусанный со всех сторон стол-верстак. Там лежала знакомая винтовка. Номер восемь, кажется. — Компрессии нету. Разберись. Инструменты и смазка на месте, запчасти, если понадобятся, — в ящике. А мы с Артуром на перекур выйдем. Душновато тут.

— Хорошо, дядя Петя! Сейчас все сделаем.

— Ну-ну, — одобрительно хмыкнул тирщик. — Валяй. Не справишься — зови.

Данька был уверен, что справится. «Воздушки» он собирал-разбирал, смазывал и чинил по мелочам не в первый раз. Еще он помогал налаживать вечно ломавшиеся мишени и подметал в тире. За это ему дозволялось стрелять бесплатно в свое удовольствие, а Петр Леонидович делился премудростями стрелковой науки.

Скинув куртку и шапку, Данька уселся за стол, извлек отвертку и принялся за дело. Руки действовали сами; пожалуй, он справился бы с «ИЖ-38» вслепую. Надо будет попробовать, из интереса. Так, сперва два винта, крепящие ложу... теперь — выбить штифт...

О регулярных походах в тир он поначалу никому не рассказывал, кроме мамы. И Лерки, конечно. Лерка оказалась не из болтушек, в школе о новом хобби Архангела долго не знали. Очень хотелось похвастаться. Особенно когда начал уверенно выбивать без упора сорок три из пятидесяти по стандартной мишени № 8.

Но хвастаться, поразмыслив здраво, он раздумал.

В начале весны проныра Кощей выследил-таки его и всем растрезвонил, куда ходит Архангел. Казалось бы, что здесь такого? Может, человек спортивной стрельбой занялся! Но люди, хотя бы раз «отстреленные» Данькой в тире, начинали относиться к нему... С вниманием? С уважением? Было в этом что-то болезненное. Как если бы у него кожа вдруг оказалась с прозеленью.

Или рога выросли.

Ага, ствольную коробку упираем в верстак. Аккуратненько проворачиваем колодку спускового механизма... еще чуть-чуть... Есть щелчок. Штифт вышел. Теперь вынимаем колодку... придерживаем — там пружина ого-го: отпустишь — детали по всей каморке собирать придется! Дальше просто: боевая пружина, поршень, ствол. Заглянуть в цилиндр: нет ли царапин, проверить прокладки, уплотнения...

Однажды, подходя к тиру, Данька наткнулся на ошивавшихся в парке Жирного с кодлой. Вокруг нарезал круги Кощей, старательно делая вид, что он здесь случайно. Жирный за прошедшее время раздался в плечах, заматерел, старая кличка ему больше не подходила. Не Жирный, а Битюг. Даньке он после драки с Артуром покровительствовал. «Тронешь Архангела — по стенке размажу!» — предупредил как-то наглого шпаненка Куцего: тот, будучи не в курсе, решил наехать на Даньку.

— Ну да, тебя осенью в армию загребут, Куцый Архангелу и припомнит! — образовался рядом вездесущий Кощей.

Жирный покосился на сплетника как на досадное недоразумение.

— Архангел этой сопле и сам хлебало начистит, если надо, — веско изрек он.

— А кореши? Кореши Куцего?!

— Вернусь после дембеля, узнаю — всех корешей под асфальт закатаю. Понял?

Благодаря Кощею данное историческое заявление немедленно стало достоянием общественности. На районе докапываться к Даньке перестали: «За него Жирный мазу тянет!»

Хоть какая-то польза от носатого стрикулиста.

Встреча с Жирным и кодлой ничего плохого не сулила. Правда, могут следом увязаться. Не тащить же их всех в тир к дяде Пете? Хотя, собственно, почему нет? Данька давно понял: другие не видят в мишенях знакомые лица, и выстрелы их не имеют судьбоносных последствий. Может, это не тир такой особенный, а он сам, Даниил Архангельский?

Впрочем, одно другому не мешает.

— Привет! Пошли, — он решительно завладел инициативой, — у меня тут тирщик знакомый. Я договорюсь, он пострелять на шару даст.

От дармовой стрельбы никто отказываться не стал. Компания ввалилась в тир, один Кощей топтался в дверях.

— Чего тормозишь? Заходи! — позвал Данька, демонстрируя великодушие. — Народу нету, тир свободен. И винтовок восемь штук: одна будет в запасе. Петр Леонидович!..

«Инструкцию по техническому обслуживанию пневматической винтовки «ИЖ-38» он мог цитировать на память. Разбуди среди ночи — нет проблем. Нравились мудреные словечки: шептало, манжета, ригель, пружина ригеля... Теория — дело хорошее, но на практике манжету пора менять. В ящике хранилась запасная. И прокладку ствола надо перевернуть. Ну, почистить-смазать — это само собой. Винтовка, учит дядя Петя, вроде любимой жены. Должна блестеть, лосниться и палить без удержу.

Дядя Петя — классный мужик. И тогда он все понял правильно. «Я отработаю», — шепнул было Данька, но старик весело распушил усы: пустяки, мол! Каждому досталось по десять пулек. Данька не спешил: обождал, пока все сделают по паре тройке выстрелов, и лишь потом начал стрелять сам. Выделываться не хотелось. Убедившись, что мишени сегодня безопасные, без узнаваемых черт, он сбил «мельницу», «паровоз» и «разбойников».

И тут пришел кураж. Он стрелял быстро: целился пару секунд, уверенно давил на спуск, зная, что попадет — в миниатюрное сердечко «шалуньи», в капризную «жирафу», в упрямого «орла». Когда осталась последняя пулька, Данька обнаружил, что стреляет один. Остальные смотрят, как он валит мишень за мишенью.

Девять из девяти. Нужен финал.

Красивая точка в конце.

Он поднял «воздушку» одной рукой. Плавно повел стволом снизу вверх. Поймал на мушку свежевыкрашенный, девственно белый кружок «карусели». С этой мишени в свое время все и началось.

Выстрел.

Карусель завертелась, вспыхнули огоньки, заиграла музыка.

— Ну ты снайпер, Архангел! Робин Гуд, блин!

Жирный облизал пересохшие губы и добавил:

— Уважаю.

2.

— Я не собираюсь травить вашу собаку, Петр Леонидович.

Госпожа Калинецкая вздохнула с явным сожалением. Правда, к чему оно относилось, понять сложно: то ли к безвинному другу человека, то ли к неосуществленному намерению. Очень хотелось, видать!

— У меня нет собаки, — равнодушно откликнулся старик. Его ладонь с медлительностью, присущей пожилым людям, опустилась в карман пиджака: нового, надетого третий раз в жизни. Опустилась, повозилась самую малость, успокоилась.

Впервые пиджак (серый, чуть приталенный) был водружен на плечи во время примерки, второй раз — меньше недели назад, на честно отпразднованный Новый год. Первоначально задумывался костюм, но в последний момент Петр Леонидович отказался от двусмысленной идеи. Новый костюм в его возрасте — словно намек. Мол, последний, мол, в нем меня и...

Не дождетесь! Во всяком случае, не сегодня.

— Про собаку я не в прямом смысле.

«Буденновские усы» в очередной раз помогли — скрыли уголки губ, дрогнувшие в усмешке. Учитесь держать паузу, мадам Кали!

— В Италии — в Неаполе, например, — местная Коза Ностра...

— Коза Ностра не в Неаполе, Любовь Васильевна. — Пальцы наконец-то нащупали искомое, ухватили, потащили наружу. — Так именуется преступное сообщество на Сицилии, а за-

одно в Соединенных Штатах Америки. Аналогичная структура в Неаполе называется «Каморра».

На белую скатерть с легким стуком легло чудо техники — затянутый в серебристо-черную кожу органайзер «Kyoshi». Госпожа Калинецкая невольно отпрянула, закусила губу. Не иначе ожидала чего иного. Гранату «РПГ-5», например.

— Мне нужно уточнить свое расписание на сегодня, — светским тоном продолжил старик. — Не возражаете?

«Расписание на сегодня» — выражение, услышанное в американском боевике, — ему чрезвычайно нравилось. В том числе истинным демократизмом. Скажем, у бомжа тоже имеется таковое: осмотреть первую помойку, затем — вторую...

Мадам Кали терпеливо ждала, вертя в руках ложечку, которой до того размешивала сахар в чашке с «эспрессо».

Палец лег на нужную кнопку, но Петр Леонидович не стал изучать засветившийся зеленым экран. Жаловаться на память пока не приходилось. Экспромт с органайзером предназначался исключительно для собеседницы. Электронную записную книжку презентовал «глубокоуважаемому господину Кондратьеву» пребывающий ныне «в нетях» Боба — Борис Григорьевич Зинченко — в присутствии ушастой подруги. Укатил бородатый по своим злодейским делам сразу после новогодней гулянки, а «хомячка» бегом на свиданку намылилась — если на современном арго формулировать.

«Свиданку» устроили в парке, в пустом по полуденному времени кафе. За плохо вымытыми стеклами окон белели неубранные сугробы, печальная елка свесила вниз успевшие запылиться гирлянды. Над головой дремала тяжелая бронзовая люстра с острыми шипами-шандалами.

— Все расписано. — Старик виновато развел широкими ладонями. — Ваш заказ на сегодня — вне графика. Опять же инфляционные ожидания в связи с грядущим внедрением гривны приводят к неоправданным побочным расходам.

Петр Леонидович давно заметил, как коробят ушастую его витиеватые выражения — посему и злоупотреблял ими в беседах с Калинецкой. Сама она говорила просто, словно дрова рубила.

— Не надо шутить, господин Кондратьев! — Маленький кулачок взметнулся вверх, завис над скатертью. — И намекать не надо. Да, Боба не в курсе нашего с вами разговора. Но это не ваше дело. Есть клиент, есть заказ.

Не ударила. Кулак разжался, ладонь легла на скатерть.

— Выслушать меня, по крайней мере, можете?

Петр Леонидович без особой нужды поглядел на дремлющую люстру, задумчиво перевел взгляд на циферблат древних часов «Победа». С черепашьей скоростью спрятал органайзер. Можем и выслушать. Утро он честно отработал, вновь откроется после обеда, о чем с парковым начальством говорено и договорено. Все остальное... Остальное — тоже после обеда. А «после» — понятие растяжимое.

— Вот!

На стол с легким шелестом легла газета «Спорт-экспресс» за двенадцатое октября прошлого, 1995 года. Экая древность!

— Фото на первой странице.

Теперь следовало бы удивиться. Самая обычная фотография, во всяком случае для «Спорт-экспресса». Футбольный клуб: команда, капитан с воздетым к небу кубком, руководство довольно улыбается...

— В центре. В светлом пиджаке.

Спрашивать, кто именно, старик не стал. Президента и хозяина победоносного клуба не знать было грешно, даже тому, кто никогда не интересовался футболом. Владелец заводов, газет, пароходов...

Вязкую тишину прервал радостный крик магнитофона:

> В Москве гулял когда-то Ленька Пантелеев,
> Всегда с улыбочкой и выпивши слегка...

Не иначе местная обслуга спешила потешить эстетические чувства госпожи Калинецкой. Не вовремя. Ушастая резко обернулась, махнула ладонью.

> Среди налетчиков он первым был злодеем —
> Его боялись даже люди Губчека...

Обрезало. Любовь Васильевна без особой нужды поглядела на снимок в газете, почесала нос маникюрным коготком.

— Да... Ненавижу, когда перебивают!.. Охрана образцовая, не подойдешь и не подкупишь. Трех заместителей убрали, но с боссом не срастается. Говорят, построил себе бункер в старой угольной шахте — вроде вашего подземелья. Бобе... Борису Григорьевичу он не по зубам. А если не мы его, значит, он — нас. Доступно?

Суетное желание разозлить ушастую возникло давно. До недавнего времени старик честно ему противился.

— Любовь Васильевна, — как можно мягче начал он. — Вы

заблуждаетесь, причем очень сильно. Не меньше, чем госпожа Цыганова, чья песня зазвучала так не вовремя. Помянутый ею Пантелеев не совершил ни одного преступления в Белокаменной. Он там даже никогда не был, насколько мне известно. Я, в свою очередь, не являюсь шефом подразделения наемных убийц, именуемых в просторечии «киллерами». Вы обратились не по адресу, заявляю со всей определенностью. Вам нужен некто вроде... Пантелеева. И не надо травить мою собаку!

Их взгляды встретились, и Петр Леонидович вновь, в который раз, ощутил странную, пугающую пустоту. Бесконечное пространство, время, текущее вспять, — и слова, еле различимые, похожие на шелест ветра:

«Ты знаешь, кто я? Я — твой друг...»

Виду не подал — приучился. Ушастая не знает: не может, не должна. Наглая не по чину дамочка, «хомячка», желающая стать тигрицей. Ничего особенного. И незачем бояться.

— Вы себя недооцениваете. И нас — тоже.

Последние слова оказались лишними. Жутковатое очарование сгинуло без следа.

Старик рассмеялся:

— В ГПУ, часом, не служили, сударыня? У них, уверяю, ловчее получалось. Скажите еще: «Мы знаем о вас все!»

— Я знаю о вас все!

— И на здоровье!

Настроение улучшилось. Петр Леонидович поднес к лицу руку с часами, как если бы был близорук. Кажется, успеваем. Сначала выезд, затем в Киевский райотдел — выручать нашкодившего в очередной раз Не-Короля Артура. Потом...

— Напрасно смеетесь! — Ушастая подалась вперед, скривила ярко накрашенный рот. — Ваше досье я купила год назад. Недорого запросили, той конторе вы давно неинтересны!..

Старик механически отметил новомодное слово «досье». Карамышев, да будет ему сковорода теплой, говорил просто «папка».

— Ваше романтическое детство, Петр Леонидович, мне до лампочки. Доносы о том, что вы троцкист, тайный белогвардеец и внутренний эмигрант, — увы, неактуальны. Военная биография — уже любопытнее...

Смотреть на госпожу Кали в этот миг было не слишком приятно. Вспомнилась сцена из очередного «мыльного» сериала: героиня пред всем честным народом обличает соблазнившего ее усатого мачо. Усы у негодяя были, впрочем, так себе — не маршальские.

— Но я не служу в ГПУ. Мне вполне хватит сведений о ваших родственниках. Вы вдовец, но ваш сын, ваша невестка, их дети...

— Не надо, — тихо попросил старик.

Он опять, в который раз, посмотрел вверх, на бесполезную люстру. Взгляд укололся об острую бронзу канделябров.

— Не надо, Любовь Васильевна.

— Заказ! — Ладонь ударила по газетной фотографии. — В недельный срок. Что вы ерепенитесь, ей-богу? Вы и ваша... каморра занимаетесь этим минимум полвека. Сделаете, получите деньги — и все забудем. Да! Бобе ни слова, иначе наш уговор...

Петр Леонидович глубоко вздохнул. Подумал о Не-Короле. Плох стал бывший сержант, от рук отбился. Не помощник. Уволить — жалко, не уволить...

Старик закрыл глаза. Нет, только один глаз — левый, словно собрался выстрелить.

Встал, поправил пиджак.

Шаг назад...

Когда шум утих, когда перестала кричать ополоумевшая официантка, Петр Леонидович легким движением ладони стряхнул с рукава невидимые пылинки и поглядел на люстру. Смотреть наверх больше не пришлось — бронзовое чудище покоилось посреди стола. Острия шандалов пробили непрочный пластик, одна из чашек чудом уцелела, попав между креплений, второй повезло меньше.

Любовь Васильевна Калинецкая сидела белая, недвижная, упираясь застывшим взглядом в стену, недавно покрашенную веселенькой, яичного колера, краской. Кофе из разбитой чашки капал на дорогое, «от кутюр», платье. Не только старик приоделся ради полуденной «свиданки».

— Не надо травить мою собаку, — очень внятно произнес Кондратьев. — Не надо. Собака — друг человека.

Уже за порогом, застегивая старый, не подходящий к новому пиджаку, полушубок, он принял решение. С Артуром придется расстаться без промедлений. С какого возраста по закону разрешают зачислять на работу, пусть не на полный день? Не важно. В любом правиле бывают исключения. Тирмен живет согласно алгоритму «и аз воздам» — тихо, незаметно, подставляя щеку за щекой. Но упомянутые исключения все-таки случаются. Как сегодня, например.

Травить собаку опасно. Будить ее, спящую, тем более.

3.

— Все в порядке! Манжету я поменял, прокладку перевернул...

— Сейчас проверим, — кивнул старый тирщик.

В помещении никого не было. Студенты отстрелялись и ушли, Артур тоже куда-то запропастился. Выходили курить вдвоем, а вернулся один дядя Петя. Ага, и опрокидывающиеся мишени на местах стоят. И наружная дверь плотно прикрыта. Как бы не заперта... Точно, заперта!

Зачем?

— Проверим, проверим, сейчас и проверим, — бормотал себе под нос дядя Петя.

Даньке вдруг показалось, что бормочет он не о починенной винтовке, а о чем-то другом, куда более важном. Даже не бормочет, а напевает на мотив скандально известной арии: «Давайте отрежем Маресьеву ноги!..» В школе эта ария пользовалась неизменным успехом. Спросить? Неудобно... Пока он мучился в догадках, Петр Леонидович произвел из «ИЖухи» три выстрела. По «бумажке». Каждый выстрел тирщик делал разной пулькой: обычной чашечкой, «утяжеленкой» и шариком. Он всегда так проверял винтовки.

Две «десятки» и «девятка».

— Порядок. Толковая работа, Даниил.

Данька просиял, преданно глядя на старика.

— Пневматика — это хорошо, это славно... А как насчет более серьезного ствола?

— А есть?! Можно?!

— Есть. — Дядя Петя прищурился с доброй хитрецой. В уголках глаз старика нарисовалась густая сеть морщинок. — Можно. Иначе б не предлагал. Погоди минуту, я сейчас...

Он ненадолго скрылся в каморке.

— Вот. Самозарядный спортивный пистолет Марголина, калибр 5,6 миллиметра. У этой модели магазин на десять патронов, но заряжать лучше по пять: обойма изношенная, случаются перекосы.

Данька завороженно уставился на пистолет. Из винтовки-«мелкашки» ему стрелять доводилось: на НВП класс водили в школьный тир лицея № 16. А из «Марголина» — ни разу. Удачно он сегодня зашел! Теперь понятно, почему дядя Петя дверь запер.

Чтоб чужие не подсмотрели.

— На, держи.

Тирщик выщелкнул обойму. Передернул затвор, проверяя, нет ли патрона в стволе. Данька был уверен, что подобного безобразия — оставить в стволе патрон! — Петр Леонидович никогда бы не допустил. Но порядок есть порядок.

— Примерься. А я пока дистанцию увеличу. По-взрослому стрелять будем.

Дядя Петя вновь нырнул в подсобку.

Последние слова тирщика Данька пропустил мимо ушей. Потертый, видавший виды пистолет завладел его вниманием. Он покачал оружие на руке, прицелился на пробу. «Марголин» на вес оказался тяжелее, чем на вид. Около килограмма. Несмотря на отжимания, стояние с утюгом «на изготовку» и другие упражнения, которые Данька по указанию старика выполнял целый год, ствол «водило». Самую малость, но для промаха — хватит с лихвой. Он перехватил пистолет двумя руками. Ага, так намного лучше.

Надо с утюгом больше заниматься, не филонить. А пока...

В каморке что-то клацнуло. Загудел непонятно где прятавшийся электромотор. Стена с мишенями, содрогнувшись, поехала прочь от Даньки. На открывшемся участке пола обнаружились блестящие рельсы, по которым стена и катилась. А он еще гадал: отчего тир снаружи длиннее, чем внутри? И если там, за стеной с мишенями, к примеру, есть кладовки, то почему в них не ведет ни одна дверь? Глухо со всех сторон, единственный вход...

— Двадцать пять метров, — сообщил дядя Петя, выкладывая на стойку обойму и коробку с патронами. — Стандартная начальная дистанция. Мишени оставим прежние. Ну-ка, изобрази, чему научился!

И снова почудилось в словах тирщика нечто большее, недосказанное. Подвох, «второе дно», скрытый смысл. Подвох — от дяди Пети?!

Не бывает!

Петр Леонидович внимательно смотрел на мальчишку, как если бы умел читать мысли. Левый глаз тирщик чуточку прикрыл. Лицо его сделалось очень внимательным и чужим. Нет, не чужим — отрешенным.

А руки жили привычной жизнью.

— Патроны в обойму вставляются вот так. Потом — обойму в пистолет. Передергиваешь затвор, и «Марголин» к стрельбе готов. Все запомнил?

— Запомнил, дядя Петя!

— Делай.

Старик выдал пять патронов, и Данька споро вставил их в обойму. Загнал обойму в рукоятку, лихо прихлопнув снизу ладонью. Взглянул на серьезного тирщика, дождался кивка и с удовольствием передернул затвор. Получилось намного лучше, чем у Брюса Уиллиса или Сталлоне.

Теперь бы, стреляя, не опозориться.

— К стрельбе готов!

— Давай!

Данька встал к мишеням правым боком, поднимая пистолет.

Ну-ка, ну-ка, где тут у нас Остап Викторович? Сейчас мы его...

Остап Викторович по прозвищу Басаврюк с сентября вел в школе русскую, верней, давно уже зарубежную литературу, взамен ушедшей на пенсию Тамары Александровны. Требовал отвечать строго по учебнику, слово в слово. За любое отклонение немилосердно снижал баллы. Кромешные зубрилы только радовались: отбарабанил по книжке — живи припеваючи. Пара недель чистого отдыха: Басаврюк вызывал строго по списку.

Зубрежки Данька не любил, но приходилось терпеть. Однако перед Новым годом он сорвался. Проходили Льва Толстого. Сочинения «зеркала русской революции» вызывали зевоту и желание что-нибудь отчебучить. В итоге отчебучил: взял в районной библиотеке «Анну Каренину», выписал ряд цитат, а когда Басаврюк добрался наконец до «великого и могучего языка» Льва Николаевича — вызвался отвечать. Отчеканил абзац из учебника, после чего невинно поинтересовался:

«Остап Викторович, разрешите привести наиболее впечатляющие примеры?»

Басаврюк удивился, но, не подозревая каверзы, дал согласие.

Тут Данька и выдал с наслаждением:

«*Он не сумел приготовить свое лицо к тому положению, в которое он становился пред женой...*» Ага, вот еще: «*...и, вдоволь забрав воздуха в свой широкий грудной ящик, привычным бодрым шагом вывернутых ног, так легко носивших его полное тело, подошел к окну*». Так, дальше: «*Если прикажете, ваше сиятельство, отдельный кабинет сейчас опростается: князь Голицын с дамой!*» И это: «*Уехал! Но чем же кончил он с нею? Неужели он видает ее?*»

На последней фразе класс взорвался хохотом. Басаврюк, красный как помидор, орал про глумление над классиком, но

его никто не слушал. В итоге Данька огреб «шайбу» за срыв урока, а в четверти по зарубежке — гнилой, обидный «уд». Герою сочувствовали, Фофан обещал устроить Басаврюку «конкретное западло», однако Данька и без Фофана знал, как лучше всего поквитаться со зловредным учителем.

...Ну, где же ты, Басаврюк? Покажись!

Ствол пистолета хищно подрагивал. Мишени были непривычно далеко, пришлось всматриваться дольше обычного, прежде чем на них начали проступать лица. На сей раз — не фигуры, не контуры или силуэты, не отметины от пулек, складывающиеся в рисунок. Именно лица. Такое случалось нечасто. А тут еще и лица оказались совершенно незнакомыми.

Данька заморгал.

— Что-то не так? — с участием поинтересовался Петр Леонидович. — Прицел взять не можешь?

— К пистолету не привык, — краснея, соврал Данька. — Лучше я его двумя руками возьму.

— Ты его и так двумя руками держишь. — Тирщик нахмурил густые, косматые брови. — А третьей руки нам господь не дал. Утюг дома работаешь?

— Работаю.

— Мало. Или утюг легкий. Большой палец прибери — отобьет затвором при выстреле.

Данька послушался и палец прибрал. Восстановил дыхание, отбросил со лба прядь волос. В последнее время он стал носить длинные, до плеч, волосы. Как у хиппи или рок-музыканта. Тебе идет, говорила Лерка. А учителя пускай бухтят. Чихал он на их бухтеж. Самый он, что ли, патлатый на всю школу?

Взгляд метался от мишени к мишени. Среди возникших лиц по-прежнему не было ни одного знакомого. Ни одного «плохиша», который заслуживал бы отстрела. Стрелять в первого попавшегося? Нехорошо как-то. «Не по-пацански», — сказал бы Кощей и был бы прав на все сто. Что за пакость?! Куда подевались обычные...

— Передумал? Боишься?

— Не передумал. И ничего я не боюсь!

— Тогда стреляй. Чего ждешь? Прицел такой же, как в пневматике...

В конце концов, с ними ведь ничего страшного не случится? Ну, трубу в квартире прорвет, или по морде дадут, или начальник разнос устроит... Ерунда. Никто из-за отстрела не умер и даже сильно не заболел. Проверено. А всякая чепуха — она

ведь и просто так бывает. Без всякого тира, верно? И никто не виноват.

Лица-мишени смотрели на мальчишку.

Ждали.

А-а, была не была! Если он сейчас откажется, когда еще дядя Петя ему настоящий пистолет даст? Решившись, Данька поймал на мушку какого-то блондина. Длинная, лошадиная физиономия, щеки в прыщах. Наверняка противный тип. Лишняя встряска такому не помешает.

Бах!

Пистолет ощутимо дернулся. По полу зазвенела выброшеная гильза. Да, это куда круче, чем из «воздушки». Впрочем, Данька позорно промазал. Расстояние вдвое больше, пистолет непривычный, а цель ма-а-ахонькая: блондин примостился на «орле», самой трудной мишени в тире. В азарте, уже не думая, что произойдет с блондином и заслуживает ли он отстрела, Данька снова прицелился.

Бах!

Мимо.

Бах!

Осталось два патрона. Он поискал взглядом мишень полегче. Вон, к примеру, «Карлсон». Сегодня Карлсон обзавелся водянистыми глазками с чуть припухшими веками, правильным овалом лица, тонкими стрелками усиков над верхней губой...

Недоумевая, как ему удается различить эти мелочи с большого расстояния, Данька благополучно промазал и в «Карлсона». Разозлился. Злость помогла собраться: последней пулей он выбил-таки строптивую мишень. «Карлсон» весело завертелся, жужжа пропеллером.

— Ты в курсе, что Марголин, конструктор этого пистолета, был слепым? — спросил дядя Петя, забирая оружие.

— Правда?!

— Нет, «Известия»! Правда, конечно. На ощупь все разрабатывал — детали, узлы, систему затвора... Его в двадцатых ранили, когда банду одну брали. Вот он зрение и потерял...

Данька слушал, раскрыв рот.

Скажи ему кто, что Петр Леонидович был лично знаком с легендарным слепым конструктором, ни на минуту бы не усомнился.

Дядя Петя, он такой.

4.

Адмирала Канариса он встретил на трамвайной остановке, возле круга «пятерки». Точнее, его встретили — Канарис ждал за серым кирпичным зданием диспетчерской. Увидел, радостно хмыкнул, шагнул вперед строевым, тряхнул орденами-медалями, криво привинченными к расстегнутому ватнику:

— Здравия желаю, товарищ старший лейтенант запаса!

Гаркнул, замер в строевой стойке. Безумный крик унесся вверх, к низким снеговым тучам. Старик остановился, поглядел вокруг. Пусто, трамвай ушел, следующий подойдет минут через семь, не раньше.

— Здравствуй, Андрей. Застегнись, простудишься.

— Так точно! — вновь гаркнул сумасшедший, распугивая воробьев.

Застегиваться, однако, не стал. Подбросил руку к вязаной шапке-«лыжнице», отдавая честь.

— Докладываю — три случая за утро. Показатель средний, типичный для праздников. Советую соблюдать осторожность при переходе улицы ввиду гололеда.

— Спасибо.

— Рад стара...

Не договорил, взмахнул рукой, сбивая «лыжницу» на затылок. Глаза внезапно наполнились болью: живой, разумной.

— Торопишься, старшой? Бумажку прислали: «Артиллеристы, Сталин дал приказ»? Получил с утра пораньше, побежал... Как ты можешь, старшой? Застрелись, правильнее будет, честнее. Прямо здесь, не думая! Лучше так, сразу, чем...

— Ты же знаешь, Андрей. Нельзя.

Петр Леонидович пожалел о сказанном. Нельзя. И говорить вслух о таком — тоже нельзя.

— Андрей...

Но Канарис уже не слышал. Глаза радостно блеснули:

— Там, где пехота не пройдет, где бронепоезд не промчится!..

Из-за черных голых деревьев показалась красная сигара трамвая. Старик с облегчением вздохнул — «пятерка». Слава богу!

— Угрюмый танк не проползет...

Прежде чем шагнуть к остановке, Петр Леонидович нащупал в кармане полушубка тонкий, сложенный вчетверо лист бумаги. Андрей Иванович Канари, бывший старшина авиаполка, не ошибся — утром прислали, еще до будильника. Очеред-

ная местная командировка, она же «целевой выезд». Ничего особенного, рутина.

— Там пролетит стальная птица!..

Из всех видов городского транспорта Петр Леонидович предпочитал трамваи, особенно если речь шла о местных командировках. Он не пытался задуматься: отчего? Из-за консерватизма, укоренившегося за долгие годы? Потому, что стальные рельсы проложены удачнее троллейбусных маршрутов? А может, оттого (ассоциация пришла после очередного перечитывания «Графа Монте-Кристо»), что к месту поединка не рекомендуется гнать верхом, тем паче аллюром «три креста»? Толчея метро, густой бензиновый дух автобуса... Макабр! То ли дело полупустой вагон! Можно без проблем присесть у заледенелого окна, прикрыть глаза — и ни о чем не думать.

Увы, правила и в самом деле имеют исключения. Да, трамвай по случаю дневного времени был, словно по заказу, тих и безлюден. Да, улицы отпраздновавшего города на время избавились от пробок и заторов Да, трамвайное окно оказалось плотно, без единой щелочки, закрытым. Старик привычным движением надвинул старую шапку-пирожок на брови, втянул голову в меховой, траченный молью воротник...

Но — думалось.

А что еще хуже — вспоминалось.

Вначале не давала покоя песня про стальную птицу. В исполнении Адмирала Канариса она лишь пугала воробьев, а вот старшина Канари пел прекрасно — сильным, хорошо поставленным баритоном. Обычно они собирались на 9 мая. Андрей приносил пару бутылок любимого крымского «бастардо». «Под облака летя вперед, снаряды рвутся с диким воем, смотри внимательно, пилот, на землю, вспаханную боем...» На войну старшина не успел — восьмилетним пацаном в 43-м попал в только что созданное Харьковское суворовское. Зато после отслужил по полной законный старшинский «четвертак» — от Чукотки до Венгрии, от Египта до Ямала.

«Пилоту недоступен страх, в глаза он смерти смотрит смело. И, если надо, жизнь отдаст, как отдал капитан Гастелло...»

После трагического случая с Андреем старик (тогда, в 1984-м, так его еще никто не называл) впервые взбунтовался. Это был, конечно, бунт на коленях, но все-таки, как ни крути, протест, несогласие, выражение возмущения. Стать во фрунт перед непосредственным начальством для выражения претензии было невозможно, поэтому он написал рапорт.

Песня про стальную птицу не уходила. Кондратьев попытался вышибить клин клином: «В Москве гулял когда-то Ленька Пантелеев...» Вот ведь придумают! Даже если неведомый сочинитель не удосужился узнать, что Фартовый орудовал исключительно в Питере, к чему приплел Губчека? Столичными грабителями занимался МУР, в крайнем случае — МЧК, у губернской чрезвычайки были иные задачи. С февраля 1922-го в стране действовало ГПУ. Эдак скоро споют «По Куликову полю танки грохотали». Или самолеты. Звено Андрея Канари атакует...

Трамвай честно катил по знакомым улицам, но Петру Леонидовичу казалось, что вагоновожатый тормозит, саботирует, пытается помешать. Тирмен не опаздывает, он, словно Великое Дао, никогда не торопится и всегда успевает.

Экзотическую цитатку про Великое Дао занес в их узкую компанию все тот же Канари. Правда, в исполнении бывшего старшины «Дао» превратилось в «Даму», отчего смысл несколько изменился.

Рапорт старик писал три дня. Не имея возможности отправить его начальству (как горько пошутил кто-то, с равным успехом можно звонить по телефону архангелу Гавриилу), прочел рапорт на заседании «Драй-Эс». Осветил вопрос подбора, подготовки и воспитания кадров. Указал на допущенные ошибки — и, обобщив имеющийся передовой опыт, предложил конструктивное решение.

Сектор распустили через два дня — без всяких объяснений.

Рапорт дошел по назначению.

Именно в 1984-м Петр Леонидович всерьез стал размышлять о преемнике. Кто сменит его в скромной каморке паркового тира? За эти годы было отбраковано несколько кандидатов, и старик подумывал пустить дело на спасительный самотек. В конце концов, Великая Дама всегда приходит вовремя.

Подъезжая к площади Советской Украины, которую он помнил еще Николаевской, Кондратьев сообразил, что придется делать пересадку. Времени оставалось достаточно, но эта сущая мелочь расстроила окончательно. Стоять на продуваемой ветром остановке, то и дело подходя к ледяным рельсам, с нетерпением глядеть в глубь улицы, откуда должен прийти нужный вагон...

Артуру, томящемуся в застенках райотдела милиции, придется поскучать. Сам виноват, если по справедливости. Вчера вышел на работу после недели праздничного загула — и вот,

пожалуйста! Все, как всегда, плюс сопротивление стражам порядка. Мелькнула и пропала суетная мысль предоставить инициативу в данном вопросе Великой Даме. «И аз воздам» — ее компетенция.

Не-Короля старик взял в тир исключительно из жалости, а также из живого до сих пор чувства фронтового братства. Из такого не вылепишь тирмена, как ни старайся. Но в последнее время «афганец», годный лишь на скромную роль сменщика-дублера, стал подводить слишком часто.

Трамвай — гремящая, давно не ремонтированная «шестерка» — замер на нужной остановке без двадцати минут два. Две минуты форы, хотя старик рассчитывал на пять. И здесь не слишком повезло.

Идеального места для работы на «целевых выездах» Петру Леонидовичу встречать не приходилось. Он даже слабо представлял, какое оно, идеальное. Полупустое, плохо освещенное кафе, яркие фонари на улице, мертвая тишина — и огромные часы на стене дома напротив? Все эти составляющие в его практике бывали неоднократно, но, как правило, в неудачных сочетаниях. Кафе заполняла шумная толпа, фонари на улице не горели, часы...

Часы, естественно, стояли.

Старик глянул на циферблат верной «Победы», вздохнул, поправил сползший на нос «пирожок», вновь покосился на то, что увидел, сойдя с трамвая. Огромная желтая стена, грязные окна тяжелого толстого стекла, намертво запертая дверь. То ли завод, то ли закрытый проектный «ящик». Потому и часы над входом. А что стоят, так это наверняка из-за режима секретности.

Улица пуста, освещение дневное. Кафе имеется — летнее, засыпанное грязным снегом. Тихо, но тишина неприятная, вязкая.

Эту привокзальную улицу Петр Леонидович не знал. Видеть, конечно, видел, но изучить в качестве предполагаемого места работы, естественно, не догадался. И как догадаться? В полутора миллионном городе таких мест — не счесть. Узнать заранее, что будет напечатано на тонкой, папиросной бумаге, которую подсовывают под дверь по утрам, шансов нет. И вот, пожалуйста! — изволь стоять на пустой остановке и светиться, как выражались любезные лейтенанту Карамышеву «социально близкие», ясным месяцем. Стоя не поработаешь, а от скамейки на остановке осталось только два металлических огрызка.

Работай, тирмен!

Старик хмыкнул: раз начал ворчать, значит, дело пошло. Скамейка и кафе — ерунда.

Сектор!

Можно и не напоминать. Положенные метры отсчитаны, сознание привычно фиксировало невидимый сектор. Плохо, что отсчитывать приходилось от входа, намертво заколоченного при раннем «застое». Однако иного ориентира не имелось.

Полтора десятка заледенелых ступеней, четыре метра тротуара, улица, трамвайная линия посередке. Будь это летом, кафе, ныне ждущее под снегом лучших времен, вполне подошло бы. Ага, одинокий киоск в двадцати шагах от остановки. Окошко открыто. Ничто не помешает взять, допустим, сто грамм «Курвуазье» вкупе с полудюжиной марсельских маслин.

— Светлую «Оболонь», пожалуйста. Да, откройте. И... сухариков — тех, что слева. Да-да.

Мрачная физиономия продавщицы окончательно успокоила, более того, взбодрила. Чужая злость в нужных дозах прибавляет адреналина.

Все прочее оказалось проще простого. Низкий железный заборчик, отделявший от тротуара невидимый под сугробами газон, заменил кресло в кафе. Для пущей убедительности Петр Леонидович подстелил оказавшуюся в кармане полушубка газету. Оставалось хлебнуть пива. Старик поднес к носу горлышко, вдохнул. Нет, пожалуй, не стоит.

Сухариков? Наверное...

Холодная зимняя улица пуста, если не считать скрипящего на повороте трамвая. Пусты заледенелые ступени. Пуст грязный асфальт, до срока — четыре минуты...

Великая Дама никогда не торопится и всегда успевает.

Не спешить, не волноваться, держать бутылку дрянного пива как можно естественнее, не спеша разжевывать соленый сухарик. Налево и направо не смотреть, только вперед, на заледенелые ступени под мертвым циферблатом. Рутина, местная командировка, «целевой выезд».

Петр Леонидович запоздало пожалел, что всерьез не взялся за Не-Короля год назад, когда тот начал опаздывать на работу, а потом нагло прогуливать. Не надо травить собаку и будить не стоит, а уж резать ей хвост по частям — и вовсе грешно. Артур, несмотря ни на что, нравился старику. Хотя в его годы («его годы» — залитый жарким солнцем белорусский лес 1941-го) тогдашний Петр Кондратьев ничем не походил на нынешнего буйного сменщика.

Такси затормозило без шума, напротив входа. Открылась дверца. Дергаться старик не стал, коситься на часы — тоже. Просто воткнул нецелованную «Оболонь» в твердый, покрытый хрустящим настом снег.

Парень и девушка вышли из машины. Парень и девушка поглядели: он — налево, она — направо. Парень вернулся к машине, наклонился, о чем-то спросил шофера.

Петр Леонидович не смотрел на них. Ступени — полтора десятка заледенелых ступеней, ведущих в никуда, были пусты.

Девушка что-то сказала своему спутнику — громко, сердито. Шагнула вперед, подошла к нижней ступеньке, поглядела на циферблат над головой.

...То ли перепутали адрес, то ли шофер не на ту улицу завез.

Еще полшага.

Парень успел первым — взбежал, перескакивая через обледенелые ступени на самый верх. Оглянулся, подождал, вновь оглянулся.

Кто из них — объект сегодняшней командировки? Парень? Девушка? Шофер такси? Продавщица в киоске?

Кто-то в запертом здании?

Петр Леонидович вздохнул и закрыл глаза. Точнее, один глаз — левый, словно собирался выстрелить.

Сейчас все узнаем.

Подсчитано, взвешено...

Когда он встал с заборчика, такси вместе с пассажирами успело благополучно уехать. Пряча газету обратно в карман полушубка, старик представил, как кто-то невидимый и неведомый в эту самую минуту следит за ним, мысленно очертив сектор и готовясь зажмуриться.

Представил, но ни капельки не огорчился.

«Кто я? Я — твой друг...»

5.

— Эй! Дантон!

Отец стоял у входа в метро и махал рукой. Складывалось впечатление, что ему чертовски не хочется спускаться вниз, по лестнице, затем по эскалатору, садиться в вагон и ехать туда, куда он собрался. Поэтому, когда на углу остановился трамвай и с подножки соскочил любимый сын Данька, отец просиял от радости.

— Дантон! Я здесь!

В вечном отцовском «Дантоне» сам Данька, в отличие от родителя, ничего остроумного не находил. Прошлой весной он попросил Лерку достать ему книжку про этого Дантона и выяснил много неприятного. Начиная от дурацкого имени Жорж-Жак и заканчивая гильотиной. Физиономия Дантона на портрете в начале книжки смахивала на морду французской бульдожихи Шеры, твари подлой и злопамятной, которую держал сосед, профессор Линько. Короче, бывали дни, когда он понимал маму, подавшую на развод.

— Ну ты даешь! — сказал отец, дождавшись, пока сын перейдет дорогу. — Носишься, как Горец! Тебя что, не учили: сначала посмотри налево, потом — направо?..

— Учили.

Теплилась надежда, что воспитательный разговор закончится, не начавшись.

— Хорошо, что эти, джигиты, притормозили. Они психованные: хоть на красный, хоть под «кирпич»...

— Они всегда притормаживают. Так положено на «зебре».

— Да? Ну, значит, они исключительно при виде тебя тормозят. Если я иду, они, наоборот, на газ давят. Эх, в молодости мы все бессмертные...

Отец решительно не желал уходить с обжитого пятачка перед метро. Врос в заледенелый асфальт, пустил корни. Данька мялся перед ним, слушая о молодости, бессмертии и правилах поведения на проезжей части, невпопад кивал и думал о машинах. Последний год он действительно привык бегать через улицу, не глядя по сторонам. Лихие джипы и «мерины» сбавляли скорость, пропуская бегуна, из-под колес не довелось выскакивать ни разу. Странно, оказывается, это не со всеми. Или у отца просто скверное настроение, вот и ворчит?

— Ты далеко? — спросил он, желая прервать лекцию.

— К Гадюке.

Гадюкой отец звал своего начальника.

Злополучный «Серафим» приказал долго жить, проданный за бесценок. Компаньоны разбежались: неунывающий дядя Лева торговал книгами, сигаретами, радиодеталями, отец же поддался на уговоры отставного таможенника Кобрина и стал коммерческим директором не пойми чего. Первые три месяца сулил «златые горы», купил сыну теплый пуховик с ботинками,

а бывшей жене — зонтик и маникюрный набор. Кобрина он к месту и не к месту звал Большим Боссом. Затем на три следующих месяца подарки закончились, Кобрин превратился в «шефа», а «златые горы» — в «чертову каторгу».

Начиная с декабря Большой Босс мутировал в банальную Гадюку. Он прятался, укрываясь новогодними праздниками, как Дед Мороз — в снегах Лапландии, а отец, подавший заявление об увольнении, без особого успеха пытался забрать у него трудовую книжку.

— В офис?

— Домой. Я его адрес вычислил. Офис закрыт, все ушли на фронт. Мне Лева через больших людей узнал, где у Гадюки логово. Попробую отловить...

Большие люди, по мнению Даньки, назывались Горсправкой. Но говорить об этом отцу он не стал. Он просто стоял, смотрел и видел, что отец второй день не брит. Сизая щетина на щеках, подбородке и шее, до самого кадыка. Под глазами набрякли мешки, улыбка вымученная, натужная. Новый год они встречали, как обычно, втроем, отец притворялся веселым, сыпал анекдотами, запускал во дворе китайский фейерверк, выпил больше обычного, уговорил маму «дать парню волю», потому что мама не хотела отпускать Даньку гулять за полночь, а под балконом уже орал Санька Белогрив, пел про елочку Слива и многозначительно чихала Лерка...

Все это — щетина, улыбка, анекдоты, фейерверк, Гадюка с его логовом, куранты в телевизоре — вдруг сложилось в один неприятный, кисло пахнущий букет. И торговцы цветами, мерзнущие напротив с махровыми гвоздиками и окоченевшими розами, были тут совершенно ни при чем.

— Я поеду с тобой, — сказал Данька.

Не предложил, не спросил разрешения, а поставил перед фактом.

Отец обрадовался так, что со стороны это выглядело неприличным. Он хлопал Даньку по плечу, твердил о наследственности и взаимовыручке, фальшиво пел что-то про «мы плечом к плечу у мачты...», а эскалатор уже вез обоих на перрон станции. В поезд пришлось втискиваться силой, между тетенькой в дубленке и кряжистой старухой, бдительно охранявшей свои кошелки, каждая размером с бегемота, — и вот теперь вроде бы настала пора молча пожалеть об опрометчивом решении.

Но вместо сожаления в душе зрело холодное, тихое упрямство.

Данька плохо понимал, зачем отцу позарез нужна трудовая книжка и почему нельзя оформить новую, а про эту заявить, что потерял. Но Гадюка представлялся ему тем мерзким типом из «Горца», который убил Шона Коннори и все время высовывал синий язык, дразнясь.

Они вышли из метро на станции имени маршала Жукова Обогнув здание гостиницы «Турист» и не доходя до Дворца спорта, углубились в заснеженные, сонные переулки. Скамейки напоминали сугробы. Вороны бродили по целине, оставляя цепочки следов — словно вышивали крестиком. В окнах домов красовались наряженные елки: такие стоят до марта, пока их наконец не выбросят на помойку. Бабушки выгуливали малышню, плотно укутанную в старые пуховые шали. Малышня норовила разбежаться и как следует вываляться в снегу.

— Оренбуржские. — Отец ткнул в ближайшего карапуза пальцем, имея в виду шаль. — Когда-то бешеных денег стоили.

— Угу, — ответил Данька, смутно припоминая, что его самого кутали в мохеровый шарф, который кусался хуже французской бульдожихи Шеры. Наверное, у родителей не было бешеных денег на шаль. Или бабушка не оставила в наследство.

Если верить адресу, с трудом добытому дядей Левой у больших людей, Гадюка жил в панельной девятиэтажке. На двери подъезда установили кодовый замок, дешевый и, к счастью, ныне поломанный. Лифт не работал, на пятый этаж пришлось тащиться пешком. Отец притих и сосредоточенно морщился, нервничая. Его энтузиазм развеялся как дым. Данька топал следом, ведя ладонью по перилам.

В подъезде было жарко и воняло кошками.

Большой Босс, ясно читалось по отцовской спине, с жильем продешевил.

На лестничную площадку выходили четыре двери. Отец позвонил в крайнюю слева, с бронзовым номерком «17», и долго ждал. Из квартиры не доносилось ни звука, но Данька был убежден, что в глазок кто-то смотрит, изучая гостей. Словно в оптический прицел. Ждать надоело, и он уставился на глазок с ненавистью.

— Кто там? — каркнули изнутри.

— Это Архангельский, — заорал в ответ отец, как если бы собеседник отгородился от него бронированной плитой, обитой звуконепроницаемым материалом «Ондуфон». Смешное название тыщу раз повторялось в рекламе и навязло в зубах. — Георгий Яковлевич дома?

За дверью поразмыслили и решили открыть.

— Нету его. — На пороге, загораживая проем, стояла монументальная, еще не старая бабища в халате и с бигудями. — А вам чего?

Наверное, Гадюкина жена, решил Данька.

— Я работал у Георгия Яковлевича... понимаете, мои документы... он обещал...

Отец говорил сбивчиво, долго, никак не решаясь подойти к сути дела. На наезд это походило слабо — скорее, на жалкую просьбу. Пожалуй, не окажись рядом сына, он сразу бы распрощался и убрался восвояси. Но присутствие Даньки требовало если не храбрости, то хотя бы видимости ее. Бабища жевала губы, кривилась, развязывала и по новой затягивала пояс цветастого халата. Спустя минуту она не выдержала, прервав монолог отца:

— Нету Гриши. Уехал.

— А сегодня вернется?

— Он мне не докладывает. Еще вопросы есть? У меня ванна набирается...

Вот эта ванна и добила Даньку. Чугунная ванна, в которую с хлюпаньем лилась горячая вода. Он отстранил растерянного отца, вышел вперед и в упор уставился на бабищу. Со зрением творились непонятки. Толстенная хозяйка квартиры номер семнадцать поехала назад, на подставке с роликами, как ложная стенка в тире, — дальше, дальше, еще дальше... Там, в подсвеченной дали, бабища превратилась в игрушку-мишень, наподобие сильно потасканной и раздавшейся «Шалуньи» с бантом.

Еле слышно заиграла знакомая музыка: тягучая, нервная. Издалека шла усталая флейта, а вокруг приплясывали барабанчики, подгоняя. Тук-тук, ты-ли-тут? Мы идем, братец, мы рядом. Если хочешь, дождись, но потом не жалуйся.

Он не слышал этой музыки со времен монетки, упавшей в старушечью лапку.

— Я таких, как ты... — сообщил Данька далекой бабище, с ужасом понимая, что копирует интонации Жирного. — Знаешь, что я таких, как ты?..

Рядом с мишенью, украшенной смешными бигудями-крохотульками, возникли черные кружочки. Не один, как обычно, а пять-шесть, в два ряда. Данька плотно зажмурил левый глаз, правым всматриваясь в цели.

Со стороны могло показаться: стрелок выбирает, какие поразить в первую очередь.

На верхнем кружочке в центре проклюнулось изображение красного креста, на среднем — тоже. В ушах взвыла и угасла сирена «скорой помощи». Крайний круг выпятился бампером машины, несущейся по встречной полосе. Самый маленький кружок, нависая над бампером, оскалился мордой бешеной собаки.

Что проявилось на остальных, он разглядеть не успел.

— Гри-и... — Бабища сорвалась на визг. — Гри-иша-а-а!

Ее лицо налилось кровью, пальцы истерически вертели концы пояса.

— Гришенька-а-а...а-а...

Из недр квартиры, оттолкнув готовую упасть в обморок бабищу, пулей вылетел лысый коротышка в трусах: широких, семейных, в горошек. Резинка трусов врезалась в дряблый живот, коротышка поминутно ее оттягивал.

— Ну отдам! — взорвался Гришенька, он же Григорий Яковлевич, он же Гадюка, плюясь и танцуя на плитке лестничной площадки. Казалось, ему очень хочется в туалет, а кто-то запретил. — Клянусь здоровьем, отдам! Мама, они тебе угрожали? Угрожали, да?! Как не стыдно, пожилая женщина... из-за какой-то вшивой трудовой... я в милицию обращусь...

Это его мать, оторопело понял Данька. Мать, не жена. А сам Гриша куда моложе отца: лет тридцать, не больше. Какой он Гадюка? — он червяк, скользкий и противный... Бабища вернулась на место из дальней дали, кружочки сгинули, музыка замолчала. Лишь в сердце таял мятный приятный холодок.

— Сейчас отдавай, — сказал Данька. — Немедленно.

И слегка катнул лысого Гришу назад, на роликах, целясь в мягкое пузо.

— Да нет проблем! — с отчаянием выкрикнул Гадюка, пятясь в коридор. На носу у него выступили капельки пота. Данька никогда не видел раньше, чтоб у человека от страха потел нос. — Уже несу! Мама, выпейте корвалола! У вас сердце, мама!

— А у нас, значит, сердца нет! — вдруг закричал отец, грозя кулаком из-за Данькиного плеча. — Мы без сердца! И без получки! И без трудовой! Ну да, мы — быдло, нас обуть — святое дело... Трепло ты, Григорий Яковлевич! Сволочь и трепло! У меня связи, у меня все схвачено... За косой хрен у тебя все схвачено!..

Капелька слюны попала Даньке в ухо. Это не было неприятно. Напротив, отец, безобидный и смешной, когда кричал, ругался и тыкал кулаком в воздух, нравился ему куда больше, чем

отец, который сулит «златые горы», хвастается юношескими занятиями боксом и унижается перед Гадюкиной мамашей.

Мамаша, кстати, сгинула, оставив дверь открытой.

Удрала пить корвалол.

6.

Чай горчил. И заварен правильно, и настоян должное время, и вода не ржаво-водопроводная — с источника на Павловом поле. А все-таки полное не то.

Старик не без огорчения поставил на стол тяжелый подстаканник, рассудив, что дело в заварничке. Пора менять, хоть и жалко — маленький чайник был куплен в первый день работы Петра Леонидовича в его нынешней должности.

Ветеран!

— Ну, д-дядя Петя! — сидя напротив, ныл Не-Король Артур. — Н-не выгоняй, не надо. Ну, п-пожалуйста!

Обычно бравого и задиристого сержанта было не узнать. Внушительный синяк на левой щеке, забинтованное ухо, тоже левое, царапины на ладони. Ухо понять можно, а царапины откуда? Наряд, не вовремя встреченный по дороге из пивнухи «Три танкиста», имел при себе служебного кота?

Впрочем, загадочные царапины — не главное, и не в них причина. Поначалу, после вызволения из узилища, «афганец» держался бодро, поминал непременное «педер сухте» и обещал вернуться в райотдел на БМД-1 с полным боекомплектом. Стало ясно: без должного вразумления не обойтись. Что и было исполнено, четко, быстро и результативно. Петр Леонидович отвез сменщика на место работы, налил чая — и объявил, что через две недели можно будет забирать трудовую книжку. Тут-то Артур и скис — всеконечно, до дрожи в голосе и подозрительного сопения носом.

— И к-куда пойду? Христа ради на водку п-просить? Или как т-твой К-канарис народ развлекать? Дядя Петя, б-бес попутал! Нервы у меня, сам знаешь, находит, п-психом ст-становлюсь. Особенно если гадов в-всяких встречу, уродов. Но я... Я валерьянку пить ст-тану! Зарядку делать! А с бухлом завяжу, ей-б-богу! Н-не выгоняй!..

Петр Леонидович вновь поднес стакан к губам. Странное дело, чай словно образумился. Даже пить приятно. Помиловать заварничек ради такого случая, что ли?

— Зарядка — хорошо, — начал он, понимая, что каждое слово следует подбирать тщательно, будто патроны перед зачетной стрельбой. — И пить бросай, давно пора. Только, Артур Николаевич, не в том дело.

Впервые поименованный в тировых стенах с «ичем», отставной сержант побледнел. Тон был выбран подходящий, прокурору впору.

— Чего ты бузишь? Срываешься почему? А потому, Артур Николаевич, что ты, здоровый мужик, дела на руках не имеешь. Тирщик на полставки — это что, работа? Помнишь, когда я тебя на службу брал, о чем разговор шел? Оклемаешься — серьезным делом займешься. Будем считать, что нынешний инцидент — удачный повод. Устроиться я помогу. Не пропадешь, сержант, не в окружении.

Не-Король моргнул, схватил стакан и глотнул чая, не почувствовав вкуса. Сделал еще один глоток, поставил стакан, потер бинт, скрывающий пострадавшее ухо.

— Г-гонишь все-таки? Чем я с-серьезным займусь, дядя... П-петр Леонидович? Учиться поздно, г-голова не п-пашет, сам знаешь, д-дырявая она у меня. В охрану не пойду, с-сучья работа. В б-бандюки, что ли? Я чего за место д-держался, п-полы драил и ружья п-подносил? Стрелком хотел стать. Н-настоящим! К-как ты!

Теперь моргать довелось старику.

Артур подался вперед. Опасливо оглянулся, словно даже в этой маленькой каморке могли скрываться злокозненные «педер сухте».

— Н-не сдашь ты меня, дядя П-пе... Петр Леонидович. Не такой т-ты человек. Потому скажу, не п-побоюсь. Знаю я, что ты не просто в т-тире этом п-пенсию высиживаешь. И не в бункере д-дело: что тут т-тир, что там, м-мало разницы. Работа у т-тебя имеется — тайная, с-серьезная. Стрелок т-ты! Не к-киллер — выше, а как выше, и подумать боюсь. А чтобы п-поверил, скажу. Раньше вы, ст-трелки, «крышу» в городском с-совете имели. Отдел б-был, «Драй Эс» назывался. Позже вы на п-полную нелегалку ушли...

Старик дернул губами, надеясь, что густые усы не подведут: спрячут усмешку. Operta quae fuere, aperta sunt — если на совсем древнем арго. Все тайное рано или поздно становится явным.

Сектор, официально именовавшийся «Сектором сезонной статистики», они называли по-всякому, даже «Семеро Суки-

ных Сыновей». «Драй Эс» предложил он сам — в честь популярного чистящего средства. Маленький тюбик с зеленой полосой, «Производство Германской Демократической Республики»... Интересно, что сержант понимает под словом «стрелок»? Так они себя никогда не звали. Значит, о тирменах Артур не слышал.

Что не может не радовать.

— Стрелком стать хочешь, Артур Николаевич? — Старик уставился в стену поверх фотографии Настасьи Кински. — В высшую касту перейти?

— Д-да!

Артур вскочил — и замер, остановленный резким движением ладони.

— Садись, не мельтеши. Если честно, присматривался я к тебе. Но стрелок должен уметь стрелять...

Бывший сержант открыл было рот, но второй резкий жест заставил его прикусить язык.

— Присматривался. Не подойдешь. По здоровью.

Теперь следовало выждать, пока горячий «афганец» не поднимет стул за одну ножку два десятка раз, не предложит отстоять полчаса на голове или не начнет жонглировать пудовой гирей. Если Артур не поверит, дело может дойти до Великой Дамы. Не хотелось бы, жаль парня!

— А теперь слушай, — начал Кондратьев, когда стул вернулся на место. — У тебя черепное ранение, серьезное. Даже в обычной жизни — ничего хорошего, сам говорил. А когда ты начинаешь стрелять... Сказать, что бывает?

В глазах Артура мелькнула странная обреченность, и старик понял: не ошибся. И прежде, не подпуская сменщика к серьезному делу, и теперь.

— Ты целишься, смотришь на мишень, а мишень исчезает. И ты видишь врагов, гадов, уродов, «педер сухте». Так, Артур Николаевич?

Вместо ответа сержант громко охнул. Старик отхлебнул чая и перевел взгляд с улыбающейся Кински на хмурого сосредоточенного Артура, запечатленного неведомым сослуживцем на фоне мрачных скал. «Возле Г-герата», — пояснил сменщик, прикрепляя фотографию к стене.

Петр Леонидович сейчас каялся, что откладывал разговор до последнего.

Жалость — плохой советчик.

— Ты стреляешь в них, убиваешь одного за другим — и тебе

становится лучше. Потом, если с этими «сухте» в жизни случается беда, ты начинаешь верить, что это — твоя заслуга. Так? Отвечай!

Тяжелый вздох, нервный хруст пальцев.

— Т-так. Да!

— А ты стреляешь дальше. Мишеней нет, там снова лица. Не враги, не «сухте» поганые — незнакомые, ни в чем не виновные. Ты убиваешь их, и тебе хорошо. Очень хорошо, Артур. Так? А потом... Потом ты вновь начинаешь узнавать в мишенях... Сказать, кого именно?

— Н-нет! Я не хотел... Не с-стрелял!..

— Стрелял! Не ври мне! Стрелял, и с удовольствием!

Отводить взгляд от старых фотографий Петр Леонидович не стал. Смотреть на Артура в этот миг не хотелось.

— Я н-не... Случайно!.. Это т-только мишени, ерунда, жестянки...

Рядом с гератским фото висело другое. Бравый сержант перед дембелем — веселый, довольный жизнью, в сдвинутой на ухо панаме. Не Афган — Средняя Азия, Бухара. Почти дома.

— Только мишени, — машинально повторил старик. — Ерунда и жестянки...

Фотографии стали маленькими, подались назад, словно пытаясь скрыться в густой зелени июньского леса. Но стрелка, берущего прицел, это не смущало. Рука привычным движением взялась за цевье. Выстрел, выстрел, выстрел. Без промедления, без промаха, без пощады...

Почудилось. Слава богу!

Он встал — хрустнув коленями, рывком. С громким стуком отставил в сторону стул. А сейчас — главный калибр!

— Спросишь, Артур Николаевич, откуда я все знаю? Мысли читать не умею, да и без надобности мне телепатия. Ты здесь психа Канариса помянул? Старшину запаса Андрея Ивановича Канари? Он тоже хотел стать стрелком: наилучшим. Лупил по всему, что видел. Кто он теперь, пояснить — или не надо? Хочешь на пару с ним работать? Два брата-акробата? Орденами поделиться?!

И, предупреждая вопросы, произнес голосом холодным, мертвым:

— В секторе «Драй Эс» нас семеро числилось. Великолепная семерка. Остались двое — я и Андрей. Ему очень повезло в сравнении с остальными. И тебе повезло, Артур Николаевич, — поговорили вовремя. У самого краешка, считай.

Теперь — улыбнуться, искренне, с облегчением. И не отводить взгляд. Шок у парня пройдет, поболтаем о чем-нибудь спокойном: физзарядка, знакомый невропатолог, насчет двух недель мы погорячились, никто Артура не гонит, никуда не торопит...

И — звать сменщика по имени, без отчества.

Чай был выше всяких похвал. Бра «Привет из Сочи» честно пыталось обеспечить уют. Трудный день заканчивался вполне прилично.

...Петр Леонидович солгал в одном — старшина Канари все-таки стал тирменом. Самым лучшим, самым удачливым из всех, кого приходилось встречать за свою жизнь тирмену Кондратьеву. Именно об этом он и написал в давнем рапорте. Нельзя возлагать бремя неудобоносимое на тех, кто не готов. Обычного стрелка учат много лет, тирмена — целую жизнь. С той секунды, когда рука нащупывает в кармане маленький серебряный кругляш с запрещенным двуглавым орлом и короной над цифрой «5».

«Полюби меня немножко, молодца! Подарю тебе сережки с мертвеца!..»

Чтобы взглянуть на табличку, пришлось вначале сдвинуть налезшую на самый нос шапку-ушанку, поднять голову, а потом долго моргать: непрошеная снежинка угодила аккурат в левый глаз. Вдобавок ныла шея — застудил, немудрено. Матушка всегда следила, чтобы он надевал по такой погоде шарф. Только где его нынче возьмешь, шарф? Хорошо, шапку не потерял.

«Средний проспект».

Пьеро прочитал надпись на желто-черной жестяной табличке дважды, прежде чем понял, что именно не так. Нет привычной «яти», сменили. Мальчик всмотрелся, уклоняясь от наглых снежинок. Нет, не сменили, просто закрасили. Была буква — нет ее. Холодно, сыро, «яти» нет, и очень хочется есть...

Он глубоко вздохнул, поморщился от боли.

Позади 12-я Василеостровская линия, впереди — неведомый Средний проспект. Чужой холодный город, закрытые двери подъездов, равнодушное «нет такого, забрали», встретившее его по адресу, заученному три месяца назад.

Очень хочется есть... Нет, не хочется.

Нельзя.

Пьеро сунул покрасневшие от холода ладони в карманы шинельки и решил идти прямо по проспекту. Так советовал папа: если заблудился, иди самой широкой тропой. Правда, тогда они были в лесу, а сейчас вокруг пятиэтажные дома бывшей столицы — города Петрограда, который отец упорно именовал Санкт-Петербургом. На все возражения отвечал: город назван именем Апостола, а не какого-то ординарного Петра, будь это Петр Романов, Петр Столыпин, Петр Бернгардович Струве или даже малолетний шкодник Пьеро.

Мальчик потянулся к ноющей шее, еле удержавшись от стона. Правильнее всего вернуться на вокзал, все равно на какой, но лучше — на Московский. Найти что-нибудь поесть, затем пытаться подцепиться к поезду. Но он знал: не доберется, сил не хватит. Идти по проспекту еще сможет, значит, надо идти, идти...

— Молодой человек... Молодой человек!..

Тихий голос заставил остановиться. Вертеть шеей было больно, поэтому мальчик повернулся весь — маленький, грязный, в гимназической шинели с чужого плеча, тоже грязной, без пуговиц и погон.

— Молодой человек! Соблаговолите оказать милость!..

Нищенка. Серый платок поверх кучи тряпья. Лица не разглядеть.

— Если имеете возможность помочь... Я давно не ела.

Прежде чем пошарить в пустом по определению кармане, Пьеро успел удивиться. Нищие просят там, где подают. Возле церкви или на вокзале. А у кого просить здесь? Проспект со скучным названием «Средний» пуст, мокрый снег заметает мостовую, ранний зимний вечер вступил в свои права.

— Подайте!..

Мальчик честно ощупал карманы. Подавать нищим — божье дело. Матушка и папа всегда подавали и его учили. «Пускай хлеб по водам», — часто повторял отец. Тем более старуха возле забитой крест-накрест двери подъезда не из тех, что годами приживаются близ церквей или у богатого кладбища. «Соблаговолите!..» Можно даже мандат не спрашивать — из «бывших». Из таких, как он сам. Но он молодой, сильный, ему целых восемь лет, с ним ничего не случится, если, конечно, удастся поесть.

— Извините, сударыня. — Вредная снежинка попала прямо в рот, и мальчик сглотнул. — У меня...

Не договорил. Левая ладонь, обследовавшая теперь не карман — дырку в кармане! — скользнула по маленькому кругля-

шу. Ну конечно! Шинелька досталась ему с дыркой, а он не догадался поискать за подкладкой. А вдруг там целая пещера Лейхтвейса с сокровищами? Пусть не вся, пусть лишь закуточек...

...Серебряный пятачок. Настоящий, с запрещенным двуглавым орлом и короной над цифрой «5». Серебро! Не веря, мальчик поднес монету к глазам. Вспомнилось, как герои книг пробуют драгоценные металлы на зуб. Интересно, что нужно почувствовать, кусая пять копеек 1911 года выпуска? Наверное, уважение — монетка на четыре года старше его самого.

— Вот спасибо, молодой человек! Дай вам бог...

Пьеро болезненно ощутил пустоту в животе. Серебряная монета, пусть отмененная и запрещенная вместе с клювастой птицей, ее украшавшей, — это не буханка хлеба, не калач с настоящей убоиной. Можно взять щей, жирных, наваристых. Большую, полную до краев миску...

— Дай бог счастья и удачи!..

Ему восемь лет, он молод и силен. «Ты выживешь, ты сможешь», — сказал папа. Надо лишь добраться до Московского вокзала, поесть, забиться в пустой вагон-«телятник», выспаться... Нищенка не пропадет, ей подаст кто-то другой. «Бывшей» не надо уезжать из чужого холодного города, где никто не встретил, никто не ждал.

Мальчик давно понял: когда устал и болен, когда плохо, мысли становятся длинными — такими, что и до конца не додумаешь. Вот когда здоров, тогда и мысли легкие словно птицы.

— Возьмите, пожалуйста.

Рука дрогнула. Серебряный кругляш воспользовался этим: прыгнул, весело блеснув полированным бочком. Далеко убежать не смог — ладонь нищенки метнулась навстречу, ухватила, сжала худыми костистыми пальцами.

Подержала.

Кинула в пустую банку из-под ландрина.

— А удача вас прямо на углу ждет. Идите, не бойтесь!

Пьеро кивнул, повернулся, стараясь не двигать шеей, прикинул, что надо сказать «спасибо». Не сказал — поглядел вперед, в снежную мглу. Знать бы, какие углы у проспекта! А еще подумалось, что монетка-пленница, с глухим недовольным стуком упав в жестяную банку, обернулась незнакомкой — без орла, без короны, с загадочными буквами или цифирками. Наверно, почудилось. С голодухи бывает.

Мальчик втянул голову в плечи, охнул и двинулся вперед по заснеженному тротуару. Где-то тут ждет заветный угол, который «прямо». Шаг, еще шаг, еще. Идти легко, особенно если сощуриться. А лучше — закрыть глаза.

Заснуть!

Пьеро успел испугаться, но было поздно. Спать нельзя, ни в коем случае, зима, он замерзнет, не дойдя до угла-счастья. Нельзя!.. Но его неудержимо тянуло в темную пропасть, где можно ни о чем не думать, не вспоминать.

«Ты знаешь, кто я? Я — твой друг...»

Мальчик решил, что хорошо иметь друзей хотя бы во сне — и шагнул вперед, но не по скользкому, в выбоинах, асфальту, а прямиком в черную безвидную бездну...

— Шкет! Эй, шкет, не спи!..

Он не спал. Слышал, чувствовал, даже что-то видел. Мешали руки — цепкие чужие руки, ухватив за плечи, не пуская дальше, где хорошо, где у него есть друзья.

— Проснись!

Проснулся. Больно! Били по лицу.

— Помрешь ведь, шкет! Голодный, да?

Пьеро стало стыдно. На грязном тротуаре, без шапки, снег на носу! Словно мальчики, которых он видел год назад в Саратове. Но те были маленькие, у них не осталось сил, поэтому они умирали.

— Встанешь — или помочь?

Надо встать. Приподняться, отряхнуть шинельку, поблагодарить неизвестного господина в кожаной куртке и большой кепке. Нет, господа не носят такие куртки — и такие галифе в придачу к блестящим хромовым сапогам.

Встал (цепкие руки помогли, незаметно, почти необидно), хотел сказать «спасибо» — и снова, второй раз подряд, не сказал.

— Вы... чекист?

Само собой вырвалось. И пусть! Поздно жалеть. Сейчас «господин» моргнет серым глазом, скажет «да» или «нет» или достанет револьвер. Тоже своего рода ответ.

Странное дело: вопрос заставил сероглазого крепко задуматься. Словно он сам не знал.

— Нет, не чекист. Куртка напугала? Не бойся, парень, на Гороховую не отправлю... Чего ты тут делаешь? Помираешь, видать?

Папа говорил: правильный вопрос — половина ответа. А что тут отвечать? Помирает, ясное дело.

— Нет. Просто... поскользнулся. Спасибо!

Все-таки сказал. Поверит ли этот, в кожаной куртке? И что ему за дело? В Санкт-Петербурге сейчас тысячи поскользнувшихся. Пьеро, пока от вокзала добирался, насмотрелся вволю.

— Жаловаться не любишь? Молодец, парень! Ну, будем знакомы. Пантелкин я, Леонид Семенович. Давай пять!

Крепкая ладонь протянулась вперед. Мальчик нерешительно поднял руку, но, прежде чем пожать чужую ладонь, успел прикусить язык. Чуть не представился: «Пьеро». Нельзя! Так мог называть его только отец. Для всех остальных, отныне и навсегда, он...

— Петр. Очень приятно, Леонид Семенович!

— Петр? — Брови нового знакомого удивленно дрогнули. — Эх ты, кость дворянская, недорасстрелянная! Не Петька, значит?

— Петр, — упрямо повторил мальчик. — Меня зовут Петр.

Сероглазый поправил кепку, отряхнул налипшие на кожаное плечо снежинки.

Подмигнул.

— «На сем камне воздвигну Я церковь Свою»?

К чему относилось сказанное, Пьеро так и не узнал. Грязный, покрытый мокрым снегом асфальт дрогнул, помчался навстречу, ударил прямо в лицо.

Мальчик лежал у кромки тротуара в одном шаге от неровного булыжника 10-й Василеостровской линии, пересекавшей Средний проспект.

Как раз на углу.

7.

— Я в девятом классе загулял, — вдруг, ни с того ни с сего, сказал отец.

Они уже возвращались к метро, забрав у бледного Гадюки вожделенную трудовую книжку и проверив наличие печати с подписью на увольнительной записи. Печать стояла на месте. Гадюка явно шлепнул ее заранее, а расписаться забыл и теперь побежал искать ручку, нашел, принес и расписался, приплясывая на лестничной площадке, босиком на кафеле, с таким видом, будто ставил крест на всех обидчиках оптом.

Идти по зимним переулкам после вонючего подъезда было чудесно.

— Ну, загулял, и ладно. Уроки сачкую, с девчонками в кино

хожу. В карты играл, в преферанс: мы по утрам у Чумы собирались...

— У кого? — потрясенно спросил Данька.

— У дяди Левы. Ты ж помнишь, его фамилия — Чумак. Тут еще Новый год на носу: елки-палки, лес густой... Меня несет, все по фигу, дома ничего не знают. Прихожу я как-то, а батя с Капранчуками выпивает. Стол накрыли, водочка, селедочка. А тут, значит, блудный сын вернулся: в школу за табелем не пошел, смотрел фильм «Клеопатра». За компанию с двумя... царицами египетскими. Откуда мне знать, что Людмила Петровна, наша классная дама, днем звонила ко мне домой и с батей про все мои художества... в подробностях...

Представив подвыпившего деда Сеню во гневе, Данька с сочувствием тронул отца за рукав. Дед Сеня, овдовев, два года назад женился по новой, на женщине тихой и хозяйственной, и перебрался к ней в Змиев, в частный дом с огородом и кустами красной смородины. К сыну он теперь наезжал редко. Раньше дед Сеня, приняв на грудь рюмочку, любил проявить талант педагога и поведать семье о преимуществах ремня перед прочими воспитательными методами. Хотя внука не бил ни разу.

— Ремнем лупил, да?

— Нет. Он уже поддал, а тут еще Капранчуки накручивают: оболтус, распустился, от рук отбился... Батя вылетел в коридор, кричит, мол, я рано себя взрослым почувствовал, он мне покажет, где раки зимуют! Схватил меня в охапку и зачем-то к потолку подбросил. Наверное, чтоб показать, какой он до сих пор сильный. Я — дылда стоеросовая, а у бати радикулит, поясница... Сам знаешь, ему тяжести нельзя. Я чуть подпрыгнул, чтоб ему легче было, только не помогло. Мама моя, твоя бабушка Лида, спину ему после картошкой обкладывала...

— Картошкой?

— Ага. Варила картошку в мундирах, терла на терке прямо с шелухой и это горячее пюре — бате на поясницу.

Мимо пробежала стайка абрикосовых пудельков, заливисто лая на кота. Приблизясь к серому разбойнику, пудельки свернули к стене дома и начали сосредоточенно метить территорию, делая вид, что про кота забыли на веки вечные. Кот фыркнул с презрением, распушил хвост и не торопясь убрался в подворотню: наступало время обеда, пора было искать подходящую мусорку.

— И что?

— Ничего. Просто я тогда впервые понял, что мой батя ста-

реет. Раньше не понимал, а тут словно обжегся. — Отец смотрел под ноги, боясь поскользнуться и упасть. Дворники лед не скалывали, на тротуаре наросла бугристая корка, коварно припорошенная снежком. — Слушай, Дантон, ты так идешь, словно никогда не падал! Прямо зависть берет...

Данька подумал, что отец прав. За эту зиму он ни разу не упал. Раньше грохался от души, едва ноги не ломал, а теперь перестал. Даже мысли такой не закрадывалось, что можно поехать по льду, шлепнуться, вывихнуть лодыжку, отбить копчик...

В метро они расстались.

Отец поехал по делам, а Данька — домой. Разогрев суп-харчо и жаркое с гречкой, он пообедал. Ужинать, скорее всего, тоже придется в одиночестве. Мать сейчас трудилась бухгалтером в благотворительном фонде «Надія»: платили там хорошо, лучше, чем на прошлой работе, но засиживаться приходилось допоздна. Налоговая, проверки, отчеты, балансы... Жирный говорил, что в благотворительных фондах самое ворье ошивается. Пробы некуда ставить. Ну, это Жирный о начальниках типа Гадюки, а не про маму...

Позвонить Лерке?

За окном сгущались сумерки: махровая сирень, прошитая серебряной строчкой снега. В январе темнело рано. На улице горело всего два фонаря: город экономил электричество. Периодически устраивались веерные отключения по районам, плановые и внеплановые. Кощей, которому предки купили персональный компьютер, во всеуслышание ругался: от таких шуточек комп портился, а вещь дорогущая.

Не у каждого, значит, дома стоит.

Даньке было плевать на компьютерные проблемы Кощея, но сидеть вечером, читая книжку при свече, и ждать, пока районные электрики возьмутся за рубильник — удовольствие из сомнительных. Еда в холодильнике портится, в подъезде страшновато, в киосках ночные продавцы тоже свечки жгут: синенькие, будто на кладбище.

А вот в тире у дяди Пети свет никогда не выключают.

Во всяком случае, Данька ни разу не замечал, чтобы тир обесточивали.

Устроившись на диване и взяв телефон на колени, он замешкался. Разговор предстоял тяжелый, но победа над Гадюкой толкала на дальнейшие подвиги. Жаль, у Лерки оказалось занято. Встав и включив телевизор — убить время, пока Валерия Мохович или ее словоохотливая бабушка перестанут болтать, — он снова забрался на диван. Дистанционка сломалась на прошлой неделе: Данька на нее сел, не заметив. Отдать в починку все не доходили руки, вот и надо было «доходить» ногами: бегать туда-сюда, если, например, хочешь переключить с канала на канал.

«Тонис» показывал региональные новости.

— На площади Свободы, в преддверии рождественских праздников, — вещала молоденькая блондинка-дикторша, хлопая длинными ресницами, словно кукла, — состоялись народные гуляния. Вокруг центральной елки нашего города... председатель областной администрации приветствовал собравшихся... год Огненной Крысы...

Он набрал Леркин номер еще раз.

Занято.

Сколько можно разговаривать? Небось Тютюнец на проводе...

— ...состязания силачей. Главный приз получил наш знаменитый богатырь Кирилл Потебня под аплодисменты зрителей. Потом начались гонки на кроватях...

На экране рядами выстроились кровати: больничные, как показалось Даньке. С никелированными спинками, сетками-кольчугами, на металлических роликах-колесиках. Каждую кровать оседлал щуплый гонщик в лыжном костюме и вязаной шапочке, а за спинкой встал «толкач» — парень покрепче. Маразм, подумал Данька. Такие гонки он видел летом и не нашел в них ничего веселого или увлекательного. Бег в мешках и тот интереснее. А сейчас, по скользкому, обледенелому булыжнику площади...

— ...у финиша случилось непредвиденное...

Гонки показывали в записи, не в прямом эфире. Старт мигом сменился изображением финиша. Кровать-лидер, которую с упрямством носорога толкал багровый и потный детина, подскочила на выбоине, пошла юзом и перевернулась: «толкач» не справился с управлением. Гонщик вывалился на брусчатку, ударился боком и плечом; свергнутого лидера по краю обошла другая кровать, на которой ликовал везунчик-победитель.

Камера уехала вбок, показав толпу зрителей под елкой, затем выпавшего из кровати гонщика. Тот стоял возле сцены, где готовились петь тетки из фолк-ансамбля «Смерека»: щека заклеена пластырем, от виска до уха — багровая царапина. Гонщик натужно улыбался, дергая тонкой ниточкой усов, щурил

водянистые глазки и говорил в микрофон о том, что главное — участие, а не победа.

— Утешительный приз... гуляния продолжились выступлением наших любимиц...

Телефон показался тяжелым-тяжелым, будто гиря. Данька смотрел на экран, откуда давно исчез гонщик-неудачник — сейчас там пели «Смереки» про Галю, которая несет воду на зависть влюбчивому Иванку — и продолжал видеть разбитое лицо парня. Это лицо он уже видел сегодня.

В тире у дяди Пети.

Когда стрелял из «Марголина» по мишени.

8.

Попасть в рай нелегко, освоиться же в нем — чрезвычайно просто. На то и рай: чистые простыни, ровное тепло огромной «буржуйки», горячий бульон с сухариками. По утрам и вечерам — чай с молоком. Настоящий, не морковный. И, конечно, книги: прямо у кровати, на полу. Даже вставать не надо, достаточно протянуть руку и чуть наклониться. Хочешь — тома Элизе Реклю издания Брокгауза-Ефрона в твердой синей обложке, хочешь — «Ринальдо Ринальдини» немецкого сочинителя Вульпиуса. Без обложки, зато все страницы на месте. В «Куно фон Кибурге» половина страниц, правда, отсутствовала, выдрана с корнем. Тоже не беда, скучный он, фон Кибург. А в общем, хорошо. Рай!

И мысли стали правильными: легкими, простыми.

Оценить все прелести рая Пьеро смог через три дня, когда окончательно очнулся. Тогда и узнал про эти самые дни. И что волноваться ему не следует, бояться нечего. Ленька Фартовый будет вечером, если нет, то всенепременно к утру.

Про Леньку Фартового мальчику рассказала Лелька — старшая по раю. Пьеро вначале удивился: Лелька — Ленька, считай, тезки. Потом подумал и обиделся. Не за себя, за Пантелкина Леонида Семеновича. Какой он этой толстухе Ленька! Ленькой у них кучера звали. Обиделся, но смолчал. В каждом раю — свои обычаи.

Толстуха Лелька оказалась не только бесцеремонной, но и приставучей. Выспрашивала, горестно вздыхала, роняла слезу, опять в расспросы пускалась. Пьеро, конечно, не сплоховал. Пусть и в раю, а лишнего болтать не след. Беспризорник он, из

Малороссии, по нынешнему — из Украинской республики. Точнее сказать не может: «испанкой» переболел. Два года назад. Не помер, но память отшибло напрочь. Доктор сказал, бывает. Хоть и редко.

А зовут его Петр. Как Апостола.

С тем толстуха и отстала. Не сразу, правда. Погладила мальчика по волосам, торчащим «ежиком» после прошлогоднего тифа, без особой нужды поправила одеяло. Закатила к потолку глаза, вздохнула, колыхнув высокой грудью.

Облизнулась.

— Катись, лярва! — вполне по-взрослому сказал воспитанный мальчик Пьеро, успевший выяснить, что с людьми следует разговаривать на понятном им языке.

Лелька ничуть не обиделась и укатилась.

Леонид Семенович пришел рано утром, когда Пьеро успел умыться и сходить в уборную. Горшок, поставленный рядом с кроватью, он гордо игнорировал. На столике ждал чай с молоком, но тут хлопнула дверь в коридоре. Выскакивать и выглядывать мальчик не стал. Не маленький! И так понятно: зашел, поздоровался, чмокнул в щеку Лельку, о чем-то спросил (не о нем ли?). Голос громкий, веселый, значит, неплохи дела. Снова дверь хлопнула — и тихо.

Ждать Пьеро научился. Выпил чай, полистал третий том Реклю. Картинки (гравюры, если по-правильному) поглядел. А тут и Лелька-толстуха заглянула: раскрасневшаяся, в халате расстегнутом.

— Не спишь? Леня, не спит он!

А еще заметил Пьеро: в ушах толстухи — серьги с огоньками зелеными. Красивые, не в каждой лавке ювелирной такие увидишь. Прежде не было, а теперь — есть.

— Ну, привет, Камушек! Жив? — Вот и Леонид Семенович — в косоворотке навыпуск, пуговицы у горла расстегнуты. Улыбается: — Молодец, что не помер! А раз не помер, поехали воздухом дышать. Пострелять охота!

Пострелять? По-настоящему? Ух ты-ы-ы!..

Стреляли за Лиговским проспектом, возле железнодорожной насыпи. Пьеро не знал, что это Лиговский, но Леонид Семенович и название сообщил (когда с извозчика слезли), и велел примечать. Объяснил: раз ты в городе незнакомом, значит, будь начеку, все в голову складывай, для того она к шее привинчена. Иначе соображать не с чего будет.

Пьеро кивнул и стал примечать. Вначале шли по Лиговке,

потом Расстанной улицей, затем на Боровую свернули. Домишки вокруг маленькие, заборы высокие. До конца добрались, а там пустырь с рельсами посередине. Отошли еще на сотню саженей, осмотрелись. Пусто, словно и не в городе. Значит, можно.

И начали стрелять!

— Двумя руками, Камушек. Тяжелый! Без малого три фунта, если с патронами.

— Ага!

Даже если двумя руками — все равно нелегко. Чему удивляться: «Маузер», настоящий! Модель «К-96» выпуска 1916-го, под калибр «Люгера». Несъемный магазин на десять патронов, на щечках рукояток — цифры «9» красной краской. «9» — это калибр такой, если в миллиметрах.

— Бах!

«Бах» — пока что на словах. Леонид Семенович оружие подержать дал и в прицел поглядеть. Заодно про миллиметры объяснил и про то, какая модель. «Маузеров» всяких не счесть, добавил, но этот самый лучший. Любимый. Почти что друг, а может, и не почти. Раскраснелся Леонид Семенович, разулыбался — не хуже Лельки грудастой. Велел расставить пустые жестяные банки: возле насыпи полно их оказалось.

Бах! Бах! Бах! Это уже по-настоящему. Кра-а-анты банкам. Амба! Здорово стрелял сероглазый!

И наконец...

— Цельсь чуть ниже, не в центр. Дыхание задержи! Мушка, целик и цель видны одинаково четко, это тебе не винтовка, братец Камушек. И не зацеливайся. Нанизал на одну нитку — лупи!

Объяснял Леонид Семенович заковыристо. Видать, не мастер объяснять. Простые вещи Пьеро и сам разумел — приходилось уже белый свет дырявить. Не из «Маузера», но кое-чему научился. Время такое было — подходящее. И расстояние плевое, шагов восемь, для самых маленьких.

С прозвищем, правда, загадка. Отчего это он, Петр, в Камушка превратился? Что «братец», приятно, конечно. А, ладно! Снимем банку. От ландрина — вроде той, у нищенки на Среднем. Даже с клочком от бумаги-наклейки: четверка странненьких значков-паучков. То ли цифры, то ли буквы, вроде греческих. Видел Пьеро похожие — в старом гимназическом учебнике.

Какая, впрочем, разница?

— Пали!

Выпалил по значкам-паучкам. Амба! Ударила в ладони отдача, зазвенело в ушах, покатилась по снегу поверженная жестянка. Покатилась и сгинула, словно в топь провалилась. Нет банки, и снега нет, одно пятно черное. Вздулось пузырем, булькнуло.

Вот тебе и амба!

А еще почудилось мальчику, будто из топи рука показалась, знакомая очень. Пальцы худые, костистые. И нет уже ни банки, ни топи черной. Падает серебряный пятачок с клювастым орлом прямиком в подставленную руку. «Подайте!.. А удача вас на углу ждет».

— Фу ты!

Еле «Маузер» удержал. Помотал головой, воздуха холодного глотнул. Ясное дело, чудится. Видать, от болезни. Только бы Леонид Семенович не заметил. Подумает еще! Нет, не заметил. Взял сероглазый у Пьеро пистолет, кинул быстрый взгляд на банки-мишени Бах! Навскидку, почти не целясь.

Улетела последняя банка далеко-далеко.

— Что попал — молодец, — улыбнулся. — Только не цель это, братец Камушек, баловство одно. Стрельба, она науку любит!

Помотал ладошками братец Камушек, тяжесть стальную с пальцев стряхнул. Усмехнулся в ответ:

— А научите, Леонид Семенович!..

Схитрил Пьеро насчет «научите». Учили его, когда в банде Сеньки Жадика три месяца кантовался. Там младенцы грудные не к хлебной «жевке», а к «Нагану» тянулись. И пострелять пришлось, и учителей послушать: про мушку, про целик, про то, как дыхание задерживать. Главное, оружие первым вынимать следовало — и первым курок спускать. Выстрелил — убил. Все прочее для солдат и для господ, что охоту любят.

Не выучиться хотел Пьеро, просто стрельнуть еще разок. Но Леонид Семенович очень серьезно к просьбе отнесся. «Маузер» под куртку спрятал, достал что-то маленькое, вороненое, а в руки не дал. Подумал, обратно в карман сунул.

— Стрельба науку любит, — повторил. — А наука разная бывает. Самое сложное в ней — не железо, а человек. Слыхал, братец Камушек: оружие — продолжение твоей руки? Такое часто говорят. И еще говорят: научись чувствовать, что без пистолета ты вроде как не весь, не целый. Оружие любить нужно, словно родича или друга. Согласен?

Вздрогнул Пьеро. Откуда ему знать? Испытывает его сероглазый. Однако ответить попытался:

— Я, Леонид Семенович, слышал, что, когда стреляешь, надо себя гранитом представить. Каменный ты, ни единой щелочки. И мысли каменные. Слышал, а представить не могу. Люди не камень, верно? Мне говорили: убивает не оружие, а желание. Прицелился — смерть глазами послал.

Сказал и понял: плохи дела. Опять мысли длинными и тяжелыми стали. И слова трудные: слишком взрослые.

Леонид Семенович Пантелкин в ответ сжал губы, словно обидел его чем-то братец Камушек. Кивнул резко:

— И так говорят. Видишь, сколько слов накрутили? А почему? Не хватает их, слов — наших, человеческих. Вроде как не мы пулю посылаем, а кто-то другой. Мы лишь оружие, придаток к пистолету. Не мы решаем — за нас решают. Не мы — нами целятся. И убиваем тоже не мы.

Поглядел Пьеро вокруг. Пустырь заснеженный, железнодорожная насыпь, банки, пулями пробитые. Ясный день, а все равно не по себе, когда слышишь такое.

— Это я не к тому, что вины нашей нет. Есть вина! Пистолет и осечку дать может, и патрон перекосить. А раз мы, люди, стреляем без осечек, век за веком, значит, согласны чужую волю выполнять. Подписались, так сказать. И кровь не на комто — на нас... Ты уже понял, братец Камушек, к кому в гости попал?

Смотрели серые глаза в упор. Кивнул Пьеро, ответил спокойно, по-взрослому:

— Кто ж Леньку Фартового не знает, Леонид Семенович? Я пока в Петербург ехал, наслушался. Честно скажу, не похожи вы на бандита. Или я уркаганов не видел?

— Потому и про чекиста спросил?

Отвернулся Пантелкин, руки в карманы куртки сунул. Будто холодом его пробрало.

— Не чекист я, Камушек. Был грех, служил, только не удержался. Адова работа! И бандит из меня никудышный. Лихости одной мало, а фарт — он ненадолго. Дезертир я, братец...

Ага, так мы вам сразу и поверили. Навидался Пьеро дезертиров: грязные, в шинельках вшивых, небритые, хлеб клянчат, могут и обрез достать. Разве Леонид Семенович грязный? И война кончилась.

Не иначе, умел сероглазый мысли читать. Кинул через плечо:

— Тех, кто с войны бежит, еще простить могут. А я... Я дезертир Смерти, нас не милуют. Было у меня дело в руках: важное, не каждому поручат. Одного из тысячи выбрали, поверили, а я деньгой соблазнился. Деньгой и кровью. Был тирмен Пантелкин, стал бандит Пантелеев. Сорвался бешеной собакой с цепи, только и осталось — пристрелить. Ты вот оглядывался, Камушек. Чего видел? То-то, что ничего, снег да грязь. А я... Не отпускают, по пятам идут, ночью, днем...

Пьеро слушал, понимал с пятого на десятое и думал, что самое время пугаться. По-настоящему. Нет, не шел страх, задержался в пути. А Леонид Семенович ладони из карманов вынул, кулаки сжал, голову запрокинул.

Уставился в серое небо.

— А все равно не по-твоему выйдет! Слышишь меня? Слышишь? Не по-твоему!..

Эхо пошло гулять над рельсами.

— Извини, Камушек! — оскалился улыбкой Ленька Пантелеев, странный человек. — И в голову не бери, забудь. Но не до конца. Главное помни: раз мы — оружие, раз нами стреляют, значит, мы тоже — чья-то рука. Без нас этот «кто-то» неполон. Когда целимся, когда курок жмем — мы не просто люди. И думать должны иначе, и чувствовать. Представь, будто ангел ты, людишек перебирать послан. Без гнева, без злости, долга ради. Не пистолет наводишь — стрелу огненную пускаешь, чтобы миру порядок дать. Понял, Камушек?

Скользнула ладонь в карман, не сама вернулась. Знакомый черный вороненок.

— «Бульдог паппи». Револьвер бельгийский, фабрики Франкотта. Как раз для тебя. А теперь — стреляй, Петр!..

Надо же, по имени назвал!

Думал Пьеро, что после разговора такого пальцы трястись будут. Обошлось. Взял револьвер, барабан для верности прокрутил.

Повернулся.

Есть банки? Нет банок. Ага, вот одна, на боку лежит, спряталась, думает! От ангела не спрячешься. Тело само собой повернулось, и рука вверх поднялась. Сейчас вниз, поймать мишень на мушку. Ничего трудного, просто банка...

...Не банка, не жестянка ржавая. Красная пропитая рожа под зеленой фуражкой со звездой, тоже красной, с плугом и молотом. Знакомая рожа! Товарищ Катков, начальник Губчека. В ту ночь, когда упала под прикладами дверь, первым вошел с «Наганом» наперевес.

«С кем имею честь?» — сухо и ровно спросил отец.
Нажал на спуск ангел Пьеро.
И рассмеялся.

Стреляли еще два раза. Первый там же, за Лиговским, второй — далеко за городом. Или в другом городе, если честно. Леонид Семенович объяснил, что Детское Село, хоть и маленькое, но тоже город. Раньше оно было Царским, и жил там поэт Пушкин. Они гуляли в большом парке около дворца, здесь и стреляли — отошли подальше, за старую башню.

Но вообще-то виделись редко. Приходилось целыми днями ждать Леонида Семеновича у Лельки на квартире. Ее (квартиру, не толстуху) надо было называть «хазой». Мальчику это слово не нравилось. И те, кто туда приходил, пока сероглазый отсутствовал, не нравились. Особенно Сенька Гавриков. Пьеро едва посмотрел на него, сразу понял: Сенька и есть. А вот Лелька Сеньке радовалась, хотя тот сережек ей не дарил, а приходил сильно выпивши.

Элизе Реклю успел надоесть вместе с благородным разбойником Ринальдини, зато можно было стоять у приколотой к стене «Петроградской правды» и вволю щелкать курком. Это называлось упражнением «Белый лист». Газетный лист белым, конечно, не был, но Леонид Семенович объяснил: не это важно. Главное — в центр целься и плавно спускай курок.

Щелк! Щелк! Щелк!..

Щелкал Пьеро из «щеночка»-«паппи», но без патронов. Целился, щелкал, пальцем старался не дергать, снова щелкал. Ничего необычного и трудного ничего. Тем более ствол направлялся прямиком в портрет товарища Зиновьева на первой странице. Может, из-за этого, когда по-настоящему стрелять приходилось, мальчик вместо жестяных банок-мишеней тоже лица видел. Не товарища Зиновьева — другие, знакомые. Мальчишек, отнявших у него последние сухари на вокзале в Николаеве. Бандитов Сеньки Жадика. Чекистов, что ломились в квартиру вместе с товарищем Катковым.

Стрелял Пьеро спокойно, ничуть не волнуясь, стараясь не дергать курок. Те, кого посылают на землю порядок наводить, не злятся, не плачут от бессилия. Пусть он маленький, но он — Чья-то рука. Он спасает мир. Он — огненная стрела!

Последним, кого увидел Пьеро в очертаниях мишени, был Сенька Гавриков. Прямо в лоб пуля угодила. Будет знать!

А потом его стали отпускать гулять. Наверное, потому, что Сенька стал заходить к Лельке-толстухе каждый день, иногда по утрам. Леонида Семеновича все не было, и мальчику стало скучно. На улицах ничего интересного не случалось, и Пьеро глазел по сторонам, запоминая: Казанская, Садовая, набережная Фонтанки. В голову складывал. Ждал, что можно будет вернуться и вволю пощелкать курком.

На углу Английского проспекта и хорошо знакомой ему Садовой шкет-беспризорник бесцеремонно ухватил мальчика за рукав вычищенной и подшитой шинельки. Пьеро не успел испугаться — в ладонь нырнула маленькая, вчетверо сложенная бумажка.

Почерк Леонида Семеновича он увидел впервые.

Как и адрес, куда следовало приехать.

— Жив, Камушек? Молодец!

Встретились не в квартире, не на «хазе» — в пустом гулком дворе. Черные окна, груда пустых бочек, телега без двух колес.

Снег...

— Я вот... А Сеньку Гаврикова взяли.

То, что «вот», Пьеро понял сразу. На Леониде Семеновича была не знакомая куртка, а огромная доха, надетая странно, боком. Мальчик всмотрелся. Понял.

— Вам руку перевязать надо, Леонид Семенович. К доктору бы!

Он пытался выговаривать слова твердо, по-взрослому. Кажется, получалось. Сероглазый усмехнулся в ответ, хоть и не без труда. Простреленную левую руку держал на весу, аккуратно, словно младенца.

— Доктора найду. Не волнуйся, Камушек! Только плохи дела, со всех сторон обложили...

Мальчик быстро оглянулся. Снег, бочки пустые, окна с битыми стеклами. Никого нет. Кто обложил?

— Плохо дезертиром быть, Камушек! Если станешь тирменом, меня вспоминай почаще. И вообще... Вспоминай, братец младший. А сейчас... Сейчас один ты мне помочь можешь. Понял?

Не шутил Леонид Семенович, прямо в глаза смотрел. Подобрался Пьеро, губы обветренные сжал:

— Понял!

Пантелкин двинул раненой рукой, застонал еле слышно.

Достал из кармана листок бумаги: сложенный, как давешняя записка.

— Письмо. Отнести нужно сейчас и дождаться ответа. Ясно? Обязательно дождаться ответа. Если тот человек... Его Серегой Кондратьевым зовут, не спутай. Сергей Иванович Кондратьев... Если заартачится, шуметь станет, ты ему скажи, чтобы письмо еще раз прочел. Повнимательнее.

Слушал мальчик. Запоминал. Прикидывал, что надо патронов попросить к «Бульдогу паппи». И о раненой руке думал. Не застудил бы ее Леонид Семенович на морозе!

— Ну, беги, братец младший!

Ленька Фартовый выбросил вперед здоровую руку, словно стрелять собрался. Не выстрелил — по голове мальчика погладил, по шапке-ушанке. Снял бы, так вторая рука подвела. Не на снег же шапку бросать!

— Беги!

Дернулось что-то в груди у Пьеро, болью зашлось. Хотел возразить, переспросить, остаться...

Побежал.

Долго бежать пришлось. Бежать, трамваем ехать, на поезде пригородном до станции Славянка. Хорошо, что несколько «лимонов» в кармане нашлось. Толстуха Лелька на конфеты дала. На станцию лишь ночью добрался. Дальше просто — барак двухэтажный, в угловой комнате, что на первом этаже, свет горит. Значит, все правильно. На месте.

Нашел дверь, письмо в кармане шинельки нащупал. Постучал.

— Мне Кондратьева!

А вот и Кондратьев, такой, как Леонид Семенович описывал: маленький и очкатый. При галифе, в сапогах, но без рубашки. Поглядел на него Пьеро внимательно, оценил. Хуже Сеньки Гаврикова!

— Назовитесь полностью, пожалуйста.

Это для верности. А еще чтобы не слишком нос задирал.

Изумился очкатый, однако спорить не стал:

— Кондратьев Сергей Иванович, инспектор 1-й бригады. Чего тебе, мальчик?

Похолодел Пьеро. Понял, какой бригады — не паровозной, ясное дело. Только делать нечего. Достал письмо, протянул:

— От Пантелкина Леонида Семеновича.

Долго читал инспектор Кондратьев, видать, не один раз. После очки снял, наклонился, щами дохнул:

— А с чего это Фартовый вообразил, что я тебя, урка малолетняя, спасать стану?

Думал ответить Пьеро — смолчал. Зажмуриться хотел — не зажмурился. Так и стоял. Ровно.

Фыркнул инспектор Кондратьев, развернул письмо, к свету поднес:

— Что это, знаешь?

Взглянул Пьеро, удивился. Вроде буквы, а вроде и нет. Буквы, наверное, только не наши. И не французские. Знакомые? Может, да, а может, и наоборот совсем. Сколько их? Раз, два три...

ממת

Из домзака Пьеро вышел через два месяца. Не на свободу, понятно. Выписали ему бумагу в колонию Макаренко, под город Полтаву. Объяснили: самая лучшая, недаром именем пролетарского писателя Горького названа. Не убежишь, даже не пытайся!

Фамилию и отчество, дабы в бумагу внести, будущий коммунар назвать не смог. Забыл напрочь. Пришлось инспектору Кондратьеву собственной фамилией поделиться. С отчеством же не вышло. Уперся Петр, словно и вправду камнем стал: пишите Леонидовичем.

Переглянулись, хмыкнули. Записали.

И послали под конвоем.

Через месяц к коммунару Кондратьеву после утреннего построения подошел хмурый дядька. Широкоплечий, бритый наголо, в кожанке комиссарской. Поманил пальцем, в сторону отвел.

Взглянул внимательно, словно аппарат-рентген:

— Ну что, Петр, постреляем? Стрельба науку любит!

И они пошли стрелять.

Про своего первого учителя — который звал его Камушком — Петр Леонидович много потом читал, а еще больше слышал. И лишь плечами пожимал. «Ленька Пантелеев — черные глаза»! Хорошо еще, не красные. Лишь один раз дернуло, ударило по сердцу, когда попался в руки питерский журнал со стихами Елизаветы Полонской. Не Леонид Семенович вспомнился — серьги в ушах у Лельки-толстухи. Те самые, с огоньками зелеными. Красивые, не в каждой лавке ювелирной увидишь.

«Полюби меня немножко, молодца! Подарю тебе сережки с мертвеца!..»

9.

В десять утра парк пустовал. Запертые двери кафешек, простор аллей. Ночью выпал снег и припорошил эстраду, над которой молчаливыми соглядатаями нависли циклопические конструкции аттракционов. Тишина стояла мертвая. Ни карканья ворон, ни бульканья вездесущих голубей; не звякнет в отдалении трамвай, не прошелестит шинами автомобиль. Словно обезлюдел не парк — мир.

Ты — последний человек на Земле.

Последний человек на Земле шел к тиру. Иногда останавливался, с минуту топтался на месте и опять начинал движение Тир открывался в десять. Сейчас четверть одиннадцатого. Данька не сомневался, что Петр Леонидович уже на месте. А он, Данька, опаздывает.

Куда опаздывает?

Почему — опаздывает?!

Это ведь не школа: можно и в десять зайти, и в одиннадцать... Да когда угодно! Можно вообще отправиться в кино, на утренний сеанс, а в тир, скажем, явиться вечером в пятницу. Все можно. Но Данькой владело странное чувство, что ему очень нужно быть в тире к открытию. Кому это нужно и зачем, он не знал.

Ему самому? — наверное.

«Как перед экзаменом. Умом понимаешь: лучше поскорее «отстреляться», сдать — и гора с плеч. Раньше сядешь — раньше выйдешь, шутит Фофан. А идти все равно не хочется».

Вчера он вспомнил о том, что хотел позвонить Лерке, лишь когда уронил себе на ногу тяжелый телефон. И то еще, уронив и потирая ушибленный палец, с минуту соображал: на кой ему понадобился телефон? А перед тем минут двадцать, наверное, сидел, тупо пялясь в экран телевизора, где показывали всякую муть.

С третьего раза дозвонился. Кажется, понес полную ахинею. Лерка испугалась: решила, что это он из-за нее переживает. Принялась успокаивать: мол, все отлично, я ничуть не обиделась, конечно, у тебя есть свои дела, это нормально... а пошли завтра в кино? Не Лерка, а стакан валерьянки.

«Мисс Марпл» оказалась права.

Осталось разобраться с тиром.

— Доброе утро, дядя Петя!

Как и предполагалось, тир работал. Кроме дяди Пети, внутри никого не было. Студенты решили отдать сессии должное. А Артур, видимо, спал: сменщик часто говорил, что с удовольствием проспал бы остаток жизни.

— Здоров будь, коль не шутишь.

Взять сейчас, как ни в чем не бывало, «ИЖуху», любимый третий номер, обождать, пока на «кузнеце» или «мельнице» проявится ненавистный Басаврюк... И все встанет на свои места. Все будет, как раньше. А «Марголин»? «Воздушка» после настоящего пистолета — детская забава. Мало ли кто там с кровати на площади навернулся? Зато пистолет... Ты, кажется, хотел разобраться, Даниил-Архангел? Расставить точки? Валяй, расставляй.

Пулями.

Данька медленно поднял взгляд на старика. Тирщик молча ждал.

— Петр Леонидович... Можно мне еще разок из «Марголина» пострелять?

— Отчего же нельзя? Можно. Ты дверь запри, а я сейчас.

Со щелчком провернув ключ на два оборота, Данька еще и подергал дверь для верности. Заперто. Загудел знакомый электромотор, стена с мишенями поползла по рельсам прочь.

— Держи. Как заряжать-взводить, со вчера не забыл?

— Да что вы, дядя Петя!

— Вот тебе пять патронов. Хорошо отстреляешься, выдам еще десяток.

— Спасибо!

Вставляя патроны в обойму, Данька старался не смотреть на мишени. Чтоб не сглазить. Не нервничать раньше времени. Он сам не знал, станет стрелять или нет, если перед ним вновь окажутся лица незнакомцев. В конце концов, если их поотстреливать, может, в итоге появятся правильные, нужные цели? А вдруг незнакомцы чем-то насолили дяде Пете? И это такая плата: помочь тирщику отстрелить за него всяких подлецов?

А что? Нормальная версия...

Очень хотелось стрелять. Из «Марголина». Пистолет казался живым существом, мудрым советчиком, способным объяснить, найти оправдание чему угодно... Обойма со щелчком вошла в рукоятку. Лязгнул передернутый затвор.

— К стрельбе готов!

— Давай.

Данька решительно поднял пистолет, ловя в прорезь прицела случайную мишень. «Шалунья»? Ну, пусть будет «шалунья».

Кто там у нас? Никто? Сердце обожгло радостью: перед ним — просто мишень. Раскрашенная жестянка с механизмом. Ничьего лица на ней нет: ни знакомого, ни чужого. Можно стрелять с чистой совестью...

Мама!

Мама на мишени улыбалась. С пониманием и чуточку грустно.

Рука дрогнула. Данька покрылся холодным потом. В животе заворочался липкий слизняк. Почудилось, что пистолет ожил по-настоящему, что спусковой крючок предательски выбирает слабину без всякого участия стрелка. Или это палец, лежащий на спуске, зажил собственной жизнью?

— Какие-то сложности?

— Да... то есть нет. Я еще мишень не выбрал.

— Выбирай быстрее. Скоро народ объявится. Мне что, до обеда тир запертым держать?

— Ага, я сейчас...

Данька был противен самому себе. Мамино лицо никуда не исчезло: четко проступало сквозь мультяшную раскраску «шалуньи». Нет-нет, он даже смотреть туда не будет! Специально выберет цель как можно дальше, чтобы никак, ни за что: ни случайно, ни рикошетом... Ну вот, к примеру... Отец?! Точно, отец. А рядом — Лерка. В шапочке с кистями и помпонами. Вон дядя Лева. Санька Белогрив машет теннисной ракеткой. Петр Леонидович с Артуром...

Да что ж это творится?!

— Ты сегодня будешь стрелять или нет?

— Не буду.

— Почему?

— Это неправильные мишени. В них я стрелять не буду.

— Всегда, значит, правильные были, а сегодня — нет?

Дядя Петя не шутил. Он смотрел на мальчишку, как на досадное недоразумение.

Не ответив, Данька выщелкнул обойму. Положил на стойку. Передернул затвор. Подобрал упавший на пол патрон, поставил рядом. Последним лег «Марголин».

— Ясно, — подвел итог тирщик. — В таком случае здесь ты больше не стреляешь.

— Значит, не стреляю. До свиданья, Петр Леонидович.

Он направился к выходу.

— Куда это ты?

— Домой. Вы же сказали, что здесь я больше не стреляю.

— Сказал. Но ведь раньше стрелял, а? И неплохо. За все платить надо, Даниил.

— Надо, значит, надо.

Данька плохо понимал, чем он собирается платить тирщику. Деньгами? Уборкой тира? Чем-то другим? «Ну ты попал, Архангел! — расхохотался издалека вредный Кощей, ликуя. — Попал конкретно!»

— За все нужно платить, братец, — хмурясь, повторил тирщик. — Ну-ка, пойдем...

Не глядя, следует ли за ним «братец», Петр Леонидович скрылся в каморке.

Даньке, грешным делом, больше всего на свете хотелось чухнуть из тира и припустить по аллее. А потом до пенсии обходить парк десятой дорогой. Не станет же дядя Петя гнаться за ним, требуя таинственной оплаты?! Но вместо бегства, ощущая странную покорность, — обреченность? — он прошел вслед за тирщиком в подсобку, а затем во вторую, смежную, совсем уж крошечную комнатенку.

Здесь стоял древний сейф-ветеран: ржавый, высотой с человека.

Щелкнув выключателем, тирщик зажег лампочку под потолком. Качаясь на тонком проводе, лампочка неприятно напоминала змею с горящей головой. Старик сунул руку за сейф, в узкую щель между дверным косяком и мятым боком из железа, пошарил там и что-то повернул.

Раздался сухой треск.

Дальняя стенка — хотя какая она дальняя, в этой душегубке?! — была сплошь оклеена вырезками из старых газет. Пожелтевшие от времени, сухие, с выцветшим шрифтом, одни держались на универсальном ПВА, другие — на кнопках, третьи по краям прихватывали огрызки синей изоленты. Похожую картину Данька видел у соседей с четвертого этажа. После смерти бабы Нюры, хозяйки квартиры, наследники затеяли ремонт, а он забежал к родичам покойницы взять хрустальную конфетницу: старуха завещала ее маме, чтоб помнила Анну Никитичну. В комнате, где доживала свой век баба Нюра, ободрали обои, под которыми обнаружился слой ветхих газет: «Правда», «Известия», «Труд»...

Сделав шаг к стенке, тирщик уперся плечом в статью с бодрым заголовком «Присмотрись к своим товарищам, нет ли среди них врагов!», вырезанную из «Ленінської зміни» за 1936 год. Данька видел маленькие буквицы так отчетливо, словно смот-

рел на них в оптический прицел, выбирая: какую сбить метким выстрелом?

Шея тирщика побагровела.

От толчка стена без звука поехала назад, открываясь.

Превращение стены в дверь застало Даньку врасплох.

— Осторожно, тут ступеньки, — бросил Петр Леонидович и стал спускаться вниз.

Он по-прежнему нимало не заботился, хочет кто-нибудь, кроме него, топать по ступенькам в таинственное подземелье или нет. Будто вел парня в «строгом» ошейнике. И в любую секунду готов был взять Даниила Архангельского на короткий поводок.

С обратной стороны ложной стенки имелась крепко привинченная ручка в виде скобы. Перед тем как начать спуск, Данька потянул за эту скобу, закрывая дверь за собой. Зачем? — кто его знает. Сейчас он хорошо понимал идиотов из киноужастиков, когда те гурьбой лезут в подвал заброшенного дома с привидениями или открывают шкатулку, найденную в комнате маньяка-самоубийцы. Казалось бы, чего проще: плюнуть и удрать, выкинуть шкатулку в окно, не приближаться к подвалу на расстояние пушечного выстрела... Нет же, суешь голову в петлю, лезешь, спускаешься, задыхаясь от страха, понимая, что за все надо платить: глупый пушистый кролик, загипнотизированный удавом.

«Видите ли вы меня, бандерлоги?» — спросил Каа. «Мы видим тебя, о, Каа!» — «Хорошо ли вы видите меня, бандерлоги?» Куда уж лучше...

Бетонные ступени лестницы, ведущей в неизвестность.

За все надо платить.

Три пролета. Этажа полтора-два, не меньше.

За все надо...

Стены колодца выкрашены синей эмалью. Под низким потолком горят лампы дневного света, забранные решетчатыми колпаками. Свету трудно просачиваться сквозь это сито. Дневной, он превращается в больничный. Хочется чихнуть от воображаемого запаха хлорки. Нет, это не хлорка, это гарь. Легкий, едва заметный привкус гари. Интересно, откуда? Здесь был пожар? Решетка на лампах с мелкими-мелкими ячейками. В таких ящиках-клетках лаборанты содержат крыс, откармливая для экспериментов.

В таких бункерах тирщики, на манер Синей Бороды, хранят трупы упрямых мальчишек.

Ничуть не смешно.

За все...

— Проходи.

Они стояли в просторной, ярко освещенной комнате. Трупов юных упрямцев нигде не наблюдалось. Вместо них вдоль стен расположились сейфы: новенькие, матово-блестящие, ничуть не похожие на патриарха из верхней подсобки. На ближайшем, отделанном под красное дерево, красовалась фирменная табличка: развернутое знамя с надписью «Winchester». Ниже таблички располагался аккуратный штурвал, а под штурвалом скакал лихой ковбой, горяча коня плетью.

Два сейфа напротив выглядели скромнее: узкие, высокие, похожие на гробы. Без знамени, без ковбоя. С загадочными названиями «Oldi № 2/64» и «Торас-Беркут».

— Стальной лист 3 миллиметра, — сказал Петр Леонидович, проследив за взглядом Даньки. — Замок «Цербер», сувальдного типа. Усиленная конструкция дверцы, корпус цельносварной. Вместимость — шесть стволов. Ладно, это после...

Открыв пузатый шкафчик, тирщик достал оттуда пистолет.

Все, понял Данька.

Приплыли.

— Иди за мной.

Из комнаты с оружием они выбрались в тесный коридорчик. «Иди за мной» оказалось фигурой речи: Петр Леонидович пропустил мальчишку вперед, дыша ему в затылок табаком. Шаг, другой. Ожидание выстрела. Болезненный интерес: будет ли что-нибудь *там*...

Данька сам не заметил, как коридор закончился.

Перед ним открылось огромное после лестницы, оружейной и коридора пространство. Задохнуться можно, до чего большое. Железобетон низкого потолка. Звуконепроницаемый массив стен. Огневой рубеж разделен перегородками на отдельные кабинки. С краю — подзорная труба на треноге. Под потолком — стальные тросы-бегунки, уходящие вдаль, к мишеням. Никаких «шалуний» и «жираф»: ростовые, грудные...

За мишенями просматривался рельсовый путь, наподобие заводских узкоколеек. Зачем он нужен, Данька не знал. Зато он знал другое: в мишенях подземного тира ему больше не увидеть черты людей — знакомых или незнакомых, чужих или родных. Да и наверху — тоже. Просто мишени: для развлечения гуляк, для тренировок стрелков.

Знание явилось ниоткуда, властно заняв свое место, всаженное в мозг меткой, беспощадной пулей.

Отстрел «жираф» закончился. Волшебный, как детство, ушел навсегда.

Сафари, блин.

— За все надо платить, — сказал Петр Леонидович, садясь за столик в углу и начиная разборку пистолета. Рядом с локтем старика лежала потрепанная книга: Корх А.Я., Комова Е.В «Комплексный контроль в пулевой стрельбе». 1987 год издания. В этот год Данька пошел в школу. — Возьми швабру, тряпку, ведро и хорошенько вымой пол. Отсюда до огневого рубежа. Кран с водой видишь? Вода ледяная, смотри не простудись Это для начала. А потом обсудим время работы и зарплату.

— Чью зарплату? — тупо спросил Данька.

— Твою. Здоровый парень, стыдно у матери на шее сидеть. — Дядя Петя усмехнулся в усы и добавил: — Не бойся, тирмен. Не обижу.

III.

Передышка оказалась недолгой. «Рас-с-с-слабился, дурачок?» — свистнул, издеваясь, ветер, налетев с новой силой. Данька проморгался, отплевался и не стал отвечать ветру: «Сам дурак!» У каждого своя работа: одним — дуть, другим — стрелять. Впрочем, сперва надо выяснить, куда стрелять. Обычно мишени располагались в едином секторе, но сегодняшний «целевой выезд» — особенный. Нужно быть внимательным.

А ветер...

Ветер рано или поздно возвращается на отведенные ему круги.

Он топтался на месте, постепенно коченея, а в лесу крутилась безумной каруселью сплошная белая мгла. Будто Данька угодил в эпицентр снежного торнадо. Навязчивая мелодия и перестук барабанчиков долетали сквозь пургу слабо, впитываясь во вьюжную, клочковатую вату. Приблизились они или нет? Вроде бы да. Хотя это вполне может оказаться иллюзией.

Во время таких буранов положено объявлять «штормовое предупреждение». А детей оставлять дома вместо школы. Видимость — нулевая, дороги покрываются ледяной коркой, число аварий подскакивает до критического рубежа. Любой нормальный водитель, если он не самоубийца, предпочтет сидеть в теплой квартире, заперев машину в гараже и попивая чай с клубничным вареньем.

Вслепую ехать куда-то — себе дороже.

А стоять?

А стрелять?

Вдалеке померещился грохот лавины, спускающейся с горы. Откуда в лесу «плюс первого» взялась гора, Данька не знал. В глухой рокот вплелись крики людей и низкое, отчаянное мы-

чание каких-то животных. Ударили винтовочные выстрелы, и все растворилось в насмешливом вое метели. Вокруг кипела снежная каша. Глаза слезились, слезы замерзали прямо на щеках. Данька потерял всякую ориентацию в пространстве, цепляясь, как за соломинку, за барабанчики «шагов Командора»: далеко? близко?

Где?!

Это наказание за первую неудачу, подумал он.

Казалось, бурану не будет конца. В бешеной круговерти, ослепнув от ветра, тирмен пытался разглядеть оставшиеся мишени. Что это раскачивается неподалеку? Ветка? — точно, ветка. Ну и толку...

На ветке, вспыхивая крошечным солнышком, болталась заветная монетка.

Пятак висел на цепочке. Нет, на шнурке. На длинном кожаном шнурке. Серебряная цель раскачивалась не в такт порывам ветра, а сама по себе. Наверное, тоже прислушивалась к надвигающейся музыке, отплясывая под барабанчики.

Данька поднял пистолет.

«Что, глаза сильно сели? — спросил его по телефону дядя Петя. — Не отчаивайся. Мы с тобой еще постреляем!»

Значит, постреляем.

Он сделал то, чего делать не следовало ни при каких обстоятельствах: выпалил три раза подряд, будто на соревнованиях по скоростной стрельбе, где важно время, за которое ты поразишь мишени. На соревнованиях мишени гораздо больше, и снег не лупит в лицо, и...

Ветка качнулась обратно уже без монеты.

В буране возникла трещина, и в нее ворвался золотисто-желтый луч солнца. Шустрым кроликом он метнулся по сугробам, вскрикнув: «Ах, как я спешу!..» — и ускакал прочь, сгинув в чаще.

Третья — есть.

Мишень третья

КУРИНАЯ СЛЕПОТА

Стреляй по жизни, равная судьба.
О, даже приблизительно не цельсь.
Вся жизнь моя — неловкая стрельба[1]
По образам политики и секса.

Все кажется, что снова возвратим
Бесплодность этих выстрелов бесплатных,
Как некий приз тебе, Москва, о, тир —
Все мельницы, танцоры, дипломаты.

И. Бродский

ГОД ЖЕЛТОГО КРОЛИКА

1.

Черный, как ночь, «Mitsubishi Pajero» выскочил на Динамовскую прямо от бутика «Princess», наплевав на запретительный «кирпич», и тормознул у тротуара. Хлопнула дверца. Прохожие, косясь на двух конкретных до озноба пассажиров, выбравшихся из машины под стылое небо марта, сразу вспомнили про неотложные дела. Дела ждали прохожих в разных местах, но главное: подальше отсюда. Не повезло лишь высокому парню в плаще: пассажиры джипа, сразу наметив цель, взяли его «в клещи».

— Как, типа, жизнь, братан?

---

[1] В результате изучения курса «Теория и методика пулевой стрельбы» студенты должны знать:
1. Общие основы теории пулевой стрельбы.
2. Материальную часть спортивного оружия.
3. Основы техники стрельбы и методики тренировки.
4. Основы общефизической и специальной физической подготовки стрелков.
5. Организационно-методические особенности подготовки стрелков
6. Основы подготовки спортсменов высшей квалификации
7. Правила соревнований по пулевой стрельбе.

Шустрик, похожий на мелкого бойцового кобеля, держал руки в карманах куртки, втянув бритый затылок в плечи. После теплого салона погода не радовала. Первый месяц весны, что называется, «канал под февраль», шустрик страдал хроническим насморком и говорил в нос, смешно растягивая слова.

— Нормально, — ответил высокий парень.

— Пешком ходишь? Несерьезно... Давай бабла на тачку подкинем? Типа в кредит, а? Без навара, по дружбе. Подкатишь к шиксе на крутом тачняке, шикса сразу ножки врозь...

— Пешком для здоровья полезнее.

— Здоровье — фигня, имидж — все! — хмыкнул второй, человек-гора, легонько ткнув парня кулаком в живот. В тычке чувствовался профессионализм: такой амбал едва сунет, а кишки в узлы заранее вяжутся. — Нормальный пацан колесами шуршит, понял? Даже у нас в райцентре...

— На мой век такси хватит.

— Ну смотри, — чихнув, согласился шустрик. — Наше дело предложить. От чистого, типа, сердца. Я к тебе с базаром. Венгра Тотошу в карцер завезли?

— Ага, позавчера. 58-й, межправительственный.

— Кто делал? Арабы?

— Египет, «ФЕГ». «Токаджипт».

— Рукоятка эргономичная?

— Как у «Вальтера».

— Люблю Тотошек... Мне из-за этого погоняло подвесили: Крокодил. Еще у Мазая, в конторе.

— Крокодил?

Парень явно не понял связи.

— Ну ты, брат, в школе плохо учился! Вдруг навстречу нам хороший и конкретный крокодил... Вспомнил? Он, значит, с Кокошей и Тотошей по аллее... Вот и я, типа, по аллее, а в кармане, типа, Тотоша...

Амбал гулко хохотнул, оценив чувство юмора напарника.

— А югославских «авто» нету? От «Црвена Застава»?

— Не наглей, Тимур. Десятый «Зорро» дядя Петя держит для Бориса Григорьевича. А запасного нет. Из 58-го развлекайся. Тебе к борщу еще и ложку...

— У ложек калибр меньший. — Сегодня насморочный шустрик Тимур много шутил. Сегодня у него было хорошее настроение. Такие дни случались редко. — Даня, я тебя, в натуре, умоляю: потруси деда, пусть второго югослава достанет. У деда концы, как у слона. А я пока из венгра постреляю...

— Ладно, — смилостивился Данька, запахивая клетчатое, черно-серое кашне. В последний год он стал щеголем: сказывалось благотворное влияние Валерии Мохович, студентки Национального университета, девицы с тонким вкусом и стальным характером. — Я поговорю с дядей Петей. Может, и достанет.

— Завтра у вас свободно? Вечером, с половины восьмого?

— Завтра никак. Пол Палыч из «Титана» стреляет, со своими. В субботу приходи.

— В субботу я утром...

— Заметано. Я тебя с Вовиком запишу в очередь.

— Куда идешь? Подвезти?

— Спасибо, не надо. Я прогуляюсь.

— Не хочешь, как хочешь. Бывай!

И джип растворился в мартовских холодах. Перед тем как дать газ, шофер джипа, весь разговор просидев за рулем, опустил тонированное стекло и показал Даньке кулак.

Данька показал кулак в ответ.

Отчего ж не поздороваться со старым приятелем? Артем Конюшенко, в прошлом — Жирный, под Новый год вернулся из армии, где служил в десантных частях, оставшись и на сверхсрочную.

Он двинулся вверх, в сторону Новгородской. Обычно Данька возвращался из тира совершенно другим маршрутом, но сегодня решил зайти наконец в «Видео-Арт» и забрать заказ: три кассеты. Так, сейчас повернем налево и переулками выберемся к проспекту Ленина. Проспект уже сто лет собирались переименовать, но все руки не доходили. Пенсионеры возмущались, устраивая пикеты «за» и «против», а мэрии было неохота рисковать. На «минус первом» по четвергам стрелял один деятель из мэрии, так он, судя по всему, любил в этой жизни две вещи: швейцарский девятимиллиметровый «Зиг-Зауэр Р220» и поговорить с дядей Петей «за раньшие времена».

О пенсионерах-пикетчиках деятель отзывался без особой приязни.

Надо будет все-таки потолковать с Петром Леонидовичем, чтоб достал запасной «Z-10». Тимуру Данька симпатизировал, сразу подметив, что и старый тирщик — *тирмен*, как шутил дядя Петя, когда они оставались наедине, — уважает шустрого знатока пистолетов ТТ. Чем Тимур глянулся старику, неизвестно. С амбалом Вовиком тирщик, наоборот, долгое время был неприветлив, дразнил «хомячком» (вот уж ни капельки не похож!) и обещался «отказать от места».

Пускай во дворах из рогатки стреляет.

Помирился тирщик с амбалом, смешно сказать, на чем: на блатной лирике. Всякий раз, вспоминая эту историю, Данька хихикал. Вовик, стоя у огневого рубежа, имел привычку гудеть под нос душещипательную песню — про жигана, который умоляет начальника отпустить его с Колымы к зазнобе. Дядя Петя сначала не обращал на песню никакого внимания. Поет и поет «хомяк». Но однажды прислушался, почесал в затылке, отозвал амбала от рубежа и попросил спеть историю жигана еще разок, от начала до конца.

Вовик честно отработал номер.

А дядя Петя в ответ исполнил свой вариант.

Около часа они сравнивали версии: споря, восхищаясь, выдвигая аргументы «за» и «против». У тирщика «жиган» превратился в «жульмана», а зазноба, которая у Вовика на воле «соскучилась», у дяди Пети в придачу еще и «ссучилась», проявив женское непостоянство. Злобный начальничек лагеря, по мнению тирщика, не дал влюбленному вору поблажки и молча оставил гнить в каталажке, а у амбала проявил душевность: предложил «жульману-жигану» попить холодной водички и забыть про любовь. Быстро выяснилось, что тирщик вместе с лагерными авторитетами в курсе причин душевности начальника:

Ты парнишечка, ты бедняжечка,
Тут предмет особый:
Тот начальничек, ключик-чайничек,
Спит с твоей зазнобой!

Амбала «ключик-чайничек» восхитил: у Вовика вместо крутой приговорочки был примитивный «начальничек-разначальничек». Но дядя Петя не остановился на достигнутом и добил Вовика ценной информацией. В варианте амбала несчастный жиган от трагической любви каким-то странным образом «заработал вышку», и его похоронили. Так вот, тирщик, в отличие от молодежи, четко знал, за что дали парню высшую меру:

Ходят с ружьями курвы-стражники
Длинными ночами,
Вы скажите мне, братцы-граждане:
Кем пришит начальник?

Вопрос оказался риторическим. Туповатый Вовик на сей раз мигом просек, какой герой расправился с начальником, и проникся к Петру Леонидовичу уважением высшей пробы. Даже

попросил Даньку записать ему слова песни, чтобы выучить наизусть. Теперь у огневого рубежа амбал во всю глотку пел самый полный, самый точный вариант истории гордого жигана, а дядя Петя перестал ворчать на Вовика и грозиться выгнать.

«Не выгнал бы. Вовик — человек Зинченко. А ссориться с Борисом Григорьевичем никто не захочет. Хотя дядя Петя...»

За истекшие три года Данька близко сошелся со старым тирменом. Хорошая работа, отличная зарплата, полезные знакомства, стрелковая наука, возможность попробовать себя на разнообразном оружии. Изучив характер старика, он задумался о другом: захочет ли Зинченко, местный олигарх, как сейчас принято говорить, в случае конфликта ссориться с Петром Леонидовичем из-за амбала Вовика?

А-а, наше дело маленькое...

Гуляем нонешний денечек! — завтра в военкомат, на медкомиссию.

Он двинулся дальше: вверх по Динамовской, стараясь не забрызгать брюки.

2.

— Пожалуй, войду в долю. — Петр Леонидович улыбнулся в «буденновские» усы, протянул руку. — Без меня не начинайте.

— Договорились!

Александр Семенович, вице-мэр и большой поклонник великого семейства Зауэров, энергично кивнул, просиял щекасто.

— А вместо жетонов... Помните, раньше жетоны были? Вместо них мы...

— Двадцатикопеечные монеты, — охотно подсказал старик. — Советские. Скупим у нумизматов. Полная достоверность!

— Монеты...

Скрепляя договор рукопожатием, вице-мэр умудрился одновременно задержать веселье на румяном, не по погоде, лице и задуматься — с морщинами на лбу и посуровением глаз. Получилось очень наглядно. Политик, сразу видать.

— Дороговато. Начнем скупать, цену накрутим. Лучше копии нашлепаем — точные, но из другого сплава, попроще. Ну, счастливо!

— Счастливо, Александр Семенович!

Вице-мэр зачем-то оглянулся, скользнул взглядом по пустой бетонной чаше фонтана, поежился, на этот раз вполне нату-

рально. Март, что поделаешь. Ранний вечер, грязный подтаявший снег, безлюдный парк. Холодно, сыро.

Невесело.

— Эх, Петр Леонидович, умеете вы дистанцию держать. Просил же: не надо по отчеству! Я к вам в тир еще пионером бегал — после уроков. А случалось, что и вместо.

— Хорошо, Саша, — подобрел старик. — Удачи вам!

В ответ — взмах рукой, заученный, повторенный сотни раз; белозубая усмешка на упругом лице... Не хватало лишь замершего в ожидании «членовоза», но в этом вопросе Петр Леонидович был тверд. В тир ходят пешком. Король — он не всегда в карете. Полкилометра, отделявшие площадку с фонтаном от входа в парк, по твердому убеждению тирмена, служили совершенно необходимой прелюдией. Не путь в Каноссу, конечно, но нечто в этом роде. Беги, Александр Семенович, хрусти льдинками, туфли итальянские береги!

Вообще-то румяный вице-мэр старику нравился. Не столько искренней симпатией к «Зиг-Зауэру Р220» и профессиональным полированным демократизмом, сколько завиральными идеями. Настолько нелепыми порой, что Петр Леонидович готов был их всячески поддержать. Почему бы, скажем, не выкупить у некоего Рустама помещение бывшей пивной «Ветерок» и не открыть там ретро-пивнуху? Настоящую, советскую — с чешскими, вечно капающими автоматами, очередями, хвостами селедки на закуску? И с двадцатикопеечными монетами вместо жетонов.

Ностальгия распивочно и навынос!

А еще бывший пионер Саша, в годы давние столь же щекастый и румяный, ни разу не попросился на «минус второй». Знал, но даже не намекнул. Таких старик включал в свой виртуальный клуб — немногих, кто не спешил обмараться. Пригодится!

— Синий тума-а-ан!..

Все-таки вздрогнул. Адмирал Канарис подобрался яко тать в ночи — или в синем тумане из песни.

— Синий туман похож на обма-а-ан, похож на обма-а-ан!..

Прежде чем откозырять, бывший старшина Канари честно допел до конца. Замер, тряхнул медалями.

— Разрешите доложить, товарищ старший лейтенант запаса! Синий туман...

Хотелось отшатнуться: подальше от лица безумца. Старик с обреченностью вздохнул, глянул в небо, покрытое низкими ту-

чами. Март, вечер, безлюдье. Канари, что ты забыл в парке? Что ищешь и не можешь найти?

— Не разрешаю, Андрей. Давно репертуар сменил? Может, из Пьехи попробуешь?

Сильно расширенные зрачки безумца сузились, замерли черными точками.

— Не нравится, старшой? Мне тоже. Давай иначе.

Отступил на шаг, чуть отвернулся...

Синий туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет.
Сердцу приятно с тихою болью
Что-нибудь вспомнить из ранних лет.

Не спел, конечно — прочитал. Голос чистый, яркий, как раньше. И глаза живые.

Андрей Канари, несмотря на редкую фамилию, был родом из настоящей русской глубинки. Есенина обожал, хоть и посмеивался над иволгой, хоронящейся в дупло, — и прочими зоологическими открытиями «последнего поэта деревни». «Помещичий выкормыш, — качал головой Канари. — Ему иволгу мужички за рупь-целковый приносили».

Снег у крыльца как песок зыбучий.
Вот при такой же луне без слов,
Шапку из кошки на лоб нахлобучив,
Тайно покинул я отчий кров.

Петру Леонидовичу в который раз показалось, что Андрей просто валяет дурака. Притворяется сумасшедшим. Или еще умнее — научился уходить в те края, где его не достать никому, даже Великой Даме. Уйти, вернуться ненадолго в наш неприветливый мир. Не что попало читал: синий туман разный бывает. Помнил, безумный, как нравились тирмену Кондратьеву эти строки. Когда-то маленький Пьеро при луне, в нахлобученной на глаза шапке, убегал из дому.

Не тайно, правда, а под револьверный лай.

— Синее все, — тихо бормотал бывший старшина, ныне адмирал. — Вроде синего тумана, старшой. Она рядом, близко. А возле тебя — следы синие. Сам знаешь, к чему ведут.

Петр Леонидович не стал переспрашивать. К чему, это ясно, а вот куда? И чьи? Румяный вице-мэр налево убрался, к главному входу...

— Не тот, — догадался Канари. — Не жирный. Направо следы ведут, к Динамовской.

Оставалось вспомнить, кто уходил последним. Только как вспомнишь? Они с бывшим пионером Сашей на «минус первом» новую модель «Зиг-Зауэра» пристреливали. Наверху, с обычными посетителями, был Данька, затем парень отправился домой. Нет, ему на Динамовской делать нечего.

Петр Леонидович закрыл глаза. Не торопясь, уверенно, гоня прочь тревогу. Тирмен не волнуется, он спокоен, как рука, наводящая оружие...

Сгинул парк, пропала пустая чаша фонтана. Низкое неуютное небо отступило назад, светлея, насыщаясь горячим солнцем. Жаркий июньский лес стоял без движения; зеленые, чуть подернутые желтизной листья замерли в ожидании ветерка. Фотографии? Нет, просто листва.

Пусто. Никого.

Андрей Канари стоял рядом. Не в дряхлом пальтишке, надетом вместо привычного ватника, — в ладно пригнанной шинели без погон, офицерской фуражке и щегольских, надраенных до огненного блеска сапогах. Именно таким отставной старшина перешагнул порог маленькой комнатушки сектора «Драй Эс».

— Синее, — кивнул он в глубь леса. — Не примечаешь, старшой? Здесь Она!

Старик не видел. Только лес, только листья на деревьях.

— Никого нет, Андрей. Никто из наших не работает.

— Это Она! Синий туман! Синий...

Петр Леонидович с трудом разлепил веки, ставшие тяжелыми, железными, будто у Вия. Наверное, Канари прав. Безумцам дано видеть скрытое. Одним безумцам. И слава богу!

— Синий туман похож на обма-а-ан!.. Синий, синий иней!.. лег на провода, в небе темно-синем... звезда-а-а!..

— «Скорую» вызвать?

Сейчас Петр Леонидович отреагировал без дрожи, хотя второй раз кряду не заметил гостя. То ли шапками-невидимками обзавелись, то ли вправду стареть начал тирмен.

Бородатый господин Зинченко стоял, придерживая рукой шляпу: стильную, с широкими полями. Если бы не она, смотрелся бы чистым комиссаром: пальто кожаное, ремень кожаный, взгляд кирпичи прошибает. И зачем в шляпу вцепился? Ветра нет, словно и впрямь летний полдень в лесу. Боится, что головной убор в бега подастся? Эх, по тундре, по железной дороге?

Старик невесело усмехнулся:

— Не стоит, Борис Григорьевич. Сейчас успокоится, бедняга. Как там у Высоцкого: «Сумасшедший, что возьмешь?»

Обычно так и бывало. Но холодный мартовский вечер рвался вон из обычного ряда. Адмирал Канарис закашлялся, мотнул головой и передумал уходить восвояси.

Отмашка левой, шаг вперед.

— Товарищ комендант объекта!

Настало время вздрагивать господину Зинченко.

Даже Петр Леонидович, который знал бывшего старшину не один десяток лет, плохо представлял, что творится в его сумеречной башке. Канарис ни о чем не расспрашивал, радио не слушал, телевизор не смотрел, упорно верил, будто до сих пор живет в СССР. И в то же время мгновенно, с первого дня, определил, кто в парке главный. Правда, титуловал авторитета в меру своего адмиральского разумения.

Безумец стоял перед бандитом. Стойка «смирно», рука — под несуществующий козырек.

Ждал.

— Об-бращайтесь, — неуверенно молвил наконец бородатый. Подумал, добавил: — Гражданин адмирал.

— Так точно!

Канари нахмурился, словно находился перед ротным, намереваясь сообщить важную и малоприятную новость. Половина личного состава в самоволке, спирт для протирки оптики таинственно испарился из запечатанной канистры...

— Товарищ комендант! Я это... Поберечься бы вам, сильно поберечься. И прочих поберечь. Синий свет — он, знаете ли, всюду. И на вас тоже. А особенно вокруг вас. Такая вот карусель, товарищ комендант. Докладывал дежурный по объекту Андрей Канари.

Старик ждал, что Канарис добавит о Великой Даме, но бывший старшина смолчал. И правильно: «комендант» не включен в список допуска. Хоть и главный, а не по чину.

Бородатый оставил шляпу в покое, медленно сунул в карман правую руку.

— Уточнить... можете?

Дежурный по объекту охотно кивнул, шагнул ближе, но без причины дернулся.

Подпрыгнул.

— С флангов обходят, с флангов!.. Старшой, держи комен-

данта! Я наперерез, в заборе дыра есть... Синий туман похож на обма-а-ан!..

Миг — и сгинул. Не сразу поймешь, куда. Кажется, в сторону Динамовской побежал.

Господин Зинченко повернулся к старику. Извлечь руку из кармана комиссарского пальто французского производства он не спешил.

— Петр Леонидович... Давайте сразу. Базар по делу?

Следовало подумать. Она рядом, синий туман похож на обман, следы ведут к улице, названной в честь одноименного стадиона, летний лес пуст. Все? Нет, не все. Синий туман клубится вокруг Зинченко.

В любом случае — бесполезно. Не им придумано, не ему отменять. Главное правило тирмена: не вмешиваться, не суетиться.

Особенно если, никуда не опаздывая, пришла Великая Дама.

— По делу, — твердо ответил тирмен Кондратьев.

Как на спуск нажал.

3.

Школу Данька окончил в позапрошлом году. В отличие от Лерки, точно знавшей, что она идет в универ на иняз (похоже, Лерка по пунктам расписала всю свою дальнейшую жизнь до ста двадцати лет!), он колебался с выбором места учебы. Хотелось поступить в физкультурный: там имелся факультет пулевой стрельбы, выпускающий тренеров. Любимое дело, опять же корочка не повредит... Но мама с отцом были категорически против: физкультурный, еще и заочный?

Никогда!

Мать мечтала увидеть сына студентом института управления, по специальности «Финансы» или, в крайнем случае, «Учет и аудит». Отец колебался, выбирая из международных отношений, стоматологии и Кембриджа, куда дядя Лева обещал выбить жирный грант. В итоге Данька два года подряд ходил сдаваться в политех, на экономфак, благополучно валил математику и наконец успокоил родителей обещанием поступить, куда скажут, после армии. От упоминания про армию мама неделю пила валерьянку, отец заявил, что школа настоящих мужчин никому еще не вредила, потом вспомнил о дедовщине, и разговор увял.

Сам Данька ничего против армии не имел. В Афган или Чечню не отправят, мы теперь независимые. Дедовщина? — разберемся. Бородатый олигарх Зинченко обещал помочь: чтоб оставили служить в родном городе.

Снайперы нам и здесь нужны, сказал бородатый.

В увольнение можно будет к Петру Леонидовичу наведываться, в тир. Старик заверил, что после дембеля работа от Даньки никуда не денется.

— Эй, генерал! Где столько медалей навоевал?

Пятеро малолеток, отставив в сторону спортивные сумки, докапывались до Адмирала Канариса. Безобидный псих улыбался, взмахивал руками, будто собирался улететь на юг, в теплые края, и вещал что-то про субординацию и младших по званию. Приезжие, догадался Данька раньше, чем заметил на сумках одинаковые, сделанные под трафарет, надписи: «Спортклуб «Барс». Чугуев». Спортсмены. Со стадиона «Динамо» идут. Скучно им, придуркам.

Никто из местных не стал бы обижать Адмирала.

В ближнем дворе, рассевшись на скамейках, цветастая толпа цыганок обедала кефиром с пончиками, ничуть не интересуясь психом и малолетками.

— Гля, ордена!

— Дай потрогать!

— Отставить самоуправство! Орудия, к бою! Комбат, доложите готовность!

— Ну дай, не жидись...

— Орден бабок стоит... Эй, дурак, зачем тебе столько?

— Поделись, а?

По щекам добродушного Канариса текли слезы. Маленький верткий нахал откручивал у него с лацкана заветный орден, которым сумасшедший дорожил пуще жизни, а орудия не спешили ударить по обидчику прямой наводкой. Отталкивая нахала, Канарис делал это робко, чуть ли не извиняясь, словно больше всего на свете боялся причинить «барсу» физический вред. Хохот остальных вынуждал психа нелепо, заискивающе улыбаться в ответ. Дескать, комбат, вы доложите, и разойдемся по-хорошему, как в море корабли.

Слезы и улыбка.

Равнодушие цыганок.

Март месяц.

Данька вклинился между спортсменом и Адмиралом Канарисом, оттирая любителя чужих орденов прочь. От юного мерзавца пахло табаком и еще почему-то — свежими огурцами.

— Все, парни. Повеселились, и хватит. Ваше превосходительство, шли бы вы отсюда...

— Выношу вам благодарность, кадет! Перед строем...

Что подвело Даньку, так это привычка считать малолетками всех, кто младше его на пару лет. Двое юниоров, телосложением напоминавших уменьшенную копию амбала Вовика, ловко вывернули ему руки. В спине что-то хрустнуло, левое плечо пронизала острая боль. Пытаясь вырваться, он трепыхался рыбой в сачке. Только рыбы немые, а Данька умел разговаривать.

— Я кому сказал! А ну, пусти...

— Ага, щас, — ухмыльнулся верткий. — Уже пускаем.

Спортсмен чуть-чуть подпрыгнул, крутнувшись, и с разворота пнул Даньку ногой в живот. Боли не было. Просто воздух превратился в воду: гнилую, вонючую, с радужными пятнами бензина. Дышать таким воздухом невозможно: он бултыхается в легких, заставляя тело содрогаться от мучительных спазмов. Лучше, конечно, потерять сознание, но не получается.

— Ку-ул! — одобрили удар остальные.

— А ты, генерал, не торопись. — Верткий примерился к обмякшему Даньке. — Ты обожди. Мы с этим перетрем и добазарим...

Сквозь слезы, застлавшие глаза, Данька пытался откатить верткого назад, на роликах. После истории с Гадюкиной мамашей он ни разу не повторял этот фокус: надобности не было. И, видимо, разучился. Верткий стоял тут, напротив, никуда не откатываясь. Дышать по-прежнему не получалось, в висках колотилась обезумевшая кровь. Улица расплылась, гомон цыганок превратился в шелест: тысячи, мириады листьев...

Лес.

Летний жаркий лес.

И рука, распростертая над стрелком: ласковая мамина рука.

Наверное, он все-таки лишился чувств. Потому что вместо листьев на деревьях росли фотографии. А руки оттягивала тяжесть винтовки. Тринадцать с половиной килограммов, не шутка. «Barret «Light Fifty», 12,7 мм, под патрон «Browning Machine Gun». Из этой американской снайперки можно пробить легкобронированную машину, не говоря уже о человеке в бронежилете. Отдача убийственная; если б не передача импульса на затворную раму, она разнесла бы запирающий механизм.

Почему такая дикая пушка? Откуда?!

Стрелок мотнул головой, гоня посторонние мысли. Передернул затвор, с неожиданной легкостью вскинул оружие к

плечу. Из тяжеленного «Light Fifty» обычно стреляли с пулеметных сошек-треног, но здесь, в лесу, действовали иные законы. Ни дать ни взять, скрипач-виртуоз получил в свое распоряжение инструмент работы Страдивари.

Ствол заскользил по листьям-снимкам, безошибочно выбирая нужные.

Нет, он не стрелял. Боялся спустить курок. Просто целился, вглядываясь в лица, ждал, пока на них не выступят зеленоватые прожилки, словно на настоящих листьях, и вел стволом дальше. Запах смазки вплетался в ароматы леса. Над головой молчало небо: рука, заботливая и хранящая. Очень хотелось, чтобы Адмирал Канарис тоже оказался здесь: в безопасности. И дядя Петя. Почему сейчас вспомнился старый тирмен? Кто знает? — может, в этом лесу дяде Пете самое место...

В уши ворвался визг тормозов.

«Откуда в лесу машина?» — запоздало удивился Данька.

И снова научился дышать.

Руки его были свободны. За спиной стоял Вовик, держа обоих спортсменов-тяжей «за шкурняк». Рядом с Вовиком, находившимся в скверном расположении духа, молодежь выглядела несерьезно. Особенно после того, как джип юзом вылетел на тротуар, едва не задавив кое-кого из команды. Вовик держал, тяжи висели, а перед верткими садистом, набычась, медлил Тимур.

Два очень похожих человека. Две бойцовые собаки.

Их разделяло полтора десятка лет и тонна жизненного опыта.

— Типа, гуляем? — Тимур спросил еле слышно, но верткий отступил на шаг. — Со мной гуляй, пацан. Я добрый...

Верткий оказался не из трусливых. Он снова подпрыгнул, желая опробовать на Тимуре свой коронный прием. В последний момент Тимур отступил вбок, пропуская бьющую ногу мимо, ухватил верткого правой рукой за волосы, левой — за штанину на бедре и присел на корточки. Правда, перед тем как присесть, добрый шустрик саданул малолетку коленом в промежность.

Лицо Тимура дергал нервный тик.

— Зашибись, в натуре! — одобрил Вовик, любуясь, как юниор корчится на асфальте. — У нас в райцентре... Даня, мне их мочить или пускай живут?

— Пускай... живут...

Вовик расстроился:

— Ну ты, блин, мать Тереза! Кого ж мочить, если не этих жа-

бонов? Ладно, пацан сказал, пацан ответил. Тимыч, ты его совсем без яиц оставил или как? Дерни, проверь...

Ствол таял, теряя четкость очертаний. Цилиндр дульного тормоза, оптический прицел... Таяли лес, листья, фотографии, горячее небо без единого облачка в синеве. Адмирал Канарис стоял рядом, вплотную, заглядывая Даньке в глаза, как если бы спешил поймать тень исчезающего леса. Лицо психа было невероятно напряженным, почти разумным. «Что там? — без слов спрашивал Адмирал, не надеясь на ответ. — Как там? Ты ведь знаешь, ты видел... Как там, а?» И Данька не знал, что сказать сумасшедшему.

Возле бетонного бордюра, отделявшего двор от улицы, приплясывала цыганская девчонка. Совсем маленькая соплюшка, закутанная в пеструю шаль. Поверх шали на девчонке сверкало монисто: гроздь разных монеток. Одна монетка висела в центре, отдельно, на длинном шнурочке.

Гривенник.

Старый, еще советский.

— Тебя подвезти?

— Что? А-а... да, подвезите.

— Домой?

— Что? Да, домой.

Цыганочка звонко рассмеялась и припустила вслед за табором, уходящим в небо.

Скользкое, стылое небо марта.

4.

— Чайник — баловство. — Борис Григорьевич, хмуря брови, глядел в темное окошко. — Настоящий чифирь не на воде варится, а на талом снегу. В котелок кладут, на костер ставят. В банке стеклянной тоже годится, если в бараке. Приятно смотреть, как оседают чаинки. Успокаивает.

— Убедили. — Старик ловко подхватил чайник, присвистнувший от обиды, пододвинул ближе заранее приготовленный заварничек. — Рецептом поделитесь?

Пить решили именно чай. Иного в маленькой каморке тирщика и не было, кроме бутылки коньяка «Белый аист», спрятанной в глубинах допотопного сейфа. Но о спиртном никто и не заикнулся.

Бородатый не торопясь встал, повел широкими плечами.

— Лучше сам заварю. А рецепт чифиря... Тут главное — настрой, кураж. И еще опыт, конечно. Все остальное — проще пареной репы. Семь ложек чая с верхом на полторы кружки, варить десять минут. Возможны варианты. Их, думаю, под тысячу.

В этот мартовский вечер Зинченко, сам того не зная, резко повысил цену своих акций в глазах скромного тирщика. Не стал возмущаться, спорить, переспрашивать. Подчинился сразу — зашел в тир, присел на колченогий табурет в каморке. Безропотно достал мобильник и позвонил госпоже Калинецкой, велев ей носу не показывать из дому. Выслушал длинный монолог (ушастая собиралась в гости), повторил запрет, затем опять, слегка повысив голос, для верности перезвонил ее шоферу.

Ждал — терпеливо, не показывая виду.

Он и раньше заслужил высокий балл, попав в виртуальный клуб тирмена Кондратьева. На «минус второй», правда, спускался, но стрелял редко, большей частью поддерживая нужную компанию. А когда Петр Леонидович спросил, отчего так, без удовольствия, Зинченко сплюнул на бетонный пол, припечатав: «Западло!»

Старик тоже не спешил. Суетиться опасно, когда рядом гуляет Великая Дама.

Наконец тяжелые подстаканники были водружены на стол. Легкий пар; едва заметный, но приятный чайный дух... Ветеран-заварничек очень старался.

— Борис Григорьевич, — вполголоса начал Петр Леонидович. — Некоторое время назад вы изволили выразиться в том смысле, что моя система вашей не помеха. Что мы вполне можем существовать, не мешая друг другу. А порой и помогая.

Бородатый молча кивнул. Старик не спутал, он так и сказал: «система».

Ушастая подруга предпочла бы термин «каморра».

— У каждой... э-э... системы есть собственные методы. Позвольте мне не раскрывать свои. Только выводы. Имею основания предположить, что этим вечером ряду людей грозит серьезная опасность. Вам в том числе. Но в первую очередь вашим близким. Поэтому я попросил бы вас никуда не уезжать, подождать охрану. А заодно позаботьтесь о Любови Васильевне. Что поможет, не уверен, но большего сделать не в силах.

Петр Леонидович отхлебнул чая, с ожиданием глядя на гостя.

Господин Зинченко взял подстаканник в пятерню, не боясь обжечься.

— Понял. Спасибо. К сожалению, мои... «хомячки» умудрились выключить телефон, козлы драные. Покататься решили, болваны. Головы оторву! Петр Леонидович, ваш знакомый... Он что, видит смерть?

Старик пожал плечами. «Докладываю — три случая за утро. Показатель средний...» А вот «синий туман» — это, братцы, форсмажор.

— Андрею так кажется. Ее саму — нет. Не положено видеть.

Большего не скажешь. Великую Даму лучше не поминать. Даже в мыслях.

— А я еще думал, откуда взялся ваш «минус второй»! — Бородатый закусил губу, без особой нужды тронул шляпу, прикорнувшую на уголке стола. — Я верующий, Петр Леонидович. Можете смеяться, если хотите. Только, знаете ли, в церкви все эти штуки объясняют... иначе.

На такое можно не отвечать. Зинченко, впрочем, ответа и не ждал. Всего лишь рассмеялся — коротко, зло.

— В современном, как вы любите говорить, арго, Петр Леонидович, есть чудное слово «непонятка».

— Правильное слово, — невозмутимо согласился Кондратьев.

— Но если все именно так, если вам поверить... Что можно изменить? Насколько я понимаю, по таким делам амнистии не бывает.

Старик кивнул, не пытаясь возражать. И так наговорено сверх меры. Бородатому незачем знать, что Даме нет нужды приходить лично. Зинченко небось тоже на рядовые дела не выезжает. Иначе для чего существует «система»? Дама появляется не для исполнения предписанного, и напрасно бедняга Канарис поднял шум. Дама решила слегка подтолкнуть под локоть подружку Судьбу. Мене, мене, текел... Исчислили, взвесили, не сошлось, попробуем еще.

По-кошачьи мяукнул мобильник.

Господин Зинченко поднес телефон к уху. Старик заметил, как дрогнула его рука.

— Ну?!

Он слушал долго, затем буркнул: «Скоро буду!» Нажал на кнопку, положил трубку рядом с подстаканником.

— Шофер проверил машину. Тормоза! Хитро испортили, сразу и не заметишь. Знали, суки, что Люба гонит, не оглядывается... Чего ж это выходит, а?

Голос бородатого подозрительно дрогнул, сильные пальцы сжались в кулаки. Старик не стал смотреть, отвернулся.

— Если бы Люба погибла... Не во мне дело, Петр Леонидович. В нашей... «системе» на такое смотрят сквозь пальцы. Бабой больше, бабой меньше. Но на Любе вся документация, все контакты. Многое держит в голове, у нее абсолютная память...

И вновь можно не отвечать — ввиду полной ясности вопроса. Зачем рисковать, убирая командарма? Без начальника штаба армия не выстоит. На миг старик почувствовал нечто похожее на обиду. Неужели весь шум из-за ушастой «хомячки»? Великая Дама спешит, теряя лицо, желая спасти подружку вора в законе? Борис Григорьевич — хозяин не только парка, тиру же — покровитель. Поэтому? Или есть нечто, пока туманное? Синий след, уходящий в сторону Динамовской улицы. «С флангов обходят, с флангов!..»

Непонятка.

— Пойду! — Взяв шляпу, Зинченко грузно шагнул к двери. — Пора свистеть пехоте!..

Старик хотел напомнить об охране. Не успел: мобильник опять мяукнул.

На этот раз бородатый отвечать не стал. Выслушал, спрятал трубку.

— Объявились! Тимур звонил. Плохи дела, Петр Леонидович.

Тирмен Кондратьев поднялся, отставил прочь скрипящий стул.

— Что?

— На вашего Даньку напали. Тут рядом, на Динамовской...

5.

Открывать глаза не хотелось. В тире он взял отгул, а на медкомиссию торопиться грех. Идти до военкомата три шага... Ну, три, не три, а будет дырка: минут десять быстрым шагом. Назначено на двенадцать. Можно всласть поваляться в постели: просто так.

«Просто так — четвертак!» — подколол из прошлого вредный одноклассник Кощей.

Эх, школа, золотое времечко! Сейчас Кощей, то бишь Константин Луцак, учится в «кульке»: институте культуры, недавно ставшем академией. В дипломе напишут большими буквами: режиссер телевидения. В свободное время, которого у него, бездельника, навалом, Кощей гуляет «на вольных хлебах»: кропает жареные статейки и горяченькие репортажи. Опусы Ко-

щеевы идут нарасхват — Даньке они попадались неоднократно, в самых разных изданиях: чем «желтее», тем чаще. Платят, если верить Луцаку, прилично. Еще в очередь становятся.

Надо же, пригодились сплетнику его таланты!

Мысли текли лениво — отвлеченные, необязательные, тягучие. Хорошо! Возможность валяться, никуда не торопясь, Данька теперь имел часто. А пользовался редко: словно пружина по утрам с кровати подбрасывала. Отжался, присел, растяжечка, гантели, «уголок» на турнике, «утюжок» на вытянутой руке... бегом в душ...

Ну и ладно. Сегодня у нас день лентяя. В армии небось физухи будет — мама не горюй!

Наскачемся-наплачемся.

Нежась в постели, он перестал думать о Кощее с армией и начал думать о Лерке. Так гораздо приятнее. Хотя постель — то место, где Даниил Архангельский и Валерия Мохович еще ни разу не были вдвоем. И, похоже, вдвоем они попадут сюда незадолго до особенного дня, который Лерка назначит сама. Выберет для изменений в паспорте: перестанет быть Мохович и сделается Архангельской. Она все планирует заранее, целеустремленная, как пуля снайпера, мечта Конана-варвара...

Нет, Данька не был девственником. Еще учась в выпускном классе, он поддался на уговоры Тимура с Вовиком, отправившись «греть пузо» в сауну «Люкс». Сауну «хомячки» понимали конкретно, угостили молодежь безалкогольным пивом, сами приняли «Гиннеса», а в парилке живо образовались три куколки Барби, голенькие, словно на заводском конвейере. Грозный тирмен Данька сам не заметил, как потерял невинность: легко и обыденно. В сауну он потом захаживал, случалось, примерно раз-два в месяц, иногда без пацанов. Барби оставили телефончик, так что сложностей не возникало. Через полгода он поумнел, набрался опыта, кое-что сообразил и попытался рассчитаться. Благо деньги «на кармане» имелись. Куколки расхохотались и велели передавать привет Тимурчику.

Дескать, у тебя, красавчик, хорошие друзья.

Данька затеял с Тимуром разговор про деньги, Барби и Лерку, но шустрик сделался серьезным и все объяснил. Пацан пацану должен делать добрые дела. Просто так. Никакой четвертак здесь близко не лежал, не ведись на дешевые подколки. Шиксы созданы дядей богом, чтобы мы расслаблялись после трудного дня. А семья, жена — или будущая жена, если пацан умный и типа с младых ногтей ведет в дом правильную бабу, —

это святое. Святое и грешное — одно другого не касается и не колышет.

Вот такая философия.

Ага, еще летом он, опять завалив поступление в институт, умотал без Лерки в Ялту, и там, на пляже, лунной ночью, ему сказали, что он — симпатичный...

Кажется, он снова задремал. Проснувшись во второй раз, долго не мог сообразить, который час. Сонная одурь понемногу отступала, и, вместо того чтобы гадать на кофейной гуще, Данька открыл глаза, желая посмотреть на будильник. Старый армянский «Sevani» в корпусе из белого пластика примостился рядом, на тумбочке. Будильник стабильно спешил на три минуты в день. Никаким регулировкам эта его особенность не поддавалась. Давно пора выкинуть старичка и купить новый, электронный: табло, программируемый таймер, калькулятор...

Глаза со сна слезились. Взгляд не желал фокусироваться. Вместо будильника в воздухе висел размытый квадрат. Такое бывает. Спать меньше надо, лежебока! Он протер глаза, взглянул на будильник снова. Ничего не изменилось: смазанный белесый контур. Цифр не разглядеть, стрелок — тоже.

Что за напасть?! Или он до сих пор спит?

Вспомнив где-то вычитанный способ, Данька сильно ущипнул себя за руку. Больно! Еще раз протер глаза. Не помогло. Все вокруг виделось, как под водой без маски. Очертания знакомых предметов расплывались: двоились, троились... Словно загадочный «корпускулярно-волновой дуализм», о котором Данька, как и большинство людей, имел весьма смутное и сугубо теоретическое представление, вдруг вознамерился проявить себя на практике.

С трудом сдерживая панику, он решил сосредоточиться на простых действиях. Босиком прошлепал в ванную. Пустил холодную воду. Умылся — тщательнее, чем обычно. Старательно промыл глаза. Сине-розовое пятно оказалось махровым полотенцем с китайскими рыбками. Насухо вытерев лицо, глянул в зеркало и едва сдержал крик.

Вместо собственного отражения — черты утопленника на дне пруда.

Даже не разобрать толком: лицо это или нет.

Он медленно повел взглядом по сторонам, пытаясь нашарить, как лучом прожектора в тумане, хоть что-то отчетливое, резкое, привычное. Сугроб, осевший в себя, — ванна. На месте крана — бесформенный отблеск металла...

Вспыхнула паника. Он ослеп! Он ничего не видит! Выскочив из ванной, Данька бросился зачем-то в мамину комнату. Больно ударился бедром о письменный стол. Призывник Архангельский, отставить суматоху! Мамы здесь нет. Мама третий день в командировке, вернется к вечеру. Успокойся. Здоровый парень, стыдно. У тебя что-то с глазами, но ты не слепой.

Требуется помощь. Чем быстрее, тем лучше.

О том, что будет, если зрение не вернется, лучше не думать. Слишком страшно. Калека на всю жизнь?! О тире придется забыть. Да и о привычном мире — тоже. Доживать век в стране зыбких силуэтов и смазанных пятен?

Отставить!

Нужен врач. Хороший врач, из платной клиники: деньги найдутся, это не проблема. Купоно-карбованцы ушли в прошлое, сменившись национальной гривной, курс доллара прогнулся под тяжестью дефолта, но дядя Петя, человек бывалый, следил, чтобы молодой тирмен не голодал. «Бабло всегда побеждает зло!» — часто шутил Вовик. Так, где принимают окулисты? На Тринклера, в областной. Есть платная «Сана» на Пушкинской, еще, кажется, «Доктор Алекс»... по телику рекламу крутят: лазерные операции... Стоп! Есть Институт глазных болезней. Клиника имени Гиршмана или что-то в этом роде. Адрес? Нужен адрес...

А справочная на что?

Старый «дисковый» телефон пылился в кладовке: мама спрятала, на всякий случай. Вместо него в коридоре на стене обосновался черный «Panasonic» с радиотрубкой. Трубки на базе не оказалось. К счастью, система звукового поиска работала исправно, а слух у Даньки ничуть не ухудшился.

Говорят, слепые отлично слышат...

Отставить, блин!

Трубка нашлась на кухне.

Вспомнился рассказ Петра Леонидовича о слепом конструкторе Марголине. Парню было восемнадцать, когда его ранили в бою и он потерял зрение. «Мой ровесник», — неприятно кольнула мысль, предвещая новый приступ паники. Но на сей раз Данька справился. Марголин небось не паниковал. Вскоре он на ощупь изучал новые модели оружия; незрячий, провел целый батальон парадом по Красной площади; а в итоге стал военным конструктором, оружейником, сделал замечательный пистолет — и стрелять на звук научился!..

Пример конструктора, конечно, вдохновлял. Но следовать

по стопам Марголина? Благодарю покорно! Лучше обойтись без подвигов, зато остаться зрячим. Хотя кто его теперь спрашивает?!

Ну почему, почему — с ним?!!

За что?!

«Это после вчерашнего! Гад-спортсмен меня ударил, и в голове лопнул какой-то мелкий сосудик... Начались галлюцинации, потом село зрение. Проклятье! Знал бы, сказал бы Вовику: пусть мочит сволочей...»

Вдали заливисто хохотала цыганочка с бессмертным гривенником.

Данька поднес телефонную трубку к самому лицу. С трудом различил кнопки. Черт! Ему скоро в военкомат, на медкомиссию! Не придешь — проблем не оберешься. Он плохо представлял, какими именно неприятностями чревата неявка, но в том, что проблемы не заставят себя ждать, не сомневался.

«Это же *медицинская* комиссия! Там полно врачей! Окулист точно есть. Вот пусть и смотрит. Если что, направление выпишет в глазной институт. А с направлением из военкомата без очереди пустят. И вообще...»

Туманное «вообще» скрывало в себе некие, пока неведомые льготы и привилегии.

Вернувшись в спальню, Данька в упор уставился на циферблат будильника. Половина двенадцатого. Или половина одиннадцатого?

Очки!

У мамы есть очки. В том числе запасные. У мамы близорукость...

А у меня?!

В любом случае поиски очков позволяли чем-то немедленно заняться и на время избавиться от дурных мыслей. Жизнь без тира, без тяжести оружия в руках, без лязга затворов, грохота выстрелов, запаха пороховой гари и ружейной смазки, звона гильз по полу...

Нет, Данька решительно не желал представлять свою жизнь без всего этого!

Очки нашлись минут через десять: в шкафу, в последнем из методично проверяемых выдвижных ящичков. Старые очки в дешевой роговой оправе. Сейчас мама носила новые, итальянские. Начальство в банке требовало, чтобы сотрудники выглядели респектабельно. Мама старалась соответствовать. В прошлом году грянул дефолт, фонд, где работала мама, развалил-

ся, как карточный домик, но Наталье Архангельской повезло: ей вскоре предложили новую работу. Хорошие бухгалтеры со стажем всем нужны — дефолт там, не дефолт...

Дужки очков Даньке жали. Переносица вспотела. Было непривычно, неудобно, он стеснялся выходить в таком виде на улицу... Но тем не менее очки действовали! Он не стал видеть, как раньше, но, по крайней мере, твердо знал, который час.

Без двадцати двенадцать.

Надо спешить.

То, что в очках он видит лучше, прибавило бодрости. Тревожное ожидание приговора от врачей осталось, но катастрофа отодвинулась. Он оделся, прихватил объемистый пакет из хрустящего полиэтилена — вещи носить. Приятели, кто постарше, рассказывали: заставляют раздеваться догола. Так и ходишь из кабинета в кабинет. Раздевалка в военкомате есть, но шмотки там лучше не оставлять: могут попереть. Запросто. Идти домой без штанов или босиком — удовольствие ниже среднего. Лучше все с собой таскать, в кульке. А у него еще и ключ от квартиры имеется.

Стырят — придется замки менять.

Выходя, Данька еще раз посмотрел в зеркало. Отражение послушно явилось из зазеркальных глубин: нечеткое, но узнаваемое. В маминых очках он выглядел странно. Не то заученный зубрила, не то хиппи недоделанный. Хорошо хоть на «голубого» не похож.

По ступенькам он сбежал, привыкая к плавающей картине мира и рефлекторно делая поправки «на толщину ореола» — как брал упреждение при стрельбе по «бегущему оленю». Ничего не болело, голова не кружилась, с координацией вроде тоже все в порядке. Самочувствие замечательное. Надо надеяться на лучшее. Нынешняя медицина — ого-го! Чудеса творит.

Особенно если деньги есть.

Вот так, пытаясь внушить себе веру во всемогущество современной медицины, Данька поднялся по вытертым ступеням, ведущим в здание районного военкомата.

— Здравствуйте. Куда на медкомиссию?

— Второй этаж, — махнул рукой усталый дежурный в форме, скучая за столиком у входа. — Там указатели развешаны. Увидишь...

За сегодняшнее утро дежурный отвечал на этот вопрос в сотый раз.

6.

— Дядя Петя-я-я! Привет!

Не-Король Артур вынырнул из темноты разверстого чрева карусели, махнул измазанной в масле рукой. И вновь погрузился во тьму, не дождавшись ответного: «И тебе!..» Не иначе, работы много. Весна, открытие сезона не за горами.

— Твой клуб общения, Джи Эф?

Язвительный голос, так похожий на голос самого Петра Леонидовича, заставил старика поморщиться. Вот уже и Артур не угодил!

— Он хороший парень, Пэн. «Афганец». Сейчас механиком на аттракционах работает...

Петр Леонидович понял, что оправдывается, и, чувствуя непривычную робость, покосился на собеседника. Пэн в богатом пальто до пят, элегантной кепке и крокодиловых, не по сезону, туфлях едва ли способен оценить положительные перемены, случившиеся в последнее время с бывшим сержантом. Артур остепенился, умерил пыл, сократил репертуар ругательств на фарси и стал поговаривать о женитьбе.

По тиру тосковал, но в гости заходил редко.

Все эти обстоятельства, столь важные для Петра Леонидовича, никак не могли заинтересовать вальяжного господина Пэна. Со стороны они смотрелись нелепо: худой старик в допотопной куртке-«москвичке» и шапке-«пирожке» — и витринный манекен неопределенных лет. Но что-то общее все-таки имелось. Рост гренадерский, плечи вразлет. Да и лица не слишком отличались. Разнились они в первую очередь возрастом и еще тем, что старик, несмотря на годы, сохранил стать и выправку. А вот господину Пэну очень не помешали бы занятия на новомодных тренажерах.

Усы имелись у обоих. Правда, по сравнению с маршальскими красотами старика то, что росло под мясистым носом его спутника, выглядело жалко. Не усы — трехдневная щетина.

Робкое солнце осмелилось выглянуть из-за туч. Двое прохожих, похожих-непохожих, молча смотрели на облупившихся за долгую зиму оленей, слонов и зебр. Карусель знавала лучшие времена. Петру Леонидовичу стало стыдно за непрезентабельный вид аттракциона. Он привычно попытался взглянуть на парк, а заодно и на себя самого глазами гостя.

Да уж...

Легкий треск. Вальяжный господин Пэн, переминаясь с ноги на ногу, угодил «крокодилом» прямиком в замерзшую лужу.

— Merde!

Именно «merde». Не привычное, родное «твою мать».

Даже не столь популярное ныне «fuck».

— Судя по твоим туфлям, денег просить не станешь, — хмыкнул старик, внезапно приходя в хорошее настроение. — Или подкинуть сотню долла́ров? На бедность, а?

Ударение в названии всеобщего эквивалента зажиточности Петр Леонидович сместил на первую букву алфавита.

Господин Пэн поморщился, зачем-то поглядел на льдинки, приставшие к каблуку.

— А может, просто хотелось повидать тебя, Джи Эф? Такое не исключаешь? В гости не дозовешься, вот решил сам.

— Ага.

Старик огладил усы: не спеша, с уважением к предмету. Собеседник в ответ нерешительно тронул безобразие у себя под носом.

Отдернул руку.

Двое, худой и вальяжный, двинулись к пустой бетонной чаше фонтана. Старик, щурясь, смотрел на голубые островки неба, его спутник — исключительно под ноги.

— Ты не спросишь, как дела дома, Джи Эф?

— Из дому я получаю письма, Пэн. А когда ты писал мне в последний раз?

Тихие, резкие слова походили на перестрелку. Привычную, не очень интересную для обоих. Пиф-паф, пиф-паф. Ой-ой-ой. Обойдя фонтан, они остановились напротив входа в тир. Господин Пэн глянул в сторону открытой двери, хмыкнул.

— Не запер? А если твои «монтекристы» вынесут?

Странное дело, его усмешка ничем не отличалась от усмешки старика.

— У меня «тулки», — не слишком задумываясь, ответил Петр Леонидович. — Еще «ИЖ», из бывшего города Устинова. Ижик-пыжик, где ты был... Не вынесут, я попросил ребят присмотреть.

Словно в подтверждение его слов, в дверях вырос шкаф шкафыч собственной персоной: амбал Вовик, звезда родного райцентра. Кивнул старику, поглядел на гостя — грустно, но не без сочувствия.

Исчез.

— Дожил, Джи Эф! Скоро провода начнешь на цветметалл сдавать.

— Это мысль, — невозмутимо согласился старик. — Обдумаю на досуге. Опытом поделишься?

Пиф-паф, пиф-паф.

Ой-ой-ой.

— Зайдем в кафе?

— Ну, если ты настаиваешь...

Как и в день «свиданки» с ушастой госпожой Калинецкой, кафе оказалось совершенно пустым. Даже без просроченной новогодней елки. Старика здесь знали. Приборы вкупе с хрустящей книжкой меню появились на столе, словно по взмаху волшебной палочки. Вместе с двумя бокалами шампанского: «от заведения».

— Летом приезжай, Пэн. На Старый Салтов отправимся. Я ради такого случая яхту у друзей попрошу. Не Майорка, конечно. Но очень-очень, вот увидишь.

Люстра, заботливо водруженная на новый крюк, еле заметно кивнула.

Одобрила.

— Майорка... — Вальяжный с брезгливостью перелистал меню, отложил в сторону. — Ты же там не был, Джи Эф. Некорректное сравнение!

— Тогда Байкал. Или Иссык-Куль. Устраивает? Не кривись, готовить тут умеют. Можно шашлык заказать, по-карски. Настоящий, на ребрышках.

Вальяжный с недоумением вздернул брови, словно услыхал что-то неприличное, в культурном обществе непроизносимое.

— Можно по-карски. И стрихнинчику, двойную дозу. Какой шашлык?! Я на диете, забыл?

— Диета? — Старик растерялся. — О чем ты, Петя... Пэн? У тебя самый обычный гастрит...

— Ага. Был обычный.

Петя, он же Пэн, умолк, но затем, подчиняясь требовательному взгляду старика, без всякой охоты пояснил:

— Год назад в больницу угодил. Боялись, что плохо дело. Оказалась язва. Зато классическая, хоть в учебник — или в анатомичку. Тебе писать не стали. И я не стал.

— Почему? Петя, мальчик мой, почему?

Вопрос прозвучал глухо, еле слышно, словно выстрел с некачественным самодельным глушителем. Казалось, еще чуть-

чуть, и вальяжный господин Пэн исчезнет, окончательно превратившись в маленького мальчика Петю.

Не исчез, не превратился. Зло дрогнул голос, тихий, глуховатый, неотличимый от стариковского:

— А зачем? С тех пор, как я вырос — мы все, слышишь, все выросли! — наши дела стали тебе, как говорится, вне формата. Aren't you, GF?

Пиф-паф!

Петр Леонидович сдержался, пережидая ноющую боль в подреберье: ответный выстрел попал в цель. Помолчал, отвернувшись, скрывая выражение лица.

Выпрямился.

— Закажу что-нибудь диетическое.

Старший лейтенант запаса Кондратьев женился сразу после войны — в мае 1945-го, в оккупированной Германии. После демобилизации Кондратьевы, однако, не вернулись в Ковров, где до войны работал Петр Леонидович. Не поехали ни в Москву, ни в знакомый и памятный Питер. Ташкент, Караганда, Красноярск, Тбилиси — подальше от центра, нигде долго не задерживаясь. Внимательный взгляд отметил бы еще одну странную особенность их переездов. В каждом новом городе Елена Ивановна Кондратьева, заполняя положенные анкеты, сообщала о своем прошлом нечто иное, чем в предыдущих. Не то чтобы слишком — как раз настолько, насколько разнились меж собой анкеты ее мужа.

Внимательных взглядов в стране хватало. Но по совершенно непонятной причине они скользили мимо, не останавливаясь, не замечая.

Судьба стыдливо отворачивалась.

Кочевали Кондратьевы вдвоем, после втроем, а затем и вчетвером, до конца пятидесятых. Потом, словно одумавшись, осели в тихом провинциальном Смоленске. К явному неудовольствию младшего поколения — сын и дочка привыкли менять школы, легко расплевываясь с очередной несимпатичной «училкой» или директрисой. Характером они удались в старших.

Все эти годы Петр Леонидович ни разу не работал по довоенной специальности. Его вполне устраивала служба попроще: вахтером, делопроизводителем, механиком — или тирщиком в местном парке. Супруга не пыталась спорить, поступая сходным образом.

Судьба тоже не спорила, в сторону смотрела.

Бывшая фронтовая разведчица, кавалер орденов Ленина и Боевого Красного Знамени, Елена Ивановна Кондратьева умерла в 1975-м. Через год пенсионер Кондратьев, оставив давно повзрослевших и обросших семьями наследников, переехал в большой областной центр на Украине, чтобы устроиться на работу в тире парка культуры и отдыха имени Максима Горького.

— Штатная банда? Крышуют? — Вальяжный господин Пэн небрежно кивнул на видимую из окна кафе дверь тира. Оттуда выглядывал уже не амбал — пес-боксер Тимур. Шустрый «хомячок» пристукнул каблуком, сделал вид, что вот-вот сплюнет. Не плюнул, конечно, потому как западло. Но отношение выразил. Не к Петру Леонидовичу, само собой.

— Банда? — весело переспросил старик. — Ага. Джаз-банда.

Поразмыслил и добавил:

— Это я их крышую.

Он звал гостя домой, но господин Пэн возжелал еще разок взглянуть на скромное место работы паркового тирщика.

Так ничего и не заказав, двое покинули кафе.

— Дожил, Джи Эф! — Зябко передернувшись, Пэн скривился. И присовокупил: — Insignificance!

Суровый парень Тимур не понял, потому как не услышал, да и языкам был не обучен. Однако на всякий случай нахмурился.

И исчез.

— Ладно! — Вальяжный произвел не особо внятное движение пальцами, повернулся к старику. — Денег просить не стану, не надейся. У меня предложение, Джи Эф. Деловое. Тир приватизирован? Он теперь твой, правильно? Хотя бы на бумаге?

Такой вопрос требовал ответа точного и основательного. Петр Леонидович покосился на дверь, за которой прятались невольные свидетели процесса приватизации.

Улыбнулся.

— На бумаге.

О совладельцах, включая Великую Даму, лучше не распространяться.

— Отлично! — Холеные пальцы гостя сцепились в хитроумный «замóк». — Я все обдумал, Джи Эф. Для начала вот что. За тиром сейчас пусто, одни кусты. Отгородим площадку...

— Пейнтбол? — не без иронии поинтересовался старик.

В ответ раздалось обидное хмыканье.

— Ты еще рогатки предложи, Джи Эф! Пейнтбол — для

плебса. Выстрелы дорогие, пушки неудобные. Еще и шлем дурацкий на голову напяливать надо. Макабр! А вот страйкбол... Не слыхал? Ну, знаешь! У вас что, Интернет зависает? Страйкбол — последний писк! Оружие изготовлено под макеты автоматов, «райфлов», «геверов»... В общем, чего угодно, лишь бы нравилось. Копии практически полные, массогабаритные, с виду не отличишь. Все многозарядное, стреляет пластмассовыми шариками. Магазин на двадцать пять зарядов, ударная сила не слишком большая, так что безопасно. Airsoft, мягкая пневматика. Неужели не в курсе?

Петр Леонидович еле заметно повернул голову. На всякий случай, дабы гость не разглядел усмешки под «буденновскими» усами. Тот не заметил — слишком увлекся.

— Шарики от десяти граммов и больше. Калибр шесть миллиметров, есть восемь, но не очень популярно. Дороговато, правда, один ствол до четырехсот баксов тянет. Зато перспектива!..

Маршальские усы вновь тронула улыбка. Увлеченность господина Пэна пришлась старику по душе. Сводить его на «минус первый», что ли?

— Но это, Джи Эф, для начала! — Пэн вскинул голову, поправил съехавшую на затылок кепку. — Слушай! Есть в Москве одна хитрая фирма: «Айсберг». Мент на менте, гэбэшником погоняет. Возможности — упасть и не встать! Их ноу-хау — интерактивный тир. Ни у кого нет, они даже компьютер для него сделали такой, что при попытке влезть в программу система блокируется, форматирует диск и восстановлению не подлежит. Стреляют из настоящего оружия, табельного. Мишени — лазерная анимация, от живых не отличишь. Все, что угодно, смоделировать можно, хоть Овальный кабинет, хоть зал Верховной Рады. Представляешь?

— Видел, — без особого пиетета отозвался Петр Леонидович. — Главным в этом «Айсберге» Митя Соломин, он мне все показал. Ничего интересного.

«В сравнении с «минус вторым», конечно», — хотел добавить он, но промолчал.

— Не стоит, Пэн. Тир меня вполне устраивает, клиентов тоже. Тихо, спокойно. От добра добра не ищут. Стар я для суеты.

— Так и знал!

Вальяжный господин Пэн потер лоб, скривился, словно касторки хлебнул.

— Таким ты родился, таким и помрешь, Джи Эф! Insignificance! Перевести или не надо?

— «Незначительность», my kid, — вздохнул старик. — Не зря мы, выходит, на репетитора по английскому тратились?

— Insignificance! Вся твоя жизнь, понимаешь? Бухгалтер, механик, тирщик! На что ты жизнь потратил, скажи? Даже сейчас, когда можно хоть что-то изменить, улучшить — твой дурацкий тир...

На этот раз Пэн не пытался говорить тихо. И напрасно. Благодарные слушатели появились мгновенно — амбал Вовик и пес-боксер Тимур. Не перебивали. Внимали молча, но со значением.

— Обидно, Джи Эф! Обидно! И мне, и остальным...

Старик сгорбился, поглядел на мертвый фонтан.

— А кем я должен был стать, малыш? Начальничком? Кабинет, портрет генсека, секретарша a la Кустодиев, диван... крокодиловой кожи?

Взгляд, брошенный на туфли собеседника, заставил того отступить на полшага. Вроде как пуля врезалась в мокрый снег.

— Я... Я разве про кабинет, Джи Эф? Но ведь жизнь — она одна! Надо стать в ней ну хоть чем-то, отметиться. Чтобы не обидно было, чтобы зависело от тебя важное, серьезное...

Слова, легко приходившие к Пэну раньше, теперь спотыкались.

— Не обязательно быть богатым. И власть — она не для каждого. Но прожить интересно, ярко, с толком... Я хоть пытаюсь, понимаешь? Что-то делаю, планирую. Хочу жить по-настоящему, в полный рост! Ты бы, Джи Эф, хоть Шамбалу, что ли, искать начал, или снежного человека, как эти... эзотерики. Хоть какой-то смысл жизни...

Господин Пэн безнадежно махнул рукой.

— Ладно, в другой раз договорим. Вечером зайду к тебе. Не возражаешь?

Старик не возражал.

Гость уходил по заснеженной, в мартовских лужах аллее, с каждой секундой становясь все старше, все меньше.

Незначительнее.

7.

Узкая лестница.

Ступеньки коричневого цвета — мрачные, унылые.

Сверху нарастает многоголосый гомон. Коридор второго этажа битком набит призывниками. Стены, увешанные кар-

тонными плакатами, до половины выкрашены едко-зеленой эмалью. В том, что краска эмалевая, Данька убедился на ощупь. Выше — стандартная побелка; потолок с несуразными выступами. Под потолком горят лампы дневного света. Чудится запах хлорки. На стене нарисована стрелка с надписью: «На медкомиссию». Надпись крупная, яркая.

«Специально для таких, как я? С плохим зрением?»

Стрелка указывала на закрытую белую дверь в конце коридора. Туда пока никого не пускали. Данька прислонился к стене и стал ждать вместе с остальными. Вокруг шумели, толкались, подначивали друг друга и травили бородатые анекдоты призывники. Все заметно нервничали, но старались не показывать волнения. А Данька, наоборот, внезапно успокоился. На него снизошла апатия, вялое оцепенение. В военкомат он явился, а дальнейшее от него не зависит.

Как будет, так и будет.

Открылась дверь, но не та, на которую указывала стрелка, а соседняя. Оттуда вышли двое в военной форме. Лиц Данька рассмотреть не мог, знаки различия — и подавно. Два силуэта. Один — высокий, сухощавый, неестественно прямой. Вышел, остановился, прикидывая, как лучше пробраться сквозь толпу. Другой — кряжистый, толстый — двинулся напролом, плечами расталкивая призывников, прокладывая путь себе и коллеге.

«Морж и Плотник», — пришло в голову сравнение из «Алисы в Стране Чудес».

Книгу его заставила прочесть Лерка.

— Па-аберегись! С дороги, мóлодежь! — зычно басил Морж на манер пароходного гудка, вплотную подбираясь к инфразвуковому барьеру. И продолжил, сбавив громкость, вполоборота к товарищу: — Фигня, Лексеич, твой «МСП». Пукалка двухзарядная. Одна радость, что бесшумный. Так поди еще попади с него!

Плотник Лексеич ответить не успел, потому что в разговор, неожиданно для самого себя, встрял Данька. Из «МСП» — двуствольного диверсионного пистолета под специальные бесшумные патроны — он успел пострелять в тире, на «минус первом». И знал, что, несмотря на малые габариты и короткие стволы, «пукалка» — оружие серьезное. На двадцать пять метров бьет лучше «Макарова». При калибре 7,62 и пороховом заряде в гильзе, как у «Калаша»...

— Нормальное оружие. Для диверсантов. Легкий бронежилет с близкого расстояния шьет. И кучность — вполне.

Морж опешил от неожиданности. Сопляк-призывник вкручивает ему, матерому прапорщику, про достоинства секретного пистолета для диверсантов?!

— А ты откуда знаешь?

Рядом, словно из-под пола, возник потный коротышка-майор в расстегнутом кителе. Звезды на его погонах Данька разглядел ясно: майор подошел вплотную. От него явственно несло перегаром.

— Знаю, — пожал плечами Данька, уже жалея, что влез в спор.

— Знаешь?

Майор оглядел призывника в старомодных женских очках с ног до головы.

— Ну и захлопни пасть, — заключил он. Отвернулся и заорал на толпящихся в коридоре ребят: — Чего глотки дерем, шелупонь?! А ну, ти-ха-а-а! Построились! Тут вам не бордель. На медкомиссию за мной — шаго-о-ом марш!

«Мóлодежь» испуганно прижалась к стенам, пропуская майора, и тот, проследовав к заветной двери, распахнул ее.

— Заходи, не задерживайся! Раздеваемся, получаем карточки и строимся! — покрикивал он, пока призывники по одному ныряли внутрь. — Не толпиться! Не толпиться, я сказал! Бараны, едрить твою...

Комната, куда их запустили, оказалась большой, но народу в нее набилось немерено. Раздеваться в толчее было неудобно во всех смыслах. У стен стояли ряды узких железных шкафчиков. Данька не стал к ним соваться, затолкав вещи в предусмотрительно взятый пакет.

— Па-ачему в трусах? Сымай! Тут врачи, стесняться некого.

Щуплый очкарик зарделся и начал стаскивать трусы: «семейные», синие в зеленый горошек.

В первом кабинете за столом сидела молоденькая блондинка в белом врачебном халате. На столе высились штабеля медицинских карточек. Образовалась очередь.

— Девушка, осмотрите меня! Лично, а? Наедине?

— Вас тут, озабоченных, хоть в психушку вагонами грузи. Юмор подбери, цыпленок...

— Р-р-разговорчики! Я щас кому-то поострю!

— ...Архангельский. Даниил Романович.

— ...Архангельский... Вот ваша карточка.

Медкомиссия слилась для Даньки в сплошную череду кабинетов, белых халатов, лиц, расплывающихся перед глазами, за-

тылков, голых спин и задов. «Боткина не болели?..» «Наклонитесь и раздвиньте ягодицы...» «Энурезом не страдаете?..» «Откройте рот... Шире!..» «Ангины в детстве были? Гланды удаляли?..» «Становитесь на весы...» «Жалобы есть?..» «Дышите... не дышите...» Ему измерили рост, вес и кровяное давление. Проверили зубы. «Как у коня на ярмарке», — Данька ни разу не был на ярмарке, где коням смотрят в зубы, но сравнение показалось уместным. Фонендоскопом выслушали легкие, заглянули в задницу, изучили гениталии, велели оставить мокрый отпечаток босой ноги на газете, расстеленной по полу, стучали по коленке молоточком, занося результаты в карточку.

А потом ему сказали:

— Можете одеться. Я вижу, вещи у вас с собой. Карточку оставите здесь. Ну-с, молодой человек, давно вы носите очки?

И Данька понял, что наконец попал к окулисту.

— Недавно. С сегодняшнего утра.

— Ну-ну... — хмыкнул окулист.

Конечно, не поверил. Небось если б соврал, что три года носит, — даже не усомнился бы! Нет, врать сейчас никак нельзя. Хочешь помощи — говори правду.

— На сколько диоптрий у вас очки?

— На сколько чего?

— Диоптрий. Минус? Плюс? Впрочем, можете не отвечать: разумеется, минус. Так сколько?

У мамы вроде бы «минус пять»...

— Минус пять.

— Ясненько... Ну, минус пять — это в пределах нормы для призыва. В какой род войск вы собрались с такой близорукостью? Или надеетесь на «белый билет»?

— Ничего я не надеюсь! — буркнул Данька, застегивая штаны. — Я в армию хочу. В стрелковые части. Снайпером!

— Снайпером?!!

В углу кабинета хихикнула медсестричка.

— А что? Я стреляю хорошо. Это сегодня у меня с глазами... А раньше все нормально было. Вы посмотрите, пожалуйста, что сделать можно.

— Экий вы забавный... Даниил Романович, — врач сверился с карточкой. — Не сомневайтесь, посмотрю. Для того я здесь и нахожусь.

«Он мне не верит, — по тону врача окончательно убедился Данька. — Думает, я «закосить» хочу. Только не от армии, а, наоборот, в армию. Чтоб взяли. Наверно, психом меня считает.

Маньяком воинской службы. А, ладно, пусть думает, что хочет. Лишь бы помог!»

Доктор, несмотря на его очевидное недоверие к пациенту, Даньке нравился. Была в нем надежность, уверенность. Спокойный, ненавязчивый профессионализм. Он тебе не верит — а ты ему, наоборот, веришь целиком и полностью.

— Нет-нет, Даниил Романович, туда не надо. Какая таблица? С минус пятеркой?! Мы еще, кстати, проверим, сколько там минусов... Садитесь вот сюда.

Даньку усадили перед черно-белым аппаратом, напоминавшим двуствольный (то есть бинокулярный, конечно!) микроскоп странной конструкции. Впрочем, как выяснилось, с обратной стороны у аппарата имелась еще одна пара окуляров. Так что можно было считать его «квадрокулярным».

— Снимайте очки. Сейчас мы вам закапаем капельки... Не бойтесь, это тропикамид, он безобидный. Широкий зрачок сохраняется до трех часов...

Оттягивая пациенту веки, доктор ловко орудовал пипеткой. Данька рефлекторно заморгал. Неприятно, но, по большому счету, ерунда. Только не видно ничего. Без очков и так все расплывается, а после капель — вообще сливайте воду.

— Смотрите в окуляры и старайтесь не моргать.

Данька осторожно подался вперед. Примостил подбородок на вогнутую полочку, уставился в линзы окуляров.

— Да-да, хорошо. Погодите, я отрегулирую.

Доктор что-то подкрутил и прильнул ко второй паре окуляров.

— Сидим, не дергаемся, не моргаем. Смотрим в офтальмоскоп. Ну, донышко у нас не ахти... астигматизм легкий, пустяки... сосудики так себе...

К концу осмотра очень хотелось застрелиться. Но доктор не позволил: усадил на стул, взгромоздил пациенту на нос здоровенную оправу и велел читать таблицу (строку внизу, над красной чертой), пока он меняет в оправе линзы.

— Не вижу. Не вижу. Ага... М, К, И, Б...

— А так?

— ...Н, Ш...

— А если так?

— Не вижу... Нет, вижу: Ы...

— Запишите, Аллочка: левый — минус восемь, правый — минус восемь с половиной.

Цифры мало что говорили Даньке. Хотя если у мамы минус пять...

Он постарался запомнить диагноз: на всякий случай.

— Вы, молодой человек, преступно небрежны к своему зрению. Вам давным-давно пора менять очки.

— А... а вылечить это можно?

Доктор, усталый мужчина средних лет, смотрел на пациента с удивлением.

— Вылечить? Ну, допустим, склеропластика, лазерная коагуляция, кератотомия... Прошу меня извинить, Даниил Романович, у меня сейчас нет времени на подробные консультации. Знаете что? Зайдите ко мне послезавтра. Клиника Гиршмана, второй этаж, одиннадцатый кабинет. С двух до шести. Я вам на визитке напишу, с обратной стороны.

Окулист склонился над столом.

— Вот, возьмите. Можете идти. Карточка остается у меня.

— Спасибо. До свиданья...

— До свиданья. Следующий! Проходите, садитесь. Закройте левый глаз. Читайте эту строку...

В коридоре народу оказалось заметно меньше, чем раньше. Знакомый очкарик, который стеснялся ходить без трусов, стоял у выхода на лестницу, воюя с непослушной «змейкой» на куртке. Он без интереса взглянул на Даньку, на его старомодные женские очки — сам очкарик щеголял тоненькой оправой с круглыми «совиными» линзами — и спросил:

— Тебе что окулист сказал?

— Этот... астигматизм. Левый глаз — минус восемь, правый — минус восемь с половиной.

— «Белый билет»! — уверенно заявил очкарик, откинув челку со лба. Над правой бровью у него был застарелый зигзагообразный шрам. — Без вариантов. У меня минус семь на оба, и то хватает. Иди, обрадуй предков...

Он искренне хотел подбодрить Даньку. Очкарику в голову не могло прийти, что его близорукий собеседник желал идти в армию. Небось привык к своим «минус семи», сжился и не испытывал особых сожалений. Даже кое-какие выгоды извлекал.

К примеру, «белый билет».

На душе было мерзко. Очень хотелось двинуть ни в чем не повинного очкарика в ухо — чтоб катился вниз по ступенькам, теряя очки, бестолково размахивая руками в тщетных попытках уцепиться за перила. Вместо этого Данька молча обошел доброжелателя — синие трусы в горошек! — и сбежал по лестнице на первый этаж.

8.

— Чего, Леонидыч? Щас догнать или по темноте встретить? — бодро поинтересовался амбал Вовик, глядя туда же, куда и старик: в сторону главного входа.

Вальяжный господин Пэн сейчас, вероятно, шел по Сумской.

— Перетрем, побазарим, в натуре! — в тон ему продолжил пес-боксер Тимур.

Бравые «хомячки» с удовлетворением переглянулись. Наконец-то дело нашлось.

В натуре!

Старик мысленно представил себе невозможную ситуацию. По темноте, да еще с этой сладкой парочкой... Здравствуй, Бим! Здравствуй, Бом! Макабр!..

— Отставить, пехота! — качнул он шапкой-«пирожком»

— Так ведь наезжал, блин! — дуэтом, в два голоса.

— Ему можно.

Отозвались не сразу: переваривали, видать. Наконец Тимур, как более умный, радостно гыкнул:

— Просек, батя. Гадом буду, просек! То-то гляжу, похожи вы. Сын, выходит?

Отвечать старик не стал. Все мы чьи-то дети! Сын... А ведь Пэну, Петру Кондратьеву-младшему, любимому внуку, тридцать с хвостиком! Или это он, Кондратьев-старший, на свои годы не выглядит? Конечно, восемьдесят четыре — не возраст для тирмена...

В детстве внука закармливали иностранными языками. Английский шел лучше прочих, и шкодник Петя быстро переименовал себя в Питера Пэна. Дед, grandfather, стал просто «GF». Почти как Кеннеди.

Петр Леонидович поставил себе на заметку: обязательно выяснить, что у Пэна с желудком.

Язва! Вот незадача!..

— Insignificance! — повторил он вслух. — Шамбалу ему, понимаешь, подавай!..

— Шамбалу ему, понимаешь, подавай! Шамбалу-мамбалу! План выполнять надо, разнарядку выполнять, дорогу стратегическую строить, а ему Шамбал-бамбал нужен!

Трудно сказать, вправду ли гневался секретарь райкома то-

варищ Кадыркулов или просто валял дурака перед гостем, норов демонстрировал. Скорее, второе. Петр успел насмотреться на местных баев-начальничков. Прежде чем о деле поговорить, шуметь начинают, молнии метать. Был бы повод.

А чем не повод Шамбала-мамбала?

Начальственный гнев выглядел, впрочем, вполне убедительно. И голос подходящий, и вид. Капли пота на бритой голове, ворот белой рубашки расстегнут, шея пунцовая. Или это от жары? За открытыми окнами кабинета плюс тридцать, а товарищ Кадыркулов не из тех, кто посты соблюдает.

— Кутасов ему давай, коней давай! Где возьму? Как отчитаюсь? Сколько хороший кутас стоит, знаешь, да?

Суть вопроса Кондратьев ухватил. Перед ним в начальственном кабинете побывал местный учитель, краевед-энтузиаст, прося средств на небольшую этнографическую экспедицию к отрогам Заалайских гор. Шамбалу упомянул совершенно случайно, в качестве дополнительного аргумента. И вот нате-здрасьте ..

— План горит! Второй год пятилетки, понимаешь, а ему — Шамбала!

Петр прикинул, стоит ли слушать дальше, и решил: хватит. Лично мы в Шамбалу не просимся и кутасов не требуем. Мы прибыли в райцентр именно в связи с упомянутой пятилеткой — Третьей Сталинской. Нам запросы краеведов до лампочки Ильича.

Он уже собрался вставить в начальственный монолог свои пять копеек, когда товарищ Кадыркулов внезапно развернулся и без всякого перехода раскинул короткие крепкие руки:

— Ой! Товарищ Кондратьев, да? Кимди коруп туран! Сизди кездешпег енибизге кон болду! Как доехал?

Петр обреченно вздохнул. Первая проверочка, please. Уполномоченный по кооперации обязан знать язык титульной нации. Иначе зачем приехал, да?

— Кылнайбай келдык, — без особой уверенности проговорил он. — Товарищ Кадыркулов, я киргизский еще не...

— Выучишь, выучишь! Садись, дорогой товарищ, кок-чай пить будем. Иш кандай?

А как наши кандай? Дела, в смысле. Келдык вполне нормально — сначала верхом, потом на разбитой полуторке, затем опять верхом, на злом, мохнатом коньке, норовившем укусить неопытного ездока. Но добрался все-таки. Живой и здоровый. Если учесть здешние дороги — очень даже кылнайбай.

— Мен Кичик-Алайдам келдим...

— Знаю, знаю! — Толстая ладонь взметнулась вверх. — Знаю, что с Малого Алая. Кооперацию поднимал, да? Говори по-русски, товарищ Кондратьев. С языком успеешь, русский — язык межнационального общения, с русским везде пройдешь, куда угодно доберешься. Мы тут все русский учим. Новую жизнь строим, да? Садись!

Теперь можно и дух перевести. Первую проверку, кажется, выдержали. Хоп-хоп! Интересно, спросят ли о документах? В Оше обошлось, не спросили...

Арестовать его должны были в апреле, за два месяца до выпуска. Кто-то очень бдительный не поленился еще разок поднять документы колонии имени Горького, где к появлению коммунара Петра Кондратьева отнеслись философски, не поинтересовавшись происхождением. А может, сам сболтнул лишнее в институте, даром, что старался ни в чем не участвовать, никуда не встревать. Или совсем просто: очередная разнарядка на «врагов» с указанием пола, возраста и социального положения.

Узнав о неизбежном, студент пятого курса финансового института Кондратьев достал из тайника «Люгер-08», именуемый в просторечии «Парабеллумом», проверил обойму, сжал в пальцах холодную рукоять. Стреляться не собирался. Ждать, обливаясь холодным потом каждую ночь, тоже. Куда соблазнительнее прогуляться напоследок по ставшему родным Харькову, свернуть с улицы Карла Либкнехта на тихую Совнаркомовскую, войти в приемную пятиэтажного серого здания. Обойм у него три — хватит на многих.

И пусть его голову потом выставляют в магазинной витрине — как голову его первого учителя Леонида Пантелкина. Не жалко!

Та, которую Петр еще не звал Великой Дамой, стояла рядом.

У нее имелись другие планы.

Случилось иначе. Той ночью за ним не пришли, а наутро вызвали в канцелярию института. Через два часа поезд Харьков—Казань умчал Петра Кондратьева далеко на восток. Во внутреннем кармане старого, купленного на первом курсе пиджака лежала синяя книжечка в твердой обложке с гербом УССР. Диплом, полученный досрочно, без защиты, давал дополнительный шанс уцелеть.

Судьба, закадычная подруга Великой Дамы, благосклонно подмигнула.

Шумная Казань была лишь первой остановкой. Пересадка, ташкентский вокзал, снова пересадка. Во Фрунзе, столице недавно созданной Киргизской Советской Республики, Петр не стал задерживаться. Его ждала маленькая железнодорожная станция Кара-Су, от которой полдня пути до зеленого Оша. Там начиналась воспетая репортерами транспамирская трасса Ош—Хорог.

В Оше Кондратьев зашел на «Пьяный базар», что сразу за мутной Ак-Бурой. Изрядно потолкавшись, купил у говорливого таджика запасные обоймы к «Парабеллуму» («Девять миляметра? Держи, держи, чура. Хоп майли боши! Еще заходи, чура!»), после чего направился в местное отделение «Памиркоопторга». На следующий день бухгалтер Кондратьев отбыл с караваном в Гюльчу, крохотный поселок в предгорьях Малого Алая.

В спешке (бухгалтер требовался позарез) новое начальство забыло спросить, каким ветром занесло молодого специалиста в Памирские горы? Без командировки, без распределения, с дипломом, полученным на два месяца раньше срока. Начальство утратило бдительность. Или, подобно Судьбе, закрыло на эти странности глаза.

Оба глаза, а не только левый.

— Товарищ Кадыркулов, меня направили сюда...

— Не спеши, товарищ Кондратьев, не спеши! Чай пей, обычай не нарушай. Гость ты, дорогой гость. Сизди кездештргинеме курсантмын! Ты в своем институте о чем дипломную работу писал?

Чай наливал лично секретарь райкома. Строго по упомянутому обычаю, на самое донышко. Глотнул, вытер пот с лица вышитым полотенцем, и снова пиалу подставляй. Обязанность у хозяина такая — наливать без устали. А заодно беседу вести, гостя дорогого развлекать. Не о делах, о пустяках всяких. О теме дипломной работы, к примеру.

Петр пригубил желтый душистый напиток. Кейф! Есть, кажется, такое иностранное слово.

...Вторая проверочка, please!

— Тема очень интересная, товарищ Кадыркулов. И актуальная, особенно сейчас. «Марксистская критика теории и практики «тройной бухгалтерии».

Новый глоток чая был заметно слаще на вкус. Кондратьев еле сдержал улыбку.

Здесь, на Памире, его не возьмут!

— Некоторые наши работники в силу возрастного и классового консерватизма до сих пор придерживаются взглядов феодально-буржуазного апологета Федора Езерского о «трех окнах» учета. Конечно, Езерский был прав, отвергая средневековую «итальянскую» бухгалтерию с ее «подставными» счетами. Но его учение о «мертвом» и «живом» учете, а особенно предложение о ликвидации дебиторской и кредиторской задолженности, как объекта учета, есть самая настоящая диверсия против нашего народного хозяйства...

Спрашивали? Отвечаем!

В Гюльче все эти тонкости новому бухгалтеру были без надобности. От поселка, сожженного басмачами пару лет назад, остался десяток кибиток. Продавать-покупать там было нечего. «Памиркоопторг», именуемый здесь «киперятифом», торговал с горными кишлаками, отправляя каждое лето караваны по узким труднопроходимым тропам. Особого дохода не предвиделось, вопрос был скорее политическим. Следовало лишить дохода китайских торговцев из Кашгарии, не один век скупавших меха у горцев, киргизов и таджиков. Дело новое, порядку — никакого. Дай бог первичную документацию оформить и разобраться с зарплатой и начислением налогов с оной! До баланса еще дожить следовало.

Только все это вкупе с авансовыми отчетами и счет-фактурами не главное.

— ...не главное! Бухгалтер, товарищ Кадыркулов, все равно что чекист. Только без «Маузера». А кое-где — и с «Маузером».

Петр сумел выговорить эту железную формулу без ухмылки. Как и выслушать ее тремя месяцами раньше, в Оше. Именно так начинающего бухгалтера наставляли перед поездкой в неспокойный Алай.

Оставалось ждать реакции. Она воспоследовала немедля. Секретарь райкома скосил на гостя хитрый глаз, одобрительно цокнул языком:

— Ой, молодца!

Встал, погладил себя по внушительному «соцнакоплению», вновь цокнул:

— Молодца, товарищ Кондратьев! Врага народа Езерского критикуешь, дебет-кредит знаешь, политику партии понимаешь правильно. Якши, хоп якши! Совсем молодца!

Улыбнулся, сверкнув здоровыми зубами. Чистый тигр из Харьковского зоопарка.

— Поэтому будет тебе, товарищ Кондратьев, партийное по-

ручение. Важное. Секретное. Выполнишь — спасибо скажу. От всего района спасибо. Рахмат! А «спасибо» большим будет, настоящим. Не станем мы тебя спрашивать, почему ты, умный да ученый, к нам приехал. Без командировки, без распределения. И кто диплом тебе дал, тоже не спросим. Хорошее «спасибо» будет. Понял, да?

Понял, конечно. Хотя и не все. Умел, умел валять дурака товарищ Кадыркулов. Если по-военному — бутафорить, разыгрывать бая из темной глубинки перед наивным гостем. Разве что с «ой, молодца!» перестарался.

Не стал Петр напоминать, что беспартийный.

— Если я под подозрением, отчего тогда поручение — мне? Да еще секретное? Шамбалу без Кондратьева найти не можете?

Кивнул товарищ Кадыркулов, вопрос одобряя, животик огладил. Встал. К стене шагнул, на которой динамик, обтянутый синей тканью, красовался. Радио — путь к социализму! Повернул рычажок — и грянуло:

Мо аз Помир омадем!
Москва равон шудем!
Вагонхо катор катор.
Чашмамон дар интизор

Секретарь к гостю повернулся:

— Язык какой, скажи?

Петр честно вслушался. В колонии и в институте по английскому-немецкому первым считался. Французский тоже не забывал, еще вместе с мамой учили. Ну и по жизни разного наслушался.

Аз Арал хам гузаштем,
Сахрохоро тай кардем!
Намераванд аз хотир,
Сахрохои беохир.

— Кажется, таджикский, товарищ Кадыркулов.

— Ой, молодца!

Выключив радио, товарищ секретарь вновь оскалился тигром.

— Таджикский, верно. А какой? Северный, южный? В Кулябе одно, в Каратегине — другое. Не понял, товарищ Кондратьев? Русский ты, урус, значит, не сбежишь. Режут урусов, всех режут. Белых, красных — всем чик-башка. Вернешься, товарищ Кондратьев, никуда не денешься. И поручение выполнишь. Прикажет партия — Шамбалу-мамбалу, и ту найдешь. Хоть на Памире, хоть на базаре в Самарканде. Понял, да?

Дернул губами Петр Кондратьев. Усмешкой оскалу ответил.

— «Lee-Enfield» дадите?

9.

— ...Даня, что с тобой? Почему ты в моих очках?!

Мама встретила его в прихожей. При виде сына в очках у нее медленно опустились руки. Из чашки, которую она держала, выплеснулись на пол остатки чая, но мама этого не заметила. Ударь сейчас молния с потолка, она бы и молнии не заметила.

Изворачиваться и врать не имело смысла.

— Ты понимаешь, мам... С утра зрение глючит. Проснулся — стрелок на будильнике не вижу. Ну, я...

Они долго сидели на кухне. Пили чай. Вернее, пил Данька — мама к своей чашке больше не притронулась — и рассказывал. Как проснулся утром, как запаниковал, нашел мамины старые очки, решил идти на медкомиссию; что сказал ему доктор... Он выложил на стол визитку. «Свитенко Николай Павлович, офтальмолог, кандидат медицинских наук», — вслух прочитала мама. Пытаясь успокоить ее, Данька обнаружил, что и сам заметно успокоился. В конце концов, доктор сказал, что существуют методы лечения. Значит, надежда есть. А то, что окулист заранее ничего не обещал, — это правильно. Честный человек.

К чему зря обнадеживать?

— Тут адрес есть. И часы приема. Когда он велел прийти?

— Послезавтра.

Мама, кажется, тоже справилась с первым потрясением и говорила по-деловому, без лишних эмоций. Есть проблема, ее надо решать.

— Могу с тобой вместе пойти. Если хочешь.

— Мам, я что, маленький?

— Большой, большой. Пойдешь сам. А я позвоню тете Вале, узнаю, кто еще из врачей...

В прихожей, словно отвечая маме, зазвонил телефон. Данька хотел пойти взять трубку, но, пока он выбирался из-за стола, мать его опередила.

— Алло... Петр Леонидович? Здравствуйте!

Еще в самом начале, когда Данька сообщил дома, что устраивается в тир на полставки, мама отправилась знакомиться с

Данькиным «работодателем». Она так и сказала: «работодателем». После разговора с дядей Петей она стала звать тирщика Петром Леонидовичем или, если думала, что сын не слышит, «шефом моего Дани». И отзывалась о старике исключительно положительно: тирщик сумел обаять маму с первой минуты знакомства. Позже она заходила в тир редко, для проформы (естественно, не на «минус первый»!), и однажды Данька уговорил ее пострелять из «воздушки». С пятого раза мама, под чутким руководством двух инструкторов, старого и малого, все-таки попала в «Карлсона».

Радовалась, как девчонка! Даже помолодела.

— Даня? Дома.

Пауза.

— ...да, был. Недавно вернулся. Ох, знаете, у нас серьезная проблема...

Более долгая пауза.

— Нет, не с армией. Со зрением.

Даниил Архангельский, тирмен восемнадцати лет, тяжело вздохнул. Лучше б он сам трубку взял. Сейчас мама начнет рассказывать, переживать заново...

— Минус восемь. Да, прямо с утра, представляете? Проснулся, говорит, и... Нет, меня дома не было. Неужели?! У вас?! Что, тоже за один день?

Оп-па! Выходит, они с дядей Петей собратья по несчастью?

Данька приободрился. Петр Леонидович стрелок — куда там молодым! Лучший в мире! Значит, и нам слепота не грозит...

— Без лечения? Извините, Петр Леонидович... нет, я вам доверяю... Но это реальный случай? Или вы просто хотите меня успокоить? Что вы, я вовсе не хотела вас обидеть! Но врач, сами понимаете... Да-да, конечно, я уже даю ему трубку.

Мама вернулась на кухню.

— Даня, твой шеф. Беспокоится за тебя.

Данька прижал к уху теплую после мамы трубку.

— Добрый вечер, Петр Леонидович.

— И тебе добрый, коль не шутишь. Что, глаза сильно сели?

Тирщик спрашивал деловито, без преувеличенного сочувствия. Данька был ему благодарен за спокойный, почти равнодушный тон.

— Сильно. Минус восемь, — стараясь подражать дяде Пете, без трагических ноток ответил он. — В очках более-менее...

— Ясно. Больше ничего не болит? Не беспокоит?

— Да нет. Остальное все нормально.

— А что медкомиссия?

— Не знаю, — пожал плечами Данька, хотя старик никак не мог этого видеть через телефонную трубку. — Один призывник сказал: «белый билет». Он сам очкарик, в курсе... Вроде бы при минус семи дают.

— Ладно, отдыхай. Считай, у тебя больничный. И не отчаивайся. Мы с тобой еще постреляем! Похоже, приглянулся ты ей. Заметила. Все будет... о'кей? Так сейчас говорят?

— У американцев, — улыбнулся Данька. — А у нас говорят: «ништяк».

Он хотел сказать что-то еще, но дядя Петя опередил:

— Спать ложись пораньше. Бывай, Даниил.

— До свиданья...

В трубке пищали короткие гудки.

«Приглянулся ты ей. Заметила». Кому приглянулся? Кто — заметила? И при чем тут...

Мысли путались. Линзы очков затягивал туман. Запотели? Данька снял очки, подышал на стекла, протер чистым платком. Нацепил на нос. Помогло? — или нет? Видно не хуже (куда уж хуже!), а туман...

Отвлекла мама. Она требовала, чтобы сын выпил чаю с малиной. Уразуметь мамину логику — чай с малиной против астигматизма?! — не представлялось возможным. Но Данька противиться не стал. В конце концов, пусть мама окончательно успокоится. Да и чай с малиной он любил. Он снова снял очки, принялся протирать. Что за черт?! Почему раньше они не запотевали, а теперь...

Или здесь, на кухне, влажность повышенная?

Мама сбегала в свою комнату, принесла фирменную итальянскую жидкость для протирки очков и специальную салфетку. Стекла прояснились, но ненадолго. После чая у Даньки начали слипаться глаза, и он, предупредив маму, чтоб не будила, а если кто будет спрашивать (даже Лерка!), отсылала назавтра, убрел давить матрас. Дядя Петя велел лечь спать пораньше.

Дядя Петя плохого не посоветует...

10.

То, что он не создан для кооперативной торговли, Петр Кондратьев понял еще в Гюльче с первых дней работы. Он и прежде, студентом, рассматривал пресловутые «деньги—то-

вар—деньги» как частный и незначительный случай абстрактного и абсолютного порядка. Тем и нравилось финансовое дело: математика, холодная, точная, но все-таки живая. Заодно хотелось применить на деле идеи великого финансиста Езерского, «критиковать» которые он сам напросился, готовя диплом.

Петр, конечно, помнил указ тезки, Петра Романова, о том, что «торговое дело суть искони воровское», но относил это к неизбежному проценту ошибок и издержек.

В Гюльче все сразу стало ясно. Неделю Кондратьев осматривался, пару раз пытался вмешаться и махнул рукой. Обворовывать родное государство — ладно. Но беспощадно грабить нищих декхан и охотников с гор, по шесть месяцев питавшихся корнями гульджана вместо хлеба! А ведь меха, покупаемые у бедолаг, шли на экспорт, за хорошую валюту.

Мысленно признав правоту царственного тезки («...и в год по одному вешать, дабы неповадно было»), Петр сел за бумаги. Вечерами тренировался в стрельбе за поселком, благо в басмаческих краях «Парабеллум» никого удивить не мог. Разве что несерьезностью. «Маузер» купляй, урус!»

Теперь у него был «Lee-Enfield».

Первые дни, когда караван без особой спешки двигался от райцентра к Дараут-Кургану, последнему поселку перед белой стеной гор, Петр то и дело доставал винтовку, завернутую в плотную ткань. Клал на колени, рассматривал, гладил тайком. Разбирать оружие, сидя в седле, затруднительно, и Кондратьев занимался этим на привалах. Спутники — киргизы и таджики, как две капли воды похожие на басмачей из фильма «Джульбарс», — не удивлялись, кивали с одобрением. В этих горах за «Lee-Enfield» давали отару овец, но чаще платили кровью. Образец номер три 1916 года, коробчатый отъемный магазин на десять патронов. Главное же — прицельная стрельба до двух километров, с гарантией.

Для тех, кто понимает, — сказка!

На Памире изобретение шотландца Джеймса Париса Ли давно стало легендой, мечтой всех мужчин — и басмачей, и кизил-аскеров, и мирных работников «киперятифа». Петр узнал, что местные именуют винтовку странным термином «одиннадцатизарядка». На всякий случай пересчитал патроны в магазине. Десять, как и положено. Фольклор, однако!

Иных дел, кроме любования новой винтовкой (где ее только

достал партийный товарищ Кадыркулов?), у бухгалтера Кондратьева пока не имелось.

Штаты местного отделения «Памиркоопторга» заполнялись контрабандистами, ходившими в прежние годы с китайскими купцами. Главным в караване оказался знатный стахановец, ударник социалистической торговли товарищ Ван — хмурый толстяк с редкой бородкой, не знавший ни слова по-русски. Языком межнационального общения в совершенстве владел его заместитель товарищ Абдулло, белый таджик, родом из памирской глухомани. Маленький, смуглый, в мохнатой шапке, надвинутой на брови, он умудрялся выдавать такие обороты, что Кондратьев лишь диву давался: «Вам наша компания не напоминает Ноев ковчег, уважаемый Петр Леонидович? Презабавно, ежели подумать!»

С остальными спутниками предпочтительнее было не общаться вообще. И даже лишний раз не смотреть в их сторону.

У стахановца Вана и полиглота Абдулло имелась своя бухгалтерия: приходорасходные книги, заполняемые аккуратными китайскими иероглифами. В услугах выпускника Харьковского финансового института никто не нуждался. Петр в очередной раз махнул рукой — и стал любоваться выраставшей на горизонте громадой гор, начиная скучать.

Скука кончилась в Дараут-Кургане. Большую часть товаров распродали, купленное упаковали, но самое трудное только начиналось. В маленькой дымной кибитке, освещенной лишь огоньками глиняных светильников-карачираков, знатный стахановец товарищ Ван впервые устроил совещание. На грязную кошму, застилавшую пол, легла карта. Впрочем, Кондратьев и без карты знал: их путь лежит в глушь Сарыкола, к высокогорному кишлаку Кичик-Улар.

— Здесь! — Палец полиглота Абдулло ткнул в центр карты. — Дорога трудная, придется идти по оврингам. Они старые, ненадежные...

Кондратьев вздрогнул. Овринг — дорога над пропастью. Бр-р-р!

— Дикие места, — понял его белый таджик. — Узел гор Гармо, сердце Памира. Даже местные не любят туда ходить. Говорят, за каждым камнем встретишь не джинна, так альбеста. А то и самого арваха. Темный народ!

Видавший виды товарищ Абдулло скорбно покачал головой, осуждая народные суеверия.

— Джиннов мы можем не бояться, Петр Леонидович. Но начинается осень. Надо спешить.

Товарищ Ван, до этого важно молчавший, дернул бороденкой и выговорил длинную китайскую фразу.

— Да! — кивнул в ответ Абдулло. — Мы с товарищами посовещались, и появилось общее мнение. Вы — хороший человек, Петр Леонидович. А хорошим людям полагается доля в прибылях. В Кичик-Уларе можно купить не одни лишь меха.

Молодой бухгалтер сдержал усмешку. О чем-то подобном он давно догадывался.

— Gold, — на приличном английском уточнил ударник социалистической торговли Ван. — Gold dust and nuggets. But not only, mister Kondratyeff...

Петр подумал, что «Lee-Enfield» он вытребовал у товарища Кадыркулова определенно не зря.

Предсказание полиглота Абдулло сбылось с лихвой. Дорога к Кичик-Улару оказалась не просто трудной — трудной до невероятия. По крайней мере, для молодого бухгалтера, ранее наблюдавшего ледяные шапки гор только издали. Кондратьев был не прочь и в будущем видеть большое исключительно на расстоянии, но Судьба, прежде снисходительная, взялась за него всерьез.

Ехать пришлось не на лошадях, а на кутасах. Тех самых, о которых так сокрушался секретарь райкома. Это оказались обыкновенные яки. Однако первая попытка воссесть на рогача чуть не закончилась для Кондратьева скверно. Кутас, носивший недвусмысленную кличку «Джинн», взревел, оскалил желтые зубы и пустился вскачь. Поладили с немалым трудом, благодаря кусочкам дефицитного в этих местах сахара.

А потом начался лед. Лед — и овринги, настилы из кусков дерева и камней, вставленные в щели отвесных скал. От холода спасали теплый зимний халат, взятый в Дараут-Кургане, и огромная мохнатая шапка. От страха высоты спасения не было. По оврингам шли врозь: люди отдельно, мычавшие кутасы — следом. Внизу, под ногами, что-то шумело, но заглянуть туда Петр не решился. Вскоре молодой бухгалтер понял: жуткая дорога для его спутников — дело привычное. Льды, снега, пропасти, засады на перевалах... Опасно, но такова жизнь. Повезет, не повезет... Кысмет!

Мене, мене, текел, упарсин...

После одного из переходов по оврингу Петр опробовал винтовку — подстрелил на ужин горную индейку. Выстрел вызвал

одобрительное: «Якши, урус!» Спутники оценили меткость: стрелять довелось в сумерках, навскидку. По-киргизски индейка звалась «улар», как и загадочный кишлак, куда они держали путь.

Дня через три Кондратьев начал привыкать — к холоду, ночевкам на камнях, тропинкам над бездной. Но Судьба была наготове. Вечером, после очередного перехода, высланный на разведку киргиз-погонщик вернулся быстро, белый от страха. Долго молчал, глотал мокрый снег, затем с трудом выдавил: «Арвах, о-о-о-о!»

Про арваха Петр слыхал. Осталось уточнить насчет «О-о-о-о!». С последним вышла заминка. Товарищ Абдулло расспрашивал погонщика, уточнял, мрачнея на глазах. Переводить не спешил. Наконец повернулся к Кондратьеву, скривился, словно лимон жевал:

— Лавина. Нет дорога. Овринг — йок! Совсем нет. Арвах! О-о-о-о!

Петр отметил неверно употребленный падеж вкупе с туземным «йок». Кажется, полиглот и впрямь расстроился.

Вскоре расстроились и остальные. Было от чего!

Арвах жил на ближайшей горе. Много их, арвахов, духов предков, но этот — особенный. Очень сильный, очень страшный. Злой! Одну дорогу лавиной завалил, овринг обрушил. Плохо! Вторая дорога есть, только она к пещере арваха ведет. Ждет арвах, погубить их хочет. Совсем-совсем плохо!

О-о-о-о!

Петр убедился: и в самом деле плохо. Погонщики взбунтовались — никто не хотел идти в логово злого духа. Когда на следующее утро было предложено разведать путь, желающих не нашлось. Напрасно товарищ Абдулло кричал, напрасно товарищ Ван хмурил брови. Караванщики сбились в кучу, смотрели злобно, кое-кто взялся за оружие.

Бухгалтер Кондратьев прищурился, глянул на сверкающий белым огнем пик, закрывший полнеба. С минуту подумал.

И вызвался в разведку.

Идти оказалось неожиданно легко. Тропа — в два кутаса шириной, под ногами скрипел прочный наст, над головой горело яркое горное солнце. Плечо приятно оттягивал ремень винтовки. В арвахов Петр не слишком верил, к тому же рад был погулять час-другой в удалении от «киперятифа». Как объяснил то-

варищ Абдулло, путь вокруг горы всем хорош и удобен, если бы не пугающая близость к жуткому арваху. Полиглот не без горести присовокупил, что здешний темный народ платит духу регулярную дань — припасами, золотом и девственницами. Сам белый таджик считал дань глупостью и вредным суеверием, но смотрел при этом странно.

Все остальные, включая стахановца Вана, не говорили ничего. Отворачивались.

Пройдя пару километров, Кондратьев готов был согласиться с товарищем Абдулло относительно суеверий. Но после очередного поворота заметил прямо на тропе сугроб. Подойдя ближе, он убедился, что «сугроб» — слово в данном случае неточное.

Тонны снега намертво перекрыли тропу. И, кажется, недавно.

Слева — скала, справа — пропасть. Наверху... Петр закинул голову и зажмурился от невыносимого сияния вечных льдов. Вершина располагалась рядом. Он глубоко вдохнул разреженный воздух и замер. Блеск померк, затуманился, вскипел серой пеной. В уши ударил низкий утробный гул.

Испугаться он не успел. Разум молчал, отказываясь верить, но кто-то, чужой и трезвый, уже выдал резюме. В последние дни Кондратьев видел такое не раз. Маленький обвал, перекрывший тропу, — аванс. За ним основная выплата — лавина.

Арвах не шутил.

Снежная кипень густела, надвигалась широкой полосой, гул перешел в хриплый рев. Не уйти, не спрятаться. Петр огляделся, скользнул взглядом по бездонной пропасти.

Все? Исчислено, взвешено...

«Ты знаешь, кто я? Я — твой друг...»

Острый контур вершины расплылся, грохот мчавшейся смерти превратился в тихий шелест. Все исчезло — кроме пустыни. Белой, белой пустыни... Холодный песок обжигал ноги, ледяной стужей веяло от далеких барханов. Мертво и чисто горело над головой незакатное солнце. Июньский лес будет позже, после войны, а сейчас, на Памире: пустыня.

Петр Кондратьев не удивился. Удивление, как и страх, осталось далеко, на узкой тропинке, в двух шагах от грохочущей смерти. Он улыбнулся: невесело, уголками губ. Экстренный выход — убежище тирмена, последняя надежда. Петр бывал здесь, с изнанки: спасался, когда его хотели зарезать в колонии, потом — еще дважды, в ситуациях, не допускавших иного

решения. Учитель — не Пантелкин, а второй, бритый — кое-что объяснил малолетке, хотя не до конца.

Ярко светило беспощадное солнце.

Тихо шумел песок.

Невидимая, прогуливалась рядом та, кого он еще не называл Великой Дамой.

Кондратьев, ученик тирмена, взялся за ремень бесполезного чуда — «одиннадцатизарядки» «Lee-Enfield». И увидел мишень. Одну-единственную, у самого горизонта. Черное пятнышко, еле заметное в белом сиянии, порхало над кромкой песков. Маленькая точечка, бесформенная, почти безвидная.

Шанс напомнить о себе.

Винтовка в руках показалась неожиданно легкой. Затвор, магазин... Петр мотнул головой, отгоняя проснувшийся страх, закусил губу и, оценив расстояние, поставил планку прицела на «600». Нащупал стволом мишень. Он не знал, что это — птица? бабочка? бумажный самолетик?! — но не сомневался: если попадет, его услышат.

Спуск нажимал медленно, еле касаясь, боясь рывка.

Отдача ударила в плечо.

«Ты знаешь, кто я?..»

...Петр стер снег с лица, оторвал спину от скалы. Он понимал, что жив, что случилось чудо. Лавина прошла мимо, задев лишь краешком. Ледяная вершина светила белым огнем, обнажились острые камни тропинки, завал исчез без следа...

Кондратьев не радовался. Перед глазами горело солнце — мертвое солнце пустыни.

— Могу я осведомиться, в каком вы звании?

Петр с трудом повернул голову. Перед ним стоял арвах. Надо отвечать — разлепить губы, двинуть непослушным языком.

— В институте... Лейтенант запаса.

— Отменно! Стало быть, господин поручик? Верительные грамоты с вами?

Арвах Петру Кондратьеву попался правильный: седобородый, в красном халате с драконами, в китайской шапке с соболиной опушкой. При винтовке, понятно. Какой арвах без винтовки? Петр всмотрелся и хмыкнул: «Lee-Enfield», третий номер! Само собой.

— А ваши?

Арвах протянул руку и пальцем нарисовал на снегу четыре значка.

ממת

Кивнув, Петр полез за пазуху. Пакет, партийное поручение беспартийному бухгалтеру... Хотя товарищ Кадыркулов в данном случае руководствовался приказом той, кто вне партий и классов, одинаково властная над всеми... Вот! Желтая бумага, черные чернила. «Лично в руки». И четыре значка-жучка.

ממת

— Отменно, — повторил русскоговорящий дух, скользнув беглым взглядом по надписи. — Ну-с, коллега, прошу в гости. Тут недалеко. В здешних местах меня именуют Ак-Арвах, сиречь Белый Арвах. Вы можете обращаться ко мне по званию: штаб-ротмистр. А как звать вас, господин поручик?

Бухгалтер «Памиркоопторга» глянул вверх, на острую ледяную вершину. Как зовут поручика Кондратьева?

— Пьеро, господин штаб-ротмистр.

Пламя в огромном очаге отливало синим, иногда перемежаясь бледными вспышками. Ни дров, ни растопки. Огонь вырывался из недр земли, уходя в кривое отверстие дымохода.

— Догадались? — Ак-Арвах небрежно кивнул на очаг. — Природный газ. Тут и нефти много, в окрестных кишлаках ею карачираки заправляют. Полный комфорт. Тепло, сухо — и ночами веселее.

В огромной пещере на самом деле было тепло. Да и на пещеру она не слишком походила. Ковры на стенах, ковры на полу, груда цветастых покрывал в углу. Штаб-ротмистр явно не бедствовал. Ковры-то ладно! Коллекция винтовок, которую Петр осмотрел первым делом, вызвала тяжкий вздох зависти. А он еще гордился своей «одиннадцатизарядкой»!

— Да-с, — поджал губы Ак-Арвах. — Неплохая служба. Главное на войне, сударь мой Пьеро, голодным не остаться. С этим решилось просто. Местные суеверия плюс ряд правильно сориентированных лавин... Плюс жалованье, конечно.

Выглядел дух отлично. Несмотря на седую бородищу, он не смотрелся старцем. Вероятно, штаб-ротмистр заработал седину досрочно. Петр привстал с пышного ворса, окинул взглядом пещеру. Дворец! Но жить в одиночестве, среди диких гор...

— Чужбина, господин штаб-ротмистр. Представляю, как вам бывает скучно!

Груду книг на русском, французском и английском он заметил сразу. Но не станешь же круглый год страницы листать!

— Чужбина? — Густые брови Ак-Арваха взметнулись снего-

выми тучами. — Я Родину не оставлял, господин поручик! Смею напомнить, мы с вами находимся в пределах Российской империи. Сам я, между прочим, из Ташкента. Родные места! А то, что теперь связь — благодаря вам в том числе! — пойдет через Туркестан, совсем отрадно. Намаялся с китаезами. Превратили Памир в гнусный притон, прости господи! В Кичик-Улар путь держите? Там кашгарские контрабандисты опиум складируют, так что не увлекайтесь. Нет, со своими, русскими, не в пример приятнее! Я дома — и при деле. Чем строить социализм на Колыме или сутенерствовать в Париже, лучше арвахом послужить. Что мы хотим от жизни? Стабильность, достаток, интересная работа. Семья — по желанию. Так?

Кондратьев кивнул. Судьба тирмена — его грядущая судьба. Тихая работа, тихая жизнь. Достаток, но не богатство, безопасность, но не власть. Не каждому суждено стать арвахом!

— Кроме того, рискну заметить, считаю нашу службу весьма важной и необходимой. А насчет скуки... Радиоприемник мне весной привезут, в Северо-Американских Штатах заказал. Что еще нужно? Негрские пляски? Здешние таджички, я вам скажу, гиждаллу танцуют — увидеть и умереть! Персики!..

— А кино? — усмехнулся Петр. — Марлен Дитрих, Глория Свенсон?

Любовь Орлову на всякий случай не помянул. Мало ли?

— Кино... — Ак-Арвах вздохнул, огладил бороду. — Прошу вас, поручик, следите за речью. «Синема» — понятно, но «кино»... Это, простите, что? Собака-с? Синема, значит, захотели. А «четвертая стена» зачем?

Теперь уже «простите, что?» пришлось спрашивать Петру.

— У вас иначе именуется? Или... Разве вы в учениках ходите, Пьеро?

В удивлении арваха чувствовалось невысказанное: отчего тогда с лавиной ремиз?

— Ученик, — согласился Петр.

— Наверное, хороший ученик. Ну, тогда... — Арвах не спеша поднялся с ковра. — Прошу за мной!

Узкий проход, огоньки карачираков, густой запах горящей нефти. За проходом — вновь пещера, поменьше. Голые стены, на одной — синее покрывало с драконами. Такими же, как на халате памирского тирмена.

Ак-Арвах шагнул к покрывалу.

— «Четвертая стена» — из учения господина Станиславского. Мой предшественник именовал это диво по-китайски: «Ша

Чуань». «Прозрачность-на-Окне». Реальность под флером. Вот-с, убедитесь...

Рывок. Драконы с тихим шелестом сползли на каменный пол, освобождая путь ярким электрическим огням. Все еще не веря, Кондратьев всмотрелся, еле сдержавшись, чтобы не протереть глаза. Улица? Да, улица. Асфальт, высокие каменные дома в пламени иллюминации. Долгие ряды авто. Город, вечер, реклама зажглась.

— Париж? Лондон?

— Специально для вас, Пьеро, — невозмутимо прокомментировал Ак-Арвах. — Насколько я понимаю, Чикаго. Сейчас там жарко, господин Нитти шалить изволит. А теперь — держитесь!

Вовремя предупредил. Одно из авто, огромное, черное, притормозило у тротуара. Ударили автоматные очереди: слева, справа, со всех сторон. Петр заметил, как ткнулся лицом в рулевое колесо шофер.

— Из «Томпсонов» бьют...

А улица уже исчезла, уступив место грязному истоптанному полю. Жиденькая цепочка солдат в незнакомой светло-зеленой форме двигалась куда-то влево...

— Китай. Надоели «ходи», сил нет! — Ак-Арвах поморщился, покрывало зашелестело, скрывая «четвертую стену». — Ну как? «Ша Чуань» — окно в реальную жизнь, причем, как правило, в самые драматические ее моменты. В минуты, так сказать, роковые. Можно не только присутствовать, но и ружьишком баловаться. Наше начальство не против: в этом синема людишки, считай, заранее мертвые. Пиф-паф, ой-ой-ой!..

Окно в жизнь? Нет, не в жизнь, Пьеро. Не в Жизнь!..

— Ружьишко, конечно, больше для гостей. Здешних аксакалов и прочих саксаулов за локти оттаскивать приходится. Они же, кроме своих гор, ничего не видели!

Петр представил, как поднимает «Lee-Enfield», целится в чью-то спину...

— Позвольте спросить... Лавина-то зачем? А если бы я не справился?!

Темные глаза Ак-Арваха с удивлением моргнули.

— Так ведь справились, Пьеро! А мне убедиться следовало, того ли человечка прислали. Да что вы, право, волнуетесь? Она вас любит!..

— Любит она тебя, — непонятно сказал дядя Петя.

Усы старика торчали, завиваясь вверх, и задумчивое морщинистое лицо от этого делалось комичным, словно в мультике. Или в фильме про Дон Кихота. Захочешь вспомнить тирщика, вспомнишь усы, и все. Остальное смазывается, будто вам на день посадили зрение.

— Меня так не любила. Взяла, это да. Хранила. Хорошее оружие надо беречь: чистить, смазывать. Меня хранила, а тебя любит. Оттого и ведет быстро...

Старики часто говорят сами с собой, вспомнил Данька. Возраст сказывается. Должно быть, история с коварным зрением потрясла Петра Леонидовича до глубины души, вот и заговаривается. Сколько ему лет? Шестьдесят? Шестьдесят пять? Где-то так...

В тире он оказался случайно. Можно сказать, от радости. Хотя поначалу радостью и не пахло. Ночью спал плохо. Перенервничал, вот и снилась разная чушь. Лес с фотографиями вместо листвы. Винтовка в руках. Главное, он никак не мог взять в толк, что это за винтовка. Она все время менялась: трехлинейка, самозарядная «Токаревка», памятный «Barret», штурмовой «Вепрь», карабин Симонова... Оборотень, не оружие. В лесу гулял незнакомый дядька, похожий на офтальмолога Свитенко, кандидата медицинских наук. Вокруг дядьки по удивительным траекториям летали четыре воробья. Воробьев непременно надо было подстрелить. Данька целился, стараясь не зацепить будущим выстрелом ни одну из фотографий, винтовка превращалась в финский автомат «Valmet» с плечевым упором в виде трубы, дядька уходил, воробьи насмешливо чирикали...

Проснувшись, он долго лежал, боясь открыть глаза. Голову словно стальным обручем стянуло. Выпить анальгинчику? Нацепить мамины очки и бежать к доброму окулисту? Нет, доктор сказал: послезавтра... В раздумьях, страдая от несильной, но тягучей боли в висках, Данька не сразу заметил, что уже минут пять лежит, разглядывая трещинки на побелке потолка.

Мелкие, еле заметные трещинки.

Будильник показывал половину десятого.

Мама ушла на работу, оставив записку: мол, если что не так,

звони, я отпрошусь. Записку он прочел десять раз подряд, наслаждаясь самим процессом чтения. С каждым разом отодвигал листок бумаги все дальше от лица, вытягивая руку до ломоты в плече. И начинал читать по новой: если что, звони...

Буквы были крупные. Ах, мамина заботливая предусмотрительность!

Больше часа он бродил по квартире, разглядывая жилье. Кольца на шторах. Фурнитуру польской «стенки». Замазанные цементом щели между плитками в ванной. Двор, открывшийся глазу в окне кухни. Мусорные баки во дворе. На баках вертелись кошки. Отчетливые, превосходные, замечательные кошки: усы, лапки, хвосты. Боль в голове утихла без анальгина. Есть не хотелось. Хорошо бы выпить чаю...

Данька заварил «Черную Грацию». В чае, если верить рекламке, отпечатанной меленьким шрифтиком, была масса почек, придающих напитку чудесный вкус и утонченный аромат. Впрочем, сейчас он с удовольствием выпил бы и «дровяную сечку», как мама называла скверные, дешевые чаи. Да, мама... Он позвонил ей на работу. Узнал, что Наталья Ильинична на совещании. Попросил передать, что звонил сын и у сына все в порядке. Да, в порядке. В полном. В наиполнейшем. Все просто замечательно. Спасибо, я тоже рад.

Оделся и побежал в тир.

Любуясь по дороге городом, словно попал сюда впервые.

— Здравствуйте, дядя Петя!

Тирщик кивнул. И потом долго, не перебивая, слушал рассказ о военкомате.

Они сидели в знакомой каморке наверху. Посетителей не было: слишком рано. Взрослые на работе, молодняк учится. Парк пустой, на утренних киносеансах даже скидка не помогает: в зале три калеки.

Петр Леонидович подумал и запер тир изнутри.

— Значит, не будем спорить, — подвел он итог Данькиной истории. — Пошли, белобилетчик.

— Куда, дядя Петя? На «минус первый»?

— Сначала на «минус первый»...

В боевом тире дядя Петя задерживаться не стал. Поманив парня рукой, он прошел мимо огневого рубежа к мишеням и пулеулавливателям с антирикошетным покрытием. Туда, где блестел рельсовый путь для движущихся целей. Разумеется, гораздо меньший, чем на открытых стрельбищах. Данька знал, что там, согласно правилам, горизонтальная часть рельсов двадцать семь метров в длину, а наклонные правая и левая части — по пятнадцать метров. Здесь наклонные части были совсем коротенькие, хотя и оборудованные в высших точках стопорно-пусковыми устройствами: удерживать тележку на месте до команды. Левый коридорчик заканчивался металлической дверью. При Даньке дверь еще ни разу не открывалась. Он был уверен, что там хранится разный хлам.

Сейчас уверенность поколебалась.

Дядя Петя достал ключ с витиеватой бородкой, отпер висячий замок.

— Не боишься?

Вспомнилось, как они впервые спускались на «минус первый». Данька тогда трясся от страха, ожидая, что тирщик убьет его, расчленит и спустит в канализацию. Или оставит лежать для устрашения будущих любопытных мальчиков. Три года прошло. Куча времени. Мальчик вырос, стал большим. Мальчик хочет в армию, а армия мальчика не хочет.

— Нет.

Страха не было. Был интерес и азарт: что там?

Артур, хитрец, о тайном ходе не рассказывал...

— Артуру сюда дороги нет, — словно читая мысли, буркнул дядя Петя. — Запомни раз и навсегда. С Артуром про «минус второй» лучше помалкивай. Незачем дразнить голодную собаку куском мяса. Укусить может. Он и так сюда рвался, всю плешь мне проел...

«Оттого, наверное, Артур и из тира ушел, в механики, — сообразил Данька. — Обиделся...»

Вниз вела узкая винтовая лестница. Наверное, есть и другой спуск, более комфортабельный. Хотя... Что-то подсказывало: другой спуск, может, и есть, но комфорта не жди. На «минус втором» скоростные лифты с зеркалами не положены.

Ламп не горело.

Ни одной.

— Клиенты пользуются. — Петр Леонидович подсвечивал фонариком, который предусмотрительно захватил с собой. — Вот и не жгу лишних свечей...

Что за клиенты пользуются загадочным «минус вторым» и почему лишние свечи в этом колодце мешают клиентам, Данька не понял. А спросить постеснялся. Спустившись примерно этажа на два, они попали в крохотный предбанничек: стены в деревопанелях с утеплителем, потолок зашит пластиком, в ще-

лях — звуконепроницаемый «Макрофлекс». Сбоку — красная лампочка, как в древней фотолаборатории.

— Что бы ты ни увидел, не бойся. Нам ничего не грозит.

— А я и не боюсь, — сказал Данька.

Даже обидно, думал он, пока старик отпирал дверцу «минус второго». Что ж он меня стращает, а? Проверяет? Шутит? На понт берет?! Петли дверцы оказались хорошо смазаны: не скрипнули, открывая дорогу гостям. Нет, хозяевам. Кто хозяева тира, если не мы, тирмены?

Доверие Петра Леонидовича грело душу.

Перед ними открылся длинный и довольно-таки грязный бункер. Если бы не простор, больше всего бункер напоминал подвал под Данькиным домом. Изгибы черных труб, сгоны, перемычки, грязный, закопченный бетон стен, тусклые лампочки в защитных ящичках. Пуле такие ящички, как говорится, до лампочки. Ржавчина, пятна сырости, где-то капает вода. Только крыс не хватало.

Вместо крыс, в двадцати метрах от тирменов, укрывшись за грудой мешков с песком, лежали двое. Целясь в противоположную сторону бункера из «Калашей».

— Высунься! — попросил первый и грязно выругался. — Ну, высунься, гадюка!

Данька узнал стрелка. Этот человек, в неизменном костюме-тройке (три пуговицы, мелкая полоска, ярко-красный галстук), с депутатским значком на лацкане, не слезал с экранов телевизоров. Боролся за права пенсионеров, громил повышение тарифов на коммунальные услуги, клеймил предателей Родины, вручал грамоты победителям конкурса юных кобзарей... Сейчас депутат накинул поверх костюма прозрачный дождевик: длинный, до пят, с капюшоном.

Боится испачкаться, понял Данька. Ему в мэрию, или на митинг, или в столицу лететь, заседать. Отстреляется, снимет дождевик — и опять как новенький.

Зачем депутат перед работой, с утра, стреляет на «минус втором», он не знал.

В дальнем конце бункера, куда целилась сладкая парочка, было темно. Но вот взлетела ракета, рассыпалась зеленым огнем, осветив скалы. Видимо, там, где эти скалы находились, март выдался гораздо теплее, чем в родном Данькином городе. Чахлая зелень, кривые деревца вцепились в трещины корнями, куча щебня ползет вниз, к тропинке.

На тропинке чадил, почти не давая света, военный автомобиль.

— «Мустанг», — тихо сказал дядя Петя, проследив за взглядом парня. — На «КамАЗе» делают. Двигатель уровня «Евро-2», турбонаддув. Гарантированный пуск двигателя при отрицательных температурах до минус полсотни градусов. Сильная машина.

Около сильной машины копошились два раненых солдата.

Картина не выглядела странной. Идет война, темно, летит ракета. Подбит автомобиль. Ничего особенного. Если, конечно, не задумываться, почему этот фильм показывают в подземном бункере. И почему фильм — не фильм, а провал туда, где все объемно, грязно, страшно и взаправду.

— Есть! — заорал депутат.

Он привстал и начал садить очередь за очередью в скалу, из-за которой только что высунулся бородатый детина в камуфляже. Стрелял депутат скверно: ствол задирало вверх, пули высекали кусочки камня, не задевая детины. Тот спрятался обратно, под прикрытие, но вскоре опять сунулся наружу, высматривая солдат у машины. В руках у детины был такой же автомат Калашникова, как и у депутата: «АК-74». Кучность и точность стрельбы не очень, зато высокая надежность. И меньшие требования к уходу.

Три или четыре осветительные ракеты рассыпались над горами.

— Сучий потрох!

Депутат вскинул автомат, но «Калаш» выстрелил только один раз — пуля ушла в сизое, похмельное небо над скалами — и умолк. Кончился магазин. Бранясь вполголоса, депутат зашарил вокруг себя в поисках запасного. Бородач за скалой повел стволом, выцеливая раненого...

Напарник депутата открыл огонь.

Голова бородача лопнула, полетели брызги. Детина медленно, как в кино, начал валиться на спину.

— Блин! Опять ты мне малину изгадил, — обернулся депутат к напарнику.

Он нашел наконец рожок, загнал его в гнездо, передернул затвор.

— Я тебе еще вчера, на сессии, сказал: даю магазин форы, — с полнейшим равнодушием процедил напарник, не глядя на рассерженного депутата.

— Фигня! Там еще трое чучмеков. Спорим, двоих завалю!

— Четверо, — бесцветно уточнил напарник. — Дерзай. Только помни: фора кончилась.

— Обойдусь!

Второй стрелок, изгадивший малину словоохотливому депутату, умостился между мешками так, что казалось, сросся с укрытием. Одежда на нем была под стать внешности: длинная куртка мышиного цвета, мятые брюки с тоненькими «манжетами». Одевать дождевик он поленился, валяясь, в чем есть. Видимо, меньше ценил сохранность наряда. Лица стрелка Данька не видел, но уверился: и лицо у него такое...

Никакое.

Увидишь — не обратишь внимания. Встретишь снова — не узнаешь.

Внизу, на тропинке, раненые, помогая друг другу, отползали под прикрытие горящей машины. На щебне оставался черный след. Откуда-то спереди и сбоку ударила очередь. Пули взбили венчики пыли на тропинке, метрах в трех от раненых. В ответ дернулся ствол невзрачного клиента.

Короткая очередь. Еще одна.

Стрельба по дороге прекратилась.

— Снял? — с завистью поинтересовался депутат.

— Угу.

— Тебе, блин, Клинта Иствуда мочить. А я его даже не увидел.

Признаться, Данька тоже не углядел, куда стрелял напарник депутата. Но ни на миг не усомнился в кратком «угу». Снял — значит, снял.

Взлетела очередная ракета — белая, очень яркая. В слепящем свете открылись ущелье, уходящее вдаль, осыпи, ноздреватая скала, похожая на голову урода с горбатым носом и грубо стесанными скулами. За «Мустангом» на тропе лежало несколько тел. Они не шевелились, в отличие от раненых, укрывшихся с той стороны машины.

От скалы-головы отделилась темная фигура — свет бил человеку в спину. Споро, по-тараканьи, кинулась наискось по склону, отбрасывая на камни излом черной тени.

— Мой! Попался! — Депутат вскочил, лихо и бестолково саданул очередью от бедра.

Разумеется, промазал.

— Насмотрелся? — На плечо легла рука дяди Пети. — Хватит для начала. Пошли наверх.

За их спинами депутат азартно расстреливал второй магазин.

Дверь уже закрывалась, когда до Даньки долетел восторженный крик:

— Есть! Я его завалил! Завалил!..

— А вы правду сказали маме? — спросил Данька, подставляя стакан под носик заварничка.

— Ты о чем?

— О зрении. Вы сказали, у вас так же было... Это правда?

— Нет, неправда. Соврал я. — Тирщик пригладил седой «ежик» и добавил: — Говорю ж, любит она тебя. Я-то на войну ушел...

IV.

Похоже, бегство желто-золотого кролика послужило своеобразным сигналом неведомым силам «плюс первого». Или вестником их доброй воли — это кому как больше нравится.

Даньке нравилось по-всякому. Потому что буран улегся в считаные секунды.

Из-за хмурых снеговых туч выглянуло солнце — не робкий высверк-одиночка, а косматый великан. Мощные руки-лучи раздвинули ставни окон, еще недавно заколоченных наглухо, распахнули во всю небесную ширь. На глазах у тирмена сугробы начали стремительно оплывать, терять очертания, идти черными пятнами, подобно шкуре далматинца. Мясистые листья на деревьях засверкали бриллиантами самой чистой воды. Снег сделался пористым, ноздреватым, в сплошном покрове возникли первые проталины.

Под ногами зажурчал ручеек.

Земля, еще недавно промерзшая насквозь, до стального звона, превращалась в жирную грязь. Весенние месяцы спрессовались не в дни — в минуты, словно в сказке про двенадцать братьев-месяцев и бедную, но честную и трудолюбивую сиротку. Ты катись, катись, колечко...

Он вспомнил любимую Леркину песню:

«...Да, знаю я, что виноват, что у меня в груди весна!
Я попаду, наверно, в ад — за то, что у меня весна.
...Я сам не знаю, что со мной, но у меня в груди весна...»

Радостная жуть пробуждения владела лесом «плюс первого».

Четвертую мишень не пришлось долго искать. Серебряный пятак вспыхнул на солнце, выкатываясь на пригорок, с которого только что сошел снег. Монетка задержалась на верхушке, словно красуясь перед зрителем. Ты катись, катись, колечко, на весеннее крылечко... Даньке вдруг показалось, что это и не пятак вовсе, а старый, еще советский гривенник, с дырочкой для шнурка.

Цель, чудесным образом не пачкаясь, слетела с пригорка, на миг исчезла в ложбинке, перепрыгнула через ручей и покатилась дальше. К перестуку назойливых барабанчиков добавилось звяканье загадочного инструмента. Наверное, звенела беглянка-монетка.

Снова придется стрелять с колена — слишком низкая мишень.

«Что, тирмен, отработаем усиленный паек?»

Да, дядя Петя, отработаем. Так отработаем, что паек кое у кого в горле комом встанет. «Руки на месте, голова на плечах...»

Верно, дядя Петя. Справимся.

«Опусти ствол. Чего ты в меня целишься, ей-богу...»

Не в тебя, Петр Леонидович. В пятачок.

Он опустился на колено в жидкую грязь. Джинсы мгновенно промокли. Ну и пусть. Великая Дама, как известно, никуда не спешит. И никогда не опаздывает. Тирмен Даниил Архангельский — хороший ученик. Никуда не спешит. Никуда...

Данька снял монету с первого выстрела. Пятак со звоном улетел в чащу, сгинув в зарослях орешника. Напоминанием о зиме ударил ветер, принеся с собой жалкие остатки снега. Тощенькая, неуместная посреди весны поземка белой змеей прошуршала по кустам вслед за исчезнувшим пятаком — и растаяла без следа.

Четвертая — есть.

Мишень четвертая

ЦЕЛЕВОЙ ВЫЕЗД

Иллюзиями собственных свершений
Раскрасив жизнь в пастельные тона,
Хочу спастись от участи мишени,
Которая на стрельбище[1] — одна.

И этот тир мне, кажется, не снится.
Навылет, пли! Промазали, дыши...
Ему ты удивляешься, сестрица?
Ведь на миру все средства хороши.

М. Хамзина

ГОД БЕЛОЙ ЗМЕИ

1.

«Гавайка» на загорелом мужике была замечательная. Цветовой взрыв типа «пожар в джунглях» — пальмы, паруса, волны, красотки в бикини, похотливые ягуары и замысловатые псевдоацтекские узоры. Просто праздник какой-то! Впрочем, и сам мужик выглядел вполне праздно: катил через рынок на велосипеде, лениво глазел по сторонам, скалил зубы и никуда не торопился. Ни по делам, ни за покупками. Сейчас проедет через шумную толчею, свернет к морю, устроится на пляже, извлечет из сумки, притороченной к багажнику, бутылку пива...

Сразу захотелось составить загорелому мужику компанию.

[1] Вид стрельбища со стороны мишеней:
1. Будка (навес) для стрелкового места.
2. Вал-ограничитель.
3. Земляной вал-барьер.
4. Щит для мишени.
5. Тележка.
6. Рельсовый путь (наклонная часть).
7. Демонстрационные щиты.
8. Скамейки для обслуживающего персонала и судей.

Вокруг галдел и торговался народ. На прилавках, под плетенными из соломы навесами, высились горы ананасов, папайи, бананов, киви, апельсинов и клубней сладкого маниока. Солнце наискось било сквозь резные листья пальм. В его лучах, прямых и узких, как непомерно удлинившиеся световые мечи джедаев, клубились пылинки. Если б не пальмы, навесы и стены ближайших домов, солнце давно бы превратило рыночную площадь в каменную сковородку.

Дорогу велосипедисту перегородил развозчик напитков со своей тележкой. Колесо тележки попало в выбоину. Остановившись, загорелый с легким раздражением наблюдал за потугами юного мулата освободить проезд. Сам загорелый был белым, хоть кожа его и приобрела оттенок старой бронзы. Лицо оставалось в тени благодаря широкополой шляпе. Можно было различить лишь модную в этом сезоне небритость средней запущенности — «под мачо».

Глаза велосипедиста скрывали темные очки. Впрочем, при местном солнце это неудивительно. Тут почти все носили темные очки — да хоть тот же неуклюжий водовоз.

Вокруг хаотично бурлил народ, наглядно иллюстрируя картину броуновского движения из учебника физики. Только рядом с велосипедистом и мулатом-водовозом образовалось пустое пространство. Без видимой причины. Словно, пытаясь разминуться, эти двое генерировали таинственное, неизвестное науке поле, которое заставляло других обходить странную парочку стороной.

Глупости, конечно. Случайная флуктуация.

Сейчас они разъедутся...

В десяти метрах впереди, у выхода с базара, захлопали автомобильные дверцы. Оливковый «Форд Сьерра» и небесно-голубая «Тойота» остановились буквально нос к носу — вернее, бампер к бамперу. Следовало ожидать, что владельцы машин начнут перепалку, требуя каждый освободить дорогу. Однако ничего подобного. Выбравшись из автомобилей, мужчины принялись обмениваться рукопожатиями, хлопать друг друга по плечам, лучезарно улыбаясь.

Говорили по-испански, но угадать общий смысл произносимых фраз не составляло труда:

— Буэнос диас, Антонио!

— Комо стас, Хосе!..

— Курва пелигроса, камарадос!..

Пыльные открытые джипы камуфляжной расцветки ворва-

лись на рыночную площадь сразу отовсюду, со всех пяти выходивших на нее улиц, блокируя пути к отступлению. Из джипов посыпались люди в хаки, с автоматическими винтовками в руках. Что-то орал в мегафон офицер — толстый, усатый, в фуражке с высокой тульей и кокардой, надраенной до ослепительного блеска.

— Порка Мадонна!

Отшвырнув велосипед, загорелый выхватил из-под «гавайки» пятнадцатизарядную «Беретту М-92» и рванулся вперед, опрокинув тележку развозчика. Посыпались бутылки, термосы, контейнеры с «сухим льдом». Упав, юный мулат, отслеживая глазами бегущего человека, сунул руку в один из контейнеров. Водовоз передернул затвор спрятанного там «MiniUZI», но нажать на спуск опоздал. Загорелый обернулся на бегу — миг, и пуля «Беретты»...

Загорелый окаменел в изумлении. Какая, к дьяволам, пуля «Беретты»?!! Он не успел выстрелить! Но пуля тем не менее вошла в грудь мулата. Слева, где сердце.

Водовоз умер смертью праведника: мгновенно, без мучений.

Кто-то из приехавших распахнул багажник «Форда». Похоже, там находился целый арсенал: через три секунды мужчины, только что разговаривавшие о пустяках, встретили полицейских огнем из помповиков и короткоствольных автоматов «Heckler und Koch». В ответ люди в хаки рассыпались, залегли. Зло ударили «М-16», быстро превращая оба автомобиля в решета с крупными дырками.

Базар стремительно пустел. Покупатели и продавцы исчезали неизвестно куда, словно проваливались сквозь землю. Никто не орал, не метался глупо и бестолково, норовя угодить под пули — к подобным инцидентам здесь привыкли и хорошо знали, как действовать в случае чего. Минута — и, кроме стрелков, меж лотками не осталось никого.

Плюнув на неразрешимую загадку, загорелый присел, укрываясь за прилавками, и, согнувшись в три погибели, двинулся в сторону покореженных автомобилей, обходя их с тыла. Солнце щурилось с неба, раздвигая узорчатую листву пальм. Смертоносными осами, с жужжанием и свистом, ввинчивались пули в раскаленный воздух. Грохот и треск выстрелов, визг рикошета, летят цветными фейерверками ананасы и киви, разнесенные в клочья...

Данька задержался на «минус втором»: посмотреть.

Казалось бы, видел сто раз. Тем не менее открывающийся провал, где люди убивали людей, притягивал взгляд, не желая отпускать. Смерть там, в провале, выглядела бестолковой и грязной. Совсем не как в кино.

Но смерть завораживала.

Иногда Данька думал, что присутствие стрелков *здесь* заставляет мазать стрелков *там*. Такая вот странная интерактивность. Впрочем, это случалось далеко не всегда. Иногда клиенты «минус второго» не успевали вставить в разборку свои «пять копеек» (то есть пару пуль), как в провале дело заканчивалось. Сами управлялись, без посторонней помощи. Клиенты уходили недовольные, хотя раздражение старались не показывать. «Минус второй» — не то место, где возникает желание громко возмущаться хозяевами или качеством услуг. Не располагает, знаете ли. Даже если человек действительно разочарован. Сильные мира сего становились здесь сдержанными и вежливыми до тошноты.

И легенда о «залетной пуле» тут совершенно ни при чем.

Сегодня и полиция, и мафия стоили друг друга. Стреляли из рук вон плохо, не в силах попасть в противника с несчастных двадцати метров. Или просто день такой? Что ж, Зинченко с приятелем выправят ситуацию. С обеих сторон, надо полагать.

Первым вступил в игру приятель Зинченко, сразу взяв сторону блюстителей закона. Это он уложил юного мулата, опередив загорелого агента в «гавайке». Правда, уложил не из «Беретты», а из бразильского «Тауруса» — но какая, собственно, разница? Именно с «Беретты» «Таурус» изначально и был содран.

Напарником «авторитетного» олигарха являлся нынешний министр культуры. Фамилию его Данька забыл, но в должности клиента сомнений не возникало. По телевизору прошел репортаж о визите министра в наши пенаты. Гостя показывали крупным планом. А теперь, значит, пан министр имеет «культурный досуг».

По полной программе для VIP-ов.

Ага, сменил «Таурус» на бразильскую же «IMBEL MD-2». И с увлечением помогает далеким властям дырявить машины тамошних бандюков.

Зинченко, вооруженный помповым «Benelli» и «Браунингом BDM», как и следовало ожидать, принял сторону мафиози. Его ружье рявкнуло так, что не надевший наушники Данька на се-

кунду оглох. Выстрел опрокинул навзничь одного из полицейских, в клочья разорвав форму на груди. Кажется, на несчастном был бронежилет, но вряд ли он его спас.

Данька тихо вышел, прикрыв за собой не скрипнувшую дверь. Хотя скрипи дверь, как в фильме ужасов, — при грохоте, стоявшем на «минус втором», никто бы этого не заметил. Дело в другом: они с Петром Леонидовичем оба любят порядок.

Он поднялся на «минус первый», сел в потертое офисное кресло у столика со зрительной трубой. Приниматься за чистку-смазку-уборку не стоит: внизу скоро все закончится. Надо будет спускаться, провожать гостей. Провал закроется сам, тут ничего делать не требуется. Что представляют собой провалы «минус второго», до сих пор оставалось для Даньки загадкой. Каждый раз возникало разное: горное ущелье, улица незнакомого города, тропические джунгли, блокпост у дороги, траншея с земляным бруствером — или, к примеру, базарная площадь.

Постоянными величинами были две: стрельба и смерть.

Клиенты «минус второго» получали возможность насладиться участием без риска для себя.

В то, что дело в провале происходит взаправду, Данька не верил. Дойди современная техника до такого — открывать «каналы» в любую точку боевых действий, с односторонней проходимостью огня, — подобная установка находилась бы уж никак не в городском парке, в тире у дяди Пети! Засекретили бы «на десять нулей», оборудовали бы тайный полигон и использовали при спецоперациях. А министры с олигархами развлекались бы другими забавами.

Когда Данька пристал с расспросами к дяде Пете, тот посмотрел на молодого тирмена с большим и, надо сказать, обидным скепсисом.

— У тебя компьютер дома есть?

— Есть.

Компьютер действительно был. С доступом в Интернет. Интернетом Данька в основном пользовался для таскания из сети рефератов и курсовых. Он учился на заочном в физкультурном институте, собираясь в будущем получить диплом тренера по пулевой стрельбе. Поступил легко, без проблем, сессии сдавал тоже — не бей лежачего. Кое-кто из клиентов «минус второго» позвонил ректору, шепнул пару ласковых, и студент Архангельский мигом оказался на особом счету.

— А как он работает, ты хорошо представляешь? Объяснить сможешь?

Данька замялся:

— Н-нет, наверное.

— Вот и я также. Хрен его знает, как оно работет. Пользуемся, и ладно. Новейшая разработка, говорят. Экспериментальная. Такие шишки заказывали, что закачаешься.

«Небось голограмма. Интерактивная. А снято в реале. Вот почему от настоящего не отличишь, — решил Данька. — Виртуалка с усиленным эффектом присутствия. Почему бы и нет?»

Новейшая экспериментальная разработка была снабжена какими-то особо хитрыми сенсорами — специально включать на «минус втором» ничего не требовалось. Провал открывался сам в течение получаса после явления гостей. За это время Данька или дядя Петя демонстрировали клиентам, если приходили новички, огневой рубеж, предлагали тонкий прозрачный дождевик до пят, чтоб не пачкать одежду (Зинченко именовал дождевик «гондоном» и надевать категорически отказывался), а потом шли за оружием.

Подходя к оружейным сейфам, Данька уже твердо знал, какой ствол выдать сегодня клиенту. Если, к примеру, вместо хорватского автомата «APS 95» вполне подойдет его изначальный прототип — израильский «Галил», то «Калашников» любой модификации или австрийский «Steyr» клиент в руки получить не должен. Не говоря уже о немецкой «G11». Откуда он это знает, Данька особо не задумывался. Чутье тирмена. Профессионализм. Да и по клиенту видно...

Он возвращался, выдавал оружие и патроны. Если требовалось, показывал, как перезаряжать, как целиться. А потом в дальнем конце бункера проявлялось изображение. Сначала плоское и бледное, как в кинотеатре при включенном в зале свете, оно быстро оживало, набирало яркость и глубину, объем и рельефность. Из провала доносились звуки, изредка — запахи.

И очень скоро там начинали убивать.

Даньке никогда не хотелось поучаствовать, «завалить» кого-нибудь. Если клиенты приглашали, благоволя к симпатичному, услужливому парню, он вежливо отказывался.

Хотя на компьютере временами играл в «веселые картинки» — так он именовал «стрелялки», 3D-шутеры.

Однажды, когда на «минус втором» никого не было и Данька подметал с пола стреляные гильзы, собирая их в антикварный оцинкованный совок, неожиданно открылся провал. Без кли-

ента. Сам собой. На лесной просеке пока никто не стрелял — и Данька вдруг решился.

Сейчас узнаем правду!..

Он перебрался через бруствер из мешков с песком, подошел вплотную. Еще шаг — и он окажется в лесу. Шагнет с бетона в вязкую грязь после недавнего дождя, с отпечатками следов протекторов. Сердце отчаянно колотилось. Заветный шаг...

Под ногами был знакомый бетонный пол. Голограмма поблекла, поплыла клочьями тумана... Угасла. Вон стена с пулеуловителями. Хотя что тут улавливать?.. Данька прошел дальше, коснулся стены. Все верно. Правду говорил дядя Петя: туда попасть нельзя. Потому что нет никакого *там*, а есть бункер «минус второго»: гулкая коробка, гильзы со звоном перекатываются по полу, гора мешков... Одна странность: в стене почти не было выбоин от пуль. Да и в пулеуловителях дырок негусто. А стреляют здесь много. Боевыми.

Однако Данька раздумал тревожить вопросами старого тирмена.

Лучше пусть будет голограмма.

Закрыли тему.

Когда он вернулся к огневому рубежу и оглянулся, в провале снова была лесная просека. Качались тяжелые лапы елей, стряхивая капли влаги, по грязной луже бежала рябь. Минута, две — и все исчезло.

...На стене замигала красная лампочка под матовым колпаком. Противно зажужжал зуммер. Клиенты отстрелялись. Данька поднялся, хлопнул себя по карману, проверяя, на месте ли ключи, и направился к лестнице.

Провал с раскуроченным базаром исчез. О недавней баталии напоминали лишь висевший в воздухе запах пороховой гари, десятки стреляных гильз у огневого рубежа да оружие, аккуратно сложенное на столе: автомат, помповуха, два пистолета и запасные магазины.

— Кто кого? — поинтересовался Данька.

— Ничья! — бодро отозвался Зинченко, расчесывая бороду миниатюрным гребешком. — Он четверых наших положил, — уважительный кивок в сторону министра, — я троих мусоров грохнул. Но наши прорвались!

— За твоими джипы пошли! — с уверенностью заявил министр культуры. — Не уйдут!

— Ну, это еще бабушка надвое...

Данька отпер дверь в дальнем конце бункера. Обычно клиенты входили и уходили через нее — отсюда подземный ход вел в открытый (верней, вечно закрытый) летний театрик, в будку кассира. Дверь самой будки не вызывала у прохожих лишних мыслей. То, что под жестяным листом с дешевой ручкой из пластика таится бронеплита с хитрыми замками, знали немногие.

Между прочим, хоть к тиру, хоть к будке на машине не подъедешь: парк, как ни крути. Приходилось «большим шишкам» топать сюда пешком. «В нужник и цари пешедралом ходят», — любил говаривать дядя Петя. Данька поначалу обижался: «У нас не нужник!» — «Так и они не цари!» — усмехался в усы старый тирмен.

— Вас проводить?

— Спасибо, Данила, не надо, — дружески хлопнул его по плечу Зинченко.

— Замок не забудьте защелкнуть, Борис Григорьевич.

— Не забуду.

Министр порылся по карманам.

— Спасибо, молодой человек. Мы с Борисом Григорьевичем чудесно провели время. Вот моя визитка. Если вдруг что, обращайся без стеснения.

В ладонь лег плотный рифленый прямоугольник. «Теперь хоть фамилию его запомню», — подумал Данька.

Он запер за гостями и направился к оружию. Стволы — в сейфы. А почистить, смазать и убраться здесь можно будет и завтра. Точнее, сегодня вечером. Как-никак полпятого утра. Ночная смена закончилась.

Пора домой, тирмен.

Баиньки.

2.

Господин Зинченко сильно удивился:

— Так просто? Вы еще скажите, Петр Леонидович, что знаете автора «Мурки»!

— Лично? — невозмутимо поинтересовался старик, изучая меню. — Лично нет. Но лицезреть приходилось. Издали. Яков Ядов, тот, что «Бублички» изваял. Музыка Оскара Строка. Году в двадцать пятом к нам в колонию приезжал хор братьев Зайцевых, с шефским концертом. Чуть не запретили — из-за репертуара. В последний момент Антон Семенович Макаренко, так сказать, пошел навстречу пожеланиям. Вот они на «бис» «Мур-

ку» и спели. А Ядов стихи читал. Борис Григорьевич, я во французской кухне не слишком...

Бородатый бросил на меню беглый взгляд.

— Я тоже. Скажу, чтобы на их усмотрение... Извините.

На этот раз телефон не мяукал. Должно быть, виброзвонок сработал.

Слушал господин Зинченко долго, но не сказал ни слова. Наконец, оборвав далекий монолог, спрятал трубку, с минуту помолчал.

— Да. «Ты зашухарила всю нашу малину, и за это пулю получай...» Эх, Мурка, Маруся Климова! Итак, на их усмотрение... «Хоронили Мурку с кумачовым флагом...»

Петр Леонидович по давней привычке старался не смотреть прямо в лицо собеседнику. Лучше сконцентрироваться на условной точке, скажем, на бюсте Луи де Фюнеса, укрепленном на противоположной стене. И чрезмерным вниманием не смутишь, и все увидишь. Впрочем, стараться нечего — и так аршинными буквами написано, словно на плакате РОСТА.

«Мчит Юденич с Петербурга, как наскипидаренный...»

Наскипидарили господина Зинченко по полной программе. Петр Леонидович сразу это сообразил, едва зазвонил его собственный мобильник. О недавно купленном мобильном телефоне тирмена Кондратьева знали единицы. Даже Данька не был в курсе: молод еще, незачем. Да и бородатый покровитель не часто приглашал Петра Леонидовича во французский ресторан ранним утром. Не в компании развеселых друзей, а соло, без свиты и охраны. Обычно ограничивались чаем в каморке при тире. Зинченко то и дело грозился «накрыть поляну», но пока обходилось. А сегодня, значит, не обошлось.

Настроение авторитету испортили еще до их встречи.

Звонок лишь усугубил.

Старик любовался наивным хитрованом де Фюнесом. Смешному Луи доводилось изображать на экране крутых мафиози и комиссаров полиции. Зинченко ему, правда, не сыграть, фактура не та. Пока официантка не без робости (знает, видать!) выставляла на твердую рельефную скатерть блюда «на усмотрение», бородатый трудно молчал, без особой нужды двигая вилку по столу. Едва официантка убралась вон, резко тряхнул седеющей шевелюрой. Словно решение принял.

— Осуждаете?

— За антиобщественный образ жизни? — бесстрастно уточнил Петр Леонидович, не отрывая глаз от острого носа великого комика. — Нет. Придерживаюсь правила: не судите, да не судимы будете.

— Антиобщественный? — Зинченко через силу, без всякой охоты, хохотнул. — И еще за пропуск занятий в кружке сольфеджио, блин... Я о «минус втором». Вы ведь тех, кто там душу отводит, за людей не считаете. Или я слепой?

Он скривился, крутанул в крепких пальцах безвинную вилку.

— И я раньше не считал. Западло, когда в спину, из безопасного местечка. Беспредел. Не по злобе, не за бабки — ради кайфа. Честно говорю, от сердца: сам на такое только ради дела соглашаюсь. Полезным уродам, гори они огнем, компанию составляю.

Старик кивнул:

— Я заметил. И оценил.

— А сегодня сорвался. Слетел с нарезки. И на чем, с кем? Волка позорного на поводке выгуливал, отставного гэбэшника. Теперь, значит, министра культурного. Честь, блин! До чего дожил, а? Вор в законе с ментом поганым форс давят, друг перед дружкой выеживаются! И что самое страшное — понравилось стрелять из схрона. Соображаешь, отец? Понравилось!

Впервые — на «ты», впервые не по имени-отчеству.

Петр Леонидович не стал возражать.

— Сейчас сижу, думаю, ничего понять не могу. Самому, что ли, правилку созвать, покаяться, встать на колени? Бейте по ушам: заслужил! Или... Может, время такое? Не ссучишься — не проживешь? Гады уродские, сволочи!.. Всех давить, урыть, живьем землей закидать — и сверху плюнуть! Да? Правильно говорю, отец?!

После развеселой ночи на «минус втором», которой наверняка предшествовал банкет «по-взрослому», Зинченко выглядел не лучшим образом. Что не делало его менее опасным. Он ждал ответа: с нетерпением, еле сдерживаясь, налившись дурной кровью.

Что ж, Кондратьев ответил:

— К хорошему врачу пробовали обратиться? По поводу ваших почек?

Зинченко дернулся, вилка с легким стуком упала на скатерть.

— В курсе, значит? Вчера утром был у доктора. Как раз перед тем, как с культурным на встречу ехать. А толку? Наплел лепила с три короба, языком чесал, как шамилей махал. Я ведь сразу просек... Почки еще в детстве застудил, в бараке зимой от

сквозняка не спрячешься. Две было, одна осталась. Теперь вот и одной много... Хотите сказать, моча в голову бьет? Может, и бьет. Зверею, на людей кидаюсь. К бабке, что ли, пойти, пускай отшепчет? Средство народное подыщет?

— Меня уже лечили в детстве. — Петр Леонидович пододвинул к себе ближайшее блюдо, оценивая, принюхался. — Народным средством. Правда, не от почек — от тифа. «Днепровский чай» называлось... Кстати, это, как я понимаю, салат «Герцог Арагонский». С телячьим сердцем, если верить меню. Опробуем, благословясь?

С тем и приступили к завтраку. Господин Зинченко — без всякого аппетита, старик — дегустируя всего понемножку.

— «Днепровский чай» еще «Балтийским» именуют. Или «Матросским». Ложка кокаина с верхом на кружку спирта-сырца. Принимать перед едой, помешивая, но не взбалтывая.

Борис Григорьевич замер, с трудом дожевал порцию «Герцога».

Сглотнул.

— И... и как?

Петр Леонидович беспечно улыбнулся:

— Жив, как видите. Мне тогда семь годков исполнилось. Остался сиротой, без родителей. А тут тиф. Помер бы, конечно, но, как говорится, не было счастья, да несчастье расстаралось. Бандиты спасли, Сенька Жадик со товарищи. Авторитет губернского масштаба, с двух стволов лупил, не промахивался...

Именно Сенька Жадик позднее и оприходовал товарища Каткова, начальника Николаевской Губчека. Лично поспособствовал — сам к стенке кирпичной толкнул, сам гостинец свинцовый влепил меж выкаченных глаз. Коммунар Петр Кондратьев узнал об этом из старой газеты. В библиотеке нашел, когда подшивки перелистывал. Не удивился — достал календарь, принялся с усердием считать. Трижды перепроверил расчеты. Нет, точно. Вышел чекисту карачун аккурат через два дня после того, как Ленька Фартовый с братцем Камушком на Лиговке пострелять решили.

«С кем имею честь?» — сухо и ровно спросил отец.

С моей мишенью, папа!

— Подобрали, пожалели мальчишку. Лекарств не было, вот и пользовали «Днепровским чаем». Я потом долго думал: почему не помер? Даже в книжки заглянул. Оказывается, употребление этой адской смеси приводит к метаболическому взаимодействию и образованию так называемого кокаэтилена, сравнимого с кокаином по способности подавлять пресинаптический захват дофамина... Продолжать?

— Не надо. — Широкая ладонь взметнулась вверх. — Понял, отец. Хлюздить не буду.

Старик сощурился:

— Беспонтовую хлюзду на палочке возят. И в хлюздильню макают, пока до правды не доскачет.

Теперь говорили тихо. А дальше и вовсе замолчали, без лишнего шума отдавая дань французской кухне, экзотической для здешних мест. Кокильон с сырным фондю, куриные рулетики с рокфором, карп «де Трувиль» с овощами... С опозданием Петр Леонидович сообразил, что бородатый и не заикнулся о спиртном. И не оттого, что по утрам пьют одни лошади. Видать, и вправду припекло.

— Врача хорошего для вас поищем, Борис Григорьевич. А лепила ваш пусть себе и дальше шамилей машет. Это метла, кажется?

Зинченко усмехнулся, по-детски шмыгнув носом:

— Ботаешь, отец. В натуре!.. Извините, Петр Леонидович. Который год вас знаю, а понять не могу. То под работягу с тракторного завода канаете, семечки чуть не на пол лузгаете, то гимназист из дореволюционной книжки...

— Не успел, — вполне серьезно отозвался старик. — Даже в протогимназию не попал. Борис Григорьевич, мы неоднократно констатировали, что системы наши хоть и различны, но...

— Не антагонистичны. — Слегка повеселев, Зинченко подмигнул. — Я тоже от вас набрался.

— Поэтому рискну дать совет. Как старший по возрасту. Если говорить культурно... На хрена вам все это нужно, Борис Григорьевич? На жизнь заработали, на черный день отложили, и на зеленый отложили, и на серый в крапинку. Президентом стать хотите? «Хомячками» не накомандовались? Бросьте дела к черту, подлечитесь. Лишние двадцать лет проживете!

Старик глянул искоса: не обиделся ли авторитет? Нет, не обиделся, думать стал. Сильные пальцы гладили черную, до сих пор аспидно-черную бороду.

— Не дадут, Петр Леонидович. Слабых добивают, не нами придумано. Найдут, порвут в клочья — и меня, и Любу. Вы-то по сей день в своей системе, а не мальчик, скажем прямо...

— Не мальчик, — спокойно согласился тирмен Кондратьев. — Сравнивать не стоит, некорректно. Извините за прямой

вопрос, Борис Григорьевич... На первое свое дело вы в каком возрасте сходили? В четырнадцать?

— Обижаете, — хмыкнул бородатый с законной гордостью. — В шесть лет на стреме стоял. С двенадцати в колонии. Коронували в двадцать девять, в соликамской «Девятке», она же «Белый лебедь».

— А в нашей системе не торопятся. Меня начали готовить к работе с восьми лет...

Или даже раньше, подумал старик. Адрес, который заучил маленький Пьеро, оказался бесполезен — но привел на угол Среднего проспекта и 10-й Василеостровской линии. Случайность? Оказавшись поблизости, бывший старший уполномоченный ВЧК Леонид Пантелкин, а теперь — Ленька Пантелеев, наклонился к упавшему беспризорнику. Не бросил, не отвез в ближайший приют — к себе взял. Тоже случайность? А может, адрес был правильный, и Ленька, Гроза Сыщиков, экс-тирмен, дезертир Смерти, ждал в нужном месте? Как нищенка ждала серебряный пятачок?

Маленький Пьеро верил в случайности. Тирмен Кондратьев — не очень.

Великая Дама не торопится, но никогда не опаздывает.

А потом случайностями и не пахло. Восемь лет колонии-коммуны, долгих, от звонка до звонка. Драки за кусок хлеба, за удобные нары, за обидное слово; просто так — ни за что. Синяки, ссадины, шрамы от чужого ножа. Первая кровь на острой заточке, которой пришлось отбиваться от озверевшей стаи. Загнанный волчонок превращался в волка, жиганенок — в жигана.

Не превратился. Рядом был учитель: хмурый бритый дядька в комиссарской куртке. Не баловал, добрых слов не говорил — учил стрелять. Стрельба науку любит! Обходились без «монтекристо» — коммунарам давали в руки настоящее оружие. Те, кто не метил в жиганы, становились чекистами. Петр Кондратьев выбрал иную дорогу. Одному, без стаи, не выжить. С гонимыми не по пути, с гонителями — тоже...

Он стал тирменом.

— С восьми, — повторил Петр Леонидович. — Вроде как на стреме стоял. А в четырнадцать меня... Можно сказать, посвятили. Или приобщили.

Он не сказал бородатому, что посвятился-приобщился сам — когда во время безнадежной драки, пятеро на одного, вдруг увидел себя на знакомом пустыре за Лиговским. «Бульдожек-паппи» в руке, консервные банки возле насыпи... Не испугался, не стал думу думать: откуда, мол, да зачем? — просто начал стрелять.

Экстренный выход — последнее убежище тирмена.

— На первое, как вы говорите, «дело» хотели послать в двадцать два. Не одного, конечно, с учителем...

Кольцо замкнулось, думал старик. Здесь, в Харькове, будущий бухгалтер Кондратьев учился в финансовом институте и продолжал стрелять — в спецтире местного ОСОАВИАХИМа. Его новый учитель, придя на смену бритому молчуну, был уверен: повестка вот-вот придет. Но апрельским утром, за два месяца до защиты диплома, накануне первой местной командировки, ученику тирмена пришлось бежать. Казань, Ташкент, крошечная станция Кара-Су возле зеленого Оша...

— Как я понял, в вашей... — Зинченко обозначил привычную паузу. — В вашей системе не спешат. Вроде как космонавтов готовят.

Брови старика взлетели вверх. Такое сравнение ему и в голову не приходило. Сильное воображение у бородатого.

— Пожалуй, — согласился он. — В обычном и оптимальном случае.

Это когда будущему тирмену не приходится спасаться от ареста, кочевать по стране, а потом идти на фронт. Когда можно готовить сменщика, не торопясь. Пригреть испуганного мальчишку, зашедшего пострелять по жирафе и саботажнице-карусельке, не спеша обучить его, испытать, дать возможность пройти стажировку. Даниил при тире уже семь лет крутится.

Нет, спешить нельзя. Даже если ты — лучший из лучших.

Такой, как Андрей Канари.

После года работы в Средней Азии бухгалтер Кондратьев устроился в Коврове, на знаменитом оружейном заводе — бывшем Мадсена. Там хотел и осесть. С ним успели связаться, указать на нужного человека, опытного тирмена, чей ученик был вынужден, как и Кондратьев, срочно уехать, спасаясь от верной гибели. Война все перечеркнула. Старику иногда казалось, что Война — сущность одушевленная, третья в компании с Судьбой и той, кого Канари именовал Великой Дамой.

У войны свои планы, свои интересы и расчеты.

Петр Кондратьев стал настоящим, действующим тирменом в конце 1945-го, после демобилизации приехав в Ташкент. Место работы нашлось сразу: тир при Дворце пионеров. Центр города, в прошлом — дворец опального великого князя Николая Константиновича. Местные не любили туда ходить, опасаясь

призрака покойного Романова, не смирившегося с национализацией жилплощади.

Призрак Кондратьеву не встретился, хотя Петр Леонидович не возражал против знакомства.

— А у нас воров за бабки коронуют, — внезапно пожаловался господин Зинченко, утирая губы салфеткой. — Представляете? Я как узнал, чуть вообще не завязал. С другой стороны, *если подумать, чем я лучше? Нам на свободе долго оставаться* не положено. Нельзя зону без смотрящих бросать, беспредел начнется! А я тут сижу, жирком обрастаю, с министрами знакомства вожу... Кофе будете?

— Буду. Если можно, «Пале-Рояль», — машинально ответил старик.

В ответ послышалось ироничное хмыканье.

Кондратьев слишком поздно вспомнил, что он во французской кухне «не слишком».

— Я ведь из-за чего озлился, Петр Леонидович. Не из-за «минус второго», чтоб его! Любка, гадина! Дома, мол, посижу, надоело! Я после «минус второго» домой поехал, а она — шасть! И знаете, куда? К вам, в тир, к Даниле вашему! Мне позвонили, доложили. Вначале я озверел. Обидно! Я ее из шалашовок поднял, *а она на сопляка позарилась!.. Только не говорите*, что ей пострелять приспичило!

— Не скажу.

Старик задумался. Потом резко поднял голову.

— Любовь Васильевна вас предавала? Обманывала? Когда-нибудь дала повод усомниться?

Ушастую интриганку защищать не хотелось. Пусть получает по полной, мадам Кали, не жалко! Ишь, удумала: к нашим мальчикам за нашей спиной клинья подбивать!..

Но, кроме Войны, Судьбы и Великой Дамы, была еще Справедливость.

— Вы с ней знакомы много лет. Она ведет ваши дела, вы ей доверяете. Она из-за вас жизнью рискует, между прочим. Почему надо думать о человеке плохо?

Зинченко шевельнул могучими плечами. Вроде как поежился от холода.

— Потому, что люди — сволочи! Чем я лучше? Любка мужика ищет, молодого и сильного, чтоб пригрел, дал и себя малолеткой почувствовать. Эх, Мурка, Маруся Климова! А на моем кусте одна почка, и та — траченая... Сами знаете! Сволочи — люди. Если не все, так десять на дюжину!

— Нет.

Петр Леонидович сказал это тихо-тихо, почти шепотом. Но и шепота хватило. Осекся растревоженный господин Зинченко, моргать начал. А как бросил моргать — углом рта дернул, прежде чем разговор продолжить:

— Правильная, вижу, ваша система, Петр Леонидович. Воспитали вас, как из бетона вылили! Так, поди, всю жизнь прожили? — честным, в кепке за рупь двадцать? Мне, между прочим, Люба ваш список послужной показывала. Извините, глянул, не удержался. Штирлиц, ей-богу! А что взамен? Бабки платят, крышуют? Не мало? Что еще? Поделитесь, а?

Темные глаза авторитета смотрели в упор.

Старик безмятежно улыбался. Что взамен? Не впервые спрашивают...

— Медицинская страховка. Сами на мой возраст намекали. А у меня в поликлинике даже карточки нет.

— Везет вам!.. — Авторитет поморщился, коснулся рукой спины. — Ноет, зараза! Эх, если бы по сто лет жизни давали! Или по сто двадцать. А что? Жил по понятиям, не ссучился — на тебе, дорогой человек, законный век с хвостиком. Ну, такое разве что в сказках бывает...

Сто двадцать лет жизни Петру Кондратьеву не обещали. О точной цифре речь не шла. Но медицинская карточка тирменам и впрямь не требовалась. Если бы не война! Сколько из выданного кредита пришлось спалить, не думая, не считая! — чтобы просто выжить... Война брала, не брезгуя. Нет, Кондратьев не жалел, а если и случалось, то совсем о другом.

Отдавать — несложно.

Поделиться куда труднее.

«А что взамен, тирмен, тирмен?..»

3.

Стук в наружную дверь «нулевки» раздался, когда он, выключив и заперев все «минуса», *собрался уходить*. Открывая, Данька не спросил: «Кто там?» Стучали вежливо, но настойчиво. Пьяный дебошир или компания юных гопников колотят в дверь иначе. Да и кто станет шляться по парку и ломиться в тир в пять утра?

Значит, клиент. Смена продолжается, тирмен.

— Добрый... доброе утро, Даниил Романович.

— Здравствуйте, Любовь Васильевна. Проходите.

К визитам Калинецкой он привык. Иногда Любовь Васильевна объявлялась вместе с Зинченко, иногда — сама по себе, как кошка из мультика. Калинецкая ему нравилась. Пальцы не гнет, хотя могла бы, всегда тебе и «спасибо», и «пожалуйста», и «будьте любезны». Единственная к Даньке на «вы» и по имени-отчеству обращается, хотя вдвое старше. В ее возрасте, кстати, вполне еще привлекательная женщина! Хотя уши ее портят. Торчат лопастями. Она это знает и прическу носит соответствующую.

А стреляет — дай бог иному мужику! В январе затеяла с ним соревноваться. Данька ее, конечно, обставил, но на разгром это дело никак не походило. Он, между прочим, мастерский норматив спокойно выбивает. Значит, Любовь Васильевна минимум на КМСа тянет.

И чего ее Петр Леонидович недолюбливает? Характерами не сошлись?

Бывает...

— Вы пострелять? Я уже все запер, но ничего, сейчас открою. Мне не трудно. Что вам сегодня?

— Спасибо, я так. В гости зашла. Чайком угостите?

— Конечно! Одну минутку, я чайник поставлю... Заходите. Здесь тесновато, но на двоих места хватит.

Недоумевая, отчего бы это Калинецкой вздумалось попить чаю ни свет ни заря в компании молодого тирщика, Данька проверил, есть ли в электрочайнике вода. Нажал кнопку «Пуск», сыпанул в железный заварничек добрую горсть черного «Дарджилинга». Дядя Петя современные ароматизированные чаи звал «одеколоном», предпочитая натуральный продукт из братской Индии, без эстетских вытребенек.

— Сейчас закипит.

— Если не возражаете, я закурю.

— Да, конечно...

Он придвинул даме закопченную жестяную банку, выполнявшую роль пепельницы, когда на улице было холодно и дядя Петя ленился ходить наружу на перекур.

— Сами по-прежнему не курите, Даниил Романович?

— Ну, не то чтобы... Балуюсь изредка.

Любовь Васильевна протянула ему открытый портсигар. Там в ряд лежали тонкие коричневые сигарилло. Различать сигареты, сигары и сигарилло Даньку научила некурящая Валерия

Мохович, мечта Конана-варвара. Чтоб в приличном обществе не опозорился.

В памяти всплыла сцена семилетней давности:

«...Курить будешь?.. Любимые сигареты колумбийской мафии!..»

На миг Данька испытал острое чувство дежа вю. Все это с ним уже было! Не важно, что Калинецкая ничем не похожа на Жирного, что сам он другой, взрослый, что нисколько не боится собеседницы (*правда? а не врешь?..*), что они в тире, где он — хозяин, а не в школьном туалете...

Все это не имело значения.

В двух коротких, вроде бы незначительных эпизодах крылось нечто глубинное, главное, что роднило их до кислой оскомины на зубах. Жаль, Данька никак не мог ухватить: что именно?

Ощущение накатило жаркой волной и схлынуло.

— Нет, спасибо. Я сейчас не хочу.

Калинецкая не обиделась. Кивнула с пониманием, прикурила сама, выпустив облако сизого дыма, и убрала портсигар в сумочку. А сигарилло у нее ароматные. На порядок лучше «любимых сигарет колумбийской мафии». Хотя и те были хороши. Или это через семь лет так помнится? Теперь бы попробовал — плевался б дальше, чем видел?

Данька обратил внимание, что Калинецкая, кроме сумочки, принесла с собой пакет: тот стоял, аккуратно прислоненный к ножке стула. Сомнительно, что Любовь Васильевна ездит по ночам в супермаркет за покупками. Впрочем, наплевать. Хотелось спать, а до причуд ушастой ему нет дела.

Куда любопытней другое: почему для Любови Васильевны провал на «минус втором» не открывается? Для всех других — пожалуйста, а для нее — извините-подвиньтесь. Не желает новейшая разработка реагировать на подругу бородатого олигарха Зинченко. Уж как она рвалась на «минус второй»! — прорвалась, попала — и обломилась. Не включается провал, хоть сутки жди в бункере. Одна придет, с Борисом Григорьевичем, с кем-то незнакомым, утром, ночью — глухо. Может, эта система женщин не воспринимает? А что, вполне возможно! Кроме Калинецкой, никто из прекрасных дам на «минус втором» не бывал.

Хорошо бы проверить.

Маму, например, привести. Или Лерку.

Данька понимал, что шутит. Не станет он сюда ни Лерку водить, ни маму...

— Вижу, Даниил Романович, работы у вас в последнее время прибавилось?

— Прибавилось, — согласился Данька. — Но пока справляемся.

— Когда Артур здесь работал, легче было?

Данька неопределенно пожал плечами. Артур из тира давно уволился и заведовал теперь техобслуживанием аттракционов. Конечно, втроем удобнее...

— Хозяйство серьезное, три этажа, — словно угадав его мысли, продолжила Любовь Васильевна. — По человеку на этаж хорошо бы. Никого нет на примете?

— У меня? — вяло удивился Данька. — Это к Петру Леонидовичу. Он тут главный.

Чайник на столе зашипел, изображая кобру, раздувшую капюшон. Это он балуется. Как закипит, сам отключится. Чайники нынче умные. Дядя Петя говорит, скоро собак научатся выгуливать.

— Ну, главный не всегда тот, кто на виду. Чаще наоборот: главные любят тень. Серые кардиналы, — улыбнулась Калинецкая ярко накрашенным ртом.

Это был намек, но Данька его не понял. Сильно хотелось спать. Глаза слипались, мысли путались. Толстые, медлительные, они ползали в голове со скоростью улиток, волочащих на себе груз известковых раковин. При чем тут какой-то кардинал к нему и дяде Пете?

Дядя Петя главный. Это и ежу ясно.

— Вы в курсе, Даниил Романович, что мы относимся с большим уважением к вашей... фирме? И, разумеется, к вам лично. Если понадобится, окажем любую поддержку. Знаю-знаю! Вы и сами прекрасно справляетесь. Тем не менее, если возникнет надобность в чем угодно... Понимаете? В чем угодно. В том числе и в дополнительном помощнике...

Данька тупо кивнул.

На всякий случай.

— Ага, Любовь Васильевна. Спасибо.

— Вот и отлично! — просияла Калинецкая. — Петр Леонидович — замечательный профессионал, мастер своего дела, ветеран. Но, к сожалению, он, мягко говоря, немолод. Однажды он уйдет на покой и оставит... фирму на вас. Согласны? Я в данном случае говорю не только от лица Бобы... Бориса Григорьевича, который вас очень ценит, но и от себя лично. Пожалуй, в первую очередь — от себя...

Чайник закипел и отключился. Помотав головой, чтобы отогнать сонную одурь, Данька плеснул кипятку в заварник. Теперь дать настояться.... На столь далекое будущее, когда Петр Леонидович решит уйти на покой, он не загадывал.

Там видно будет.

Предложат толкового человека в помощь — почему бы и нет?

— Я рада, что мы с вами разговариваем на одном языке. Поверьте, это не так уж часто случается. Кстати, с безопасностью в вашей фирме все в порядке? Арсенал внушительный, а охраны — никакой.

— Нет проблем. Вниз люди серьезные ходят, а наверху что? Одни «воздушки». Да и те на ночь в сейф запираются. Вам с сахаром?

— Спасибо, без. Сахар портит вкус хорошего чая. И фигуру берегу. — Калинецкая подмигнула Даньке, сделавшись на десять лет моложе.

Данька даже смутился от неожиданности.

Она что, заигрывает?

— А у вас, Даниил Романович, личное оружие есть?

— Нет. Зачем?

— Петр Леонидович, между прочим, со своим не расстается. И правильно делает. Работа специфическая, обязывает. У вас найдется гривна?

— Найдется...

Сбитый с толку Данька извлек кожаный бумажник, подаренный ему Леркой, вынул гривну и протянул ушастой. Та очень серьезно спрятала купюру в сумочку и лишь после этого торжественно водрузила на стол таинственный пакет.

— Это вам. От меня. Дарить, сами знаете, не положено — поэтому, считайте, купили. Уверена, вам понравится.

В пакете, завернутая в оберточную бумагу, лежала увесистая деревянная шкатулка. Темный лак, благородные разводы, массивная защелка из бронзы. Сразу видно — вещь! Приятно в руки взять. А внутри...

— «Беретта 9000S»?!

— Она самая. Коренная итальянка, не какая-нибудь лицензия. Нравится?

— Спрашиваете!

— Имейте в виду: это не презент для арсенала. Это вам лично.

Кроме компактной девятимиллиметровой «Беретты», в шкатулке, утопленные в специальные гнезда в мягком темно-синем бархате, лежали две запасные обоймы. На двенадцать зарядов каждая. Разумеется, с патронами. Сам пистолет был меньше, к примеру, 92-й «эмки», как у загорелого агента в «гавайке», но это как раз хорошо. Носить удобнее. Отличный ствол! Сам бы выбирал, вряд ли выбрал бы лучше.

— Здорово! Спасибо огромное, Любовь Васильевна! Такие деньги... такое оружие...

— Пустяки! — махнула рукой ушастая, гася в банке сигарилло. Отхлебнула чаю, улыбнулась. — Я рада, что сумела доставить вам удовольствие, Даниил Романович. Иначе, знаете ли, сапожник без сапог... Вот разрешение на хранение.

Она извлекла из сумочки бумагу с печатями.

Бумага Даньку интересовала мало. Он взял «Беретту». Свою собственную «Беретту». Рубчатая рукоятка удобно легла в ладонь. Прицелился в стену. Тяжесть пистолета бодрила. Несмотря на бессонную ночь, рука не дрожала, прицел не «плыл». Все-таки к личному оружию отношение особенное...

С легким сожалением он уложил пистолет обратно в шкатулку.

Ничего, они еще успеют познакомиться поближе.

— Спасибо за чай, Даниил Романович. Мне, пожалуй, пора. Вас подвезти?

— Буду признателен. — Сам того не заметив, Данька очень точно скопировал интонацию старого тирмена: ироничную, чуть небрежную.

Калинецкая, вздернув бровь, уставилась на парня, словно увидела впервые. Но комментировать не стала.

— Сейчас, я тут все закрою...

Он попросил остановить машину у входа во двор.

— До свиданья, Любовь Васильевна.

— Всех благ, Даниил Романович, — кивнула ушастая благодетельница.

Пакет с заветной шкатулкой оттягивал руку. Светало. В предрассветной тишине отчетливо шаркала по асфальту метла дворника Кирюши.

— Доброе утро.

— Утро добрым не бывает, — хмуро отозвался дворник, продолжая шаркать метлой.

Чище от его действий не становилось.

У подъезда сильно сдавший за эти годы сосед, профессор Линько, выгуливал пса. Бульдожиха Шера, вредная старушка, сдохла позапрошлой зимой, и профессор, погоревав, завел себе немецкую овчарку. За полтора года щенок вымахал в здоровенного рыже-черного кобеля. Характер у пса оказался не в пример лучше, чем у Шеры: хозяина он обожал, слушался беспрекословно, преданно заглядывая в глаза, на соседей не лаял, а когда Линько позволял, с удовольствием играл с местной детворой. Да и сам Линько, состарившись, сделался куда менее склочным. Кляузничать перестал, например.

Или это на него новый пес влияет?

— Доброе утро, Игорь Осипович.

— А-а, Данечка? — Профессор подслеповато сощурился. — Доброе утро. С ночной смены?

— Ага.

— Помню я, еще помню, что такое ночные дежурства. Молодой был, вот как вы сейчас, в клинике работал — думал: все нипочем! А с годами...

Профессору явно хотелось поговорить. Но он героически оборвал монолог:

— Извините, Данечка. Вы, наверное, устали. Не буду вас задерживать. Организм, он ведь не железный. Джек, ко мне!

В последнее время Линько все чаще тянуло на разговоры именно с Данькой. Профессор замечал за собой этот грех, стеснялся, просил прощения: «Извините, нашло на старика!» — но ничего не мог поделать.

Данька поднялся по ступенькам. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить мать, вошел в квартиру. Прикрыл дверь в мамину комнату, включил свет в прихожей — и, уже снимая кроссовки, заметил на полу узкий белый конверт. Под дверь подсунули, что ли? Так дверь вроде к порогу плотно прилегает...

Он взял конверт с пола.

«Архангельскому Д.Р.» — было написано на конверте. И его адрес, и обратный отсутствовали. Внутри оказался лист тонкой полупрозрачной бумаги с отпечатанным на машинке текстом:

«Архангельскому Даниилу Романовичу.

Вам предписывается отправиться в местную командировку сегодня, 5 мая, в год Белой Змеи, в 17:00. Место работы: центральная аллея городского сада им. Т.Г. Шевченко. Все дополнительные инструкции — у выездного куратора Кондратьева П.Л.»

И вместо подписи — штамп: сжатый кулак с большим пальцем, весело оттопыренным кверху. На костяшках всех пальцев, кроме оттопыренного, синела татуировка:

ממת

Что это? Дурацкая шутка? Розыгрыш?

Вряд ли.

С другой стороны, в саду Шевченко тоже тир есть. Да и сказано прямым текстом: «Дополнительные инструкции — у выездного куратора Кондратьева П.Л.» Дядя Петя наверняка в курсе. До пяти вечера времени полно: успеем и отоспаться, и к Лерке заехать, и дядю Петю отыскать, и в саду Шевченко поработать.

Прихватив пакет с «Береттой» и письмо, Данька отправился в свою комнату — спать.

4.

Зазвонил телефон.

Петр Леонидович удивился. Может, ошибка? Но старенький аппарат вновь выдал тревожную трель, подмигнув желтой лампочкой. Не ошибка, тирмен, не надейся.

— Леонидыч? Леонидыч, ты? Тимур это, из парка...

Телефон у Кондратьева был особенный. Не тем, что древний, считай, из музея, хоть табличку вешай. И не тем, что звонил отчаянно, мертвого разбудить можно. Хорош он был другим: номер нигде не значился. Ни в городской справочной, ни в куда более серьезных списках. Маленькая льгота, тирмену по службе полагается. Верно говорил строгий гражданин Иловаев: не тот телефон, по которому тебе звонят, а тот, по которому ты звонишь.

Раз в три года Петр Леонидович менял секретный номер на новый. Тайной с друзьями-знакомыми делиться не спешил. Ради этого и мобильник завел, но тоже приватно, исключительно ради связи с господином Зинченко. Даньке Петр Леонидович домашний номер не сообщал до поры до времени. А с Тимуром, псом-боксером, скрытничать не стал: продиктовал шесть цифр, велев запомнить, а бумажку — съесть. Понятлив оказался «хомячок», не из болтунов.

Гадом буду, отец, век воли не видать, только если петух жареный!..

— Леонидыч! Я щас возле Макаренко, который памятник. Тебе бы подъехать, а? Тут...

Старик внимательно выслушал про «тут» и повесил трубку. Надо ехать, ничего не попишешь. Изжарили петуха.

— Алло? Примите заказ на такси. Да, прямо сейчас...

Тимура он нашел, где и было обещано: на скамейке, за памятником давнему своему знакомцу Антону Семеновичу Макаренко. Тимур ждал не один, ясное дело. Слева тосковал сержант Фроленко, рябой мент по прозвищу Каланча (или, для коллег по службе, Дядя Степа); справа — хмурый, сосредоточенный Вовик-амбал. Ну да, как без звезды родного райцентра?

Адмирал Канарис спрятался за спиной амбала. Скукоженный, пыльный, в драном пиджаке. Левая нога голой пяткой светит, на щеке то ли синяк, то ли свежая грязь. Увидел Кондратьева, вздрогнул, прижался к богатырскому плечу Вовика.

Сержант Каланча встал. Оправил мундир, придал лицу выражение.

— Так что непорядок, Петр Леонидыч! Надо разбираться.

Молча смотрел действующий тирмен Кондратьев на бывшего тирмена Канари.

Разбираться? Надо. А как?

Час назад известный всему городу псих Адмирал Канарис сиганул под маршрутку. Спасло лишь то, что псих решил свести счеты с жизнью на светофоре, установленном перед главным входом в парк. Маршрутка как раз тормозила на красный свет. Обошлось, не пустил красный свет Адмирала в дальнее плавание. Пиджак по шву треснул, щека пострадала. Три утерянные медальки вкупе с одной туфлей — не в счет.

Возле адмирала, поверженного на асфальт, первым оказался мент Фроленко. А вскорости и «хомячки» подоспели.

— Что же ты, Андрей?

Канарис словно ждал вопроса. А может, и впрямь ждал.

— Позвали! — Он заерзал, всхлипнул, грязным рукавом утер лицо. — Позвали меня, старшой. Все наши: Иловаев, Васыль Лександрыч, Пашка с Федором, твой Семен. И ты звал! Ты, старшой, посередке стоял: в форме офицерской, как на фотографии...

Глаза безумца горели черным огнем. Текла слюна по небритому подбородку.

— Вы на тротуаре ждали... У входа, где раньше арка была. И меня звали. Не словами, душой звали. Я и пошел, старшой. Если зовут, если все вместе... Значит, надо! Понимаешь?

Старик не стал спорить. Кивнул, соглашаясь с Адмиралом. Если зовут, значит, надо. Строгий гражданин Иловаев, затем

Василий Александрович, завсектора сезонной статистики, Паша, Федор, Сеня Клименко, он сам. И отставной старшина Андрей Канари.

Великолепная семерка опять вместе.

— Я чего бегом бежал, старшой? Сколько лет никого не встречал, а тут все наши, как на параде. Обидно даже. Мертвяк на мертвяке, не пройти, не протолкнуться, синька вокруг, будто в химчистке. А наших нет. Наконец-то увидел, сподобился. Наверное, Она разрешила напоследок...

И снова не стал возражать Кондратьев. Должно быть, так и случилось. Спешил экс-тирмен Канари в родной парк, орденами-медалями звенел, ясному солнышку радовался, мертвецов надоедливых сторонился.

И увидел.

Пожалуй, и вправду позвали Адмирала. Мене, мене, текел...

— В дурдом психа! — рассудил Вовик, дослушав. — Или, типа, на мыловарню, чтоб под ногами не путался. У нас в райцентре таких уродов...

Покосился на амбала пес-боксер Тимур. И двинул в ухо — крепко, от всей души.

Где конец, которым заканчивается начало?

Эта невинная присказка сильно раздражала Петра Леонидовича. Если вспоминалась слишком уж не вовремя, он мысленно отправлял ее автора, как говорится, «меж двух пуль». Первая, пристрелочная, свистнула-прожужжала над ухом: «Ж-ж-жди!». Сейчас будет вторая, неслышная, окончательная. Решай, умник: где начало, где конец?

Но безымянный остроумец прав: все в жизни имеет свой маркер.

Начало закончилось рассказом Канари об американском снайпере. В тот неожиданно холодный вечер октября 1983 года они — редкий случай! — собрались вместе. Семеро Сукиных Сыновей, сектор «Драй Эс». Канари не первый день, что называется, маялся. При встречах жаловался на какую-то ерунду, впервые злился на нехватку денег; однажды, чего давно не случалось, зашел к Петру Леонидовичу на работу. Кондратьева не застал, а с Сеней Клименко, тогдашним сменщиком, откровенничать не захотел. Посидел минут двадцать, ушел... На следующий день забежал еще раз. Кондратьев спустился с Андреем на «минус первый», и они стреляли часа три, пока рука не

устала. Петр Леонидович хотел спросить, что у бывшего старшины не так. Не спросил, воздержался.

А на следующий день тот и без вопросов сказал.

Семеро Сукиных Сыновей заварили чайку. Минута — благостнее не бывает. И тут, значит, встал Канари...

— Карлос Катхок, слыхали? Или Касхок — там «th» посередине. Сержант морской пехоты, снайпер-инструктор. Вьетнам, район Ду Фо, январь 1967 года. Прицельный выстрел по движущейся цели, два километра двести пятьдесят метров. «Райфл» Браунинга в снайперском варианте, обычный, серийный. Сшиб вьетнамского велосипедиста, точно в голову. Абсолютный рекорд!

Не важно даже, что сказал. Главное — как. Тогда бы Кондратьеву и забеспокоиться. А он и внимания не обратил. Ну, рекорд, бывает. Или вранье заокеанское. Американы во Вьетнаме умылись и сказки сочинять принялись — почище барона Мюнхгаузена. Тот тоже рекордами знаменит.

Так и ответил. Пашка-белорус, ученик Андрея, даже засмеялся.

Канари смолчал. А на следующий день уехал.

Потом, много позже, когда закончилось и начало, и конец, и все прочее, когда из семерых остались двое, Петр Леонидович пытался узнать, расспросить. Не отставного старшину Канари спрашивал — Адмирала Канариса, городского психа. А психа как расспросишь? Психи — они хитрые, лишнего не скажут. Канарис жалобно моргал, бормотал чушь, плакал...

Кондратьев этого спектакля не выдержал. Взял психа Канариса за локоть, встряхнул для порядка, обождал, пока присмиреет. И закрыл глаза. Один глаз — левый, словно собрался выстрелить. В июньском лесу гостям делать нечего. Только если с тобой ученик — или та, которую Канари звал Великой Дамой.

Мишени не в счет.

Псих Канарис — еще не мишень, уже не тирмен. Но все-таки получилось. Жаркий июньский лес стоял без движения; зеленые, чуть подернутые желтизной листья замерли в ожидании ветерка.

Фотографии? Нет, просто листва.

Андрей Канари был рядом. Не в обычном шутовском рванье с чужими орденами — ладно пригнанная шинель без погон, офицерская фуражка, щегольские сапоги надраены до огненного блеска.

— Как ты мог, Андрей?

Спросил — и пожалел. Если псих, не поймет. Если нет — отвечать не станет. И конец началу, без всякого продолжения.

Старшина долго медлил с ответом, смотрел в лесную глушь. Наконец бросил с неохотой, не повернув головы к собеседнику:

— Не из-за денег, старшой, не думай. Мне вначале про долг впаривали, про партийную совесть, про империализм. На дурочку не взяли, я все-таки тирмен. А взяли на «слабо», как мальчишку. Карлос Катхок, будь он неладен! Сержант, вояка, как и я, понимаешь? И оружие предложили знакомое: «Браунинг». И дистанция на сто метров больше. Даже условия один в один: жара под пятьдесят, пот в три ручья. Только не в Ду Фо надо стрелять — в Пешаваре. Лучший выстрел в мире, старшой. Вот ведь покупка, а?

Ничего не ответил Кондратьев. Что здесь ответишь? Слишком поздно Канари стал тирменом, слишком много успел пережить-передумать. Вот и взяли на «слабо». На желание стать первым.

— Думал, старшой, обойдется. Деньги пустяковые, командировочные. И не бандюгу-авторитета валить хотел, как нынешние горе-киллеры, — врага, настоящего. Два километра триста пятьдесят метров, движущаяся мишень!

Больше молчать не получилось. Не для Канари сказал Петр Леонидович, для себя:

— Легенда есть такая — про рикошет. Если тирмен деньгами, или славой, или другой земной безделицей соблазнится, пожадничает, его пули рикошетом пойдут: по родичам, знакомым, друзьям, по нему самому. Не слыхал, Андрюша? Мой первый учитель, Пантелкин Леонид Семенович, на мелочи погорел. Как тирменом стал, ушел с оперативной работы, чтобы кровью не мараться. Не хотел, а обмарался. Сослуживца, питерского чекиста, уложил из-за пачки червонцев. И все!..

— Все... — дальним эхом откликнулся Канари. — Слыхал, старшой. И про то, что мертвых видеть станешь, и про синий свет. Думал, байки. Я ведь атеист, ни в бога, ни в черта не верил. Заставили поверить, силой. Там, в Пешаваре, я винтовку опустил и все до последней копеечки понял. Главного, жаль, не сообразил: нельзя было возвращаться. Лег бы под скалой, ствол в рот... Тирмен с тирменом — ближе чем братья. Вот я, должно быть, рикошетом наших и положил, когда вернулся... Другой родни, сам знаешь, у меня нет. И прощения тоже нет, товарищ старший лейтенант. Только знай: в трибунале мне тоже будет что сказать в оправдание. Что в 83-м начиналось, помнишь?! А мне большие дяди в Москве на ухо шепнули: выстрел

твой равновесие восстановит. И ведь получилось, правда? Выходит, одних убил, а других спас?

Кондратьев пожал плечами и открыл глаза.

Гуляй, звени орденами, Адмирал Канарис! Не передо мной тебе оправдываться.

5.

— Ой, Даня пришел, как хорошо, Лерочка, к тебе Даня пришел, он цветочки принес и шоколадку, тебе шоколадку можно, а цветочки в вазу, Даня, ты надевай тапочки, проходи, Лерочка кашляет второй день, на дворе теплынь, а она кашляет, я борщику наварила, хочешь борщику, на улице солнышко...

Леркина бабушка Анна Михайловна, для своих — баба Нюта, была просто добрая фея из сказки: чудесная и спасительная. Но молчать не умела категорически. Все фразы бабы Нюты продлевались в бесконечность — точек она не признавала.

— Спасибо, Анна Михайловна. Я дома пообедал.

— Какая я тебе Михална, я тебе, Данечка, баба Нюта, а борщика я насыплю, мужик должен кушать от пуза, солнышко-то на улице...

— Ба, отстань от гостя! — скомандовал из глубин квартиры знакомый, чуть хриплый голос. — Ты его насмерть заговоришь!

И кашель: громкий, надсадный.

Войдя в комнату, Данька увидел Валерию Мохович, мечту Конана-варвара, сидящей на расстеленной кровати по-турецки. Или по-японски: он вечно путал, где сидят на пятках, а где скрещивают ноги. Впрочем, замечательные Леркины ноги были укрыты одеялом. Все остальное, что открывалось глазу — даже мохнатый шарф, кутавший горло, — с точки зрения Даниила Архангельского, заслуживало всяческих похвал и призов на конкурсах красоты.

Все, кроме старой знакомой Дарьи Тютюнец, вертевшейся на стуле.

— Привет, Валерия. Привет, Дарья...

— Даша уже уходит, — правильно поняла Лерка выражение лица гостя. С назойливой Тютюнец она давным-давно не церемонилась. — Ей пора. Ей вообще-то второй час пора...

— Ага, мне к доктору, — подтвердила Дарья: толстая, веселая, в необъятном сарафане с рюшами. Беременность ей шла. —

Вот начну прямо здесь рожать, не обрадуетесь. Сейчас, я только причиндалы соберу...

Причиндалами она именовала монеты — профессиональные сокровища, которыми часто хвасталась подругам. Ну и клиентам, святое дело. Сразу после школы Дашка выскочила замуж за приятеля своего отца, крупного деятеля мелкой партии. Деятель пылинки сдувал с молодой жены, потакал любым ее капризам и возил на съезды, где знакомил с нужными людьми — а главное, с семьями нужных людей.

Потому что Дарья Тютюнец работала нумизмалетиком.

Монетчиком-экстрасенсом.

«Лечит народ бабками, — зло пошутила однажды Лерка, будучи в дурном настроении. — И от бабок за компанию...»

Профессия нарисовалась не сразу. Сначала Дарья закончила курсы народных целителей при Академии нетрадиционной медицины, получила сертификат мастера ци-гун и магистра астрологии, погрузилась в загадочный «Фиолетовый луч», выяснив цепь перерождений отсюда до древнекитайской поэтессы Вэнь Цзюнь, освоила бесконтактную иглотерапию и наконец пришла к целебной нумизмалетике.

В ее коллекции имелись пропитанные супераурой хитрые денежки, ношение которых облегчало будущие роды и спасало от облысения. Если подержать за щекой серебряный царский пятачок, спадала зубная боль. Пражская крона со щербатым краешком, заряженная Дарьей, способствовала выведению камней из почек. Самодельный штемпель, которым гасили марки — канадский доллар, посаженный на деревянную ручку, — пользовал от импотенции и простатита. Успеху в бизнесе способствовала драхма из Херсонеса.

Короче, от клиентов отбою не было.

— Иду, спешу, бегу, — приговаривала Дарья, сгребая казну с одеяла в сумочку: такую же бокастую, объемистую, как и хозяйка. — Ах вы мои хорошие, ах славные!.. Леруня, ты выздоравливай, я тебе гривенничек, который от ангины, оставлю...

Из-за Дарьиного плеча Лерка скорчила гримасу: копуха, чтоб ее! И показала Даньке лечебный гривенничек, который от ангины. Зажатая между двумя тонкими пальцами, большим и указательным, монетка выглядела смешно.

Тусклый, еще советский гривенник.

С дырочкой. Наверное, шнурок продевать.

— Дай посмотреть, — сказал Данька, чувствуя, что сердце обрывается вниз с девятого этажа.

— Лови!

Он поймал десять копеек на лету. Уставился, словно на привидение: крошечное, никелевое. С дыркой. Этот гривенник, выскочив из-за подкладки чертиком из табакерки, преследует его семь лет. Нелепый, смешной, бесценный гривенник. На ощупь — ничего особенного. С виду — полная ерунда.

— Ой, я ошиблась!

Дарья ловко отобрала у него монетку. Бросила в сумочку, к остальным, взамен извлекла точно такой же гривенник, но без дырки, и отдала Лерке.

— К горлышку прикладывай. Вот тут, сбоку, и тут...

— Где взяла?

Вопрос прозвучал грубо, но Тютюнец на Даньку не обиделась. Наверное, привыкла с клиентами.

— У цыганки купила. Между прочим, за большие баксы. Леруня, я ускакала...

Она враскачку, колыхаясь ладьей, вылилась в коридор. Там гостью сразу начала провожать баба Нюта: длинный, всеобъемлющий монолог потек по квартире киселем.

— Ты меня поцелуешь? — деловито спросила Лерка, подставляя щеку. — Или инфекции боишься? Не трусь, я не зараза...

Данька с удовольствием чмокнул ее в прохладную щеку, потом — в губы, увлекся было, но мечта Конана-варвара решительно пресекла лишние поползновения.

— Нечего к болящим мосты клеить! Садись, давай свой курсак.

В прошлом году они побывали в одной постели, и все получилось наилучшим образом. В частности, Данька узнал, что свадьбу намечено играть после окончания обоими институтов, не раньше. И не надейся, значит. Если решишь погулять на стороне — гуляй, дело молодое. Будет что вспомнить семейными вечерами. Но без последствий. Данька спросил, какие последствия случаются у мужчин, узнал в подробностях и решил следовать Леркиным советам.

Он привык подчиняться Валерии Мохович и делал это с радостью.

Она научила его завязывать галстук двумя способами и носить шляпу. Она вылавливала в его речи слова-паразиты и безжалостно, пользуясь ядовитой насмешкой как дустом, искореняла. Благодаря ей на полочке в ванной обосновались гель для душа, пена для бритья с авокадо, хороший бритвенный станок

и туалетная вода «Gianfranco Ferre». Мама была от нее без ума — от Лерки, естественно, а не от туалетной воды.

Эх, да что там!

— Данила, ты кто по гороскопу? — басом заорала из коридора Дарья Тютюнец.

— Стрелец, — машинально ответил он.

Ответа не последовало. Лишь хлопнула, закрываясь, входная дверь.

Плотней укутав ноги одеялом, Лерка изучала распечатанную им курсовую. Текст курсовой Данька стянул из Интернета, а мечта Конана обещала проверить «запятушки». К сожалению, интернет-рефераты, особенно на спортивные темы, грамотностью не отличались.

— Тема, — вслух прочитала Лерка. — «Объективные и субъективные условия техники выполнения меткого выстрела». М-да... «Определение средней точки попадания (СТП) и внесение поправок в прицел». Обалдеть... Литература: Кинль В.А., «Пуливая стрельба», 1989 год. «Пулевая» через «е» пишется, даже для спортсменов. Корх А.Я., «Стрелковый спорт и методика преподавания», 1986-й... Раритеты. Как раз Чернобыль долбанул. Даниил, не скучай, я пока наискосок гляну...

Данька подошел к окну, откинул гардину. С высоты двор казался игрушечным. Соседи выгуливали собак: больших, мелких, породистых и дворняжек. Он прищурил левый глаз, словно целясь в мраморного дога, аристократа и лентяя, но быстро одернул себя: прекрати! Стыдно целиться в живое просто так, для забавы.

На перилах балконов ворковали голуби.

Он повернулся, собираясь пройтись по комнате, и взгляд случайно упал на Леркины бумаги, грудой лежавшие на столе. Данька не собирался ничего читать. Он и не смог бы, потому что большинство текстов было на английском и немецком — но четыре буквы (цифры? знака?!), жирно распечатанные на верхнем листке...

Сердце оборвалось опять, как с дырчатым гривенником.

מ מ ת ס

В кармане зашевелилась повестка. Извещение, уведомление, служебная записка, дурацкая шутка — как бы она ни называлась в тайной канцелярии, где бумага была выписана, Даньке хотелось называть ее повесткой. Командировка, время, место, выездной куратор Кондратьев П.Л.

Рассказать о повестке Лерке?

В бумаге ничего не говорилось о необходимости хранить тайну. Но чутье подсказывало: болтать не стоит.

— Что это?

— Где? — Закашлявшись, Лерка обернулась через плечо и проследила за его пальцем. — А-а... Мене, мене, текел, упарсин. Иврит.

— Ты еще и иврит изучаешь?

— Приходится. Ты чего такой бледный? Не выспался?

— Все нормально. А что значит: мене, мене... Как там дальше?

— Текел, упарсин. Даниил, ты у меня совсем дикий. Сейчас надо Библию знать или хотя бы притворяться, что знаешь. Иначе заклюют. Тем паче что речь идет о твоем тезке. Только ты у меня дурачок, а тезка — умница и пророк.

В ближайшие десять минут Данька узнал много нового. О своем тезке, пророке Данииле, процветавшем «на реках вавилонских», где, как заявила Лерка, «сидели мы и плакали». Одноименный с тирменом пророк ел лишь дозволенную свыше пищу, без роковых последствий тусовался во рву с голодными львами, боролся с идолами и толковал сны царей. В частности, царю Валтасару во время большой пьянки явилась рука на стене, начертив эти самые «мене, мене, текел, упарсин». А царские мудрецы читали-читали, и без толку. Пришлось бежать за Даниилом, который пророк, чтоб растолковал.

— Ну?

— Ну и растолковал. Царя в итоге ночью зарезали, царство его развалилось и досталось персам. Полный хеппи-энд.

— А тезка?

— А тезка и при персах не лоханулся. Слушай, это длинная история, давай потом...

— Так чего они значат, твои «мене-мене»? Мани-мани?

— Примерно. Мене первый раз значит меру длины, второй — меру площади. Текел, он же шекель, он же сикль — мера объема. Перес — мера веса.

— Какой перец? Ты же сказала: упарсин!

— Не перец, а перес! А упарсин — это вместе с предлогом. «У» — предлог, вроде нашего «и»... Дань, ты меня заколебал. В общепринятом варианте это значит: исчислено, исчислено, взвешено и разделено.

— В смысле?

— В смысле, аудиторская проверка закончена. Кранты фирме, сливайте воду.

Это Данька понял.

— А почему мудрецы не смогли растолковать? Они же царские?

— По кочану! Тупые были, хуже тебя! Неграмотные! — Лерка посмотрела на красного как рак гостя и сменила гнев на милость: — Ладно, не злись... Есть версия, что там, на стене, аббревиатура была. По первой букве от каждого слова. Да что ты пальцем водишь, они справа налево писали! И не на иврите, а на арамейском. Мудрецы не догадались, что это, типа, аббревиатура, а Даниил-пророк догадался. Умник был, не в тир ходил, а в синагогу! — или куда там он ходил, в Вавилоне...

Ага, думал Данька. Как из меня слова-паразиты вытравлять, так каленым железом. А как сама, так для филолога-переводчика и с «типа» сойдет, и с «кочаном». Дядя Петя называет это «двойной моралью». Ладно, запомним.

Позже, ожидая, пока Лерка закончит с «запятушками», он дал себе слово: купить в книжном магазине Библию, найти главу про тезку и внимательно прочитать.

На всякий случай.

А то не поймешь какие-то четыре буквы, и нате вам: царя зарезали, царство развалили, фирме кранты...

6.

Странное началось весной 1983-го. Слух прошел, что гибнут тирмены. От пустяка, от нелепицы. Дорогу в неположенном месте перешел, консервами просроченными закусил, из собственного окна выпал.

Донецк, Махачкала, давний знакомец — Ташкент...

Слухи, конечно, сами не ходят. На то в секторе строгий гражданин Иловаев имелся. Завсектора Василий Александрович, чистый гриб сушеный с виду, на бумажках сидел: командировки выписывал, с курьером отсылал. А Иловаев Владислав Владиславович был, по разумению Кондратьева, чем-то вроде секретчика-особиста. Целиком из секретов состоял, словно спецархив. Бодрый пенсионер, тоже гриб, но ядреный боровичок. С виду еле-еле шестьдесят, по документам — восемьдесят три, а если верить сплетням, так Иловаев — бывший генерал Иловайский — еще Шипку защищал.

Паша-белорус, парень любопытный, не выдержал однажды — спросил напрямик. Не признался боровичок Иловаев, на деда, кавалера Георгиевского, сослался. С него, мол, за Шипку и спрос.

Кто поверил, кто не очень.

Иловаев вести и приносил. Спокойно рассказывал, невозмутимо. На Шипке, мол, товарищи, и не такое видели. Перед Германской тоже на тирменов мор напал. И ничего, не перевернулся мир. Перед Крымской войной было и, говорят, перед тем, как царя-Освободителя бомбой приголубили.

Не нами исчислено, не нами взвешено. Мене, мене...

Чур мене, товарищи!

Никто не спорил с секретчиком-генералом. И Кондратьев не спорил. Только не нравился ему расклад. Брежнев, бабник бровастый, помер, с Андроповым беда, из клиники кремлевской носу не кажет, «Боинги» падают, Рейган в каждой речи «звездные войны» обещает. Еще и Пугачева с дурацкой песней «Эй, вы там, наверху!». Намекает, что ли? А с тирменами полный форс-мажор. Если их берут к ногтю по всей науке, значит, это кому-нибудь нужно? Раздрай в системе, вибрация, скоро швы лопаться начнут, как на подводной лодке.

На последней общей встрече, перед отъездом Канари, Петр Леонидович поделился сомнениями с коллегами. Жаль, слушать не стали. Василий Александрович, гриб сушеный, очочки от бумаг оторвал, чаю отхлебнул со смаком. Ангела с чашей еще не видел, Петя? Увидишь, сигнализируй, я как раз списки двенадцати колен оформляю. Тебя в Гадово или в Вениаминово?

Посмеялись.

Андрей Канари смеялся громче прочих, а потом взял и тихонько уехал — бить рекорд, превращаться в Адмирала Канариса.

Первым погиб его ученик Федор Мелеш. Совсем мальчишка, шестнадцать накануне исполнилось. Они еще удивлялись, почему он в сектор не заглянул, торт «Киевский» не принес. Погоревали по Федору, но особо не насторожились. Бедовый был парень, с характером. Вот и нарвался. Провожал девушку с Северной Салтовки, налетел на пьяную шпану...

Канари на похороны ученика не пришел. Тогда и удивились: не по-людски оно как-то. Повозмущались, сидя за поминальным столом. Петр Леонидович молчал. Чепуха вспоминалась. В 41-м прикатил в их корпус, 11-й механизированный, чин московский с большими звездами в петлицах — уму-разуму перед грядущими боями учить. Среди прочего отметил элемент паникерства. Некоторые командиры, не веря уставу, предлагают

вместо индивидуальных ячеек рыть траншеи, как в Германскую. А того не понимают, отсталые, что схема ячеек лучшими советскими математиками вычислена, согласно передовой теории вероятности. Потому и потери при артобстреле и бомбежке будут на порядок меньшими, чем в феодально-буржуазных траншеях.

Дурак был гость московский — или трус, повторяющий дурацкие мысли. Только за столом поминальным Кондратьеву все ячейки эти вспоминались. Они сейчас в «Драй Эс» словно в траншее. Локоть к локтю, все на виду, все вместе. Бодро, весело, хорошо...

Вскоре погибли еще двое — Паша-белорус, второй ученик Канари, и Сеня Клименко, сменщик Петра Леонидовича. Хороший парень, хоть на Даньку ничем не походил. Неразговорчивый, серьезный не по годам, совестливый. Перед тем как первый раз в лицо чужое пулю послать, три дня думал, решиться не мог. Когда же вместо мишени кого-то из друзей увидел, «тулку» отложил, на каблуках развернулся — и к выходу, не оглядываясь.

Стрелок от бога. Двадцать парню стукнуло, к первой местной командировке готовили.

Паша и Сеня были друзьями — неразлейвода. Каждый выходной то по грибы, то на рыбалку. Сели утром в красный «Москвич» — у Пашиного отца взяли без спросу, — выехали на объездную дорогу и навернулись с моста в реку. Не разлей, значит, вода.

Мене, мене, текел...

Канари исчез. Искали — найти не могли. Его командировки Василий Александрович переадресовал Кондратьеву. Наставительно добавил, блеснув очками: вот для чего в городе двое действующих тирменов! Ты думал, Петя, двое — многовато? Как видишь, в самый раз.

Секретный товарищ Иловаев, железный боровик, согласился, важно кивнул. Мол, на Шипке все спокойно, понял?

Кондратьев озлился, да так, что не остановишь без вреда для собственного здоровья. Вспомнил, как в разведке служил, кепку на нос надвинул — и пошел искать Канари. Отыскал, понятно. На третий день, в вытрезвителе, в поселке Восточном. Нашел и не узнал. Еще не псих Канарис, но уже не тирмен, король стрелков. Ни то ни се в полном изумлении.

Взял Кондратьев гуляку за грудки, встряхнул нежно, от души. Расспросил, словно «языка» из панцергренадеров. Полови-

вины не понял, но и того, что понял, хватило с лихвой. Тогда и сел Петр Леонидович писать рапорт, аккурат после празднования нового, 1984 года. До начальства — как до архангела Гавриила, а на похороны друзей ходить надоело. И с собственными похоронами он был согласен обождать. Пусть не век, как обещано, пусть пару пятилеток, но мы не торопимся.

Про метафизику предпочел не распространяться. Правило разведки: факты гони, мудрствования при себе оставляй. Не было ясности у Петра Леонидовича ни с миром-подлодкой, готовым пойти ко дну с разодранными сварными швами, ни с тем, в чем конкретно грешен Андрей Канари. Писал он сугубо о практике, о том, что нельзя тирменов ударной возгонкой готовить, пусть даже из стрелков-гениев, наподобие бывшего старшины. Если не учить с зеленой молодости, не вести за руку от дистанции к дистанции, от мишени к мишени, недалеко и до форсмажора.

Есть ли пуля-рикошет, разящая тирменов, нет ли ее, но беда точно есть.

И о секторе сезонной статистики написал. Люди от природы друг к другу жмутся, только не для тирменов такая дружба-фройндшафт. Каждый с фронта защищен, а с флангов открыт. От своей судьбы-пули не спасешься. Значит, по ячейкам разбиться надо, по связкам «учитель—ученик». Как в авиции, где Канари служил: от тактики роя перейти к полетам парами. Ведущий, ведомый — и никого вокруг, кроме мишеней.

Ложились строчки на финскую бумагу, купленную ради такого случая. Казалось тирмену. не один он в комнате. Стоит рядом со столом давняя знакомая, нищенка из «бывших» со Среднего проспекта. Не в лохмотьях драных — в строгом черном платье под горло. На похороны, что ли, собралась? Стоит, на бумагу поглядывает.

Или ты всех умней, тирмен, тирмен?

Писал рапорт Кондратьев. А пока писал, невиданное диво случилось. Невиданное — и скверное. Захворал секретный товарищ Иловаев, впервые с шипкинских времен. Так захворал, что позвонил Петру Леонидовичу по секретному телефону. Поименовал по званию — поручиком и попросил убедительно с рапортом не медлить, а, напротив, поспешить. Понял, боровичок: не все ладно на Шипке.

На заседание бывшего генерала Иловайского доставили на «скорой помощи». С Канари не вышло — пребывал бывший старшина в 15-й психбольнице, именуемой в народе Сабуро-

вой дачей. Прямо с улицы Сумской забрали, когда Андрей из личного оружия пытался открыть огонь по назойливым мертвякам. Завсектора Василий Александрович внешне не изменился, разве что высох, как мумия, дотронуться страшно. Глаз от бумаг не поднимал, на вопросы не отвечал, внимал молча.

Выслушали. Разошлись. Боровичка-секретчика карета с красным крестом увезла. А через два дня на дверях Сектора сезонной статистики появилась свежая сургучная печать.

С тех пор тирмен Кондратьев ни с кем из коллег не встречался, дружбы не заводил, старых знакомых по стрелковому делу избегал. Предписание на очередную командировку получал в конверте — неизвестно от кого, неизвестно как.

Тактика индивидуальных ячеек.

Шесть месяцев Петр Леонидович плохо спал по ночам. Но все утряслось: и с Рейганом, и с Пугачевой, и с миром-подлодкой. Само собой или из-за рекордного выстрела старшины Андрея Канари — спросить было некого.

Секретчик товарищ Иловаев до перемен не дожил — умер от инсульта после заседания сектора. Его офицерский Георгий и коробку с медалями Петр Леонидович оставил у себя, чтоб упырям-спекулянтам не достались. Гриб сушеный Василий Александрович, лишившись должности, сгинул неведомо куда. Из города, говорят, уехал. А еще говорили, что прямиком на личный доклад к Великой Даме направился. Псих Адмирал Канарис, отпущенный с Сабуровой дачи, проводил долгие дни в городском парке, поближе к тиру. Пару раз зашел, на мишени взглянул.

Заплакал.

Сегодня, теплым ясным утром, на шумной Сумской встретились все семеро, живые и мертвые. По психу Канарису соскучились, позвать решили.

А может, дело не в Канарисе.

Дело, может, было в первой местной командировке нового тирмена, Архангельского Даниила Романовича.

7.

Весна раскрашивала парк клейкой зеленкой. Почки лопнули еще в середине апреля, деревья и кусты гордились молодой шевелюрой. Небо текло голубой слезой. Даже если чья-то рука, похожая на куриную лапку, и писала сейчас на небе всякие гадости, подбивая итоговый баланс, то слеза смывала и «исчислено», и «взвешено», и «измерено», вынуждая замотанных бухгалтеров пересчитывать заново. А детвора внизу дудела в жалейки, гремела погремушками, собиралась жить вечно и норовила удрать от бдительных мамаш в кусты.

Пролетарского писателя Горького заново выкрасили серебрянкой.

Возле непотопляемого кафе «Чебурашка» воздвигли ударный силомер — столб с дерматиновой подушкой. Лупи, значит, со всей дури и хвастайся цифирками на электронном табло. Естественно, сперва требовалось купить медный жетон и бросить в прорезь силомера. Лупить задарма не разрешалось.

В киоске напротив разливали кеговое пиво в стаканы из пластика. Зеваки сдували пену, прихлебывали и отпускали ехидные замечания в адрес силачей.

А по центральной аллее шел молодой тирмен — получать инструкции от выездного куратора Кондратьева П.Л.

В тире дяди Пети не оказалось. Да и сама «нулевка», как они звали меж собой тир верхний, общественный, была заперта на ключ, несмотря на рабочее время. Данька извлек мобильник и позвонил на «минус первый». Там стоял автоматический определитель номера, новый, навороченный: дядя Петя увидит, кто звонит, и снимет трубку. Клиентов на «минус первом» нет, не заказывали, но старик вполне может возиться с оружием...

Телефон молчал.

Где искать выездного куратора?

Данька настолько привык к неразделимости тира и старого тирмена, что оказался в неудобном положении. Время загадочной командировки близится. Инструкции получить не у кого. Домашний телефон Петра Леонидовича ему неизвестен, равно как и адрес. Никогда не спрашивал, не звонил, не заезжал и не интересовался.

Сходить в дирекцию парка?

— Зд-дорово, Д-данила!

— Привет, Артур. Ты дядю Петю не видел?

— В-видел. Он в ателье уехал, брюки у портного з-забрать. Сказал, толстеет, отдал в п-поясе расшить. Скоро обещался. Пошли об-бедать, чего тут торчать...

Оставив тир, Артур сильно изменился. В лучшую сторону, как на взгляд Даньки. Во-первых, он стал меньше заикаться. Во-вторых, бросил пить и, как следствие, влипать в неприятности. Раздобрел, обзавелся румянцем, даже намек на брюшко появился. Подумывал жениться, но колебался в выборе: хотел,

чтоб и красивая, и домовитая, а вместе не получалось. Но Артур не терял надежды.

Солидный человек, тридцатник разменял, не шутка.

Даньке казалось, что с каждым годом разрыв в возрасте между ним и Артуром сокращается. Словно он, Даниил Архангельский, взрослеет быстрее, чем отставной сержант, догоняя ушедшего вперед лидера. Возьмем их первое знакомство: четырнадцатилетний подросток, для которого гнев местного сявки — наибольший ужас на свете, и десантник, прошедший ад войны, двадцати четырех лет от роду. Огромная, колоссальная разница. Пропасть. И сейчас: тирмену — двадцать, бывшему сменщику — тридцать. Совсем другое дело.

А что будет через пять, десять лет? Сравняемся?

Или с какого-то момента один из нас опять уйдет в отрыв?

Кто?!

— Д-давай, давай, я в «Рыцаре» столик взял... они жд-дут...

— Не толкайся, я иду...

— К-как знал, заказал на двоих... Армен Оганесович уехал в управление...

Идя мимо старенького кинотеатра, где больше не крутились фильмы, а мигали экранами игральные автоматы, Артур жаловался на качалку «Счастливый слон». Купили за тыщу баксов, а теперь от слона не отойди — ломается, з-зараза. И цепи на «лодках» менять пора, а в бюджете не предусмотрено. И Вано, педер с-сухте, отлынивает. Раньше помогало битье наглой вановской морды: настучишь в бубен, он месяц вкалывает. Сейчас настучишь — неделя в лучшем случае.

Инфляция, что ли?

Артур с недавних пор заведовал отделом техобслуживания аттракционов. Под его началом ходила бригада тертых, битых, в солярке вареных механиков. Смешно было видеть, как эти пожилые дядьки безоговорочно признают первенство «афганца», матеря его за спиной в три коромысла, но трудясь круглосуточно, без обеда и перекуров, если «змей ядовитый» объявит аврал.

Парковое начальство молилось на нового завтеха.

— Ты чего в тир не заглядываешь? — спросил Данька, садясь за столик под навесом.

К ним спешил официант Руслан с подносом. Здесь делали чудесный шашлык из вырезки: не кусочками, а цельный, длинный, прихваченный на углях шмат маринованного мяса в глиняной, заранее подогретой миске. К шашлыку подавался лаваш, белый соус-мацони и цицаки — острые перцы, засоленные в бочке с травками.

— Боюсь, — честно сказал Артур, прихлебывая клюквенный морс. Он почесал небритую щеку и добавил, смешно морщась: — Тянет меня. Как алкаша к рюмке. Вот и боюсь сорваться. Помнишь, ты меня просил приемчикам научить?

Данька помнил. В начале их знакомства он приставал к «афганцу», желая освоить секретные приемы десанта и накидать по морде всяким Жирным. Но вскоре отстал: Артур не желал учить пацана. Времени не было или просто лень — Данька так и не узнал.

— Я тогда драться боялся, даже в шутку. Даже приемчики показывая. Крыша летела. Из ментовки не вылазил: сорвусь, и нон-стоп... Прошло. Вылечился. Теперь вот с тиром... Меня когда дядя Петя подобрал, я психованный был. Стреляю по мишеням, а вижу врагов. И радостно мне, что они падают, дохнут, а я живой, все у меня хорошо...

Раскашлявшись, Данька жестами показал, что ерунда, пройдет. Слишком острый перец-цицак. В позвоночник будто вставили острый стальной стержень. Оказывается, и Артур тоже? Только Данька теперь ждет дядю Петю с инструкциями, а бывший сменщик качели чинит?!

— Потом, Данила, враги у меня кончились. Наверное, первый запал скис. Смотрю на мишени, а там — никто, и звать — никак. Все равно гады, думаю. Я за них в Афгане кровью умывался, друзей хоронил, а они тут по кабакам жировали... Стреляю, и душа поет. Вроде как за товарищей мщу. С удовольствием стреляю. С кайфом. Вот и дострелялся: кончились никто, начались свои. А мне без разницы: стреляю...

Обмакнув лаваш в мацони, Артур откусил кусочек.

Прожевал.

— Ты забудь, что я тебе говорю. Не бери в голову. Выслушай и забудь. А главное запомни: может пригодиться. По врагам мы все палить мастера. Ради себя, ради своей жизни, удачи, счастья, да по врагам — проще простого. Это нормально. Больше скажу: это правильно. По незнакомым, безразличным — уже неправильно, но... Можно. Можно, и кончен разговор. Значит, не чистоплюй ты, не белоручка. Есть в тебе здоровое гадство в разумных пределах. Значит, работник. Человеку без здорового гадства одна дорога — в святые...

Данька вспомнил гонки на кроватях. Стал бы он стрелять дальше, если бы на следующий день с мишени на него не по-

смотрела мама? Наверное, стал бы. С удовольствием, как Артур — вряд ли, но не отказался бы. Не захотел бы дядю Петю расстраивать.

Значит, работник?

Если без удовольствия, но делаешь, что надо...

— А по своим стрелять нельзя. Ни при каких обстоятельствах. Иначе ты отморозок, нелюдь. Бешеный спусковой крючок. Вот тут я и дал маху...

Ты дал маху, молча ответил Данька. А я, отказавшись стрелять по своим, выбил десятку. И спустился на «минус первый». Здоровое гадство в разумных пределах, но не отморозок и не нелюдь. Достойная кандидатура. Интересно, что я сделал для того, чтобы позже спуститься на «минус второй»? Не пошел в армию? Остался здесь?

Что я сделаю, чтобы спуститься еще ниже?

Где я ошибусь?

Мысли получались взрослые, чужие, непривычные. К счастью, оборвав цепь этой карусели, цепь, которую завтех Артур и хотел бы починить, да лишь разладил вдребезги, в кармане зазвонил мобильник.

— Да! — На экранчике было написано «подавление номера», и Данька не знал, кто ему звонит. — Я слушаю!

— Даниил? — спросил хорошо знакомый голос Петра Леонидовича. — Подойди к тиру, я тебя жду.

— Шашлык доесть успею?

Пауза. Видимо, дядя Петя смотрел на часы и прикидывал.

— Успеешь. Не задерживайся.

Вставая после обеда, Данька сообразил, что за время их разговора про тир Артур не заикался.

Вообще.

Из динамиков магнитолы на стойке бара пел Высоцкий.

Песня про того, который не стрелял.

Про войну песня.

8.

«Эх, пушки, пушки грохотали, стрелял наш пулемет!..»

Если бы наш! Лейтенант Кондратьев втянул воздух, словно коньяк выпил, смакуя, мелкими глоточками. Поморщился, вытер пот со лба, глянул на солнце. Полдень скоро. Не успел оглянуться, а день на переломе... «Стрелял наш пулемет...» Чьи

вирши, какого пролетарского классика? Привязалась песня, не отгонишь. И не надо, ритм подходящий.

Ну и гадость этот ваш «MG-42», даром что единый и 7,92-миллиметровый!

Был грех — не любил разведчик Кондратьев немецкие пулеметы. И «MG-34» не жаловал, и «сорок второй», даром что модернизированный, а про остальные даже говорить отказывался. Не сходился он во мнениях с друзьями из фронтовой разведки, и с командирами спорил, и у подчиненных понимания не находил. Одни комиссары, переименованные в замполитов, не могли скрыть радость. Слушайте, мол, товарища лейтенанта, ветерана-орденоносца, учитесь, низкопоклонство не разводите. Наше советское оружие лучшее в мире!

После лба и до пулемета очередь дошла, с протиркой. Хоть и немец, хоть и дрек-машина, а все-таки друг-товарищ. Временный, конечно. До вечера досидим, первой звезды дождемся... «Эх, пушки, пушки...»

Тропа была пуста. Пушки молчали. Собственно, не пушки — гаубицы «M1A1». Легкие, но доставучие, заразы! Не иначе вместе с десантом скинули. Облегченный вариант, лафет «эмка-8», пневматика. Чуть всю группу с грузом не накрыли, сволочи разборные. Пронесло! Вовремя вспомнил кто-то умный из десантников, что снаряд не на того человека упасть может. Накроет груз, ради которого весь сыр-бор — и прощай, медаль Конгресса!

На это у Кондратьева весь расчет и был. Гаубицами не достанут, а против пулемета, пусть немецкого, особо не попляшешь. Тропа по ущелью ползет, на подъем, место пристрелянное, а патронов — четыре цинка. И в обход не пройти, проверено. Welcome, dear American friends! Встретили на Эльбе, встретим в Рудных горах. Жаль, Совинформбюро не расскажет.

Сейчас полезут, союзнички? Или перекур устроили, «Верблюда» смалят?

— Петя...

Кондратьев резко обернулся. Кажется, Лена очнулась.

— Петя, ты сбрил усы? Сбрей, а то мыши заведутся!

Лена еще не умерла. Лежала тихо, иногда стонала. Когда открывала глаза — пыталась шутить. Их любимая шутка, про усы.

Операцию готовили в страшной спешке. Такое Кондратьев видел не в первый раз. С угрозами тоже свыкся. Как важная заброска, так начальство звереть начинает. Только что вместе трофейный французский коньяк давили, а теперь и в глазах

огонь, и в горле хрип. «В плен тебя не возьмут, лейтенант, не надейся. Ни на что не надейся. Вернешься без груза — в разведотдел не заходи, сразу в трибунал сворачивай. А погибнешь — на том свете сыщем!»

Наслушался! Разве что штатский удивил, Иван Иванович, который из Москвы. Ему бы шуметь, пужать Колымой с Нарымом, папкой с личным делом трясти. Так нет же, в сторонку отозвал, улыбочку состроил. «Пушкина читали, товарищ Кондратьев? Я — ваша золотая рыбка, учтите. Вернетесь с грузом, просите, чего душа пожелает!..»

Хрен с тобой, золотая рыбка! Попросим, не забудем!..

— Воды дать, Лена?

— Нет, Петя, спасибо. Не надо, ничего не надо...

Лену накрыло прошлым вечером. Не повезло, хоть плачь! За скалой пряталась, а все-таки достали осколки. Та рана, что на бедре, очень скверная. Вторая, на спине . Нет, лучше не думать. Потом, все потом.

— Больно, Петя. Очень больно...

— Сейчас!..

Он потянулся к сумке, где были кучей свалены лекарства. Жаль, одни трофейные. Поди разберись, что от какой напасти. У «эсэсов» есть в аптечке шприц с болеутоляющим. Эх, заранее не проверил! Своего не брали, даже белье надели немецкое, а об оружии и говорить не приходилось. На рыжем камуфляже — черные петлицы с рунами, манжеты с вышитыми надписями. «Horst Wessel», 18-я панцергренадерская. Из Словакии трофей, там этих «весселей» и взяли к ногтю.

Мерзко помирать, когда войне — капут. А в чужой форме стократ противней! Только разведку не спрашивают. Окружат, «hands up!» крикнут, а ты за кольцо гранаты дергай — и «Вахту на Рейне» ори во все горло, для пущей достоверности. «Es braust ein Ruf wie Donnerhall wie Schwertgeklirr und Wogenprall!..»

«Груз» того стоит. Двое физиков-ядерщиков. Считай, из-под носа увели у американского десанта! Good bye, my friends, guten Nacht!

Шприц наконец нашелся. Кондратьев отбросил сумку, повернулся. Глаза Лены были закрыты, губы еле заметно дрожали. Дышит, еще дышит...

Раненых оставлять нельзя. И потому, что закон разведки, — и потому, что нельзя. А убитых можно. Не вообще (тоже закон разведки!), а именно в данном конкретном случае. Пусть американцы разбираются с трупами в эсэсовском камуфляже, дивясь, отчего под мышкой нет татуировок-номеров.

С татуировками не успели. И слава богу! Ходи с этой пакостью всю жизнь, в каждой бане объясняйся.

Пять трупов бросили. Пятеро живых увели физиков. Лейтенант, сержант-радист и пулемет «MG-42» остались у входа в ущелье. Рудные горы, война, считай, кончилась. У Лены беда с ногой и позвоночником.

Кондратьев поймал себя на суетном желании сгрызть сухарь — тоже немецкий, из аккуратной упаковки, из шелестящей фольги. Последний раз ели два дня назад, потом наскоро проглотили банку консервов на троих...

Пулемет рыкнул без команды и напоминания. Высокая фигура в светлой каске отшатнулась назад, к скале, прижимая «Гаранд» к груди. Извини, союзник!

И началось. «MG-42» взревел от обиды, выплюнул длинную очередь. Двадцать патронов в секунду, никаких цинков не хватит. За то и не любил Кондратьев изделие фирмы «Рейнметалл». Прожорливый, шумный — и недолговечный, до первой серьезной встряски. А еще ствол греется, менять его в бою — себе дороже. Чистый нацист, в общем. Свои машинки еще хуже? Конечно, хуже! Меньше надо было конструкторов стрелять, товарищ Верховный Главнокомандующий! Вот и пришлось брать на вооружение «ДС-39», мечту саботажника. А какие проекты на конкурс 1939 года предлагались! Чудо!

Ну, где они теперь?

Там, на другом краю тропинки, за дело взялись всерьез. У них свой командир есть, и трибунал, поди, имеется. И дяди в штатском из города Вашингтона приезжают. Ударили из десятка стволов, горласто рявкнула «Bazooka». Запасливые, сволочи!

От пуль спасала скала, от осколков — везение. Везучий ты, лейтенант Кондратьев!

За то и любили.

Он стрелял короткими очередями — пять-семь патронов, не больше. Для «MG-42», фрица пленного, оптимально. Если бы ствол так не грелся! «Zum Rhein, zum Rhein, zum deutschen Rhein!»

— Джерри, джерри! Хальт, них шиссен! Криг капут, джерри! Капитулирен, капитулирен! Реймс, криг капут!..

Отлипая от пулемета, лейтенант удивился. Неужто перерыв? Плохо у них с немецким и по форме, и по смыслу. Для нас война не кончилась. Мало ли что в Реймсе подписали?

— Нет-нет, Петя, я встану. Полежу только. Еще чуть-чуть...

Лена старалась говорить твердо, отделяя слово от слова. Получалось, только очень уж тихо. И глаза — их не спрячешь.

— Они еще там?

Тропа пуста, лишь чьи-то ботинки торчат из-за скалы. Не повезло американу! Кондратьев взглянул на часы: трофейные, с гравировкой.

— Там, Лена. Перекур у них! Ничего, скоро вечер, патроны в наличии. Продержимся. Главное, группа на перевале. Получилось, вышел фарт!

И на это расчет имелся. Рудные горы низкие, не Памир, не Кавказ. Но и здесь скал хватает. Вроде лабиринта: вход, выход, посредине каменюки вприсядку пляшут. Удачно мы меж двух вершин вписались: не обойти. Вот через этот лабиринт группа и проскользнула, вместе с двуногим грузом. Дело за малым — настырных союзников у входа задержать.

Лена улыбнулась. Дрогнули белые губы.

— Не сбривай усы, Петя! Всем нравится, а мне... Мне тоже нравится. Не жди, пока умру, сейчас уходи. А у меня пистолет есть. И гранат связка.

Лейтенант кивнул, немного подумал. Наклонился к девушке, расстегнул кобуру на ее ремне. Вынул «Вальтер», отбросил в сторону, подальше.

Звякнуло.

Сержант-радист глядела прямо над собой, в пустое небо.

— Connais-tu, comme moi, la douleur savoureuse
Et de toi fais-tu dire: «Oh! l'homme singulier!»
— J'allais mourir. C'etait dans mon bme amoureuse
Désir mklé d'horreur, un mal particulier...

— Прекрати! — тихо попросил Кондратьев. — Не поминай, не надо!

А в голове отозвалось дальним эхом. «Познал ли ты, как я, блаженное страданье и сам в чудачестве сравнился ли со мной?» Перед войной прикупил сборник, успел перелистать. Шарль Бодлер, «Цветы Зла». «Я думал умереть. И ужас, и желанье, как редкостный недуг, росли в душе больной...»

Не послушалась Лена. Всегда славилась непокорством. И в группу напросилась, лично к начальству ходила. Кондратьев не хотел брать девушку. Войне конец, пусть хоть она уцелеет.

Angoisse et vif espoir, sans humeur factieuse.
Plus allait se vidant le fatal sablier,
Plus ma torture était bpre et delicieuse;
Tout mon coeur s'arrachait au monde familier.

«В тоскливом чаянье, без бунта, без дерзанья, чем тек быстрей песок в клепсидре роковой, тем злее было мне и тягостней терзанье...» — откликнулась послушная память. Кондратьев оглянулся и ничего не увидел. Одни скалы вокруг, чтоб им провалиться до оливинового пояса! Но он знал: рядом, совсем рядом Та, которую звала Лена, дочь репрессированного командарма. Детдом, война, смерть — все, что ей досталось на этом свете. «...И сердцем рвался я покинуть мир родной...»

— Не надо, — повторил он. — Ты будешь жить! Мы оба выживем. Война кончилась, уедем куда-нибудь в Ташкент!..

Лена не ответила, зажмурившись. Только губы до сих пор шевелились. Лейтенант не услышал, скорее угадал:

Я жаждал, как дитя, скорей увидеть пьесу,
И ненавидел я мешавшую завесу,
Но наконец возник студеной правды мрак...

Сержант-радист не верила в бога. И бессмертие души не признавала. Как-то сказала, что человек — вроде электрической лампочки. Испортилась — выбросили. А то, что свет в пространстве фотонами блуждает, не утешение.

Хотел Кондратьев возразить и не смог. О чем расскажешь? О фотографиях среди летней листвы? «И мирно умер я, объят зарей холодной. И больше ничего? Да как же это так? Поднялся занавес, а я все ждал бесплодно... J'étais mort sans surprise, et la terrible aurore m'enveloppait...».

Он лег к пулемету.

9.

К Данькиной повестке Петр Леонидович отнесся спокойно, чтоб не сказать, равнодушно. Прочитал, топорща усы, как читают для проформы хорошо знакомый текст, скомкал в руке и сунул в карман пиджака.

— Рутина. Что, тирмен, съездим, отработаем усиленный паек?

Глядя на улыбающегося дядю Петю, Данька задним числом обругал себя за расшатавшиеся нервы. Недопустимая вещь для

стрелка. Ну, послали в командировку. Сделаем, что надо, и вернемся. Давно пора было. А то все грамотами отделывались...

Два года назад, когда его зарплата стала вызывать у отца подозрительную радость, а у матери — радостные подозрения и оба начали приставать с вопросами, как в парковом тире можно заработать такие приличные деньги, не влезая в криминал, он, в свою очередь, спросил у Петра Леонидовича: как объяснить родителям высокие ставки? А заодно и полезные знакомства, редкие визитки, особые телефоны в записной книжке мобильника...

Решение оказалось самым простым. Через неделю Даньке передали пакет, где лежала грамота от мэрии на его имя. В деревянной рамочке под стеклом: герб города, золотое фольгирование, подпись мэра... Все чин-чинарем. В грамоте Даниилу Архангельскому выражалась благодарность за помощь в проведении стрелкового турнира «23-е августа», посвященного годовщине освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Кажется, по предъявлении такой грамоты разрешалось даже бесплатно ездить в трамваях и троллейбусах.

Второй пришла грамота от университета МВД, за подписью проректора, генерала-лейтенанта Карамышева. Руководство университета благодарило работника городского тира № 6 Архангельского Д.Р. за техническую помощь в проведении зачетов по стрельбе из табельного оружия.

Третьей грамотой разродилась областная администрация. За благоустройство стрельбищ в районе Печенежского водохранилища. После этого Данька перестал считать грамоты (общество охотников, федерация пейнтбола, штаб резервистов на учениях сил территориальной обороны...), а родители перестали задавать лишние вопросы. Сын — крупный специалист по стрелковому делу. Все нуждаются в его консультациях. В очередь становятся. Ну и платят, не скупясь: это само собой разумеется.

Стыдно маме сказать, что сегодня у сына — первая *настоящая* командировка.

Идею пройтись пешком дядя Петя отверг. Спросил зачем-то, читал ли молодой тирмен «Графа Монте-Кристо». Нет, устройство винтовки Флобера, она же «монтекристо», нас не интересует. И фильм с Жаном Маре, а потом с Виктором Авиловым, и еще сериал с Жераром Депардье тоже не в счет. Как с книгой? — переплет, страницы, буквы... Выяснив, что книги

«обалдуй» не читал, старик с укоризной насупил густые брови и побрел нога за ногу к остановке троллейбуса.

Данька плелся следом, в уме давая клятву: вместе с Библией купить полное собрание сочинений Дюма и прочесть от корки до корки.

— А нам с собой ничего брать не надо?

— Ничего. Руки на месте, голова на плечах. Хватит. Говорю ж: рутина...

На полупустой «двойке» они доехали до метро «Университет» за пять минут. Дальше все-таки прошлись пешком. Веселый маршрут, весенний: от парка до сада, от памятника до монумента. От пролетарского писателя Горького до народного поэта-кобзаря Шевченко. Впрочем, если рядом с пролетарским писателем гуляли большей частью молодые мамочки с детишками, то к подножию кобзаря возлагали цветы пожилые дядьки в «вышиванках», с вислыми, ниже подбородка, усами. Вокруг дядек танцевали не менее пожилые девушки с лентами. Ага, еще два казака в шароварах.

Что здесь забыли два крупных специалиста по стрелковому делу, Данька не знал.

Казаков отстреливать будем, что ли?

— Манизер, — сказал дядя Петя.

Данька опять не понял, чувствуя себя преступным идиотом.

— «Маузер»?

— Манизер, бестолковщина. Матвей Манизер, скульптор. Создал этот памятник. Заодно снял ряд посмертных масок с великих людей: от Александра Блока до Иосифа Сталина. Считал посмертную маску наилучшим материалом для скульптора.

И без паузы, внезапно, с пугающей обыденностью:

— Сектор чуешь?

Сперва Данька хотел ответить, что не знает такого скульптора, как Сектор. Пошутить, значит. Но шутка застряла в горле. Потому что он действительно почуял сектор. Словно перед стрельбой, когда ты заранее прикидываешь дистанцию и убойные возможности своего оружия, автомат это, пистолет или винтовка, и если винтовка, то какая именно...

Ну да, вот же оно.

Полукружие сектора захватывало часть сада: в глубину примерно до фонтана на центральной аллее. Диаметр, служащий основанием этому знобящему полукругу, тянулся по улице Сумской, от подвальной «Пирожковой» до сквера Победы с «Зеркальной струей».

— Ага...

— Запоминай. Сектор отслеживай сразу. Если ошибешься, потом не исправишь. Он бывает разный, имей в виду. Все зависит от дистанции. Скажем, тридцать-сорок метров для служебного короткоствола или «тэтэшки» — и до полутора километров для «McMillan-M93». Считай, поймал сектор — узнал, что в руках: журавль или синица. Так, теперь ищем удобное место.

— А какое место — удобное?

Дядя Петя посмотрел на парня с одобрением.

— Молоток. Соображаешь. Удобное место — это такой хитрый уголок, где ты в идеале у всех на виду и никого при этом не интересуешь. Даже если минут пять будешь молчать, сидеть без движения и не отвечать на вопросы.

Памятник Шевченко, на взгляд Даньки, находился в самом удобном месте. У всех на виду, на вопросы не отвечает, и никто к нему не пристает. Разве что цветы возлагают. Но говорить о своей идее Петру Леонидовичу он не стал.

Они двинулись в глубь сада по центральной аллее. Нашли пустующую скамейку, присели рядышком. На остальных скамейках пили пиво студенты и играли в шахматы пенсионеры. Мимо вприпрыжку бежала крохотная девушка, ведя на строгом поводке гиганта-мастифа. Мастиф обнюхал Данькину ногу и фыркнул. Девушка сдерживать собаку не стала, да и не смогла бы, по большому счету.

— Чарли не кусается, — сказала девушка в оправдание.

— Мы тоже, — ответил дядя Петя.

Он полез в сумку, которую всю дорогу нес на плече, и достал нарды. Раскрыл доску, умостил на скамейке, взялся расставлять круглые шашечки. Кое-кто из пенсионеров-зрителей двинулся было к новым игрокам, ведомый любопытством, но на полпути обломался. Нарды, в отличие от благородных шахмат, — игра вульгарная, для плебеев. В нарды играют азеры на рынке, если выпадет свободная минутка. Ни тебе изящных гамбитов, ни стремительных миттельшпилей, ни смертоносных эндшпилей.

Скукота.

— Запоминай, — опять повторил дядя Петя, быстро раскидывая шашечки в таком порядке, что со стороны могло показаться: оба игрока на середине партии.

Данька кивнул и пару раз бросил кости: так, для пристрелки.

Оба раза выпало по две шестерки.

— Сходи за пивом.

Сбегав за фонтан, к киоскам — выпадение из очерченного полукружия отдалось болезненным спазмом в спине, — Данька взял две бутылки светлой «Крушовицы». Почему в захудалом киоске продавалось дорогое чешское пиво, осталось загадкой. К пиву он купил четыре пакетика сухариков «с дымком» и бегом вернулся обратно.

Возвращаться оказалось приятно.

— Садись. Открой пиво.

На ключах была открывалка. Бутылка дяди Пети открылась легко, без проблем, а Данькино пиво сразу начало пениться, идти наружу, чуть не забрызгав штаны. Ладно, справились.

— Теперь сухарики.

Пакет лопнул по шву. Затем — второй.

— Играем? — Петр Леонидович наклонился над доской.

— Играем...

Старик кивнул и закрыл левый глаз. Будто прицелился.

Данька пожал плечами и тоже закрыл левый глаз. Очень уж хотелось закрыть, причем именно левый. Это как полукруг, где царит приятный озноб: знаешь заранее и совершенно не интересуешься, откуда знаешь и почему. Рутина. Сектор пойман, дистанция выверена, удобное место найдено. Осталось сказать дяде Пете, что он, Данька, не умеет играть в нарды, и выслушать очередное обвинение в раздолбайстве и непроходимой тупости...

Веки левого глаза сомкнулись плотно-плотно.

Кости выбросили дюжину.

Сад закончился, и начался лес.

10.

Горы лейтенант Кондратьев не жаловал. Что Памир, что Карпаты, что Рудные, где довелось застрять в мае 1945-го. Красивые, конечно, глаз не отведешь. Жаль, холодом несло от этой красоты, мерзлой сыростью. Словно перед тобой — Четвертая стена, Прозрачность-на-Окне.

Ша Чуань, привет от памирского тирмена-арваха.

Так и не добрался тогда бухгалтер Кондратьев до кишлака Кичик-Улар. И долю в прибылях не получил. Оно и к лучшему, если подумать. Пристало ли работнику советской кооперации богатеть с контрабандного опиума?

Другие не отказались, сполна получили. Прямо на месте

стоянки, где оставил их Кондратьев. Вернулся с разведки, а трупы уже застыть успели: кто лежа, кто сидя у погасшего костра. Стахановцу товарищу Вану и полиглоту Абдулло меньше других повезло — голов лишились, вместе с шапками и всей казной.

Судьба-Кысмет развела руками.

Бывает!

Яки уцелели. С ними Кондратьев и вернулся в Дараут-Курган. Со строптивым Джинном даже успел подружиться. Мычал рогатый, жаловался, расставаться не желал. Сахару не радовался. А еще очень не хотелось отдавать секретарю райкома «Lee-Enfield». Но не повезешь же «одиннадцатизарядку» в Ковров!

Потом были Карпаты, где бойцов расстреливал эсэсовский снайпер. На выбор бил, гадюка, не спеша. Словно перед ним не горный склон, а грядущий «минус второй». Лену ранили, но, к счастью, легко, в предплечье. Навестил ее лейтенант в госпитале, принес букетик эдельвейсов. Решили расписаться, едва войне каюк настанет.

Войне каюк, а они опять в горы попали. Напоследок, на закуску.

Кондратьев коснулся пулеметного ствола, отдернул палец. Горячий фриц, никак не остынет! Дважды ствол менял, а все без толку. Ну, что теперь? День к вечеру клонится, патроны на исходе, груз за перевалом.

Лена жива. Держится. Молодец!

Он прислонился спиной к теплому камню, хлебнул воды из фляги. Через час можно будет уходить. Где американы? Опять перекур? Или стратегическую авиацию вызвать решили? Не выйдет, парни, тут вам не Дрезден! «Es braust ein Ruf wie Donnerhall...» Фу ты, привязалась, мерзость нацистская!

Лейтенант знал, что дойдет, доберется до перевала. Почему бы и не дойти? Не убитый, не раненый, с водой и сухарями. И Лену обязательно дотащит — живой. Без вариантов. Найти бы того, кто сейчас пялится сквозь Четвертую стену... Последних патронов не пожалел бы! Только что толку? «Поднялся занавес, а я все ждал бесплодно...» Бесплодно? Нет! И ждать больше нельзя.

Тирмен Кондратьев закрыл глаза. Один глаз — левый.

«Поднялся занавес...»

Горы исчезли. Жаркий июньский лес стоял без движения; зеленые, тронутые желтизной листья замерли в ожидании ветерка. Фотографии? Нет, листва.

Пусто. Никого.

Он вздохнул с облегчением. Лены нет. Успел!

— Я здесь. Слышите: я здесь!

Не кричал — незачем. Услышат, даже если шепотом, даже если просто подумать.

— Я — тирмен!

Ярко светило вечное солнце. Ни ветра, ни шелеста, словно в мертвой ледяной пустыне.

— Я — тирмен Петр Кондратьев!

Легкая, невесомая паутинка коснулась лица. «И ненавидел я мешавшую завесу, но наконец возник студеной правды мрак...»

— А что взамен, тирмен, тирмен?

Хотел сказать: «жизнь». Осекся. Жизнь — обещанная, долгая, спокойная, не в его власти. Кто скажет, на какой ветке сейчас фотография лейтенанта Кондратьева? В военной форме, при погонах?

И ей он больше не жених...

Что есть у того, кто пришел с просьбой в июньский лес? Что отдашь за Лену, тирмен, тирмен?

— Бери, что хочешь!..

Тихо. Мертво. Недвижно.

— Я не беру. Я даю. Хотя многие считают, что это не так. Уходи, мой тирмен.

И исчезающим шелестом листьев:

— Я слышала тебя.

С врачом-полковником он разговаривать не стал. И так все ясно. Лишь убедился, что врач трезвый. Козырнул (пилотку со звездой надел сразу, от греха подальше) — и пошел по начальству. Как был, в рыжем эсэсовском камуфляже. Манжеты и петлицы еще на перевале сорвал, а так — сойдет.

Врач смотрел плохо. Сочувствовал.

Успеешь, тирмен?

Уходил Кондратьев — была война. И Берлин взяли, и союзников у Торгау встретили, но все равно: расслабляться рано. А вернулся в мир. Даже не поверил вначале. Третий день мир. Соврали десантники-американы, не в Реймсе подписали — в Карлхорсте, в Берлине, в логове, так сказать. Разницы, конечно, никакой, просто обидно. Врать-то зачем? Или перепутали янки?

Что такое мир, лейтенант Кондратьев понял очень быстро. Раньше пьяных при штабе не увидишь, крепко народ держали.

Если и пили, то по землянкам и блиндажам, завесив вход одеялом. Теперь же — не пройти. Третий день Победу отмечают, без устали.

— Ты чего, эсэсман?! А, Кондратьев! Тю, живой! Давай за Победу! Пей, говорю, тебе майор приказывает!..

Майор — ладно. Начальство ничем не лучше оказалось, только организм крепче. Генералам отдельные нормы природой и уставом положены. Личность красная и глас на рык походит. Но разговаривать можно, и на том спасибо.

Рапорт генерал слушать не стал, знал заранее. Группа вчера с грузом прибыла. Физиков на самолет и в Москву, остальным — отдыхать по полной.

— Все, Кондратьев! Тебе — Героя, Ленке — орден Ленина, посмертно. Садись за стол. Ради тебя коньяк берег, цени! За Победу!

А когда выслушал, обхватил по-медвежьи за плечи, потянул на лавку. Усадил, дохнул в ухо перегаром.

— Все понимаю, Петро. Догнала нашу Лену война, на излете достала. Рад бы помочь, только чем? Выживет, дома распишетесь. А здесь — извини, загса у нас нет, ближайший — за Брестом.

Кондратьев спорить не стал. Повторил — медленно, чтобы генерал расслышал и не озлился. Тот гулко вздохнул, мотнул головой, плеснул коньяка в кружку.

— Понимаю. Больно тебе, Петро. И мне больно — за всех, кто не дожил. И за сержанта больно, хорошая она девчонка. Если хочешь, чтобы женой твоей законной считалась, в приказе объявим. Так иногда делают, вроде помолвки при царе. Договорились?

— Нет. Помолвка меня не устраивает.

— В отделе кадров оформить можно, — задумался генерал. — Так, мол, и так, впредь до регистрации считать мужем и женой. Правда, если строго по закону, и это не в масть. При проклятом старом режиме, между нами, проще было. Зови полкового попа — и в ближайшую церковь. Венчается раб божий...

Петр Кондратьев закусил губу. Скверно, очень скверно.

— Товарищ генерал, разрешите отлучиться по личному делу?

Не выдержал, забежал в госпиталь. Боялся, не пустят — пустили. Лена лежала тихо: чужая, белая, восковая. Лишь простыня на груди еле заметно подрагивала.

Выскочив на крыльцо, Кондратьев врезал сам себе по щеке:

для бодрости. Оцени обстановку, разведка! К члену Военного Совета? Что с него возьмешь, с бабника бровастого? К командующему фронтом? Нет, не пробиться. Да и нет при товарище маршале загса. Самолет угнать, чтоб до Бреста? Угнал бы, так Лену не довезти.

Значит, куда, товарищ лейтенант?

Значит, в штаб.

Не ошибся Петр Кондратьев. Нужный человечек оказался на месте, не улетел вслед за физиками. Словно ждал дорогого гостя. А может, и впрямь ждал? Золотые рыбки слову своему хозяева. Охрана, правда, заартачилась. Занят гость московский, с документами важными работает. Только уговорил их разведчик Кондратьев — всех троих по очереди. Хорошо уговорил, ласково: не пикнули.

Иван Иванович, штатский человек, оторвался от бумажек, встал из-за стола. Махнул дланью начальственной, отослал побитую охрану вон.

К гостю повернулся:

— Чего тебе надобно, старче?

А как выслушал, на телефон посмотрел. Но трубку не снял.

— Может, чего иного пожелаешь, Кондратьев? В Москву переведу, в центральный аппарат. Академию закончишь, будешь науки разведывательные преподавать. Какой из тебя бухгалтер, если подумать? Соглашайся, большим человеком станешь.

Не стал спорить Петр Кондратьев. Не ко времени.

Молчание не всегда — знак согласия.

Гость московский пожал плечами, протянул руку, набрал средним пальцем номер.

— Добавочный... Да, это я. Соедините с приемной товарища Калинина. Срочно!

И Кондратьеву, равнодушно:

— Сейчас все данные продиктуешь. Родился, крестился, отчество, как кошака домашнего звали. Свои — и ее. Помнишь, надеюсь?

Он помнил.

Лена открыла глаза на следующее утро. Улыбнулась яркому майскому солнцу, попыталась сесть.

— Здравствуй, Петя! А я, знаешь, в лесу была.

Свидетельство о браке, подписанное первым заместителем

председателя Президиума Верховного Совета СССР товарищем Шверником Николаем Михайловичем, Кондратьевы получили уже в Ташкенте. У почтальонши руки дрожали, когда пакет вручала. Тяжелый, весь в печатях, на каждой — герб с надписью.

Усы старший лейтенант запаса Петр Кондратьев не сбрил. Жена посмеялась, да и привыкла. Героя так и не дали. Через год в военкомат вызвали, вручили Боевое Красное Знамя, второе. Кондратьев спрятал красную коробочку в ящик комода.

Елена Кондратьева умерла двенадцатого мая в три часа пополудни. Ровно через тридцать лет после того, как на свидетельство о браке упала синяя печать.

«А что взамен, тирмен, тирмен?..»

11.

В лесу пели птицы. Щебетали, булькали, закручивали немыслимую трель, чтобы оборвать на верхней ноте. Солнце, косыми лучами пробиваясь сквозь листву, строгало лес аккуратными ломтями. Стволы деревьев бугрились корой; местами кора была содрана, открывая сочную, текущую смолой или соком мякоть. Под ногами пружинила давняя, желтая хвоя. А птицы все захлебывались летом, жарой и любовью.

Данька уже бывал в этом лесу.

Когда его избивали спортсмены на Динамовской.

Только в прошлый раз на деревьях вместо листьев росли фотографии, а сейчас — просто листья. Лапчатые, фасонные, кругленькие — всякие. Но он знал, что на самом деле это снимки: лица, лица... Они притворяются: листья — фотографиями, фотографии — листьями. Это такой лес.

Здесь он был счастлив, как нигде и никогда.

— Опусти ствол, — сказал дядя Петя. — Чего ты в меня целишься, ей-богу...

В руке у себя Данька действительно обнаружил пистолет. «Беретта 9000S», подарок Калинецкой. Он опустил руку, уставив ствол в землю, и покраснел. Как маленький, право слово... ага, а старик тоже вооружен...

Петр Леонидович держал длинноствольный «Маузер С-96». Модель 712, гитлеровская, с переводчиком режимов огня и отъемным магазином на двадцать патронов. Допотопная, но

классная штука: на ста пятидесяти метрах без приклада дает вполне приемлемую точность стрельбы. И дальше дает, но хватка нужна железная.

С «Маузером» усатый дядя Петя напоминал революционного командарма.

— Осмотрись, — велел старик. — Часы слышишь?

— Часы?

— Ну, музыку. Слышишь музыку?

Теперь Данька заметил, что в пение птиц вплетается музыка. Знакомая: нервная, тягучая. Барабанчики и флейта. Сейчас к ним присоединились еще какие-то инструменты: кажется, виолончель, в компании с насморочной дудкой. Тук-тук, тыли-тут? Мы идем, братец, мы рядом. Если хочешь, дождись, но потом не жалуйся. И флейта: не бойся, это барабаны шутят. Ждать не надо. И жаловаться не надо.

Делай дело и уходи.

— Слышу.

— Это часы. Ну, вроде как часы. Шаги Командора. Все время прислушивайся. Здесь надолго задерживаться нельзя. По музыке станет понятно, когда срок вышел. Потом натаскаешься, будешь сразу чуять: сколько отведено. У нас сегодня времени навалом... Раз далеко звучит, значит, время есть. Но лучше поторопиться.

В лесу было хорошо. Но Данька не возражал поторопиться.

Такой это лес.

Такая это музыка.

— Теперь ищем цели. — Старик завертел головой, осматриваясь. — Цели-цели-прилетели, на головку сели... ладушки запели...

Дурацкая песенка, как ни странно, помогла Даньке сосредоточиться. А то киселем растекся. Лечь бы под березку, блаженно закинуть руки за голову, уставиться в листвяную россыпь над лицом, словно в семейный альбом: мама, папа, дедушка, бабушка, дяди-тети... И пусть птички поют. Птички пели по-прежнему, но «ладушки» дяди Пети вдруг усилили дальнюю музыку. Она надвинулась рывком, окрепла, зазвучала сильнее, отчего в висках толкнулась кровь.

Надо спешить.

Где цели?

Ага, вот они. Впереди и чуть левее.

За поляной, сплошь поросшей одуванчиками с седыми головками, в воздухе висели пять шмелей. Ярко-желтые воротнички, золотистая полоска на брюшке, оранжевая юбочка. Франты, щеголи. Честно говоря, для обычных шмелей, луговых или садовых, они были крупноваты — раза в два-три больше. Но и расстояние до насекомых немаленькое: двадцать метров до ближнего, тридцать пять до дальнего.

Шмели еле слышно жужжали, вплетая басовитый рокот в музыку.

Уж-же, уж-же, на рубеж-ж-же...

В том, что это — цели, Данька не усомнился ни на секунду.

Дядя Петя поднял «Маузер», повел длинным стволом и ловко сшиб самого дальнего шмеля. Собратья погибшего закачались, будто на невидимых ниточках, и снова замерли. Музыка сделалась отчетливей, птицы смолкли.

«Беретта» ожила, толкнулась в ладонь: а я? Тирмен, а как же я?!

— Не спеши, — предупредил старик. — Я скажу, когда твоя очередь.

Еще два выстрела. Пара шмелей, оставшихся в живых, сделала круг над поляной. Налетел ветер, растрепал седину одуванчиков. Снежный фейерверк взметнулся и понесся вдаль, чтобы там опасть в траву.

— Давай!

Данька вскинул пистолет. Он знал, что не промахнется. Когда такой лес, когда такая музыка... когда такой шмель: жирный, мохнатый... Мохнатый шмель на душистый хмель, пел Никита Михалков, цапля серая — в камыши, а очкастый телеграфист стрелял в невесту из турецкого пистолета...

Бах!

— Моя школа, — одобрил дядя Петя сбитого шмеля. — Ворошиловский стрелок. Хватит, хватит, на сегодня достаточно...

И, не глядя, завалил последнего мохнача.

Музыка стихла, остались лишь барабанчики. Тук-тук, тут-как-тут: на мосту, на посту... Из леса, с той стороны поляны, вышла женщина. Толстая домохозяйка с круглым добродушным лицом. Китайский плащик, стоптанные каблуки туфель. Шляпка с цветком на ленте. Женщина моргала, словно недоумевая: почему она здесь? Что она тут делает? Шла в магазин за хлебом и молоком, мимо «Пирожковой», хотела свернуть на

Иванова, в «Гурман», и нате вам: лес, птички, шмели, люди с пистолетами...

Дядя Петя пошел ей навстречу.

Данька держался за стариком, стараясь не высовываться.

— Кто вы? — спросила женщина, глядя на тирмена. — У вас усы, как у Буденного...

Петр Леонидович улыбнулся с пониманием.

— Кто я? Я — твой друг.

Женщина засмеялась в ответ, как если бы только сейчас догадалась, кто она и зачем находится здесь. Закинув руки за голову, она сняла с шеи нательный крестик. Нет, не крестик, хотя Данька был поначалу уверен, что это крестик: серебряный, на кожаном шнурке. Но пока женщина протягивала крестик дяде Пете, предмет изменился. Теперь это скорее походило на солдатский именной жетон.

Четыре буквы на жетоне оказались знакомыми.

מ מ ת ס

Мене, мене, текел, упарсин.

Исчислено, исчислено, взвешено, измерено.

Дядя Петя с необычайной бережностью принял жетон от женщины. Кивком поблагодарил, крепко ухватился и с натугой разломал жетон на две неравные части. Ту, что побольше, отдал женщине; ту, что поменьше, оставил себе.

— Я — твой друг, — повторил он.

— Я — твой друг, — эхом отозвался Данька.

Он очень хотел быть другом пожилой доброй женщины с половинкой жетона.

— Спасибо, — ответила женщина. — Ну, я пошла...

Двое мужчин смотрели, как уходит в лес домохозяйка в китайском плаще и стоптанных туфлях. Смотрели, пока лес не закончился и опять не начался сад с фонтаном и скамейками.

Возле игроков в нарды стояла девчушка лет трех, в синем комбинезончике с капюшоном.

Засунув палец в рот, она разглядывала тирменов, будто слонов в зоопарке.

12.

— Нет, не понимаю!

Данька резко остановился, крутнулся на каблуках, шагнул к чугунным перилам. Невелик мостик: от берега до берега три

десятка шагов. И не река внизу — яр, травой заросший, с вечной лужей в дальнем конце.

— Птички, пчелки, шмелики. Цели прилетели, на головку сели... Объясни, дядя Петя!

Далеко не ушли. Рядом фонтан, в полусотне метров, от фонтана широкая аллея ведет к площади Свободы. Не сразу, сперва следует яр перейти. Только ненадолго тирмена Архангельского хватило. Послушно встал со скамейки, без звука дошел до середины мостика.

И прорвало!

— Я тебя, дядя Петя, ни о чем не спрашивал. Не маленький! Понимаю, в каждом деле свои секреты есть. Как ты говорил, наука имеет много этих...

— Гитик. — Старик невозмутимо расправил маршальские усы. — Ключевая фраза для показа карточного фокуса. Сначала раскладывают двадцать карт попарно, потом загадывается одна из пар. А дальше «гитик» и вступает: четыре ряда по пять карт согласно каждому слову, причем карты «кладутся» на одинаковые буквы. Сложно объяснять, лучше покажу как-нибудь. Есть еще одна формула, позабавнее: «макар ножом режет нитки...» Ты, Даниил, успокойся.

— Я не волнуюсь!

Ишь ты, даже ногой топнул. Не иначе для пущей убедительности. Не волнуется он, значит, ни капельки! Петр Леонидович подошел к перилам, встал рядом с учеником. Посмотрел вниз. Был себе яр с лужей, никому не мешал. Лужа осталась, но неподалеку, ближе к памятнику Шевченко, кафешку воздвигают. Ох, зальет по весне!

— Думаешь, мы с тобой психи? Оба? Вроде Адмирала Канариса? Не греши, Даниил, психам в заповедные леса ход заказан. Как слона в лифте поднимают, знаешь?

Парень не выдержал, хмыкнул. А там и засмеялся.

— Ты уже говорил, дядя Петя. По частям!

— Именно. Вот мы по частям вопрос и решим. Прежде всего, ты сдал зачет. Или бери выше — экзамен. Поздравляю, тирмен!

— А что отвечать надо? — с неожиданным весельем откликнулся Данька. — Как в кино? Служу трудовому народу?

— ...И родному тиру. Во веки веков, дюралюминь.

Петр Леонидович качал головой, разглядывая будущее кафе «У старой лужи». Зальет, зальет буржуинов!

— А по смысловой части вопроса скажу так. Точнее, покажу. Мы сейчас с тобой на «нулевке». Воздушки, «каруселька» с зайчиками, школьники после уроков забегают. Представил?

Старик пристукнул подошвой по асфальту, покрывавшему мостик: для убедительности.

— Вполне, — помолчав, откликнулся Данька.

— Вон делавары кафе строят. Это у нас будет «минус первый». Дальше сам продолжишь?

— Ага. — Парень легко включился в игру. — И спускаться трудно, и, что за стенами, отсюда не видно. А в кафе подвал есть, тайный. Для извращенцев. Мокрый, грязный, с крысами и... и с лягушками.

— Да хоть с привидениями! — расхохотался Петр Леонидович. — Значит, в подвале у нас «минус второй». Заметь, везде свои мишени, свои законы, свои условия стрельбы. А мы с тобой сегодня поднялись на... Скажем, на «плюс первый». Во-о-он туда!

Расческа, извлеченная из нагрудного кармана, указала на верхушку древнего тополя — старожила сада. Лет двести ветерану, не меньше. Данька успел заметить, что Петр Леонидович никогда не тычет пальцем. Для того, видать, и расческу носит. Зачем она старику, при его-то «ежике»?

— Обзор другой, мишени тоже. И правила изменились. «Плюс первый» — он для нас, тирменов. Чужие здесь не стреляют.

Данька хотел переспросить, уточнить, может, даже возразить отчасти. Стрельба с вершины тополя — одно, а птички-пчелки-шмелики — иное. «Цели-цели-прилетели, на головку сели...» И музыка в парке совсем другая.

Хотел-хотел и вдруг передумал.

«Кто я? Я — твой друг...»

Тирмен Архангельский молча смотрел на тирмена Кондратьева. Тирмен Кондратьев смотрел на тирмена Архангельского, одобряя его молчание. Они стояли плечом к плечу — посреди яркого теплого дня, посреди шумного городского сада. Работа сделана, экзамен сдан. Хорошо!

Чего еще?

...Лечь бы под березку, блаженно закинуть руки за голову,

уставиться в лиственную россыпь над лицом, словно в семейный альбом: мама, папа, дедушка, бабушка, дяди-тети... И пусть птички поют...

— Теперь тебе личное оружие положено, Даниил. Вроде как инкассатору. Сегодня обсудим, подберем по руке.

— Так у меня уже!..

Данька осекся.

— Хорошо, — не удивился старик. — Потом покажешь, пристреляем. Только, Даня... Ты помни американскую поговорку: «Что может быть опаснее, чем отбивать женщину у гангстера?»

— Только одно: у гангстера женщину отбивать, — послушно откликнулся Данька, краснея. — Дядя Петя! Она старая! Ну, не очень старая, только у меня... у меня Лерка есть... А «Беретту» Любовь Васильевна мне просто так подарила!

Петр Леонидович вздохнул.

— Просто так — четвертак, братец. Ладно, не бери в голову.

V.

Солнце вылизывало лес досуха.

Грязь подсыхала, становясь коркой, а там и просто землей. Робкие птицы пробовали голоса, настраиваясь, как музыканты перед концертом. Зелень деревьев перестала выглядеть нелепицей, чудом среди зимы; каждый лист, умытый талой водой, расправился, налился глянцем. Линии прожилок складывались в человеческие, чуть шаржированные профили — такие за пять минут вам вырежет бродячий художник-портретист на набережной в Ялте.

Музыка приблизилась, топчась на опасном рубеже. Барабанчики желали перейти его немедленно, флейта оттаскивала рискованных сумасбродов назад, а волынка ныла, что пора наконец принимать решение и кончать с этим погодным беспределом.

Данька озирался в поисках цели и думал о том, о чем не знала глупая волынка. Погода на «плюс первом» умнее всех: зимний раздрай, сменившийся оттепелью и прямой дорогой к лету, — точное отражение души тирмена. Это там, в душе, о которой Даниил Архангельский, честно говоря, никогда особо не задумывался, бушевала метель, ярился буран, и наконец — дождь, ручьи, солнце.

Солнце не потому, что хорошо.

Солнце потому, что тирмен стреляет.

Было бы гораздо проще, если бы в расстрельный лес Великой Дамы вел провал «минус второго». Этот путь прокладывался всюду, в любую точку, где убивают, для забавы сильных мира сего, для их покровительства тирменам, монопольным продавцам дивных, эксклюзивных развлечений, каких не купишь

больше нигде, даже за сумасшедшие деньги... Так почему не сюда? Не для самих тирменов?! Сидишь в безопасности на мягком диванчике или, допустим, в бункере за грудой мешков, целишься, нажимаешь на спусковой крючок, лупишь по серебряным пятакам, шмелям, лютикам-цветочкам...

«Кто ты?» — спрашивает издалека счастливый человек.

Ну да, из-за груды мешков не ответишь: «Я — твой друг!» Не возьмешь у счастливого человека жетон, не сломаешь пополам, словно парочка влюбленных перед разлукой: эту половинку — тебе, эту — мне... Волынка права: надо или идти за черту, словно за реку, или поворачивать обратно.

«Перейдешь реку — разрушишь великое царство!» — предупредил оракул одного царя. А чье именно царство будет разрушено в этом случае, оракул сообщить забыл. Эту историю Даньке рассказала жена. Лерка умная, она все знает. Кроме главного: вот река, вот царство, и ходить далеко не надо.

Царству не подставишь плечо, сидя на диване.

Иногда приходится спускаться в ров со львами.

Тук-тук, напомнили барабанчики, вырвавшись из объятий флейты. Ладно, кивнул Данька, слышу. Он не сомневался, что сейчас увидит пятую мишень. Так и случилось. Но ожидаемое отняло у тирмена лишнюю секунду на удивление.

Это был первый гриб, встреченный им в лесу «плюс первого». Первый за все годы. Коренастый, толстый, масляно блестящий, гриб нагло выперся метрах в двадцати из-под слежавшейся хвои. Честно говоря, Данька и о хвое никогда раньше не задумывался. В частности, откуда берется эта чертова хвоя, если деревья вокруг — лиственные?

Тук, пнули барабанчики.

Небо заплясало вокруг солнца, как синяя обезьяна вокруг апельсина.

Ствол «Беретты» указал барабанчикам на гриб. Верней, на странную шляпку гриба: плоскую, блестящую влажным серебром, с почти не различимыми орлом и короной. Сухо треснул выстрел, словно ветка сломалась под ногой путника. И лес остался без своего разъединственного гриба.

Пятая цель поражена, безразлично доложил Данька.

Произносить это вслух не было никакого резона.

Мишень пятая

ГРИВЕННИК НЕ В КАССУ

Тир[1] закрыт третий день — верный признак,
Что на склоне купальный сезон.
Но в торговых стеклянных призмах
Солнца звон.

Б. Слуцкий

ГОД СИНЕЙ ОБЕЗЬЯНЫ

1.

— Слушай, Натаха, как тебе это удается?

— Что, Лева?

— Хорошеть с каждым годом! Еще пару лет такими темпами — и можешь смело идти в фотомодели! За это обязательно надо выпить! Данила, чего тормозишь? Наливай!

Мама зарделась от Левиных комплиментов, засмущалась — и сделалась совсем молоденькой. Дядя Лева, конечно, льстил, но доля правды в его словах имелась: сорок шесть лет маме ни за что не дашь.

Что кому наливать, Данька помнил. Маме и Лерке — вина, грузинского «Твиши» с привкусом груши (Лерке — капельку, на донышке). Деду, маминому отцу, Илье Григорьевичу, — водки «на березовых бруньках». Папе и дяде Леве — пахучего дедовского самогона, трижды перегнанного и настоянного на куче травок. Себе и маминой подруге Елене Аркадьевне, требовавшей звать ее просто Аленой, — клюквенной настойки «Арго». Про настойку амбал Вовик, узрев позавчера Даниила с бутылкой «Арго», изрек философски: «Фигня, в натуре. Только

[1] Требования к тиру:
1. Устранение возможности появления людей на линии огня.
2. Устранение возможности вылета пуль за пределы тира.
3. Устранение рикошета, который может привести к травматизму.

баб спаивать. Зато, типа, с клюквой, без химии. Не то что финская бодяга. Эх, у нас в райцентре...»

Вовик маялся с похмелья и финскую не одобрял.

Бутылка коллекционного коньяка «Херсон» ждала своего часа в буфете. Вот доберемся до кофе с тортом...

Данька третий год подряд уговаривал маму отмечать дни рождения в ресторане. «Мам, ну ты хоть на коллег по банку глянь! Кто-нибудь гостей домой зовет? Все в кабак ходят: ни готовить, ни посуду мыть не надо. Хочешь, во французский ресторан пойдем? В украинский? В грузинский? Там везде кухня отличная...»

Однако мама была непреклонна: гостей в ресторан приглашать — не по-нашенски. Мы не французы и не американцы...

В итоге она всякий раз неделю бегала по магазинам после работы и хлопотала вечерами на кухне, вынуждая Даньку истекать слюной от доносившихся ароматов. За стол садилась усталая, но счастливая, предлагая дорогим гостям попробовать и вот эту запеканочку, и вон тот паштетик, а салат у нас новый, с кальмарами, такой я раньше не делала, вычитала рецепт в «Лизе»...

Ой, не наедайтесь, сейчас горячее будет!

Ко дню рождения Данька подарил маме навороченный кухонный комбайн «Philips» — с кучей ножей, насадок и множеством разных режимов. Настоящее «чудо вражеской техники», круче экспериментальной штатовской штурмовой винтовки.

— Дань, а где тут режим терки? — пугалась мама, румяная и взволнованная. — Что, он еще и по-разному натирает?! Тогда мне помельче... А это что за кнопочка?.. Ой, он вдруг так странно загудел!

Данька, разбираясь на ходу, посмеивался:

— Ништяк, прорвемся! Классный трактор, правда, ма? Режет-чистит-натирает, только деньги не считает...

Мама на добродушные подначки сына не обижалась и к субботе, когда ожидались гости, с грехом пополам освоила-таки подарок.

Для начала Наталья Ильинична порадовала гостей миниатюрными, необыкновенно вкусными бутербродиками: кусочек белого батона с маслом, сверху — ломтик филе слабосоленой семги, свернутый красивым витым конусом, сбрызнутый лимонным соком и украшенный веточкой укропа.

Внутри конуса пряталась оливка, фаршированная миндалем.

Бутербродики, под первые три тоста, смели моментально. Лерка, на правах будущей невестки, начала выспрашивать нюансы: сколько брызгать лимона, какие оливки лучше... Но тут объявился припоздавший дед: Илья Григорьевич тащил огромный букет астр, перетянутый атласной лентой, и обязательную бутыль своего знаменитого самогона. Мама сказала, что самогон надо закусывать, иначе все перепьются, представила гостям поименно армию салатов во главе с бригадным генералом «Оливье»...

Гости охнули и занялись поздравлениями именинницы всерьез.

Данька сидел и тихо радовался. Все-таки здорово, что у него такие предки, такая девушка, такой замечательный, никогда не унывающий папин друг дядя Лева. И отец заметно получшал, особенно в последнее время; о Лерке и говорить нечего... Дед позапрошлой осенью лежал в больнице; врачи сказали — микроинфаркт. В его возрасте, сами понимаете, надо было раньше сердце беречь. .

А дед взял и выздоровел, назло врачам. Сейчас выглядит лучше прежнего: бодрый, веселый. Водочкой не злоупотребляет, но по праздникам от рюмки не отказывается. И ничего с его сердцем, тьфу-тьфу-тьфу, не делается.

Вот если бы еще отец с матерью бросили дурью маяться...

— Рома, я скажу, ладно? — Мать встала, повертела в руках бокал с остатками «Твиши».

— Конечно, Наташенька. Теперь можно. По-моему, момент подходящий.

Застолье притихло

— Хорошие мои... Мы с Романом... Короче, уже заявление подали. Через месяц приглашаем всех на свадьбу. В смысле, на вторую нашу свадьбу. Даня, я не буду дома готовить. Пойдем в ресторан, в какой скажешь...

— У-р-р-ра!!! — радостно завопил Данька, сгребая мать в охапку и подбрасывая к потолку.

Как у стрелка, у него оказалась самая быстрая реакция.

Через секунду присоединились остальные:

— У-р-ра!

— Поздравляю!

— Давно пора!

— Вот за что мы обязательно сейчас выпьем! — это, конечно, дядя Лева.

— Наташенька, я так за вас рада!.. так рада...

— Горько!

— Горь-ко! Горь-ко! Горь-ко!

Счастливый и немного смущенный отец выбрался из-за стола, подошел к матери, взял за плечи... Целовались они долго. Дядя Лева со счета сбился и потребовал налить еще. А Лерка красноречиво толкнула тирмена ногой: учись, дескать! Данька кивком пообещал научиться, налил всем и пригубил клюквенной. Когда мама вышла на кухню, чтобы принести горячее, он выскользнул следом.

— Мам, поздравляю! Вы с папой — большие молодцы! Знаешь, как я этого хотел?

— Знаю, Даня. Знаю.

— Что ж ты до сих пор молчала? Скрывала? Когда вы решили?

— В августе. — Мать замялась, и Данька сразу понял: она чего-то недоговаривает. — Мы хотели сделать сюрприз...

— Сюрприз — это здорово. Но я же в курсе: у вас с папой давно все наладилось. Зачем тянули? Почему именно сейчас?

Лицо матери сделалось твердым, чужим, совсем не праздничным.

— Понимаешь, Даня... У папы подозревали... Короче, одну болезнь. Очень серьезную. Я не хочу говорить об этом вслух. Не дай бог, подтвердилось бы... Вот он и не хотел стать для меня обузой. Я его уговаривала, а папа уперся... ты ж его знаешь...

— Что за болезнь?

— Не важно. Главное — не подтвердилось! Сделали повторный анализ, в платной клинике. Не волнуйся, с папой все в порядке.

— Это точно?

— Точно, точно. Дважды перепроверяли. У меня прямо камень с души свалился. А папа как результат получил — сразу сделал мне предложеие. Я, как ты понял, согласилась.

— Мама... Я тебя люблю! Я вас обоих люблю!

Данька отвернулся, пряча лицо. Не хватало разреветься, как маленькому! Стыд и позор, тирмен. Все хорошо, все просто замечательно! Диагноз не подтвердился, родители снова поженятся...

— Давай я тебе помогу. Что тащить?

Через минуту он торжественно внес в комнату благоухающий противень с мясом «по-гамбуржски». Блюдо было встречено овацией. Аромат далекого Гамбурга будоражил ноздри, в желудках открылось «второе дыхание». Даже Лерка, уверявшая, что бережет фигуру, не отказалась от порции, способной

насытить бегемота, перейди он с растительной диеты на мясную.

Позже мама водрузила на стол громадный торт. На кухне зашумела кофеварка. Данька достал из буфета припасенный коньяк. Очень кстати пришлись коньячные бокалы — огромные, пузатые, французского стекла, подарок любимой подруги Алены. При столкновении бокалы издавали колокольный, долго не затихающий звон.

— В такие коньяк наливать — коньяка не напасешься, — пошутил дядя Лева. — Вот пиво из них пить в самый раз!

Дед Илья заявил, что ему хватит на сегодня. Нет-нет, он никуда не уходит. Коллекционный? «Херсон»? Ладно, уговорили Лев, ты мертвого уболтаешь, царь зверей. На донышко лейте, попробовать. И телевизор включите. По АТН в 19.30 региональные новости будут, я их всегда смотрю. Сериал про грызню кандидатов в президенты; жаль, скоро последняя серия. Нет, громче не надо, не хочу никому мешать Я в кресле устроюсь...

Дед протиснулся к креслу и расположился перед телевизором с бокалом в руке. Демонстрируя большой профессионализм, он грел бокал в ладони и время от времени подносил к лицу: блаженно щурясь, нюхал.

Новостями, кроме деда, никто не интересовался.

Тесноватая у нас квартира, думал Данька, выбравшись на балкон. Гости пришли, так и к телевизору с трудом просочишься. Правильно он кредит в банке взял на жилье — под трехкомнатную квартиру в новом доме, строящемся через двор, у метро. Хотел сначала купить хату на рынке вторичного жилья, но Зинченко отговорил. Дескать, несерьезно, а с бабками он поможет. Кредит на двенадцать лет, льготный. Зарплата в тире приличная, не в кассе, а в конвертике. После каждой местной командировки на депозите Даниила Архангельского добавляется энная сумма. «Private transfer» — «перевод от частного лица» — пояснили ему в банке, открывая заодно кредитную карточку «Master Card».

Частное лицо предпочитало оставаться анонимным. Но Данька уже научился не задавать лишних вопросов.

Дом планировали достроить через год, и тогда Данька получит ключи от своей новой квартиры. «От нашей с Леркой новой квартиры», — мысленно поправился он. Лерка сразу поставила условие: «Молодая семья должна жить отдельно. У тебя

чудесная мама, но у кастрюли на кухне не может быть двух хозяек».

Валерию Мохович после окончания универа оставили на кафедре. Данька не сомневался в дальнейшей карьере мечты Конана-варвара: аспирантура, кандидатская, докторская, профессорша, академик...

— По тундре, по железной дороге! — рявкнуло из проезжавшей внизу машины радио «Шансон». Данька глянул на улицу и в желтоватом свете лампочки, горевшей над парадным, различил сидящего у подъезда Джека.

Пес ждал хозяина.

Профессор Линько умер весной. Джек три дня выл, тоскливо и непрерывно. Дочь профессора с зятем, въехав в опустевшее жилье, собаку держать не собирались и, не мудрствуя лукаво, выгнали Джека на улицу. Сперва хотели продать — как-никак овчарка, породистая псина! — а потом, когда покупателя не нашлось, выгнали. Вот ведь люди, мать их...

Очень хотелось выругаться. Длинно и грязно. Матом. Но псу этим не поможешь, хоть сутки напролет матерись. Надо будет ему мяса вынести — в холодильнике осталось. Джека подкармливал весь двор, а профессорских наследников провожали такими взглядами, что хоть застрелись. Соседи с пятого хотели взять Джека к себе, да и Данька тоже порывался, почти уговорив маму, но пес ни к кому не пошел. Целыми днями сидел у подъезда, глядя в сторону подворотни. Ночевал где попало, а когда становилось совсем холодно, спал в подвале, с бомжами. Утром же неизменно возвращался на свой пост. У пса был один хозяин — покойный Игорь Осипович.

Его Джек и ждал.

Вздохнув, Данька покинул балкон, вернувшись в комнату.

— ...сегодня город прощался с известным правозащитником, бывшим диссидентом, в последние годы — сотрудником кадрового отдела областной госадминистрации Саблиным Денисом Эдуардовичем. Траурная процессия...

Данька мельком глянул на экран. Кладбище, ораторы в пиджаках, плачет дряхлая старушка; крупным планом — фотография с черной траурной ленточкой. На миг лицо перед глазами расплылось, сделалось нечетким, смазанным — словно зрение «село», как пять лет назад.

«Ты знаешь, кто я? Я — твой друг...»

Он узнал этого человека.

2.

Последним оказался давний знакомец: плакат «Болтун — находка для шпиона». Наивные советские граждане увлеченно делились информацией оборонного значения, не замечая оттопыренного вражьего уха. Именно такая наглядная агитация украшала когда-то кабинет бухгалтера Кондратьева в закрытом городе Коврове. Разве что цвета малость подгуляли.

Дизайнер, лохматый мачо, спрятал эскиз в папку.

— Это для главного зала? — уточнил Петр Леонидович. — Но ведь такого не было. Там что-то нейтральное висело. «Приносить и распивать...», кажется. И календарь возле кассы. Из «Огонька» вырезали.

Густые брови дизайнера еле заметно дрогнули. Старик подождал, но иной реакции не последовало.

— Мы не стремились к буквализму, — без особой уверенности сообщил вице-мэр Александр Семенович, поглядывая на голые, пахнущие свежей побелкой стены. — Хотели передать, так сказать, дух эпохи, местный колорит...

Он с надеждой повернулся к дизайнеру, ожидая помощи. Но мачо не снизошел. Сунул папку под мышку, переступил с носка на каблук. Мол, что с вас взять, с профанов?

Реставрация главного зала ретропивной «Ветерок» подходила к концу. Щекастый поклонник стреляющего семейства Зауэров старался успеть к президентским выборам, дабы открытие будущей городской достопримечательности совпало с визитом одного из кандидатов — того, кто порвет грудью финишную ленточку. Которого из двух, Петр Леонидович не задумывался.

Ради этого и пригласили. Бывший пионер Саша спешил похвастаться.

И посоветоваться заодно.

Странное дело, но чем ближе к осуществлению продвигалась завиральная идея румяного вице-мэра, тем менее она нравилась Кондратьеву. Вероятно, оттого, что «советское ретро» перестало быть чем-то оригинальным. Прошлым усиленно торговали: оптом и в розницу, распивочно и навынос.

— Не пойдет, — решительно заявил старик. — Такие плакаты сейчас в каждом офисе. Мода! А если достоверность — так по полной, да-с! Кафель, голые стены, «Приносить и распивать...», вентиляторы со скрипом. Дух эпохи хотите?

Петр Леонидович оглядел долгий ряд пивных автоматов,

очень похожих на давние, чешские. В углу суетились рабочие, заканчивая красить плинтусы.

— Леса не убирайте. Нет, уберите и вместо них поставьте козлы из досок. А пол застелите старыми газетами. Если что, их и напечатать можно. Рядом, прямо на проходе — ведра с краской: не переступишь — не войдешь. Вечный ремонт — дух эпохи!

Вице-мэр и дизайнер переглянулись. Мачо взъерошил лохмы, сложил губы трубочкой, промычал нечто маловразумительное. Должно быть, первый куплет романсеро «Мачо, мача и мучача», музыка и слова народные. Подумал еще с минуту и кивнул.

Оценил!

— А что? — расцвел девичьим румянцем вице-мэр. — Отлично! Можно еще статистов выводить, в спецовках, даже в гриме...

Лохматый то ли застонал, то ли зашипел, но Александр Семенович не стал вникать. Резко развернулся, взял старика под локоть.

— Решим в рабочем порядке. В конце концов, оформление стен — не главное... Пройдемте, Петр Леонидович, я вам малый зал покажу.

Старик без особой охоты подчинился. Малый зал, как он помнил, предназначался для всяческих VIP-ов. Никакого ретро, дизайнер специально озаботился.

Очень захотелось уйти. Петр Леонидович удивился, попытался вспомнить, не опаздывает ли на работу. И вдруг пришел страх. Мелькнул дальней тенью, мгновенно скрывшись за зеленой листвой знакомого леса.

Мене, мене, текел...

Что считаем? Что разделяем?

В малом зале смотреть было нечего. Мебель со страниц импортного каталога, безвкусная мазня модного живописца Сержа Полуяркова по стенам, мягкий серый ворс под ногами. Дорого, солидно, современно, противно до икоты.

— Прошу, Петр Леонидович!

На одном из столиков ждал привычный джентльменский набор. Коньячок, стопки из тонкого хрусталя, лимон, средиземноморские маслины. «И стрихнинчику, двойную дозу», — не к месту вспомнились слова внука.

— Прошу, прошу!

Коньяк пился, как несвежая вода. Маслины пахли селедкой.

— Это только начало, глубокоуважаемый Петр Леонидович.

Как вы любите говорить: да-с! Если дело пойдет, мы целый ретрокомплекс воздвигнем. И знаете, с чего начнем? С тира! Есть у меня идея...

— У меня тоже, — не выдержал старик. — Страйкбол без правил. А стрелять будем шариками с вишневым вареньем. В качестве мишеней... Ну, хотя бы... Да-с!

Он ткнул вилкой в висевший напротив шедевр Полуяркова. Бывший пионер Саша замер с разинутым ртом, сглотнул. С трудом выдохнул:

— Гениально!..

Уже несколько дней Петру Леонидовичу плохо спалось. Вставал посреди ночи, долго сидел на пустой кухне, заваривал чай. Курил, что в последние годы случалось с ним весьма редко. Даже купил упаковку валидола, но распечатать так и не решился. Тирмен, сосущий валидол? — нонсенс. Макабр!

Вчера ему приснился Карамышев. Не в показанное время, не летом, в очередной июнь. И лес в этом сне был другой, не июньский — августовский. Тогда они подходили к линии фронта, отбиваясь от эсэсовцев Германа Фегелейна. Во сне бывший техник-интендант 1-го ранга удивился нарушению заведенного порядка и потребовал у энкавэдиста объяснений. Карамышев-покойник ломаться не стал, пояснил сразу. Жаль, не запомнилось почти ничего.

«Все равно погоришь, Кондратьев. И тому две причины есть...»

Мог бы и не говорить, опричник! Эти слова Кондратьев и без напоминаний не забывал. А все остальное рассеялось с первыми лучами рассвета.

— Еще по одной, Петр Леонидович?

Тон вице-мэра насторожил старика. К вечно-комсомольской бодрости собеседника он привык, только сегодня с оптимизмом — явный перебор. Через край плещет, по столу течет, на ковры стекает. Тирмен Кондратьев без обиняков уставился в глаза бывшему пионеру Саше.

Что дальше, юноша?

Угадал. Румянец поблек — на миг, с лету и не заметить. Старик еле сдержал усмешку. Не зря, выходит, снилось. И слова Карамышева — не пустое сотрясение воздуха.

— А я выпью, Петр Леонидович. И знаете, за что? За добрую волю.

«Goodwill», механически, не думая, перевел Кондратьев, вновь вспомнив маленького шкодника Пэна. С язвой у внука

вроде бы полегчало, Виталик Поплавский хорошего врача порекомендовал. И слава богу! — потому что с Кондратьевым-младшим проблем прибавилось. Пэн всерьез решил переселиться поближе — то ли к «незначительному» GF, то ли к облюбованному им тиру, источнику грядущих благ. Вначале старик обрадовался, начал помогать с покупкой квартиры, желательно поближе к собственной...

Потом задумался.

Щеки господина вице-мэра из румяных сделались пунцовыми, хоть прикуривай.

— Насчет доброй воли. Петр Леонидович... Ни я, ни мои... э-э... так сказать, друзья... Мы не собираемся использовать вам во вред ни капли из собранной нами информации...

Старик поднял взгляд вверх, на потолок. Изучение люстр во время деловых переговоров, к сожалению, становилось привычкой. Увы, вместо люстры зал украшали плафоны-иллюминаторы толстого стекла.

Сгодятся?

Страх исчез, сгинул без следа. Дерзайте, юноша! Не вы первый, не вы последний.

— Полагаете, стоило подвесные потолки проплатить? — по-своему понял его Александр Семенович. — Я и сам подумывал... Так вот, насчет доброй воли. Мы не станем изучать под микроскопом происхождение счета, с которого вам и вашим... так сказать, коллегам начисляется заработная плата. И заодно, кстати, финансируется катастрофически убыточный тир в нашем горпарке. Я — ваш клиент, более того, смею надеяться, я — ваш искренний доброжелатель... И я сделаю все возможное, чтобы наши отношения остались безоблачными. Вы меня поняли, Петр Леонидович? Все возможное! В частности, данные о том, чем занимался ныне расформированный Сектор сезонной статистики... Помните? У вас чудесная память! А вот я уже забыл. И мои друзья забыли, начисто. Говоря о друзьях, я не имею в виду исключительно частные... э-э-э... структуры. Удачное слово «структура», не правда ли? Описывает сразу все и ничего...

Кондратьеву стало скучно. И стыдно до полной невозможности. Чего испугался, паникер-рамолик? Дорвались, молодые да румяные, до власти, подняли спецархивы, а там наверняка имеется даже дневник наружного наблюдения за Адамом в Раю. «...После чего направился к реке Фисон, изрекая богохульствия...»

Строгий товарищ Иловаев считал, что власть начинает всерьез интересоваться скромными работниками тиров раз в четверть века. С завидной регулярностью — и с абсолютно одинаковым результатом. Что в покойном СССР, что в ныне здравствующих Штатах, что в корпоративной Италии Бенито Муссолини. За Древний Рим отставной генерал не ручался, но об Иудее некоторыми сведениями располагал.

Эх, Саша, румяный красавчик...

И ты, Брут?

— Чего от вас хотел Зинченко? — вел далее вице-мэр, не подозревая о размышлениях гостя. — В киллеры звал? В душегубцы, так сказать? Между прочим, у нас есть сведения о трех случаях вербовки тирменов...

Это ты уже совсем зря, дружок, подумал старик. Не произноси всуе, не одни мы тут. Мы с тобой нигде не одни.

...В строгом черном платье под горло, словно на похороны собралась. Стоит, на весь этот цирк поглядывает.

«Я слышу, тирмен, тирмен...»

— В единственном случае вербовка была удачной. Отчасти удачной... Но мои друзья — не злодеи, Петр Леонидович. Исключительно добрая воля! У нас, видите ли, выборы: честные, демократические...

Встать и уйти? Выслушивать до конца ни к чему, все равно никому не расскажешь. Даниилу рановато в эти заботы вникать, а до остальных не достучишься. Тактика ячеек, сам предложил!

— Одолжите молодняк, Петр Леонидович! — Вице-мэр словно почуял слабину. Вскочил, потер крепкие ладошки. — Желторотиков! Пионеры юные, головы чугунные... Сплошной энтуазизм — и никаких рефлексий. Они же, если верить пустым — подчеркиваю: пустым и безосновательным! — слухам, по чему попало лупят! Первый этап — гнусные чужие рожи, враг на враге. Правильно?

— Да-с! — неожиданно для себя ответил Кондратьев. — Враг на враге, первый этап.

Уходить расхотелось. Ты славно роешь землю, юный крот. Славно!.. Вот и дорылся. Пацанов тебе, значит, подавай, педофил!

...Педофил?

Петр Леонидович задумчиво огладил усы.

— Именно! — Обрадованный пониманием, Александр Семенович резво описал круг по залу. — Пусть мальчики отстре-

лят факторы удачи одной такой... чужой гнусной роже. Дня за два до первого тура. А для верности — контрольный выстрел. За день до второго, если понадобится. Знаю, знаю, Петр Леонидович! Выбор целей у детишек случайный, согласно личным антипатиям. Но подсказать, направить отеческой рукой, а? Мальчишку легко убедить, распалить воображение, так сказать. Чужая гнусная рожа. Омерзительная, гадкая...

«Которая из двух?» — хотел уточнить старик, но вместо этого вновь поглядел на потолок. С мадам Кали хватило люстры. Любовь Васильевна — дама конкретная, без воображения. Тут же случай иной. Но вполне решаемый.

Тирмен Кондратьев подкрутил кончики усов, улыбнулся и запел:

Я сижу за решеткой,
Слезы взор мой туманят,
Пред людьми я виновен,
Перед богом я чист...

Пел Петр Леонидович, в отличие от Андрея Канари, не очень, хоть и с душой. Вовику-амбалу, к примеру, нравилось. Покойному Карамышеву — не слишком. С лейтенантом они эту немудреную балладу исполняли на два голоса. После Смоленска дуэт сымпровизировали — когда поняли, что живы. Закрылись в землянке, откупорили чудом заначенную бутылку «Московской», лейтенант вынул из вещмешка банку лосося...

Предо мною икона
И запретная зона,
А на вышке маячит
Одноглазый чекист.

А чтобы пелось лучше, Петр Леонидович даже глаза от удовольствия зажмурил. Нет, не оба, только один глаз — левый.

Дождик капал на рыла
И на дуло «Нагана».
Вохра нас окружила,
«Руки в гору!» — рычат...

Резко замолчав, Кондратьев открыл глаз и подмигнул вице-мэру-пионеру. Оценил, щекастый? Кажется, оценил. Пришлось обождать, пока у Александра Семеновича разинутый рот вернется в штатное положение.

— Дернешься — посажу, — ласково сообщил ему Петр Леонидович. — И знаешь, за что? За растление несовершеннолетних. Чтоб к пацанам нашим не приставал. «Вчинення розпусних дій щодо особи, яка не досягла шістнадцятирічного віку...» УК независимой и суверенной Украины, статья 156 через один: «...караються арештом на строк до шести місяців або обмеженням волі на строк до трьох років». Условно не выйдет, по полной получишь.

Начальственная челюсть вновь начала отвисать. Старик подался вперед, сел поудобнее, оперся на локти.

— Три года — не беда. Беда, что на зоне извращенцев не любят. Для начала тебе передние зубы выбьют, чтоб не мешали. Сунут в рот доминошную кость — и клац! Для чего, потом поймешь. Прочувствуешь!..

По тому, как щелкнули Сашины челюсти, Петр Леонидович догадался, что тот знает — и про доминошную кость, и про возможности скромных рыцарей «Тулки» и «Марголина».

И про то, зачем тирмены левый глаз закрывают.

А щеки уже не пунцовые! Больше на мыло желтое смахивают.

— Н-ну зачем? — с трудом выдавил вице-мэр. — Зачем нам с вами ссориться, Петр Леонидович? Я же не от своего лица... Мои друзья...

С легким скрипом открылась дверь. Не иначе петли смазать забыли.

— Александр Семенович, извините...

В голосе длинноногой референтки — растерянность. А если прислушаться, и похуже нотки отыщутся.

— ...К вам... эти... Ну, вы в курсе! Очень срочно, говорят.

Длинноножка закусила ярко накрашенную губу и добавила совсем по-детски:

— Сердитые!

Старик еле удержался, чтобы не хмыкнуть. Он-то думал лишь пугануть начальничка. И глаз жмурил для вида, блефовал. Надо же! Не любит Великая Дама, когда пристают к ее кадетам! Или совпадение?

— Простите...

К двери Александр Семенович брел, переваливаясь с ноги на ногу. Утка уткой!

— Это первый звонок, Саша! — кинул старик в ватную спину. — Пустячок. Мелкое недоразумение.

Спина дернулась, словно от заряда утиной дроби.

— А вот если не одумаешься — и если твои друзья не поумнеют...

— Понял. Забудем.

Куда бодрость пионерская девалась? Не боец ты, Александр Семенович, каша манная! Или в самом деле грешен? То-то молодишься не по возрасту!

Оставшись в одиночестве, Петр Леонидович разыскал свою рюмку, не спеша налил коньяку. Вздохнул — с облегчением, но и не без стыда. Мнительным стал, тирмен? Тебе не один год, системе — не один век. Рассчитано, обкатано, проверено на прочность. Эффект от внешнего воздействия не нулевой, а сугубо отрицательный. Небось при Торквемаде-инквизиторе тоже хватало любопытных и бдительных. И при Малюте Скуратове, и при Токугаве Иэясу. И во времена не столь давние, памятные.

Кто в финал вышел?

Старик поднял рюмку, принюхался. Хороший коньяк, отменный. Как он прежде не замечал? Тонкий вкус у господина вице-мэра!

Ну-с?

Коньяк его учил пить сам Владимир Григорьевич Федоров, бог-отец всего, что стреляет, создатель первого русского пистолета-пулемета. Бывшему преподавателю Михайловского артиллерийского, всесильному техническому директору Ковровского оружейного чем-то полюбился молодой бухгалтер, который приехал на завод с далекого Памира. А может, словечко замолвили, на ушко прошептали. Было кому шептать. Одним делом заняты, одним миром мазаны.

Оружейники Великой Даме не чужие.

«Два глотка, Кондратьев. Не больше, понял? Первый — пристрелочный, рот коньяком промыть. Второй — залп! И не иначе, ясно?»

Полная ясность, Владимир Григорьевич!

Залп!

Мы теперь на свободе,
Мы ушли от погони,
Нас теперь не настигнет
Револьверный заряд!

3.

В лесу «плюс первого» царили октябрь и дождь.

Так случалось редко, хотя и чаще, чем зима со снегом. Снег здесь Данька застал два раза. Белый, хрустящий покров глушил

музыку, замораживал барабанчики, усыплял флейту — приходилось держать ушки на макушке, чтобы не упустить опасное приближение «шагов Командора», как звал музыку дядя Петя.

А осень — это ничего.

Хуже лета, но сойдет.

Дистанция сегодня была приличной. В городе диаметр полукружия, отведенного под сектор «плюс первого», шел наискосок от высотного здания университета через старый корпус гостиницы «Харьков» и дальше, пересекая Сумскую, углублялся в жилые дома примерно до мини-маркета «Двадцать четыре». Данька задолбался, пока нашел удобное место. Не в книжном же магазине торчать столбом, закрыв левый глаз и целясь в очкастого Гарри Поттера?

К счастью, на площади Свободы шла слобожанская ярмарка.

Неподалеку от входа в метро установили шатер пивного завода «Рогань». А «целевой выезд» назначили на половину одиннадцатого. Время утреннего похмела миновало, время обеденного перерыва еще не настало. Шатер пустовал, что играло Даньке на руку.

Он сел за деревянный столик, взял у сонной продавщицы бокал с «Монастырским» и поставил пиво на развернутую «Теленеделю». Точь-в-точь на разворот с полуголой Мадонной. Студент сачкует лекцию, маленечко сосет пивко и размечтался над крутой телкой.

Какие проблемы?

Нет, иначе: «Какие, типа, проблемы, в натуре?» — с интонациями амбала Вовика.

Очень скоро, вылетев на «плюс первый», он обнаружил, что к октябрю, дождю и большой дистанции ему и оружие выделили подходящее: снайперку Драгунова с оптикой ПСО-1. Четырехкратное увеличение, градуировка до тысячи трехсот метров, хотя реальная прицельность стрельбы — метров восемьсот, не больше. Старенькая штука, на вооружение принята в 1963-м, но классная Для стрельбы по удаленным целям в условиях плохой видимости.

И с патронами подфартило. Вместо обычных в отъемном магазине ждал своего часа десяток особых патронов. Пули со стальным сердечником в два с половиной раза улучшали кучность стрельбы.

Короче, дождь нам не помеха.

Он плюхнулся в грязь, прильнул глазом к окуляру прицела и начал искать мишени. Приклад скелетной конструкции пере-

ходил в пистолетную рукоятку, что сильно облегчало стрельбу лежа. Помнится, дядя Петя подсунул ему «Deutsches Waffen Journal» со статьей про «Драгуновку». С языками, в отличие от Петра Леонидовича, у Даньки имелись серьезные проблемы, но Лерка, умница, перевела:

«Возможно, что в настоящее время эта конструкция распространится среди снайперских винтовок во всем мире. Несмотря на то что в неснаряженном состоянии СВД весит 4,31 кг, она особенно удобна в обращении, прикладиста и хорошо сбалансирована».

Угу, прикладиста и хорошо...

А вот и мишени.

На «плюс первом» тирмен не ошибался в выборе целей, хотя они здесь никогда не походили на обычные мишени, используемые на стрельбищах любого типа. Шмели, летящие снежки, опадающие листья — все, что угодно. Сейчас, например, сине-красные ленточки, повязанные на гнилых сучках. Вон там, там и левее... Пять ленточек.

Проще простого.

Данька прицелился в самую дальнюю. Но нажать на спуск не успел: сердце подсказало, что стрелять лучше не в ленточку, а в сучок. Так, чтобы сине-красный попугаистый огрызок спланировал на землю, в жирную грязь. Ладно, пусть будет сучок. Целясь, он вспомнил, что румыны выпускают две экзотические версии СВД: одну вообще без мушки, под брендом «Дракула» (для снайперов-вампиров?), вторую — с дульной насадкой для выстреливания оперенных гранат. Хорошо, что мы не румыны, не вампиры, а скромные тирмены...

От удара пули сучок обломился.

Музыка играла не слишком далеко, но и не вплотную, чтобы нервничать и торопиться. Насвистывая мелодию флейты — за истекшие три года он выучил эту тягучую, слегка гнусавую тему наизусть, — Данька сбил второй сучок, затем, почти сразу, третий, потратив на него две пули.

Ленточки упали на груду опавших листьев. Груда чрезвычайно напоминала лиственные кучи во дворе, когда дворник Кирюша сгребает осеннее золото и, чиркнув спичкой, превращает в скверно пахнущий костер. Кто мог дворничать в лесу «плюс первого», Данька не знал. И знать не хотел.

Здесь ему было слишком хорошо, чтобы заморачиваться лишними вопросами. От большого знания — большая печаль. И пусть Лерка не дразнится «дуболомом»: читая Библию, он не

остановился на биографии своего тезки-пророка, а изучил еще кое-что. Сильней всего, кстати, Даньку возмутила история бедолаги Иова. Это, значит, все у мужика отберем, родственников уморим, заразим СПИДом, а после, за хорошее поведение, дадим конфетку: новые стада, новые родичи, вакцина от синдрома иммунного дефицита...

Пальнуть бы в такого небесного благодетеля из гранатомета!

Лес «плюс первого» сильно изменился за эти годы. Если вначале для Даньки здесь все было незнакомо, то постепенно лес стал приспосабливаться под нового тирмена: неглубокий ярок с соснами на взгорке напомнил окрестности детской железной дороги, спуск к речке, поросший ивами, оказался похож на окрестности пансионата близ Северского Донца, где Данька школьником отдыхал с родителями; лиственная роща — точь-в-точь посадка на Дубраве, на Павловом поле...

Складывалось впечатление, что лес, раньше «дяди Петин», мало-помалу становился лесом Даниила Архангельского, подстраиваясь под его личный опыт.

Тут-тили-тут...

Музыка вернула тирмена обратно на стрелковый рубеж.

Отвечая надвинувшимся барабанчикам, он снес четвертый сучок. После трех совместных «целевых выездов», когда он «подбирал хвосты» за дядей Петей, Данька уже давно работал сам. Восемь-десять командировок за год. Он находил в коридоре под дверью конверт с указанием места и времени, подыскивал укромный уголок в пределах сектора, удалялся в чудесный лес, отстреливал назначенные мишени... И встречал человека с жетоном. Человек всякий раз менялся, а жетоны оставались одинаковыми.

Половинка Даньке, половинка — уходящему, счастливому человеку.

Мене, мене — одному. Текел, упарсин — другому.

Или иначе: взвешено — налево, исчислено — направо...

«Ты знаешь, кто я? Я — твой друг...»

Возвращаясь с «плюс первого», Данька знал, что своей половинки жетона он не найдет. Ни в кармане, ни в руке, ни под ногами. Половинки исчезали безвозвратно. Словно Данька в лесу был не Данькой, не вполне Данькой, не до конца Данькой, а частично кем-то другим, кто уносил добычу в глубь леса, в заветную берлогу.

Ну и ладно.

Это Дарья Тютюнец — нумизмалетик, а нам металлическое барахло ни к чему.

Посмеиваясь, он сбил последний сучок. Дождался, пока ленточка опустится на поляну, в сизую от ряби лужу. Встал, закидывая винтовку за плечо. Сейчас придет нужный человек, и все закончится.

Между деревьями, сквозь усилившийся дождь, к нему шел маленький лысый старичок с пышными усами. Старичок напоминал дядю Петю, хотя был ниже на целую голову. Словно в такт каким-то мыслям, прохожий через два шага на третий кивал, раздувая ноздри мощного, с горбинкой, носа. Щегольские туфли измазались в грязи, галстук сбился в сторону.

Идти старичку было трудно.

Решив сократить человеку путь, Данька двинулся навстречу. Следовало поторопиться: туки-тук, подталкивали в спину нетерпеливые барабанчики. Когда между ним и старичком оставалось метров семь-восемь, человек поднял голову. Глаза его слезились: от дождя или от старости, кто знает.

— Здравствуйте, юноша. Извините, если покажусь назойливым...

— Ничего, ничего, — промямлил Данька.

Лысый старичок, в отличие от прочих, не задал сразу вопрос: а вы, значит, юноша, кто такой? И не удивился своему появлению в октябрьской чаще «плюс первого», как если бы давно этого ждал.

— Полагаю, вы — мой друг?

— Ага, — с облегчением выдохнул Данька. — Я — ваш друг.

Обратиться к старичку на «ты» он не сумел.

— Хорошо. Возьмите...

Данька взял протянутый ему жетон. Не глядя на знакомые четыре буквы, разломил хрупкий кругляш пополам.

— Это вам.

— Спасибо. Всего доброго, юноша.

С винтовкой за спиной, наступив ногой на одну из сине-красных ленточек, тирмен Даниил Архангельский смотрел вслед уходящему человеку. Он еще не знал, что три дня спустя увидит старичка, лысого и усатого, в телевизоре. Старичок будет лежать в гробу, до подбородка закрыт цветами и венками, а дикторша за кадром примется вещать трагическим сопрано: «Сегодня город прощался...»

Тирмен сбивал сучки с повязанными ленточками.

А в здании обладминистрации скончался от кровоизлияния

в мозг сотрудник отдела кадровой работы, известный правозащитник Саблин Денис Эдуардович.

«Ты знаешь, кто я? Я — твой друг...»

4.

Пиф-паф! Пиф-паф!

Ой-ой-ой? Ой-ой, ясное дело. Даже не в «молоко» — в синий туман, в левый верхний угол, под самую крышу. Да кто же так?!

Пиф-паф! Ой-ой-ой? Н-да...

Петр Леонидович снял кепку, в большой задумчивости почесал седой «ежик». Всяко бывает, конечно. Мир велик, есть в нем и такие — стрелки не от бога. Сколько ни говори, ни показывай...

Пиф-паф! Пиф-паф!

Ой?

Ой — и смотреть не надо.

...сколько ни объясняй, все равно станут спусковой крючок дергать. И зацеливаться. И сипло пыхтеть, тряся стволом.

Пиф-паф!

Оставалось последнее — воззвать к друзьям-мишеням. Пусть поддадутся, сделают вид, опрокинутся лапками-колесиками вверх. Все-таки фрейшюц, законный клиент, кровную двадцатку выложил. Обидится, уйдет, не вернется — прощай, квартальная премия!

Старик с надеждой поглядел на друга-паровозика. Выручай!

— *Вот еще! — обиделся друг-паровозик.* — Перед этим мазилой? Колесами вверх? Лучше в утиль, в жестяной ящик за тиром, куда окурки бросают!

Пиф-паф! Пиф-паф!

Жирафа?

Отвернулась гордячка жирафа, вроде как не слышит. Не для таких, мол, Леонидыч, наш тир. Верни фрейшюцу безрукому деньги, пусть в домино стучит!

Пиф-паф! Куда на этот раз? Не иначе по трубам отопления. Хорошо, что мы не на «минус первом», хорошо, что у клиента не «Абакан» с разрывными!

Старик глянул налево, в нижний ряд. Каруселька, выручай! Или я тебя не чинил, не красил? Ты же у нас затейница, все умеешь!

Молчала каруселька. Не просто, а со значением. Все понимаю, шеф, кормилец ты и поилец, но...

Пиф-паф! Пиф-паф! Может, клиент пульки не кладет, забывает? С него, не от бога который, станется. Зато азартен, полпенсии просадит, не почешется. В каком-то смысле идеальный посетитель.

Глумливый смех мишеней можно было услышать без всякой телепатии. Слева направо, от верхнего ряда до нижнего:

— Мазила! Ма-зи-ла! Ма-а-а-ази-и-и-и-ила-а-а-а-а-а-а!!!

Пиф-паф! Дзинь! Хорошо, хоть не в окно. Вставляй потом, зови стекольщика с Благовещенского рынка!

— Не попал! Слышь, старшой, не попал! Ни разу!..

А это, значит, отчет о результатах. Ты еще рапорт напиши, снайпер хренов!

— Ма-зи-ла! Ма-зи-ла! Ма...

Петр Леонидович Кондратьев почувствовал, как сжалось болью никогда не хворавшее сердце. Тусклый свет «нулевки» поблек, взялся белесыми пятнами, подернулся синим туманом. «Синий туман. Снеговое раздолье, тонкий лимонный лунный свет...» Есть вещи, до которых нельзя доживать. Их нельзя видеть. О них нельзя думать.

Боль в сердце росла, подступала к горлу, холодом спускалась к пальцам.

— Не попал, не попал, не попал! Ни разу! Рекорд, рекорд!..

Старшина в отставке Андрей Иванович Канари. Пешавар, год Anno Domini 1983-й, прицельный выстрел по движущейся цели, два километра триста пятьдесят метров. «Райфл» Браунинга в снайперском варианте...

Тирмен Кондратьев впервые в жизни пожалел, что не умер раньше. Закрыл глаза. Оба глаза.

— Не попал! Не попал!..

Отпустило. Словно знакомая рука легко, неслышно коснулась груди, прогоняя боль и отчаяние.

«Не время, тирмен, тирмен...»

Старик с трудом выдохнул застрявший в горле воздух. Великая Дама права в отношении своих верных рыцарей. Умирать рано. Незачем — и не с чего. Тирмена Канари давным-давно нет. Есть Адмирал Канарис, псих из парка. Безумец, увешанный орденами, как новогодняя елка — игрушками, явился в тир прострелять двадцатку с пенсии.

«Под облака летя вперед, снаряды рвутся с диким воем!..»

Промахнулся! Промахнулся! Мимо, мимо, мимо!.. «Пилоту недоступен страх, в глаза он смерти смотрит смело...»

Стрелял псих — не попал псих. Ни разу цель не поразил — и пляшет. Отчего? От радости, само собой. Сумасшедший, что возьмешь?

Шагнул Петр Леонидович в каморку, чтобы не смотреть на позорище. Не успел. Резвый псих Канарис подскочил, вцепился в рукав:

— Понял, старшой? Понял? Не попал, как ни старался. Ни разу! Отпустила Она меня, пожалела. «И, если надо, жизнь отдаст, как отдал капитан Гастелло!..» Я свободен, свободен, свободен!..

Не стал отвечать Кондратьев, кивнул только. Отпустила — и ладно. Гуляй, Канарис, свети медалями! Но псих не спешил разжимать пальцы, закоченевшие на чужом рукаве. Глянул прямо в лицо, стер с губ идиотскую улыбку.

— А знаешь, старшой, байку про мертвого тирмена? Слыхал? Главные-то у Нее не мы с тобой, не твой Данька. Мертвяков Она на службу берет. Отпуском приманивает...

Не выдержал старик. Вырвал руку из безумной хватки, отвернулся.

— Мертвяку ни зарплата не нужна, ни больничный. Только он, мертвяк, хи-и-итрый, работать не хочет. Она ему время дала, а он другим раздает, от минут секунды отламывает — чтоб за него пахали. А сам ходит, ходит, ходит!..

— Замолчи, Андрей! Замолчи...

— Ходит! И сюда придет, слышишь, старшой? Не от бомбы ядерной нам всем капец настанет! От него, от мертвого тирмена. Мертвого, мертвого, мертвого!..

Старик ухватил бывшего старшину за худые плечи.

Встряхнул изо всех сил.

— Слыхал, Андрей. Средневековая легенда, ее Институрис и Шпренгер записали. Авторы «Молота ведьм». Ну и что? Теперь про суккубов с инкубами поговорим?

Чуть за язык себя не укусил. Перед кем распинаешься, тирмен, тирмен?

Псих Канарис уходил молча, не оглядываясь. На аллее задержался:

— Извини, Петро. Наехало что-то.

И вновь похолодел старик, узнав голос Андрея Канари.

«...аз воздам...»

Белая «Тойота» госпожи Калинецкой утробно рыкнула, тро-

нулась с места и покатила по главной аллее в сторону Сумской. Петр Леонидович покачал головой: еще недавно ушастая Кали такого себе не позволяла. Даже подумать не могла. Скоро у входа в тир тормозить начнет! «Боба болен, Боба очень болен!..» Вот именно. «Бога не ся боят и людей не ся стыдят...»

Старик поежился — дряхлое пальтишко плохо защищало от внезапно налетевшего ветра. Осень, осень...

— Хорош прятаться! Вылезай!..

Сказал тихо, голоса не повысил, головы не повернул.

Знал — услышат.

— Ага! Привет, дядя П-петя! Как заметил?

Знакомый баритон звучал из-за бетонного фонтана. Точнее, из-за жестяной будки странного назначения, поставленной неведомо когда, неведомо зачем между фонтаном и входом в тир.

— Сопи тише, — хмыкнул старик, внезапно приходя в хорошее настроение. — Давно в засаде?

— Н-не очень. Как тебе ув-видел, решил, что...

Не-Король Артур выбрался наружу, приводя себя в порядок.

Старик смотрел на него, приглаживая усы. Не-Король? Был Не-Король, да весь вышел. Исполнительный директор АО «Парк имени Горького», вице-президент городского отделения Союза ветеранов Афганистана, их полувеличество Артур Николаевич... Нет, длинно выходит. В общем, почти король.

Королек, как мы это называем.

Королек Артур прихромал, опираясь на массивную трость с костяным фигурным набалдашником. Встал напротив, привычным, заученным движением начальника средней руки ткнул вперед ладонь.

Устыдился. Покраснел слегка.

— Я, в общем. Зд-дравствуй, дядя Петя!

Метаморфозы с Артуром происходили грандиозные. Оставалось лишь дивиться и рассуждать о превратностях и дарах Судьбы. Уже год Артур ходил, вернее, хромал, в исполнительных директорах, вознесен в отдельный кабинет и усажен в персональную «Ауди». Причины вознесения в горние выси оставались загадкой. Господин Зинченко узнал о карьерном взлете бывшего «афганца» чуть ли не в последнюю очередь. Удивился, но спорить не стал.

Кроме «Ауди», Королек обзавелся новым гардеробом, включавшим роскошное кашемировое пальто, и почти перестал ругаться. А хромать стал сильнее. Заикаться — по обстоятельствам. Смотря с кем беседу имеем. Шапка Мономаха!

Да, еще женился.

О предстоящей свадьбе бывшего сменщика Петр Леонидович узнал от Зинченко. Довольный тем, что сумел огорошить старика, бородатый глубокомысленно заключил: «И фраерам фарт выпадает». Петр Леонидович с ним полностью согласился. И в самом деле! Поехал новоиспеченный директор первый раз в жизни на Багамы — у моря на песочке понежиться, под пальмой, — познакомился с вице-мисс Киевская область...

Судьба! — она же Фарт и Кысмет.

Кондратьев не спорил, зная, что имен у данной особы много. Завидовать грех: где одному перепало, там и другому обломится. Старику с Артуровой удачи процент не требовался, но был еще нескладный Пэн, мечтающий о страйкболе и лазерном тире. Отчего бы удачливому Корольку не подсуетиться, не помочь внуку бывшего шефа?

Жадные, как известно, того... Долголетием не отличаются.

— Чего прятался? — без особой нужды осведомился Петр Леонидович, когда процедура взаимных пожеланий здравия завершилась. — Мешать не хотел?

— Ага. И м-мешать...

Королек без всякой нужды оправил пальто, поглядел вслед исчезнувшей машине. Дернул сухими, сизыми губами:

— С-сучка!

Подумал и поправился:

— Сука!

Настало время размышлять Петру Леонидовичу.

5.

Дядя Петя на «минус первом» разбирал винтовку.

По нелепому совпадению, это была снайперка Драгунова. Кивком ответив на Данькино приветствие, старик прижал замыкатель верхнего упорного кольца к газовой трубке и повернул вправо до отказа. Хмыкнув с непонятной интонацией, сдвинул часть ВУК вперед, отделил ствольную накладку от ствола. Воспользоваться ключом из пенала принадлежностей «Драгуновки», как это рекомендовала инструкция, он и не подумал.

Не став дожидаться, пока Петр Леонидович закончит, Данька бросил на стол, поверх оружия, свежий номер газеты «Вре-

мя». Так, чтобы траурная фотография Саблина была хорошо видна.

— Вот!

Дядя Петя внимательно смотрел на фотографию покойного чиновника обладминистрации. Вопросов не задавал. Хотел огладить усы, но передумал: сперва тщательно вытер руки ветошью. Задним числом Данька сообразил, что старый тирмен может вообще не понять: зачем сменщик сует ему под нос какую-то дурацкую газету? В лесу на «плюс первом» Данька был один. Вряд ли его задания дублируются на дядю Петю с подробным указанием: кто-где-когда...

До недавнего времени он и сам не сопоставлял реальную жизнь со стрельбой по мишеням и последующим явлением людей с жетонами.

Нет, дядя Петя все понял правильно.

— Пошли в «нулевку», — сказал он. — Чайку заварим.

Зазвонил телефон: громко, с надрывом. Данька вздрогнул, едва не опрокинув стоявшую рядом с винтовкой бутыль с раствором РЧС. Похоже, старик собирался чистить ствол. В ноздри ударила резкая, противная вонь: раствор углекислого аммония с добавкой хромпика — это вам не духи «Шанель».

— Осторожней, медведь, — буркнул дядя Петя без злости.

И после паузы сообщил в трубку:

— Сегодняшние стрельбы отменяются. Да, Шамиль Расулович, я в курсе, что вы с товарищами планировали через час... Увы, вынужден вас разочаровать. Если не возражаете, я запишу вас на понедельник, на то же время. Причины? Вот со сменщиком собрались чай пить. Нет, вы не ослышались. Чай. Индийский. Шамиль Расулович, когда вы остынете, вам будет неловко, поверьте моему опыту. Хорошо, извинения приняты. Значит, в понедельник? Всех благ...

Положив трубку, старик взял газету и жестом пригласил Даньку идти за ним.

Поднимаясь по знакомой лестнице в каморку «нулевки», Данька чувствовал, как боевой задор мало-помалу улетучивается. Он ожидал бог весть каких страстей. Дядя Петя должен был закричать: «Игра закончена!» — затем выхватить пистолет, с которым расставался редко, из наплечной кобуры, а молодой сменщик сказал бы, что свою «Беретту» оставил дома — нарочно, потому что не готов стрелять в любимого дядю Петю...

Тьфу ты, чушь собачья!

Но ведь Саблин, правозащитник и кадровик, скончался после визита Даньки на «плюс первый»! От банального инсульта? — да. В его возрасте ничего особенного? — да. Все обыденно, только нас не проведешь... Он ел себя поедом, глядя, как закипает чайник, как Петр Леонидович возится с заварничком — и не мог произнести ни слова.

Спасибо дяде Пете: начал первым.

— Рановато, — бросил старик, грея руки у горячего заварничка. — Я надеялся, еще годик-другой обождем... Сейчас взрослеют поздно: в тридцатник у родителей на шее сидят. Что, тирмен, страшно живых людей убивать?

Данька моргнул, скис и признался честно:

— Страшно.

— А почему раньше не страшно было? Ты ведь не первый раз на «целевом выезде»...

— Я не знал. Не знал, что они живые! Я по мишеням стрелял!.. а они после... с жетонами...

— Ну, ты и в «нулевке», когда разную пользу себе отстреливал, не знал, а палил... Почему у меня ничего не спрашивал?

Ситуация странным образом вывернулась наизнанку. Данька, желавший разоблачить злобный заговор, невинная овечка с винтовкой, подставленная коварными хитрецами, угодил чуть ли не под допрос. Петр Леонидович задавал вопросы тихо, скучно, кричать в ответ или бить кулаком по столу было бы глупо. И стыдно. Приходилось отвечать и прятать глаза.

— Там хорошо... в лесу.

— Ясно. Не стесняйся, тирмен: мне тоже там хорошо. Так и должно быть: нам хорошо, потому что делаем важное и нужное дело.

— Людей убиваем? — вырвалось у Даньки.

— Да, — без обиняков ответил старик.

Он принялся «женить» чай: переливать из заварничка в стакан и обратно. Казалось, это занимает его целиком, без остатка. Коричневая жидкость струилась, темнея с каждым разом; по каморке распространился приятный запах. После гадкой вони РЧС аромат чая казался и вовсе чудесным.

— Ты в курсе, что это такое?

Дядя Петя ногтем нацарапал на столе четыре буквы. Дерево столешницы с годами превратилось едва ли не в камень, следов от ногтя почти не осталось. Но Даньке не требовалось читать надпись. Точно такие же значки были вырезаны на стойке «нулевки». И не только на стойке.

— В курсе. Мене, мене, текел, упарсин. Ам-бре... аббревиатура. Первые буквы слов.

Старик взглянул на парня с нескрываемым интересом. Словно орден вручил.

— Удивил. Ну, оболтус, удивил, и все тут. Это теперь в физкультурном институте изучают? На легкой атлетике? Валяй дальше, умник. Что значит твоя аббревиатура?

— Исчислено, исчислено, взвешено и разделено. Это на стене у царя одного написали, Валтасара. Ночью написали, а утром приплыли: царство развалилось, царя зарезали. Кранты фирме, сливайте воду.

Машинально он повторил Леркины слова.

— В ту ночь, как теплилась заря, рабы зарезали царя, — сказал дядя Петя. — Не пугайся, я не сошел с ума. Это Гейне, «Валтасар». Его у вас в физкультурке уж точно не изучают А вообще-то, братец, ты прав: как подсчитают до конца — кранты фирме. Понимаешь, Даниил...

Отхлебнув чая, дядя Петя уставился на фото, украшавшие стену.

— Там, где-то, все время считают. На каком-нибудь «плюс двенадцатом» или «минус тридцать втором» — считают, считают... Социализм есть учет и контроль. А-а, этого ты тоже не проходил. Другое поколение. Короче, считают живых и мертвых, души и тела, грехи и добродетели. Чиркают перышком, щелкают арифмометром, на компьютере работают... Честно говоря, я не знаю, что именно они считают и как. Но знаю другое: как только подсчитают, сведут концы с концами, дважды исчислят, взвесят и разделят — кранты фирме. Полные кранты, тут ты сто раз прав.

Старик зажмурился, прикрыв глаза: оба, а не один левый.

— И увидел я новое небо и новую землю, — процитировал он.

Данька помнил, откуда цитата: «Откровение Иоанна Богослова» произвело на него жуткое, знобящее впечатление своей непонятностью и обреченностью.

— Ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. Мы с тобой, Даниил, тирмены. Работники Великой Дамы. Если угодно, рыцари Ее. Потому что Великая Дама — единственная, кто не хочет новой земли и нового неба. Ее и старые устраивают. Великая Дама не желает остаться без работы. Нормальное желание, скажу честно...

Стены каморки надвинулись, грозя поглотить и выплюнуть

наружу. В царство, которое ежедневно грозит рухнуть, если все будет исчислено, взвешено и разделено до конца. Данька мало что понял, но поверил. Такое с ним случалось впервые: не знание, но вера.

Если вдуматься, эти штуки вообще противоречат друг другу: вера и знание.

— Мы сбиваем сальдо и бульдо, дебет и кредит. Мешаем окончательному расчету. Мы — тирмены. Мы стреляем в «плюс первом», в тайном тире Великой Дамы, и аудиторы опять начинают считать. Налоговая путается в накладных. Судьи принимают к рассмотрению новые документы, то ли истинные, то ли липовые. Проверка, подсчет, и снова, и по кругу... Пока это длится, царство стоит на ногах. Мы подставляем царству плечо.

— Убивая людей?

— Те, кому на роду написано жить, останутся жить. Хоть сто тирменов выйди на огневой рубеж — промахнутся. Дистанция окажется чрезмерной, пистолет даст осечку, пуля уйдет в «молоко». Не считай Великую Даму дурой. Те, кому на роду написано умереть, умрут. И для этого тирмены не нужны. Но есть малая толика, крупица, горстка...

Дядя Петя двумя руками огладил короткий, совсем седой «ежик». Казалось, он схватился за голову, недоумевая, как малая толика способна повлиять на великую бухгалтерию. Следя за ним, Данька выпил залпом полстакана чая, не чувствуя вкуса и не обжигаясь.

Верить, не понимая, было жутко и сладко.

— Есть люди, с которыми не все ясно. Он может остаться жить, а может умереть. В Книге Бытия на его строчку посадили кляксу. Капнули горячим чаем, и текст расплылся. Писарь был пьян и допустил ошибку. Это люди случая И Великая Дама шлет нас, тирменов: бросить на чашку колеблющихся весов нашу пулю. Мы стреляем, и проверка начинается по новой: что да как, почему да отчего...

— Мы — киллеры?

— Нет. Мы — тирмены. Тирмен не в силах стать киллером, убийцей по заказу. Мы работаем на Великую Даму, и больше ни на кого. Некоторые пытались, но не смогли. Мой первый учитель, Леонид Пантелкин, — старик говорил еле слышно, вынуждая собеседника ловить каждое слово, — даже сделавшись уполномоченным ЧК, отказывался участвовать в расстрелах. Но однажды сорвался. Как итог, он частично сошел с

ума, утратил способности тирмена, и его голову выставили в витрине магазина. Адмирал Канарис... Ну, ты его знаешь. Пожалуй, лучший тирмен, какого я видел. Андрей Канари стал Адмиралом Канарисом после того, как решил пострелять на свое усмотрение. Не беспокойся, Даниил: кроме как в «плюс первом» или спасая свою жизнь, тебе стрелять не придется. А «плюс первый» ни один суд мира не зачтет в обвинение.

— Но почему — убивая? Почему *только* — убивая?!

— Не считай Великую Даму дурой, — повторил старик, отставляя прочь стакан. Блики от лампочки играли на тяжелом подстаканнике. — И не меряй всех рыцарей Ее на один манер. Поехали, я тебя познакомлю кое с кем.

— Ага, — кивнул Данька, плохо представляя, с кем его будут знакомить.

Не с Великой же Дамой, в самом деле?

Дядя Петя молча вышел из тира, думая о чем-то своем.

6.

— З-забыл! — Артур виновато вздохнул. — Ск-клероз, он же маразм. Хотел тебе приличного чая п-принести. Мне секретарша красный к-китайский покупает...

— Не барствуй! — наставительно заметил старик. — С ногой что-то делать будешь? Сколько можно хромать?!

Артур нахмурился:

— Валюха... Валентина, жена... Оп-перацию советует. Есть в М-москве профессор-ортопед... А все ты, дядя Петя! Ты виноват!..

От удивления старик чуть не выронил железный чайничек. Грехов он числил за собой немало, но в душманах служить не приходилось.

— Т-ты! — упрямо повторил Королек. — Как ты м-меня из т-тира выставлял, а? Дела на руках н-не имею, чем-то с-серьезным заняться надо... Говорил? В с-спину выталкивал, п-пугал дурдомом. Д-дело, дело.... В-вот и занимаюсь. Делом, блин!..

Петр Леонидович окинул взором исполнительного директора, враз потерявшего всякую бодрость. То ли знакомые стены тира, куда Артур не заходил года полтора, повлияли, то ли посерьезнее причина есть.

Причина с большими ушами.

— Чего от тебя Калинецкая хочет?

Сказал — и не обрадовался. Артур скривился, взмахнул рукой:

— П-педер сухте!

Жилистый кулак впечатался в стол.

— Сука! С-сука! Сухте!..

Оставалось с надеждой посмотреть на спасенную некогда Настасью Кински. Может, образумишь? Женщина все-таки! Грустен был ответный взгляд киноактрисы. Если ты, тирмен, спасовал, куда мне, слабой?

— Допустим, — кивнул Петр Леонидович, когда Артур иссяк. — Давай для ясности: я эту... Кали на дух не переношу. Только прежде чем...

Хотел сказать: «Судить». Передумал.

— ...с дерьмом человека смешивать, встань на его точку зрения.

— К-кочку, — буркнул исполнительный директор.

— Пусть кочку. А вдруг соображалка лучше заработает? Значит, это Калинецкая тебя в начальники вывела... Понятное дело, ей верные люди нужны. Борис Григорьевич болен, сколько протянет — неведомо. Она — наследница, Черная Вдова. С кем работать прикажешь? Кто у нее под рукой? Вовик и Тимур, братья-акробатья? А ты ей парк грудью прикроешь, словно амбразуру. И через Союз ветеранов подсобишь, если что. Ты, как я понимаю, не спорил, когда предложили? Согласился?

Плакала сегодня Калинецкая, за «Бобу» просила. В голос, по-бабьи, рыдала, чуть ли не в ноги падала. Видно было: не врет ушастая. И в самом деле к горлу беда подступила. Старик особо не расчувствовался, но помочь обещал. Вот только «Тойоту» Кали-безутешная зачем-то к самому фонтану подогнала. Вдоль центральной аллеи, с ветерком.

Вроде как намекнула.

— С-согласился, — вздохнул Артур, скребя ногтем гладко выбритый подбородок. — Почему бы и нет? П-помочь — ладно, рука руку моет, н-не нами придумано. Разберемся! Только на хрена, дядя Петя, она под тебя к-клинья подбивает? Расскажи да расск-кажи: что и зачем у в-вас в тире творится? К-как учимся, как целимся, что вместо м-мишеней видим. Вроде как я ей Мальчиш К-кибальчиш, а ты, дядя Петя, военная т-тайна.

Старик даже чаем поперхнулся от удовольствия. Сравнил, однако!

— «Нет ли, Мальчиш, тайного хода из вашей страны во все

другие страны, по которому как у вас кликнут, так у нас откликаются...» Артур, извини, но мы с тобой друг друга в дураках, кажется, не числим...

— Ха! — подхватил отставной сержант.

— Все, что ты в тире видел и слышал, узнать несложно. Вон у нашего вице-мэрчика любимые друзья, и те в информации купаются... Денег у мадам Кали хватает, тиров в стране много. С миру по нитке — голому петля. Узнала. И в какой банк она с этим знанием пойдет?

Не Королька старик спрашивал — самого себя. Насчет Артура он был спокоен. Горяч парень, да непрост. Нужное скажет, лишнее придержит. А если сглупит, распустит язык... Еще в Секторе статистики о подобном разговоры велись. Андрей Канари спрашивал, строгий товарищ Иловаев ответ давал, а остальные к обсуждению подключались. И каждый раз сходились на одном и том же. Легко прижать к ногтю мальчишку-ученика, взять за душу, вытрясти рассказку про лица-мишени, про выстрел-удачу. А дальше? Первая линия обороны — тирмен. Не даст учитель кадета в обиду, костьми ляжет.

...С костьми, правда, еще вопрос. По-разному кости ложатся.

Но это первая линия, отряд прикрытия. А что скажут умники, когда в гости пожалует Великая Дама? Услышит смелый да резвый музычку в пустом июньском лесу, почует ветерок от Ее вуали...

Выходи, кому по силам. Ратоборствуй!

Ну, допустим, найдется и среди тирменов паршивая овца. Предаст, продаст, выдаст по глупости, растечется лужей по жаркой бабьей простыне. Что дальше? Изменнику в заветный лес больше хода нет. Не пустят. Как не пускают Андрея Канари, продавшего тирменское первородство за пешаварскую похлебку. Двадцать лет пайку расхлебывает...

Не войти и чужаку на «плюс первый», в Ее владения. Разве что в качестве мишени? — листиком на дерево, шмелем над травой.

«Кто я? Я — твой друг...»

Вечная загадка тирмена: куда уходят те, кто отдал половинку жетона с четырьмя буквочками-паучками? Не знали — до поры до времени, когда своим собственным жетоном делиться придется. И Кондратьев не знал. Но предателям не завидовал.

— Короче, Артур... Панику брось, отнесись спокойно. Спрашивает — отвечай. Как именно отвечать, сам догадайся, не маленький. А насчет работы... Думай. Можешь, конечно, все бросить, уехать куда-нибудь в Шепетовку, на стройке лопатой махать. Только учти, в Шепетовке свои Зинченко с Калинецкой найдутся...

Хотел завернуть про умение рыть окопы (они же тайные ходы в другие страны) под огнем противника, но не успел.

— З-зохри м-моро!..

Опять кулаком по столу! Чуть стакан с чаем не свалился.

— Умный ты, дядя Петя, д-да? А если умный, с-скажи, как жить. Мне — жить! Валюха... Валентина, жена м-моя... Калинецкая нас на Багамах свела, п-понимаешь? Не сама, через подругу, в-вроде случайно. На днях узнал, донесли д-добрые люди... Номер этой т-твари нашел — в Валюхиной мобиле. Валюха м-меня т-тоже про тир да про мишени мытарит: что да к-как?! П-понял, дядя Петя? Шпионку в постель подложили! И что мне теперь д-делать? Стреляться? В нее стрелять? С-скажи! Я ведь ее л-лю... Люб-блю!..

Петр Леонидович перевел взгляд с растерянной Настасьи Кински на Артура. Не на исполнительного директора, Королька в дорогом кашемире. На другого — с фотографии. Бравый сержант перед дембелем: веселый, довольный жизнью, панама сдвинута на ухо...

Сломали парня, душманы! Все, как ты, ушлый чекист Карамышев, объяснял: не через деньги, значит, через бабу. П-педер сухте!

А если ушастая Кали за Даньку всерьез возьмется?

— Чего д-делать, посоветуй?! Ты не отворачивайся, д-дядя Петя, ты с-советуй!..

Отвернулся тирмен. Принялся нужные слова искать.

Только где их найти, нужные?

«Все равно погоришь, Кондратьев. И тому две причины есть...»

Петр Леонидович еще не знал, что скоро, не пройдет и пары часов, в тир явится Даниил, который Не-Пророк.

Явится не отвечать на вопросы, а задавать.

7.

— На трамвае доедем, — заявил Петр Леонидович в ответ на Данькину идею взять такси.

Спорить со стариком Данька не стал. Глупо размениваться

на мелочи, когда речь идет о вещах очень даже серьезных. Каждый ли день выясняешь, что ты, оказывается, особо изощренный киллер? — что бы там дядя Петя ни рассказывал о Пантелкине и Канарисе... Мало того, еще и удовольствие от процесса получаешь. Это уже маньяк какой-то выходит!

Он, Данька, — маньяк?! Да нет вроде... Или настоящие маньяки тоже себя нормальными считают? А знакомые потом удивляются: «Никогда бы не подумали! Такой с виду приличный, вежливый, а правозащитника Саблина из «Драгуновки» пристрелил...»

Дождавшись «зеленого человечка», они пересекли Сумскую и подошли к кругу «пятерки». Трамвая не было. Петр Леонидович молчал, давая понять, что до прибытия на место вступать в разговоры не намерен.

Данька набычился и отвернулся.

Реальный октябрь, в отличие от дождя на «плюс первом», радовал солнцем, прозрачной, до стеклянного звона, голубизной неба. Шуршали под ногами, летя по сухому асфальту, опавшие листья. Горькой ностальгией пахла осень, суля краткие теплые денечки «бабьего лета». Погромыхивая на стыках рельсов, подкатил трамвай. Отчаянно зазвенев на заполошную бабку с тележкой, сунувшуюся на рельсы, «пятерка» остановилась, распахнув двери. Наружу повалила негустая толпа.

— Тут близко, — буркнул Петр Леонидович, забираясь в вагон. Данька последовал за ним. Демонстративно сел не рядом, а через одно сиденье, благо свободных мест хватало. Вспомнил о билетах. Когда он в последний раз ездил на трамвае? Где теперь берут билеты? У водителя?

Эх, надо было грамоту из мэрии взять! — ехал бы бесплатно, как герой...

Вопрос с билетами решился просто: в вагоне обнаружилась женщина-кондуктор. Петр Леонидович предъявил ей какое-то удостоверение (пенсионное? ветеранское?), а Данька получил сдачу с мятой гривны и белый огрызок билета. Белый, значит, билет. Номер на огрызке делился на три. Такие номера папа называл счастливыми, но Данька не верил в приметы.

Двери закрылись, трамвай, коротко звякнув, тронулся с места и покатил по маршруту. Мимо плыли дома, заборы, облетающие деревья, машины, бигборды с предвыборной агитацией... «Бигморды», как язвил дядя Лева. Еще один поворот. Движется назад громада студенческого общежития «Гигант»...

— Вставай. Приехали.

«Інститут медичної радіології ім. С.П. Григор'єва» — прочел Данька на табличке, черной с золочеными буквами, украшавшей вход в большое серое здание.

Первое, что бросилось в глаза в холле института, — огромная жизнерадостная надпись: «БУФЕТ». Видимо, врачи и пациенты без буфета себе жизни не мыслили. Петр Леонидович уверенно направился к дежурной — пожилой даме в белом халате, сидящей за столиком в углу.

— Здравствуйте. Поплавский Виталий Павлович на работе?

Ага, на работе, подумал Данька с непонятным злорадством. Воскресенье сегодня. Выходной. Спит твой Поплавский и сопит в две дырки. Зря мы трамвай гоняли.

Дежурная принялась деловито листать толстый потрепанный журнал.

— Второй этаж, двадцать третий кабинет. Вон в ту дверь, — она указала в глубь холла, — и по лестнице наверх.

— Благодарю, я в курсе.

Старик, не оглядываясь, направился к указанной двери. Данька топал следом, чувствуя себя полным идиотом. Что они забыли в институте радиологии? Чем может помочь доктор Поплавский ему, тирмену Архангельскому?

Или радиологией от шизофрении лечат?!

Узкая лестница. Синие перила с шишечками. Крашенная белилами дверь с матовым стеклом посередке, ведущая на второй этаж. Накатывают запахи больницы: хлорка, лекарства, нездоровое тело, постный борщ, вчерашняя котлета. Навстречу по коридору ковыляет человек в полосатой пижаме, похожий на лагерника из кинохроники. Не старый еще, но изможденный, с серым лицом, серыми глазами, серой мышастой щетиной на щеках.

Человек скользнул по посетителям тусклым взглядом и прошел мимо.

Двадцать третий кабинет был заперт. На стук дяди Пети никто не отозвался. Из дальнего конца коридора, видимо, с лестничной площадки, доносились голоса и веселый женский смех. Смех казался здесь, в институте, неуместным. Явственно тянуло сигаретным дымом. Медсестры на перекур вышли? Может, неведомый Поплавский курит с ними?

— Обождем. Явится, никуда не денется.

Старик как в воду глядел. Не прошло и трех минут, как хлопнула дверь в конце коридора. Врач в халате — не белом, а блед-

но-зеленом — и высоком колпаке двинулся к гостям быстрым шагом.

— Добрый день, Петр Леонидович. Вы ко мне?

— Здравствуйте, Виталий Павлович. К вам.

— Заходите. Сейчас открою.

На Даньку врач бросил цепкий, оценивающий взгляд, что-то для себя понял и ничего не сказал. Вряд ли он узнал молодого тирмена. А вот Данька узнал его сразу. Разве можно забыть лицо, являющееся отчетливым воплощением буквы «Ы»? Даже если ты видел это лицо всего один раз, в тире у дяди Пети?

За восемь лет «Ы» не особо изменился.

По крайней мере, лицо его по-прежнему выражало все ту же букву русского алфавита.

Кабинет оказался маленьким: письменный стол со стопками медицинских карточек, три стула, вешалка в углу, застекленный шкаф. Четыре горшка с кактусами на подоконнике. Один из кактусов, темно-зеленый, с короткими острыми иглами, несмотря на осень, собрался цвести. На его верхушке набухал мясистый лиловый бутон, похожий на кукиш.

— Знакомьтесь: Поплавский Виталий Павлович. Хороший диагност. Архангельский Даниил Романович, мой сменщик.

Хороший диагност вежливо наклонил голову, пожимая Даньке руку. Ладонь у «Ы» оказалась упругая, пружинящая, словно отлитая из жесткой резины.

— Прошу вас оценить, Виталий Павлович. И ты, Даниил, смотри. Смотри внимательно.

Доктор еще раз кивнул Даньке: мол, давай вместе! — и взял у дяди Пети протянутую фотографию. Данька заглянул ему через плечо, благо рост позволял: он был на голову выше Поплавского.

В руке «Ы» держал фотографию Зинченко. Аккуратно, кончиками двух пальцев за нижний правый уголок. Борис Григорьевич на снимке — в дорогом темно-синем костюме, при галстуке — широко улыбался, протягивая руку кому-то невидимому, не попавшему в кадр. Задний план был смазан, определить, где сделана фотография, не представлялось возможным. Зато сам бородатый олигарх на снимке выглядел четко и рельефно, как живой.

«Зачем Петр Леонидович дал ему фото Зинченко? Борис Григорьевич заболел? И Поплавский будет ставить диагноз по фотографии? Зарядит снимок своей энергией, как экстрасенс? Ерунда какая-то...»

В следующий момент Данька ощутил, что доктор не просто рассматривает снимок. Он сам не знал, откуда возникло предчувствие чуда. Лица «Ы» Данька сейчас не видел, а в позе Поплавского ничего не изменилось. Тем не менее в воздухе кабинета тихо зашелестела глянцевая листва «плюс первого». Все окаменело, застыло, взгляд прикипел к одной точке: золотой заколке с бриллиантом на галстуке Зинченко. Бриллиант сверкал, слепил глаза. По сравнению с его сиянием все вокруг казалось мутным и нерезким. Словно фотография поблекла, превращаясь из цветной — в черно-белую, с грязными потеками по краям.

Вскоре исчезло все, кроме заколки. Она медленно уплывала в безвидную серую мглу. Данька не мог оторваться от золотого балласта, уходя следом, на дно. Он не сопротивлялся: рядом доктор.

Доктор знает, что делает.

Вокруг заколки вновь начали проступать контуры человеческого тела. Борис Григорьевич больше не стоял, улыбаясь, не тянул руку для приветствия. Он лежал... на кровати? Да, на больничной кровати. Ясно различалась никелированная спинка, натянутое до подбородка одеяло в крахмальном пододеяльнике, который топорщился острыми складками. Лицо у Зинченко — восковая маска в обрамлении бороды. Но глаза — живые, внимательные, совсем не такие, как у больного, встретившегося им в коридоре института.

Доктор медлил, ожидая.

У изголовья — капельница на высоком штативе, под одеяло уходит тонкий прозрачный шланг. Рядом — тумбочка, на ней — граненый стакан с водой, раскрытые упаковки лекарств. Еще в палате было окно. И за окном — лес.

Тот самый.

В лесу стояла осень. Облетали клены и дубы, шуршал ковер из палых листьев; просветлев, стал прозрачным подлесок... Очень похоже на лесопарк где-нибудь за Мемориалом. Странно, в лесу «плюс первого» Данька никогда не видел грибов. Или просто не искал специально? Издали донесся перестук барабанчиков: тук-тук, ты-ли-тут? Раз далеко, значит, время есть.

Полным-полно времени.

Данька перестал глазеть в окно. Его заинтересовала фактура стен в палате. Поначалу казалось: обычная побелка, с едва заметной желтизной, словно старая бумага. Кое-где в трещин-

ках. Нет, не побелка: кожа. Может, олигархам такие палаты и положены — со стенами, обтянутыми человеческой кожей?

А синеватые трещинки — и не трещинки вовсе.

Татуировки.

Обвитый змеей кинжал, восьмиконечная звезда, трехгранный штык, руки в кандалах сжимают крест, лучи белой короны косо отходят в стороны. Мишени, подсказало снайперское чутье тирмена. Но Данька ведь не собирается стрелять, правда? Он здесь не за этим!

Тяжесть оружия оттянула правую руку.

Что за странная штуковина?! Такой пистолет он видел в историческом кино: тяжеленная дура-шестистволька с кремневым замком и рукояткой, удобной в лучшем случае для тролля. Баланс отвратительный, стволы заметно перевешивают, приходится напрягать кисть, чтобы они не уходили вниз. Заряжали дуру дымным порохом: засыпали в каждый ствол, забивали пыж, пулю, еще один пыж...

Но в восьмиконечную звезду он бы наверняка не промазал, даже из антикварной шестиствольки. А если попасть в кинжал, обвитый змеей, клинок со звоном перевернется, как в «нулевке», и останется висеть, качаясь, острием вниз. Со штыком сложнее: узкий, зараза. Руки с крестом? — вряд ли. Корону точно не выбьем — она крошечная, и в неудобном месте, под потолком.

Данька осторожно убрал палец со спуска. Опустил оружие стволами в пол — от греха подальше. Словно отвечая, рядом шевельнулся доктор. «Ы» шагнул к кровати больного, где Даньке почудилась еще одна фигура.

Игра теней? Призрак?

Галлюцинация?

Женщина — или то, что казалось женщиной, — стояла сбоку от кровати. Не в ногах и не в головах, примерно посередине Ну, может быть, чуточку ближе к изголовью. Данька заметил начерченный на полу бледный полукруг с черточками-делениями — отметки оптического прицела или шкала прибора. Зыбкая фигура расположилась напротив деления в центре «шкалы».

Или это свет так падает? Точно, свет из окна! И занавеска колышется.

«Ы» аккуратно обошел то место, где свет и тень играли в свои странные игры. Встал в изголовье кровати, крепко взявшись руками за никелированную спинку. Доктор напрягся,

словно штангист перед рывком, и потащил кровать на себя. На лбу «Ы» вздулись жилы, лицо под колпаком налилось кровью.

Оглушительный скрежет, и все закончилось.

— Шанс есть, — страдая одышкой, сообщил Поплавский, вернув фотографию дяде Пете. — Не обольщайтесь, ситуация спорная. Я бы рекомендовал обратиться к профессору Осторженко. Сейчас я запишу вам телефон. Осторженко Геннадий Лукич. Если коллеги станут говорить, что он шарлатан, не обращайте внимания. Вот, пожалуйста. Пусть ваш знакомый скажет, что от меня, и его примут.

«Ага, попробовал бы этот профессор не принять Зинченко!» — подумал Данька. Но обругал сам себя за глупость Доктора, оказывается, разные бывают. Очень разные.

— Спасибо, Виталий Павлович.

— Не за что, Петр Леонидович. Рад был вас видеть. Если что — заходите.

— Уж лучше вы к нам! — отшутился старик.

— Куда теперь? — мрачно поинтересовался Данька, когда они вновь оказались на улице.

— В военкомат, — ответил Петр Леонидович.

8.

— Все равно погоришь, Кондратьев И тому две причины есть...

Лейтенант Карамышев подышал на чисто вымытое бритвенное лезвие, полюбовался блеском золингеновской стали.

— Умеют, гады! Фирма «Бартман» .. Надо же, и не слыхал прежде! Пусть высохнет, жалко вытирать.

Бритва была трофейной, взятой у пленного немца три дня назад. С помощью этой бритвы энкавэдист его и допрашивал, прежде чем отправить фашистскую душу по назначению. В одиночку — никто, включая Кондратьева, смотреть на такое не решился.

Лейтенант от души плеснул в лицо одеколоном «Le Male» — тоже взятым в бою, но французским. Так сказать, дважды трофей.

— Ух-х-х!.. Ты бы побрился, товарищ техник-интендант! Кипятку еще целых полкотелка. А то бойцы боевой дух потеряют при виде небритой морды твоего лица.

Кондратьев провел ладонью по щеке. Надо бы...

Потеряют дух — где искать станешь?

На прошлой неделе их маленькую колонну впервые попытались перехватить на лесной просеке. Грамотно, по всем правилам: завал впереди, пулеметы с двух сторон. А заодно, для пущей верности — полсотни противопехотных мин.

Повезло — в последний момент остановились. Карамышев словно почуял, уперся, уговорил выслать разведку. Тогда и поняли, что происходит. Не случайная часть, не тыловики-обозники — райтерштурм СС из кавалерийской бригады Фегелейна. Эсэсовцы из самых бешеных — «Тотенкопф», охрана концлагерей.

«Боевой группой Интенданта» занялись всерьез.

Теперь шли ночами: отстреливаясь, огрызаясь, меняя маршрут каждые пять часов. Помогало не слишком — и без того редкая колонна окруженцев 11-го мехкорпуса растаяла наполовину. Фронт был близко, но гирьки на весах подруги-Судьбы опускались ниже, ниже, ниже...

Мене, мене, текел, упарсин.

Техник-интендант 1-го ранга без всякой охоты вынул из футляра собственную бритву, покосился на лезвие. Наточить — или мучиться? А может, у Карамышева отобрать, чтоб не задавался?

— Брейся, брейся! — понял его смекалистый энкавэдист, пряча золингеновское чудо в кожаный футляр с дырой на месте вырванной свастики. — Свою не дам, даже не мечтай. У тебя какая?

— Кондратовская, — вздохнул Кондратьев.

Бритву он купил в колонии. Хотелось выглядеть старше, скорее повзрослеть. И вообще, полезная вещь — бритва. Револьвер в город не всегда возьмешь.

— Чего? — Карамышев моргнул, изумляясь. — Собственного завода? Контра ты, командир, я тебе скажу!

Петр не выдержал, рассмеялся.

— Кондратовская, лейтенант. Не Кондратьев — Кондратов. Завод в Вяче, на Оке. Между прочим, его бритвы на Парижской всемирной взяли «золото». Золингенов обставили вчистую.

— Конспирируй, конспирируй. — Энкавэдист натянул гимнастерку, улегся на траву, поудобнее закинул руки за голову. — Все равно вас, вражин, повяжут. Пальцы в дверь, полчаса на

протокол — и пятьдесят восьмая через десять и одиннадцать. «Эх, по тундре, по железной дороге...» Хорошо!

— Опричник ты, — лениво откликнулся Петр, берясь за котелок. — Думаешь, вас, псов бешеных, в живых оставят? Был Ягода, нет Ягоды, был Ежов — где теперь? Пальчики из дверей вынимает — или уже известкой присыпали?

Странное дело, но в эти страшные дни, когда жить приходилось от боя до боя, от перехода до перехода, Петр Кондратьев впервые за много лет почувствовал себя абсолютно свободным. Бояться было нечего и некого. Непривычное чувство пьянило, кружило голову.

Кажется, Карамышев его понимал. Во всяком случае, обижаться и не думал.

— Правильно рассуждаешь, командир. Опричник и есть. Гойда, гойда, да сгинут враги государевы! Мы — контроль, а контролирующую систему следует чистить чаще, чем все остальные. До белых костей! Это математика, Кондратьев. Не понял? Заговор и борьба с ним — вроде математического уравнения. Почему любой заговор в конце концов погорит? Две причины есть — внешняя и внутренняя. Внешняя — неизбежное увеличение контактов с «чужими». Заговорщики должны что-то делать, верно? Значит, контролирующая система рано или поздно сумеет отследить, сложить камешек к камешку, понять закономерность. Доступно объясняю?

Отвечать Петр не решился: кондратовская сталь скользила по щеке. Даже кивать было опасно.

— Чем заговор дольше существует, тем контакты гуще. Вражины, конечно, если не полные идиоты, тоже свою систему чистят. Кого подальше усылают, кого — в омут головой, кого нам сдают. Только у контроля возможностей больше. Порядок бьет хаос!

— Ты еще скажи: вечное соревнование брони и снаряда, — хмыкнул техник-интендант 1-го ранга, отнимая бритву от кожи.

— Точно! — обрадовался энкавэдист. — Соображаешь, гражданин враг народа. Значит, контролю надо ждать и факты отслеживать. Рисунок обозначится, и все. Как говорят американские буржуи, с этим можно идти в банк.

— И пальцы в дверь, — закончил Кондратьев, ополаскивая лицо горячей водой. — Одеколон дашь, Скуратов-Бельский?

Лейтенант был прав, но не до конца. «Система», опекавшая бывшего бухгалтера, ныне никем не назначенного командира боевой группы, тоже была своего рода контролем. Опричник

угадал иное: смысл работы «системы» именно в непредсказуемости.

Хаос — против порядка.

А если хаос сумеют исчислить? «Тройная» бухгалтерия Федора Езерского против «двойной» итальянской?

— А я, Кондратьев, однажды колдунов поймал. Настоящих.

Теперь они лежали бок о бок: руки за голову, глаза в темнеющее небо. После заката можно будет двигаться. Эсэсы, правда, успели сообразить, что «группа Интенданта» совершает переходы ночью, обходя дороги, проскальзывая мимо редких деревень. Теперь немцы пытаются исчислить хаос. Фегелейн смотрит на карту, водит остро заточенным карандашом: тропинки, лесные просеки, гати через болота...

Август, лес, ранний вечер. Грешная троица — Война, Судьба и Великая Дама — рядом, незаметные в легком тумане, стелящемся над жухлой от зноя травой.

Кому сегодня повезет?

Мене, мене...

— Не веришь, командир? — Лейтенант перевернулся на живот. — Честно говорю. Колдуны — как в сказке, ей-богу.

Техник-интендант покачал головой, не отрывая взгляда от пушистых облаков. Скоро ночь и эсэсовцы. «Тотенкопф», Мертвая Голова.

В колдунов он не верил.

— Настоящие колдуны! В Сибири дело было, под Красноярском. Глушь, тайга, прокурор-медведь... А в донесении добрые люди написали: село маленькое, на три избы, там у колдунов хаза-малина. Не явка, выше бери — резидентура.

— Взгляд оный колдун имеет зело мутный, — откликнулся Кондратьев. — Зраком страшен, лицо в цвет свинца, брови черны и над носом срощены. Нос же крючковат, улыбка зла, власы не чесаны и не мыты, стан согбен, походка же задумчива. Особливо к вечеру, ибо тот не колдун, кто трезв бывает.

Кудесники его не волновали. Порядок бьет хаос. Штандартенфюрер Фегелейн смотрит на карту. Тропинки, просеки, гати... У гансов отличные карты, когда только озаботиться успели, сволочи?

— Похоже, — чуть поразмыслив, согласился Карамышев. — Хоть в приметы вписывай. Ты меня идиотом не считай, Кондратьев. Одно дело туфта для протокола, чтобы дело закрыть. Совсем другое — если правда. Знаешь, что такое волхвование

под мертвой рукой? И не надо, крепче спать будешь. Ничего, повязали...

— И пальцы в дверь?

Техник-интендант 1-го ранга поднялся на ноги. Хрустнул суставами, поглядел вперед, в стену тумана, приближающуюся от опушки. Хаос исчислить трудно, но можно. Скоро выступать. Райтерштурмы Фегелейна идут по пятам...

— Пальцы? — Энкавэдист тоже встал. Одернул мятую гимнастерку, поморщился словно от зубной боли. — Рассказал бы я тебе, Кондратьев, какие бывают «пальцы»! Нам выдали правительственное задание: колдунов повязать, показания вытрясти — и овладеть методикой. Для нужд обороны и народного хозяйства.

— И как?

— А, мать его гроб, никак! — Карамышев мрачно сплюнул. — Хитрые оказались, вражины! Все, казалось бы, правильно, слово в слово, буква в букву. И рука мертвая, где надо, висит. А не действует. Не пускает что-то. Или кто-то.

— Так с чем идем в банк?

Техник-интендант смотрел влево, где за деревьями скрывалось шоссе Минск—Москва: смертоносный асфальт, от которого все эти недели он старался держаться подальше.

— Фегелейн ждет нас на болоте, — не дождавшись ответа, сказал Петр. — Или за болотом, на юге, в глуши. Мы пойдем по шоссе.

Энкавэдист хотел было выругаться, открыл рот...

Закрыл.

Руки по швам, подбородок вверх. «Смир-р-рна-а!»

— Так точно, командир! По шоссе.

Понял, опричник? Понял, неглуп. Зато эсэсы не поймут. Не исчислить тебе хаос, штандартенфюрер Фегелейн! По крайней мере, в ближайшие дни.

— Кстати, лейтенант. Ты говорил о двух причинах.

— Каких? — удивился Карамышев. Но быстро вспомнил, хмыкнул: — Насчет вражин? Вторая — внутренняя, самая важная. Любое подполье вынуждено подбирать новых людей. И чем дольше оно существует, тем больше вероятности нарваться. Сломают новичка на деньгах, на бабе, на чем угодно. Но не это — главная червоточинка. Найдется дурак — или умник, все равно, — который вреднее всякой бомбы окажется. Изнутри дело разнесет. Не трус, не предатель, хуже — идейный псих. Как Сергей Дегаев у народовольцев. Не предал, не про-

дал — с концами уничтожил, потому как сам из системы. Доступно?

Кивнул Петр Кондратьев: доступно. На стену тумана поглядел.

— А у меня дед был народовольцем.

9.

— Что мне будет, если я откажусь? — спросил Данька.

Они с Петром Леонидовичем сидели в открытом кафе на площади Поэзии. Теплая погода давала возможность летней площадке продлить существование, еще вчера, казалось, вечное, а сейчас зыбкое и эфемерное, как багряный лист на ветке клена. Бедняга старалась вовсю: кряхтела динамиком магнитофона, манила крохотными, на четверых, шатрами, расписанными рекламой. День, неделя, и она уйдет в небытие на добрых полгода, превратившись в асфальтовую пустыньку, обнесенную решеткой из узорчатого металла.

А потом воскреснет из мертвых.

— Что тебе будет?

Дядя Петя собрал в уголках глаз задумчивые морщинки. Обычно предпочитая чай, сейчас он заказал себе у приветливой толстушки-официантки графинчик, где плескалось сто пятьдесят граммов водки, и два бутерброда с салями.

— Что, значит, будет... — повторил старик, наполняя одну-единственную рюмку.

Не спеша ответить, он взял рюмку за тонкую ножку и выпил водку до дна.

Без тоста, словно на похоронах.

У Даньки оборвалось сердце. Настроение и так было — гаже некуда, а теперь и вовсе испаскудилось. Что-то родное грозило сломаться на веки вечные. Крак, и ты уже другой, и жизнь другая, и дядя Петя — не дядя Петя, а Кондратьев П.Л., человек чужой и равнодушный. А вместо будущего, простого, понятного, еще минуту назад трепыхавшегося в руках, — неизвестность, журавлиная тайна в смутных облаках.

«И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет...»

После института радиологии они побывали в военкомате. Шли пешком, благо недалеко, и всю дорогу молчали. Петр Леонидович разговора не начинал, а Данька боялся. После доктора вера и знание смешались в опасный, грозящий вспыхнуть коктейль. Он поминутно оглядывался, сам не зная, зачем. Смотрел, не идет ли позади Великая Дама?

Глупости...

В военкомате за эти годы ничего не изменилось: узкая лестница, мрачные ступеньки цвета лежалой корицы, плакаты в коридоре. Призывников, правда, не было, потому что воскресенье. Войти удалось не сразу: дежурный на входе отсутствовал, дверь оказалась заперта. Дядя Петя долго жал кнопку звонка, потом объяснял переговорному устройству, что им нужен майор Коломиец... Нужный майор в выходной, оказывается, не в баньке парился и не с друзьями шашлык жарил, а торчал на работе. Посетителей впустили и ни о чем спрашивать не стали.

Майора Данька узнал, хотя прошло пять лет. Потный коротышка в расстегнутом кителе. Он еще сказал призывнику Архангельскому, вмешавшемуся в разговор о диверсионном пистолете: «Знаешь? Ну и захлопни пасть!» Вежливый, значит, майор, приветливый и доброжелательный. Лицо нашей армии. К такому и в выходной не грех зайти.

Годы не изменили майора Коломийца. Он без особой радости пожал руку дяде Пете, волком зыркнул на Даньку, но не стал спорить, когда старик попросил его «показать парню работу с делами». Все прошли в архив, забитый пыльными папками с тесемками. Майор зарылся в папки с головой, чихал, копался, долго искал, наконец нашел одну и выложил на стол. Раскрыл на первой странице.

«Татаринов Александр Иванович, — читал Данька, мимоходом глядя на фотографию лопоухого призывника с рябыми щеками. У него сложилось впечатление, что майор заранее был в курсе, где лежит нужная папка, но чертовски не хотел ее никому показывать. — Год рождения... месяц... адрес...»

Майор толкнул его, встав рядом; толстый майорский палец ткнул в фото, оставив на глянце жирный отпечаток. После визита к доктору Поплавскому Данька уже ничему не удивлялся. Не удивился и сейчас, когда вокруг, не мешая военкомату, качнулся июньский лес, а ниже, у распадка, замельтешили нелепые солдатики в мятой форме, таская какие-то пломбированные ящики.

Руку оттянула тяжесть «Беретты», подарка Любови Васильевны.

Над одним из солдатиков, рябым и лопоухим, мелькали ис-

корки: черные, красные, всякие. Искорки напоминали огоньки свечей в церкви или на праздничном торте: восемнадцать, что ли, огоньков. Данька прикинул, сколько искорок он сможет погасить выстрелами, понял, что не больше половины, даже при наличии запасной обоймы...

Лес свернулся бумажным листом и сгорел дотла.

«Ты что, идиот? — дохнул перегаром майор, багровея. — Леонидыч, этот придурок за пушку схватился! Я Татарина из задницы за уши тащу, добился перевода в стройбат, и что — все коту под хвост, извиняюсь?! У меня призывник с «черным шансом», а ты тирмена привел развлекаться, мать его ити?!»

«Я не хотел...» — промямлил Данька, не зная, в чем виноват.

«Сколько целей ты мог взять, Даниил? — спросил дядя Петя, игнорируя ругань майора. — Половину? Две трети?»

«Половину. С двумя обоймами».

«А «черный шанс» — это когда три четверти. Вот Тарас и хлопочет: сбил до половины, перевел из танковых частей в стройбат... Думаю, Татаринов вернется домой целехонек· Тарас свое дело знает туго».

«Ладно тебе, Леонидыч!» — зарделся майор.

«У нас «горячих точек» нет! — возразил Данька, начиная соображать, какое дело туго знает коротышка Тарас. — У нас в армии тихо...»

Майор высказался насчет «белобилетников», которые не то что пороху — бабьих подмышек не нюхали, и послал всех к чертовой матери. У него выходной, он идет в баню. А Татарина он вытащит, хоть все тирмены-молокососы вокруг гопак пляши и из пукалок стреляй. Ясно? Дядя Петя сказал, что ясно, Данька тоже сказал, что ясно. И майор пошел в баню, а они — в кафе на площади Поэзии.

— Почему мы стреляем? — спросил Данька по дороге. — Почему мы стреляем, а они — иначе?

Дядя Петя пожал плечами:

— У каждого своя работа. И свой талант. Ты небось на пианино не играешь, а Горовиц еще как...

И вскоре заказал себе водки.

— Так все-таки, — не выдержал Данька. — Что мне будет, если я откажусь?

— Ничего, — ответил старик, закусывая бутербродом.

— Совсем ничего?

— Совсем. Слушай, ты, наверное, голодный... Взять тебе пиццу?

Земля ушла из-под ног. Так не бывает. Он, Данька, откажется работать на Великую Даму, плюнет в лицо загадочному начальству, на «плюс первый» больше ни ногой, а ему за это — ничего?

Гуляй, парень?

— Из тира, конечно, попрете... — уныло пробормотал он.

Петр Леонидович улыбнулся, распушив шикарные свои усы.

— Отчего же? Работай. На «нулевке» вообще никаких проблем. И на «минус первом», в общем, тоже. С клиентами ты ладишь, руки из нужного места растут. Зинченко тебя одобряет Ну и я, понятное дело. На «минус втором» — посмотрим. Если при отказнике провал не станет барахлить — оставлю и на «минус втором». Ну а если сбои начнутся... Бывало, что при отказниках дорожка не открывается или оттуда пули залетают. В таком случае — извини. Риск слишком высокий. Хотя, надеюсь, все будет в порядке. Она тебя любит. Надбавка за «целевые выезды» снимется, но в целом зарплата не пострадает, не бойся...

— Я буду работать, — сказал Данька.

— В тире? Конечно, будешь. Я ж тебе говорю...

— Не в тире Не только в тире. Я буду работать тирменом.

Он набычился и уточнил:

— Я буду продолжать работать тирменом. В «плюс первом».

Минуту назад он поверил Петру Леонидовичу навсегда и безоговорочно. Валтасар, исчислено-взвешено, аудиторская проверка, хлопоты Великой Дамы по сохранению царства на веки вечные... Это все правда. Потому что так не бывает: тирмен уходит в отказники, а ему за это — ничего. Никто не подстерегает предателя на темной улице, беды и злосчастья не сыплются на голову, не угрожают близким и друзьям. На «нулевке» оставайся, и на «минус первом», а на «минус втором» посмотрим, и зарплату сохраним, и связи, и пряник к Новому году..

Нет, так не бывает. Не может быть.

«Я тебе когда-нибудь врал?» — мог бы спросить дядя Петя

Но не спросил.

«Никогда», — мог бы ответить Данька.

Но не ответил.

Так не бывает. Значит, мы останемся там, где бывает небывалое.

— Ты уверен? Пойми, в нашем деле нельзя по сто раз менять решение...

— Уверен. Я остаюсь.

— Ну и хорошо. — Старик нахмурил брови, взялся за гра-

финчик, но передумал. — Тогда я скажу тебе, как тирмен тирмену. Теперь — можно. Великая Дама не из жадин. Деньги, связи... Это все ерунда. Веселое конфетти, приятное, но не главное. Как ты думаешь, сколько мне лет?

Данька растерялся.

— Ну... Шестьдесят пять? Семьдесят?

— Я родился в 1915 году. Мне, считай, девяносто. Понял или объяснить?

«Так не бывает...» — залпами бухало в голове. Девяносто? Это, выходит, дядя Петя деду Илье в отцы годится?! А выглядит ничуть не хуже: бодрый, энергичный... Даже лучше, наверное, выглядит. Моложе. И на здоровье никогда не жалуется...

— Ты вообще, думаю, долгожителем окажешься. Мафусаилов век не обещаю, но меня переплюнешь, это точно. У меня война кусок отгрызла. Тирмены живут долго, братец Даниил. Не чрезмерно, но вполне достаточно. Кроме того, тирмены не страдают болезнями из косметички Великой Дамы. И не одни тирмены. Наши родственники, например, тоже. Я свою жену спас, просто расписавшись с ней. Тридцать лишних лет — за брачное свидетельство.

Вот тут Даньку и прикрутило по-настоящему. Девяносто лет дяди Пети показались ерундой, не заслуживающей внимания. «У папы подозревали... Короче, одну болезнь. Не дай бог подтвердилось бы...» А дед Илья натянул нос врачам со своим микроинфарктом: выздоровел, коньяк пьет, телевизор смотрит — новости ему подавай! Что могло быть у Лерки? У мамы? Могло быть, но не случилось, потому что это его Лерка, его мама?

Великая Дама, скажи! — или лучше молчи, не надо...

— Почему вы мне раньше не сказали? — хрипло выдохнул он.

Старик потянулся через столик и растрепал Даньке волосы.

— Получилось бы, что я тебя покупаю. Баш на баш. А так ты принял решение сам, ничего не зная наперед. Как принимал решение раньше: когда стрелял, отказывался, снова стрелял... Твоя жизнь, твой выбор. У нас, братец, не базар, а работа. Эх ты, тирмен...

Зазвонил мобильник.

— Да! Слушаю!

— Даньчик! — запрыгал в трубке хохочущий Леркин голос. — Я тебе сейчас расскажу, ты со смеху помрешь! У Дарьи любимый гривенник сперли!..

— Какой гривенник?

Меньше всего хотелось обсуждать проблемы Дарьи Тютюнец, видной нумизмалетички. А смеяться не хотелось вовсе.

— Тот, что от ангины! Нет, от ангины другой, а этот с дыркой, советский... От грыжи, что ли? Ну, ты же помнишь! Сперли из сумочки, а Дарья хочет в милицию обращаться! Представляешь? Заявление пишет, чтоб гривенник нашли и ей вернули...

— Украли? Кто?

— Не знаю... Даша грешит на какую-то бабу в троллейбусе: рядом вертелась, терлась...

— Что-нибудь еще пропало?

— Нет, — хрюкнула от восторга мечта Конана-варвара. — Только гривенник. А больше ничего.

Официантка подошла к столику в ожидании дополнительного заказа.

— Пива! — бросил Данька, хотя собирался взять чашку кофе.

Дядя Петя кивнул и налил себе вторую рюмку.

10.

Не пилась водка. Ни колом, ни соколом, словно вице-мэрский коньяк. Петр Леонидович едва сдерживался, чтобы не морщиться. Нельзя, Данька заметит. Чуткий он, снайпер. Особенно сейчас.

Старик не продумывал разговор заранее, даже не пытался. Кошку следует называть кошкой — если речь о работе. И если говоришь с *действующим* тирменом. Значит, только правду, в лоб. Подходцы с экивоками-намеками не для такого случая.

Получилось? Кажется, да.

Тирмен Даниил Романович Архангельский в красе и силе. Просим любить и жаловать.

Петр Леонидович вдруг понял, чего ему хочется. Первое — запустить руку в левый карман и нащупать там увесистую связку ключей: от тира, от старого сейфа, от замка на стальной двери «минус первого». Второе — извлечь связку из кармана и отдать ее тирмену Архангельскому.

Третье — ехать домой.

Заявление можно будет отправить письмом. Конверт за сорок копеек, «Почта Украины», желтый с синим ящик на углу.

Дома — выкурить папиросу, достать из тайника еще один

конверт, побольше и потяжелее, положить его на стол, на самом видном месте, надписью вверх.

Лечь на диван.

Остальное — на усмотрение Той, которая никогда не опаздывает. Если еще не время, просто полежать, глядя на побелку потолка, ни о чем не думая. Затем встать, спрятать конверт, выкурить вторую папиросу...

Ломка тирмена.

Первая — когда обязуешься служить Ей. Вторая — когда подготовишь замену.

Старик заставил себя улыбнуться:

— Знаешь, Даниил... У меня дед народовольцем был.

Рука парня, протянутая к бокалу с шапкой пены, замерла.

— В смысле? Каким народовольцем?

— «Народная Воля». Которые царя убили.

— Так это ж когда...

Данька умолк, сжал губы. Не иначе считать принялся. Два на ум пошло, два с ума сошло... Старик вновь улыбнулся, теперь по-настоящему.

— Сто двадцать три года. — Он насладился зрелищем изумленно моргающего парня. — В смысле — тому назад. Царя Александра бомбой взорвали. В школе историю надо было учить, двоечник!

— Ну... — скис парень, забыв о мировых проблемах. — Я учил...

— Бомба, конечно, самоделка. Гремучий студень с камфарой, взрыватель — три трубки, две латунные, одна стеклянная. Дети, чистые дети! Себе под ноги кидать приходилось для верности. Казалось бы, чего проще? Взяли бы винтовки Бердана, пара стрелков на крыше возле Екатерининского канала, третий в резерве с митральезой Гартлинга... Дед тогда в Шлиссельбурге сидел. Собственно, не родной дед — бабушкин брат. Казимир Сигизмундович Доленго-Мокриевич. Дзядек...

На этот раз Данька задумался всерьез. Прихлебывал пиво, глазел по сторонам, скользил взглядом по красным строчкам рекламы, бегущим по белому полотну грибков-шатров.

— Дзядек — «дедушка» по-польски, да? — наконец спросил он. — Дядя Петя, ты, значит, поляк? Я давно заметил: просто так ты ничего не скажешь. Ни разу про своих предков... про родственников не говорил...

— Ищешь коварный умысел? В тирмены завербовал, теперь

в польские шпионы звать стану? В «двуйку» — разведывательный отдел генштаба?

Петр Леонидович поглядел в неяркое осеннее небо, покрытое острыми стрелами перистых облаков. В самом деле, не говорил. А теперь взял — и сказал.

К чему бы?

— Дзядек — мой последний родственник. Предок. Когда папа и мама... Короче, когда я остался один и не умер — я добрался до Саратова. К дяде Георгию ехал, к отцову брату. Но его уже... В общем, не застал. У тети Нины спрятаться не мог, ее из дому выгнали, должны были вот-вот арестовать. Она дала мне адрес... Дзядек в Херсоне жил, в центре, у Екатерининского собора. Большевики ему две комнаты выделили — за то, что народоволец. Улицу в его честь назвать хотели. А потом решили расстрелять.

Данька слушал, не отрываясь, даже о пиве забыл. А старик вдруг понял, что не Даниилу Архангельскому, тирмену из иного, непривычного и чужого века, он рассказывает свою историю. Историю маленького, чудом выжившего после тифа мальчика в гимназической шинельке с чужого плеча. Мальчика, которого уже не называли Пьеро, но еще не дразнили братцем Камушком.

Расчувствовался, старый хрен? Не рано ли?

— Я не поляк. — Петр Леонидович резко, по-молодому, встал. — Бабушка Саша, папина мама, родом из Вильно. Она вообще-то Франя, но потом в православие перешла. Бабушка из литвинов, белорусов-католиков. Я про это сперва не знал. И про дзядека не знал, мы в 1922-м познакомились. Все, вечер мемуаров закончен. Шагом марш! Как там поется? «Не надо печалиться, вся жизнь впереди...»

Данька тоже встал, хотел о чем-то спросить, но передумал.

— «Вся жизнь впереди — напейся и спи!» Дядя Петя, «внук» по-польски так и будет — «внук»? Правильно?

— Внук? — поразился старик. — Понятия не имею. Дзядек меня все больше Гаврошем величал...

— Не хочу быть Гаврошем!

Мальчик нарочито засопел, шморгнул носом, словно вот-вот заплачет.

— Гаврош большевикам патроны таскал. Дзядек, я же тебя просил!

— Не большевикам, а революционным демократам. Сам виноват. Нечего было «Наган» в дом приносить, фрейшюц!

Игра, ставшая привычной для них двоих. К хорошему привыкают быстро. Дзядек рядом, у него крепкая и надежная рука, самое страшное наконец-то позади.

Утро, серебристый иней на желтой траве, стрелы перистых облаков, пустая степная дорога. Купленная на толкучке шинелька почти не грела, но мальчик и не думал жаловаться. Пусть маленькие жалуются! Ему целых семь лет, а скоро будет восемь! С дзядеком можно ничего не бояться — даже утреннего мороза.

До Новой Каховки двадцать верст голой степью. Старик и мальчик шли плечом к плечу. Не совсем, конечно — плечо маленького Гавроша едва доставало его спутнику до пояса, перетянутого немецким солдатским ремнем.

В Херсоне их не арестовали. Надо дойти до Новой Каховки.

Вначале дзядек не хотел уходить. Прочитал записку, подсунутую под дверь, неприятно улыбнулся, достал из ящика стола два револьвера. Верней, один револьвер и один пистолет. Знакомый и привычный «Наган», второй же — очень большой, черный, наверняка тяжелый. Потом дзядек рассказал: «Кольт», американский, образца 1911 года. Пуля быка с ног сбивает, даже если в кончик рога попадет.

Дзядек присел к столу, достал лист бумаги, макнул перо в чернильницу-невыливайку.

Мальчик понял сразу. Подошел, запрокинул голову, взглянул прямо в глаза:

— Я без тебя никуда не уйду, дедушка Казимир! У меня всех убили — и маму, и папу, и дедушку Владимира, и дядю Георгия, и дядю Игоря, и тетю Лену. Я с тобой останусь!

Дзядек подумал, отложил ручку.

Резко, по-молодому, встал.

— Собирайся. Идем в Новую Каховку.

И пошли они в эту самую Каховку. А как из Херсона выбрались (темно еще было, на патруль не наткнулись, повезло!), сразу хорошо стало. Степь, солнышко поднялось, дорога вперед тянется, от кургана к кургану, к неровному горизонту. Дзядек за руку держит, не отпускает. А у дзядека целых два ствола, словно у Сеньки Жадика.

Пах-пах-пах! Это из «Нагана».

Бух! Бух! Это из «Кольта».

Берегитесь, враги!

Мальчик хотел было попросить револьвер, но не решился. Не даст дзядек — и опять Гаврошем обзовет. Обидно! Игра, а обидно.

— Про Гавроша Виктор Гюго написал. — Он недовольно нахмурился. — Я не читал, но папа рассказывал. Гюго был французом. Французы — католики, а это скверно А еще Гюго в бога не верил и против короля плохие слова говорил!

Рассердится дзядек или нет? Он ведь и сам против короля был. Даже хуже, против самого Царя! Еще хуже. Дзядек Царя-то и убил, Александра Освободителя. Говорит, что не сам, но все равно страшно!

— Плохие слова? Не только плохие, Гаврош. В твои годы Гюго на короля только что не молился...

Не рассердился. Дзядек — не из тех, кто сердится и обижается.

— ...Потом понял, что на Людовика Бурбона молиться не имеет смысла, как и на всех других, которые в коронах. Людям свойственно умнеть, Гаврош. А это значит — менять свои взгляды. Иначе самим собой трудно остаться.

Мальчик задумался, пытаясь решить загадку. Менять взгляды — чтобы оставаться самим собой. Нет, сложно очень!

Вокруг лежала мерзлая осенняя степь. А над всем — над тихим, словно застывшим в ожидании, миром, над двумя одинокими путниками, над древними курганами, поросшими желтой травой, высоким шатром стояло бледное холодное небо.

Равнодушное солнце светило, не грея.

— Ты убил Царя, дзядек. Ты и твои друзья.

Кто знает, спрашивал мальчик или констатировал новую, жуткую для него истину. Царей нельзя убивать. Царям служат. Царю служил папа, служили дяди, оба деда. Они присягали. Они погибли.

Дзядек отпустил его руку, остановился:

— Спрашиваешь, жалею ли? Нет, не жалею. Понимаю, что был не прав, но не жалею. Царь убил моих друзей. Мои друзья убили его. Тогда мне казалось, что это справедливо. Кровь за кровь, смерть за смерть. Мы расплатились, Гаврош, счет закрыт. Мой счет — двадцать пять лет Шлиссельбурга. Это много. Пойдем.

И снова дорога, холодное небо, острые облака. Мальчик шел молча. Мальчик считал. Ему семь. Если двадцать пять лет поделить на семь или даже на восемь...

— Очень много, — наконец согласился он.

— Да. Но дело не в том, сколько лет. Меня простили, Гаврош!

Простили? Кто? Новый царь? Или сам боженька? Но дзядек говорил, что в боженьку не верит! Точнее, верит, но как-то иначе.

— Может, за то, что я сам кое-что понял. Теперь я спокоен, Гаврош. Если бы не ты, я бы никуда не ушел. Давно хотел опробовать «Кольт» в ближнем бою.

Дзядек не станет обманывать. Его простили — и очень хорошо. Но все-таки интересно, кто? Мальчик хотел спросить о большевиках: отчего те вначале сказали, что дзядек — герой и что в его честь переименуют Таврическую улицу, а потом решили улицу оставить Таврической, а дзядека арестовать?

Может, подманивали?

Впервые за это утро мальчик ощутил страх. Двадцать верст до Новой Каховки. «Ты выживешь, ты сильный!» — сказал папа. А теперь он не один, не среди бандитов Жадика, не в тифозном вагоне.

— Хочешь, расскажу сказку? — внезапно спросил дзядек.

От удивления мальчик чуть не выдернул ладошку из крепкой руки старика. Сказку?! Вчера дзядек говорил, что сказки обманывают детей. Вместо них маленьким надо рассказывать, как устроен мир, какие бывают животные и растения...

— Хочу, конечно!

Дзядек любовался серебром облаков, плывущих по холодной голубой тверди.

— Я не видел неба много лет, Гаврош. Иногда забывал, какое оно, на что похоже. Даже из-за решеток не мог увидеть — мое окно выходило на глухую стену. Красный кирпич, и больше ничего. Год за годом. На прогулку впервые выпустили через десять лет Была зима, небо низкое, в серых тучах...

Десять лет без неба! Мальчик попытался представить, как подобное может быть, и не сумел.

— Ладно, такое — не для детей. А сказка... Слушай, Гаврош. Жили-были две феи. Знаешь, кто такие феи?

Мальчик вспомнил сказку Андерсена из книжки, что подарила мама. Там была картинка.

— Ага. Они красивые и очень волшебные.

Дзядек рассмеялся: тихо и не слишком весело.

— Красивые — не знаю. Но что очень волшебные, это точно. Первая фея звалась Фея Небес. Жила она на небе и очень хотела, чтобы все люди стали счастливыми. Правда, счастье она понимала по-своему. Не как люди, а как феи...

Мальчик вновь припомнил сказку Андерсена. Там речь шла о калошах и... И о счастье! Каждый представлял его по-своему. Иногда получалось смешно.

— Вторая фея была Фея Земли. Никто точно не знал, чего хотела она. Многие ее боялись, немногие любили. Но для нашей сказки главное, что Фея Земли не могла обходиться без людей. Только если люди рождаются, живут и умирают, живет и она. Поэтому ее иногда называли Вечной Спутницей. Не станет людей, не станет и Вечной Спутницы. Растает, как Снегурочка в опере.

Снегурочка... Мальчик поежился от холода, представил, что будет, если их застанет в степи ночь. Нет, лучше не думать Лучше сказку слушать.

— А люди рождались, жили и умирали. Те, что жили плохо, часто обижались — и на Фею Небес, и на Вечную Спутницу Жаловались, возмущались, даже грозили. Фея Земли не сердилась на них. Она знала, что жизнь иной не бывает. Пока люди живы, они будут страдать и радоваться, горевать и веселиться. День и ночь не существуют отдельно друг от друга, свет не бывает без тьмы..

О чем-то похожем говорил их священник, отец Александр. Но он обещал, что тем, кто страдает, положено... Слово было трудным, никак не хотело вспоминаться. Воздаяние? Да, воздаяние.

— Фея Небес думала иначе. Она слышала жалобы и огорчалась. Однажды не выдержала, спустилась на землю, но ее плохо встретили. Люди слепы и неблагодарны. И Фея Небес поняла· пока люди живут и умирают, они не будут так счастливы, как бы ей хотелось. Счастье без горя и забот бывает только на небе.

О том, что будет на небе, мальчик слышал.

То, что бывает на земле, — видел.

— Фея Небес решила забрать людей к себе на небо. Не всех, конечно, а лишь хороших. А кто такие хорошие, она решит сама, никого не спросит. Исчислит, взвесит, разделит... Плохих же отправит куда-нибудь с глаз долой, чтобы они неба даже и не видели.

— В Шлиссельбург?

Ладонь старика крепко сжала детские пальцы. Так крепко, что мальчик едва не вскрикнул.

— Да. В Шлиссельбург. Туда, где нет неба... Фея Небес счи-

тала, что зло должно быть наказано, а добро — вознаграждено. Правда, ни на небе, ни... ни в Шлиссельбурге нет жизни. Но Фея считала, что это не важно.

— Так и большевики говорят, — перебил мальчик. — Я на митинге был, слыхал Нужно железной рукой гнать людей к счастью. Никого не спрашивать и гнать. А кому счастливым быть — ВЧК решит.

Впервые за их короткое знакомство старому народовольцу пришлось искать слова.

— Я бы все-таки избегал подобных сравнений, — после долгой паузы сказал он; впрочем, без особой уверенности. — Если бы тебя услышала Фея Небес, то наверняка бы очень удивилась. Или обиделась. Как ни крути, она действительно желала людям счастья. Фея Земли, Вечная Спутница, считала иначе. Если на земле не останется никого: ни людей, ни жизни, ни ее самой... Хорошенькое счастье! Только что она могла сделать? Фея Небес очень волшебная, волшебнее не бывает .. Гляди, орел!

— Где?!

Мальчик всмотрелся, куда указывала рука дзядека, вытянул худую шею, привстал на цыпочки. Над дальним курганом, слева от дороги — огромный, темный, распластав широкие крылья...

— Ух ты-ы-ы!..

— Слева, — дзядек тоже отметил эту деталь. — Лучше бы справа, конечно. . И вот что придумала Вечная Спутница. Она знала, что Фея Небес обязана вначале все исчислить, все взвесить — для того, чтобы после разделить самым верным образом. Значит, она должна знать о людях все. И прежде всего, сколько их, живых и мертвых. Иначе как всех судить-рядить, если не знаешь, сколько это: «всех»? Каждую минуту кто-то рождается, кто-то умирает. Поди, сосчитай! Но Фея Небес была великой волшебницей и старалась подвести баланс. Что такое «баланс», знаешь, Гаврош?

Мальчик обиделся на дзядека. Плохо, когда тебя считают малышом!

— Баланс бывает положительным, отрицательным и этим... нулевым. В зависимости от... От соотношения составляющих. У меня мама институт в Германии закончила, потом в Волжско-Камском банке работала.

— Молодец. — Широкая ладонь погладила мальчика по черной мохнатой шапке. — А как сбить баланс, если это не рубли, а людские жизни? Непросто, но можно. У некоторых судьба еще не определилась, качается на грани. Значит, если подтолкнуть... Вся бухгалтерия у Феи Небес запутается, придется считать заново. А мир продолжит жить и умирать. Понял?

Мальчик кивнул, опустил голову и долго молчал, глядя под ноги, на твердую промерзшую землю. Утро давным-давно кончилось, но дорога до сих пор не оттаяла. А что будет ночью, если они не дойдут до Каховки?

— Значит, одних убивать, других спасать? — вздохнул он. — Чтобы не погибли все вместе?

— Да. Только не убивать и не спасать. Люди рождаются, живут и умирают, Гаврош, ничего с этим не сделаешь. Можно лишь поторопить одного и задержать другого. Как поезда на вокзале.

— Кто тебе рассказал эту сказку, дзядек? Фея Небес или Вечная Спутница?

Старик и мальчик шли по холодной степи. Ледяное белое солнце поднималось к зениту, белый иней лежал на мертвой траве, на черной вспаханной земле, скрипел под подошвами До Новой Каховки далеко, но дзядек рядом, у него крепкая и надежная рука. Самое страшное позади

Они дойдут!

Великая Дама, Вечная Спутница, Фея Земли смотрела им вслед.

VI.

На «плюс первом» столкнулись лбами май и июнь.

В отличие от больничного двора, здесь росло множество тополей. Они роняли гирлянды пуха, ветер подхватывал белоснежное великолепие и разносил повсюду, роняя на листья, ветви, цветы, влажную землю. Это ничуть не походило на зиму — скорее на свадьбу.

Лес кутался в пуховую фату.

Данька чихнул: особо наглая пушинка забралась в нос. Хорошо, что у него нет аллергии на пушистое безобразие! Не хватало еще стрелять с красными слезящимися глазами, непрестанно чихая...

Шестой пятачок медлил объявиться. Что-то сверкнуло поодаль, на замшелом пне, но это оказалась стекляшка, бог весть какими путями угодившая в заповедный лес Великой Дамы. Под лучами солнца стекляшка сияла звездой, упавшей с неба.

«А где-то в небе трое волхвов идут за Полярной звездой», — вспомнилось из «Амундсена». И внезапно продолжилось — глупо, нелепо, барским голосом Никиты Михалкова: «Так вперед, за цыганской звездой кочевой...»

Музыка подыграла совсем рядом, за дубовой рощицей на холме.

Дескать, ты пой, а я иду. Посмотрим, кто успеет первым.

Чья, значит, песенка будет спета.

Заставив цыган-волхвов убраться восвояси несолоно хлебавши, Данька сосредоточился. Последняя, заключительная мишень. Она где-то поблизости. В обойме еще два патрона. Должно хватить. В случае чего есть запасные обоймы. Но даст ли музыка время перезарядить?

Должна дать.

А если откажет, черт с ней, с музыкой. Шестая мишень — наша, и конец разговору.

«Отстреляешь все мишени. Без промаха», — велел дядя Петя.

Сперва он не понял, что видит и как здесь оказался этот сюрприз. На ветке дерева в десяти шагах от него висел не слипшийся комок пуха, как померещилось с первого взгляда, а кукла. Пьеро в белом балахоне с длинными рукавами. На круглой голове — лиловый берет с помпоном. Под глазом — черная слеза, уголок рта горестно изогнут. Мальвина сбежала в чужие края, Мальвина пропала...

Куклу подвесили за шею на шпагате.

Стекляшка-звезда лежала на пне как раз под Пьеро, швыряясь в куклу солнечными зайчиками. Словно желтый кролик-беглец вернулся, на обратном пути превратившись в крысу, и сейчас сидел на пеньке, подпрыгивая в нетерпении, не в силах дождаться, пока добыча сама свалится ему в зубы.

«Данила, принимай дела. Ты теперь, блин, начальник...» — шепнул ветер с интонациями амбала Вовика.

Тирмен взял пистолет обеими руками и прицелился.

Мишень-Пьеро ждал.

В конце концов, кто сказал, что все цели должны быть одинаковы?

Мишень шестая

Я — ТВОЙ ДРУГ

В крови гремит набатом залп мортир,
А пуля милосердия дешевле.
Мы веруем в тебя, великий тир!
Мы — бедные фанатики-мишени[1].

Ниру Бобовай

ГОД ЖЕЛТОЙ КРЫСЫ

1.

Маяться в мае — распоследнее дело.

Домой Данька не вернулся. Постоял у магазина электроники «Хижина дяди Сэма», в метро спускаться раздумал и купил себе шаурму у приветливого араба. Домой — успеется. В таком настроении он не сумеет удержаться и оторвется на Лерке по полной программе: без причины, глупо, нелепо, но от того еще более обидно. А мечта Конана-варвара в интересном положении, не предусматривающем нервные срывы муженька. Пусть даже потом он явится с огромным букетом роз, встанет на колени, споет под окном серенаду, пугая соседей фальшивым баритоном...

Лерка простит.

Она уже привыкла прощать мужа примерно раз-два в год. Покладистого, молчаливого, заботливого, симпатичного, малопьющего, хорошо зарабатывающего мужа — предмет зависти всех Леркиных подружек и соседок от семнадцати до сорока пяти лет.

[1] Основное назначение мишеней в развлекательном тире — притягивание к себе потенциальных клиентов, коими являются все люди без исключения, от мала до велика. Ведь инстинкт охотника и азарт игрока присущ каждому человеку. Надо лишь пробудить эти чувства. Поэтому мишени должны быть разноплановыми и разнообразными, чтобы ни один стрелок не чувствовал себя ущербно. Только тогда клиент вернется вновь и вновь

Маруся Климчак, одинокая блондинка, живущая в квартире напротив — вдова того Климчака, который сеть супермаркетов и автоматная очередь на Рымарской в упор, — однажды во всеуслышание заявила, что есть вот, значит, ученые крысы, кандидатки по вражеским языкам, которые, значит, не ценят, что имеют, и поэтому, значит, одних имеют, а к другим приценяются... Маруся не довела мысль до конца, потерявшись в сложносочиненном предложении. Но выражение ее лица и жесты давали ясно понять, о чем тоскует веселая вдова.

На следующий день Валерия Архангельская, в девичестве Мохович, имела с Марусей крупный филологический разговор. После чего обе пошли к блондинке пить чай и сочувствовать трудной женской доле.

Даньку пить чай не взяли.

Доев шаурму, он спустился в подземный переход и долго стоял у застекленной витрины мастерской «Медвежатник». Любовался выставкой ножей: кованые «Стрепет», «Фазан», «Скорпион». Гравировки на клинках, муаровый узор заточки, рукояти из кавказского ореха, кожаные чехлы... Под курткой стыдливо молчала в кобуре проштрафившаяся «Беретта». Знала за собой вину, вот и помалкивала. Это все она, криводулая, а стрелок ни при чем...

Нет, домой он сейчас не пойдет.

Час назад Данька завалил местную командировку. Честно вышел из метро, пересек Пушкинскую, свернув на улицу Гуданова. За торговым центром еще раз повернул направо, во двор. Покрутился туда-сюда, определяя сектор, присел в пустой беседке возле входа в стоматологический кабинет «Иней» и развернул газету. Случалось, несмотря на рекомендации дяди Пети, он приезжал на «целевой выезд» на машине — в позапрошлом году поддался на уговоры, сдал на права и взял новую «Skoda Oktavia», с 20-клапанным турбодвижком. Удобно: сидишь за рулем, закрыв левый глаз, никому до тебя дела нет, и укромное место искать не надо.

Но старый тирмен в конечном итоге оказался прав. Вести машину после командировки — та еще пытка. Сосредоточиться на дороге не получалось, внимание падало, чувство дистанции обманывало, хотя вне собственной машины, пешком, в метро или в такси, все было замечательно...

Значит, будем ездить по старинке.

Жаль, трамвай, любимый транспорт старика, переданный Даньке по наследству, на Пушкинской сняли. Вопреки прось-

бам трудящихся и пикетам пенсионеров. Ну и правильно, а то улица узкая, посредине — рельсы, а у обочин парковка по обе стороны. Пробки, натурально: пешком десять минут, а машина не меньше получаса тащится...

Мысли сворачивали куда угодно, лишь бы не мусолить позорный завал. И лес-то на «плюс первом» был нормальный, без капризов погоды, и стрелять предложили из личного оружия, из любимицы «Беретты», и цели попались вполне. . Короче, музыка надвинулась слишком близко, обойма кончилась слишком быстро, запасной не дали, две финальные мишени, издеваясь, сгинули — вали, тирмен, несолоно хлебавши, без половинки жетона.

Такое изредка случалось.

И после каждого провала Данька не спешил домой, шляясь по городу.

Иногда он вспоминал первый год своей работы действующим тирменом, когда он бил без промаха. В дурном расположении духа, как теперь, Данька говорил себе, что стареет, что потерял хватку, что стыд и позор... Остыв, понимал: все нормально. Великая Дама — женщина мудрая. Новичку предлагались задания попроще, чтоб не скис в начале пути. И дядя Петя это подтвердил, добавив, что у «господина самоеда» процент неудач в норме ничуть не больше, чем у самого Кондратьева.

«Хватит дурью маяться! — распушил усы старик. — Не тот казак, что победил, а тот, что выкрутился. Иди, сын мой, и не греши».

В кармане ветровки раздалась мелодия из кинофильма «Крестный отец». Данька вынул мобильник, нажал на зеленую кнопочку. «Если Лерка, скажу, что задерживаюсь. Вызвали по делу...»

— Алло! Даниил Романович?

— Да, это я. Здравствуйте, Шамиль Расулович.

— Вассалам алейкум, дорогой! Слушай, в чем проблема? Мы тут возле тира, как три тополя на Плющихе! С замком целуемся! Кондратьева нет, тебя нет, никого, понимаешь, нет...

Шамиль Расулович Алиев, шеф частного детективного агентства «Орел», был человеком вспыльчивым, но отходчивым. Шумел, бранился, потом долго извинялся, звал к себе на дачу, на шашлыки, жарить которые умел мастерски, маринуя в лимоне, с баклажанами и томатами. Когда хотел, говорил без малейшего акцента, но хотел этого редко. Аварец в третьем поколении, родившийся здесь, Шамиль никогда в жизни не ездил в Дагестан, на родину предков, предпочитая Канары, но при случае мог долго цитировать поэта Гамзатова в оригинале.

На клиентов это производило неизгладимое впечатление.

— Вы уверены? Может, Петр Леонидович куда-то отошел на минутку?

— Вах, какая минутка? Полчаса стоим, да! Головами вертим, шею сломали...

Звонок Шамиля Расуловича удивил Даньку. Обычно, когда его посылали в местную командировку, Петр Леонидович занимался тиром сам. Точно так же поступал Данька, узнав, что у дяди Пети назначен «целевой выезд». По идее, старик давно должен был пустить Алиева с коллегами на «минус первый», выдать оружие и засесть в каморке «нулевки»: лузгать семечки.

Особого присмотра частным детективам не требовалось.

— Не волнуйтесь, я скоро приеду. Разберемся...

Влетая в маршрутный микроавтобус «Богдан», идущий от Юридической академии в Пятихатки, и протягивая кондуктору деньги, Данька тихо радовался. Шамиль нервничает, дядя Петя задержался — все это позволяло отвлечься от собственной неудачи, погасить раздражение и, главное, на законных основаниях не спешить домой. По дороге он отзвонился Лерке, сказал, что любит ее, что сейчас едет в парк, по срочному вызову... Да, на обратном пути купит хлеба. И застегнет ветровку, потому что май — месяц коварный, на улице ветер, а здоровье надо беречь.

Закончив разговор, Данька честно застегнул куртку, хотя в салоне автобуса царила жара.

— У парка сходите, молодой человек?

— Ага...

Идя быстрым шагом по центральной аллее, он думал не о Шамиле и предстоящем крупном разговоре, в финале которого светит приглашение на шашлыки. Он думал об ученике. О будущем ученике, которого ему предстоит взять рано или поздно.

Откровенно говоря, Данька плохо представлял себя в роли наставника. И диплом тренера республиканской квалификации здесь не подмога. Если вспомнить, как дядя Петя возился с ним самим, глупым молокососом...

Но вопрос назрел. Об ученике ему говорил Петр Леонидович, уверяя, что Данька должен больше времени проводить на «нулевке», присматриваясь к случайным посетителям, в первую очередь к мальчишкам. Ученик в будущем позволял разгрузить обоих тирменов, взяв на себя часть забот по «минус

первому». Ученика наверняка хотела Великая Дама: Ее желание Данька чувствовал без слов, кожей. Наконец, учеником интересовалась другая дама, не то чтобы великая, но вполне энергичная.

Любовь Васильевна Калинецкая прямым текстом предложила Даньке помощь в выборе будущего ученика. Любую возможную помощь. Если нужен взрослый, видавший виды, — нет проблем. Можно взять, например, Тимура. Карьерный рост шустрого в «конторе» Зинченко закончен, выше потолка Тимуру не прыгнуть, а годы идут. И Петра Леонидовича он уважает, и вас, Даниил Романович... Что? Да, я понимаю, Тимур старше вас на тринадцать лет. Будет трудно с психологической совместимостью. Хорошо, у нас есть чудесные мальчики: чуткие, послушные, с базовой подготовкой...

«Соскочить с базара» было очень трудно.

Мадам Кали, как за глаза величал Калинецкую дядя Петя, славилась умением доводить дело до конца.

— Данила! Иди сюда!

Ага, вот и Тимур. Легок на помине. Рядом с шустрым топтался неизменный Вовик, приканчивая бутылку пива. За это время оба «хомячка» изменились: у Тимура виски седые, а Вовик капитально оброс жирком, превратившись в настоящего слона. Говорят, собственных возрастных изменений не замечаешь, потому что видишь себя каждый день в зеркале. Точно так же с близкими людьми: их воспринимаешь не сегодняшними или вчерашними, а вечными, вне времени...

— Здорово, Тимур!

— С Петром Леонидовичем плохо, — забыв ответить на приветствие, выдохнул Тимур, бледный и расстроенный. — Типа подозрение на инсульт. В больницу увезли, на «скорой» ..

Сперва Данька не понял. Затем не поверил.

— Откуда ты знаешь?

— Мы с Вовиком в тир заглянули, а тут Шамиль... Панику поднял, глотку рвет. Я деду на хату отзвонился, попал на домработницу...

— А где Шамиль? Он мне сказал, что будет ждать.

Нелепый вопрос. Дядю Петю «скорая» везет в больницу, а тебя интересует, куда делся скандальный Шамиль. Да хоть сквозь землю провалился! С опозданием Данька сообразил, что у шустрого «хомячка» Тимура есть домашний телефон старого тирмена, в отличие от самого Даньки. Но обида исчезла, едва успев возникнуть

Дядя Петя знает, что делает.

— Шамиля я погнал, — отмахнулся Тимур. — Какие ему сегодня стрельбы, блин! Нет, он, в натуре, понятливый, убрался без звука... Данила, инсульт — это хреново. В его-то годы...

С боковой аллейки вынырнул Артур. красивый, чисто выбритый, в костюме, при галстуке. Парковое начальство, с неожиданной злостью подумал Данька, хотя бывший «афганец» никоим образом не мог иметь отношение к инсульту старика. Но раздражение от неудачи на «целевом выезде» и страх за дядю Петю жгли сердце, ища выхода.

— Я в к-курсе, — сказал Артур, трогая Даньку за плечо. — Мне Тимур уже д-доложил. Зох-хри м-м-моро...

Сегодня он сильно заикался, как раньше.

Данька кивнул и сбросил руку «афганца».

— Все в курсе. Всем рассказали, всем доложили. Один я, значит, бедный родственник. Тимур, давай по порядку: что, когда...

Закрытый тир стоял рядом, беззвучный и трагический, будто склеп.

— Даю по порядку...

Из рассказа Тимура стало ясно, что он минут двадцать колебался, прежде чем позвонить дяде Пете. Старик номером домашнего телефона не разбрасывался и пустого трепа не любил Трубку долго не брали. Тимур уже готов был разорвать соединение, когда услышал дрожащий женский голос: «Кто?.. кто это?..» Домработница, Клавдия Назаровна, оказалась дамой в годах, простой, как правда, воплощением народной мудрости «моя хата с краю». Раньше, если в ее присутствии звонил телефон — в любой из квартир, где Клавдия Назаровна прибиралась, — она никогда не брала трубку. Это представлялось ей поступком отчаянным, можно сказать, верхом неприличия.

Но сегодня она решилась.

Узнав, что звонит друг Петра Леонидовича, домработница разрыдалась. Успокаивать женщин Тимур умел плохо, а посему не скоро выяснилось, что она пришла в обычное время, открыла дверь своим ключом, а он лежит в коридоре, прямо на полу, и человек такой приличный, культурный, так жалко, просто спасу нет, она «скорую» вызвала, а врачи долго не ехали, а потом записали ее фамилию, и теперь небось в милицию затаскают, а она не вертихвостка какая, чтоб с пожилым мужчиной в надежде на квартиру и прописку...

Заверив домработницу, что ей, в натуре, ничего не грозит,

Тимур перезвонил кому надо. Узнал, что больной Кондратьев П.Л. с подозрением на инсульт поступил в неотложку. Узнать что-либо еще не удалось. Шамиль убрался, а тут и ты, Данила, типа по аллее идешь.

Все.

— Пожил дед, — дождавшись конца рассказа, подвел итог скучающий Вовик. Он поднял бутылку, словно рюмку на поминках. — Земля ему пухом. Данила, принимай дела. Ты теперь, блин, начальник...

И одним глотком прикончил остатки пива.

Данька смотрел на ухмыляющегося амбала и видел лес. Белый-белый, как если бы подступившая к горлу ярость выбелила стволы, листья, землю до крахмального хруста. Дядя Петя в больнице, он жив, а этот слон его заживо хоронит?! Снежный лес качался, надвигаясь со всех сторон, вскипая халатами врачей, в руках не было оружия, да оно и не требовалось, потому что сам тирмен — оружие не хуже любого другого...

Ненависть к Вовику казалась осязаемой, словно пистолет.

Белые деревья, белые листья-снимки, белое бешенство...

За спиной амбала Тимур вынул из-под куртки 10-миллиметровый «Z-10 Auto». Ствол поднялся, помедлил и ткнулся Вовику в бритый затылок. А напротив стоял Артур, отставной сержант, пригретый дядей Петей, комкая в кулаке дорогой галстук, и подступающее безумие «афганца» способно было опередить пулю Тимура.

Страшным усилием воли Данька смял лес, будто лист бумаги.

— Все, парни. Я сказал: все!

Странное дело: они послушались. Артур сорвал галстук и забросил в кусты, Тимур убрал оружие. Вовик сглотнул, дернув кадыком, попробовал отхлебнуть из пустой бутылки и долго кашлял.

— Без базара, — наконец сообщил он. — Гнилую предъяву кинул. Каюсь. У нас в райцентре за такое пасть рвали. Тимон, если что, мочи меня в сортире. Спасибо скажу.

Трое взрослых мужчин смотрели на Даньку, тирмена двадцати семи лет от роду, как раньше смотрели на Петра Леонидовича.

Ждали.

И надеялись, хотя причин для надежды не было.

— Я домой, — сказал Данька, чувствуя легкое головокружение. — Домой. Оттуда в больницу. Тимур, я позвоню, если что...

Прежде чем уйти, он подошел к тиру и потрогал замок на двери.

Большой и тяжелый замок.

2.

Штык еще падал — трехгранная кованая тень, стрелка на темном циферблате...

— Стой!

...стрелка, каленая стрела — она сорвалась с полудня сразу на четверть третьего...

— Предъяви!..

...и замерла в нескольких сантиметрах от лица.

— ...пропуск!

Но тирмен Петр Кондратьев уже понял. Если не все...

Вместо залитого солнцем июньского леса — бетонные стены бункера. Неяркий свет ламп, убранных под решетчатые колпаки, пустой коридор, уводящий вдаль.

...то почти все. Хватило нескольких секунд — с момента, когда часовой в знакомой серой шинели и синей «богатырке» четким выверенным движением преградил путь мосинской винтовкой. Стрелка-штык указывала на стык стены с потолком — низким, ровным, без единого зазора.

Склеп. Крышка гроба. Амба!

Сознание дало ответ, но рука не верила, привычно скользя к поясу. Ни кобуры, ни ремня. В склепе оружие ни к чему, будь ты трижды тирмен.

Секунды капали на пол — длинные, неразличимо одинаковые, скучные. Ничего не менялось и не собиралось меняться. Бетон сверху, бетон снизу, слева, справа, со всех сторон. Впереди — равнодушный часовой в зимней форме. Три синих «разговора» поперек груди, овал нашивки на левом рукаве срезан по нижнему краю. Конвоец из НКВД. Именно такие везли будущего коммунара Кондратьева из Петрограда в Полтаву весной 1923-го.

Экстренный выход — убежище тирмена.

Надежда, умирающая последней.

— Экстренный выход! — зачем-то повторил он вслух. — Выход!..

Слова прозвучали глухо, еле слышно, растворившись в неясном сумраке бетонного склепа. Сознание отметило еще одну

странность — нет эха. В жарком июньском лесу эха тоже не было: кричи — не кричи. Но лес, привычный лес исчез. Сгинула зелень деревьев, листья-фотографии...

— Пропуск!

На лице конвойца — служебная скука. Лицо самое обычное — курносое, скуластое, в точках-веснушках.

Вологодское.

«Потом его мы сдали войскам НКВД...» Строчка из блатной песенки царапнула стальным острием. На любимой, заслушанной до скрипа кассете эту песню исполнял Высоцкий — совсем молоденький, из конца пятидесятых. Долго думаешь, тирмен, тирмен! Не «плюс первый», не «нулевка», даже не паскудный «минус второй».

«Минус третий»? «Нам власти руку жали, жал руку прокурор...» Или какой-нибудь «минус тридцать третий»? «И сразу всех забрали под усиленный надзор...»?!

Можно вернуться. Открыть глаза, вновь увидеть белый больничный потолок, ощутить непривычную, страшную недвижность правой руки, наполниться сводящим с ума бессилием. В Свердловске, в ноябре 1941-го, когда он очнулся после ранения, было легче.

Недорасстрелянный тирмен.

«Эй ты, недостреленный, давай-ка на укол...»

Все?

Бетон «минус третьего», белый потолок неотложки, кровь злыми ударами пульсирует в мозгу. Инсультник-паралитик на застиранной казенной простыне. Ты рассчитывал на другое, тирмен, тирмен? «С тех пор его по тюрьмам я не видал нигде...»

Оружия нет, но рука слушается — по крайней мере, здесь. Итак, правая в порядке, он стоит прямо, может двигаться... Пропуск? На нем куцый халат, выданный кастеляншей неотложки. Две пуговицы, один карман, проверено. Откуда взяться пропуску?

Ладонь коснулась шеи, дотронулась до прочного кожаного шнурка. Кондратьев невольно усмехнулся. Смертный жетон — чего и следовало ожидать. Четыре буквы на ломкой жести.

מ מ ת פ

Исчислено, исчислено, взвешено, измерено.

Привык быть охотником? Отвыкай, дружок!

Уже снимая шнурок с шеи (ах, как здорово, когда обе руки

работают!), он сообразил: с жетоном что-то не так. Странный на ощупь, маленький, круглый...

...И вообще не жетон.

Серебряный пятачок. Настоящий, царский, с запрещенным двуглавым орлом и короной над цифрой «5». Серебро, и на зуб не надо пробовать. Помнишь, тирмен? Васильевский остров, Средний проспект. «Молодой человек! Соблаговолите оказать милость!..» С чего началось, тем и заканчивается. Вполне логично.

Курносая Вологда взглянула на залетную птицу без всякой приязни. Поморщилась. Пухлые губы конвойца с неохотой шевельнулись:

— Проходи, не задерживай! Помещение Г-211. По коридору направо.

Пятачок забирать не стал, даже не притронулся. Значит, еще не финиш.

Легкий стальной ветерок. Время-штык беззвучно качнулось вспять, к полудню, освобождая сырое пространство бетонных глубин. Твой путь длится, тирмен.

Иди.

Когда Петр Леонидович понял, что жив, то вместо радости почувствовал обиду. Неожиданную и исключительно горькую. Почему не сразу, не пулей в сердце? Смерть не закажешь, не выпишешь по каталогу, но разве ему не обещано? Долгая жизнь, быстрая эвакуация. Привычный лес, чье-то незнакомое лицо.

— Кто ты?

«Я — твой друг».

Привилегия не только случайных людей, несокрушимых опор царства.

Привилегия рыцарей Дамы.

За тирменом пришлют тирмена. Кондратьев не знал это наверняка, но был твердо уверен: так случится. Вышло иначе: вместо расстрельного леса — неровный бетон, конвоец и коридор. Почему? Не заслужил, не выслужил?

Или... Или что-то пошло не так?

Дверей оказалось много: и слева, и справа. Часть — без табличек, почти все — заперты. Некоторые, стальные, заварены наглухо. Петр Леонидович не удержался, провел пальцем по светлой стали шва. Ржавчина... Значит, давно дело было.

Вспомнился «минус второй» — заброшенный трюм подземелья-«Крейсера», бункер далекой, забытой войны. А вдруг он и в самом деле на «минус третьем»? Кто ведает, что творится там, в бетонной глубине?

Если не умер, если не пускают в лес, не дают оружие. Если...

Что нужно Великой Даме от вышедшего в отставку тирмена?

В отставку?!

Кондратьев придержал шаг, огляделся по сторонам. Чрево ненасытное, аки библейская рыба-кит, и он, бедный-горемычный, вроде Ионы-пророка. Самое время на колени бухаться, вопиять, «ежик» свой дурацкий пылью притрушивать. Оле, мне недобитому! Оле, Дамой моей на погибель брошенному! Оле!..

Хлюздишь, тирмен? Хлюзду беспонтовую на палочке возят!

Правая рука слушалась: сгибалась, разгибалась, покорно шевелила пальцами. Ею Кондратьев и врезал — по собственной скуле. От всей дури, до салюта в глазах. Неправда, что бой ведут до последнего патрона. Бой ведут просто — до последнего. Забыл, разведка? «Минус третий» не по душе? Вольному воля. Открой глаза, полюбуйся больничным потолком. Обожди, пока клистир принесут. Ах, не хочешь!

Тряхнул Петр Кондратьев седой головой, завязал потуже пояс казенного халата. Ну, где тут ваша Г-211-я? Неправда, что последней умирает Надежда.

Есть у нее еще подружка — Любопытство.

Нужная комната, она же помещение, нашлась, где положено — сразу после Г-209-й. Хоть и редки таблички, а понять несложно: четные — налево, нечетные — направо. И с литерой «Г» полная ясность, если «А» для «нулевки» оставить.

В помещение вела не стальная, обычная дверь. Приоткрыта, из щелей сочится электрический свет. Кондратьев покосился на дверь и впервые пожалел о своей безоружности. Хорошо бы по завету сталинградского генерала Чуйкова: сначала гранату в проем, а потом и стучать можно. Только нет гранаты...

Постучал. Встал в сторонке — вдруг из пулемета полоснут?

А когда не ответили — ни словом, ни пулей, — вошел без стука.

— ...Положительные результаты стрельбы по реперу очевидны. Формирование сектора по конкретному человеку, появившемуся в указанной точке в строго заданное время, позволяет увеличить точность попадания в среднем на двадцать процентов. Вместе с тем имеются не менее серьезные отрицательные моменты...

Петр Леонидович вытер со лба холодный пот. Всего ожидал, ко всему приготовился. В придачу, знаете ли, инсульт, кровь из лопнувших сосудов заливает мозг...

Сектор сезонной статистики: «Драй Эс».

Семеро Сукиных Сыновей.

Знакомый конторский стол покрыт синей скатертью. Жестяные подстаканники, графин с мутной водой. Рядом — стеклянный сифон, не то до половины пустой, не то наполовину полный.

Стулья. Семь штук.

— ...Главным из которых является «антропологизация» объекта. Даже самые опытные тирмены теряют в процессе стрельбы «по живому» от пяти до пятнадцати процентов уверенности, что в конечном итоге не только уменьшает точность, но и ведет к усталости и разочарованию в работе.

Завсектора Василий Александрович, гриб сушеный, читал доклад. На пупыристом носу — очки-велосипед, нос уткнулся в финскую бумагу.

— Более того, традиционная процедура передачи жетона, имеющая по сути лишь ритуальный характер, также негативно воздействует на сознание работника...

На стене, где и положено, календарь. Кондратьев всмотрелся. Сектор закрыли в начале 1984-го...

Над желто-горячим листом с портретом президента гордо красовалось: «2008».

— Не исключаем мы и личное знакомство тирмена с объектом, что, как правило, имеет негативные последствия, порой непоправимые. Поэтому с целью нейтрализации данного субъективного момента работы тирмена...

Дальше слушать Петр Леонидович не стал, шагнул к столу. В бетонном бункере загадочного «минус третьего» сушеный гриб, сгинувший двадцать с лишним лет назад («С тех пор его по тюрьмам я не видал нигде...»), читает доклад о «субъективных моментах работы тирмена». Наш дом — дурдом!

— Василий Александрович! Эй!..

Ноль эмоций. Завсектора поднял листок бумаги повыше, словно хотел отгородиться от незваного гостя:

— ...предлагается обезличить процесс передачи жетона. И усилить контроль за недопущением личных встреч тирменов в процессе выполнения табельной стрельбы на результат...

— Эй, товарищи!

Шуметь не имело смысла. Не слышат. Ни утонувший в докладе гриб, ни тот, кто сидел справа, на привычном месте. Правда, строгий гражданин Иловаев все-таки заметил новичка. Кивнул важно, бровью повел. Не мешай, тирмен. Или не видишь? Заняты мы, работаем.

На Шипке все спокойно, понял?

Кондратьев потянулся к сифону. Углядел чистый стакан, нажал на рычажок. Вода показалась кипятком. Словно не сифон — термос.

— В приложении к рапорту приводится таблица неудачных стрельб за последний календарный век с указанием в отдельной графе случаев личного знакомства тирмена с объектом. Из таблицы со всей очевидностью следует...

Оказывается, не доклад — рапорт. Что пнем по сове, что совой по пню... Петр Леонидович с надеждой покосился на тугого боровичка Иловаева. Выручай, ваше превосходительство!

Бывший генерал вздохнул, с укоризной качнул круглой головой. А затем на стол уставился. Не на графин, не на сифон — левее, в самый угол. Что у нас в углу? Папки?

Закусил губу тирмен Кондратьев. Все знакомо, все взаправду на «минус третьем». И папки настоящие, памятные. На каждой номер рукой гриба сушеного выведен. Ниже — «Сектор сезонной статистики». Еще ниже...

— Благодарю за внимание, товарищи!

Петр Леонидович вздрогнул, скользнул рукой по пустому поясу. Не от выстрела — от аплодисментов. Его превосходительство хлопать изволили.

...Еще ниже — название. На папке номер двенадцать, что поверх прочих лежит, написано: «Неврученные повестки (1917—1984)». Ого!

На миг Петр Леонидович забыл обо всем — о застиранной простыне, о белом потолке палаты. Присвистнул, папку ближе подтянул. При жизни Василий Александрович такими документами не разбрасывался, в сейфе держал.

— Милостивые государи! Коллеги! Представляя просвещенному вашему вниманию рапорт сей, льщу себя надеждой...

Кондратьев только плечом дернул. Гриб гриба на поляне сменяет. Был Василий Александрович, теперь Иловаев голос подал. Неужто и впрямь спятили покойники-коллеги? Делать им нечего — в загробном бункере рапорты друг дружке под аплодисменты читать! Интересно, в какой раз? В две тысячи восьмой? В пять тысяч семьсот шестьдесят девятый?

Повестки лежали пачками, словно квитанции на электричество и газ. Упаковки наподобие банковских, на каждой — номер. Нет, не номер — год. «1966», «1951», «1918». Не по порядку, но разобраться можно.

— ...Факты оные привожу я отнюдь не в согласии с некоей системой, но исключительно ради должного примера. Ведомо нам имя первого «провидца», Ипполита Римского, жившего в конце второго столетия от Рождества Спасителя. Изучив по Ветхому Завету размеры Ноева ковчега и подсчитав темпы прироста пассажиров оного, объявил сей многознатец, что бог «заберет на небеса» всех истинных праведников в 500-м году...

Рука Кондратьева, вскрывавшая одну из пачек, дрогнула. Тот о «субъективном моменте», этот — выше бери! — о конце света. Психи, хуже Канариса. Хорошо, хоть его тут нет!

— Оказалось, однако, что не учтена была поправка на приближающееся число сатанинского года — 666-го от Рождества Христова, когда-де и наступит оный конец всего сущего. Подождав указанной даты и конца света не увидев, предположили, что злодей Антихрист попытался скрыть истинный вид своего числа, замаскировав его зеркальным отображением, а именно — «999»...

В пачке с датой «1939» встретился пожелтевший мятый листок. «Кондратьеву Петру Леонидовичу. Вам предписывается отправиться в местную командировку сегодня, 29 апреля...». Все верно. Извините, коллеги, за форсмажор.

Неужели ради этого пригласили?

Он поглядел на Иловаева. Секретный товарищ кивнул в ответ: читай, читай. И продолжил:

— Жители Исландии в ночь под Новый 1000 год, считавшийся тогда с 1 марта, все как один приняли христианство, дабы спастись. Когда же 29 марта 1000 года произошло сильное землетрясение, уверились все, что...

В пачке за 1983-й он нашел повестку Канари. Последнюю, неврученную. «Сегодня, 15 октября...». На «целевой вызов» пришлось ехать ему. Кондратьев помнил: тракторный завод, маленький парк, две скамейки...

«Клименко Семену Игнатовичу. Вам предписывается...» Ударила боль — ржавым гвоздем под сердце. Прости, Сеня. Прости, ученик! Редко тебя вспоминаю...

Кондратьев резко захлопнул папку. Стол, семь стульев, календарь на стене. Ад-дурдом! Вот уж не думал, не гадал...

— Византиец Аргир посчитал, будто конец света должен наступить одновременно с концом очередного тысячелетия земного существования, иначе считая от сотворения мира. То есть, согласно личным Аргировым расчетам, в марте 1492 года...

Петр Леонидович чертыхнулся — и вдруг увидел картину. Прямо перед собой, на голой стене. Не подсказывай, подружка Любопытство! Сам знаю. Не было такой в «Драй Эс»!

— Следовало брать не числовые значения букв слова ΧΡΙΣΤΟΣ, но использовать сумму символических значений, единых для всех цифр, которыми пользовался сам Иисус, — римских...

Кондратьев не слушал. Сдергивают с койки, зовут в бетонную топь — ради старых повесток? Ради числового значения слова «ΧΡΙΣΤΟΣ»? Может, в картине дело?

Он шагнул ближе, всмотрелся. Нет, не встречал прежде. А интересно! Вроде «Медного Змия» у Бруни: ущелье, в ущелье — народ толпищем, все в тогах-туниках, все вверх смотрят. Не на Змия — на Ту, что в белом. У самого гребня стоит, руки вперед протянула.

Смотрят. Ждут. А поверх ущелья ждет солнце. Огромное, белое.

Холодное.

Петр Леонидович сжал руку в кулак, до боли в пальцах. Да, знакомо. Плохо, что сразу не догадался. И о том, что на картине, и о рапортах. Не спятили его друзья. Не дурдом на «минус третьем».

Он сам читал рапорт — в январе далекого 1984-го. Читал, потому что до начальства, как до Архангела Гавриила. Не успокоились Василий Александрович и георгиевский кавалер Иловайский. Видят беду, тревожатся. Надеятся, что Дама услышит, поймет.

«Стучите, и отворят вам».

— ...Общим же является убеждение, что Страшный Суд начнется в Иосафатовой Долине вблизи Иерусалима. Поэтому могилы на тамошнем кладбище...

На картине, над Долиною Суда, под ледяным солнцем стояла Та, которая никогда не опаздывает.

Вечная Спутница, Великая Дама.

Явилась судить или быть судимой.

Вторая папка имела номер «12-а». Не иначе, вместо крамольной чертовой дюжины. Ниже химическим карандашом указано: «Неудачные стрельбы (1984—2008)».

Петр Леонидович хмыкнул, развязал тесемки.

Читаем!

3.

Он не стал говорить Лерке о случившемся.

Успеется.

Мама учила, что беременных лучше не волновать.

Данька пообедал, стараясь не торопиться, хотя все внутри протестовало и тянуло прочь из дома, в больницу к дяде Пете. Обнял жену, пообещал застегнуть куртку и сбежал по лестнице вниз, не дожидаясь лифта.

Нет, сегодня мы обойдемся без машины. Пусть «Skoda» поскучает в гараже — целее будет. Данька плохо представлял, как бы он в таком состоянии сел за руль и поехал по городу, с вечными пробками, нервными гудками, матерящимися водителями и пешеходами-камикадзе. Точно задавил бы кого-нибудь или в скверную историю вляпался.

Он всегда считал себя человеком уравновешенным. Но белый лес развеял эту уверенность дымом по ветру. Сорвался, тирмен? Да. Тебя колотит, тирмен? Да. Даньке почудилось, что у него дрожат руки. Как у дряхлого паралитика. Сядь за руль — и приедешь на тот свет быстрее дяди Пети...

Типун мне на язык!

— Такси! В неотложку!

Таксист попался классический: матерый водила лет пятидесяти, в вытертой кожаной куртке. Мятое лицо в морщинах, складчатый затылок и вечная «Прима» в зубах. Вел таксист свою «Волгу» без лихачества, но и не слишком осторожничая. Данька даже позавидовал: он так еще не скоро научится. Практика, однако. И талант. Талант в любом деле необходим: машину водить, блинчики печь, стрелять...

— Государственная дума большинством голосов... — тупо бубнило радио, в муках рожая последние новости. — Идя навстречу волеизъявлению народа... изменения в конституции и дополнения к федеральному закону о выборах президента, дающие возможность переизбрания на третий срок...

За стеклами мелькали деревья: окутанные нежной зеленью, цветущие. Шли легко одетые, улыбающиеся люди. Мамаши

везли коляски с детворой, на ходу обсуждая режущиеся зубки, бессонные ночи и первое «агу». Солнце, весна, жизнь бурлит, пенный хмель бьет в голову, толкая на веселые безумства и признания в любви. Но это там, снаружи.

Это не для нас.

Впервые Данька всерьез задумался о том, что дядя Петя не вечен. Даже если откачают, поставят на ноги — что дальше? Сколько он еще протянет? Девяносто четыре года, не шутка...

Такси миновало распахнутые ворота больницы, шурша шинами, скатилось под горку по дорожке, недавно покрытой свежим, аспидно-черным асфальтом, и остановилось у пандуса для машин «скорой помощи». Возле одной из «скорых» курил усталый дядька в белом халате. Данька сунул таксисту два мятых червонца и, хлопнув дверцей, быстро направился к курящему медику.

— Извините, не подскажете, где тут у вас... Куда с инсультом кладут?

— В морг, — жизнерадостно отозвался дядька. Увидев Данькино лицо, он вздрогнул, отмахнувшись рукой с сигаретой: словно перекреститься хотел. В воздухе остался быстро тающий росчерк дыма. — Извините, я после суточного... Нейрореанимация за углом, через двор. Новый корпус, вы сразу увидите.

— Спасибо.

Бегом огибая здание, Данька на ходу застегивал куртку. Во избежание. Просьбу жены надо уважить. И «Беретту» так будет труднее вытащить. А то медики шутят, а тирмены за пистолет хватаются.

Он миновал двор: разноцветные скамейки, буйная роскошь кустов, аккуратные дорожки. На миг почудилось: вон на той скамейке сидит дядя Петя в голубом казенном халате и тапочках. Нет, ерунда. Это совершенно чужой старик с неестественно обвисшей левой щекой и оттянутым вниз уголком левого глаза. На дядю Петю старик походил сухощавым телосложением да стрижкой — жестким седым «ежиком».

Данька отвернулся — неприлично в упор пялиться на больного человека — и зашагал дальше. Под ногами ветер закручивал метелью тополиный пух. Откуда взялся пух, оставалось загадкой: ни единого тополя во дворе больницы не росло.

— Где тут у вас приемный покой? — сунулся он к первой же встречной женщине в белом халате, строгой даме лет за сорок.

Будем надеяться, у этой с чувством юмора получше, чем у дядьки.

У нас тоже нервы не железные.

— А «волшебное слово», молодой человек? — Врачиха смерила его укоризненным взглядом из-под очков.

Данька покраснел. После встречи с медиком-придурком все волшебные слова вылетели у него из головы.

— Извините. Пожалуйста, подскажите, где здесь приемный покой?

— Прямо по коридору, молодой человек, — сменила врачиха гнев на милость. — Последняя дверь направо. Вы кого-то ищете?

— Да... у меня друг... э-э... родственник... сослуживец с инсультом. Домработница сказала, его из дома к вам увезли...

— Попросите регистратора, чтоб посмотрела в журнале. Если ваш друг-родственник-сослуживец к нам поступил, об этом обязательно есть запись.

— Спасибо!

В приемном покое за столом скучала молоденькая медсестра с кукольным личиком, вывязывая горловину ярко-малинового свитера. Памятуя полученный урок, Данька не пожалел «волшебных слов» и через три минуты выяснил: да, Кондратьев Петр Леонидович, 1915 года рождения, действительно поступил сегодня в отделение нейрореанимации. Левое крыло, второй этаж. Спросите дежурного врача на этаже. И халат, халат в гардеробе получите, иначе вас не пустят!

Взяв белый халат и надев его прямо поверх ветровки, чтоб не светить кобурой, Данька поспешил на второй этаж. Дежурный врач оказался серьезным толстяком с мясистым носом и брюзгливо поджатыми губами.

— Кем вам приходится больной Кондратьев? Родственником?

— Нет. — Данька смешался, вспомнив врачиху в очках. — Мы по работе... это мой начальник...

Толстяк внезапно улыбнулся:

— Начальник? Нечасто на моей памяти подчиненные проведывают начальников в больнице. Да еще по горячим, можно сказать, следам.

— Что с ним? Он жив?!

— Не волнуйтесь, молодой человек, а то раньше времени окажетесь нашим пациентом. У вашего начальства микроинсульт. Хотя в международной классификации такой термин

отсутствует. Там говорят иначе: у больного имеют место преходящие нарушения мозгового кровообращения, когда симптоматика, включая координаторные нарушения, полностью регрессирует в течение двадцати четырех часов.

Из всего сказанного стало ясно главное: дядя Петя жив! А если этот чертов инсульт оказался «микро», отсутствуя в международной, мать ее за ногу, классификации, значит, все не так уж плохо. Вон у деда Ильи микроинфаркт был — и ничего, живехонек.

— Как он сейчас?

— Знаете, на удивление неплохо. — Врач оказался суеверен: он трижды символически сплюнул через левое плечо и постучал костяшками пальцев по подоконнику. — А для его возраста вообще чудесно. Мы провели ультразвуковую доплерографию магистральных артерий шеи — отклонения есть, но не слишком существенные. Похоже, все постепенно приходит в норму.

— Он в реанимации?

— Зачем? В палате интенсивной терапии. Пришел в сознание еще в машине. Сейчас отдыхает после уколов.

— К нему можно?

— Ну, вообще-то... — замялся врач.

— Я на одну минуту!

— Ладно. Сейчас я вас проведу. И не вздумайте его ничем волновать! Надеюсь, на работе у вас все в ажуре?

— На работе все замечательно!

Данька вспомнил о проваленной местной командировке. Но справедливо решил, что это, по большому счету, мелочь в сравнении с инсультами. Рутина. А в тире он все стрельбы до конца недели отменит. Пусть клиенты хоть до потолка прыгают. И сам отдохнет, и Петр Леонидович не будет нервничать.

Палата, как и весь корпус, выглядела новенькой и очень чистой — словно после капитального ремонта и генеральной уборки. Светло-желтые стены, на полу — линолеум салатного цвета. Половичок у двери, на окне — тюлевые занавески и шторы, раздвинутые в стороны. Подоконник украшали горшки с вьющимися растениями, названий которых Данька не знал. Две кровати, две тумбочки, в углу — вешалка.

Вот он, дядя Петя.

На кровати у окна.

Что-то в облике дяди Пети показалось Даньке непривычным.

— Помните: больного не волновать, — прошипел врач ему на ухо, прежде чем уйти. — Даю вам десять минут.

— Спасибо, доктор.

На ближней кровати встрепенулся наголо бритый бодрячок, но, увидев чужого человека, улегся обратно с явным разочарованием. Ждал кого-то. Что бодрячок делает в нейрореанимации? Может, его уже выписывают? — вот и не терпится домой попасть...

— Здравствуйте, Петр Леонидович. Как вы?

— Ничего, — отозвался дядя Петя. — Нормально.

Когда старик заговорил, Данька понял, что поразило его во внешности Кондратьева. Правую половину лица дяди Пети словно подморозило. И глаз прищурен. Для тирмена, более привычного щурить левый, а не правый глаз, такая мимика противоестественна.

— Не нравлюсь? Краше в гроб кладут?

— Да что вы ерунду городите! — возмутился Данька, проходя в палату и присаживаясь на край кровати. — Врач сказал: идете на поправку. Легко, значит, отделались.

— Легко? — Старик скорчил жутенькую гримасу. — Ну, раз врач...

Он отвернулся, словно не был рад приходу гостя.

Данька не обиделся. Он знал, что есть люди, которые ненавидят болеть. Прячутся от всех, терпеть не могут, если им сочувствуют. Будто заболев, они получили позорное клеймо на лоб — и теперь в одиночестве ждут, пока клеймо сойдет.

— Вам что-нибудь нужно? Лекарства? Бульон? Фрикадельки? Кефир? — Данька судорожно вспоминал, что обычно дают больным. Надо будет у врача спросить.

— Кефир. Клистир. И теплый сортир. Пошли в расширитель. Там диван есть.

— Вам лежать надо!

— Не надо. Я сам! — Дядя Петя отстранил сменщика левой, здоровой рукой.

Садился Кондратьев медленно, с заметным усилием. Сдал старик, подумал Данька. Сильно сдал. И не только из-за микроинсульта — вообще в последнее время. А он, дурак молодой, не замечал! Привык к неизменному спокойствию, к ехидной усмешке, к верному глазу и твердой руке. Считал, что годы над дядей Петей не властны.

Годы, они свое возьмут.

Петр Леонидович спустил ноги на пол, нашарил растоптан-

ные тапочки. Откинул одеяло. Держась за спинку кровати, встал. Он был облачен в куцый больничный халат из голубой байки. Из-под халата нелепо и жалко торчали худые старческие ноги, покрытые редкими волосками.

Данька поспешил отвести взгляд.

— Не замерзнете?

— Нет. Тепло. Май месяц.

Петр Леонидович старался говорить внятно. Фразы выходили короткие, рубленые.

— Ну хоть на меня обопритесь, что ли?

Хмыкнув, старик от помощи не отказался. Вместе они выбрались в коридор. Врачей, к счастью, видно не было, а расширитель с диваном, двумя креслами и дешевым телевизором «Rainford» располагался в двадцати шагах. Петр Леонидович шел твердо, не шаркая, но правую ногу все-таки подволакивал. Данька поддерживал его под локоть. Ни дать ни взять, заботливый внук ведет на прогулку прихворнувшего деда.

Усадив старика на диван, Данька придвинул поближе одно из кресел — тяжелое, раскоряченное, с тканевой обивкой. У них дома стояло похожее, но три года назад он уговорил родителей купить новый мягкий уголок, а старье лично выволок на мусорку, на радость местным бомжам, которые бегом утащили кресло в подвал.

— Как в тире?

— Нормально! У «Орлов» сегодня стрельбы на «минус первом» сорвались. — Данька проклял свой длинный язык, но отступать было поздно. — Я с Шамилем договорился, Петр Леонидович. Верней, не я, а Тимур... Короче, никаких проблем. Не беспокойтесь.

— Тебе сменщик нужен. Сам замаешься. А я... пока оклемаюсь...

Дядя Петя умолк, переводя дух и выжидательно щурясь на собеседника. Необычный, правый прищур — словно стрелок отражался в зеркале Мол, что скажешь, напарник?

Кто из нас отражение — ты или я?

— Сменщика я найду, не волнуйтесь. Если временно, чтоб на «нулевке» и на «минус первом» помогал — запросто. Хоть двоих! Вон Тимур с Вовиком, к примеру Они у нас сто раз были, все знают. Позвоню Любови Васильевне, она мне помощников предлагала и Тимура в том числе. Если, конечно, вы не против.

— Не против. Звони Кали.

Лишние слова не требовались. Данька и так все понял наилучшим образом Как сменщики, выдавать пульки к «воздушке» и помогать на «нижних» стрельбах — Тимур с Вовиком вполне подойдут. А станут деловых строить или выпивать — можно пожаловаться Любови Васильевне. Она им живо хвосты прикрутит. Небось счастлива будет, что тирмен наконец согласился на ее предложение.

Ушастой ведь не объяснишь, что сменщик и ученик — не всегда одно и то же.

Артур бы, пожалуй, смог подтвердить.

— «Хомячков» ставь на «минус первый». Сам больше сиди на «нулевке». Присматривайся. К пацанам.

— Ладно, дядя Петя.

Под «пацанами» Петр Леонидович, конечно же, подразумевал не «хомячков» Калинецкой.

— Выздоравливайте скорей. Я вас навещать буду. — Данька мельком поглядел на часы. Время, отпущенное врачом, истекало. — Каждый день. Вы все-таки скажите, что вам принести Мне не трудно.

— Пижаму мою привези. Из дому. Халат этот... — Старик выразительно оглядел больничное одеяние. Куцые рукава едва доходили ему до локтей, полы задрались выше колен — Богадельня. Стыдобища.

— Конечно, привезу! Прямо сейчас и съезжу. Адрес давайте.

— Ольминского, три. Код на подъезде: пять-восемь. Третий этаж. Квартира номер девять.

— Я лучше запишу. — Данька полез в карман за мобильником. В меню имелась записная книжка, а телефон раскладывался крестом, открывая дополнительную клавиатуру. — Так, Ольминского, три...

— Пижама в шкафу. В спальне. Легкая, в клеточку. Найдешь. Еще тапочки. Синие, у входа. И семечек купи. Черных, жареных. Стаканов пять. Или шесть.

«Больше ему не съесть, — вынырнуло из памяти детское стихотворение. — Он у меня еще маленький...»

— Вот ключи. Держи. Оставь записку домработнице. Все в порядке. Скоро буду. Пусть не волнуется.

— Ага, сделаем.

— Сам-то как? В порядке?

— Я? А что со мной станется?

Врать он не умел и на всякий случай отвел взгляд. К сожале-

нию, даже после микроинсульта дядя Петя не утратил обычной зоркости.

— Выезд был? Завалил?

— Угу. Завалил. — Слова выдавливались с трудом, фразы сделались короткими, как у Кондратьева. — Ерунда, бывает! В первый раз, что ли?

Дяде Пете нельзя волноваться. Но ведь на самом деле ерунда, правда?

— Бывает, — подтвердил старик, откидываясь на спинку дивана. — Не боги горшки... обжигают. И у меня... бывало.

— Место дурацкое попалось, — начал оправдываться Данька, чувствуя себя нашкодившим мальчишкой. — Я с Гуданова во двор, к стоматологии... Вроде и сектор небольшой, а все время мешало что-то. Как соринка в глазу. В общем, патронов не хватило. Я и ушел.

Петр Леонидович смотрел в потолок, не отвечая. Переживает, подумал Данька. За меня, оболтуса, переживает. Проведал, называется! — нагрузил своими проблемами...

— Найдешь ученика, — старик похлопал его по колену здоровой, левой рукой, — перестанешь выезды заваливать. Ладно, давай за пижамой. И записку не забудь. Клава небось волнуется...

Мимо них некрасивая, хмурая медсестра провезла столик на колесиках, сплошь уставленный склянками и флаконами. Посуда тоненько дребезжала, жалуясь.

4.

— Дорогой наш Петр Леонидович! Позвольте еще раз пожелать вам скорейшего выздоровления и сказать со всей искренностью: мы вас очень-очень любим!..

Букет вручала сама Калинецкая — огромный, неимоверно роскошный, тропический букетище. Остальные — хмурый пес-боксер Тимур с черной папкой под мышкой и Король Артур, растерянный, в мятом галстуке — пристроились у стены. Стояли ровно, даже с ноги на ногу не переминались.

То ли почетный караул, то ли парад-алле.

Амбалу Вовику стенки не досталось. Гигант заглянул в дверь, пыхтя, втащил тяжелую хрустальную вазу, смущенно кивнул, попробовал стать маленьким, незаметным — без особого, впрочем, успеха.

Исчез.

— Просим вас — нет, требуем, настоятельно требуем! — как можно скорее забыть о болезни и вернуться в наш с вами общий парк, к друзьям и вашей замечательной работе! Выздоравливайте! Выздоравливайте!..

Речь мадам Кали, несмотря на все усилия, походила на некролог. И тон соответствующий, и голос — хрипловатый, слегка подрагивающий. В глазах ее Петр Леонидович с изумлением заметил некую подозрительную влажность. Не врет ушастая, от души говорит. И остальные глазки прячут... А вот ему, странное дело, плакать не хочется.

С чего бы это?

Старик скривил в улыбке послушный уголок рта — левый. Сюда бы за компанию бородатого красавца Бобу в роли шпрехшталмейстера — и полный комплект. «Впервые на арене! Парк культуры и отдыха имени Горького! Труппа коверных провожает в последний путь безвременно (ох, заждались!) почившего...» Быстро приехали! Данька еще с пижамой не вернулся.

— Спасибо!

Слово выговорилось с неожиданной легкостью. От души, можно сказать. «А сейчас... Первым номером нашей обшир-р-р-рнейшей программы...». Первый — и главный — номер, понятное дело, ушастая. Не Тимур с Вовиком, братья-акробатья. Не Артур, печальный клоун. Мадам Кали, звезда манежа!

Калинецкая поняла, замахала руками:

— Не станем мешать, отдыхайте, отдыхайте! Про отдельную палату мы договорились. Правда, они обещали только к вечеру, козлы драные!.. Извините, я... Короче, оставляю вам мобильный. Если что...

Уходили согласно чинам: сперва Тимур, за ним — Артур...

«Советский цирк — самый гуманный цирк в мире!»

Король в дверях задержался, взглянул с испугом. Старик в ответ подмигнул левым веком. Ничего, сержант, справишься! Ты у нас большой человек, директор, скоро в депутаты выйдешь. Разве что немного жаль парня в панаме с давней армейской фотографии. Как там у сэра Томаса Мэлори? «Плачевнейшая повесть о смерти Артура Бескорыстного»...

П-педер сухте!

Ну-с, чем порадуешь, Кали?

Калинецкая медлила. Поправила цветы в вазе, подошла, стуча каблучками, к окну. Петр Леонидович тоже не торопился. Если бы не внезапно вернувшаяся (не с «минус третьего»

ли?) бодрость, он, пожалуй, сдал бы билет на представление. Стер бы неуместную улыбку, как стирают надоевший грим; придал лицу должное выражение, благо правая половина близка к кондиции. Ноги бы вытянул — или протянул, смотря по ситуации. Поплясали, попели? Благодарствуем, скатертью дорожка.

Дела, конечно, имелись. Даже сейчас, при выписанной плацкарте — не в цирк, в Иосафатову долину, помянутую строгим Иловаемым. Но такие дела не с Калинецкой решать!

После возвращения Зинченко с полпути в лучший из миров, поворота судьбы, неожиданного для очень многих, ушастую словно подменили. Внешне все оставалось по-прежнему: бегала по парку, шумела, обхаживала Даньку, требовала на «минус первом» гранатомет «РПГ-7». Но на левой руке появился тяжелый браслет с аметистом: «епископский» камень, для людей высокого духовного раскрытия. Хранит от опьянения, питает чакры и хорош при женских недомоганиях. Далее в речи Любови Васильевны замелькали «неформатные» прежде выражения: «трансцендентный» и «первично-кармический».

А потом и бегать перестала. Исчезла из парка, чтобы объявиться в кресле председателя городского теософского общества «Шамбала».

И добро бы для пользы дела...

Стыдно признаться — уверовала!

Борис Григорьевич за вечерним чифирем неоднократно жаловался старику. Шумел, обещал лично закатать в бетон госпожу Блаватскую со всем семейством Рерихов. Но с просветлением ушастой ничего поделать не смог. Парком и всем, что с парком связано, стал заниматься Артур, отныне полный и окончательный Король. Калинецкая же продолжила погружение в пучины кармы: чем дальше, тем безнадежней.

И вот нате-здрасте: проведать явилась!

Кому сказать, не поверят...

В палате они остались одни. Бритого соседа увели во двор родственники, экипаж машины боевой томился в коридоре, господин Зинченко пребывал в Киеве, скликая политсовет своей Федеративной партии — свистом, аки Соловей разбойник.

...Данька еще не вернулся.

Мадам Кали достала из сумочки платок, осторожно промокнула накрашенные глаза. На платке остались потеки туши.

Старик моргнул левым веком, не в силах поверить. Неужели плачет? Совсем лишнее, не по протоколу!

— Люба...

Ушастая вздрогнула, как от удара плетью.

— Не надо, Люба. Еще не помер, успеете.

Отработанным приемом — упор левой, на локоть, рывок, переброс тела вперед с изменением опоры на кисть — Петр Леонидович заставил себя сесть. Накинул одеяло на голые колени. Данька, обормот, где ты ездишь с моей пижамой?!

— Что случилось? Говорите!

С речью он освоился. Короткими фразами, без деепричастных оборотов... Сойдет!

Любовь Васильевна всхлипнула, присела на стул, мотнула головой:

— Нет-нет... Все в порядке, в полном порядке. Вернетесь на работу, Боба приедет... мы соберемся, отметим ваше выздоровление...

Губы двигались, произнося пустое и ненужное, а глаза не лгали. Мадам Кали была не здесь, не в палате неотложки. В кармане завязла? Интересно, на каком ярусе?

— Не хлюздить! Чистый базар, по делу. Сечешь, бикса бановая?

Много-много лет назад маленький мальчик Пьеро понял: с людьми надо общаться на их родном языке. А ежели их обидеть, они плакать перестают.

— По делу...

Любовь Васильевна на бановую биксу, сиречь «шлюху вокзальную», не обиделась. Встала, раздернула шторы пошире, чтоб свет не застили.

— Да-да, конечно. Нам нужно решить... Тир приватизирован вами. Вы завещали его Даниилу Романовичу. Я желаю вам сто двадцать лет жизни, но в случае чего могут возникнуть проблемы. Ваш внук, Кондратьев Петр Михайлович, имеет на тир свои виды. Он приходил к Артуру — дважды. Состоялся серьезный разговор. У вас очень упрямый внук, знаете ли...

Петр Леонидович вздохнул в ответ. Кто мог ожидать, что малыш Пэн станет головной болью? Даже хуже — но грех сравнивать собственного внука с геморроем!

— Мы не собираемся... э-э... травить его собаку. Но поймите и нас, Петр Леонидович!

Мадам Кали на миг стала прежней: боевой «хомячкой» без

излишней мокроты в глазах. Старик кивнул с одобрением. Хлюзду на палочке возят!

— Проблемы? Решайте. Но собаку... Собаку не трогать!

— Хорошо. Решим.

Любовь Васильевна сжала тонкие губы, задумалась.

— Дело, к сожалению, не в одном вашем внуке. Отвадить лоха — не вопрос. Вопрос, собственно, в Данииле Романовиче.

Старик вновь изумленно моргнул. Данька-то чем не угодил? Последние годы ушастая при виде тирмена Архангельского только что не мурлыкала.

— Не понимаете, дядя Петя? — Калинецкая вздохнула, села на край кровати.

Кондратьев отметил «дядю Петю». Вслух же честно констатировал:

— Нет.

— К Дане... К Даниилу Романовичу я отношусь... Да вы и сами все видите, Петр Леонидович, что я вам объясняю! Если бы не Боба, которого я никогда не предам, не оставлю... Ах, если бы не годы... Но, извините, сопли к делу не пришьешь! В нашем парке — две... каморры: наша и ваша. Интерес поделен, дела решаются по понятиям. Меня... Нас с Бобой такой расклад устраивает. Не то чтобы слишком, но устраивает. Это на сегодняшний день.

Ушастая ждала ответа. Старик промолчал, лишь кивнул: ясно.

На сегодняшний день.

Что день грядущий нам готовит?

— Петр Леонидович! Не хотелось бы сейчас... вы больны, вам надо набираться сил... Но если вас не станет, все изменится. Даня — идеальный... друг. Отличный подчиненный. Но возраст, воспитание... Мы — свои люди, но может приехать чужой. Не местный. Серьезный человек без предрассудков. Он не захочет иметь дело со вчерашним ребенком. В случае конфликта тир должен прикрывать мужик! Настоящий! Такой, у которого татуировка на...

Осеклась, сглотнула. Кончики ушей залились краской.

— На запястье, — спокойно подсказал старик.

— Не на запястье!

Калинецкая с гневом махнула сжатым кулачком. Ярко блеснул аметист, камень-оберег, лучшая защита от дурной энергетики, морщин и веснушек.

— Мужик, способный уронить мне на голову люстру! Рядом

с которым по-настоящему страшно. Утес, каменная стена!.. Иначе начнутся вопросы, а потом — разборки.

«Разборки? На здоровье!» — чуть не брякнул старик, но вовремя успел прикусить язык. Охота на тирмена немногим безопаснее львиного рва, куда угодил Данькин тезка.

Не для рыцаря Дамы, понятно.

— Насчет Даниила Романовича не беспокойтесь, — произнес он вслух. — Если понадобится, будет люстра. В лучшем виде.

На всякий случай Кондратьев покосился на потолок. Как тут у нас с освещением? Абажурчик, конечно, легонький...

— Когда вы рядом, я не сомневаюсь в этом, Петр Леонидович. Но вы не всегда будете рядом с Даней...

— Не всегда. Но к люстре мое присутствие отношения не имеет. В случае чего упадет за милую душу. Так и запомните.

Ушастая повела плечиком: не поверила, видать. Но спорить не стала. Вновь подошла к окну, с минуту молчала, глядя в больничный двор.

— Ладно. Раз вы говорите, я соглашаюсь. И с внуком вашим... Начнет артачиться, тир ему купим. Пусть играется в песочке. Ерунда, суета сует...

Она опустила голову, сделала глубокий вдох. Словно в горную реку собралась прыгнуть.

— Дядя Петя! Родной! Не оставляйте!..

Легкий стук: это гордая мадам Кали упала на колени.

От неожиданности старик вскочил. Получилось ловко, тело будто забыло о болезни. Правда, тело быстро спохватилось, потянуло назад, но Петр Леонидович успел схватиться безотказной левой за спинку кровати. Несколько секунд так и стояли — костлявый худой тирмен в казенном халате и женщина в дорогом платье, с аметистовым браслетом. Он — держась за кровать; она — на коленях, упираясь ладонью правой руки в линолеум пола.

— Люба! Да что вы, в самом... Встаньте! Немедленно!

Тело капитулировало. Петр Леонидович неловко присел обратно, чуть не завалился набок. Любовь Васильевна мигом оказалась рядом. Протянула руку, кончиками пальцев коснулась халата:

— Аватар!..

В этот момент Петр Леонидович горько пожалел об Адмирале Канарисе, психе привычном, управляемом, почти ручном. Потом вспомнил бетонный «минус третий». Дурдом? Если бы!

Наше кунг-фу ихнего посильнее будет. А он еще сетовал на Великую Даму! Помереть — и без такого цирка?

...А если ушастая кусаться начнет? Тимура кликнуть, что ли? Со смирительной рубашкой?

— Аватар, — твердо и четко повторила Калинецкая, ничуть не смущаясь. — Давно поняла, просто сказать боялась. Теперь не боюсь! Вы — махатма Ашваткабр!

Петр Леонидович качнул седым «ежиком», указательным пальцем потянулся к носу. Привычка, оставшаяся в наследство от маленького Пьеро. Думать помогает. Только о чем тут думать? Махатма, значит, Ашваткабр. Макабр! И смешно, и грустно. «И обмануться страшно, и перечить жаль: небось не каждый день — вообразите кадр!..» Кто поет? Щербаков? Да, Михаил Щербаков. «Маячит рядом этакая флеш-рояль и приглашает на данс-макабр...»

Эзотерики тетке захотелось!

Трагедия, повторяясь, превращалась в фарс.

— Не отставляйте меня, Петр Леонидович! Я... Я очень виновата. Пыталась вам угрожать, спорила... Но я же не знала, не могла знать! У меня и образования-то никакого нет, ПТУ не закончила...

Оставалось решать вопрос по отработанной методике — частями. Как слона в лифте подымают.

— Сядьте, Люба. Вот стул.

Ушастая подчинилась без особой охоты. Кажется, на коленях ей было удобнее.

— Допустим, аватар, — как можно мягче сказал старик. — Случается, хоть и редко. И что? Может, лучше про реактор? Про любимый... э-э... лунный трактор?

Язык мой — враг мой. Впрочем, Петру Леонидовичу до смерти надоело сохранять серьезность. Как там у оптимиста Брамса: «Весело схожу я в могилу»? Самое страшное осталось позади, среди бетонных стен подземелья-призрака. И славно! Ну что, ушастая, не слишком обиделась?

Вообще не обиделась. Кивнула на полном серьезе:

— Испытываете? Насмешкой проверяете искренность? Нет, я не сумасшедшая, как ваш... извините, *наш* Канарис. Знаете, я чуть не спятила — после вашего фокуса с люстрой, после того, как едва не умер Боба. Борис Григорьевич жив благодаря вам и Тому. Кто стоит за вами! Страшно представить, что рядом с тобой, внешне такой, как и остальные... смеется, страдает, болеет... Не стану говорить — «бог». Пусть будет аватар, Его воплощение. Только избранный, как вы, имеет доступ к тайным ритуалам Ассакры. В Маньчжурском Своде сказано: «Если и есть искусство победы, то это искусство — быть убитым». Правда? В этом искусстве ваша тайна? А Канарис, Андрей Канари? Он стал безумцем, когда попытался спорить с... с вашим шефом? Не отвечайте, бумаги Сектора сезонной статистики давно у меня. Семеро Сукиных Сыновей... Не думала, что у вас, у высших, такой непритязательный юмор.

Насчет загадочной Ассакры и юмора старик спорить не стал, как и насчет бумаг. Предложить мадам Кали спуститься на «минус третий»? Его превосходительство генерал Иловайский определенно понравился бы ушастой.

— Люба!..

Калинецкая подняла голову, и старику стало не по себе от ее взгляда. Вроде бы взрослый человек, в семи щелоках мытая... Махатма, понимаешь! Ассакра!.. Прав бородатый Боба — и насчет Блаватской, и насчет бетона.

— Люба! Бросьте вашу эзотерику. Ну, купили бумаги. Ну, узнали. И что? В какой банк пойдете? Я, Канари... Даниил Романович... — Он специально именовал Даньку при ушастой по имени-отчеству: чтоб надолго запомнила. — Обычные люди на обычной работе. Вы поймите: каждому работнику, что бы он ни делал, его работа кажется самой обычной.

Длинная фраза далась большой кровью, но старик справился. Говорить стало легче. И вообще — легче. Петр Леонидович твердо решил после разговора спуститься во двор. Хоть пехом, хоть брюхом, хоть рачьим способом. Май, теплынь, лепота — что нам, махатмам, в палате делать?

— Обычный человек? Ничуть! — резко, со злостью возразила Любовь Васильевна. — Вы — часть Силы, вы слиты с Ней, без вас Она не полна. Ваш путь — путь Ассакры, дорога к абсолютному разрыву Духа. Для такого, как вы, нет невозможного. Дзэнский парадокс: «Секрет Смерти хранит человека». Поэтому вы, Петр Леонидович, никуда не уйдете — даже если ваше тело сожгут в Жихарском крематории. Ассакра говорит: «Совершенствоваться — значит самоуничтожаться, и это можно делать бесконечно». Вернетесь! Обязательно вернетесь! Я не гадаю, я знаю. Поэтому умоляю вас: не оставляйте вашей милостью! Все, что хотите, что пожелаете! В этом мире, в любом другом, в темной пропасти Ассакры...

Петру Леонидовичу представилось, что их разговор слушают строгий товарищ Иловаев вместе... да хоть с Андреем Канари.

Что подумают? «Всем парам парочка, хоть впрямь танцуй. Она Жорж Санд анфас, а я маркиз де Сад». Стыдоба — и полное ушей покраснение!

А насчет «части Силы» угадала, Кали Яростная, Кали Высочайшая, Кали Любознательная. Первый учитель, Пантелкин Леонид Семенович, в годы давние о том же толковал. «Раз мы — оружие, раз нами стреляют, значит, мы тоже — чья-то рука. Без нас этот «кто-то» неполон».

Угадала — и что с того? Все, пора во двор. Цирк сгорел, клоуны разбежались.

Встал тирмен Кондратьев: по-здоровому, на руку не опираясь.

Усмехнулся кривым ртом:

— Оставь эту ерунду, Люба. Все будет хорошо. Вот увидишь!

Сказал — и сам себе поверил.

Макабр!

5.

Такси Данька поймал за воротами. Автомобили с шашечками обосновались тут с незапамятных времен, организовав постоянное стойбище. Или пастбище.

— На Ольминского.

Молодой блондин в клетчатой рубашке коротко зыркнул на пассажира. «Кредитоспособен. И не жлоб», — читалось на круглом лице. Поэтому блондин не задал обычный в таких случаях вопрос: «Сколько даешь?»

— Поехали.

В переговорнике рычало, шипело и хрюкало, словно там собрался целый зоопарк. Сквозь шумы, как с другого края планеты, прорвался далекий мужской голос:

— Восемь-одиннадцать. На Веснина авария, движение перекрыто. Как поняли, Стрела?

— Вас поняла, восемь-одиннадцать, — отозвалась женщина. — Всем машинам: на Веснина авария...

— Поедем по Сумской, — заключил водитель, выруливая на Деревянко. — Свернем на Петровского...

— На Петровского пробка, — сообщил все тот же «заокеанский» голос. Наверное, его обладатель ехал впереди них по тому же маршруту.

— Всем машинам...

— Блин, е-пэ-рэ-сэ-тэ!.. На Иванова, возле обладминистрации, я сворачивать не стану, — прокомментировал блондин. — Там регулировщик, мы с ним на ножах. Значит, на следующем, возле памятника. Крюк небольшой.

— Годится, — кивнул Данька.

Величина «крюка» его, по большому счету, не волновала. Даньке было хорошо. Он улыбался. Час назад точно так же ехал в такси — а какая огромная разница! С дядей Петей все обойдется, жизнь прекрасна, на улице весна, серебристая «Daewoo» идет мягко, потому что новая... А заваленная командировка — «пустяки, дело житейское», как сказал бы Карлсон с мишени.

Наплевать и забыть.

На площади Свободы пестрела шатрами и палатками очередная ярмарка. Толпы народу, из динамиков на столбах лихо «колбасит» забойный рок-н-ролл: «Мы будэм пыты пыво тилько з варэнымы ракамы — ни з девкамы, ни з тьоткамы, ни з якымы собакамы...» Остановив машину перед мигающим светофором нелюбимого перекрестка, блондин начал в ритм мотать головой. Впереди кто-то нервно сигналил, пытаясь свернуть налево.

Регулировщик судорожно махал полосатым жезлом.

— Оп-па! — Таксист проскочил мимо заклятого врага, гоня машину дальше.

Данька слушал, как гаснет за спиной этнический рок-н-ролл, как колеса рокочут по брусчатке. Вот и знакомый памятник работы скульптора Манизера. Чистенький, отмытый от голубиного помета. Место его первого «целевого выезда», под кураторством дяди Пети. Кажется, целая вечность прошла. А на самом деле — несчастных семь лет.

Здесь таксист и свернул, как обещал. Миновав «площадь пяти улиц», вырулил на Пушкинскую. Вскоре повернул еще раз: направо.

— Приехали.

Рассчитавшись, Данька выбрался из машины и огляделся.

Ага, вот и табличка: «Ольминского, 3». Второй дом от угла.

Подъезд, зажатый между магазинчиком «Second Hand» и Интернет-клубом, оказался незаперт, код набирать не понадобилось. В парадном было на удивление чисто. Пахло дезодорантом. За порядком тут явно следили. Ни окурков под ногами, ни вони кошачьей мочи, ни надписей на стенах.

Третий этаж. Квартира номер девять.

Ключ провернулся в замке с едва слышным щелчком.

В прихожей царили сумерки. Данька начал искать выключа-

тель и вдруг услышал шорох, донесшийся из глубины квартиры. Домработница? Вряд ли... Он стоял, затаив дыхание, и смотрел на полоску света, падавшую на пол из приоткрытой двери в комнату.

Звук повторился. Теперь Данька отчетливо различил, что это шелест бумаги. Рука сама поползла под куртку, легла на рукоятку «Беретты». Он снял оружие с предохранителя. Стараясь ступать как можно тише — хорошо, паркет под ногами не скрипел! — двинулся на звук.

У окна, склонившись над письменным столом, стоял человек. Стильный, песочного цвета пиджак, черные брюки, мягкие туфли из дорогой кожи. Франт рылся в бумагах, вываленных на стол.

Ствол «Беретты» уставился человеку в спину.

— К стене! Руки за голову!

Человек дернулся как ужаленный и, вместо того чтобы исполнить приказ, обернулся.

— Кто... кто вы такой?! — взвизгнул он.

— К стене, я сказал! Руки!

— Да что вы себе...

Данька поднял пистолет. Вор, кажется, только сейчас заметил, что гость вооружен. Он хотел попятиться, но уперся в стол.

— Руки, я сказал!

— Да-да, хорошо...

Вор неуверенно поднял руки.

— К стене. Руки на стену, ноги расставь.

Незнакомец подчинился без разговоров.

— Попался, ворюга?

— Я не вор! — вдвое громче завизжал франт.

— Ага, в милиции это расскажешь, — злорадно ухмыльнулся Данька.

Он впервые держал под прицелом живого человека. Ощущение было... странное. Чувствовать собственную власть над чужой жизнью — не на «плюс первом», а на обыденной «нулевке»... «Вор должен сидеть в тюрьме!» — говорил в кино капитан Жеглов. Вот мы сейчас наберем «02»...

Или лучше позвонить Зинченко? Пусть тряхнут этого типа по-свойски...

— Повторяю вам: я не вор!

— А кто же ты тогда? Домработница Клава? Электрик? Свидетель Иеговы?

— Я внук Петра Леонидовича, хозяина этой квартиры!

— Ага, а я его двоюродный племянник...

— Я — Петр Михайлович Кондратьев!

— Врешь!

— У меня паспорт с собой! Могу показать.

— Хорошо, показывай. Только не вздумай делать резких движений! В случае чего стреляю без предупреждения...

Черт, неужели правда? Внук дяди Пети, а Данька на него — с пистолетом...

— Вот, пожалуйста.

Приставив ствол «Беретты» к затылку подозрительного внука — чтоб не вздумал рыпаться! — Данька взял документ. Вновь разорвал дистанцию, отойдя на три шага. Раскрыл паспорт. «Кондратьєв Петро Михайлович... 17 березня 1969 року...»

Фотография.

— А ну-ка, повернись. Медленно!

Франт повернулся не просто медленно, а очень медленно. Черепаха бы обзавидовалась. Не опуская пистолета, Данька дотошно сличил его лицо с фотографией. Русые жиденькие волосы зачесаны назад, щурятся водянистые глаза, губы нервно подергиваются. Рыхлый, пористый нос, под носом — жалкая поросль, которую язык не поворачивается назвать усами. То ли дело у дяди Пети усы!.. Но, к сожалению, семейное сходство налицо. И роста высокого, как дед. А вот брюха такого у дяди Пети никогда на было. Брюхо оттопыривало дорогую темно-синюю рубашку, натягивало кожаный ремень-«плетенку», грозило выскочить из штанов и удрать подальше от грозного пистолета.

— Убедились?

— Убедился. Держи свой паспорт.

Данька протянул документ Кондратьеву-младшему. Убирать пистолет он, однако, не спешил. Не нравился ему этот человек. И на «вы», несмотря на заметную разницу в возрасте, обращаться к внуку не хотелось.

— Как ты здесь оказался, Петр Михайлович?

«Стреляли!» — услужливо подсказала память голосом Спартака Мишулина из «Белого солнца пустыни».

— Это не ваше дело!.. — Внук вспыхнул и погас, косясь на ствол «Беретты». — У меня есть ключи!.. Петр Леонидович дал, на всякий случай. А сегодня мне позвонили, сказали, от какого-то Бориса Григорьевича... Сообщили, что деда с инсультом забрала «скорая». Я сразу сюда...

— Сюда? — Даньке очень захотелось выстрелить. — Почему сюда, а не в больницу?

— В больницу? Я вам что — доктор?!

— Это хорошо, что ты не доктор... ты бы налечил...

— А теперь позвольте узнать — *вы* кто такой! — перешел в наступление внук, плотнее вжимаясь в стену. — И по какому праву...

— Я — сменщик Петра Леонидовича. Мы вместе работаем в тире. Я только что из больницы. И здесь не по праву, а по просьбе Петра Леонидовича. Он дал мне ключи и попросил привезти ему кое-какие вещи.

— Вещи? Знаем мы эти вещи... Это какие же именно?

— Пижаму. Тапочки...

— Ну да, конечно! Тапочки! Сейчас это называют тапочками! Ворвались в чужую квартиру с корыстными целями, наставили пистолет на законного наследника...

— С корыстными целями?

Кровь бросилась Даньке в лицо. Однако Петр Михайлович, увлеченный ролью наследника, не понял, чем рискует.

— Да, с корыстными! Мы еще посмотрим! Проверим! Извольте предъявить документы!

Паспорт Данька всегда носил с собой, как и разрешение на «Беретту», выправленное через Зинченко. Но предъявлять документы сволочному внуку он не собирался.

— Прекрати истерику, наследник.

— Ах, так?! Тогда я немедленно звоню в милицию!

— Ты что, идиот? — вкрадчиво осведомился Данька, изобразив в воздухе «Береттой» вопросительный знак. Внук, уже набрав в грудь воздуха для очередной тирады, мигом осекся. — Хоть бы для приличия поинтересовался, как там дед...

Он поставил оружие на предохранитель и спрятал в наплечную кобуру.

— Ну да! Конечно! Это первое, что я должен был спросить у незнакомого человека, направившего на меня пистолет! Ну и как, позвольте поинтересоваться, чувствует себя мой дед?

— В порядке. Врач сказал — микроинсульт, опасности для жизни нет. Ему уже лучше. С кровати встает, просил семечек привезти. — Данька не выдержал и злорадно подвел итог: — Не дождешься, наследничек!

— Что вы себе позволяете?! Берите, за чем пришли, и убирайтесь вон!

— Да уж лишнего не возьму. И не задержусь.

Он окинул взглядом комнату. Старый письменный стол с резными ножками. Диван, кресло, полки с книгами. Это явно не спальня. Данька вернулся в прихожую, толкнул дверь в другую комнату. Хмурый внук следовал за ним по пятам: видно, опасался, что сменщик утащит что-нибудь ценное, кроме заявленных пижамы и тапочек.

Спальня оказалась маленькой. Аккуратно застеленная кровать, тумбочка и отлично сохранившийся шкаф из карельской березы — больше здесь ничего не было. Пижама нашлась в шкафу — легкая, клетчатая, как и говорил дядя Петя. Данька уложил ее в хрустящий полиэтиленовый кулек, который по привычке таскал в заднем кармане джинсов. Лерка вечно звонит на мобильник: купи на обратном пути хлеба, молока...

Внук бдил на пороге.

«Здесь глаз да глаз нужен! — ясно читалось на его одутловатом вспотевшем лице. — Только отвернись — шкаф, и тот вынесут!»

— Что вы копаетесь?! Попрошу покинуть квартиру. И отдайте ключи!

— Ключи я отдам Петру Леонидовичу. Иначе вернется домой, а любимый внук деда в собственную квартиру не пустит.

— Да как вы смеете?! Оставьте ваши грязные намеки при себе!..

Не обращая внимания на вопли наследника, Данька закрыл шкаф. Прежде чем идти в прихожую, искать тапочки, зачем-то откинул штору. Глянул в окно, представляя, как по утрам в это же окно смотрел проснувшийся дядя Петя.

— Вы уйдете наконец?! Нет, это просто безобразие...

Он не слушал. Он смотрел. И не мог отвести взгляд.

Вон вход в стоматологический кабинет «Иней». Желтая дверь, над ней — вывеска с радостным коренным зубом. Занавески на окнах — чтоб не подглядывали снаружи за страданиями пациентов в кресле. Вот знакомая беседка. Сейчас в ней пила пиво компания шумных студентов. Утром беседка дала приют молодому тирмену, который зашел сюда с другой стороны, дворами, от улицы Гуданова.

А тирмен взял и завалил «целевой выезд».

Недострелил.

— ...на долю в наследстве надеетесь? Думаете, дед вам златые горы оставит? Тир на вас перепишет?! Так вот, ничего вам не обломится. Слышите: ни-че-го! И не рассчитывайте. Я наследник! Я!..

Очень хотелось плюнуть. Прямо в эту противную физиономию.

Еще больше хотелось застрелиться самому.

— Стервятник ты, а не наследник, — тихо сказал Данька, поворачиваясь к побелевшему от ужаса, замолчавшему внуку. — Мародер. Мне твой дед такое наследство оставил, что тебе и не снилось. И моли бога, чтоб не приснилось никогда.

«Главное, тапочки не забыть, — думал он, выходя в прихожую. — Главное, тапочки...»

6.

Голос в трубке напоминал очередь из столь нелюбимого Кондратьевым «MG-42». Двадцать патронов в секунду, цинков с боеприпасами не натаскаешься. Трубка мобильника, неловко сжатая ладонью левой руки, казалось, вот-вот раскалится, как ствол изделия фирмы «Рейнметалл». Хоть бы одиночными лупил, все легче!

— Нет, — отрубил старик, дождавшись перерыва в обстреле. — Не надо. Приезжать не надо. Вертолет не надо. Академика не надо.

Прав, прав был вечно живой (на «минус третьем») строгий товарищ Иловаев. Не тот телефон, по которому звонят тебе. Увы, мобильник, оставленный предусмотрительной мадам Кали, оказался именно «не тем». Первым телефонировал румяный Александр Семенович, отставной вице-мэр, ныне замминистра коммунального хозяйства.

Что «вице», что «зам» — в вечных «шестерках» ходит!

Бывшего пионера Кондратьев сплавил быстро. Вдохновленный успешной импровизацией, Петр Леонидович приступил к осуществлению давно задуманного — спуску во двор. Поразмыслив, из всех возможных способов (пехом, брюхом, по-рачьи) выбрал все-таки лифт.

Мобильник зашелся очередной трелью («В лу-у-унном сия-я-нии сне-е-ег се-е-еребри-и-и-ится...»), как только Кондратьев, удовлетворенный достигнутыми успехами, устроился на скамейке. Собрался порадоваться жизни — и грянуло.

Звонил Боря Зинченко, лидер Федеративной партии Украины.

«Борей» (не «Бобой» же!) бородатый стал по собственному настоятельному требованию. «Ну, отец! Ну, не обижай! Ну, в натуре, ей-богу!» Петр Леонидович возражать не стал — в отличие от затейки господина Зинченко с «карманной» партией, против которой высказался со всей нелицеприятностью. Убедившись, что уговоры не действуют, предложил сменить название на более точное: Федеративно-Пенитенциарная.

Зинченко обещал подумать, но от идеи не отказался. Кажется, слова старика о президентстве угодили «в яблочко».

— Нет, — терпеливо повторил Кондратьев, держа трубку на раскрытой ладони, как лягушку. — Не надо. Нет, «Лозовсталь» для моего внука покупать не надо. Бригаду «скорпомощи» расстреливать не надо. Боря, не суетись! О Марусе Климовой своей лучше подумай. Заносит бабу. Да, прямиком в Ассакру. Да, не сворачивая. Как поезд по тундре.

Что он услышит в ответ, старик знал заранее. Идею выкопать бренные останки госпожи Блаватской и вывесить на столбе для всеобщего обозрения. Этот план бородатый разрабатывал не первый год.

Именно здесь, во дворе неотложки, сбрызнутом золотым майским солнцем, тирмен Кондратьев окончательно пришел в себя. Не просто очухался, сбросил, как казенный халат, смертное оцепенение, но и ощутил странную удовлетворенность, граничащую с блаженством. А он, дурак, куда-то спешил, сетовал на свою Даму! Помер бы, прошел расстрельным лесом — и лишился бы этого дня, весеннего солнца, зеленой травы, бесплатного цирка мадам Кали.

Не поговорил бы с Данькой.

Всю жизнь тирмены думают о том, что ждет их *там*, после леса. А для него, Кондратьева, *там* наступило *здесь*. И что? Совсем неплохо! Сижу, радуюсь теплому деньку. Прямо Адмирал Канарис в горпарке. Еще бы папироску...

Петр Леонидович острым взглядом разведчика окинул окрестные скамейки в поисках курцов. Увы, тщетно. Оставалось расширить зону поиска. Он поглядел вперед, на дорогу, где время от времени проезжали кареты с красным крестом.

И обмер.

Запоздало вспомнилась народная мудрость: не поминай! Звеня медалями и орденами, Адмирал Канарис шел...

Отставить! Звеня медалями и орденами, наверченными и нацепленными на белый халат, Адмирал Канарис волной-цунами несся от ворот, ведущих на территорию неотложки. «Пропеллер, громче песню пой, неся распластанные крылья...» Воздух свистел, земля гудела, разбегался по сторонам перепуганный медицинский народ.

Как говорит горячий человек Шамиль Расулович: «Дорогие тосты продолжаются!» Кондратьев протер глаза. Откуда?! «В последний бой, в заветный бой летит стальная эскадрилья!» Он прикинул, не самое ли время креститься...

— Андрей!

Если призрак, фантом, видение — значит, рассыплется. Сгинет. Растечется белесым туманом.

— Канари! Сто-о-ой!

Не сгинул. Не растекся. Не рассыпался даже.

— Петро!..

Грозно звякнули ордена-медали. Стальная эскадрилья в нелепом белом халате, поворачивая на полной скорости, совершала боевой заход. Впервые Петр Леонидович понял со всей ясностью, что семидесятилетний Адмирал Канарис, как ни крути, по возрасту годится ему в сыновья.

— Товарищ старший лейтенант запаса! Прибыл согласно полученной повестки для личного отчета. Докладает старшина Андрей Канари!..

Перекреститься все-таки стоило. На белом халате Адмирала рядом с привычным иконостасом сверкал новеньким серебром знак «Почесний громадянин міста», утвержденный распоряжением мэра всего неделю назад...

«Может, и вправду?» — мелькнула совсем уже безумная мысль.

Серебряный знак — ладно. А вот появление молниеносного Канариса во дворе неотложки — фантастика. Причем никакая не научная.

Год назад парк культуры и отдыха лишился своего Адмирала. Канарис слег: тихо, без слез и жалоб. Не заболел, не на раннем осеннем льду поскользнулся — просто лег на кровать, чтобы больше не вставать. Лежал, уставясь в белый потолок, шевелил бескровными губами.

Молчал.

Дальние родственники, давно и прочно освоившиеся в маленькой квартирке отставника, пожали плечами и с легкой душой сдали старшину в хорошо знакомую ему 15-ю психбольницу. С глаз долой — с жилплощади вон.

В последний момент Петр Леонидович сумел удержать Тимура с Вовиком — карательную экспедицию, направленную хмурым господином Зинченко для восстановления статус-кво. Андрей нуждался в уходе, в лекарствах, в помощи — во всем, чего не было в раздолбанной «хрущевке».

Отдельная палата (Калинецкая лично выбрала, не поленилась), редкие визиты уцелевших знакомых, коробка с цацками-орденами на тумбочке. Бывший тирмен Канари собирался в прощальный полет. «Мы идем, ковыляя во мгле, мы ползем на последнем крыле...»

Кто-то без всяких шуток предложил установить бронзовую статую Адмирала, в военной форме, при погонах и, само собой, при всех орденах, возле фонтана — в сердце парка, столь любимого безумцем. Спорить не стали, даже Петр Леонидович промолчал.

И вот...

— Докладываю обстановку, товарищ старший лейтенант запаса! Синий цвет в обычном присутствии. Дорогие друзья! Безвременно ушедший от нас Петр Леонидович Кондратьев был поистине сыном XX века. Цветовое наполнение нормальное, соответствует среднестатистическому. Его детство пришлось на тяжелые годы Гражданской войны. Особые скопления синего наблюдаются на выезде из больницы, в первую очередь у ворот. Воспитанник легендарного педагога Макаренко, Петр Кондратьев выбрал скромную, но очень нужную людям профессию бухгалтера...

Канарис рапортовал истово, от всей души. Соскучился, видать, по службе.

«Сын XX века» сглотнул. Да-а...

Выглядел Адмирал не в пример прежнему. Весел, бодр, герой героем. Если бы не седая щетина, не грязный палец, торчащий из драного ботинка, хоть сейчас на парад.

— Вместе с тем наблюдаются необычные эффекты. В грозные годы войны Петр Кондратьев добровольно ушел на фронт, встретившись с врагом. Во дворе больницы отчетливо виден яркий синий след — мужская обувь приблизительно сорок второго размера. Вернувшись с победой, Петр Леонидович отдавал все свои силы восстановлению народного хозяйства страны. Синий след такой интенсивности прежде не наблюдался ни разу! Заботливый муж и отец, верный товарищ, надежный работник...

Кондратьев здоровой шуйцей почесал седой «ежик». Привстал.

Пора включать десницу. Не хочет? Захочет!

— Охренел, старшина?

Удар не получился, но толчок вышел изрядный. Прямо в орденоносную грудь.

— А?!

Клацнули вставные челюсти. Канарис удивленно моргнул:

— ...Он всегда был примером... Здорово, Петро! Так ты живой? Молодец, не поддавайся!.. Слушай, мне сегодня повестка пришла, прямо в палату. Выходит, не списали еще? Гляди!..

Ко многому успел привыкнуть старик. Даже к бессильному, ставшему чужим, телу. А к превращениям психа Канариса в Андрея Канари приспособиться не мог. Солнышко, зеленая травка, очень хочется курить, Адмирал (или старшина, не поймешь!) роется в оттопыренном кармане халата, достает пачку бумаг...

Кондратьев покосился не без опаски. Не там ли сочиненный неведомо кем некролог о «верном товарище и надежном работнике»? Когда только успели?!

— Разрешите предъявить, товарищ старший лейтенант?

Ну-с?

«Канари Андрею Ивановичу. Вам предписывается отправиться в местную командировку сегодня...»

Все чин-чинарем. Только не слепым шрифтом на папиросной бумаге — кривые буквы плясали «цыганочку» на листке, выдранном из блокнота. У старшины и в лучшие годы с почерком был полный аврал.

«Место работы: больница № 4 (неотложка), круг 18-го троллейбуса...»

Адрес верный. Откуда только узнал, псих? Цель командировки: «личный отчет», как уже было доложено «почетным гражданином города». Вместо подписи — веселый рисуночек: сжатый кулак с торчащим большим пальцем, весьма похожий на кукиш. Татуировка не вместилась, зато внизу красовалось знакомое:

מ מ ת פ

И понимай, как знаешь!

Посмотрел тирмен Кондратьев в радостные глаза психа Канариса. И внезапно захотел обратно на «минус третий», в уютное помещение Г-211. Василий Александрович, Владислав Владиславович, выручайте!

А как не выручили, то сгреб Адмирала одной левой — за ворот, поближе к горлу.

— Himmelherrgottnochmal! Колись, старшина, живо! Der Teufel soll den Kerl buserieren!..

Почему по-немецки, и сам не понял. Фронтовая привычка, видать.

Мигнул Канарис: раз, другой, третий. Губами слюнявыми плямкнул:

— Стравусы!

Разжались пальцы безотказной шуйцы. Не выдержал Петр Леонидович — застонал. Что у них там, на Сабуровой даче, санитары в отпуске?

— Стравусы! — уверенно повторил псих, присаживаясь рядом на скамейку. — Лучше всего «Гремми». Виноват, товарищ старший лейтенант, «Эмми»...

— Страусы, — непонятно для кого перевел Кондратьев. — Эму. Австралийские.

От Канариса он был готов удрать даже в Австралию. «Там девки пляшут голые, там дамы в соболях...» Или это не в Австралии? Зря от вертолета отказался. Предлагал Боря, добрая душа!

— Стравусы! — с еще большей уверенностью констатировал псих. — Замкнутый цикл, тыща товарных стравусей в год. Главное в них — мясо, но кожа, перья и эти... яйца. Взрослые стравуса, старшой, ростом с тебя будут...

Канарис смерил оторопевшего Кондратьева внимательным взглядом:

— Точно с тебя, старшой. Метр девяносто, никак не меньше. И худые такие же. Перо на шляпки бабские идет и на поплавки. Самое то, в магазинах рыбаки метлой метут...

— Шамилей, — уточнил Петр Леонидович, уже ни на что не надеясь.

Псих не слушал. Глаза горели, острым клювом вытянулся нос, из горла несся клекот.

— Забивают их, старшой, когда они и весом с тебя становятся. Ну, может, меньше, кило сорок-пятьдесят. Полезного мяса маловато, конечно. Вдвое урезать надо, считай...

Старик поглядел в небо, где без забот веселилось майское солнце, и позавидовал стравусу. Всего-то и требуется австралийцу «Эмми» — до полста килограммов дотянуть. А там забьют без всякого тирмена, и свободен, как ветер в пустыне Виктория.

К Великой Даме воззвать, что ли? А еще говорят, не опаздывает!

— Я чего про стравусей этих, Петро? Отставка тебе положена, верно? Утром не попали, днем дострелят.

Не хотел Кондратьев, а вздрогнул. Черт бы побрал тебя, Канари! Совсем дурак — или прикидываешься?

— Вот и будем мы с тобой, старшой, два отставника на пенсионе. — Канарис подмигнул. — Силы есть, башка варит, наградные опять же положены. И стрелять больше неохота. Вот я, значит, про стравусей и вспомнил. Все разведал, повыяснял. Нет у нас в регионе стравусей, только в зоопарке. И то хилые, некондиционные. Ближайших в Орловской области разводят, в городе Новисиль. Концерн «Курочка Ряба». Назвались, идиоты! Хоть бы иначе как-то...

— «Стравус Рябко».

Старик попытался встать, но предательница-нога скользнула по траве, предательница-рука бессильно мазнула, не уцепив, по спинке скамейки. Нет, не упал — Канари подхватить успел. Сжал ребра так, что в глазах потемнело.

Усадил обратно.

— Крепко тебя приложило, Петро! Знал бы, какого козла по твою душу присылали, лично бы оформил. В три приема, чтоб полгода в параличе повалялся!

Петр Леонидович сцепил зубы. Серая папка, номер «12-а». «Неудачные стрельбы (1984—2008)».

— А ты, Андрей? Если бы повестка и вправду пришла? На меня — повестка? Если б ты знал заранее?

— Повестка? — Старшина Канари достал из кармана филькину грамоту с кукишем, ударил взглядом-прицелом. — На вопрос твой отвечу честно: хрен его ведает. Сам понимаешь, амнистии по нашим делам не бывает. Только я бы в лес коньяку захватил. Хлебнули бы с тобой напоследок, от души. И клянусь тебе чем хочешь — знал бы я заранее, так не промазал бы!.. Адресок безрукого, часом, не знаешь?

На миг Кондратьеву стало страшно. Андрей Канари, вынырнув из безумия, не шутил. Пешавар, Anno Domini 1983, прицельный выстрел по движущейся цели, два километра триста пятьдесят метров...

— Заткнись! Молчать, старшина! Давай лучше про этих твоих... «Гремми».

Глаза психа опять накрыла пелена. На губах заиграла блаженная улыбка.

— Стравусы... Цыпа-цыпа-цыпа!

Подпрыгнул, хлопнул руками по бедрам, колыхнул белым халатом.

Орденами-медалями зазвенел.

— Цыпа-цыпа-цыпа! Цыпа-цыпа!.. Все будет путем, старшой! Лишь бы мертвый тирмен не пришел. А то настанут кранты всем по списку...

Он крутанул худой шеей, огляделся, наморщив нос.

— Не пришел, не пришел!.. Нет! Пришел, пришел! Синий след, старшой! Видал, синющий какой? Синий тума-а-ан! Мертвый тирмен, мертвый!..

Петр Леонидович перевел дух. Хвала Даме! Лучше псих Канарис со своим мертвым тирменом, чем Андрей Канари, живой тирмен без промаха и упрека. А непредсказуемый Адмирал уже уходил — отплывал противолодочным зигзагом, но не к остановке, а в глубь больничного городка, ведя эскадру по узкому фарватеру между скалами-корпусами.

Мертвый тирмен, мертвый тирмен под окном шатается,
Мертвый тирмен, мертвый тирмен девкам очень нравится!

Подпрыгнул. Отдал честь ополоумевшей медсестре.

Исчез.

Петр Леонидович с силой провел ладонью по лицу. Фу ты! И что теперь делать? Смеяться? Плакать? Песни хором петь?! У проходящего мимо дворника удалось стрельнуть сигарету. Старик жадно затянулся, откинулся на спинку скамейки, без особого интереса покосился в сторону троллейбусной остановки.

И увидел Даниила.

7.

Глубоко затягиваясь, старик смотрел, как молодой тирмен приближается к нему: медленнее, еще медленнее, совсем медленно, словно бежал туда-сюда пешком, и ноги в финале забега налились свинцом. Пух от тополей, которых здесь не было, закручивался вокруг туфель, словно тирмен шел по зиме, которой здесь тоже не было.

Данька поставил кулек с пижамой и тапочками на скамью.

— Вы все знали? — тихо спросил он, не найдя ничего лучшего и не сумев отмолчаться. — Вы все знали заранее, да?

Петр Леонидович дернул ртом: то ли улыбнуться хотел, то ли ответить.

— Нет, — наконец сказал он, справившись с предательскими губами. — Ты меня с кем-то перепутал. Я не всеведущ. До-

гадывался? Да, пожалуй. Знал заранее? Нет. Я узнал это от тебя. Полтора часа назад.

Он говорил короткими, рублеными фразами.

Будто монетки, одну за другой, кидал из руки в руку.

— И что дальше, дядя Петя?

— Ничего. Рутина. Явишься, куда надо. И отстреляешь все мишени. Без промаха.

— Я не буду стрелять. По своим стрелять нельзя.

— Будешь. Давай без истерик. Я прожил долгую жизнь. Мне пора. Не промахивайся, Даниил. Собаке хвост по частям не рубят. Дай уйти легко и счастливо. Я устал.

— Я не буду стрелять.

— Не морочь мне голову, маленький братец. — Спокойный голос старика стал чуточку насмешлив. Дядя Петя заговорил менее внятно, но теперь у него получалось вязать из слов-монет более длинные мониста. — Я растил тирмена, а не кисейную барышню. Сделаешь — гуляй. Месяц отпуска получишь. А может, и все полтора. После моих похорон разрешаю на недельку уйти в запой. Помогает. Но на похороны явись трезвый. Знаешь, какие мне устроят похороны? По первому разряду! Шесть лошадей, как шесть львов, две колесницы с венками... сам Миньковский придет отпевать покойного...

Он что-то цитировал, наслаждаясь рассказом о грядущих похоронах.

Данька не знал, что именно.

— Это Бабель, Исаак Эммануилович, — ответил дядя Петя на незаданный вопрос. — Настоящая фамилия, как это ни смешно, Бобель. Расстрелян двадцать седьмого января 1940 года. Я тогда в Коврове работал, на бывшем заводе Мадсена. У Бабеля смертельно раненный телефонист говорит исключительно правильную вещь: «Я вот что... кончусь... Понятно? Патрон на меня надо стратить». Ты прочитай, Даниил, много нужного поймешь...

Мимо прошла санитарка, с одобрением кивнув на ходу. Дед поучает внука, рассказывая о писателе: доходчиво, зачитывая вслух любимые места. Внук слушает, не перебивая. Должно быть, запоминает. Редкая картина по нашим временам.

Идиллия.

«Я не буду стрелять», — хотел в третий раз повторить Данька. Но вместо этого спросил совсем другое:

— Как мне жить дальше, дядя Петя? Как жить с этим?

— С чем? Поставь мою фотографию на тумбочку и живи себе на здоровье. Однажды поймешь: девять из десяти старых пердунов с радостью поменялись бы со мной местами. Или даже десять из десяти, как на стрельбах у снайпера. Врач посмотрел мои анализы, узнал, сколько мне лет, и чуть в обморок не брякнулся... Ей-богу, дай ему волю, он бы меня заспиртовал, для студентов. Не промахивайся больше, Даниил, и все будет в порядке.

— Нет. Я о другом. Ты догадывался, но узнал только сейчас. А мне жить с этим знанием дальше. Ты ведь хотел, чтобы я взял ученика?

К скамейке приблизился кот: серый полосатый разбойник. Урча, кот начал тереться о Данькины джинсы, оставляя на них клочковатую шерсть. На дворе тепло, вот, значит, линяем помаленьку. Нет ли у вас тефтельки, принесенной больному? Лучше домашней, куриной, но сойдет и полуфабрикат из кулинарии. У больных плохой аппетит, а у меня хороший. Так что насчет тефтельки?

Петр Леонидович наклонился и почесал кота за ухом.

— Ах ты, бандит... Не повезло тебе, у нас ничего нет. И тебе не повезло, Даниил. Случается. Она, конечно, тебя любит, но от ошибок никто не застрахован. Пока ты ездил, я все думал... Здесь какая-то накладка. Сбой в разнарядке. Канцелярские крючки напутали. По мою душу должны были прислать другого тирмена. Ты же не рассчитываешь, что мы с тобой одни на планете? Мы даже в этом городе не одни...

Он докурил сигарету и щелчком отправил окурок в урну.

Без промаха.

— Окажись я на твоем месте...

Сейчас дядя Петя говорил с Данькой, как равный с равным, невзирая на колоссальную разницу в годах и опыте. Данька многое бы отдал, лишь бы никогда не участвовать в этом разговоре двух тирменов, вне времени и пространства.

— Мне тоже было бы трудно, Даниил. Очень трудно. Я бы винил себя во всех смертных грехах, клялся никогда не прикасаться к оружию...

— Я не клялся, — уныло сказал Данька. — Еще не клялся.

— И не надо. Мы не одни в городе, а это не первая ошибка за века. Были тирмены, которые знали то, что знаем мы с тобой. Кто-то спивался. Кто-то бросал. Кто-то продолжал работу. Рутина. Великая Дама любит нас, и если наказывает, то правом выбора. Все остальное — не наказание. Здесь, в больнице, лучше понимаешь разные вещи.

Старик попробовал подмигнуть и не смог.

— Мне на Памире один арвах байку рассказал. Богач-китаец попросил монаха написать ему благожелательную... ну, открытку, что ли? Монах написал: «Дед умер, отец умер, сын умер». А когда богач стал ругаться, удивился: «Разве вы предпочитаете, чтобы это происходило в обратном порядке?!» Все в порядке, Даниил. Все хорошо. Возьми ученика. Обязательно. Это не стрелок, который однажды придет за тобой. Это твой друг. Сейчас ты думаешь, что я успокаиваю тебя, а я говорю правду. Кто ты, Даниил, Суд Божий?

— Кто я? — переспросил Данька. И положил ладонь поверх рукава больничного халата. — Я — твой друг, дядя Петя. Я не промахнусь.

Уходя со двора в корпус, тирмен Кондратьев в дверях оглянулся.

Тирмен Архангельский по-прежнему сидел на скамейке, глядя строго перед собой. Одним глазом: правым. Чтобы завершить стрельбы после первой неудачи, тирмену не нужен второй конверт с напоминанием.

Ну что ж, подумал старик, пересекая холл больницы. Будем надеяться, у нас есть время подняться на лифте, войти в палату и лечь на кровать. Не хотелось бы, чтобы прямо в лифте...

«Я — твой друг. Я не промахнусь».

8.

Сначала кашлянул — вежливо, негромко. Затем долго выбирал между «эй!» и «ау!».

— Эй!

«Ау» — несерьезно как-то, тем паче для экстренного выхода. А если учесть, что выход не просто экстренный, но еще и последний...

Кондратьев хмыкнул и поспешил исправиться. Не последний, а итоговый. Победный.

Можно сказать, триумфальный.

— Эй! Да где вы все?

Триумфа не получалось. Ни радостной толпы, ни стройных легионных рядов, ни Капитолия с жертвенником Юпитеру Всеблагому, Отцу богов. Нет даже знакомого часового в конвойной форме образца 1923-го. Где ты, Вологда?

«Минус третий», правда, в наличии. Бетон слева, бетон справа, тусклый свет зарешеченных ламп. Гуляй, тирмен, однова живем!

Петр Леонидович демонстративно пожал плечами и не спеша направился вперед, по туннелю. Обидно все-таки. Хоть бы для порядка спросили пропуск! Запустят, разини, японо-чешского шпиона прямиком в секретную Г-211-ю...

От серого бетона несло сыростью. Под ногами противно хлюпнула лужа. Как и в первый раз, захотелось вернуться. Жаль, что не во двор — в палату, на койку с застиранной простыней. Ничего, мы согласны и в палату. Майская теплынь, легкие тучки на небе, свежий ветерок из открытого окна... Чем не место для встречи с Дамой?

И в пижаму успел переодеться. Легкая, в клеточку — чем не фрак?

...Худой, костистый старик в пижаме застыл под лучами яркого, живого солнца, сжимая в левой руке непочатый кулек с семечками. Черными жареными «пузанками», похожими на насекомых. Глаза закрыты, левый уголок рта чуть приподнят...

Кондратьев брезгливо дернул плечом, куда умудрилась попасть наглая тяжелая капля. Отогнал незваное видение. Какая гадость, этот ваш «минус третий»! Когда в лес пустите, черт вас всех побери?

И увидел стену.

Ровные ряды кирпича: красного, щербатого. Известка осыпалась, превратилась в жидкую грязь. Давно клали — не год назад, не век. Был туннель — нет туннеля. Тупик! Не гулять тебе подземельем, тирмен, тирмен! Отгулял свое.

Становись к стенке.

Петр Леонидович для верности тронул влажный кирпич ладонью, отступил назад. Ага! Поперек стены — стрела синей краски. Слева направо указует. А под стрелой надпись, тоже краской, но глянцево-зеленой, словно листья в расстрельном лесу:

«Накопитель Страшного Суда».

Кто-то постарался — вписал перед словом «Страшного» маленькое «не». Мелом. Ниже, опять мелом, была накорябана иная стрела, в противоположную сторону, и резюме:

«Страшного — туда».

Оставалось выбрать между «Суда», который направо, и «туда», который налево. Только выбирать, считай, не из чего. «Туда» — бетон в дырках-вмятинах.

Ниже, на полу — гильзы стреляные кучей.

А там, где «Суда» — отворенная дверь. Из-за двери — свет. Не электрический, солнечный. Так о чем нам думать? Знаем мы ваши «налево». Насмотрелись!

Петр Леонидович решительно шагнул направо.

За дверью, как он и думал, оказалась комната. Точнее, если верить курносой Вологде, помещение. Стол, стулья, сейф; в дальнем углу — вертлюги с папками.

Пусто.

Напротив входа — еще одна дверь. Распахнутая настежь. Оттуда солнце и светило.

— Эй! — крикнул Петр Леонидович больше для порядка. Подошел к двери, за которой его ждало солнце, на всякий случай оглянулся. На стене, рядом с вертлюгами, висел плакат. Бумага древняя, желтая. И рисунок не спутаешь. РОСТА? Оно, родное.

Привет из жизни маленького Пьеро.

С желтой бумаги на гостя победительно взирал огненно-красный Ангел в буденновке. Из-за распростертых крыльев выглядывал ствол мосинской винтовки с примкнутым штыком.

«Эй, пролетарий! Вышел Декрет:
Больше для контры Времени нет!
Но если сказал Революции «да»,
Время с тобою будет всегда!»

Чуть ниже, мелким шрифтом: «Сдача ручных, настольных, настенных, песочных и водяных часов обязательна для каждого гражданина РСФСР».

Кондратьев поднял руку, поглядел на левое запястье. Вот она, верная «Победа» — на «вечном» ремешке из коричневой кожи. Тикает! В 1950-м купил, на новогоднюю премию, а работает надежнее любых швейцарских.

Так что, сдавать?

Петр Леонидович усмехнулся самоуверенному Ангелу:

— Спецразрешение для тирменов. Согласно постановлению Реввоенсовета Южного фронта. Товарищ Фрунзе подписал. Понял, крылатый?

И, не став ждать ответа, зашагал прямо к солнцу.

— Привет, Гаврош!

— Я же тебя просил, дзядек! Хоть бы Вальжаном назвал!..

Старый народоволец Казимир Сигизмундович Доленго-Мокриевич, двоюродный дед, встречал Кондратьева под дори-

ческими колоннами. Две настоящие, еще две по бокам, из стены выступают. Выше — скала, выбеленная солнцем. За спиной...

— Ай!

— Не свались! — Крепкая ладонь дзядека привычно сжала пальцы внука. — Обрыв, долго падать. Ничего, сбоку есть лестница. Спустимся.

Петр Леонидович смежил веки — на единый миг, на крошечную долю отпущенного ему Времени. Вот все и вернулось на круги свои. Дзядек рядом, солнце над головой, самое страшное позади...

Открыл глаза, невесело пригладил седой «ежик». Размечтался, старый черт? И солнце другое, и все прочее. Вместо холодной степи — каменное ущелье. Вместо дороги на Новую Каховку — крутой, забитый людьми склон.

И дзядек иной.

Уже не старый, еще не молодой.

Ангел, который в буденновке, недаром поднял руку, не зря клялся именем Живущего во веки веков, что Времени больше не будет. Не солгал, вестник.

Времени нет.

Но ведь он узнал дзядека — сразу, не думая! И его узнали. И солнце не мертвое — живое, майское.

И самое страшное позади.

Закурить, что ли, по такому случаю? Вот и папиросы в кармане нашлись. «Казбек», любимые. Черный всадник у белой горы...

— Не помнишь, сколько раз я стрелял? — Дзядек щелкнул зажигалкой, тоже закурил. Не «Казбек», а старорежимные «Сальве» из большой картонной коробки. — Ну, тогда, в Новой Каховке?

Петр Леонидович поднял голову, глянул на белые неровные камни. «Накопитель»... Значит, такая ты, Иосафатова долина? На картине, висевшей на стене в 211-й, ты была другой, непохожей.

...Вспышки выстрелов в чернильной темноте, громкая ругань, боль от удара. Перед тем как выхватить «Кольт», дзядек успел толкнуть маленького Гавроша в спасительную ночь. Патрульные не заметили...

— Не помню, дедушка Казимир. Зато помню, что всю жизнь мечтал сказать тебе «спасибо»!

Широкая ладонь хлопнула по плечу.

— О чем ты, Гаврош? Это я всю жизнь... Несколько секунд там, и потом здесь, целую вечность... Мечтал тебя предостеречь. Дрянь этот «Кольт», так и запомни! Первая пуля — в цель, остальные — вверх, частым веером. Правильно в инструкции пишут: «Старайтесь попасть первым же выстрелом. Иначе лучшее, что вы сможете предпринять, это запустить проклятой железякой в противника». Только одного и достал, в Каховке...

Перед тем как начать спуск по узкой железной лестнице, Кондратьев вопросительно указал рукой на дорические колонны. Не храм Юпитера Капитолийского, конечно...

— Гробница Иакова, — понял его дзядек. — Того самого, Исааковича. На самом деле — хранилище истрепавшихся священных книг. Талмудическая макулатура! Здесь вообще — сплошное мракобесие и обман народа.

Спорить с заслуженным народовольцем Петр Леонидович не стал. Шел по лестнице, молчал, смотрел в белую дымку, что стлалась над обрывом.

— Иерусалим, — пояснил дзядек. — Не порти зрение, не разглядишь ни пса. Смог почище лондонского, только белый.

Кондратьев вздохнул не без сожаления. Вечный Город он видел лишь на экране телевизора. Думал съездить — да так и не собрался, лентяй.

На площадке, каменной, как и все здесь, но такой широкой, что автобус пускать впору, они угодили в толпу. Шумную, разноязыкую, живую. Петр Леонидович вновь вспомнил картину на «минус третьем». Тоги-туники, руки, воздетые ввысь, застывшие скульптурные позы, истовые глаза...

И Та, что стоит на гребне.

Кондратьев быстро огляделся, надеясь заметить если не тогу, то хотя бы фрак. Где там! Восточный базар, демократически смешанный с херсонской «толкучкой» — и с приправой из «Макдоналдса». Пижама была в этом вавилонском столпотворении родной, обычной. Взгляд зацепился за синюю очень знакомую будку. Биотуалет. Н-да...

Ох, художники! Ох, классики!

— Давно ждем? — на всякий случай поинтересовался он, ныряя вслед за дзядеком в тесный промежуток между шашлычной «Shish kebab Ali Bey» и киоском с табличкой «Currency exchange». Дзядек вновь поймал его за руку, потащил куда-то вбок, в людскую толщу.

— Кто как, — кинул на ходу Казимир Сигизмундович. — Ты о чем, Гаврош? Благолепия не хватает? Меньше попов слушай!

Пиджаки, рубашки, платья, памятные по Средней Азии халаты, кипы, тюбетейки, шляпы всех видов и фасонов. Запах горящих дров, аппетитный дымок жареного мяса, дух лекарств — резкий, тревожный. Кондратьев принюхался: корвалол. Точно, корвалол. И снова — люди, люди, люди. Обычные, разные, похожие и непохожие.

Живые.

— Сюда! — Рука дзядека уверенно тянула дальше. Ага, кажется, тропа. Узкая, но пройти можно, даже вдвоем.

— И куда теперь?

— Ориентирую по местности! — Дедушка Казимир остановился на тропе, повернувшись спиной к обрыву, к белому туману, за которым прятался Иерусалим. — Прямо перед нами Масличная гора, западный склон. Религиозные басни оставим для несознательных, равно как антинаучные слухи про грядущее явление Высшего Существа именно в этом месте...

«Я соберу все народы, и приведу их в Долину Иосафата, и там произведу над ними суд...» — подсказала память. Книга Иоиля. В Судный День по темным галереям, скрытым в толще Масличной горы, мертвые всего мира сойдут в тесное ущелье у высохшего Кедрона. Господь взойдет на вершину, гора раскроется, мириады усопших восстанут...

И свершится Суд.

Он, бывший тирмен Петр Леонидович Кондратьев, стоит в мертвой долине царя Иоасафата.

— Гавро-о-ош! — Дзядек, всезнающий и всепонимающий, шагнул ближе, обнял за плечи. — Пройдет, сейчас пройдет, по себе знаю... У лекарей такое зовется «шок». Слушай, давай по кебабу съедим? У Али приличное заведение. Чисто, недорого. И винцо славное.

Петр Леонидович сглотнул. Кебаб, да под хорошее вино, лучше грузинское, красное... Стоп! Пусть столь нелюбимые дзядеком попы ошиблись, напутали, солгали...

Но Смерть — не сказка! И то, что он здесь, — не ложь!..

— Удивляешься? — Дзядек улыбнулся, окинул взглядом

кручу, нависшую над головами. — Люди остаются людьми, Гаврош. Даже тут они верны своей природе. Человек — потрясающее создание, если задуматься. В чем правы господа мракобесы, так это насчет свободы воли. Воли у нас — никаким черпаком не вычерпать. А воля, да еще в сочетании со свободой — смесь почище «греческого огня». С другой стороны, что непонятного? Попали сюда, бухнулись на колени, постояли часок. Захотели кушать. Проснулось любопытство. Я, например, сразу принялся определять вместимость долины и склона при максимальной уплотненности. А после расчетов стал осваиваться. Как все.

Кондратьев подумал и кивнул. Насчет мракобесия судить рано, а вот подружка Любопытство и впрямь живуча... Население Земли — шесть миллиардов с хвостом. Это которые в данный момент по матушке-Земле ходят. Если на каждого выделить один квадратный метр... Можно еще вероятность встречи подсчитать: с друзьями, с сослуживцами, с особистом Карамышевым, с Леонидом Семеновичем Пантелкиным.

С Леной.

С мамой, с папой...

— Насчет Суда, скажу я тебе, Гаврош, ясности нет. Будет время, обсуди вопрос с буддистами. Или с парсами. Кто ждет, кто кебабы жарит. А кто верит, что обойдется как-нибудь. Мало ли, на чем наши Феи столкуются!

Феи... Да, дзядек, я помню твою сказку. Фея Небес — и Вечная Спутница. И напутствие помню. На окраине Каховки, словно чуя беду, ты заставил меня выучить адрес: Петроград, 12-я Василеостровская линия...

По синему небу бежали стада легких курчавых облаков. Это здесь. В осенней степи в небе летели серебристые острые стрелы.

— А может, все проще, дзядек? Ничего этого нет. Есть больница, палата, подушка под головой. Я умираю, кровь заливает мозг. И перед финалом вижу то, о чем часто думал: тебя, Иосафатову долину, людей в ожидании суда и приговора. Может, жизнь — электрическая лампочка? Сейчас меня погасят, потом выкрутят из гнезда, выбросят, забудут?

— Может, и так...

Губы дзядека сжались, строгое, лишенное возраста лицо помолодело. Ярко вспыхнули глаза — синие, как здешнее небо.

— Я бежал с каторги, из «Колесухи», самого страшного места во всей Сибири. Весна, мокрый снег по колено, а впереди — река, широкая, чуть ли не в полверсты. Моста нет, лодки нет, ледоход. За спиной — погоня. Стоял я, смотрел на реку и думал: может, перейду, может, льдиной накроет. Потом вспомнил, что практика — критерий истины. Решил проверить.

— И как?

Дзядек ответил не сразу. Перевел взгляд вверх, но не на небо — на скальный гребень.

Туда, где на картине ждала Фея Земли, Вечная Спутница.

— Меня арестовали на другом берегу, Гаврош. Но реку я перешел. Ищешь ответ? Он там, наверху. Пошли!

Петр Кондратьев расправил плечи, поднес к лицу правую ладонь, пошевелил пальцами. Слушаешься, паршивка? Вот и славно! Бой ведут не до последнего патрона. Бой просто ведут — до последнего. Пусть исчисляют, взвешивают и делят.

А мы пойдем наверх.

Там — расстрельный лес, там — наша Дама. Там тот, кто заменит тирмена Кондратьева.

Там — мой друг.

Бой должен быть закончен. Победой, триумфом, поражением...

Не важно.

Пот заливал глаза. В висках злыми толчками билась кровь. Камни норовили выскочить из-под ног. Склон казался бесконечным, рос, становился круче, выше...

Выше, выше, выше...

Мысли исчезли. Пропал страх. Лишь чей-то Голос, мерный, равнодушный, красиво и четко выговаривал полузабытые слова:

«Я соберу все народы и приведу их в долину Иосафата и там произведу над ними суд за народ Мой и за наследие Мое...»

Не было сил оглянуться, остановиться, перевести дух. Вверх, все время вверх — мимо мертвых камней, мимо мертвых могил.

Выше, выше...

«И о народе Моем они бросали жребий и отдавали отрока и продавали отроковицу за вино, и пили. И что вы Мне, Тир и Сидон, и все округи Филистимские? Хотите ли воздать Мне возмездие? хотите ли воздать Мне?»

Склон, долина Кедрона, вершина, надежды, отчаяние... Что все это перед силой и властью? Сердце отказывалось биться,

ногти царапали камень, перед глазами стлалась темно-багровая муть. Но Кондратьев шел.

Выше...

Пока откуда-то — издалека, с края оставшегося за спиной мира — не донеслось давнее, забытое:

«А все равно не по-твоему выйдет! Слышишь меня? Слышишь? Не по-твоему!..»

Тирмен Кондратьев остановился, вытер пот с лица. Усмехнулся, до боли кривя сухие, растрескавшиеся губы. Ах, Ленька Фартовый, лихая голова! И сразу стало легче. И сил прибавилось.

Выше!

Уже на самом гребне, на опушке знакомого леса, Петр Кондратьев обернулся.

Белесая мгла исчезла, сгинула, как не бывало.

Иерусалим...

Легкий ветерок играл с тополиным пухом. Ярко светило майское солнце. Лес был весел и шумлив. Лес-подросток еще не повзрослел, не хлебнул горькой июньской гари. Тропинка стлалась под ноги, словно ковровая дорожка для почетного гостя.

Можно не спешить. Можно не медлить. Можно не бояться.

Можно просто идти.

Хорошо!

Петр Кондратьев шел расстрельным лесом и улыбался. Исчислено, взвешено... Ну и пусть! Лена не права, люди — не электрические лампочки. Воля и свобода заковыристей любой математики. «Я жаждал, как дитя, скорей увидеть пьесу, и ненавидел я мешавшую завесу...» Ну, где там ваша завеса? Поглядим, что за ней!

Завесы не было. С холма, с опушки дубовой рощицы ясно виднелась сцена-поляна и стекляшка-звезда на постаменте-пне. Актер тоже оказался на месте, где положено, вздернут властной рукой на зеленую ветку. Пьеро в белом балахоне с длинными рукавами. На круглой голове — лиловый берет с помпоном. Под глазом — черная слеза, уголок рта горестно изогнут.

Напротив куклы ждал тот, кто пришел на смену.

Тирмен Петр Леонидович Кондратьев замер, чтобы не мешать стрелять своему другу.

Тирмен Даниил Романович Архангельский взял пистолет обеими руками и прицелился.

9.

«Я не промахнусь».

...стекляшка-звезда лежала на пне как раз под Пьеро, швыряясь в куклу солнечными зайчиками. Словно желтый кролик-беглец вернулся, на обратном пути превратившись в крысу, и сейчас сидел на пеньке, подпрыгивая, не в силах дождаться, пока добыча сама свалится ему в зубы.

В конце концов, кто сказал, что все цели должны быть одинаковы?

Данька нащупал ритм барабанчиков и усилием воли изгнал его из головы. Отрешился от флейты и волынки. Выровнял дыхание. Палец на спусковом крючке жил сам по себе, подчиняясь даже не взгляду и беззвучной команде — тайным приказам свыше. Такие поступают не пойми откуда, в конверте, с адресом, написанным от руки, и вкладышем, отпечатанным на раздолбанной машинке. А вместо подписи — сжатый кулак с оттопыренным большим пальцем. Поднят этот палец вверх, продлевая счет, или опущен вниз, подводя итог, — неважно. Потому что царство стоит. Даже если на костяшках остальных пальцев синеет татуировка, разгадать которую не способны все мудрецы мира, кроме тебя.

מ מ ת פ

Исчислено.

Мишень надвинулась, вырастая великаном.

Исчислено.

Ствол лег на биссектрису огня.

Взвешено.

Дышите, сказал доктор. А теперь не дышите.

Разделено.

Выстрел перебил шпагат, и кукла упала на пенек, прямо на стекляшку. Данька точно знал, что от него требовалось именно это: шпагат рвется чуть выше смешного помпона, и кукла падает, роняя берет, на гаснущую звезду. Чутье тирмена не обманешь. Все, шестая — есть. Ты сделал свое дело, тирмен. Еще немного, и ты сможешь удалиться без помех.

Дядя Петя не стал задерживаться.

Он всю жизнь приходил вовремя.

Старик шел от холма, со стороны дубовой рощицы, за которой приплясывали от нетерпения барабанчики. Казалось, от оркестра отделился инструмент: высокий, худой, угловатый — и решил опередить товарищей, первым добравшись до коды.

Пешком.

Старик был одет не в больничный халат из байки и не в домашнюю пижаму — легкую, в клеточку. Для последней встречи он выбрал парусиновый костюм, туфли, где вместо шнурков была натянута шляпная резинка, и знаменитую кепку-«аэродром». Таким Данька увидел его при первом знакомстве, в «нулевке», когда прятался там от Жирного с кодлой. Только кулька с семечками недоставало.

На «плюс первом» семечки не полагались.

— Молоток, — сказал дядя Петя, приблизившись. Точно так же, четырнадцать лет назад, он похвалил испуганного мальчишку, который сбил из «воздушки» чудесную мишень: монетку с четверкой царственных букв. — Спасибо. Отстрелялся на высшем уровне.

Данька молчал.

Он не знал, что говорить.

— На, держи.

Вместо жетона Петр Леонидович снял с шеи и протянул тирмену пятачок. Пять раз расстрелянный пятачок, с орлом и короной. Прежде чем взять монету и сломать пополам, Данька сунул левую руку — в правой он до сих пор держал «Беретту» — себе за пазуху, под рубашку. Пальцы обжег зимний холод металла. На его собственной шее, подвешен на тонком шпагате, висел гривенник с дыркой. Старый, еще советский гривенник — но, разумеется, не старше царского пятака.

Забрав у дяди Пети именной пятачок, Данька без труда разломил монету, словно это была домашняя выпечка, вроде маминых «хрустиков».

— Всех благ, — улыбнулся старик, принимая обратно свою половину. Словно прощался до завтра, стоя у запертого на ночь тира. — Удачи, Даниил. Не горюй. Шесть лошадей, как шесть львов, две колесницы с венками... И всегда помни, кто ты есть.

Он лихо подкрутил кончики маршальских усов

— Я помню, — кивнул Данька. — Я — твой друг.

Он стоял и смотрел, как старик уходит прочь. В зелень и жару, в фотографии, прикидывающиеся листьями, в листья, похожие на фотоснимки. В косые лучи солнца меж стволами, в барабанчики, флейту и волынку. Музыка придвинулась близко, вплотную, дяде Пете не понадобилось и трех десятков шагов, чтобы раствориться в опасном ритме, доброжелательном дыхании и тоскливом вое.

Поглотив старика, музыка ускорила шаг.

Музыка шла к последнему человеку, задержавшемуся сверх меры в лесу «плюс первого». Шла растворить или изгнать. «Ты-ли-тут?» — удивлялись барабанчики, обступая со всех сторон. Мы здесь, братец, мы рядом. Если хочешь, дождись, подтверждала флейта, но потом не жалуйся. Мы тебя любим, соглашалась волынка, заполняя лес насморочным гудением и не оставляя места никому, кроме музыки. Тук-тук. Мы идем и любим, и хотим, чтобы ты успел.

Убирайся, тирмен, тирмен!

Пошел вон!

Оставаться было трудно, почти невозможно. Данька держался из последних сил, вцепившись в лес «плюс первого», будто лист в ветку — черенком, зубами, когтями, цепким взглядом снайпера. В висках бил колокол (*ты-ли-тут?..). Сердце булькало нотами обморочной мелодии (если хочешь, дождись...). Кости ныли трубами, растущими из мохнатого мешка (мы тебя любим...). «В теменной доле, — шептал в ухо суеверный толстяк-врач, брюзгливо поджимая губы, — расположен центр «схемы тела». Поражение этого центра при инсульте нарушает представление больного о пространственных соотношениях и размерах своего тела. Может появиться ощущение лишней конечности, неузнавание собственных пальцев...»*

Может, соглашался Данька, огромный, как лес.

Может, соглашался лес, крохотный, как Данька.

Может, соглашалась лишняя конечность — «Беретта 9000S».

Еще как может.

Ага, говорили собственные пальцы, делаясь чужими и синея татуировкой, от которой рушились царства.

...ах, тирмен, тирмен!..

Тишина оказалась тяжелее музыки. Захлебнулись барабанчики, дыхание оставило флейту, превратив в обычную полую трубку с бессмысленным рядом клапанов. Волынка сдулась, опала, сделавшись похожа на дохлого осьминога. Ветер покинул листву, сполз по стволам в траву и замер. В этой неподъемной, оглушающей тишине кто-то подошел со спины и встал за Данькой.

Гривенник на шее впитал эхо чужих шагов, превратясь в мельничный жернов. Надо было больше отжиматься от пола, как советовал дядя Петя, и «работать» утюг.

Сейчас бы не горбился под весом гривенника.

— Что ты здесь делаешь, тирмен, тирмен? — спросили из-за спины.

— Стреляю, — ответил Данька.

Он смотрел строго перед собой: деревья, холм, дубовая рощица, где недавно скрылся дядя Петя. Шесть лошадей, как шесть львов, две колесницы с венками... Шесть мишеней: пять пятаков и грустный маленький Пьеро...

— Стреляешь? Это хорошо. Но почему ты не уходишь?

— Сейчас уйду. Я хотел дождаться.

— Дождаться? Хотел? — рассмеялись за спиной. — Кто же ты такой, тирмен, тирмен? Кто ты, чтобы не стрелять, а ждать?

Данька улыбнулся.

— Кто я? Я — твой друг.

Ствол «Беретты» на вкус оказался слаще леденца.

Выстрела он не услышал.

ЭПИЛОГ

Так не бывает. Не может быть.

«Я тебе когда-нибудь врал?»

Не врал, дядя Петя. Никогда. Но так не бывает. Не может быть. Я, например, не могу быть. Не должен. Потому что барабанчики, и смех за спиной, и вкус ствола во рту. Мертвый тирмен, я не могу быть.

«Ты — есть».

Вот он — я, тирмен, тирмен...

«...и понял, что он в раю».

Он шевельнул рукой, нащупав что-то шерстистое, приятное на ощупь. Под рукой замурлыкали. В ладонь ткнулась голова, намекая, что неплохо бы почесать макушку и потом еще за ухом. Кот, угнездившись на коленях, урчал, как трактор. Ну, нет тефтельки. Случается. Тут, считай, ни у кого нет тефтельки, кроме поварихи Милочки. Зато не гонят, сбрасывая на землю с воплем про «линючую скотину». И дают возможность хорошенько утоптать лежбище, после чего так славно свернуться клубком и задремать.

Мало кто умел сидеть без движения, давая коту пристанище, как этот чудесный молодой человек без тефтельки.

Так не бывает. Значит, мы останемся там, где бывает небывалое.

«Ты уже остался».

Там?

«Тут».

«Ты-ли-тут?» — эхом спросили знакомые барабанчики.

Ему показалось, что он сошел с ума. Май, тополиный пух,

косые лучи солнца секут листву, ничуть не похожую на фотографические снимки. Мимо, с интересом глянув на рослого симпатичного парня, идет стройненькая врачиха в кокетливо приталенном халатике. Цокают каблучки с металлическими набойками: «Тут-тут, ты-ли-тут...» И никаких барабанчиков.

Померещилось.

— С вами все в порядке?

— Да. Извините, мне надо жене позвонить...

Обиженная в лучших чувствах, врачиха проследовала дальше, к пандусу для «скорых». Оттуда ей махал рукой плечистый шофер в джинсовом комбинезоне, похожий на Карлсона, регулярно посещающего зал тренажеров.

Врачиха не знала, что идет через львиный ров.

«И поднят был Даниил изо рва, и никакого повреждения не оказалось на нем...»

Он аккуратно переложил кота с коленей на скамейку. Гладил до тех пор, пока кот не перестал возмущаться насилием и не заснул опять. Потом достал мобильник и набрал номер.

— Привет. Ты не дома? А где? У Дарьи? Да, я на работе. Хорошо, я куплю бананов. Ага, и хлеба. Слушай, почему у нас вечно нет хлеба? Кто его ест в таких количествах? Ладно, не обращай внимания, я просто устал. Да, я тебя тоже люблю. Пока.

Насчет усталости он соврал. Никакой усталости не ощущалось. Тело было легким и звонким, как новенький гривенник, только что вышедший из-под пресса. Хотелось катиться, звеня и подпрыгивая, по дорожке, мощенной фигурной плиткой. Ничего не затекло от долгого сидения — напротив, мышцы наполняла упругая сила, а запахи, доносившиеся от цветущих кустов, сладко кружили голову. Это сирень. А это черемуха. А это вроде бы жасмин.

Раньше он никогда их не различал. Да и не очень-то, честно говоря, задумывался: жасмин там, черемуха... Лерка чай с жасмином пьет, и ладно. Словно последний выстрел из «Беретты» снес напрочь какую-то глухую заслонку, открыв путь свежему воздуху.

Господи, как же они пахнут!

Дыша полной грудью, молодой человек двинулся прочь из больничного двора.

— Додик! — закричала за его спиной женщина в накрахмаленном чепчике, похожем на снежную корону, до половины высунувшись из окна третьего этажа. — Давид Рувимович! Подымитесь в реанимацию! Скорее! Додик, вы такого еще не видели...

В голосе женщины звучал гибельный восторг, как сказал бы писатель Бабель, он же Бобель, он же Баб-Эль, чей дед был раввином-расстригой и отчаянным атеистом.

Снизу, от центрального входа, поспешно гася окурок, уже торопился толстый доктор с мясистым носом и брюзгливо поджатыми губами.

Не оборачиваясь на суету медиков, молодой человек застегнул ветровку и вышел за ворота.

«...и понял, что он в раю».

VII.

Таксисты скучали в ожидании клиентов. К большому сожалению, сегодня посетители неотложки либо приезжали на собственных машинах, либо предпочитали ждать троллейбус. А соглашаться ехать куда-нибудь рядом, скажем, в начало Алексеевки, за жалкий червонец было ниже достоинства королей баранки. Лучше стоять на долгом приколе, лениво перебрасываясь репликами с соседями, приканчивая пачку «Monte-Carlo» и слушая радио.

Больше всего это напоминало сидячую забастовку.

Знакомого блондина Данька заприметил еще от ворот. Блондин развалился на сиденье, высунув ноги наружу, в открытую дверцу, и читал рекламный дайджест, который бесплатно засовывают в почтовые ящики. Его радио орало громче всех, потому что там пел Высоцкий. Ровно через два месяца исполнялось двадцать восемь лет со дня смерти артиста, и многие станции начали готовиться заранее. Очередной всплеск популярности, возникший после выхода на экраны римейка «Бегства мистера Мак-Кинли» с полным комплектом ранее выброшенных цензурой песен, обещал увеличение количества радиослушателей.

А ну-ка бей-ка, кому не лень!
Вам жизнь — копейка, а мне — мишень.
Который в фетрах, давай на спор:
Я — на сто метров, а ты — в упор...

Передумав брать такси, Данька обогнул машину блондина и двинулся пешком вверх, к улице Деревянко. Направо и налево от него кипели стройки. В прошлом году жителей здешних «халабуд» наконец отселили, предоставив новые квартиры на Се-

верной Салтовке. Теперь здесь возводились элитные многоэтажки, маня желающих рекламой подземного гаража, охраняемой территории и автономного энергообеспечения.

Интересы больницы, страдающей от постоянного грохота, учитывались мало.

Позади, толкаясь в спину, затихал хриплый голос:

Не та раскладка, но я не трус.
Итак, десятка — бубновый туз!
Ведь ты же на спор стрелял в упор,
Но я ведь снайпер, а ты — тапер...

«Песня про снайпера, который через пятнадцать лет после войны спился и сидит в ресторане». Дядя Петя, случалось, когда скучал в каморке, включал старенький магнитофон и крутил кассету Высоцкого, всегда одну и ту же.

Названия песен, указанные на вкладыше, Данька выучил наизусть.

Возле остановки маршрутного микроавтобуса, у выхода со двора жилого дома, стояли двое. Мужчина и женщина, возраста Данькиных родителей. Мужчина виновато улыбался, словно только что пришел издалека, не вовремя, невпопад, и сейчас не знал, что сказать по этому поводу. Женщина обеими руками держала его за щеки — бережно, с робостью, как держат хрупкую, однажды сломавшуюся и потом склеенную ценность — и вглядывалась в лицо, надеясь высмотреть там ответ на вопрос, известный только ей.

Оба молчали.

Для них не существовало ничего, кроме возвращения и немого вопроса.

Стоя в автобусе и держась за ременную петлю, Данька всю дорогу вспоминал эту странную пару. Представлял себя с Леркой на их месте. Интересно, что должно произойти, чтобы мечта Конана-варвара вот так смотрела на него? Да, в сущности, ничего особенного: вернется мечта от надоедливой Дарьи Тютюнец, спросит, купил ли муж хлеб и бананы, начнет счастливо ворчать, что вечно он лезет, а у нее живот, который надо беречь...

На углу он взял батон «Слобожанский» и гроздь бананов.

Вдоль всей улицы мальчишки жгли тополиный пух. Костры сопровождали Даньку от угла до дома, где жили родители, сменяв с доплатой две двухкомнатные малогабаритки на одну четырехкомнатную — большую, с парой санузлов, в том же самом

подъезде, на последнем этаже. Мама сейчас на работе, отец тоже...

Пройдя под аркой, он свернул во двор, намереваясь срезать дорогу.

Во дворе профессор Линько выгуливал Джека.

Гуляя без поводка, пес тем не менее никуда не отходил от хозяина, гордо задрав лобастую голову и стараясь держаться у правого бедра профессора. Словно исполнял неслышную для других команду «Рядом!». Джек весь лучился сознанием выполненного долга. Вот, значит, ждал. Честно, как положено. И дождался. Теперь гуляем. Теперь все будет в порядке.

Из окна профессорской квартиры за ними следила дочь Линько. На ее обрюзгшем, щекастом лице читался ужас.

— Доброе утро, Игорь Осипович, — поздоровался Данька.

Профессор подслеповато сощурился:

— А-а, Данечка? Доброе утро. С ночной смены?

— Ага. Со смены.

— А я, как видите... — Рука Игоря Осиповича легла на холку овчарки, потрепала с нежностью, которую трудно было предположить в черством сухаре-кляузнике. — Вот, гуляю. Погода сегодня замечательная...

Он задрал голову и уставился близорукими глазами в окно, где окаменела его дочь.

Зябко повел плечами, как если бы строгий черный костюм, новенький, с иголочки, оказался ему тесен.

— Как вы думаете, Данечка... Наверное, в таких случаях завещание теряет силу?

— Не знаю, — честно ответил Данька. — Должно терять.

— У вас нет хорошего юриста? Ох, извините! Вы, наверное, устали. Отдыхайте. Не буду вас задерживать. Организм, он ведь не железный. Джек, ко мне!

Пес, решив во время разговора обнюхать заборчик вокруг детской площадки, со всех четырех лап кинулся к хозяину.

— До свиданья, Игорь Осипович!

— И вам всего доброго...

Вернувшись домой, Данька оставил хлеб и бананы на кухне. Еще раз перезвонил Лерке, доложившись о покупках. После минутного разговора о пустяках спрятал мобильник в карман, покинул квартиру, запер дверь и отправился в парк.

Пешком.

Вокруг одинокого, задумчивого пешехода мало-помалу закипал весенний город, будто котелок с водой, под которым исподтишка разожгли огонь.

Город хотел знать, что происходит.

Город не понимал, радоваться ему или ужасаться. Город терялся в догадках, что надо делать: встречать заветных гостей или запирать двери на все запоры? Город хватал за грудки испуганных мудрецов и требовал ответа: рухнуло царство или восстало из пепла? Что за послание чертит в душистом майском воздухе рука-невидимка?!

...тополиным пухом на сером асфальте.

...серебром облаков на синем небе.

...мелом на кирпичной стене.

Но мудрецы, сколько ни бились, не могли разобрать смысл таинственных букв. Одни мальчишки, ни о чем не задумываясь, жгли пуховые сугробы, и огонь смеялся над потугами глупых мудрецов.

* * *

Он сидел на пороге открытого тира.

Близился вечер. Вдоль аллеи загорались фонари на высоких столбах. Жирные голуби, не спеша отправиться спать, ссорились с пронырами-воробьями из-за хлеба насущного. В киосках торговали пивом, соком и шоколадками, но торговля шла плохо: людей в парке практически не было. Голуби, воробьи, продавцы шоколадок и молчаливый парень на пороге тира.

Звонила Лерка.

Он сказал, что задерживается.

На работе? Да, на работе. Как обычно.

Да, я тебя тоже люблю.

— Привет, тирмен.

Старик лет семидесяти. Гладко выбритый, подтянутый, с военной выправкой. Ладно пригнанная шинель без погон, офицерская фуражка и щегольские, надраенные до огненного блеска сапоги. На груди — орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги» и «50 лет Вооруженных Сил СССР», рядом — йеменский «Орден Мариба». Четыре награды, и все.

Узнать Адмирала Канариса было трудно.

— Здравствуйте.

— Ждешь?

— Жду.

— Я с тобой посижу, ладно?

— Сидите, — пожал он плечами.

От Андрея Ивановича Канари, бывшего старшины, бывшего тирмена и бывшего безумца, пахло табаком и одеколоном.

Уже стемнело, когда на аллее показалась знакомая фигура. Человек шел от памятника, открывающего вход в парк, к тиру. Парусиновый пиджак, кепка-«аэродром», в руках — кулек с семечками. Человек не торопился. Теперь можно было никуда не спешить.

Данька не знал, что он скажет человеку, когда тот приблизится.

Спросит? О чем?

И захочет ли дядя Петя ответить...

В глубине тира Карлсон что-то радостно шептал капризной жирафе, и вертелась, словно в нее угодила пулька, верная карусель.

СОДЕРЖАНИЕ

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ. Роман

Пролог 7

Книга первая. АРМАГЕДДОН БЫЛ ВЧЕРА 11

Часть первая. ПРОЖЖЕННЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ
или ОТКРОЙТЕ ПЕЩЕРЫ НЕВНЯТНЫМ СЕЗАМОМ 11

Часть вторая. ГОСПОЖА СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ
или ВСЕ, ЧТО УГОДНО, ВКЛЮЧАЯ БОЕВОГО СЛОНА 84

Часть третья. ШАМАН ИЗ ШАЛМАНА
или РАЗВЕ Я СТОРОЖ БРАТУ СВОЕМУ? 164

Книга вторая. КРОВЬ ПЬЮТ РУКАМИ 288

Часть четвертая. ПОДСТИЛКА ПРОКУРОРСКАЯ
или ПТАШЕЧКИ С КОЛОКОЛЕНКИ 288

Частья пятая. БОГ БЕЗ МАШИНЫ
или АХ, У ПСИХОВ ЖИЗНЬ — ТАК БЫ ЖИЛ ЛЮОЙ! 381

Часть шестая. ПРОКУРОР ФОНАРЯ
или САМЫЙ ДОЛГИЙ ДЕНЬ 455

ВМЕСТО ЭПИЛОГА. DEUS. ОПЫТ ВЫСОКОЙ МЕССЫ
или ОН ВСЕГДА ЛЮБИЛ СЧАСТЛИВЫЕ ФИНАЛЫ 541

ТИРМЕН. Роман

Пролог 581

I. 583

Мишень первая. ДАНЬКА-ВСТАНЬКА
Год зеленой собаки 585

II. 644

Мишень вторая. ГОНКИ НА КРОВАТЯХ
Год красной крысы 646

III. 705
Мишень третья. КУРИНАЯ СЛЕПОТА
Год желтого кролика 707
IV. 766
Мишень четвертая. ЦЕЛЕВОЙ ВЫЕЗД
Год белой змеи 768
V. 829
Мишень пятая. ГРИВЕННИК НЕ В КАССУ
Год синей обезьяны 831
VI. 886
Мишень шестая. Я — ТВОЙ ДРУГ
Год желтой крысы 888
ЭПИЛОГ 947
VII. 950

Литературно-художественное издание

Генри Лайон Олди
Андрей Валентинов

ЛЕГАТЫ ПЕЧАТЕЙ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Художник *Е. Бондарь*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *В. Авдеева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 07.02.2007. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 50,4.
Тираж 5000 экз. Заказ № 7152.

ISBN 978-5-699-20754-1

9 785699 207541 >

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Удивительное
соавторство
Г. Л. Олди
и А. Валентинова –
и два удивительных
романа,
«Нам здесь жить»
и «Тирмен»,
две истории одного
города, где играют
в пятнашки быль
и небыль…

